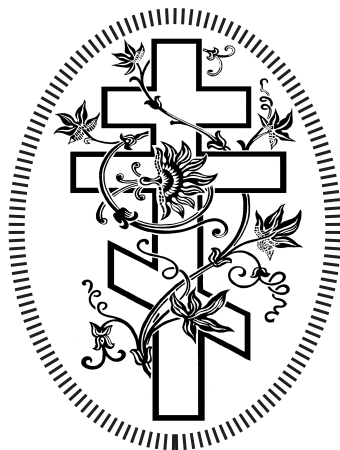

**РУССКАЯ
АРТЕЛЬ**

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Исследования русской цивилизации

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология
Слово и дело национальной России
Экономика русской цивилизации
Экономическое учение славянофилов
Денежная держава антихриста
Энциклопедия черной сотни
История русского народа в XX веке
Стратегия восточных территорий
Мировоззрение славянофилов
Биосфера и кризис цивилизации
Начальная история русской цивилизации
Третий Рим против нового мирового порядка
Энциклопедия славянофилов
Русские монастыри и храмы
Русские святые и подвижники Православия
Государственно-правовой идеал славянофилов
Россия на рубежах США, Японии и Китая
Русская цивилизация: философия и литература
Россия и Польша
Славянофилы, их сподвижники и последователи
Политическая экономия национального хозяйства
Космология духа и циклы истории
Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию
Синодикъ или Куликовская битва в лицах
Русская цивилизация: экологический аспект
Великие русские достижения
Русская община
Русская артель

РУССКАЯ

АРТЕЛЬ

МОСКВА

Институт русской цивилизации

2013

УДК 93
ББК 63.3
Р 89

Русская артель

Р 89 Составитель, автор предисловия, ответственный редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 672 с.

В настоящем издании собраны самые выдающиеся исследования по русской артели, выполненные крупнейшими отечественными учеными в XIX – начале XX века. Эти исследования показали, что русская артель, уникальная форма общественных отношений и организации труда, – добровольный союз (товарищество) равноправных работников, решавших производственные и социальные задачи на основе самоуправления, взаимопомощи и взаимовыручки. Идеи и практика русской артели на многие века опередила появившиеся в 1960–1970-е годы на Западе самые продвинутые формы организации труда, возникшие под названием «трудовая демократия». Как отмечалось одним из исследователей артели, «стремление к лучшему не только в экономическом, но и в нравственном отношении – неистребимо в человечестве, и русский народ, издавна создавший себе идеал этого лучшего, никогда не изменит ему».

ISBN 978-5-4261-0026-8

© Институт русской цивилизации, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Артель – добровольный союз (товарищество) равноправных работников, решавший производственные и хозяйственные задачи на основе самоуправления, взаимопомощи и взаимовыручки. Объединение людей в артель не только не ограничивало духа самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Артель позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями.

Началом равноправности артели резко отличались от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функции, так как каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки – распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались *круговой порукой*, т. е. каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе – за каждого отдельно. Этот признак вытекал из самого понятия об артели как о самостоятельной общественной единице. Эта ответственность друг за друга есть искони отличительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры с артелями, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должны падать на того, «кто будет в лицах», то есть на каждого конкретного члена артели. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели, их кровное родство.

Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Известны случаи, когда целые общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губерниях были часты случаи, когда деревни-общины образовывали артель по обслуживанию почты и переводов. Такие артели сами распределяли работу между своими членами, устанавливали норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу.

Артелью, писал историк И. Г. Прыжов, называется братство, которое устроилось для какого-нибудь общего дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: «Артель – своя семья». Про большую семью говорят: «Экая артель». Товарищеская взаимопомощь и общее согласие – главное в артели: «Артельная каша гуще живет», «Одному и у каши не спорю», «В семье и каша гуще». Поэтому, справедливо утверждает Прыжов, у русского человека большое скопление людей получает смысл артели: «Народ по улицам артелями бродит».

«Артельная система, – отмечал исследователь артели М. Слобожанин, – есть не классовая, а общечеловеческая система, форма же проявления ее – артель – есть союз личностей».

В артели человек должен был проявить свои лучшие способности, а не просто приложить труд. Самоуправляемый характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии – признания ими артельных основ. В складочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные дружины могли входить и «лучшие» и «молодые» люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князья.

Артель – самоуправляемый трудовой коллектив. «Артель суймом крепка», – гласит древняя поговорка. Суйм, или сует, – сейм, сходка, общее собрание. Люди объединяются для совместной слаженной работы, где каждый отвечает перед всеми другими. «Артель – своя семья», «Артель – круговая порука», «У артели брюхо да руки – нет другой поруки», «Что было в артели – все свертели».

Самоуправляемость артели вовсе не означала, что у нее нет начальника. «По ватаге – атаман, по овцам – пастух». Артель выбирает его из самых авторитетных членов, понимая, что есть вопросы, которые арифметическим сложением мнений не решишь. «Без атамана дуван не дуванят». Нужна твердая воля, выражающая конечные интересы членов артели, но, конечно, не подавляющая их самостоятельности. «Артели думой не владети», ибо «сколько в артели голов – столько умов». Поэтому «один горюет, а один воюет». «Артель атаманом крепка». Руководители артели, кроме атаманов, назывались еще старостами и большаками.

Артель нередко предоставляет своему руководителю широкие права (если она ему доверяет), но и при всех обстоятельствах осуществляет за ним контроль, которого практически не избежнешь.

Проф. Г. Шульце-Геве́рниц, побывавший в России конце XIX века, отмечал принципиальные отличия русской артели от западноевропейских промышленно-ремесленных объединений. Если последние основаны на индивидуалистических началах, то русские артели охватывают всего человека, связывая его с остальными членами артели, заказчиками и государством круговой порукой. Еще одно важное отличие русской артели от западного кооперативного движения в том, что она ставит во главу угла не только материальный интерес (хотя он, конечно, не отрицается), но и духовно-нравственные потребности личности.

М. Слобожанин считает слово «артель» одного происхождения с древним словом «рота», «ротится». Образовалось оно, по его мнению, путем перестановки букв по так называемому закону полногласия, все равно как от слова «рожь» производится слово «аржаной». Слово «рота» означает божба, клятва, заклинание, а «ротится» – божиться, клясться, заклинать, обетовать, присягать. Военская часть, принявшая присягу, обозначается по-русски и по-немецки тем же словом, только с переменной ударения – «рота». У тюркских народов от того же корня производилось и другое слово – «орта», или «арта», что уже совсем близко к слову «артель». «Орта» означает община, союз людей. Такое объяснение происхождения слова «артель», на наш взгляд, вполне удовлетворительно, ибо подчеркивает особый характер ее возникновения путем общественного договора, взаимного согласия, выработки общих условий сосуществования, а также задач и целей. Все это скреплялось клятвой по христианскому обычаю на иконе, т. е. своего рода присягой.

Древняя артель – добровольный союз нескольких лиц, согласных, т. е. солидарных, между собой, доверяющих друг другу и скрепивших свои договорные отношения обетом или клятвой содружественных людей, преследующих общую цель свободного проявления каждым своей индивидуальности.

Многие ученые отмечают нравственный характер артелей, развитие которых объяснялось не столько погоней за прибылью, наживой, сколько более высокими духовно-нравственными соображениями взаимопомощи, взаимоподдержки, справедливости в распределении благ, извечной склонностью к самоуправлению и трудовой демократии.

Артели были не только деловыми объединениями, но и общественными организациями. По мнению русского человека, артель, как и община, – великая сила. «Артелью города берут». Русские артели возникали с самыми разнообразными целями. Кроме хозяйственных артелей (земледельческих,

промысловых, ремесленных, торговых) существовали артели религиозные (братства), образовательные, воспитательные, общежительские, политические, уголовные и т. д.

Широкое развитие артели объясняется соответствием артельных форм жизни народному духу, «соответствием основных начал нравственности и справедливости, заложенных в артели, духу народа и тем непосредственным участием народных масс в артельном строительстве, которое сделало артели действительно русскими, бытовыми, чисто народными союзными организациями» (М. Слобожанин).

Артельный характер жизни, выросший из общинных начал, принимал самые разнообразные формы и названия – складчины, братства, ватаги, дружины, товарищества и собственно артели.

У В. И. Даля слово «ватага» обозначает дружную толпу, шайку, артель, временное или случайное товарищество для осуществления разных дел. В X–XV веках летописи упоминают «старейшин древодельских», т. е. руководителей артелей плотников. В XII веке строительные рабочие объединяются в «братии», или «братчины», так в то время назывались товарищества, артели. В XII–XIII веках «братии» («братчины») являются производственными и одновременно общественными организациями различных групп городских ремесленников – кузнецов, литейщиков, кожевников и т. д. Иногда артели назывались дружинами. Так, в 1420 г. псковичи «наняша мастера Федора и дружину его побивати церковь». Здесь мастер – руководитель артели, пользующийся авторитетом как хороший специалист, получавший заказ под свою ответственность. Оплата распределялась между членами артели в зависимости от трудового вклада, осуществляясь частично натурой, частично деньгами.

Древняя русская артель складывалась на началах товарищества, как правило, из людей, хорошо знавших друг друга, односельчан, уличан.

Сохранились несколько артельных договоров. В XVII веке плотники Карп Федоров и Иван Гордеев «с товарищи» подрядились «зделать 3 дубины длиною 4-х саженьях, а в двух дубинах сделать 8 ступ 2-х аршинных, а третью дубину выгранить в 3 грани и растереть пилами да и кряж зделать по ступе и тех всех будет 10 ступ». Выполнив эту работу, артель получала определенную договором сумму, которую делила между собой согласно трудовому вкладу. Хочется особенно подчеркнуть одну типичную формулировку договора «с товарищи», или «со товарищи». Она подчеркивала равноправный товарищеский характер деятельности членов артели.

Артели носников (лоцманов) и кормщиков (капитанов) известны были на Сухоне и Двине. Товарищеская солидарность, взаимопомощь определялась в специальных договорах – «одинашных» записях, которых сохранилось очень

мало. Интересно привести одну из «одинашных» артельных записей 15 марта 1653 г. (заверено афанасьевским попом и подписано многими подписями).

«Се аз Тотьяна (тотемские – г. Тотьяма на р. Сухоне, ныне Вологодская обл.) посадские люди, а нижнесухонские носники, Юрия Тихонова сын Баев, да яз, Клим Михея сын, да яз, Василий Иванов сын Попов (далее перечисляются еще 17 фамилий. – *О.П.*)... и все нижнесухонские носники уговорились мы промеж собою мы полюбовно в том, что промеж собою, нам, носникам, в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем. Буде от Тотемских и от Устюжских воевод какая обида будет, не по делу станут в тюрьму садить на Тотье и на Устюге, а буде которово нас, носников, в тюрьму посадят оне, воеводы, на Тотье и на Устюге, и нам, носникам, друг за друга стоять и стоять за един человек, и в обиду не давать, и государю бить челом, и нам, носникам, докахместь не выпустят ис тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать. А буде тех носников не выпустят ис тюрьмы, и нам, носникам, из своие братьи с совету выбрать ходока к Москве бити челом государю в воеводских обидах. А буде который из нас, носников, не станет друг за друга стоять и в тоя поры почнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублей денег. А в те поры государевых казенных судов нам, носникам, не держать ни вниз, ни вверх, и своих братьи носников отпущати на те казенные суды на Меженские на осенные, опричь внешних сплавов, людей и дощаников, которые лодьи и дощаники с хлебом и с иным товаром поплвуют в весну. В том мы промеж собою, носники, одиначную написали».

Строительные плотничьи артели являлись классическим образцом деятельности русской артели. Все члены плотничной артели были равноправны, но по степени искусства разбивались на три группы и получали свой заработок в зависимости от принадлежности к каждой из них. Меньше всего зарабатывали ученики, пока не получали должной квалификации. Для этого артель приставляла к ним опытного наставника.

Мелкие артели часто не выбирали старосту (не было необходимости). Зато в крупных артелях, особенно работавших в городах, выбирали даже двух старост. Один отвечал за хозяйство артели. Другой руководил работами, координировал их. Старосты, выполняя свои руководящие функции, не освобождались и от общей работы, выполняя ее наравне с другими артельщиками. Чаще всего плотничьи старосты за свою руководящую работу специальной платы не получали, а только в конце работы им могли по решению артели выделить небольшую премию – «на сапоги».

Яркой иллюстрацией высокой продуктивности артелей является строительство каналов и железных дорог. При помощи самых простых орудий – тачка, лопата, топор, пила – было построено 893 км каналов и 1317 км шлю-

зованных участков рек. С 1838 по 1917 г. строительные артели, также безо всяких механических средств, провели более 90 тыс. км железных дорог. Великая Сибирская дорога протяженностью 7,5 тыс. км была построена за десять лет со средней численностью рабочих 7–8 тыс. человек.

Возьмем, к примеру, рабочих-строителей Петербургско-Московской железной дороги в сер. XIX века. Все они работали, объединяясь в артели человек по 80. С каждой артелью подрядчик заключал отдельный контракт, в котором оговаривались нормы выработки, продолжительность рабочего дня, условия питания, быта и отдыха. Работали с 1 мая по 1 ноября, «если погода не воспрепятствует», в противном случае подрядчики имели право рассчитать и ранее, не производя плату за остальные дни до срока, по расчету. За дождливые дни плата рабочим не производилась, но продовольствие выдавалось. В артели соблюдалась круговая порука друг за друга. За неявку к началу работ, прогулы, пьянство, самовольную отлучку во время работ на артель накладывался штраф за каждого виновного по 50 коп. сер. в день, а за умерших в пути и не явившихся из-за болезни с артели вычитался задаток.

«Рабочие обязаны выходить на работы с рассвета дня и производить оные поурочно... (Им) полагается со вступлением в работу до 15 августа на обед и отдых времени два часа; при завтраке и на ужине отдых не иметь, с половины же августа и после обеда отдыха не полагается».

Работа была очень тяжелая, ее тяжесть усугублялась злоупотреблениями подрядчиков, стремившихся сорвать куш с рабочих путем различных обчетов и недоплат. Ежедневно рабочий должен был выкопать и перевезти на тачке от 5 до 10, а то и больше тонн грунта. За перевыполнение нормы рабочим полагалась повышенная плата.

Жили артели в балаганах, бараках или землянках. За утеранный инструмент вычиталась его стоимость. Нетрезвое состояние и «непослушание» штрафовалось по 50 коп. сер. Пьянство во время работ было крайне редким явлением.

Особо в артельных договорах определялись условия питания. «Продовольствие, или харчи, рабочим людям без различия вероисповеданий назначаются следующие. Постные дни: каша и каша с постным маслом, полагая то и другое круп 10 фунтов и масла 1 фунт на 10 человек; в скоромные дни каша с говядиной свежей или соленою на каждого человека в сыром ее весе более 300 грамм в день и каша с постным маслом. Хлеба ржаного досыта; но продавать и разбрасывать хлеб, оставшийся от стола, рабочим воспрещается, под опасением взыскания по 10 коп. серебром за фунт и в штраф за каждый раз по рублю серебром».

За сезон артельщики (кроме питания) получали 35 руб. серебром, из которых 6 руб. отдавали в виде казенных податей, стоимость дороги на работу

и обратно – 3 руб., паспорт и разные вычеты – еще около 3 руб. Оставалось на руках около 23 руб. Конечно, за свой счет рабочий покупал сапоги, одежду, рукавицы, белье. Но даже с учетом личных надобностей у него оставалось чистыми около 19 руб. На эти деньги можно было купить две коровы или лошадь, стоимость пары сапог была 70 коп., а овчинный полушубок (дубленка) – 2 руб.

По мнению современников, за такой тяжелый труд плата была недостаточна, хотя и удовлетворяла многих артельщиков. Однако нередко подрядчики, стремившиеся нажиться за счет рабочих, обсчитывали их и не выплачивали денег. В таких случаях артель снималась с места и уходила, призывая поступать так же и другие артели. Вот что, например, случилось в июле 1850 г. Материалы официального рапорта стоят того, чтобы привести их полностью, так как они отражают артельный дух, артельное стремление к справедливости, артельную ярость по отношению к эксплуататорам, которыми здесь выступают подрядчик Кузьмин и его приказчик Мошенский вкупе с царскими жандармами: «5 числа сего месяца сбежали с пункта работ... (артель)... в числе 80 человек по невыдаче им подрядчиком Кузьминым и К^о 1 числа июля заработной платы... Корпуса жандармов поручик Анисимов с унтер-офицером Семенцом и приказчиком подрядчиков Мошенским отправился за ними в погоню, настигнув их в 15 верстах, где они расположились отдыхать, начал убеждать их возвратиться на место работ, объявив при этом, что деньги будут им тотчас выданы, но все рабочие, вооруженные дубинками, крикнув «ура», двинулись вперед, увидев же, что Анисимов их преследует, свернули в болото. Между тем поручик Анисимов, оставшись на дороге в лесу, успел остановить старосту артели, уговаривая его убедить рабочих возвратиться, но они, увидев своего старосту, стоявшего у тарантаса, закричали ему: ты нам изменил – и, бросаясь к нему, сбили с ног и начали его жестоко бить. Когда Анисимов, видя такое ожесточение рабочих, хотел остановить это буйство, то в это время один из них нанес ему столь сильный удар дубиной, что он упал без чувств, и вся артель закричала: выпрячь лошадей, побьем всех их... (но жандармам удалось бежать)... О происшествии известили местного станового пристава для принятия нужных мер к удержанию артели. Один из рабочих, пойманный приказчиком Мошенским, показал, что он был послан от артели к другой, находящейся близ деревни Кузнецовой, для объявления его, что они уже бежали и чтобы они также не мешкали, но как они не приняли этого предложения, то он, возвратясь на работу и не застав уже своей артели, отправился их догонять, и что бежавшая артель должна идти на г. Осташков, почему полковник Виланд приказал Мошенскому ехать туда для удержания артели... Сообщив вместе с сим господам гражданским губернаторам: Новгородскому, Тверскому,

Псковскому и Витебскому – о приостановлении означенной артели рабочих и о возвращении их на место работы... с задержанием зачинщика в остроге... Для отвращения же на будущее время подобного буйства, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о производстве над преступником, посягавшим на жизнь поручика Анисимова, военного суда и о наказании его на линии железной дороги, при собрании рабочих с каждой артели по несколько человек». Начавшееся по этому делу расследование подтвердило серьезные злоупотребления со стороны подрядчиков.

Перед открытием судоходного и рыболовного сезона начиналась борьба между предпринимателями за рабочие руки. Подряжались целыми партиями артелями и на весь сезон. Если рабочих рук не хватало, артель могла включить в договор плату, в 2–3 раза большую, чем обычно. Нанимались, как правило, на хозяйских харчах, заключались письменные договоры, выдавались задатки, и все это при круговой поруке – ответственности всех членов за каждого и каждого за всех.

Старообрядцы, продолжая сохранять трудовые традиции и идеалы Древней Руси, внесли огромный вклад в развитие промышленных промыслов на артельной основе. Все их предприятия строились на артельных началах и скреплялись круговой порукой. В свои артели они старались привлекать единоверцев; административные должности принадлежали также им; во главе предприятий стояли самые заслуженные старообрядцы, выбившиеся из низов, обладавшие сильным природным умом.

И недаром исследователи считают, что в «течение долгого времени лучшая часть населения и рабочих на фабриках и заводах состояла из старообрядцев». В Москве в руках старообрядцев находилась большая часть ткацких мануфактур – льняных, хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных, басонных и позументных. Яркий пример – фабрики Гучковых в Лефортове, со всех сторон окруженные поселками рабочих, преимущественно старообрядцев. Один из попечителей московского Рогожского кладбища Кузнецов организовал производство фарфора, приобретшего общероссийскую и даже мировую известность. Основатель московского Преображенского кладбища Ковылин в конце XVIII века создал ряд кирпичных заводов, хорошее качество продукции которых стало нарицательным по всей стране. Знаменитые морозовские фабрики начались в Москве и перебрались в Зуево и Иваново-Вознесенск. В Богородском, Бронницком, Егорьевском и Покровском уездах по течению р. Гуслицы, как раз на стыке Московской, Рязанской и Владимирской губерний, образовались целые старообрядческие регионы, сохранявшие преимущественно артельную организацию труда и трудовые идеалы Древней Руси. Жители-старообрядцы этих местностей создали разветвленные кустарные промыслы. А как не вспомнить, что му-

комольное дело во всем Поволжье организовали старообрядец Бугров и некоторые другие его единоверцы. Старообрядец Сапожников организовал на Волге тысячи рыболовных артелей. В Семеновском и смежном с ним уездах Нижегородской губ. производство всей так называемой горянщины, т. е. точеных и резных изделий из дерева, осуществлялось преимущественно артелями старообрядцев или небольшими частными фабриками, но с артельной организацией труда.

Конечно, развитие ремесленного производства на артельной основе было распространено не только среди старообрядческого, но и среди всего русского населения.

Очень часто российские ремесленники объединялись в артели для пользования общими сооружениями, орудиями труда, кузницами и др. техническими средствами. Гончары объединялись, чтобы иметь общий горн, кузнецы – общую кузницу, ткачи – большое светлое помещение, все они, да и другие ремесленники, – склад для сырья, материалов и готовой продукции. Такие артели обычно назывались подсобными, или вспомогательными.

Например, в губерниях, где был распространен гвоздарный промысел, кустари образовывали артельные кузницы, куда входили от 5 до 18 гвоздарей.

Ремесленники-бочары Алатырского у. Симбирской губ. образовывали артели по 80–90 домохозяев, каждый из которых вносил в артельную кассу до 200 руб. На эти деньги покупался лес. Артель переселялась на купленный участок, нанимала там квартиру, заводила общий стол. И общими силами начинала валить лес, подготавливать его к производству бочек. Непригодный для бочарного промысла лес продавался на месте, а пригодный погружался на баржи и отправлялся в Самару, Хвалынск, Саратов и другие места, где артельщики изготовляли бочки.

В г. Сурки Лебедянского у. Тамбовской губ. существовала артель по производству каменных жерновов из 48 человек. Жили члены артели недалеко от каменоломни в землянках, имели общий стол. Были у них свои инструменты, а также специальная кузница для ремонта сломанных инструментов. Работу и все хозяйство артели координировали два выборных старосты, работавшие наравне с прочими артельщиками. Изготавливаемые жернова собирались в общем складе и прямо оттуда продавались окрестным крестьянам.

Артельный дух русских работников всегда принимался правительством как реальность, с которой надо считаться, хотя отношение к нему у разных царей и правителей было неодинаковое. Одни только мирились с ним, другие, их было мало (такие, как Анна Иоанновна и Бирон), пытались даже бороться, третьи (Петр I, Екатерина II) стремились поддерживать его.

Правительству приходилось считаться с крестьянскими традициями трудовой демократии и самоуправления. Петр I, а за ним и Екатерина II

создали и развивали ремесленные цехи на основах, рожденных еще средневековыми ремесленными артелями, дружинами и братиями. В тех случаях, когда на заводы привлекались крестьяне, труд организовывался с учетом их общинных и артельных представлений. Характерный пример – организация внутреннего самоуправления приписных крестьян во время исполнения ими вспомогательных работ на заводах, впервые выработанная кн. Вяземским для Ижевского и Воткинских заводов (1763), а затем распространившаяся на др. заводы. Приписные крестьяне, работавшие на заводах, делились на сотни, которые должны были выбирать ежегодно с общего согласия сотника, выборного, старост и по два писчика. Протоколы о выборах за подписью крестьян отсылались в заводскую контору, чтобы она могла знать, с кого требовать исполнения ее распоряжений. Все выборные, по желанию крестьян, могли переизбираться и на следующий год. Крестьянские выборные занимались разбором всяких ссор между крестьянами, назначением работников на определенные виды работ по требованию руководства завода, выбором и отсылкой на завод здоровых, годных людей, если контора будет нуждаться в мастеровых, а также наблюдением за порядком выполнения работ крестьянами. То есть крестьянам давалось полное самоуправление. Если в какой-нибудь сотне явится ослушник, который не только сам не будет повиноваться, но и других станет подговаривать к неповиновению или к какому-либо другому «злу», то таких, не давая им усиливаться, брать под караул, и «ежели злость не велика», то при мирском сходе высечь нещадно; если же окажется какое-либо «злое намерение», то, «прописав непорядки», означенного человека отсылать вместе со свидетелями в заводскую контору, которая производит расследование и, если определяет, что «злодейство гораздо велико», отправляет дело виновного в государственный суд. Если при решении какого-либо дела между выборными происходило разногласие, то его решали все крестьяне на сходе. Если на сходе не было достигнуто единодушия, то представитель управителя вместе с двумя выборными или сотниками из др. сотен должны были вынести решение. Точно так же если случался спор между разными сотнями или между сотней и ее выборными органами, то его решает управитель вместе с двумя сотниками или выборными др. сотен.

В 1706 г. некоторые артели, связанные с выполнением государственных заказов или работавшие на государственных заводах, были регламентированы, особенно в вопросах дисциплины. В наказе старосте тульских казенных кузнецов говорилось: «А буде кто из тульских кузнецов или из оружейных мастеров тебе, старосте со товарищи, в чем послушен не будет, таковых брать на братцкий (артельный. – *О. П.*) двор и чинить наказание батоги». Так возникало противоречие между свободными ремесленниками и старостами

артели, делившимися частью государственного аппарата, – противоречие, рождающее неминуемый конфликт.

Артели, существовавшие в 30-х гг. XIX века в золотой промышленности, подвергались давлению со стороны администрации и государства. Согласно Закону 1838 г. хозяин предприятия мог назначить в артель старосту, рабочие же выбирали в помощь ему двух выборных. Артельное руководство из старосты (по сути дела приказчика хозяина) и двух выборных имело право подвергать расправе – «умеренного домашнего исправления» (посечь) – рабочих, составлявших артель, которые были виновны в лени, нетрезвости, участии в запрещенной карточной игре, а также буйных и пытавшихся бежать. Кроме розог в количестве не более 100 ударов, предусматривалось удержание в пользу артели части платы виновных.

В годы бироновщины в России был принят указ о том, что все мастеровые, обученные какому-нибудь мастерству и находившиеся со времени издания указа на фабриках, прикреплялись «вечно» к своим настоящим владельцам. «А буде кто из... определенных ныне на фабрики явятся невоздержанные и ни к какому учению не прилежные, тех самим фабрикантам по довольном домашнем наказании объявлять в Коммерц-Коллегию или в Контору, откуда по свидетельству фабрикантскому и мастеров за такое их непотребное житье ссылат в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтобы другим был страх; а ежели в ссорах или драках или пьяные где взяты будут... тех не держать нигде ни одного дня и не убытча отсылать на фабрики и оным фабрикантам самим чинить им наказание при других их братья». Насильственное прикрепление мастеровых к фабрикам, попытка стимулировать труд страхом вызвали волну возмущения и протеста по всей промышленной России. Однако даже в этих условиях правительство не осмеливалось посягнуть на народные, артельные формы организации труда. Они продолжали существовать на большинстве фабрик и заводов Российской империи, в определенной степени смягчая смысл названного выше антинародного закона. Решение значительной части дел оставалось в ведении самой артели и решалось демократическим путем на артельных сходах.

При Екатерине II дело дошло до того, что даже рабочих из беглых крестьян и беспаспортных организовывали в артели. Указ гласил, что всех их следует «разделить на десятки и к каждому десятку выбрать десятника, к пятидесяти – пятидесятника, а ко всем – одного выборного, опоручить их кругом, а буде из них по десяткам или порознь будут в состоянии поставить порук и не из между себя, а из посторонних людей, мещан или крестьян... людей надежных, то и сих поручительства принять».

В XVIII – н. XIX века артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития

крупной железодельной промышленности, которая уже с 1730-х гг. обошла Англию. К 1782 г. выплавка чугуна на всех заводах России достигла 7,5–8 млн. пуд., т. е. была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии или Америке. Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн. пуд. русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества. Хорошие результаты наблюдались и в других отраслях. Однако в начале XIX века Россия начинает сильно отставать экономически от западных стран. Одна из главных причин отставания, наряду с тормозящим влиянием крепостного права, – механическое копирование в российской практике западноевропейских форм организации труда, отказ от артельности, ставка на несвойственный русскому народу индивидуализм, превращение работника в «винтик» производства.

Артели, работавшие на российских заводах, выбирали из своего состава старост, старшин и др. выборных, а также нередко и писарей для ведения общих дел. По обычаю, заводские артели могли решать вопрос наказания своих членов. Виновные в лености, нерадении, небрежности, недобросовестности, пьянстве наказывались своими же товарищами весьма сурово. По словесному приговору артели за перечисленные выше проступки член артели мог быть наказан розгами, а часть причитающейся ему платы удерживалась в пользу артели. Конечно, такие суровые меры, как наказание розгами, артели вынуждены были применять в крайнем случае. В ряде других промышленных регионов случаи наказания розгами были редки. В очерке олонецких заводов середины XIX века рассказывается, что быт мастеровых в них отличается довольством. «Неиспорченная нравственность и трезвость – преобладающие в них достоинства».

На Кувшинском заводе на Урале артельные формы организации труда существовали в кричном, листокатальном и ударно-трубочном цехах. Ежегодно артели заключали договор, которым определялись отношения как членов артели между собой, так и самой артели к администрации завода. Члены артели получали все необходимые материалы от администрации завода по установленным ценам, производили по своему усмотрению (но под наблюдением заводского мастера) оговоренные объемы работ, а за них получали плату через выборных доверенных. Заработок делился между членами артели соразмерно количеству и качеству их труда.

Вот договор, который заключался артелью с администрацией завода:

«1) Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содержать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по установленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, ворот), принимает на свой счет, кроме

капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату... (далее идут установленные расценки); 7) артель обязуется вести счета и расчеты по шнуровым книгам, которые должны быть всегда открыты для заводоуправления. Из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов пропорционально назначенным платам за вычетом двух процентов в кассу горнозаводского товарищества; 8) артель обязуется выплавлять чугун под руководством управления завода и вообще выполнять все его требования; 9) мастер обязуется наблюдать, чтобы все работы производились своевременно и надлежащим образом; каждый рабочий исправным выполнением своих обязанностей должен помогать мастеру; 10) каждый рабочий, член артели, обязуется служить делу честно и добропорядочно, быть почтительным, вести себя добропорядочно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу обязуется сообщать через доверенного мастера или лично для должного разбирательства управителю завода...»

В договоре перечисляли наказания для членов артели, нарушавших договор и относившихся к работе недобросовестно.

«... 11) за каждый день неявки на работу рабочий подвергается взысканию двухсуточного жалованья; в случае повторной же неявки до 3-х раз в месяц виновный может быть исключен из артели; кто явится на работу в нетрезвом виде, тот подвергается тем же взысканиям; вообще за всякое небрежное исполнение своих обязанностей, смотря по важности проступка, виновный подвергается взысканию от 1- до 7-суточного содержания; 12) за неправильное расходование (руды, флюсов, угля) полагается исключение виновного из артели и штраф артели от 3 до 10 руб., за неправильную сдачу чугуна – исключение виновного из артели и штраф от 5 до 20 руб., за отливку вещей для себя и для продажи – исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 25 руб. ... 14) исключение из артели может быть произведено по приговору $\frac{2}{3}$ членов или по предложению управителя, с утверждением горного начальника». Артель обладала широкими правами, однако ее деятельность строжайшим образом контролировалась, а в случае необходимости штрафовалась администрацией. В артельных договорах можно встретить даже в XX веке древнюю русскую формулу труда – «служить делу честно, добропорядочно, совестливо».

Незадолго до революции на Архангельско-Патийском заводе образовалась артель углекопов человек в восемьдесят. Все они были связаны круго-

вой порукой, принимали участие в работе по восемь часов в трехсменной очереди. Доходы распределялись между членами по количеству обработанной поденщины два раза в месяц. Если кто из членов хотел добровольно выйти из артели, то был обязан предупредить ее за две недели. Но даже выбывший из артели член оставался ответственным по ее делам в течение трех месяцев со дня выхода. Для руководства артелью была избрана комиссия из тринадцати членов-учредителей.

Еще больше примеров артельных форм организации труда мы находим в XIX веке. В 1861 г. к начальнику Гороблагодатских заводов на Урале Грамматчикову пришли представители артели и предложили артельным способом взяться за изготовление ударных трубок для артиллерийского ведомства. Первый такой подряд был выполнен успешно, и более того, трубки, стоившие казне ранее 50–70 коп., обошлись по 45 коп. Членами артели были сделаны многие усовершенствования, ручные работы выполнялись механическими средствами. Число членов артели выросло с 60 до 150 человек, кроме того, наняли еще 100 человек. Позднее начальство стало препятствовать самоуправлению рабочих, казенные заказы передали в Петербург, и артель заглохла по независящим от нее причинам. Аналогичная артель возникла на Екатеринбургском механическом заводе, где тот же начальник Грамматчиков сам предложил рабочим организовать артель по производству лафетов. Название она получила знаменательное – «Братство», – и вошли в нее 87 человек. Артель должна была брать дрова и уголь из запасов Монетного двора по заготовительной цене, материал же для производства и припасы иметь свои; кроме казенных заказов, артель могла работать и по частным заказам, с платой в казну за пользование машинами 6% с суммы заказа.

В 1860-х гг. и последующих годах на Сибирских золотых промыслах широкое развитие получили артели золотодобытчиков. Это было время, когда происходило объединение и измельчение золотых приисков. Поэтому использование артельных форм пришлось как нельзя кстати, оно позволяло экономить на содержании многочисленной администрации, создавая у рабочих особую заинтересованность в результатах своего труда. Артели золотодобытчиков колебались от четырех до восьми человек (иногда в них было только два человека). Общими делами артели заведовали выборные старосты, на обязанности которых была забота о нуждах артели, распределение работ между членами, сдача золота, наблюдение за правильной записью забираемых в приисковой лавке припасов, передача артели распоряжения приискового управления. Авторы, изучавшие эти артели, отмечали их высокую привлекательность для рабочих. «Кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы. Работая самостоятельно, рабочий

чувствует себя свободнее, изменяется даже его способ держать себя и говорить с начальством».

Таблица 1

ПРОМЫСЛОВЫЕ АРТЕЛИ

Общие группы артелей (товариществ)	Дальнейшие первичные виды артелей (товариществ)	Осложненные виды артелей (товариществ)
1. Вспомогательные артели (товарищества)	а) подсобные б) сырьевые в) складочные и др.	подсобно-сырьевые складочно-сырьевые складочно-закупочные складочно-подсобные сборно-артельные мастерские
2. Трудовые артели	а) собственно трудовые артели б) артели по предложению услуг, служб	вспомогательно-трудовые (например, по добыче сырья) артели строительные (производственно-трудовые) не из артельного материала
3. Производственно-трудовые артели	производственно-трудовые артели, строительно-производственные артели по постройке зданий из артельного материала	

Древний навык к артельным формам труда и хозяйствования служил предпосылкой к передаче предприятий в руки рабочего самоуправления: коллективам предприятий, объединенных в рабочую артель. Об этом неоднократно говорилось во 2-й половине XIX века. По мнению *Д. И. Менделеева*, побывавшего в конце XIX века на Уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

В 1908 г. артель из 100 человек взяла в аренду на 25 лет Дедюхинский солеваренный завод. Завод состоял из четырех варниц, нескольких рассолоизвлекательных труб, амбаров и парового двигателя. «Но завод был сдан в жалком, полуразрушенном виде, так что оказался необходимым крупный ремонт. После энергичных строительных работ летом 1909 г. была пущена в ход первая варница, затем вторая и третья, и в течение первого же года

своей деятельности артельный завод выпустил около полумиллиона пудов соли высокого качества».

Попытки рабочих взять заводы в аренду и работать там на артельных началах неоднократно отмечались и перед самой революцией. В 1905 г. 400 семей рабочих обратились в правительство с просьбой передать им в аренду Нижне-Исетский железодельный завод возле Екатеринбурга, который государство хотело закрыть из-за его убыточности. Рабочие заявили, что если завод будет сдан им в аренду, то они образуют товарищескую артель по уставу, утвержденному правительством, и займутся производством сортового, листового и кричного железа, механических и кузнечных изделий. Сделать завод из убыточного прибыльным рабочие полагали путем удешевления материалов и уменьшения накладных расходов, чтобы таким образом понизить цену вырабатываемого железа до возможности успешной конкуренции с изделиями частных заводов. Министерство земледелия и государственных имуществ, на имя которого пришло прошение рабочих, отнеслось к нему весьма скептически, считая, что рабочие не смогут создать прибыльного производства. Попытки создать артельное ведение хозяйства на Нижне-Исетском заводе уже были в 1890 г. и не увенчались успехом. Министерство также вспомнило неудачный опыт организации артельного хозяйства рабочих механического цеха Воткинского казенного механического завода. Причина неудач развития артельного способа ведения хозяйства крылась в отсутствии действенной поддержки. Товарищеские артели не могли в полной мере получить кредита, им препятствовали в перевозке их продукции, путем различных махинаций негласно бойкотировали ее на рынке. Да и вообще, могли ли развиваться артельные товарищества в условиях господства таких монополистических объединений, как Продамет, словно щупальца спрута схвативший в свои руки почти весь металлический рынок России? Государство же вместо активной поддержки артельных товариществ в этой отрасли ставило их в одинаковые условия с частными предприятиями, действующими путем сговора и закулисных махинаций, и тем самым предопределяло их неуспех.

Земства по мере возможности оказывали артелям помощь в аренде предприятий. Так, Саратовское губернское земство в 1903 г. арендовало для артели кустарей-кожевников завод, находящийся в с. Базарный-Карбулак. Объем продукции, выпускаемой этим заводом в месяц, – 2 тыс. руб. Необходимый оборотный капитал в 7 тыс. руб. был отпущен губернской управой. Земство же вносило арендную плату за завод, ремонтировало его, отапливало и освещало. Сырье также поставлялось земством. Получаемая чистая прибыль за отчислением 3% на капитал, выданный земством, распределялась между членами артели. За целостность имущества, принадлежащего земству, артель отвечала круговой порукой.

Таблица 2

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ АРТЕЛИ И ТОВАРИЩЕСТВА¹

Основные группы артелей (товариществ)	Важнейшие первичные виды сельхозартелей (товариществ)	Осложненные виды сельхозартелей (товариществ)
1. Вспомогательные товарищества (артели)	а) супруга б) артели половников в) товарищества для совместных закупок г) товарищества для совместной продажи (зерна и др.)	а) арендно-сырьевые б) товарищества для совместной переработки (товарищеские мельницы) в) арендно-трудоуые артели г) артели табачниц д) производственно-трудоуые товарищества
2. Трудоуые товарищества (артели)	а) помочи б) товарищества (артели) сельскохозяйственных рабочих (кустарей, писарские круги) в) артели чередников (пастухов)	
3. Производственно-трудоуые товарищества (артели)	а) гуртова (на Украине) б) земледельческие артели (полные)	

Таблица 3

ОБЩЕЖИТЕЛЬСКИЕ ТОВАРИЩЕСТВА И АРТЕЛИ²

Первичные виды артелей и товариществ	Осложненные виды артелей и товариществ
а) продовольственные (харчевые) артели и товарищества б) артельные или товарищеские квартиры	продовольственно-квартирные товарищества и артели

¹ Ист.: Слобожанин М. Историческое развитие идей артельного движения. 1919.

² Там же.

Характерным примером развития артельного движения в предреволюционный период стал стремительный рост маслодельных артелей Сибири. В отличие от кредитных товариществ, имевших мало корней в истории России, маслодельные артели являлись в чистом виде традиционными формами хозяйствования.

Толчок широкому росту сибирских маслодельных артелей дала Великая Сибирская дорога, связавшая Сибирь с крупнейшими центрами страны и Западной Европы. О масштабах этого роста можно судить по таким цифрам: в 1894 г. по сибирской железной дороге вывезено 400 пуд. масла, а в 1910 – 3789,7 тыс. пудов на сумму 52 млн. руб. Новое сибирское маслоделие стало давать золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность. Нельзя не отметить, что сибирские артели стали источником наживы для западноевропейских капиталистов. «Сибирское «артельное масло», – писал в 1914 г. исследователь российской кооперации Н. Катаев, – побывавшее в руках датских контор, является потом на английский рынок под наименованием «датского» масла, причем разница в ценах «артельного» масла и «датского» масла весьма-таки значительна и, конечно, дает солидный плюс к обычному коммерческому барышу. Дорого стоит сибирским «артелям» и пресловутый лондонский акционерный «Унион», за которым скрывается крупная лондонская фирма Лондэйль. Таким образом, сибирские кооперативы все же достаточно изрядно «обрабатываются» капиталистами».

Сибирские маслодельные артели принадлежали, как правило, зажиточным крестьянам. Деятельность их основывалась на договорах, подписанных всеми участниками и занесенных в книгу сделок и договоров крестьянской волости. Каждый член артели отвечал всем своим имуществом за обязательства артели. В артелях была создана сплоченная организация с жестким внутренним распорядком, строгим учетом и контролем, со штрафами и исключениями из числа членов артели за нарушение условий договора. Разбогатев, маслодельные артели стали проявлять предприимчивость и в других областях деятельности – открывать потребительские лавки для собственных нужд, склады молочных машин и материалов, сельскохозяйственных машин, орудий, семян, удобрений. Так постепенно на базе маслодельных артелей возникали универсальные производственные, снабженческие и сбытовые кооперативы.

Артельное движение пронизывало все социально-экономические поры России, концентрируя вокруг себя силы, активно противостоящие системе паразитизма и капитализма. Чтобы вполне представить его многообразие, разветвленность и переплетения, воспользуемся схемой, составленной М. Слобожаниным в его книге «Историческое развитие идей артельного движения» (1919). Все российские артели составляют четыре основные группы: I. Духовные. II. Правовые. III. Хозяйственные, или экономические. IV. Общежительские.

I. Бытовые артели духовного характера. Они принимали характер: а) религиозный, б) развлечений и увеселений, в) удовлетворения умственных потребностей (совместная выписка газет, книг, совместный наем учителя и т. п.).

II. Бытовые артели правового характера для поддержания уровня заработной платы, условий труда. По сути дела, эти артели содержали в себе задатки рабочих профессиональных союзов.

III. Бытовые артели с хозяйственными экономическими задачами. Сюда относились две самые большие группы российских артелей – промышленные и сельскохозяйственные.

IV. Общежительские товарищества и артели объединяли лиц, как занятых производительной трудовой деятельностью, так и не занятых ею.

В дополнение к приведенной картине российских артелей следовало бы выделить то, что М. Слобожанин, по-видимому, считал само собой разумеющимся выделить артельные формы организации труда на государственных и частных предприятиях. Как мы видели выше, они широко распространились на российских заводах и фабриках одновременно с сугубо индивидуалистическими формами организации производства и труда, насаждаемыми сторонниками «западноевропейской цивилизации». Таким образом, необходимо все время разделять понятие «артель» как предприятие и артель как форма организации труда и производства в государственных или частных заведениях. Поэтому в схему артельного движения Слобожанина вводим еще один, пятый раздел.

V. Артельные формы организации труда и производства на государственных и частных предприятиях (артельный подряд).

В 1915 г. Российское министерство торговли и промышленности опубликовало далеко не полный «Справочник об артелях трудовых». Сюда входили сведения об артелях как организациях, но отнюдь не о числе предприятий, применявших артельные формы организации труда. Причем это были артели с утвержденным официальным органом уставом, а у абсолютного большинства российских артелей никаких уставов не было. Так уж повелось.

В этом справочнике значилось 507 артелей, из которых первое место занимали артели грузчиков и крючников – 53, затем шли посыльные и носильщики – 31, далее строительные рабочие – 25, маляры и живописцы – 24, ночные сторожа и караульные – 15, чертежники, техники, землемеры и т. п. – 13, монтеры и водопроводчики – 8.

Были в этом справочнике 7 артелей газетчиков и продавцов произведений печати, 6 артелей театральных капельдинеров, 6 артелей бухгалтеров и конторщиков, 4 артели парикмахеров, 3 – комиссионных и по поставкам служащих, 3 артели дворников и домовой прислуги, 3 артели по убою скота, 3 артели полотеров, 2 артели печников. Кроме того, в этом справочнике чис-

лится по одной артели банщиков, водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигентных тружеников.

Отдельно в указанном справочнике значились кредитные товарищества. Среди них – союзы лиц, занятых в транспортной промышленности, – 29, по обработке металлов и изготовлению орудий и машин – 29, официантов, поваров, кондитеров – 29, по изготовлению предметов одежды – 28, по обработке дерева – 27, ювелирные – 19, сапожные – 15, переплетные и типографские – 8, кожаные и скорняжные – 8, кирпичные – 4, мраморные – 4, ткацкие – 3.

Большое место в справочнике занимали кустарные артели, среди которых чаще всего встречались сапожные – 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий – 9; а потом шли столярные – 6, ткацкие и кожаные – 3, рогожные – 3, портняжные – 2.

Все чаще и чаще артели объединяются в союзы для того, чтобы противостоять системе частного предпринимательства. В 1914 г. возникает Московский Артельсоюз, объединивший 13 артелей, в 1915 – Боровичско-Валдайский союз из 28 артелей.

Очерк о русской артели уместно закончить словами проникновенного исследователя народных форм жизни М. Слобожанина: «Жизнь, конечно, далеко не всегда осуществляла во всей полноте такие именно основы артельных организаций, какие были отмечены нами выше: такими они были в отвлечении, в идеале, созданном народным творчеством, к таким он стремился в своих исканиях правды жизни и, ради этой правды, не мог отказаться от них. В этих идеалах воплощал он не только стремление к улучшению своего материального положения, но и стремление личности к освобождению... к равноправию, к народоправию и сознательности, к уважению человеческого достоинства в себе и других, к дружбе, братству и т. д. Все эти прогрессивные течения, оставшиеся таковыми до сих пор, народ облек без посторонней помощи в понятие об идеальной артели, и, естественно, крепко держался за нее, и, несомненно, будет неуклонно идти к ней до тех пор, пока она не станет для него действительностью, реальностью. Стремление к лучшему не только в экономическом, но и в нравственном отношении – неистребимо в человечестве, и Русский народ, издавна создавший себе идеал этого лучшего, несомненно, никогда не изменит ему».

Олег Платонов

АРТЕЛИ В ДРЕВНЕЙ И НЫНЕШНЕЙ РОССИИ

КАЛАЧОВ Николай Васильевич
(1819–1885)

I

Артель, в смысле товарищества нескольких лиц, соединяющихся своим капиталом и трудами или только последними для какой-нибудь работы, промысла или предприятия и вследствие этого отвечающих друг за друга, – есть явление, встречающееся у нас еще в глубокой древности, а названием своим оно указывает на отдаленные, а именно торговые, связи наших предков с восточными народами, в языках которых этим словом означаются *общины и товарищи*. Первые следы такой ассоциации находим мы еще в XI и XII столетиях в правительственных постановлениях, коими дозволяется *вкладываться* в общество, учреждаемое для какой-нибудь общепольной цели. Именно уже в «Русской Правде», древнейшем памятнике светского законодательства в нашем отечестве, встречается указание на круговую ответственность, которой обязаны в отношении платежа *дикой виры* (денежной пени) за убийство, учиненное в *верви* (округе), все *сложившиеся в дикую виру* или составляющие *дружину*. Эта круговая ответственность имела место в том случае, если убийца (*головник*) был известен и, находясь налицо, принадлежал к дружине; но размер пени, падавшей на каждого из членов, был, кажется, неодинаков, смотря по различию убийства: при вире в 80 гривен дружина могла даже платить только половину, в которой должен был участвовать и убийца, а остальное платил сам *головник*; за разбойника же никто не должен был платить, он выдавался *на поток с женою и детьми*. Другое любопытное указание на подтверждаемую правительством ассоциацию находится в известной грамоте (начала XII в.), данной новгородским князем Всеволодом-Гавриилом Новгородской церкви Иоанна Предтечи («на Петрятине дворище»). При этой

церкви производился, как известно, вес воска, продаваемого местными и иногородними купцами, привозившими его в Новгород: *низовыми*, *полоцкими*, *смоленскими*, *новоторжскими*. Право на вес, на основании грамоты, предоставляется князем только *купечеству Иванскому*, названному так от церкви, к которой они были причислены или при которой состояли. В купечество это нельзя было поступать иначе, как давши *вкладу* 50 гривен серебра и тысячкому ипрское (*ипьское*) сукно. Давший вклад получал название *пошлого* купца, впрочем, можно было сделаться *пошлым* купцом и *отчиною*, т. е. это звание и соединенные с ним права переходили также по наследству. Кроме купцов, в состав Иванского общества входили трое старост от житых людей, тысяцкий от черных людей и двое старост от купцов, коим вверялось все управление делами Иванскими: торговыми, гостинными и суд торговый (конечно, только в отношении продажи воска). Деньги, вырученные за вес, поступали в *дом святого, великого Ивана*, т. е. в церковную сумму; но из них – и в этом состояла, кажется, вся выгода Иванских купцов – предоставлялось купецким старостам и купцам брать на всякий праздник Иоанна Предтечи, на вечные времена, по пятнадцати гривен серебра. К сожалению, более сведений о взаимных отношениях между членами этой общины мы не имеем.

Скудость дошедших до нас материалов столетий XIII, XIV и XV составляет, вероятно, причину, почему в числе их мы не находим актов, в которых артельное товарищество было бы выражено вполне наглядно; но на существование его в этот период времени указывают довольно ясно как известия, сохранившиеся в памятниках о торговых и других *складчинах* и *ватагах*, так и название *товарищей*, которое давалось складчикам. Имея в виду эти данные, мы не сомневаемся связать их непосредственно с теми сведениями, какие во множестве находим о существовании у нас артельных союзов в XVI и особенно в XVII веке. Впрочем, самое слово *артель* встречается в первый раз в актах лишь в половине XVII столетия, зато в том тесном юридическом значении, которое выражает товарищество равных между собою лиц, согласившихся действовать заодно в промышленном предприятии.

Материалы, на коих мы должны по преимуществу остановиться для изучения артелей в древней России, распадутся на следующие три отдела: только, к сожалению, два акта суть артельные записи в собственном смысле, т. е. представляют условия или договоры, заключенные между артельщиками и теми лицами, у которых они обязываются исполнить какую-либо работу или что-либо нанимают; третьи, известные под названием *поручных записей*, относятся к содержанию артельных товариществ не прямо, но тем не менее очень ясно обозначают их состав, разнообразные предприятия, для коих они соединялись, и важность, которую они имели в современном обществе. Независимо от этих договорных актов, о существовании артелей и товариществ

для некоторых предприятий и промыслов мы находим ясные указания в современных грамотах и других источниках.

Чтобы в большей полноте представить характеристические черты нашей древней артели, мы остановимся прежде всего на содержании двух первых из вышеозначенных актов, которые суть *артельные записи* в собственном смысле.

Одна из этих записей – 1654 г. января 25. В нашем издании юридических актов мы назвали ее *артельною*, потому что сами товарищи называли себя «артелью», и все принадлежащее к этому товариществу «артельным». Самая артель, указываемая в настоящем акте, состояла из трех товарищей, взявших на трехлетний откуп сбор пошлины на таможах Арзамасской и в селах Ичалове, Стексове и Гремячем. Каждый из них сверх того принял на себя *на пай по человеку для своей перемены*, также с именем *товарища* своего, но так, что каждый заключил особое со своим товарищем условие *для укрепления его за собою*. Во всяком случае, эти товарищи представляются по акту лишь в значении поверенных, заступающих место главных товарищей, когда в том встретилась бы необходимость. Сущность артельного договора заключается в следующем. Назначение кого-либо из товарищей к той или другой таможе должно делаться всей артелью («кого похотят товарищи где тому быта... куды всею артелью не пошлют») и нельзя от назначения отговариваться, а напротив, следует артель *во всем слушать*. Запрещаются ссоры, брань, дурное поведение, игра в карты и зернь и предписывается уважение и почтение к прочим товарищам. Никто не вправе брать какой-нибудь подарок или почесть помимо артели и свозить ее *украдом* на сторону. Нанимать посторонних людей для сбора пошлин товарищи должны не иначе как сообща. В случае иска на ком-либо из артели «в таможенном деле», что случалось в «откупных городах», и убытков, понесенных ответчиком, все потери уплачиваются «из артели». Откупные деньги должен отвозить в Москву один из артельщиков, «кого артелью излюбят»; дорожные же расходы возмещаются также сполна «из артели». Не исполняющий какого-либо из этих правил подлежит взысканию трехсот руб. пени и лишается *заводных денег*, т. е. вкладного капитала, внесенного им при вступлении в артель, и если он не подчинится этому добровольно, то прочие артельщики выговаривают себе право жаловаться на него судебным порядком всею «артелью». Количество упоминаемых здесь заводных денег в акте не определено; но сказано, что по откупу в таможах Арзамасской и Стексовской все трое товарищей положили пай поровну. Наконец, в случае смерти кого-либо из товарищей, наследникам его выделяются как заводные его деньги, так и причитающаяся ему прибыль, а на место его поступает в артель брат его, сын или кто другой, «кому он прикажет». Наклад разверстывается также

между товарищами поровну, по паям. В заключение акта говорится, что он вручается *третьему* с тем, чтобы в случае спора он выдал его «правому на виноватого», с докладу воеводе при «добрых людях», и «всем артельщикам вместе» (т. е. за исключением виноватого).

Другая принадлежащая сюда запись называется в подлиннике *складной*. Она писана в 1635 году 25 апреля и имеет своим содержанием условие о взаимных отношениях между двумя товарищами, согласившимися «торговать и промышлять» в сибирских городах. Сложились мы, говорят товарищи, русским товаром и деньгами полюбовно на 297 руб., заняв этот товар и деньги вместе, по кабалам, выданным нами также «свопча, вместе». Далее товарищи договариваются торговать и промышлять вместе, «за един человек», кабалы выкупать также сообща и вообще прибыль и наклад делить пополам. Касательно выполнения правил о послушании друг другу, о честности в расчетах и добром поведении здесь поставляется то же, что и в предыдущем акте. В заключение именуется свидетели, присутствующие при совершении этой записи.

Договоры между артельщиками и посторонними лицами по предмету их занятий, найма и даже займа открывают нам самые разнообразные цели товариществ, составлявшихся в Древней Руси. Но как и *поручные записи*, хотя имеют целью лишь укрепление таких договоров со стороны артельщиков перед теми, кому они в чем-либо обязывались, содержат в себе вместе с тем чрезвычайно любопытные указания не только на занятия и промыслы артелей, но и на правила, которым они в этом подчинялись, то мы соединим данные, встречающиеся в актах того и другого рода, а также и в прочих источниках, чтобы исчислить разнообразные артели, существовавшие у нас в XVII веке, и по возможности осветить их внутренний быт, т. е. отношения артельщиков между собою и в особенности к посторонним лицам, с которыми они вступали в договоры.

1. Артели ярыжных

Две записи, одна 1642 г., другая 1653 г., сохранили нам черты этих товариществ, весьма сходных с нынешними артелями. Обе они суть поручные, взятые Лысковцем Василием Обросимовым, который в первой записи называется приказчиком, а во второй – торговым человеком, по ярыжных, обязавшихся ему по первому акту *идти в тяге*, на астраханском судне, от г. Самары вверх Волгою до Лыскова, а по второму – нагрузить его струг запасами и товарами в Лыскове и отсюда ехать на струге с грузом вниз по Волге в Астрахань. Об ярыжных, обязавшихся в тяге, говорится в записи, что они должны «тянуть канат и всяким струговым ходом и в завозне ездити, и всякую

судовую работу работати против нижегородских ходовых судовых записей», если же судно станет *на костях и на мелях*, то *снимать* его «и в воду с рычаги лазити, и перепаживатись, и по паузки ездити, и паузки назад привозити». Другие ярыжные, нанявшиеся ехать со стругом, должны были «грести весла, бить в поносную, угребать от островов, берегов, карш, песков и проносов», а в случае, если судно станет на мель, снимать его, перекладывать груз в малые лодки, перевозить его на берег и обратно с берега в судно и проч. Сверх того, они обязывались перед приездом в Астрахань «высечь в лесу на всякого человека по сохе да по два честики» и поставить в Астрахани лубяной амбар, в который и укласть хозяйские запасы и товар и прочую кладь выгрузить из струга «на обруб». Число всех ярыжных по первому акту шесть человек, и все они приняты за поруками; по второму акту всех ярыжных восемь, также с поруками, но из поручившихся двое сами ярыжные, нанявшиеся к хозяину в тот же струг. Наемной платы дано первым по четыре рубля без 10 алтын и по три рубля на человека; сверх того они должны были получать «готовый хлеб и харч»; о наемной плате вторых сведения в акте не уцелели, но «на хлеб и вологу» они уговорились получать по рублю на человека. Часть наемной платы была взята теми и другими вперед – в задаток, а остальную сумму им следовало выдать – первым в Казани и Лыскове, а вторым в Астрахани по выполнении ими договора. В случае неисполнения кем-либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства за него отвечает поручившийся по нем уплатою понесенных хозяином убытков и сверх того за выданные ярыжному задаточные деньги платить вдвое. В акте 1642 г. ярыжные обеспечиваются также от притеснений со стороны хозяина: он не вправе, сказано здесь, заставить их выгружать из хозяйского судна соль и рыбу, не в праве вычитать у них деньги за лыка, канаты и проч.; если же судно не дойдет до Лыскова по случаю заморозков, то ярыжные все-таки условленные деньги получают сполна; а в случае болезни ярыжного хозяин обязан перевезти его в город, но больной должен нанять за себя человека в тягу.

2. Артели каменщиков

В одном еще не напечатанном акте находятся следующие любопытные сведения об одной такой артели, взявшей на себя в 1686 г. июля 14 у колокольного мастера Маторина сделать в Москве два погреба «с жилыми наверху палатками, сенями и крыльцами». Всех договаривающихся каменщиков исчислено в записи 14 человек, принадлежащих к разным селениям костромского и ярославского уездов, монастырских и помещичьих. Они рядятся заодно, ручаясь друг за друга круговой порукою. За подобным исчислением и описанием принятой ими на себя работы, в акте I сверится, что все припасы

должны быть хозяйские, а латки и шайки – каменщиков. Подрядная сумма назначена в 105 руб., из коих взято в задаток 40 руб., а остальное получать «как понадобится». В случае неисполнения каменщиками подрядных работ или даже плохой кладки хозяину предоставляется взять на том из каменщиков, *кто будет в лицах*, 200 руб. пени.

3. Артели плотничьи

О существовании этих артелей мы знаем из двух записей о постройке и починке мостов, заключенных разными крестьянами с казначеем Вяжицкого монастыря, 1598 г., и из одной записи, которою верхотурские ямские охотники обязались казенным целовальникам сделать в казну два дощаника. Впрочем, во всех этих актах, из коих особенно любопытен последний по заключающимся в нем подробностям касательно самой постройки судов, для нашей цели заслуживает особенного внимания, кроме условия о цене работы, оговорка со стороны плотников, что в случае неисполнения принятых на себя ими обязанностей они подвергаются платежу пени, *что Государь укажет*, а работу должен все-таки окончить тот, «кто будет из них в лицах».

4. Артели рыболовов

Сюда, без сомнения, может быть отнесено товарищество, подрядившееся на рыбную ловлю у игумена Кириллова монастыря в 1577 г. июня 2. Договаривающиеся обязываются давать игумену или его старцам во все время лова (от Петрова заговенья до Дмитриева дня) ежедневно четвертую часть улова (четвертую рыбы); в противном же случае должны заплатить 100 руб. пени, которые надлежит взыскать с того, кто из них будет налицо.

5. Артели бортников

На товарищества для выемки меду из бортей указывают два дошедшие до нас акта 1663 г., из коих один есть договор, заключенный двумя русскими крестьянами с игуменом Макарьева Желтоводского монастыря, а другой – договор, с ним же заключенный одиннадцатью черемисами. В первом из этих актов договаривающиеся упоминают, что хотя они приняли к себе еще трех бортников «подушенников», но все они будут «ходить заодно». За бортное ухажье они обязываются платить оброк, в лес никого не пускать, дельного лесу самим не рубить и «борти с пчелами не пустошить», в противном же случае должны заплатить заряду по записи 50 руб., а за дерево и пчелы – по Уложению. То же повторяется и в другом акте.

6. Артели чернорабочих

Сюда относятся два в высшей степени любопытных акта, свидетельствующие о существовавшем и в XVI веке найме для черных работ вольных людей, составивших между собой товарищество именно с этой целью: они напечатаны в Архиве Историческ. и практ. свед. о России 1859 г. (кн. 1, 151).

Это две наемные записи 1700 г. в обеих за изложением *наймитами-товарищами*, в первой в числе трех семейств, а в другой – в числе двух семейств, принимаемых на себя работ на срок (семилетний по первому акту и трехлетний по второму) у помещика Григория Сабанина в его деревне Сычевке (Симбирской губ.) они говорят:

«Мы наймиты не боярские и не властелинские и не монастырские крестьяне и не дворовые чьи люди беглые, великого государя *вольные люди из разных городив, друг друга меж собою знаем, все добрые и не воровские люди*», и ручаются друг за друга *голова в голову*, а в случае невыполнения кем-то из своей среды обязанностей по договору или бегства, дурного поведения, воровства и т. п. обязываются платить сообща все понесенные хозяином убытки.

Самое условие о работах, на которые они нанимаются, заслуживает, по нашему мнению, особенного внимания, почему мы позволяем привести его здесь в подробности. Крестьяне-товарищи берутся пахать пашню, *раздирать* залоги, рубить лес, ставить строение, косить сено, возить дрова, жать и убирать хлеб, плотничать, кто умеет, и вообще делать все, что помещик заставит, причем работы должны исполняться на *своих лошадях*.

Жить они условливаются на хозяйской земле, без всякой за нее платы, и сверх того распахивать себе земли, сколько понадобится; но работать при этом на своем хлебе. За все это помещик обязан платить ежегодно большим по рублю, а середним и малолетним по полтине; деньги эти были взяты наймитами за все годы вперед.

7. Артели кортомщиков

Так называют себя в одном акте два товарища-крестьянина, взявшие в кортому (наем) лес и покос Жуковской пустыни Солдомского монастыря на десять лет. К сожалению, этот акт есть противень, данный монастырским строителем крестьянам, и потому в нем исчисляются только обязанности к ним монастырской братии, а не обязанности самих крестьян. Поэтому любопытнее для нас другой акт, данный двумя священниками и двумя крестьянами архимандриту Рязанского Богословского монастыря на взятый ими на распашку дуг на 10 лет в числе 50 нив. Кроме определения наемной платы, кортомщики обязываются, если не будут пахать взятую ими землю, все-таки платить кортомные деньги, а убытки взять на том, «кто будет из них в лицах».

8. Артели извозчиков

Такие артели составлялись как для отправления *ямской* гоньбы, так и для перевоза или доставления из одного места в другое съестных припасов, денег, строительных материалов и т. п. сухим путем или водой (на лошадях и стругах). Из множества относящихся сюда актов, дошедших до нас от XVII века, частью уже напечатанных, укажем на одну подрядную 1655 г. марта 10 об отвозе из Новгорода в Витебск хлебных запасов и на одну поручную 1605 г. о ямских охотниках. Первая дана была архимандриту Тихвина монастыря с братией артелью, составившеюся их трех ямщиков (ямских охотников), одного крестьянина монастырского, одного крестьянина чернососного и двух «вольных людей»; все они называют себя *извозчиками* и обязываются поставить монастырские запасы на 15 лошадях, с платою за каждую лошадь по 7 руб., которые взяты ими были вперед. «А везучи нам, – говорят они далее, – те хлебные запасы, сухари и крупы дорогою и по станом, и по ночлегом беречь от всего накрепко от всяких лихих людей, окромя Божией воли и сильной руки, и тех хлебных запасов нам, извозчикам, по дороге своим небреженьем не подмочить и никакие хитрости не учинить», в противном же случае архимандриту с братией взять «за подмоченные и недовозные запасы... по Витебской цене и убытки и волокита все сполна на вас, извозчиках». Поручною записью 1605 г. трое ямщиков костромского яма обязываются, за порукою исчисляемых в этом акте ямских охотников и посадских людей, отправлять за разные села Ипатьева монастыря ямскую гоньбу как сухим, так и водяным путем, именно:

«Государевых... посланников и гонцов на подводах отпущати и провожати безотступно, денно и ночью, от Семенова дни летопроводца (т. е. 1 сентября) 113 году да до Семенова ж дни 114 году». Для исправления этой гоньбы они должны держать на яму по три мерина добрых с седлами, санями и телегами и «со всякою ямскою порядною». Наемной платы взято извозчиками за год на каждую лошадь 15 руб., из коих они условились половину получить вперед, а другую половину 1 марта. В случае неисполнения ими принятых на себя обязанностей или если они «с яму до сроку сбежат», поручившиеся – кто из них будет налицо – берутся заплатить пеню, «что государь укажет, и ямская гоньба, и убытки вдвое».

II

Об артелях со времени Петра Великого почти до конца XVIII века мы знаем несравненно меньше, чем об артелях XVII столетия, не потому, впрочем, чтобы такие товарищества исчезли или сделались редкими исключениями,

но единственно по недостаточному знакомству нашему с памятниками этой эпохи. Наши археографы еще почти вовсе не касались драгоценных актов, относящихся к частной жизни народа в XVI веке, и еще менее приступили к их изданию. Вот почему мы можем указать только на следующие артели, о существовании которых заявляется в законодательстве XVIII и XIX столетий: 1) артели *биржевые* в Петербурге; о занятиях и устройстве этих артелей я буду говорить ниже, а здесь замечу только, что в донесении Санкт-Петербургской Казенной Палаты министру финансов 1822 г. в марте месяце прямо выражено, что «все состоящие в здешней столице биржевые артели, не имея на сие законного утверждения, существуют и занимаются промыслами по добровольному между собой условию»; 2) артели судорбочих и бурлаков; 3) артели ломщиков соли; 4) артели извозчиков; 5) артели, исполняющие разные горнозаводские работы. Дальше постараюсь я объяснить, в какой мере законодательство коснулось всех этих артелей; теперь же перейду прямо к обозрению вкратце разных существующих ныне артелей, насколько они известны как самому мне из практики, впрочем только хозяйственной, так и на основании сочинений, в которых упоминается о них с большими или меньшими подробностями.

Самые простые и вместе с тем настоящие товарищества в значении артелей представляют складчины двух, трех, а иногда и более лиц, соединяющих свои капиталы и труды для какого-либо предприятия: земледельческого, хозяйственного вообще, торгового или промышленного. Так, например, весьма часто крестьяне или мещане нанимают сообща поля, сенокосы или рыбные ловли, потом обрабатывают эти поля, косят и убирают траву или ловят рыбу собственными трудами, а иногда употребляя для этого еще наемных людей, и затем делят между собой барыши, а подчас и убытки соразмерно вложенному каждым из них капиталу. Так, в помещичьих селениях уже теперь случается нанимать для пашни, полотья и уборки полей и для сенокоса рабочих, которые рядятся иногда артелями. Так, наконец, составляются очень часто небольшие товарищества для торговых оборотов: они закупают на общие деньги (складчиной) хлеб, скот и другие предметы сельского хозяйства, а также изделия промышленности ремесленной, мануфактурной и даже книжной, а потом делят между собой вырученные барыши соразмерно капиталу, внесенному каждым на общее предприятие. Из таких товариществ те, которые состоят из незначительного числа лиц, например, 2, 3, не называются обыкновенно артелями. Напротив, рабочие, принимающие на себя исполнение какой-либо работы или вообще занимающиеся какой-либо промышленностью в большом числе лиц, носят обыкновенно это название. Но в чистом виде, именно как ассоциации капиталом и трудом, артели существуют только в малых размерах. Как скоро является потребность в большем капитале, то, по недостатку денег в простом народе, к чистому началу

артели присоединяется еще отношение между артельщиками и лицом, ссужающим этот капитал. Самый простой вид такого отношения есть тот, когда артель нужный ей капитал занимает, хотя бы даже с обязательством отдать капиталисту определенную долю барышей. Впрочем, весьма часто дающий капитал принимает сам непосредственное участие в занятиях артели, и тогда она получает совершенно иное значение. При этом случается нередко, что не артель приискивает себе хозяина, а наоборот, зажиточный мастерской, например каменщик, плотник, сам составляет артель, нанимая рабочих из своих ли односельцев или из посторонних, за плату, в которой уговариваются с каждым рабочим особо, хотя, впрочем, в каждой местности эта плата довольно известна и определительна, смотря по возрасту и знанию дела рабочим и по времени, на которое он нанимается. Очевидно, что такая артель связывается только тем, что она имеет одного хозяина и большею частью исполняет работу сообща в одном месте. Но и между такими рабочими образуется обыкновенно настоящая артельная связь посредством соглашения их иметь общую пищу или общий стол. Такая *потребительная* артель поручает заведование своим хозяйством одному из своей среды, который и получает за это деньги от хозяина, вычитаящего их впоследствии у каждого рабочего соразмерно их числу. Есть, впрочем, и такие артели, в которые рабочие набираются хозяином под условием делить между ними заработки, которые и распределяются соответственно знанию дела каждого, а хозяину полагается особое вознаграждение. При этом случается, что рабочие попадают в руки обманщиков, которые, заподрядившись на работы и взяв задатки, оставляют приведенную ими артель на месте работы; впрочем, настоящими хозяевами или подрядчиками считаются такие, которые занимаются десятки лет своим промыслом и известны своей честностью.

Что касается, в частности, до разных артелей, существующих в настоящее время, то вот те сведения, какие мне удалось собрать о некоторых из них.

1. Артели биржевые

Из всех нынешних артелей артели *биржевые* должны быть поставлены на первом месте, потому что они уже успели сами собою выработаться в правильное учреждение и имеют каждая составленные ими самими правила, которыми они и руководствуются. Эти артели представляют еще ту особенность, что они обеспечивают исполнение своих обязательств не только крупной поручкой, как это свойственно и прочим артелям, но сверх того страховыми суммами. К сожалению, собранные мною данные о биржевых артелях относятся только до артелей петербургских и московских, очерком которых я поэтому и ограничусь.

Биржевые артельщики имеют предметом своих занятий погрузку и выгрузку товаров на барже, упаковку их и стережение в складочных местах; они везят и провожают товары и сверх того исполняют разные обязанности у купцов, как то: в конторах в звании приказчиков, по посылкам (нередко с весьма значительными суммами), по домашней прислуге и проч. Все члены артели отвечают перед посторонними друг за друга, а в самой артели каждый отвечает за себя капитальной суммой, без которой никто не принимается в артель.

Впрочем, подобных общих правил для действий и обязанностей артельщиков не существует и только из известных нам постановлений нескольких артелей можно извлечь некоторые одинаковые в них начала, состоящие в следующем.

Вступление в артель обуславливается, как мы сказали, взносом от каждого вновь принимаемого определенной в ее постановлении суммы (средним числом до 1000 руб. сер.), которая называется *вкупом*, *вкупными деньгами*, а также *новизной*. Эта сумма требуется в обеспечение исправного исполнения артельщиком его обязанностей. Впрочем, она редко вносится сполна при самом поступлении; обыкновенно артель, в которую вступает *новичок* (так называется артельщик до уплаты всей вкупной суммы, в противоположность уплатившим ее, называемым *стариками*), довольствуется какой-нибудь частью ее (например, по 3 руб. сер. на каждого артельщика), которая называется *передовыми деньгами*, а остальная затем сумма составляется вычетами в течение нескольких лет из заработанных денег; но если бы новичок пожелал внести весь вкуп разом, то ему делается сбавка. Внесенные деньги распределяются между всеми наличными членами артели, так, однако, что передовые деньги делятся между ними тотчас, а остальные, вычитаемые из заработка новика, делятся между теми только артельщиками, которые находились в артели при его поступлении. При выходе из артели исправные (т. е. ничем не опороченные) артельщики, внесшие свой вкуп, получают в виде награды *вывод*, или *выводные деньги*, которые обыкновенно равняются трети *новизны*. Этот капитал составляется вычетом из заработанных денег у тех артельщиков, которые получали с выходящего новизные деньги. В случае смерти артельщика вывод выдается его наследникам.

Заработные деньги уплачиваются артелям *хозяевами* (т. е. поручающими им работы или дающими им занятия) в один срок по взаимному соглашению, исключая мелкие работы, за которые плата получается тотчас. Всякую плату хозяин вписывает сам в артельную приходную книгу, а уплаченные деньги хранятся у артельного старосты. В определенные сроки накопившаяся таким образом сумма делится между всеми членами артели, и этот раздел называется *дуваном*; но и до назначенных сроков артельщик может забрать у старосты часть денег, необходимых ему на расходы, с тем, что

забранные им суммы вычитаются из части, следующей ему при общем разделе. Общие артельные расходы, как то: наем подмоги при выгрузке товаров или в других случаях, покупка нужных снастей и снарядов (рогож, веревок и проч.) и всякие мелкие выдачи – производятся старостою также из заработанных денег. Эти расходы должны быть объявляемы старостой писарю, который вносит их в заведенную для того расходную книгу. При общем разделе заработных сумм приходные и расходные книги проверяются всей артелью, которая, впрочем, для подробнейшего обозрения их и проверки книг выбирает нескольких из своих членов.

Артели управляются лицами, избираемыми ими из своей среды на сходке всех артельщиков. Главное из этих лиц – *староста*, выбираемый на срок не далее года. Он не только хранит деньги, но и распределяет между артельщиками работы: в нескольких, впрочем, артелях на постоянные работы староста не может ставить без согласия артели; без согласия же старосты и артели никто из артельщиков не вправе брать на себя работы, в противном случае артель не отвечает за убытки, которые он может причинить наемщику или поручителю. В некоторых артелях при замещении должности старосты соблюдается очередь между артельщиками по времени поступления в артель, так что обходят только известных по нетрезвости или по другим слабостям, и в таких случаях обыкновенно оставляется прежний староста, если им довольны, а *обойденный* платит ему известную сумму в вознаграждение за его вторичную службу. В других артелях очереди этой не соблюдается и выбор падает на достойнейшего, хотя бы он был и неграмотный. Староста, назначенный по очереди, не получает от артели никакого особого вознаграждения за свою службу, пользуясь лишь дуваном наравне с прочими артельщиками. Напротив, старосте выборному полагается особое вознаграждение.

За старостой по важности должности следует *писарь*, который, как сказано выше, ведет книги приходные и расходные и вообще заведует письменной частью по делам артели. Хотя он назначается по выбору, но обыкновенно остается с общего согласия артели до тех пор, пока исправен. Ему во всяком случае полагается, сверх дувана, особое жалованье.

В некоторых артелях есть особые должностные лица – *выгрузные* или *амбарные*, а в других – *кассиры*, получающие также жалованье.

Выборы исчисленных должностных лиц производятся всей артелью на одной из артельных квартир, смотря по тому, где удобнее. Впрочем, действительное участие в выборах принимают только лица, имеющие особенное значение в артели или пользующиеся особым ее уважением. По предварительному соглашению таких лиц предлагаются на должность несколько артельщиков и тот из них считается избранным, в чью пользу оказалось больше голосов.

За проступки артельщиков, как то: слушание против старосты при исполнении работ, за жалобу хозяина, своевольный забор у хозяина на свои надобности денег, если не объявится о том старосте, за явку в пьяном виде на работы, буйство, неисправное исполнение поручения, за утрату хозяйских товаров и денег хозяйских или артельных, за утайку или необъявление проступка товарища, за укор или попрек товарища прежним проступком и проч. – налагается штраф, размер которого, смотря по степени вины, определяется артельными правилами или каждый раз по приговору всей артели. Самый большой штраф есть временная отписка от работы или исключение из артели с лишением выводных денег. По общему приговору артели штрафу может быть подвергаем и староста: за своевольное (без ведома и согласия артели) назначение к хозяевам людей в известные должности, исключая посылок на короткое время, например, на день для исправления каких-либо неважных домашних работ; за произвольную неявку на биржу, если только не был занят в это время исполнением каких-либо других артельных надобностей; случается также, что артель по общему приговору не принимает на свой счет некоторых расходов, сделанных старостой совершенно произвольно или вовсе ненужных, и таким образом штрафует его. Наконец, как староста, так и писарь за умышленное нанесение вреда артели могут быть отрешаемы от должности и до истечения срока, на который были выбраны.

Особой штрафной книги в артелях не ведется с тою целью, чтобы купцы охотнее доверяли им свои товары и капиталы. Впрочем, из общей денежной книги можно видеть, подвергался ли штрафу известный артельщик в текущем году, хотя самые проступки в ней не прописываются. По истечении же года после общего раздела денег все артельные книги уничтожаются.

В случае болезни артельщика, произошедшей по воле Божией, от ушиба на работе или других причин, от него не зависящих, он получает заработные и новизные деньги в течение шести месяцев или даже года от начала болезни; но заболевший по собственной вине (от дурной жизни) не получает заработка. Как в этом случае, так и в других, артельщик не вправе заводить с артелью никаких споров по судебным местам, иначе признается виновным.

Об артелях в Москве мы находим первое сведение в указе 8 апреля 1684 г. о неприеме пришлых и гулящих людей без поручных записей: «...а буде, – говорится в этом указе, – чьи люди или крестьяне придут *для найму в работу* с Красныя площади, не явясь помещикам своим и вотчинникам, и тем велеть записываться в Земском Приказе самим (т. е. не через посредство помещиков) *артельми* по именам и имать из Земского Приказу для свидетельства, что они в Земском Приказе явились и в книги записаны, письмо за дьячею подписью или за справкою старого подьячего; тому в Земском Приказе для записи тех пришлых и гулящих людей учинить записную особую книгу». Одну из таких

артелей мы видели в приведенном выше (...) акте 1686 г. июля 14. Но это артели пришлые; об артелях же собственно московских нам не удалось встретить положительных сведений в материалах как XVII, так и XVIII столетий.

В настоящее время в Москве есть несколько артелей, которые в своих постановлениях представляют некоторые особенности от артелей петербургских. Нам известны следующие из них: 1) артель биржевая; 2) гостинодворская Ильинско-Мазуринская; 3) гостинодворская Алексеевская; 4) гостинодворская Шекулевская; 5) артель Чижовского подворья; 6) две артели ветошного ряда и 7) две артели зеркального ряда. Число лиц в них различно: от 25 до 110 человек, но так, что определенное число членов каждой артели не изменяется, если же временно встретится надобность в людях, то по усмотрению старосты нанимаются работники из посторонних, за которых артель отвечает как за своего члена. Как особенности этих артелей можно отметить следующие черты. На каждого члена есть в кассе артели определенная в обеспечение сумма (не превышающая, впрочем, 120 руб. сер.). Эта сумма (хранящаяся в кредитных билетах или отдаваемая в частные руки под процент) считается неприкосновенной и употребляется для вознаграждения убытков, полученных *хозяином* от вины или неосмотрительности артельщика. Но еще большим обеспечением служит ценность самого места или звания артельщика: они нередко продаются или передаются по взаимному согласию от 1000 до 1 300 руб. сер. каждое. В случае смерти или тяжелой продолжительной болезни артельщика место его продается его родственниками или наследниками, которые, из вырученных денег сделав расчет с артелью, остальные затем удерживают в свою пользу. Если же артельщик исключается артелью за неисправность или дурное поведение, то место его продается самой артелью, которая, в случае наложения на него штрафа или взыскания за причиненный им убыток, удерживает их из вырученной суммы, а остальную выдает исключенному; но если бы эта сумма, равно как и капитал исключенного, находящийся в кассе артели, оказались недостаточными для покрытия причиненного им ущерба, то остальное доплачивает сама артель, а с него довыскачивается по своему усмотрению. В московской биржевой артели, в отличие от петербургских, староста имеет право, как скоро кто объявит надобность в артельщиках, немедленно набирать нужное число их, давая знать писарю, чтобы он вписал в книгу как их работу, так число рабочих и полученную сумму. Необходимые расходы делаются старостой, но он обязан как можно своевременно сообщать о том артели *у образа*, где писарь и вписывает их в расходную книгу. Относительно самих артельщиков нельзя не указать на их девиз, выраженный в самом их постановлении, – верность и честность; почему за утрату денег и товаров, порчу их убытки взыскиваются с виновного или же вычитаются со всех по раскладке. Во время работ артельщики должны повиноваться тому, кому старостою

доверен хозяйский приказ, хотя бы он был летами и моложе, «не возвышаться друг перед другом старшинством или званием» и не заводить никаких ссор. С артельщиков, провинившихся в малых проступках, берется штраф до пяти руб., который налагает староста, объявляя о том у *образа*.

2. Артели для рыболовного и звериного промыслов

Товарищества для рыбной ловли составляются в малых размерах едва ли не в каждом селении, где есть рыбная река или озеро. Ловитвенные снаряды артель имеет обыкновенно свои или же берет их под условием заплатить за них какой-либо долей улова. Если при этом и вода не находится в общем пользовании селения, а в чужой даче, то промышленники точно так же платят владельцу этой дачи деньгами или же частью улова. В больших размерах рыболовство производится артелями на морях Белом и Ледовитом, где к нему присоединяется еще звериный промысел, на Урале и на Чудском озере. Скажем о каждом из них несколько слов.

О зверином промысле и рыбной ловле артелями на морях Белом и Ледовитом сообщает некоторые любопытные подробности г. *Максимов* в сочинении «Год на севере». Вот как он описывает составление этих артелей, занятия их и отношения между артельщиками.

Каждое судно, отправляющееся из Пустозерска за промыслами на Новую Землю имеет свою артель, называемую *котляною*. Котляна носит название *плотной*, когда артельщики идут от себя, а не по найму от хозяев. В каждой котляне, снаряженной *хозяином*, бывает от 8 до 20 человек; главный из них называется *кормщик*, второй за ним *полукормщик*, третий – *полууженик*; все остальные простые работники – *покрутчики*, *покрученики*. Каждый из них имеет при разделе промысла свою часть, пай, называемый *ужною*. На хозяина по ужнам идет обыкновенно две трети всего промысла; кормщик из остальной трети получает, против простого покрутчика, в 4, 5 и даже 7 раз больше; полукормщик всего этого половину, полууженик – половину против последнего; покрученик, по взаимному договору с хозяином, получает против первых меньше иногда на половину, а иногда и того меньше. Впрочем, взаимные любовные условия на честное слово занимают первое и главное место, так что вышесказанные основания не всегда должно понимать за постоянное правило.

Жители Мезени выходят на тюлений промысел артелями, иначе называемыми *покрутим*, *ужною*, которые состоят из 7 или 8 человек, именно: хозяина, уженников и покручеников или половинщиков и мальчиков-зубов. Обязанность снаряжать артель лежит на хозяине, который и сам всегда отправляется на место промысла с работниками. Уженники, идущие на своем содержании, получают $\frac{1}{8}$ часть всего промысла; покрученики – половину

этих или 16-ю долю промысла, а мальчики – треть 16-й доли. Остальное достается хозяину за снаряд, который во всяком случае окупается.

Для промысла трески и палтасины на дальнем мурманском берегу в селениях начиная от Онеги до Кандалажской губы составляются также артели несколькими местными богачами. При наряде ими *покрута* соблюдаются следующие правила. Крутятся в пай обыкновенно четверо: *кормщик, тяглец, весельщик и наживочник*. Последние трое называются *рядовыми* и отдаются в полное распоряжение кормщика. Добытый промысел делится на три части: две поступают в пользу хозяина, крутившего народ, за его снасти и суда, остальная треть делится поровну между четверьмя работниками. Кормщик сверх того получает на свой пай *половой* от хозяина, т. е. еще ровно половину того, что ему досталось из третьей части по разделу, и сверх того награду, так называемый *свершонок*, от 5 до 50 руб. сер. Мальчики не получают ничего, кроме мелких подарков.

У уральских казаков, по описанию г. *Данилевского*, ловля в море против устья Урала (так называемые «Кухайские ловы») производится артелями с таким ограничением, что каждая артель имеет право на выставку не более 100 сетей или, что то же, она должна занимать не более 450 сажен в линию. Так как не все места равно уловисты, то мечут жребии для размещения артелей, которые и выставляют свои сети в порядке доставшихся им номеров. Жребии называются *полными*, если достанутся *полным артелям*, т. е. имеющим право на выставку 100 сетей, *неполными*, если достанутся меньшим артелям, и *единичными*, если их получают казаки, не приписавшиеся ни в какие артели, что, впрочем, случается весьма редко. От этого жеребьевого порядка освобождены лишь начальники участков и их помощники, которые выбирают себе место по желанию. Эти места самые лучшие и так постоянны, что известны под именем *атаманских мест*. Самые артели двух родов: одни истинно товарищеские, имеющие в виду взаимную выгоду своих членов, как, например, потому что несколько казаков имеют одну общую морскую лодку; другие же составляются богатыми казаками, которые нанимают себе бедных казаков в работники, почему последние получают уговорную плату. Что касается дележа у уральцев добытой артелями рыбы, то он различен, смотря по способу и месту ее ловли. Так, на *осеннем* неводном лове что каким неводом вытянуто, то и принадлежит приписанной к нему артели, тянувшей его, и разделяется по паям между ее членами. Хозяин невода получает сверх того 5 паев; каждый из простых казаков, которых должно быть у невода не менее 6¹, за работу по паю, следовательно, и хозяин, если он работал, как всегда и

¹ Назначение меньшего числа рабочих, равно как и в некоторых случаях наибольшего числа неводов, на ловлю имеет целью положить границу числу или величине паев, приходящихся на долю хозяев неводов с тем, чтобы эти паи могли доставаться большему числу казаков-работников участвующих в лове одним своим трудом.

бывает. Офицеры, лично участвующие в тяге, получают: обер-офицеры по 2, штаб-офицеры по 3 пая. Основание этого преимущества офицеров заключается в том, что право на ловлю считается на Урале общей принадлежностью казаков, за исключением рядовых, находящихся в действительной службе и получающих денежное вознаграждение; но число сетей, которые казак может выставить, различно по чинам. На *зимнем* неводном лове дележ совершенно иной. Здесь лов в каждом участке производится сообща, т. е. каждый невод ловит не на себя, а складывают весь улов в общие кучи, называемые *урсами*. Дележ урсов по паям отличается тем, что хозяева неводов получают здесь по 6 паев вместо 5, потому что зимние невода дороже осенних; офицерам, лично участвующим, полагается без различия чинов по 2 пая. На невод не должно быть приписано менее 14 человек. На *весеннем* Черхальском лове (в озере или морце Черхальском) вся рыба складывается вместе, солится и затем делится на равные кучи, по числу тянувших неводов. Так как эти кучи совершенно уравнивать нельзя, то один из казаков отбирает у хозяев артелей шапки и, перемешав их, кладет по шапке на каждую кучу – чья шапка, того и куча. Каждая же куча делится по паям, так что за каждые 100 сажен невода хозяин его получает 5 паев. Прочие правила дележа те же, что и на зимнем неводном лове. На узеньях, где по различному свойству речек и озер употребляются и невода различной величины, вознаграждение хозяевам предоставлено взаимному соглашению между членами артелей.

На Чудском озере для производства зимнего неводного лова образуются «ловецкие дружины». Кто достаточнее и опытнее в ловле и постановке невода, тот выбирается *жерником*. Обязанность его состоит в том, чтобы во все время производства лова распоряжаться и смотреть за порядком; ему повинуются вся дружина. Вырученная за лов сумма разделяется на две равные части: из них одна назначается на «народ» (работников), а другая «на запас», т. е. в пользу жерников, и вообще всех хозяев запаса или невода. Деньги этих последних соразмеряются с величиною принадлежащих им неводных частей, а деньги на работников делятся между всеми членами дружины поровну, исключая «коморы» (артельщика, приготавливающего пищу), который получает вполтину менее против других. Кроме того, жернику дается еще плата за квартиру.

В дополнение к этим сведениям о рыболовных артелях сообщим историческую заметку о таких же артелях, еще недавно занимавшихся рыбной ловлей в Байкале. По свидетельству г. *Сельского*, до 1709 г. было на этом озере несколько особых артелей; каждая состояла из 20 и более пайщиков и имела на откупу известные рыболовные места как в самом озере, так и по речкам, впадающим в него. Главных артелей было четыре: 1) Коргинская, 2) Култукская (смежная с Коргинскою), 3) Березовская, по р. Селенге и

4) Ольхонская, производившая свои промыслы около озера Ольхона, в речке Бугульдейке и реках Баргузине и Верхней Ангаре. Артели эти имели свои собственные суда для сплава рыбы в Иркутск. Рабочих людей держали без платы, наделяя их за службу рыбою; впоследствии эти рабочие делались сами хозяевами новых артелей. В настоящее время от засорения устьев Селенги рыбный промысел здесь упал.

3. Артели бурлаков

Из артелей, промысляющих наймом своего труда, на низшей степени развития стоят артели судорабочих, известные под названием *бурлацких*, которых промысел состоит в том, что они проводят по рекам пустые или нагруженные суда от одной пристани до другой. Главным образом простолюдины, не знающие лучшего промысла в свободное время от полевых занятий находят себе этого рода работу на Волге и Доне, почему и следует по преимуществу обратить внимание на бурлацкие артели той и другой реки. К счастью, мы имеем о них весьма подробные и верные сведения. Остановимся прежде на артелях волжских как наиболее известных и представляющих типические черты, которые прилагаются и к другим бурлацким артелям с некоторыми лишь особенностями.

Артели бурлаков на Волге разделяются на верхних и нижних, или *волжских* в собственном смысле. Самый путь, совершаемый бурлацкой артелью, называется *путиной* и бывает *дальний* или *короткий*; к первому принадлежат путины в Рыбинск из Астрахани, Царицына, Самары и проч.; короткие путины совершаются между Рыбинском, Нижним, Казанью, Симбирском. Основание, которым связываются бурлацкие артели, есть добровольное соглашение членов на равный труд для общего заработка. Отсюда следующее начало, ограничивающее их взаимные отношения, что хотя не все бурлаки одной артели трудятся равно, но плату они получают все равную, не выключая и выборного главы или десятника. Вместе с тем члены артели обязываются отвечать друг за друга хозяину, который их нанимает; так, например, если бурлак сбежит или захворает, то артель обязана нанять на свой счет другого работника, почему и стараются набирать в одну артель преимущественно односельцев.

Артели составляются обыкновенно в самых местах подряда: зимою в деревнях, селах или известных городах, куда приезжают приказчики от судовладельцев для найма рабочих, летом – в тех приволжских городах, где существуют так называемые *бурлацкие базары*. Иногда бурлаки выходят уже из дому сформированной артелью, хотя, впрочем, это бывает редко. Артели состоят обыкновенно из 10–45 человек; но даже на пристанях чаще встречаются бурлаки небольшими группами, человека по 4, 5 и 6 в каждой. Из таких мелких

до найма артелей и составляется при найме рабочих на судно одна большая рабочая артель (иногда в 150 человек и более). Но часто в самом пути оказывается, что нанятого сначала числа бурлаков недостаточно: тогда к этим *кореным* бурлакам, как они называются, хозяин судна нанимает еще *добавочных* за особую плату. Артели, нанимающиеся зимой, обыкновенно подряжаются посредством своих выборных – десятников или простых артельщиков; летние же лично или сообща договариваются с хозяином. Договор этот в первом случае составляется письменно в форме контракта, который является у маклера, а во втором вносится только в тетради, имеющие, впрочем, такую же обязательную силу. Чтобы определить точнее содержание таких сделок, я укажу на главные условия, которые в них помещаются, на основании одного контракта, прилагаемого ниже. Из них на первом месте стоит ряда о цене, которая, однако, показана в особом реестре; затем говорится о приготовлении бурлаками судна к сплаву, о сплаве его вниз по Волге до Балакова, где оно должно быть нагружено ими же хлебом, и о возвращении с ним в Рыбинск. Груза полагается не более 1000 пудов на пятерых работников. Далее объясняются обязанности бурлаков в случае каких-либо несчастных случаев с судном; вместе с тем они обязываются иметь осторожность от огня и потому не курить, также не напиваться и не хворать притворно, иначе хозяин волен за счет них нанять других работников; со своей стороны хозяин обязуется больных рабочих оставлять не иначе, как в городе или в другом жилом месте и отдавать их на руки старшему того места. В заключение говорится, что по прибытии на место и по уборке судна и припасов хозяин должен сделать расчет. Читая эти условия, нельзя не припомнить себе те договоры, которые уже в XVI столетии и, конечно, еще ранее судохозяева на Волге заключали с «ярыжными», нанимавшимися плавить их грузы.

В пути бурлаки бывают большей частью на своих харчах. Покупка провизии и все расчеты по продовольствию поручаются артелью *десятнику* или *артельщику*, который, впрочем, на эти расходы получает деньги от хозяина, вычитающего их при окончательном расчете из рядной суммы. Для предупреждения обмана со стороны десятника артелью ведется над ним контроль, состоящий в том, что для закупки провизии с ним отправляется обыкновенно *посыльный* (один из артельщиков) и расходные его счета поверяются с хозяйскими, с которыми они должны быть согласны, иначе не признаются правильными. За свои обязанности как по части хозяйственной, так и по приискиванию ряды десятник получает от артели вознаграждение.

В случае пьянства бурлаков драки между ними или худой работы они подвергаются наказаниям по приговору артели.

Несмотря на долговременные обычаи, под влиянием которых сложились и окрепли отношения между бурлаками и судохозяевами на Волге, несмотря

также на письменные контракты, которыми утверждаются эти отношения, как положение бурлаков, так иногда и интерес самого хозяина судна далеко не обеспечены исполнением тех требований, на которые имеет право каждая из сторон. Иногда путь по причине противных ветров и других неблагоприятных обстоятельств продолжается долго, и тогда низкая плата, получаемая бурлаками, обращается им в наклад: вследствие этого они оставляют хозяина, так что подчас бежит целая артель. Но и судовладельцы не свободны от разных проделок и обманов со стороны артели. Это самое обстоятельство, как увидим ниже, и вызвало подробные правила, которыми законодательство обставило отношения между бурлаками и судовладельцами. По этой же причине разбирательство между ними споров поручено Судоходным Расправам; однако ссорящимся в случае неудовольствия решением Расправы предоставлено обращаться к третейскому суду.

В связи с бурлачеством находится в Рыбинске особый промысел *батырей и крючников*. Батырем называется подрядчик, имеющий одну или несколько артелей крючников, занимающихся нагрузкой или выгрузкой судов. Крючники, носящие кули на спине, называются *горбачами*. В артели из 10 человек бывает обыкновенно 2 горбача, в артели из 12 человек – 3. Богатые батыри не делят работы со своими артельщиками, разве если кто из крючников заболит; но мелкие батыри работают наравне с крючниками. Из суммы, следующей артели, батырь получает двойной пай: один – от судовладельца, с которым он договорился в работе, для которой нанял крючников, наравне с ними, а другой – в виде вознаграждения от самих крючников, которые выделяют для этого часть из своих заработных денег. Расчет между ними, или *дуван*, происходит публично, на улице.

Бурлацкие артели на Дону представляют следующие особенности. Для сплава судов вниз по реке общество, к которому принадлежат крестьяне, желающие наняться в судорабочие (большой частью государственные), выдает им из Расправы билет за подписью писаря; с этим билетом они приходят к хозяевам и нанимаются, получая самый незначительный задаток. Но чаще случается, что приказчик судопромышленника или лоцман приезжают в село или слободу и объявляют в Расправе, чтобы желающие наниматься на суда шли к ним на квартиру. Расправа со своей стороны дает знать об этом известным бурлакам, чаще тем, за которыми более состоит недоимки; последних нередко и понуждают к найму. По окончании договора нанявшихся ведут приказчики в Расправу, где при старшине и сборщике податей выдают им почти все деньги по договору, оставляя у себя незначительную сумму для получения билета рабочему. Паспорта берутся в волостном правлении или в уездном казначействе всегда хозяевами. Самим рабочим деньги выдаются только тогда, когда они приходят наниматься с готовыми паспортами. Договор с рабочими бывает

словесный, контрактов с ними не делают. Дорогой, когда суда причаливают, то сей же час *кухари* (дежурные) начинают варить обед или ужин на берегу, на каждую артель отдельно. Должность кухарей исполняют все, кроме лоцмана или помощника; обязанность их – отливать из судна воду день и ночь, варить обед и ужин; в трудных и опасных местах они выходят на греблю. Продовольствие, впрочем весьма скудное, получается от хозяина.

По прибытии в Ростов (на Дону), рабочие приступают выгружать барки в указанном хозяином месте на берегу в бунты или амбары. По выгрузке порожние суда также отводятся на указанные места, и только тогда рабочие получают от своих хозяев паспорта и деньги (если только они есть в остатке); тогда же некоторые из рабочих нанимаются при расчете на верховой ход. Этот наем хозяева предоставляют большею частью лоцману, иногда же и сами договариваются с судорабочими. При этом хозяин берет у нанявшихся паспорта и выдает задаточные деньги от 2 до 5 руб. сер., а остальные оставляет за собою до места. Продовольствие и здесь на весь путь также хозяйское: пшено для каши, мука ржаная для квасу и ржаные сухари. По прибытии судов к месту назначения бурлаки выгружают и складывают все материалы на указанные хозяевами места. Но если окажется по счету недостача товаров, то стоимость недостающего вычитается с них и лоцмана.

Бурлачеством на Волге занимаются крестьяне не только прибрежных местностей, но часто и приточных рек. Так, крестьяне Вятского уезда, приходя на Волгу, спускаются аж до Астрахани или поднимаются до Рыбинска. С другой стороны, крестьяне приволжских губерний иногда ограничиваются бурлачеством лишь на известном пространстве своей реки. Так, бурлаки Астраханской губернии нанимаются только на путь от Астрахани до Царицына или Саратова. Впрочем, эти артели не отличаются ничем особенным от тех, которые составляются в верховьях Волги.

4. Артели торговые

По всей России известны и действительно так распространены торговцы поодиночке и артелями мелочных товаров, преимущественно из владимирцев, носящие разные названия, как то: *офеней, коробочников, ходебщиков, щепетильников*, что нельзя не упомянуть о них в настоящем случае. Не имея, однако, подробных сведений о составе этих артелей, об отношениях членов их между собой и к капиталистам или купцам, которые ссужают им деньги или товары, и наконец касательно раздела между ними доходов, мы можем только заметить, что они весьма близко подходят к артелям *украинских* мелочных торговцев, так хорошо описанным *И. С. Аксаковым* в его известном сочинении «Об украинских ярманках», почему и приводим здесь это описание.

Жители местечка Рашевки, преимущественно казаки, образуют из себя артели от 6 до 10 человек. Каждая артель делает складчину, избирает себе начальника или *атамана* и через посредство его берет у одного из рашевских купцов известную пропорцию игольного товара, а иногда занимает денег на честное слово без всякой расписки; потом уплачивает подати за себя или за семьи, добывает паспорта и готовится в путь. До выезда вся артель собирается к атаману, который раздает каждому часть товара и некоторую часть денег; с общего согласия назначается срок и место для сбора, и потом вся артель расходится в разные стороны, по разным дорогам, пешком, с котомкой или коробкой за плечами, а атаман с остальным товаром и деньгами прямо едет в телеге на сборный пункт. Артельщики редко покупают что-нибудь за наличные деньги, а почти всегда выменивают свой дешевый игольный товар на щетину, перо, пух, старый медный лом, шкурки, восчину и т. п. Эта мена гораздо выгоднее продажи. На сборный пункт в урочное время являются все артельщики, выдают атаману выменянные вещи и отчет в деньгах и представляют к освидетельствованию наличный оставшийся у них товар. Атаман сейчас делает заключение, кто был исправен, кто нет, по какой причине: если от пьянства или вообще от собственной причины артельщика, то немедленно творится артельный общий суд и расправа, т. е. виновный тут же наказывается. Если же дело артели шло удачно и прибыль хороша, то все расчеты заканчиваются магарычом, после которого вновь раздаются товары, вновь назначается сборный пункт и артель движется далее... Таким образом артель проходит до Азовского побережья, постоянно смыкаясь и размыкаясь, то превращаясь в одну цельную общину, произносящую суд, то распадаясь на отдельные, самостоятельно действующие лица, ибо успех каждого зависит от его личных свойств, сметки, умения и характера. Разумеется, не все артели путешествуют так далеко, некоторые из них совершают свои походы не далее Киевской и Херсонской губернии раза по два, по три, по четыре в год; отправляющиеся к Азовскому морю, к черноморским казакам и даже на линию проводят в странствовании около года. Променив весь взятый из дому товар и нагрузив опорожненную телегу новым приобретенным, артель возвращается домой. Атаман сдает купцу, ссудившему их деньгами и вещами, весь привезенный товар по существующим ценам. Купец вычитывает из общей ценности товара сумму, которая ему следует в возврат, без процентов, а за остальной товар уплачивает наличными деньгами. Тогда чинится расчет в самой артели: выручка делится на равные части между всеми, причем деньги, внесенные в кассу, возвращаются каждому сполна, но атаман получает еще другую часть за подводу. Если же кто не оказал усердия, то с его части с общего согласия делается вычет. Все расчеты кончаются в один день, заключаются пирушкой, и партия расходится.

К торговым артелям принадлежат еще складчины капиталами, вверяемыми известному в данной местности капиталисту, который называется *мирским воротилой*, без всяких расписок, на веру. В помощь воротиле придаются 2–3 опытных лица, называемые *дядями*; складчики называются *молодцами*, а вся артель – *миром*. Воротила и дяди становятся опекунами семейства молодых и платят за них все подати; они же закупают товары на чистые деньги большею частью в Москве и во Владимирской губ. Товары распределяются между молодцами сообразно вкладу каждого; затем они разъезжаются в разные стороны, назначив сборное место и время съезда: здесь происходит расчет (дуван). Каждый молодец получает свой пай в общих барышах, на долю же воротилы и дядей идет барыш вдвое и втрое против молодых; спору в дележе не бывает: на мир суда нет.

5. Артели чумаков и возчиков

Чумаками называются не только в Малороссии, но и в некоторых местностях Великой России малороссияне, перевозящие на своих фурах и своим скотом (обыкновенно на волах) разные произведения, как то: хлеб, соль, рыбу и проч. из одной местности в другую. Такие чумаки делятся на два разряда: одни из них собственники, которые возят собственные произведения в ближайший порт или город и, продав их, покупают здесь другие для продажи на месте своего жительства или в ином городе. Чумаки этого разряда хотя и ездят артелями, но не связаны между собой ничем другим, кроме товарищества в дороге, как односельцы, и разве где-нибудь на привале сделают складчину на четверть или полведра вина, смотря по многочисленности партии. Настоящие же артели или купы чумаков составляют те, которые перевозят произведения или вообще тяжести, не принадлежащие им в собственность, и на них-то мы и остановимся.

Плодородная почва южного края России при своевременной обработке дает обыкновенно обильный плод. Преимущественное здесь произведение – пшеница под разными названиями. Кроме местного потребления (как составляющая необходимость в домашнем быту малороссиян), она заготавливается в большом количестве для продажи местным купцам, которые, в свою очередь, закупают ее в ближайших портах. Перевозка этой закупленной пшеницы на места обыкновенно делается на воловых фурах, что хотя крайне замедляет доставку ее и обходится дорого, но общеупотребительно по неимению еще в том крае правильных путей сообщения. Фуры нанимаются большею частью за несколько месяцев ранее: так, например, пшеница, закупленная с осени, не может быть отправляема зимой, ибо в дальние дороги зимой чумаки не пускаются, не имея обычая подковывать волов. Самый наем делается не в

центрах торговли, как по причине недостаточного количества в этих местностях фур, так равно и высшей цены на них против местностей более или менее отдаленных. В эти-то последние *хозяева* (купцы) отряжают в начале зимы своих приказчиков или, как их называют, *малых*. Приехав в слободу, приказчик объявляет одному-двум мужичкам, что вот-де зачем он приехал, а эти сейчас же дают о том знать всем и каждому, не столько из желания иметь работу, сколько для того, чтобы иметь случай запить общий «магарыч». К вечеру или рано утром являются в хату приказчика человек 15 или более составившего товарищества – договариваться «пид фуру». После обычных приветствий с обеих сторон, сторговавшись в цене, чумаки выговаривают себе часть «лантухов» (в которые насыпается пшеница), «мостовые» или перевозные деньги, и наконец, неизбежный «магарыч». По окончании всех договоров приказчик дает задаток, руб. по 5 на фуру, а иногда и более, смотря по нуждам нанимающихся. Затем договор излагается письменно и свидетельствуется волостным правлением. Самый задаток передается, однако, в руки одного из более уважаемых крестьян, получающего вместе с тем название *артельщика* или старосты, на имя которого пишется и контракт за поручительством товарищей. По отъезде приказчика к артельщику являются тотчас артельные и просят его помочь им в нуждах: одному деньги нужны на подати, другому на необходимые домашние расходы и проч. Артельщик удовлетворяет их беспрекословно, но не без разбору и ведя всему счет, несмотря на то, что иногда бывает неграмотный. По окончании весенних посевов артель отправляется в торговый пункт для насыпки пшеницы и тут же запасается в дорогу дегтем, солью и рыбой, которые закупает артельщик; пшено же, сало, хлеб и сухари берет каждый домохозяин из домашних запасов, но все-таки складывает и их в артель. Дорогой всем распоряжается и деньги на необходимые расходы ведет также артельщик. По приезде на место и при благополучной сдаче хлеба староста получает следующие деньги за провоз из конторы купца, и тут же производится их дележ. В обратном пути каждый ведет денежные расходы сам, потому что на заработанные деньги покупает соль или рыбу на себя, следовательно, делается чумаком-собственником; харчевые же припасы остаются по-прежнему общими. Во все лето, во время рабочей поры, чумаки обыкновенно не ходят в дорогу; но есть и такие, которые знают только одно дело – чумаковать. Артели этих последних даже зимуют вместе со скотом близ торговых пунктов; в них заведен уже порядок относительно внутренних распоряжений и самые расчеты ведутся правильнее, так как постоянные чумаки большей частью грамотные.

В последнее время и в некоторых селениях Великой России, особенно в бывших помещичьих, по освобождении крестьян от крепостной зависимости распространилось извозничество или перевоз разного рода сельских произ-

ведений и других продуктов от пунктов их производства в большие торговые города и к пристаням, и обратно отсюда разных припасов и товаров в уездные города и села для местного потребления. В первом случае нанимают как сами помещики (для отвоза хлеба, вина, шерсти и т. п.), так и купцы, закупающие сельские продукты на самых местах их производства, а иногда и сами крестьяне, занимающиеся торговлей; в последнем случае обыкновенно купцы, торгующие в уездах солью, рыбой и разным товаром, иногда же и сами возчики, как малороссийские чумаки, покупают соль, рыбу, яблоки и т. п. на себя и продают их дома или развозя по окрестным селениям. Такие возчики нанимаются иногда целым товариществом, обязуясь *хозяину* отвечать друг за друга, почему и расходы, равно как и барыши, у них общие; но так, что расчет тех и других делается не по числу лиц, составляющих товарищество, а по числу *подвод*, ибо допускается, что один домохозяин может иметь в обозе двух или более лошадей и на каждую из них особые телегу или сани с поклажей, следовательно, не одну подводу.

6. Артели ремесленников и сельских рабочих

Ныне уже было нами указано на товарищества, составляющиеся для разных работ, в которых члены принимают на себя круговую друг за друга ответственность, участвуя как в барышах, так и в убытках, выпадающих на долю товарищества. Нельзя, однако, не заметить, что такие товарищества теперь, сколько нам известно, едва ли не в самом начале, хотя мы уже видели их значительно развитыми в древней России. Причину тому, что они как бы исчезли и только с недавнего времени возрождаются с новой силой, должно, кажется нам, искать в крепостном праве, которое, ограничив огромное количество сельского населения определенными работами в пользу помещиков, тем самым, с одной стороны, устраняло большинство рабочих, которые при других условиях своего быта могли бы свободно вступать в товарищества для более выгодного употребления своего знания и труда, а с другой стороны, не только давало возможность помещикам, но даже некоторым образом заставляло их в вознаграждение за ущерб, приносимый им, в свою очередь, крепостным правом, ограничиваться производством своих крестьян или дворовых, чем самым, очевидно, уменьшался запрос на свободную и, следовательно, более дорогую, хотя и лучшую работу. Было бы, впрочем, несправедливо думать, что начало произвола, внешнего гнета и стеснения свободной деятельности отношений выражалось только в крепостном праве помещиков над их крестьянами и дворовыми людьми: оно касалось и других классов сельских и городских жителей, которые далеко не всегда свободно располагали своими занятиями и даже своим имуществом. Отсюда, как естественное

последствие, явились апатия и лень, которые всюду и всегда приводят за собой застой, не только вообще в занятиях, но и в самом усвоении и развитии знаний, искусств и ремесел и вместе с тем рождают более или менее общую бедность. Под влиянием этого начала взамен ремесленных и рабочих артелей образовались у нас *подрядчики* из немногих более зажиточных ремесленников, которые весьма часто держат в полной кабале своих односельцев или посторонних крестьян, нанимаемых ими для исполнения работ, взятых с подряда, оставляя все барыши, за вычетом скудной платы артели (называемой так уже в совершенно ином смысле), исключительно в свою пользу. Не касаясь поэтому ближе таких артелей, мы укажем здесь только на те артели ремесленников и сельских рабочих, которые нам известны как действительные товарищества, заслуживающие тем большего внимания, что число их со времени отмены крепостного права на наших глазах все более увеличивается, обещая через то в близком будущем развитие правильно организованных и многочисленных ремесленных и рабочих артелей в собственном значении этого слова. Таким артелям мы придаем еще особенную цену потому, что лишь с помощью их, по нашему убеждению, становится возможным для помещиков в настоящее время успешное занятие вольнонаемным хозяйством.

По собственному опыту нам пришлось ознакомиться с товариществами, которые ежегодно образуются в наших имениях со времени введения в них уставных грамот для исполнения разных работ по вольнонаемному хозяйству, в особенности же пашни, сенокоса, жнитва и возки снопов. В саратовском нашем имении на пашню нанимается у нас обыкновенно целое сельское общество на таком условии, что, получив задатку по рублю серебром на каждую десятину по числу всех десятин, снятых крестьянами, они вслед за тем приступают к парке, весенней или осенней, а когда приходит время пашни или посева, то по первой поверке принимаются за пашню, бороньбу и посев и только по окончании всей работы в полной исправности получают следующие по найму остальные деньги. При этом помещику нет дела до отдельных рабочих: он требует лишь хорошей работы и исполнения ее во всем условленном количестве, а наблюдение за всем остальным, как то: за теми, кто именно дурно работал, кто не вышел на работу, как заменить того, кто не в состоянии пахать своей десятины, – есть дело мира. Покос и жнитво исполняются, напротив, небольшими артелями, которые, впрочем, отвечают за исправность всех и каждого товарища и без того не получают следующих денег. Возка снопов делается опять большею частью целыми обществами, и эту работу принимают иногда на себя не только сельские общества наших бывших крестьян, но и сторонних помещиков. В пензенском нашем имении точно так же самая значительная часть полевых работ исполняется товариществами бывших крепостных крестьян в том же имении, с которыми заключаются для

того письменные условия, свидетельствуемые в волостном правлении. Привожу для образца одно из таких условий, замечательное тем, что обязанности подрядчика-артельщика, через посредство которого обыкновенно рабочие артели ведут свои переговоры с землевладельцами, возложены здесь на сельского старосту или выбранного обществом; что число работников, какое вправе требовать ежедневно помещица, ограничено и что споры о негодности работ постановлено разрешать третейским судом.

Из числа артелей каменщиков и плотников, какие во множестве расходятся по России из губерний: Ярославской, Нижегородской, Рязанской, Владимирской и некоторых других, но обыкновенно состоят из подрядчика и нанятых им работников, г. *Ознобишин* указывает на одну артель плотников Рязанского уезда из имения княгини Варшавской, связанную началом товарищества. В этой артели, отличающейся честностью и потому пользующейся большим доверием, подрядчик (один и тот же в течение 10 лет) получает только особое вознаграждение, самый же заработок делится между ее членами соответственно их трудам и знанию.

Кроме этой ремесленной артели, мы знаем о товариществах *серповищиков* или промышленников серпами во Владимирской губернии; но, к сожалению, г. *Дубенский*, упоминая о них в одной из своих статей, не сообщает никаких сведений об отношениях между членами этих артелей, как можно их, конечно, назвать. Так, например, из числа их так называемые «тюковщики» занимаются своей работой по несколько человек вместе в одной кузнице, отправляя одного из среды себя в соседние деревни и села как для собирания заказов, так и для раздачи сработанных ими серпов, ножей, топоров, ножниц и проч. Такие артели ходят и в дальние губернии, в Сибирь, в земли уральских и донских казаков, в Украину.

По свидетельству г. *Савинова*, в Вятской губернии от уменьшения бурлачества (вследствие распространения коноводных машин и пароходств) бывшие бурлаки обратились в *рудокопов*. Они ходят на этот промысел так же партиями, как и на бурлачество, от 10 до 15 человек, в пермские, сибирские и оренбургские рудники, а также на рудники железоплавительных и чугуноплавительных заводов Слободского и Глазовского уездов, в числе до 2000 человек. Такое же указание на артели сельских работников, занимающихся при разных горных и других заводах рубкою дров, жжением угля, ломкою соли и перевозом материалов, а также по золотопромышленности, мы находим в действующих законах, в которых относительно их установлены даже особые правила.

Впрочем, из всех сюда принадлежащих ремесленных и рабочих артелей правильным устройством в значении постоянного товарищества отличается недавно образовавшаяся в Петербурге *столярная артель*. Учреди-

тель этой артели, г. Мельников, который, вложив для того основной капитал (2000 руб. сер.) и пригласив вступить в товарищество с ним нескольких столярных мастеров с вкладом мебели, обеспечил дальнейшее существование артели условием учредителей между собою принимать на себя исполнение заказов столярных изделий за их общим ручательством и делить между собою барыши и убытки, какие могут от этого произойти.

В течение двух с небольшим лет со времени своего учреждения эта артель развилась в значительное товарищество, имеющее прекрасный магазин и признавшее полезным испросить официальное утверждение своего устава на языках русском и немецком. На основании этого устава сущность артели заключается в том, чтобы все составляющие ее лица участвовали в работе, получаемой ею по заказам без всякого постороннего посредства а, следовательно, и в выручаемой от того прибыли, через что они приобретают самостоятельность, а публика – возможность иметь столярные изделия из первых рук. Для достижения этой цели материалы закупаются из общих сумм артели и выдаются членам в счет их работ вместо денег.

Число членов неограничено; но в артель они поступают не иначе как по баллотировке в общем полугодовом собрании, а до того желающие быть членами могут лишь приписываться к артели в звании кандидатов. Избранный член в течение первых 7 дней обязан внести 25 руб. сер. *отступных* денег и в течение первых трех месяцев выставить в магазине артели не менее как на 50 руб. сер. мебели своей работы. Раздел барышей производится соразмерно капиталу, внесенному деньгами и изделиями; но учредители получают сверх того на часть основного капитала, отчисляемую в запасный капитал, по 6 процентов в год до выхода их из артели. Член, оставляющий артель, получает назад свои вступные деньги и часть вырученного капитала, причитающуюся ему по расчету. Управление артелью принадлежит трем старостам, на которых возложены обязанности, лежащие и на старостах других артелей.

Из сведений, полученных нами от самих членов этой артели, оказалось, что она состоит теперь большею частью из немцев, между тем как основание ей положено было русскими. Тем не менее сущность ее не изменилась, и в этом мы не можем не увидеть указания на то, что в основе наших артелей как товариществ лежит то широкое начало, которого ищут западные теории для утверждения на нем своих ассоциаций. Если так, то мы вправе сказать, что задуманные вновь и отчасти уже осуществившиеся артели в Петербурге поступают весьма благоразумно, стараясь ближе ознакомиться с предшествующими им на Руси артелями. Действительно, начало, лежащее в основе этих артелей, так удобоприменимо в разных товариществах, что при нем возможно самое полное развитие всякого рода ассоциаций. Так смотрели и смотрят на свои уставы или условия и самые

артели, как это ясно выражено некоторыми из них. Таким образом, и устав С.-Петербургской столярной артели предоставляет ее членам делать в нем необходимые изменения с оговоркою только, чтобы эти изменения (как и самый устав) утверждаемы были правительством.

7. Артели на Урале для выставки войск

Вот что рассказывает об этих артелях *П. И. Небольсин* в своей любопытной статье под заглавием «Несколько замечаний об уральских казаках».

«Если предположить, что в данный момент времени в Уральском войске, за всеми выкомандировками людей на службу внутреннюю и внешнюю, состоит взрослых, готовых на службу, так называемых служилых казаков, остающихся в домах при своих хозяйствах, всего-навсего только 6170 человек – и вдруг правительству немедленно, к такому-то сроку, понадобится тысяча вполне вооруженных и готовых к бою всадников, то войсковое правление делает такой домашний расчет: из 6170 человек нужна тысяча, стало быть, каждые шесть человек выставляют из себя одного человека, а затем 170 остаются в излишке – и об этом дает знать по городам и форпостам способом обычного делопроизводства».

«Если тот род службы, на который та тысяча человек требуется, общим приговором оценен в 210 руб. сер., то каждый из шестерых, выставляющих из себя служилого казака, дает ему в подмогу по 35 руб. сер. Если из этих шести человек не найдется охотников идти на службу, то есть если каждого из них привязывают к дому рыбные промыслы и спешность караванных сделок, то каждая артель из шести человек предлагает 210 руб. сер. коренному уральцу из другой артели и снаряжает его на службу. Идет тот, кто беднее: половину денег он оставляет семье на прожиток или на поправку, а на остальную экипируется и вооружается под надзором начальства. Оставшиеся в излишке 170 человек, не нужные лично на службу, называются *нетчиками*, и из них каждые шесть человек вносят 210 руб. сер. уже не для охотника, а на войсковую казну, и этот сбор с нетчиков употребляется начальством на внутренние войсковые надобности для целого края».

«Если, – продолжает г. Небольсин, – число людей (для внутренней службы), долженствующих выставить из себя казака, не превышает числа десяти, то каждый участник этой малочисленной артели нанимает охотника лично сам за себя, и потом уже все сообща улаживают это дело общим расчетом. Но если артели должны составиться многолюдные – человек из 25 или 30, в таком случае каждая артель назначает особого *десятника*, облакает его на этот предмет неограниченным полномочием, и уже тогда десятник лично и сам собою совершает эту операцию».

8. Артели нищих

В Петербурге, а также, вероятно, и в других больших городах, нищие составляют иногда между собою артели, которые занимают одну квартиру. В таких квартирах, по словам *т. Соколова*, познакомившего нас с бытом петербургских нищих, артель сих последних помещается под председательством и поручительством одного из выбранных самими ими старосты, который, собирая со всей братии деньги за квартиру, отдает их квартиропромышленнику вперед. Сверх того, на обязанности старосты лежат хлопоты об освобождении нищих, когда кто из них попадется за нищенство или пьянство.

9. Артели продовольственные или потребительные

Товарищества лиц, составляющих между собою на некоторое продолжительное время складчину деньгами или припасами для общего продовольствия пищею или также другими предметами жизненных потребностей, называют себя также *артелями*. Если члены таких артелей во всех других отношениях ничем между собой не связаны, то они суть исключительно продовольственные или потребительные: цель их – получение более дешевого продовольствия, и потому они возникают в различных положениях каких бы то ни было лиц, связанных между собою иногда совершенно случайно в одно общество.

Так, обыкновенно рабочие, которые поставляются на какую-либо работу одним подрядчиком, составляют между собою артель, поручая одному из среды себя покупать на общие деньги все припасы, потребные им для пищи. Так, в каждом полку нашего войска существуют артели, общая пища изготовляется частью на солдатское жалованье, частью же из продовольствия, отпускаемого им натурой; излишне остающиеся от того деньги называются *артельными* и составляют солдатскую собственность. Так, арестанты, содержащиеся за долги, соединяются иногда в артель, чтобы иметь общий стол. Так, чумаки и другие извозчики, не связанные между собой договором по извозу, тем не менее находят выгоду, отправляясь обозом, иметь общую пищу. Так, наконец, переселенцы из одной губернии в другую складываются деньгами, которые дают одному из среды себя для путевых расходов до нового места жительства.

Впрочем, для всех подобных товариществ название их артелями может быть оправдано лишь в отличие от кратковременных складчин, которые очень известны между нашими простолюдинами, особенно для взаимного угощения вином и пивом. Такие складчины ведут свое начало с глубокой древности и называются также *братчинами* и *пирами*, а лица, распоряжающиеся на них, – *пировыми старостами*.

Представив очерк главнейших из существующих ныне известных мне артелей, прежде чем я перейду к рассмотрению вопроса об отношении нашего законодательства как к исчисленным артелям, так и вообще к товариществам этого рода, я сделаю одно замечание касательно основного начала, составляющего их сущность. Начало это, как мы видели, состоит в равенстве взаимных отношений между членами артели и вместе с тем в участии их во всех действиях, а также в выгодах и убытках составляемого ими товарищества, соразмерно капиталу или труду, внесенному каждым из них в общее дело.

Такое свободное и равномерное отношение членов артели друг к другу основывается на свободном вступлении их в общий союз, другими словами – на начале договорном. Поэтому там, где какие-либо из этих отношений между членами общества определяются обязательно, помимо договора, там нет уже чистого артельного начала. С такой точки зрения, например, сельские общества древней и новой Руси, несмотря на связь их круговой порукой, не могут быть названы артелями. Но с другой стороны, если бы по какому-либо предмету промысла или занятия могли согласиться между собою все лица или большая часть из составляющих сельский мир, или даже жители нескольких селений, т. е. несмотря на их многочисленность, это была бы артель.

Возможность такого товарищества не есть одно предположение. Замечательный пример подобной артели-общины, кроме приведенных нами выше товариществ из членов целого сельского общества для земледельческих работ, представляют жители пяти находящихся в близком расстоянии друг от друга селений, в числе с лишком 400 душ, принадлежавших г-же Марковой и княгине С. П. Оболенской (село Пономарево, деревни Иваново, Полчаниново, Филино, Подвязново), в 10 верстах от Ярославля по Вологодскому тракту. Еще до отмены крепостной зависимости крестьяне этих селений платили в экономию оброк и затем уже к помещикам никаких отношений не имели. Летом они занимаются хлебопашеством, а осенью и зимой – столярным и плотничьим ремеслом, от которого и получают главную прибыль.

В числе предметов столярного их производства особенно важно делание деревянных ящиков, необходимых торговцам для хранения и укладки вин, белил, сурика, восковых и сальных свеч, табаку и проч. Для того чтобы обеспечить за каждым крестьянином право на труд и на законную от него прибыль, достаточную для уплаты оброка и для устранения вредного для бедных соперничества с богатыми, крестьяне обеих вотчин заключили между собой союз и завели у себя совершенно особый порядок работы ящиков, нечто вроде тяглового надела, но не землю, а трудом и прибылью.

Именно осенью крестьяне всех пяти деревень по окончании полевых работ собираются на сходку, в которой рассматривают условия на заказы

ящиков, предлагаемые им купцами; далее поверяют все условия истекшего года; приводят в известность, сколько каждая деревня получила барыша и поставила ящиков; наконец, рассмотрев предлагаемые работы и цены, мир утверждает их или же вновь договаривается с купцами. После всего этого, сообразив общий объем работы, «всемирской сход», как он себя называет, распределяет с наивозможною уравнительностью подряды ящиков на того или другого торговца по деревням, например, поставку конфетных ящиков на купца Гарцева отдает деревне Филино, белильных ящиков купца Сорокина – селу Подвязному и т. д. При этом он не ограничивает работу каждой деревни известным количеством ящиков, ибо это количество нередко изменяется, но принимает в расчет приблизительные соображения купцов, примеры прежних лет, полученную по истекшему договору каждою деревнею прибыль и количество тягол. Впрочем, подробное распределение работ между жителями каждой деревни возлагается на частную мирскую сходку этой деревни. Для наблюдения же за работами, для сдачи ящиков и брака дурных все пять деревень выбирают *поставщика*.

Положение общего мирского схода всегда утверждается письменным условием, но на простой бумаге и без явки у маклера, за подписью одних крестьян и с приложением вотчинных печатей. Нарушение договора наказывается штрафом и телесно. Никому, впрочем, не запрещается производство других работ независимо от мира, например, мебели, посуды, колес; можно также вовсе отказаться от своей части в работе ящиков или же сдать ее кому-либо из своего общества, обеспечив миру платеж оброка. Таким образом, в одной части своего промысла мир добровольно отказывается от монополии и ограничивает свои личные права в пользу общины, уравнивая между собою всех ее членов.

Пример этот, по моему мнению, чрезвычайно важен: он доказывает, какие широкие размеры может принять артельное начало и к каким счастливым результатам оно может вести в народе, в котором развилось самобытно и существует с незапамятной древности. А что в старину у нас существовали подобные товарищества целых селений, это доказывается записями XVI и XVII столетий, в которых жители разных сел и деревень договаривались между собой отправлять сообща те или другие повинности.

III

Обращаясь к вопросу, в каком отношении находилось доселе наше законодательство к артелям, мы должны прежде всего заметить, что хотя товарищества этого рода существовали у нас еще в отдаленной древности,

однако не ранее как в 1799 г., именно в Уставе цехов, они поставлены в зависимость от некоторых законодательных правил. Впрочем, и в этих правилах, поставленных в том предположении, что к каждому цеху будет принадлежать несколько артелей, выражается главным образом только сущность таких предполагаемых товариществ на основании тех начал, которыми руководствовались известные в то время артели. Так, здесь говорится, что для вступления в артель необходимо добровольное согласие, что все члены артели отвечают друг за друга, что всякая артель имеет своего старосту и казначея, которые подают хозяевам, нанимающим артель, счет в работе помесячно и получают деньги, которые делятся между всеми артельщиками, что артель для временной работы, как то: каменной, деревянной, земляной, – не должна быть меньше как из 6 человек, что, не dokonчив взятой на себя работы, артель не может расходиться и т. д.

Ограничительные же правила Устава о цехах состоят в том, что артельщики должны приписываться к какому-либо цеху; что они обязаны повиноваться правилам этого цеха и объявлять ему дома и имена хозяев, у которых они работают. При этом определяется, что срок служения артелей по какому-либо постоянному промыслу должен быть не менее одного года.

Эти правила с небольшими дополнениями, изданными в 1823 г., вошли и в Свод Законов (т. XI) как глава X Устава Торгового с заглавием «О биржевых артельщиках». Но и добавление 1823 г. основано опять на сущности самих артелей: объясняя, что артели состоят из настоящих артельщиков, новиков и мальчиков и что желающий быть в артели вносит за вступление в нее вкуп деньгами или же этот вкуп составляется удержанием части ежегодной платы, следующей артельщику при дележе общего дувана, до взноса же вкупа вступивший называется новиком или мальчиком, – оно таким образом повторяет только то, что принято за правило в уставах самих артелей.

В 1802 г. 12 февраля записка рабочих и нанимающихся в услужение людей в цех рабочий и служебный отменена.

В 1803 и 1805 гг. состоялись Именные указы, в коих выражено, что в полках артельные деньги, остающиеся от сбережения сумм, отпускаемых на продовольствие солдат, составляют солдатскую собственность.

В 1812 году *артельщики* подчинены сбору пошлины (в 40 руб.); а в 1823 г. ей признаны подлежащими и биржевые артельщики в С.-Петербурге, причем постановлено, что они должны находиться в заведовании управы приказчицкого цеха.

В 1827 г. составлено Положение о дрягилах (носильщиках и другого рода рабочих при торговых портах), но, быв утверждено Министерством финансов (5 декабря 1827 г.) и напечатано, оно, сколько известно, не получило применения на практике.

В 1830 г. марта 24 и в 1831 г. сентября 29 дозволено, впредь до времени, существование в Кронштадте и Петербурге особых, для нагрузки и выгрузки кораблей, обществ мастеровых под именем *штуров*, причем постановлены некоторые правила в устранение монополии, которую было присвоили себе эти общества. Но и здесь законодательство не коснулось внутреннего устройства и отношений между членами штуровых обществ, составившихся, как прямо выражено в представлениях Министерства финансов по сему предмету в Комитет Министров, без особого законоположения: напротив, основное начало артелей о круговой поручке лиц, их составляющих, и об ответственности их друг за друга помещено здесь как существенный пункт в обеспечение шкиперов, нанимающих штуров.

В 1832 г. мая 14 в Учреждении Коммерческих Судов постановлено, что дела по жалобам на судовщиков, извозчиков товаров, артельщиков, браковщиков и на другие лица, по торговле употребляемые, подлежат разбору Коммерческих Судов.

В 1833 г. по вопросу о поручительствах, которые дозволено крестьянам и мещанам представлять по подрядам вместо залогов, выяснено, что артели, занимающиеся перевозом тяжестей, могут ограничиваться в этом случае круговыми друг по друге поручительствами их членов. Нельзя, однако, при этом не заметить, что таким разъяснением, сделанным Министерством финансов, было стеснено право, которым до этого времени пользовались и прочие артели, – предоставлять вместо залога такие же ручательства не только обществ, к которым они принадлежат, но и своих членов.

В 1836 г. декабря 31 Положением о судохозяевах и судорабочих вменено рабочим наниматься на суда к одному хозяину не иначе как артелями, отвечая друг за друга круговой поручкой. Затем исчисляются взаимные отношения между хозяевами и бурлаками, причем имеется в виду преимущественное обеспечение этих последних. Так, например, в случае полученного рабочим увечья на работе хозяин обязывается вознаграждать его, в случае же смерти отсылать вознаграждение его наследникам, а больных сдавать под расписку на руки начальнику или старшему того места, где оставляется больной. Здесь же определены разные правила с целью предупредить взаимные обиды между хозяевами и рабочими и наблюдение за их исполнением возложено на начальника судоходной дистанции.

В 1838 г. апреля 30 в Положении о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири работникам, нанятым в числе нескольких человек, поставлено в обязанность являться на места работать артелями, назначив над собою в каждой артели старосту и помощников к нему с круговою поручкой в неотлучке от артели и в повиновении ему.

На самих же работах для сохранения порядка и удобнейшего их производства дозволено каждому промышленнику разделять рабочих на новые

артели; в каждую такую артель промышленник назначает старосту от себя, а рабочие со своей стороны двух выборных: они составляют *артельную расправу*, которой предоставляется право умеренного домашнего исправления рабочих, составляющих артель, а именно: она имеет право ленивых, нетрезвых, обличенных в запрещенной игре, порывавшихся к побегу и буйных наказывать по словесному ее приговору (на основании Уложения о наказаниях). Таким образом, артельное товарищество признается и здесь не только обязательным, но ему придается большое значение самим законодательством.

В 1846 г. февраля 13 издано Положение об общественном управлении С.-Петербурга. В нем в главе IV об устройстве цехов наемных служилых и рабочих в С.-Петербурге поставлены общие правила для артелей, на которые предполагалось разделить эти цехи по роду и свойству их занятий. Правила о них сходны с теми, которые помещены в XI т. Свода зак. для биржевых артелей; подробности же предполагалось определить в особом Положении об этих артелях, но оно не было издано.

Точно так же официальный проект Положения для биржевых артелей в Петербурге, который был тогда же составлен Министерством финансов, не был утвержден в законодательном порядке.

Причина тому заключалась, может быть, в мнении, поданном Биржевым Комитетом, «что было бы весьма неудобно делать какие-либо изменения в статьях XI т. Свода зак., потому что всякая перемена в составе артелей легко может оказать вредное влияние на деятельность их и на совестливое исполнение ими своих обязанностей: лица, вступающие в артель, подчиняют себя добровольным условиям и правилам, а при отправлении отдельно своих обязанностей артель отвечает за каждого своего члена и тем служит купечеству ручательством, что возлагаемые на артельщиков занятия, часто по весьма обширным оборотам, будут исполняться в точности и притом с совершенным обеспечением».

Из всего этого ряда узаконений очевидно, что законодательство касалось до сих пор артелей лишь косвенно, в последнее же время оно, как кажется, утвердилось на той мысли, что в отношении к ним могут быть постановляемы только правила, имеющие целью обеспечение исполнения принимаемых ими на себя работ и вообще подрядов, а с другой стороны, ограждение их самих от злоупотреблений подрядчиков, но что не следует вовсе определять как самое устройство артелей, так и взаимные отношения их членов, а равно содержание заключаемых ими условий, лишь бы эти условия не противны общим правилам о составлении договоров. С этой точки зрения и объясняется, почему во временных правилах 31 марта 1861 г. о найме рабочих для исполнения казенных и общественных работ помещен ряд статей, относящихся к артелям, которые, впрочем, до внутреннего

состава их не касаются, заключая в себе только постановление, что каждая артель ограничивается числом в 100 человек и что она составляется по взаимному их согласию и избирает из среды себя старшину с помощниками ему, смотря по своей величине, от одного до двух.

Не установляя, таким образом, правил, на основании которых артельщики могут вступать между собой в товарищество, законодательство тем не менее неоднократно заявляло преимущественное доверие к ним перед отдельными лицами и даже прямо выразило в некоторых Уставах и Положениях, что общественные работы должны быть особенно поручаемы артелям, в каком случае оно допускает даже взаимное ручательство членов артели в исполнении договора вместо залогов.

Такая мысль ясно выражена, например, в Уставе о соли относительно найма рабочих для ломки и возки соли и для поставки на солеваренные заводы дров и леса; в приведенном выше Положении 1838 г. апреля 30, в Положении 8 марта 1861 г. о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов относительно найма рабочих для рубки дров, жжения угля и перевозки материалов для заводов или рудников; в Правилах о поручительстве по договорам с казною и проч.

В заключение предложенного обзора артелей как древней России, так и ныне существующих, мы считаем себя вправе из всего вышесказанного сделать следующие выводы: 1) что артели суть товарищества, возникшие на нашей почве совершенно самобытно и с незапамятной древности; 2) что при совершившемся освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости, стеснявшей сельскую промышленность, и при других благоприятных условиях для общественной деятельности товариществам, коих члены связаны между собой артельным началом, предстоит значительное развитие, обещающее вместе с тем благоприятные последствия и для других классов жителей; 3) что ввиду такого развития артельного начала желательно, чтобы законодательные постановления относились к нему и в будущем так точно, как относились до сих пор, т. е. чтобы оно не было стесняемо преждевременной регламентацией и могло выработаться свободно в среде самого народа.

АРТЕЛИ В РОССИИ

ИСАЕВ Андрей Алексеевич
(1851–1919)

Предисловие

Русские артели стали весьма недавно предметом серьезного исследования. Беглые заметки об этой форме общения встречаются уже в путевых записках наших ученых прошлого века: Палласа, Лепехина, Георги; но эти заметки, большей частью, ограничиваются только указанием на существование артелей в разных местах нашего отечества. С 40-х годов в периодической печати, и особенно в Архангельских губернских ведомостях, все чаще и чаще появляются сведения об артелях. Наряду с замечаниями слишком общего характера встречаются и точные данные, освещающие какую-либо сторону жизни артелей. В 30-х годах в Энциклопедическом лексиконе Плюшара была даже сделана попытка определить артель, но, быть может, вследствие скудости материалов, которыми располагала тогда наша литература, определение вышло неудачно. Как мало знали в то время артель, как мало ею интересовались даже лучшие знатоки нашей старины, красноречиво доказывает замечание историка Погодина: во время поездки Погодина из Москвы в Н. Новгород наш историк познакомился с биржевыми артелями; он признается, что раньше не имел понятия об артелях, «одном превосходном московском учреждении», лучше которого ничего не придумал и сам Солон («Москвитянин», 1841, IX, 286–7).

Честь первой попытки научного исследования артелей, попытки, не восходящей далее 1864 года, принадлежит г-ну Калачову. Что бы ни говорили о слабых сторонах труда г-на Калачова, книга «Артели в древней и нынешней России» была ценным вкладом в нашу юридическую и экономическую литературу. Автор воспользовался своим глубоким знакомством с нашими историческими памятниками, извлек на Божий свет все, что было в напечатанных актах, и дополнил собранный материал сведениями из памятников рукопис-

ных. Не ограничиваясь исследованиями артелей в их прошлом, почтенный археолог начертал с помощью фактов, добытым из разных повременных изданий и некоторых уставов, картину быта и новейших артелей. Таким образом, научное исследование артелей имеет только 17-летнюю историю.

После книги г-на Калачова явилось еще несколько работ, имеющих целью частью определить экономическое значение и юридический склад артелей, частью – описать отдельные виды этих союзов. К первым относятся труды гг. Вредена и Пахмана. Профессор Вреден в своем «Курсе политической экономии» отводит рассмотрению артелей всего 10–12 страниц; но в этой небольшой главе удачно схвачены некоторые существенные черты этой формы предприятий и указаны границы ее применения среди других форм. Профессор Пахман в I томе своего труда «Обычное гражданское право в России» анализирует артели со стороны юридической, в стройном порядке и изящной форме излагает тот материал, который ему дают артельные обычаи. К этим же трудам примыкает и глава IV 2-ой книги 2-го отдела в сочинении профессора Дитятин «Устройство и управление городов в России»: исследуя артели с точки зрения их юридического быта, г-н Дитятин старается объяснить юридической стороной и то влияние, которое артели оказывают на хозяйственный быт участников. К работам второго рода относятся монографии, помещенные в двух выпусках «Сборника материалов об артелях в России». Особенное внимание обращают на себя труды г-жи Ефименко, представляющие превосходный очерк артелей Архангельской губернии; монография г-жи Ефименко можно признать поистине образцовыми. Не лишены значения помещенные там же статьи гг. Огородникова, Федорова и некоторых других. Петербургские биржевые артели сделаны предметом весьма тщательного исследования в книге г-на Немирова; г-н Немиров собрал посредством пользования многими уставами и путем личного наблюдения весьма обильный материал. Для артелей рыболовов собрано весьма много данных в официальном издании «Исследование рыболовства в России». Наконец, в исходе прошлого года вышла книга г-на Щербины «Очерки южнорусских артелей». В ней обращают на себя внимание изложенный автором процесс исторического изменения артельных форм и описание склада отдельных артелей¹. Как библиографический указатель, известная книга г-на Якушкина «Обычное право» незаменима.

Таким образом, нельзя утверждать, чтобы артели вовсе не обратили на себя внимания наших исследователей. Но несомненно, что количество труда, которое затрачено на изучение этой формы, далеко не соответствует ее важности в прошедшем, настоящем и, если условия будут благоприятны, в будущем. Начало было положено комитетом о ссудосберегательных и про-

¹ К сожалению, я не мог воспользоваться книгой г-на Щербины, как она того заслуживает: большая часть моего труда была уже напечатана, когда я получил эту книгу.

мышленных товариществах; в 1872 году комитет выработал подробную программу и дал ее в руководство для изучения артелей. Результаты ограничились выходом в свет трех выпусков сборника, из которых только первые два посвящены промышленным артелям. Сделанное комитетом обогатило нашу литературу ценными сведениями об артелях, но сделано слишком мало. Теперь, когда изучение наших исконных форм труда поставлено на очередь многими юристами и экономистами, артели снова начинают привлекать к себе внимание. Г-н Сазонов напечатал недавно («Русская мысль», 1881, I) обширную программу для исследования артелей. Желательно, чтобы эта программа с новой силой возбудила деятельность наших исследователей и работа, начатая комитетом, была ведена дальше и в более широких размерах.

Приступая к настоящему труду, я старался извлечь из наших исторических памятников те данные об артелях, которые не вошли в книгу г-на Калачова, собрать из разрозненных изданий отдельные факты, способные осветить исследуемую форму общения, представить главные черты строя артелей, отношение к ним нашего законодательства, определить их значение и область применения среди других форм предприятий.

Здесь же считаю долгом выразить глубокую признательность Е.И. Якушкину: он снабдил меня многими разбросанными по разным повременным изданиям материалами – весьма трудно отыскать некоторые из них, – и тем облегчил мою работу.

Андрей Исаев.
Ярославль, 14 марта 1881

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Определение артели. Классификация артелей

Слово «артель» получило у нас широкое употребление. Группа работников, с подрядчиком во главе, идет на плотничий, малярный, бочарный, бурлацкий промысел и называет себя *артелью*. Союзы лиц, занимающихся работами при торговых помещениях по нагрузке, выгрузке, приему и отправке товаров, охранению складов и т. п., образуют самостоятельные хозяйственные единицы, известные под именем *биржевых артелей*. Извозчики и чумаки, отправляясь совместно в путь, дают себе наименование *артелей* или *артилей*. На фабриках и заводах, на биржах легковых и ломовых извозчиков мы встречаем общение для совместного найма квартиры, покупки съестных припасов, приготовления пищи на общий счет, общение, вызывающее к жизни союзы, известные под именем *артелей харчевых*. Охотники восточных окраин Европейской России и сибирской тайги, рыболовы беломорско-

го, азовского, каспийского побережий и внутренних озер также соединяются в артели. Наконец, с середины 60-х годов среди наших малообеспеченных классов стали возникать союзы для удовлетворения потребности членов в кредит, приобретения сырья, съестных припасов, совместного производства, получившие также название товариществ или артелей. Явились артели ссудосберегательные, потребительные, сыроваренные, кузнечные и другие. Слово, исстари известное простолюдину, проникло в литературу и завоевало в ней для себя право гражданства.

Что же такое артель? Каковы отличительные признаки этого союза, обнимающего в своих многочисленных проявлениях миллионы русских граждан? В нашей литературе и законодательстве мы встречаем попытки определить эту форму общения, столь распространенную и издавна знакомую нашему Отчеству.

В литературе первым по времени является определение г-на Свизева. Он признает артелью «общество нескольких человек низкого состояния, соединившихся для производства одинакового промысла, работы или ремесла»¹. Такое же определение находим мы и в Энциклопедическом словаре Крайя².

Г-н Калачов в своем известном исследовании «Артели в древней и нынешней России» считает артелью «товарищество нескольких лиц, соединяющихся своим капиталом и трудом или только последним для какой-нибудь работы, промысла или предприятия и вследствие этого отвечающих друг за друга»³.

Профессор Пахман определяет артель как «юридический союз, в котором несколько лиц соединяют свои личные силы, а иногда и имущественные средства с целью извлечения из данного предприятия общей прибыли»⁴.

Профессор Вреден называет артелью «союз тружеников, соединившихся для известного производства или хозяйственного оборота»⁵.

По нашему законодательству, «артелями вообще называются общества работников для отправления служб и работ, силам одного человека несоразмерных»⁶.

Приступим к анализу перечисленных определений.

По мнению г-на Свизева, отличительными признаками артели являются: 1) низкое состояние ее членов и 2) производство какой-либо работы – цель, с которой образуется артель.

Эти оба условия не могут быть подмечены во всех видах союзов, которым наш народный язык присвоил название артели. Под низким состоянием

¹ Энциклопедический лексикон Плюшара, СПб., 1835, III. С. 206–207.

² Словарь Крайя. Т. 1. СПб., 1847, С. 455.

³ Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864, С. 1

⁴ Обычное гражданское право в России. Т. I. СПб., 1877, С. 250.

⁵ Курс политической экономии. Изд. 2. СПб., 1880, С.148.

⁶ Торговый устав. Ст. 2409.

г-н Свиязев, несомненно, понимает невысокий хозяйственный уровень артельщиков, их необеспеченность. Правда, большинство артелей образуется из лиц, обладающих крайне скудными имущественными средствами; но есть немало и таких видов этих союзов, коих члены располагают значительным имуществом. Прежде всего, мы укажем на артели биржевые; вступление в любую из них сопряжено с условием взноса 6–800–1000 руб. и более. Некоторые артели рыболовов требуют от каждого вступающего значительного взноса натурой или деньгами для приобретения рыболовных орудий. Артели для содержания почтовых станций состояются из лиц, владеющих лошадьми, повозками и принадлежностями конской сбруи определенного качества, соответствующего тем требованиям, которые государство или земства ставят артелям при отдаче им на подряд почтовой гоньбы¹. Если члены перечисленных нами артелей и не обладают большими капиталами, то все же не могут быть отнесены к людям «низкого состояния» в экономическом значении этих слов: средства, которыми располагают эти лица, обыкновенно превышают средний уровень имущественной обеспеченности того слоя, к которому принадлежат члены артелей. Таким образом, низкое экономическое сосуществование членов не всегда может служить отличительным признаком артели. Второй признак – производство промысла, работы или ремесла, – указывающий на цель образования артелей, служит отличительной чертой только одного вида этих союзов, только тех, которые ставят себе задачей совместное производство. Но мы находим множество и таких форм этих соединений, где общее ведение промысла, совместная работа не входит в задачи артельщиков. Харчевые артели, искони знакомые России, ставят себе целью только общее потребление, способное уменьшить расходы каждого члена на пищу и жилище. К этой форме примыкает и другая группа, группа нового наслоения – артели ссудосберегательные. Звеном, связующим их членов, служит не работа сообща, а создание условий, увеличивающих кредитоспособность отдельных лиц. Если народный язык привык отмечать харчевые союзы названием артелей, если это имя присвоено литературой кредитным учреждениям известной группы, то неосновательно соединять с этим термином представление только о тех союзах, которые образуются с целью совместного «ведения промысла, работы или ремесла». Оба условия, которые г-н Свиязев считает отличительными чертами артелей, слишком суживают значение термина, а потому и побуждают нас признать это первое определение неудовлетворительным.

Г-н Калачов дает артели более широкое определение. Он считает признаками этой формы: 1) соединение нескольких лиц трудом или трудом и капиталом на началах товарищеских; 2) совместное ведение промысла или предприятия и 3) круговую поруку.

¹ Я не упоминаю о монопольных таможенных артелях: они состоят из людей, хорошо обеспеченных.

Первое условие, которое вводит г-н Калачов в определение артели как ее отличительную черту, совершенно устраняет один недостаток, найденный нами в определении г-на Свизева. Раз признан элемент труда необходимым во всех случаях, а элемент капитала в некоторых, – понятие об артели расширяется до тех пределов, которых требует употребление этого слова народом и литературой. Третий признак – круговая порука, как мы постараемся показать в последующем изложении, также составляет отличительную черту всех артелей: пределы, до которых простирается круговая порука, неодинаковы, но, как бы ни были они ограничены, ответственность друг за друга является одной из отличительных черт союзов этой группы. Два признака выбраны удачно. По отношению же к третьему (второму) определению г-на Калачова страдает тем самым недостатком, который мы нашли в определении г-на Свизева: целью артели, по мнению г-на Калачова, всегда является какая-нибудь работа, промысел или предприятие, а потому термин и здесь получает менее широкое значение, чем то, которое привыкли с ним соединять. Последнее обстоятельство побуждает нас признать и определение г-на Калачова не вполне удачным.

В определении профессора Пахмана есть черты, сближающие его с определением г-на Калачова. Подобно последнему, он считает признаками артели: 1) соединение личных сил, а иногда и имущественных средств и 2) извлечение из данного предприятия общей прибыли.

Насколько удачно схвачен первый признак, настолько второй вызывает возражения, уже сделанные нами выше. Хотя почтенный профессор и не говорит о совместном ведении членами промысла, однако слова «извлечение общей прибыли из предприятия» показывают, что название артелей удержано им только для одного вида этих союзов. Извлечение прибыли не может быть названо целью харчевых артелей: слово «прибыль» имеет определенное значение; было бы большой натяжкой именовать этим термином те сбережения, которые проистекают для членов из совместного потребления. Ссудосберегательные артели могут быть названы предприятиями, но учредители вызывают их к жизни отнюдь не с целью получения той прибыли, которая ежегодно разверстывается между участниками: члены этих учреждений придают гораздо большее значение получению ссуд, чем помещению вкладов. Отсюда и определение профессора Пахмана суживает понятие об артели.

Но г-н Пахман не ограничивается указанием на перечисленные нами признаки; он затрагивает еще две черты, которые считают иногда отличительными особенностями союзов этой группы, и отрицает за ними характер существенных признаков. Так, прежде всего степень самостоятельности союзов, удовлетворяющих обоим вышеставленным условиям, не дает, по мнению ученого юриста, права признавать их в одном случае артелями, в

другом же относит к общениям иных форм: «Предприниматель во главе артели не изменяет ее характера в общем составе»¹. Так же относится г-н Пахман и к круговой поруке. «Круговая порука... составляет далеко не общее явление артельной организации»².

Первое положение вполне соответствует действительности. Огромное большинство артелей стоит в зависимости от предпринимателей; иногда зависимость эта обнаруживается весьма резко: хозяин заведует работами членов, сосредоточивает в своих руках значительную долю власти исполнительной и даже законодательной; но связь между членами продолжают поддерживать те самые начала, в силу которых данный союз искони называется артелью. Так, на рыболовных промыслах наших морских побережий во главе артелей большею частью стоят капиталисты; но участие их нимало не нарушает отношений между членами: последние в своих внутренних распорядках руководствуются теми же правилами, как и члены самостоятельных рыболовных артелей. Но, помимо этой осязательной и для всех заметной зависимости, есть зависимость и иного вида, не уловимая с первого взгляда, но не менее, если не более частая, чем зависимость от хозяина, стоящего во главе союза. Эта полускрытая зависимость бывает везде, где капиталисты закабаляют себе самостоятельные артели с помощью своевременного и дорогого кредита. Капиталисты этого рода не считают нужным не только входить в состав артелей, но даже и сколько-нибудь усложнять свои отношения к членам; они довольствуются тем, что артель, уделяя им львиную долю промысловой добычи, дорого оплачивает взятую ссуду. По форме такие артели вполне самостоятельны: в них нет элементов, способных влиять на внутреннюю жизнь союза. Но доставляет ли эта самостоятельность формы хозяйственную самостоятельность участникам, – на это приходится дать отрицательный ответ. Отсюда – нельзя считать степень самостоятельности отличительной чертой артели. Ко второму положению профессора Пахмана мы отнесемся иначе. Мы указали при анализе определения г-на Калачова, что круговая порука является отличительной чертой артельного общения. И сам г-н Пахман говорит в другом месте: «Насколько известно из собранных материалов, артель является ответственной за действия как представителей своих, так и членов»³. Мы полагаем, что отсутствие данных, доказывающих противное, не есть следствие скудости фактических сведений, которые мы имеем об артелях: трудно предположить, чтобы среди десятков видов артелей, уже бывших предметом наблюдения, не нашлось хотя бы одной, где члены не были бы связаны круговой порукой, если бы эта связь не была существенной чертой изучаемой

¹ Пахман, 252.

² Там же. 272.

³ Там же.

нами формы общения. Отсутствие таких материалов доказывает скорее, что ответственность друг за друга есть неотъемлемая особенность артели.

Определение профессора Вредена, хотя и не совсем полно, делает, однако, большой шаг вперед. Неполнота определения состоит, во-первых, в том, что г-н Вреден считает артель исключительно союзом тружеников и опускает элемент капитала, который, как было показано, занимает видное место при образовании многих артелей. Слово «труженик» заставляет думать, что почтенный профессор считает участниками этих союзов только лиц неимущих; в дальнейшем изложении учения об артелях встречаются места, оправдывающие такое предположение¹. Затем г-н Вреден не вносит в свое определение указания на круговую поруку как на отличительный признак, хотя он и считает эту черту существенной особенностью артельного единения². Но при всей неполноте определение г-на Вредена гораздо более широко, чем все предыдущие: оно не ограничивает цели артельных союзов ведением предприятия, но указывает на «хозяйственный оборот» и обнимает, таким образом, все виды артелей, известные нашему отечеству: к хозяйственному обороту могут быть сведены цели как промышленных артелей, так харчевых и кредитных.

Определение артелей нашим Торговым уставом сходно с перечисленными в том, что, подобно им, суживает значение термина. Называя артелями «общества работников, составляющиеся для отправления служб и работ», оно присваивает это наименование только тем видам союзов, которые возникают с целью занятий, составляющих специальность биржевых артелей. Словами «силам одного человека не соразмерных» закон расширяет значение термина и позволяет ему обнять все артели, образуемые для ведения промысла. Обе части статьи 2409 могут быть объяснены временем ее появления в нашем Своде. Она была редактирована в Уставе о цехах, где законодатель стремился установить общие нормы для биржевых артелей. Имея перед собой исключительно артели этой группы, закон определил все артели как общества, составляющиеся для отправления служб и работ, то есть целей, которые ставят себе артели биржевые. Но вспоминая о распространенности и разнохарактерности артелей, образующихся для ведения промысла, он расширил значение термина на второй половиной 2409 статьи.

Разобрав главнейшие определения артелей, нашедшие себе место в нашей литературе, мы скажем, что ни одно из них не обнимает всех отличительных особенностей этой формы общения.

Слово «артель» воспринято литературой из народной речи. И в последней термин этот – недревнего происхождения; мы встречаем его в наших исторических памятниках не ранее XVII столетия. До того времени исследу-

¹ «Бескапитальные труженики образуют артель». Курс, 149.

² «Только круговая трудоспособность нескольких лиц может... считаться порукой уплаты». Там же.

емая нами форма общения называлась *складчиной, ватагой, дружиной*. Эти названия сохранились частью и донныне, но имеют наряду с терминами *обчая, ромша, стая* узкое местное значение. Слово же «артель» получило широкое употребление во всех концах нашего отечества. Чтобы определить его значение, мы будем следовать воззрению народа на союзы этого вида. Раз это слово заимствовано у народной речи, было бы несправедливо не считаться с теми требованиями, которые она ставит союзам, называя их артелями.

1. Стоит ли это название в какой-либо связи с целями, которые преследуют члены данного союза?

На этот вопрос должен быть дан утвердительный ответ. Русской истории знакомы многочисленные союзы, преследовавшие религиозные цели. И теперь подобные союзы из представителей различных сект насчитывают миллионы членов. Духовное общение, собрания для совместной молитвы, поддержание духа данной секты в чистоте – вот цели таких союзов. Между членами, несомненно, существует теснейшая связь уже в силу единомыслия относительно важнейших вопросов бытия человека; история раскола свидетельствует о высоком развитии в этих союзах начала взаимной помощи. Однако такие союзы не назывались и не называются артелями. Перечисление всех союзов, которым народ присваивает это наименование, дает возможность подметить одну черту, общую им всем; эта черта – преследование *целей хозяйственных*. Таким образом, мы нашли один существенный признак всех групп, называемых артелями.

2. Служит ли характер отношений между членами союза признаком, по которому артели отличаются от иных форм общения?

И этот вопрос требует утвердительного ответа. Во всех союзах, за которыми народ закрепил название «артель», мы подмечаем господство *начала равноправности*. Это начало проистекает из того, что, как будет показано ниже, артели всегда были поставлены в условия, побуждавшие их подбирать в члены людей, более или менее сходных по возрасту, телесной силе, рабочей ловкости и имущественным средствам. Подбор членов на таких условиях делал и делает из артели целое, состоящее из равных частей. Это равенство, резко обнаруживающееся при образовании артелей, ведет к построению отношений между участниками на начале равноправности. Последняя проявляется как в чисто правовой сфере жизни артелей, так и в области экономической, в пользовании вещественными выгодами, проистекающими из совместного ведения дел. В области права равенство членов сказывается в предоставлении каждому одинаковой доли влияния на ход артельных оборотов. Каждый может, как староста, десятский, рядчик и т. д., стоять во главе исполнительной власти; в некоторых артелях это право переходит в *обязанность* члена быть от времени до времени должностным лицом, представителем всего союза.

Каждый имеет право подавать голос, и только один голос на общих собраниях. Каждый может требовать исключения товарища за действия, способные нанести ущерб целому. Каждый имеет право просматривать артельные книги и таким образом контролировать орган исполнительной власти. Наконец, все члены артели имеют одинаковое право на извлечение выгод из общего дела. Во множестве промышленных артелей, среди которых биржевые являются наиболее выработанной формой, заработки делятся на равные доли. В харчевых все члены имеют право на пищу одинакового качества и т. д. Это начало, живущее в артелях стародавнего происхождения, внесено и в артели нового наслоения, кредитные и промышленные. От этого начала артель не отказывается никогда. Бесправие одних и многоправие других участников, так резко обнаруживающееся в капиталистических формах предприятий, не имеет места в исследуемых нами союзах. Где мы встречаем отклонения от начала равноправности, там эти отклонения или только кажущиеся, или поверхностные, не нарушающие существа отношений между членами. Известно, что в биржевых артелях новики не пользуются одинаковыми правами со стариками; но это – только кажущееся отклонение. Биржевые артели ставят в ряды условий, которые должен удовлетворять вступающий, владение известными, часто значительными имущественными средствами. Пока вступающий не внес их, до тех пор он – *новичок*, он не стал членом артели, вступление не закончено; в силу незаконченности вступления он и не может притязать на совокупность тех прав, которыми пользуется старик, выполнивший все требования артели. В тех артелях, где, как, например, среди рыболовов, члены делают неодинаковые имущественные взносы, общая добыча распределяется между участниками соразмерно с долей каждого в артельном капитале. Казалось бы, что раздел добытков на части неравные нарушает равноправность членов. Но и это отклонение не производит такого действия; оно скользит по поверхности внутренних отношений артели и не затрагивает их существа. Сознание о правах собственника на принадлежащие ему блага, со всеми последствиями, проистекающими из этих прав, проникает в ту среду нашего народа, в которой живет и развивается артельная форма; движимая этим созданием, артель освящает за владельцем капитала право на получение известной доли общего заработка и выделяет капиталу часть своей добычи. Но и при этом порядке все члены сохраняют право на одинаковое участие в делах союза. По-видимому, те рыболовные артели, в которых член, владеющий большей долей снаряда, становится, под именем жердника, кормщика, во главе союза, не проводят в своей жизни начала равенства, не дают каждому участнику права быть органом исполнительной власти; но и это исключение не отвергает установленного нами общего правила. В одних артелях этого рода, распространенных преимущественно по внутренним озерам – Ильме-

ню, Чудскому, Псковскому, – владельцы матицы, центральной части невода, обыкновенно и самые искусные рыболовы, всего лучше знакомые и с техникой промысла, и с местностью. Естественно, что артель и возлагает на них обязанность руководить предприятием. Но, перенося на них это право, она всегда имеет возможность сменить жердника, если бы он оказался неискусным предводителем. В артелях покрученников на беломорских побережьях потребность в значительном капитале для занятия промыслом часто ставит в необходимость обращаться к содействию третьих лиц. Последние вносят свои капиталы в общее предприятие и, будучи стороной экономически сильной, обязывают артель к известным ограничениям в свою пользу. Ограничения сказываются, между прочим, в том, что все члены артели отчуждают свое право руководить общим делом, быть носителями исполнительной власти. Чуждый неартельный элемент втирается в союз и лишает его значительной доли самостоятельности. Но он лишает этой доли в одинаковой степени всех членов артели, а потому начало равенства в отношениях между последними остается ненарушенным. Таким образом, *начало равенства во внутренней жизни союза есть второй отличительный признак артельного общения.*

3. Из второй отличительной черты необходимо вытекает третья. Если артель есть союз с развитым самоуправлением, если она предоставляет каждому члену права, равные правам всех других участников, если, принимая новых членов, она требует от них одинаковых условий, то естественно, что она возлагает на каждого из них и одинаковую ответственность перед лицами и учреждениями, с которыми ее сталкивают ее хозяйственные обороты. Но что это за ответственность? Где ее пределы? Представим себе артель во внешних сношениях; представим, что она обязуется перед лицом или учреждением выполнить какую-нибудь работу. Подряжающий артель имеет перед собой группу лиц, одно стройное целое, притязающее на полную самостоятельность во внутренних распорядках. Это целое само распределяет работы между членами согласно с их испытанными способностями; оно само избирает руководителя из своей среды; оно дорожит всеми этими правами. Где ручательство, что все обстоятельства, принятые артелью, будут исполнены? Осязательного обеспечения нет, а часто и быть не может. Если подряжающему предложат в случае ущерба, понесенного от артели, взыскивать с каждого члена в отдельности, то он согласится, но при условии, чтобы артель отказалась от своей самостоятельности, чтобы она перенесла на нанимателя все права, которые срослись с ней, чтобы она предоставила ему и распределение работ между членами группы, и руководство ими и т. д. Такое вмешательство во внутреннюю жизнь артели постепенно дойдет до того, что наниматель заключит договор с каждым артельщиком отдельно; при заключении договора он, быть может, признает некоторых негодными к работе и отвергнет их. Словом, этот

порядок поведет к разложению союза. Наниматель может воздержаться от посягательства на права артели только в том случае, если имеет какое-нибудь обеспечение. А лучшим обеспечением служит готовность каждого ручаться за всех сочленов, отвечать за убытки, кто бы и участников их ни причинил. Эта готовность служит наилучшим ручательством, что артель поведет принятую ей на себя работу согласно с интересами не только участников, но и нанимателя. Готовность ручаться за всех товарищей, отвечать за их промахи и даже злоупотребления и трудом своим, и имуществом доказывает прочность связи между членами, их знакомство друг с другом, а потому и вызывает то доверие, с которым относятся к артели лица, нуждающиеся в ее услугах. Ответственность друг за друга есть искони отличительный признак артелей. В наших исторических памятниках мы находим указания на то, что артели, принимавшие на себя постройку или починку мостов и т. д., заканчивали договор словами: в случае потерь и убытков, нанесенных артелью, отвечать должен тот, что «будет в лицах», налицо, кто будет в руках нанимателя. Круговая порука, тесно связанная со строем артелей, вытекающая из имущественных условий, в которых стоят их члены, есть неотъемлемая принадлежность союзов этой формы. По отношению к некоторым видам круговая порука получила законодательное освящение: ею связаны биржевые артели. Хотя эти артели владеют значительными капиталами, но капиталы далеко не достигают высоты тех ценностей, которые проходят через руки наших столичных биржевых артельщиков. Она установлена также для артелей бурлаков, лоцманов, драгилей и др. Наконец, она введена в нормальный устав ссудосберегательных товариществ, а также в уставы всех других артелей новейшего происхождения. Круговая порука есть необходимая принадлежность всех артелей; но не во всех она одинаково осязательна. Наиболее выпукло обнаруживается она в артелях промышленных, в тех, где данная группа, подражаясь выполнить какую-нибудь работу, всегда может причинить ущерб нанимателю. Элемент круговой ответственности без труда уловим и в артелях кредитных: необходимость обращения к чужим капиталам ставит их в положение, при котором они неуплатой ссуды легко могут нанести ущерб заимодавцу. В тех же промышленных артелях, которые, подобно многим рыболовным и охотничьим, не вступают в обязательные отношения к третьим лицам, самый характер деятельности союза редко вызывает случаи проявления круговой поруки вовне. Но такие случаи возможны. Представим себе, что одна беломорская артель нанесет ущерб другой, с которой судьба столкнула ее на промысле. Эта другая будет требовать вознаграждения за убытки от членов, которые в данную минуту находятся налицо. И в харчевых артелях нечасто обнаруживается ответственность друг за друга; но и здесь она служит неотъемлемой особенностью союза. Артели этого вида берут съестные припасы в долг («на

книжку»). Торговец, открывая кредит, не взвешивает степени состоятельности каждого члена отдельно. Он не считает этого нужным, будучи уверен, что, при неточных расплатах артели, он всегда может обратиться с требованием об удовлетворении к любому из артельщиков. Существо круговой поруки как признака артели не изменяется ни от формы, в которой проявляется взаимная ответственность, ни от пределов этой ответственности. Отвечает ли член за ошибки товарищей своим имуществом или трудом – последнее, в силу экономического положения большинства артельщиков, особенно часто, – характер круговой поруки один и тот же. Он не изменяется и от того, где предел ответственности, ограничена она или не имеет границ. О неограниченной поруке в точном смысле этого слова едва ли может быть и речь; и необходимость ограничения лежит в интересах не только артели, но часто и лиц, потерпевших от ее деятельности. Неограниченная порука есть такая ответственность, при которой лицо отвечает всем своим имуществом, почти до рубашки. Но такая ответственность, примененная к имуществу артельщика, часто не может удовлетворить кредитора или нанимателя. Если формой удовлетворения избран труд члена артели в пользу потерпевшего, то и здесь личные интересы последнего побуждают его удерживать для покрытия убытков не всю ценность труда, а лишь ту долю, которая остается сверх расходов, необходимых для поддержания жизни и частью здоровья отрабатывающего. Значит, круговая порука должна быть во всех случаях более или менее ограничена. С ясно выраженным ограничением мы встречаемся в уставе павловской складочной артели. Взыскание обращается на все имущество члена за исключением избы с двором, известного количества скота, съестных припасов, дров. Где ограничение ответственности не установлено законодательно, там пределы ей ставит или хозяйственный смысл потерпевшего от артели, или обычай.

В круговой поруке признаем мы третью существенную черту артели.

4. Служит ли способ установления отношений между членами и каждого из них к целому признаком, отличающим артель?

Россия покрыта сетью союзов, имеющих три отличительные черты артели – и хозяйственную цель, и равноправность членов, и круговую поруку; союзы эти – сельские общины. Но их отделяет от артелей то начало, которое дает в общине место каждому ее члену и регулирует взаимные отношения общинников. Это начало – происхождение. Каждый, родившийся в семье общинника, становится, уже в силу рождения, полноправным членом. Факт рождения делает общинником состоятельного и неимущего, способного и бездарного. В артели же таким началом служит договор. Он предшествует возникновению каждой артели; иногда он облекается в форму обширного и точно выработанного устава, иногда, как в недолговечных артелях охотников, он подразумевается; в артелях последнего вида он не проявляется вовне, так как каждый участник

предполагается (и не без основания) знакомым с обычаями, регулирующими строй таких союзов. Договорное же начало, сказываясь в тех требованиях, которые артель ставит вступающим, упорядочивает и отношения между членами, и отношения каждого к союзу. Способы возникновения артели и общины могут быть одинаковы. Группа лиц, занимая участок земли на началах общинного владения, действует согласно с предшествовавшим договором; участники таких союзов подбираются, договариваются. Но раз занятие земли совершилось, раз возникла новая сельская община, – начало происхождения будет играть в ней преобладающую роль. Но эти черты, различая союзы обеих форм, в то же время сближают их и доказывают, что они произошли от одного корня. Так, легкость, с которой в артелях биржевых и лоцманов сыновья и племянники артельщиков становятся членами, доказывает, что начало происхождения не вымерло из артелей. С другой стороны, прием в общину новых членов, образование в пределах сельских обществ артелей для ловли рыбы на общинных водах свидетельствует о живучести договорного начала в наших общинах.

Четвертым признаком всех артелей служит договор¹.

¹ Есть 2 рода артелей, в которых договор не имеет места: 1) тюремные и 2) солдатские артели. Крепостью общинных начал в среде нашего народа объясняется перенесение общинного строя в быт арестантов. Все население каждого острога представляет одну цельную общину: она преследует не только хозяйственные цели, но и цели юридические: она охраняет права каждого члена от чрезмерных притязаний смотрителя и палача. Факту происхождения, определяющему положение лиц в сельской общине, соответствует факт вступления в тюрьму, сразу дающего острожнику все права, которыми пользуются его товарищи. Сами условия жизни в остроге таковы, что община обнимает все интересы своих членов, а потому является союзом, более широким, чем артель, или даже мир. Необходимость приготовления пищи сообща, совместного потребления, отправления общественных работ согласно с порядком, устанавливаемым самими арестантами, ведет к образованию внутри острожной общины харчевых и даже производительных артелей. Состояние неволи, в котором находится все тюремное население, делает почти невозможным проявление договорного начала, как при образовании этих артелей, так и при образовании самой общины. Но, если, поступая в тюрьму, преступник необходимо становится членом общины и артелей, входящих в ее состав, то дальнейшее пребывание в общине зависит, помимо других условий, и от выполнения требований, которые община ставит своим членам; главное из требований – хранение острожных тайн. Не исполняющий этих требований или избивается арестантами и обыкновенно умирает вследствие побоев, или же, во избежание жестокого мщения товарищей, переводится тюремным начальством в особое помещение. В обоих случаях он перестает быть членом общины (см. *Ядринцев*. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872, 142–78). А потому и в подневольном вступлении острожников в тюремные общины и артели, есть элемент соглашения: этот элемент заключается в молчаливом обещании вступающего хранить острожные тайны и взамен этого в готовности общины радушно принять нового товарища. В солдатских харчевых артелях договорное начало вовсе не обнаруживается. Между харчевыми артелями и тюремной общиной есть та общая черта, что и первая, и последняя безусловно необходимы и лежат в интересах как солдат и острожников, так военного и тюремного ведомств: как острожник не может при поступлении не стать членом тюремной артели, так и солдат необходимо должен войти в ротную харчевую артель. Но между ними есть и различие, вытекающее из неодинакового отношения обоих ведомств к своим подчиненным: смотритель тюрьмы видит в арестанте преступника и не хочет знать острожную общину; ротный командир, напротив, поощряет солдатскую харчевую артель. Отсюда и неодинаковая важность договорного начала в союзах обеих групп: тюремная община, не признаваемая законом, должна ставить вступающим некоторые условия, солдатская же артель не нуждается в этом, так как за нее ставит условия ротное начальство.

Наконец, пятым и последним признаком собственно производительных артелей является участие членов в общем деле трудом или трудом и капиталом. Полные товарищества имеют первые 4 признака артелей; от последних же их отличает то, что в товариществе все члены могут не участвовать в предприятии трудом, тогда как в производительных артелях участники, каков бы ни был их имущественный уровень, содействуют своими личными силами успеху общего дела.

Неужели этим, спросят нас, исчерпываются признаки исследуемой формы общения? Неужели степень самостоятельности данной группы не есть условие, требующее отделения артелей от иных союзов? Что общего между самостоятельными рыболовными или земледельческими артелями нашего севера и теми группами плотников, каменщиков, маляров, которые всецело зависят от нанявшего их подрядчика? Степень самостоятельности артелей есть вопрос, на котором стоит остановиться.

Союзы, называемые артелями, представляют в отношении самостоятельности *бесконечное разнообразие*. Одни удержали с древнейших времен свою независимость во всей чистоте. Никто не вмешивается в их внутреннюю жизнь; никто не нарушает порядка, с которым эти артели сжились и сроднились. Но рядом с ними мы находим и такие виды, где сторонние элементы заметно влияют на строй союза. Сила этих чуждых артели элементов покоится, большей частью, на началах экономических, иногда же на началах общественных, полицейских. Экономическая зависимость устанавливается везде, где артель или не имеет необходимых орудий производства (рыболовы), или, по узкому знакомству членов, не может самостоятельно вести обширное предприятие (при постройке или отделке больших зданий). Отчасти такая зависимость сказывается и в отношениях биржевых артелей к биржевым комитетам. Обстоятельствами, вызывающими зависимость, определяется и та степень, в которой чуждое начало влияет на артельный строй. Где условия не требуют со стороны лица, заинтересованного в деятельности артели, вмешательства во все мелочи внутренней жизни союза, там самостоятельность артели страдает всего менее. В беломорских артелях это влияние часто ограничивается только тем, что артель обязуется уступить нанимателю известную долю улова. Если предприятие сложно, требует искусной руки, опытной в подобных оборотах, то артель отчуждает значительную долю своих прав. Отчуждение идет так далеко, что выборное начало умирает, распределение работ становится обязанностью нанимателя, вступление в союз заменяется договором между хозяином и каждым из членов; наконец, во внешних сношениях взаимная ответственность уступает место поручке одного хозяина. Таким образом, союз утрачивает все черты, которые дают право называть его артелью. А между тем название это удерживается народной речью и для подобных групп; как часто

приходится слышать об артели каменщиков, плотников, когда в сущности называемые этим именем представляют только совокупность наемных рабочих. Удержание термина в этих случаях имеет две немаловажных причины.

1) Если между членами такой группы и нет отношений, отличающих строй промышленных артелей, то всегда есть связи, отличающие артели харчевые. Члены такой группы имеют общую квартиру, покупают припасы и готовят пищу на общий счет. Эта группа, как мне нередко приходилось убеждаться из личного наблюдения, называет себя «артелью» именно в смысле артели харчевой, квартирной. Этот смысл иногда ускользает от внимания сторонних лиц, думающих, что члены группы считают артельным все предприятие. Что термин употребляется именно в таком смысле, доказывает закрепление этого наименования, при стечении многочисленных рабочих, только за теми, которые живут и едят вместе. В подобных случаях вся совокупность работающих разбивается на несколько артелей, и каждая из них представляет харчевую артель в строгом смысле этого слова.

2) Причина употребления этого слова в тех случаях, когда нет налицо ни одного признака артельной формы, объясняется *переживанием*. Как обычно, некогда имевший смысл, переходит в бессодержательный обряд, так и термин, переходя из поколения в поколение, долго служит для обозначения явлений, имеющих только внешнее сходство с предметами, обозначавшимися ранее этим названием. Каждый язык обладает множеством подобных терминов. Если, например, группа лиц, работающих на промышленном заведении, получает от хозяина квартиру и стол и называет себя артелью, то она подразумевает харчевую артель. Хотя приготовление пищи за счет хозяина и исключает все признаки, отличающие такие артели, но группа удерживает термин в силу чрезвычайной распространенности народных потребительных артелей в России, а часто и в силу того, что многим из членов этой группы приходилось по временам входить в состав таких артелей. Недостаток нового термина ведет к переживанию старого, а потому иногда (хотя в редких случаях) и к неправильному употреблению слова.

Степень самостоятельности группы, объясняемая экономическим положением членов, не служит чертой, выделяющей артели из союзов других видов. Но такой чертой не служит и ограничение прав артелей из побуждений полицейских. Мы находим немало подобных ограничений. Таможенные артели, артели дрягилей, браковщиков, лоцманов состоят в ведении подлежащих властей, которые имеют решающий голос при вступлении членов, выбор должностных лиц. Эти ограничения необходимы, так как работы таких артелей сильно затрагивают интересы общества или государственного казначейства. Но ограничения не идут далее того, что нужно для ограждения общественных интересов; во всех других отношениях артель представляется

самой себе. Так как ограничения в равной мере касаются всех членов союза, то, суживая их права, не вносят начал, способных уничтожить один из признаков, отличающих эту форму общения.

Все изложенное приводит нас к такому определению. *Артель есть основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукой и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом.* Мы не указываем в определении на капиталность или бескапитальность артели, потому что размеры имущественных взносов участников не изменяют артельного строя. Огромное большинство артелей не обладает значительным капиталом, не требует от вступающего крупного денежного взноса; в некоторых же видах, особенно биржевых, таможенных, элемент капитала играет заметную роль. Но большее или меньшее участие капитала, влияя на легкость или трудность доступа в артель, не нарушает тех основных черт, которые мы признали за всеми видами этих союзов.

В нашей литературе мы находим и попытки разделения артелей на группы.

Первая попытка принадлежит г-ну Свиязеву¹. Он различает артели по степени их самостоятельности. К одним относятся те, которые, будучи совокупностью наемных работников, имеют подрядчики во главе. Другой вид образуют артели независимые с выборным старостой. Его выбирают для заведования делами артели, «для сношений и расчетов с хозяевами строений», добавляет г-н Свиязев и тем как бы дает понять, что самостоятельные артели возникают только среди плотников.

Г-н Усов² разделяет артели на 2 группы: одни имеют только общий стол; члены же других производят работы сообща.

Г-н Калачов³ и г-жа Ефименко⁴ исследуют артели по промыслам, которыми занимаются эти союзы. Таким образом, артели группируются по занятиям их членов.

Автор статьи «Артели в Сычевском у. Смоленской губ.»⁵ делит эти союзы по продолжительности срока, на который они образуются. Отсюда: 1) артели постоянные, 2) временные, 3) случайные.

Профессор Дитятин⁶ разделяет артели на 3 разряда: 1) артели, в которых все члены вносят равные количества капитала и труда; 2) те, в коих участники делают неодинаковые имущественные взносы, причем, однако, ни один не

¹ Энциклопедический лексикон Плюшара. III, 206.

² Там же. 207.

³ Артели в древней и нынешней России.

⁴ Сборник материалов об артелях. СПб., 1873 и 1874, I, 1–76, II, 1–174.

⁵ Сборник материалов об артелях. I, 193–200.

⁶ Устройство и управление городов России. СПб., 1875, I, 273–80.

вкладывает в общий капитал доли, которая далеко превышала бы паи других; 3) третью группу образуют те, в которых весь капитал или большая его часть принадлежит одному физическому или юридическому лицу; остальные же товарищи участвуют почти исключительно своим трудом. В связи с этим делением почтенный автор приводит и раздел между членами доходов артели: во-первых – распределение дохода поровну между всеми, во-вторых – раздел соразмерно с трудом и капиталом товарищей; в-третьих – присвоение себе капиталом львиной доли.

Профессор Вреден¹ не устанавливает классификации, но, как видно из главы его «Курса», отведенной артелям, он берет за признак характер целей, которые преследуют артели, говорит о промышленных и кредитных союзах этой группы.

Из всех перечисленных попыток классификации все менее удачна попытка г-на Свизева. Во-первых, из его деления не усматривается, чтобы русские артели преследовали какие-либо хозяйственные цели, лежащие вне области производства; во-вторых, характеристика автором обязанностей старосты наводит на мысль, что России известны только артели плотников. А потому классификация г-на Свизева вводит артели в рамки, еще более узкие, чем те, которые были поставлены им в его определении.

Классифицирование артелей по занятиям членов, как то делают г-н Калачов и г-жа Ефименко, есть первый шаг в деле разделения на группы. Мы думаем, что такая группировка не удовлетворяет требований классификации, не дает немногих обширных разрядов, которые обнимали бы все (многочисленные) виды артелей, известных нашему отечеству.

Разделение артелей на постоянные, временные и случайные опирается на внешний признак, которые не влияют на характер отношений между членами. При такой группировке нельзя составить понятия ни о цели, которую преследует артель, ни о степени ее экономической обеспеченности, а потому и широте самоуправления.

Г-н Дитятин берет для классификации признак, который, несомненно, играет в жизни артелей весьма заметную роль. Степенью участия и правами владельца капитала измеряется и экономическая самостоятельность артелей и выгоды, которые члены извлекают из этого общения. Для экономиста имеет высокую важность вопрос о том, насколько артели как союзы особого вида могут охранять свою самостоятельность среди других форм предприятий нашего времени, насколько члены этих союзов, вместе взятые, обладают большей сравнительно с отдельными лицами стойкостью в борьбе с окружающей их экономической обстановкой. Но как ни важен признак, послуживший г-ну Дитятину основанием для классификации, он недостаточен, потому что не

¹ Курс... 148–60.

дает возможности разделить на группы все артели, знакомые нашему отечеству. К какой из названных групп могут быть отнесены артели харчевые и кредитные? По самому свойству союзов этих видов, труд не играет в них никакой роли и участие членов ограничивается только теми имущественными взносами, которые делают товарищи в одном случае для изготовления пищи на общий счет, в другом – для создания условий, увеличивающих кредитоспособность каждого участника. Профессор Дитятин, устанавливая свою классификацию, имел в виду исключительно промышленные артели.

Г-н Усов и профессор Вреден избирают для разделения тот признак, который, думаем мы, может дать лучшее основание для классификации: это – род цели, преследуемый артелью. Этот признак особенно важен, потому что делает возможным образование таких групп, из коих одни, по самому характеру своих задач, необходимо должны быть самостоятельны, другие же могут впадать в большую или меньшую зависимость от сторонних лиц или учреждений. Этот признак послужит основанием и для нашей классификации.

Хозяйственная жизнь начинается с производства ценностей. Отвечая на потребности, стремясь удовлетворить их, человек обрабатывает материалы, дарованные природой, изменяет их вид, производит новые полезности. Все виды деятельности, направленной на создание новых полезностей и ценностей, могут быть обозначены названием «промысла». Артели, ставящие себе целью занятие каким-либо промыслом или содействие промыслу членов, мы назовем артелями промышленными. Конечная цель хозяйственной деятельности есть потребление благ. Артели, ставящие себе такую задачу, образуют группу *артелей потребителей*.

Между этими двумя крупными хозяйственными актами лежит целый ряд приемов человека, которые в итоге должны служить одной из двух целей – производству или потреблению. а) Сложность экономических отношений ставит почти каждого от времени до времени в такое положение, когда нет налицо желательного количества ценностей; отсюда – необходимость добыть их под условием возвращения в будущем, отсюда – кредит. б) Присущая человеку заботливость о самообеспечении в будущем, об охране себя и своей семьи от нужды, какие бы причины ни произвели ее, вызывает ряд действий, которые могут быть сведены в одну группу под именем страховых. Способность кредита и страхования служит цели как производства, так и потребления, и крайняя сложность кредитных и страховых отношений побуждает нас выделить в особые группы артели, направленные на улучшение условий кредита своих членов или на облегчение им самообеспечения путем страхования. Мы получаем, таким образом, еще 2 класса артелей – *кредитных* и *страховых*. К этим 4 группам могут быть сведены все артели, как существующие ныне, так и имеющие возникнуть.

Эти 4 обширные группы допускают дальнейшее дробление: при образовании более мелких групп мы будем держаться того же признака – характера цели, во имя которой возникает артель.

Промышленные артели могут быть разбиты на: а) *сырьевые*, если они имеют в виду способствовать только приобретению членами перерабатываемого сырого материала; б) *складочные*, если их вызывает к жизни стремление устроить для товаров участников склад на общий счет; в) *производительно-подсобные*, когда цель артели исчерпывается приобретением на общий капитал помещений, орудий или приспособлений, необходимых для промышленной деятельности членов; г) *производительные*, обнимающие все стороны промышленной деятельности членов, ведущие промысел.

Потребительные артели могут обнимать все стороны потребления или касаться только одной из них; в последнем случае они являются *харчевыми, квартирными*.

Кредитные могут основывать свои операции как на личном кредите, так и на кредите вещном. Совокупность землевладельцев может образовать кредитную артель с выпуском закладных листов.

Страховые могут принимать форму сберегательных касс (в наших ссудосберегательных товариществах есть элемент страхования), вспомогательных, пенсионных, обществ взаимного страхования от огня, градобития, скотских падежей и т. д.

Установленная нами группировка позволяет привести в связь с перечисленными классами и степенью самостоятельности артелей и естественность или искусственность образования их в России.

По отношению к возможности охранить свою хозяйственную самостоятельность и широту прав членов артели потребительные и страховые занимают первое место. По самому характеру этих союзов ни внутри, ни вне их нет начал, которые могли бы поработить артель. Члены таких союзов не промышляют, не извлекают прибыли; все интересы участников сводятся к получению небольших сбережений, которые может дать приобретение предметов потребления на общий счет или взаимное страхование. Как ни важны эти выгоды, они не настолько велики, чтобы заставить артель безропотно переносить давление стороннего лица или кого-либо из членов. Если бы, например, торговец съестными припасами пытался отпуском товаров по высокой цене лишить участников артели всех выгод, которые они извлекали из общения, то эта попытка быстро повела бы к распадению союза. Еще труднее представить себе в страховых артелях наличность условий, которые могли бы вызвать экономическую зависимость союза.

Та же черта отличает до некоторой степени и кредитные артели. Хотя необходимость обращения к чужим капиталам и ставит союзы этого вида в

зависимость от заимодавцев, хотя степень выгодности условий, на которых члены получают ссуды, объясняется высотой требований кредиторов артели, однако притязания заимодавцев не могут быть чрезмерны: если участие в союзе не доставит членам ссуд, значительно более дешевых, чем те, которые они могут получать единолично, то артель утратит свою привлекательность в глазах всех и быстро распадется.

Артели всех трех групп могут охранить свою самостоятельность, потому что вне их нет лиц или учреждений, которым давление на артель доставляло бы крупные выгоды. С другой стороны, и члены таких союзов не настолько заинтересованы в них, чтобы выносить на своих плечах сильное давление.

Совсем иную область представляют артели промышленные и особенно производительные. Последние поглощают всю хозяйственную силу участников и определяют высоту их экономического уровня. Человек может отказаться, в случае невыгодности, от участия в артели потребительной, страховой, пожалуй, кредитной; от участия же в артели промышленной он *часто не может отказаться* потому, что и единоличное ведение данного промысла, и вступление в союзы иных форм представляют еще менее выгод, нежели членство в артели. Помор нашего севера не может ловить рыбу один; он необходимо должен входить в состав какого-либо союза, и артель представляется таким союзом, участие в котором, при самых неблагоприятных условиях, более выгодно, чем в общениях иных форм (например, в группе наемных рабочих). То же можно сказать про артели дровосеков, бурлаков, банщиков. Обстоятельства, в силу которых многие виды промышленных артелей необходимо должны существовать совместно с техникой данных промыслов и степенью самостоятельности артельщиков, и объясняют, почему сторонние лица могут производить на эти артели почти невероятное давление и почему последние соглашаются выносить его на своих плечах. Промышленные артели остальных трех разрядов не могут впадать в такую зависимость уже потому, что члены заинтересованы в них только отчасти, только какой-нибудь одной стороной своей промышленной деятельности.

Таким образом, *возможная степень давления на артель прямо соразмерна трудности для члена жить вне артели.*

Перечисленные нами группы артелей неодинаково древнего, самобытного происхождения. Из промышленных артелей древней России были знакомы исключительно артели производительные. Они применялись, по преимуществу, к промыслам, не требующим значительного капитала. Хотя исторические памятники не дают указания на другие разряды промышленных артелей, однако самобытное образование сырьевых и производительно подсобных, как свидетельствуют факты из недавнего прошлого, не возбуждает сомнения. Складочных артелей не было. Этот вид не был известен ста-

рине, вероятно, потому, что артельная форма мало применялась в тех промыслах, которые нуждаются в складах.

Из потребительных артелей древности были известны только харчевые и квартирные. Хотя источники дают мало указаний на эту группу, однако распространенность харчевых артелей и легкость их возникновения, свидетельствующие о сродности этой формы русскому простолюдину, говорят в пользу ее глубокой древности. Потребительные артели не шли дальше харчевых и квартирных, потому что до последнего времени в среде нашего народа господствовало натуральное хозяйство, исключавшее возможность тех широких оборотов, которые ведутся современными потребительными товариществами.

Страховые и кредитные артели вовсе не были знакомы нашим предкам. Они и не могли быть известны им: неразвитость хозяйственной жизни в древней России исключала возможность организации кредита и страхования.

Искусственным мы называем такое образование артелей, когда союзы этой формы слагаются не самобытно, но при участии сторонних лиц или учреждений. Еще в 20-х годах XVIII века купечество содействовало образованию Санкт-Петербургских биржевых артелей. Артели лоцманов, дрягилей, десятников сложились при содействии государственной власти и торговых людей. С середины 60-х годов участие в этом деле отдельных лиц и обществ стало еще более заметнее. Насадители первой группы способствовали образованию исключительно производительных артелей. Движение же, вызванное Шульце-Деличем, заставило его русских последователей признать важность применения артельной формы и вне области производства. По примеру Германии и у нас отдельные лица и учреждения (земства) направили свои силы на создание кредитных и частью потребительных и промышленных артелей.

Широкое распространение в России и особая важность промышленных артелей, живучесть союзов этой группы среди нашего народа побуждают меня сделать исключительно их предметом настоящего исследования.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Исторические сведения об артелях в России

I

Точные указания на артели не восходят далее XIV столетия. Но было бы ошибочно предполагать, что артельная форма, союзы людей одинакового общественного положения, сходных по телесной силе и крепости, по преследуемым целям, по равенству прав каждого из участников, были неизвестны предыдущим векам. Обширность страны, ее пустынность, несовершенство

технических приемов, невозможность успехов в одиночной работе побуждали наших предков к образованию союзов, способных облегчить каждого члена в достижении его жизненных целей. Слабое развитие хозяйственной деятельности, трудность удовлетворить потребности в состоянии оседлом вызывали то непрерывное движение, которое является отличительной чертой первых веков в истории нашего государства и которое не вполне закончилось и до сего дня. Это движение, расселявшее славяно-русских все дальше и дальше на юг, север и восток обширной страны, имело характер то мирной земледельческой колонизации, то военных набегов. Группы, оставлявшие родные уголки в надежде на обильную добычу, наталкивались в своем движении на финские племена и оттесняли их. Немногочисленность этих подвижных групп, труды и тягости походной жизни, преграды, поставленные на пути широкими реками, дремучими лесами и топкими болотами, опасности среди туземного враждебного населения побуждали участников к теснейшему сплочению. Все должны были в равной степени нести на себе тягости походной жизни, все – переплывать потоки, прокладывая тропу по неведомым лесам, все – терпеть и голод, и жажду, и стужу, и зной. Успешно могло быть движение этих групп только при условии, что все члены проникнуты сознанием важности общего дела, что всякий готов бодро переносить лишения, что беда, обрушившаяся на одного, встретит дружный отпор всех. А такое условие могло быть выполнено только в том случае, если бы все участники смотрели друг на друга как на равных, товарищей, братьев. И это начало равенства, проявляясь в одинаковых тягостях, лежавших на членах, полагается в основание и при распределении выгод, извлеченных из предприятия. Раздели члены захваченную добычу не поровну – и мир сменился бы враждой, группа распалась бы и погибла в неуспешной борьбе с природой или с враждебными туземцами. Но равенство в правах отнюдь не исключало в среде членов группы создания, что каждый труд должен быть вознагражден соразмерно с его количеством и качеством. Если права членов и были равны, то это объясняется возможностью для каждого выполнять те обязанности, которые лежали на всех товарищах, подбором в каждую группу людей, приблизительно одинаковых и по крепости тела, и по бодрости духа. Но, помимо равенства членов, для успешного достижения цели было необходимо и другое условие: был необходим определенный план действий, которому бы следовала вся группа. При равноправности как основании общения все члены должны были принимать участие в выработке плана. Но, даже и в малочисленной группе, не все могут с одинаковой уверенностью развить все подробности предприятия: различие в возрасте, степени опытности, бывалости делает некоторых более способными руководителями. Раз эти качества признаются за лицом всеми участниками – оно получает в их глазах авторитет руководителя. Совет руководителя особенно ценен при

создании плана действий, при указании, куда и как идти. Но этим не ограничивается значение авторитета; когда создан план действий, нужно блюсти за его исполнением, нужно установить известную дисциплину. И выбор брода для перехода реки и тропы в неведомой местности, и руководство в набеге, и установление начал в сношениях с новым встреченным племенем – все это требует направляющей руки. Естественно, что вся группа переносит эти обязанности на члена, признанного наиболее опытным и искусным. Наконец, при всем единодушии между участниками неизбежны от времени до времени нарушения общего порядка со стороны того или другого. Нарушение членом общего порядка вызывает противодействие всех и выражается в приговоре нарушителя к известной каре. Вождь знает по опыту лучше других, какая карательная мера наиболее действительна, какая может скорее послужить для наказанного хорошим уроком и впредь удержать и его, и других от нарушения общего права. Поэтому группа часто возлагает на вождя обязанность определять меру взыскания или же, удерживая за собой это право, делает вождя исполнителем своих приговоров. Таким образом, во главе группы стоит лицо, облеченное исполнительной, а нередко и судебной властью, атаман, ватажок. Существование атамана не остается без влияния и на хозяйственную сторону жизни группы. Все члены несут равные обязанности, а потому пользуются и равными правами; но равенство, обусловливаемое подбором лиц, более или менее сходных, не подавляет в участниках сознания о необходимости вознаграждать каждого соразмерно с его трудом. Это сознание проявляется прежде всего в тех правах, которые при разделе добычи группа отводит атаману. Он несет наравне с другими тягости похода, он работает мышцами столько же, как и остальные члены; но, сверх того, на нем лежат обязанности, не известные его товарищам: поставленная цель руководит каждым его шагом; он согласует действия каждого с общим планом, предупреждает правонарушения, заботится о всех, – словом, на его долю выпадает духовная работа, которую только в небольшой степени исполняют его товарищи. В результате – он трудится больше других. И вот, следуя побуждениям чувства справедливости, группа уделяет иногда атаману из общей добычи большую долю, чем рядовым членам дружины. Но вместе с тем дружина была всегда настороже. Атаман был поставлен ею во главе в силу общепризнанных его качеств. Избрав его, дружина сохраняла право и сменить своего вождя, а в случае его недобросовестности даже подвергнуть его каре. Вызванная к жизни определенной целью, группа расходилась, как скоро поставленная цель была достигнута.

Если я на первых же страницах главы, отведенной истории артелей, говорю об образовании этих союзов для набегов, то едва ли впадаю в противоречие с определением, данным мною союзам этой формы. Артель всегда преследует, главным образом, хозяйственную цель. Но и эти воинственные

группы видели в набеге только средство, которое, доставляя добычу нападающему, способно обогатить его. Многочисленность во всех грубых обществах удальцов, не расположенных к мирному усидчивому труду, вызывает частое образование таких групп, для которых война служит работой, взятие добычи – производством новых ценностей. Постоянное общение между членами таких групп устанавливало тесную связь между всеми хозяйственными интересами участников: производство – захват добычи – было общим делом; совместным необходимо должно было быть и потребление.

Таков, вероятно, был характер тех подвижных групп, которые под именем «повольников», «ушкуйников», стремясь за добычей, заходили далеко на Север и Восток и содействовали колонизации России, расселению славянского племени. Но эти воинственные группы были известны не только временам давно прошедшим: в казацкой вольнице образовывались военные группы для набегов до самого конца XVIII столетия. И эти группы были носительницами чистого артельного начала, были построены на равноправности членов, на строгой дисциплине, слепом повиновении избранным вождям. По тем сведениям, которые сохранились о Казанской станице Донского Войска, граждане в старину образовывали *сумы*, общежительные братства; в состав их входило человек 10 и более; все население станицы был разбито на такие сумы. Члены сум владели только деньгами на праве частной собственности; все остальное было общим достоянием. Сумы занимались набегами, охотой, рыбной ловлей. Набегами занималось сообща все население станицы; но сумы и в этом случае не утрачивали значения самостоятельных групп. По окончании набега добыча вблизи станицы делилась между участниками поровну, и каждый вносил свою долю в имущество сумы. Так как члены этих небольших групп были связаны самыми тесными узами, то элемент принуждения не мог иметь место при образовании сум: всякий вступал в товарищество так же свободно, как и выходил из него. Вступая в новую суму, казак брал свою часть из имущества прежнего товарищества и вносил в новое. Сума, будучи артелью для набегов, вела и промышленные занятия. Что было лишним в ее имуществе, то она продавала от своего имени купцам, наезжавшим из средней России. Начало равного распределения, применявшееся к добыче, было положено в основание и при разделе царского жалования. Сума, соединявшаяся во всех важных случаях с другими такими же группами казаков, не имела надобности в особом вожде; но все сумы вместе имели во главе атамана, избиравшегося населением станицы на один год. Все были обязаны беспрекословно повиноваться атаману и другим представителям исполнительной власти. Порядок этот существовал до конца XVIII века¹. Такую же организацию артелей

¹ Тимощенков. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы. Труды областного Войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск. С. 139–140.

мы находим и у запорожских казаков. Сиромы, люди холостые, пропив все, добытое охотой и рыбной ловлей, соединялись в артели для набегов и начинали красть, грабить, убивать. Во главе артелей стояли «ватажки». По возвращении из набегов они делили добычу между казаками и ватажком¹.

По мере того как население России оседало, как все большая площадь обширной равнины делалась достоянием славянского племени, оставалось все меньше и меньше простора для набегов, для обогащения удальцов посредством захвата добычи; мирная хозяйственная деятельность все более вступала в свои права. Простота потребностей и неразвитость техники заставляли население еще долго ограничиваться теми отраслями труда, в которых силы природы особенно наглядно помогают человеку в его работе; земледелие, рыболовство, охота еще долго оставались почти исключительными занятиями. В этих отраслях деятельности, и особенно на суровом, угрюмом севере, человек мог работать успешно только в союзе с себе подобными. И этот союз, по взаимным отношениям членов, был продолжением той формы тесного товарищеского общения, которую принимали наши предки во время набегов. Средства, которыми общение достигало своих целей, изменились; меч уступил место топору, заступу, сохе, а форма осталась та же, сохранила все отличительные черты ватаг и сум. Пустынность страны, бесхозяйность земли необходимо делали захват основанием права собственности. Кто ступил первый на данный участок земли, кто вырубил лес, выкорчевал пни, тот был собственником до тех пор, пока оставался на облюбованном месте. Но этот захват предполагал совместную работу нескольких лиц. Мог ли один человек, при помощи только членов своей семьи (предполагая, что среди них взрослых не было), вырубить участок, сволочить лес к определенному месту, засеять поле и собрать жатву? Мог ли один человек удовлетворить и текущие потребности, и думать о самообеспечении в будущем? Очевидно, такая работа была одному не по силам. И вот, движимый необходимостью, земледелец вступает в союз, в артель и возделывает новый участок совместно с товарищами. Источники не сохранили указаний на существование подобных артелей, но древность артельной формы труда в применении к земледелию не может возбуждать сомнения, потому что она является теперь господствующей при расчистке новин в наших северных губерниях. Необходимость этой формы в силу условий внешней природы, в силу особенностей подсечного хозяйства до такой степени понятна поселянину нашего севера, эта форма пустила так глубоко корни в жизнь крестьянина Вологодской, Архангельской, Олонецкой губерний, что артель образуется молча не только без облечения договора в письменную форму, но даже и без соглашения на словах относительно основных начал совместного

¹ *Скальковский*. Изустные предания о Новорос. крае. Журнал Министерства народного просвещения. 1839. XXI. 183–184.

труда. С незапамятного времени всемогущий обычай освятил известные отношения между членами артели, – и все беспрекословно повинуются этому обычаю. Земледельческие артели, известные под именем «общих» (*обчих*), распространены в Вологодской губернии повсеместно. Образование общих отличается крайней простотой. Наметил крестьянин участок леса, пригодный для расчистки новины, и вот он приглашает нескольких соседей помочь ему. Заботясь о возможно большей производительности труда, он подбирает себе в товарищи исключительно мужчин в возрасте полной рабочей силы. Члены артели принимаются за работу сообща: они вместе корчуют лес, выжигают пни, сеют, молотят, свозят хлеб в житницу и поровну делят собранную жатву. Цель достигнута: работа, которая могла быть исполнена только артелью, окончена, и товарищи расходятся, решая по взаимному соглашению, кто будет в следующие годы пользоваться расчищенной новью¹.

Как невозможно ведение подсечного хозяйства в одиночку, так трудно или почти невозможно занятие без товарищей охотой в девственных лесах или рыбной ловлей. Источники сохранили некоторые сведения об охотничьих артелях. Уже в XIII и XIV веках известны были Архангельской губ. артели для охоты за кречетами. Из грамот великих князей Андрея Александровича на Двину и Иоанна Даниловича² можно получить понятие о форме, в которой занимались соколиным промыслом. Составлялись ватаги помытчиков с ватаманом во главе; эти ватаги, в силу данных им великими князьями привилегий, были самостоятельными общинами. Местные власти не касались их; они имели право брать бесплатно подводы; по всем делам их ведал атаман; кроме товарищей, при артелях состояли и наемные рабочие («третники и наймиты»). И до сих пор охотничий промысел цепко держится артельной формы. Мы находим ее не только у русских, но и у инородцев Европейской России и Сибири. Так, в Иркутской губ. в Тунке казаки соединяются в артели для охоты на белку³. Якуты и буряты образуют звероловные артели из 3–6 человек⁴. В Устьсысольском уезде на реке Печоре зыряне ходят на охоту также артелями⁵. В восточной Сибири повсеместно распространены артели зверовщиков⁶. Опасность заблудиться, встретить зверя настолько очевидна для охотника, что он всегда ищет случай вступить в артель. «Сбирается крестьянин на охоту и условливается с соседом или знакомым, одним

¹ Из Вологодской губ. // Русские ведомости. 1880, 8.

² Акты Археографической экспедиции I, № 1 и 3.

³ *Кропоткин*. Поездка в Окинский караул. Записки Сибирского отделения Географического общества. Иркутск, 1867, 9–10, 16.

⁴ *П.Н.* Артельное рыболовство в Ольхонском воеводстве. Сибирь, 1876, 51–2.

⁵ *Яковицкий*. О Печорском крае // Волог. губ. вед. 1877, 29.

⁶ *Черкасов*. Записки охотника восточн. Сибири. СПб., 1867, 128–9, 686 и дальше.

или несколькими, идти промыслять вместе, вот и составляет артель, или идет охотник на промысел один, и где-нибудь у лесу набредет на таких же охотников, и идут промыслять сообща – опять артель; или даже случайно столкнутся промышленники у одного дела, например, у одного стада животных, бьют вместе без всяких предварительных соглашений... и эта партия промышленников, до окончания того дела, около которого она столкнулась, образует артель»¹. Но напрасно было бы думать, что в последнем случае, когда совместному труду не предшествует предварительное соглашение, группа является артелью только по названию; нет, это внезапно образованное товарищество имеет главные отличительные черты артели; в этом союзе, возникающем столь же быстро, как разлагающемся, все члены равны, и равноправность их сказывается в распределении добычи между участниками поровну. Если кто-либо из членов притязает на большую долю добычи, ссылаясь на то, что его выстрелы были более метки, то всесильный обычай в лице волостного суда умеряет его требования и, признавая соединение нескольких лиц для совместной охоты артелью, освящает раздел добычи на равные доли².

Рыболовные артели распространены у нас еще больше, чем охотничьи. Если последние вызываются к жизни главным образом теми опасностями, которые в дремучем лесу на каждом шагу грозят человеку, то рыболовный промысел, рассчитывающий на значительную добычу, требует таких орудий, которые предполагают совместную работу нескольких лиц. Отношения в среде этой группы могут быть неодинаковы. Орудия, довольно громоздкие и ценные, могут быть поставлены одним лицом или же все члены группы могут принимать равное участие в изготовлении и покупке орудий. В первом случае в союз вкрадывается начало капиталистическое, принадлежность одному члену всех орудий лова; во втором это начало не имеет места. Отсюда – в одном случае неравноправность всех участников и присвоение большей доли добычи тем, кому принадлежит капитал, в другом же несение всеми одинаковых обязанностей, а следовательно, и пользование равными правами. В источниках мы находим там и сям указания на рыболовные артели. Грамота Белозерского князя Михаила Андреевича от 1460 года запрещает атаманам и заказчикам брать рыбу с неводов Кириллова монастыря. Слова «кто пойдет на моем судне на Белоозеро» заставляют предполагать, что князь отправлял на рыболовный промысел свои ватаги, сходные с теми, которые занимались ловлей кречетов³. От XVII века сохранились более точные сведения. В это время тресковый промысел был уже очень распространен на наших северных окраинах; на Мурманском берегу им занимались и крестьяне, и посад-

¹ *Ефименко*. Артели Арханг. губ. // Сборн. матер. об арт. в. II, 99.

² Там же. 101.

³ Акты Археогр. экспед. V, № 67.

ские люди, и монастыри¹. Ведение в то время промысла исключительно артелями свидетельствует, что эта форма организации труда была исконной в применении к рыболовству. То же находим мы и относительно промысла на морских зверей, моржей и тюленей. На применение к нему артельной формы труда также сохранились указания в памятниках XVII столетия. Но распространение этого промысла и господство в нем артельной организации было известно уже в гораздо более раннее время. Названная грамота Велико-го князя Андрея Александровича упоминает о ватагах, посланных на море для промысла, то есть добывания морских зверей: следовательно, промыслы эти были известны уже в XIII и XIV столетиях. Необходимость теснейшего единения между промышленниками ввиду многочисленных опасностей, проистекавших из всей обстановки промысла, делает безошибочным предположение, что уже и в то время господствовал артельный труд, повсеместно распространенный ныне по морским берегам нашего севера. Сведения об обеих формах артелей, составлявшихся для рыболовного и звериного промыслов, не одинаково обильны. Где артель образовала небольшую группу равноправных участников, там отношения между членами упорядочивались обычаям всем известным, там облечение договора в письменную форму, затруднительное по неграмотности населения, не было и нужно. А потому об этих артелях в древней России мы имеем самые скудные сведения. Но доселешнее их существование делает возможным ознакомиться с их организацией и дает право заключить, что строй их и в отдаленном прошлом был подобен нынешнему, подобен потому, что обуславливается самым характером промысла, а последний остался без изменений. Более подробные сведения мы имеем о той форме артелей, в которые, наряду с равноправными участниками, входил предприниматель, вносил свой капитал и старался выговорить себе наибольшую долю добычи. В XVII веке главным предпринимателем в рыболовном промысле наших северных побережий является архиерейский дом в Холмогорах. Ведя приходо-расходные книги, архиерейский дом вносил в них как затраты, вызванные наймом артелей, так и доходы, извлекаемые из промысла. Наем артелей архиерейским домом и время отправки производились по определенному выработанному плану. Каждый год на море посылалось несколько артелей «покрученников», то есть таких лиц, которые не были хозяевами предприятия, а, как показывает само название, покрутились, порядились работать на известных условиях. Архиерейский дом принимал на себя все издержки производства. Он приобретал ладью, карбас, сети и веревки; он давал покрученникам шубы, меховые одеяла, съестные припасы. Таким образом, все предварительные расходы нес предприниматель. Сверх того, каждый покрученник получал в виде подарка небольшую сумму денег

¹ *Ефименко*. Там же. II, 3.

«не в отдачу». Сделав затраты, архиерейский дом предъявлял права и на значительную долю промысловой добычи. Равенство покрученников не было нарушено: все они получали одинаковые выгоды из промысла, но предприниматель требовал наиболее крупной доли за участие своим капиталом. Иногда дележ добычи был очень несложен: вся артель получала $\frac{1}{3}$, а $\frac{2}{3}$ доставались архиерейскому дому. В других случаях добыча дробилась по числу участников и каждый из них должен был уступить часть своего пая архиерейскому дому. Каковы ни были приемы при дележе добычи, последний получал в 2 и $2\frac{1}{5}$ раза больше, чем вся артель¹. От первых годов XVIII века сохранились довольно подробные сведения об отношениях архиерейского дома к покрученникам в рыболовном промысле. Как в зверином, так и здесь весь постоянный и оборотный капиталы принадлежали исключительно предпринимателю. Сохранившиеся описи, перечисляя до мельчайших подробностей составные части постоянного и оборотного капиталов, дают понять, что покрученники имели только свою одежду, все же остальное получали от нанимателя. В этих артелях предприниматель удерживал из добычи также до $\frac{2}{3}$. Начало равенства между всеми покрученниками нарушалось лишь тем, что каждая артель, нуждаясь для успешного ведения промысла в руководителе, отчисляла на его долю большую часть сравнительно с рядовыми членами. Так, на долю кормщиков и карбасников, сосредоточивавших в своих руках заведование промыслом, из добычи приходилось в $2\frac{1}{2}$ раза больше, чем остальным покрученникам. Кроме того, они получали от архиерейского дома большую сумму не в отдачу, большой «свершенок»². Такая организация артелей покрученников и такие отношения между ними и архиерейским домом, главным предпринимателем на берегах Ледовитого океана, продолжали существовать вплоть до конца XVIII столетия.

Как ни мало сведений сохранилось о древних самостоятельных артелях наших северных окраин, однако есть точные указания на существование и этой формы. Такие артели составлялись из холмогорских крестьян и ходили на Новую Землю для моржевого промысла. Члены артелей вносили в предприятие равными долями не только свой труд, но и капитал. Равная заинтересованность членов «и во всех кочевых снастях и в лодейном карбасе и в парусе и в якорях и в матках и в фонере и в заводах и в артельном котле», как говорит одна ненапечатанная купчая крепость от 1682 года, вели и к распределению добычи между участниками на равные доли³. В состав таких артелей входило от 8–20 членов. Подобные же артели существовали и для рыболовства на Мурманском берегу. Эти артели состояли из 4 членов

¹ Ефименко. Сборник. I, 11–12.

² Там же. II, 7–9 и дальше.

³ Там же. I, 10.

или 4 «участников», причем каждый вносил одинаковый пай и оборотный капиталы¹. Понятно, что одинаковая степень участия каждого обуславливала и распределение добычи на равные доли.

С XVIII столетия мы встречаем несколько иную организацию артелей для моржевого промысла. Форма эта – полусамостоятельные артели. Хотя, подобно артелям покрученников, отправляемым архиерейским домом, и здесь капитал не принадлежал всем членам артели, однако существенная разница между обеими формами состоит в том, что в последней владелец капитала вносил в промысел и труд свой. В этих артелях из 8–20 человек судно, орудия лова и съестные припасы принадлежали одному из членов, который и являлся хозяином по отношению к товарищам. Между членами артели было строго проведено начало разделения труда; каждый исполнял свою специальную обязанность. Управление же судном и всем ходом промысла лежало на хозяине или кормщике, которому хозяин передавал свои права. Принадлежность капитала одному участнику сказывалась и в разделе добычи: хозяин удерживал для себя половину, а иногда и больше; другая же половина поступала остальным членам и делилась между ними не поровну, а соответственно заслугам каждого и сообразно с договором, заключенным каждым из членов с хозяином². Хотя сведения об этой форме артелей не восходят далее прошлого столетия, но нет основания предполагать, чтобы она не была известна и раньше. В самом деле, эта форма представляет резкие отклонения от организации производительных артелей и скорее по неравному распределению добычи между членами, участвующими только своим трудом, напоминает союз предпринимателя и наемных рабочих. Вырождение это могло совершиться только под влиянием осложнения техники промысла, требовавшего столь значительных издержек, что только состоятельные люди могли их нести. Ставя в зависимость от себя своих небогатых соседей, эти хозяева подчиняли их себе и вводили в артель, если она составлялась из неравносильных участников, новый элемент – распределение добычи на неравные доли. Но такой порядок мог возникнуть гораздо раньше прошлого века: уже описи архиерейского дома свидетельствуют, что орудия промысла были сложны и дороги, а потому уже и раньше вероятно существование этой переходной формы артелей, подобных капиталистическим предприятиям.

К этому же времени относятся первые сведения и о союзах артелей – «котлянах». Под котляной подразумевалась совокупность артелей, встретившихся на промысле и уговорившихся вести дело сообща. Соединение мелких артелей в одну обширную группу имело ту выгоду, что риск распределялся на более широкую площадь, чем при обособленном действии

¹ Ефименко. Сборник. II, 3.

² Там же. I, 13–14.

каждой артели. Там, где все суда артелей, образовавших котляну, не могли промышлять сообща и некоторые возвращались с промысла без добычи, котляна признавала и за последними право на известную долю дохода. Доход обыкновенно делился между участниками поровну; это равенство нарушалось в тех артелях, во главе которых стоял хозяин; получив долю на всех членов, он распределял ее между ними согласно с условиями, на которых были приняты участники в его артель. Развитие котлян – «плотных», когда такой союз составлялся для совместной работы в течение всего промыслового времени в году, и «смашных», когда сотрудничество ограничивалось охотой только за одним встреченным стадом моржей, – служило к еще большему укоренению артельного начала у наших поморов. Теперь каждый член артели был связан не только со своей немногочисленной группой, но и со всеми входившими в состав более обширного союза – котляны. Этот союз требовал от всех участников взаимопомощи в широком смысле, какие бы условия ни вызывали ее необходимость. Если какое-либо судно, входившее в состав котляны, терпело крушение, то все другие суда были обязаны оказать помощь и прежде всего спасти людей с потерпевшего судна. О плате за содержание этих людей на корабле, за прокормление их не было и речи. Где эгоизм вызывал письменные договоры об обязательствах потерпевших взявшему их судну, там обычай, восстанавливая принцип обязательной взаимопомощи, отрицал законную силу заключенных договоров. За спасение вещей с потерпевшего судна, промысловых орудий и т. д. взималась плата, но она была незначительна. Если экипаж судна вымирал, например, от цинги, то ближайшее судно должно было вывезти с него вещи также за незначительную плату или же в предположении, что хозяин судна должен скоро прибыть, только привести весь груз в порядок. Раз промышленники поотрубили головы у добытых ими моржей, то куда бы ни загнала буря животных, другое судно не имело права завладеть ими¹. Эта стройно регулируемая обычаями сеть правовых отношений доказывает всю силу артельного начала, не ограничивавшегося только небольшой группой лиц, но распространявшегося на всех, занимавшихся тем же промыслом.

Рыболовные артели, искони знакомые нашему отечеству, имеют и по сие время столь же широкое распространение, как в древней России. Кроме беломорских берегов, мы находим их на морях Черном², Азовском³, Каспийском⁴ и почти на всех внутренних озерах и реках, где рыбный промысел служит значительным источником заработков для прибрежного населения.

¹ *Ефименко*. Сборник. I, 17–22.

² *Щ–на*. Южнорус. артели // Неделея. 1876, 34–5.

³ Там же.

⁴ Исследование о состоянии рыболов в России. СПб., 1860–3.

Артельная форма знакома Печоре¹ и Уралу², Псковскому³, Ильменю⁴, Белому⁵ озеру, Неро⁶ и многим другим. На озерах мы находим преимущественно самостоятельные артели; на морях же – как самостоятельные, так и зависящие от предпринимателей.

Но артельная форма была известна не только северным окраинам древней России и не одним перечисленным нами отраслям хозяйственной деятельности. С середины XVII века до нас дошли две записи, справедливо названные артельными, так как они, говоря об этой форме труда, указывают на существенные черты артельной организации. Одна из записей относится к 1654 году⁷. Артель, о которой говорит этот акт, состояла из трех товарищей, взявших на три года на откуп сбор таможенных пошлин в Арзамасе и селах Ичалове, Стековсе, Гремячем. Каждый из членов принял, на основании особого договора, одного товарища «для своей перемены», если бы в этом встретилась надобность. Артельный договор точно определяет взаимные отношения членов. Согласно с ним назначение кого-либо из товарищей на ту или другую таможеню должно делаться сообща. Наем сторонних лиц для сбора пошлин должен производиться также с общего согласия. Ссоры, брань, игра в карты запрещаются. Запрещается брать кому-либо из членов подарок без ведома артели и украдкой увозить его. В случае иска к кому-либо из артельщиков за убытки, причиненные в «откупных годах», артель обязуется ответствовать всем своим имуществом. Наконец, договор говорит о «заводных деньгах» – вкупные суммы современных биржевых артелей, – но не определяет их размера. Определение высоты пени до 300 руб. в случае неточного исполнения обязанностей кем-либо из артельщиков доказывает, что заводные деньги были значительны. Эта артель была союзом замкнутым. Договор предусматривает случай смерти кого-либо из товарищей и определяет, что место умершего должно быть занято его братом, сыном или тем, кому он прикажет. Раздел прибыли и убытков производить поровну.

Другая запись, имеющая для нас интерес, называется в подлиннике *складною*⁸. Составленная в 1635 году, она имеет целью упорядочить взаимные отношения двух товарищей, сговорившихся торговать в сибирских городах. Товарищи уговариваются сложиться на 297 руб., вместе занять товар и деньги,

¹ Яковицкий. См. в.

² Данилевский. Краткий очерк Уральского рыбн. хозяйства // Вести Им. Р. Георг. Общ. 1858, VII, 22.

³ Исследование о состоянии рыболов. I, 78.

⁴ Куприянов. О рыбн. ловле на оз. Ильмень // Москвитянин. 1853, 18.

⁵ Сборн. матер. II, 200–1.

⁶ Артынов. Село Угодичи. Ярослав. губ. вед. 1851, 2.

⁷ Акты, отн. до юрид. быта древн. России. I, № 111.

⁸ Там же. I, 121.

промышлять «за один человек» и сообща выкупать кабалы. Прибыли и убытки должны были делиться также пополам. Кроме этих актов, которые подробно указывают на артельную форму, источники сохранили сведения, позволяющие заключить о существовании артелей в разных отраслях промышленности.

Древней России были известны артели плотников. Есть запись от 1598 года, заключенная разными крестьянами с казначеем Вяжицкого монастыря о постройке мостов¹, и другая, от 1677 года, которой верхотурские ямские охотники обязывались сделать в казну два досчаника². На артельное начало, связывавшее всех участников договора, указывает выраженная плотниками готовность уплатить за неисполнение обязательства сообща и окончание работы предоставить тому, «кто из них будет в лицах». Указание на артели плотников мы находим и в Царской грамоте сольвычегодскому воеводе Чичерину от 1623 года³. Грамота предписывает учинить расспрос сольвычегодским охотникам о причинах недостройки ими острога. За неисполнение обязательства предписывается взять с охотников («Ондрюшка Яровой с товарищи») определенную сумму. Так как взыскание обращается на всех охотников безразлично, то мы вправе предположить, что они отвечали перед казной круговой порукой.

Известны были древней России и артели каменщиков. Об этом свидетельствует одна подрядная запись, относящаяся к 1868 году⁴. Согласно с ней, 18 каменщиков из-под Костромы и Ярославля подрядились выстроить московскому обывателю Маторину 2 погребца. «Все мы подрядчики и каменщики, – говорит запись, – поручились есми друг по друге круговую порукою». Обязуясь исполнить работу «самым добрым мастерством... и от того каменного дела никуда не отойтить», артель заканчивает запись словами, что неустойку в 200 руб. хозяин может взять на том, «кто в лицах будет».

В кузнечном промысле в древности также применялась артельная форма. До нас дошла от 1648 года одна поручная запись⁵, которую дали на себя 11 кузнецов Вологды пушкарю Ивану Аталыкову. Они обязались за круговой порукой отправиться в Москву к «государеву ствольному делу», явиться на место в известный срок, вести себя в дороге исправно, «не пить, не бражничать, друг друга не покинуть». Ответственности, в случае нарушения обязательств, и по этой грамоте подлежит прежде всего тот, «кто будет в лицах».

Извозный промысел нуждался не менее других в артельной организации. Частые опасности, которым в старину прохожие и проезжие подвергались на

¹ Акты юридич. № 188.

² Акты, относ. до юрид. быта древней России. II, № 256.

³ Акты Археограф. экспед. III, № 140.

⁴ Акты, относ. до юрид. быта. II, № 254.

⁵ Там же. № 259.

дорогах, побуждали извозчиков отправляться в путь значительными группами. Если несколько извозчиков подряжались везти какой-нибудь товар, то в их интересах было образовать артель; такой артели всякий товароделец был склонен доверять больше, чем сумме отдельных лиц, связанных между собой только внешним образом, только единством места во время перевозки товаров. Порядная запись 6 извозчиков с архимандритом Тихвинского монастыря, относящаяся к 1655 году¹, знакомит нас с такой артелью. Артель подрядилась перевезти хлебные запасы из Новгорода в Витебск. Запись определяет число лошадей, которое должна была поставить артель, число подвод под каждый род хлебных запасов и груз каждой подводы. В записи же говорится о размерах платы за перевозку товара. Артель приняла на себя обязанность беречь товар во время пути и на ночлегах и от лихих людей, и от подмочки. В случае какой-либо неисправности, за исключением убытка, проистекающего «от Божией воли и сильной руки», артель отвечает перед монастырем по цене доверенных ей припасов в Витебске. Распространенность артелей извозчиков доказывается словами одного акта от 1690 года². Из этого акта следует, что в конце XVII века извозчики, возившие товары между Москвой и Вологдой, соединились в артели по 10, 20, 50 и более человек и давали на себя порядные записи³.

Один акт от 1663 года⁴, по справедливому замечанию г-на Калачова, дает право предположить, что древней России были известны и артели бортников. Этот акт есть договор, заключенный двумя крестьянами с Желтоводским монастырем о выемке меда из бортей. Товарищи принимают к себе еще 3 бортников, но обязуются быть с ними «за одно». Таков же характер и договора с названным монастырем 11 черемис.

Артельное начало не было чуждо и сельскому хозяйству. Кроме самостоятельных земледельческих артелей, сохранившихся на нашем севере и донныне, оно применялось при арендовании земель и отбывании сельских работ на землевладельцев. С артелью арендаторов мы знакомимся из одного акта⁵, данного двумя священниками и двумя крестьянами архимандриту рязанского Богословского монастыря на луг, взятый для распашки на 10 лет. Кортмщики обязуются сообща нести ответственность за возможные убытки. О существовании артелей сельских рабочих мы узнаем из двух

¹ Акты юридич. № 294.

² Дополн. к акт. историч. XII, № 62.

³ Г-н Калачов (Артели... 13) видит указание на существование в древней России артелей ямщиков из одной поручной записи, в которой ямские охотники и посадские люди ручаются за исправное отправление гоньбы тремя костромскими ямщиками. Охотно допуская существование в древности таких артелей, мы думаем, что оно отнюдь не доказывается круговой порукой группы лиц, поручившихся за названных ямщиков. Об отношениях же между последними нельзя составить понятия из акта.

⁴ Акты юридич. № 202.

⁵ Там же. № 179.

наемных записей от 1700 года¹. Обеими записями устанавливаются обязанности товарищей по отношению к помещику Сабанину, на земле которого поселились артели. Артели приняли на себя обработку пашен, рубку леса, уборку жатвы, сооружение построек и другие работы, которые помещик нашел бы нужным возложить на них. Опираясь на то, что они не боярские или чьи-либо другие крестьяне, не беглые люди, а вольные, знакомые между собой артельщики ручаются «голова в голову» и обязуются сообща платить землевладельцу за причиненные убытки.

Мы встречаем, наконец, артели и среди чернорабочих других разрядов. В 1690 году Фирс, архимандрит Соловецкого монастыря, подал царям челобитную об определении платы вологодским площадным подьячим за написание круговых поручных записей работников, нанимающихся за монастырские суда². Челобитчик говорит о необходимости для монастыря закупать хлеб в Вологде и нанимать для отправки его водой на досчаниках по четыреста работников и больше. Вот эти-то работники и давали монастырю круговые поручные записи. Названная челобитная представляет двоякий интерес. Казалось бы, что образование из всех 400 человек одной артели повело к бессодержательности круговой поруки: в такой многочисленной группе никто не может знать всех, а потому и не может за всех ручаться. Это хорошо понимал монастырь: желая сделать для себя из круговой поруки не мнимое, а действительное обеспечение, он побуждал всю эту многочисленную кассу разбиваться на небольшие группы: члены каждой из них были только в пределах своей группы связаны круговой порукой: «и в том, государи, найму, – говорит челобитная, – те работные люди дают нам на себя поручные круговые записи, а пишутся те работные люди в одну запись человек по тридцати и по сороку». Взаимная ответственность в таких пределах, естественно, могла служить для нанимателя надежным обеспечением. Другая характерная подробность – воззрение нанимателей того времени на самое существо круговой поруки. Только наличность этого условия кажется им верным залогом в исполнении группой лиц данного обязательства: «...а без работных, государи, людей, также и без записей на них работных людей быть некоторыми делы невозможно», – говорит челобитная и тем придает большое значение круговой поруке.

Древней России были, несомненно, известны и артели бурлаков. Хотя две поручные записи от 1642 и 1653 годов³ и не указывают прямо на круговую поруку, но характер договора между нанимателем и яржными до того напоминает новейшие условия хозяев с бурлаками, что дает нам право предполагать применение артельной формы и среди этих рабочих. В записях перечисляются

¹ Архив юрид. и практ. сведен. 1859, кн. 1.

² Дополн. к акт. историч. XII, № 62.

³ Акты юридич. № 311.

обязанности ярыжных: они должны тянуть канат, работать на судах; если судно станет на мель, они должны снимать его, лазить с рычагами в воду. Одной из этих групп вменено, сверх того, в обязанность выстроить в Астрахани амбар, разгрузить судно и сложить хозяйские товары. Всем ярыжным, которых было по первой записи шестеро, а во второй – восьмеро, была определена одинаковая плата, часть которой была взята рабочими в виде задатка вперед. Большой ярыжный должен был отыскать вместо себя, работника в тягу. Все ярыжные поставили за себя сторонних поручителей; среди них были и 2 ярыжных, находившихся на судне. Хотя, таким образом, порука не лежит на самих рабочих, а переносится на третьих лиц, однако мы считаем себя вправе признавать древним происхождение и бурлацких артелей. Мы опираемся при этом предположении особенно на тот факт, что вышеприведенная челобитная знакомит нас с артелями судорабочих, стоявших по роду занятий весьма близко к бурлакам.

Этими данными и исчерпываются сведения, дошедшие до нас об артелях древней допетровской России. Нет сомнения, что среди неизданных актов найдется еще немало указаний на исследуемые нами союзы. Но сколько бы ни отыскилось таких указаний, они в совокупности обнимут только весьма небольшую часть артелей. Те немногие акты, которые дошли до нас, или регулируют отношения артелей к третьим лицам, или же, как договор между тремя товарищами, снявшими на отпуск таможенные налоги, касаются такого слоя общества, в котором было сосредоточено владение значительными капиталами и грамотность была достаточно распространена. Эти обстоятельства в связи с тем, что артели между такими лицами не были особенно частым явлением и не регулировались обычаями, побуждали участников упорядочить взаимные отношения посредством подробно выработанного писанного договора. Огромное же большинство артелей возникало в среде людей малообеспеченных, неграмотных. Особенности того или другого занятия, для которого слагалась артель, вызывали в умах наших предков представление о необходимости известного склада этих союзов. Это сознание выработало артельные обычаи и делало совершенно излишним регулировать в каждом отдельном случае отношения между членами путем специального договора. Так, например, распространенные ныне артели дровосеков, несомненно, древнего происхождения: рубка и вывоз леса требуют совместной дружной работы нескольких лиц. Если мы и не встречаем указаний на этот вид артелей, то лишь потому, что лесорубочная промышленность, исконное занятие наших предков, успела издавна выработать определенный тип отношений между членами работающей группы. Эти и многие другие артели слагались, развивались, умирали и не оставляли после себя ни одного клочка исписанной бумаги, который дал бы возможность историку ознакомиться с внутренней жизнью союзов. С другой стороны, артели были явления слиш-

ком мелкие, чтобы обратить на себя внимание современников и заставить их занести о себе сведения на страницы летописей. Мы скажем в заключение, что древняя Россия знала артели и знала их в гораздо более широком распространении, чем на то указывают наши памятники.

II

XVIII век, почти начинающийся основанием Санкт-Петербурга, внес в нашу хозяйственную жизнь условия, способствовавшие дальнейшему применению артельного начала. Создание новой столицы было и созданием нового порта, нового места для постоянных и обширных сношений с Западной Европой. Петр Великий с самого основания Петербурга усиленно старался о привлечении в него как переселенцев из средней России, так и иностранных торговцев. Первые годы в Петербург не приходило ни одного судна, но с 1713 года начали устанавливаться правильные торговые сношения. Развитие навигации породило запрос на новый род труда по нагрузке, выгрузке, сбережению приходящих товаров. В Петербурге собственного рабочего населения не было, и эти работы принимали на себя переселенцы из других местностей, особенно северных губерний – Архангельской, Вологодской, Ярославской, Владимирской и др. По справедливому замечанию г-на Немирова, «во всем этом районе России артельный труд составляет самую обыкновенную форму труда между простым народом, поэтому очень естественно, что и по приходе в Петербург рабочие названных местностей сохраняли свою привычку работать артелью»¹. Первоначально, как гласит сохранившееся между артещиками предание, новообразованные артели работали на одного купца. Но постепенно, в силу неодинакового количества работы в течение целого года, хозяева усмотрели неудобство содержать артели постоянно, и такое неудобство, естественно, повело к тому, что эти союзы вылились в форму самостоятельных рабочих групп, связанных не с одним лицом или учреждением, а со всеми торговцами Петербурга. Уже точная определенность всех мелочей как во внутренней жизни биржевых артелей, так и в их внешних сношениях заставляет предполагать, что эти союзы сложились и развились при некотором содействии лиц, знакомых с характером и потребностями торговых классов. Это предположение подкрепляется указанием Голикова, что банкир петровского времени Генрих Мейер принимал участие в образовании артелей.

До конца XVIII века артели стояли вне законодательных определений. Эти нормы были впервые установлены в 1799 году Уставом о цехах. Свод же законов закрепил за этими союзами название «биржевых»².

¹ Немиров. Биржевые артели в С.-Петербурге. СПб. 1876, 11.

² Там же. 9–12.

К тому же времени относится и возникновение дрягильской компании. В первые годы существования Петербурга досмотр товаров и сбор таможенных налогов при с.-петербургской таможне производились при участии купечества. Невозможность положиться на этих сборщиков побуждала правительство то приставлять к сборам таможенных инспекторов из дворян, то снова передавать дело лицам торговых классов. Наконец, в 1724 году было предписано образовать при таможне компанию дрягилей (от нем. Träger), которые должны были совершенно заменить купеческих работников. Отмененный на несколько лет по жалобам купечества комплект дрягилей был восстановлен в 1764 году и подчинен ведению таможни. В этом году нормальный комплект дрягилей был определен цифрой 175. По представлению министра финансов гр. Канкрин, в 1827 году было издано положение о дрягилах. Они получили наименование «дрягильской компании», состав которой был увеличен до 200 человек. Это положение дало законное освящение дрягильским артелям как при портах, так и при сухопутных таможнях. В настоящее время обязанности дрягильской компании в Петербурге сводятся к приему от корабельщиков товаров, подлежащих оплате налогом, и размещению их по складам внутри таможни¹.

Купорная артель, предназначенная для откупоривания и закупоривания товаров, имеющих твердую тару, то есть перевозимых в бочках, ящиках, кипах, обитых железными обручами, была образована также в начале XVIII века. Основатели артели были вызваны из Архангельска как люди, знающие купорное ремесло. По прибытии в Петербург они образовали артель (вероятно, прибавим мы от себя, артели этого рода были раньше известны в Архангельске), выбрали должностных лиц и ввели у себя такие же порядки, какие отличают биржевые артели². В 1869 году образовалась, по образцу первой, вторая артель купоров³.

С открытием при петербургском порте торговли пенькою, льном, паклей явилась мысль о правильной браковке этих товаров. Обязанность браковки была возложена в 1828 году на артели десятников, которые находились в ведении таможенных браковщиков. В тесной связи с ними стояла артель вязальщиков, готовившая прутцы, которыми связывались означенные товары. Число тех и других было точно определено. В 1844 году эти артели начали разлагаться, так как купечеству было дозволено отправлять пеньку, лен и паклю за границу без браковки⁴.

В начале настоящего столетия образовалась в Петербурге артель штуров. Эта артель есть общество подрядчиков для доставки рабочих на кораб-

¹ Там же. 153–6.

² Там же. 145–6.

³ Там же. 145–6.

⁴ Там же. 173–4.

ли с целью их нагрузки и выгрузки. Стремясь образовать строго замкнутое целое и присвоить монополию известных работ на кораблях, штуры нередко вызывали неудовольствие иностранных шкиперов. Недовольствия привели к изданию в 1830 году Высочайше утвержденных правил о штуровой артели. Правила эти, между прочим, разрешают шкиперам нанимать рабочих и помимо штуров. Такое разрешение сократило обороты артели и повело к ее разложению¹.

Развитие биржевых артелей было причиной возникновения в Петербурге артелей заугорских. Количество работы зимой и летом неодинаково; открытие навигации требует значительного увеличения числа рабочих рук. Если бы биржевые артели соразмеряли число своих членов с количеством работы летом, то многим из них пришлось бы сидеть зимой без дела. Это и побуждает артели иметь лишь такой личный состав, какой необходим для удовлетворения потребностей купечества в течение зимы. На лето же стекаются из срединных губерний в Петербург (особенно из той части Смоленской, которая лежит за рекой Угрой) многочисленные рабочие массы, соединяющиеся в артели. По отношению к биржевым артелям они являются наемными рабочими, получают от них занятия; во внутренней же жизни заугорцы представляют все признаки артельного общения².

Перечисленные петербургские артели имеют теперь (в 70-х годах) по личному составу и размерам оборотов следующий вид.

Биржевых артелей 24. Из них древнейшая – Ярославская – возникла в 1714 году; 10 образовались в первой половине прошлого века, 7 – во второй и только 6 – в течение настоящего столетия. Из последних только две сложились после 1850 года: Владимирская – в 1852 году и Николаевская – в 1867. Редкость возникновения биржевых артелей в новейшее время объясняется трудностью для новообразованной артели соперничать с давно существующими, уже успевшими приобрести доверие купечества. Сознание трудности соперничать побудило некоторые артели ликвидировать дела, а членов – присоединиться к другим артелям. В 1832 году всех артелей в Петербурге было 29. Из них семь разложились; но артельщики распределились по остальным 22. Несмотря на уменьшение числа артелей, артельный труд занимает теперь большее число лиц, чем в 30-х годах; артели стали крупнее. В 1835 году всех артельщиков было 1772 и на каждую приходилось 63 человека. В 1873 году в 24 артелях было 2622 члена; на каждую приходилось средним числом 109 человек. Но отдельные артели представляют относительно числа членов значительные отклонения от среднего числа:

¹ Там же. 181.

² Там же. 166–7.

в	2	менее	50
	12	от	50–100
	6	–	100–150
	2	–	150–200
	1	–	200–250
	1	более	250

Большинство артельщиков принадлежит по происхождению нашим северным губерниям, особенно Архангельской.

Размер валового дохода всех биржевых артелей выражается для 1873 года цифрой 1 267 798 руб. Из этой суммы $\frac{4}{5}$, то есть приблизительно 1 000 000 руб., составляют чистый доход, а следовательно, на каждого члена приходится до 400 руб. Капитал же достигал 330 000 руб.¹

В дрягильской компании насчитывается 200 членов. Заработок их в 70-х годах составлял более 166 000 руб., а на каждого дрягиля приходилось, за исключением расходов на наем рабочих и покупку необходимых принадлежностей, топоров, молотков, тележек, – 360 руб.²

В двух купорных артелях состоит 174 члена. Доход каждого из них в течение года составляет более 400 руб.³

В артелях десятников и вязальщиков комплект, по инструкции 1828 года, составляли 338 человек; в 1844 году число членов начало быстро уменьшаться и упало к 1872 году на 60. Заработки потерпели также значительное понижение. В 40-х годах они достигали 250 руб., а в 70-х спустились до 100–150 для каждого, а при браковке пеньки даже до 18 руб.⁴

В заугорских артелях число членов, изменяясь из лета в лето, колеблется между 200 и 400 человек. Заработок каждого достигает 18–20 руб. в месяц⁵.

Таким образом, мы имеем уже в одном Петербурге до 3500 человек, соединенных в производительные артели и зарабатывающих ежегодно далеко более 1 000 000 руб. Большая часть этих артелей получила освящение законодательной власти.

Архангельск, как значительный торговый и портовый город, нуждался в тех же группах артелей, что и Петербург. Дрягили, занимавшиеся работами при кораблях, прибывавших в Архангельск, были известны уже в XVII веке. Из указа царя Федора Алексеевича, предписывающего архангельским дрягилям ограничиваться за работу той платой, которую добровольно давало

¹ Там же. 13–18 и 86.

² Там же. 156–62.

³ Там же. 146–50.

⁴ Там же. 177–80.

⁵ Там же. 167–72.

купечество, не видно, чтобы они были соединены в артель; но, по всей вероятности, дрягильская артель образовалась в Архангельске не позднее прошлого века, так как положение о дрягилях, изданное в 1812 году по ходатайству архангельских купечества и таможенного начальства, уже застало артель дрягилей. Устав, выработанный купечеством по образцу положения, определил нормальное число членов артели, таксу платы за работы и т. д. Нормальное число членов, определенное в 1812 году цифрой 120, уменьшилось в 1827 году до 72, а в 30-х годах сократилось на 50 и сохранилось до сих пор почти неизменным. В течение всего времени официального существования дрягильской компании в Архангельске несколько раз то повышалась, то понижалась такса на плату за работы артели. По утверждению в 1861 году таксы таможенным начальством дрягили имеют возможность зарабатывать до 100 руб. в год¹.

В 1845 году из мещан Архангельска была образована балластная артель. До того времени выгрузкой балласта из кораблей занимались преимущественно подгородные крестьяне и извлекали из этой работы значительные выгоды. Но одному местному торговцу удалось захватить в свои руки все дело; приобретение орудий, облегчающих работу, передало ему фактически монополию выгрузки. Монополия оставалась бы за ним, если бы упразднение военного порта, где многие имели заработки, не лишило занятий и средств к жизни беднейших обывателей города. Возник вопрос: как отыскать работу для многочисленных мещан? Губернское начальство обратило внимание на выгрузку балласта и предложило думе сделать это занятие источником заработков для мещан и доходов для города. Дума составила проект правил балластной артели, который и был утвержден губернским правлением в 1864 году. На приглашение думы откликнулись 44 человека, взяли пай и образовали артель; в короткое время основной капитал достиг 3000 руб. И выбор должностных лиц, и наем помещения для конторы не заставили себя ждать. Артель, видя отличное положение дел балластного предпринимателя, рассчитывала на крупные барыши. Действительность обманула ее ожидания. В первые два года ей пришлось разгрузить не более 30 иностранных кораблей из числа 500, прибывших в Архангельск. Шкиперы остальных производили выгрузку помимо артели, так как у нее, по незначительности средств, не было для работы надлежащих снарядов. Первый два года принесли артели только убытки. Сознвая трудность соперничать с частным предпринимателем, разочаровываясь все более и более, члены решились ликвидировать артель. Но городское общество не теряло надежды поставить артель на прочные основания. Изменив проект устава, дума пригласила мещан вступить в члены еще до его утверждения. В короткое время число артельщиков возросло до 200, и с приходом первого корабля в навигацию 1867 года артель начала свои работы. Недостаточность капитала

¹ Федоров. Дрягильск. компан. в Архангельске // Сборн. матер. I, 108–13.

побудила и эту вторую артель, с первых дней ее существования, сделать шаги, которые не могли остаться без дурного влияния. Хотя устав и запрещал выбор сторонних лиц в старосты, однако артель, нуждаясь в кредите и не имея в своей среде состоятельных членов, выбрала в эту должность богатого архангельского мещанина, который согласился служить артели за высокое, сравнительно, вознаграждение и обещал не отказывать ей, в случае надобности, в ссудах. Такое же нарушение устава было сделано и при выборе другого должностного лица – переводчика. Выборы были не совсем удачны, и в конце года в артельной кассе оказался недочет. Недостаточные заработки членов, проистекавшие частью из высокой оплаты 4 должностных лиц – всего 775 руб. в год – частью из уменьшения общего сбора вследствие ограниченного прихода иностранных кораблей, повели к сокращению числа артельщиков: в 1873 году их оставалось только 70. Но своевременное приобретение артелью лесов, необходимых для выгрузки, располагают иностранных шкиперов охотно обращаться к ее услугам; с другой же стороны, признание городом за артелью монополии выгрузки балласта устраняют от нее всякое соперничество. Эти два обстоятельства могут обеспечить дальнейшее существование артели¹.

В учреждении артелей лоцманов правительство принимало ближайшее участие. Важность интересов, которым служат лоцманы, зависимость от их искусства имущества и жизни многих лиц делает вполне понятным вмешательство государства в организацию этих союзов. Развитие еще в древности судоходства по многим нашим рекам, изобилующим порогами, объясняет стародавнее появление у нас лоцманов. Господин Костомаров утверждает, что еще во время самодержавия Новгорода лоцманы, провожавшие иностранные суда по Неве, Ладожскому озеру и Волхову, образовали артели, коих старосты назывались у немцев альдерменами². Так как наш историк не указывает на признаки у лоцманов того времени артельной организации, то нам остается принять эту заметку только как весьма основательное предположение. Мы не находим указания на артели лоцманов и в тех актах XVII века, которые упоминают о вожах по Двине, проводивших иностранные суда до Архангельска. Промысел вожей был выгоден, и лоцмана наперерыв брали его у казны на откуп³. В начале XVIII века на Двине было 32 лоцмана. Они принимали новых членов без участия властей. Эти 32 человека были крестьяне из разных волостей. Посвятив себя лоцманскому делу, они приобрели оседлость и образовали в 7 верстах от Архангельска так называемый *лоцманский стан*. Подчи-

¹ Федоров. Балластн. артель. Сборн. матер. II, 183–97.

² Костомаров. Севернорус. народоправства. СПб., 1868, II, 226.

³ Списки с памятей корабельным вожам, данных царями Алексеем Михайловичем в 1674 году, Иоанном и Петром Алексеевичами в 1690 году, называют по имени несколько лиц, бравших провод судов на откуп, и прибавляют «с товарищами». Есть основание предполагать, что у вожей было артельное устройство.

ненные в древнее время приказной избе, позднее таможене, затем губернской канцелярии, лоцмана перешли в 1802 году под ведение портового начальства. До 1816 года они пользовались полным самоуправлением, выбирали старосту, принимали на свободные места новых товарищей. Частые злоупотребления при выборах, неискусство многих членов вызывали жалобы иностранных шкиперов и побудили правительство ограничить в 1816 году самоуправление лоцманов. Во главе их был поставлен лоц-капитан, которому повелевалось неусыпно наблюдать за лоцманами, так как, гласило предписание, «они, не имея над собою настоящего управления, беспрестанно обращаясь в пьянстве, делают купцами затруднение в пути, поставляют коммерческие суда на мель, или не доведя до настоящего места совсем оставляют их по своему своевольтству». Для того чтобы сторонние лица не выдавали себя за лоцманов, последним были даны форменные кафтаны. Поставив лоцманов от себя в зависимость, правительство обеспечило им и достаточные заработки: оно определило таксу платы за провод судов и снабдило их разными льготами: освобождением от взноса хлеба в сельские запасные магазины, от рекрутской повинности, а по достижении 60 лет – от всех податей. Число лоцманов, возрастая с начала настоящего века, достигло теперь 60. Доля каждого в общем заработке составляет около 250 руб. Сверх того, лоцманы, как государственные крестьяне, имеют небольшие земельные наделы до 1500 кв. саж. на душу¹.

Сходное устройство получили и артели лоцманов на днепровских порогах. Впервые они были организованы и заняли официальное положение в 80-х годах прошлого века. Лоцманы считались на государственной службе, получали жалованье от казны и имели в своей среде военную иерархию. В начале текущего столетия общество лоцманов получило чисто артельную организацию. К нему были приписаны все мужчины от 20 до 60 лет двух ближайших к порогам селений. Пользуясь правом выбора должностных лиц, артели обязаны проводить суда за определенную плату².

На Вышневолоцком канале также существуют артели лоцманов. Получив санкцию закона в 1720 году, они насчитывают теперь в совокупности 1500 членов. То же мы находим на Волхове и Свири³.

В последние годы фискальные интересы побудили государство организовать монопольные таможенные артели. В 1868 году было издано положение о таможенной артели в Вержболове; в 1875 году такая артель открыла действия при с.-петербургской таможене. Стесненное формальностями на таможене, иностранное купечество постепенно образовало при петербургской таможене свои артели, в которых было до 2000 рабочих. Сделавшись опасными

¹ Огородников. Лоцман. артель в Архангельске // Сборн. матер. I, 76–92.

² Журн. Мин. путей сообщ. 1874, II, 8–28.

³ Там же. 1874, III, 51–2, 59–60.

соперниками дрягильской компании, эти вольные артели нередко освобождали товары от оплаты налогами и тем наносили казне существенный ущерб. Неудовольствие дрягилей, терявших заработки, и таможенного начальства обратили на себя внимание Министерства финансов, которое и предложило в 1869 году образовать 1 большую артель под непосредственным ведением таможи. Более 1000 биржевых артельщиков отозвались на приглашение министерства. Они выбрали из своей среды комиссию и выработали основания новой артели. Но биржевой комитет старался противодействовать осуществлению плана. Тогда Министерство финансов решило предоставить все дело на собственное усмотрение¹. Главные органы нашей печати приняли участие в обсуждении проекта. Одни² доказывали непригодность этих артелей, так как они удорожают выгрузку, поднимают цену товаров и т. д. Эти органы имели в виду, главным образом, интересы торговых классов. Другие³ отставали таможенную артель, так как она способствует охранению интересов казны. Первые ссылались на Вержболово, Варшаву, Одессу, где учреждение таможенных артелей увеличило в 6–7 раз расходы товаровладельцев по нагрузке и выгрузке. Вторые ссылались на те же самые таможи и доказывали, что устройство при них артелей повело к значительному уменьшению числа краж и товаров, не оплаченных налогами. В самый разгар полемики была организована монополярная артель при петербургской таможе. Все усилия биржевого комитета оказались тщетными, и он, не воспрепятствовав учреждению этой артели, ходатайствовал вместе с некоторыми биржевыми артелями о приостановлении действий хотя на время⁴.

В связи с этими группами артелей, возникших при большем или меньшем участии правительства, стоят и артели рабочих на железных дорогах⁵. Содействие образованию на станциях артелей лежит в интересах правлений железных дорог. Ответствуя круговой порукой за доставку в целости товаров, они устраняют пропажу грузов и через это те нарекания, которым подвергались бы железнодорожные общества.

III

С 60-х годов дается новый и сильный толчок применению у нас артельного начала.

¹ Л.Д. Биржев. артели при С.-Петербур. порте. СПб., 1873.

² Торгов. сборн. 1873, 47; *Моравек*. Таможен. монопол. артель в Вестн. жел. дорог. 1875, 21, 44; 1876, 25–7; *Голос*. 1876, 158.

³ Петербург. лист. 1873, 71; Биржа. 1872, 19.

⁴ Биржа. 1874, 347 (перед. ст.).

⁵ СПб. вед. 1872, 21.

Отмена крепостного состояния дала совершенно новый вид нашему общественному хозяйству. Крепостной, соединенный с помещиком целой сетью обязательных отношений, имел право требовать от своего господина и известных материальных выгод. В интересах землевладельца было поддерживать благосостояние крестьянина на таком уровне, при котором крепостной мог бы неопустительно отбывать все помещичьи и государственные повинности. Выпадал у крестьянина скот – помещик заводил ему новый, чтобы не оставить крепостного без рабочей силы. Нужны были поселянину орудия, семена – на выручку снова являлся помещик. Где крестьяне занимались какой-либо отраслью кустарной промышленности, там помещик, извлекая выгоды из промысловой деятельности крепостных, старался поддержать новый вид труда и развить его¹. Личные интересы всегда побуждали помещика не допускать крестьянского хозяйства до разорения, охранять уже существующие источники доходов и по возможности создавать новые. Сеть взаимобязательных отношений делала из этих двух сторон – властвующей и подчиненной – самостоятельное замкнутое целое; меньшинство в этом замкнутом мире пользовалось всеми выгодами, которые дает привилегированное общественное положение; но и большинство могло не без основания надеяться, что его крайне необходимые потребности будут во всяком случае удовлетворительны. Помещик был часто строгим, жестоким владыкой, но был и опекуном своих крестьян.

Закон 19 февраля уничтожил этот самостоятельный замкнутый мир и резко изменил положение обеих сторон. Крестьянин получил личную свободу, получил землю. Основания для более совершенного строя нашего общественного хозяйства были положены; но одних оснований было мало. Чтобы возделывать эту землю, нужны были орудия, нужен был скот. Уже при нормальном течении хозяйства, при благоприятной жатве крестьянин замечал пробелы в своем инвентаре; но стоило к тем постоянным тягостям, которые лежат на поселянине, присоединиться «гневу Божьему» в виде скотского падежа, неурожая, и потребность в кредите заявляла о себе очень громко. Кредита не было; волостные кассы, вспомогательные и сберегательные, введенные в 1837 году в удельных имениях, а позднее у крестьян государственных, не распространяли своих оборотов на освобожденных крепостных; с помещиком связи были порваны, и от него можно было получить кредит только на самых тяжелых условиях; не менее дорого обходились и ссуды, взятые у состоятельных поселян. Таким образом, нужда в правильно организованном кредите становилась все более ошутительной.

Прошло с небольшим два года. Канцелярское управление уездами сдается в архив; на смену его является стройное и изящное земское самоуправ-

¹ Так было в мебельном промысле Московской губ. Так было в ткачестве полотна Ярославского уезда.

ление. Опека свыше заменяется самоличной заботой уезда о своих нуждах. Уезд получает право воспитывать своих детей в земской школе, судить себя своими судьями, лечить своих больных у земских врачей. Он получает право громко заявлять о своих вещественных нуждах и принимать меры к их удовлетворению.

К этим двум преобразованиям величайшей важности присоединяется тот общий радужный цвет, которым были окрашены в конце 50-х и начале 60-х годов наши общественные отношения. Никогда со времени введения в России типографского станка печать не пользовалась такой свободой, как в начале настоящего царствования; никогда до того времени так живо не работал ум; никогда не обнаруживалась с такой силой жажда мыслить и трудиться.

Освобождение мысли и слова от тех пут, которые связывали их до настоящего царствования, открытие широкого поля деятельности в области земского самоуправления совпали с тем периодом в жизни соседней нам страны, Германии, когда рабочий вопрос в обширном смысле этого слова живо занимал все мыслящие умы. Значительно раньше, чем в Германии, назрел этот вопрос во Франции; но в конце 40-х и начале 50-х годов условия нашей общественной жизни были не таковы, чтобы мы могли извлекать для себя практические уроки из тех способов, которыми французы пытались регулировать отношения между трудом и капиталом. Быстрые же успехи Шульце-Делича, блестящая агитация Лассалья, борьба на почве хозяйственной политики между партиями радикальной и умеренно либеральной обратили на себя всеобщее внимание в нашем отечестве. В Германии шла речь о доставлении ремесленнику возможности соперничать с крупным производством; мыслящая часть нашего общества видела, что и у нас с отменой крепостного права явились условия, благоприятствующие развитию крупной промышленности; в Германии с каждым днем возрастало число кредитных товариществ; мы понимали, что это быстрое распространение вызвано действительной потребностью и что та же потребность существует и среди наших необеспеченных классов. Но всего сильнее подкупало нас в пользу учреждений Шульце-Делича сознание, что его товарищества имеют все отличительные черты наших древних, исконных союзов – артелей¹. Если там, на Западе, в стране высокоразвитого индивидуализма, артельное начало могло быстро получить широкое применение, то какова же, думалось, должна быть его сила у нас, в народе с крепким общинным бытом, в народе, исстари сохранившем в многочисленных отраслях деятельности привычку к артельному общению?

Движение, сделавшее в Германии так много успехов, сообщилось и нам. Но напрасно было бы видеть в тех группах артелей, которые возникли в Рос-

¹ Ср. блестящий доклад г. Яковлева в Вольн. экон. общ. // Труды И. Вольн. экон. общ. 1872, т. II, в. 2, 173–228.

сии в последнее пятнадцатилетие, слепое подражание нашим соседям и их проповеднику Шульце-Деличу. Если у нас его влияние было более сильно, чем в других странах, то лишь потому, что он затронул те струны, которые исстари звучали у нас. По существу, пример Германии не дал нам ничего нового; он лишь навел нас на мысль, что живое и могучее артельное начало должно быть поставлено в более широкие рамки, чем те, в которых оно до-толе применялось в нашем отечестве.

Таким образом, великие преобразования 60-х годов, вызвав новые потребности, сняли ту преграду, которая разделяла привилегированные и непривилегированные сословия. Земское самоуправление было нейтральной почвой, на которой могли сойтись представители всех слоев населения и подать друг другу руку. Возможность действовать более свободно побудила ту часть русского образованного слоя, которая сочувствовала отмене крепостного права, принять участие в улучшении быта крестьян. Артель была формой, в которую могли облечься многие полезные для нашего народа улучшения, и вот явилось стремление создавать артели. Это стремление сказалось в литературе и повело к изданию отдельных книг и статей, ознакомивших наше общество с существенными особенностями кредитных и других артелей: оно обнаружилось в земствах разных губерний; и, наконец, само правительство не осталось чуждым новому движению, облегчая возникновение артелей не только готовностью утверждать уставы, но и материальными пособиями.

Артельное движение 60-х годов особенно выпукло выразилось в стремлении созидать ссудосберегательные товарищества. Артели этой группы обратили на себя наибольшее внимание как потому, что блестящие успехи их в Германии громко говорили в их пользу, так и потому, что организация артелей этого вида представляет гораздо менее трудностей, чем артелей промышленных. Наконец, и нужда в кредите обнаруживалась на площади гораздо более обширной, чем потребность организации на артельных началах какой-либо стороны промышленной деятельности. Вот почему попытка Лугинина¹, устроившего первое ссудосберегательное товарищество в России, встречена была всеобщим сочувствием, пробудила у многих земств желание ознакомиться с новым кредитным учреждением и повела еще в 1869 году к изданию Высочайше утвержденного положения Комитета Министров, разрешившего министрам финансов и внутренних дел по соглашению собственной властью утверждать уставы товариществ, начертанных по образцу рождественского. Московское и петербургское общества сельского хозяйства приняли новое дело близко к сердцу, и плодом этого явилось создание в 1871 году комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах – учрежде-

¹ Первое товарищество было устроено Лугининым в с. Рождествине Костромской губ. Ветлужского у. Первое общ. собран. 16 июля 1866 года.

ния, которое поставило себе прямою обязанностью способствовать дальнейшему применению артельной формы. Прошло 14 лет со времени учреждения первой кредитной артели – и Россия насчитывает более 1000 ссудосберегательных товариществ.

Развитие промышленных товариществ далеко не может похвастать такими быстрыми успехами. Правда, исследуемым нами учреждениям было посвящено гораздо меньше сил и средств, однако и они далеко не были забыты.

Что мыслящая часть нашего общества 60-х годов находилась под обаянием артельной формы, что, организуя артели, она отвечала настоящим потребностям – убедительно доказывается совпадением во времени и в характере деятельности покойного Лугинина и г-на Верещагина. Их разделяет пространство в сотни верст; но оба живут при одинаковых условиях, и одинаковая нынешняя обстановка объясняет сходство в направлении их работ. Оба присматриваются к серой жизни крестьянина; оба подмечают многочисленность его нужд, и оба, веруя в могущество артельной формы, едут на запад, чтобы там изучить частности учреждений, которые должны были быть созданы ими на родине. Результаты работ того и другого совпадают во времени. Лугинин устраивает в 1866 году рождественское ссудосберегательное товарищество, а г-н Верещагин обращается в том же году к Императорскому Вольному экономическому обществу с просьбой о содействии в образовании сыроваренных артелей. Объяснить это совпадение случайностью – значит дать самое легкое, но едва ли удачное объяснение.

Г-н Верещагин, живя в своей деревне Новгородской губ., хорошо изучил быт крестьян. Его внимание привлекло к себе крестьянское скотоводство; видя малую доходность скота, он решил улучшить это дело, отправился в Швейцарию и там в качестве простого рабочего изучил сыроварение. По возвращении в Россию в 1866 году он обратился к Вольному экономическому обществу с просьбой о содействии его предприятию. Общество обещало выдать по 200 руб. на каждую сыроваренную артель, которую он устроит. Самому же г-ну Верещагину для того, чтобы он всецело посвятил себя артельному делу, постановило платить по 1000 руб. в год. Местом для деятельности было выбрано село Отроковичи Тверского уезда. Напрасно убеждал г-н Верещагин крестьян в полезности артельного сыроварения: они не доверяли ему. Нужно было рассеять их сомнения, а это могло сделать только показание на примере, насколько выгодно новое дело. С целью убедить крестьян г-н Верещагин устроил собственную сыроварню и скупал для нее молоко у местных поселян. Присмотревшись к сыроварению и привыкнув к г-ну Верещагину, крестьяне стали более доверчивы и вызвались варить сыр артелью. Хотя условия были малоблагоприятны для успехов новорожденной артели, так как в нее вступило только 22 члена и доставлялось для изготовления сыра моло-

ко только вечернего удоя, однако на долю артельщиков выпало за 3 месяца от 8 до 12 руб. Эта выручка казалась членам столь высокой, что они усердно восхваляли новое учреждение, а похвалы повели к устройству сыроваренных артелей и в других местностях. Следующая артель была основана в селе Видогоще, а в 1867 году в Тверской губернии было уже 4 артели. Они работали в течение года 5 месяцев; молоко доставлялось от 200 коров, и валовой доход достигал 2862 рубля. Еще в декабре 1866 года на ссуды земства был устроен в Петербурге склад артельных сыров. В следующие годы артельное сыроварение все более развивалось. Г-н Верещагин изложил в своем докладе тверскому губернскому земскому собранию 1868 года о состоянии дела в артелях. Оказалось, что летом 1868 года вследствие сильной жары, портилось много масла (артели выделывают и его наряду с сыром); оно могло быть продаваемо только с большим убытком; оказалось, что было уплачено 5% в погашение ссуд, выданных Вольным экономическим обществом и земством; при всем том члены получили за 6 месяцев действия сыроварни по 14 руб. на корову. Земство назначило комиссию для осмотра артелей; ревизия показала, что положение их было превосходно. Такой отзыв комиссии побудил земское собрание 1869 года открыть сыроварням кредит в 5000 руб. и выдать в распоряжение управы 7500 руб. для дальнейшего устройства сыроваренных артелей¹. Но г-н Верещагин не ограничился чисто экономической стороной дела. Будучи сам знатоком сыроварения, он понимал, что новая отрасль промышленности может успешно развиваться в России только по воспитанию достаточного числа искусных мастеров. Это побудило его еще в 1867 году устроить из первой сыроварни и образцовую мастерскую. Ее двери были настежь открыты каждому, желавшему обучиться сыроварению. Известия о выгоде артели в применении к молочному хозяйству и о доходности скотоводства при переработке молока в масло и сыр быстро распространились за пределы губернии и уже в первом году привлекли к г-ну Верещагину 15 человек, желавших подробно ознакомиться с новым промыслом. Среди этих 15 были и крестьяне, и дворяне, и уроженцы южных губерний, и жители приуральского края².

Успехи сыроваренных артелей в Тверской губернии заставили многие земства перенести к себе эту форму предприятия. Наибольший успех увенчал новое дело прежде всего в Ярославской губернии. Почин был положен крестьянами. Два поселянина Рыбинского уезда Шатаев и Бутков, услышав о деятельности г-на Верещагина в Тверской губернии, обратились в 1868 году к рыбинскому земскому собранию с заявлением о пользе сыроварения и необходимости учреждения в уезде артелей. Чтобы расположить собрание к своему ходатайству, они предложили и материальное пособие для немедленного

¹ Товарищество в Тверской губ. // Беседа. 1872, V.

² *Верещагин*. Отчет по введению в России сыроварен // Труды Имп. Вольн. экон. общ. 1867, IV, 6.

устройства 2 сыроварен; пособие состояло в 1000-рублевой ссуде на 3 года из 6%¹. В 1870 году губернское земское собрание обратилось за содействием к г-ну Верещагину; под его руководством было устроено 5 сыроваренных артелей, по 2 в Рыбинском и Пошехонском уездах и 1 в Любимском. И здесь сыроварни произвели настолько благоприятное впечатление, что в 1871 году было открыто, уже по настоянию крестьян разных местностей, 5 артелей, а в 1872 – 4. В 2 года в губернии образовалось 14 артельных сыроварен². Новгородское и Казанское земства также признали большую выгодность за сыроварением и просили участия г-на Верещагина в организации артелей. Наконец, новая отрасль промышленности была перенесена и в более отдаленные края нашей страны – в Тверскую область, Вятскую, где с помощью земской ссуды были устроены в 1870–71 годах 3 сыроварни³, и Архангельскую губернии. В Архангельской губернии артельное сыроварение обратило на себя внимание администрации. В начале 70-х годов она избрала своим орудием для развития в крае сыроварения холмогорского купца и сыровара г-на Седельникова и решила открыть артельную маслобойню. Последняя, заменяя переработку молока в сметанное масло переработкой в сливочное, должна была значительно поднять доходы крестьян от скотоводства. Первоначально крестьяне отнеслись к г-ну Седельникову с недоверием, думая, что он преследует только личные выгоды. Но местному священнику удалось, после продолжительных настояний, убедить крестьян и в пользу дела, и в бескорыстных намерениях г-на Седельникова. Свободных денег у крестьян не было. Тогда организатор и несколько состоятельных холмогорских горожан дали в ссуду 400 руб., которые пошли частью на устройство помещения, частью на оборот. В 1871 году маслобойня с 20 членами была открыта. Но, даже и поступив в артельщики, крестьяне далеко не настолько доверяли делу, как того требует избранная ими форма общения: всякий, принесши молоко, немедленно требовал в уплату за него 20 коп. На беду мастерица, нанятая на маслобойню, оказалась неискусна; первая партия масла была испорчена и продана со значительным убытком. Неудача в самом начале лишила многих артельщиков бодрости, и с каждым днем в маслобойню доставлялось все меньше и меньше молока. Нужна была какая-нибудь внешняя сила, чтобы рассеять опасения членов, но такой силы не было. Священник, который один мог повлиять на артельщиков, также потерял надежду на успех: выбранный старостой, он боялся потерять весь артельный капитал, а потому и возвратил членам их взносы. Артель закрылась после 9-месячного существования. Осталось 50 руб. долга; так как кредитором было одно лицо – местный богач, – то он и удержал за собой маслобойню, чтобы

¹ Ярославская губ. Статист. времен. в. III. СПб., 1872, 137–60.

² Эдемюв. Артел. сыроварни в Ярослав. губ. //Сборн. матер. I, 153–6.

³ Заволжский. Исследов. эконо. быта населен. север. части Вятск. губ. Вятка. 1871, 108.

единолично вести предприятие. Хотя маслобойня могла быть поддержана, хотя местная администрация обнадеживала артель видами на ссуду от государства, однако крестьяне не изъявляли более склонности к артельному общению¹.

К концу 60-х годов относятся и мероприятия земства, направленные на образование других видов производительных артелей. И здесь первое место принадлежит Тверской губ.

В 1868 году тверское земское собрание обратило внимание на бедственное положение крестьян, вызванное неурожаем предыдущего года, и решилось содействовать улучшению их быта. Земству казалось, что почвенные и климатические условия, в связи с недостаточным душевым наделом, исключают возможность поднятия сельского хозяйства крестьян на такой уровень, чтобы оно могло быть единственным источником дохода. Ему казалось, что кустарная промышленность служит важным подспорьем для крестьянина, что поддержание промыслов и улучшение их обстановки выгодно изменят быт поселян. Главные недостатки, которыми страдают все отрасли нашего кустарничества, состоят в отсутствии у производителей капиталов, а через это – в зависимости от скупщиков. Только артельная форма, примененная к промыслам, может устранить эти недостатки. Так рассуждали представители тверского земства; так решились они и действовать. В Твери и Тверском уезде особенно распространено кузнечество; в конце прошлого десятилетия там насчитывалось 644 кузницы с 3880 рабочими. Положение всех кузнецов было крайне неудовлетворительно: работая по 16 часов в сутки, они могли бы добывать по 2,50 коп. в неделю, если бы этому не препятствовала высокая цена железа, которое они получали от скупщиков в счет платы за готовые изделия; скупщики ставили им железо по 2,50 коп. за пуд вместо 2,20 – вольная цена в городе, – и тем понижали доходы кустарей, по крайней мере, на 15–20%. Успех артельных сыроварен ободрил управу и побудил ее отчислить в 1870 году 1000 руб. «на принятие мер к усилению и развитию местных промыслов на артельном начале». В том же году и открыла свои действия первая кузнечная артель. Она состояла из 5 затверецких мешан; управа выдала ей для покупки железа 300-рублевую ссуду. Эта маленькая артель начала работать в марте 1870 года и на первых же порах повела дело весьма обдуманно. В Петербурге было куплено 314 пудов железа; пуд обошелся в 77 1/2 коп., тогда как цена 1 пуда в Твери достигала 90 коп. Хотя все денежные средства артели были затрачены на покупку сырья, однако в октябре касса показывала наличными 42 рубля с копейками. В конце года часть железа, за излишком, была продана с прибылью в 23 коп. на пуд. Успешное применение артельной формы в таких малых размерах вызвало энергичную деятельность управы для дальнейшего образования товариществ кузнецов. Артели стали быстро

¹ *Ефименко*. Эфемерное артельное предприятие // Неделя. 1873, 17.

возникать в разных селениях уезда, и к исходу 1871 года число их возросло до 31. Не доверяя собственным силам артельщиков, управа приняла на себя главные обязанности, тщательное исполнение которых должно было обеспечить артелям успех. 1) Предоставив кузнецам полную свободу в регулировании частностей внутренней жизни артелей, она ввела в уставы несколько общих положений, которые не должны были обходиться артелями; эти положения касались употребления наемных рабочих, порядка образования артельного капитала, предоставления управе полномочий для наблюдения за действиями артелей. 2) Управа показала готовность облегчить артелям их обороты уже теми льготными условиями, на которых выдавала им ссуды: срок полного погашения ссуды был определен в 6 лет, а годичный процент – только в 3%. 3) Зная, как трудно сельскому производителю, не привыкшему к самостоятельному ведению промысла, организовать закупку сырья и сбыт изделий на правильных основаниях, управа пришла артелям на помощь и в этом деле. О сношениях со скупщиками не могло быть и речи, так как от них нельзя было получить условия, способствующие выгодам артельщиков; а потому управа вступила в связь с одним тверским торговцем железом и склонила его продавать артелям со скидкой 5 коп. на пуд. Для сбыта же гвоздей был устроен в Осташкове как срединном месте кузнечной промышленности склад под непосредственным наблюдением управы. Чтобы не задерживать оборотов артелей в случае отсутствия покупателей на гвозди, управа постановила выдавать им полную цену товара немедленно по привозе его на склад. В 1872 году было всего 27 производительных артелей кузнецов с 234 членами; получив при своем образовании в ссуду 4770 руб., они к этому времени уже уплатили 1235. Годовые обороты их равнялись 16880 руб., и запасный капитал – 423 рубля. Артели дали в этот год 8000 руб. дохода. Заработок гвоздарей, соединенных в артели, увеличился на 70 коп. в неделю, то есть на 30 % по сравнению с тем, что они добывали как единоличные производители. Производительные артели охватили далеко не всех гвоздарей. Для тех, которые остались вне этих учреждений, управа устроила 2 складочные артели в селах Васильевском и Орудове. В первую вступило 112 кузнецов, во вторую – 93. Обеим артелям управа выдала ссуду в 1650 руб., рассчитывая так, чтобы из этой ссуды на каждого члена приходилась доля, равная размерам 2-недельного оборота. К операциям складочным была вскоре присоединена в обеих артелях и закупка сырья; для этого управа командировала в Н. Новгород особое лицо и поручила ему закупить 3500 пудов железа. В первый год дела этих артелей шли неудовлетворительно, но на второй год они соединились, и слияние способствовало успешности их оборотов¹.

¹ См. Плешнев. Кузнечное производ. в Тверской губ. // Стат. времен. в. 3, 186–200. Артели в Тверской губ. // Русск. вед. 1873, 184–5, 191.

Внимание тверского земства обратил на себя не один кузнечный промысел. Сапожный также принадлежит к числу отраслей кустарничества, распространенных в Тверской губернии; земство и его не оставило незамеченным. В виде опыта управа устроила в г. Осташкове сырьевоскладочную артель. В 1871 году в ней было только 3 члена, а в 1872-м – уже 19. Устав ее предусматривает покупку на общий счет материалов и орудий и продажу обуви, произведенной членами, от лица артели. Дела пошли так успешно, что позволили уже на 2-й год существования артели открыть в Петербурге склад для продажи обуви, изготовленной артельщиками. На московской политехнической выставке осташковская артель уже выступила экспонентом¹.

К этому же времени относится образование в Тверской губернии артелей для смолокурения. И они встретили со стороны земства материальную поддержку.

Чтобы поставить на прочные основания свои экономические мероприятия, тверское губернское земство ассигновало в 1870 году капитал в 45 300 руб. На лиц, заведующих этой кассой, были возложены обязанности: 1) исследовать состояние местной промышленности, 2) обучать промышленников лучшим приемам производства, 3) распространять сочинения, знакомящие с артельным делом, 4) устраивать по просьбе заинтересованных лиц артели и наблюдать за ними, 5) содействовать артелям в закупке сырья и сбыте товаров. Ссуды из этого капитала положено было выдавать тем артелям, которые имели не менее 5 членов и правильную организацию, а также изъявляли готовность ставить себя под контроль управы. Каждой артели могла быть выдана ссуда до 2000 руб.².

Все данные благоприятствовали развитию промышленных артелей в среде кустарников Тверской губернии. И заботливое внимание земства, и достаточные материальные средства – все должно было, казалось, способствовать расширению оборотов перечисленных артелей. Интересно поэтому ознакомиться с их дальнейшей судьбой.

Артельное сыроварение развивалось в Тверской губернии весьма успешно и в 70-х годах. Успехи эти выразились главным образом в значительном расширении оборотов отдельных артелей. Хотя в 1874 году цены на молочные продукты значительно понизились, хотя чума унесла много рогатого скота, между прочим, и в селениях, где действовали артели, однако дело не остановилось. Особенно велики были в 1874 году обороты овсянниковской артели: они достигли 18 000 руб.³. Однако на земских собраниях последующих годов упоминается все о меньшем и меньшем числе сыроварен. В 1876 году в

¹ Беседа. 1872, VI, 48–61.

² Русск. ведом. 1873, 191.

³ Протоколы Тверск. губ. Земск. собр. 1875. 302–3.

губернии их осталось только 3, а на собрании 1879 года речь идет уже только об одной сыроварне – городненской. Но и там разные эпизоды унесли в течение нескольких лет такое количество скота, что сыроварение должно было быть прекращено, и земство принуждено было рассрочить недоимку, оставшуюся на этой последней артели¹. Таким образом, жизнь артельных сыроварен в Тверской губернии была очень непродолжительна.

Существование артелей кузнецов было еще менее долговечно. Уже в 1874 году управа указывала в своем докладе земскому собранию печальное положение этих учреждений. Управа мотивировала необходимость ликвидировать дела всех этих артелей, потому что их изделия – ручные гвозди – не выдерживали соперничества с машинными. В 1875 году положение дел еще более заострилось. Воздорожание материалов, съестных припасов и падение цен на ручные гвозди побудили многих кузнецов обратиться к другим занятиям и, частью, искать заработков в отхожих промыслах. Ввиду этого управа ликвидировала в 1875 году все артели. Долг земству простирался до 4000 руб., что составляло по 24 руб. на каждого артельщика; сроки уплаты были установлены управой по соглашению с кузнецами. Такую же участь испытала и сырьево-складочная артель в Васильевском–Орудове. Ее дела были ликвидированы также в 1875 году. Продав значительные количества гвоздей в кредит и не получив долгов с покупателей, она сама оказалась несостоятельной перед земством. Долг ее равнялся 1082 руб. Тяжело пришлось бы членам в случае строгого взыскания; но управа «ввиду действительно бедственного положения, в котором находились означенные села, ввиду того, что васильевские гвоздари переходят в настоящее время к другим занятиям», сочла справедливым «сложить с артели означенную недоимку»². Из другого источника мы узнаем, что артель, устроенная в селе Васильевском, потерпела неудачу вследствие неопытности лиц, заведовавших коммерческой стороной дела. Руководители не знали, куда сбывать гвозди, доставляемые в склад. Прием гвоздей от кузнецов-артельщиков был небрежен: весь не проверялся; на качество товара не обращалось должного внимания. Недобросовестные члены, образованные возможностью получать земские деньги, доставляли негодные гвозди. Но и многих добросовестных мастеров соблазняла слабая браковка товара; и из них многие привозили дурные гвозди. Расчет артельщиков оказался неверен: если можно было обмануть бдительность управы, то не так легко было обойти покупателей; петербургские и московские торговцы совсем перестали закупать в артельном складе; наконец, один крупный тверской торговец, долго поддерживавший сношения с артелью, также отказался

¹ Протоколы Тверск. губ. Земск. собр. 1879. К проток. засед. 12 декабря.

² *Покровский*. Гвоздарный промысел в Тверском уезде // Труды Комис. по исслед. кустар. промышленности. в. V. СПб., 1880, 398–9.

от нее. Предприятие неизбежно должно было рушиться¹. Так неудачно завершились мероприятия управы, направленные на улучшение быта кузнецов.

В то время, когда управа окончательно усомнилась в успехе кузничных артелей и решила ликвидировать их дела, смолокурные были на хорошей дороге. В 1875 году их было в губернии 17 со 157 членами. Они высидели 7700 пудов смолы и получили чистой прибыли 3700 руб., по 23 руб. на домохозяина. Но чистый доход был выше означенной суммы, если считать, что большая часть смольняка была добыта на крестьянских землях или куплена у частных лиц за цену ниже средней. По мнению местных гласных – крестьян, смолокурение приносит большую пользу; оно прекратилось совсем за неимением капиталов, но земские суды восстановили его. Наконец, самым веским доказательством успешных оборотов этих артелей служило исправное выполнение ими денежных обязательств перед управой: как процент, так и погашение поступали своевременно. К 1876 году за всеми артелями числилось земского долга только около 330 руб. Внимание к артелям и смолокурному производству со стороны управления государственными имуществами еще более обнадеживало управу в дальнейшем успешном развитии артельного смолокурения².

Осташковская сапожная артель вполне упрочилась. Запасный капитал ее достигал в 1875 году 1000 руб. Земские ссуды выплачивались аккуратно³.

Сведения, которые мы имеем об этих артелях за 1876 год, гораздо менее утешительны. Министерство государственных имуществ издало новые правила о системе выкурки смолы и сделало невозможным для крестьян заниматься промыслом согласно со стародавними приемами. Положение артелей стало затруднительно. Чтобы поддержать их, управа решила на два шага: ходатайствовать перед управлением государственных имуществ о возвращении к прежнему порядку отпуска смольняку и, во-вторых, пригласить ученого техника, который бы познакомил крестьян с новыми способами добыwania смолы. Обе меры, предложенные управой собранию, были приняты⁴.

Положение сапожной артели было в том году также неутешительно: хотя она и продолжала свою деятельность, однако по случаю затрудненного сбыта обуви принуждена была усиленно пользоваться земским кредитом⁵.

Мы не имеем сведений за 1877 год. Вероятно, положение артелей Тверской губернии ухудшилось, потому что протоколы Земского собрания 1878 года представляют нам артели в полном упадке. Здесь уже нет места радужным

¹ Протоколы Тверск. губ. Зем. собр. 1875, 292–4.

² Протоколы Тверск. губ. Зем. собр. 1875, 295–8.

³ Там же. 300.

⁴ Протоколы... 1876, 278–9.

⁵ Там же. 277.

надеждам. От смолокурных артелей тверская губернская управа отказалась и сдала все их счета и документы весьегонской управе по месту нахождения артелей. Техник был уволен. Министерство государственных имуществ не согласилось исполнить ходатайство управы о возвращении к прежнему способу добывания смольняка. Смолокуры не только не могли продолжать выплату ссуды, но и просили о новом открытии кредита. Весьегонское земство выдало им 500 руб. Из протоколов мы узнаем, что и сапожные артели (нам известно время возникновения только одной – осташковской) подлежат ликвидации. Во главе их стоит осташковская, долг которой земству возвысился в 1878 году до 2904 руб. С членов артелей производились взыскания, причем управа, принимая во внимание затрудненное положение крестьян, рассрочила уплату долга на несколько лет¹.

На земском собрании 1879 года уже вовсе не поднималось голосов не только за дальнейшее развитие, но даже и за поддержание артелей. О смолокурных артелях нет известий; губернская управа, передав их в ведение весьегонского земства, совсем упустила их из вида. Относительно других артелей мы находим указания только на неуспешное взыскание земского долга. На всех артелях, кузнечных, смолокурных, сапожных, было около 10 000 руб. долга; в течение года удалось получить только 42 руб. 90 коп. Собрание постановило сложить недоимки с тех артелей, с которых очевидна невозможность получить долг, и продолжать взыскание с остальных². Из протоколов же земских собраний последних годов мы узнаем о канатно-веревочной и льнотрепальной артелях, устроенных тверской губернской управой. У нас нет сведений об организации этих артелей; в протоколах же указывается только на необходимость их ликвидации за неисполнением обязательств перед земством.

Таким образом, все начинания тверского земства в деле устройства артелей окончились полной неудачей. Мы будем иметь ниже случай познакомиться с причинами неуспеха. Теперь же укажем на попытки других земств и городов, направленные на организацию артелей. В 1871 году вытегорское земство подняло вопрос об устройстве в уезде смолокурных артелей. Нижегородское земство устроило в с. Удоме артельный крахмальный завод. Ветлужское земское собрание постановило содействовать образованию артелей лесорабочих³. В 1872 году олонекское губернское земское собрание определило выдать по 2000 руб. двум лесотехническим артельным заводам в Лодейнопольском уезде и возложить на кого-либо из гласных обязанность надзора за новыми учреждениями⁴. В начале же 70-х годов петербургская дума предполагала образо-

¹ Протоколы... 1878, 98–109.

² Протоколы... 1879, 256–9.

³ *Скалон*. Артели на Руси // Грамотей. 1872, XI, 61.

⁴ Олонек. губ. вед. 1872, 52, 74.

вать артель скотобойцев, установить таксу за убой и выдать артели ссуду для покупки необходимых орудий¹. Мы не знаем, к чему привели эти попытки; в Ярославской же губернии сыроварение развилось очень успешно: хотя многие сыроварни и перешли в руки отдельных лиц, однако в губернии и до сих пор удержались 5 артелей; они уплатили земскую ссуду и хорошо ведут свои дела.

Администрация и частные лица также способствовали образованию артелей в нашем отечестве.

Не лишена интереса история нижнетуринской механической артели. В начале 60-х годов стали готовить на казенных уральских заводах ударные трубки для артиллерийского ведомства. Заводское начальство, стремясь удешевить эти изделия, отдавало их изготовление за задельную плату. Было подмечено, что такой порядок вызывал в рабочих нижнетуринского завода гороблагодатского округа изобретательность и возвышал производительность труда. До этого времени, при хозяйственных распоряжениях казны, 2 мастера нарезали 10 трубок в день; по введении же задельной платы мастера придумали такие приспособления, что каждый мог нарезать в день 100 трубок. Успех побудил мастеров построить все производство трубок на артельных началах. Мысль, возникнув в среде самих рабочих, была высказана горному начальнику и встречена им так сочувственно, что артель в виде опыта немедленно получила заказ на 33 000 трубок. Это было в 1867 году. Один из местных жителей, г-н Протопопов, приглашенный артелью в руководители, выработал основания предприятия, распределил работы между членами, установил начала для раздела прибыли и заключил условие с главной конторой заводов. В первое же время артель имела 60 членов. Ожидания заводского начальства оправдались: подряд был взят по 44 $\frac{3}{8}$ коп. за штуку, тогда как до этого времени трубка обходилась от 50 до 70 коп.; выполнен был подряд ранее назначенного срока. На следующий год контора заказала артели 180 000 трубок: артель сама понизила цену до 40 коп. и тем дала казне новое сбережение в 7500 руб. Число членов возросло до 150. Успех работы и желание удержать за собой дело внушили артели бодрость и побудили на крупные технические улучшения в производстве: ручные работы стали заменяться машинными; было изобретено несколько станков; некоторые из них исполняли целиком ту работу, которая прежде производилась по частям. В следующие годы (с 1869 по 1872) артель также получала от казны крупные заказы, причем цена трубок была понижена до 37 коп. В сложности в течение 5 лет артель изготовила более 780 000 трубок на 326 656 руб., из коих чистый заработок составлял до 195 000 руб., средним числом по 259 руб. 25 коп. на артельщика ежегодно. Значительность заработков быстро изменила к лучшему быт артельщиков. Это выразилось особенно рельефно в том, например, обстоятельстве, что артель

¹ Новая артель в С.-Петербур. // Петерб. лист. 1872, 115.

пожертвовала нижнетуринскому обществу 500 руб. на устройство школы. Но с первых же лет артель подмечала непрочность своего существования. Исполняя только казенные подряды, она была поставлена в зависимость исключительно от количества заказов артиллерийского ведомства; оканчивая работы по заказам раньше назначенного срока, она оставалась иногда без дела. В 1871 году это привело к разделу между членами всего запасного капитала в 2600 руб. Наконец, второе неудобство состояло в неимении законодательно утвержденного устава. Отсутствие устава и необходимость для артели заключать договор с горным ведомством или другими лицами и учреждениями на имя одного из членов лишали этот договор прочности; члены артели не были связаны обязательством, отсюда союз и не мог возбуждать такого доверия, как если бы он получил освящение закона. Наконец, устав был выработан и утвержден. Наши сведения об артели не идут далее 1873 года¹.

Нижнетуринская артель послужила примером для артели в Екатеринбургe. В 1870 году главный начальник уральских заводов г-н Грамматчиков предложил мастерам екатеринбургского механического завода взять на себя окончание работ по производству лафетов. Предложение было понято некоторыми рабочими и встречено сочувственно. В начале 1871 года была основана артель под названием «Братство». В нее вступило немного членов; большинство относилось к новому делу с боязнью, тем более что артель должна была в обеспечение исправного выполнения подряда внести залог в 10 000 руб. Денег налично не было, но г-н Грамматчиков, желая способствовать образованию артели, согласился принять в обеспечение дома рабочих; многие из них были деревянные и даже ветхие. Тогда число членов быстро возросло до 87. Новообразованная артель немедленно доказала заводскому начальству выгоду для казны артельных предприятий. Вместе с ней на торги выступил один частный предприниматель. Он объявил за лафеты цену в 80 000 руб., артель же согласилась выполнить подряд за 25 000. Первый немедленно отступил, и подряд остался за артелью. Она нашла выгодным для себя сбавить еще 5000. Исчислив все расходы по изготовлению лафетов, включая и рабочую плату в 16 000 руб., артель и при 20 000 надеялась получить 4000 руб. чистой прибыли².

Сходны с двумя описанными артелями и артели для производства домашних и литейных работ на кувшинском заводе. Эти артели, сложившись под влиянием горного начальства, также находятся в значительной зависимости от него³.

¹ Белов. Нижнетуринская механическая артель // Сб. матер. I, 172–6.

² Шмидт. Рабочие артели на Урале // Пермск. губ. вед. 1871, 15.

³ Попов. Материалы для ознакомления с бытом горнозаводского населения на Урале // Сб. Пермск. земств. 1874, I, 45–6.

Но особенно громкую известность получила складочная артель слесарей в селе Павлове Нижегородской губ. Известностью своей она обязана как широким размерам, в которых было задумано предприятие, так и близким участием правительства при образовании артели.

Министерство финансов обратило в начале 70-х годов свое внимание на ножевую промышленность села Павлова. Как русское техническое общество, так и министерство побуждали богатых промышленников села Павлова принять меры, которые могли бы поднять местное производство и улучшить быт рабочих; для этой цели, по мнению технического общества и министерства, могли служить склад образцовых заграничных ножевых изделий, выписка из-за границы машин, наконец, устройство на месте ссудосберегательного товарищества. Надежда поднять с помощью артели заработка павловских ножевщиков, получавших не более 1,5 коп. – 2 руб. в неделю, была так сильна, что многие высокопоставленные лица обращались из Петербурга к павловским торговцам и доказывали им пользу артельного предприятия. Но все советы и убеждения оставались тщетны. Тогда Министерство финансов взяло все дело на свой страх и, проникнутое благородным намерением освободить рабочего от давления капитала, от расплаты за изделия товарами, вошедшей в Павлове в обычай, ассигновало 30 000 руб. на устройство артели. Если крупная денежная ссуда сразу ставила артельное предприятие на прочное основание, то обдуманность и постепенность, с какими слагалась артель, были еще более надежным залогом успеха. Обязанности по устройству артели принял на себя ехнолог г-н Зернов, уроженец Павлова, знакомый со всеми подробностями местного производства, горячо преданный товарищеской форме ведения дел. Г-н Зернов поселился в Павлове и провел два месяца в подготовительных работах. Он ежедневно приглашал к себе мастеров, обсуждал с ними каждую статью устава, разузнавал о ценах изделий и материала, чтобы иметь точку опоры при покупке железа на Нижегородской ярмарке. Не ограничиваясь собиранием сведений на месте, он сносился с губернскими статистическими комитетами и расспрашивал их о размерах спроса на павловские изделия в отдельных губерниях. С такой-то подготовкой открыла артель свои действия в июле 1873 г.; в нее вступило 50 членов. По уставу артель получила очень широкие права; она могла устраивать склады, общие мастерские, приобретать недвижимую собственность. Намериваясь со временем устроить общую мастерскую и соединить там для работы всех своих членов, артель ограничилась первоначально образованием общего склада для членов и закупкой сырых материалов. Уже в год основанная была сделана в Нижнем-Новгороде оптовая закупка железа, в следующем был открыт склад павловских изделий в Москве. Сбыт изделий развивался: находились покупатели не только на десятки, но и на сотни рублей. Первый год протек благополучно; г-н Зернов

вышел и предоставил артель самой себе. Едва лишилось юное предприятие руководителя, как дела начали безостановочно ухудшаться. Нарушения устава сделались обычными явлениями. Устав требовал, чтобы материал выдавали членам, имевшим заказ, и брали от них залог – правление разрешало отпуск железа без всякого обеспечения. Устав предписывал строгую отчетность, а правление не предоставляло отчетов, и сам совет уклонялся от контроля. Раздоры возникали все чаще и чаще; зависть артельщиков побуждала их не принимать в члены слесарей окресных селений. Членские взносы по 50 коп. в неделю не уплачивались. Все это не замедлило отразиться на оборотах артели: 13 000 п. железа, купленные в 1873 г., не были распроданы и в 1876-м; склад в Москве был закрыт; торговля в нижегородской ярмарке велась в убыток. В 1877 г. артель разложилась¹. Крушение такого крупного и хорошо обставленного товарищеского предприятия вселило во многих недоверие к артели, по крайней мере, к артели промышленной.

Прибавим к приведенным нами фактам устройство в половине 60-х годов в московских рабочем и смирительных домах артелей арестантов. Из мужчин были образованы артели сапожная, картузная, портняжная, переплетная, конвертоделательная, из женщин – артели сеточниц и прачек². В 1868 г. было распоряжение Вел. Кн. Наместника Кавказского о восстановлении в Тифлисе амкарств, т. е. цехов, и о соединении в артели ремесленников разных отраслей³.

Насколько мы можем судить из материалов, которыми располагаем, перечисленными попытками и ограничивается прямое или косвенное участие администрации и земских учреждений в образовании промышленных артелей. Но мы находим в разных уголках России артели, сложившиеся частью самобытно, частью при некотором содействии сторонних лиц.

Так, прежде всего, в последние два десятилетия образовалось несколько земледельческих артелей. В 1863 году г-н С-та, помещик села П. Сорокского уезда Бессарабской области, узнал, что местные крестьяне замышляют устроить артель. Он нарисовал им картину выгод артельного труда и вызвался, в случае его применения, помочь ссудой для покупки семян. Крестьяне дружно принялись за дело. Поголовным трудом всей деревни были засеяны поля, собрана жатва, совершена молотба; было выстроено артельное гумно. Хлеб был распределен между домохозяевами соответственно с числом рабочих рук, поставленных каждым двором для совместного труда. На 560 руб., вырученных за продажу излишка хлеба, было арендовано несколько десятин и открыта мелочная лавка для торговли предметами, наиболее употребительными в крестьянском быту. В следующие годы на излишки было выстроено

¹ Бобарыкин. Русский Шеффилд // Отечественные записки. 1877. С. 3.

² Артели арест. // Киевск. губ. вед. 1866. С. 142.

³ Об устройстве тифлисск. амкарств // Сев. почта. 1867. С. 100.

училище, общий скотный двор и уплачены все недоимки. Обстановка крестьян заметно улучшилась; приобретение некоторых сельскохозяйственных орудий на общий счет подняло уровень сельского хозяйства¹.

В 1874 году в Полтавской губернии группа односельчан составила артель и арендовала участок земли в несколько десятин для совместной обработки. Жатва была распределена по числу рабочих рук, поставленных каждым членом. Успех артели побудил все сельское общество пристать к ней, и вся артель – деревня арендовала уже 200 десятин².

К земледелию начали применяться с 70-х годов производительного-подсобные артели: таковы артели молотильщиков в Рязанской губернии. Изготовление молотилок распространено среди крестьян. Несколько домохозяев сообща приобретают молотилку, уговариваются относительно способов пользования ею и по очереди молотят зерно. Они находят такие артели очень выгодными, так как успевают вовремя вымолотить хлеб. Когда работа артельщиков молотилкой окончена, машина сдается внаймы за определенную плату³. Эти же артели принимают и форму производительных. Группа покупает молотилку и обходит с нею соседние губернии, Тамбовскую, Воронежскую и даже область Войска Донского. Землевладельцы нанимают эти артели для молотьбы⁴.

Движение, направленное к образованию артелей в области обрабатывающей промышленности, сказалось всего сильнее в наших больших городах с развитым ремесленным классом. Так, в Петербурге была устроена в 1862 году артель столяров с точно выработанным уставом. Почин в этом деле принадлежал г-ну Мельникову, который вложил в предприятие 2000 руб. и пригласил несколько мастеров вступить в товарищество. Эта артель – сырьевоскладочная. Все участники помещают свои изделия в общий склад; здесь же принимаются заказы и раздаются членам. Через два года артель уже имела прекрасный магазин. Личный состав значительно изменился: основанная русскими, она имела в 1864 году большинство членов-немцев⁵.

В 1873 году в Петербурге образовалась артель тряпичников для торговли тряпьем. Первоначально каждым было внесено только по 100 руб.; через год артель имела 45 членов и капитал в 40 000 руб.⁶.

¹ Земледельческие артели. Киев, 1876, 19–25. Здесь артель сливается с общиной. Я причисляю, однако, это предприятие к артельным потому, что в нем необходимо должен был быть элемент договора. Если все домохозяева приняли участие в общей работе, то не потому, что они были членами общины, а потому, что изъявили готовность доставить артели труд в таком количестве и такого качества, каких требовала артель. Случайно все общинники оказались пригодными. Будь среди них ленивые – одно происхождение, наверное, не дало бы им места в этой артели.

² Там же. 36–7.

³ Артели молотильщ. // Правител. вестн. 1874, 229.

⁴ Там же. 199.

⁵ Калачов. Артели... 49–50.

⁶ Бессараб. губ. ведом. 1874, 88 (из «Рус. мира»).

В 1878 году возникла артель продавцов произведений печати. Определив число своих членов во 100, она вскоре довела его, с разрешения градоначальника, до 150¹.

Понятно, что многие попытки умирали в самом зародыше. В середине 60-х годов в Петербурге образовалось «Общество женского труда», поставившее себе целью учреждать артели среди работниц в разных отраслях промышленности². Неизвестно, чтобы это общество чем-нибудь заявило о своей деятельности. Так же бесследно исчезло намерение многих петербургских ремесленников, бывших членами ссудосберегательной кассы, основать складочную артель³.

В Москве в начале 70-х годов также образовалось несколько артелей. Из них наиболее крупная была артель половых, снявшая бывший «Московский трактир». Капитал артели составлял 50 000 руб.⁴. Большая часть первоначальных участников служила раньше в трактире Гурина. Артель для упрочения своего предприятия отложила на первых же порах в запас 8000 руб. Юное учреждение встретило поддержку всего раньше со стороны винооторговцев: они открыли артели кредит. Теперь предприятие вполне упрочилось. Годовые обороты достигают 1 1/2 млн., а за помещение с мебелью артель платит 80 000 руб. в год. Всех членов 60. Запасный капитал возрос до 20 000 руб. В Москве же возникла артель частных построек, артель, снабжающая кондукторами спальные вагоны николаевской железной дороги⁵.

И в Риге с конца 60-х годов началось движение среди ремесленного класса. В первое время оно облекалось в форму устройства вечерних собраний для беседы, затем было решено образовать ссудную кассу, пенсионный капитал для выдачи пособий вдовам ремесленников, технические училища по разным отраслям промышленности и складочную артель; но все эти начинания были безуспешны за недостатком средств⁶.

Несколько артелей было основано в последнее время и в провинции. Особенно интересна сырьевая артель бочаров в с. Утесовке Симбирского уезда. В этой местности исстари распространен бочарный промысел. Кустарникам, без всякого стороннего внушения, пришла мысль ввести артельную закупку леса. Для этого они ежегодно составляют артели в 80–90 человек, каждый вносит 200 руб. На капитал, достигающий 16–18 000 руб., сообща покупается участок дубовой рощи и вырубается. В момент вырубки

¹ Указатель по делам печати. 1878, 9, 294.

² Дело. 1868, VI, 96.

³ Петербург. листок. 1873, 71.

⁴ Москов. неделя. Москов. вед. 1878, 15.

⁵ Об артелях. Екатеринослав. губ. вед. 1867, 19 (из «Голоса»).

⁶ О Рижской ремеслен. артели // Рижск. вестник. 1873, 162 и 183.

артель неизбежно становится производительной. Затем срубленные деревья распределяются между членами и каждый приступает к единоличному ведению промысла¹. В с. Воскресенском Владимирской губернии сложилась в начале 70-х годов столярная артель. Побуждением к этому послужил крупный заказ местного училища на классную мебель. 4 столярам объяснили основания артели, и они последовали совету. Не было ни письменного условия между членами, ни счетоводства; но все хорошо знали положение дел. Артель работала целую зиму и разошлась, исполнив заказ на 1056 руб. Заработки членов были значительны². В Севастополе образовалась артель лодочников, в состав которой входят около 40 человек, преимущественно из отставных солдат, защитников Севастополя³. В с. Оленевке Пензенского уезда недавно образовалась артель, называющая себя артелью олоневских пушниц; в состав ее входят и дети. Артель, при посредстве местных татар, добывает из среднеазиатских владений России козий пух в сыром виде, очищает его, расчесывает, свертывает в кудели и пряжу. В таком виде пушницы продают пух пензенским вязальщицам⁴. В Умани чумаки образовали в 1875 году артель из 1200 подвод для возки хлеба в Одессу. Артель стала успешно соперничать с железной дорогой⁵. Есть пример образования и артели музыкантов. До последнего времени в Привислинском крае оркестровая музыка была исключительно в руках евреев. Соперничество было незначительно, и высокая плата делала пользование оркестром доступным только для богатых людей. Но крестьяне в разных деревнях начали учиться музыке и составлять оркестры; один из них, в с. Щекоцанах Келецкой губернии, образовался на артельных началах. Новому примеру начинают следовать и в других деревнях⁶.

IV

Мы изложили, насколько позволяют известные нам материалы, исторические данные об артелях, сложившихся в разных местах России в последнее двадцатилетие. Но эти артели составляют незначительное, почти незаметное меньшинство по сравнению с теми, которые не имеют записанной истории. Из последних одни образовались много столетий тому назад и по своей древности, наверное, могут поспорить с теми немногими видами артелей, на кото-

¹ *Добросмыслов*. Бочарный промыс. в с. Утесовке // Симб. губ. вед. 1875, 50.

² *Тихомиров*. Путевые заметки // Грамотей. 1874, X, 69–71.

³ Молва. 1876, 34 (из «Недели»).

⁴ СПб. вед. 1878, 79.

⁵ Киев. губ. вед. 1875, 101.

⁶ Музыкальн. артель // Москов. вед. 1876, 56 (из «Биржев. вед.»).

рые сохранились указания в наших источниках; если некоторые из них возникли и недавно, или непосредственно после отмены крепостного права, или одновременно с промыслами, в коих применяются, то и они по своему характеру имеют ближайшее средство со многими видами стародавних артелей. Хотя мы не имеем фактических данных о времени и условиях возникновения этих артелей, однако укажем на них, чтобы охватить, по возможности, все отрасли промышленности, в которых применяется артельное начало.

Земледельческие артели существуют в России повсеместно. Иногда они составляются из сельских рабочих, нанимающихся для молотьбы, подсевки, насыпки хлеба. Наиболее часто встречаются артели этого типа в поволжских губерниях, и особенно в Казанской. Они возникают преимущественно в тех случаях, когда выполнение работ обставлено условиями, стеснительными для крестьян, точным обозначением срока, неустойкой. Подрядчики, принимая на себя выполнение таких работ, не рискуют вести их с наемными рабочими и образуют артели¹. В Смоленской губернии при крепостном состоянии некоторые сельскохозяйственные работы исполнялись группами, в артелях. Теперь эти работы принимают на себя частью рядчики, выступающие посредниками между землевладельцами и крестьянскими артелями², частью самостоятельные артели. Последние встречаются наиболее часто в Сычевском уезде; они состоят из 30–60 членов и нанимаются для косьбы сена, засеивания полей, уборки жатвы³. Иногда и половинки снимают у землевладельцев участки земли артелями. Мы имеем указания на артели половников в Новгородской и Пензенской⁴ губерниях, а также в южной России⁵. Иногда земледельческие артели образуются из самостоятельных крестьян, домохозяев. Такие артели известны в малороссийских, новороссийских губерниях и Кубанской области под именем *землепашеских*. Трудность вспахивания земли единичными силами побуждает нескольких поселян соединиться в артель и производить запашку сообща⁶. Наконец, в сельском хозяйстве издавна применяются и производительно-подсобные артели. В селениях Вытегорского уезда Олонецкой губернии беднейшие крестьяне устраивают риги за общий счет и молотят хлеб поочередно. Это называется на местном наречии «иметь себру»⁷. Несомненно, и в других местностях России найдется немало артелей, сходных с перечисленными.

¹ Надеждин. Артели для производства сельскохозяйствен. работ // Земледельческая газета. 1874, 47.

² Энгельгардт. Из деревни // Отечествен. зап. 1876, IX, 30.

³ Артели в Сычевск. уезде Смолен. губ. // Сб. матер. I, 200.

⁴ Внутрен. обозрение современ. 1864, V, 115.

⁵ Щ-на. Южнорус. артели // Неделя. 1876, 44–5.

⁶ Там же. 41.

⁷ П.М. Вытегорские кондужи // Олонецк. губ. вед. 1874, 12.

Кроме сельскохозяйственной и другие отрасли добывающей промышленности знакомы с артельным началом. Выше уже было замечено о широком распространении артелей звероловов и рыбаков. Помимо этих мы встречаем на отдаленном востоке Европейской России в Приуральском крае и в Сибири артели старателей, ставящих себе целью отыскание месторождения руды или разработку уже найденных приисков на условиях, которых требует горное ведомство. Иногда артели старателей нанимаются и у золотопромышленников, которые предпочитают иметь дело с целой группой тесно сплоченных участников, чем с единолично нанятыми рабочими¹. Есть намеки на существование артелей рудокопов в Вятской губернии². Добывание камня на Брусяной горе близ р. Печоры производится также артелями. Артель берет подряд готовить точила и брусья. Затем артельщики нанимают по деревням рабочих, которые, собственно, и занимаются ломкой камня. Последние, приступая к работам, образуют самостоятельные артели из 6–25 человек³. В Крыму на перекопских, евпаторийских, керченских озерах ежегодно образуются артели для добывания соли; во всех таких артелях насчитывается до 20000 человек; они работают с июля до октября⁴. В каменноугольных копях Донецкого края артельный труд вошел в обычай. Рабочие порознь не нанимаются. Соединяясь человек по 10 в артели, они договариваются с владельцами шахт о заработной плате⁵.

Из отраслей обрабатывающей промышленности артели применяются наиболее часто в строительном деле. Из северных губерний, где плотничный промысел особенно развит, каждую зиму расходятся по городам и селениям многочисленные артели плотников. Так, во всех уездах Вологодской губернии составляются вполне независимые артели плотников⁶. То же самое находим мы в Костромской⁷, Нижегородской и других губерниях. Глинобиты, строящие овины из глины в Арзамасском уезде Нижегородской губернии, также соединяются в артели⁸. В артели соединяются и маляры, приходящие из северных губерний в наши столицы. Одни из них, имея хозяина во главе, уже утратили характер производительных артелей, другие же занимаются промыслом сообща⁹.

¹ Попов. Горнозаводские артели старателей // Сборн. матер. I, 189; Гагемейстер. Статист. обзор. Сибири. СПб., 1864, II, 453.

² Савинов. Статистич. очерк Вятского края // Вестн. И. Р. Геогр. общ. 1860, XXIX, 12 и 59.

³ Антипов. Геогностич. строение Печорск. края // Там же. XXIII, 56–9.

⁴ Крымские солепромышлен. артели // Неделя. 1876, 29.

⁵ Семечкин. О каменноугольной и железодел. промышл. на Донецк. краже // Зап. Р. техн. общ. 1872, в. 5, 262.

⁶ Из Вологодской губ. // Русск. ведом. 1879, 218.

⁷ Материалы для статист. Костром. губ. Кострома. 1875, в. 3, 103.

⁸ Бравина. Село Оленино // Нижегород. сб. Ниж. Новг. 1875, V, 182.

⁹ Ведом. СПб., гор. пол. 1872, 224–5.

За плотничьими являются довольно распространенными артели бочаров в Костромской¹, барочников в Костромской² и Смоленской³ губерниях, пильщиков во многих местностях, конопатчиков барок в Смоленской⁴, валяльщиков, делающих валяную обувь, и шерстобитов в Костромской⁵, вязальщиков веников в Московской⁶, серповщиков⁷, передвигающихся по деревням для отточки серпов, во Владимирской губерниях. Наконец, в наших больших городах точильщики, соединяющиеся обыкновенно по 3–5–8 человек в харчевые артели, образуют иногда и производительные⁸.

В ткацком и кузнечном промыслах встречаются производительно-подсобные артели. В селениях Костромского и Нерехотского уездов ткачи устраивают сообща свидетели на 8–15 станов. Светелки отапливаются за общий счет⁹. В Нижегородском и Арзамасском уездах мы находим артельные кузницы, устраиваемые 14–18 кузнецами. Кузнецы покупают сруб и сообща приспособливают мехи и горн. Уголья закупаются также артелью¹⁰.

Широко распространены артели и в отраслях наименее сложного труда, не требующих ни капитала, ни правильного обучения. В наших больших городах и, особенно, столицах мы находим артели парильщиков. В Петербурге эти артели начали устраиваться с самым возникновением торговых бань как особого промысла. Парильщицы, насколько известно, не образуют артелей¹¹. При постройке железных дорог часто слагаются самостоятельные артели землекопов и заключают договоры с рядчиком концессионеров¹². Артели лесорабочих распространены во всей северной России, особенно в Архангельской губернии¹³. Артели бурлаков были очень развиты, и особенно в приволжском крае; бурлацкая тяга применялась на Волге, Каме и Оке¹⁴.

¹ Очерки промышлен. Костром. губ. // Костром. губ. вед. 1874, 40.

² Корнилов. О лесопромышл. на р. Унже // Этнограф. сб. VI, 1864, 28.

³ Артели в Сычевск. уезде // Сб. матер. I, 196.

⁴ Там же.

⁵ Костром. губ. вед. 1874, 42.

⁶ Скалон. Артели на Руси // Грамотей. 1872, VII, 39.

⁷ Дубенский. Заметка о торговле железн. издел. во Владимир. губ. // Вести. Им. Рус. геогр. общ. 1854, XI, 18.

⁸ Введ. Спб. гор. пол. 1872, 173.

⁹ Материалы для статист. Костром. губ., 74 и Ткацк. светел. под Костромой // Костром. губ. вед. 1876, 48.

¹⁰ Карлов. Кузнечн. пром. // Труды Комм. по исслед. куст. пром. IV, 185–6.

¹¹ Артели парильщ. // Вед. Спб. гор. пол. 1871, 136–8.

¹² Спб. вед. 1875, 65.

¹³ Справочн. и памятн. книжка Архангел. губ. на 1875. Архангельск. 1874, 89.

¹⁴ Небольсин. Отчет о путешеств. в Оренб. и Астрахан. край // Вести Им. Р. геогр. общ. 1852, IV, 2; Вернадский. Исследов. о бурлаках // Журн. Мин. вн. д. 1857, IV и V.

Теперь бурлаки заметно уступают место буксирным пароходам. Затем мы встречаем многочисленные артели для нагрузки и выгрузки судов. Известные под именем крючников в Рыбинске, эти артели насчитывают в сложности несколько тысяч человек. В Архангельске такие артели называются шкивидорскими¹.

В промышленности, служащей передвижению, мы находим ямские артели. Иногда ямская гоньба снимается на подряд целым сельским обществом, но нередко для этой цели образуются артели. Они распространены повсеместно в Архангельской² и Вологодской³ губерниях, как на сухом пути, так и по рекам. К этой же группе примыкают известные в Архангельской губернии артели для возки треугольника, расчищающего снег на дорогах, и для содержания перевозов через реки⁴. Наконец, нередко извозчики и чумаки соединяются в производительные артели. В Смоленской губернии артели извозчиков занимаются доставкой товаров из Москвы, Сухинич, Калуги в Сычевку, Ржев, Зубцов⁵. Хотя чумаки, находясь в пути, обыкновенно образуют только харчевые артели⁶, но в некоторых случаях составляются и артели производительные. Это доказывается как тем, что часто вол, павший в дороге, заменяется новым из артельных сумм⁷, так и фактом образования вышеназванной крупной чумацкой артели.

Артельное начало нашло себе место и в торговле. Во многих селениях для торговли мануфактурными и другими товарами составляются артели. Хотя «мирские воротилы» и «дяди», стоящие во главе таких союзов, и управляют всем делом, однако и рядовые члены, разнося товары по селениям⁸, участвуют как пайщики. Еще в конце прошлого века существовали во Владимирской губернии артели офеней. Теперь они, по-видимому, заменились единоличными предприятиями. Разносчики товаров и приказчики получают точно установленное жалованье и дают хозяевам отчет в определенные сроки⁹. В Архангельской губернии между мелкими торговцами составляются артели для покупки у крестьян ржи, овса и других произведений сельского хозяйства¹⁰. Сходные же союзы находим мы в местечке

¹ Чубинский. Соломбал. селен. // Труды Арханг. стат. комит. за 1865 г. Арх. 1864, 59–60.

² Ефименко. Артели Арханг. губ. // Сб. II, 159.

³ Там же. 159.

⁴ Там же. 162–4.

⁵ Артели в Сычевск. уезде // Сб. I, 195.

⁶ Чумаки // Киевлянин. 1867, 127.

⁷ Киевские чумаки // Журн. Мин. вн. д. 1856, IX.

⁸ Свод замеч. на проект патент. пошл. СПб., 1862, 199–200.

⁹ Тихонравов. Офени // Влад. губ. вед. 1847, 6.

¹⁰ Ефименко. Там же. II, 171.

Рашевке Полтавской губернии; 6–10 казаков соединяются в артели и разносят игольный товар по украинским ярмаркам¹. Прибавим, что в больших городах, особенно Москве, разносчики фруктов нередко совместно нанимают подвалы для сбережения товаров².

Наконец, и области порока и преступления также усвоили себе и широко развили артельное начало. В нищенстве как промысле артели применяются с большим успехом. В Петербурге и Москве артели нищих имеют стройную организацию. Во главе стоит предприниматель, а в зависимости от него десятки взрослых и малолетних, ежедневно посылаемых за сбором милостыни³. В Воронеже и Задонске нищие считают свое занятие почтенным трудом и образуют артели⁴. Такие же союзы нищих знакомы мне из личного наблюдения селений Богородского уезда Московской губернии, занимающихся нищенством в обширных размерах. Конокрады также соединяются в артели. Недавно открыта в Радомской губернии артель конокрадов, состоявшая из 200 человек. Она имела строго выработанные правила, свою почту, станции, полицию. Ее члены были преимущественно евреи⁵.

Мы перечислили все виды артелей, о которых могли там и сям найти хотя бы самые краткие и отрывочные сведения. Для полноты этого очерка укажем на союзы, которые строго не могут быть отнесены к артелям, но приближаются к ним по своему характеру. Таков союз ящичников 5 деревень, лежащих в 10 верстах от Ярославля. Подряд на ящики берется от ярославских купцов всеми производителями 5 деревень. На общем сходе устанавливается цена ящикам; все количество товара, взятое на подряд, распределяется между отдельными деревнями так, чтобы все производители получили равные заработки⁶. Этот союз не может быть причислен к артелям, потому что элемент договора отсутствует в нем и резко выделяется начало происхождения. Сельское общество этих 5 деревень разверстывает между членами-ящичниками подряд так же, как делит землю между всеми общинниками. К таким же не чисто артельным союзам и отношу и так называемые артели для поставки охотников в войске уральских казаков. Все войско разбивается на число групп (в 5–6 человек), равное числу лиц, которые должны быть поставлены в военную службу. Члены каждой группы вносят равными долями сумму, назначенную для уплаты охотнику⁷. Хотя

¹ Село Важины // СПб. вед. 1873, 29.

² Аксаков. Исследов. о торговле на Украин. ярмарк. СПб., 1858, 34.

³ Скалон. Артели на Руси // Грамотей. VII, 41.

⁴ Московск. притоны и их жизнь // Рус. вед. 1872, 9; 1873, 68.

⁵ Русск. ведом. 1880, 165 (из «*Curjer Poznanski*»).

⁶ Аксаков. О ремесленном союзе в Ярослав. губ. // Рус. бес. 1858, II, 210–12.

⁷ Небольсин. Несколько замеч. об урал. казак. // Вести И. Р. Г. О. 1854, XII, 225–9.

цели таких союзов и могут быть названы косвенно хозяйственными (желание откупиться от отбывания воинской повинности во имя хозяйственных интересов), однако уже обязательное участие в этих союзах всего мужского населения области не позволяет отнести их к артелям. Наконец, мы укажем на те группы в Балахнинском уезде, которые несут на себе обязанности по усыновлению подкинутых младенцев. Едва ли будет удобно отнести их к исследуемой нами форме общения. Группы эти обнимают всех бездетных деревни. В случае подкинутия младенца бурмистр созывает их и бросает жребий; последний решает, кому из призванных быть усыновителем. Остальные бездетные платят усыновителю определенные деньги. Здесь нет элемента договора: случай – бездетность – обязательно делает крестьянина членом союза усыновителей¹.

Откладывая до следующих глав очерк строения и жизни артелей, мы здесь сведем в таблицу все отрасли промышленности, в которых применяется артельное начало.

Охота	Изготовление ударн. трубок
Рыболовство	– лафетов
Земледелие	Серповщиков
Бортничество (древн. России)	Точильщиков
Добывание соли	Сапожный
– каменного угля	Шерстобитный
Разработка приисков золота	Ткацкий
Тесание камня	Канатно-веревочный
Сыроварение	Льнотрепальный
Смолокурение	Крахмалоделательный
Плотничий промысел	Молотильщиков
Столярный	Скотобойный
Бочарный	Пушниц
Барочный	Биржевые артели
Конопатный	Купорные
Каменщичий	Дрягилей
Глинобитно-строительный	Вязальщиков
Малярный	Балластные
Кузнечный	Монопольные таможен
Слесарный	Крючников
Парильщиков	Содержание перевозов
Пильщиков	Возка треугольников

¹ День. 1863, 16.

Дровосеков	Торговля игольным товаром
Землекопов	– тряпьем
Бурлаков	– газетами
Разных чернорабочих	Содержание тракторов (половых)
Ломовых извозчиков	Музыкантов
Станционный	Нищих
Лодочников	Конокрадов

59 отраслей промышленности

В большинстве перечисленных отраслей образуются производительные артели. Сырьевые известны бочарному и сапожному промыслам, складочные – столярному и кузнечному, производительно-подсобные – ткацкому, кузнечному и сельскохозяйственному, в виде пользования общими молотилками, гумнами и т. д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Образование артелей. Прием членов. Их обязанности и права; выход и исключение. Число членов артелей

Перечисленные виды артелей представляют чрезвычайное разнообразие. Одни из них слагались еще в то отдаленное время, когда общественный быт был резко отличен от настоящего. При всех изменениях, происшедших в складе культуры, некоторые стороны быта остались те же, что и в отдаленные эпохи. Эти-то черты, делавшие необходимым образование артелей, передавались из поколения в поколение; сознание неизбежности артельного общения в некоторых отраслях промышленности, вкореняясь все более глубоко, вырабатывало в нашем народе определенное воззрение на артель, укрепляло в нем убеждение, что эти союзы должны иметь такую-то, а не какую-либо иную организацию, что отношения между участниками неизбежно должны принимать такой-то характер, что вся жизнь артели, от момента образования до времени разложения, должна плавно течь в том русле, которое ей указывают сознанные народом особенности данного промысла. Артельные обычаи, раз сложившись, переходили из рода в род, усваивались каждым с ранней юности, делали излишним специальное регулирование каждой отдельной артели и упорядочивали все проявления жизни целой группы однородных союзов. И чем менее сложен промысел, чем меньше требует он предварительных вещественных затрат, чем легче достижение цели, чем кратковременное общение, тем легче возникает артель, тем скорее устанавливается соглашение

между участниками, тем большей простотой отличается склад жизни союза, тем сильнее влияние обычая. Напротив, те группы артелей, которые образовались сравнительно недавно, являются гораздо более сложными формами. И применение артелей в тех отраслях труда, где они ранее не имели места, и участие в их создании сторонних лиц и общественных учреждений, и отсутствие в народе установившегося воззрения на артели нового наслоения, отсутствие обычая заставляло при образовании каждого союза этой последней группы прибегать к точному регулированию как существенных черт, так и частных особенностей жизни артели. Явилась надобность начертать в каждом отдельном случае устав, который предусматривал бы все подробности жизни в артели, который точно обозначил бы и порядок возникновения союза, и условия участия в нем, и обстоятельства, ведущие к его разложению. Сложность специально вырабатываемых норм для артелей последней группы объясняется частью и тем, что они применялись, главным образом, к тем союзам, которые рассчитаны на более или менее продолжительное существование и требуют некоторого постоянства в личном составе. Таким образом, чем менее древне происхождение артели, чем сложнее промысел, чем более имущественные взносы участников в общий капитал, чем более продолжительно пребывание каждого члена в союзе, тем медленнее слагается артель, тем труднее устанавливаются определенные отношения в ее внутренней жизни, тем более нуждается союз в точном регулировании разных сторон своего быта.

Наибольшая простота отличает образование артелей, которые вызываю-ются к жизни совершенно случайными обстоятельствами, стоящими вне всякой связи с обычными занятиями лиц, входящих в состав артели. Барка идет по реке, садится на мель и обсыхает. Проводники не могут сдвинуть ее собственными силами, обращаются в ближайшие деревни и зазывают охотников. На приглашение откликается многочисленная группа и приступает к работе¹. Цель такой артели – сдвинуть с мели судно – понятно каждому: средства, ведущие к цели, ограничиваются напряжением мышц; общая работа длится немного часов или, в крайних случаях, пару дней; одинаковое участие всех в совместном труде требует раздела вознаграждения на равные доли, а потому образование такой артели не нуждается в каких-либо формальностях; факт прибытия каждого на то место, где собирается группа, заключает в себе элемент договора между группой и новым участником. По простоте образования к этим случайным артелям подходят и некоторые артели, рассчитанные на более продолжительное существование; таковы артели охотников. Охотник, собирающийся на промысел, приглашает несколько товарищей. Последовать приглашению могут только те лица, которые имеют ружье и другие охотничьи запасы. Наконец, при охоте на мелкую дичь, белок, птиц, охоте, не тре-

¹ Артели в Сычевском уезде. 199.

бующей особенного искусства и не сопряженной с большими опасностями, каждый член артели может выполнить почти то же, что и остальные. Отсюда и здесь артель образуется вследствие подразумеваемого договора¹.

Но и в охотничьем промысле есть условия, которые не допускают такой простоты при образовании артели. Охота на медведей представляет много опасностей и требует участия только людей мужественных и искусно владеющих оружием. Опасности, связанные с такой охотой, ущерб, который звери наносят крестьянскому хозяйству, повели к образованию обрядов, какими обставлено возникновение этих артелей. В Восточной Сибири повсеместно составляются *артели зверовщиков* для охоты за медведями. Эти артели имеют своими учредителями тех охотников, которые открыли медвежью берлогу. Открывший берлогу созывает тайком несколько товарищей. Образование артели тщательно скрывается, особенно от женщин, так как, по распространенному у зверовщиков суеверию, женщина может сделать охоту неудачной. Товарищи дают клятву не оставлять друг друга в опасности, не выдавать до последней капли крови. Частые неуспехи в охоте за медведями, нередко оканчивающиеся смертью зверовщиков, выработали и другие обряды, связанные с образованием артели. Накануне дня охоты товарищи ходят в баню, чтобы омыться от всех грехов и обеспечить себе успех предприятия. Собравшись задолго до рассвета, охотники, как бы идя на смерть, прощаются друг с другом и низко кланяются на все 4 стороны². Только по выполнении всех этих обрядов, имеющих в себе что-то таинственное, пугающее воображение перспективой смерти, можно считать законченным образование артели.

Образование артелей рыболовов и охотников на морских зверей также сопряжено с некоторыми формальностями. Так как рыболовы и морские звероловы нуждаются в порядочном капитале и притом артели составляются на довольно продолжительный срок – несколько месяцев, в течение которых производится лов рыбы, то считаются необходимыми известные обряды для закрепления связи между участниками. В частности, способы образования неодинаковы; помимо некоторых местных особенностей, они зависят от степени самостоятельности артелей; где в состав входят только равноправные участники, там мы находим развитую обрядовую сторону, которая отчасти указывает на дух равноправности, отличающий эти артели. При образовании артелей, зависящих от предпринимателей, мы находим мало обрядов. Союзы первого типа встречаются повсеместно на озерах северной России и частью по рекам. Второй тип преобладает на беломорском побережье и имеет своих представителей на Черном и Каспийском морях. На озерах Новгородской и Псковской губерний артель считается сложившейся только по выполнении

¹ *Ефименко*. Там же. II, 99.

² *Черкасов*. Зап. охотн. Восточн. Сиб. 128–9.

некоторых обрядов. Выбрав атамана, все участники собираются к нему в дом, зажигают свечу перед образом, молятся Богу, целуют икону и пьют вино. После этого артель считается сложившейся: на отступление кого-либо из участников смотрят как на большой грех¹. Подобные обряды мы находим и среди артелей для ловли семги в Холмогорском уезде. Все, желающие составить артель, собираются в конце масленицы в дом старшего из товарищей для заключения условия. Ведутся подробные переговоры, где достать карбас, сколько каждый должен приготовить сетей и веревок. Договор скрепляется тем, что участники одновременно садятся на лавку, встают, молятся Богу и подают друг другу руки. Последним актом является пирушка за общий счет². Оригинальные обряды сохранились до сих пор при образовании артелей рыболовов на Галичском озере. Все, пристающие к артели, совместно готовят невод, покупают лоток калачей и бросают их в невод в присутствии всех членов. Затем молятся Богу, ломают калачи и раздают присутствующим. Никто из них не должен унести калач домой, чтобы ловля была удачна. Этот обряд, называемый «ломать калачи», заканчивает образование артели³. На Ростовском озере соединение в артели – «стаи» по местному наречию – также сопровождается общей пирушкой⁴. Во всех перечисленных нами артелях и других, подобных им, образование союза не нуждается в участии особых учредителей. Все рыболовы данной местности сознают необходимость артельного общения, все вносят в общее имущество приблизительно равные доли, а потому все одновременно и становятся учредителями.

Там же, где капитал отделяется от труда, где во главе артели стоит предприниматель, он, естественно, является и учредителем. Такой порядок находим мы среди артелей покрученников. Временем образования артелей покрученников служит или конец старого промыслового года, или начало нового. Образованию артели предшествует «ряда» предпринимателя с кормщиком, который становится во главе артели. С кормщиком хозяин рядится относительно размера вознаграждения сверх пая, величина которого для всех членов артели определяется обычаем. Когда ряда окончена, хозяин угощает артельщиков сытным обедом, дает каждому на дорогу по деревянной ложке и куску серого сукна для рукавиц и отправляет артели на место производства промысла⁵.

Охота и рыболовство представляются такими промыслами, в которых производители могут быть, по крайней мере в течение производства работ, совершенно самостоятельны. При наступлении времени охоты или рыбной

¹ Якушкин. Путев. письма из Новгор. и Псков. губ. СПб., 1860, 41.

² Ефименко. Там же. II, 70.

³ Материалы для статист. Костром. губ. 49.

⁴ Артынов. Село Угодичи // Ярослав. губ. вед. 1851, 2.

⁵ Ефименко. Там же. II, 28–9.

ловли крестьянин знает, что от него самого зависит заниматься промыслом или не участвовать в нем. Наличие занятия в этих отраслях деятельности точно определяет и время образования артелей, и число их членов. Но многие промыслы находятся в иных условиях. Занятие, ради которого составляется артель, дается не окружающими обстоятельствами, а наличием нанимателя, готового дать артели работу. В этих случаях как время образования артели, так и число ее членов ставится в зависимость от времени и размеров спроса на артельный труд. Тогда как, например, рыболовы наших озер образуют артели, хотя бы можно было рассчитывать только на самую незначительную добычу, бурлаки и многие крючники соединяются в артели, когда есть в виду работа по тяге или нагрузке и выгрузке судов. Бурлаки не составляют артелей на месте жительства; они устремляются массами обыкновенно Великим постом в те селения и города Поволжья, в которых есть так называемые бурлацкие базары; здесь они поджидают нанимателей. Только подрядившись с доверенными владельцами судов, бурлаки образуют артели; размер спроса нанимателя определяет и число членов в каждой бурлацкой артели¹. То же находим мы и в одной группе артелей крючников. Среди крючников есть артели, называемые *согласными*; они состояются из крестьян одного селения еще до прихода в Рыбинск, но таких артелей немного. Большая же часть – *вольные* артели – слагаются в самом Рыбинске непосредственно перед получением работы. По целым дням эта вольница, из которой вербуются артели крючников, толпится у биржи, поджидая нанимателей. Коль скоро маклер, получив от судовладельца поручение нанять рабочих для перегрузки известного числа пудов, объявляет об этом вольнице, из ее среды выделяются несколько лиц и составляют артель с таким числом членов, какое нужно для перегрузки данного судна. То же находим мы и среди артелей старателей. Они состояются только тогда, когда горное управление объявляет об отдаче старателям определенного участка земли для разработки. При этом как число их членов, так и размер капитала зависят от того, предоставляет ли горное ведомство только разведку местонахождения золота или же разработку прииска². Такой же порядок подмечаем мы и при образовании артелей табачниц в Нежине. Две-три казачки или мешанки Нежина и его предместий отправляются искать работы на окрестных табачных плантациях. Нашедши помещика, у которого огороды не обрабатываются наемным трудом и еще не сданы в аренду, они просят владельца написать все условленное. Заручившись такой «бумагой», казачки подбирают товарок и образуют артель; число членов в ней обуславливается величиной снятого участка³.

¹ Вернадский. Исследов. о бурлаках.

² Попов. Горнозавод. арт. старат. 190.

³ Шликевич. Артели табачниц в г. Нежине // Сб. матер. II, 251–2.

Образование артелей позднейшего происхождения далеко не отличается такой простотой. Наибольшим числом формальностей обставлено возникновение тех артелей, которые с самого момента образования становятся в некоторую и довольно прочную зависимость от общественных учреждений, земских, городских, администрации. Эти учреждения, считая возникающие артели важным средством для достижения определенных целей, стараются в самом начале создать такие условия, которые обеспечили бы существование и крепость союза. В тех случаях, когда артель возникает при материальном пособии отдельных лиц или общественных учреждений, сознается необходимость еще более подробного регламентирования первых шагов союза, еще более точного определения тех условий, которые должны быть выполнены до образования артели. Здесь речь идет уже не только о том, чтобы обеспечить существование союза, но и о создании гарантий уплаты капитала, выданного артели в ссуду. Первый пример представляют московские биржевые артели; возникновение каждой из них обставлено многочисленными условиями. О желании образовать артель должно быть заявлено не менее как 25 лицами, которые и обязаны представить в биржевой комитет вклад в размере 200 руб. на человека и удостоверение 20 биржевых купцов, что они считают учреждение этой артели целесообразным и готовы давать ей поручения. Одновременно с этим должна быть представлена такса платы за работы, подписанная $\frac{2}{3}$ членов артели и 20 биржевыми купцами. Затем артельщики должны обязаться довести свои вклады до 1000 руб. в следующем порядке: до 500 руб. вклады пополняются процентами и ежегодными взносами в 20 руб., а сверх 500 руб. – только нарастающими процентами¹. Мероприятия со стороны биржевого комитета, устанавливающие известные правила для образования биржевых артелей, вполне понятны. Комитет смотрит на себя как на защитника интересов уже существующих артелей, а потому и старается оградить их от соперничества, если только соперничество не вызывается естественно возросшим спросом на работы биржевых артелей. Доказательством увеличившегося спроса служит заявление 20 купцов о целесообразности образования новой артели. Затем, комитет смотрит на себя и как на охранителя имущественных интересов купечества, пользующегося услугами артелей: отсюда требование вклада определенного размера для составления капитала, который предназначается на покрытие убытков, причиненных артелью ее хозяевам. Образование артельных сыроварен также обставлено некоторыми условиями. Желание об устройстве сыроварни выражается в приговоре всего сельского общества. Приговор необходим, так как сыроварни устраиваются обыкновенно или на земские ссуды, или на средства частных лиц; постановляя приго-

¹ Правила для биржев. артелей в Москве. § 2–9.

вор, общество изъявляет согласие на постройку здания на общественной земле. Подписываются на приговоре лица, более или менее состоятельные, отвечающие всем имуществом за капитал, затраченный на сыроварню. Эти первые подписчики и являются учредителями, принимающими к себе новых членов¹. Когда здание выстроено, оно сдается подписчикам, и с этого момента можно считать законченным образование артели для сыроварения. Артели кузнецов в Тверской губернии возникали и могли возникать только с помощью земских ссуд. Выдавая ссуды, управа ставила условия, которые обязательно должны были быть выполнены каждой артелью. Помимо срока выплаты ссуды был определен известный порядок в отношениях к наемным рабочим, употребляемым в артелях, образовании капитала и т. д. Ни одна артель не могла получить ссуду, то есть не могла возникнуть до обязательства исполнить эти требования земской управы. Подобное же этому мы находим и в нижнетуринской механической артели. Администрация одобрила образование артели для нарезания трубок, но потребовала, чтобы артель пригласила особого распорядителя для заведования работами². Такого рода предварительные условия встречаются при образовании и многих других артелей, возникающих при стороннем содействии.

Каков личный состав артелей? Каким условиям должно соответствовать лицо, желающее вступить в члены исследуемых нами союзов?

Мы можем признать за общее положение, что чем менее продолжительно существование артели и чем менее интересов своих участников поглощает союз, тем менее требования, которые артель ставит вступающим, и наоборот. Если группа, образующая артель, имеет целью только сдвинуть барку, севшую на мель, то незначительность личных интересов, затрагиваемых артелью, делает почти излишним чем-либо ограничивать вступление участников. Степень имущественной обеспеченности, нравственные качества и даже рабочее искусство лица не имеют влияния на успех дела; нужна только телесная сила, а потому всякий, присоединившись к группе, становится членом артели. Такая же простота отличает прием членов и в некоторых охотничьих артелях. Двое идут на охоту, встречают третьего и принимают его в товарищи; уже один факт, что этот третий имеет ружье, достаточно ручается, что он может быть годным участником в общем несложном деле. Но эта крайняя простота в приеме членов отличает только наименее сложные артели. Раз достижение поставленной цели сопряжено с некоторыми трудностями, от вступающего требуется выполнение известных и нередко многочисленных условий. Одни из этих условий ставятся, так сказать, стихийно, особенностями данного вида труда или склада жизни людей, в среде которых образуются

¹ Эдемюв. Артельн. сыроварни Ярослав. губ. // Сб. I, 158.

² Белов. Нижнетур. механ. артель. 172-3.

артели, другие же сознательно или освещаются обычаем, или вносятся в артельные уставы и утверждаются подлежащей властью.

1) *Пол* имеет влияние на приобретение членства, потому что все артели занимаются промыслами, в которых применяется исключительно мужской труд; для женских работ образуются только немногие артели. В силу этого большинство артелей состоит из членов одного пола. Исключением являются артели половинщиков в южных губерниях¹ и пушниц². В состав первых входят мужчины, женщины и дети, второй – женщины и дети (вероятно, обоего пола).

2) *Семейное состояние* лица также определяет иногда вступление в артель. Влияние этого момента сказывается там, где занятие промыслом, с целью которого возникает артель, возможно только в известном семейном состоянии. Артели нежинских табачниц составляются исключительно из девиц³. Это объясняется неудобством для замужних женщин или вдов, имеющих хозяйство на своих руках, отлучаться из дома для уборки табачных плантаций.

3) Дальнейшим условием служит *родство*. Ни в одной артели родство с членами не является условием, которое вступающий обязательно должен удовлетворять; но в некоторых артелях оно облегчает приобретение членства. Артели половинщиков в малороссийских губерниях составляются преимущественно из лиц, связанных родством. Нередко большая часть членов артели принадлежит к одной семье. Это придает союзу семейный характер, влияет на склад управления⁴. Артели парильщиков в Петербурге предпочитают избирать в члены родственников артельщиков – сыновей, братьев, племянников⁵. То же находим мы в артели лоцманов в Архангельске. В ней издавна сохранился обычай вербовать членов преимущественно среди детей или братьев лоцманов; при этом предполагается их ранний навык к лоцманскому делу⁶. Доступ в петербургские артели купоров также облегчается родством. Если отец вкупает сына или брат брата, то вкупная сумма понижается⁷.

4) *Факт местожительства* обращает на себя внимание как немаловажное условие, определяющее доступ во многие артели. Все, входящие в состав одного сельского общества, связаны между собой тесными узами. Крестьяне одной деревни находятся в непрерывном общении то в сво-

¹ *Щ-на*. Южнорус. артели // Неделя. 1876, 44–5.

² СПб. ведом. 1878, 79.

³ *Шликевич*. Там же. 253.

⁴ *Щ-на*. Там же. 44–5.

⁵ Ведом. СПб. гор. пол. 1871, 136.

⁶ *Огородников*. Лоцман. арт. 83–4.

⁷ *Немиров*. Там же. 148.

их отношениях по земле, то по другим многочисленным интересам мира. Новое поколение подрастает на глазах у старого; каждый взрослый член общества знает почти наперечет и поименно всех детей своих односельчан; каждый приблизительно знаком с нравственными качествами своих соседей; каждый уверен, что в общем деле можно скорее положиться на односельчанина, чем на людей чуждых. А потому понятно, что многие артели составляются преимущественно из односельчан. Кроме близкого знакомства, соседство имеет решающее значение на вступление в артель еще и потому, что нередко местожительство членов есть в то же время и место занятия промыслом. В селениях, лежащих по рекам и озерам, артели для ловли рыбы, естественно, образуются из односельчан; большая часть жителей данной деревни имеет орудия, необходимые для ловли рыбы; желание каждого быть поближе к семье побуждает крестьян вступать в артели с односельчанами. Таким образом, большинство рыболовных артелей составляется из жителей одной деревни. Мы находим это на Ростовском озере¹, озерах Новгородской и Псковской губерний и др. Общине в Вологодской губернии составляются обыкновенно из односельчан². То же встречаем мы среди так называемых согласных артелей крючников в Рыбинске. Эти артели составляются преимущественно в Смоленской и Тверской губерниях из крестьян одной деревни и удерживают свой первоначальный состав в течение всего времени навигации. В северо-восточной Сибири артели охотников составляются также из жителей одного селения.

5) *Общественное положение лица*, принадлежность к известному сословию также не остается без влияния на право вступления в члены. В большей части артелей, слагающихся в деревнях, членами являются исключительно крестьяне. Некоторые артели, возникшие при стороннем содействии, также ставят приобретение членства в зависимости от общественного положения лица. Так, в петербургские артели десятников принимались только мещане или «маломочные» купцы³. В артель вязчиков в Архангельске принимались исключительно архангельские мещане⁴. Члены балластной артели в Архангельске должны быть также из архангельских мещан⁵. Во всех этих случаях признание права на вступление в артель только за лицом известного сословия объясняется стремлением общественных учреждений, устраивающих артели, открыть для этих сословий новый источник заработков. Нечто подобное мы находим и в павловской складочной артели. Устав ее

¹ Артынов. Село Угодичи.

² Из Вологод. губ. // Русск. ведом. 1880, 8.

³ Немиров. Там же. 175.

⁴ Ефименко. II, 125.

⁵ Федоров. Балластн. арт. 185.

позволяет принимать в члены жителей села Павлова и окрестных селений с тем, однако, различием, что лица, занимающиеся металлическим производством, могут быть принимаемы простым большинством голосов, а не занимающиеся – большинством в $\frac{2}{3}$. Эта разница объясняется тем, что первые, уже по характеру своих занятий, могут быть теснее связаны с артелью, чем вторые. Здесь же я упомяну об артелях, которые относятся, по-видимому, безразлично к общественному положению своих членов. Примером безразличного отношения могут служить рыболовные артели – *забродческие ватаги* – на черноморском и азовском побережьях. В состав их входит всякий гуляцкий и беспаспортный люд: здесь есть и великороссы, и малороссы, и греки, и молдаване; и дворяне, и крестьяне, и студенты, и недоучившиеся гимназисты¹. Чрезвычайная пестрота в личном составе ватаг объясняется легкостью для человека, с одной стороны, удовлетворить свои потребности при мягком климате наших южных окраин, а с другой – укрыться от преследования закона. Бродяга бежит в ватагу и, находя ее составленную главным образом из таких же гуляцких людей, как и сам, без труда принимается в артель. Таким образом, при всей пестроте ватаг, внесословность членов делает их людьми одинакового общественного положения.

б) *Рабочая сила* вступающего имеет большое значение для производительных артелей. Раз силы участников неравны – вероятность успеха общего дела уменьшается. Мы находим во многих артелях требование от вступающего, чтобы он обладал телесной силой, приблизительно равной силе прочих участников. Одни артели исходят из предположения, что сила человека стоит в прямой зависимости от возраста, и определяют возраст, дающий право на вступление в артель. Так, в члены общих Вологодской губернии принимают только мужчин в возрасте полной рабочей силы². Вступающий в артель лоцманов должен быть не моложе 18 и не старше 60 лет³. В биржевые артели принимаются мальчики с 14-летнего возраста; артельщик в 18–20 лет считается достигшим полной рабочей силы и освобождается от взноса береговых денег⁴. В большинстве артелей не определяется возраст, дающий право на приобретение членства; но рабочая сила вступающего легко может быть известна артели, если союз составляется из членов, знакомых между собой. Нежинские табачницы наблюдают за тем, чтобы все артельщицы были равны по телесной силе, ловкости и трудолюбию⁵. В члены плотничьих артелей, слагающихся в Вологодской губернии,

¹ Щ-на. Южнорус. артели // Неделя. 1876, 34–5.

² Из Вологод. губ. // Русск. ведом. 1880, 8.

³ Журн. Мин. пут. сообщ. 1874, III, 53.

⁴ Немиров. Там же. 47–50.

⁵ Шликевич. Там же. 253.

принимаются только взрослые мужчины; при этом стараются выбирать людей равносильных¹. На телесную силу вступающего обращают внимание и артели парильщиков; в этих же артелях и возраст, дающий право на вступление, ограничен 60 годами². То же мы находим и в артелях крючников. Вольные артели, составляющиеся на бирже в Рыбинске, подыскивают себе в участники таких лиц, которые легко могут носить вчетвером куль зерна. Люди, не обладающие такой силой, сами не идут в артели.

7) Но телесная сила еще не достаточна, чтобы сделать человека вполне пригодным членом союза. Многие занятия, в коих применяется артельное начало, требуют известного навыка, знания приемов – словом, *рабочего искусства*. В интересах артели – принимать членов, обладающих одинаковым рабочим искусством. Так, артели опытных охотников в Сибири уклоняются от приема юношей, только начинающих заниматься охотничьим промыслом. Способы, с помощью которых артель убеждается в пригодности вступающего, весьма различны. В одних артелях рабочая пригодность вступающего ставится в зависимость от таких условий, в наличности которых убедиться нетрудно. Так, биржевые артели требуют, чтобы вступающий был грамотен и не имел каких-либо крупных телесных недостатков. И в грамотности человека, и в неимении крупных недостатков можно убедиться без труда, а потому артель и не нуждается в сроке, чтобы решить о пригодности в члены данного лица. В тех же артелях, где нельзя сразу определить рабочее искусство участника, назначается известное пробное время, в течение которого артель знакомится со вступающим и, находя его годным, принимает, в противном же случае не допускает в свою среду. Земледельческие артели в Казанской губернии принимают как простого работника каждого, желающего стать членом. В этом положении он остается до тех пор, пока артель не успеет познакомиться с ним³. В артелях, имеющих официальное положение, рабочее искусство лица, желающего стать членом, доказывается выполнением известных формальностей. Иногда формальности эти состоят в прохождении школы правильного ученичества. Так, в селе Важи-нах в лоцманскую артель принимаются в качестве членов только те лица, которые пробыли 5–7 лет лоцманскими учениками, изучили обязанности по проводу судов и познакомились с руслом реки⁴. Желавший поступить в артель десятников должен был сдать экзамен перед лицами, специально знакомыми с браковкой товара⁵.

¹ Из Вологод. губ. // Рус. вед. 1879, 218.

² Вedom. СПб. гор. пол. 1871, 136.

³ *Надеждин*. Артели... // Земледельч. газ. 1874, 47.

⁴ СПб. вedom. 1873, 129.

⁵ *Немиров*. Там же. 175.

8) *Свобода от всякой обязательной работы.* В московские биржевые артели могут вступать все, «не имеющие никаких служебных обязанностей по найму». Это требование ставится с той целью, чтобы член мог принести на служение артели всю свою рабочую силу¹.

9) *Нравственные качества* участников, с одной стороны, необходимы для успешного достижения поставленной цели, с другой же – оказывают влияние на степень доверия, которую возбуждает артель в своих внешних сношениях. Артель зверовщиков, например, может промышлять успешно только в том случае, если все ее члены обладают мужеством, необходимым для охоты на медведей. Хотя мы не встречаем прямых указаний на требование артелью от вступающих этого качества, однако вправе предположить, что охотник, нашедший логовище, подбирает наиболее мужественных товарищей. Многие артели требуют, чтобы вступающий был человек трезвый и честный. Так, желающий стать лоцманом на Вышневолоцком канале должен быть человеком трезвым и безукоризненного поведения. Он зачисляется в комплект только по одобрении его 100 комплектными лоцманами и 6 старшинами². Артель парильщиков требует, чтобы вступающий нашел себе поручителя среди членов. Поручитель отвечает за нравственные качества нового товарища³. То же находим мы в артелях извозчиков Сычевского уезда. Люди дурного поведения не принимаются, так как артель получает работу только при надежных членах⁴. Артель музыкантов в Щекоцанах принимает только людей трезвых, чтобы члены «своим поведением не срамили артели»⁵. Такие же требования встречаем мы в биржевых артелях. Постановление Новокорпусной артели предписывает⁶ «вкупать исправных и честного поведения людей». Хотя уставы многих биржевых артелей и не делают прямых указаний на нравственные качества как необходимое условие вступления, однако высота ценностей, которые купечество доверяет артельщикам, побуждает последних принимать к себе в товарищи людей надежных, лично известных нескольким членам, которые и ручаются перед артелью за выступающего⁷.

10) Последним условием, которое должен иногда выполнить вступающий, является *внесение известной доли в артельный капитал*. Многие артели не требуют от своих членов имущественных взносов, потому что производимые работы, по самому характеру, не нуждаются в капитале. В большинстве

¹ Правила... § 15.

² Журн. Мин. п. сообщ. 1874, III, 53.

³ СПб. вед. 1865, 220.

⁴ Артели в Сычевск. уезде. 196.

⁵ Москов. вед. 1876, 56.

⁶ Ст. 17.

⁷ *Немиров*. Там же. 52.

этих артелей каждый член должен иметь свое орудие (например, каждый крючник должен иметь свой крюк), работает ли он в артели или в одиночку, а потому такие артели, принимая членов, не требуют от них каких-либо имущественных взносов. Наконец, есть целая группа артелей, в которых члены не вносят долей капитала, так как все промысловые орудия и съестные припасы, необходимые для содержания артельщиков во время работы, поставляются одним лицом, предпринимателем. Такой порядок мы находим, например, на новоземельских моржевых промыслах¹ и во всех других артелях покрученников. Во многих же артелях члены обязаны образовать артельный капитал последовательными взносами. Как различна высота этих взносов, прямо обуславливаемая родом промысла, так различна и форма их. В артелях старинного происхождения, слагающихся в деревнях, взносы членов делаются часто в натуральной форме или же частью в натуральной, частью в денежной. В артелях охотников Восточной Сибири каждый участник при отправлении на промысел должен взять ружье и количество съестных припасов наравне с другими товарищами². То же находим мы среди артелей рыбаков как на морях, так и на внутренних водах. На семужьем промысле, например, тонщики, участвующие в одной тоне, образуют артель и составляют общий капитал равными взносами орудий лова и съестных припасов³. В Печорском крае при ловле семги каждый должен принести 300 сажень сетей и 30 кольев⁴. На Чудском озере каждый член рыболовной артели должен принести собственные тенета – крыло невода, для покупки же срединной части невода – матки – все члены делают при вступлении одинаковые денежные взносы⁵. Взносы натурой преобладают и в артелях, снимающих на подряд содержание обывательских и постовых станций в Архангельской губернии. В этих артелях нередко участвуют все домохозяева, имеющие лошадей; последние вместе с повозками, дугами и другими принадлежностями и образуют капитал артели⁶. В артелях более нового происхождения преобладают денежные взносы, хотя и натуральные не устранены: так, в петербургской столярной артели каждый член должен внести в артельный магазин мебели на 50 руб.⁷. В других артелях вступление члена сопряжено с уплатой только денежного взноса. Высота взносов весьма различна. Тогда как в артелях разносчиков газет, например, взнос не превышает 25 руб., архангельской балластной – 50 руб., в

¹ *Ефименко*. Там же. I, 26–7.

² *Черкасов*. Там же. 690.

³ *Ефименко*. Там же. II, 55.

⁴ Отчет Комиссии по исследованию Печорского края. Архангельск, 1867 (без нумер. с.).

⁵ *Коген*. Рыболов. артели на Чудск. оз. // Гдов.-Ямбург. лист. 1872, 21.

⁶ *Ефименко*. Там же. II, 155.

⁷ Устав с.-петерб. столярн. артели. § 12, г.

московской артели половых он достигает 500 руб. Особенно значительных взносов требуют биржевые артели и некоторые другие, родственные биржевым по роду занятий. Московские биржевые артели, стоящие в зависимости от биржевого комитета, требуют от члена, вступающего в момент образования артели, 200 руб.¹. В петербургских от вступающего требуются также значительные денежные взносы. Эти взносы, называемые *вкупом*, *вкупными деньгами*, *новизной*, составляют в петербургских артелях 800–1600 руб.; так как от вступающего требуют взноса, равного доле общего капитала, приходящейся на каждого артельщика, то вкупе тем выше, чем древнее артель, чем больше ее капитал. Взнос всей суммы рассрочивается на несколько лет; при вступлении же член обязуется внести *передовые деньги*. В Метелкиной артели в счет полного 900-рублевого вкупа вносятся при вступлении 200 руб.², в Стевартовой – 300³. В некоторых артелях передовые деньги вычисляются в размере 2–3 руб. на каждого наличного артельщика. Но, кроме вкупных денег, вступающий вносит одновременно в капитал артели не больше 100 руб., затем небольшие суммы, в сложности 30–70 руб. на угощение, на масло к артельному образу и на артельный такелаж⁴. Таковы взносы людей, поступающих в биржевые артели в полном рабочем возрасте. Если поступает мальчик до 18 лет, то, сверх вкупа, он вносит так называемые *береговые деньги* или *нанос*, составляющие 90–100 руб. за каждый год членства до достижения вступившим 18–19 лет. Требование береговых денег артели мотивируют тем, что мальчик не приносит артели больших выгод, что его нужно *беречь* (то есть почти не пускать в работу) в течение нескольких лет⁵. Петербургские дрягили требуют от вступающих взноса в 600 руб.⁶. В артели петербургских купоров от взрослого вступающего требуется 1500 руб., от несовершеннолетнего, сверх того, нанос⁷. В этих и многих подобных им артелях столь высокие денежные взносы назначаются частью (в московских биржевых артелях) для того, чтобы образовать капитал обеспечения, могущий служить для покрытия убытков, причиненных кому-либо артели, частью (вкупные деньги) для того, чтобы связать с высокими заработками, ожидающими человека в артели, и значительное пожертвование. В большинстве артелей все вступающие делают одинаковые взносы. Исключением являются, например, те рыболовные артели, где взносы обязательно неравны. На Белоозере рядовые члены

¹ Правила для биржев. артелей в Москве. § 2.

² Постановл. Метелк. артели. § 1.

³ Постановл. Стевартов. арт. § 1.

⁴ *Немиров*. Там же. 50.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 159–60.

⁷ Там же. 148–9.

вносят в общий капитал только редкие сети, в одинаковом количестве, а ватаман – более ценную часть невода – матицу¹.

Самый прием членов сопряжен в простейших артелях с немногими формальностями. В таких союзах, как артели охотников, рыболовов и др., момент вступления членов совпадает с моментом образования артели. Все вышесказанное о последнем может быть применено и к первому. В тех артелях, где допускается продажа и покупка мест, прием членов также не очень сложен. Так, в петербургских заугорских артелях есть определенное число мест, и каждое считается принадлежащим на правах частной собственности занимающему его артельщику. Последний может продать свое место кому угодно и на каких угодно условиях. Купивший только подписывает обязательство в исполнении всех правил артели². В московских биржевых артелях также практикуется продажа мест как самим артельщикам, так и их наследникам. Впрочем, в каждом данном случае право покупки места признается только общим собранием³. Покупку мест мы находим и в некоторых древнейших артелях. Так, у чудских рыболовов член может продать свое место кому угодно, но купивший принимается в члены только с согласия всех участников⁴. Из новейших артелей большей простотой отличается прием членов в артельные сыроварни. Простое заявление старосте и получение артельной книжки считаются достаточным для вступления. Эта простота объясняется слабым личным соприкосновением между членами таких артелей. Большими формальностями обставлен прием членов в те артели, которые не допускают продажи мест, и особенно те, за которыми признается официальный характер. Во всех петербургских биржевых артелях члены принимаются на общих собраниях. Если же вступающий хорошо известен нескольким артельщикам, то его может принять и малое собрание «у образа». После общей молитвы вступающий подпиской обязуется повиноваться правилам артели; за несовершеннолетних подписку дают их поручители. Затем вступающий вносит артельному старосте деньги, которые и отмечаются в особой вкупной книге вместе с именем, отчеством, фамилией, возрастом вступившего и т. д. Прием заканчивается угощением⁵. В петербургской и архангельской дрягильских компаниях вступление нового члена зависит от наличности вакансий. На открывшуюся вакансию сама артель выбирает новых членов. Приговор артели поступает на утверждение таможенного начальства. Последнее не имеет права отказать без уважительных причин, предусмотренных законом. Затем вступающий

¹ Рыболовн. арт. в Белозер. уезде. Там же. 201.

² *Немиров*. Там же. 167.

³ Прав. для биржев. арт. в Москве. § 27–8.

⁴ *Коген*. Артели чудск. рыбаков. // Гдовско-Ямбург. лист. 1872, 48.

⁵ Там же. 52–3.

должен принести присягу¹. То же нужно было и в артели десятников: желавший сделаться членом должен был получить аттестат от нескольких купцов, торгующих пенькой или льном, сдать экзамен по браковке товаров и принести присягу². Вступление в лоцманы также обставлено значительными формальностями. Желавший вступить в лоцманскую артель на Свири должен отписаться от общества, то есть получить приговор волостного схода в том, что последний ничего не имеет против поступления данного лица в лоцманы. Приговор представляется во 2-й округ путей сообщения, а затем о приговоре доводится до сведения дистанционного зрителя. Вступление сопряжено с подарком зрителю в 25 руб.³. В петербургских купорных артелях о каждом вступающем доводится до сведения ремесленной управы⁴.

Вступая в артель, член принимает на себя целый ряд обязанностей, которые в совокупности имеют целью способствовать успехам общего предприятия. Чем теснее узы между участниками, тем сильнее и зависимость всего союза от каждого, а потому тем многочисленнее и обязанности каждого члена, и наоборот. Все обязанности могут быть сведены к 3 группам.

1) *Обязанность члена участвовать* (производительные артели) *в общем деле своим трудом*. Хотя в артелях, регулируемых обычным правом, и нет такой осязательной формы, в которую облекалось бы обязательство членов содействовать трудом общему делу, однако и в них есть эта обязанность. Она подразумевается при всех требованиях, с которыми такие артели относятся в телесной силе, рабочему искусству или мужеству принимаемых членов. Если, например, плотничья артель или обчая принимает в члены только людей известного возраста, то при этом подразумевает, что в таком возрасте человек может успешно трудиться и тем исполнять обязанность относительно союза. Но во многих артелях эти обязанности получают точное формулирование. Все члены артелей, содержащих почтовые станции в Архангельской губернии, обязаны поочередно «стоять на яму» с таким числом лошадей, которое оговорено в условии⁵. Члены балластной артели в Архангельске обязуются лично участвовать в артельной работе⁶. Правила, выработанные для московских биржевых артелей, запрещают членам работать в будни за свой счет и тем косвенно вменяют в обязанность участвовать в труде артели. Петербургские биржевые артели до мелочей формулируют обязанность члена трудиться в интересах целого. Прежде всего, каждый должен исполнять ту работу,

¹ Немиров. Там же. 159–60 и Федоров. Дрягил. комп. Там же. 115–6.

² Немиров. Там же. 175.

³ Лоцман. артели на р. Свири // Неделя. 1870, 43.

⁴ Немиров. Там же. 148.

⁵ Ефименко. Там же. II, 155.

⁶ Федоров. Балластн. арт. 197.

которую возложит на него артель. Не имея возможности являться на работу, артельщик должен отписаться от артели, то есть заявить на собрании о невозможности работать. Отпуск дается на продолжительные сроки до 1 1/2 и 3 лет; но, освобожденный от обязанности работать в артели, член теряет на все время отпуска право получать долю из общего заработка, хотя на нем и в отпуске продолжает лежать такая же ответственность, как и на других членах. В некоторых артелях отписка, которая чаще случается летом, обложена особым сбором «за нелетованье». Так, Гленова артель взимает за первое лето 3 рубля, за 2-е – 6 руб. и за 3-е – 9 руб. Но, отпуская члена на продолжительные сроки, артель удерживает за собой право во всякое время вытребовать его обратно под страхом исключения¹. Обязанность личного труда членов еще более необходима в тех артелях, участники которых предполагаются специально подготовленными к своему делу; в этих случаях замена артельщика кем-нибудь может нанести прямой ущерб третьим лицам, а косвенно и артели. Таково положение лоцманов: лоцман должен отчаливать на своей лодке от берега немедленно по получении знака от приближающегося судна². Наконец, иногда вменяется в обязанность работать членам и тех артелей, основания для которых положены сторонними лицами, дающими артелям заказы. Такой порядок мы встречаем в артели при доменных и литейных работах на Кушвинском заводе: всякий артельщик, не явившийся на работу 3 раза в течение месяца, исключается из артели³.

2) Помимо участия личным трудом, члены многих артелей обязаны делать определенные взносы в общий капитал. В артелях, образующихся на короткое время, как рыболовных и других, капитал составляет в момент возникновения артели; в последующих взносах обыкновенно нет надобности. В тех же артелях, которые образуются на продолжительное время, нужен значительный капитал, и члены могут составить его только постепенно. Обыкновенно артели определяют размеры и сроки членских взносов. Так, в Павловской складочной артели член должен был составить свой пай еженедельными взносами в 50 коп.⁴ В Петербургской столярной артели взнос в 25 руб. должен быть уплачен в течение 7 дней по вступлении в артель, а 50-рублевый взнос мебелью должен быть сделан в течение 3 месяцев⁵. Значительность капиталов биржевых артелей побуждает их рассрочивать членские взносы на несколько лет. В московских артелях каждый артельщик должен вносить в капитал обеспечения 20 руб. в год и, сверх того, оставлять при ка-

¹ Немиров. Там же. 67–70.

² Огородников. Лоцман. арт. Там же. 81.

³ Попов. Материалы... // Сб. Перм. зем. 1874, I, 46.

⁴ Устав павлов. складоч. артели.

⁵ Устав с.-петерб. столяр. арт. § 10 и 12.

питале нарастающие проценты до достижения им известной высоты¹. В некоторых петербургских артелях определен срок для полной уплаты вкупной суммы. В Полуярославской и Козухиной артелях вкуп должен быть внесен не позднее, чем через 4 года; из них в первые 3 года – по 200 руб., а в 4-й – все остальное. В других артелях определяется доля вкупных денег, которая удерживается из заработков членов при ежегодном дуванном расчете: в Калужской артели вычитается по 40 руб., в Метелкиной – по 100 и т. д. Но есть артели, в которых не установлено ни срока полной оплаты пая, ни размера взносов. Каждому члену обеспечивается известная доля из общего заработка; она составляет 10–15 руб. в месяц и выдается ему на руки; все же, причитающееся сверх этой доли, удерживается артелью. При таком порядке оплата вкупа может растянуться на много лет². Последний способ составления вкупа покоится на более правильных основаниях, так как члену гарантируется *minimum*, необходимый для существования, и только излишек поступает в капитал артели и собственность отдельных членов; если принципиальные недостатки первой системы не заявляют о себе громко, то лишь потому, что биржевые артели имеют хорошие заработки, позволяющие делать значительные вычеты из долей членов. Кроме оплаты вкупа и долей в капитале, члены биржевых артелей обязаны делать в известных случаях и другие взносы: «свадебное» – при вступлении в брак; «за заработание артели» – при переходе из новичков в старики и т. д. Эти взносы всегда составляют несколько руб.³.

3) Наконец, третья группа обязанностей касается *поведения членов* в широком смысле слова.

а) Для того, чтобы предприятие имело успех, необходимо установление строгой дисциплины и признание ее всеми участниками. На беломорских промыслах мы встречаем образцовую артельную дисциплину. Опыт показал, что промыслы сопряжены с опасностями; отсюда – беспрекословное повиновение кормщику⁴. То же находим мы и в биржевых артелях: всякий артельщик должен повиноваться старосте беспрекословно: «а нам, артельщикам разных ведомств, быть навсегда послушным старосте Егору Евсигнееву, не делать никакого противоречия как в гостином дворе при распоряжении и посылках в работу, равно и на квартире»⁵. Подобную же строгую дисциплину мы находим и в других биржевых артелях, а также в артелях лоцманов, дрягилей и т. д.⁶.

¹ Правила для биржев. артел. в Москве. § 9.

² *Немиров*. Там же. 50–1.

³ Там же. 68.

⁴ *Ефименко*. Там же. I, 29.

⁵ Постановление Ильинско-Мазурин. арт. § 1.

⁶ Наказ старосте дрягилей 1827 г.

б) Качество работы членов и отношения их к третьим лицам должны быть таковы, чтобы артель внушала к себе полное доверие. Доверие может быть упрочено только тщательным исполнением артелью ее обязанностей, а потому многие артели и требуют, чтобы члены удовлетворяли этим условиям. Так, устав Петербургской столярной артели вменяет членам в обязанность исполнять все работы хорошо и дешево, к сроку; в случае слишком большого заказа – передавать часть его товарищам, сторонним же лицам – только в случае отказа первых. Если изделие артельщика, поставленное в общем складе, окажется «неисправным», то владелец должен немедленно починить его¹. Особенно подробно перечисляют правила некоторых биржевых артелей обязанности артельщиков по отношению к работе. Согласно, например, постановлению Московской артели, члены обязаны «производить работы при порте, на буянах и в других местах, исполнять в точности хозяйские приказы и работы, повиноваться избранным старосте, писарю и амбарному... во время работ повиноваться тому, кому старостой будет доверен хозяйский приказ, хотя бы тот был летами моложе; не возвышаться один перед другим старшинством, или званием, на работах и при выполнении поручений быть трезвым... не заводить ссор, а тем более драк и удерживаться от непристойных выражений...»².

в) Как в деловых, так и во всех других отношениях артельщики не должны ни словами, ни даже намеком вредить интересам союза. Артельщики никогда не должны хулить свою артель, дабы хозяин ее не обратился к услугам другой артели³.

г) Наконец, если во внешних сношениях члены некоторых артелей должны считать своим девизом «верность и честность»⁴, то в отношениях между товарищами должны господствовать искренность, готовность помогать друг другу во всяком несчастном случае. Вышеприведенные обряды, которыми сопровождается образование артелей для охоты за медведями, содержат в себе такие взаимные обязательства участников. Тот же элемент можно подметить и в благотворительности многих биржевых артелей, их гуманном отношении к больному члену. Наиболее подробной регламентацией в этом отношении отличается Морской устав, составленный в середине прошлого века для новоземельских промышленников. Устав не был чем-либо новым; он явился только изложением в письменной форме обычаев, которыми искони определялись отношения в среде новоземельских артелей⁵. Согласно

¹ Устав... § 12.

² Ст. 24.

³ Там же. Ст. 29.

⁴ Там же. Ст. 23.

⁵ *Ефименко*. Там же. I, 13.

Морскому уставу, в случае соединения нескольких артелей в котляну, каждая артель должна оберегать суда всех других артелей, оставленные экипажем, от бури и затиранья льдом. Экипаж с судов, потерпевших крушение, должен быть вывезен бесплатно. Вещи с разбитого судна должны быть вывезены за дешевую плату. В случае вымирания всего экипажа судно должно быть приведено в порядок другими группами в ожидании хозяина и т. д.¹ Хотя этими положениями регулируются отношения между отдельными артелями, входящими в состав одной котляны, однако уже возможность вменить такой образ действий в обязанность целой артели доказывает, что между членами последней господствуют добрые и искренние отношения.

Обязанностям членов соответствуют и значительные права.

1) Первая группа прав участников касается *материальных выгод*, доставляемых им артелью. Прежде всего артельщик имеет право на долю общего заработка. Мы познакомимся ниже с началами, которыми руководствуются артели при распределении дохода; здесь же заметим, что, как ни различны основания, по которым распределяются продукты артельного труда, все члены союза, исполняя одинаковые обязанности, являются при распределении равноправными. Если за правило принято делить все доходы поровну, то каждый получает долю, одинаковую с долей товарищей, как мы то находим во многих артелях. Если доход делится в известном отношении между трудом и капиталом, то все, вносящие равные доли капитала, получают одинаковые доли; часть же, причитающаяся труду, делится обыкновенно поровну между представителями рабочей силы, лежащие на каждом из них. Такой порядок мы находим, например, в рыболовных артелях нашего севера. Исключения редки. Некоторые из новейших артелей подробно перечисляют права членов. Члены Петербургской столярной артели могут выставлять на продажу свои изделия в артельном магазине, принимать участие в исполнении артельных заказов, получать прибыли². Так как каждый артельщик может также становиться во главе исполнительной власти, то этой равноправности нимало не противоречит факт получения представителями исполнительной власти большей доли дохода по сравнению с рядовыми членами. Ей не противоречит то обстоятельство, что новики в биржевых артелях получают меньше стариков; ей не противоречит и то, что лоцманские ученики³ получают только половину пая. Как новик еще не исполнил своих обязанностей относительно артели, так и лоцманский ученик не может работать самостоятельно, а потому, понятно, они и не могут притязать на права, которые артели даруют старикам и взрослым лоцманам. Затем в биржевых артелях, купорных и дру-

¹ Там же. 63–71.

² Устав § 11 и С.Н. Петерб. склад. артель // Петерб. лист. 1873, 178.

³ Огородников. Там же. 86.

гих члены пользуются правом брать у старосты деньги раньше дувана в счет заработков¹. В связи с правом получать известную долю артельного дохода члены имеют право и на вспоможение со стороны товарищей в случае болезни. В некоторых артелях парильщиков член, оставаясь во время болезни дома, получает свою долю из общей выручки и лишается ее, когда переходит в больницу². Вообще артели проводят резкую границу между болезнями, случившимися «по воле Божьей», и недугами, вызванными укоризненным поведением заболевшего. В Коломбейской артели, например, член, заболевший по воле Божьей или на артельной работе, получает из заработков артели в течение года долю, одинаковую с долями здоровых³. Подобное же постановление находим мы в Стевартовой артели⁴ и в других. В Московской артели член получает свою долю из доходов в течение 6 месяцев болезни. Но «заболевшие болезнями сифилитическими или от пьянства происходящими сим преимуществом не пользуются»⁵. В петербургской купорной артели также признано право заболевшего члена на получение доли в течение 6 месяцев⁶. В Петербургской столярной артели член может «в особых случаях» получать вспоможение по постановлению общего собрания⁷.

Вторая группа прав члена касается *участия в управлении*. В артелях, утративших самостоятельность, право этого рода часто понижается до *minimum'a*; в артелях же независимых пределы этого права очень широки. Хотя в артелях последней группы не все члены могут удовлетворить те требования, которые союз ставит органам исполнительной власти, а потому и не все члены могут быть избираемы в должностные лица, однако юридически ни за одним из участников артели не отрицается право быть старостой, писарем, кассиром и т. д. Где, как в артелях рыболовов на озерах Новгородской и Псковской губерний, владелец матицы становится со *ipso* и руководителем предприятия, даже и там все члены могут на сходке сменить его и передать его власть любому из своих товарищей. В биржевых артелях право быть старостой переходит в обязанность руководить артелью. Затем члены имеют право участвовать в общих собраниях и подавать там только один голос. В петербургских биржевых артелях этим правом пользуется только совершеннолетний член, пробывший в артели не менее 3-х лет⁸.

¹ *Немиров*. Там же. 149.м.

² СПб. вед. 1865, 220.

³ Постановл. Коломб. арт. § 7.

⁴ Постановл. Стеварт. арт. § 9.

⁵ Постановл. Москов. арт. § 34.

⁶ *Немиров*. Там же. 149.

⁷ Устав § 11.

⁸ *Немиров*. Там же. 57.

В артелях, не имеющих капитала и составляющихся на короткий срок, *выход* членов не может быть сопряжен с какими-либо сложными формальностями. Если артель устраивается на несколько недель или месяцев, как охотничьи и рыболовные, то момент выхода члена в большинстве случаев совпадает с моментом разложения артели. Если рыбак вступил в рыболовную артель, то ему почти нет поводов выйти до окончания времени лова. Наконец, отношения в подобных союзах настолько просты, что стоит выходящему поставить кого-нибудь на свое место, и ничто не препятствует ему выйти из союза. Артели, имеющие значительный капитал и рассчитанные на продолжительное существование, отличаются иным характером. В течение многих десятков лет существования, например, биржевых артелей случаи выбытия члена или посредством добровольного выхода, или за смертью, исключением отнимают от союза известную рабочую силу и ставят перед артелью вопрос, как быть с долей имущества, внесенного членом в артельный капитал? Петербургские биржевые артели, стараясь обеспечить себя от частых перемен в личном составе и иметь в своей среде людей, сознающих выгоды, доставляемые артельным общением, определяют пробный срок, в течение которого всякий, вступивший в артель, может выйти из нее без ущерба. Этот срок – 6 месяцев; до истечения его член может выйти и получить от артели все внесенные деньги кроме сумм, уплаченных на артельный образ и угощение; сверх того, уходящий получает за работу 7–25 руб. в месяц. По истечении же 6-месячного срока выходящему не возвращаются сделанные им взносы¹. В случае добровольного выбытия расчеты биржевых артелей с выходящим членом касаются 3 пунктов: 1) причитающейся ему доли в артельном капитале; 2) заработков и 3) вкупных денег. Относительно всех трех пунктов есть существенная разница между расчетами артелей со стариками и новиками. Из артельного капитала старик получает или среднюю долю, приходящуюся на каждого члена, или в тех артелях, где доле каждого ведется особый счет, сумму, которая причитается ему. Из заработков выходящий получает долю на основании первого, следующего за выходом дувана. Что касается до вкупных денег, то они не выдаются выходящему; поступая, немедленно по взносе их, в руки отдельных членов, вкупные деньги считаются их частной собственностью. Взамен же вкупных денег выходящему уплачивается *вывод, выводные деньги*, равные 25–33% вкупных. Некоторые артели и до сих пор признают за вышедшим право на получение долей новизны от новиков, вступивших в артель во время членства выходящего; другие же – совсем отступили от этого правила². К выходящему новику все артели относятся гораздо более строго. Чем меньше внес новик, тем хуже его положение при выходе. Так, в Метелки-

¹ Там же. 54.

² *Немиров*. Там же. 109–13.

ной артели новик, внесший менее 600 руб. в счет вкупа, не получает ничего; кто внес более 600 руб., тот получает вывод, равный внесенному излишку¹. В Томсиной артели новик, уплативший половину вкупа, имеет при выходе право на половину вывода, причитающегося старику². Стевартова артель не дает никакого вывода новику, пробывшему более 6 месяцев³. В Козухиной артели новик не получает вывода, сколько бы лет он ни пробыл в артели и сколько бы ни заплатил в счет вкупа⁴ и т. д. Некоторые артели, как, например, Козухина, не выдают новикам и доли из артельного капитала. Наконец, при уплате заработанных денег выходящий новик приравнивается к наемному рабочему. Большинство артелей выдает им за работу по 10–15 руб. в месяц, что значительно ниже суммы заработков, причитающихся на артельщика при дуване⁵. Конечно, условия, с коими сопряжен выход новиков, довольно обременительны; затрудняя оставление артели, эти условия принуждают новиков уступать давлению со стороны органов исполнительной власти, и так как эти условия создаются обыкновенно стариками, то и вызывают часто неприязненные отношения между полными и неполноправными артельщиками. Хотя петербургские артели купоров и весьма близки к биржевым по своему складу, однако в них гораздо меньше разницы в положении старика и новика при выходе из артели. Полный артельщик получает выводные деньги в количестве 480 руб., которые и выплачиваются в 8 лет; кроме того, выдается доля заработков и часть запасного капитала. Если выходит новик, то при расчете с ним принимается во внимание число лет, проведенных им в артели. С каждым годом дальнейшего пребывания его в артели труд оценивается дороже. Если при расчете окажется, что он перебрал у старосты, то перебор не взыскивается с него, недобор не додается. Кроме доли заработков новик получает соответственную часть из материальных и новизных денег и часть запасного капитала. Пробыл новик 7 лет – артель позволяет ему доплатить разницу, недостающую до полного вкупа, и требовать полного вывода наравне со стариками⁶. Таким образом, артели купоров почти не знают различий между двумя группами, столь резких в некоторых биржевых артелях. В столярной артели все члены пользуются при выходе полной свободой. Всякий имеет право получить обратно вступные деньги и часть артельного капитала по расчету времени, в течение которого выходящий состоял членом⁷.

¹ Постановл. Метелкин. арт. § 7.

² *Немиров*. Там же. 117.

³ Постановл. Стеварт. арт. § 4.

⁴ *Немиров*. Там же. 117.

⁵ Там же. 114–19.

⁶ Там же. 151–2.

⁷ Устав петерб. столярн. арт. § 18.

Московские биржевые артели отличаются от петербургских своеобразным способом в изменении личного состава – это покупка и продажа мест. Право члена продавать свое место стороннему лицу не остается без дурного влияния на внутреннюю жизнь союза. На выход же членов оно действует очень выгодно, так как делает излишним те формальности, с которыми сопряжен выход из петербургских биржевых артелей. В последних нужно делать более или менее сложные выкладки, чтобы определить величину суммы, причитающейся выходящему; московские же не принимают на себя обязанности выплачивать выбывающим доли капитала: кто хочет выйти, тот объявляет о желании продать свое место, отыскивает покупателя и представляет его артели; в случае смерти артельщика место его продается наследниками. Если артель не соглашается принять представленного, то сама избирает нового члена, продает ему место и вручает выбывающему сумму, полученную за продажу. Таким образом, выход очень свободен и все получают тот капитал, который внесли в обеспечение исправности артели¹. В тех артелях, которые занимают официальное положение, выход членов несколько затруднен. Так, члены дрягильских компаний могут выходить только с разрешения таможенного начальства². В случае смерти члена артели рассчитываются с его наследниками как с добровольно выходящим товарищем.

Кроме добровольного выхода и смерти, связи между артелью и членом порываются *исключением* последнего. Исключение вызывается мотивами двоякого рода: 1) сознанием, что член не обладает достаточными силами для участия в работах артели и 2) сознанием нравственной негодности участника. В последнем случае исключение является наказанием, а потому и влечет за собой иные последствия, чем в первом. С ясно выраженными мотивами первого рода мы встречаемся в законоположении об архангельских лоцманах, восходящем к 1741 году. Лоцман, потерявший на службе здоровье и не способный исполнять свои обязанности, исключается из лоцманов, какого бы он ни был возраста; исключаются также все, достигшие 60 лет. Но сознание об их неспособности работать побуждает законодателя даровать им льготы – освободить их от всех податей и повинностей³. Биржевые артели не определяют возраста, когда член по неспособности работать подлежит исключению. Это легко понятно, тогда как престарелый человек вовсе не может исполнять обязанности лоцмана, на долю биржевых артелей выпадают занятия, которые примиряются (заведование амбарами, хранение кассы) с самым преклонным возрастом. Но мотив первого рода сказывается при исключении членов, пораженных продолжительной болез-

¹ Правила для биржев. артел. в Москве. § 26–8.

² Полож. о дрягилях. § 12.

³ Св. зак. т. XII; Устав пут. сообщ. Ст. 310–14.

нью. Предполагается, что после такой болезни человек уже не пригоден ни к какой работе. Но исключая такого члена, артель дает ему вывод и другие суммы, причитающиеся на его долю. Так, по постановлению Новокорпусной артели, в течение целого года больной член пользуется в артели всеми правами наравне со здоровыми. По истечении же года «таковому от артели и работы отказать вовсе и заработанных денег не давать, только положенный вывод ему отдать и новизные деньги получать, как и прочим наравне»¹. Такой же порядок принят в Стевартовой артели² и большинстве остальных. Исключение, вызванное сознанием артели о непригодности члена, является наказанием, а потому и сопряжено для исключенного с имущественным ущербом. Так, в постановлении Московской биржевой артели мы читаем: «Если артельщик выходит из артели не по собственному желанию, но за какие-либо проступки или предосудительное поведение исключается из оной, или по приговору ее, или по требованию начальства, даже и не будучи должен ей, лишается вывода». По этому постановлению, исключенный не получает только вывода, но не теряет права на часть в заработке. Но есть случаи, когда артельщик исключается без всякого расчета³. Мы находим интересное отклонение от этого порядка в Петербургской столярной артели: там исключенный выходит на тех же основаниях, как и выбывший из артели добровольно⁴.

Относительно *числа членов* наши артели представляют крайнее разнообразие. Многие из биржевых имеют несколько сот членов: так, например, Шестовская в Москве – более 400. В рыболовном и охотничьем промыслах, иногда в торговле встречаются трех- и даже двухчленные артели, где характер занятия артели не требует определенного числа участников, там мы находим большую разницу в числе членов между отдельными артелями одного вида: таковы биржевые, лесорубочные. В других число членов всегда одно и то же, и эта неизменность вытекает из особенностей самого промысла, степени разделения в нем труда. Так, артели на новоземельских моржевых промыслах состоят из 10 членов; на тюленьих – из 3–5⁵. На озерах Новгородской и Псковской губерний артели для зимнего лова рыбы состоят из 32 человек, летнего – 20⁶. В землепашеских артелях южной России из 4–5⁷. В артелях крючников число членов, определяемое размерами

¹ § 8.

² Постановл. Стевартов. артели. § 9.

³ *Немиров*. Там же. 75.

⁴ Устав петерб. столяр. артели. § 18.

⁵ *Ефименко*. Там же. I, 35.

⁶ *Якушкин*. Путевые письма, 38.

⁷ Неделя. 1876, 41.

разгружаемого судна, колеблется между 9 и 15. Число членов в составных рыболовных артелях есть кратное числа участников в каждой артели. На белужьих промыслах оно составляет не менее 32 и не более 96 и всегда есть кратное 4, поднимаемых одним карбасом¹. В этих артелях число членов, объясняемое техническими приемами промысла, имеет стремление оставаться неизменным в течение целых столетий. В тех же артелях, которые, подобно биржевым и многим другим, не нуждаются (уже в силу характера работ) в определенном числе участников и вызываются к жизни потребностями торговли, число членов имеет стремление возрастать под влиянием развития городов и расширения торговых оборотов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Исполнительная власть в артелях. Контроль. Общее собрание

Изучая управление в русских артелях, мы подмечаем прежде всего разницу в степени влияния участников на заведование делами союза – разницу, объясняемую большей или меньшей самостоятельностью артели. Если артель самостоятельна, то в ее внутренней жизни самоуправление широко развито; если артель находится в хозяйственной или полицейской зависимости от посторонних лиц или учреждений, то самоуправление подвергается большим или меньшим ограничениям; иногда права членов на участие в решении важнейших задач суживаются до крайних пределов; внешние силы присваивают себе одну за другой те функции, которые лежат в независимых артелях на членах.

Управление во всех многочисленных видах артелей самостоятельных имеет ту общую черту, что каждый член принимает участие как в исполнительной, так и в поверочной и распорядительной деятельности. Но за этим, в частности, мы находим между отдельными артелями весьма значительные различия. Различия эти обуславливаются, главным образом, сложностью задач, которые ставит себе союз, и продолжительностью его существования. Если расположить все артели по степени их сложности в восходящем порядке, то мы получим длинную цепь, конечные звенья которой весьма резко отличаются одно от другого. В низшем звене мы находим крайнюю простоту управления, в высшем же оно довольно сложно. Простейшим типом артелей служат артели половинщиков в наших южных губерниях. Так как большая часть членов этих артелей связана между собой родственными узами, то союзы и не нуждаются в особых органах управления; все общие дела решаются семейно; работа распределяется между участниками соглас-

¹ *Ефименко*. Там же. I, 58.

но с их способностями, которые хорошо известны всем¹. Должностных лиц мы не находим также и в обчих Вологодской губернии², и среди артелей нежинских табачниц³. Это объясняется и строгой определенностью работ в названных артелях, и малочисленностью участников, а потому и возможностью составить союз из лиц, весьма сходных между собой, не нуждающихся в особом руководителе.

За этими и, быть может, еще некоторыми исключениями, все артели имеют особые органы исполнительной власти. Число органов исполнительной власти зависит от числа артельщиков и размера оборотов союза. Но, сколько бы ни было должностных лиц, главой исполнительной власти является обыкновенно одно. Наиболее употребительное для него название – *староста*; затем *рядчик* (волог. плотн.), *подрядчик* (сычевск. барщ.), *батырь* (ключники), *артельщик* (крымск. солепромышлен.), *сотский* (лоцманы на Свири), *кормщик*, *бережник*, *юровщик*, *карбасник* (на рыб. и звероловн. артел. северных побережий), *ватаман*, *жердник*, *сошец* (рыболовы озер север. губер.).

Способ образования артели определяет и условия, которыми обставлено вступление в органы исполнительной власти. Если при составлении артели заметно выдается инициатива одного из участников, то этот учредитель естественно становится и руководителем всего союза. Переход к учредителю исполнительной власти объясняется весьма легко: кто первый подаст мысль об устройстве артели, тот не без основания предполагается лучше других участников знакомым с целью, во имя которой слагается союз, и с наилучшим способом его организации. Все эти качества, естественно, предполагаются в учредителе: не зная его с дурной стороны, товарищи имеют основание думать, что создающий план предприятия более всех пригоден и руководить его осуществлением. Такой порядок находим мы, например, в охотничьих артелях восточной Сибири: кто нашел логовище медведя, тот созывает товарищей и становится во главе артели. Подобное же встречаем и среди рыбных кружков; согласные артели, составляющиеся в деревнях до отправления в Рыбинске, обыкновенно группируются около батыря, который и образует артель. И в вольных артелях кружков, возникающих на несколько дней, для какой-нибудь одной работы, батырем, то есть главой исполнительной власти, является тот кружок, который, услышав о работе, подбирает товарищей. В земледельческих артелях Казанской губернии учредитель обыкновенно становится старостой⁴.

¹ Щ-на. Южнорус. арт. Там же. 44–5.

² Русск. вед. 1880, 8.

³ Шликевич. Там же. 253.

⁴ Надеждин. Артели для производства сельскохоз. работ. Там же.

Таким образом, выборное начало как бы дремлет во всех этих артелях. Неприменение его в этих случаях объясняется тем, что в артелях охотников, например, уже один факт отыскания логовища доказывает, что учредитель артели и обладает необходимым для охотника мужеством, и достаточно изучил обстоятельства данного случая, чтобы руководить предприятием. То же и в артели крючников: батырь обязательно должен носить на плечах 9 пудов. Так как далеко не все крючники обладают подобной силой, то естественно, что человек, набирающий артель и тем заявляющий о своей способности исполнять обязанности батыря, и признается главой артели со стороны пришедших к нему участников. Хотя в этих случаях выборное начало и не применяется к органу исполнительной власти, однако артель отнюдь не отказывается от права сама избирать себе главу. Если охотник, открывший берлогу, не очень искусен и мужествен, то он уклоняется от распоряжения охотой; если бы он не уклонился сам, то никто не последует за ним и он, по соглашению с товарищами, будет принужден искать иного руководителя. При личном наблюдении артелей крючников я имел случай неоднократно убедиться, что рыбинская вольница откликается на призыв только такого батыря, который доказал свою способность руководить делом. Стоит батырю оплошать – молва о его непригодности быстро распространяется по рыбинской бирже и впредь ему никогда не удастся образовать артель.

В большинстве артелей органы исполнительной власти выбираются. Правом выбирать старосту и казначея пользуются и арестантские артели, где их, подобно тому как в московском тюремном замке, признает начальство¹. Избираемому ставят условия более строгие, нежели лицу, принимаемому в члены артели.

1) Так, прежде всего, от избираемого требуют умения управлять оборотами артели вообще или, если органами исполнительной власти является несколько лиц, умения исполнять те работы, которые возлагаются на него. На беломорских тюленых промыслах ромша выбирает в юровщики того, кто поумнее и поопытнее². Артели старателей выбирают для заведования своими делами грамотного и наиболее толкового члена³. Рыболовные артели на Ростовском озере выбирают в сошцы самого опытного члена⁴. Рыболовы на Белоозере выбирают в ватаманы того, кто хорошо знает рыболовные места⁵. Во главе крымских солепромышленных артелей стоит артельщик. От избираемого в эту должность требуют полного знакомства с техническими приемами

¹ Киевск. губ. вед. 1866, 42.

² *Ефименко*. Там же. I, 51.

³ *Попов*. Горнозав. арт. старат. 191.

⁴ *Артынов*. Там же. 22.

⁵ Рыболовн. артели в Белозер. уезде. Там же. 201.

по добыванию соли, а также с обычаями, распространенными среди солепромышленников. Вместе с этим он должен быть человек безукоризненного поведения¹. Если нет точных данных относительно большинства артелей, то несомненно, что и в них обращается большое внимание на энергию и искусство лица, поставляемого во главе союза.

2) Некоторые артели обращают внимание и на степень состоятельности своего руководителя. Побуждениями при этом служат частью сознание того, что человек состоятельный имеет меньше поводов злоупотреблять оказываемым ему доверием, частью же – того, что, будучи более других членов заинтересован в успехе общего дела, он приложит и больше стараний для искусного его направления. Такое требование встречаем мы в некоторых артелях рыболовов: на Белоозере ватаман должен иметь свою матицу, главную составную часть невода. В артельных сыроварнях в старосты избираются всего охотнее лица, которые доставляют в артель наиболее молока². Есть случаи, когда в глазах артели хорошая репутация члена, возможность приобрести кредит, необходимый для оборотов, заступает место состоятельности. Рыболовные артели Новгородской и Псковской губерний выбирают в ватаманы человека известного, пользующегося в ближайшем городе хорошей репутацией, а потому и могущего закупить в долг снасти, необходимые для артели³.

Некоторое отклонение от периодического избрания главы исполнительной власти представляют многие петербургские биржевые артели. В них каждый член, по наступлении очереди, должен принимать на себя обязанность старосты. Очередь соблюдается по старшинству вкупа. Кто раньше сполна уплатил вкупные деньги, то раньше и становится старостой. Уклонение члена от «старощенья», когда наступает очередь, наказывается во многих артелях наложением особого сбора, который или поступает в пользу того, кто избирается на место отказывающегося, или же делится между всеми артельщиками. Этот сбор достигает иногда значительной высоты: в Гленовой артели он составляет 80 руб.⁴. Этот порядок имеет ту хорошую сторону, что соблюдение очереди при замещении должности старосты позволяет избежать несогласий, а часто, быть может, и злоупотреблений, с которыми нередко сопряжены выборы в многочисленных союзах. Но порядок замещения должности старосты по очереди не доказывает, что артель отчуждает от себя право избирать своих руководителей. Она вводит такой порядок потому, что прием членов обставлен многочисленными условиями, и каждый, удовлетворяющий при вступлении всем требованиям артели, считается пригодным для исполнения

¹ Неделя. 1876, 29.

² Эдемюв. Артельн. сыроварн. Там же. 159.

³ Якушкин. Там же. 42.

⁴ Немиров. Там же. 59.

обязанностей старосты. Коль скоро артельщик, до которого дошла очередь, негоден в старосты из-за невоздержанной жизни, слабости здоровья или другим причинам, то артель забраковывает его¹.

Ввиду важности для артели иметь во главе исполнительной власти лицо знакомое, ввиду тесной связи между старостой и остальными членами в самостоятельных артелях эта должность обыкновенно замещается лицами, входящим в состав артели. Но есть и исключения. Архангельская балластная артель имеет право избирать в старосты и сторонних лиц, только принадлежащих к архангельскому мещанскому сословию; этим правом балластная артель и пользуется².

В артелях несамостоятельных право выбора или ограничивается, или вовсе не применяется. Так, в артелях лоцманов староста избирается, но приговор общего собрания поступает на утверждение командира порта³. Хотя номинально лоцманы и имеют право свободно выбирать своего сотского, однако в действительности это право (на Свири) принадлежит дистанционному смотрителю. Он выбирает того, кто может заплатить ему за выбор 200–300 руб.⁴. В тех артелях, которые стоят в экономической зависимости от предпринимателей, выбор должностных лиц часто заменяется назначением их самим хозяином. Мы находим это во всех артелях покрученников в Архангельской губернии. Где, как на тюленьих промыслах, хозяин сам работает с артелью, там он и руководит предприятием⁵. Где, как на тресковом промысле, хозяева организуют несколько артелей, там они назначают в каждую из них старшего, кормщика⁶. В артелях парильщиков в Петербурге старосты иногда избираются и за хозяином остается только право утверждать их, иногда же место старосты заступает хозяйский приказчик. В первом случае хозяин удерживает за собой право предлагать в старосты кого-либо из членов и обыкновенно того, который пользуется наибольшим расположением товарищей⁷, в последнем – самоуправление суживается до крайних пределов. В бурлацких артелях исполнительная власть нередко покоится в руках лоцмана или приказчика, назначаемого судовладельцем⁸. Артели старателей в Енисейской губернии являются переходной формой. Права хозяина во внутренней жизни союза сказываются в том, что предпри-

¹ Там же.

² Устав. § 5.

³ *Огородников*. Там же. 79.

⁴ Лоцман. арт. на р. Свири // *Неделя*, 1870, 43.

⁵ *Ефименко*. Там же. I, 37.

⁶ Там же. II, 29.

⁷ СПб. вед. 1865, 20 и Вед. СПб. гор. пол. 1871, 136.

⁸ *Шапошников-Капустин*. Заметки о судоход. на Дону Ворон. губ. // *Воронежск. вес.* 1861, 118.

ниматель назначает старосту; артель, в свою очередь, ограничивает права хозяина, ставя наряду со старостой двух своих выборных¹.

Кроме старосты, во многих артелях есть и другие должностные лица, несущие на себе известные обязанности по управлению. В рыболовных артелях Новгородской и Псковской губерний наряду с ватаманом есть *малый ватаман*, служащий первому помощником². Во многих биржевых артелях есть *помощники* старост. Во всех артелях, производящих сложные обороты, получающих значительные денежные суммы и правильно ведущих книги, есть *писари*, *кассиры*, *сборщики*, *подручные писаря* и т. д. Таковы артели биржевые, дрягилей, лоцманов, архангельская балластная и др. Этим лицам артели стараются выбирать также из членов, и особенно сборщиков и кассиров, через руки которых совершаются все денежные обороты союза. Малограмотность артельщиков нередко побуждает брать вольнонаемных писарей, как это мы находим, например, в станционных артелях Архангельской губернии³, или переводчика в архангельской балластной артели для ведения переговоров с иностранными шкиперами. В общем, эти исключения незначительны и редко могут иметь особенно дурное влияние на дела артели, так как на выборном лице лежит центр тяжести управления.

Способ избрания должностных лиц также не лишен некоторых обрядов, особенно в древних артелях, имеющих довольно развитую обрядовую сторону. В артелях рыболовов Новгородской и Псковской губерний выработался обычай, по которому лицо, избираемое в ватаманы, должно несколько раз отказываться от принятия ватаманского звания. Артель усердно предлагает – избираемый упорно отказывается и уступает предложениям только после многократных притворных отклонений от себя должности ватамана⁴. В биржевых артелях выработались стройные приемы при выборе должностных лиц. Окончивший срок служения дает общему собранию отчет, благодарит за оказанное ему доверие и спрашивает, кого пожелают выбрать на его место. Выкрикиваются фамилии лиц, которых желают иметь на место выходящего; за кого слышится больше голосов, тот подвергается формальной баллотировке⁵.

Обязанности должностных лиц – руководить делами артели. Если органом исполнительной власти служит только одно лицо, то на нем лежат все обязанности как по заведованию делами внутри артели, так и во внешних сношениях. В рыболовных артелях на севере в Архангельской губернии

¹ Гагемейстер. Там же. II, 457.

² Якушкин. Там же. 42.

³ Ефименко. Там же. II, 156.

⁴ Якушкин. Там же. 42.

⁵ Немиров. Там же. 62.

кормщик или бережник управляет судном, наблюдает за общим ходом дел, указывает место, куда и как выметывать ярус, очищает рыбу от внутренностей, делает распоряжения о продаже пойманной рыбы¹. В белоозерских рыболовных артелях ватаман, распоряжаясь общими работами, должен также изыскивать способы для наиболее выгодной продажи рыбы². Староста в артелях, содержащих почтовые станции, наблюдает очередь между членами и смотрит за исправностью артельного инвентаря³. Если характер промысла таков, то члены занимаются работами в одиночку и не нуждаются в особом руководителе, на обязанности старосты лежит, главным образом, или наблюдение за имуществом артели, или закупка съестных припасов, или только ведение книг, получение и хранение денег и сношения с третьими лицами. Звероловные артели в Сибири избирают старосту, который не принимает участия в охоте: в течение целого дня, пока артельщики охотятся, староста остается в юрте, куда охотники возвращаются каждый вечер, и присматривает за хозяйством, готовит пищу⁴. То же находим мы и во многих артелях бурлаков. Главная обязанность десятника или эконома – закупать съестные припасы⁵. Должностные обязанности старосты в артелях старателей сводятся к сдаче в казначейство намытого золота, получению денег, ведению счетов⁶. Так как приготовление сыра требует специальных знаний, то для этой цели нанимается сыровар; староста же, не участвуя в ведении промысла, только принимает приносимое молоко, определяет его достоинство и ведет книги⁷. В рашевских торговых артелях атаман также не участвует в торговле. Перед отправлением членов в путь он раздает им товары и деньги. Отпуская артельщиков с товаром в разные места южной России, сам атаман остается на сборном пункте. Возвратившись на этот пункт, артельщики отдают атаману отчет в товарах и деньгах, а атаман, выслушав отчет, делает заключение о степени исправности каждого из артельщиков⁸. Таким образом, общая характерная черта всех простейших артелей – совмещение в одном должностном лице самых разнообразных функций; разделение труда в применении к исполнительной власти почти не известно. Совсем иное находим мы в тех артелях, которые, имея много членов и значительные денежные обороты, наталкиваются всей обстановкой своих работ на избрание нескольких

¹ *Ефименко*. Там же. II, 31 и 71.

² Рыболов. артели в Белозер. уезде. 201.

³ *Ефименко*. Там же. II, 156.

⁴ *Гагемейстер*. Там же. II, 266.

⁵ *Вернадский*. Там же. 20.

⁶ *Попов*. Горнозав. арт. старат., 191.

⁷ *Эдемов*. Там же. 160.

⁸ *Аксаков*. Исследов. о торгов... 34–5.

должностных лиц и на точное обозначение функций каждого из них. Разделение труда между должностными лицами мы находим уже и в некоторых довольно простых артелях. Артели плотников Вологодской губернии возлагают на рядчика обязанность сноситься с заказчиками, наблюдать за работами; староста же заведует продовольственной частью, покупает съестные припасы¹. В биржевых артелях представителями исполнительной власти является несколько лиц со старостой во главе. На его обязанности возлагаются сношения со сторонними лицами по делам артели; но все сделки, которые он заключает от имени артели, должны предварительно получить санкцию общего собрания. В мелких делах такого рода он действует по соглашению с писарем и при участии последнего. Внутри артели на старосту возлагается наблюдение за всеми членами, за исполнением ими их обязанностей. Староста должен быть каждую минуту готов к отчету; он обязан выдавать для просмотра книги артели по требованию нескольких стариков или даже новиков. Так как должность старосты сопряжена со значительными обязанностями, то старосты обыкновенно не принимают участия в работах артели, но в свободное от прямых обязанностей время и староста должен работать наравне с другими членами². В артелях, не имеющих особого кассира, денежные средства артели находятся в руках старосты и он выдает из них суммы артельщикам. Так как члены биржевых артелей, занимающиеся поденной работой, обыкновенно живут и едят вместе, то съестные припасы закупаются на общий счет. Закупки совершаются особым лицом, *харчевником*, а контроль над ним входит в круг обязанностей старост³. Наряду со старостами действуют в биржевых артелях писари. На писаря возлагается все артельное счетоводство и обязанность содействовать старосте во многих случаях. Во многих артелях хранение артельных денег составляет обязанность особого лица – кассира. Наконец, есть в некоторых артелях помощники старост, подручные и биржевые писари, амбарные и старшие артельщики, заведующие работами в известном участке⁴. Частые злоупотребления должностных лиц в биржевых артелях побудили установить строгое разделение труда между органами исполнительной власти и создать такую комбинацию, при которой каждый орган мог бы контролировать действия других. В этих артелях, где нет особого кассира и хранение денег входит в круг обязанностей старосты, последний не имеет права записывать своей рукой в книгу произведенные расходы; это должен делать писарь под его диктовку. Писарь же должен готовить и те счета, по которым староста получает деньги от хозяев. Закупки для

¹ Русск. вед. 1879, 249.

² Там же. 249.

³ Правила для биржев. артел. в Москве. § 42–3.

⁴ *Немиров*. Там же. 58–61.

артели староста должен также производить совместно с писарем и при содействии других опытных членов¹. Все эти постановления клонятся к тому, чтобы обеспечить артель от злоупотреблений. В артелях, родственных биржевым по роду работ, мы находим такую же организацию исполнительной власти. Купорные артели имеют старост, писарей; для большей точности в денежных делах и сохранности сумм, получаемых артелями, в них есть сборщики и кассиры. Первые только получают деньги, заработанные артелью, и передают их кассирам; вторые хранят деньги и производят их раздел во время дувана². Тех же должностных лиц мы находим в дрягильской компании, заугорских артелях, насыпщиков и многих других³. В балластной артели в Архангельске, кроме поименованных должностных лиц, есть еще переводчик для сношений с иностранными шкиперами. Наиболее подробное перечисление обязанностей должностных лиц мы находим в тех артелях, которые имеют полицейское значение и точно выработанные и утвержденные подлежащей властью уставы. Так, в «Наказе старосте дрягилей» от 1827 года, § 35 до мелочей предусматривает все функции органов исполнительной власти. Подробно перечисляются обязанности старосты по отношению к таможенному ведомству, купечеству, нуждающемуся в услугах дрягилей, и по заведению делами внутри артели. Весьма подробное перечисление обязанностей старосты мы находим также в уставе архангельской балластной артели⁴ и некоторых других. Функции остальных должностных лиц не получают такого точного определения, потому что круг их деятельности довольно ограничен и характер их обязанностей понятен без дальнейших пояснений.

Права лиц, заведующих делами артелей, неодинаковы. Можно подметить ту характерную черту, что в артелях древнейшего происхождения органы исполнительной власти пользуются чрезвычайно широкими полномочиями по управлению предприятием; наоборот, в артелях нового наслоения все права, точно определенные уставами, представляются довольно ограниченными. Примером первого рода могут служить многие рыболовные артели. Среди рыболовов Новгородской и Псковской губерний ватаман пользуется большой властью: «...полный хозяин, хоть до полусмерти убьет кого: никто до поры до времени не смеет слова сказать»⁵. То же встречаем в артелях лесорубочных⁶. Примером довольно ограниченных прав должностных лиц представляют нам биржевые и многие другие артели. Напрасно было бы думать,

¹ Там же.

² Там же. 147–8.

³ Там же. 158–9. *Ефименко*. Там же. II, 120.

⁴ Устав § 7.

⁵ *Якушкин*. Там же. 42.

⁶ *Печерский*. В лесах. М., 1875. I, 276.

что в первом случае артель устанавливает у себя самодержавие ватамана и отказывается от права контролировать и сменять его и что в артелях второго рода союз обеспечен от злоупотреблений выборного органа исполнительной власти, пользующегося точно определенными правами. В артелях, подобных рыболовным, сильная власть ватамана объясняется отчасти характером промысла: промысел сопряжен с опасностями и поддержание строгой дисциплины необходимо; а потому артель и облекает своего главу широкими полномочиями. Главная же причина широты этих полномочий лежит в том, что отношения между членами артели отличаются патриархальной простотой, сохранившейся только в глуши деревни. Все участники близко знают друг друга. Выбирая себе главу, они останавливаются на лице, известном и своей добросовестностью, опытностью в ведении промысла. Они имели его на глазах в течение всей своей жизни, а потому и могут смело облечь его сильной властью. В отношении к ним ватамана еще сохраняется характер отношений старшего члена семьи к членам младшим. Но, как ни сильна власть ватамана, как ни мало, по-видимому, он подлежит контролю, артель не отказывается от прав законодательницы, и эти права выпукло выступают по окончании лова. Когда лов закончен, члены, если довольны своим главой, отвечают согласием на вопрос ватамана, хотят ли они и в будущем году ловить вместе с ним? Если они недовольны, то всякий высказывает причину своего недовольства, невод разбирается, каждый берет свою сеть и артель расходится. После этого ватаману уже нелегко сформировать в будущем году артель¹. Мы не имеем сведений, чтобы решить, сменяет ли такая артель своего ватамана и в самый разгар лова, если в членах возбуждено крупное недовольство. Очень может быть, что они ввиду ограниченности времени лова и трудности тотчас же найти лицо, владеющее матицей, и затаят в себе недовольство до конца предприятия. Но, поступая так из боязни понести значительный ущерб, члены не упустят случая упрекнуть ватамана по окончании общего дела и, отказавшись следовать за ним в будущем году, засвидетельствуют о самостоятельности артели. Иное положение тех артелей, которые, подобно, например, биржевым, состоят из людей, происходящих из разных местностей и часто мало знакомых между собой. Многочисленность таких союзов ведет к тому, что вступающий может быть известен только нескольким артельщикам; для большинства же он является человеком чуждым. Наконец, и размеры хозяйственных оборотов этих артелей, количество денег, вырабатываемых союзом, легко может склонить к злоупотреблениям лицо, которому были бы представлены широкие полномочия по управлению. Нет сомнения, что весь склад городской жизни влияет на артели, которые в течение многих лет работают в городах, и делает их членов менее доверчивыми. В большом горо-

¹ Там же.

де со многотысячным населением каждому приходится ежедневно слышать о разных формах злоупотребления доверием; многим представителям всех слоев населения нередко на самих себе приходилось испытывать невыгодные последствия излишней доверчивости, а потому всякий становится более себе на уме, чем при простых правах глухой деревни, и, вступая в союз, старается ограничить права лиц, поставленных во главе исполнительной власти. Все это ведет к точно выраженным ограничениям органов исполнительной власти, к точному определению их прав.

В частности, права старост, рядчиков и других по управлению артелью сводятся к следующему.

Должностные лица имеют право требовать повиновения от всех товарищей, исполнения приказаний и часто соединенное с этим право наказывать провинившихся. Мы уже заметили, что право приказывать и карать развито наиболее широко в старинных артелях. У белозерских рыбаков оно идет до права избить хоть до полусмерти. В селе Пингишах артели, устраиваемые для ловли разной рыбы, облачают своего «сровщика» полномочиями на наказание розгами членов, виновных в ссоре, краже¹. Здесь, таким образом, глава исполнительной власти является носителем функций и судьи; власть его переходит за пределы поддержания дисциплины, необходимой для успеха общего предприятия, и сохраняет патриархальные черты во всей чистоте. То же мы находим в артелях камнетесов на Брусняной горе; старшина, стоящий во главе их, подвергает провинившихся легким исправительным наказаниям². Старосты в артелях старателей Енисейской губ. также сосредоточивают в своих руках полицейскую расправу³. Понятно, что во всех этих артелях право старосты карать провинившихся товарищей заключает в себе и право на поддержание дисциплины, и повиновение со стороны остальных членов. Постановления биржевых артелей также содержат подробные перечисления прав старосты в этом отношении. «Буде же кто окажется противоречивым или непослушлив... как староста... или (кому) он прикажет смотреть за нами во время своей отлучки за получением или по своей надобности, то оногo староста при собрании нашей артели за таковое слушание судить, по совету артельному, наказать, чего виновник будет достоин»⁴. Хотя и биржевые артели предоставляют старосте карать провинившегося, но это право сильно ограничено и не выходит за пределы тех действий, которые все могут быть сведены к неисполнению приказа старосты. Так, в петербургских артелях староста имеет право налагать на

¹ *Ефименко*. Там же. II, 79.

² *Антипов*. Там же. 61–2.

³ *Гагемейстер*. Там же. II, 457.

⁴ *Постановл. Ильин.-Мазурин*. арт. § 3.

членов денежные взыскания до 5 руб., но не иначе, как под условием доложить в тот же день об этом штрафе на артельном собрании у образа; а наказанный имеет право оправдываться перед артелью¹. Вместе с тем староста имеет иногда и право на предпочтительное сравнительно с другими артельщиками уважение. Там, где руководитель артели пользуется правом чуть не живота и смерти, это само собой разумеется. В артелях же, где права и обязанности должностных лиц подробно определены, это право оговаривается; членам вменяется в обязанность уважать старосту, и за оскорбление последнего назначается довольно большое наказание. «Старосту, – говорит постановление Ильинско-Мазуринской артели, – не считать всякому из нас себе равным, какого бы ведомства ни был, и почитать его всегда как начальника и старшину, управляющего нами»². «Если кто из нас старосту или писаря дерзнет ударить рукою или неподобными словами обругает на артельном деле, с такового взыскивать штрафа по десяти руб.»³. В артелях складочных, как Петербургской столярной, должностные лица не имеют в этом отношении никаких особых прав сравнительно с остальными членами. Так как цель складочной артели исключает случаи, где бы старосте приходилось приказывать, то между членами поддерживается только деловая связь, далеко не столь близкая, как в артелях производительных, а потому и не создающая такого авторитета для органов исполнительной власти.

Второй разряд прав, которыми во многих артелях пользуются должностные лица, касается вознаграждения за их специальные обязанности; нередко это вознаграждение значительно превышает долю, получаемую рядовыми членами из доходов артели. Чем древнее артель, чем более патриархальны отношения между членами, тем менее значительно вознаграждение должностных лиц. Между относительными размерами вознаграждения и степенью патриархальности артели существует тесная связь, потому что древнейшие артели сохранили в своей внутренней жизни черты, напоминающие семью. Как в семье старейший член не притязает на большую сравнительно с другими долю из общего имущества, так и в этих артелях ватаман не требует из доходов такой части, которая резко превышала бы паи его товарищей. На отсутствие в этих артелях особого или значительного вознаграждения должностных лиц влияет еще и то, что в таких артелях орган исполнительной власти работает наряду с остальными участниками и менее отличается от них по своей деятельности, чем в артелях многочисленных с обширными денежными оборотами. В артелях наименее сложных, а потому, вероятно, и самых древних, мы не встречаем в этом отношении никакой разницы между должност-

¹ Немиров. Там же. 58.

² § 2.

³ Постановл. Новокорпусн. арт. § 14.

ными лицами и остальными участниками. Нет никаких данных сомневаться, что в артелях охотников, относящихся к числу самых простых, учредитель артели, открывший берлогу медведя, получает из добычи долю, равную паям его товарищей¹. То же находим мы и в рыболовных артелях на Байкале; предприятием руководит башлык; он служит «из чести» и не получает особого вознаграждения², в чем, по справедливому замечанию г-на П. Н., сказывается родовой характер этих артелей. В самостоятельных артелях на белужьих промыслах кормщики также не имеют излишнего по сравнению с рядовыми членами вознаграждения³. Если в белозерских рыболовных артелях ватаман и получает в $2\frac{1}{2}$ раза больше, чем рядовые артельщики, то эту значительную разницу нужно объяснить неодинаковым участием в капитале: ватаману принадлежит матица, составная часть капитала более ценная, чем сети других участников, а потому большая доля излишка является только прибылью на затраченный капитал; за ватаманство же остается небольшая часть этого излишка⁴. У бурлаков десятники также не получают особого вознаграждения; они получают по 1 руб. асс. с каждого члена только в тех случаях, когда посылаются для ряды в сборный пункт⁵. Но на эти деньги нужно смотреть как на плату за издержки десятника во время пути, а отнюдь не как на особое вознаграждение. Плотничьи артели, слагающиеся в Вологодской губернии, также не платят своему рядчику жалованья. Иногда ему дают раз в год 1 или 2 руб. «на сапоги». В рашевских торговых артелях атаман, сверх обычного пая, получает только излишек «на подводку»⁶. Такой же порядок мы встречаем и в артелях парильщиков в Петербурге. Старосты получают у них только небольшой излишек⁷. И в некоторых новообразованных артелях, как, например, в артели лодочников в Севастополе, доля должностных лиц из общего дохода равна паям остальных членов⁸. Обязанности кассира в этой артели исполняются членами поочередно в течение одного дня, а потому понятно, что кассир не получает особого жалованья. Неполучение особого вознаграждения старостой и писарем объясняется, вероятно, тем, что участники этих артелей – отставные солдаты, привыкшие видеть полную имущественную равноправность в своих рядах. В некоторых менее древних артелях староста не получает жалованья, если исполняет эту обязанность по очереди: та-

¹ Ефименко. Там же. II, 101.

² Артел. рыболов. в Ольхон. ведом. Сибирь, 1876, 42.

³ Ефименко. Там же. I, 57 и 59.

⁴ Рыболовн. арт. в Белоз. уезде. 201.

⁵ Вернадский. Там же. 20.

⁶ Аксаков. Там же. 34.

⁷ Ведом. СПб. гор. пол. 1871, 136.

⁸ Молва. 1876, 34.

кова Томсина биржевая артель в Петербурге¹. Чем более мы удаляемся от артелей старинного типа, тем чаще встречаем вознаграждение должностных лиц, как одно из прав, отличающих их от рядовых участников. В артелях менее древнего происхождения семейные черты постепенно сглаживаются; за лицом, облеченным доверием всего союза, признаются и права на большую долю вознаграждения, и притом на долю, значительно превышающую паи остальных. В одних артелях, приближающихся по своему складу к артелям старинного типа, доля органов исполнительной власти приводится в известное соотношение с долями других членов. В земледельческих артелях Казанской губернии староста получает только небольшой излишек с каждого пуда². В артелях крымских солепромышленников староста получает два пая. Батырь у рыбных крючников получает два пая. Этот порядок объясняется частью колебаниями в доходе артели, зависящими от разных внешних обстоятельств; но гораздо более важная причина определения вознаграждения старосте не абсолютной цифрой, а относительной, лежит, думаем мы, в том, что эти артели состоят из людей, в которых еще довольно крепко держится сознание равноправности членов. Назначение точно определенного жалованья, выраженного довольно крупной цифрой, могло бы иногда повести к резкой разнице между заработками рядовых членов и долей старосты и тем сильно нарушить равноправность. А потому жалованье должностного лица приводится в прочную связь с долями всех членов и доходность промысла. В артелях биржевых и сродных с ними по роду занятий жалованье старосты, точно определенное, не превышающее иногда 50 руб. в полугодие, достигает и тысячных окладов. В купорных и других артелях старосты получают также очень большое жалованье. В петербургской дрягильской компании староста получает двойной пай и, сверх того, значительное жалованье³. Понятно, что артели, в которых староста избирается не из среды членов, а из сторонних лиц, могут привлечь к себе смышленного человека только значительным вознаграждением. Так, в архангельской балластной артели староста получает 450 руб., что отнюдь не соответствует заработкам артельщиков⁴. Если архангельская артель вязчиков, избирая старосту не из среды членов, платит ему только два пая и если староста довольствуется таким вознаграждением, то это объясняется возможностью для него широко злоупотреблять доверием артели, нанимать рабочих по цене низкой сравнительно с ценой, ставимой артели в счет, и т. д. Все мошеннические ухищрения настолько выгодны, что побуждают старосту служить и за два пая. В этих артелях, как мы уже

¹ *Немиров*. Там же. 60.

² *Надеждин*. Там же. 798.

³ *Немиров*. Там же. 158.

⁴ *Федоров*. Балластн. артель. Там же. 197.

заметили, отношения между членами утратили патриархальный характер. Наконец, деятельность должностных лиц резко отличается от деятельности остальных и почти целиком сводится к «заведованию», распоряжению. Обычай оплачивать этот род труда выше тех занятий, которые принято называть чисто физическими, прививается и в артелях и побуждает их к значительной оплате органов исполнительной власти.

В артелях, находящихся в экономической зависимости от хозяев, должностные лица получают также большее вознаграждение, чем рядовые члены. Этот излишек платы объясняется выгодностью для предпринимателя иметь лицо, которое было бы заинтересовано в строгом наблюдении за всеми артельщиками. Так как это лицо не избирается артелью, а назначается хозяином, то у него нет с членами той тесной связи, как в артелях самостоятельных, нет того авторитета, которым пользуется в артели ею самой выбранный руководитель. Недостаток авторитетности может нередко ставить должностное лицо в неприятные отношения к остальным членам, и как бы наградой за это является более высокая оплата труда. С другой стороны, такой оплатой хозяин надеется купить себе верность лица, поставленного во главе артели. Отсюда, в то время как самостоятельные артели нашего севера выдают своим кормщикам или юровщикам такую же долю добычи, как и остальным членам, в артелях покрученников кормщик занимает выдающееся положение. В мурманских артелях для ловли трески кормщик получает от хозяина половину пая и, сверх того, «свершенок» по уговору в размере 10–15 руб. В той же доле добычи, которая поступает артельщикам, кормщику выдается часть, равная части остальных членов¹. Факт раздела этой доли поровну между всеми, не исключая и кормщика, доказывает, что излишек вознаграждения последнего, исходящий от хозяина, лежит в интересах его, а не артели. Такой же порядок мы находим в горных и карбасных артелях в Архангельске: старосты назначаются конторами, при которых работают эти артели, и получают 300–600 руб.²

Сроки, в течение которых одно и то же лицо остается во главе артели, колеблются между несколькими месяцами и десятками лет. Если бы мы захотели с помощью априорного рассуждения связать продолжительность времени, в течение которого одно и то же лицо остается во главе артели, с характером последней, то без труда пришли бы к заключению, что чем более патриархальна артель, тем менее может быть изменений в личном составе ее управления. Если артель слагается из людей знакомых, если каждый знает, какой степени искусства и опытности он может ожидать от своих товарищей, то, естественно, он отличает из среды участников лицо, которое наиболее

¹ Ефименко. Там же. II, 32.

² Там же. 128.

пригодно быть органом исполнительной власти. Раз член артели был старостой и оправдал ожидания товарищей – им нет надобности избирать другого; у них все более крепнет привычка повиноваться тому лицу, которое уже бывало их атаманом; обе стороны так приноравливаются друг к другу, что им тяжело разорвать эту связь. Притом в этих артелях должностные лица не извлекают из своих обязанностей по должности таких материальных выгод, которые могли бы казаться рядовым членам особенно соблазнительными и вызывать среди них борьбу из-за права руководить делами артели. Наоборот, в тех союзах, которые уже по своей многочисленности не могут состоять из участников, близко знакомых друг другу, доверие к должностным лицам не может быть так полно; многие члены всегда боятся, что староста «засидится» и станет злоупотреблять благодаря своему положению. К этому присоединяется еще и то обстоятельство, что в таких артелях должностные лица получают особое, часто значительное вознаграждение, которое и делает звание старосты привлекательным для многих. Если в этих артелях фактически один и тот же член и остается органом исполнительной власти в течение многих лет, то юридически он избирается каждый раз на более или менее короткое время. Понятно, что в тех артелях, которые смотрят на пребывание в должности как на обязанность члена, срок ограничен для того, чтобы обязанность поочередно несли все участники. Факты, представляемые нашими артелями, оправдывают эти априорные заключения. В белозерских рыболовных артелях одно и то же лицо обыкновенно всегда остается ватаманом одного тагаса¹. Согласные артели крючников, работающих в Рыбинске, составляясь в деревнях, всегда стараются группироваться около того батыря, с которым им приходилось раньше промыслять. Артели плотников также собираются вокруг того рядчика, который руководил ими в предыдущие годы. Где почин в образовании артели идет сверху вниз, от учредителя, который обязательно становится во главе артели, там мы вправе предполагать (в охотничьих артелях, например) подбор учредителем тех участников, которые уже раньше промысляли с ним. В других же артелях мы находим точное определение времени, на которое избираются должностные лица. Большая часть петербургских биржевых артелей избирает старосту обыкновенно на 1 год, а иногда только на 6 месяцев. Так как должности писаря и другие не сопряжены с такими полномочиями, какими облекается староста, то в эти должности выбирают на неопределенный срок. В петербургской столярной артели старосты избираются на 6 месяцев². В артелях, не пользующихся полной самостоятельностью, срок службы должностных лиц зависит более или менее от сторонних учреждений, а потому и не может быть точно определен артелью.

¹ Рыболовн. арт. в Белозер. уезде, 201.

² Устав. § 25.

Дрягильские компании выбирают старосту, кассира, писаря и 4 артельщиков обыкновенно на 1 год с правом вновь избирать их по истечении срока¹. В петербургской дрягильской компании староста, выбранный на неопределенный срок, обыкновенно остается в этой должности 7–10 лет². Выбор в этой артели на неопределенное время объясняется тем, что дрягили стоят в большой зависимости от таможи, и перед последней староста является ответственным за все действия компании. Значительная ответственность перед начальством, вероятно, заставляет многих уклоняться от должности старосты; с другой стороны, и таможенное ведомство не может быть удовлетворено выбором в старосты любого из артельщиков, а потому компании и неудобно избирать себе представителя на определенный срок. Сменить своих должностных лиц компания может только по «уважительным причинам», подробно перечисленным в «Положении о дрягилях». Такими уважительными причинами считаются: нерадение о делах компании, утрата артельных денег, дурное поведение, вызывающее всеобщее нареkanie³. Срок службы кормщиков в артелях покрученников, конечно, зависит от предпринимателей.

Во всяком сколько-нибудь сложном предприятии необходим *орган наблюдения*. Где союз обнимает много членов, там все участники не могут поверять действия исполнительной власти, а потому и является надобность в особом совете или комиссии, которые поверяли бы в определенные сроки действия должностных лиц. В союзах малочленных нет нужды в особом органе, так как все участники могут выполнять контроль. Большинство наших артелей не имеет особого органа для контроля. Артели древнего происхождения не нуждаются в нем, главным образом, потому, что они или малочлены, или же вся деятельность должностного лица происходит на глазах всей артели; наконец, часто эта деятельность настолько несложна, что добросовестное исполнение обязанностей старостой, равно как и злоупотребления, могут быть замечены без труда. Очевидно, что в артелях охотников, рыболовов, крючников и др. нет надобности в особомверяющем органе: ему пришлось бы поверять лишь то, что изо дня в день видят все члены артели, а потому в руках общего собрания, наряду с распорядительной властью, сосредоточивается и контроль. Но раз обороты артели принимают такой характер, что злоупотребления возможны, является стремление учредить контроль. Первичной формой контроля служит такая его организация, когда наблюдающий орган всегда сопутствует органу исполнительной власти и тем старается предупредить возможные злоупотребления. У бурлаков, если артель мала, то наблюдающего органа нет вовсе, если же она велика, то выбирается

¹ Положен. о дрягил. § 15.

² *Немиров*. Там же. 158.

³ § 20.

посыльный, который всегда сопровождает старосту при покупке съестных припасов и наблюдает за ним¹. Подобное этому находим мы и в биржевых артелях. Чтобы предотвратить злоупотребления старосты, над ним создается контроль в лице писаря. Специальные обязанности последнего состоят в ведении артельных книг, приготовлении счетов хозяевам и т. д. Вместе с тем писарь, а иногда и еще несколько артельщиков сопровождают старосту, когда он закупает что-либо для артельного хозяйства. При непосредственном участии писаря делается определение размера сумм, которые могут быть выдаваемы артельщикам помимо дувана². Понятно, что во всех этих случаях участие писаря нужно не для того, чтобы помогать старосте: последний, заведая внешними сношениями артели, исполняя весьма различные работы, настолько опытен, что не нуждается в содействии при покупках или при определении сумм, которые могут быть без ущерба для артели выдаваемы ее членам. Писарь обязуется действовать вместе со старостой, чтобы наблюдать за ним. Вообще, такой порядок совершенно бесцелен. Орган поверочной власти может только тогда точно исполнять свои обязанности, когда не входит в ряд органов исполнительной власти, в противном случае он имеет частые побуждения злоупотреблять. Деятельность старосты так тесно связана с деятельностью писаря, что последний, предполагая его недобросовестность, всегда скорее будет склонен вступить в соглашение со старостой и вместе с ним злоупотреблять доверием артели, чем обнаруживать злоупотребления старосты. Помимо создания контроля в лице писаря, биржевые артели назначают перед общими собраниями ревизионные комиссии из 3–4 членов, которые и поверяют денежные суммы, докладывая общему собранию о результатах проверки. Требование 3–4 артельщиков о проверке старосты ведет к ревизии во всякое время³. Но эти ревизии случайны, и правильно организованного органа контроля петербургские биржевые артели не знают. В московских биржевых артелях правилами установлено выбирать при каждом общем счете 5 человек, которые и поверяют денежные суммы⁴. Такие же временные комиссии находим мы и в некоторых других артелях. Дрягильские компании выбирают 1 раз в год несколько членов, которые и поверяют деньги, книги и счета⁵. Архангельские лоцманы стали выбирать с 1862 года ежегодно 3–4 лиц для проверки действий старосты по финансовой части⁶. Артель московских половых выбирает два раза в год из пайщиков особые комиссии,

¹ Вернадский. Там же. 20.

² Немиров. Там же. 59.

³ Там же. 62.

⁴ Правила... § 47.

⁵ Федоров. Дрягил. комп. Там же. 121.

⁶ Огородников. Там же. 82.

которые иверяют все счетоводство¹. Только в некоторых артелях нового наслоения, построенных по западноевропейским образцам, для наблюдения есть особый орган – поверочный совет. Таковой находим мы, например, в Павловской складочной артели. Где артель обязана своим возникновением экономическому содействию общественных учреждений, там эти последние принимают на себя и обязанность верить действия артели. Так было во всех артелях, устроенных в Тверской губернии с помощью земских ссуд; управа принимала на себя контроль. В сыроваренных артелях ежегодно избираются учетные комиссии; наряду с ними действует и попечитель от земства, пока артель не окончила выплаты полученной ссуды².

Вообще эта сторона управления является крайне мало развитой в наших артелях.

Органом распорядительной власти служит *общее собрание* членов артели. Знакомясь с жизнью отдельных артелей, мы видим, что хотя юридически центр тяжести управления союзом лежит в общем собрании, однако фактически оно нередко передает свою распорядительную власть должностным лицам. Прежде всего мы находим это среди многих древнейших артелей. Артель рыболовов, избирая себе ватамана, облакает его такими полномочиями, что он является источником всего управления артелью. Он распоряжается в широком смысле этого слова, и все участники подчиняются его велениям. Деятельность общего собрания обнаруживается в таких артелях почти исключительно в начале и по окончании предприятия. В начале – артель избирает себе вождя; по окончании – она или одобряет его действия и изъявляет готовность примкнуть к нему и в будущем году, или же порицает и выражает нежелание снова избрать его своим руководителем. Весьма вероятно, что и в других простейших артелях права общего собрания дремлют, и это объясняется патриархальностью отношений между членами, о которой мы имели случай говорить выше. Такой порядок не может иметь место в артелях с более сложными оборотами, многочисленных, где союз волей-неволей должен быть на стороне своих должностных лиц. В этих артелях мы и находим правильные общие собрания с точно определенными функциями.

Опыт выработал в биржевых артелях, и именно в петербургских, весьма разнообразную деятельность общих собраний. Юридически эта деятельность так широка, что нередко врывается в область, которая, по-видимому, могла бы быть без ущерба для артели всецело предоставлена ведению исполнительной власти. Петербургские биржевые артели имеют два рода общих собраний. Малые собрания, называемые «собраниями у образа», устраива-

¹ Москов. вед. 1878, 15.

² Эдемюв. Артел. сыров. Там же. 164.

ются ежедневно на квартире артели утром перед выходом членов на работу и вечером по окончании работ. Это собрание служит как бы органом контроля. Здесь артель выслушивает отчеты должностных лиц о всем, что случилось важного в течение дня; здесь же делаются распоряжения относительно работ на следующий день. Собрания у образа являются и судебной инстанцией; в них разбираются жалобы членов на старосту и других должностных лиц. Артели придают такое важное значение этим собраниям, что обязывают под страхом штрафа, как за неявку на работы, участвовать в них всех артельщиков, которые занимаются поденной работой, а не живут на местах у хозяев; иногда же приглашаются и члены последней группы¹.

В других многочисленных артелях мы не встречаем ничего подобного собраниям у образа. Им известны только общие собрания *обыкновенные* или *очередные* и *чрезвычайные*. Очередных собраний бывает от 1–4 в год. Петербургские биржевые артели устраивают общие собрания 4 раза в год в мае и ноябре, а также в апреле и августе или июне и октябре. Майское и ноябрьское собрания имеют своим предметом преимущественно денежный расчет – дуван; на двух других собраниях избираются должностные лица². То же мы находим в артелях дрягилей³. В Архангельской балластной артели собираются две очередные сходки в году – весенняя и осенняя⁴ и т. д. Очередные собрания принимают распоряжения по всем текущим вопросам, которыми характеризуется обычный ход артельных оборотов. Чрезвычайные имеют своим предметом обсуждение тех обстоятельств, которые могут быть названы непредвиденными. Так, в архангельской артели дрягилей чрезвычайные собрания созываются в случае надобности для старосты произвести какой-нибудь расход, исключить кого-нибудь, взять наемных рабочих⁵.

Созыв общего собрания лежит на обязанности старосты. В петербургских биржевых артелях староста предварительно спрашивает членов, живущих на местах у хозяев, могут ли они присутствовать на собрании в такое-то время, и, сообразно с этим, назначает день, обыкновенно праздничный⁶. В Архангельской балластной артели староста приглашает членов на собрание повестками⁷. В Петербургской столярной⁸ и некоторых других артелях также принято за правило рассылать членам повестки. Относительно чрез-

¹ *Немиров*. Там же. 55–6.

² Там же. 56.

³ *Федоров*. Дрягил. комп. 117.

⁴ *Федоров*. Балластн. арт. 205.

⁵ *Федоров*. Дрягил. комп. 117.

⁶ *Немиров*. Там же. 57.

⁷ *Федоров*. Балластн. арт. 206.

⁸ Устав. § 30.

вычайных собраний мы имеем сведения только об очень немногих артелях. Порядок их созыва двоякий. Право требовать чрезвычайного собрания имеет определенное число членов. Так, в Архангельской балластной артели этого могут требовать 10 членов¹. Несомненно, и в петербургских биржевых артелях определенная группа членов может этого требовать (мы склонны так думать в силу того, что в этих артелях самоуправление очень развито), но мы не имеем на это точных указаний². Второй порядок – тот, что созыв чрезвычайного собрания предоставляется, по крайней мере, уставом исключительно органам исполнительной власти. Последнее мы находим в уставе Петербургской столярной артели³. Эти оба порядка стоят в связи с родом цели, которую преследует артель. В производительных артелях общение между членами гораздо более тесно и гораздо чаще могут наступать обстоятельства, затрагивающие интересы артельщиков и побуждающие их созвать общее собрание; в складочных артелях, как Петербургская столярная, промысловая деятельность участников не затрагивается так сильно, а потому и не могут так часто наступать обстоятельства, которые бы требовали чрезвычайного общего собрания.

В большинстве артелей посещение общих собраний необязательно. Исключением из этого служат петербургские биржевые артели. Уже тот факт, что староста до назначения дня собрания совещается со всеми членами, имеющими постоянное занятие, доказывает, что артели хотят видеть на собраниях всех членов. Непоявление члена на собрании, за исключением особых случаев (болезнь, нахождение в карауле), влечет за собой и кару: в тех обстоятельствах, когда артель требует единогласия при решении, все присутствующие, не согласные с мнением большинства, могут обжаловать постановление, а добровольно отсутствовавшие не пользуются этим правом⁴.

Для действительности общих собраний некоторые артели требуют определенного числа членов. В московских биржевых артелях число присутствующих не должно быть меньше $\frac{2}{3}$ общего числа членов⁵. Архангельская балластная артель требует присутствия в собрании также $\frac{2}{3}$ членов⁶. Такого же числа присутствующих требует и Петербургская столярная артель⁷. Постановления петербургских биржевых артелей ничего не высказывают по этому предмету, но вышеприведенные их особенности при созыве общих собраний

¹ Федоров. Балластн. арт. 206.

² К сожалению, г-н Немиров ничего не говорит об этом.

³ § 30.

⁴ Немиров. Там же. 57.

⁵ Правила... § 21.

⁶ Уст. балластн. арт. § 28.

⁷ Устав. § 31.

свидетельствуют, что они создают такие условия, которые делают для членов невыгодным отсутствие на собрании, а потому и достигается присутствие всех членов, которым не препятствуют чрезвычайные обстоятельства. Во всех артелях член имеет только один голос и не пользуется правом передать его. В петербургских биржевых артелях голос старосты дает перевес¹.

Решения общих собраний принимаются простым большинством; в московских биржевых артелях для законности решения требуется большинство — $\frac{2}{3}$ наличных членов². Некоторые петербургские биржевые артели требуют, при решении важнейших вопросов, единогласия всех присутствующих (*полные общие собрания*). Если с решением не соглашается хотя бы один артельщик, то исполнение решения откладывается до следующего собрания, которое постановляет новый приговор³.

Председательство в биржевых артелях⁴, как петербургских, так и московских, принадлежит старосте. Правила для московских биржевых артелей предусматривают случаи, когда староста причастен к обсуждаемому вопросу, и определяют, что в этих случаях место председателя занимает кандидат на должность старосты⁵.

Подробные сведения о порядке, в котором ведутся общие собрания, мы имеем только о петербургских биржевых артелях. Писарь докладывает или «вычитывает» дела. Затем происходит голосование. Постановления общего собрания заносятся в особую книгу и подписываются старостой, писарем и теми артельщиками, которые подали свои голоса за состоявшееся решение. В Архангельской артели дрягилей соблюдается следующий порядок при подаче голосов. Первоначально подает голос староста; затем писарь и прочие лица, заведующие делами артели, и, в конце, рядовые артельщики⁶.

В самостоятельных артелях общее собрание является высшей инстанцией; ее постановление не подлежит обжалованию. В артелях, находящихся в экономической зависимости, общее собрание не нужно, так как его функции переносятся на предпринимателя в важнейших делах, а в менее важных — на лицо, поставленное предпринимателем во главе артели. В артелях, имеющих полицейское значение, отдельные ведомства служат высшими инстанциями. Приговор, принятый сходом лоцманов, приводится в исполнение только по утверждении его командиром порта⁷. Несколько сходно с этим и отношение

¹ *Немиров*. Там же. 57.

² Правила. § 23.

³ *Немиров*. Там же. 57.

⁴ Правила. § 24 и *Немиров*. Там же. 57.

⁵ Правила. Прим. к § 24.

⁶ *Федоров*. Дрягил. комп. Там же. 117.

⁷ *Огородников*. Там же. 88.

московских биржевых артелей к биржевому комитету. Постановления общего собрания не могут быть отменены биржевым комитетом; но если собрание не состоялось или обсуждаемый вопрос не решен нужным большинством, то дело поступает на рассмотрение биржевого комитета. Эти дела касаются, главным образом, споров между артелями или артелей с хозяевами¹.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ответственность членов перед артелью. Наемные рабочие. Внешние отношения артелей. Круговая порука

Артель, рассчитанная на более или менее продолжительное существование, является, как мы видели, не случайным соединением нескольких лиц, а союзом, каждый член которого обязан удовлетворять известные и часто многочисленные условия. Ставя вступающему определенные требования, надеясь через это обеспечить себе успех в промышленной деятельности, артель делает членов ответственными за те поступки, которые могут препятствовать развитию союза, могут лишить его доверия сторонних лиц и учреждений. Отсюда – право союза судить и рядить артельщиков, подвергать их наказаниям. Если артель самостоятельна – это право ее очень широко; если она находится в зависимости, то и право карать членов разделяют с нею те учреждения, от которых она зависит.

Мы имеем мало данных для изображения в цельной системе тех кар, которым подвергаются члены отдельных артелей за различные проступки; но уже и сведения, находящиеся у нас под руками, позволяют заключить, что артели вообще не относятся снисходительно к действиям членов, способным нарушить мирное развитие союза. Характер наказаний стоит в связи с культурным уровнем среды, в которой слагается артель: во многих артелях старинного типа (рыболовы, бурлаки, лесорубщики) преобладают телесные наказания; в городских – исключительно денежные. Петербургские биржевые артели наиболее подробно перечисляют поступки, подлежащие наказанию, и устанавливают целую лестницу кар, которым подвергаются провинившиеся члены.

Первый ряд проступков, подлежащих взысканию, относится к промышленной деятельности артельщиков. Эти проступки состоят в том, что член или уклоняется от общей работы, или является на работу в нетрезвом виде, или не оказывает в артельном деле должного усердия. К прогулу артели относятся вообще довольно строго. Плотники в Вологодской губ. штрафуют члена за каждый прогульный день 30–40 коп. При частом повторении прогулов винов-

¹ Правила. § 23 и 67.

ный исключается из артели¹. Артели барщиков в Сычевском у. делают вычеты за прогульные дни и разделяют пеню между членами, не замеченными в прогуле². Член артели доменных рабочих на Кушвинском заводе подвергается за 1 день прогула вычету 2-суточной платы; в случае 3 прогульных дней в месяце виновный исключается из артели³. Петербургские биржевые артели наказывают членов за прогул даже в случае опоздания на работу; низшая денежная пеня равняется плате за 1 рабочий день, причитающейся на дуване. Так как работа зимой оплачивается ниже, чем летом, то и размер пени за опоздание на работы неодинаков; он колеблется между 60 коп. и 3 руб.⁴. Такому же порядку следуют и дрягильские компании⁵, петербургская артель десятников⁶ и многие другие. Архангельская балластная артель относится особенно строго к пропуску членом тяжелых работ – уборки и раскатки лесов, разбрасывания и развозки куч, – предшествующих выгрузке. Видя в дружном труде, когда работа наиболее обременительна, верный залог тесной связи между членами, она карает за прогул в этих случаях: 1 рубль за 1-й раз, 2 рубля – за 2-й и 3 рубля – за 3-й. Прогул в четвертый раз наказывается исключением⁷. Успешности артельного труда мешают не только прогулы, но и нетрезвое состояние артельщика, вовремя явившегося на общую работу. Нетрезвое состояние также карается многими артелями. В артели доменных рабочих на Кушвинском заводе член наказывается за появление на работе в нетрезвом виде так же, как за прогул⁸. Лоцман, нетрезвый при исполнении своих обязанностей, лишается части пая⁹. Биржевые артели преследуют опьянение членов. По уставу Новокорпусной артели, пришедший на работу в пьяном виде наказывается как за прогул¹⁰. Строго относятся артели и к неисправному исполнению членами обязанностей, чем бы ни объяснялась неисправность. Если лоцман посадит на мель проводимое судно, что он лишается части пая¹¹. Если члены рашевских торговых артелей не оказывают в торговле усердия, то из долей их делается вычет¹². В сыроваренных артелях старосты делают членам выговор

¹ Русск. вед. 1879, 218.

² Артели в Сычевск. уезде, 197.

³ Попов. Материалы для ознакомл. с условиями быта и т. д., 46.

⁴ Немиров. Там же. 73.

⁵ Там же. 160; и Федоров. Дрягил. комп., 126.

⁶ Немиров. Там же. 175.

⁷ Федоров. Балластн. арт., 205.

⁸ Попов. Материалы и т. д. 46.

⁹ Огородников. Там же. 83.

¹⁰ § 10.

¹¹ Огородников. Там же. 83.

¹² Аксаков. Исслед. о торговле... 35.

за доставку молока разбавленного или несвежего удоя. За частые повторения член исключается из артели с удержанием ею следуемых ему денег¹. Вторую группу наказуемых деяний образуют все поступки членов, которые прямо не связаны с промысловой деятельностью, но способны нарушить общий интерес. Постановление Метелкиной артели перечисляет все проступки, подлежащие наказанию. Сюда относятся: дурные пороки (?), неправильный донос, слушание старосты, неявка на работу, отправление должности без ведома артели. При этом артель относится более строго к провинности старика, чем новика: первый, например, наказывается за неявку на работы 5-ю рублями, а второй – только 2-мя². Отводя старикам более прав, артель требует, чтобы в них было и более развито сознание долга. Строго наказываются все те заявления артельщиков перед хозяевами, которые могут повредить артели. Биржевые артели построили такую лестницу наказаний: 1) *Денежные пени*. Когда они налагаются на членов за неявку на работу, то называются *прогулом*; в этом случае самый размер пени, соответствуя важности облагаемых ею проступков, обыкновенно незначителен. Пени за все проступки, кроме прогула, называется *штрафом*; высота его доходит до 200 руб. Штрафом наказываются все проступки, нарушающие интересы артели в каком-либо отношении. Эта кара отличается от прогула тем, что размеры последнего стоят в определенном отношении к цене рабочего дня, тогда как штраф за другие проступки определяется общим собранием. Относительно размеров штрафа уставы артелей представляют иногда общему собранию полный простор. Правила Коломбиевской артели говорят: «Ежели который артельщик находится в услужении у хозяев и будет чинить между хозяином или артелью возмущение, такового артельщика штрафовать нещадно деньгами»³. 2) *Отписка от работы* состоит в том, что артельщик устраняется на время от общих работ; отписка длится иногда несколько месяцев, за которые отписанный ничего не получает при дуване. По истечении срока наказанный приписывается с обязательством проработать 1 месяц даром; только безукоризненное поведение во время этого месяца восстанавливает все права наказанного. Отписка удлиняется даже до 3-х лет. Это наказание полагается для тех лиц, которые были неоднократно наказываемы денежными пенями, а также за тяжкие проступки: перебор у старосты крупных сумм сравнительно с долями, следующими провинившимся при дуване, пропажа товара. Отписка оканчивается по возмещении виновных убытков или же, продлившись до 3-х лет, ведет к исключению виновного из артели. 3) *Исключение* из артели также имеет 2 степени. Если исключаемый не причинил артели денежного ущерба, то он по-

¹ Эдемов. Артел. сыров. 164.

² § 2 и 3.

³ § 10.

лучает выводные деньги, как и добровольно выходящий; в противном случае он исключается без всякого расчета с ним артели¹. Обыкновенно одни и те же проступки, в случае рецидива, наказываются более строго. Кто был несколько раз отписан за что бы то ни было, тот исключается. В некоторых других петербургских артелях установлена подобная же лестница наказаний². У нас мало данных, чтобы решить, навсегда ли теряет исключенный право снова вступить в исключившую его артель. Два известных нам примера заставляют думать, что исключенный может быть вновь принят в артель, если поводом к исключению не послужило обстоятельство, доказывающее полную нравственную негодность артельщика. Если член московской биржевой артели исключен за воровство или утайку, то его не принимают не только в эту артель, но и ни в какую другую³. Архангельская балластная артель позволяет исключенным вступать в члены не менее как через 1 год, если исключение не было вызвано тяжким проступком⁴.

В самостоятельных артелях виновный приговаривается к наказанию или главой исполнительной власти, как то было показано выше, или общим собранием. В артелях плотников Вологодской губернии каждый член обязан довести до сведения остальных о подмеченном дурном поступке товарища; артель и наказывает виновного⁵. В артелях бурлаков сход производит над виновным приговор, а приводят его в исполнение лоцмана, наказывающие провинившегося линьками⁶. В артелях лесорубочных расправу над виновным учиняет вся артель: «Стоит ему (старшóму) слово сказать, артель встанет, как один человек, и такую вспорку задаст ослушнику, что в другой раз не захочется дурить»⁷. Уставы петербургских биржевых артелей угрожают исключить без расчета тех членов, которые не будут повиноваться порядкам, установленным в артели и попытаются довести «до правительства» о чем-либо, входящем в область компетенции союза⁸. Таким образом, биржевые артели хотят всецело сохранить свою самостоятельность при определении наказания провинившемуся члену и считают приговор об этом общего собрания не подлежащим обжалованию. Нередко артель находит невыгодным для себя предавать гласности проступок члена, так как эта гласность может поколебать доверие ко всему союзу, а потому в биржевых

¹ *Немиров*. Там же. 73–6.

² Там же. 175.

³ Правила. § 40.

⁴ *Федоров*. Балластн. арт. 201.

⁵ Рус. вед. 1879, 218.

⁶ *Вернадский*. Там же. 20.

⁷ *Печерский*. Там же. I, 276.

⁸ Постановл. Метелк. арт. заключ.

артелях, например, не ведется особых штрафных книг, чтобы не подорвать доверия купечества¹. Факт наказания члена составляет тайну, где хранение этих тайн лежит в интересах артели. Хотя мы не имеем данных, чтобы судить, как относится обычное право в лице волостных судов к праву артели карать своих членов, но думаем, что это право безусловно признается за артелями: вероятно, на жалобу бурлака, наказанного по приговору схода линиями, волостной суд ответит – «по делам». В практике с.-петербургского коммерческого суда мы находим много данных, свидетельствующих, что суд признает законным все взыскания, налагаемые биржевыми артелями согласно с уставами на членов. В 1874 году Спасская артель исключила нескольких членов, поссоривших ее с хозяевами, которые перешли вследствие этого к услугам других артелей. Исключенные не получили от артели ни выводных, ни дуванных денег. Один из них, Шамантьев, вчинил к артели иск, требуя от нее выводных и дуванных. Суд отказал, руководствуясь тем, что устав артели предусматривает случаи исключения членов без расчета². Но в артелях, не пользующихся самостоятельностью, карательная власть делится между общим собранием и сторонними учреждениями. «Положение о дрягилах» перечисляет случаи, в которых таможня исключает дрягилей: кража, подмен, утайка товаров, вымогательство денег от купечества, подарки, кроме установленной платы³. Из лоцманов сход исключает члена, нерадивого в исполнении обязанностей, и приговор схода поступает на утверждение местного начальства⁴. Артели арестантов имеют право только исключить члена за лень и дурное поведение; другим же наказанием они могут подвергать членов только с разрешения смотрителя⁵. Другие виды промышленных артелей не нуждаются в установлении сложной лестницы наказаний уже в силу самого характера общения между участниками. Единственной карой является исключение, которому подвергался, например, в Павловской складочной артели член, замеченный 3 раза в неисправном исполнении переданных ему из артельного склада заказов⁶.

Познакомившись с характером отношений внутри артели, мы обратимся к рассмотрению некоторых сторон в ее внешних сношениях.

Во многих артелях мы встречаем наемных рабочих. Нам не известны случаи, где бы артель по принципу не допускала у себя наемного труда.

¹ Калачов. Там же. 24.

² Тур. Практика СПб. коммерч. суда за 1874 год, 26. См. там же за 1872 г., 29: решен. по делу артельщика Томсиной артели; 1875, 17: по делу Галина с Вульфовой артелью; 1875, 18: по делу Серова с Калужской артелью и мн. др.

³ § 23.

⁴ Огородников. Там же. 87.

⁵ Киев. губ. вед. 1866, 142.

⁶ Устав.

Единственное исключение представляли артели кузнецов и сапожников, созданные в Тверской губернии стараниями земства. Земство, поощряя развитие артельной формы, видело в ней прямую противоположность наемному труду. Зная темные стороны последнего, земство стремилось к тому, чтобы артели, освобожденные от давления скупщиков и разных других капиталистов, не пользовались выгодами своего положения и не подвергали других эксплуатации, какую только накануне испытывали сами артельщики. А потому хотя земство и не безусловно запрещало артелям нанимать рабочих, однако обставило наем некоторыми ограничениями. Но если наем рабочих и был ограничиваем, если рабочие находились в лучших условиях сравнительно с рабочими капиталистических предприятий, то артели здесь ни при чем: все это было делом земства, следствием благородного желания сузить, насколько возможно, область применения наемного труда – желания, вызванного примерами из истории артелей Западной Европы. Со стороны же самих артелей, насколько позволяют судить находящиеся перед нами данные, принципиально не предпринимается ничего, исключаящего наемный труд; против него ничего не имеют наши артели, как древние, так и более нового происхождения. Правда, можно насчитать множество артелей, в которых наемный труд не применяется и, конечно, не применялся никогда; но неприменение его обуславливается только особенностями или промысла или других сторон обстановки артелей. 1) Наемный труд не имеет и не может иметь место во всех тех артелях, которые сами являются по отношению к третьим лицам группами наемных рабочих в силу невозможности составить капитал, необходимый для самостоятельного ведения данного промысла. Таким характером отличаются артели покрученников. Не имея собственных средств для зверо- или рыболовства, данная группа крутится у предпринимателя; все местные условия понижают заработок покрученников до крайних пределов. Для чего служили бы такой артели наемные рабочие? Род промысла всегда требует одинакового, заранее известного числа участников, а потому уже при составлении артелей в каждую вступает определенное число лиц. Служить для этих артелей источником дохода наемные рабочие не могут, потому что плата последним едва ли может быть ниже, чем заработки артельщиков. Когда лов очень обилен и нужна подсобная сила, то «зуйки» – мальчики – помогают покрученникам и довольствуются тем немногим, что последние дают им¹. Так как ни одна артель не держит зуйков постоянно, так как последние помогают только по временам то одной, то другой артели в их работах, то этот наемный труд в артелях покрученников является чисто случайным и не может быть принимаем в расчет. 2) Группы рабочих артелей по характеру своих заня-

¹ Ефименко. Там же. II, 33.

тий не ведут промысла самостоятельно, а являются наемным элементом у предпринимателей. Если артель составляется в тех отраслях, где артельная форма есть единственный способ исполнения работ, если к тому же члены находятся в невыгодных имущественных условиях, то доходы самой артели крайне незначительны; последнее обстоятельство, исключая возможность вкупа и облегчая доступ в артель, делает в ней наемный труд совершенно неприменимым. Возьмем для примера артель бурлаков. Бурлаки работают обыкновенно в артелях. Тягость бурлацкого труда побуждает обращаться к этому занятию людей, наименее обеспеченных; последнее обстоятельство опускает плату, и без того низкую в этом промысле. Низкое вознаграждение за труд делает для бурлацких артелей невозможным нанимать рабочих по причинам, уже указанным нами выше. 3) Наемные рабочие не имеют места и в тех самостоятельных артелях, где занятие промыслом требует немного предварительных затрат и где артель обыкновенно составляется из участников, более или менее равных по степени имущественной обеспеченности. Такими представляются нам, например, артели охотников. В состав их входят крестьяне лесистых местностей, где большинство имеет ружья. Артели охотников нужны только охотники как члены или наемные рабочие, а каждый охотник, имея какое-нибудь ружье, предпочтет наемному труду охоту в одиночку. 4) Если самостоятельная артель, какой бы ни вела она промысел, пользуется для своих оборотов дорогим кредитом, то наем работников становится для нее невыгодным. 5) Наконец, некоторые артели исполняют только такие работы, которые по своей важности требуют и специальной подготовки, и определенного подчинения полицейским учреждениям. Последние, связывая с тщательным исполнением этих работ известные льготы, уже по своему характеру не могут допустить, чтобы этими льготами пользовались не все, а лишь некоторые из работников. Таковы артели лоцманов; в них наемный труд не может иметь место. К 5 перечисленным группам можно отнести множество артелей, пожалуй, большинство. Если в отдельных случаях в некоторых из них и найдутся наемные рабочие, то это будет исключением, объясняемым какими-либо индивидуальными особенностями данной артели.

Но во многих артелях мы встречаем наем рабочих как явление постоянное. Можно смело утверждать, что склонность нанимать рабочих всегда присуща тем артелям, которые пользуются экономической самостоятельностью и получают значительный доход от своего промысла. Последнее делает для артели выгодным прибегать к наемному труду даже в тех случаях, когда для ведения промысла достаточно рабочей силы одних артельщиков; но в тех артелях, обороты которых сильно колеблются по временам года, наем рабочих принимает очень большие размеры. Если к этому присоединяется труд-

ность приобретения членства, высокий имущественный взнос, то наемный труд становится необходимой принадлежностью артели. Именно в подобных условиях находятся биржевые артели, и особенно петербургские, спрос на работу которых во время навигации значительно выше, чем зимой. Примером может служить Кокорина артель: в четырехлетие (1867–70) ее средний заработок зимой составлял 4062 рубля, а летом – 11 467¹. Отсюда старание принаровить число членов к спросу на их труд зимой; а так как средний заработок артельщиков гораздо выше, чем лиц, единолично занимающихся теми же работами, то, стремясь удовлетворить своих хозяев и летом, биржевые артели нанимают много рабочих. Дрягильские компании, артели купоров, вязчиков² и другие также нанимают рабочих. Применение наемного труда в биржевых артелях так широко, что к ним в качестве рабочих поступают целые артели загорцев в Петербурге³, а члены последних находят свою работу настолько выгодной, что сами также нанимают рабочих⁴. Некоторым артелям, имеющим полицейское значение, не только дается право нанимать рабочих, но и вменяется в обязанность обращаться к наемному труду, если собственные силы артели недостаточны⁵.

Число рабочих, нанимаемых артелью, зависит от размеров оборотов последней. В артелях малочисленных, каковы рыболовные, и наемный труд имеет немногих представителей. Где много членов и спрос на труд артели подвержен колебаниям, там по временам нанимается много рабочих. Г-н Немиров свидетельствует, что с 1 мая 1873 по 1 мая 1874 года наемный труд у петербургских биржевых артелей выражался цифрой 225 131 рабочих дней и составлял около 25% труда самих артельщиков⁶. В петербургской дрягильской компании наемный труд находит еще большее применение: в начале 70-х годов среднее ежегодное число наемных рабочих составляло 181 568 дней⁷, что при 200 членах равнялось (200x300 дней = 60 000) с лишком 300% артельного труда. Артель вязчиков в Архангельске нанимает иногда так много рабочих, что число их превышает в 4 раза число членов⁸. Монопольная

¹ Немиров. Там же. 256.

² Федоров. Дрягил. комп. Там же. 123 и Ефименко. Там же. II, 125.

³ Немиров. Там же. 166–7.

⁴ Этот факт убедительно противоречит мнению г-на Дитятин, будто наемный труд встречается только в тех артелях, где капитал имеет преобладающее значение (*Дитятин*. Там же. I, 283): в артелях загорцев капитал преобладающего значения не имеет. Насколько наем рабочих соответствует идеалу артели – вопрос особый. Факты же свидетельствуют, что артель всегда нанимает рабочих, если находит это для себя выгодным.

⁵ Биржа, 1874, 348 (перед. ст.).

⁶ Немиров. Там же. 26.

⁷ Там же. 156.

⁸ Ефименко. Там же. II, 125.

артель при с.-петербургской таможене также нанимает много рабочих¹. То же мы встречаем и в московских биржевых артелях.

Способ найма двоякий. 1) Артель не принимает в этом участия, а предоставляет нанимать рабочих своим членам. Такой порядок мы находим в артелях на белужьем промысле: отдельные члены берут себе помощников за определенную плату или за половину пая; в последнем случае наемный называется *половинщиком*². В артелях заугорцев рабочих ставят также отдельные члены и уговариваются с нанятыми о размере платы³. 2) Гораздо чаще встречается наем рабочих должностными лицами от имени и за счет артели. Последнее мы находим в биржевых и почти всех сродных с ними артелях.

Положение рабочих, нанимаемых артелями, много хуже, нежели положение членов; мы не имеем основания предполагать, чтобы оно, в общем, было лучше, чем в предприятиях иных форм. Положение человека, нанятого артелью, хуже, чем положение члена, в двух отношениях. 1) Артель часто возлагает на наемных наиболее тяжелые работы. Отчасти это объясняется тем, что такие работы не требуют искусства: нанимая поденщиков из отставных солдат, лиц, исключенных из других артелей, биржевые артели стараются сохранить силы своих участников для работ, требующих большей сноровки. Но главная причина лежит в желании артельщиков не утруждать себя тяжелыми работами. В артелях, которые стоят всего ближе к капиталистическим предприятиям, со стороны членов довольно резко обнаруживается стремление уклоняться от работ; таковы, например, монопольные артели при таможах⁴. 2) Рабочие получают определенную плату, которая не превышает среднего вознаграждения за данный род труда и далеко уступает заработкам артельщиков. Артели заугорцев, будучи сами наемными рабочими, выписывают для себя рабочих из какой-нибудь деревни, где плата очень низка, и тем извлекают из найма известные выгоды. Наемные рабочие в чудских рыболовных артелях получают не более $\frac{1}{4}$ пая нанявшего их члена⁵. На белужьих промыслах работник получает $\frac{1}{2}$ пая⁶. В петербургских биржевых артелях средняя плата поденного рабочего составляла в 1873–74 годах 65 коп., то есть до 200 руб. в год, тогда как средний ежегодный заработок биржевого артельщика превышает 350 руб.⁷ Но там, где члены артели получают за свой труд определенную плату, а весь излишек составляет прибыль на капитал,

¹ Вести. жел. дор. 1875, XXI, 5.

² *Ефименко*. Там же. II, 57 и 59.

³ *Немиров*. Там же. 167.

⁴ Вестн. жел. дор. 1875, XXI, 5.

⁵ *Коген*. Артели чудск. рыбаков.

⁶ *Ефименко*. Там же. I, 59.

⁷ *Немиров*. Там же. 26.

вознаграждение наемных рабочих равно плате членам. Подобный пример мы имеем в московской артели половых: в ней как члены, так и нанятые получают за свой труд плату, соответствующую средней высоте вознаграждения за данный род работы (5 руб. в месяц). В артелях кузнецов и сапожников Тверской губернии, а также в Микшинской льнотрепальной артели положение рабочих было совершенно иное. Земство позволяло артелям нанимать рабочих только под условием выдачи им части прибыли. Для этого из прибыли отчислялась доля, равная сумме рабочих выплат; половина этой доли удерживалась артелью, другая же половина распределялась между рабочими соответственно их заработкам. Если по отчислении этой доли оставался излишек, то и из него 20% поступало рабочим¹. Мы уже заметили выше, что пример тверских артелей является исключением. Третьим различием в положении артельщиков и рабочих служит то, что последние не принимают никакого участия в управлении артелью.

Нанимая рабочих, артель является и ответственной за них перед сторонними лицами, которым приходится во всех случаях стоять лицом к лицу с самой артелью. Мы не находим определенных указаний на это, но думаем, что ответственность артели в данном случае не может возбуждать сомнения. Где отдельные члены нанимают работников, там они и отвечают за последних перед артелью; таковы, например, артели заугорцев².

Совместную деятельность артелей мы находим исключительно в охотничьем и рыболовном промыслах. Это явление объясняется не патриархальностью артелей, а самим характером промысла. Артели в этих отраслях обыкновенно малочисленны, а промысел сопряжен с большими трудностями и опасностями, которые и побуждают несколько артелей к соединению. Случаи соединения нередки между артелями охотников в восточной Сибири. Иногда охотничьи артели соединяются с целью совместного потребления: они поселяются в одной юрте³. Но часто соединение имеет целью общую работу: если артель белковщиков встретит медведя, то, не имея в своей среде опытного охотника, приглашает другую артель для совместного ведения промысла⁴. На Байкале рыболовные артели соединяются и совместно очищают главные места устья Селенги от песчаных наносов для увеличения улова рыбы⁵. Здесь цель соединения только косвенно связана с промысловой деятельностью союза. Но зверо- и рыболовные артели нашего севера дают множество примеров соединения для ведения промысла сообща. Устьинские тюленьи

¹ Русск. вед. 1873, 185.

² Немиров. Там же. 167.

³ Черкасов. Там же. 695.

⁴ Там же. 700.

⁵ Гагемейстер. Там же. II, 237.

промыслы имели исстари такую организацию, что все артели соединялись в одну бурсу. Эта организация, несколько расшатанная завистью между артелями, была восстановлена правительством посредством устава, изданного в 1866 году. По почину хозяев, нанимающих покрученников для тюленьих промыслов, несколько артелей соединяются в одну ромшу, а несколько ромшей образуют на промысле одну бурсу¹. На Ильмене иногда две артели уговариваются промыслять совместно, ловить рыбу так, чтобы невод проходился против невода². Подобное же соединение рыболовных артелей мы встречаем иногда и на Урале. Главная цель соединения – взаимоблегчение при занятии промыслом; обстановка данного промысла объясняет, в какой степени артель утрачивает свою самостоятельность. Последняя теряется всего раньше при извлечении выгод из предприятия. Все, добытое артелью, поступает в общую массу и делится между артелями поровну. Этот способ распределения дохода применяется во всех рыболовных артелях и, несомненно, охотничьих. Вследствие соединения иногда изменяется и характер самоуправления; каждая артель отказывается от некоторых прав и передает их новому союзу, в состав которого сама входит как часть. Если артели белковщиков соединяются для охоты на медведя, потому что только в одной из них есть опытный охотник, то его и избирают в руководители, а следовательно, право выбора главы исполнительной власти переносится из отдельных артелей в новую группу. Между устьинскими тюленьими артелями связь так тесна, что 4 старшины, устанавливая порядок в ведении промысла, избираются всеми артелями, и каждая сохраняет самостоятельность только при самом промысле, при распределении работ между своими членами³. Для ромшей покрученников план действий совместно начерчивается хозяевами⁴. Следовательно, в большинстве случаев соединенная артель имеет известную долю прав отдельных артелей, и последние сохраняют самостоятельность в управлении лишь настолько, насколько они действуют в промысле порознь от других.

Но, кроме этих связей между артелями, вытекающих из их вступления в состав более обширных союзов, между отдельными артелями возникают иногда отношения уже в силу того, что они работают рядом. В этих отношениях мы подмечаем двоякий характер. Одни артели относятся с большим уважением к правам других и воздерживаются от малейшего их нарушения; эту черту мы находим господствующей преимущественно в отношениях между артелями старинного типа, хотя нельзя отрицать ее существование и в артелях позднейшего происхождения. Если член одной артели белковщиков

¹ Ефименко. Там же. I, 41.

² Куприянов. О рыбн. ловле на оз. Ильмене // Москвитянин. 1853, XVIII, 56.

³ Ефименко. Там же. I, 46.

⁴ Там же. 41.

подгонит белку к члену другой, то последний не стреляет¹. То же мы встречаем и в жизни рыболовных артелей. На Ростовском озере перед началом лова сошцы стай верхами скачут по озеру к тому месту, где должно быть наиболее рыбы. Стая, сощец которой прискакал первым, закидывает невод впереди других, и на все время лова устанавливается порядок². На Урале каждая артель получает для ловли участок в 450 саженой длины или меньше, соответственно количеству ее сетей. Артели не престапают границ своих участков, не вторгаются в область соседей³. Две артели разносчиков газет в Петербурге, во избежание соперничества, поделили между собой город на участки, и каждая продает газеты только в своем⁴. Но мы находим отношения и прямо противоположного характера. Между дрягильской компанией и вольными артелями, работавшими на петербургской таможене, господствовала вражда, и следствием ее была крайняя испорченность⁵.

Большинству артелей приходится вступать в сношения с третьими лицами при исполнении работ. Иногда эти отношения очень непродолжительны, иногда же артель стоит в правильных и многолетних сношениях с лицами, нуждающимися в ее услугах. Одни артели сносятся непосредственно с лицами, поручающими им известные работы, другие же имеют посредников. В первом случае артель выбирает из своей среды лицо, наиболее ловкое, довольно грамотное; иногда это лицо стоит вне артели, но большей частью обязанность брать подряд на работы лежит на главе исполнительной власти. Бурлаки сносятся с судовладельцами через посредство выборных десятников⁶. При крепостном праве посредниками между сторонами нередко служили старосты в помещичьих имениях⁷. Лесорубочные артели в Архангельской губернии выбирают для этой цели того члена, который отличается наибольшей ловкостью и дают ему письменно доверенность на заключение условия с лесопромышленником⁸. Иногда артель выбирает для этих целей лицо, не принадлежащее к ее среде. Станционные артели Вологодской губернии приглашают для этого человека зажиточного, пользующегося известностью в околке: он и берет на свое имя подряду казны или земства⁹. Рыбинские крючники сносятся с судовладельцами исключительно через посредство под-

¹ Черкасов. Там же. 696.

² Артынов. Там же.

³ Данилевский. Там же. 70.

⁴ Сазонов. Там же.

⁵ Л. Д. Биржев. артели... 16.

⁶ Вернадский. Там же. 19.

⁷ Там же.

⁸ Ефименко. Там же. II, 105.

⁹ Русск. вед. 1879, 249.

рядчиков, которые извлекают из этого посредничества значительные барыши. Подрядчик внимательно следит за всеми прибывающими судами и, получив от судовладельца или его доверенного приказание поставить крючников для разгрузки судна, передает работу артели¹. Заработную плату наниматель передает подрядчику, и уже последний вручает ее артели, удержав себе долю, равную паю рядового крючника. Если артель не имеет средств, то подрядчик, до получения расчета, выдает ей на прожиток небольшие суммы. Не сносясь непосредственно с хозяином, артель зависит от подрядчика, и эта зависимость, как мы покажем ниже, не остается без дурного влияния. Организованное посредничество между артелями и их хозяевами мы находим в лице московского биржевого комитета. «Правила для биржевых артелей в Москве» подробно упорядочивают отношения между сторонами. Согласно «Правилам», те хозяева (отдельные лица и торговые общества, «торговое словение, как московское, так и иногородное»²), которые хотят в случае убытка понесенного от артели, иметь право на удовлетворение из капиталов обеспечения, должны делать заявления в артельной «хозяйской книге и ежегодно вносить установленный сбор за право пользования услугами артелей. Выполнив эти условия, хозяева могут во всякое время требовать к себе членов той артели, в книге которой они записались³. Биржевой комитет, ограждая интересы торговцев, не упускает из вида и выгод артелей. 1) Он не дозволяет одному и тому же хозяину пользоваться одновременно услугами более, чем 2 артелей. 2) Он запрещает ему, под угрозой пени в 25 руб. за каждое нарушение, брать сторонних лиц для тех работ, которые обыкновенно исполняются артелями⁴. 3) Хозяин обязан уплатить артели за исполненные работы в течение 7 дней по подаче ему счета старостой; в противном случае биржевой комитет взыскивает с хозяина через управу благочиния⁵.

Договор о найме артели на работы, как бы точно он ни был формулирован, может иногда вести к недоразумениям. Кто же устраняет эти недоразумения и устанавливает соглашение между сторонами? Мы имеем относительно этого весьма скудные данные. Нет сомнения, что в артелях, испытывающих экономическое давление, соглашение устанавливается еще большим давлением сильнейшей стороны. Там же, где артель самостоятельна, являются попытки создать третейский суд, который и рассматривает несогласия между сторонами. Такой третейский суд создан законом для разбора споров между штурмами и шкиперами. В его состав должны были входить 4 лица: 1) назначаемый

¹ Ярослав. губ. вед. 1881, 6.

² § 48.

³ Там же. § 49.

⁴ Там же. §§ 50–1.

⁵ Там же. 58–9.

гражданским начальством в Петербурге или военным в Кронштадте, 1 таможенный чиновник, 1 член магистрата и 1 депутат от города¹. Архангельская балластная артель, в случае споров со шкиперами или судовладельцами, обращается к третейскому суду; посредники выбираются обеими сторонами². В московских биржевых артелях третейский суд имеет широкое применение. Рассмотрению этого суда подлежат все несогласия между артелями, а также между артелями и хозяевами. Все жалобы поступают в биржевой комитет, который и передает их третейскому суду. Суд составляется из 5 лиц: хозяева выбирают 2 из среды купечества, а артель – 2 членов другой биржевой артели; 5-м представителем служит один из членов комитета. Решения постановляются простым большинством. Если стороны не выбрали посредников к назначенному сроку, то комитет сам назначает их из среды купечества³.

На круговую поруку у нас принято смотреть как на один из существенных признаков артельного общения⁴. Примкнув к этому воззрению, мы старались выше показать, что круговая порука встречается во всех артелях, хотя и не во всех она имеет случай обнаруживаться одинаково выпукло⁵. Артель, обеспечивая нанимателю точное исполнение работ круговой порукой, почти всегда ставит его в очень выгодное положение: он уверен, что при неисправности артели может взыскать за все убытки или хотя бы за часть их с любого из участников; круговая порука во всех случаях более или менее выгодна для третьих лиц. Нельзя с такой же уверенностью утверждать, чтобы взаимное ручательство было во всех случаях выгодно для артели, чтобы она, принимая его на себя, получала при отправлении работ обязательно лучшие условия, нежели при единоличном найме. Артели, имеющие некоторый капитал⁶,

¹ Торг. устав. Ст. 2421 п. 2. С упразднением магистратов назначение двух последних членов перешло к городским управам.

² Устав. § 24.

³ Правила... § 67–8.

⁴ Если круговая порука и называется иногда «социально-коммунистической чертой», коренной особенностью западноевропейских товариществ (Русский мир, 1875, 52. Заметка к устройству артелей), то подобный отзыв обличает только грубое невежество своего автора.

⁵ Неприменение круговой поруки в среде лоцманов объясняется, вероятно, тем, что она была бы непомерно обременительна, до трудности провода судов в туман, снег и т. д., и затрудняла бы составление комплекта. Стоя под строгим надзором портового начальства, артель лоцманов может внушить к себе доверие и без круговой поруки. Но если фактически круговое ручательство среди лоцманов не применяется (Огородников. Там же. 90), то закон признает за судовщиками право «просить об удовлетворении на них (лоцманов) в обществе» (Св. зак., т. XII, ст. 275) и тем намекает на круговую поруку. Следующие слова «или у кого надлежит» затрудняют толкование этой статьи.

⁶ Мы в другом месте показали, что круговая порука не всегда открывает артелям кредит (Исаев. Промышлен. товарищ... 229). Высказанные по этому поводу соображения могут быть проверены на истории товариществ Тверской губернии, которые если держались некоторое время, то исключительно материальным пособием земства, а последнее открывало артелям кредит не потому, что круговая порука казалась ему верным обеспечением исправной уплаты ссуд, а потому, что артельная форма представлялась ему наиболее совершенной, достойной поддержки формой предприятия.

состоящие из членов обеспеченных, исполняющие работы не самые грубые, ощущают несомненную пользу вследствие применения круговой поруки; наконец, она всегда полезна артелям в тех отраслях, где, наряду с артельным, применяется и труд единоличный. Благодаря ей сырьевая артель может иметь кредит при закупке материалов, благодаря ей биржевые артели могут получать за свои работы более высокую плату, чем лица, работающие вне артели, и т. д. Но можно с уверенностью сказать, что в тех отраслях труда, которые оплачиваются особенно низко, в тех артелях, члены которых принадлежат к наиболее бедным слоям населения, там, где, наряду с артелями, не применяется единоличная работа, круговая порука не приносит для артельщиков ровно никаких выгод. Представим себе артель бурлаков. Судовладелец очень дорожит круговой порукой, так как она обеспечивает ему исправное исполнение обязательств; артель же ничего не выигрывает, доставляя нанимателю эти выгоды; бурлацкий промысел ведется обыкновенно артелями; если бы, наряду с ними, возникла и тяга судов посредством единолично нанимаемых рабочих, то, весьма вероятно, труд бурлака-артельщика поднялся бы в цене. Так как этого нет, то ничто не препятствует заработкам этих артелей и при наличии круговой поруки опустится до крайних пределов.

В первой главе мы заметили, что «неограниченность» круговой поруки не должна быть понимаема в буквальном смысле слова. Но если на частное имущество артельщиков по его незначительности и не обращается внимание потерпевших, то все же круговая порука может быть весьма тяжела, и именно в тех артелях, которые не имеют капитала, где взыскание потерпевшего обращается на личный труд членов. Хотя труд этот и должен получать небольшую оплату, однако отработыванье за артели может затянуться на очень долгое время и послужить для работающих членов источником полного закабаления. Вот в каких, например, формах обязуются лесорубочные артели ответственность круговой порукой перед нанимающими их беломорской и онежской компаниями. «Ежели же при окончательном расчете на удовлетворение взыскания за утраченные бревна и канаты заработанных денег будет недостаточно, то мы, порубщики, обязуемся пополнить то число собственными наличными деньгами или заработать у компании в других работах по ее назначению»¹. Хотя в условии и предусматривается возможность возмещения убытков «собственными наличными деньгами», однако ввиду того, что «рабочий-лесопромышленник не только не обеспечивается своим заработком, но положительно бедствует»², можно быть уверенным, что обыкновенно артель отработывает свои вольные и невольные грехи. То же мы встречаем и среди бурлаков. Если при отправлении их домой

¹ *Ефименко*. Там же. 109.

² Там же. 111.

хозяину приходится передать артели сверх условленной платы, то 2–3 члена или больше, выбранные ею, остаются отрабатывать¹. Артели, состоящие из более зажиточных членов, стараются образовать капитал, который и служит первоначальным источником для удовлетворения потерпевшего. Мы уже видели, что биржевые артели в Москве обязаны составлять капиталы обеспечения известной высоты. Монопольной таможенной артели в Петербурге вменено было в обязанность составление капитала в 40 000 руб. Петербургские биржевые артели, дрягили и другие также имеют капиталы и первоначально покрывают из них все причиненные убытки.

Какова же область применения круговой поруки? В каких случаях артель отвечает за своих членов и каждый за всех? Мы полагаем, что, по существу своему, круговая порука должна выступать при всяком ущербе, нанесенном членами артели, составляет ли этот убыток следствие гражданского или же уголовного правонарушения, и только тот ущерб не может быть вменен артели в вину, который причинен в ее работах высшей силой. Мы имеем мало данных, чтобы судить, как смотрят на это сами артели; но есть основание полагать, что факты соответствуют нашим заключениям. Исключения бывают только там, где артель находится под сильным давлением нанимателя: лесорубочные артели нередко отвечают и в тех случаях, когда буря разносит бревна, несмотря на все усилия артельщиков². Некоторые артели стараются в своих правилах перечислить убытки, за которые артель ответственна, и перечисление получает такую форму, что ущерб, нанесенный высшей силой, не может быть поставлен артели в вину. Постановление Метелкиной артели гласит: «...мы, нижеподписавшиеся и вновь поступающие, единогласно ручаемся друг за друга вверенные нам от наших хозяев капиталы как в отлучках, так и здесь, сохранять в целости, наблюдать при выгрузках из судов... при работах в амбарах, в погребах, под караулом, где бы то ни было под каким присмотром какое-либо случится повреждение от нашего нерадения, за все сие обязуемся безоговорочно отвечать всей артелью... согласуемся мы все...»³. Некоторые артели не предусматривают ответственности за вред, причиненный третьим лицам преступлением ее членов; но сенат, как видно из решения по делу Горошкова, члена Полуярославской биржевой артели, распространяет круговую поруку и на эти случаи. Присуждая артель вознаградить за убытки, причиненные растратой Горошкова, сенат руководствовался соображением, что артель отвечает за все имущественные правонарушения своих членов, если это правонарушение включает в себе неисполнение обязательств, приня-

¹ Св. зак. 1857, т. XII, ч. 1, ст. 343.

² *Ефименко*. Там же. II, 109.

³ Постановлен. Метелк. арт. заключ.

тых на себя юридическим лицом¹. Прибавим к этому, что обязанность артели ответствовать в данном случае может быть выведена и из постановления Метелкиной артели: оно заключает в себе обязательство ответствовать за убытки, причиненные вследствие нерадения артели, а растрата Горошковым вверенного имущества свидетельствует, что артель была нерадива, избирая такого ненадежного члена. Во всяком случае, возмещая убытки, артель делает за них ответственным прежде всего виновного члена, то есть выдает из его доли в капитале и заставляет пополнить пробел новым взносом или удержанием из заработков.

Так отвечают артели перед теми лицами, с которыми их члены вступают в сношения как артельщики. Об ответственности артели за членов в других случаях мы находим только краткие указания у г-на Немирова. Гленова артель высказывает в своих правилах, что она ни в каком случае не ответствует за частные долги члена. (Конечно, суд, быть может, не примет этого в расчет и обратит взыскание на долю должника в артельном капитале.) Баронская артель выдает на удовлетворение частных долгов артельщика капитал последнего и исключает должника из артели². Таким образом, круговая порука не применяется и в последнем случае. Подобное ограничение круговой поруки вполне целесообразно. Расширение кругового ручательства до ответственности артели по всем частным долгам члена имело бы смысл только в том случае, если бы артель обнимала все стороны жизни участников, если бы все имущество последних становилось достоянием артели. Так как каждый артельщик имеет множество интересов, вовсе не связанных с артелью, то и нет основания настолько расширять пределы круговой поруки.

Во всех артелях, не испытавших на себе западноевропейского влияния, член несет ответственность только во время пребывания в артели; с момента выхода он освобождается от ответственности. Влияние Шульце-Делича сказалось, например, в том, что в Петербургской столярной артели член в течение одного года по выходу отвечает по всем обязательствам, возникшим во время его пребывания в союзе.

Относительно круговой поруки представляется еще один вопрос. Как может она служить достаточным обеспечением лиц, стоящих в сношениях с артелью, если часто капиталы, образуемые артелями, далеко ниже ценностей, доверяемых артелям, если для покрытия разницы не достало бы и частного имущества артельщиков, и цены их работ в течение многих лет? Лучшим примером служат артели биржевые. Круговая порука имеет в этих случаях значение, потому что побуждает артели быть крайне требовательными при приеме членов, брать только тех, которые хорошо известны и достойны дове-

¹ Пахман. Там же.

² Немиров. Там же. 36.

рия. Этим предупреждается сама возможность причинения ущерба. Доверие, которым пользуются биржевые артели, служит лучшим тому доказательством. Но не только по отношению к биржевым, члены которых часто хранят огромные суммы, и по отношению к другим мы замечаем желание третьих лиц видеть артель составленной из людей, знакомых между собой: судохозяева особенно охотно нанимают артели бурлаков, состоящие из жителей одной деревни¹. Круговая порука потому и важна, что она способствует созданию условий, предупреждающих необходимость ответственности артели. Профессор Вреден говорит по этому поводу: «...общее требование то, чтобы взаимным знакомством гарантировалась общая трудоспособность, чтобы всем возможно было стоять за каждого и каждому за всех»².

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Капиталы артелей. Распределение дохода

Мы уже имели случай заметить, что в нашей научной литературе есть воззрение на артели как на союзы бескапитальных тружеников. Хотя, в общем, это воззрение не соответствует действительности, однако многие артели по самому характеру своих занятий не нуждаются в капитале, за исключением немногих малоценных орудий. Землекопу нужен заступ, судорабочему – крюк; работают ли эти люди в одиночку или в союзе – орудия труда их не изменяются, и они в этом отношении не извлекают для себя никакой пользы из артельного общения. Так как каждому из этих лиц нужен только один крюк, один заступ, каковы бы ни были условия работы, то в этих и подобных им отраслях деятельности артель представляется союзом, основанным исключительно на соединении личных сил. Каждому члену всегда нужны его орудия; общих орудий труда нет и быть не может, а потому во всех этих случаях артели и не имеют общей этой части капитала. Но в состав капитала входят и те предметы, которые необходимы для содержания работника во время его труда. Большинство артелей имеют общие жилище и пищу. При совместном потреблении каждый может извлекать из общения значительные выгоды, а потому и является нужным установить известный порядок при образовании капитала этого разряда. По мере того как мы поднимаемся до более сложных промыслов, требующих или довольно ценных орудий производства непосредственно для занятия промыслом, или капитала для каких-либо сторонних, но тесно связанных с работами артели целей (капиталы биржевых артелей), все более ясно обнаруживается необходимость регулировать как порядок образо-

¹ Вернадский. Там же.

² Курс... 149.

вания этих капиталов, так и отношения, возникающие между членами в силу взноса каждым из них известной доли в общий капитал.

И то, и другое в отдельных артелях неодинаково. Главная причина, обуславливающая различие по отношению к капиталу, есть экономическая самостоятельность артели или ее зависимость от сторонних лиц.

В самостоятельных артелях весь капитал вносится членами или из их собственного имущества, или же добывается ими в кредит. Последнее находим мы в тех артелях, которые возникают при содействии общественных учреждений. Общественные учреждения, считая полезным широкое применение артельного начала, выдают артелям ссуды на выгодных условиях и, ограничивая самоуправление этих союзов, устанавливая над ними контроль, не только не пытаются сделать их зависимыми экономически, но и смотрят на ссуду как на средство поднять пользующихся ею на хозяйственный уровень известной высоты и освободить их от давления со стороны предпринимателей. Где артель прибегает к кредиту частных лиц, там она почти всегда утрачивает свою хозяйственную самостоятельность. Из артелей старинного типа полной независимостью пользуются почти исключительно те, которые составляют капитал из собственного имущества участников.

Простота оборотов большинства артелей делает крайне несложным и способ образования их капиталов. Если бы мы хотели отыскивать в каждой артели основной, оборотный, запасной и другие составные части капитала, известные сложным капиталистическим предприятием, то скоро убедились бы, что эти составные части и отдельные черты, сознательно проведенные между ними, могут быть найдены лишь там, где артель достигает своей крайней сложности, как по сравнительно высокому имущественному уровню участников, так и по разнообразию своих оборотов. В простейших же видах, соответствующих низшим ступеням развития хозяйственной жизни и несложным отраслям деятельности, общий капитал и крайне незначителен, и не содержит некоторых составных частей, встречающихся в капиталах сложных предприятий.

Характером промысла объясняется, почему не весь капитал, необходимый для данной группы, поступает в общее владение. Выше мы привели как пример артели землекопов и судорабочих. Прибавим к ним и некоторые другие виды артелей: таковы артели охотников. Постоянным капиталом у охотников служат ружья; оборотным – порох, дробь и те съестные припасы, которые необходимы на все время занятия охотой. И свойство орудий труда, и срок, на который составляются эти артели, позволяют нам живо представить себе все отношения между членами, связанные с капиталом. Артели этой группы часто образуют случайно из нескольких, неожиданно встретившихся охотников; иногда они составляются на несколько недель; но всегда срок

жизни артели непродолжителен. Хотя в артель вступают, большей частью, одни и те же лица, однако в многолюдных селениях легко могут быть случаи, когда личный состав артелей изменяется. Последнее обстоятельство, в связи с тем что охотник неразрывно связан со своим ружьем в артели и часто нуждается в нем в разных других случаях, делает неудобным изъятие этого предмета из частной собственности; таким образом, ружья не входят в состав капитала артели. Порох и дробь могли бы быть закупаемы сообща (на что мы, однако, не находим указаний), но, купленные сообща, они обязательно должны тотчас же поступать в единоличное распоряжение отдельных членов, так как охотой артельщики занимаются обыкновенно в одиночку; отсюда – эта часть оборотного капитала в виде денег для покупки пороха и дроби может поступать в собственность артели только на самое короткое время. Наконец, съестные припасы поступают в общую собственность, так как охотники, образуя и харчевую артель, возвращаются на ночь в общую юрту. Таким образом, в состав артельного капитала входят только юрта, нескоро сооруженная общими силами из жердей или кольев, и съестные припасы, пополняемые частью добычи от промысла. Прекращение артели также не может вызвать какие-либо осложнения относительно раздела капитала. Каждый удерживает свои оружие и охотничьи запасы; предметы продовольствия потребляются на промысле, а юрта оставляется на произвол судьбы, как предмет, имеющий ценность только во время охоты. Обращаясь к действительности, мы видим, что в восточной Сибири, например, каждый член артели охотников должен взять свое ружье, охотничьи и продовольственные запасы наравне с другими товарищами. Съестные припасы он передает на руки старосте, который готовит для артели пищу¹. Таким образом, здесь составляется общий капитал только для целей потребления, но не производства. Подобное же мы находим и во многих других артелях. В артелях нежинских табачниц каждая должна иметь свои заступ, мотыгу и иглы особой формы². У рыбинских крючников сообща нанимается квартира и готовится пища; плотники и многие другие также вносят в общую кассу только то, что нужно для потребления. Во всех этих случаях орудия производства не поступают в общую собственность и артель не имеет постоянного капитала или потому, что промысел не требует его, или же потому, что во время промысла артельщики не связаны единством места. В тех артелях, где занятие промыслом требует совместной работы, а последняя – орудий производства, капитал артели составляется из взносов участников; доля каждого поступает в общую массу и переходит во владение артели. Родом составных частей капитала артели обуславливаются и права, сохраняемые членами на сделанные ими взносы. Если артель нужда-

¹ Черкасов. Там же. 690.

² Шликевич. Там же. 253.

ется только в постоянном капитале и если притом срок существования артели непродолжителен, то член получает, по прекращении оборотов артели, весь сделанный им взнос (предполагая, конечно, что капитал не пошел на покрытие убытков, причиненных кому-нибудь артелью). То же мы находим и по отношению к тем капиталам, которые артель составляет не для занятия промыслом, а для каких-нибудь сторонних целей, связанных с ее деятельностью. Эти сторонние цели могут часто требовать затраты предназначенных для них капиталов; но легко может случиться, что в течение многих лет, во все время членства данного лица в артели, не встретится надобность в такой затрате, и тогда член получает полностью долю, внесенную им в артель (капиталы обеспечения в биржевых артелях). Если в составе имущества артели есть и оборотный капитал, то уже самый его характер не всегда позволяет целиком возратить члену все взносы, сделанные для пополнения этой части капитала. Наконец, запасный капитал, по самому своему существу, так тесно связан с самим предприятием, что доли, раз внесенные в него членами или удержанные из дохода артели, не могут подлежать возврату; запасный капитал должен целиком оставаться в собственности артели и поступить в раздел только между членами, участвующими в ликвидации оборотов. Запасный капитал составляет только в очень немногих артелях, а потому в большинстве член при выходе получает право на часть общего капитала, соразмерную сделанным взносам и приросту в течение членства выходящего. Форма, в которой делаются взносы, имеет влияние и на форму доли, получаемой обратно. Где доли вносятся натурой, там член при выходе часто получает внесенное им *in specie*. Возьмем, для примера, рыболовные артели. В артелях этой группы, слагающихся на Белоозере, капитал образуется из натуральных взносов. Каждый приносит с собой часть невода. Отдельные сети сшиваются, «сошворовываются» и вместе образуют невод. По окончании лова они «росшворовываются» и каждый получает свою сеть обратно¹. Так же составляется и, вероятно, разделяется постоянный капитал в рыболовных артелях на сибирских озерах и в разных местах севера европейской России. В артелях, устраиваемых для содержания почтовых станций, одна часть капитала поступает безраздельно в общую массу, на другую же член сохраняет право и при выходе из артели. Последнюю долю составляет все, что члены вносят в общий капитал натурой, – лошади, повозки, сбруя. Первая же обнимает ту часть капитала, которая необходима для ремонта движимости, приобретения свидетельства на право содержания почтовой станции, покупки мелких принадлежностей конской сбруи, колокольчиков, бубенцов². Биржевые и некоторые сродные им артели занимают в деле образования капитала особое место.

¹ Исследов. о состоян. рыболовства в России. IX, II.

² *Ефименко*. Там же. II, 155–62.

Характер работ этих артелей таков, что они не нуждаются в большом капитале собственно для занятия промыслом. Тачки и некоторые другие принадлежности, составляющие артельный такелаж, требуют столь небольших расходов¹, что приобретение их было бы возможно и при самых незначительных взносах вступающих. Но торговый класс, оказывая биржевым артелям доверие, с одной стороны поднимает доходы членов этих артелей далеко выше той нормы, которая может быть признана средним вознаграждением за данный вид труда (стоит сравнить, например, заработок артельщика, находящегося в карауле, и обыкновенного ночного сторожа, обязанности которых тождественны), с другой же – требует, если артели (московские) стоят в зависимости от купечества в лице охранителя его интересов биржевого комитета, известного обязательного обеспечения. Первое обстоятельство побуждает артели составлять крупные капиталы, второе – принуждает их к этому. Сознывая, что членство в артели дает возможность человеку получать заработок, какого он не имел бы при одиночном труде, артель считает, что известная доля этого заработка может быть рассматриваема не как рабочая плата, а как особый, совершенно специальный вид дохода, доставляемый человеку только вступлением в артель. Этот специальный вид дохода должен быть, по мнению артели, куплен. С точки зрения капиталистической нельзя возразить что-нибудь против такого требования: если предприятие дает какой-нибудь избыток сверх той суммы, которая может быть признана средней рабочей платой за данный род труда, то отчего не считать его прибылью? А если считать его прибылью, то отчего же не заставить человека, получающего эту прибыль, внести известный капитал? Отсюда – вкуп. В тесной связи с изложенным воззрением артели и со смыслом вкупа стоит и постоянное возрастание новизных денег по мере существования артели и расширения ее оборотов. Чем дольше существует артель, тем большую известность она приобретает, тем охотнее обращаются к ее услугам и потому тем значительнее ее доход и доля каждого участника. Мы можем проследить это по некоторым сведениям, приведенным в труде г-на Немирова. Данные касаются доходов петербургских биржевых артелей за конец 60-х и начало 70-х годов: доход каждого члена в Томсиной артели, третьей по времени образования (она возникла в 1725–30 гг.), колебался в 1871–74 годах между 422 и 529 рублями, Шляпкиной, Портеровой, относящихся по времени образования к последним годам прошлого века, доход составлял 300–400 руб.² Конечно, иногда артели менее древнего происхождения могут, по успешности оборотов, опередить союзы, существующие давно: стоит крупному торговому дому, пользующе-

¹ Расплата с наемными рабочими могла бы быть приурочена ко времени получения артелями расчета от хозяев.

² Там же. 13–14 и 106.

муся всеобщей известностью, обращаться предпочтительно к одной артели, и уже это одно высоко поставит ее в глазах всех торговцев города; оказываемое предпочтение дает молодой артели сразу то, что старые приобретают десятками лет точной и добросовестной работы. Каковы бы ни были причины расширения оборотов артели и увеличения доли члена в общем доходе, возрастание последнего обязательно ведет артель и к возвышению вкуп. Помимо увеличивающегося круга дел биржевых артелей этому возрастанию способствует и понижающаяся ценность денег, и связанное с их понижением возвышение рабочей платы, а следовательно, и тех специальных излишков, которые получают члены благодаря артельному общению. Таким образом, вкуп обязательно должен становиться все более значительным. Другим обстоятельством, побуждающим биржевые артели составлять значительные капиталы, служит требование от артелей осязательного обеспечения на случай убытков, которые артель может нанести нанимателю. Это требование заявляют блюстители интересов купечества – биржевые комитеты. Отсюда – *капиталы обеспечения*, которые уже по своему назначению должны достигать довольно большой высоты. В московских биржевых артелях образование такого капитала есть одно из необходимых условий для возникновения артели, в артелях же петербургских эти капиталы встречаются не везде, и ни в одной артели не превышают 10 000 руб. Наконец, на обороты артели, на наем рабочих, закупку съестных припасов и т. д. необходим известный капитал, который и составляется артелями под именем *оборотного* или *запасного*¹. Некоторые артели имеют, сверх того, еще капиталы, предназначенные для благотворительности; в петербургских артелях из этих капиталов делаются пожертвования на церкви, в московских – капиталы *вспоможения*² – выдаются пособия пострадавшим членам. Уже самый характер этих капиталов показывает, что большая часть из них составляет принадлежность отдельных членов, а не всей артели. Суммы, вносимые как вкуп, немедленно поступают в раздел между всеми наличными участниками и, таким образом, как бы бесследно исчезают для внесшего их члена; однако он может возвратить их тем же путем, которым утратил, – через получение известной доли вкупной суммы от каждого артельщика, вступившего после него в союз. Так как процесс пополнения каждым внесенной вкупной суммы может быть очень продолжителен, то артель приходит на помощь и признает за выходящим членом право на вывод, равный известной доле вкупа. Может случиться и часто слу-

¹ *Немиров*. Там же. 79–86. Артели не имеют строгой терминологии капитала. Собственно оборотный капитал называется иногда *оборотным*, иногда *запасным*. Запасным капиталом в точном смысле этого слова могут быть названы разве только капиталы обеспечения: они тесно связаны с самим существованием московских биржевых артелей и при изменяемости личного состава не подлежат уменьшению. В большинстве петербургских биржевых артелей запасных капиталов нет.

² Правила для биржев. арт. § 71.

чается, что доли вкупа, полученные от вступивших после, и выводная сумма не достигают и вместе взятые высоты вкупа, внесенного данным лицом; иной участник может, наоборот, получить в сложности больше, чем он внес в артель. Но в общем, создавая такой порядок, артель имеет целью доставить каждому члену возможность возвратить полностью то, что было внесено, как вкуп. Еще более очевидна возможность для члена возвратить внесенное в виде вкупа в тех артелях, где вошли в обычай покупка и продажа мест. Вкупаясь в артель, человек приобретает себе место, которое и может продать за цену, соответствующую уплаченной сумме, или более высокую. Отсюда – самый характер вкупных сумм объясняет, почему они остаются в частной собственности отдельных членов. То же можно сказать и про капиталы обеспечения. Они не нужны для оборотов артели, а имеют совершенно специальное назначение. Пока лицо состоит членом, до тех пор оно теряет сознание о праве собственности на долю в этом капитале, который весь может быть потрачен на покрытие убытков, нанесенных артелью ее хозяевам. Но раз член выходит, артель не считает нужным удерживать его долю в капитале обеспечения. Московский биржевой комитет не допускает сокращения артели без своего ведома; а потому член, продавая место, получает свою долю в капитале обеспечения с покупателя. В тех петербургских артелях, которые имеют капиталы этого рода, число членов может уменьшаться, а потому может уменьшаться и капитал обеспечения; но это не мешает артелям выдавать каждому члену при выходе соответствующую долю из этого капитала¹. Таким отношением к делу руководит, вероятно, сознание артели, что капиталы обеспечения – слишком незначительная величина для покрытия возможных убытков, а потому и нет основания делать их нераздельными. Обратные капиталы биржевых артелей занимают иное положение: хотя нет точных данных, чтобы судить, получают ли из них выходящие члены соответствующие доли², однако можно думать, что эти капиталы иногда бесповоротно поступают в общую собственность, так как они прямо связаны с промышленной деятельностью союза. Наконец, таким же характером отличаются и капиталы, предназначенные для целей благотворительных, для выдачи пособий членам больным, пострадавшим на артельной работе, и т. д. Нет основания предполагать, чтобы выходящий член получал долю из этого капитала, потребность в котором может наступать внезапно и в больших размерах. Если смотреть на запасный капитал согласно установившейся терминологии, то окажется, что в биржевых артелях нет капиталов этого разряда. Отсутствие их объясняется тем, что запасный капитал почти не нужен для успешности оборотов артели и

¹ В Спасской артели доле каждого члена в капитале обеспечения ведется особый счет, и капитал этот составляет личную собственность отдельных артельщиков.

² Г-н Немиров (там же, 79–86) говорит об этом не довольно подробно.

может иметь значение только как первый предмет, из которого артель могла бы удовлетворить потерпевших от ее деятельности. Хотя некоторые биржевые артели (Владимирская, Амбургерская и другие в Петербурге) и называют часть своего капитала запасным, однако и в этой части или ведется каждому члену особый счет, или же, если она составляется из равных членских взносов, каждому при выходе, причитается доля, выпадающая на отдельного артельщика. Таким образом, биржевые артели, за исключением капиталов оборотного и благотворительного, незначительных по своей высоте, не имеют капитала, неразрывно связанного с предприятием, размеры которого не зависели бы от изменений в числе участников. Те из наших артелей, которые и рассчитаны на продолжительное существование и занимаются промыслами, требующими непредвиденных расходов, образуют запасные капиталы, составляющие собственность союза. За участниками не признается право на получение при выходе известной доли из этих капиталов. Таковы, например, артель московских половых, бывшая Павловская складочная артель. Земства, способствуя образованию артелей и желая поставить их на прочные основания, требовали составления запасного капитала. Тверское земство ставило это необходимым условием для каждой артели, сложившейся при его содействии. Осташковская сапожная артель, например, должна была довести свой запасный капитал до 1000 руб. на члена¹.

Порядок образования капитала касается, во-первых, тех сроков, в которые составляются средства артели, и, во-вторых, того отношения, в котором стоит при образовании капитала артель к лицам, дающим ей работы (мы здесь подразумеваем самостоятельные артели в их отношении к нанимателям). В артелях, слагающихся на непродолжительное время, всякий участник вносит в капитал союза известную долю в самый момент образования артели. Таковы, например, артели охотников, рыболовов и др. В тех же артелях, которые слагаются на более или менее долгое время, капитал образуется постепенно. Размерами потребности в капитале объясняется и способ его составления. Где капитал ничтожен по своей ценности, там от участников не требуется предварительных затрат в виде денежных или натуральных взносов, а весь оборот совершается только на доли, удерживаемые из общих заработков. Лучшим образцом артелей этого рода могут служить артели парильщиков в Петербурге. Из недельного заработка выделяется известная сумма для покупки мыла, мочалы, кваса, а также и суммы, необходимые на пищу членам. Где необходимо составление более значительных капиталов, там артель обязует членов делать известные денежные взносы, удерживает часть заработков и прибылей. Мы уже имели случай говорить о порядке образования вкупных сумм в биржевых артелях. Но кроме взносов во вкуп, члены

¹ Артели в Твер. губ. // Рус. вед. 1873, 185.

делают взносы и в артельные капиталы. Так, Баронская артель в Петербурге требует от каждого члена ежегодного взноса в 25 руб., поступающего в запасный капитал. В Томсиной артели член вносит при вступлении 25 руб. в запасный капитал и затем ежегодно по 15 руб. В оборотный капитал Спасской артели каждый член вносит при вступлении 10 руб.¹. Относительно порядка в составлении капитала обеспечения московский биржевой комитет требует от артельщиков ежегодных 20-рублевых взносов до достижения капиталом 500 руб., а затем капитал пополняется нарастающими на него процентами. Такой же порядок установлен в Непоровой артели, имеющей капитал обеспечения: до достижения этим капиталом 6000 руб. он составлялся ежегодными вычетами в 15–20 руб. из доли каждого артельщика при дуване и всех штрафных денег, позднее же только из наравставших процентов². В капитал вспоможения отчисляется известная доля прибылей. В московских биржевых артелях, состоящих в ведении биржевого комитета, $\frac{1}{10}$ из процентов, следующих выдаче артели на капитал обеспечения, отчисляется в капитал вспоможения. Сверх того, в эту массу поступают и штрафные деньги³. Вообще, порядок составления артелями капиталов неоднороден. В артелях новейшего происхождения мы находим обычным тот порядок образования капиталов, при котором оборотный составляется из паев членов, оплачиваемых в определенные сроки, запасный же – исключительно из отчисления известных долей чистой прибыли, взысканий с членов, процентов на ценные бумаги, принадлежащие артели, и т. д. В Павловской складочной артели оборотный капитал образовывался из членских взносов в размере 50 коп. в неделю, а запасный – из отчисления 10% от прибыли и других названных нами источников⁴. Устав Архангельской балластной артели требует отчисления в запасный капитал 10% всех доходов⁵, что не делалось, по крайней мере, до середины 70-х годов по незначительности заработков артели⁶. В московской артели половых в запас отчисляется 50% прибыли. В Нижнетуринской механической артели в запасный капитал отчислялось все, что оставалось за выдачей членам рабочей платы⁷. С другой стороны, мы заметили, что порядок образования капитала затрагивает вопрос о том, кто вносит капитал? Этот вопрос может быть поставлен только по отношению к артелям производительным. Промышленные артели других групп обязательно, уже по самому своему характеру, долж-

¹ *Немиров*. Там же. 82–3.

² Там же.

³ *Правила...* § 71.

⁴ Устав.

⁵ § 2.

⁶ *Федоров*. Балластн. арт. Там же. 197.

⁷ *Белов*. Нижнетур. механ. арт. Там же. 173–5.

ны сами составлять нужный капитал. Производительные же артели имеют в этом отношении некоторые особенности. Будучи самостоятельными и являясь предпринимателями в полном смысле этого слова, обрабатывая сырье, они сами составляют капиталы. Если же они сами не ведут предприятия, а принадлежат к той группе, которую в литературе часто называют *рабочими* артелями, то между ними и предпринимателем могут возникать различные отношения при составлении капитала. Где артель, как, например, биржевые, имеет определенное местожительство, стоит на довольно высоком имущественном уровне, сносится одновременно со многими хозяевами, исполняет разнообразные работы, там весь нужный ей оборотный капитал вносится самими членами. Где артель занимается отхожим промыслом или размеры оборотного капитала не соответствуют имущественному уровню участников, там артель вносит только часть оборотного капитала, другая же часть доставляется нанимателем, пользующимся услугами союза. Так, в артелях печерских камнетесов члены сами изготавливают орудия, материал же для них – железо и сталь – доставляется арендатором¹. Артели, подряжающиеся у сельских обществ в Архангельской губернии для выделки кирпича, обязуются устроить кирпичный завод и заготовить ящики для кирпичей; сельское же общество доставляет дрова². Артели, подряжающиеся сплавлять смолу или хлеб, получают от нанимателя бревна и сами делают плоты³. Плотничьи артели, строящие гусянки на р. Унже, получают от предпринимателя паклю и гвозди, а сами поставляют рабочих и лошадей⁴. Подобных примеров очень много. Во всех этих случаях артель не утрачивает самостоятельности. Отношения же между долями, вносимыми в оборотный капитал артелью и предпринимателем, дают возможность заключить о высоте имущественного уровня членов таких артелей.

В большинстве артелей все члены вносят в капитал равные доли. В простейших артелях, нуждающихся только в немногих орудиях для занятия промыслом, такое отношение вполне понятно. Трудно себе представить самостоятельную артель охотников или плотников, члены которой вносили бы неравные доли в общий капитал. В артелях, составляющих более или менее крупный капитал, мы нередко находим его составленным и из неодинаковых взносов участников. Во многих рыболовных артелях члены приобретают несколько паев. Мы находим это на Байкале⁵, на Белом озере⁶. Иногда неравные

¹ Антипов. Там же. 62.

² Ефименко. Там же. II, 162–3.

³ Там же. 165.

⁴ Корнилов. Там же. 28.

⁵ Н. П. Артельн. рыболовство и т. д.

⁶ Исследов. о состоян. рыболов. IX, II.

паи встречаются и при образовании капитала в артелях для почтовой гоньбы: некоторые члены ставят на станциях только по 1 лошади, другие – по 2 и по 3. Если передвижение совершается водой, то иногда карбас, главная составная часть капитала, принадлежит одному из товарищей¹. Неравные доли мы находим и в некоторых артелях позднейшего происхождения: в Архангельской балластной артели член может иметь несколько паев². Но во всех этих случаях соотношение между долями отдельных членов обуславливает только размер выгод, извлекаемых каждым из общения, артель же как таковая не утрачивает самостоятельности. Иное дело – тот порядок, который допускается, например, в московских биржевых артелях. Покупка мест, хотя и обставленная некоторыми условиями, однако мало стесняема, ведет к сосредоточению в руках одного лица 3–4 и более артельных паев; необходимость работать на артель заставляет каждого владельца нескольких мест нанимать сторонних лиц для исполнения обязанностей артельщика. Нанятый получает от нанявшего условленную плату, и артельщик без труда извлекает крупные доходы из принадлежащих ему мест. Такой порядок создает в этих артелях праздный класс маленьких капиталистов и серьезно нарушает начало равенства.

Нередко артельщики не могут из собственных средств составить нужный для предприятия капитал и обращаются к кредиту. Относительно пользования кредитом мы находим два разряда условий, резко различных по своему характеру и влиянию на жизнь артели.

Во-первых, кредит общественных учреждений в широком смысле этого слова и – крайне редко – сходный с ним по условиям кредит у частных лиц. Кредит этого рода имеет ту отличительную особенность, что заимодавец является *plus royaliste que le roi*. Заимодавец проникается созданием важности артельного общения и стремится вызвать эту форму труда в тех отраслях, где она дотеле не была известна. Он не щадит своих сил для внушения членам данной группы сознания о превосходстве артели перед другими формами предприятий; но не ограничиваясь словами, он показывает и на деле готовность способствовать новосозданному союзу. Ссылаются данные лица на невозможность устроить артель по неумению организовать предприятие, – и проповедник артельного труда принимает на себя дело организации; указывается на недостаток капиталов как на помеху для образования артели, – и проповедник открывает кредит. Так как во всех этих случаях заимодавцем руководит стремление к общественной пользе без всякой примеси эгоистических побуждений, то открытый кредит удовлетворяет все условия, которые только можно требовать при пользовании чужими капиталами: процент очень низок – 3–5 годовых, уплата суды рассрочивается на несколько лет.

¹ Ефименко. Там же. II, 159.

² Федоров. Балластн. арт. Там же. 188.

Такой кредит нашли артели со стороны земств, которым и были всецело обязаны своим возникновением. Первое место в этом отношении принадлежит бесспорно Тверской губернии, частью Ярославской, Вятской и др. Почтенную роль в деле открытия кредита артелям играли Вольное экономическое общество и, наконец, правительство при учреждении Павловской складочной артели. Так как артели сыроваренные, кузнечные, сапожные могли возникнуть только при внешнем содействии, то первоначально все предприятие было ведено с помощью ссудных капиталов. Осташковская сапожная артель получила ссуду в 500 руб. для самого основания предприятия и 700 руб. на оборот под залог товаров¹. То же мы находим и по отношению к другим артелям. Иногда общественные учреждения не только временно выдают ссуды артелям, но и стараются организовать для кредита целые учреждения. В 1872 году в центре кузнечных артелей было образовано ссудосберегательное товарищество; при нем предполагалось устроить склад и выдавать членам артелей ссуды под залог представленных товаров. То же было сделано и в селе Павлове; одновременно со складочной артелью была устроена и артель ссудосберегательная. Ссудосберегательные товарищества устраивались земствами и при многих артельных сыроварнях; главным назначением этих товариществ была выдача членам ссуд для покупки коров². Хотя все эти артели, за исключением немногих сыроваренных, и рушились, однако крушение их не стоит в связи с открытым им кредитом. Последний, рассматриваемый сам по себе, обладал всеми свойствами, необходимыми для поддержания даже наименее надежного предприятия. В редких, чтобы не сказать исключительных, случаях артель сама создает для себя источник кредита образованием, посредством отчисления долей прибыли, особого капитала, предназначенного служить для выдачи ссуд отдельным членам. Мы знаем один такой пример – лоцманскую артель в Архангельске. С 1842 года, по инициативе контр-адмирала Кузмищева, лоцманы отчисляют из ежегодного дохода 5% в запасный экономический капитал³. Хотя капитал этот не связан с занятиями лоцманов, а должен служить для открытия кредита отдельным членам артели в случае нужды, однако он избавляет их от необходимости обращаться к частному обыкновенно дорогому кредиту и тем поддерживает их благосостояние так же, как ссуды, выдаваемые артелям общественными учреждениями специально на ведение предприятия.

Совсем иные условия кредита находим мы там, где заимодавцами артели являются частные лица. Иногда артели пользуются у частных лиц кредитом на выгодных условиях; но эти редкие случаи объясняются или тем,

¹ Тверск. губ. вед. 1876, II.

² Эдемюв. Артельн. сыров. 166.

³ Огородников. Там же. 90.

что артель имеет достаточный капитал и прибегает к ссудам только для расширения оборотов, или же тем, что артельщики могут, при чрезмерном давлении со стороны заимодавцев, обратиться к другим занятиям. Так, московская артель половых пользуется теперь, после двухлетнего существования, кредитом у торговцев съестными припасами и винами на таких же условиях, на каких получают его и отдельные лица, имеющие упрочившуюся репутацию и значительный капитал. Но эта артель, как ни велики ее обороты сравнительно с ее капиталом, представляется и в имущественном отношении довольно крупной единицей. Если рашевские торговые артели берут товары в кредит на честное слово без расписки и уплачивают долг уже по продаже товара¹, то это объясняется и их обширными знакомствами, и возможностью, в случае невыгодности артельного общения, обратиться к другим занятиям, и, наконец, соперничеством между торговцами. В подобном же положении находятся и русские артели извозчиков в северной Америке: они имеют большой кредит уже в силу своей зажиточности². Но множество артелей живет в такой обстановке, что нет налицо ни одного условия, которое способствовало бы получению дешевого кредита. Члены артелей занимают низшие ступени имущественной лестницы, обременены недоимками. Кредитных учреждений нет; неразвитость хозяйственной жизни в местности – таков, например, наш север, такова Сибирь – исключают самую возможность соперничества между капиталистами и ставят артель лицом к лицу с единственным богатым человеком в обширном округе. Иногда к этому присоединяется сравнительно высокая ценность орудий производства для занятия промыслами и трудность, в силу пустынности данной местности, редкости населения, найти какое-нибудь другое занятие. Все вместе взятое порождает эксплуататорский кредит, подкашивающий артель и лишаящий ее членов возможности достигать того экономического уровня, который могло бы дать артельное общение. В прекрасном исследовании г-жи Ефименко мы находим много фактов, указывающих на тяжелое положение промышленников нашего севера. Артели, составляющиеся для ловли белуг на берегах Онежского залива, не имеют собственных неводов, а часто и более мелких орудий. Эти предметы они берут в ссуду у зажиточных мещан или купцов из Архангельска, которые делают для себя главным источником дохода отдачу неводов внаем белужьим промышленникам. Пользование неводом обходится очень дорого: хозяин нередко удерживает половину улова и зорко блюдет за тем, чтобы промышленники не утаили чего-нибудь из его доли³. Члены звероловных артелей в Сибири нередко

¹ Аксаков. Исследов. о торговле и т. д. 34–5.

² Курбский. Северо-Америк. окраины // Вести. Евр. 1874, X, 635.

³ Ефименко. Там же. I, 58.

принуждены брать охотничьи запасы у крестьян-торгашей и через это обременять себя тяжелыми долгами¹. Кредит и тогда обременяет артели, когда они пользуются им не исключительно для ведения промысла. В Коле, например, образуются артели для ловли трески. Юридически эти артели вполне самостоятельны. Но необходимость обращаться к кредиту отдаёт их в тяжёлую кабалу местным капиталистам. Будучи не в состоянии обеспечить себя круглый год доходами от трескового промысла, артельщики занимают у местных богачей по 20–80 руб. на человека и обязуются, в уплату долга, поставить заимодавцу всю рыбу, выловленную от Благовещенья до Петрова дня, когда лов наиболее успешен. Цену рыбы устанавливает кредитор. Если весь долг покрыт, то промышленники все же обязаны доставлять рыбу в течение назначенного срока. Только после Петрова дня артели имеют право продавать рыбу сторонним лицам. Вследствие низкой цены, назначаемой заимодавцем, артели находятся в полной кабале². Подобное же злоупотребление кредитом встречаем мы и относительно многих других артелей. При найме бурлаков судовладельцы выбирают именно то время, когда бурлаки особенно нуждаются и в хлебе, и в деньгах для уплаты податей. Это бывает около Крещенья или в начале Великого поста. Бурлаки знают установившийся порядок и собираются накануне этих сроков на бурлацких базарах; подрядившись, они получают задатки, которые наниматели охотно дают в довольно большом размере, чтобы только до возможного *minimum*'а понизить плату³. Для чего бы ни пользовались артели кредитом, для ведения ли промысла или для каких-нибудь сторонних целей, – раз кредит этот открывается частным лицом, – хищнические наклонности капиталиста или предпринимателя выступают во всем своем блеске и делают из артели, хотя и сохраняющей самостоятельность во внутренней жизни, союз людей униженных, отданных в вечную кабалу без надежды когда-либо улучшить свое положение собственными силами.

Наряду с артелями, составляющими капитал из собственных средств участников или посредством займов, есть много и таких, в которых весь капитал или большая его часть не принадлежит артельщикам. Хотя с точки зрения экономических выгод, извлекаемых из промысла, положение членов артелей этого разряда отнюдь не может быть названо худшим по сравнению с положением тех, которые закабаляются с помощью дорогого кредита, однако различие между двумя группами состоит в том, что, получая кредит, артель сохраняет самоуправление, допуская же капиталиста в свою среду в качестве участника, она поневоле ограничивает само-

¹ *Газетмейстер*. Там же. II, 270.

² *Ефименко*. Там же. II, 37–8.

³ *Вернадский*. Там же. 19.

стоятельность в своей внутренней жизни. В отдельных артелях последней группы мы находим различное отношение между долями капитала, принадлежащими артели и сторонним лицам. В одних капитал вносится всеми участниками, но так, что доля одного из них значительно превышает паи всех остальных товарищей порознь или даже вместе взятые; крупное различие между взносом одного и всех остальных создает для первого исключительное положение в артели, делает его хозяином; его главенство сказывается как в доле добычи, которую он получает из общего дохода, так и в праве руководить предприятием. Мы находим такие артели у инородцев на Байкале. Артели промышляют рыболовством; хозяин доставляет пищу, а артель – лодку и снасти¹. Ценность пищи превышает стоимость орудий лова. В Архангельской губернии есть также артели переходной формы. Некоторые из кольских промышленников вступают в такие отношения к хозяевам, что последние дают съестные припасы и главные орудия производства. Остальные предметы, необходимые для ведения промысла, артель обязуется поставить от себя. Если она не имеет их и нанимает у того же хозяина, то платит за наем определенную сумму². Наконец, есть и чистый тип экономически зависимых артелей. Они представляют все элементы, из которых легко может выработаться форма частнохозяйского единоличного предприятия с наемными рабочими. Только особенности промыслов позволяют этим группам сохранять признаки артельного общения. Здесь труд и капитал строго разделены. Артель вносит в предприятие только рабочую силу, капитал же целиком принадлежит одному лицу. В применении к рыболовству на окраинах Архангельской губернии эти артели называются артелями покрученников. Как 200 лет тому назад все расходы по снаряжению покрученников принимал на себя, главным образом, архиерейский дом в Холмогорах, так теперь все затраты несут отдельные предприниматели. От имущественных средств капиталиста зависит и отношение его к артели. Не обладает предприниматель большим капиталом – он, как мы то находим, например, на тюленьих промыслах, нанимает только одну артель, становится в ее главе и участвует в ее работах³. Хотя он по внешности не отличается от артельщиков, трудится наравне с ними и ест из одной чаши, однако он, будучи хозяином, исключительно руководит предприятием. Если местный богач обладает значительным капиталом, то он нанимает несколько артелей, сам не участвует в промысле, а ставит кормщика во главе каждой артели⁴. В общих случаях самоуправление артели является крайне ограни-

¹ Н.П. Артельное рыболовство и т. д.

² Ефименко. Там же. II, 38.

³ Ефименко. Там же. I, 37–8.

⁴ Там же. II, 41.

ченным. Подобные же артели мы находим и среди уральских казаков¹. Причины экономической зависимости артелей легко понятны. Артельщики не имеют средств, чтобы промыслять самостоятельно, а потому и принимают все условия, которые ставят им предприниматели. И чем сложнее промысел, чем больших требует затрат, тем труднее для артели охранить свою самостоятельность. Наши беломорские промыслы принадлежат именно к тем, в которых артели не могут удовлетворить себя собственными средствами. Кроме орудий лова промышленникам, отлучающимся за несколько сот верст от дома, необходимо значительное количество съестных припасов, которое может быть заготовлено только человеком состоятельным. Предварительные затраты на снаряжение одной артели для ловли трески вычисляются лицом, хорошо знакомым с положением дела на наших северных окраинах, в 375 руб.², то есть около 100 руб. на человека. Такие затраты не по силам покрученникам. Отсюда понятно, что в рыболовстве и звероловстве экономическая зависимость артелей, а вместе с тем и сужение в самоуправлении, были обычными явлениями еще 200 лет назад.

Акт раздела дохода между артельщиками называется *дуваном*. Этот термин очень распространен в России и преимущественно среди артелей биржевых и других, сродных им по роду занятий³. Раздел дохода внутри артели с одной стороны и между нею и предпринимателем или заимодавцем с другой стоит в тесной связи со степенью экономической независимости союза. Но, как ни разделяется доход, везде мы встречаем стремление охранить равноправность артельщиков.

Если артель и кладет в основание раздела дохода начало равенства, то не следует думать, что необходимым следствием этого является поголовный раздел и получение каждой доли, абсолютно равной с долями прочих участников. Напротив, такого голого равенства артель не знает, и те виды артелей, где доход всегда распределяется на равные доли, проводят в своей жизни начало экономического равенства отнюдь не более строго, чем те, где доход делится на неодинаковые части.

Признавая в своей юридической жизни абсолютное равенство членов, отводя каждому в деле управления такую же совокупность прав, как и всем остальным, артель в своих экономических отношениях руководствуется началом относительного равенства. Артель стремится к тому, чтобы все члены исполняли в экономической жизни союза одинаковые обязанности, и поскольку такая цель достигается, постольку все участники пользуются

¹ Исследов. о состоян. рыболов. III, 45.

² *Ефименко*. Там же. II, 41.

³ На основании известных нам материалов, этот термин не употребляется в артелях рыболовов и охотников.

равными правами при распределении выгод, проистекающих из артельного предприятия. Равенство обязанностей в экономической жизни союза проявляется в том, что каждый член посвящает артели столько же сил, как и все его товарищи. А под силами в широком смысле слова всегда разумеется и труд, который член посвящает на служение артели, и те имущественные взносы, которые он вносит в общий капитал. Если в момент обязанностей члены равны, то и в распределении доходов мы встречаем абсолютное равенство. Если в момент обязанностей между отдельными членами есть различия, если один посвящает меньше труда, чем другой, если труд участников неодинакового качества¹, если имущественные взносы участников неодинаковы, то соответственные различия подмечаются и в долях, поступающих членам при разделе дохода. Словом, *доли членов в доход пропорциональны выполненным ими обязанностям в хозяйственной жизни союза*. Но, разбивая обязанности членов на две группы – на обязанность содействовать артели личными силами и имущественными средствами, мы видим, что по характеру этих обязанностей абсолютное равенство между членами может встретиться чаще по отношению к обязанностям первой группы, чем относительно обязанностей второй. Исследуя условия, которыми обставлен прием членов, мы старались показать, что одинаковая телесная сила и рабочее искусство участников высоко ценятся многими артелями и требуются ими от вступающих. Отсюда так как условия эти существуют, то многие артели, не нуждающиеся в капитале, и делят весь свой доход поголовно. Исключением из этого общего правила являются те артели, которые устанавливают различие между отдельными родами занятий в общем предприятии: где руководство делами союза, обязанности по управлению считаются более трудными, чем деятельность рядовых участников, там должностные лица получают большие доли дохода. При составлении артельного капитала, и особенно если он достигает значительной высоты, неравенство участников может выступить более резко; один вносит большую долю, чем другой, а потому и получает большую часть из общего дохода. Таким образом, хотя начало равного распределения не упускается артелями из вида, однако в силу различия тех предшествующих данных, которыми руководствуется артель при разделе дохода, это начало выступает не везде одинаково выпукло.

1. Первый способ раздела дохода есть раздел его на доли, абсолютно равные. Мы находим этот порядок в очень многих из наших старинных артелей. Таковы вологодские обчая, где вся жатва поровну делится между членами

¹ Нужно заметить при этом, что хотя многие артели оплачивают своих должностных лиц выше, чем рядовых артельщиков, хотя иногда и труд последних оценивается неодинаково (это мы встречаем преимущественно в артелях, составленных из разных работников, оплачиваемых задельной платой), однако мы нигде в артелях не встречаем таких многочисленных и различных степеней вознаграждения, как в капиталистических предприятиях.

зерном и соломой¹. Нежинские табачницы делят плату также поровну². По уставу, регулировавшему устьинские тюленьи промыслы, вся добыча распределялась поровну между всеми лицами, входившими в состав одной бурсы³. Самостоятельные артели на белужьих⁴ и семужьих⁵ промыслах также делят добычу поровну. То же мы находим в артелях, занимающихся звериным и птичьим промыслами⁶, среди плотников⁷, бурлаков⁸ и многих других. Если мы здесь везде встречаем раздел заработков поголовно, то это объясняется и тем, что имущественные взносы (общие, охотничьи артели) участников равны, и тем, что члены, будучи людьми равной силы, работают на артель одинаковое количество времени.

2. Раздел на неравные доли, обусловливаемый неодинаковым участием членов в общих работах или неодинаковой оценкой специальных обязанностей, лежащих на отдельных участниках. Самым лучшим образцом раздела этого рода могут служить артели биржевые. В них заработки распределяются между членами сообразно с числом дней, проведенных каждым на артельной работе. Такой раздел ведет к тому, что иногда неполные пай, то есть доли тех членов, которые работали не круглый год, бывают на 30–40% ниже полных паев⁹. Подобный же порядок при разделе заработков принят в петербургских купорных¹⁰ артелях и дрягилей¹¹. Этот порядок не следует считать таким, который бы нарушал начало равенства и резко противоречил выше указанному разделу дохода поголовно. Различие между обоими способами вытекает из особенностей самих артелей. Артели плотников, охотников, табачниц составляются на столь короткое время и обыкновенно столь немногочисленны, что крайне редко может встретиться случай, когда бы участник отлучался по личной надобности от работы даже на несколько дней, не говоря уже о неделях. В рыболовных артелях нашего севера, промышленяющих вдали от дома, все окружающие условия препятствуют артельщику удаляться от артели, а потому все способствует тому, что члены этих артелей поставляют на общую пользу одинаковое количе-

¹ Русск. ведом. 1880, 8.

² Шпикович. Там же. 253.

³ Ефименко. Там же. I, 47–9.

⁴ Там же. 59.

⁵ Там же. II, 56.

⁶ Там же. 100–1.

⁷ Корнилов. Там же. 28.

⁸ Вернадский. Там же. 21.

⁹ Немиров. Там же. 90–4.

¹⁰ Там же. 150.

¹¹ Там же. 161–2.

ство труда. Иное дело – артели биржевые. Многочисленность участников, бессрочность пребывания в артели часто создают такие условия, что член отлучается от артельной работы, уходит в деревню к своей семье. Было бы несправедливо уделять ему из общего дохода равную долю с теми членами, которые больше его способствовали получению этого дохода, а потому артель и выдает ему меньше. Но что биржевые и сродные им по занятиям артели проводят начало равенства при разделе дохода, видно из того, что труд всех артельщиков в одну и ту же единицу времени ценится одинаково¹, и из того, что заболевших член получает из заработков долю, равную части остальных. Неполнота сведений об артелях старинного типа не позволяет нам судить, как поступили бы эти артели с членами, отлучающимися от работы по частным нуждам, но нет основания думать, чтобы и в этих случаях артели держались поголовного раздела дохода. Далее, кажущимся нарушением начала равенства в распределении является порядок, принятый в тюленьем промысле. В нем доля каждого из общей добычи определяется числом тюленей, которых данному члену удалось выволочь на берег. Порядок этот объясняется тем, что наибольшая трудность тюленьего промысла заключается именно в выволакивании животных, требующем огромных усилий². Так как силы участников не могут быть абсолютно равны, то все не могут поставить на пользу артели одинаковое количество работы, а потому артель и вознаграждает каждого соразмерно числу выволоченных животных. Подобный же раздел мы находим и в некоторых артелях новейшего происхождения. В Воскресенской столярной артели заработок делится по числу дней, проведенных каждым на работе³. Севастопольская артель лодочников делит заработок поровну; кто не работал целый день, тот не получает ничего⁴. В Нижнетуринской механической артели рабочая плата членов соразмеряется с искусством каждого из них⁵. Неравную оценку труда мы находим и во всех тех артелях, а таких, как мы указали в одной из предшествующих глав, немало, где должностные лица получают излишнее вознаграждение. Такую же неодинаковую оценку мы встречаем и там, где малолетние, входящие в состав артели, получают низшее вознаграждение, чем взрослые. В Архангельской дрягильской компании есть 2 мальчика, исполняющих обязанности рассыльных; они получают половину пая до достижения возраста полной рабочей силы⁶. В лоцманских артелях ученики получают также $\frac{1}{4}$,

¹ Там же. 87.

² *Ефименко*. Там же. I, 40.

³ *Тихомиров*. Путевые заметки. Там же. 69.

⁴ *Щербина*. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1880, 321.

⁵ *Белов*. Нижнетур. механ. арт. 176.

⁶ *Федоров*. Дрягил. комп. 124.

$\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ пая, сообразно степени их опытности¹. Как мы старались пояснить выше, все эти отклонения не нарушают начала равенства.

3. Где капитал артели более или менее значителен и взносы участников неравны, там весь доход распределяется в известном отношении между трудом и капиталом. Отношения между правами обоих элементов на долю дохода в отдельных артелях неодинаковы, но все исследуемые нами союзы признают за каждым элементом самостоятельное право на участие в доходе. Сводя все артели в этом отношении к нескольким группам, мы видим троякий порядок при распределении дохода между трудом и капиталом. А) Весь доход составляет при разделе одну безразличную массу. Известная часть этой массы поступает капиталу, другая же идет труду. Артели, составляющиеся для ловли сельдей в Архангельской губернии, делят, если в артели только 3 члена, весь доход на 5 частей или паев. Каждый артельщик получает за свой труд 1 пай, 2 же пая отчисляются как прибыль на невод и карбас. Принадлежат эти предметы одному лицу – оно получает целиком 2 пая; если в приобретении этих предметов участвовали все члены, то 2 пая разверстываются между всеми². В Лямице (Архангельская губерния) устраиваются самостоятельные артели для ловли тюленей и распределяют добычу на указанном основании: все получают поровну за труд, а член – владелец лодки получает за нее лишнюю $\frac{1}{4}$ пая³. В белоозерских рыболовных артелях все члены получают по 1 паю, ватаману же, как вносящему больше сетей в невод, достаются 2⁴. У рыболовов на Пейнусе капиталу отчисляется половина добычи (эта часть идет, по местному выражению, «на запас»), которая и разверстывается соразмерно долям, внесенным каждым членом в невод; другая половина поступает труду «на народ» и делится поровну между всеми⁵. Сходное распределение мы находим и в рыболовных артелях у уральских казаков. Капиталу отчисляется определенное число паев: владельцу невода достается 5 паев; владелец мотней, если они достигают 13 аршин длины, получает 3 пая или меньше, поскольку мотни короче указанной величины. Часть, поступающая труду, распределяется между участниками не поровну, а с соблюдением военно-иерархических степеней. Рядовые казаки получают по 1 паю; если в тяге участвуют офицеры, то обер-офицерам выдается по 2 пая, а штаб-офицерам – по 3⁶. Отступление от начала распределения поровну в уральских артелях объясняется тем, что общинноземельные поряд-

¹ Огородников. Там же. 86.

² Ефименко. Там же. II, 48.

³ Там же. I, 51.

⁴ Исслед. о рыболов. IX, 12.

⁵ Там же. I, 81.

⁶ Данилевский. Там же. 81–2 и Исследов. о рыболов. III, 81–2.

ки у них и на пользование водами. Известно, что вся земля, принадлежащая войску уральских казаков, находится в общинном владении и наделы офицеров превышают наделы рядовых. Так как рыболовством занимается все население общины, то понятно, что порядок пользования землею совместно с давлением, которое офицеры могут производить на нижних чинов, переносятся и на распределение добычи от рыбной ловли. То же мы находим и в некоторых других артелях, нуждающихся при своих занятиях в порядочном капитале. Артели, подряжающиеся вспахивать поля в Сычевском уезде, верстают плату поровну по работникам и лошадям¹. Б) Второй способ раздела дохода между трудом и капиталом состоит в том, что доход разбивается на самостоятельные части, из коих одна поступает труду, другая – капиталу. Эти самостоятельные части выражаются не в относительных числах, как при первом способе распределения, а в абсолютных. Нетрудно понять, что такой порядок может быть с удобством применен только там, где обе части дохода уже при поступлении не связаны одна с другой. Мы встречаем это в некоторых артелях, содержащих почтовые станции. Деньги, получаемые по подряду от казны, большей частью поступают капиталу и делятся между членами соответственно с числом лошадей, поставленных каждым на ям. Прогонные же деньги делятся поровну между всеми, участвовавшими в очереди², и являются, таким образом, рабочей платой. Но есть и исключения: в деревне Сюзьме (Архангельской губернии) делятся поровну и подрядные деньги. Но для того, чтобы члены, содержащие больше лошадей, не считали себя обиженными, между ямщиками строго соблюдается очередь: кто не может менять лошадей, тот гоняет своих больше, чем его товарищи³. Такая же раздельная черта проведена и в биржевых артелях между доходами на капитал и заработками. Капиталы (обеспечения, запасной) не участвуют в обороте, а нарастают процентами в ценных бумагах или кредитных учреждениях, а потому доля каждого в капитале возрастает независимо от участия члена в работах артели. В) Третий способ состоит в том, что члены получают за свой труд определенную плату; прибыль же по истечении года разверстывается между артельщиками соразмерно с долями в общем капитале. Мы встречаем это в московской артели половых.

В артелях несамостоятельных порядок распределения дохода между капиталом и трудом остается по форме таким же, как в самостоятельных артелях, держащихся первого способа распределения. Обыкновенно доля капитала определяется относительным числом, так как выражение ее абсолютной цифрой иногда может не лежать в интересах предпринимателя, иногда же

¹ Артели в Сычев. уезде. Там же. 200.

² *Ефименко*. Там же. II, 160.

³ Там же. 162.

сведет доход артели на такой низкий уровень, что сделает невозможным дальнейшее занятие промыслом. При разделе между капиталом и трудом мы встречаем двоякий порядок, несколько различный в частностях, но сходный по существу. Где доли членов артели неравны и каждый получает в собственность свою часть в натуре, там хозяину неудобно сводить счета при распределении только с артелью. Каждый из участников, получив свою долю, может распорядиться ею по своему усмотрению, а потому артель предоставляет ему вступать в единоличное соглашение с хозяином. Мы находим это в артелях, промысляющих охотой на тюленей. Артель выдает предпринимателю 1 пай за лодку и 1 – за орудия; но так как каждое животное поступает тому, кто его выволок, то члены уступают хозяину еще часть из своей доли – $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{5}$ ¹. В большинстве же случаев, так как весь доход, поступающий труду, составляет одну безразличную массу, хозяин сводит счета только с артелью. Из добычи новоземельских артелей на моржевых промыслах хозяин получает $\frac{2}{3}$, а артель – $\frac{1}{3}$. В таком же отношении делится между предпринимателем и артелью доход на тресковых промыслах³. В звероловных артелях сибирских инородцев остяков, самоедов, а также русских, если они зависят от предпринимателя, последний получает половину добычи⁴. Каков бы ни был способ распределения, получает ли хозяин свою долю с помощью соглашения только с артелью, или же он вступает в двойное соглашение – с артелью как целым и ее отдельными членами, – результаты одинаковы: капиталист поглощает столь большую часть дохода, что артельщикам остаются только жалкие заработки, не позволяющие когда-либо освободиться от давления предпринимателей и промыслять на собственный страх.

Мы указали на способы распределения дохода в артелях производительных. В промышленных артелях остальных видов весь доход поступает капиталу. В Осташковской сырьевое-складочной артели вся прибыль распределялась между членами соответственно цене сапог, доставленных каждым. В Петербургской столярной артели каждый получает из прибыли долю, соответствующую стоимости вещей, изготовленных им по заказу склада⁵. В производительно-подсобных артелях все имеют право на извлечение из артели выгоды, соответствующей сделанному взносу. В артельных кузницах Нижегородской губернии каждый имеет право на 1 место, так как все делают одинаковые взносы на сооружение здания⁶. В артельных сыроварнях уста-

¹ Ефименко. Там же. I, 40 и Арханг. губ. вед. 1867, 84.

² Ефименко. Там же. I, 27–8 и Лепехин. Путешествие. СПб., 1865, IV, 143.

³ Ефименко. Там же. II, 32.

⁴ Гагемейстер. Там же. II, 270.

⁵ Устав. § 35.

⁶ Труды комм. по исслед. кустарн. промышлен. к. IV, 186.

навливается такса платы за приносимое молоко; прибыль распределяется соразмерно количеству молока, доставленного членами¹.

Доход распределяется в натуре и деньгами. Где доход поступает в форме денег, там он и распределяется в той же форме. Где доход поступает в натуре, там форма распределения зависит и от того, в какой степени добыча артели составляет полезность для членов, и от удобства сбыта добытых произведений. Вологодские обчие всегда распределяют продукты зерном, большая часть которого идет не на продажу, а служит для домашнего употребления. Артели косцов, владеющих сенокосами или арендующих их в Архангельской губернии, делят сеном; они располагают его в одинаковых кучах, и члены мечут жребий, определяющий кучу каждого участника². Охотничьи и рыболовные артели делят добычу иногда натурой, иногда деньгами. Так, в Сибири охотники делят зверей, не употребляемых в пищу, поштучно; мясо тех, которые служат пищей, делится по весу, а при разделе, например, одного медведя животное продается, и в раздел поступают уже деньги³. Многие рыболовные артели в Пинежском уезде делят крупную рыбу порознь от мелкой; на семужих промыслах добыча делится натурой, если поймано много рыбы; если улов незначителен, то семгу солят, продают и делят вырученную сумму⁴. В Новгородской и Псковской губерниях и на Ростовском озере возможность легко найти для рыбы сбыт побуждает продавать ее артелью. Начала распределения не изменяются от той формы, в которой артельщик получает свою долю.

Время распределения дохода стоит в прямой связи с продолжительностью существования артели и родом промысла. Если артель слагается только на короткий срок, то раздел совершается обыкновенно по окончании общей работы. Вольные артели крючников в Рыбинске делят заработанные деньги по окончании выгрузки и нагрузки у данного судовладельца. Срок исполнения работы часто не превышает 2–3 дней; но немедленный раздел заработка становится необходимым, потому что личный состав этих артелей не всегда один и тот же. По окончании же общей работы мы находим раздел и у рыболовных артелей, охотничьих и множества других. Род промысла также влияет на время раздела: некоторые промысла таковы, что артель получает плату немедленно по окончании работы; если к этому присоединяется малочлен-

¹ Сыроваренные артели следует отнести к производительным: переработка молока в сыр или масло производится за общий счет. Члены не принимают в промысле участия своим трудом помимо недостатка специальных знаний, потому что свойства промысла требуют затраты ничтожного количества рабочей силы, делающего неудобным, почти невозможным для всех членов участие в производстве.

² *Ефименко*. Там же. II, 153–4.

³ *Черкасов*. Там же. 690.

⁴ Отчет Комис. по исследов. Печерского края, 64.

ность, то можно с полным удобством делить доход весьма часто. Подобный порядок мы находим, например, в артелях парильщиков, где дуван производится каждую субботу, а иногда и каждый день¹. Артели нищих делят собранную милостыню каждый вечер². Если артель рассчитана на многолетнее существование, имеет много членов, сносится с различными хозяевами, исполняет разнообразные работы, то ее счетоводство значительно усложняется: является необходимость назначить для раздела известные сроки, не слишком частые, чтобы не затруднять должностных лиц и не отрывать много времени от занятий членов. К этой группе принадлежат биржевые и другие артели, работающие в городах. Во всех таких артелях дуван обыкновенно бывает 2 раза в год на общем собрании. Раздел дохода дважды объясняется тем обстоятельством, что во многих артелях этого рода зимний и летний заработка неодинаковы, неодинаково (биржевые в Петербурге) также и число наличных членов: застой в работе зимой побуждает многих отписываться на это время от артели и уходить в деревни. Оба обстоятельства заставляют делать особое вычисление долям участников для лета и зимы. Таким образом, время дувана приурочивается к концу летнего и зимнего полугодий. У петербургских биржевых артелей дуван за зимние работы бывает около 1 мая, а за летние – около 1 ноября³. Иногда сроки удлиняются до 1 раза в год, как у петербургских дрягилей⁴, или учащаются до 1 раза в месяц, как в Архангельской дрягильской компании⁵. Впрочем, в последней артели рабочее время ограничивается только летом, зимой же архангельские дрягили занимаются сторонними работами. В сырьевых артелях, Петербургской столярной, Павловской и др., раздел совершается по уставу 1 раз в год – на очередном общем собрании. Подобный же порядок мы находим и в тех производительных артелях, где члены получают за труд определенную плату. Плата выдается 2–4 раза в месяц, а прибыль делится 1 раз в год на общем собрании. Мы встречаем это в московской артели половых. В артели доменных рабочих на Кушвинском заводе на руки выдается приблизительно $\frac{2}{3}$ заработка, $\frac{1}{3}$ же удерживается и в конце года распределяется между членами соразмерно с рабочей платой⁶.

Так как в артелях последней группы член часто не может в промежутке между дуванами обойтись без ссуды, то сложился обычай брать у старосты деньги в счет заработка и помимо дувана. Правом этим члены пользуются очень широко. Артели часто не определяют размеров, до которых член может

¹ Вед. СПб. гор. пол. 1871, 136 и СПб. вед. 1865, 220.

² Де-Пуле. Там же.

³ Немиров. Там же. 89.

⁴ Там же. 160.

⁵ Федоров. Дрягил. комп. Там же. 126.

⁶ Попов. Матер. для ознакомл. с быт. горнозав. насел. на Урале. Там же. 46.

забирать у старосты в счет будущих доходов, а потому нередко случается, особенно если староста находится в приятельских отношениях к забирающему члену, что последний в сложности получает не только сумму, которая причитается ему при дуване, но и гораздо больше. Те же, которые не пользуются расположением старосты, часто встречают отказ. Забор у старосты мы встречаем в биржевых¹, дрягильских² и многих других артелях. Нет оснований предполагать, чтобы этот порядок – если должностные лица не злоупотребляют им, – мог служить ко вреду артели.

Все доходы, сопряженные с оборотами артели, поступают в общую массу и распределяются между участниками согласно вышеуказанным началам – таков общий порядок. Подчинение хозяйственных выгод каждого интересам всего союза идет иногда так далеко, что в общую кассу поступают и те доходы отдельных членов, которые хотя и заработаны во время пребывания их в артели, однако вовсе не связаны с деятельностью последней. На Новой земле все, что добыто артельщиком, становится общим достоянием. Академик Бэр, путешествовавший на Новой земле в 40-х годах, рассказывает, что мальчик, ловивший ему мышей, вносил получаемые за это деньги в общую кассу³. Медведицкие бурлаки делают в свободное время дуги, оглобли, продают их в Ростове и вносят вырученные деньги в кассу артели⁴. Но рядом с этим мы встречаем и противоположные факты: артельщик признается собственником того, что получено им, благодаря счастливому случаю в широком смысле слова. И мы находим это как в новейших артелях, так и в самых древних. В биржевых артелях члены, как об этом сообщает г-н Немиров, создают для себя источники обильных доходов, не поступающих в общую кассу⁵. Одни содержат торговые заведения, другие, служа при складах, пользуются готовностью хозяина дешево сбыть залежавшийся товар и покупают его для перепродажи с барышом; третьи исполняют за «комиссионные» поручения своих земляков – торговцев по покупке товаров и т. д. Так как постановления артелей не препятствуют этим сторонним занятиям, то многие члены наживают десятки тысяч. В станционных артелях Вологодской губернии могарычи поступают в частную собственность каждого⁶. На Устьинских промыслах вымет – околевший и выброшенный на берег тюлень – поступает в собственность нашедшего его счастливец⁷. У нас слиш-

¹ Немиров. Там же. 59 и 75.

² Федоров. Дрягил. комп. Там же. 122.

³ Бэр. Об этнографич. исследованиях. Зап. Русск. географ. общ. 1849, I.

⁴ Сазонов. Программа собир. свед. о русск. народн. арт. // Русская мысль. 1881, I, 293.

⁵ Немиров. Там же. 121–8.

⁶ Из Вологод. г. Рус. вед. 1879, 249.

⁷ Ефименко. Там же. I, 49.

ком мало данных, чтобы заключить, как более склонны артели относиться к доходам этого разряда. Но мы полагаем, что последнее отношение более обще. Находит артельщик околевшего тюленя, получает от проезжающего крупный могоарыч, поступает на место к такому хозяину, где есть партия залежавшегося товара, – во всех этих случаях доход стоит в отдаленной связи с оборотами артели, есть дело удачи, счастья, а потому и можно думать, что артель чаще будет склонна признавать за счастливецем исключительное право на извлечение выгод из этих благоприятных обстоятельств.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Отношение к артелям нашего законодательства

Мы не имеем законодательства об артелях. Отсутствие цельного свода законоположений об артелях объясняется тем, что эта форма труда издревле применялась в тех отраслях, которые слишком удалены от законодателя, слишком мало обращают на себя его внимание. Какой интерес могут возбуждать те мелкие группы, которые где-то далеко, на окраинах страны, занимаются охотой или рыболовством? Стоило ли законодателю присматриваться к жизни обчих, артелей плотников и других союзов с незначительными оборотами, неспособных, по-видимому, оказывать влияние на ход народной жизни? Взор законодателя раньше привлекают к себе те явления, которые или всеобщие, или же, по своим размерам, стоят в кажущейся или действительной связи с интересами всего государства. Жизнь многочисленных масс долго предоставляется себе самой. Регулированию подвергаются очень рано те стороны этой жизни, которые стоят в прямой связи с интересами государственного казначейства; другие же стороны долгое время упорядочиваются обычным правом; к числу таких проявлений народной жизни принадлежит и артель – форма, в которой народ наш привык вести промысел или достигать иных хозяйственных целей. И жизнь артели, как жизнь общины, как семейные отношения крестьян и многое другое, не была до сих пор в целом предметом законодательных определений.

Не имея законодательства об артелях, мы имеем, однако, отдельные законоположения о союзах этой формы; и эти законоположения как своим характером, так и временем появления в нашем своде еще более убеждают нас, что артель сама по себе нимало не привлекала внимания законодательной власти. Все эти положения об артелях изданы отнюдь не ради артелей, а в интересах тех лиц и учреждений, которые пользуются артельным трудом и которые, по общераспространенному убеждению, нуждаются в покровительстве государства. Труд биржевых артелей стал получать широкое

приложение, пользование этим трудом было выгодно для торгового сословия – и вот законодатель, всегда и везде поощряющий развитие торговли, вносит в свод ряд статей, устанавливающих для биржевых артелей известные нормы. Важность развития судоходства понимается государством; до применения пара тяга судов бурлаками есть необходимый элемент в жизни судоходства, а потому законодатель уделяет в своде немного места и для артелей бурлаков. Горнозаводская промышленность является во всех странах в течение целых столетий любимым чадом государства, а потому законодатель считает необходимым сказать несколько слов и об артелях, соприкасающихся к горным делом, и т. д. Характер законоположений об артелях еще более подкрепляет нас в высказанном убеждении. В статьях, посвященных артелям, почти незаметно стремление законодателя оградить эту форму труда от внешнего давления и в то же время резко обнаруживается желание создать такие условия, которые были бы способны обеспечить всех, пользующихся услугами артелей, от ущерба, который артели могут им нанести. Среди положений, охраняющих выгоды лиц и учреждений от нанесения им вреда артелями, встречаются иногда и статьи, которые имеют целью оградить важнейшие интересы самих артелей; но эти статьи, как мы покажем ниже, часто неясны, неопределенны, допускают различное и часто несогласное с выгодами артелей толкование, а потому и не могут служить для исследуемых нами союзов оплотом против давления стороны, экономически сильной. Наконец, тут же кстати, законодатель освящает некоторые особенности жизни артелей, истари сроднившиеся с этой формой труда. Таков общий характер положений об артелях – положений, рассеянных в нашем своде. Сделанные замечания объясняют, думаем мы, почему наш закон не дает ответа на многие недоразумения, возникающие как по внутренней жизни артелей, так и в их внешних сношениях.

Всего раньше появились положения о лоцманах, нашедшие себе место в статьях 269–314 раздела II тома XII свода законов. Первые 6 статей содержат общие положения о лоцманах; остальные – специальные узаконения о лоцманах вышневолоцких, волховских, мстинских, боровицких и архангельских. Большая часть общих положений относится к 1781 году, а некоторые из частных – о мстинских и боровицких лоцманах – явились в 1720–35 годах. Затем в приложениях к статьям Торгового устава (том XI, ч. 2) мы находим правила о лоцманах кронштадтских, рижских, шекснинских, еникольских, ингинских, шилкинских и николаевских. Издавая положения о лоцманах, закон вовсе не думал об этих союзах как об артелях. Не употребляя нигде слова «артель», законодатель в одних случаях вводит в общества лоцманов самоуправление, отличающее артели (николаевские лоцманы – ст. 46), в других – и не намекает на самоуправление, всецело подчиняя лоцманов администрации

(рижский и кронштадтский лоцманские цеха). Так же различно относится закон и к круговой порукке; он подразумевает ее в ст. 275 XII тома, говоря: «буде судну учинится ущерб... то судовщик имеет право просить об удовлетворении на них (лоцманов) в их обществе»; в уставах о рижском лоцманском цехе (ст. 46), кронштадтском (34) и николаевском обществе (68) закон прямо устанавливает «круговое ручательство». Если же среди большинства лоцманских обществ обнаруживаются многие черты артельного строя, то не все они даны этим союзам законодательными определениями, а скорее склонностью нашего народа к артельному общению. А потому преимущества, которыми пользуются лоцманы на основании закона – свобода от действительной военной службы в мирное время, освобождение от взноса хлеба в сельские запасные магазины, награды кафтанами и деньгами за отличие, – даны лоцманам не в силу попечения законодателя об артельной форме, но потому, что обязанности лоцманов сопряжены с трудностями, малейшее нарушение долга влечет за собой строгую кару. Полицейское значение лоцманов и желание составить комплект, местами весьма многочисленный, и побудили даровать лоцманам эти льготы. Из положений о лоцманах мы не можем познакомиться с отношением законодателя к артели.

Первые законодательные положения собственно об артелях мы находим в уставе о цехах 1799 года (Полн. собр. закон. Собр. I, т. XXV, 19187). Глава XIV Устава говорит о работах, производимых артелями, и определяет в § 1 артель как общество некоторого числа людей, исполняющих по добровольному между собой согласию службы и работы, несоразмерные силам одного человека. Устав о цехах содержит все постановления, перешедшие почти без изменений в Торговый устав. Но, кроме параграфов, сохраненных для биржевых артелей, мы находим в Уставе о цехах требование, чтобы каждая артель подчинялась соответствующему цеху и чтобы временные артели для каменной, деревянной, земляной работы состояли не менее, как из 6 человек. В XV главе Устав говорит о цехе браковщиков и предписывает соединяться в артели лицам, подчиненным этому цеху. За исключением той части Устава о цехах, которая сохранилась в Своде законов для биржевых артелей, здесь мы встречаем только освещение выборного начала и у временных артелей, и странное признание артелями последней группы обществ не менее 6 человек, как будто работы, «несоразмерные силам одного», не могут быть исполняемы 3–4.

В Торговом уставе мы находим 12 статей (2409–2420) о биржевых артелях. Ст. 2409 дает определение биржевым артелям и образует из них самостоятельную группу. Артелями, по словам закона, называются общества работников для отправления служб и работ, силам одного человека несо-размерных, а биржевыми – те артели, которые отправляют разные работы

на бирже, при таможене, при городских амбарах и буянах, в рядах и тому подобных торговых помещениях. Остальные статьи регулируют некоторые особенности внутренней жизни артелей и отношения последних к хозяевам. В состав артелей входят настоящие артельщики, новики и мальчики (2410). Вступающие вносят вкуп; если вкуп не внесен, то он составляется из вычетов при дуване (2411). Кто не внес вкупа, тот считается новиком или мальчиком (2412). Вступивший в артель обязуется подпиской повиноваться правилам артели (2413). Вторая половина 2410 ст. освещает самоуправление артелей: старосты и казначей выбираются на 1 год не менее, как $\frac{1}{3}$ членов, и получают особые знаки на шею, отличающие их во время работ. Закон признает за должностными лицами право получать, хотя они не работают (?), пай наравне с лучшими артельщиками (2418). Ст. 2417 говорит о разделе заработков между артельщиками: закон смотрит на все занятия артельщиков, хотя и различные, как на одно целое, из которого каждый получает при дуване по расчету: «заплативший вкуп полную сумму, а не заплативший одного – с вычетом». Отношения артелей к хозяевам упорядочиваются следующим образом. Хозяин, пользующийся услугами одной артели, не должен обращаться к другой, чтобы не подрывать первой (2416). Плата биржевым артелям устанавливается посредством их соглашения с хозяевами и утверждается Думой (2415). Если артель не может выполнить взятую ею на себя работу, то должна нанимать поденщиков, хотя бы и с переплатой (2416). Ст. 2414 устанавливает круговую поруку. Наконец, статьи 2419 и 2420 определяют для служения артелей срок не менее 1 года и запрещают артелям расходиться до окончания взятых ими на себя работ.

Если мы присмотримся к статьям о биржевых артелях, то увидим, что в них охраняется, главным образом, интерес хозяев. 1) Закон освещает круговую поруку. 2) Закон говорит о внесении вкупа как об одном из необходимых условий вступления в члены и при этом обнаруживает непонимание того назначения, которое получают вкупные деньги. Мы видели, что новизна делится между артельщиками и, строго говоря, не составляет капитала артели; законодатель же смотрит на вкупные деньги как на капитал обеспечения и требует их вноса, чтобы сделать более действительным применение круговой поруки. 3) Плата утверждается Думой, которой интересы купечества ближе, чем интересы артелей, и которая всегда может иметь и склонность, и право к понижению платы, если бы таковая казалась ей обременительной для торговых людей. 4) Хотя артель и защищается тем, что хозяин, пользуясь ее услугами, не должен обращаться к другим артелям (что будет удерживать хозяина от этого? – закон не говорит), однако в той же 2416 ст. артели ставится тяжелая обязанность нанимать, даже с убытком, поденных рабочих. Считая условие с хозяином об исполнении известных работ бесповоротным, закон не

говорит, однако, что хозяин должен точно определять размеры, в которых он будет пользоваться услугами данной артели. Словом, для артели эти 12 статей не дают ничего, так как нельзя же считать особым благополучием, что закон освещает во внутренней жизни артели те порядки, которые, помимо вмешательства законодателя, неразрывно связаны с существом всех самостоятельных артелей. Вслед за статьями о биржевых артелях мы находим в Торговом уставе положение о штурах, изданное в 1830 году. Этим артелям отведена статья 2421 в 8 пунктах. В артель штуров принимаются только местные купцы и мещане. Споры между штурами и шкиперами рассматриваются особым третейским судом из 4-х лиц; определяется такса платы за работы штуров; дозволяется шкиперам требовать от штуров только поденных рабочих за установленную плату, а также разрешается нанимать рабочих и помимо штуров по вольным ценам. Наконец, для штуров вводится круговая порука. В этих положениях законодатель не регулирует внутренней жизни общества штуров, а пытается установить правильные отношения между ними и шкиперами. Но и здесь заметно со стороны закона более бережное отношение к нанимателям, шкиперам, чем к артели: последней вменено было в обязанность положением 1830 года иметь наготове такое число рабочих, какое могло оказаться нужным для шкиперов; на работы штуров была установлена такса и тем ограждены выгоды шкиперов, но последним не было запрещено нанимать и сторонних рабочих. Штуры, имея всегда большой запас рабочих, были поставлены последним правом шкиперов в невыгодные условия. Обязательство содержать число рабочих, какое могло бы оказаться нужным для корабельщиков, отмененное в 1833 году, не вошло в Торговый устав; но если это, крайне обременительное обязательство, и уничтожено, то все же в законе остались противоречия, сводящие к нулю стремление законодателя упорядочить отношения между сторонами: п. 3 устанавливает таксу на работу штуров, а пп. 4 и 5 дозволяют шкиперам обходиться и помимо штуров; следовательно, единственно существенным пунктом статьи и пунктом, выгодным для нанимателя, является п. 7, устанавливающий круговую поруку.

Если нормы, созданные законом для штуров и биржевых артелей, этого высшего слоя в среде исследуемых нами союзов, или невыгодны, или безразличны для самих артелей, если законодатель смотрит на последних как на средство для достижения целей нанимателями, то нас отнюдь не должно удивлять суровое отношение закона к тем артелям, которые занимают низшие ступени артельной лестницы.

Посмотрим на положения о бурлаках, внесенные в 1 ч. XII т. Свода зак. Положения об этих артелях рассеяны в отделении восьмом «о взаимных правах и обязанностях судовладельцев, или судопромышленников и бурлаков, или судорабочих». Ст. 336 говорит о порядке найма рабочих на суда. Она преду-

смачивает и тот случай, когда хозяин договаривается с каждым рабочим единолично; но по статье 324 все, нанявшиеся к одному хозяину, на каждый караван или раздробительно на суда и плоты, ответственны круговой порукой. Таким образом, закон признает занятие бурлацким промыслом только артелями. Письменные условия между сторонами считаются излишними, так как они «бесполезны и затруднительны для простого народа»; закон считает достаточно защищенными права контрагентов, хозяина тем, что артель ответственна круговой порукой в случае бегства кого-либо из членов или буйства, права же бурлаков охраняются полицейской властью как судоходного, так и гражданского ведомств. Достаточно известно, насколько все власти ограждают права рабочих в случае недоразумений с хозяевами; широкое, а потому и неопределенное выражение закона может получить самое разнообразное толкование, и в действительности всегда может случиться так, что бурлаки виноваты и властям ни судоходного, ни гражданского ведомств не нужно будет отстаивать их права. Интересы же хозяина тщательно ограждаются точными определениями закона. У него на руках находится шнуровая тетрадь в 2-х экземплярах, которая ведется хозяином и отправляется им начальнику судоходной дистанции и в судоходную расправу (317)¹. В этих тетрадях подробно перечисляются все нанятые рабочие и отмечаются размеры их платы; указывается, получают ли они содержание от хозяина или живут на своем, взяты ли ими задатки и в каком размере; наконец, там же делаются все отметки о бурлаках, наказанных по приговору артели (338). Уже тот факт, что наниматель один, без всякого участия артели, ведет эти тетради, является для судохозяина большим преимуществом. Разве не может наниматель скрывать истину? Разве не может он показывать задатки выше, чем они были в действительности взяты? Что мешает ему отметить как наказанного того бурлака, который почему-либо не влюбился ему или его приказчику, хотя и не был виновным в глазах артели и не понес от нее кары? А отметка в тетради о худом подведении бурлака заносится в его паспорт, «дабы, – говорит 351 ст., – городские и сельские общества ведали по прибытии их (бурлаков) в дома, кого впредь можно или не можно увольнять для заработков». Мы имеем о бурлацких, равно как и о других артелях, очень скудные сведения, чтобы судить, как часто судохозяева злоупотребляют преимуществами, даруемыми им законом, но несомненно, что статья 338 легко может дать повод к злоупотреблениям. Кроме преимуществ, вытекающих из бесконтрольного ведения тетрадей, судохозяева получают от закона и прямые выгоды. Закон поясняет на примере, как наниматель может пользоваться круговой порукой: статья 324 говорит, что в случае побега одного из бурлаков хозяин может вычесть с

¹ В 1858 году шнуровые тетради были признаны необязательными для лиц, нанятых на суда на весь путь с помощью контрактов, составленных в определенном порядке.

остальных сумму, на которую бежавший не доработал. Примечание к статье 324 сделано как бы в интересах артелей: в нем говорится, что для облегчения круговой поруки, для большего удобства лиц, принимающих ее на себя, предписывается артелям отправляться из одного селения, волости или города. Предполагается, что в силу этого в артелях будут люди, знакомые между собой. Мы имели случай видеть, что обыкновенно в артели группируются люди знакомые, что, независимо от круговой поруки, удерживающей артель от принятия людей неизвестных, сама близость участников, вызываемая складом артельного общения, заставляет уклоняться от приема тех лиц, которые мало знакомы членам. Мы видим эту черту не только в артелях, рассчитанных на сколько-нибудь продолжительное существование, но и среди, например, рыбинских крючников, соединяющихся на пару дней. А потому законодателю нет надобности напоминать артели о таких ее интересах, которые вполне осязательны. Примечание к статье 324, хотя и сделано под предлогом ограждения интересов артели, в сущности, служит к вящему обеспечению судохозяина: последний, зная, что все члены артели из одной деревни, может смотреть на поруку как на действительное обеспечение не только потому, что, связанные началом соседства, бурлаки хорошо знают друг друга и могут смело принимать на себя круговое ручательство, но и потому, что если бы разбежалась вся артель, то отыскание некоторых или и всех членов требует гораздо меньших хлопот, чем артельщиков из разных волостей или даже селений. Наконец, законодатель, зная тягости, с которыми сопряжен бурлацкий промысел, лишения, которым подвергаются бурлаки, предвидя возможность частых заболеваний, старается и в этом случае оградить интересы нанимателя. Статья 331 постановляет, что артель обязана принимать на себя расходы по лечению больных, если болезнь не произошла от чрезвычайных случаев. Такими случаями закон считает (ст. 328–9) увечья или раны, происшедшие при опасности от огня, бури, мелей, подводных камней, воровских шаек. Только бурлакам, потерпевшим от таких случаев, дается право или лечиться от хозяина при увечье временном, или даже «при увечье на всю жизнь» получить от хозяина, сверх издержек на лечение, двойную договорную плату. С точки зрения здравого смысла заболевания, проистекающие от непосильной работы, должны быть отнесены к случаям чрезвычайным, так как непосильная работа обыкновенно возлагается на работающего предпринимателем как сильнейшей стороной, – по букве закона не дает права сделать такое толкование и позволяет судохозяину всегда свалить на бурлаков их заболевших товарищей, если бы даже полное изнурение сил артельщика было следствием принуждения нанимателем к чрезмерной работе. Мы пытались пояснить все те статьи о бурлаках, которые редактированы с заметным желанием охранить выгоды судовладельца. Но есть еще 4 статьи, в которых не

усматривается этого желания. Статья 343 говорит, что хозяин обязан выдать артели деньги на обратный путь, если у нее не оказывается своих средств, артель же выбирает из своей среды 2–3 лиц или и больше по соглашению или жребию и оставляет их при хозяине отрабатывать долг. Хотя характер этой статьи, по-видимому, одинаков для обеих сторон, однако при внимательном анализе мы видим, что и здесь положение хозяина более выгодно. Он обязан дать артели денег только на обратный путь; в этом он не вправе отказать артели; но закон ничего не говорит об условиях, на которых оставленные лица должны отрабатывать долг; он не говорит, что плата их не должна быть ниже, чем во время тяги судов, и тем ставит артель в полную зависимость от хозяина. Пользуясь преимуществами своего положения и неполнотой 343 статьи, судовладелец может назначить отрабатывающим очень низкую плату и извлечь такую же пользу из ссуды артели денег на дорогу, какую вообще извлекают капиталисты из кредитования нуждающихся. Но вот перед нами 332 статья¹, способная, по-видимому, вознаградить бурлаков за все невыгоды их положения: артель, согласно этой статье, получает в свою пользу все денежные взыскания, которым подвергается хозяин. Какую же пользу извлекает артель из этого права? Так как судоходный промысел не вызывает необходимость проступков хозяина, наказываемых денежной пеней, так как хозяин легко может воздержаться от нарушения полицейских предписаний, например, содержание на судне только лиц, имеющих паспорта, то легко может случиться, что в течение нескольких недель тяги артель ничего не получит из этого источника. А хозяева, нарушающие полицейские предписания, почти всегда сумеют жить в ладах с теми, от кого зависит подвергнуть их денежному взысканию или освободить от оногo. Фактически статья эта приносит мало пользы бурлакам, да, наконец, и в планы законодателя вовсе не может входить желание возвысить доходы одной стороны только правонарушениями другой. Остаются статьи 326 и 341. Они регулируют внутренний порядок артелей, предписывают бурлакам избирать «старших» с помощниками и делить прибыль и убытки поровну между всеми, служащими на судах, какие бы должности эти служащие ни занимали. Эти оба предписания закона могут быть названы излишними, так как они освещают только то, что и без утверждения закона неразрывно связано с артельной формой. В заключение мы скажем, что хотя закон и признает «судорабочих беднейшим классом народа в государстве» (ст. 333), однако не предпринимает ничего для ограждения бурлацких артелей от эксплуатации нанимателей.

В Горном уставе (VII т. Св. зак.) мы находим несколько статей об артелях рабочих, нанимаемых в рудники. По духу своему эти 9 статей напоминают законоположения о бурлацких артелях и если чем-нибудь отличаются, то раз-

¹ Отменена в 1864 г.

ве только большей суровостью относительно исследуемых нами союзов. Статья 2486 поощряет промышленников нанимать рабочих преимущественно артелям. Рабочие, даже и единолично нанятые в одном селении, волости или городе для работ в рудниках, должны отправляться артелями; они выбирают из своей среды на путь 1 старосту с 2 помощниками, вручают ему паспорта и виды с круговой порукой о неотлучке от артели (2496). Староста может наказывать (?) членов за буйство (2497). Всем местным властям строжайше вменяется в обязанность блюсти за тем, чтобы нанятые безостановочно отправлялись в назначенные места (2498). По прибытии на место рабочие вручают нанимателю паспорта и получают от него расчетные листы, на которых при отсутствии явочного договора кратко означаются условия найма (2499). Для сохранения порядка наниматель имеет право разделять рабочих на новые артели. В каждую промышленник назначает от себя старосту, а артель – 2 выборных (2500). Этой артельной расправе предоставляется наказывать артельщиков, с ведома хозяина или его приказчика, за лень, буйство (2501). Хозяин, не довольный артельной расправой, может жаловаться горному исправнику, а если жалобы относятся к технической части, то горному ревизору (2502). Намники должны беспрекословно исполнять работы по приказанию хозяина или его приказчика (2503). По окончании найма работник должен получить сполна то, что ему следует (2508). Даже беглое чтение этих статей производит впечатление, что они редактированы под диктовку горных промышленников. Нет и намека на желание сколько-нибудь охранить интересы нанимаемых. Предпринимателю закон дает все: и круговую поруку нанятых, обеспечивающую его от побега, и право старосты карать во время пути (конечно, подвергать телесным наказаниям), и право назначать от себя лицо для заведования артелями, и право требовать беспрекословного исполнения работ, а, следовательно, право заставить работать хоть 20 часов в сутки, и право выдачи нанятым расчетных листов с означением условий найма; закон ставит к услугам промышленников горных исправников и ревизоров и, наконец, все местные власти. Взамен всех этих прав промышленник несет обязанности – уплатить каждому сполна по окончании работ, а в случае заключения явочного договора¹ не наносить «тяжких побоев или каких-либо жестокостей, здоровью его (нанятого) вредных». А если работнику не с чем вернуться домой? Законодатель не отвечает на это и не оказывает горным рабочим и той скромной милости, которая дарована бурлацким артелям 343 статьей.

Наконец, статьи 2515–2516 упоминают об артелях старателей, которые должны состоять не менее, как из 10 человек.

Статьи редактированы настолько понятно, желание законодателя дать одной стороне все, а другой – ничего обнаруживается так резко, что все

¹ Жалобы на нарушение словесного договора «нигде не приемлются» (ст. 2483).

дальнейшие пояснения излишни. Но и наши краткие замечания на статьи, посвященные артелям, убеждают, думаем мы, что наше законодательство считало нужным регулировать некоторые стороны жизни артелей только тогда и настолько, когда и насколько это лежало в интересах лица, пользующихся услугами артелей.

Кроме этих артелей, так невыгодно затронутых в Своде законов, и частью возникающих явочным порядком¹, все остальные по отношению к ним закона могут быть разбиты на две группы. 1) Те, которые образуются в силу специальных концессий, имеют уставы, утвержденные подлежащей властью. Одни из артелей этой группы имеют полицейское значение (дрягильские компании, таможенные артели); полицейское значение побуждает вносить в уставы таких артелей известные положения, признанные необходимыми для ограждения интересов общества или государственного казначейства. Эти части уставов касаются, главным образом, отношений артели к третьим лицам и зависимости от подлежащего ведомства. Как ни смотреть на эти ограничения, нельзя отрицать их право на существование, так как они служат охранению некоторых важных интересов; а потому нельзя осуждать их даже в том случае, если они несколько изменяют артель, лишают ее доли ее прав. Возьмем для примера дрягильские компании: дрягиль, выбранный артелью, утверждается таможенным начальством, которое имеет право и не признать его в некоторых, предусмотренных законом случаях². Это право таможни делает артель зависимой от внешнего учреждения; сама артель может и не считать препятствием для принятия членов тех обстоятельств, которые являются препятствиями перед лицом таможни. Но если это и многое другое и суживает самоуправление артели, то с таким сужением нужно примириться ввиду обязанности государства ограждать свои интересы, с которыми сопрягается деятельность дрягилей. Помимо этих ограничений мы не находим во всех этих уставах ничего, что бы нарушало отличительные черты артели. Второй ряд образуют те артели этой группы, которые не имеют полицейского значения. К ним высшие власти относятся безразлично и обыкновенно дают санкцию на все, внесенное в устав. Сюда относятся, например, такие артели, как Павловская складочная, Петербургская столярная, Архангельская балластная и другие. По отношению к артелям кредитным у нас выработался известный тип, вылившийся в образцовых уставах ссудосберегательных товариществ – комитетском и министерском. Выработка образцовых уставов казалась нужной потому, что артели для кредита были явлением совершенно

¹ Большая часть петербургских биржевых артелей имеет писанные и печатные уставы, засвидетельствованные у нотариусов. Только 3 артели из 22 не имеют уставов, а заключают с каждым вступающим особое условие. *Немиров*. Там же. 45–6.

² Полож. о дрягил. § 8 и 10.

новым в нашем Отечестве. Для артелей промышленных образцового устава нет (и начертать его гораздо труднее, чем для артелей кредитных). При выработке уставов для промышленных артелей самоуправление сохраняется во всей чистоте, если начертатели устава имеют в виду только интересы самой артели; при желании же оградить чьи-либо сторонние выгоды являются известные ограничения. Пример последних мы находим в тех правилах, которые были сделаны обязательными для артелей кузнецов и сапожников в Тверской губернии; таковы были правила, регулировавшие наем артелями рабочих, и т. д. Другим примером этого могут служить московские биржевые артели. Московское купечество, желая доставить себе наибольшее обеспечение при пользовании услугами биржевых артелей, выработало в 1864 году через посредство биржевого комитета правила, устанавливающие известный порядок при образовании артелей, налагающие на последних обязанность по составлению капитала обеспечения, по оказанию услуг хозяевам и т. д., обязанности, которые не принимаются самобытно возникающими биржевыми артелями (примером тому служат петербургские биржевые артели). Но каковы бы ни были отдельные уставы, отношение высшей власти к артелям этой группы однородно: они возникают посредством получения концессии, причем концессия, или дается в каждом отдельном случае министром, или же право концессионирования переносится на особое учреждение – биржевой комитет для московских биржевых артелей. Нет основания предполагать, чтобы государство или затрудняло получение концессии или пыталось вводить в предлагаемые уставы положения, способные изменить тип артелей. Препятствий с этой стороны не заметно. 2) Наконец, вторую и наиболее многочисленную группу артелей образуют все те, которые стоят вне закона; их регулирует обычное право; в большинстве случаев договор между членами заключается, как мы видели, словесно и часто подразумевается; иногда же участники облачают договор в письменную форму. В предыдущих главах мы неоднократно имели случай заметить, что волостной суд, руководствуясь обычаем, считает священными все особенности, отличающие артельную форму труда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Влияние артелей

Особенности исследуемых нами союзов заставляют предполагать, что артели оказывают заметное и им одним свойственное влияние на своих членов.

Прежде всего обращает на себя внимание то благодетельное влияние, которое артель, экономически самостоятельная, оказывает на материальный быт участников. Причины этого благотворного влияния слишком понятны,

чтобы нуждаться в подробных пояснениях. Раз производительной артели принадлежат весь труд и капитал, влагаемые в предприятие, она получает и все доходы, добываемые путем совместной деятельности: и рабочая плата, и прибыль, и рента поступают ей сполна и распределяются в известном соотношении только между ее членами. Если артель не нуждается в капитале для ведения промысла, то круговая порука – где наряду с артелями применяется и единолично наемный труд – поднимает рабочую плату артельщиков сравнительно с одиночно нанимаемыми работниками. Наконец, в тех артелях, которые не нуждаются для успешности промысла в совместном труде, выгоды доставляет совместное потребление (парильщики). Промышленные артели трех остальных групп удешевляют для членов сырье, сбыт изделий или делают возможным пользование такими приспособлениями в промысле, которые по величине затрат недоступны для отдельных лиц. Но таково влияние на членов только хозяйственно самостоятельных артелей. Раз артель впадает в экономическую зависимость вследствие ли пользования дорогим кредитом, или присоединения к предпринимателю для ведения промысла, – эти выгоды исчезают, артель спускается до уровня группы наемных рабочих; в этих случаях она слишком слаба, чтобы давать своим членам те выгоды, которыми пользуются участники самостоятельных артелей.

Все сведения, которые мы имеем об артелях, подтверждают эти положения. К какой отрасли артельного труда ни обратимся мы, везде находим – в случае самостоятельности артели – довольно выгодные условия для участников. Особенно завидным представляется материальное положение членов биржевых и других сродных им артелей. И этому способствуют и круговая порука, и испытанность артелей в глазах торговых людей, побуждающая последних оплачивать труд артельщика выше, чем работу отдельных лиц, не участвующих в артелях; наконец, этому способствует (что прямо не связано с существом артели) и наем артелями значительного числа рабочих. В 1873–74 годах наименьший заработок петербургского биржевого артельщика составлял 255 руб., наибольший – 612, а средний – до 395 руб.¹ Если сравнить размер этих доходов с платой наемного рабочего (200 руб.), то окажется, что при однокачественном труде доход артельщика в два раза превышает плату рабочего, в лучшем случае превосходит его в 3 с лишним раза и даже в артелях, имеющих наименьший доход, превышает более, чем на 25 %. Средний доход петербургского дрягиля составлял в 60-х и первой половине 70-х годов до 350 руб. в год². Артель десятников в Архангельске зарабатывала в 1870 году столько, что на каждого члена приходилось 7–8 руб. в день³. И даже архан-

¹ Немиров. Там же. 105.

² Там же. 161–2.

³ Ефименко. Там же. II, 124.

гельские дрягили при работе в течение только 3-х летних месяцев получали в 60-х годах по 100 руб. за лето¹. Насколько высоко оплачивается труд биржевых и сродных с ними артелей видно, между прочим, из того, что официально считается участие в этих артелях наиболее выгодным из отхожих промыслов Архангельской губернии. Средний заработок членов петербургских артелей считается даже до 900 руб., а архангельских – 17–24 руб. в месяц². Часть этих заработков является прибылью вследствие пользования наемным трудом; но если мы и откинем ее, например, для биржевых артелей, то окажется, что средняя годовая плата артельщику составляет 309 руб., а единолично нанимаемому работнику – 200³. Такса платы за работу, столь часто применявшаяся в разных отраслях труда, была установлена и для некоторых артелей. Для петербургских биржевых артелей такса была впервые определена в конце XVIII века и, изменяясь от времени до времени, постепенно, но медленно повышалась. В нынешнем столетии была установлена плата и для других артелей, десятников, вязальщиков, штуров, дрягилей и т. д.⁴. И дробность, которую мы встречаем в этих таксах, и разделение работ на известные группы, и незначительная ее высота (например, для петербургских биржевых артелей месячная плата установлена в 10–30 руб.) свидетельствует, что городская дума, утверждая таксу, имела в виду скорее интересы хозяев, чем артелей. И действительно, последние находят эту таксу для себя невыгодной и, пользуясь приобретенным доверием, нередко заставляют хозяев оплачивать свой труд в несколько раз выше таксы⁵. Если мы к сказанному о биржевых артелях прибавим, что большинство членов имеют и частные доходы, косвенно связанные с принадлежностью лица к артели, то признаем положение их с материальной стороны превосходным⁶. Но не одни биржевые артели извлекают крупные выгоды из своего положения; мы встречаем указания на материальные преимущества и других артелей в большинстве отраслей промышленности. Возьмем промышленность добывающую. Артели в применении к земледелию заметно поднима-

¹ Федоров. Дрягил. комп. 114.

² Минеико. Там же. 97–100.

³ В начале 70-х годов весь заработок петербургских биржевых артелей достигал 1117268 руб., включая и 81578 руб., уплаченные наемным рабочим. Последние составляли 25 % числа артельщиков, а потому откинем для них $\frac{1}{5}$ заработка – 223 453 рубля; остаток в 812 237 руб. разделим на 2622 артельщика и получим 309 руб. – годового заработка каждого благодаря принадлежности к артели. Если мы понизим и эту цифру, так как часть артельщиков служит при конторах – труд квалифицированный сравнительно с теми видами, для которых артели нанимают рабочих – то все же средний заработок артельщика не испытает большого уменьшения: 1) конторские работы исполняются немногими артельщиками и 2) плата за них редко превышает 420–480 руб. в год.

⁴ Там же. 37–42, 175–6, 182.

⁵ Там же. 40.

⁶ Если заработок членов петербургских артелей десятников и вязальщиков, достигавший в 40-х гг. 200 рублей, все более падает, то это объясняется упадком самого промысла.

ют заработки членов. При расчистке новин обчими в первый год обыкновенно получается урожай сам 20–25¹ и поступает сполна 3–4 артельщикам. Если бы в этих случаях применялся наемный труд, то рабочие не получили бы и половины. В Казанской губернии средний дневной заработок члена земледельческой артели составляет 1 руб., а наемного рабочего – 60 коп.² Нежинские табачницы зарабатывают в артелях по 30 руб. в 7 месяцев, а при единоличном найме – только 17³. Члены крымских солепромышленных артелей зарабатывают по 2–3 руб. в день; они «поставлены в несравненно лучшие условия, чем в каких стоит вообще южнорусский чернорабочий»⁴. То же встречаем и в рыболовстве. В родионовской артели рыбаков на члена приходится 150 руб. в год, что составляет, по местным условиям (Кадниковский уезд), очень высокий заработок⁵. Члены рыболовных артелей на Волхове добывают по 100–150 руб. в год и «живут исправно»⁶. Подобный же отзыв мы находим и о рыболовной артели на острове Коневце⁷. Не менее выгодно положение членов артелей и в промышленности обрабатывающей. Относительно артелей плотников в Вологодской губернии мы узнаем, что положение в них лучше и прочнее, чем обыкновенного плотника-одиночки, становящегося на работу «по уговору». Артельный рабочий получает больше выгод и в силу большей производительности артельного труда, и в силу большей его оплаты⁸. В южной России тот же самый плотник, который получает у рядчика 8–12 руб. в месяц, зарабатывает в артели 20–25 руб.⁹. Многие из лиц, вступивших в Нижнетуриинскую механическую артель, бедствовали до образования артели¹⁰; в артели же годичный доход каждого составлял 260 руб.¹¹. Артельные сыроварни дают членам очень большие выгоды. При доставке молока только вечернего удоя и удержании утреннего для потребностей семьи, 1 корова дает в течение 6 месяцев 15–18 руб. По вычислениям, сделанным для Ярославской губернии, оказывается, что до введения сыроварен 1 п. молока приносил 25 1/2 коп., по введении их – 34–46 коп.¹². Лоцманы имеют также очень хороший заработок: в селе Важинах

¹ Русск. вед. 1880, 8.

² Надеждин. Там же. 748.

³ Шпикевич. Там же, 255.

⁴ Крымск. солепром. арт. // Неделя. 1876, 29.

⁵ Русск. вед. 1879, 235.

⁶ У. В. Рыболов. на Волхове // Гдов.-Ямб. лист. 1873, 10.

⁷ У. В. Рыболов. на Ладожск. оз. // Гдов.-Ямбург. лист. 1873, 9.

⁸ Русск. вед. 1879, 218.

⁹ Щербина. Очерки... 336.

¹⁰ Попов. Артельн. организ. на Урале // Неделя. 1873, 17.

¹¹ Белов. Нижнетур. механ. арт., 176.

¹² Эдемюв. Там же. 154.

каждому приходится до 250 руб.¹ в лето; в Архангельске в 60-х и 70-х годах они получали также по 200–250 руб.². Содержание почтовых станций не лишено выгод для членов артелей. Хотя пай в некоторых местах Архангельской и Вологодской губерний и не превышает 20 руб. и идет сполна на уплату повинностей, однако член уже и в этих случаях имеет несомненные выгоды: ему не нужно отыскивать источник для уплаты податей вдали от дома, не нужно отрываться от хозяйства, а лошадь, которая стояла бы зимой без работы, окупает себя. Местами пай поднимается до 100 руб.³. Даже наиболее грубые работы получают в артели весьма высокую оплату. Таковы крючники в Рыбинске. В разгар навигации заработок каждого члена достигает 1½–2 и даже 3 руб. в день. Кроме артелей, там работают и наемные рабочие с предпринимателями во главе. Крючники у последних получают, сверх содержания, 50–60 руб. за 6 летних месяцев, а член артели может сберечь в лето 100 руб. и больше.

Таковы материальные выгоды, доставляемые производительными артелями. Но и другие группы промышленных артелей значительно увеличивают доходы членов от промысла. Производительно-подсобные артели, затрачивающие 80–100 руб. на приобретение молотилки, позволяют членам молотить хлеб в поле и избегать растрясения известного количества зерен⁴. Кузнецы в Горбатовском уезде Нижегородской губернии, покупающие железо сообща (сырьевая артель), зарабатывают до 5 руб. в неделю, тогда как кузнецы, получающие железо от торговцев, – только до 4 руб.⁵. Осташковская сапожная артель увеличила в первом году заработка членов на 40 %⁶. Утесовские бочары, составляющие капитал для покупки материала сообща, приобретают 1 десятину дубового леса на 45 руб. на сруб; обратив этот материал в доски и кадки, промышленники выручают до 1350 руб. с десятины⁷. Хотя мы не имеем указаний на различие в цене при покупке оптом и в розницу, но можно смело предполагать, что приобретение материала отдельными дубами подняло бы цену сырья в 3–4 и более раз.

Приведенных данных достаточно, чтобы признать артель способной сильно влиять на повышение дохода участников. Но при этом возникает вопрос: как пользуются артельщики выгодами своего положения? Вносят ли они прочные улучшения в свой быт или затрачивают заработки непроизводительно?

¹ СПб. вед. 1873, 129.

² Огородников. Там же. 88.

³ Ефименко. Там же. II, 157 и Русск. вед. 1879, 249.

⁴ Правит. вестн. 1874, 229.

⁵ Бравина. Село Оленино, 193.

⁶ Русск. вед. 1873, 185.

⁷ Добросмыслов. Там же. 43.

Большая часть данных показывает, что артельщики стараются разумно пользоваться получаемыми выгодами и поднимать уровень своего частного хозяйства. Если артельщик – крестьянин, если он не порвал связи с землей, то он старается употребить часть своих доходов на улучшение сельского хозяйства. Где этой связи нет, там артельщик делает денежные сбережения, улучшает свое жилище, пищу, одежду, поднимает уровень культурных потребностей; затраты последнего рода не могут быть названы непродуманными: раз человек усвоил привычку жить лучше, чем его отцы, он будет напрягать все силы, чтобы не упасть с достигнутого уровня. Особенно благотворное влияние на прочное улучшение быта членов оказали некоторые артельные сыроварни. В 1870–72 годах в селе Коприне Рыбинского уезда количество скота вследствие выгодности сыроварения увеличилось на 75 голов. В продолжение этих двух лет крестьяне всем обществом затратили 500 руб. для осушки одного болота под выгон¹. В селе Палкине, выстроившем сыроварню, при 54 дворах было в те же 2 года оставлено на племя 70 телок. Потребление белого хлеба стало более частым². Г-н Чернопяттов утверждает, на основании личных наблюдений в Тверской и Ярославской губерниях, что сыроварни содействовали улучшению качества скота; это влияние было бы еще более заметно, если бы оно не парализовалось частыми надеждами³. Сведения о жизни архангельских дрягилей свидетельствуют, что эти люди усвоили себе и в жилище, и в одежде привычки достаточных и притом умственно развитых мещан⁴. Об утесовских бочарах мы узнаем, что после образования сырьевой артели домашний быт их заметно улучшился: мясо составляет необходимую принадлежность обеда; в одежде появилось щегольство⁵. Достаточно известно, каково положение биржевых артельщиков: они и по приемам своим, и по образу жизни составляют высший слой рабочего люда и уже давно усвоили привычки зажиточных классов. Многие из них поддерживают сельское хозяйство. Но рядом с этими отрадными явлениями мы находим и прямо противоположные. Летом 1880 года мне пришлось наблюдать жизнь рыбинских крючников, и, признаюсь, я не встречал нигде людей, так мало думающих о будущем и так жадно пользующихся настоящим. Хороший крючник может без труда скопить 100 руб. за лето. Немногие берегут заработанные деньги, улучшают сельское хозяйство, покупают скота и становятся после нескольких лет работы вполне исправными

¹ Вышло прекрасное сочетание: выгодность артельного производства побудила всю общину предпринять крупное улучшение земли, побудила ее доказать, что общинное землевладение не препятствует успехам сельского хозяйства.

² Эдемюв. 154–5.

³ Чернопяттов. Поездка на едимоновскую артельную сыроварню // Землед. газ. 1873, 26.

⁴ Федоров. Дрягил. компан. 127–9.

⁵ Добросмыслов. Там же. 43.

крестьянами. Но большинство, огромное большинство тратит деньги в самом бесшабашном разгуле; вино, бильярд, карты уносят все; нередко крючники отправляются домой в рубище, а по зимам промышляют самыми тяжелыми и неблагодарными работами или даже живут за счет благотворительности рыбинского купечества. Едва ли кто-нибудь станет винить артель в том, что крючники не извлекают из нее осязательной пользы; самый склад этих артелей таков, что союз не может оказывать на участников благотворное влияние: крючники соединяются в артели на несколько дней; род занятий делает излишними как строгие требования при вступлении членов, так и строгое наблюдение за участниками со стороны артели. Общение ограничивается исключительно временем работы; вне ее крючники всецело находятся под влиянием разнузданной жизни города, притягивающего к себе летом самые разнообразные и часто негодные элементы. Оторванный от семьи и хозяйства, крючник забывает о них и спешит вкушать наслаждений, которые ему доставляют многочисленные увеселительные заведения Рыбинска.

Таковы самостоятельные артели. В общем, они дают членам возможность прочно улучшить их положение. Но многие артели находятся в иных условиях. Давление на них извне так велико, что члены часто должны довольствоваться только куском насущного хлеба.

Невыгодным становится положение артелей уже и в тех случаях, когда они сносятся с нанимателями через посредство подрядчиков. Последние не только вычитают из доходов артели хороший «комиссионный процент», не только при наличии многих артелей всегда отдают предпочтение тем, которые относятся к ним с раболепством и доставляют другим очень мало работы, но и показывают должностному лицу артели плату, низшую той, которая установлена нанимателем. «Умеет батырь низко кланяться, умеет вовремя попросить и угостить, – говорят рыбинские крючники, – так и найдет работу». Будь батырь отличный, распорядительный работник, но не очень угодливый – и артель, работая 3 дня, рискует не иметь дела полторы недели. «Комиссионные», удерживаемые подрядчиком, составляют не менее 7% заработков артели; но, сверх того, подрядчик утаивает 50 коп. – 1 рубль в день на человека из платы за перегрузку. Только присутствие артелей, прямо сносящихся с судовладельцами или их приказчиками, и известность платы мешают подрядчику удерживать еще больше. Артель несет материальный ущерб и тогда, если в договоре с хозяином не очень точно определены обязанности артели: парильщики в Петербурге обязуются перед хозяином исполнять все работы, относящиеся к бане: топка печей, наливание воды. Но хозяева умеют в ряд этих обязанностей помещать и такие, как рытье канав, чистка дворов, косяба; эти работы артельщики исполняют бесплатно¹. Но

¹ СПб. вед. 1865, 220.

эти невыгоды представляются поистине ничтожными сравнительно с теми, которые испытывают другие, экономически зависимые артели: хотя подрядчик и поглотит 30–50% доходов артели, на долю крючника все же останется 1 руб. – 1 руб. 50 коп. в день. Где артель пользуется кредитом у частных лиц или поступает в полное распоряжение нанимателя во время ведения промысла, там является безвыходная кабала. Особенно много примеров такой кабалы с одной стороны и огромных выгод для капиталистов из давления на артели с другой – представляют наши северные окраины. Положение членов артелей покрученников представляется особенно невыгодным, если сравнить его с тем, что дают участникам самостоятельные рыбо- и звероловные артели. В самостоятельных белужьих артелях на члена приходится 34 руб. за 2 месяца промысла; покрученнику достается не более 20 руб.¹. На Мурманском берегу вообще при среднем пае в 30–60 руб. член самостоятельной артели зарабатывает на 15 руб. больше, чем покрученник². На тюленьем промысле маленькие хозяева, работающие при артелях, держат себя с покрученниками как равные: они неуклонно следуют установившимся обычаям, едят с рабочими из одной чаши, отрезают себе от хлеба такие же ломти, как и артельщикам; но по окончании промысла преимущества хозяев выступают во всей своей резкости: здесь же на берегу они покупают у артельщиков вывощенных животных, уплачивают по 3–4 руб. за 1 пуд, сами же продают по 12 руб.³. Незначительный доход от промысла был бы еще полбеды, если бы у артельщиков оставалась надежда когда-либо выйти из-под зависимости; но хозяева опутывают покрученников и членов юридически самостоятельных, но кредитующихся артелей с таким искусством, что надежда освободиться от зависимости сводится к нулю. Самое верное средство, никогда и нигде не обманывающее капиталиста, – расплата товарами вместо денег. Этот способ потому служит могущественным орудием закабаления неимущего человека, что последний, получив товары даже по невысокой цене (чего в действительности никогда не бывает), сам не может потребить все полученное, а должен продать значительную часть его на каких бы то ни было условиях. Отсюда – расплата товарами еще более опускает заработки артелей. Воспрепятствовать этой расплате артели не могут: хозяин представляет из себя резервуар, обильно выпускающий кредит, но под условием, что должник согласится на truck-system со всеми его последствиями; не согласен должник – и клапан благотельного резервуара закрывается. И этот-то способ расплаты преобладает на северных окраинах, а в некоторых местах господствует исключительно. На новоземельских моржевых промыслах

¹ *Ефименко*. Там же. 60–1.

² *Минейко*. Там же. 108.

³ *Ефименко*. Там же. 38–40.

артельщики обязательно продают свою долю хозяевам и получают расчет съестными припасами¹. Если предположить, что хозяин при покупке припасов, дорогих в той местности, пользуется кредитом, если, навязывая их артельщикам, он удерживает прибыль, если, пользуясь своими преимуществами, он берет излишек, то много ли, спрашивается, останется у артельщика из 50 руб., которых, средним числом, стоит его доля улова? Может быть, останется половина или меньше. На семужьих промыслах в артельщики должны одному «бральщику» семги 50–100 и до 300 руб. и, обязательно продавая ему рыбу, получают за нее товары². Не удивительно при этом, что хозяева получают на затраченный капитал 50% прибыли в год³. К тому же приблизительно заключению привело и изучение нашего севера по поручению правительства. Точные вычисления показывают, что затраты хозяина составляют 1238 руб. Из них издержки на устройство избы, покупку сои, лодку и т. д. достигают 720 руб., а так как эти предметы приобретаются обыкновенно в кредит, то стоят на 15% дороже, то есть 828 руб. Кормщику дается 100 руб. Выданные покрученникам по $\frac{3}{4}$ пая вперед при 15% составляют 90 руб. Наконец, доставка рыбы в Архангельск – 220 руб. Из 8 паев, получаемых хозяином и стоящих 1600 руб., остается 362 рубля⁴, то есть до 30%, причем капитал уже доставил раньше 15% или предпринимателю, или его заимодавцу. Из другого источника мы узнаем, что на тресковых промыслах хозяин покрывает в первый же год все затраты на обзаведение и получает 10% прибыли. В следующие годы, за исключением расходов на ремонт, вся доля хозяина составляет чистую прибыль⁵. Но самый факт давления предпринимателей и капиталистов на артели, как ни тяжело производимое им впечатление, становится особенно страшным потому, что он порождает крепостное право не только в переносном, но и в буквальном смысле этого слова. Место помещика-дворянина заступает кулак, место крестьянина-землевладельца – крестьянин рыбо- или зверолов, место писанного закона – обычай, действующий в жизни поселян с такой силой, какую редко имеет закон. Как закон при существовании крепостного права устанавливает между сторонами взаимно обязательные отношения, как закон считает естественным призрение помещиком престарелых крестьян, как закон признает господина ответственным за точное исполнение крепостными общественных повинностей, так в Архангельской губернии обычай в лице волостных судов обязывает капиталистов выдавать артельщикам «на

¹ Там же. I, 34.

² Там же. II, 75.

³ Г-н *Богуслав*. Ссылка на него в Арх. губ. вед. 1869, 23.

⁴ Исслед. о рыболов. VI, 23.

⁵ *Ефименко*. Там же. II, 41–2.

пропитание» или «уплату податей», а последних принуждает подчиняться тем условиям, которые хозяин ставит при заборе. «Взять с хозяина забору для семейства на продовольствие и одежду 50 руб.»¹, – определяет суд и тем еще более закрепляет отношения между сторонами. Таким образом, мы имеем особый вид крепостного права, признанный и освященный всемогущим обычаем. «Забор», повторяясь из года в год, не прерываясь никогда, привел наш север в безвыходное положение. Самым красноречивым доказательством этого служат сведения о положении артелей на семужьих и тресковых промыслах, сообщенные ученой экспедицией, исследовавшей наши северные окраины летом 1880 года: члены экспедиции передают, что туда приезжал поверенный одной французской компании с поручением организовать для нее рыболовство; но он вскоре отказался от этого намерения, увидев, что уплата за рабочих долгов их хозяевам потребует огромных расходов². Напрасно было бы утешать себя мыслью, что такое давление испытывают только артели зверо- и рыболовов; мы находим то же и в других отраслях промышленности. Компании, торгующие лесом в Архангельске, ничем не гарантируют артелям лесорубщиков точного исполнения обязательств; лесорубщики же, уплатив нередко из заработанных сумм за убытки, нанесенные компаниям бурей, возвращаются домой, «прося хлеба, ради Христа, под окнами и проклиная лесную работу»³. Подобные же сведения имеем мы и о бурлаках Архангельской губернии. Часто бурлацкие артели поставляются на работу богатыми крестьянами, десятниками и всегда находятся в полной зависимости от последних. «На заподряде за бурлака заплачены подати и повинности, дано и ему на расходы руб. десяток-полтора, вот он будто бы обеспечен и радуется; но дорогой случилась нужда, бурлак взял у десятника рубль, – там еще нужда, – и еще взял – и еще – и еще; оно зараз и понемногу, да всего-то выйдет много. Во время работы-то сапоги износились, нужны деньги, то праздник на родине – опять нужды деньги, да мало ли может встретиться нужд, – опять десяток-полтора рублей прибыли на счет. Год от году положение бурлака хуже и хуже и смотришь, тот с горя не выдержит и сохнет, другого приведут домой по этапу за добрые дела, а третий и вовсе пропадет без вести»⁴. Не лучше положение бурлаков и в других местах России: в Уфимской губернии было принято за правило не давать им платы

¹ Там же. 35.

² Русск. вед. 1880, 243. После всего сказанного особенно странным представляется замечание г. Оскерко (Промыслов. Мурман. бер. // Арханг. губ. вед., 1867, 53), что промышленники не всегда бывают в кабале у хозяев, что кабала бывает только там, где промышленники «забирают» у капиталистов. В том-то и беда, что местные условия делают забор неизбежным почти для каждого промышленника.

³ *Ефименко*. Там же. II, 109.

⁴ *Вальнев*. Биричев. белая глина // Арханг. губ. вед. 1867, 10.

выше прошлогодней¹; это достигается открытием им кредита в то время, когда бурлаки особенно нуждаются. К сказанному надо прибавить, что работы промышленных артелей нашего севера и бурлаков крайне тяжелы: первым приходится идти до места промысла сотни верст в суровую зиму; на Мурманском берегу их ожидает цинга как следствие дурных жилья и пищи²; вторые работают по 18 часов в сутки, не зная праздников, кроме первого дня Святой³. Здесь мы находим еще одно доказательство того бесспорного при современном уровне экономических знаний положения, что в нашем обществе, основанном на широком праве частной собственности, непривлекательность и тяжесть труда не выкупаются высоким вознаграждением. В Сибири подобные же условия ставятся артелям охотников скупщиками, доставляющими им свинец и порох. Эти торговцы, преимущественно из ссыльных, разъезжают по деревням и наделяют охотников порохом и свинцом под добычу охоты. За 1 фунт свинца охотник должен уступить 3–4 белки, которые продаются иногда по 25 коп. штука; таким образом, 1 фунт свинца обходится в 75 коп. – 1 рубль, при покупке же в городах он стоит 10 коп. и меньше. Столь сильное давление выдерживают только самые искусные охотники, убивающие одним фунтом дроби до 20 белок⁴. Можно было бы привести еще много примеров давления, которое испытывают артели со стороны скупщиков, нанимателей, заимодавцев, но и сказанного достаточно, чтобы заключить, насколько печально положение членов артелей, находящихся в экономической зависимости от капитала. Если все сообщенные нами факты и понятны при господстве тех начал «свободного» договора, которыми управляются хозяйственные отношения современного общества, понятны при бедности нашего народа, то не так понятны злоупотребления, которые испытывают артели, имеющие полицейское значение: сам закон старается оградить членов таких артелей и доставить им материальную обеспеченность. Примером злоупотреблений этого рода могут служить те, которым в недавнем прошлом подвергались члены лоцманской артели на р. Свири. Мы выше заметили, что лоцман, желавший быть утвержденным в должности сотского, должен был внести дистанционному смотрителю 200 руб. в качестве подарка. Но эти 200 руб. не были обременительны для вносящего: они давали ему возможность держать в руках всю артель; естественным следствием являлись дорогие ссуды сотского артельщикам, навязывание разных товаров по высокой цене и т. д. Если артель, протестуя против давления, выбирала другого сотского, а старый изъявлял

¹ Небольсин. Там же. 107.

² Арханг. губ. вед. 1869, 23.

³ Вернадский. Там же. 21.

⁴ Черкасов. Там же. 691.

готовность дать зрителю большую взятку, чем вновь предложенный, то зритель не утверждал последнего¹.

Напрасно было бы пояснять, насколько во всех этих случаях артель малоспособна содействовать членам в улучшении их экономического быта.

Но влияние самостоятельных артелей не ограничивается хозяйственной стороной быта участников. Мы можем подметить, как артельное общение отражается и на духовной стороне жизни членов.

На умственное развитие человека артель влияет уже потому, что члены принимают участие в решении общих дел, обсуждают все обстоятельства, возникающие при ведении промысла, стараются наилучшим образом приспособиться к той деятельности, которая и составляет цель артели. Если занятия артели не сложны, если приурочение к ним не требует умственного напряжения, то и влияние союза в этом отношении незначительно. Раз обороты артели достигают большей сложности, – самоуправление в связи с сознанием тех выгод, которые дает союз, побуждает участников к большому умственному напряжению, чем то встречаем или чем того можно требовать от наемных рабочих, обязанных только исполнять приказания свыше. Всего раньше и всего легче направляется ум человека в самостоятельных союзах к улучшению ближайших условий внешней обстановки, улучшению технических приемов; это стремление, порожаемое сознанием тех выгод, которые доставляют технические улучшения, приучают человека к умственной работе, а большие выгоды, проистекающие из улучшений, поднимая материальный уровень, дают со своей стороны толчок: у человека развивается любознательность, охота к чтению, желание воспитывать детей лучше, чем были воспитаны отцы. Наемные рабочие находятся с этой стороны далеко не в таких выгодных условиях: и незаинтересованность в технических улучшениях, и меньшая материальная обеспеченность, и неучастие в управлении предприятием – все это не дает случая к тому напряжению мысли, которое приходится переживать членам артелей: отсюда – наемные рабочие получают и меньше толчков для умственного развития. Насколько артели умеют приспособляться к роду промысла, можно видеть, например, из того, что хозяева покрученников держатся тех же приемов, которые исстари усвоены артелями и которые при всех местных условиях, окружающих наши северные окраины, могут быть названы наилучшими. И выбор орудия, и способ разделения работ внутри артели – все это хозяин предоставляет исключительно ей самой, уверенный, что это лежит и в его интересах. Но мы имеем и положительные данные, свидетельствующие, что артель наталкивает членов на улучшения в области техники. Нижнетурирская механическая артель заменила многие

¹ Неделя. 1870, 43. Так было 10 лет назад; мы успокаиваем себя надеждой, что подлежащие власти положили конец этим злоупотреблениям.

ручные работы машинными; планы станков для точки шпилек и винтов были начертаны самими членами¹. Нет основания объяснять это случайностью, совпадением. Приноровление к труду со стороны биржевых артелей общеизвестно: они исполняют самые разнообразные работы при купечестве, и на каждую ставится член, который наиболее к ней пригоден; артель старается поручить каждому такую работу, которая наиболее соответствует его качествам, а это развивает ловкость труда и создает из артельщика человека особого типа, своеобразного, отличающегося с первого взгляда редким умением взяться за любую работу, родственную занятиям, которым посвящают себя биржевые артели. О той же нижнетуринской артели мы узнаем, что уже первые годы среди членов было заметно умственное оживление: явилась потребность в публичных чтениях, начала развиваться охота к чтению². Уровень умственного развития архангельских дрягилей, как передает об этом г-н Федоров³, значительно выше, чем большинства людей, живущих физическим трудом: они наполовину грамотны и пишут довольно четко.

Артельное общение не может оставаться без влияния и на другие стороны духовной природы человека. Так как артель имеет главной целью взаимную помощь, создание из соединения разрозненных сил таких условий, в которых каждый способен изменить к лучшему свою обстановку, то она и налагает на животных побуждения своих членов известную узду, требует от них исполнения относительно соучастников определенных обязанностей. Человек, работающий обособленно, может находить только в себе самом силы, способные нравственно поднять его; если окружающие условия и налагают на него обязанности, то неисполнение последних не влечет за собой тех кар, которыми грозит артель своему негодному члену. В артели же обязанности ставятся самим союзом, который и строго блюдет за их исполнением. Первый шаг, облегчающий для артели решение этих задач, состоит в том, что она ставит вступающим строгие требования и отвергает человека «неартельного». Совершается подбор, и подбор тщательный, посредством которого артель привлекает к себе лучших людей данного общественного слоя. Приняв члена, артель уже имеет в нем человека, обладающего общественными качествами. Затем наблюдение за каждым из участников со стороны союза не ослабевает и, таким образом, в членах поддерживаются и укрепляются те свойства, которые необходимы для широкого развития начала солидарности внутри артели. Мы далеки от того, чтобы признавать за каждой артелью способность благотворно влиять на членов. Если общение непродолжительно, если оно не всегда поддерживается между одними и теми же лицами, то чле-

¹ Белов. Там же. 173.

² Там же. 176.

³ Дрягил. комп. 127–9.

ны не успевают привыкнуть друг к другу, не смотрят один на другого как на людей, тесно связанных многочисленными узами; всякий спешит быстро воспользоваться теми выгодами, которые представляет союз, и, выходя из него, порывает связь с бывшими товарищами. Такие артели в силу мимолетности общения между участниками, в силу того, что последние нередко вообще не связаны друг с другом вне артели, не могут оказывать на членов благотворное влияние. Вольным артелям крючников в Рыбинске знакомо немало случаев, когда по окончании работы и затраты всех полученных денег на вино и карты один член, пользуясь опьянением другого, крадет у последнего одежду и пропивает ее. Очень вероятно, что такие случаи встречаются и во многих других артелях, сходных по характеру с артелями крючников. Везде же, где устанавливается продолжительное и прочное общение, где члены не только работают вместе, но и живут, где каждый находится на глазах у других, — там везде артель способствует нравственному улучшению участников. Но и артели последней группы не являются однородным целым. Можно подметить, что артели городские или же состоящие из людей, хорошо обеспеченных, в гораздо меньшей степени развивают общественные качества членов, чем артели сельские и слагающиеся из людей, менее обеспеченных, более или менее знакомых с нуждой. Очень вероятно, что эта разница объясняется влиянием города и деревни с одной стороны и самой степенью состоятельности с другой. Город в сильной степени развивает в человеке начало индивидуалистическое; так как в состав многочисленных городских артелей входят горожане или крестьяне различных местностей, то между членами не может быть так сильно развито чувство солидарности, как между односельчанами, связанными общинным строем. Во-вторых, такая разница может объясняться и тем, что члены артелей богатых менее знакомы с нуждой, а потому и менее способны понимать ее, неспособны так отзывчиво относиться к бедствиям товарищей, как члены артелей, знакомые с лишениями. Несомненно, что, по мере того как артель богатеет, по мере того как у ее членов возникают и крепнуть, благодаря союзу, но вне его, самостоятельные имущественные интересы, — чувство солидарности постепенно ослабевает; оно ослабевает потому, что члены начинают придавать все меньшее и меньшее значение тем выгодам, которые может дать им артель, чувствуют себя единолично сильными и стараются уже не поддерживать себя через поддержку товарищей, а всеми способами упрочивать свое личное благосостояние¹. Мы можем проверить это положение на артелях биржевых. Эти артели, как было замечено, имеют капиталы, предназначенные для целей благотворительных; они вы-

¹ «Поддержание товарищеских отношений между членами артели и разумное, несвоекорыстное отношение к общему делу возможно лишь в первом периоде развития артели, когда составившие ее личности находились фактически в равном экономическом положении» (Немиров. Там же. 126).

дают из общих заработков больным товарищам долю, равную части здоровых; распределение дохода построено на началах строгой справедливости. Но в них мы подмечаем черты, доказывающие, что если в отношениях между членами по форме господствует полная солидарность, то по духу эта солидарность не очень сильна. И первое, в чем сказывается эгоизм членов, – отношения между стариками и новиками. Старосты избираются обыкновенно из стариков; принимая ближайшее участие в определении членов на места, они доставляют полным артельщикам такие работы, которые и не требуют большого напряжения и бывают сопряжены со значительными частными доходами; новикам же достаются работы худшие. И понятно, чем выше вкуп, тем долее новик остается неполным членом, тем более испытывает он на себе давление артели. Отсюда – внутри биржевых артелей частая борьба между стариками и новиками¹. Подобные же сведения мы находим относительно Петербургской дрягильской компании. Частые злоупотребления старост, притеснение новиков стариками фактически повели в ней к разделению членов на две группы: одна – исполняет самые тяжелые работы, другие – более легкие; одна – имеет сторонние доходы, другая – не имеет их; высокое вознаграждение должностных лиц (староста получает 2000 руб., десятники по 600 руб. с правом есть в любом трактире за счет артели²), – все это, естественно, должно было вызывать неприязненные отношения между членами, разбивать участников на две взаимно враждебные группы. Многие из этих темных сторон могут быть отнесены к злоупотреблениям наиболее влиятельных членов, злоупотреблениям, не связанным с существом артели, а встречающимся иногда в союзах любой формы; но причина известной доли этого разъединения лежит именно в том, что дрягильская компания начала приближаться к капиталистическим предприятиям, нанимать рабочих в огромном количестве, освобождать членов от наиболее обременительных работ, ставить старейших участников на уровень людей, хорошо обеспеченных, которым гораздо ближе интересы капитала, чем труда. Едва ли можно оспаривать, что частные заработки членов, раз они достигают значительной высоты, ведут к потере артелью того духа солидарности, который вытекает из самого существа этой формы, из тесной связи между членами. В этом мы и видим главную причину разъединения, знакомую многим биржевым артелям. В простейших артелях, в глуши деревень, и, частью, в небогатых городских,

¹ *Немиров*. Там же. 126–8.

² *Федоров*. Русские артели и корпоративные отношения их членов // Петерб. листок. 1866, № 167 и 177. Г-н Федоров, негодуя на злоупотребления в дрягильской компании, говорит, что русская артель есть искажение, что «в ней господствует полнейшее разъединение», что «сознание пользы от общего единодушия еще не успело проникнуть в умы членов наших артелей» и т. д. Все эти замечания рушатся, если противопоставить Петербургской дрягильской компании артели охотников, рыболовов и многие другие.

отношения между членами построены на высокой честности, полной готовности ко взаимной поддержке. Так, прежде всего она сказывается в благотворительности. Архангельская лоцманская артель ассигнует 4%, взимаемые за ссуды из запасного экономического капитала, на пособие больным и престарелым членам, вдовам лоцманов, безвозвратную уплату государственных податей за лоцманских сирот. В 1872 году артель постановила отчислять в запасный капитал 6 вместо 5% и 2% из них специально затрачивать на пенсии престарелым лоцманам¹. Артели продавцов произведений печати в Петербурге постановили «обеспечить своих членов в случае житейских потребностей или несчастий, скорою и ближайшею помощью... в виде денежного вспомоществования»². Но искренность и честность во внутренней жизни артели особенно развиты в тех союзах этой группы, которые живут далеко от влияния города и исключительно предоставлены собственным силам. Стоит вспомнить, для характеристики артелей лесорубщиков, встречу с подобной артелью Потапа Максимыча в керженских лесах. «Разве возможно артельному леснику с чужанина хошь малость какую принять?.. Разве артель спустит ему хошь одну копейку взять со стороны?.. Да вот я старшой у них, «хозяин» называясь, а возьми-ка я с вашего степенства хоть медну полушку, ребята не поглядят, что я у них голова, что борода у меня седа, разложат да такую вспорку зададут, что и-и...»³. Сибирские артели звероловов кладут шкурки добытых зверей в общую кассу, и все уверены, что никто ничего не утаит из нее⁴. Честность в отношениях между бурлаками сказывается уже тем, что все несут свои частные заработки в общую кассу. В крымских солепромышленных артелях большой пользуется пищей и уходом за счет артели⁵. Но особенно резко выделяется эта черта в жизни наших северных зверо- и рыболовных артелей. На семужьих промыслах в отношениях между тонщиками замечается крайняя честность; скрытый человек может портить лов, а потому его обегают; в страдную пору для сбережения времени на тонях оставляют какого-нибудь старика или подростка с уверенностью, что никто не воспользуется отсутствием взрослых⁶. Общей известностью пользуются с этой стороны артели на новоземельских моржевых промыслах. На Новой Земле никого не называют добрым, а честным, и это служит лучшей похвалой. Академик Бэр рассказывает о крайней обеспеченности на Новой Земле частной собственности: у дверей нет замков; надпись на сундуке о принадлеж-

¹ *Огородников*. Там же. 98. То же находим и в некоторых других лоцманских артелях.

² Указат. по делам печати. 1878, IX, 294.

³ *Печерский*. Там же. I, 292.

⁴ *Газетмейстер*. Там же. II, 272.

⁵ *Щербина*. Очерки... 230.

⁶ *Ефименко*. Там же. II, 56.

ности его такому-то лицу вполне обеспечивает целость содержимого; промышленник, не имея возможности взять убитого зверя, но желая обеспечить его целость, втыкает около него палку, что доказывает право частной собственности на данный предмет, и никто не трогает добычи¹. Такие отношения, нашедшие себе место не только внутри артели, но и вне ее, могут быть объяснены обстановкой, которая окружает людей на моржевом промысле: всем приходится бороться с многочисленными лишениями, работать до крайнего напряжения сил, а потому труд пользуется высоким почетом и право частной собственности, по его тесной видимой связи с трудом, считается священным. Прибавим, что, каково бы ни было влияние артели на развитие общественных чувств в членах, в большинстве случаев артель есть враг кабака: где существование союза сколько-нибудь продолжительно, там артель способствует развитию в участниках трезвости, достигая этого и подбором членов, и строгими карами за опьянение.

Мы вправе сделать на основании сказанного вывод, что артель имеет на членов и воспитательное влияние, влияние лучшее того, которое может оказывать капиталистическое предприятие на группу наемных рабочих: в первом случае влияние сильно потому, что каждый вносит в него долю своего «я», каждый участвует в создании склада артельной жизни; во-вторых, оно всегда неизмеримо слабее, так как исходит от одного лица, не связанного с группой ни единством общественного положения, ни привычками, ни воззрениями, ни даже (часто) пониманием интересов.

Артельная форма не остается без влияния и во внешних сношениях.

Каждый, обращаясь к услугам этих союзов, знает, что они состоят из лиц, подобранных более или менее строго, имеющих известные качества, необходимые для успешной работы, поэтому он склонен доверять им больше, чем группе единолично нанятых рабочих. К этому присоединяется уверенность, что, связанные круговой порукой, члены артели будут стараться выполнить работу тщательно и без внимательного надзора над ними извне, что такой контроль принимает на себя сама артель. Все это располагает нанимателя к доверию, делает излишним многочисленных надзирателей и ведет к сбережению того, что обязательно должно было быть затрачено на содержание надсмотрщиков при единолично наемном труде. Благодаря таким отношениям наниматель, если артель поставлена в благоприятные условия, хотя и оплачивает ее труд дороже, чем лиц, нанимаемых поодиночке, но в итоге выигрывает как от более высокого качества труда артельщиков, так и от сбережений на надзоре. Г-н Татищев свидетельствует, что в артели крестьяне-половники работают усерднее, чем при единоличном труде, жатва оканчивается скорее, большего присмотра не нужно; тщательное исполнение

¹ Бэр. Там же. 37–9.

сельскохозяйственных работ ведет к тому, что участок, дающий, при наемном труде, урожай сам 6, приносит, при обработке его артелью, сам 9–10¹. Крымские солепромышленники всегда предпочитают артели поденным рабочим². Такое же влияние имеют и земледельческие артели в Казанской губернии: сельские хозяева, сдавая им работы, вполне уверены в тщательном исполнении³. Нижнетуринаская и екатеринбургская артели в первое же время по возникновении доказали, что казна может извлекать крупные выгоды из применения на своих заводах артельного труда, выгоды, идущие рука об руку с выгодами самих рабочих: вспомним, что подряд на приготовление лафетов был сдан управлением екатеринбургского завода не за 80 000 руб., которых требовал подрядчик, а за 20 000. По вычислениям г-на Попова, близко знакомого с селитренным промыслом, применение к этой отрасли артелей, дало бы возможность казне приобретать селитру не по 5 руб. 70 коп. за 1 пуд – цена в начале 70-х годов, – а по 4 рубля⁴. Что артели вообще вызывают большое доверие в лицах, пользующихся их услугами, всего лучше доказывается деятельностью биржевых артелей: хозяева вручают артельщикам крупные суммы в городах и нередко посылают членов за многие сотни верст со сложными торговыми поручениями. И доверие это редко бывает обмануто: по одному отзыву петербургского биржевого комитета, не было примера, чтобы артель не уплатила денег, следующих хозяину за причиненные ему артельщиками убытки⁵. Образование в конце 60-х годов артелей на пограничных с Пруссией таможах немедленно повело к охранению интересов таможенного ведомства: случаи кражи товара, частые до того времени, стали крайне редки⁶. Если артель, состоявшая в Одессе при одесской железной дороге, заявила себя в начале 70-х годов с иной стороны, если частые кражи при ней заставили правление дороги уплатить в течение 1 года 80 000 руб.⁷ за пропавшие товары, то пример этот отнюдь не говорит против артелей вообще, а доказывает, что при неблагоприятных условиях и эта форма может быть неудовлетворительна. Мы не знаем истории этой артели, но думаем, что к таким последствиям повела поспешность при ее образовании, а поспешность была вызвана, быть может, самим правлением железной дороги. Другой подобный же пример мы имеем в Новоильинской биржевой артели в Москве: она работала на станции Курской железной дороги, внесла весь свой

¹ Современник. Там же. 215–16.

² Неделя. 1876, 29.

³ Неделя. 1876, 29.

⁴ Артельн. селитров. // Записки Русск. техн. общ. 1872, I, 38.

⁵ *Немиров*. Там же. 29.

⁶ Голос. 1869, 66 (перед. ст.).

⁷ Голос. 1873, 38.

капитал обеспечения в уплату за пропавшие товары и закрылась в 1879 году. Незнакомство в подробностях с обеими артелями лишает нас возможности решить, насколько они были виновны; но если они и обманули доверие, то составляют лишь незначительный процент среди тех, которые упрочили его за собой в течение многих десятков лет. Наконец, многие артели новейшего происхождения, как производительные, так и другие, представляют нам примеры, не говорящие в пользу артели: если Осташковская артель сапожников быстро приобрела добрую славу и побудила покупателей обращаться к своим товарам охотнее, чем к изделиям других местных производителей, то наряду с нею мы имеем десятки артелей кузнецов, доставлявших в общий склад негодные гвозди. Если бы делать заключение о всех русских артелях на основании впечатления, производимого многими артелями Тверской губернии, то получился бы вывод, неблагоприятный для союзов этой группы. Но уже сама кратковременность существования большинства новейших искусственно насажденных артелей доказывает, что члены этих союзов не были подготовлены к артельному общению. А потому, с какой бы стороны ни представлялись нам внешние деловые сношения этих артелей, мы не должны делать на основании их заключение о других. Те же артели, которые упрочились, оказывают хорошее влияние в своих внешних деловых сношениях: 1) они приносят хозяйственные выгоды нанимателю, а косвенно и всему обществу; 2) значительные заработки артельщиков делают из них почву, мало пригодную для развития стачек и забастовок; 3) возбуждая к себе доверие, они поощряют дальнейшее применение артельной формы и увеличение числа лиц, обнимаемых этими союзами. В массе хозяйственных оборотов нашего отечестве все эти три рода влияний кажутся ничтожными, но они весьма важны для тех лиц и учреждений, с которыми соприкасается деятельность артелей.

Нельзя утверждать, чтобы внеделовые отношения артелей отличались особенностями, которые позволили бы выделить исследуемые нами союзы из других групп. Если одни артели отличаются и во внешних неделовых отношениях крайней честностью, то это, вероятно, бывает всего скорее там, где артель сталкивается на промысле с другой такой же артелью, где взаимопонимание и взаимоуважение вытекают не только из того, что союзы работают на глазах друг у друга, но и из того, что члены их действительно трудятся, в поте лица добывают хлеб свой. Если промысел таков, что успешная деятельность одной артели редко может препятствовать другой, если условия промысла часто могут вызывать совместный труд нескольких артелей, то получаются еще новые причины для добрых взаимных отношений. Таковы, например, охота и рыболовство; мы выше показали, что в артелях, занимающихся этими промыслами, взаимное уважение доходит до той высшей честности, которую Бэр нашел на Новой Земле. Но мы не имеем основания предполагать, чтобы

таков именно был характер даже и этих артелей во всех внешних сношениях. Если члены Родионовской артели рыбаков дают в своей избушке, построенной на казенной земле, приют всем проходящим и даже платят за поправу чужим скотом арендуемого артелью участка¹, то мы встречаем другие артели старинного типа – лесорубщиков, которым «чужой человек... в лапы не попадайся: не помилует, оберет как липочку и в грех того не поставит»². Вероятно, тот или другой характер отношений артели к третьим лицам обуславливает не самым существом союзов этой формы, а индивидуальными особенностями участников. Артели же, состоящие из людей зажиточных, твердо помнят права капитала и, пользуясь преимуществами своего положения, нимало не стесняются эксплуатировать всех и все. Мы имеем сведения о другой родионовской артели (Вологод. губ.), артели лодочников, владеющей 40 лодками; во время разлива р. Сухоны многим окрестным поселениям приходится переправляться в лодках на сенокосы; не встречая соперничества, артель взимает за перевоз по 50 коп. – 1 рубль с человека, «живьем дерут», как говорят про артельщиков³. Отношения Петербургской дрягильской компании к вольным артелям, работавшим на таможене, были, как мы уже заметили, крайне враждебны. Видя в вольных артелях соперников, пользуясь тем, что одновременная работа многих артелей затрудняла таможенному ведомству обращаться к круговой поруке для взыскания за пропавшие товары, дрягили часто совершали кражи и т. д. Понятно, что это озлобление проистекало из сознания потерь, которые наносило дрягилям соперничество вольных артелей, потерь, тем более ощутительных, что компания нанимала много рабочих, получала крупные выгоды и состояла из людей достаточных. Неприязнь, возникающая в производителе при появлении на рынке соперников, сбивающих цены, отличается и внешние отношения богатых артелей. Если артель трудится, если работа поглощает все время ее членов, то они признают право и других артелей, занимающихся однородным промыслом. Если артельщики работают мало, пользуются наемным трудом в больших размерах, то они, как и всякий предприниматель, негодуют на лиц и обстоятельства, препятствующие им нанимать столько рабочих, сколько они привыкли, и извлекать из своих оборотов наибольшие выгоды⁴.

¹ Русск. ведом. 1879, 235.

² *Печерский*. Там же. I, 268.

³ Русск. вед. 1879, 235.

⁴ Личный опыт привел нас к заключению, что стремление оградить себя от соперничества прямо соразмерно обширности предприятия. Двери мелких промышленных заведений большей частью отворены настежь; в крупных – посетитель на каждом шагу встречает надпись: «посторонним лицам вход воспрещается». Лучшим образом ревнивой охраны фабричных тайн может служить завод Фридриха Круппа: чтобы осмотреть этот завод, нужно заручиться веским удостоверением в полном незнакомстве с технологией.

В ряду внешних отношений артели главное место занимают отношения их к наемным рабочим. Эту группу отношений нужно сделать предметом несколько более подробного рассмотрения.

Мы показали, что артели не исключают наемного труда принципиально. Они не находят его несовместимым с существом артельного общения. Мы видели, что положение наемных рабочих в артелях ничем не разнится от положения их у других предпринимателей. Можно ли смотреть на наем рабочих как на явление, противоречащее существу артели?

Если смотреть на артель как на союз, с существом которого не примиряется наем рабочих, то необходимым выводом из этого положения будет признание артелей, имеющих наемников, не артелями, а каким-либо иными формами предприятия. Так относится к этому профессор Вреден: по его мнению, в артели «никакой разряд трудов по данному промыслу не должен находится в руках наемных участников... предприимчивость, оборотливость и исполнение в артели должны вестись самими артельщиками»¹. Биржевые артели являются, по мнению почтенного профессора, отклонением от чистого артельного типа.

Мы не соглашаемся с воззрением нашего ученого экономиста. Правда, что в большинстве артелей не применяется наемный труд; но нам неизвестно, чтобы в представлении народа об артели эта форма предприятий не примирялась с фактом найма рабочих или ее отдельными членами: слово «артель» употребляется одинаково как в применении к тем союзам этой формы, которые вовсе не пользуются наемным трудом, так и в тех, которые прибегают к нему, и даже в больших размерах. И такое отношение понятно: артель является союзом лиц, несущих равные обязанности, пользующихся одинаковыми правами, связанных круговой порукой, участвующих при общем ведении промысла и своим трудом, – а все эти черты, составляющие отличительные особенности артели, не всегда нарушаются наймом рабочих. Последние – элемент сторонний для артели. Как неудобно различать два типа общинного землевладения, тип, где все домохозяева имеют наемных работников (в отдельных небольших деревнях такие случаи возможны), и тот, где общинники возделывают землю только силами своей семьи, так неудобно ставить и определение артели в зависимость от чуждых ей элементов. Как строй общинного землевладения может сохраняться во всей чистоте при пользовании домохозяев наемным трудом, так и все коренные особенности артели могут поддерживаться в ней при наличности наемных рабочих. В представлении народа не проводятся между артелями, по отношению их к наемному труду, отдельные черты и потому, что артели в принципе не отрицают и при господстве в современном обществе частноправных воззрений на

¹ Курс... 149.

орудия производства не могут отрицать наемный труд. Возьмите любую артель. Она слагается в силу сознания, что ее участники сообща могут успешнее достигать своих хозяйственных целей, чем поодиночке. Если артели работают при условиях, препятствующих применению наемного труда, то в них в течение целых столетий не употребляются наемные рабочие. Но если нет препятствующих условий, то что же мешает артели нанимать рабочих? Обет? Принцип? Откуда мог взяться такой принцип у среднего человека, когда и школа, и жизнь, и положительное право на каждом шагу признают частную собственность священной и неприкосновенной, когда наибольшее извлечение выгод из этого права, умножение имущества дают лицу и почести, и власть, и завидное общественное положение? Воспоминание о пережитых лишениях, нужде? Но эти воспоминания изглаживаются очень быстро по мере улучшения имущественной обстановки. Если отдельное лицо, родившееся в нищете, знакомое с ней по опыту, начавшее свой жизненный путь тяжелым и худооплачиваемым трудом, становится во главе обширного предприятия с тысячами работников, если этот переход признается всеми с точки зрения современного правового мирозерцания понятным и естественным, то почему же не признать этого естественным и в артели? Отрицание найма рабочих по принципу требует не только развитого ума, но и сильной воли. Как велика должна быть сила, способная на такое отрицание, мы показали на истории производительных товариществ Западной Европы: эти товарищества, при всей близости социалистических учений, за немногими исключениями, не нанимали рабочих только до тех пор, пока не могли; раз возможность была дана ходом оборотов – и наем рабочих стал принимать значительные размеры¹. Правда, многие товарищества Франции и Германии уделяют рабочим долю прибыли, ставят наемный труд в положение лучшее, чем в частно-хозяйских предприятиях; но не нужно забывать, что Западная Европа испытывает в течение полувека с лишним влияние социалистических учений, что эти учения, отмечающие новую эпоху в истории экономической науки, оказывают сильное влияние и на отдельных лиц, и на целые классы, и на правительство. Не нужно забывать, что успехи, сделанные западноевропейскими государствами в экономическом законодательстве, все мероприятия, направленные к охранению нанимающихся от нанимателей, были если не прямо, то косвенно ответом на требования социализма; что рабочие жилища, привлечение работников к участию в прибыли и т. д., прямо не созданные социализмом, были мерами, которыми их творцы пытались охранить многочисленные массы от подавляющего действия новых научных систем. Благодаря этому умственному движению, в Западной Европе положение рабочих вообще гораздо лучше, чем в России, а в западноевропейских

¹ *Исаев. Промышленные товарищества...*

товариществах оно лучше, чем в наших артелях. Наша артель долго остается, по характеру отношений между членами, одной и той же, нанимает ли она рабочих или нет. Отсутствие наемного труда есть идеал, которого немногие искренно желают и к которому будет постепенно приближаться общественное хозяйство. Но едва ли удобно говорить, что артель не должна иметь наемных рабочих, если хочет остаться артелью, так как подобное требование не может быть выведено из существа этой формы предприятий.

Но замечание профессора Вредена о различии между артелями, нанимающими рабочих, и теми, где предприятие ведется исключительно членами, имеет значение. Мы также думаем, что при известных условиях применение наемного труда может повести к вырождению артели.

Наем рабочих в тех артелях, которые не требуют для успешного ведения промысла значительных капиталов, остается без всякого влияния на характер союза. Если при рыболовстве один или несколько членов артелей нанимают рабочих, если заугорцы выписывают для себя рабочих из отдаленных деревень, чтобы получить выгоды от этого найма то подобное явление может быть признано мимолетным. В нынешнем году дешевый деревенский рабочий позволил члену артели удержать часть пая, а в будущем, ознакомившись с людьми и обстоятельствами, он найдет возможность стать членом какой-нибудь артели. Нанятый рыбак может в короткое время сделать сбережение, чтобы вступить участником в рыболовную артель. Род промысла не ставит для нанятого препятствий, которых нельзя было бы преодолеть в более или менее короткое время. С другой стороны, личный труд членов в подобных артелях не приучает участников смотреть на наемных рабочих как на элемент постоянный, не внушает им сознания, что артель есть форма, позволяющая им жить без работы, а потому и не побуждает их ограничивать число своих товарищей, чтобы расширять применение наемного труда. В этих случаях наем рабочих не может оказывать влияние на артель.

Но там, где обширность и разнообразие оборотов побуждают артель нанимать много рабочих, где или доходность промысла все более и более возвышает вкуп, или составление капитала вменяется в обязанность сторонними учреждениями, в жизнь артели вкрадываются начала, способные привести к вырождению союза не только по духу, но и по форме. Во-первых, в таких артелях наемные рабочие существенно отличаются от членов: высота имущественного взноса делает вступление в артель для одних наемников крайне трудным, для других – даже невозможным. Во-вторых, члены артели, нанимающей много рабочих, резко отличаются от последних по своему общественному положению. Разнообразие занятий побуждает артельщиков удерживать для себя только те, которые сопряжены с наименьшим ручным трудом, которые состоят в заведовании, наблюдении, продаже, охране

и т. д.; постепенно артельщики выходят из области чисто телесного труда. Затем увеличение доходов и накопление имущества отдельными членами дают им вкусить всю прелесть пользования капиталом и побуждают видеть в труде второстепенный низший источник дохода. Сознание это ведет к возможно большему применению наемных рабочих, к дальнейшему затруднению желающих вступить в артель, равно как и давлению на тех, которые, быв приняты союзом, не уплатили взноса сполна. Развитию во внутренней жизни капиталистических интересов долго препятствует сама артель: она своими постановлениями обязывает каждого члена работать, карает за прогул и т. д. Долго повинаясь этим требованиям и сдерживая личные побуждения, члены стремятся изменить обременительные для них правила и, наконец, достигают отмены обязательства участвовать личным трудом в делах артели. Раз вырвано это обязательство – один существенный признак артели уничтожен и она перестает быть артелью даже по форме: она переходит в ряд капиталистических предприятий, наиболее приближаясь к полному товариществу¹. Среди наших артелей всего ближе к вырождению стоят биржевые. В петербургских исчезает дух артели, но форма остается нетронутой; в тех же московских, где не запрещается приобретение артельного места лицом, уже участвующим в другой артели, и самой форме скоро угрожает полное изменение.

Таково влияние на жизнь артели найма и только найма большого числа рабочих. Нельзя определить абсолютной цифрой то число, которое ведет к переходу артели в капиталистическое предприятие; но, несомненно, чем больше способствует этому род промысла, чем более возрастает пользование наемным трудом, тем ближе время вырождения артели.

Не само применение наемного труда, скажем мы в заключение этой главы, делает артель неартелью, а применение его в известных размерах. И здесь, как во многих других рядах хозяйственных явлений, различия количественные ведут и к качественным различиям.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Область приложения промышленных артелей

Отсутствие точных числовых данных о размерах применения в России артельного труда не позволяет определить степень распространения промышленных артелей в нашем отечестве. Но если при всей недостаточности наших сведений, мы могли насчитать до 60 отраслей деятельности, знакомых

¹ Если будет отменена круговая порука для всех или некоторых членов, то артель может перейти в неполное товарищество или акционерное общество. Но род занятий биржевых артелей, вероятно, сильно затруднил бы отмену кругового ручательства.

с артельным началом, если мы вспомним, что одни биржевые и срочные им артели насчитывают только в Петербурге не менее 3500 членов и, вероятно, до 10 000 во всех городах и на железнодорожных станциях, что в одной Киевской губернии чумачеством занимались в 50-х годах до 17 000 человек¹, соединенные или только в потребительные, или в производительные артели, что торговые артели Рашевки насчитывают не менее 1000 членов², что один тюлений промысел в Архангельской губернии дает занятие более чем 4000 артельщиков³, то мы признаем эту форму труда весьма распространенной в нашем отечестве. Несомненные факты доказывают нам, с другой стороны, что если артельное общение не есть отличительное свойство русского народа, то к этой форме наш народ имеет столь большую склонность, какая не проявляется у наших западных соседей. И в этой склонности убеждает нас очень многое: нас убеждает в ней и та быстрота, с которой Россия покрылась сетью ссудосберегательных товариществ, и легкость, с какой каторжники, бежавшие из Сибири в Америку, образовали там артели извозчиков⁴, с какой по одному призыву архангельской думы мещане вступали в балластную артель⁵, и повсеместная распространенность артелей харчевых и жилищных. Наконец, в этом убеждают нас и те многочисленные, случайные, похожие на артель, хотя и не совпадающие с ней соединения, которые под именем помощи, толоки, праздничной складчины известны во всех концах обширной России. Прав тот иностранец, который замечает, что «русский мужик... вступает, смотря по месту и времени, в ближайшую к нему артель или случайно образует новую с находящимися в одном с ним месте товарищами»⁶. Чрезвычайная склонность нашего народа к артельному общению стоит, таким образом, вне спора⁷.

Если склонность к артельному единению так велика у нас, то что же препятствует еще большему распространению артелей? Какие особенности промыслов ставят ему преграду, затрудняют применение артельной формы труда?

Артель, по мнению профессора Вредена, наиболее пригодна там, «где требуется особенно добросовестный честный труд, где необходим такой зор-

¹ Киевские чумаки // Журн. Мин. вн. дел. 1859, IX.

² Аксаков. Исследов. о торговле... 35.

³ Ефименко. I, 53.

⁴ Курбский. Там же. 635.

⁵ Федоров. Там же. 188.

⁶ Фрюгауф. Русск. раб. ассоц. // Труды вольн. экон. общ. 1869, т. II, в. 1 (перев. с нем. из Vierteljahrschrift... 1868, I B).

⁷ Не странно ли читать в толстом журнале, притязавшем на научность, такие строки: «...после Петра I артели принимают более серьезный (?) характер и делаются более самостоятельными (?) в своих операциях. Артельное начало начинает приобретать популярность не только в собственно рабочем классе (?), но даже и в сельском населении (!?), и выгоды его становятся более и более понятными для народа (!). Гдб. Социал.-эконом. попытки // Дело. 1868, V, 132.

кий надзор при пользовании материалами, орудиями и машинами, что опасно доверять их наемникам»¹. Затем почтенный профессор находит, что артельное начало может иметь довольно широкое применение, так как дешевизна изделий обеспечивает предприятию успех, а для «обеспечения наименьших трат за капитал артель незаменима, потому что весь артельный капитал и все его технические части составляют собственность артельщиков, а известно, что собственник лучше бережет свое имущество, чем наемник чужое». «Предприятия с большим риском и сильной ответственностью, равно как и нуждающиеся в значительном капитале, не допускают артельного строя»². Таким образом, г-н Вреден отводит для применения артельной формы весьма широкую область мелкого производства – ремесла и кустарной промышленности, а также отрасли труда, состоящие в оказании услуг³. Рядом с этим мы находим в нашей литературе указания на возможность применения артельного начала к отдельным отраслям промышленности и частью встречаем даже довольно развитые планы о способах приложения артельного труда. Так, есть указание на возможность построить на артельных основаниях первоначальную обработку льна⁴, смолокурение⁵, селитроварение⁶, иконописание⁷ и т. д. Но рядом с такими светлыми надеждами на артель нет недостатка и в заключениях, что артель неприменима «в сфере торговой и промышленной деятельности без коренного изменения (?) самых видов этих предприятий»⁸.

Попытаемся определить область применения промышленных артелей.

В тех отраслях деятельности где капитал незначителен, артельный труд может иметь почти безграничное приложение; нет такой формы предприятий, которая могла бы быть в этих отраслях опасным соперником артелей. Не нуждаясь в капитале, артель облегчает доступ всем желающим, если не находит нужным затруднять вступление высокими вкупными суммами. Круговая

¹ Курс... 157

² Там же. 158.

³ Почтенный экономист противопоставляет артель кустарничеству, исходя из воззрения на это последнее как на семейную форму труда. Мы несогласны с этим: кустарничество мы считаем одной из форм производства, а артель – одной из форм предприятий. Отличительными признаками кустарничества служат: 1) связь промышленника с землей и 2) работа на неизвестные рынки. Эти коренные признаки не изменяются, работает ли кустарь один, с членами семьи, 2–3 наемными рабочими или в артели. Как в мануфактурном или фабричном производстве могут применяться разные формы капиталистических предприятий, так в мелкой промышленности может применяться одиночный, семейный или артельный труд.

⁴ Сворцов. О применении к обработке льна формы артельн. труда // Труды вольн. экон. общ. 1873, III, в. 2, 224–7 и Тихомиров. Обработка льна артелью // Грамотей. 1873, I.

⁵ Шапиро. О сухой перегонке дерева... СПб., 1872, 111–20.

⁶ Попов. Артельн. селитров... 31–7.

⁷ Душепол. чтение. 1869, III, 90.

⁸ Л. Д. Биржев. артели. 2.

порука возвышает доходы артелей сравнительно с заработками лиц, трудящихся единолично, а последнее и делает вступление в артель привлекательным для каждого. По существу, все занятия этого рода могут быть навсегда сохранены для артельной формы. Но есть условия, которые, не будучи прямо связаны с данными промыслом, ставят и в этих отраслях деятельности наемных рабочих с предпринимателем во главе серьезными соперниками артелей. Таков, например, плотничный промысел. По характеру он, как нельзя более, пригоден для принятия артельной формы, а между тем мы находим артели плотников преимущественно при небольших сооружениях, часто в селениях и малых городах и крайне редко в столицах и при больших постройках, где плотничьи работы выполняются отдельными предпринимателями. Причина успешного соперничества последних с артелями объясняется тем, что 1) подрядчики плотничьих работ, живя в городах, имеют обширные знакомства и с домовладельцами, и с архитекторами и всегда могут скорее получить заказ, чем староста плотничьей артели, живущей в городе только летом; 2) немало облегчает для первых соперничество с артелями и обычай уплачивать за работу или по ее окончании, или же по исполнении значительной ее части¹: низкий имущественный уровень того слоя, из которого исходят члены плотничьих артелей, не позволяет многим жить на собственные средства до получения расчета от заказчиков и заставляет поступать наемным рабочим к подрядчику, который и содержит плотников во время занятия промыслом. Мы показали на одном примере, почему в тех промыслах, где артельный труд, могущий по свойству занятия иметь безграничное применение, встречается опасное соперничество со стороны капиталистического предприятия. Нетрудно понять, что такое соперничество может встретиться во многих отраслях труда, тем более что податные тягости, лежащие на сельском классе, – а в нем-то и образуется большинство артелей, – заставляют весьма многих обращаться к дорогому кредиту: раз человек воспользовался кредитом, заимодавец может принудить его к работе по найму вместо поступления в артель. Кроме частных предпринимателей, в этих отраслях соперниками каждой новой артели являются артели, успевшие упрочиться, пользующиеся в больших размерах наемным трудом: последние, извлекая из наемного труда большие выгоды, возвышают вкуп и тем препятствуют вступлению новых членов; захватив же все работы данного вида в свое ведение, они сильно затрудняют образование в той же отрасли новых картелей. Таковы артели биржевые. Эти причины достаточно поясняют, почему там, где артельная форма не должна бы иметь соперников, она находит их в большом числе. Говоря о безграничной применимости артелей в

¹ Для понимания экономических явлений, как справедливо замечает Милль в разных местах оснований полит. экон. и как то хорошо развил Шмоллер (*Ueber einige Grundfragen des Rechts u. der Volkswirtschaft*. Jena, 1875), необходимо считаться с господствующими обычаями.

промыслах, не требующих сколько-нибудь ценных орудий производства, мы не делаем исключения и для тех отраслей труда, которые нуждаются в совместной деятельности весьма многих участников. По мнению профессора Вредена, артели могут иметь только ограниченное число членов: где много участников, там «нарушено экономическое основание артели – непоколебимость круговой поруки»¹. Мы же думаем, что надежность круговой поруки может быть обеспечена и в артелях, имеющих несколько сот участников; и обеспеченность эта дается условиями, на которых принимается каждый вступающий. Так как в многочисленных артелях вступающий не может быть известен всем, то артель, проверив сама во всем составе те качества принимаемого, которые без труда поддаются наблюдению, имеет возможность заставить вступающего прибегнуть к ручательству за него членов, уже давно состоящих в артели и пользующихся наибольшим ее доверием. На фактическом перенесении права выбора членов из общего собрания в небольшую случайную группу или постоянный орган артели (совет в кредитных товариществах) и опирается возможность доведения числа артельщиков до нескольких сот без всякого риска для союза. Этим объясняется, почему, например, в Баронской артели был в начале 70-х годов 261 член², тогда как капитал ее не превышал 7000 руб.³ и, очевидно, не мог служить для упрочения круговой поруки. Но столь большое число членов нимало не затрудняло успехов оборотов Баронской артели, не уменьшало доверия к ней со стороны петербургского купечества. Скажем в заключение, что во всех этих отраслях труда артель может иметь самое широкое применение и, по существу, не боится соперничества иных форм предприятий.

Затем остается обширная область промысловой деятельности, нуждающейся в более или менее значительном капитале. Чем большего капитала требует предприятие, тем труднее становится применение артельного начала. 1) В промышленных занятиях, нуждающихся в больших капиталах, артель при существующих условиях не может иметь место, потому что слои нашего общества (крестьянский и, частью, мещанский), которые поставляют артельщиков, не обладают достаточными капиталами; в классах имущих упрочился навык или к единоличным предприятиям, или к многочисленным капиталистическим; владение значительными капиталами не примиряется и не может примириться с ручным трудом, а потому представители этих классов ведут предприятия – в одиночку или в общении с другими – при помощи наемного труда, сами же удерживают только риск и распоряжение. 2) Помимо недостатка капиталов, при современном уровне развития нашего крестьянского и мещанского населения в массе нет тех сведений, навыка, которые необходимы для многих

¹ Курс... 149.

² Немиров. Там же. 16.

³ Там же. 85.

отраслей промышленности и торговли: обширные личные знакомства, постоянные сношения с внутренними или иностранными рынками, возможность оценить каждое нововведение, быстрота решения, когда производство требует каких-нибудь существенных изменений, – все это требует такой купеческой умелости, какая в настоящее время не по плечам тому слою нашего общества, который сроднился с артельной формой труда. Возникла в одной из подобных отраслей деятельности артель – и она неминуемо падет под напором капиталистических предприятий. Мы склонны думать, что в отраслях деятельности, где необходимый для ведения предприятия капитал считается миллионами или даже сотнями тысяч, артель при господстве права частной собственности на орудия производства не может рассчитывать на успешное применение. И причина этому лежит в том, что акционерная форма в своих многообразных изменениях дает случай привлекать к предприятию самые ничтожные сбережения, составлять из них крупные капиталы. Акционерная форма имеет ту привлекательную для каждого владельца капитала сторону, что не требует его личного участия в предприятии, позволяет участнику применять его труд и способности в любой отрасли деятельности, дает барыш, превышающий процент, средний для данных времени и места, и, распределяя ограниченный риск на огромную площадь, налагает на каждого только умеренную ответственность. Эти особенности акционерной формы настолько соответствуют интересам владельцев капиталов, что делают из нее именно тот вид капиталистических предприятий, которому предстоит в будущем еще более широкое применение. Высота прибыли и умеренность риска отводят в исключительное ведение акционерных предприятий все отрасли промышленности, где нужны наиболее значительные капиталы. В тех отраслях, которые требуют наиболее гибкости и решительности, товарищества полные и неполные и, наконец, единоличные предприятия всегда (при праве частной собственности на орудия производства) будут служить опасным и непобедимым соперником для артелей¹. Таким образом, мы не видим для артели возможности строить железные дороги, вести обширные заводы и фабрики, иностранную торговлю.

Но если отпадают самые крупные предприятия, если они, по существу своему, замкнуты для артели, то остается множество отраслей промышленной деятельности, в которых артельный труд или уже прилагается, или же может быть применяем с успехом. Что обороты артели в торговле могут достигать довольно больших размеров, доказывает наилучшим образом московская артель половых, содержащая гостиницу со 120 номерами и при ней большой трактир. Обороты ее, как мне передавали в конторе гостиницы,

¹ Мы не исключаем возможности возникновения смешанных форм, средних между артелями и акционерными обществами, в которых наряду с членами-работниками будут и члены, только владеющие паями.

достигают 1 1/2 млн руб.¹. Вся же мелкая промышленность, как кустарная и ремесленная, так и разные отрасли добывающей, представляют для развития артелей весьма благодарную почву.

Что артель с удобством применима в добывающей промышленности, охоте, рыболовстве, земледелия и т. д. – доказывается данными, которые мы привели выше, а потому относительно этих отраслей мы считаем излишними все дальнейшие пояснения. Не столь ясными могут казаться возможность применения и легкость распространения артелей в кустарной промышленности и ремесле. Помимо тех частных возражений, которые могли быть сделаны, выступают два обстоятельства, способные внушить многим серьезное сомнение в применимости артели среди наших ремесленников и кустарей. Если артель применима с удобством, то чем же, спросят нас, объясняется 1) почти полное, за немногими исключениями, отсутствие самобытного возникновения артелей между ремесленниками и кустарями и 2) крушение десятков артелей, созданных тверским губернским земством и другими общественными учреждениями? Если, как было замечено, в народе сильна склонность к артельному общению, то не объясняются ли эти обстоятельства существом обрабатывающей промышленности, кустарничества и ремесла? Оба возражения вески, но оба они не дают права заключать о неприменимости артелей в мелкой промышленности.

Правда, мы находим немного случаев применения артели в среде ремесленников и кустарей², но такие случаи есть, и они весьма замечательны. Ткачи устраивают светелки за общий счет; кузнецы в Нижегородской губернии строят артельные кузницы; утесовские бочары составляют артели для закупки сырых материалов. Во всех этих случаях мы находим применение артели к той ступени промысловой деятельности, которая наиболее нуждается в общении. Все эти 3 промысла, по своим техническим особенностям, не нуждаются в совместном производстве: производительность труда кузнецов или бочаров не возрастет от того, что они образуют производительную артель; закупка же сырья за общий счет или устройство кузницы уменьшают расходы каждого промышленника. Таким образом, здесь, помимо внешнего воздействия, кустари обратились к артельному началу и, отнесшись к нему разумно, устроили артели того рода, который им наиболее полезен. Эти немногие

¹ Я слышал, что эта артель хочет преобразоваться в товарищество на вере. Дальнейшее развитие оборотов, вероятно, приведет ее к этому.

² Едва ли можно утверждать, что артели среди кустарей только кажутся редкими в силу недостаточного изучения кустарной промышленности. Мне лично пришлось исследовать в Московской и Ярославской губ. 5 кустарных промыслов, и я только в одном месте нашел артель подносчиков, да и ее существование объясняется некоторым родством между участниками. Самые тщательные расспросы не давали положительных результатов. Сведения о других кустарных промыслах, собранные в «Трудах», еще более подкрепляют в убеждении, что артели среди наших кустарей – крайне редкое явление.

факты приложения артелей среди кустарников говорят гораздо больше за возможность применения исследуемой нами формы в кустарной промышленности, чем неудачные попытки – против нее; первые побуждают нас объяснить редкое приложение артелей в кустарничестве не существом этой формы промышленности, не ее техническими особенностями, а какими-либо иными условиями быта кустарей. Чтобы выяснить эти условия, мы должны рассмотреть, в каких артелях нуждаются наши кустарники, и показать, почему именно нужный род артелей не может самобытно развиваться с успехом.

Большинство отраслей кустарной промышленности России не вышло из периода чисто ручного труда; большинство вовсе не знакомо с машинами. Разделение труда в некоторых отраслях довольно значительно, но принимает, главным образом, форму разделения по разновидностям производимых товаров. Такой порядок мы находим во всей деревообрабатывающей промышленности, такой преобладает в большинстве отраслей, обрабатывающих металлы и даже волокнистые вещества: столяр сосредотачивается иногда на производстве каких-либо одних предметов и уступает соседу изготавливать другие разновидности столярных изделий; кузнец совершает над железом или медью все операции, предшествующие отделке данного товара; ткач занимается приготовлением исключительно полотен определенной ширины и приспособливает для этого свой стан и т. д. Период технического развития нашей кустарной промышленности вполне соответствует уровню техники, на котором стояло средневековое ремесло. Гораздо реже встречаем мы в кустарничестве разделение труда на отдельные, частичные операции, отличающие мануфактуру (гончарная промышленность, некоторые отрасли обработки металлов). Технические особенности кустарных промыслов первой группы делают для них производительные артели излишними. Ни одному кустарю не придет в голову устроить артель, если она не представляет осязательных выгод, а сколько-нибудь заметные выгоды производительная артель дать не может. Совместное ведение столярного промысла предполагает устройство здания сообща, артельные покупки сырья и сбыт изделий, разделение труда между участниками сообразно со способностями каждого и обращение всех доходов в одну общую массу. Таковы отличительные черты производительной артели. Но часть того, что она может дать, достигается и при обособленной работе кустарников. Помимо артели, труд в промыслах первой группы разделяется между кустарниками сообразно с их силами или другими условиями их обстановки. Каждый, следуя запросу, приспособливается к производству товаров известного вида и воспитывает в себе наибольшую ловкость при их изготовлении. Работает ли он один или рядом с другими в общей мастерской – производительность его труда не изменяется, и, как член артели производительной, он не извлечет для себя из общения никакой выгоды. Но

отчего же он не вступает в артель с целью установить разделение труда на частичные операции и тем возвысить производительность работы? Задайся известная группа такой целью и достигни ее – несомненно, успешность труда могла бы значительно возрасти. Понятно, что такая цель может быть поставлена одним-двумя среди всех кустарей данной отрасли; но невероятно, чтобы при среднеуспешном сбыте товаров, при отсутствии опасного соперничества извне, при отсутствии сильных толчков, которые могли бы побудить наших кустарников на самостоятельный переход к мануфактурному производству, невероятно, чтобы три громких слова «увеличение успешности труда» могли двинуть людей на образование производительной артели. Чрезвычайная медленность, с какой одни формы сменяются другими в истории, поддерживает нас еще более в выраженном недоверии. Таким образом, производительные артели при настоящем положении промыслов этой группы вовсе не нужны для кустарников. Остаются промышленные артели 3-х видов: сырьевые, складочные и производительно-подсобные. Последние также нужны не всегда. Кузнечный промысел принадлежит к числу тех, которые всегда могут извлекать пользу из производительно-подсобных артелей; но не таково условие тех отраслей промышленности, которые позволяют кустарнику работать в избе. Если изба довольно просторна, семья невелика, то никто не мешает ткачу или столяру поставить стан или верстак в самой избе; а при этой возможности было бы невыгодно участвовать в устройении общей мастерской. Можно найти очень много промыслов, пожалуй, большинство, где нет нужды в производительно-подсобных артелях. Но и в тех отраслях, которые, подобно кузнечной, всегда могут извлекать выгоды из артелей этого рода, последние не могут получить очень широкого распространения. И причиной этому служит постепенность, с которой промыслы развиваются в деревнях. В этом году начинает заниматься кузнечеством одна семья и строить кузницу соответственно со своими потребностями. В будущем году посвящает себя тому же промыслу другая – и обязательно должна завести свою кузницу и т. д. Случайно может быть совпадение во времени, когда несколько лиц приступают к промыслу, и тогда устраиваются артельные кузницы; наконец, такие случаи могут быть после пожара¹. Но весьма часто таких совпадений не бывает, и новые кустари или строят собственные кузницы, или нанимают свободные места у соседей. Отсюда случаи возникновения артелей и этой группы не могут быть часты. Сырьевые же и складочные артели всегда и почти во всех промыслах могут принести кустарям крупные выгоды. Исключением служат разве только те отрасли, которые имеют под руками сырой материал и ограничиваются ближайшими рынками для сбыта. То и другое

¹ В с. Бурмакине Ярославского уезда многие кузнецы говорили мне, что, сгори их кузницы, и они вместо малых «построят большие сообща».

отличает кустарный промысел в начале его развития. Раз эти условия исчезли – кустарник отрезается от рынков, сносится с ними через посредство скупщиков, теряет при покупке сырья и сбыте товаров и может быть освобожден от этих потерь только сырьевско-складочной артелью. Чем же объяснить столь редкие исключительные случаи возникновения артелей этих видов среди кустарей, если они могут приносить такие крупные выгоды? Это объясняется также историей развития кустарничества. Когда рынок сырья отдаляется от места производства, то закупка оптом, которая одна только и может быть выгодна, требует значительных капиталов; кустарники не обладают ими. Составление нужного капитала по частям требует соглашения между многими лицами, а следовательно, требует времени; немало нужно времени и для того, чтобы ознакомиться с условиями неизвестного рынка. Прежде чем сделаны шаги, предшествующие организации сырьевого товарищества, на сцену выступает торговец, идущий навстречу кустарям. Торговец, состоя в прочных сношениях с оптовым рынком сырья, предлагает кустарникам обрабатываемые ими материалы и для извлечения возможных выгод их продажи кустарям не затрудняется открывать им кредит. На одной стороне оказывается и недостаток капиталов, и непривычка сноситься с рынком, на другой – готовность торговца продавать в кредит, а последняя служит тем обстоятельством, которое могущественно препятствует возникновению сырьевых артелей. Отдаленные выгоды, которые представляет артель, выгоды, сопряженные с предварительным накоплением капитала, требуют от кустарников большей стойкости, самообладания, чем та степень, в которой обыкновенно встречаются эти качества, а потому большинство принимает то, что ближе, доступнее, что не требует никаких жертв, большинство становится в зависимость от торговца и берет у него сырье на условиях, которые ему угодно предложить¹. Устройство складочных товариществ кустарниками наталкивается на препятствия, еще более значительные. Гораздо легче купить оптом сырье и распределить его в известном отношении между участниками, чем устроить общий склад, который имел бы все данные для успешного развития. Устройство склада в городе, служащем для кустарников рынком, требует крупных затрат, а потому предполагает соединение для этой цели весьма многих промышленников, оно требует при устройстве склада для сношений непосредственно с потребителями сочетания многочисленных разновидностей изделий, умения продавать или, при найме стороннего лица для продажи, умения поверять его действия. Но, где бы ни был устроен артельный склад, в

¹ Читатель поймет, что процесс, изображенный здесь в нескольких словах, в действительности совершается медленно: когда кустарнику недостаточно местного сырья, он уже находит в ближайших городах торговцев нужными ему материалами; к той же торговле обращаются и кустари, успевшие накопить небольшой капитал. Словом, кустарник опутывается сетями торговцев раньше, чем может зародиться мысль об устройстве сырьевого товарищества.

самом ли кустарно-промышленном округе, или в городе, сосредоточивающем в себе многочисленных потребителей, складочная артель обязательно должна быть сырьевой: без оптовой закупки сырья артель не может дать участникам столь осязательные выгоды, чтобы кустарники, рискнув порвать все установившиеся связи, решились устроить артель. 1) При получении сырья от торговцев в розницу и невозможности иметь в этом моменте промысла какую-нибудь пользу от артели, кустарники, устроившие склад, будут нести на содержание его такие расходы, которые будут разве немного ниже потери, проистекающей из поставки торговцам изделий в счет полученного сырья. 2) В большинстве отраслей промышленности сбыт идет скачками, то усиливаясь, то затихая на несколько месяцев; сносясь с торговцем, теряя на цене товара, кустарник все же имеет в течение всего года хотя бы небольшую выручку; при помещении в складе, если к нему не будут приобщены и кредитные операции, такой выручки не будет вовсе, и многие члены будут поставлены по временам в неудобное положение. А единовременная организация сырьевско-складочной артели и кассы для выдачи ссуд за низкий процент требует со стороны участников весьма значительных капиталов, твердой воли, редкой способности самообладания, тем более что торговцы, доставляющие кустарям сырье и скупающие их изделия, употребляют все усилия, чтобы не выпустить из своих рук столь выгодную добычу. Стоит только вспомнить, что многие из кузнецов Тверской губернии боялись преследования торговцев, а потому и уклонялись от вступления в артели, созданные земством; стоит вспомнить, что тех из них, которые становились членами артели, не рассчитавшись со скупщиками, наказывали розгами в волостных правлениях. Таким образом, противодействие артелям извне было сильно и там, где артель пользовалась большой поддержкой общественных учреждений. Ввиду всех препятствий, пример кузнецов Ардатовского уезда, закупающих оптом сырье, заслуживает особенного внимания и красноречиво говорит, что артельное начало применимо и в кустарной промышленности. Трудность образования кустарями сырьевых складочных артелей, могущих принести несомненную пользу, действует на кустарей воспитательным образом: она воспитывает в них привычку обособленной промысловой деятельности и при склонности нашего народа к артелям вообще способствует только уменьшению этой склонности. Год проходит за годом, кустари не сносятся с рынками непосредственно, торговые капиталы возрастают, закупка сырья и сбыт изделий сосредоточиваются в меньшем числе рук, а кустарь живет изо дня в день и не делает, да и не может, покрывая доходами только необходимые потребности, делать сбережения. Узел дорогого кредита, связывающий его со скупщиком, затягивается все туже и туже, кредит имеет место не только при доставке сырья, но и в разных других жизненных нуждах. В конце концов,

кустарь впадает в полную зависимость от скупщика. Было бы поучительно шаг за шагом проследить влияние, которое оказывает эта зависимость на характер кустарника: несомненно, что 1) она развивает в нем боязнь лишиться этого кредита, а следовательно, боязнь перед скупщиком и 2) ведет, в силу зависимости почти всех кустарей от торговцев, к развитию между первыми не чувства солидарности, а сознания противоположности интересов: каждый хочет получать большие выгоды от хозяина, лучше соседей угодить ему, а это достигается только соперничеством между кустарями. Таким образом, в то время как в рыболовстве привычка к артельному общению в течение многих поколений воспитывает в наших рыбаках и передает по наследству склонность к артельной форме, в кустарной промышленности привычки, прямо противоположные, делают из людей элемент, нуждающийся предварительно в значительной подготовке к артели. Всем этим объясняется редкость применения артельного начала в среде наших кустарей. Сказанное о кустарных промыслах первой группы приложимо, быть может, с частичными изменениями и к тем кустарным промыслам, которые по свойству разделения труда приблизились к мануфактуре и к городскому ремеслу. В кустарных промыслах второй группы производительные артели могли бы принести производителям большую пользу, но на пути к их устройству стоит еще больше препятствий, нежели для образования сырьевых и складочных артелей. Производительные артели в гончарном промысле, например, требуют и весьма значительных капиталов, и немалого искусства для организации как внутреннего строя, так и внешних торговых сношений. Отдельное лицо, капиталист, обладает, помимо имущественных средств, несравненно большей гибкостью, чем артель в ведении крупных предприятий вообще, а в частности и при устройстве мастерских в кустарных промыслах этого разряда. Наконец, ремесленники ощущают наибольшую нужду в артелях сырьевых. Технические особенности делают часто ненужными для городских ремесленников производительные и производительно-подсобные артели; изготовление товаров для лично знакомых потребителей позволяет промышленно успешно и без артелей складочных. Если же сырьевые артели среди наших ремесленников возникают только как редкие исключения, то причина этого лежит во влиянии городской жизни: ремесленник, не знакомый с общинным строем или забывший о нем, имеющий весьма мало точек соприкосновения с собратьями по занятию, гораздо менее склонен к артельному общению, чем сельский производитель. Меньшая склонность к артели делает нелегким самобытное развитие сырьевых артелей и в среде наших городских ремесленников.

Посмотрим, наконец, на причины, которыми объясняется крушение артелей, основанных по почину земства в Тверской губернии и Павловской складочной, созданной при деятельной поддержке Министерства финансов.

Мы указали, что эти артели имели много условий, по-видимому способствовавших их успешному развитию. 1) Материальная обстановка, при которой возникали эти артели, была очень благоприятна: тверская – кузнецов, сапожников и смолокуров – получили от земства ссуды, позволявшие юным учреждениям тотчас же приступить к оптовой закупке сырья, а Павловской складочной были даны 30 000 руб., делавшие из нее довольно крупное промышленное предприятие. Кто содействовал образованию этих артелей, тот облегчал им и первые шаги на непривычном пути, помогал в сношениях с рынком (тверские земские деятели и г-н Зернов в с. Павлове). 2) Артели имели и нравственную поддержку: руководить ими, обучать их счетоводству, прививать им привычки, необходимые для успешной деятельности сообща, – все это было обещано артелям и частью исполняемо. Если артели все-таки скоро рушились, то не доказывает ли факт их крушения, что кустарная промышленность есть неблагоприятная почва для развития артельного начала?

Нет, факт крушения не позволяет сделать такой вывод. Частью при основании названных артелей, частью в первое время их деятельности были сделаны ошибки столь крупные, что крушение артелей было неизбежно. Когда замышляется создание нового учреждения, то не следует ли изучить условия, при которых оно будет действовать, и образовать его только тогда, когда и внешняя обстановка, в которой будет жить учреждение, и лица, предназначенные стать его членами, обеспечивают успех? Необходимость выполнить это требование стоит вне спора, а тверское земство забыло о важности этого основного условия. Оно создало в короткое время 30 артелей гвоздарей; этот промысел обратил на себя особенное внимание земства в силу своей распространенности, но оно упустило из вида, что пробил час вытеснения ручных гвоздей машинными. Золотым веком гвоздарного промысла в Тверской губернии считают 30-летие от конца 20-х до конца 50-х годов. В 60-х уже начался его упадок вследствие «увеличения числа заводов, где производство гвоздей, при посредстве машин, достигло громадных размеров»¹. Если таково положение промысла в течение последних 20 лет, то какую же пользу могли принести сырьевые артели кузнецов, устроенные земством? Они могли только на короткое время продлить существование ручных гвоздарей, но должны были рушиться в недалеком будущем, так как удешевление сырья не может дать производителю силы для соперничества с машинами. Если бы артели просуществовали еще несколько лет, то все же закрылись бы и тем вселили бы как участникам, так и земским деятелям недоверие к самому делу. Мы думаем, что привитие артельного начала должно касаться не падающих в силу изменений техники промыслов (если трудно устроить производительную артель со всеми новейшими техническими приспособлениями), а тех, которые обеща-

¹ Покровский. Там же. 377.

ют, по своему техническому складу, более или менее долгое существование. Неудачный выбор промысла тверским земством может получить оправдание только в том случае, если будет доказано, что земство, устраивая артели среди кузнецов, не задалось мыслью победить производство гвоздей машинами, а стремилось привить кузнецам способность к артельному общению, которая помогла бы им, в случае упадка этого промысла, вести какой-нибудь другой на артельных началах. Факты свидетельствуют, что ничего не было сделано для достижения этой цели. Мы заметили, что условия, среди которых живут наши кустари, способны создавать между ними не солидарность, а разобщенность. Для воспитания же первой нужна медленная, осторожная деятельность, отсутствие всякой поспешности. Между тем земская управа устроила в течение одного года с небольшим 30 артелей. Неужели можно серьезно думать, что все 234 члена, которых в 1872 г. насчитывали артели кузнецов, были годными артельщиками? Привычка действовать врозь, привычка бояться скупщика не может быть искоренена в такое короткое время. Если мы предположим, что из всех артельщиков только 25% не были подготовлены вести дело сообща, то мы и тогда получим по 2 на каждую артель, что, при 7–9 членах в каждой может послужить крупным препятствием для успехов. А такое предположение не грешит против действительности: многие из сапожников, которых земство привлекло в артели, уклонялись от вступления, прямо ссылаясь на непривычку действовать сообща и на недостаток взаимного доверия¹. Такая же ошибка была сделана и при основании Павловской артели: хотя г-н Зернов старался близко познакомиться со слесарями, привлеченными в члены, однако весьма маловероятно, чтобы все 50 человек, вступившие в артель в первый же год, были подготовлены к артельному общению. Наконец, и эти ошибки не мешали бы долгому существованию артелей, если бы лица, способствующие их возникновению, установили над ними неослабно строгий надзор и устранили все, что могло неблагоприятно действовать на развитие союзов: настойчивое требование об исключении каждого члена, который заявил бы о себе как о негодном артельщике, строгое отношение к изделиям участников, тщательная и частая проверка должностных лиц – вот что нужно было для воспитания членов к новому делу; и такой порядок должен был бы поддерживаться в течение нескольких лет; только упрочившись, артель могла бы быть без вреда для дела предоставлена самой себе. Этого также не было сделано относительно исследуемых нами артелей. Гвоздари приносили в васильевский и орудовский склады негодные гвозди, не думая о вредном влиянии этого на артель, староста спокойно принимал, а земская управа не считала нужным строго наблюдать за качеством товара. Член, выбранный в старосты Микшинской льно-трепальной артели, употреблял земские капиталы на свои личные торговые

¹ Беседа. 1872. VI. Внутр. обзор. 55-56

обороты¹, старосты многих артельных сыроварней обманывали членов самым наглым образом². Жизнь Павловской артели особенно убедительно доказала, что участники были плохими артельщиками. Едва вышел г-н Зернов, как в артели начались раздоры, правление забросило счетоводство, а совет не собирался и уклонялся от контроля. К этому присоединились и те ошибки, которые (не ручаемся за достоверность этого) приписываются бывшими членами г-ну Зернову: он, говорят, не принимал к сведению заявлений артельщиков, уверенный, что лучше их знаком с делом; он закупил сразу слишком много железа; он не позволял членам продавать изделия на сторону, когда можно было продавать с выгодой, в складе же изделия долго лежали без употребления; устройство складов во многих местах раздробило капитал, вызвало излишние расходы и т. д.³. Если некоторые заявления и неверны, то несомненно, что при устройстве всех этих артелей были сделаны ошибки столь важные, что упрочение союзов было невозможно. Стремления, которыми были проникнуты тверское земство и Министерство финансов, благородны и вызывают полное сочувствие; но к делу приступили необдуманно. Созданные артели пали, и падение это, по склонности большинства людей судить о годности и применимости принципа на основании его успехов или неудачи в отдельных случаях, несомненно, поселило во многих неверие и к самой форме.

Нетрудно после всего изложенного понять, что недолговечность названных артелей вовсе не доказывает неприменимости этих союзов в кустарной промышленности; а успешное приложение этой формы к разным отраслям производства во Франции, и особенно Германии⁴, подкрепляет нас в убеждении, что артель может успешно развиваться в наших кустарничестве и ремесле.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Промышленные артели в России и Западной Европе

Наши артели старинного типа не имеют почти ничего подобного себе в Западной Европе. Исключением могут служить только те сыроварни во Франции, по Юре, и в разных местах Швейцарии, где приготовление сыра ведется на артельных началах. Если мы не встречаем у наших западных соседей артелей, подобных нашим, регулируемым обычным правом, то это объясняется очень многими причинами, проистекающими из различия в складе хозяйственной жизни России и западноевропейских народов. Большая густота населения,

¹ Русск. вед. 1873. 185.

² Эдемюв. Там же. 161.

³ Бобарыкин. Там же. 49–50.

⁴ Исаев. Промышленные товарищества...

отсутствие фактически бесхозяйственных лесов, которыми так изобилуют наши север и восток, исключают возможность образования артелей, напоминающих наши охотничьи или общие. Густота же населения, оседлость рабочих классов делают столь распространенные у нас отхожие промыслы почти излишними на западе¹; а в отхожих промыслах всего более осязательно сказывается полезность образования артелей как для потребления, так и для производства. Но главная причина лежит в том, что земельная община, еще столь крепкая у нас, способная поддерживать в человеке склонность к артельному общению, давно разложилась в Западной Европе. В связи с распадом общины, с водворением среди крестьян права частной собственности на землю между отдельными представителями этого класса исчезло то связующее звено, которое особенно облегчает образование артелей. К этому привзошло более обильное накопление капиталов и большее развитие капиталистических предприятий во всех отраслях промышленной деятельности, а потому и применение наемного труда там, где у нас прилагается артельная форма. Влияние общины на артель мы можем подметить и в Западной Европе: общие сыроварни, хотя не тождественные с артелями, но весьма похожие на них, встречаются по Юре и Альпам, где и до сих пор еще сохранились или в целом, или в остатках земельно-общинные распоряжки. Таким образом, наши артели древнего типа не находят соответствующих форм в Западной Европе. Сравнить их с товариществами, сложившимися во Франции и Германии в последние 50 лет, значит брать для сравнения величины несоизмеримые: если и найдутся между теми и другими общие черты, то все же в силу принадлежности наших старинных артелей к эпохе совершенно иной, чем товарищества наших соседей, такое сравнение не может привести к каким-либо полезным результатам.

Но можно с полным правом сделать сравнение между французскими и немецкими товариществами и нашими артелями нового наслоения. Как один, так и другие были обязаны своим происхождением деятельности сторонних лиц или учреждений, были в значительной степени искусственно насаждены; как в Западной Европе приложение артельного начала было явлением совершенно новым, так оно было ново и у нас по отношению к тем промыслам, в которых прилагалась артельная форма по почину отдельных лиц и учреждений; наконец, как в западноевропейских товариществах строй новых союзов, не имея руководящих начал в обычае, нуждался в искусственной организации, так и для наших артелей гвоздарей, слесарей нельзя было найти в обычае руководство для многих сторон артельной жизни. Словом, между одними и другими можно найти точки соприкосновения.

Сравнивая наши артели, созданные общественными учреждениями, а также возникшие в последнее время самобытно под влиянием уже известных

¹ Местами в Западной Европе есть отхожие промыслы; организация их нам неизвестна.

образцов, и товарищества Франции и Германии, мы видим весьма заметные различия. Эти различия касаются как условий, среди которых возникли те и другие, так и самой жизни артелей.

Во Франции и Германии товарищества не были явлением внезапным. Их устройению предшествовало умственное движение, которое, не ограничиваясь только наиболее развитыми слоями населения, проникало и в ту среду, где получила осуществление артельная форма. Хозяйственная жизнь, построенная на частнокапиталистическом производстве, была сделана предметом критики с первых годов текущего столетия. Хотя первые системы этого направления, хотя учения Фурье и Сен-Симона и не создали идеалов, которые могли бы непосредственно подвинуть на образование товариществ, однако в умах всех, которые знакомились с этими учениями, оставалось впечатление, что современный порядок вещей невыгоден, что нужно изменить его. В своем дальнейшем развитии социализм поставил точно определенные идеалы, и эти идеалы, при различиях в частности, содержат в себе указания на производительное товарищество как на самую лучшую, наиболее выгодную для общества форму предприятий. Мы показали в другом месте¹, что немецкие товарищества соединены с социализмом только отдаленной связью; но в Германии был Шульце-Делич, который не только указал на форму товарищеского ведения промысла в ее общих очертаниях, но и выработал все мелочи строя и жизни товариществ: из-под пера Шульце-Делича вышли образцы подробно мотивированных уставов для товариществ отдельных разрядов. Если вспомним о развитии грамотности в Германии и Франции, о той восприимчивости, с которой особенно французский рабочий относится к политической жизни и тем новым общественно-хозяйственным идеалам, которые полагались социалистами в основание государственного строя; если вспомнить, что новые идеи высказывались не только в толстых книгах, но и в ежедневных изданиях, в летучих листках, что немецкие рабочие имели под руками подробный свод правил для устройства артелей, то нетрудно понять, что во Франции и Германии почва была значительно лучше подготовлена для применения артельного начала. Подготовка почвы в обеих странах не была одинакова²: во Франции увле-

¹ Промышлен. товар., глава третья.

² Шульце-Делич, хотя он сам не признается в этом, служит, по моему убеждению, необходимым дополнением социализму, расчищает последнему путь. Социализм ставит свои требования в крупных чертах: ему не достает разработки подробностей замены частнокапиталистического производства общественным. Являясь перед массами в общих очертаниях, эти учения не могут непосредственно, в силу сложившихся обычаев, повести к практическим результатам: необходима переходная ступень и такую служат товарищества Шульце-Делича. Помимо влияния их на членов, они имеют то важное значение, что развивают в многочисленных массах привычки действовать сообща. А все, что развивает эти привычки при ведении хозяйства, подготавливает почву для победы общественно-капиталистического производства над частным.

чение идей было сильнее, чувство многих тысяч неудержимо требовало изменения формы производства, а потому мы и видим возникновение сотен товариществ в 1848-м и последующих годах. Но незнакомство с подробностями заставило большинство артелей, созданных по почину самих рабочих, идти ощупью и разложиться вскоре по возникновении. В Германии рассудок действовал сильнее, нежели чувство; разработанность частных дел позволяла вернее оценивать обстоятельства каждого случая, а потому хотя подъема массы не было, однако возникавшие товарищества могли рассчитывать на успех. При этих весьма существенных различиях в движении обеих стран мы находим то общее, что среда, в которой применялось артельное начало, имела случай ознакомиться с ним если не в подробностях, то хотя бы в общих очертаниях.

Не то находим мы в нашем Отечестве. Мы не пережили движения, подобного социалистическому. Успехи учреждений Шульце-Делича в Германии были замечены нашей литературой и повели к попыткам расширить применение артельного начала. Применение это в области кредита встречало наименее трудностей как потому, что строй кредитных артелей может быть без вреда для дела однороден, так и потому, что обороты ссудосберегательных товариществ отличаются большой простотой: всякий добросовестный человек без предварительной подготовки может быть годным членом кредитной артели. Поэтому понятно, что эта форма имела и имеет у нас наибольший успех. Устройство же артелей промышленных, как мы показали, наталкивается на большие трудности. Подготовка, необходимая для этого, не была дана нашим ремесленникам и кустарникам. Причины отсутствия этой подготовки лежали не только в малограмотности нашего народа, затруднявшей его ознакомление с новой формой, но отчасти и в недостаточной энергии, с которой велась проповедь артельного единения. Первые артели этого рода были созданы в среде, не только не слышавшей о применении сырьевых и складочных товариществ, но, вероятно, и не дававшей себе точного отчета о том, может ли когда-нибудь измениться строй производства или же, наоборот, производитель всегда должен находиться в зависимости от скупщика, многочисленные массы – от отдельных предпринимателей. Отношение, в которое лица, привлекаемые в артели, на первых же порах становятся к новому учреждению, резко обнаруживает разницу между нашими ремесленниками и кустарниками и представителями тех же слоев населения Западной Европы. Во Франции было достаточно переворота 1848 года, чтобы заставить многочисленных ремесленников Парижа и других городов сплотиться в артели помимо всякого внешнего воздействия. На каждом шагу мы встречаем проявления братских чувств, полную искренность между соединяющимися и твердую уверенность

в успехе дела. Неудачи первых попыток доказали, что ремесленники не обладали умением организовать предприятие, но сделанные попытки не были вовсе бесплодны: их неудачи не уничтожили в рабочих массах сознания, что та форма, которая была очерчена социалистическими писателями, и есть форма лучшая, желательная; а потому после десятилетнего затишья началось движение в том же направлении. Немецкие товарищества столяров, сапожников, портных устраивались по зрелом обсуждении плана совместной деятельности; многие потерпели неудачу, но многие удержались и продолжают служить для всех рабочих поучительным примером. У нас мы видим не то: всюду обнаруживается недоверие как во взаимных отношениях между участниками, так и к представителям учреждений, побуждавших кустарников образовать артель. «Не доверяем друг другу, не знаем, как быть», – вот ответы, которые неоднократно слышали деятели тверского земства. Мы не видим и намека на то воодушевление, которым были объаты французские рабочие классы, ни той зрелой обдуманности, которую можно подметить в немецких ремесленниках, основывавших артели. Полная неподготовленность, отсутствие предварительного умственного движения, которое заставило бы наших мелких производителей уразуметь или хотя бы полюбить артельную форму ведения промысла, является весьма существенной чертой, отличающей наши попытки в деле насаждения артелей от однородного движения в Западной Европе. Форма была дана нашим кустарям с одного удара, была дана при условиях, по-видимому, благоприятных; но самостоятельности заинтересованных лиц не было вовсе, а потому неудачный исход должен был повести к совершенно иным результатам, чем на Западе. Чем были неудачи каждой артели кузнецов перед лицом всех кустарников этого разряда? Они были неудачей учреждения внешнего, принесенного лицами привилегированных классов, учреждения чуждого, непривычного, которое со стороны самих кустарников не было предметом ни надежд, ни внимательного изучения. Если это учреждение наталкивалось с первых же шагов на недоверие, то неудача должна была еще больше развить и укрепить недоверие и ослабить возможность самостоятельного проявления таких попыток. Все преимущества остаются, таким образом, на стороне артелей Западной Европы.

Если мы сравним отношения сторонних лиц и учреждений к нашим артелям нового наслоения с отношениями того же порядка в Западной Европе, то и здесь мы подметим важное различие. По внешности, выгоды в этом отношении принадлежат России. Во Франции кратковременный государственный строй, созданный переворотом 1848 года, был таков, что вопросы хозяйственные стали предметом особого внимания со стороны государства; в ряду учреждений, нашедших покровительство государства, были и произ-

водительные товарищества как ячейки, из которых могло с течением времени развиться общественное производство. Отсюда – кредит товариществам со стороны государства и кредит на льготных условиях. Юные артели получили вещественное пособие, но они не имели в лице общественных учреждений руководителей, которые помогли бы им упрочиться, научили бы их, как быть и что делать. В Германии мы находим противоположное явление: Шульце-Делич принципиально устраняет общественные учреждения от соприкосновения с артелями: он не требует ни безвозмездных пособий, ни беспроцентных ссуд, ни какого-либо рода вмешательства в жизнь товариществ. Для материальной стороны артелей общественные учреждения Германии не сделали ничего. Но немецкие товарищества получали то руководство, которого мы не замечаем во Франции. И это руководство – дело частных лиц – представляет весьма стройную организацию. Шульце-Делич, стремясь упрочить созданные товарищества, всецело посвящает себя служению артелям. Устраивается союз товариществ с Шульце во главе, с отделениями в мелких государствах и провинциях, и каждое отделение имеет искусного руководителя. Неустанная деятельность Шульце, его устная и печатная проповедь приводят к крупным результатам: за 30 лет, протекших со времени основания первой артели, в Германии воспитались многие сотни людей, знакомых со всеми частностями дела, могущих подать совет, – словом, оказать ту нравственную поддержку, которая составляет, по мнению Шульце-Делича, лучшую помощь товариществам со стороны образованных людей. Нет в Германии городка, где бы не нашлось лица, способного помочь возникающей артели. В России мы находим и то, что давала артелям Франция, и то, что они всегда могут иметь в Германии: земства открывали дешевый кредит и изъявляли готовность руководить товариществами. Но при внимательном наблюдении такое, по-видимому, выгодное для артели положение дел получает иную окраску. Центр тяжести лежит, при недостаточной подготовке людей к ведению промысла сообща, не в материальной поддержке, а в руководстве. Это то последнее, как мы уже показали выше, не было построено по определенному плану, а потому и денежные средства, полученные артелями, не могли принести плоды. Руководство было случайное, кратковременное, не было сделано ничего, подобного той разветвленной организации, направленной на содействие артелям, которую мы находим в Германии¹. Это обстоятельство в связи с указанной неподготовленностью почвы и обусловило меньший успех наших насажденных артелей сравнительно с товариществами Западной Европы.

¹ Это замечание относится и к нашему комитету о ссудосберегательных и промышленных товариществах: комитет поддерживает сношения с товариществами, подает им советы, но не имеет местных отделений, которые могли бы по своей близости к артелям всегда оказать нравственную поддержку; комитет как центральное учреждение далеко недостаточен для этого.

В отношениях к артелям лиц, ощущающих невыгоды возникновения этой формы общения, мы находим полное соответствие между фактами, которые представляет нам наше недавнее прошлое, и теми, которые дает история товариществ Западной Европы. Зависть, недоброжелательство торговцев встречают каждое возникающее товарищество как здесь, так и там. Подобно тому как во Франции и Германии многие торговцы не хотели продавать артелям сырой материал¹, и у нас скупщики гвоздей в Тверской губернии прибегали к угрозам, чтобы воспрепятствовать многим кузнецам стать членами устроенных артелей. Если на Западе это обстоятельство затрудняло развитие товариществ, то у нас в связи с перечисленными условиями и большей задолженностью производителя оно могло иметь еще более неблагоприятное влияние на юные учреждения.

Сравнивая внутреннюю жизнь артелей у нас и на Западе, мы и здесь видим различия, тесно связанные с теми, которые уже указаны выше. Немецкие артели имеют более прочные устои, нежели французские, а тем более русские. Устанавливая, при начертании правил, известный порядок в отношениях между членами, немецкие артели держатся его более или менее цепко: в них нет того воодушевления, которое мы подмечаем во французских товариществах, в них преобладает рассудочное отношение к делу, а это отношение способствует удержанию порядка, признанного целесообразным. Французские артели задавались большей частью такими планами, осуществление которых требует больших нравственных сил; силы участников оказывались недостаточны, а потому в скором времени началась отмена неделимого фонда, наем рабочих и многое другое, что при основании не входило в программу товариществ. Но эта отмена, лишавшая товарищества светлой окраски, сама по себе не мешала их преуспеянию. В наших артелях нового наслоения мы не подмечаем ни прочных устоев немецких товариществ, ни измены знамени, встречаемого во французских. Большинство наших артельщиков вступило в общение без всяких идеалов, а потому изменять было нечему; большинство не дошло до сознания, что созданный устав целесообразен и интересы дела требуют его точного исполнения. Вступив в артели с теми свойствами, которые отличали этих людей в состоянии разрозненности, члены держались в общении такого образа действий, какой способен только помешать успехам учреждения: было выгодно обманывать скупщика, – и артельщик считал выгодным обманывать артель; не было привычки вести предприятие, – и должностные лица артелей уклонялись от исполнения своих обязанностей. Мы находим и в Западной Европе немало подобных примеров, у нас же в связи с другими названными условиями такие примеры были и должны были быть более часты.

¹ Исеев. Там же. 343.

И это, в свою очередь, обещало нашим новейшим промышленным артелям меньшие успехи, чем те, которых достигли французские и немецкие. Неподготовленностью наших кустарников и ремесленников к артельному общению объясняется и то, что все новосозданные артели были основаны исключительно на ссуженные им капиталы. Французские товарищества устраивались на капиталы, составленные из ничтожных сбережений первых участников. Многие немецкие возникли из сберегательных касс, как того требует Шульце-Делич. Наши же не прошли тяжелого, сопряженного с трудностями сбережения. Привычка сберегать, усвоенная товариществами Франции и Германии, облегчала им сравнительно быстрое составление собственного капитала. Наши артели были слишком недолговечны, чтобы судить, как скоро они могли довести свои капиталы до нужной высоты; но невыработанность этой привычки позволяет думать, что, продержись артели доле, процесс составления собственных капиталов был бы в них и медленнее, и не так плавен, как на западе, а потому и в этом отношении было бы менее надежды на успех.

По строению своему русские артели этой группы вполне напоминают немецкие: уставы, выработанные Шульце-Деличем, послужили, быть может с изменениями в частностях, образцами для уставов наших артелей. Как там, так и здесь (Павловская складочная, Петербургская столярная и др.) мы находим многочисленное правление, постоянный орган контроля, те же пограничные черты между обязанностями властей, тот же порядок в составлении капиталов. Правила для сыроварней, артелей гвоздарей также напоминают немецкие уставы. Форма была усвоена и воспроизведена с точностью; но одна форма имеет только второстепенное значение: при неподготовке лиц, образующих союз, она не может обеспечить учреждению успех, она одна не в состоянии дать членам те качества, которые необходимы для общения.

Сравнение законодательств Франции и Германии об артелях с нашими законоположениями об исследуемых союзах было бы излишне: немецкий закон о товариществах 1869 года и французский закон об обществах с переменным капиталом были созданы ради самих артелей; наши же законоположения, как показано в седьмой главе, имеют целью только определить отношение артелей к нанимателям.

Результатом сравнения наших артелей нового наслоения с французскими и немецкими является тот вывод, что как одни, так и другие, не будучи исключительно плодом стихийного движения рабочих масс, были вызваны влиянием умственного течения, исходившего из наиболее развитых слоев населения. Только меньшая сила этого течения у нас и меньшая подготовленность почвы, а не какие-либо иные условия, были причиной меньших успехов созданных у нас артелей сравнительно с артелями Западной Европы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Что можно сделать для развития артелей?

Какова же будущность артели?

«В лучшей обстановке артели только упорно отстаивают свое существование и весьма немногие из них заключают сами в себе прогрессивно реформирующие свойства. Ждать поэтому от них противодействия против быстро разрастающихся капиталистических сетей и стремлений, направленных на народную производительность и труд, конечно, никак нельзя. Капитал и капиталистические тенденции давят на них извне и разрушают их изнутри»¹. Такова вероятная будущность артелей по словам г-на Щербины, одного из знатоков исследуемой нами формы общения. Артели, по его мнению, могут держаться некоторое время, охранять себя, чтобы затем пасть под усиливающимся напором капиталистических предприятий. Такой вывод делает г-н Щербина на основании данных, представляемых южнорусскими артелями; но такой вывод, при известных условиях, будет справедлив и относительно всех артелей нашего Отечества. Посылка, оправдывающая такой вывод, выражается следующими семью словами: если артель будет предоставлена исключительно самой себе.

Не подлежит сомнению, что артельная форма, раз она не будет сделана предметом внешнего воздействия, будет получать все более редкое применение. И редкость применения будет следствием давления на артели капиталистических предприятий.

В тех отраслях промысловой деятельности, которые и по своему характеру наиболее приспособлены для артельного общения и не имеют в окружающих условиях обстоятельств, которые препятствовали бы возникновению артелей, эта форма труда может держаться весьма долго, в течение многих поколений. Пока есть изобилующие дичью леса на нашем севере и востоке, пока есть воды, богатые рыбой, – до тех пор ничто не препятствует возникновению артелей рыболовов и охотников. Работы, не требующие теперь крупных капиталов для своего исполнения, вероятно, долго или никогда не будут требовать их, а потому и в этих многочисленных отраслях труда артели могут с успехом прилагаться весьма долгое время. Но хотя в этих областях деятельности артели находят много благоприятных для себя обстоятельств, однако и здесь есть условия, которые ведут 1) к сужению артельной формы и 2) к утрате артелями хозяйственной самостоятельности.

1) Артели, извлекающие из своего промысла обильные выгоды, будут становиться все менее доступными: они будут все более возвышать свой

¹ Щербина. Очерки... 124.

взнос, исполнять все больше работ с помощью людей наемных и, захватив в свое исключительное ведение весь запрос на труд известного вида, препятствовать возникновению новых артелей. Это движение, как мы уже говорили выше, приведет их к замене артельной формы какой-либо иной; с другой стороны, это движение будет препятствовать образованию новых артелей одного с ними вида. Такое влияние уже оказывают и все сильнее будут оказывать биржевые и другие сродные с ними по занятиям артели. В этих случаях давление капиталистического начала на артели будет исходить из самих артелей. В других отраслях труда, наиболее знакомых теперь с артельным началом, последнее будет применяться реже в силу давления частного капитала. Возьмем для примера промыслы плотников, каменщиков, маляров. Рост городов, сосредоточение в немногих руках городских земельных участков, сооружение все более обширных зданий поведет к образованию в этих промыслах крупных предпринимателей, способных, и по возможности делать предварительные большие затраты на содержание рабочих, и по личным знакомствам, вовсе оттеснить артели при занятии этими промыслами в городах и оставить в их ведении только селения. Действие капитала будет тем быстрее, чем меньше будет предпринято коренных мер для улучшения быта нашего крестьянства, которое и поставляет артелям большинство участников, чем меньше будет сделано для освобождения его от необходимости обращаться к частному и дорогому кредиту, отнимающему у артелей членов и увеличивающему силу капитала. 2) Вместе с тем в отраслях труда, которые могут долго сохранить артельную форму, артели имеют стремление утрачивать свою хозяйственную и, частью, юридическую самостоятельность. Примеры такой утраты представляют артели нашего севера, бурлаки, лесорубщики и др. Рост капитала, умножение населения при неизменности площади крестьянских земель, оставление сельского хозяйства многими домохозяевами – все это способствует имущественному неравенству и побуждает артели или прибегать к дорогому кредиту и через то терять хозяйственную самостоятельность, или же становиться под главенство предпринимателя. Если характер промысла и удерживает артельное начало, то, понятно, во всех этих случаях артели не могут дать много своим членам. Таким образом, во всех этих отраслях занятий артели могут применяться и в отдаленном будущем, но применение их будет и более редко, и сопряжено с меньшими и меньшими выгодами для участников.

В тех отраслях промышленной деятельности, где артели применяются теперь только в исключительных случаях (кустарная промышленность), применение их будет становиться еще более редким: в этих областях могущественное действие частного капитала соединяется с отсутствием у производителей навыка к артельному общению. С течением времени влияние обеих

сил может увеличиваться, но едва ли будет ослабевать: каждое изменение техники стремится увеличить постоянный капитал, вложенный в предприятие, и тем поставить все большие трудности образованию артелей; привычка же промышленников к разобщенности также не может сама по себе уступить место свойствам противоположным.

Такова будущность русских промышленных артелей, если они будут предоставлены исключительно самим себе. При внешнем на них воздействии их будущность может быть совершенно иной.

Если бы кто-нибудь сказал, что артели как «самобытное произведение народного духа» вовсе не должны быть предметом внешнего воздействия, то мы признали бы такое требование совершенно бессодержательным. Кто желает охранить артель в силу ее самобытности от внешнего воздействия, тот должен стремиться прежде всего к освобождению предприятий этой формы от давления капитала: это давление ведет артели к вырождению; оно делает артельщиков наемными рабочими. Так как это давление обусловливается господством начала эгоистического, то не служит ли ему противовесом деятельность общественных учреждений, не ведет ли воздействие последних на артель к охранению самостоятельности этой формы и к ее дальнейшему развитию? Общее благо есть цель общественных установлений; поэтому всякое учреждение, содействующее в какой-либо мере общему благу или благополучию небольших групп, не связанному со вредом для других, имеет право на поддержку государства и всех общественных элементов. Мы показали, что артель имеет доброе влияние не только на участников, но и на всех, вступающих с нею в деловые сношения, а потому уменьшение препятствий, которые стоят на пути развития артелей, и создание положительных условий, способствующих более широкому применению этих союзов, составляют юридическую обязанность общественных учреждений в широком смысле этого слова и нравственную обязанность всех частных лиц, обладающих нужными для того знаниями и опытностью. Если бы можно было утверждать, что артели должны в недалеком будущем уступить предприятиям других форм, то все же поддержание и развитие исследуемых нами союзов было бы целесообразно, так как оно вело бы к упрочению в массе общительных чувств.

Неверно было бы думать, что для артели не может быть сделано ничего, способного охранить ее от близкого разложения. Неверно было бы утверждать, что «законы исторического развития» обязательно требуют скопления капиталов в руках немногих, обезземеливания многочисленных масс, разделения общества на 2 касты – владельцев и неимущих, что в силу этих законов артель как старинная форма труда обязательно должна пасть и уступить свое место капиталистическим предприятиям. Что условия современной хозяйственной жизни способствуют торжеству крупного производства над

мелким, капитала над трудом – несомненно. Но так же верно и то, что хозяйственный быт одной страны не есть точный слепок с жизни другой, что опыт и разумное заимствование позволяют одному обществу избежать многих пятен, омрачающих быт других народов. Ссылка на пример западноевропейских стран, гораздо более нас близких к полной победе крупного владения и хозяйства над мелкими, тем более неосновательна, что мы имеем в недалеком прошлом пример, доказывающий возможность того направления в государственной политике, которое наиболее соответствует общему благу и резко отличается от политики многих соседних народов. Разве не лежало в интересах нашего дворянства освободить крестьян без земли? Разве такое освобождение не соответствовало выгодам нашей крупной промышленности? Разве не давало оно капиталу больших преимуществ в отношениях к рабочим? Если так, то что же помешало у нас освободить крепостных без земли и очень близко подойти к тому хозяйственному быту, лучшим прообразом которого служит Соединенное королевство? От этого нас удержало сознание лучшей части нашего общества, что обезземеливание масс, выгодное меньшинству, пагубно для большинства, и это благородное сознание решило задачу иначе, чем она была решена в Западной Европе. Как ни далеко от совершенства Положение 19 февраля, оно неизмеримо выше идеального законодательного акта, который лишил бы земли наше крестьянство. Таким образом, всякое прикрытие «естественными законами истории» есть преступное равнодушие, которое в конце концов играет на руку могущественному меньшинству, и наоборот: всякое деятельное старание устранить те выгоды, которые будто бы роковым образом влекут за собой эти законы, позволяет освободиться от многих зол, которыми страдают западноевропейские страны. Общественная жизнь не есть произведение природы, а произведение культуры; в создании последней участвует человеческий ум¹, говорит известный экономист Вагнер. А если так, то деятельное участие государства и наиболее развитой части общества в хозяйственной политике может придать экономическому складу страны иной вид, нежели тот, который она примет под влиянием соперничества, порождаемого только эгоистическими побуждениями. Таково общее возражение. Но можно сделать еще много частных возражений, способных доказать, что артель живуча в течение ряда поколений. Частные возражения мы сведем к одному.

Хотя крупное производство стремится заменить мелкое, однако есть много отраслей промышленности, в которых мелкое производство будет господствовать еще долгое время. Сюда, как известно, относятся все отрасли, где мода, вкус потребителя играют главную роль, где не приготавливаются массы изделий одного образца, а потому введение машин становится затруднительным. В этих производствах ручной труд будет преобладать весьма

¹ *Wagner. (Ran) Lehrbuch der politischen Oekonomie. I. B., 1876, 161–2.*

долго и даже нельзя ручаться, что он когда-либо уступит место машинному. Небольшие, несложные машины, которые проникнут в эти отрасли, уже по своей дешевизне облегчат мелкому капиталу борьбу с крупным. Если полное исчезновение ремесленного труда почти невозможно, если оно весьма далеко и для Западной Европы, то в России многие отрасли ремесла и кустарничества сохранят свой настоящий вид еще более долгое время. То же скажем мы и о земледелии нашей страны. Пока наша сельская община не рушилась – до тех пор мы имеем многочисленный класс мелких сельских хозяев, которым сырьевые и производительно подсобные артели могут оказать весьма большую услугу и частью уже оказывают ее теперь в виде артелей для приобретения молотилок за общий счет. Наконец, остается обширная область занятий, не требующих постоянных капиталов, занятий, которые, по своему существу, могут всегда оставаться в ведении самостоятельных хозяйственных групп. Как бы далеко ни шли технические изобретения, охотники, землекопы, носильщики и т. д. едва ли будут нуждаться в значительном постоянном капитале для исполнения своих работ. Эти занятия могут остаться в исключительном ведении артелей. Таким образом, победа крупного капитала над мелким во всех отраслях хозяйственной деятельности – положение теоретически верное, но весьма далекое от осуществления, а потому все меры, направленные на охранение артелей и развитие их в тех отраслях, где они применимы, могут быть весьма и долгое время полезны для этой формы общения.

Благодетельное влияние на артели может быть оказано как чисто юридической, так и экономической деятельностью государства; но центр тяжести лежит в хозяйственной политике.

Создание цельного закона об артелях, как мы то видим, например, в Германии, возбуждает против себя много возражений. Главное возражение – то, что большинство наших артелей – древнего происхождения. Артели старинного типа руководствуются свято чтимым обычаем; было бы слишком поспешно издавать общий закон об артелях теперь, когда большинство союзов этой формы так мало известно; нет сомнения, что общий закон (при склонности законодателя регулировать скорее слишком много, чем слишком мало) поставил бы себе за образец артели новейшего происхождения; отправляясь от них, государство внесло бы в закон, вероятно, такие черты, которые не соответствуют артелям старинного типа (определенное число должностных лиц, порядок их выбора и т. д.). Следствием этого было бы в одних случаях полное «неведение» закона артелями, черпающими свою крепость в старинном обычае, в других – столкновение обычая и закона (каждый «неартельный» член может легко подать повод к такому столкновению) и несправедливое поправление первого в угоду второму. Если когда-нибудь наши артели будут изучены так многосторонне, как они того заслуживают, то иногда ввиду

крайнего разнообразия условий, при которых они возникают, ввиду различия в их строении им может быть полезен лишь такой общий закон, который намечал бы только самые общие черты артелей и отнюдь не касался бы их внутренней жизни, бережно обходил бы все, что может навязать им какой-либо чуждый элемент, несогласный с их духом. До тех пор, пока не настанет время издания общего закона, государство может принести большую пользу артелям, если устранит все помехи как для артелей уже существующих, так и для могущих возникнуть. По отношению к артелям, которыми управляет обычай, это может быть достигнуто, если все судебные учреждения будут следовать обычаю во всех случаях, когда артель по недоразумению ли в своей внутренней жизни или по сношению с третьими лицами предстанет перед лицом суда (если обычай давит на артель, то дело хозяйственной политики – устранить такой обычай); по отношению же к артелям нового наслоения все-го более целесообразно держаться концессионного порядка, приноровленного таким образом, чтобы лица или учреждения, выдающие концессии, стояли близко к артелям, чтобы выдача концессий была сопряжена с наименьшими формальностями и расходом для возникающих артелей, чтобы группы, желающие образовать артель, не ощущали трудности получить для нее официальное признание. Мы думаем, что право концессионировать артели может быть с выгодой для дела передано в ведение земских и городских учреждений. Такая передача не может нанести кому-либо ущерб; артели по размерам своих оборотов рассчитаны на деятельность в довольно ограниченной сфере, и общественные учреждения всегда могут иметь случай знать и оценить те цели, для которых составляется артель; наконец, земские и городские управы гораздо более доступны, чем высшие правительственные учреждения. Во-вторых, государство может улучшить положение многих артелей и чисто законодательной деятельностью. Таковы именно те артели, которые, подобно бурлакам, рабочим в рудниках и др., являются группами наемных рабочих. Закон относится к артелям этого рода крайне сурово; улучшение быта этих артелей, как и всех наемных рабочих, может быть сделано только разумным и справедливым законом о личном найме и созданием специальных органов, которые охраняли бы этот закон от нарушений. Под защиту такого закона станут не только артели, поименованные в нашем Своде, но и многие другие, находящиеся в полном распоряжении нанимателей. Полезное для артелей будет полезно и для единолично нанимаемых рабочих. Подробное исследование закона о личном найме выходит далеко за пределы настоящего труда. Этим, думаем мы, и ограничивается формальная деятельность государства относительно артелей.

Экономические мероприятия государства, способные содействовать артелям, частью отличаются общим характером, то есть могут оказывать

влияние не только на эту форму труда, но и вообще на быт наших малообеспеченных классов. Подавленное состояние артельщиков нашего севера, необходимость для них сосредоточиваться вокруг предпринимателя вытекает из тех же условий, от которых страдает все наше крестьянское население: обременительность государственных платежей, малый земельный надел и, наконец, отсутствие дешевого кредита – вот те обстоятельства, которые ведут к крепостной зависимости наших северных артелей от предпринимателей или заимодавцев. Измените эти условия, облегчите податные тяготы, откройте промышленнику нашего севера доступный кредит, и рыбо- и звероловные артели не потребуют никаких специальных мер для своего успешного развития. Если не будет крайней необходимости быть всегда в неоплатном долгу у капиталистов, если будет можно промышленнику добывать недорогие ссуды для ведения промысла, то многие покрученники начнут промышленлять самостоятельно и артельное начало получит более широкое применение. Помимо названных мероприятий, которые не могут быть сделаны здесь предметом подобного обсуждения, устройство ссудоберегательных артелей на севере, и главным образом для промышленников, является весьма целесообразным средством. В Архангельской губернии почин в этом деле может принять на себя только администрация.

Но и более специальные экономические мероприятия государства, полезные для него самого, могут оказать артелям большие услуги. Эти мероприятия состоят как в поддержании существующих артелей, так и в устройстве новых. Оба ряда действий не могут быть названы делом негосударственным уже потому, что они часто вовсе не составляют чего-либо нового, неизвестного, а, будучи только изменением в характере уже существующих хозяйственных отношений в государстве, могут лежать в интересах государственного казначейства. Государство может извлекать весьма осязательные выгоды, как показали нижнетуринаская и екатеринбургская артели, из широкого пользования артельным трудом. Ввиду того, что поддержание или создание таких артелей делается не в силу следования одному принципу, а тесно связано с материальными выгодами государства, последнему естественно сдавать все работы, насколько они по своему характеру могут быть выполнены артелями, предпочтительно последним, а не капиталистическим предприятиям. Мы убеждены, что такое отношение к артелям, поставленное за правило, имеет не только материальное, но и нравственное значение: государство, покровительствуя тому слою, который наиболее нуждается в поддержке, будет стоять в общественном мнении на высоте своих задач. Отсюда – окружение или отделка казенных зданий, изготовление для войск известных частей одежды, снабжение казенных больниц, учебных заведений и т. д. разными принадлежностями – все это должно быть сдаваемо, по преимуществу, артелям. Мы

знаем, что, с точки зрения господствующих порядков, можно много говорить о неудобствах и хлопотах, с которыми сопряжено предпочтение артелей. Но есть ли такое нововведение, против которого нельзя было бы ничего сказать с точки зрения выгоды известной группы, отдельных лиц? Настойчиво проводя высказанное положение, я ссылаюсь на содержание многих почтовых станций артелями, которые, как свидетельствуют факты, сказываются в этих отраслях отнюдь не менее исправными, нежели частные предприниматели; с еще большим ударением я указываю на те выгоды, которые извлекло управление екатеринбургского завода, сдав артели производство лафетов. Если есть прецедент, то всякая защита порядков, будто бы установившихся, малоубедительна. Разумная деятельность администрации обоих заводов доказывает, что и создание артелей не представляет чего-либо нового и что государство может в своих отдельных ведомствах иметь с пользой для себя созидающее влияние на дело. Но государство, по своему общепризнанному призванию, не может и не должно ограничиваться поддержанием артелей только там, где это прямо лежит в его интересах. Последние два столетия представляют в нашей хозяйственной истории непрерывную цепь тех разнородных и крупных льгот, которыми наделялись и наделяются капиталистические предприятия. Иногда эти льготы, при невысоком экономическом развитии страны и слабой предприимчивости отдельных лиц, могут способствовать оживлению промышленной жизни; но если признать полезными льготы капиталистическим предприятиям, то как же не признать необходимой со стороны государства хотя бы небольшую поддержку артелям? В последние годы у нас стали на этот путь: начало сделано устройством официальной комиссии для исследования кустарной промышленности. Комиссия, как показывает ее программа, считает своей главной задачей поднятие кустарной промышленности, и изучение последней служит только первым предварительным шагом. Мы не сомневаемся, что комиссия придет к заключению о возможности и необходимости поднять некоторые промыслы посредством применения к ним артельного начала. Все, что сделает комиссия в этом направлении, будет в силу ее положения сделано государством. Что может сделать она и в ее лице государство – понятно само собой: 1) оказать кустарям нравственную поддержку для успешного образования артелей и 2) поддержку вещественную, в виде открытия кредита, содействия при закупке сырья и сбыте изделий и т. д. Ассигнование из государственного казначейства хотя небольшой суммы для поддержания артелей и открытие им пути для пользования кредитом из Государственного Банка, как то сделано для ссудосберегательных товариществ, будет дальнейшим важным шагом государства в деле поддержания артелей, шагом, не нарушающим ничьих интересов и выгодным для многочисленных отраслей, в которых может применяться артельное общение.

Отношение к артелям со стороны земских учреждений, как нетрудно вывести априорно и как доказало многое, сделанное нашими земствами на этом поприще, может быть весьма благотворно. Без содействия земства ссудосберегательные артели не могли бы так распространиться и дать столь многим местностям более выгодный кредит. Те громкие требования, которые доносятся из разных земств о необходимости расширения крестьянского землевладения, как ни слабы и робки следующие за ними попытки, доказывают, что в земствах все более назревает сознание о важности поддержки неимущих. Частое соприкосновение с хозяйственным бытом местности даст земству возможность более полно понимать нужды отдельных промыслов, влиять на промышленников и, таким образом, способствовать возникновению артелей. Далее, часть запасных капиталов губернских земств всегда может быть употреблена на поддержание артелей, тем более что при осмотрительности земских деятелей ссуды, выданные артелям, не исчезнут бесследно. Близость земских управ к артелям их уездов всегда позволит наблюдать за деятельностью возникших учреждений, поучать их должностных лиц и т. д. Наконец, подобно государству, земские и городские учреждения могут доставить артелям крупные выгоды, сдавая предпочтительно им исполнение разных работ. В противовес биржевым артелям, стремящимся стать капиталистическими предприятиями, городские управы могут содействовать образованию артелей для того же рода работ, которыми занимаются биржевые. Так как высокий вкуп не служит обеспечением для нанимателя, то членов в эти артели могут с удобством поставлять лучшие из работников, нанимаемых биржевыми; рекомендация же управ может доставить им занятия у купечества. Этим путем постепенно совершится демократизация тех отраслей труда, которые находятся теперь в исключительном ведении биржевых артелей, мало доступных для людей необеспеченных.

Отдельные лица могут сослужить артелям службу независимо от вещественных пособий. Артели, созданные под внешним влиянием, не имеют упрочившихся обычаев, которые руководили бы их жизнью; во многих артелях характер промысла требует довольно сложного счетоводства, к которому артельщики недостаточно подготовлены. Во всех этих случаях отдельное лицо может принести артели посильную помощь, как указаниями на способ ведения книг, так и на их контролирование. Наконец, доставление занятий, расширяющее обороты артели, может быть также делом отдельных лиц. В тех отраслях промышленности, где артели еще не применяются, но где приложение их может иметь успех, ознакомление будущих участников с новой формой ведения промысла есть уже немалая заслуга, и такая услуга может быть оказана людьми, умственно развитыми. В таком воздействии видим мы не насильственное навязывание народу чуждых ему форм, а есте-

ственное, согласное с интересами обществ влияние более развитых людей на слои менее развитые – влияние, составляющее неизбежную принадлежность всякого здорового общества. «Эта роковая рознь, – говорит г-н Ч-в в своей прекрасной статье, – раздробляющая малое производство на величины бесконечно малые, составляет как у нас в России, так и в Западной Европе коренной источник всех бедствий мелкой промышленности... Но эта рознь не есть закон природы. Если люди способны соединяться под влиянием внешнего давления, способны собираться целыми тысячами в душную фабрику, повинувшись железной воле капитала, то нет основания полагать, что они не могут соединиться по доброй воле; нужно только, чтобы они узнали и оценили выгоды соединения... Как химическое соединение производится или силами самой природы, или руками химика, так и... сближение мелких промыслов, артельного начала и поземельной общины... может выработаться или самим русским крестьянством без всякой посторонней помощи, или при содействии лиц, имеющих больше знания и больше средств к деятельности, нежели крестьянство»¹.

Деятельность отдельных лиц и учреждений будет плодотворна только в том случае, если она будет не случайна, а построена по строго обдуманному плану. Обдуманность плана особенно нужна там, где артельное начало еще не успело упрочиться, где доверие к новой форме неразвито и неудачи первых попыток могут надолго отнять у заинтересованных лиц охоту к их повторению.

Обдуманность действий касается, во-первых, выбора промыслов. Если для создания артелей выбор остановился на промысле, подобном гвоздарному или ткацкому, в которые проникает фабрика, то весьма мало вероятно, чтобы образование артели принесло значительные выгоды: не успеет в данной группе или округе развиться склонность к артельному общению, как надвигающееся машинное производство заставит артельщиков вступить в ряды фабричных рабочих.

Во-вторых, обдуманность действий касается вида создаваемых артелей. Устройство производительных артелей трудно; во многих отраслях артели этого рода не нужны, и потому целесообразно остановиться на одной из трех других групп артелей и создавать только те, полезность которых в данное время особенно осязательна.

В-третьих, обдуманность действий касается и самой организации артелей.

Недостаток капиталов у большинства мелких промышленников делает невозможным устройство артелей на собственные средства участников; кредит становится необходимым в виде основного займа. Но мы несогласны с профессором Вреденом, что можно оправдывать выдачу беспроцентных суд

¹ Ч-ов А. Мелкая промышленность в связи с артельным началом и поземельной общиной // Беседа. 1871, V, 2–3 и 216.

со стороны земства, городов и казны¹. Хотя ввиду тех обширных льгот, которыми часто пользуются капиталистические предприятия, и нельзя осудить выдачу беспроцентных ссуд мелким группам неимущих, вступающих в артель, однако беспроцентная ссуда является уже наполовину подарком, а потому и может вызывать у участников небрежное отношение к делу, особенно в первые годы по основании артели. Ссуды дешевые, с медленным дробным погашением всегда могут быть без ущерба для дела оплачиваемы артелью. Прочность предприятия может быть обеспечена, однако, только в том случае, если заемный капитал стоит в известном отношении к артельному и если первый не составляет исключительных средств артели. В противном случае довольно малейшего толчка, чтобы артель рушилась и унесла с собой выданную ей ссуду. А потому упрочение артелей может быть сделано только посредством образования паевого капитала, соответствующего размерам оборотов, и запасного, если последнего требует характер промысла. Конечная цель при устройении может быть лишь одна: приведение нового учреждения к возможности выплатить основную ссуду, иметь собственным постоянный капитал и прибегать к краткосрочному кредиту только для пополнения оборотного. А запасный капитал должен вполне соответствовать своему назначению, принадлежать на праве собственности не отдельным членам, а всему союзу, и не уменьшаться с выходом участников.

Опыт Западной Европы показал, что только те артели развивались успешно, которые начинались в самых скромных размерах; попытки устраивать обширные артели обыкновенно оканчивались неудачами². И это понятно: везде и всегда новое дело находит мало людей подготовленных. Из примера Западной Европы мы можем извлечь поучительный урок: как там артельное общение находило немногих пригодных людей в отдельных группах, так немного найдет оно их и у нас в тех отраслях, где доселе не применялась эта форма предприятий. Отсюда – образование артелей в скромных размерах обещает более успеха, чем обширных многочисленных союзов. Привлечение к новому делу первоначально лучших членов данной среды послужит залогом успехов каждой артели.

Самоуправление в артелях, самоуправление наиболее широкое есть желанная цель. Но так как способность к самоуправлению дается не сразу, так как она нередко требует подготовки, то является целесообразным руководство каждой новой артелью в первые годы ее существования. Обстоятельства данного случая решают, когда может без вреда для дела окончиться это руководство; но несомненно, что оно необходимо до тех пор, пока большинство участников не вполне ознакомилось с делом, не привыкло вести промысел

¹ Курс... 155.

² См. *Исаев*. Промышлен. товарищ. 3 и 6 гл.

сообща, не изучило приемов контроля для проверки должностных лиц, не приноровилось к дисциплине, необходимой для совместной деятельности.

Частности организации, думаем мы, не всегда имеют решающее влияние на успех учреждения: выбираются ли должностные лица на такой или иной срок, состоит ли правление из 3 или 5 членов и т. д., – все это может быть различно в отдельных артелях, соответственно размерам союза и роду промысла; но одна черта кажется нам безусловно необходимой для всех артелей, имеющих сколько-нибудь сложные обороты: это строгое разделение властей, создание особого органа для проверки исполнительной власти. Раз устав начертан с общего согласия – необходимо беспрекословное повиновение. Лица, руководящие артелью в первые годы ее существования, могут принести ей большую пользу, требуя от членов полного соблюдения установившейся дисциплины. В отношении поддержания дисциплины многие старинные артели могут служить для всех будущих поучительным примером.

Наконец, едва ли было бы справедливо вовсе не стремиться к идеалу при основании артелей. Лучшие из артелей – те, в которых не применяется наемный труд. Свобода, равенство и освящение всего добытого артелью личным трудом участников наиболее развивают общественные чувства членов. Артели сами не отрицают и не могут по принципу отрицать наемный труд; но те учреждения, которые вызывают к жизни эту форму труда, которые видят в ней противовес капиталистическим предприятиям, имеют право ставить ограничения для найма артелями рабочих. Воззрение на этот вопрос тверского земства заслуживает полного сочувствия. С другой стороны, создание таких артелей, как монопольные таможенные, удорожающие расходы торговцев в 5 и 6 раз, есть только прикрытие артельной формой капиталистических предприятий, доставление небольшим группам доступа к обильным доходам и праздности за счет наемного труда. Обязательное отчисление рабочим, нанимаемым артелями, доли прибыли, принятое во многих товариществах Западной Европы и введенное тверским земством, имеет кроме непосредственного влияния на экономическое положение работников еще ту выгоду, что образует из них лучший материал для новых и новых артелей.

Все эти мероприятия, указанные здесь в немногих словах, могут, мы убеждены, содействовать широкому развитию в нашем отечестве артельного общения.

Темные стороны современной общественно-хозяйственной жизни вызвали на Западе сильное движение. Подчинение выгод отдельного лица интересам общественным, развитие начала альтруистического, труд как основание

права собственности – вот требования новой общественной мысли. Конечная цель ее в области хозяйства – переход орудий производства из собственности отдельных лиц в руки государства, городских и сельских общин. Станции на этом пути – те бесчисленные мелкие и крупные соединения неимущих, которые под именем товариществ или союзов стремятся поставить оплот подавляющему могуществу частного капитала. Соединение последнего с трудом – вот великий пароль, принятый наукой и одушевляющий лучшую часть западноевропейского общества.

А у нас? У нас еще крепка земельная община, у нас она еще способна защитить многочисленные массы от развития пролетариата, у нас еще нередко крестьяне – личные собственники – переходят к общинному владению землей. Верный заветным преданиям, наш народ, помимо всякого участия образованного слоя, в десятках и десятках промыслов избирает ту форму труда, в которой всего лучше охраняются самые ценные права человека. Одно слово, один взгляд, один намек – и тысячи наших сограждан соединяются в артели, образованию которых на западе Европы предшествует красноречивая устная и печатная проповедь. Частный капитал надвигается на нашу исконную форму владения; он ищет сторонников и в печати, и в общественных учреждениях; он силится доказать, что общинный строй несовместим со строгими требованиями сельскохозяйственной культуры. Частный капитал надвигается на артель и стремится поработить ее. И цель будет достигнута, если мы будем смотреть на это движение бесстрастным взором.

Но если наши общинные формы, если наши мир и артель ближе к тому идеалу, который поставлен наукой, если на Западе все более зреет стремление создать подобные им учреждения, то не должны ли все лучшие силы русского общества быть направлены на то, чтобы не дать пасть этим формам, еще крепким у нас, чтобы упрочить их, примирить их с требованиями возрастающей культуры?

МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ

ВОРОНЦОВ Василий Павлович
(1847–1918)

I. Артель в кустарном промысле

Предисловие

Литература о кустарной промышленности 50–60-х гг. включает очень мало данных о применении кооперации в крестьянских промыслах. Поэтому в своде всего материала о кустарной промышленности, составленном в начале 70-х годов господами Мещерским и Модзалевским, наберется едва десяток-другой указаний на обращение кустарей к соединению своих сил для совместного достижения каких-либо хозяйственно-промышленных целей. Другим примером указанной скудости литературного материала прежнего времени может служить изданный в 1880 г. труд г. Исаева «Артели в России», в котором фактическая часть, относящаяся к применению артельного начала в кустарном промысле, может быть помещена на нескольких страничках. Некоторое внимание исследователей было обращено на этот вопрос лишь в 70-х годах, когда, с учреждением земских статистических комитетов и комиссий при Министерстве финансов для исследования кустарной промышленности, изучение крестьянского хозяйства вообще и кустарных промыслов в частности стало производиться систематично и по подробной программе, обнимающей, между прочим, и вопрос о различных формах проявления артельного начала. Но и новейшие исследования крестьянского хозяйства далеко не удовлетворяют тех требований, какие можно им предъявить с точки зрения изучения артельного начала в крестьянском промысле. Данные, касающиеся этого вопроса, во многих, может быть, даже в большинстве случаев попали на страницы того или другого издания как бы случайно. Они очень неполны, часто совершенно неопределенны, и нередко отсутствие этих данных наблюдается в таких случаях,

когда имеются все основания ожидать существование в действительности тех или других артельных форм, т. е. исследования, которые должны бы дать нам сведения об интересующем нас предмете, весьма часто пропускают рассматриваемое явление, и потому применение артельного начала в крестьянском быту представлено в литературе очень неполно. Так, например, в «Материалах для оценки земель Херсонской губернии» говорится о ломке известняка в Елизаветградском уезде, причем не дается никаких указаний относительно формы этого производства. В труде же «Щербановская волость Елизаветградского уезда» значится, что для добывания пилевого камня в с. Щербанях организуются артели беднейших и средних хозяев. Но тут же имеется известие о том, что «во всех селах беднейшая часть населения в зимнее время добывает камень и тем кормится», с таким же умолчанием о форме производства, какое мы наблюдали в «материалах» по Елизаветградскому уезду. Другим примером отсутствия обстоятельности в сведениях может служить описание кустарных промыслов Костромской и Вятской губерний в «Трудах комиссии по исследованию кустарных промыслов в России». В описании каменоломных промыслов, например, Орловского и Уржумского уездов не имеется определенных указаний на то, какова их экономическая организация. В другом же источнике – «Материалах по статистике Вятской губ.» – сказано, что добыча алебаstra, извести и бутового камня производится артелями; о форме же организации для добывания жерновых камней повторяется умолчание первого источника. Принимая во внимание, что в трудах кустарной комиссии приводится условие, по которому девять крестьян д. Нур-Солы Уржумского уезда обязались доставить 120 аршин камня из принадлежащей им каменоломни, нужно полагать, что эти девять здоровых мужиков будут работать над заказом сами, а не обратятся к наемному труду; а так как каменоломня у них, по-видимому, общая, то очень вероятно, что они работают артелью. Но это только предположение, факт же тот, что многие источники для изучения кустарной промышленности не дают определенных сведений даже по таким важным вопросам, как организация промыслов. Тем более имеется недомолвок относительно частных вопросов, в том числе вопроса об артели, недомолвок, иногда лишь уясняемых сведениями других источников. Так, например, в одном описании валяльного промысла в Семеновском и Балахинском уездах (Труды куст. ком., в. VI) ничего не говорится о существовании артельных стирень, и только последующее местное исследование земства показало, что артельное начало в Семеновском уезде прилагается к пользованию названным приспособлением. Ввиду всего выказанного следует считать, что картина, рисуемая нижеприводимыми фактами, извлеченными из важнейших литературных источников, никоим образом не может быть признавае-

ма за полное воспроизведение артельных отношений в тех географических районах, к которым относятся приводимые данные.

ГЛАВА I

Происхождение и первоначальная история коренных переделов земли

Не следует полагать, что обыкновенным типом кустарной производительной единицы, при отсутствии договорной артели, является одиночка-производитель. Так как от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ крестьянских семей имеют в своем составе двух и более взрослых мужчин, а в семьях, состоящих из одного мужчины-работника, находятся взрослые женщины и подростки, то огромное большинство крестьян, занимающихся кустарным промыслом, имеют возможность вести последний не единолично, а артельно; и там, где доход от промысла играет достаточно видную роль в бюджете крестьянина, участие его семьи в промысловом заработке делается более или менее систематическим и организованным, что дает возможность мелкому промышленнику пользоваться преимуществами разделения труда. Такое разделение труда наблюдается, например, в производстве берд в Арзамасском у. Нижегородской губернии. «Мужчины колют чукалочки и зубья, делают пожильни, обрезают и оглаживают зубья после сшивания их дранью; мальчики тешут зубья на станке, женщины сшивают зубья дранью. Это разделение более или менее постоянно в тех семьях, где есть мальчики». В ложкарном промысле Семеновского уезда разделение труда в семейной мастерской проведено гораздо дальше: 7–9-летний ребенок раскалывает баклуши на несколько частей и обтесывает каждую из них, придавая ей общий вид ложки; 10–15-летний подросток долбит баклушу, округляя ее и тем увеличивая сходство с ложкой; взрослый мастер, принимая изделие от предыдущего работника, обращает его в настоящую ложку, передаваемую одной женщине для соскабливания с нее шероховатостей, а другой – для ее раскрашивания. В рогожном промысле, например, Орловского уезда Вятской губернии мальчик или девушка, иногда и взрослая женщина, разбирает и сортирует мочало, prepares кромки и т. п.; мужчина с 10–15-летним помощником работают на стане; если есть лишний член семьи – он помогает лицам, разбирающим мочало: связывает короткие нитки утка и т. п.¹ Подобное же разделение труда наблюдается в массе других промыслов и промышленных районов России, и обилие фактов этого рода дает известное основание для заключения, что нормальной произ-

¹ Очерки кустарной промышленности, глава III.

водительной единицей в мелком самостоятельном производстве для весьма многих районов и промыслов должна считаться семейная ассоциация, а не мастерская с одним рабочим.

Кроме естественной семейной ассоциации, основанной на кровной связи родителей и детей, родственные отношения облегчают применение кооперации к производству в тех случаях, когда без сознания выгод от соединения сил большой родственной союз, вероятно, подвергся бы распадению. Так, нередко в отдельных промыслах можно встретить мастерские, принадлежащие, например, трем родным братьям. В д. Митине Черкизовской волости Московского уезда, в районе мебельного производства целые столетия существовала мастерская Самсоновых, состоявшая не менее как из 4–5 взрослых родственников, а в момент исследования промысла г. Исаевым – из 6 человек: двух дядей с 4 племянниками. В течение этого продолжительного периода времени, несмотря на разделы, происходившие в семье родоначальника мастерской, как и в других крестьянских семьях, «все-таки оставались прямые потомки этих первоначальных столяров Самсоновых, и число их никогда не было меньше 4–5. Сознывая преимущества общего производства, они крепко держались друг за друга, стараясь всеми средствами устранять возникавшие несогласия. Считая возможным работать выгодно при таком числе членов, они никогда не принимали наемных рабочих и учеников, как ни странно это кажется при общепризнанной выгодности такого найма»¹. Отсутствие наемных рабочих и учеников характерно и для суконщиков Медынского уезда Калужской губернии, и это объясняется нерасположением к семейным разделам, господствующим среди этих кустарей².

Родственные связи облегчают образование союзов также для преследования частных целей, в каком-либо промысле, а иногда являются прямой причиной существования таких союзов. Сказанное имеет место, например, в тех случаях, когда при разделе промысловой семьи мастерская и т. п. оставляется в общем пользовании разделившихся. Таким образом произошли некоторые светелки в ткацком районе Филипповской волости Покровского уезда Владимирской губернии. Упадок ткацкого промысла вызвал здесь образование общих, принадлежащих родственникам светелок, явившись побудительной причиной к тому, чтобы ради сокращения расходов на отопление и облегчения надзора за материалом родственники-ткачи соединялись для работы в одной мастерской. Из 15 общих мастерских в районе производства мелких вещей из стекла в Дмитровском уезде Московской губернии три принадлежат родным братьям, в двух соединились отец с сыном и два брата. Работа в общих мастерских названного района производится каждым

¹ Пр. Моск. губ. Т. I, с. 42.

² Тр. Ком. по исслед. куст. пр. в Рос. Т. II, с. 41.

кустарем при особом горне, но некоторые камушники устраиваются вдвоем при одном горне, выгадывая, таким образом, на угольях. В большинстве случаев такие кустари находятся в родственных между собой отношениях. В гвоздорезном промысле Бисертского завода Красноуфимского уезда «есть несколько семей, где отец и сыновья или братья работают парами, и выделяемые ими гвозди сдаются (скупщику) сообща, а следуемая за них плата делится между членами пары поровну»¹.

Итак, типом производительной единицы в кустарных промыслах, по крайней мере в тех из них, которые не требуют непременно постоянного участия в работе нескольких взрослых мужчин, – является семейная ассоциация, где наряду с главой семьи в работе участвуют женщины и дети. Такая организация дает возможность обыкновенной крестьянской семье в большей части промыслов развить производительную силу, достаточную для того, чтобы успешно конкурировать на рынке с соперниками; хотя в ряде других промыслов применение кооперативного труда в размере, превышающем то, что может дать в этом отношении семейная ассоциация, значительно увеличивает доходность предприятия и малосемейный кустарь может еще удерживаться на рынке, лишь безмерно расширяя свой рабочий день.

Сотрудничество многих лиц в производстве ведет двояким путем к увеличению успешности труда: делая возможным разделение последнего и позволяя выполнение таких операций, которые требуют применения большой механической силы. Мелкая, семейная мастерская еще может до известной степени игнорировать выгоду сотрудничества, основанную на возможности разделения труда, и потери от недостаточной производительности своего малоразделенного труда восполнять удлинением рабочего дня; но никаким удлинением периода работы она не достигнет того, чтобы быть в состоянии исполнять операции, превышающие общую физическую силу ее членов, и потому, если бы кустари во все моменты промыслового занятия пользовались только силами своих семей, многие отрасли производства были бы изъяты из их рук и подчинились исключительно капиталистической организации. Так оно и случилось во многих из тех промыслов, где участие нескольких сильных работников необходимо во все время процесса работы. Но есть ряд промыслов, вполне доступных мелкой производительной единице, за исключением отдельных непродолжительных операций, требующих или применения физической силы, превышающей то, что может дать обыкновенная крестьянская семья, или одновременного участия в работе числа лиц, превышающего размеры семьи. Иногда указанные операции можно бы выполнить и наличным составом семьи, но это достигается при такой медленности работы,

¹ Пр. Владим. губ. В. III, с. 23–5. Сб. ст. св. по Московск. губ. Т. VI, в. II, с. 121–31. С. Пермск. зем. 1890 г., № 4, с. 68.

что промысел потерял бы свое значение. В этих случаях кустарям остается прибегнуть к применению временного сотрудничества под давно знакомой крестьянину формой «помочи».

Кустарно-промысловая помощь тем, впрочем, отличается от сельскохозяйственной, что тогда как к последней является надобность прибегать далеко не всем земледельцам, а между тем цель, для которой собирается помочь, требует участия большого числа лиц, вследствие чего организация работы помочами не может быть основана всецело на начале взаимного обмена услуг, – в кустарном промысле для выполнения операций, превышающих силы семьи, обыкновенно требуется так мало лиц, что эта операция может быть выполнена при помощи только тех кустарей, которые сами нуждаются в помощи соседей, и потому помочь обращается здесь во взаимопомощь. Сказанное служит объяснением тому факту, что помочь в кустарном промысле редко сопровождается угощением работающих, между тем как в области сельскохозяйственных работ угощение помочан, быть может, является необходимым условием для привлечения к участию в работе лиц, со своей стороны не нуждающихся в помощи соседей.

Применение в кустарном промысле взаимопомощи в работе распространено всего больше в тележном производстве при гнутье полозьев саней или ободьев колес (в весьма многих районах производства колес, впрочем, ободья покупаются готовыми), а также при гнутье дуг. В Нижегородской губернии применение артельного труда при гнутье санных полозьев известно для трех промысловых районов из числа шести, в которых промысел существует в сколько-нибудь заметных размерах (устраиваются особые парни). Гнутье полозьев производится на особых станах и требует участия 8–10 человек; и вот в Ардатском, Арзамасском и Сергачском уездах оно совершается помочами. По окончании работы помочане в первых двух уездах получают угощение. Дужники Ардатского уезда производят гнутье дуг при помощи соседей¹. В Щигровском уезде Курской губ. дужники (всех их 140 чел.) гнут дуги руками, для чего требуется участие 5–6 человек. Ввиду этого малосемейные кустари соединяются вместе и помогают друг другу. В уездах Белгородском, Корочанском и Новооскольском (общее число дужников 613), где сгибание производится при помощи ворота, «соседские» товарищества состояются из 3–4 человек. У каждого «сусида» артель работает не более одного дня (8–10 час.) в неделю. Тележники Вятского уезда, работая почти без участия наемного труда, при операциях, требующих сотрудничества нескольких лиц (гнутье полозьев, точение ступиц для колес), собирают помощь

¹ Нижегород. сб. Т. VIII, с. 86 и 121. Id, т. X, с. 346. Труд. Ком. по исслед. куст. пр. в России. В. VI, с. 541. Вероятно, тот же способ производства операции гнутья полозьев применяется и в других местностях Нижегородской губ., где распространен санный промысел, и отсутствие в наших материалах сведений о помощи должно быть приписано упущению со стороны исследователей.

за угощение. Помочью же, вероятно, производится сгибание колес (требующее участия 6–7 человек) и в Уржумском уезде. Могилевские тележники для сгибания колес приглашают за плату или для бесплатной работы соседей. Сгибание ободьев колесниками Четкаринской волости Камышловского уезда Пермской губернии производится при помощи посторонних лиц или за плату по 1 коп. с выгнутого ската каждому работающему, или «в отработку», т. е. с обязательством, в свою очередь, оказать ту же услугу, когда таковая понадобится. При гнутье полозьев в санном промысле в с. Дружино-Бардымском Манчажской вол. Красноуфимского уезда требуется участие 3 работников, и, при отсутствии в семье кустика столько же лиц, он уговаривается с другими одиночками о взаимной помощи в производстве этой операции. Гнутье полозьев санниками с. Сучкино Нескафтымской вол. Кузнецкого уезда (150 кустарей) производится помочью человек из 12, которые могут загнуть в день до 30 полозьев. Колесники Полтавской губернии и с. Чернетчины Сумского уезда Харьковской губернии производят сгибание колес помочью¹.

Уже значительно реже встречается применение помочи в других промыслах. В бумаготкацком промысле Медынского уезда, например, приготовление основ требует участия 4–5 лиц: «одна баба удерживает основу в натянутом положении, держа за клубок, две другие держат рядку, и две последние вертят навой». Навивание основы продолжается час. Помощницы ткачихи за свою работу денег не берут, так как помощь эта обоюдная. «Можно сказать без преувеличения, что чужими руками пользуются если не все, то большинство гончаров сл. Котельвы Ахтырского уезда, но не за плату, а ввиду взаимных услуг: тот, у кого нет спешной работы, помогает тому, кто ею завален, за харчи и за могарыч». Большая часть гончаров г. Ахтырки стараются не нанимать рабочих и в случае нужды прибегают к взаимопомощи; «сосед помогает соседу, приятель приятелю». Сказанное относится и к сельским кузнецам Ахтырского уезда (хозяев-кузнецов 46), которые обыкновенно обходятся без наемных рабочих, «заменяя их, в случае надобности, заказчиками или своими же товарищами-кузнецами, квиваясь в обоих случаях взаимным могарычем». Малосильные кустики-гранильщики мраморного завода Екатеринбургского уезда при добыче нужного им для производства мрамора помогают друг другу и ведут работу артелями. В с. Фокине Васильского уезда Нижегородской губернии производством веревок занято 200 человек; операции прядения, осмолки ниток и скручивания тонких веревок обыкновенно производятся при помощи наемных рабочих (на одном колесе обыкновенно рабо-

¹ Сб. ст. св. по Курск. губ. В. VIII, отд. V, с. 237. О куст. пр. Курск. губ. С. 212, 214. Тр. Ком. по иссл. куст. пр. В. XI, с. 3224. Матер. по стат. Вятск. губ. Т. II, ч. II, с. 55. Опис. Могилевск. губ. Кн. 2, с. 419. Сб. Пермск. зем. 1891 г., № 1–2, с. 167. Куст. пр. Пермск. губ. на Сиб.-Ур. выст. В. III, с. 123. Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. X, отд. III, с. 123. Куст. пр. сельск. насел. Полтавск. губ. В. 2, с. 20. Тр. Ком. по иссл. куст. пр. в Харьк. губ. В. I, с. 27.

тает 8–10 человек); для скручивания же толстых канатов на маховом колесе собираются помочи иногда до 100 человек обоого пола и разных возрастов; помочане крутят канат, вертят колесо и т. п. Кожевники Полтавской губернии часто помогают друг другу при переборке кож во время золения и дубления. Кроме этих помочей, вызываемых условиями промыслового труда, к помощи соседей кустарь иногда прибегает при постройке кузни, завода и т. п. Таким именно способом строится кузница в Кошачковской волости Казанского уезда, дегтярный завод в Кострицкой вол. Бежецкого уезда, плотина для токарни в Нижегородской губ. и т. д.¹

Итак, в массе и, вероятно, даже в значительно большей половине кустарных промыслов семейная ассоциации с ее дополнением – помочью – является не только естественной, но и нормальной производительной единицей, способной удовлетворить тем требованиям, какие вытекают собственно из условий работы; и только сравнительно в небольшой части кустарных производств требуется совместная постоянная работа числа лиц, превышающего размеры крестьянской семьи, почему эти промыслы должны вестись или наемным трудом, или самостоятельными артелями. Но применение кооперации уместно не только в самой работе; каждое производство обставлено известными материальными условиями. Для ведения промысла нужно приобрести материал, инструменты, иногда построить и поддерживать специально для промысла назначенное помещение, приспособление и т. п. Обыкновенный хозяйственный расчет требует, чтобы все названные операции производились с наименьшей затратой средств и сил, а это условие во многих случаях может быть удовлетворено лишь путем соединения средств и сил отдельных производителей. По выработке изделий выступает новый ряд требований, относящихся к возможно более выгодному их сбыту, и здесь опять часто возникает вопрос о совместных о том заботах, о кооперации. При этом в одних местностях и в одних промыслах чувствуется потребность в специальных мерах для приобретения сырья, в других – для сбыта готового продукта, в третьих – для устройства целесообразной мастерской или какого-либо приспособления, в четвертых – для приобретения машины, в пятых – для образования более крупных производительных единиц и т. д. Словом, каждый вид промысла в конкретной обстановке того или другого района имеет свои особые требования, нуждается в развитии кооперации в особом направлении. Иначе говоря, потребность в соединении сил, будучи общей для всех кустарей, в разных местностях и промыслах проявляется не с одинаковой степенью настоятельности и по отношению не к одним и тем же сторонам промыслового дела.

¹ Тр. Куст. ком. В. II, с. 29. Тр. Ком. по иссл. куст. пр. в Харьк. губ. В. 3, с. 27, 13, 77. Пр. Екатеринбург. уезда, гранильный пр. С. 71. Нижегород. сб. Т. IX, с. 17. Пром. Полтав. губ. В. 2, с. 20. Кошачковская вол. Казанск. уезда. С. 89. Сб. матер. для стат. Тверск. губ. В. II, с. 17, 21. Тр. Куст. ком. В. VI, с. 627.

В дальнейшем мы перейдем к рассмотрению тех форм, в которых проявляется артельное начало в кустарном промысле в различные моменты промышленного оборота, насколько это возможно при скудости имеющегося по этому вопросу материала.

Первая забота кустаря, приступающего к занятию, это – приобрести сырой материал, необходимый для ведения промысла. В отношении большей или меньшей трудности достижения этой цели возможно экономным способом различные промыслы и районы поставлены в весьма неодинаковые условия. В одних местностях материал для некоторых промыслов легко доступен для каждого, так как он добывается самими кустарями в их сельском хозяйстве (волокно и семя льна, конопля), или имеется в наделе общества (лес, глина, камень), или отпускается на удобных условиях владельцем (лес, глина, железо, например, на Юго-Камском заводе Пермского уезда), или продается враздробь с получением обыкновенной коммерческой прибыли в ближайшем крупном торговом центре, условия конкуренции в котором не позволяют купцам взимать с кустарей за сырье несообразно высокие цены. В других случаях материал для промысла привозится издалека, и снабжение им кустарей попало в руки небольшого числа лиц, пользующихся своим привилегированным положением для эксплуатации производителей. Большая или меньшая затруднительность в отношении приобретения кустарями сырого материала зависит также от ценности последнего, и в этом отношении различные промыслы и районы находятся в весьма неодинаковом положении. Так, по данным пермской губернской земской управы, чтобы продать своих изделий на один рубль, пермский кустарь должен предварительно затратить на приобретение сырого материала: в простейших производствах из дерева – бондарном, тесном и рогожном – от 23 до 26 коп.; в гранитном – в мраморных изделиях – 20 коп., в приготовлении печатей, бусок и плодов для ваз из разных ценных камней – 35 коп.; в гончарном (пошлины за глину и топливо в частных и казенных дачах) – 33 коп.; валяльном – 37 коп.; токарном – 42 коп.; мебельном от 53 до 68 коп.; гвоздарном, смотря по сорту гвоздей, – от 57 до 80 коп.; маслобойном и смоло-дегтярном – 70 коп.; свечном – 73 коп.; кожевенном – 77 коп.; сапожном – 79 коп.; паточном – 88 коп.; скорняжном – 90 коп. и в железо-клепальном производстве; в приготовлении лопат, подносов, тазов и т. п. – от 87 до 92 коп.¹ Приблизительно в том же отношении к рыночной цене изделия находятся расходы на материал в соответствующих промыслах и остальной России. Значение указанного соотношения для положения промышленников усматривается из того обстоятельства, что в той же последовательности кустарные промыслы могут быть расположены и по степени зависимости кустаря от капитала. Чем меньший

¹ Памятн. кн. Пермск. губ. на 1889 г., прилож. С. 5.

процент в стоимости готового изделия выпадает на материал, тем, в общем, самостоятельнее поставлен производитель; чем больше этот процент, тем более кустарь подчиняется капиталисту, превращаясь в некоторых промыслах в его настоящего работника.

Понятно, что чем затруднительнее для отдельного кустаря получить на выгодных условиях нужный ему материал – зависит ли эта трудность от отдаленности места производства последнего или от высокой его ценности, – тем большая существует потребность в соединении сил для достижения этой цели, тем большее значение имеет применение к данному делу кооперации. Поэтому, казалось бы, артельная покупка сырья наичаще должна наблюдаться в промыслах по обработке железа и кожи и всего реже в кустарной деревообрабатывающей промышленности. На самом же деле происходит совершенно обратное: деревообрабатывающая промышленность, как увидим ниже, есть единственная, где соединение отдельных кустарей для совместной закупки оптом сырья пользуется сколько-нибудь значительным распространением. Причины указанного явления заключаются: во-первых, в бедности мелких промышленников, в отсутствии у каждого из них средств – и невозможности добыть таковые при помощи кредита для того, чтобы сразу закупить более или менее ценный материал, например, для полугодичного производства; во-вторых, в необходимости производить закупку многих материалов на отдаленных рынках, для чего требуется посылать туда одно или несколько лиц, одновременно и достаточно сведущих в торговом деле и заслуживающих доверия пайщиков. При отсутствии правильно организованных кредитных учреждений для мелкого промысла и зависимости, в какой находятся кустари в отношении кредита от скупщиков их изделий, являющихся в то же время и поставщиками для них сырого материала, при безграмотности кустарей и существующей между ними разъединенности и взаимном недоверии – организация в их среде союзов для оптовой закупки дорогого сырья на более или менее отдаленных рынках представляется делом весьма трудно осуществимом и потому редко встречающимся. Оптовая (конечно, в пределах потребности мелких производителей) покупка дерева (простых сортов) союзом кустарей потому и пользуется более или менее значительным распространением, что чуть ли не все моменты этой операции производятся под контролем, а иногда и при прямом участии пайщиков, причем благодаря возможности закупать лес на корню и самим заняться приготовлением из него материала для своего промысла – что представляется немислимым по отношению, например, к железу, коже и т. п. – денежные расходы по операции сокращаются до возможного минимума.

Впрочем, в литературе иногда попадаются известия о существовании артельных закупок кустарями и дорогого сырья. Такого рода факты,

по-видимому, почти вовсе не наблюдаются в сфере обработки металла, хотя в прежнее время, при большей самостоятельности мелких промышленников, явления этого порядка могли встречаться более или менее часто. Известно, например, что кузнецы города Тихвина в прежние времена, когда промысел пользовался широким распространением, закупали нужный для них материал в Петербурге, отправляя туда в складчину доверенное лицо. Теперь же, с упадком спроса на их изделия, закупка железа производится единолично, по мелочам и преимущественно у местных скупщиков¹. В других промыслах, перерабатывающих ценный материал, артельное его приобретение пользуется некоторым распространением, встречаясь или как случайное явление, или в виде более или менее постоянной и организованной операции. Кожевники в Черниговском уезде, например, обыкновенно приобретают материал единолично. Только случайно, когда «наскочат» на маленькую партию несколько хозяев, они покупают ее вместе и затем или делятся приобретенным добром, или «сплачивают друг другу по чести или с отступным», или, что еще реже, вместе вычinyт партию и поделятся барышом. Такие компании обыкновенно состоят из двух хозяев-соседей или родственников. Кожевники же Краснохолмского района Весъегонского уезда Тверской губернии практикуют этот способ приобретения нужной им конской кожи более или менее организовано. «С этой целью несколько хозяев делают складчину и отправляют кого-нибудь на ярмарку в г. Ростов Ярославской губернии зараз за целою партией кож, тем значительно сокращаются расходы на приобретение сырья». Подобно этому и малосостоятельные овчинники Шацкого уезда Тамбовской губернии покупают сырье в складчину: «от десяти товарищей, например, двое ездят по ярмаркам не только Тамбовской, но и Воронежской губернии, закупают там и привозят домой большую партию овчин, которая и поступает в раздел соответственно вкладу каждого». Скорняки Кунгурского у. Пермской губернии также приобретают овчины артелью на Ирбитской ярмарке и в других местах. Кожевники с. Черкасского Вольского уезда Саратовской губернии, соединившись вдвоем-втроем, отправляются в Оренбург, Казань и Астрахань, где и закупают кожи партиями в 500–1000 шт.² Более подробное описание порядка, регулирующего такие соединения кустарей для общей закупки овчин, имеются относительно некоторых местностей Полтавской губернии. Так, «кушники» (шубники) в местечке Смелом Роменского уезда, сложившись по сотне и меньше рублей и отправив одного из товарищей за товаром, по доставлении послед-

¹ Тр. Ком. по исслед. куст. пром. в России. В. VIII, с. 1379, 1385.

² Тр. Ком. по исслед. куст. пром. В. V, с. 347. Отч. и исслед. по куст. пр. в России. Т. I, с. 239. Сб. ст. св. по Тамб. губ. Т. VI, с. 73. Каталог куст. издел. на казанск. выст. С. 37. Отч. и исслед. и т. д. Т. II, с. 13. Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. VII, ч. 2, с. 44.

него распределяют его между участниками следующим образом. При двух или четырех покупателях овчины раскладываются на две кучки: в «первую руку» кладется так называемая «голова», т. е. одна овчина, в «другую руку» кладутся две по возможности однокачественные овчины; остальные овчины раскладываются между кучами, выбирая для каждой пары однокачественные штуки, а последняя овчина, носящая название «хвист», присоединяется к той куче, где в начале процедуры раздела положена была одна овчина, «голова». По окончании раскладки кидается жребий, и каждая пара покупателей получает по кучке, которую разделяет между отдельными участниками подобным же способом. При трех или пяти участниках двое или четверо занимаются сортировкой овчин, а самый опытный и расторопный раскладывает их на соответствующее число кучек, причем в случае невозможности совершенного уравнивания их по качеству получивший лучшую овчину в следующий раз наделяется худшей. Разделу подвергается партия не сразу, а постепенно, кучками в 5–10 овчин, распределяемыми между участниками по жребию: после распределения первых 3 или 5 кучек делают новые кучки, на которые также бросают жребий, и т. д. Если кто-либо из участников внес за покупку овчин сумму, несколько превышающую долю каждого из остальных товарищей, то после раздела последние «додают верхів», т. е. уделяют из своей части овчинами или уплачивают деньгами то, что они получили сравнительно с ним лишнего. Подобные же порядки раздела практикуются и шапочниками м. Барышевка Переяславского уезда, покупающими овчины «гуртом». «Молдавские» смушки, продающиеся в г. Переяславле «парами» в 200 штук по цене 180–200 руб. за сотню, обыкновенно покупаются компанией из 2–3 хозяев, причем если приобретение делается в кредит с уплатой при покупке по 1 руб. за штуку, то на остальную сумму выдается одним из участников вексель. Если наличными платится меньшая сумма, то приторгованная пачка сдается содержателю местного склада, от которого шапочники получают овчины по мере уплаты денег и притом на меньшую сумму, чем какую они вносят до полного погашения долга¹.

Имеющиеся в литературе указания относительно приобретения в складчину материала в деревообрабатывающей промышленности распределяются весьма неравномерно между различными районами, каковое обстоятельство в значительной степени объясняется недостаточной подробностью некоторых исследований. Ввиду сказанного было бы слишком рискованно на основании имеющихся данных делать какие-либо заключения относительно географического расположения районов единоличной и артельной закупки древоделами сырья, и мы ограничимся простым приведением известных нам по вопросу о покупке лесного материала в складчину фактов.

¹ Куст. пр. сел. сосл. Полт. губ. В. II, с. 23–4.

Из бондарей Вятской губернии только немногие зажиточные кустари покупают лес участками, иногда складываясь вдвоем, втроем; большинство же кустарей приобретают его по мелочам на базарах. Нечто подобное следует сказать и о древоделах (тележники, сундучники и т. п.) слободы Воронцовки Воронежского уезда, где лесные участки приобретаются более зажиточными производителями, артелями в 5–10 человек. Купленный лес делится между участниками в операции на корню, по жребию. Вследствие этой операции дерево обходится от 50 коп. до 1 руб., вдвое дешевле базарной цены. Производители гребней в Сумском уезде Харьковской губ. покупают материал поодиночке или по двое¹. В других местностях совместное приобретение материала кустарями-древодолами пользуется значительно большим распространением, причем артели, устраиваемые с этой целью, обнимают обыкновенно несколько человек; там же, где промысел имеет сплошное распространение, приобретение материала совершается иногда целым сельским обществом, что представляется тем более удобным, что дерево нужно крестьянам не только в качестве материала для их промыслового занятия, но и как топливо и что излишний по их домашней и промысловой потребности лесной материал всегда есть возможность продать на месте или в ближайшем округе. Покупка крестьянами леса в складчину всего больше распространена там, где окрестные казенные или частные леса продаются на сруб или на выборку определенных пород дерева небольшими деланками, а тем больше на льготных условиях, так что от учреждений, заведующих этими лесами, зависит в значительной степени – будет ли лес эксплуатироваться союзами кустарей и крестьян или крупными предпринимателями. Примером сказанного может служить опыт продажи леса в казанском лесничестве с рассрочкой платежа, допущенной в 1882 году. При получении билета на право пользования лесным материалом с 1882 года требуется внесение от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{10}$ следуемой суммы, а остальная ее часть отсрочивается до окончания заготовки, причем гарантией уплаты отсроченной суммы служит самый лесной материал. Благодаря этой мере в покупке казенного леса получили возможность участвовать, наряду с капиталистами-лесопромышленниками, и крестьяне, и это выразилось в первый же год действия новых правил, когда заготовок леса по ручательствам и мирским приговорам крестьян сделано на сумму 221 437 руб. сер.²

Обращаясь к фактам относительно артельной закупки материала в деревообрабатывающей промышленности, мы прежде всего упомянем о сравнительно широком предприятии этого рода в с. Утесовка Алатырского

¹ Материалы по опис. пром. Вятской губ. В. V, с. 15–16. Тр. ком. по иссл. куст. пром. в России. В. IX, с. 2577, 2583. Тр. ком. по исслед. куст. пром. в Харьковской губ. В. I, с. 41.

² Лесной журнал. 1882, № 2, с. 153.

уезда Симбирской губ. Бочары этого села ежегодно соединяются в артели в 80–90 человек, составляют капитал в 16–18 тыс. руб. (личный взнос 200 руб.) в каждой артели и употребляют его для покупки леса¹.

Наиболее полные сведения по этому вопросу имеются, однако, относительно Нижегородской губернии, все кустарные промыслы которой подверглись специальному исследованию. Кустарной деревообрабатывающей промышленностью занято здесь не менее 27 000 человек, а всякого рода работами по заготовке и обработке дерева – около 40 тыс. человек. Из числа кустарных промыслов этого рода наибольшим распространением пользуются промыслы: ложкарный (занято около 9 тыс. человек), рогожный (около 5 тыс.), лапотный (около 314 тыс.), углежжение (около $3\frac{1}{4}$ тыс.), бондарный (около 1300 тыс.), тележный и столярный (по тысяче с лишком человек). Центром ложкарного производства служат несколько волостей Семеновского уезда, где этим промыслом занято около 7000 человек. Материал для работы большей частью приобретается целой деревней или артелью из 10–20 человек, снимающими казенный лес «делянками», «рамками». Цена делянки – от 30–40 руб. до 200 руб. Раздел леса между участниками в покупке производится пропорционально их денежным вкладам. Ложкари Лукояновского уезда прежде, при обилии леса, приобретали его сообща, десятинами. Теперь же, с истощением лесов поблизости, они приобретают его по мелочам на базаре, единолично. Большая половина рогожников сосредоточена в западной части Лукояновского уезда. Материал приобретается ими на базарах единолично или покупкой, артелью в 5–10 человек, липовой роши у землевладельцев Лукояновского и Сергачского уездов. В небольшом рогожном районе Ардатовского уезда материал приобретается путем совместной аренды жителями деревень Дубовки и Березовки липового леса у соседних помещиков так называемыми ленами, пространством в 18–20 десятин, по 20 руб. за десятину. Купленный лес делится по числу семей, занимающихся промыслом, и распределяется между ними по жребью. Та (третья) часть рогожников Ветлужского района Макарьевского уезда (общее число работающих больше 1000 человек), которая ведет промысел самостоятельно, приобретает материал или на базаре, или в лесных дачах, но артелью или единолично – в материалах сведений не имеется. Производители лаптей в Чистопольской волости Семеновского уезда (всех работающих около 1000 человек) покупают лыко или у соседних лесовладельцев, или привозное. В лесах покупают участки артелями выборочно, по 2 руб. 50 коп. с топора. В районе промысла в Ардатовском уезде (750 промышленников) жители четырех селений – Чуварлейки, Лемети, Измаиловки и Ужовки, на которые приходится почти половина всего числа кустарей, – приобретают материал, снимая в соседних дачах липняк в общем количестве около

¹ Симб. губ. вед. 1875, № 50.

80 десятин, по 20 руб. за десятину. Аренданный лес делится на столько частей, сколько сложилось домохозяев для его аренды. Остальные 4 селения кустарей приобретают материал в г. Ардатове, куда он доставляется главным образом из деревень Ужовки и Лемети. Артелями же в 10–12 человек приобретается лыко и кустарями Лапотного района Нижегородского уезда (около 500 кустарей). За липняк, находящийся в десятине смешанного леса, платят 20–30 руб. Часть кустарей покупает лыко на базаре. Углежоги Семеновского уезда (общее число работающих 800 человек) приобретают лес в казне или у частных владельцев, нередко целой деревней, в долг, уплачивая по выработке, или дялянками на сруб, по цене от 30 до 150 руб. Углежоги Нижегородского уезда (число работающих 180 человек) приобретают лес в большинстве случаев артелями в 3–4 человека подесятинно, по 100–150 руб. за десятину смешанного леса. «Большеартельные покупки происходят очень редко, гораздо реже одиночных». Углежоги Горбатовского уезда (610 работающих) приобретают материал частью в лесах Шереметева возами и на рынке, частью в своем наделе. О способе приобретения материала углежогами Ардатовского уезда (около 1200 работающих) сведений не имеется. Приобретение леса артельно бондарями Нижегородской губернии встречается редко; так, в Абрамовской волости Арзамасского уезда лес иногда приобретается артелями человек в 5. В Нижегородском уезде материал большей частью покупается кустарями по деревню, но нередко и артелями, подесятинно. Ардатовские бондари приобретают материал единолично, по деревню, на выбор, в соседних лесах. Столяры с. Мотовилова и д. Михайловки Мотовиловской волости (промыслом занято около 500 человек – почти половина всех столяров Нижегородской губернии) Арзамасского уезда приобретают материал или единолично в Тепловских дачах, снимаемых одним крестьянином, распродают лес возами, или покупая всем селом участки леса в казенном лесу. «Для мастеров выгоднее приобретать сообща казенный лес, что прежде и делалось. Но в последние годы все ближайшие к Мотовилкову участки казенного леса, которые дозволяется ежегодно вырубать, снимаются арендатором московского винокуренного завода Будылиным, и мотовиловскому обществу ничего не остается». Древоделы разного рода в Ардатовском уезде покупают лес единолично или артелями. Лес в этом уезде казенный и частный, продается с торгов целыми кварталами и десятинами. «Обыкновенно после оглашения о предстоящей продаже у кустарей бывают сходки и совещания, где они соглашаются вместе закупать материал». После этого составляются артели – более зажиточных домохозяев из 5 человек, бедных из 10–30 человек, и приобретают по десятине каждая. В небольшом районе производства точеной посуды в Хохломской и Богоявленской волостях Семеновского уезда «иногда вся деревня соединяется для покупки большого участка леса в казенных дачах». В районе производства

посуды в Ардатовском уезде, если для покупки леса иногда и составляются артели из 2–5 человек, то это делается не столько в видах экономии в приобретении материала, сколько «с целью совместной работы, так как работать одному человеку в лесу почти нет никакой возможности». Колесники Лукояновского уезда, деревень Карлейки и Гермячки, приобретают лес сообща, большей частью в Пензенской губернии, по цене 200 р. за десятину¹.

Сведения о приобретении лесных материалов кустарями других местностей России, где не производилось специального исследования промыслов, не отличаются такой полнотой. Производители гребней Номиновской вол. Егорьевского уезда Рязанской губ. покупают материал товариществами. Обыкновенно «около Рождества один из гребенщиков отправляется в Калужскую губернию, где закупает нужное количество материала; весной на плотках привозят кленовое дерево, которое и разбирается товарищами, участвовавшими в покупке». Артели бондарей покупают плоты берез ценной около 1000 руб. Крестьяне Ряжского и Сапожковского уездов, занятые добыванием лыка и луба, иногда, делая складчину рублей по 10 с человека, арендуют сообща лесные участки. По данным 1871 года, крестьяне западных уездов Симбирской губернии, занимающиеся драньем лыка и мочал, артелями снимают по несколько десятин удельного или помещичьего леса по цене 100 руб. за десятину и более².

В Одоевском у. Тульской губернии производством колес занимается около 610 лиц обоего пола в 10 деревнях, расположенных близ лесосеки. Материал для работы часто приобретается артелями. «При устройстве артелей никаких формальностей не соблюдается, а просто сговариваются несколько человек, имеющих по 5–10 руб., и вместе закупают лесной материал. Нагнет такая артель из купленных вырезков ободьев, разделит их между своими членами, и существование артели оканчивается. Артели кустарей, имеющих наличные деньги по несколько рублей, закупают на них лесной материал только в случае, если не найдут кредита для его приобретения; иначе артель забирает его в долг. Часто лесопромышленник не доверяет одному покупателю, в этом случае тоже составляется артель. Лесопромышленник не желает возиться с одним колесником, закупающим немного товара и в долг, предлагает на продажу большую партию материала, и в последнем случае опять собирается артель. Все подобные артели существуют до того времени, пока не выплатят долг, сделанный под круговую поруку. Обыкновенно в артель собираются односельчане, и при заборе лесного материала в долг в

¹ Плотников. Куст. пр. Нижегород. губ. С. 106, 123–5, 131, 140, 102, 153, 159. Матер. к оц. зем. Нижегород. губ., экон. ч. В. XI, с. 200, 207, 210; Нижегород. сб. Т. IX, с. 393, 354. Т. VIII, с. 31–2, 49–50, 322, 159, 185. Т. VII, с. 113. Тр. куст. ком. В. V, с. 494. вып. VI, с. 520–1, 630.

² Мещерский и Модзалевский. Св. матер. по куст. пр. С. 232. Сб. ст. св. по Рязанск. губ. Т. XI, с. 256–7. Матер. для изуч. куст. пр. и ручн. тр. в Рос. 1872, с. 258, 67.

волостном правлении заключается условие с лесопромышленниками». Производством борон занято в том же уезде 73 двора в 4 деревнях. «Во время закупки материала осенью или весной, в случае неимения сил закупать много в одни руки, особенно когда продажа происходит огулом, крестьяне делают складчину и покупают материал часто на корню, сообща и потом уже делят его между собой. Особенно часто складываются крестьяне для закупки хлудцов и дубцов». В Бугульминском уезде обыкновенно 3–4 двора рогожников «общими силами покупают в казне делянку липового леса, платя в среднем по 80 руб. за десятину, и весной кооперативным трудом своих семей сдирают и мочат мочало». «Ценность дуба, ильма и клена (употребляемых в производстве дуг, саней и т. п.) в последнее время значительно возросла, поэтому и приобретение их возможно только артелью». Гончары артелями в 5–6 человек покупают в казенном лесе дубовые обрубки, из которых готовят круги для формовки посуды. Вероятно, артелями же покупается казенный лес делянками кустарями-санниками сел Аманаки, Сосновки и Байтучака Бугурусланского уезда¹. Артельное приобретение материала практикуется также среди колесников Полтавской губернии. Кустари м. Мачехи Полтавского уезда, узнав о продающемся лесе, соединяются в количестве 10–20 человек, составляя сумму в 100–200 руб. Купленный материал раскладывается на несколько по возможности равноценных частей, которые распределяются по жребию между участниками, после чего, если одна часть, соответственно внесенным деньгам, досталась нескольким лицам, последние распределяют ее между собой. Таким же образом производится покупка «кущиков» (рощиц) кустарями м. Поповка Миргородского уезда, с. Мельник Золотоношского у., м. Кузьмины и Груни Зеньковского уезда (в казенных дачах делянки за 200–300 руб.). Колесники сел Мачехи, Головачи, Локошино компаниями в 5–6 человек приобретают сотню-другую дрючков для ободьев и т. п. в кредит у лесопромышленников в г. Полтаве, по цене 50–60 коп. за двойной обод вместо 35–40 коп., за какие можно приобрести его из первых рук. Артель из производителей гребней в с. Печки Драгунской вол. Карачевского уезда Орловской губернии в составе 9 человек прибрала участок леса в 30 дес. (за 30 руб. сер.), с правом пользоваться одним кленом. Рубка, очистка и выкладка леса производилась всей артелью в период времени с 1 сентября по 1 октября. Затем зимой, когда приготовленный лес высохнет, его артелью везут в деревню, где и разделяют между членами товарищества. Производители саней Селецкой волости Трубчевского уезда в 60-х годах производили закупку материала товариществами в 5–6 человек, поручая это дело одному доверенному лицу. «Зимой общими силами рубят и свозят купленный лес,

¹ Тр. куст. ком. В. VII, с. 1301–2. Id. В. VII, с. 1067 и 1074; Сб. ст. св. по Самарск. губ. Т. V, с. 91–8. Id., т. IV, с. 83.

распаривают его в парнях и гнут полозья. Когда материал подготовлен, каждый берет свою часть на дом и работает сани»¹.

«Сравнительно состоятельные углежоги Михайловской волости Моршанского уезда Тамбовской губернии соединяются в компании из 3–10 домохозяев и покупают у лесовладельцев небольшие лесосеки для выработки материала на уголь». Цена десятины около 40 руб. Товариществами крестьяне Моршанского уезда покупают у лесопромышленников и остатки от выработки лесов по цене 4–12 руб. за десятину, и получаемый материал частью употребляют на отопление своих жилищ, частью продают другим крестьянам возами или саженьями. В Липецком уезде углежоги покупают материал в складчину по несколько человек; покупают мелкий лесной материал – сучья, остающиеся при выработке леса у лесопромышленников. В Кузнецком уезде Саратовской губ. крестьяне-лесопромышленники д. Арапина Наскафтымской волости товариществами из 4–5 человек покупают в казне черное лесье участки и затем хороший лес перепродают на поделки, бересту с березы тоже продают, а брак жгут на уголь. Пильщики с. Шелемис Никольской волости покупают небольшими артелями участки соснового леса в казенной даче и выпиливают из него кровельный лес. Корзиночники д. Акатовки Ерзовской волости Царицынского уезда обыкновенно приобретают нужный им лес в складчину, сообща же рубят его и делятся кучками. Артелями покупают участки леса и разделяют его между участниками саженьями также дроворубы и добытчики корья в с. Лапоть Банновской волости Камышинского уезда. Производители берд в Тверском уезде Тверской губ., при малом предложении материала для работы (привозимого в с. Кушалино по воскресеньям), складываются по несколько человек, чтобы купить один воз поленьев. Дегтярники Заручьевской вол. Бежецкого уезда артелями в 3–10 человек приобретают смольняк у лесовладельцев. Углежоги Трестенской волости того же уезда артелями в 5–10 человек покупают на сруб 2–3 десятины леса. Пильщики леса Заклинской вол. Бежецкого уезда покупают лес участками, соединяясь в товарищества, иногда вместе и обрабатывают его. Тес сбывается в с. Замытье и г. Бежецк. Товариществами покупают лес и производители дровень в той же волости. Пильщики теса в д. Старом Устинове Раковской волости Зубцовского уезда товариществами человека в 3 покупают лес участками в $\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{2}$ дес. по цене 200 руб. за десятину. Готовый тес продают в Погорелом Городище и с. Ульяновском. Крестьяне Краснинского уезда Смоленской губ. покупают «сухолядь» участками по 20–30 руб. за десятину целыми деревнями; продают лес в бревнах или срубах. Артелями в 20–30 семей (или единолично) покупают лес и промышленяющие лесными работами

¹ Куст. пр. Полт. губ. В. 2, с. 22–3; Сб. ст. св. по Орловск. губ. Т. V, в. II, с. 57. Мещерск. и Модзал. Св. матер. по куст. пр. С. 198.

в Краснослобатовской вол. Дорогобужского уезда¹. Крестьяне деревень Маркова и Матюшкина Волоколамского уезда Московской губ. соединяют свои средства, внося 25–100 руб., и покупают артелями участки казенного леса (по ценам от 500 до 700 руб. за десятину), который делят между собой корнями, и распиливают на тес и доски для продажи. Кустари-древоделы с. Горбова Рузского у. часто покупают на сруб целые участки леса. «Разделив произрастающее на них дерево на несколько частей соразмерно со внешней каждым из них суммой, промышленники рубят каждый свой пай и свозят по своим дворам». В Казанской губ. покупка леса делянками сообщается несколькими мелкими промышленниками изредка встречается в бондарном и тележном промыслах и чаще среди крестьян, занятых лесными промыслами (приготовлением бревен, теса и т. п.). Так, артелями покупаются делянки леса крестьянами Спасского уезда, готовящими из него срубы на продажу². Наконец, соединение нескольких лиц для совместного участия в приобретении древесного материала имеет значительное распространение среди лиц, занимающихся смоло-дегтярным промыслом.

В других отраслях кустарного производства артельное приобретение сырого материала кустарями, перерабатывающими его в изделия единолично, встречается редко. В некоторых промыслах это происходит оттого, что сырье находится в наделе крестьян или может быть легко приобретаемо на стороне каждым кустарем отдельно. Сказанное относится, например, к гончарному промыслу, сырой материал которого, глина, очень часто имеется на надельной земле или берется за небольшую плату в соседнем обществе или у соседнего землевладельца. Но и здесь неособенно редко встречаются случаи совместного приобретения сырья. Крестьяне дер. Лихарева (70 дв.) Нагорской вол. Переяславского уезда Владимирской губернии, где большая часть домохозяев занимается гончарным промыслом, снимают всем обществом в аренду находящийся на 4-верстном расстоянии берег реки Нерли, где и добывают глину, необходимую для производства. Арендная плата в размере 15 руб. ежегодно раскладывается на мастеров. Гончары с. Бритова (промыслом занимаются 30 дворов) Арзамасского уезда добывают глину на земле, принадлежащей удельному ведомству, с уплатой 25 руб. в год, взимаемых с лиц, занимающихся промыслом. Гончары с. Забелина (35 промышленников) сообщается приобретают глину у крестьян соседнего села за $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ ведра водки и у одного священника за 3–5 руб. в год. В Кузнецком уезде гончары м. Умыс (44 горшечника), с. Ключи (57 человек) и д. Дмитриевки (52 человека) Камеш-

¹ Сб. ст. св. по Тамб. губ. Т. III, с. 224–5; Id., т. VIII, с. 93; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. X, отд. III, с. 120, 249; Id., т. III, с. 93; Id., т. XI, отд. III, с. 82; Сб. матер. для стат. Твер. губ. В. IV, 1877, с. 53; Id., в. II, 1874, с. 21, 25; Сб. ст. св. по Тверской губ. Т. VI, с. 169, т. VII, с. 186; Рус. лесопром. 1889, № 95; 1888, № 27.

² Сб. ст. св. по Московской губ. Т. VII, в. 1, ч. 2, с. 208; Пром. Московской губ. Т. I. в. 2, с. 9; Матер. для исслед. пром. населения Казанской губ. С. 146, 161, 109; Матер. к оц. зем. Казан. губ. В. XI, с. 108.

кирской волости сообща приобретают право рыть глину для производства в соседней экономии, а гончары д. Дмитриевки и у крестьян с. Озерки. Арендная плата разверстывается между гончарами каждого общества «по кругам», причем на каждого приходится 80 коп. в м. Умысе и 50 коп. в с. Ключи. Гончары с. Соколки Сердобского у. арендуют глиняную гору за 40 руб. в год. Гончары д. Толстикова (43 человека) Ржевского уезда Тверской губ. покупают глину у помещика, уплачивая 18 руб. деньгами и обязываясь караулить пустошь, что оценивается в 40 руб.

Кроме рассмотренных промыслов, соединение кустарей для совместного приобретения сырья изредка наблюдается и в некоторых других отраслях кустарного дела. Так, кустари д. Прямой Балки Царицынского уезда, занимавшиеся каменоломным промыслом, арендуют каменную гору с платой 100 руб. в год. Красильщики Бугульминского уезда артелями в 3–4 человека приобретают краску. Тринадцать семей Рогачевской волости Дмитровского у. занимаются добыванием золота и серебра из пожарных остатков и сора, собираемого в мастерских серебряников и на монетном дворе. Эти промышленники, называемые соседями «ищейками», а сами себя именующие «соровщиками» или «химиками», для удобства приобретения материалов соединяются в артели и закупают остатки, пригодные для добывания металлов, по всей России. Закупка сырья идет целую зиму, для чего кустари разъезжаются из мест своего жительства¹.

Кроме приведенных фактов, совместное приобретение сырья наблюдается нередко в случаях артельного ведения самого производства.

Факты, изложенные выше, приводят нас к заключению, что, хотя соединение кустарей для совместного приобретения нужного им сырья встречается нередко, тем не менее оно не может быть считаемо явлением распространенным. Но еще реже наблюдается кооперация производителей в целях более выгодного сбыта их изделий, и ввиду малого числа имеющих у нас фактов этого рода мы считаем удобным привести их вслед за данными, относящимися к совместной закупке кустарями сырья. При этом считаем излишним заметить, что здесь идет речь о соединении для выгоднейшего сбыта кустарных изделий как о самостоятельной операции и не имеются в виду случаи, когда общий сбыт является заключительным моментом деятельности производительной артели, о чем мы скажем в своем месте. Солидарная деятельность производителей в целях регулирования сбыта изделий встречается в двух видах: в форме совместной продажи готового продукта и в форме совместного приема заказов или, по крайней мере, совместного опре-

¹ Пр. Влад. губ. В. V, с. 136; Тр. куст. ком. В. VI, с. 555–6; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. X, отд. III, с. 71, 73, 76; Т. IX, отд. III, с. 515; Ржевский уезд Твер. губ. С. 130; Сб. ст. св. по Саратов. губ. III, с. 75; Сб. ст. св. по Самар. губ. Т. V, с. 98; Сб. ст. св. по Москов. губ. Т. VII, в. I, ч. I, с. 139–140.

деления условий, на которых будет совершаться прием заказов отдельными производителями. Препятствием к широкому распространению названных средств регулирования сбыта изделий служит экономическая необеспеченность кустарей, не позволяющая им ждать с продажей их изделий, каковая на более выгодных для них условиях могла бы быть произведена лишь в немногие определенные моменты (например, на ярмарке) или на отдаленных рынках. Обыкновенный кустарь должен продать свое изделие тотчас по его производстве, так как эта продажа является единственным ресурсом для покрытия текущих его нужд и, не совершив продажи, он не мог бы ни прокормить свою семью, ни продолжать производство. В силу этой настоятельной необходимости немедленного сбыта приготовленного изделия, до сих пор терпели неудачу попытки некоторых земств служить устраиваемыми ими складами кустарных изделий преимущественно тому разряду производителей, который всего более теряет при современной организации сбыта. Так как земские склады выдают под принимаемые ими изделия меньшую сумму, чем выручил бы кустарь при немедленной продаже в магазин или скупщику, то он и несет их к последнему несмотря на то, что помещение их в земский склад обещает ему значительные выгоды, только отсрочиваемые полной их реализацией. Указанная выше экономическая необеспеченность кустарей служит причиной того, что они нередко состоят в неоплатном долгу у скупщиков их изделий и обязываются продавать последние только им и никому больше, что служит новым препятствием к попыткам организации сбыта изделий на более выгодных условиях. Ввиду сказанного нет ничего удивительного в том, что соединение кустарей для сбыта изделий встречается и очень редко, и не всегда между наиболее бедными производителями.

Так, зажиточные гончары на р. Ояти Тихвинского уезда Новгородской губернии, складываясь вдвоем, приобретают одну или две лодки и летом сплавляют свой товар по р. Ояти, Свири, Ладожскому каналу и Неве в С.-Петербург. В с. Альматьево Бугульминского уезда существует тканье рогож и рогожных кулей. Последние везутся на продажу в Уральск, Оренбург и Заинск артелями в 5–10 возов. Крестьяне Грязовецкого уезда Вологодской губ. для доставки заготовленных ими дров в г. Грязовец иногда нанимают сообща 2–3 вагона. Местами кустари сбывают свои изделия на отдаленных рынках через комиссионеров. Гранильщики Московской губернии пробовали было сплотиться для продажи своих изделий, поручив последнюю одному из товарищей, но тот обманул их доверие. Кленовязы Дмитровского уезда пытались организовать артельную доставку изделий в Москву, но не сумели устранить возникшую между ними конкуренцию при продаже, и дело расстроилось. Кожевники с. Катунки Балахнинского уезда снимают лавки на Нижегородской ярмарке компаниями в 3–4 человека. Кустари-ювелиры Красносельской

волости Костромского у. решили послать в 1892 году свои изделия самостоятельно на Нижегородскую ярмарку, где было отведено для них помещение.

По словам г. Иванова, на наших ярмарках существуют обычаи совместной торговли «в кружку». Стекольщики, делающие рамы, шапочники, свитники разных поселений сговариваются торговать вместе. Назначают общие цены изделий, уговариваются, сколько кому выставлять изделий, и начинают торговать. При этом один продает, другой получает деньги, третий записывает. При торговле «в кружку» цены несколько повышаются и требуется участие всех прибывающих на ярмарку представителей данного промысла. При этом сокращаются расходы по торговле, так как берется одно место и сберегается «местовое» остальных. Нередко встречаются также случаи такого товарищества, при котором торговля поручается одному в видах сбережения времени и сокращения расходов по торговле¹.

Мера обеспечения выгодного сбыта изделий, заключающаяся в совместном приеме заказов, представляется еще более затруднительной, так как, кроме независимости кустарей от скупщиков, здесь требуется и необычная солидарность в действиях производителей целого района. Такая солидарность могла бы осуществиться в случае, если район производства очень невелик, и при подобных условиях действительно иногда наблюдается указанный способ самозащиты кустарей от понижения цены их изделия и достижения равномерности в распределении выгод от промысла между всеми производителями. Так, по сведениям, относящимся к 50-м годам, производители ящиков 5 деревень (с. Пономарево с деревнями) близ г. Ярославля брали от купцов подряды на изделия на соединенном сходе всех домохозяев, где производилась разверстка заказа между деревнями, по тяглам. Производство арчагов для седел в деревнях Федотово, Губинская и Филипповская Кудыкинской вол. Покровского уезда было организовано в прежнее время следующим образом. Производством занималось 20–30 мастеров, сбывавших изделия в Москву и уплачивавших часть прибыли в общество за его лес и за то, что им одним предоставлено заниматься этим делом. Эта сумма делится между всеми домохозяевами 3 деревень подобно тому, как делилась земля. Для переговоров с заказчиками седел по временам посылались в Москву 3 ходока, по одному от каждой деревни. В 50-х годах эта организация, по дороговизне леса и по другим причинам, рушилась и кустари стали в полную независимость от мира. В новейшее время подобная же организация промысла наблюдается в д. Боровые Белокрестской волости Устюжского уезда Новгородской губернии,

¹ Тр. куст. ком. В. VIII, с. 1443; Сб. ст. св. по Самарск. губ. Т. V, с. 91; Рус. леспром. 1888, № 36; Сб. ст. св. по Моск. губ. Т. VII, в. I, с. 146; Id., т. VI, в. II, с. 198; Тр. куст. ком. В. VII, отд. IV, с. 107; В. IX, с. 2556; Ремесл. газета. 1892, № 30.

занимающейся выделкой корзин для соседних стеклянных заводов. Заказы принимаются всей деревней, а полученные деньги делятся между домохозяевами по количеству выделанных ими корзин¹.

Та же цель устранения конкуренции при сбыте изделий иногда достигается кустарями без применения каких-либо формальных мер, силой внутренней солидарности работающих. Так, кузнецы Опаринского района Александровского уезда Владимирской губернии имеют хорошие заработки от своего промысла благодаря контролю общественного мнения всех кустарей над соглашением каждого из них со скупщиком относительно цены изготовляемых им изделий. «Если бы кузнец согласился работать сошники по 1 руб. 95 коп. за пуд в лавку, где другие промышленники берут 2 руб. за пуд, он встретил бы со стороны односельцев такие жестокие преследования, при которых жизнь в родной деревне стала бы невыносимой». Соседние промышленники, занятые шерстяным промыслом, все указывают на это характерное свойство опаринских кузнецов: «дружный народ кузнецы, что один, то и все, – не вам чета», – с завистью говорят они. В Богородском гончарном районе (производство ведется при помощи наемного труда) Горбатовского уезда Нижегородской губернии существует такая мера некоторого регулирования цен изделий к выгоде производителей. Ежегодно осенью мастера и оптовые покупатели у них посуды сообща устанавливают размер суммы, которую последние должны уплатить первым сверх определенной стоимости горшков как вознаграждение за расходы от вздорожания дров, употребляемых на обжигание посуды. В 1879 году этот налог на «обжиг» составлял 16 коп. с каждого рубля заключенной сделки, в 1880 году – 26–28 коп. с рубля².

Новый вид мероприятий, принимаемых производителями для обеспечения выгодного для них результата их промысловой деятельности, практикуется в некоторых отхожих промыслах. Мера эта заключается в соглашении промышленников с обществом крестьян, нуждающихся в работе первых, как о вознаграждении их за работу, которую они будут выполнять по заказу местных крестьян, так и о недопущении обществом к временному поселению в данном месте других мастеров такого же ремесла. Указанная мера принимается в тех промыслах, где работа представляется довольно однообразной и не индивидуализирующейся ни согласно требованиям заказчиков, ни сообразно искусству производителей, где поэтому возможно назначение однообразных плат за все изделия одного вида. Сюда принадлежат, например, валяльный и овчинный промыслы. Овчинники, приходящие на работу в Купянский уезд из сл. Казинки Валуйского уезда Воронежской губернии,

¹ Калачов. Артели в древней и нынешней России. С. 56; Пром. Влад. губ. В. IV, с. 110; Тр. куст. ком. В. VIII, отд. I, с. 200.

² Пром. Влад. губ. В. II, с. 242; Тр. куст. ком. В. IX, с. 2428–9.

закключают с обществом условие, по которому они должны выделывать овчины местных заказчиков за определенную поштучную плату, а общество – не допускать к себе другого овчинника. Иногда такое соглашение заключается овчинником со старшиной или старостой. Пришлые кустики или вступают в союз с местными (где таковые имеются) и работают сообща, или нанимают у них только помещение. Артель шацких овчинников отправляется на работу в район, обыкновенно знакомый ее «атаману», и здесь заручается согласием общества на выделку «мирской овчины», т. е. принадлежащей членам общества, по определенной цене (что не служит препятствием для артели брать на выработку по вольной цене овчину посторонних обществу лиц), после чего открывает здесь мастерскую. В станицу Буранскую Оренбургской губернии ежегодно приходит 10 валяльщиков. Сначала они угощают атамана и писаря, а затем на сходе уговариваются с обществом относительно платы им за работу битья шерсти и валянья обуви с тем, чтобы общество не допускало к работе у себя других валяльщиков. После этого пять человек начинают работать в одной половине села, пять – в другой. Они или ходят от двора к двору, строго соблюдая очередь, причем кормятся у тех крестьян, на которых работают, или нанимают отдельное помещение и имеют свой стол. К описанному способу предупреждения конкуренции примыкает прием, употребляемый отхожими подбойщиками (сапожниками) Мошковской волости Новоторжского уезда Тверской губернии. «Работа в городах происходит на улицах; за места на улицах подбойщики платят, смотря по месту. Часто целая улица скупается артелью, и при появлении заказчика работа производится по жребию». Точно так же и отхожие красильщики с. Рыкова Бугульминского уезда Самарской губернии, придя на место работы вдвоем-втроем, платят обществу за право открыть дело от 3 до 10 руб. и выставляют рублей на 5 водки. Заказ берется каждым отдельно, хотя и на общей квартире¹.

В некоторых случаях конкуренция производителей предупреждается утвердившимся по обычаю распределением между ними районов сбыта; так, у каждого коренного серповщика Сергачского уезда Владимирской губернии есть свой участок, в который он только и ездит за сбором старых серпов для починки. Подобные участки переходят по наследству, «ездить в чужой участок за серпами и особенно раздавать их считается делом бесчестным». Другой способ предупреждения конкуренции при работе на стороне практикуется производителем щеток в Кривской волости Шадринского уезда Пермской губернии. По окончании полевых работ щеточники отправляются на промысел выделки щеток из материала заказчика в различные мест-

¹ Тр. ком. по иссл. куст. промысл. в Харьк. губ. В. 2, с. 28; Сб. ст. св. по Тамб. губ. Т. VI, с. 171. Северн. вестн., 1888, № 11; Пономарев. Артельщина и дружба. С. 142; Сб. ст. св. по Тверск. губ. Т. II, с. 159; Сб. ст. св. по Самар. губ. Т. V, с. 98.

ности Пермской губернии и ближайших районов Сибири артельками в два человека или компаниями в 10–20 промышленников. В последнем случае местность, в которой они намереваются работать, они разделяют между собой по числу пар производителей (2 человека) и назначают сборный пункт в какой-либо деревне, где собираются после того, как объедут охваченный район. Здесь они разделяют новый район, снова собираются в условленном месте производить новое распределение участков и так передвигаются дальше и дальше, пока находят работу¹.

ГЛАВА II

Идея передела в общине в новейшее время

Процедура производства какого-либо предмета, если при этом можно обойтись без устройства приспособлений, требующих особого знания, ведется рядовым кустарем в той же избе, в которой он живет. Сказанное относится не только к промыслам, которые можно назвать чистыми, но и к таким антигигиеническим, как гончарный, переработка шерсти и т. п. Действительно, формовка и сушка посуды в жилых избах ведет к крайне неприятным и вредным последствиям. Изба в этих случаях обыкновенно строится по-черному, полна дыма, угара и сырости, и стены ее не выдерживают больше 10–16 лет. «И в такой-то обстановке должна жить семья кустика с малолетними и больными. Естественно пожелать, чтобы производство посуды велось в отдельном помещении, и хотя кустари понимают все неудобства существующего порядка вещей, – они, однако, вовсе не применяют кооперации в устройстве гончарных мастерских. Заработки от этого промысла так незначительны, что гончар не решается затратить лишние деньги, если результатом этой траты будет не удешевление производства, а только улучшение гигиенической обстановки его жизни»². То же самое относится и к валяльному промыслу. Если он ведется в очень небольших размерах, все его операции совершаются в жилой избе, коль скоро же он составляет видное занятие кустика – стирание изделий, при котором отделяется большое количество пара, производится в особом помещении. Но и с удалением из жилой избы названной операции на долю ее обитателей все-таки остается порядочное количество пыли и грязи, отделяющихся при совершающихся в ней других операциях этого производства; несмотря на это, обыкновенный кустарь не устраивает особой мастерской: и здесь, как и в гончарном промысле, он пренебрегает хозяйственно-гигиеническими удобствами ради экономии в расходах производства.

¹ Матер. для изуч. куст. пром. в Рос. С. 255–6; Сб. Пермск. зем. 1888, с. 616.

² Очерки кустарной промышленности в России. С. 123.

Но есть промыслы, все или отдельные операции которых не могут абсолютно быть исполняемы в жилых помещениях или могут вестись в них с крайними неудобствами для семьи кустаря и с ущербом для качества изделия. В этих случаях, так сказать, технической необходимости в особом помещении кустарь старается устроить таковое с минимальными расходами. В этих видах он, во-первых, соблюдает возможную экономию и на материал, и на работе по постройке в ущерб, конечно, гигиенической стороне дела; во-вторых, старается устроить необходимое приспособление сообща с другими производителями. Так возникли артельные стирни, парни, горны, кузницы, смолокурные заводы и т. д. и артельное пользование помещениями, принадлежащими отдельным лицам.

Приступая к группировке данных, относящихся к рассматриваемому явлению, нельзя не заметить, что применение артельного начала к пользованию мастерской или другим приспособлением недвижимого характера наблюдается не в тех промыслах, занятия которыми требуют сравнительно больших расходов, а в отраслях производства, которые могут вестись с небольшими затратами. Так, в кожевенном, например, или скорняжном деле, при дорогом сырье, артельного пользования приспособлением для промысла почти не встречается¹. В гончарном же производстве (грубой посуды), материал для которого стоит минимальной суммы, артельное пользование горнами для обжигания посуды распространено, вероятно, не менее, нежели пользование единоличное. Исключение составляет ткацкий промысел, но и здесь сравнительно дорогой материал не приобретается кустарями за деньги, а получается ими от фабрикантов и комиссионеров. Уже из сказанного следует, что к артели в рассматриваемых случаях прибегают, главным образом, наиболее бедные крестьяне, для которых и небольшие расходы избираемого ими промысла представляются довольно чувствительными. Сказанное подтверждается и рассмотрением данных относительно стоимости тех приспособлений, к устройству которых применяется артельное начало. Так, постройка артельной стирни в Семеновском валяльном районе, например, обходится в 10–15 руб., в Александровском уезде – в 50–60 руб. Устройство парни в Уржумском уезде требует расхода в 25–30 руб., Одоевском и Ардатовском уездах – 30–40 руб., Нижегородском и Арзамасском – 20–25 руб. Только в Сумском уезде стоимость парни возвышается иногда до 75 руб. Расход на устройство горна для обжигания посуды обыкновенно еще меньше: в Ростовском уезде – 20–30 руб., в Поречском – 15–40 руб., в Переяславском и Васильском уездах – 15–20 руб., в восточных уездах Курской губернии –

¹ В с. Базарном-Корбулаке Саратовского уезда насчитывается 63 кожевенных заведения со 181 дубильными и 149 зольными чанами. Кожевники, не имеющие своих чанов, снимают чужие за плату: или от «передела» – 3 руб., или за целый год 10–15 руб. за два чана (дубильный и зольный) без дров и 20–25 руб. с дровами (Сб. ст. св. по Саратовск. губ. Т. III, с. 88).

8–40 руб., в западных – 5–13 руб., в Ардатовском и Сергачском уездах не больше 5 руб. и т. д. Устройство гвоздарной кузницы на 6–8 человек стоит в Тверском уезде 10 руб., в Семеновском – 40–50 руб., на 16 человек в Нижегородском уезде – 50–70 руб. Переводя общий расход артели на частную затрату каждого из участников, окажется, что расход кустара на устройство необходимого приспособления только в редких случаях превысит 10 руб. и очень часто значительно меньше этой суммы. Из приведенных данных вытекает заключение, что применение артельного начала к пользованию мастерскими другими приспособлениями дает возможность массе именно беднейших крестьян заниматься в качестве самостоятельных производителей такими промыслами, которые при отсутствии общения промышленников по причине, связанной с производством затраты основного капитала, велись бы главным образом наемным трудом. Такое значение артельного пользования приспособлениями именно для массы населения подтверждается еще тем, что оно наблюдается, главным образом, в промыслах, производящих предметы общего потребления и потому занимающих большое число рук, как-то: гончарном, гвоздарном, смолокурном, санно-колесном, – из коих первое и последнее к тому же разбросаны по всей России, т. е. в известном смысле доступны каждому. Приведенное заключение находит себе подтверждения также в истории той отрасли промышленности, которая, обнимая большой сплошной район, обращает на себя преимущественное внимание исследователей и где различные перипетии, испытанные промыслом, а также взаимоотношения его отдельных элементов выражаются яснее и доступнее наблюдению. Мы говорим о гвоздарном районе, обнимающем Нижегородский и Арзамасский уезды Нижегородской губернии. Гвоздарный промысел появился здесь в 30-х гг. и с тех пор претерпел следующие изменения. В первое время по возникновении в каждом селении промысел имел предпринимательскую форму; хозяин строил кузницу, в которой работали по найму 12–18 рабочих. В 50–60-х годах, когда промысел значительно распространился и кузнецы ознакомились с его частностями, они общими силами стали арендовать у хозяев помещение, а затем начали строить их артелью. Вместе с этим число хозяйских кузниц сокращается более и более. По исследованию Карпова, в 1879 году они преобладали только в тех селениях, где промысел возник недавно. «Дела на хозяйских кузницах идут хуже, чем на артельных; это потому, что каждая причина, задерживающая сбыт товара, на одного хозяина действует сильнее, чем на артель, поэтому хозяева часто закрывают свои кузницы»¹.

Порядки артельного пользования в случаях, о которых идет речь, зависят от назначения устроенного сообщества приспособления. Если оно нужно для отдельных операций производства – горн для обжигания посуды, парня для

¹ Тр. куст. ком. В. IV, с. 171–2.

размягчения подлежащего сгибанию дерева, – то соучастники пользуются им поочередно, очень часто без назначения определенного порядка пользования: тот, у кого готова партия горшков, полозьев или ободьев, разогревает горн или парню и пользуется ими по назначению. После него продельывает то же самое другой артельщик и т. д. Гончары наблюдают только, чтобы разогретый одним из них горн занимался другим хозяином тотчас, когда его оставляет первый, ибо таким образом соблюдается экономия на топливе. Если же случится, что зимой горн совершенно охладится или летом будет залит дождем, то первоначальное его разогревание совершается на общий счет. В другого рода общих помещениях, как то стирнях, где производится мятые или «топтка» (от слова «топтать») валяных изделий, в ткацких светелках или в кузницах, – работа совершается одновременно многими или даже всеми (кузница) артельщиками. Поэтому здесь возникают новые между ними отношения, неизвестные в случаях первого рода. Отопление стирни и светелки производится или на общий счет, или поочередно; иногда и освещение светелки производится на общий счет, а также принимаются сообща меры для охраны по ночам остающегося в ней материала работающих. В кузницах, при общем горне и мехах, соучастники несут общие расходы на уголь и на наем раздувальщика мехов. Обыкновенно уголь приобретается в складчину, но иногда, летом, когда то тому, то другому кузнецу часто приходится отрываться от промысла для работы по сельскому хозяйству – кустари по очереди приносят свой уголь (Тверской уезд). В нижегородском гвоздарном районе, где в одной кузнице работает 12–16 человек, каждый участник в пользовании ею, если не передал своего места другому, обязан нести соответствующую долю текущих расходов, независимо от того – работал он сам или нет. Затем, так как при неполном числе работающих расходы на уголь (которого при одном горне требуется почти одинаковое количество для одного или 16 кузнецов) ложатся чрезмерной тяжестью на производство, то в этом районе ввелся обычай всем гвоздарям одновременно открывать и закрывать рабочий сезон, чередуя кузнечный молот с сохой и косой. К сказанному следует еще прибавить, что соучастники в пользовании одной кузницей далеко не всегда состоят ее владельцами. Напротив того, в некоторых районах распространен обычай найма гвоздарями кузницы, находящейся в чьем-нибудь единоличном владении, причем, хотя бы договор найма мест в кузнице совершался каждым кустарем отдельно от других, самим фактом пользования несколькими лицами одним помещением между ними устанавливаются известные отношения, вроде тех, которые характеризованы выше.

После этих общих замечаний можно перейти к изложению материала по вопросу об артельном пользовании мастерскими и другими приспособлениями для промысла.

Всего реже наблюдается артельное пользование мастерской как простым помещением для работы в промыслах, не требующих устройства каких-либо специальных приспособлений недвижимого характера. Как общее правило, особые помещения для производства работы устраиваются только зажиточными мастерами, работающими при участии наемного персонала. Бедные же кустари иногда только случайно получают возможность пристроиться для работы где-нибудь в чужой мастерской. Так, бедные замочники Тульского уезда, «чтобы избежать тесноты и помехи от семьи, особенно от малолетних, нередко договариваются со своими соседями, работающими в отдельных помещениях, и устраивают у них свои станки с инструментами, за что уплачивают 3–5 руб. за рабочий сезон, а стоимость зимнего отопления разделяют между собой по числу работающих в мастерской». Зажиточные валеньщики Махловской волости Юрьевецкого уезда Костромской губернии работают с наемными рабочими в особых помещениях, куда допускают и посторонних кустарей за плату 3 руб. в зиму, «причем отопление и освещение производится посуточно»¹. Другой ряд общений кустарей, имеющий следствием работу их вне стен своих жилых изб, но и не в специально приспособленных для того мастерских, заключается в соединении их для работы в какой-нибудь одной избе не столько по соображениям коммерческого или вообще хозяйственного характера, сколько, может быть, ради некоторого удобства и приятности работы в обществе, а не наедине. Мы ограничимся приведением немногих примеров этого рода. Девушки-кружевницы Московской губернии собираются для работы по 5–10 человек у какой-нибудь одинокой старухи. «Такие собрания у них называются фабриками, хотя никаких фабричных условий они не заключают. Кроме света, т. е. керосиновой лампы или свечки, которую по очереди обязана приносить каждая девушка, они еще платят за отопление зимой по 30 коп.». Игрушечники Александровского уезда Владимирской губернии собираются иногда для «повадности» по 3–4 человека в одной избе, платя хозяину ее копеек по 30 в зиму. Освещение покупается поочередно, или сделанный на этот предмет расход раскладывается на всех работающих. Крестьяне деревень Каталина, Вельмина и Надинска Тверского уезда, занимающиеся выделкой берд, работают обыкновенно на посиделках, выбирая избу попросторнее и уплачивая ее хозяину по 40 коп. с человека в зиму. Отопление избы лежит на обязанности хозяина; лучину для освещения каждый приносит свою. Большая половина крестьян деревень Озерки и Чемазовка занимаются плетением лаптей, причем зимой все работающие собираются по вечерам в одну деревню на посиделки, устраиваемые сразу в нескольких избах, поочередно².

¹ Тр. ком. по иссл. куст. пром. в России. В. IX, с. 2332 и 2217.

² Тр. куст. ком. В. V, с. 422; Пр. Влад. губ. В. I, с. 147; Сб. матер. для ст. Твер. губ. В. IV, с. 54; Рус. лесопром. 1890, № 117–8.

Устройство отдельных зданий для ведения промысла имеет значительное распространение только в области ручного ткачества, где оно вызывается как затруднительностью помещения в жилой избе нескольких станов в случае, когда промыслом занимается два-три члена одной семьи, так и опасением порчи в семейной суете дорогого сравнительно материала производства, к тому же не составляющего собственности кустика, а полученного им от фабриканта, комиссионера и т. п. Поэтому во всех больших ткацких районах рядом с домашней работой ткачей развилась и работа их в особых помещениях – светелках или фабричках, и это явление представляется настолько общераспространенным, что и кустарные ткачи нередко именуются светельниками или светелочниками. Светелки устраиваются или мастерками – посредниками между кустарями и фабрикантами, – получающими от последних пряжу и раздающими ее для работы ткачам, причем для удобства наблюдения за целостью материала они требуют, чтобы ткачи работали в особо для того выстроенных помещениях; или самими кустарями, в семье которых находится несколько ткачей и жилая изба которых представляется слишком тесной; или ткачами же, но с преимущественной целью получения с нее дохода путем допущения в нее для работы других ткачей. Наконец, такие светелки устраиваются прямо артелями ткачей-кустарей. Артельные светелки пользуются наибольшим распространением, по-видимому, в Костромской и Владимирской губерниях. По данным 50-х годов, в Костромской и Ярославской губерниях «новины и холсты ткуются женщинами в избах, для тканья же тонких полотен устраиваются особые светелки, преимущественно в местах низменных, вдоль берега реки. Светелку выстраивает какой-нибудь крестьянин и отдает в наймы по 7 руб. ассигнациями в зиму с окошка, или же несколько ткачей выстраивают светелку в складчину и выбирают окна по жребью»¹. По данным, относящимся к началу 70-х годов, значительная часть светелок в ткацком районе Костромского и Нерехтского уездов устраивается артелями ткачей или на общий счет крестьян известного селения. Размеры таких светелок – от 5 до 15 станов; отапливаются они на общий счет работающих, иногда и освещаются последними, а для сбережения материала в некоторых из них производится по ночам очередное дежурство. По данным от начала 80-х годов, в Шунгенской вол. Костромского уезда, где ткачеством полотна из хозяйского материала занимается до 1600 человек, «в прежнее время при массивности станов и дешевизне дров крестьяне устраивали сообща светелки, сообща отапливали и ткали в них. С течением времени светелки стали нарушаться: новых совсем не строят, да и старые плохо ремонтируют. За последние 10 лет нарушено до 20 светелок; число их в разных селениях простирается еще до 80. Крестьяне стали нахо-

¹ Мещерск. и Модзал. Свод и пр. С. 363.

дить, что несравненно выгоднее ткать в своих домах, помещая по два и даже по три стана в избах или в подызбицах. Экономия соблюдается как в топливе, так и во времени: в светелку надо идти за околицу, и ткачу, в ней работающему, нельзя делать никакого домашнего дела. Светелки уцелели и заботливо ремонтируются только там, где или точка особенно развита, или где дровами крестьяне пользуются из своих дач». Светелки здесь устраиваются на 15–18 станов, помещающихся у прорубленного для каждого из них окна. Они низки, тесны и грязны, освещаются вечером керосиновыми лампочками без стекла, отчего в светелке распространена копоть. На ночь в светелке остаются двое рабочих для топки (на ночь или рано утром) и охраны материала. Артельная светелка имеется также в д. Марцине в Апраксинской вол. Отапливание ее производится на общий счет, а свечи для вечернего освещения у каждого ткача свои¹. В шелкоткацком промысле Владимирской губ., сосредоточенном в Покровском и Александровском уездах, в начале 80-х годов насчитывалось около 310 действующих светелок; из них лишь немногие имели нескольких совладельцев. Исследователь названного промысла, г. Харизоменов, говорит, что еще известны только 3 светелки в д. Ратькове и одна в с. Филиппах Филипповской волости Покровского уезда, находящиеся в общем «местельном» пользовании двух домохозяев каждая, да и из них 3 принадлежат близким родственникам. «Иногда светелки становятся артельными после семейных разделов: все имущество делится между братьями пополам, а светелка остается в общем владении». Участники в пользовании общей светелкой имеют в ней разное число станов. Тем не менее расход на отопление и ремонт мастерской разверстывается между пайщиками не пропорционально числу станов или работающих, а поровну на всех совладельцев. Отопление светелки производится поочередно: неделю топит один, неделю – другой. В бумаго-ткацком районе Переяславского уезда, обнимавшем в 1882 году 22 поселения с общим числом около 1000 ткацких станов, артельные светелки пользуются гораздо большим распространением. В противоположность тому, что имеет место в бумаго-ткацком районе Александровского уезда, где преобладает ткачество в жилой избе (и артельные светелки, по-видимому, отсутствуют), в Переяславском уезде из 113 рабочих помещений описываемого района 81 (с 915 станами) принадлежит к светелкам, из коих 16 светелок с 162 станами в Нагорской и Хмельниковской волостях находятся в артельном владении. Число лиц, участвующих во владении общими светелками, равняется 34. «Все известные нам случаи артельного владения, – говорит г. Харизоменов, – возникли после 1879 года. Стремление к артельным постройкам возникло под давлением комиссионеров, которые стали с крайней

¹ Матер. для изуч. куст. пром. в России. С. 127; Матер. для статистики Костромской губ. В. III, с. 74, в. IV, с. 223–232; Тр. ком. по иссл. куст. пром. в России. В. IX, с. 2083–4, 2148.

неохотой отдавать работу по избам; это обстоятельство и заставило недостаточных хозяев, ткавших в избах, складываться в артели». Стоимость светелки 150–200 руб.; служит она 25–30 лет, ежегодный расход на ремонт и промысловая плата 2 руб. Из 16 артельных светелок 14 находятся во владении двух лиц каждая, а две – во владении трех лиц. В 4 случаях совладельцами являются родственники; в 4 артелях соучаствует самый крупный комиссионер, И. М. Мусатов, имея в них половину окон. Артельные светелки возникают разнообразными способами. Иногда она строится артелью, условившейся «сообща ставить светелку, вместе отоплять, вместе ломать»; иногда сообща покупается готовой; иногда строится одним, а впоследствии в нее вкупается другой; в иных случаях артельное владение было результатом семейных разделов. Иногда артельная светелка путем выкупа превращается в единоличное владение. «Обыкновенно артельщикам принадлежит одинаковое число окон и, следовательно, станов. Если число окон не делится на два, тогда одно окно считается общим, и артельщики пользуются им поочередно (погодно)». Из этого обычного способа пользования бывают исключения. Так, в д. Коробовой путем продажи одним из двух артельщиков половины своего пая третьему лицу составила артель из трех хозяев с неодинаковым числом станов: у одного их 4, у двух по два. В д. Воронкине в светелке в 10 станов соучаствуют: Григорий Егоров – с одним станом, Иван Антонов – с двумя станами и Александр Антонов – с шестью; у двух последних имеется, сверх того, один стан общий. Расходы на ремонт светелки и ее отопление повсюду, за исключением последнего случая, распределяются между совладельцами пропорционально их участию в общем владении. Дрова покупаются ими сообща или поочередно. В одном случае светелка отопляется поочередно из домашнего топлива совладельцев. Этот способ сначала пользовался большим распространением, но по причине злоупотреблений теперь оставляется. В вышеописанной светелке в д. Воронкине отопление организовано таким образом: Григорий Егоров (2 стана) ездит за дровами 3 раза, Иван Антонов (1 стан) – один раз, Александр Антонов (6 станов) вносит 8 руб. в зиму. «Такие странные отношения установились путем запутанных передач окон». Артельные светелки устроены: на 7 станов – 3 светелки, на 9 станов – 2 светелки, 10 станов – 3 светелки, 11 станов – 1 светелка, 13 станов – 1 светелка и 15 станов – 6 светелок. В полотняно-ткацком районе Переяславского уезда (ок. 500 работающих в 71 рабочем помещении), примыкающем к такому же Ростовскому району, из 62 светелок, попавших в перепись г. Харизоменова, насчитываются 3 артельные, находящиеся в с. Филипповском Погостовской волости и принадлежащие 2 совладельцам с равным числом станов каждая. Артельщики отапливают светелки по очереди понедельно¹.

¹ Пром. Влад. губ. В. III, с. 23–5; Id., в. V, с. 63–65, 86–7, 110, 112.

Ткацкий промысел есть единственный из промыслов, где принцип артели применяется в сколько-нибудь значительных размерах к пользованию собственно помещением для работы как таковым. В других случаях применения артели к пользованию недвижимым имуществом последнее играет в производстве роль не простого помещения кустара с его инструментами, но и специального приспособления недвижимого характера. Этот вид применения артельного начала всего более распространен, как сказано выше, в гвоздарном, гончарном, колесно-санном и смолокуренном промыслах. Самые крупные наши кустарные гвоздарные районы – это уломский (в Новгородской губернии), нижегородский и тверской. Уломский гвоздарный промысел принадлежит к числу самых древних на Руси; нижегородской и тверской районы образовались в течение настоящего века. Вместе с указанным различием в отношении древности промысла названные местности несходны между собой и в отношении технической организации гвоздарного дела: в Уломе существуют, по-видимому, только одиночные кузницы, между тем, как в нижегородском и тверском районах широко распространено артельное пользование последними. Указанное различие отчасти, по крайней мере, объясняется тем обстоятельством, что в Тверской и Нижегородской губерниях гвоздарный промысел первоначально появился в крупной предпринимательской форме и лишь впоследствии раздробился в мелкие предприятия; при этом гвоздари, убедившись в удобствах и выгодах совместного пользования кузницей, сохранили эту форму пользования и при новой организации промысла. Указанное происхождение артельных кузниц подтверждается примером с Бисертский завод Красноуфимского уезда Пермской губ., где после закрытия гвоздорубной фабрики Демидова работавшие на ней мастера начали устраивать маленькие гвоздарные фабрички с применением водяных и живых двигателей, причем некоторые из таких фабричек состоят в артельном пользовании. Происхождением мелкого гвоздарного промысла из крупного лишь отчасти объясняется артельная его организация. Сказанное видно из того, что последняя встречается и в небольших гвоздарных районах, которые вряд ли привлекали к себе внимание капитала, например, в Вятской и Пермской губерниях. Причина, вызывающая применение артельного начала к пользованию кузницей, заключается также в экономических преимуществах этой формы пользования, позволяющей соблюдать экономию и на постройке кузницы, и при работе в ней. В силу последнего обстоятельства в общих кузницах иногда работают и такие кустари, у которых есть собственные помещения, – факт, наблюдаемый, например, в с. Каслинский завод Екатеринбургского уезда, где из-за экономии в 50 коп. в неделю кустарь предпочитает работать в артельной кузнице за версту и больше от своего местожительства, а не в имеющейся в его единоличном владении. Что же касается вопроса о том, почему экономи-

ческие соображения заставляют кустарей прибегать к артельному пользованию кузницами именно в гвоздарном, а не в других металлических промыслах, – объяснение явления кроется в том, что гвоздарное дело по его простоте не требует продолжительного обучения и потому доступно каждому; оно может, следовательно, распространяться среди массы населения, в том числе среди беднейшей его части, которая может вести дело самостоятельно лишь при минимальных на него затратах, каковые она осуществляет применением артельного начала. В других металлических промыслах, требующих большего искусства, одно приобретение последнего составляет значительную затрату, сравнительно с которой устройство кузницы уже не считается делом слишком затруднительным. Наконец, конкуренция на рынке гвоздарных изделий как предмета дешевого, простого, имеющего всеобщее распространение и доступного для большой массы производителей, проявляется сильнее, нежели среди других металлических товаров, и потому производители имеют более сильные мотивы к возможной экономии в издержках производства, одним из средств которого служит применение к промыслу начала артели.

В Нижегородской губернии выделка гвоздей распространена, главным образом, в 2 больших районах. Один район обнимает Белкинско-Межуйковскую, Владимирскую, Юрасовскую и Борскую волости Семеновского уезда, Гордеевскую, Козинскую и Гнилицкую – Балахинского уезда; центром его является так называемая «Красная Рамень» – местность, состоящая из 19 селений Белкинско-Межуйковской волости. Другой район образуется из центральных и южных волостей Нижегородского уезда и северных Арзамасского и захватывает одним концом отдельные селения Шапкинской и Оленинской волостей Горбатовского уезда, другим – Княгининского уезда. В Семеновском уезде кузнечным промыслом в 90 селениях 7 волостей занято 1762 двора (в том числе 295 безнадельных) в числе 2124 кузнецов и 342 подростков, из коих половина работает из хозяйского материала и около $\frac{1}{3}$ нанимается в работники. Собственно гвоздарным промыслом занято 1771 взрослых рабочих; 67% надельных промысловых дворов обрабатывают пашню, 16,5% сдают в аренду часть надела, 16,5% сдают весь надел. Кустари-земледельцы работают недель 20–30 в год. Средний заработок мастера, работающего из хозяйского материала без помощника, – около 1 руб. в неделю. В Балахинском уезде выковкой гвоздя занято около 800 человек. В Нижегородском уезде в половине 80-х годов было 130 кузниц с 1890 работавшими, преимущественно в Елховской и Бориспольской волостях. Громадное большинство кузнецов этого уезда имеет надел и занимаются земледелием, отдавая промыслу время с 8 сентября или 1 октября до Пасхи. В Арзамасском уезде в 1879 году насчитывалось 55 кузниц. Заработок гвоздарей Нижегородского уезда в 1883 году: работающего из хозяйского материала – 23–32 руб. в сезон, берущего железо у скупщика в

долг и сбывающего ему гвоздь – 25–33 руб., работающего самостоятельно, но сбывающего гвоздь через скупщика – 34–42 руб., самостоятельного мастера при собственном сбыте – 37–45 руб. Куящие гвоздь из хозяйского материала за издельную плату работают в хозяйской или артельной кузнице.

В 29 деревнях Нижегородского уезда в 1883 году была 131 кузница («шиповка») с 1890 работающими, в том числе 99 артельных кузниц и 32 хозяйских. Из последних лишь 4 работали при помощи наемного труда, а в 28 хозяйских кузницах места сдавались в аренду гвоздарям, причем хозяева поставляли для них и железо, в чем именно и заключается главная их выгода. Артельные кузницы или построены на общий счет, или приняли артельную форму путем покупки мест у хозяина кузницы. «Во владение построенной шиповкой вкупаются по местам (сиденьям); за место платится обыкновенно от 3 до 6 руб., смотря по его расположению вокруг майдана (насыпи, окружающей горн). Место возле меха самое дешевое: тут жарко, теснее и темнее, чем на других, ближайших к двери местах. Место около мастера (раздувателя мехов), занимающего первое от двери сиденье, самое дорогое – до 6 руб. Всякий купивший место становится единственным владельцем его и волен во всякое время продать или уступить это место в арендное содержание, не испрашивая согласия других владельцев». Арендная плата за место от 60 коп. до 1 руб. в зиму (в 1879 г. 50 коп. за время с Пасхи до Рождества Богородицы и 1 руб. 50 коп. с Рождества Богородицы до Пасхи). Кузницы устраиваются на 12–18, чаще всего на 15 человек. Постройка помещения стоит 40–50 руб., мех – 15–18 руб., остальные инструменты и приспособления – пенек, гвоздильня, отсечки и молотки – приобретаются каждым мастером отдельно от других. Уголь покупается на общий счет, раздувание мехов поручается одному из артельщиков: за плату от 1 руб. до 1 руб. 10 коп. с человека. Всякое место в шиповке независимо от того, производится на нем работа или нет, несет выпадающую на него по разверстке долю расхода на уголь. Ночью кузнецы довольствуются светом горна и раскаленного железа и специальных осветительных материалов не употребляют. Артельные шиповки особенно усиленно строились в 50-х годах, в период цветущего состояния гвоздарного промысла. Они называются местным населением «сутырные». Хотя это слово употребляется также в Арзамасском уезде и в с. Павлове Горбатовского, но объяснить его происхождение крестьяне не могли¹.

Организация гвоздарного промысла в Арзамасском уезде приблизительно такова же, как и в Нижегородском².

¹ По Толковому словарю Даля, «сутырничать» значит «спорить, сутяжничать».

² Тр. ком. по иссл. куст. пром. в России. В. III, с. 165–186; Нижегород. сб. Т. VII, с. 187–199; *Плотников*. Куст. пром. Нижегород. губ. С. 203–217; *Юридич. вест.* 1883, № 6–7; *Савельев*. Юридические обычаи в кузнечном районе Нижегородского Поволжья.

В Семеновском уезде кузницы у гвоздарей также артельные, но устраиваются на 6–8 человек. И стройка ее стоит 40–50 руб. «Уголь покупают сообща и рассчитывают по дням». Дороговизна угля здесь в предыдущем районе делает невозможным для одного кузнеца ковать гвоздь в то время, когда его товарищи заняты земледелием, поэтому начинается и оканчивается промышленный сезон для всех членов артели одновременно. Артельные гвоздарные кузницы существуют также в Гнилицкой волости Балахинского уезда; о других волостях этого района сведений не имеется. В Шапкинской вол. Горбатовского уезда в 1831 году осталось всего 6 кузниц-шиповок на 9–18 мест каждая. Кузница устраивается или артелью, или 2–3 хозяевами, которые и сами кузнецы. В последнем случае лишние места в кузнице отдаются в аренду по цене за зиму: с опытного кузнеца – 1 руб., с неопытного и потому тратящего много угля – 50 коп. В Оленинской волости гвоздари в начале 70-х годов арендовали места в хозяйской кузнице (устраиваемой на 15 человек) за плату 1–2 руб. ассигнациями. Уголь приобретался в складчину¹.

В Тверской губ. гвоздарный промысел распространен в Васильевской волости Тверского уезда, в г. Твери, в Замытской волости Бежецкого у. и в Перемутской волости Весьегонского у. Перемутская волость составляет часть Уломского гвоздарного района. В Тверском у. насчитывается 85 кузниц с 450 работающими, в Весьегонском уезде – 350 работников. Сведения различных изданий относительно применения в производстве артельного начала – хотя все они исходят, в конце концов, из одного источника, – не совершенно совпадают друг с другом. По одному из этих изданий, «работы производятся в кузницах, имеющих во всех трех районах один и тот же тип: небольшой низенький сарайчик, до половины стоящий в земле, крыша которого покрыта землей же; посередине кузницы находится горн, над которым вырезано отверстие для выхода дыма и искр; сзади горна – мехи. Каждая кузница разделена на 8 отдельных мест для 8 работников. Места расположены вокруг горна, чтобы, не отходя от места, можно доставать из горна железо. Кузницы составляют собственность троих и даже четверых гвоздарей (в г. Твери кузница составляет часто собственность одного хозяина), но в ней работают и мастера, не имеющие собственной кузницы. Плата за место в кузнице – не более 30 коп. в зиму; впрочем, деньгами платят редко, обыкновенно же за пользование местом отдают мелкие железные осколки, отделяющиеся от железа во времяковки. Уголь и наковальня у каждого мастера свои». По другому литературному источнику, в Тверском уезде есть кузницы, принадлежащие одному хозяину, места в которых отдаются в

¹ Матер. к оценке земель Нижегород. губ., экономическая часть. В. XI, с. 219–20; *Плотников*. См. выше; *Юридический вестник*. См. выше; *Тр. ком. по иссл. куст. пром.* В. IX, отд. IV, с. 248.; *Нижегородский сборник*. Т. V, с. 192.

наем; устройство кузницы стоит 8–10 руб., она служит лет 10, причем раза два бывает нужно переменить крышу. Уголь или приобретается сообща, или приносится по очереди каждым кузнецом из дому. «Зимой чаще приобретают его сообща, летом отдельно, так как в это время года кузнецы принуждены часто отрываться от своего мастерства для полевых работ. Полное число рабочих в кузнице в Тверском уезде 8 человек, в Весьегонском – 6 человек. В с. Васильевском Тверского уезда за пользование местом в кузнице ничего не платится; треска же, раньше поступавшая владельцу кузницы, теперь по причине большого понижения на нее цены не собирается. В Орудове того же уезда за пользование местом платится 30–50 коп. в зиму. Кузнецы, работающие вместе в одной кузнице, приобретают уголь сообща; в неделю тратится на это 20–40 коп. с человека; обязанность поддувалы исполняет один из кузнецов, в Весьегонском же уезде для этого нанимается мальчик с платой 1 руб. 50 коп. – 2 руб. в зиму. По данным от середины 70-х годов, гвоздарь г. Твери, имеющий кузницу на несколько человек, отдает свободные места другим мастерам за «стряску» и «ожимок» (кусок железа, выковываемый каждым кузнецом ежедневно из мелких частичек, остающихся в горне при накаливании железа, соединяющихся с куском железа весом в один фунт, нарочно для этой цели оставляемым в горне на время работы), иногда с присоединением денежной платы в размере 50 коп.¹

Кроме описанных больших районов производства гвоздей, последнее в малых размерах встречается в других местностях, причем в некоторых из них в том или в другом объеме наблюдается применение к производству артельного начала. Так, в Пермском уезде Пермской губ. в с. Юго-Камский завод из 33 гвоздарных кузниц (в 1881 г.) 16 находятся в артельном пользовании. Такое развитие артельных предприятий осуществлялось благодаря управлению местного завода, открывшему кустарям кредит металлом в размере почти годовой их потребности. Общее число работающих в артельных кузницах – 120 человек, не считая мальчиков-дувальщиков (приводящих в движение меха). Расход на уголь и на содержание дувальщика раскладывается на всех артельщиков; покупка сырья и продажа изделий производится каждым отдельно. Стоимость кузницы с одним горном (они составляют большинство) – 30 руб., с двумя горнами – 50 руб. Около одного горна может работать 6–8 человек. Цена инструментов и приспособлений для одного гвоздаря – 5 руб. Кузница обыкновенно принадлежит одному из кустарей, остальные принимают им на свободные места за плату 40 коп. в месяц с человека. В Екатеринбургском уезде в селах Кыштымский завод, Каслинский завод и

¹ Каталог образцов, выставленных тверским губернским земством. 1882. С. 91–92; Тр. ком. по исслед. куст. пр. В. V, с. 384, 390–1; Сб. стат. свед. по Тверск. губ. Т. VIII, с. 178–9; Отчеты и исслед. по куст. пром. в России. Т. I, с. 217–220; Сб. матер. для статист. Тверск. губ. 1876, в. III, с. 7; См. также: Сб. матер. для ист. Твер. губ. земства. Т. II, с. 379.

Ревдинский на одном горне работает по несколько кустарей. «У многих каслинских гвоздарей, работающих в артельной кузнице, есть и свои собственные, но экономический расчет вынуждает их запирать собственные кузницы и ходить за версту и более от дома – в чужие: работая вместе с другими у одного горна, каждый гвоздарь расходует в неделю на уголь 55 коп. и на поддувальщика 12 коп.; работая один, он должен потратить на уголь 80 коп., на поддувальщика 36 коп.». В Кыштымском заводе из 101 хозяина-кустара с 192 работающими 37 хозяев с 49 работающими, занимаются в 13 кузницах, от 2 до 4 хозяев или до 6 человек в каждой¹.

Особый интерес в отношении применения к пользованию кузницей артельного начала имеет гвоздорубный промысел в с. Бисертском заводе Красноуфимского уезда, где кузнечный молот приводится в движение не непосредственно руками человека, а особым приспособлением с водяным или живым двигателем. Описываемый кустарный промысел возник в Бисертском заводе в 60-х годах, после закрытия гвоздорубной фабрики Демидова, когда обратился к другим занятиям, в том числе попыталось воспроизвести в малом виде то самое машинное производство гвоздя, которое в крупных размерах велось на упраздненной фабрике. В это же время население обратилось и к занятию земледелием, и в 1883 году из 900 домохозяев 261 имели собственную запашку в общей сумме 1650 дес. (во времена крепостного права земледелием занимались несколько домохозяев). Значительная часть остального населения (лошадных хозяев 630) снимает сено на надельной земле. Большая часть мужчин и женщин отправляются на летние земледельческие заработки в зауфимскую земледельческую полосу. В 1883 году в Бисертском заводе насчитывалось 23 машинных гвоздарки – в том числе с водяным двигателем 10 с 21 молотами, с конным двигателем 7 с 13 молотами и ручных 6 с 6 молотами. Кроме того, было 19 обыкновенных ручных кузниц. На машинных гвоздарках работало 102 человека, в том числе гвоздарей 80 (по 2 на молоток), подгоняльщиков лошадей (подростков) на конных гвоздарках 7, вертельщиков вала в 6 ручных гвоздарках 12 (женщин) и 3 сторожа. В простых кузницах занято 104 человека. Гвоздарка, где производится рубка гвоздей, состоит из особого помещения, с горном, мехами, наковальней и молотами (1–3), приводимыми в движение вращением вала, зацепляющего вставленными в него спицами за коней хвоста молотовища. Вращение вала производится водой, лошадью или людьми. В первых двух случаях соответствующие приспособления устраиваются в особых помещениях. Стоимость машинной водяной гвоздарки 284 руб., конной – 104 руб., ручной – 59 руб., простой кузницы –

¹ Пермск. губ. вед. 1882, № 67, 68; Куст. пром. Пермск. губ. на Сибир.-Уральск. выставке. В. I, с. 165–6; Прилож. к Сб. пермск. земства. 1884, в. I, статист. прилож., с 50; Пром. Екатеринбургск. уезда. С. 77 и II–IV.

15 руб. При каждом молотке работают 2 кузнеца, совершающих свои операции независимо друг от друга. Но так как они пользуются при этом одним экземпляром приспособлений (наковальня, молот, гвоздильня), то пока один из них совершает первую операцию работы – тягу гвоздя и придание ему соответствующей формы под молотом, другой должен закончить вторую операцию – рубку гвоздя и расщепление головки – на гвоздильне. При обычной быстроте работы (молот делает 400–480 ударов в минуту) на приготовление одного гвоздя идет в среднем $\frac{1}{2}$ минуты времени. «Не выдавшему этой работы человеку она покажется весьма интересной по одной суетливой быстроте, зритель первым делом невольно обратит внимание на то, как это при тесноте места, на каких-нибудь 6 кв. аршинах, во время подноски и перемены прутков разом четверьмя человеками (при 2 молотах) они не поранят себя, не выточат себе, что называется, глаза». Из числа 23 гвоздарок в 5 конных в 1883 году работали артели из двух пар гвоздарей. Они сообща заготавливают железо и уголь и продают изделия. В 1894 году в артельном пользовании находились и ручные машинные гвоздарки. «Лица, составляющие такие артели, не связаны никакими формальными письменными условиями. Не имея денег для ведения предприятия, артели, однако, неизбежно подпадают под общую кабалу по отношению к сбыту изделия местным скупщикам», от которых приобретают материал. «Кредитом от скупщиков артель пользуется сообща и под круговую поруку, но расчет со скупщиком ведет кто-либо один, по выбору артели». Заработок артельщика – около 120 руб. в год. Являются ли артельщики собственниками мастерской, в материалах не сказано. Известно только, что в случае сдачи гвоздарок в аренду съемщиками являются не единоличные предприниматели, а артель. Арендная плата за ручную гвоздарку – 6 руб. в год, конную – 10 руб. Гвозди, приготовленные в кустарных мастерских, не отличаются от изделий соседнего Н.-Сергинского завода, но кустарные гвоздарки по силе своих двигателей не могут производить крупных гвоздей. Приготавливаемые кустарями Бисертского завода кровельные, штукатурные, сапожные и конско-подковные гвозди сбываются обыкновенно через посредство скупщиков, на ярмарках Пермской губернии, а также в Оренбург, Уфу, Томск, Тобольск и т. д. По исследованию, произведенному в 1894 году, число гвоздарен и гвоздарок не изменилось сравнительно с 1883 года, но уменьшилось число лишь сбывающих изделия прямо на рынке, минуя скупщиков. Кузнецы-рубщики мелкого гвоздя в ручных, немашинных кузницах, так называемые «шпикаря», работают артелями в 6–8 человек около одного горна, имея общий расход на дувача и на уголь¹.

В 7 уездах Вятской губ. насчитывается 7–738 кузнецов, в число которых входят и гвоздари, точное количество коих неизвестно. «Гвоздари ра-

¹ Сб. Пермского земства. 1890, № 4, с. 43–86, особенно с. 60, 74; Id. 1894, № 1, с. 44–6.

ботають обыкновенно по 4–6 человек в одной кузнице, у общего горна. При этом или каждый кузнец работает отдельно от других из своего материала, или – товариществом – в два человека». Наковальни гвоздарей в общей кузнице помещаются в один ряд, близко одна от другой, что дает возможность ограничить количество употребляемых инструментов; так, на двоих кустарей достаточно одной гвоздильни¹.

В противоположность гвоздарному промыслу, имеющему в виду обширный рынок и концентрирующемуся в некоторых районах, гончарное производство, назначенное для удовлетворения местной потребности, разбросано более или менее равномерно по всей России, лишь кое-где сосредоточиваясь в небольшие сплошные районы. Техника промысла распадается на две части: формовку посуды и ее обжигание; кроме того, существует подготовительная операция – добывание глины. Формовка посуды обыкновенно совершается в жилой избе на станке, приводимом в движение рукой или ногой; что же касается обжигания выделанной посуды – употребление для этого домашней печи наблюдается весьма редко. Обыкновенно ввиду неудобств, проистекающих от применения подобного способа обжига для семьи кустаря и несовершенства самого обжигания, последняя операция производится в особую для того устроенную печь, так называемое горно. В простейших случаях горном служит яма, вымазанная глиной, со сложенным в ней очагом. Устройство такой печи стоит 5–7 руб. В других местностях гончарная печь делается из сырого или обожженного кирпича, и при ней иногда устраивается нечто вроде сарая для защиты от непогоды и хранения обожженной посуды. Артельное начало в гончарном промысле применяется при приобретении сырья – артельная аренда земли, артельная добыча глины, при пользовании мастерской, где совершается формовка посуды (очень редко), и при пользовании горном.

В Нижегородской губернии гончарный промысел в более или менее крупной форме встречается в нескольких приволжских селениях: Катунской и Павелковской волостей Балахнинского уезда, в с. Богородском и 2 деревнях Горбатовского уезда. Общее число работающих здесь около 400 человек. В остальных уездах гончарный промысел ведется при очень ограниченном участии наемного труда и рассчитывает на местного потребителя. В этих-то селениях некоторые приспособления для промысла нередко устраиваются артелями. Так, в Ардатовском уезде в с. Виняеве (26 гончаров) горн, состоящий из ямы в 2 аршина ширины и 1½ арш. глубины с кирпичной решеткой на дне, под которой разводится огонь, стоит не более 5 руб. Поверх ямы иногда строится «пригребица» для склада топлива и хранения обожженной посуды. Единолично горнами владеют только зажиточные гончары; остальные устраивают горны артелью в 6–7 человек. Для первоначального нагревания в хо-

¹ Материалы по описанию промыслов Вятской губ. В. V, с. 169.

лодное время бросают жребий – кому начинать первому. В Котовке (20 гончаров) все горны общие; после каждой поллой воды приходится или поправлять горн, или строить заново. Собственник горна в с. Виняеве отдает его бесплатно в пользование лица, не имеющего этого приспособления, а сам обжигает после него, выигрывая на топливе, которое приходится в этом случае тратить в меньшем размере. Формовка посуды ведется в обоих селениях в жилых избах. В Васильевском у. гончарным промыслом занято 226 жителей 4 деревень. Прежде формование горшков совершалось в жилых помещениях; теперь же для этого строятся горшечные с печкой для сушки посуды. С этой печью при посредстве отдушины соединяется горн, устраиваемый в земле рядом с мастерской. Устройство горшечни стоит 15–20 руб. В одной мастерской работают от 1 до 4 человек. Горшечня или принадлежит одному хозяину, или составляет собственность 2–3 кустарей. В Сергачском уезде горшечным промыслом занято 230 человек (107 семей) в с. Б. Казаринове Апраксинской вол. Работа идет в жилых помещениях, на ручном круге. Горн состоит из ямы, обложенной внизу кирпичом, которая отделяется от кирпичной печи такой же решеткой. Устройство горна стоит 3–4 руб. Всех горнов в селении – 10; каждым владеет 10–11 домохозяев. В Арзамасском уезде горшечным промыслом занимается 100 домохозяев в с. Казанове, 30 дворов в с. Бритове Костянской вол. и 35 семей в д. Забелино Абрамовской вол. Глина бритовскими горшечниками арендуется у удельного ведомства за сумму 25 руб. (в год), раскладываемую на всех горшечников. Забелинские горшечники покупают ее всем обществом. Работа идет в жилой избе, на ручном круге. Устройство горна (см. Ардатовский уезд) стоит 5 руб., владеют им только состоятельные крестьяне или артели в 5–6 человек; в последнем случае обжигание посуды совершается по очереди, метнувши жребий, кому начинать первому, т. е. истратить наиболее дров для нагревания холодного горна, из-за очереди обжига часто бывают пререкания. Бедные кустари обжигают горшки в чужих горнах бесплатно: владельцы горнов, обжигая свои изделия после них, тратят меньше топлива. В с. Казанове на 100 семей гончаров имеется 20 горнов, в д. Забелино на 35 семей гончаров – 10 горнов¹. В Тихвинском уезде Новгородской губ. гончарный промысел развился в 2 районах: на р. Явосьме, в волостях Кузьминской и Деревской, на р. Ояти, в Красноборской волости. На Явосьме промысел существует с давних времен и сохранил самую первобытную технику, так что обжигание посуды производится в той же печи, где готовится пища. На р. Ояти промысел возник недавно и кустари имеют образец улучшенной техники в существующем здесь заводе Фока. Здесь обжигание посуды и ее формовка совершаются в отдельных помещени-

¹ Нижегород. сборн. Т. VIII, с. 201; Id., т. IX, с. 9. Id., т. X, с. 313–318; Тр. ком. по иссл. куст. пром. в России. В. VI, с. 550–556; Плотников. id., с. 274.

ях. Горны весьма часто принадлежат двум кустиарям. Не имеющие своего горна или жернова для размола краски пользуются чужими, оплачивая за это какой-нибудь мелкой услугой. Жернова имеются только у богатых кустиарей, и так как они не находятся в постоянном действии для своей мастерской, то на них и работают все остальные кустиари, являясь за это к хозяину жернова на помощь при полевых работах и т. п. В Рязанской губернии, преимущественно Скопинском, Егорьевском и Сапожковском уездах, насчитывается 723 гончара. «Обжигают посуду в горнах, причем почти во всех известных случаях гончары прибегают к простейшему виду кооперации: 6–8 хозяев строят горн сообща и пользуются им поочередно. Первая обжигка посуды требует большего количества дров, и потому бросается жребий, кому начинать. Чтобы избежать убытков, связанных с первой топкой, артель позволяет бесплатно обжигать постороннему горшечнику и пользуется уже нагретым горном». В Ростовском уезде Ярославской губ. горшечным промыслом занято 276 человек в 30 селениях: Карашской, Щепиковской, Петровской, Вошажниковской и Нажеровской волостей. Работа производится в жилых помещениях, на ножном круге. Горн стоит 20–30 руб., иногда устраивается сообща несколькими гончарами. В Переяславском уезде Владимирской губ. горшечным промыслом занимается 110 лиц деревень Лихарева, Вашутине и Подберезьи. Работают в жилых избах. Устройство горна стоит 15 руб. Большинство промышленников устраивает горны, соединяясь по 2–5 человек. Отопление горна на общий счет производится лишь в случаях, когда от продолжительного неупотребления он замерз, когда его залило дождем и когда для его разогревания нужно сжечь до сажени дров. Гончары Шуйского уезда устраивают горны компаниями из двух «братьев». Правильной очереди при обжигании не соблюдается, а только стараются, чтобы горн не остывал, и если это случится в зимнее время, то разогревают горн сообща. Рытье глины производится артелями из 5–8 человек. В Вышневолоцком уезде Тверской губ. гончарным промыслом занимаются 200 человек Федовского прихода Холохоленской волости. Работают в жилых избах. Горны строятся сообща 3–6 домохозяевами; пользуются горном соучастники поочередно. Гончары встречаются еще в Перьевской волости (15 человек) и Столоповской (52 человек) того же уезда, но описания промысла не имеется. Гончарный промысел весьма распространен в Поречском уезде Смоленской губ., причем горны (стоимостью 15–40 руб.) устраиваются большей частью артелями из 4–5 человек. Артельщики стараются обжигать посуду один вслед за другим; замерзший горн растапливается на общий счет¹. В Курской губ. горшечное производство встречается в

¹ Тр. куст. ком. В. VIII, с. 1416–1417; Сб. стат. св. по Рязанск. губ. Т. XI, с. 273–4; Тр. к. к. В. VII, с. 825; Пром. Влад. губ. В. V, с. 136–7; Юридич. вестн. 1891, № 11, с. 359; Сб. ст. по Тверск. губ. В. III, с. 117–8; Смоленск. вестн., 1887, № 118.

18 селениях 9 уездов. Гончаров около 620 человек, из них 216 приходится на сл. Великую Михайловку Новооскольского уезда. Работа производится в жилой избе, печь которой для лучшего просушивания только что сделанной посуды некоторыми кустарями устраивается по-черному. Горны почти всегда устраиваются в складчину 2–4 «товарищами» или «братами». Устройство горна стоит: в западных уездах – глиняного 5–6 руб., кирпичного 12–13 руб., в восточных уездах – глиняного 8–10 руб. (для 500 горшков), 20 руб. (для 1000 горшков), кирпичного – 20 руб. для 500 горшков, 30–40 руб. для 1000 горшков. Глиняные горны делаются самими кустарями, кирпичные иногда складываются нанятыми каменщиками; на ремонт горна (через 3–4 года) тратится несколько руб. Кустари стараются, чтобы горны не остывали, для чего, как только один оканчивает обжигание своих горшков, другой совладелец горна начинает его. Если случится, что горн зимой совершенно застынет, он разогревается на общий счет, причем затрачивается 1½–2 руб. денег. Добыча глины совершается обыкновенно артелью¹. В Шацком уезде Тамбовской губ. в с. Демидове гончарным промыслом занимается 40 хозяев; работают в жилой избе. Почти у каждого горшечника свой горн, иногда 2 хозяина имеют один общий. То же самое должно быть сказано и относительно гончаров г. Ахтырки Харьковской губ. В Елецком уезде Орловской губ. в с. Измалкове Предтеченской вол. 60 гончаров. Работа производится бедняками в жилой избе, остальными – в отдельных хатах, на ручном станке. Горны принадлежат артелям от 4 до 10 человек; всех горнов в селе 12:4 глиняные, немногие выложены из обожженного кирпича, остальные – из сырцового. На горн идет около 1000 кирпичей; 10 работников при 5 лошадях для подвозки материала могут сложить его недели в 2; горн служит 6–8 лет. Отапливается горн тем из кустарей, кто в данный момент обжигает посуду. На обжигание горна посуды идет дров на 2 руб., входит в горн 100–500 горшков. В Трубчевском уезде Селецкой волости д. Сосновке 60 человек гончаров. Работа производится в особых помещениях, на ножных станках. Горны строятся артелями в 8–10 хозяев; всех горнов 9. В д. Любовке 38 гончаров и 5 артельных горнов, в д. Удолье 22 гончара и 2 горна, принадлежащие каждый 10 хозяевам². В Кузнецком уезде Саратовской губ. в сельце Лутковке Камешкарской вол. 220 горшечников. Работают в жилых избах на круге, вращающемся на вделанном в скамейку вертикальном «гвозде». Горны, числом 15, принадлежат артелям в 6–9 дворов. Вместимость горна – 350–450 молочных крынок. На обжигание горна посуды идет воз дров (на 70 коп. – 1 руб.). Пользуются горном поочередно. В Сердобском уезде Сокольской волости в с. Соколка на

¹ Пром. и Грам. центрального района Курск. губ. Отд. II, с. 167–172; О куст. пром. Курск. губ. Гл. VII.

² Сб. ст. св. по Тамбовск. губ. Т. VI, с. 163.; Тр. ком. по куст. пром. Харьков. губ. В. III, с. 3; Сб. ст. св. по Орловск. губ. Т. II, прилож., с. 150–1; Id., Т. III, отд. II, с. 147, 152–3.

86 семей гончаров (134 работающих) имеется 14 горнов, находящихся в общем пользовании 4–10 хозяев каждый; стоимость горна 10 руб. «Поправляется горн сообща, а топит каждый своими дровами, по очереди». Продаются горшки большей частью оптом. В Ставропольском уезде Самарской губернии насчитывается 15 дворов гончаров в с. Старой Майне и 58 дворов в Н. Майне. Формовка посуды производится в жилом помещении на ножном круге. Горн обыкновенно устраивается двумя хозяевами. В Славяносербском уезде Екатеринославской губ. гончарный промысел существует в Макарьевской вол., почти исключительно в с. Макаровом-Яру. Число кустарных дворов – 211, число кустарей – 252. Работают в жилых избах. Горны стоят 19–12 руб., обыкновенно артельные. В Макаровом-Яру на 239 гончаров находится 24 горна. За обжигание посуды в чужом горне платится 50 коп. за выпалку. На обжог идет соломы на 1 руб. –1 руб. 25 коп.¹

Близко к гончарному промыслу стоит кирпичный, одну из операций которого составляет обжигание кирпича. Этот промысел, однако, в общем ведется в более крупных размерах и, следовательно, с более распространенным применением наемного труда. Тем не менее нередко наблюдается производство кирпича самостоятельными кустарями, и в этих случаях весьма обыкновенным явлением будет соединение их или для общего производства всех операций, или только для общего пользования обжигательной печью. Кустарное производство кирпича в Московской губернии существует в с. Борисове Ильинской вол. Дмитровского и в 3 волостях Богородского уездов. Промыслом в с. Борисове занято 78 человек (из них больше половины женщины), составляющих 24 производительных единицы по 2–7 человек в каждой. Промысел ведется без участия наемного труда. Обжигательных печей 7, из коих 6 имеют по 2–4 владельца. Не имеющие горна кустари обжигают кирпич в чужом горне с платой 2 руб. за обжиг. Вместимость горна – 5–10 тыс. мелкого (6–8-фунтового) кирпича. В Богородском уезде Васильевской, Теренинской и Игнатьевской волостях производством кирпича занято 847 человек, составляющих 131 промышленную единицу, из коих 46 имеют по 1–2 рабочих, а 34 – по 3–4 рабочих. В Васильевской вол. (всего 76 производительных единиц) нередко 2–3 самостоятельных промышленника пользуются одной обжигательной печью. В Калязинском уезде Тверской губ. кирпичный промысел существует в 3 деревнях Степановской волости. Работают без участия наемного труда. Добывают глину и делают кирпичи весной, а обжигают осенью. Обжигательные печи делают сами. «У некоторых печь в единоличном владении, а у других артельная, но только на двоих кирпичников непременно бывает печь». В печь настилают 6000 кирпичей, обжигают

¹ Сб. ст. св. по Саратовск. губ. Т. X, отд. III, с. 55; Т. IX, отд. 3., с. 514, 522; Сб. ст. св. по Самарск. губ. Т. II, с. 176; Сб. ст. св. по Екатер. губ. В. III, с. 302–3.

трое суток, днем и ночью, на что тратится около 2 саженой дров стоимостью 11 руб. За весну хозяин сделает 6–7 тыс. штук кирпича. В Балашовском уезде Саратовской губернии Дурникинской волости, в с. Дурникино имеется 20 семей кирпичников. У многих есть кирпичные сараи с временными печами; летом, до уборки хлеба, успеют обжечь два горна вместимостью от 10 до 20 тыс. кирпичей каждый: кирпич обжигают крупные семьи своими силами, а мелкие – «складом» в 2–3 семьи на горн. В Рязанской губернии несколько кустарей пользуются иногда для обжигания кирпичей одной печью. Горны для обжигания кирпича кустарями Казанской губернии очень часто принадлежат не одной семье, а двум-трем и больше кирпичникам. Так, в Цивильском уезде, в Высоковке, на 27 семей кирпичников имеется 8 горнов, в Дмитриевке на 8 семей 1 горн. В Чебоксарском уезде (165 кирпичников) «для обжигания кирпича устраиваются сараи с горнами, причем несколько семейств соединяются, пользуются одним горном сообща». Сбывается кирпич в г. Чебоксары. В Козмодемьянском уезде (150 кирпичников) «очень часто одна печь принадлежит нескольким семьям». Кирпичники Шуйского, Вязниковского и Гороховецкого уездов Владимирской губернии иногда устраивают обжигательную печь, общую для 3–4 хозяев¹.

Несколько в стороне от описываемых случаев находятся нижеприводимые предприятия, участниками которых являются уже не артели немногих производителей, а сельское общество в полном составе. В Берлянском уезде Таврической губ. обществом с. Андреевки в половине 70-х годов устроен кирпичный завод с одним сараем и одной печью, к которому через 4 года были пристроены еще сараи и печь. Работа идет с 1 мая до Козьмы и Демьяна (1 ноября). Общество нанимает подрядчика за 5 руб. от тысячи выжигаемого кирпича; рабочих подрядчик нанимает от себя. «Обыкновенно желающий приобрести кирпич отправляется на завод со своей соломой, и ему поступает только $\frac{1}{3}$ часть обожженного его соломой кирпича, а $\frac{2}{3}$ идет в пользу общества». Выжигается всего 400 тыс. кирпичей, продажная цена 13 руб. с тысячи. Доход общества от завода больше 2000 руб. в год. Общественные кирпичные сараи размером до 60 саженой имеются также в с. Нижнесергинский завод Красноуфимского уезда Пермской губернии. Приготовление кирпича в течение пяти лет велось здесь самым обществом, впоследствии же передано арендатору. В д. Заборье Озерецкой волости Духовщинского уезда в начале 80-х годов были открыты залежи извести. Добыча ее велась каждым крестьянином отдельно, обжигание же производилось сообща в обществен-

¹ Сб. ст. свед. по Московск. губ. Т. VII, в. 1, отд. 2, с. 278–9, 291–2; Стат. ежегод. Московск. губ. земст. за 1890 г.; Куст. пром. Богородск. уезда. С. 10; Сб. ст. св. по Тверск. губ. Т. V, с. 159; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. XII, в. I, отд. II, с. 439; Сб. ст. св. по Рязанск. губ. Т. XI, с. 273; Матер. для изуч. пром. Казанск. губ. С. 39; Матер. к оценке зем. в Казанск. губ. Т. VIII, с. 67; Id. Т. X, с. 83; Юридич. вестн. 1891, № 11, с. 359.

ной печи вместимостью в 4000 п. известкового камня. В 1886 году общество по недоразумению сдало известковую ломку в аренду на 12 лет соседнему землевладельцу, издавна ведущему в крупных размерах разработку извести и поспешившему прекратить это производство в соседней деревне как представляющее конкурента его предприятию¹.

Огромное большинство видов деревообрабатывающей промышленности допускает весьма удобно производство работы на воздухе, в сарае, в жилой избе и т. п., позволяя обходиться без особой мастерской. Но при производстве колес, санных полозьев и дуг представляется необходимость в размягчении дерева, которое затем должно подвергнуться сгибанию. И хотя это размягчение может быть достигнуто обложением дерева навозом или распариванием в банях, тем не менее обыкновенно для этого устраиваются соответствующим образом приспособленные здания, парни. В некоторых местностях парни, по-видимому, состоят только в единоличном владении кустарей и домохозяева, не имеющие собственной парни, пользуются чужими за известную плату (например, в Ставропольском уезде Самарской губернии по 2 руб. за раз). В других местностях хотя к постройке парен и применяется артельное начало, но редко (например, у колесников Золотоношского уезда Полтавской губернии). Наконец, немало найдется таких районов производства, где артельные, а в случае всеобщего распространения в данном селении промысла, и общественные парни составляют обыденное или даже преобладающее явление, как это можно усмотреть из нижеприведенных данных. В Одоевском уезде Тульской губ. производством колес занято 336 мужчин и 282 женщины в 155 дворах девяти расположенных около лесных засек селений Козюлькинской и с-ца Ланского Луженской волости, что составит почти $\frac{2}{3}$ дворов указанных поселений. Промысел ведется при весьма незначительном участии наемного труда, применяемого некоторыми домохозяевами лишь в 4 деревнях, в которых на одну производительную единицу приходится в среднем около 5 работающих; в деревнях, где работа ведется только силами семей хозяев, производительная единица состоит в среднем из 3–4 человек. В работники нанимаются исключительно члены обедневших семей и с обязательством, кроме колесной, выполнять и всякие другие работы. Наемный труд начал применяться недавно. Парница строится самими колесниками и обходится в 30–40 руб. Она устраивается или отдельными домохозяевами, или артелями. Артельных парниц насчитывается в д. Прокудиной (промыслом занимается 21 двор) 4, д. Хомянской (промысловых семей 170) 3, Каменке (22 пром. семьи) 4, Козюлкине (16 пром. семей) 2, Прудках (22 пром. семьи) 3. В остальных 5 деревнях – с числом промысловых семей в Ланском 6, Копыловке 10,

¹ Сб. ст. св. по Таврич. губ. Т. V, прилож. к табл., с. 13; Тр. куст. ком. В. XVI, с. 553; Смоленск. вест. 1887, № 90.

Прокудине-Исполатове 11, Майкове 13, Завадове 17 – существует по одной парнице, устроенной на общий счет. Для гнутья обода необходимо присутствие, по крайней мере, 5 рабочих, и эта операция производится, вероятно, помощью. Материал для промысла кустари обыкновенно покупают артелями. Колеса сбываются скупщикам, которые отправляют их в города Тульской и Орловской губерний, или продаются самими кустарями по окрестным базарам¹. В Нижегородской губ. устройство особых парней встречается в нижеуказанных местностях. В Нижегородском уезде производством саней и дуг занимаются 34 человека в деревнях Б. Сескине и М. Сескине и 15 человек в четырех других деревнях. Изделия сбываются по ближайшим базарам смежных уездов. При этом в первых двух поселениях парни, устройство которых обходится в 20–25 руб., составляют собственность 4–5 кустарей каждая, пользующихся ею или поочередно, или кому когда вздумается. В Ардатовском уезде парни устраиваются кустарями-санниками (число их 61) деревень Гари и Ковши. Так как возведение парни стоит 30–40 руб., что для одного человека слишком дорого, то кустари устраивают ее на общий счет 4–5 хозяев и распаривают ободья поочередно. Изделия сбываются на базарах. В Сергачском уезде гнутьем полозьев и ободьев занимаются 15 хозяев с. Толбы. Парен насчитывается 9, причем некоторые из них находятся в единоличном владении, другие – в собственности 2–3 человек. Работают, главным образом, по заказу санников и колесников. В Арзамасском уезде производством саней для сбыта на местных базарах в конце 70-х годов занималось 35 дворов в с. Коржемок и д. Быков Майдан; всех парен, стоимостью 20–25 руб. каждая, было 3, принадлежащих одному или 4–5 домохозяевам. Кустари, не участвующие во владении парней, пользуются чужими, уплачивая «за пар», т. е. за напаривание нагретой водой 30–40 пар полозьев, 2 руб.². О парнях в Васильевском уезде в материалах ничего не говорится, в Лукояновском уезде они устраиваются, по-видимому, на единоличные средства. В Ардатовском, Сергачском и Арзамасском уездах гнутье полозьев производится помощью. В Сумском уезде Харьковской губ. колесный промысел сосредоточен в селах Большой Чернетчине, Тимофеевке и Могрице; занимаются им около 250 дворов. Распаривание плах производится паром в «варовых» парнях, коих насчитывается в названных селах 17. Стоимость постройки парни 35–75 руб. Многие парни составляют собственность 3, 5, иногда 10 хозяев. Хозяева, не имеющие парни, пользуются для выпарки и гнутья ободьев чужими заведениями за плату 20 коп. от стана. Колесники в Б. Чернетчине и Могрице занимаются

¹ Сб. ст. свед. по Самар. губ. Т. II, с. 174; Сб. по хоз. стат. Полтавской губ. Т. VI, с. 130; Тр. куст. ком. В. VIII, с. 1265–1311.

² *Плотников*. Пром. Нижегород. губ. С. 171; Нижегород. сб. Т. VII, с. 290–6; *Id.*, т. VIII, с. 88–9; *Id.*, т. X, с. 345–6; Тр. ком. по иссл. куст. пром. в России. В. VI, с. 837–40.

также и производством саней. Плахи для полозьев размягчаются в сухопарнях, устройство которых стоит 10–15 руб. В Могрице есть одна сухопарня, принадлежащая 8 крестьянам; не участвующие во владении ею платят за выпарку пары полозьев 20 коп. В Чернетчине парни имеются у немногих хозяев; остальные пользуются чужими парнями бесплатно. В Уржумском уезде Вятской губ. колесным промыслом занято 244 человека, преимущественно в Больше-Шурминской, Ирмучатской и Теребиловской волостях. Работа идет летом в «парниках» стоимостью в 25–30 руб. Парники строятся артелями из 3–6 хозяев. В Камышловском уезде Пермской губ. в Четкаринской волости ободный промысел существует в 3 деревнях; парники устраиваются артелью. В д. Духовой на 36 кустарей-домохозяев устроено 4 парника, в с. Красноярском на 15 кустарей – 3 парника, в д. Липихиной на 3 хозяина 1 парник. В Трубчевском уезде в некоторых деревнях с развитым колесным промыслом имеются мирские парни: в д. Емельянове Селецкой вол. с 29 колесниками устроено 2 общественных парни, в с. Грязовец той же волости, где существует выделка саней, – 1 парня. В д. Сагутья в обществе удельных крестьян на 43 кустаря имеется 3 парни для полозьев и одна – для колес, в обществе бывших государственных крестьян санники имеют товарищеские парни; в д. Хатьяновке (34 санника) имеются 3 парни – все товарищеские. В д. Смелиж Краснослободской вол., жители которой занимаются производством обручей, парни (прежде их было 4, теперь 2) строятся сообща 10 хозяевами. Пользуются ими и не участвующие во владении¹.

В смоло-дегтярном промысле артельное начало пользуется значительным распространением в применении к отдельным моментам и процедурам, связанным с ведением этого промысла. Так, сплошь и рядом артелью строится завод; артелью смолокуры часто вступают в соглашение с собственниками леса, а иногда и со скупщиками смолы и дегтя; наконец, артелью же иногда ведется и самое производство. Отлагая факты последнего рода до следующих страниц, в настоящее время приведем данные, относящиеся преимущественно к форме владения заводами. Смолокурение в Архангельской губернии сосредоточено главным образом в Шенкурском уезде, где этот промысел до недавнего времени, пока он не пришел в упадок, составлял почти единственное подсобное к земледелию занятие крестьянского населения. В 1885 году здесь было в действии 2332 печи, производившие смолу на сумму 157 тыс. руб.; через два года число печей сократилось до 1740, а их производительность до 108 тыс. руб. Вся выкуренная смола отправляется через архангельский порт за границу. Смолокуренная печь, стоимостью около

¹ Тр. ком. по иссл. куст. пр. Харьк. губ. В. 1, с. 24–5, 33–4; Матер. по стат. Вятск. губ. Т. II, ч. 2, с. 55; Куст. пр. Перм. губ. на Сиб.-Ур. выст. в Екатеринб. В. III, с. 122; Сб. ст. свед. по Орлов. губ. Т. III, отд. II, с. 146, 152–4, 189.

40 руб., строится обыкновенно 4–5 промышленниками, занимающимися выкуркой независимо друг от друга. Крестьяне, не имеющие собственной печи, пользуются чужой с платой 40 коп. за выгонку. По разлитии добытой смолы в бочки уплачивается пошлина в 20 коп. Смолокуры находятся в долгу у скупщиков их продукта, и их заработок определяется в 6–14 коп. за каждый из 18 дней, затраченных на все операции по выкурке в одной печи. Смоло- и дегтекурные заводы в северной части Кандиковского уезда Вологодской губернии, известной под названием Троичины, устраиваются или отдельными домохозяевами, или сообща несколькими производителями, состоят из одной или нескольких печей с 4 кубами в каждой. Устройство завода на две печи, т. е. на 8 кубов, обходится не дороже 20 руб. В Пермской губ. в начале 80-х годов, по отрывочным данным, относящимся к 9 уездам, состояло 90 смоло-дегтярных заведений при 140 рабочих, в том числе 29 наемных. В Енапаевской вол. Красноуфимского уезда, Шогринской – Ирбитского и Баклановской – Шадринского дегтекурение велось большей частью артелями, смолокурение же – отдельными семьями, каковое обстоятельство г. Красноперов объясняет большими затратами на приобретение сырого материала, требуемыми производством дегтя (в Енапаевской волости, например, затрата на материал составляет 58% рыночной цены дегтя и 41% цены смолы), побуждающими кустарей соединять свои скудные средства. В Енапаевской вол. Красноуфимского уезда местным исследованием обнаружено существование 6 заводов, из коих 5 устроены товариществами из двух лиц каждое. В 3 селениях Шогринской волости насчитывалось 10 смолокуров, из коих 5 в с. Шогринском имели одно общее заведение. В Баклановской волости в 4 селениях имелось 9 товарищеских заведений, на коих работало 21 лицо из семей артельщиков и 9 человек наемных. В Енапаевской и Баклановской волостях каждый из членов артели производил выкурку дегтя за свой счет, в назначенную для него очередь; в Шогринской же волости, где производство велось круглый год, владельцы артельного завода соединяют свои силы и для самого смолокурения. Нормальная стоимость смоло-дегтярного завода определяется приблизительно в 10 руб. на товарища; средний оборотный капитал для трех месяцев, при двух товарищах, определяется в 141 руб. По новейшим сведениям, в 3 волостях Красноуфимского уезда из 88 смоло-дегтярных заводов 19 принадлежат артелям с общим числом членов 39¹. В 6 уездах Вятской губернии (Малмыжском, Уржумском, Орловском, Вятском, Нолинском и Елабужском) подворной переписью зарегистрировано 950 крестьянских смолокурных заводов и 16 дегтярных (в Елабужском уезде).

¹ Прил. к сб. Пермск. земства, статист. прилож. 1884, в. I, с. 30, 36; Енапаевская волость. С. 151; Куст. пром. Пермской губ. на Сиб.-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 г. В. I, с. 146–7, в. III, с. 138, 141; Сб. Пермск. зем. 1893, № 1, с. 92–3.

Наибольшее число смолокурных заводов находится в Уржумском (392), Елабужском (203) и Малмыжском (202) уездах. Во всей же Вятской губ. насчитывается всего 1712 смоло-дегтярных заводов, дающих заработок разного рода 15 500 лицам. Огромное большинство заводов очень мелкие. Так, по сведениям г. Казаченко, 39% всех заводов имеют по 1–2 аппарата, 30% – по 3–4 и 26% – по 10 аппаратов (корчаг, котлов, казанов и т. п.). В Уржумском уезде в 1876 год действовало с уплатой казенной пошлины 143 смолокурных завода с 547 казанами и котлами. Но были еще крестьянские заводы, действующие на землях собственного владения; таковых в Мазарской и Кузнецовской волостях, например, насчитывалось 30 заводов. «Очень многие смолокурные заводы (из числа 143) устраиваются товариществами из нескольких лиц, так что заводы со значительным числом печей имеют большей частью нескольких владельцев». У 45 заводов (с 316 казанами) 1-го лесничества значилось официально более 80 владельцев, у 103 заводов 2-го лесничества (231 котел) 124 владельца. В южных волостях лица (например, 5 человек), владеющие сообща заводом, «пошлину платят в складчину, сами ведут производство и везут смолу на продажу». Не имеющие своих котлов могут пользоваться чужими с уплатой 50 коп. за гонку. По сведениям г. Казаченко, артельные заводы в начале 80-х годов встречались в следующих местностях. В Уржумском уезде имелось 22 артели, состоящие из 52 лиц, владеющие 27 заводами с 135 аппаратами. В среднем, один артельный завод состоит из 5 аппаратов; но есть несколько заводов с 1–2 аппаратами, равно как и с 10; одна компания из 3 лиц имеет в Шурминской волости два завода с 21 аппаратом. В Малмыжском уезде из 105 зарегистрированных заводов с 744 аппаратами было шесть артельных с 27 аппаратами, из них 2 завода имели по 2 аппарата, 1 завод – 4 аппарата, 1 завод – 6 и 1 завод – 10 аппаратов. Одна артель нанимает рабочих для подготовительных операций: выработки осмолу, бересты и доставки дров. Приведенные данные относятся к концу 70-х и началу 80-х годов. По новейшим сведениям, «обыкновенно от 2 до 7 пайщиков сообща покупают один котел, устраивают смолокурню и обща же оплачивают в казну пошлину. На этом общие интересы пайщиков кончаются». Пользуются смолокурней по очереди¹. В Нижегородской губ. смолокурный промысел в Горбатовском уезде (137 работающих) ведется на единоличные средства кустарей. В Макарьевском уезде (700 кустарей) промысел ведется единолично, а иногда составляются артели не более как из 4 человек для покупки котла, выправки билета на право смолокурения и других расходов. Артельщики заключают в волостном правлении письменные договоры, в коих они предоставляют одному из сотоварищей «быть

¹ Романов. Н. Стат. опис. Уржумск. уезда. С. 183, 193; Тр. куст. ком. В. XII, с. 717; В. XVI, с. 4968 и 4980; Рус. лесопром. 1889, № 92; Матер. по опис. пром. Вятск. губ. В. III, с. 28, 181.

юридическим представителем во всей, предпринимаемой ими, смолокуреной операции, обязываясь поровну делить барыши и убытки. Вся выгода этой артели заключается в том, что несколько человек, соединяя свои средства, могут свободнее ставить свои условия скупщику, и только». В Нижегородском у. в Сарлейской, Арманихинской и Тарсослевской волостях в половине 80-х годов действовали 15 дегтярных заводов, из коих два артельные. В одном из них два владельца имеют по два казана, третий – один; в другом два хозяина имеют по одному казану. Постройка завода делается на общие средства, производство ведется каждым хозяином отдельно от других¹. В Казанской губ., по сведениям лесного управления, в 1886 году было 275 смолокурных заводов, в том числе в Царевококшайском уезде 144, Козьмодемьянском 90, Чебоксарском 37 и Казанском 3. Число лиц, занятых промыслом в Царевококшайском у. определяется разными исследователями в 1000–1500 человек. Устройство завода для гонки смолы и добывания угля в Царевококшайском у. стоит 100 руб., а завод для добывания также и скипидара требует затраты в 300 руб.; в Козьмодемьянском уезде заводы проще и потому дешевле. Расходы на смолокурение при одном котле следующие: плата в казну за право пользования осмолем в Царевококшайском уезде – от 38 до 63 руб., смотря по величине котла, в Козьмодемьянском уезде 28 руб. $\frac{1}{5}$ корчаги в часть пошлины вносится в декабре, а уплата $\frac{4}{5}$ отсрочивается до февраля. Расход на бочки для смолы в Царевококшайском уезде около 50 руб., в Козьмодемьянском – 8 руб. Летом, в свободное от полевых работ время, смолокуры копают в лесу смолье, которое должно успеть высохнуть для того, чтобы при «сидке» дать большее количество смолы. Гонка смолы продолжается с сентября до апреля-мая. В работе участвуют два-три человека: один подвозит дрова, осмол и бочки, а два другие работают при заводе. В Царевококшайском уезде котел обыкновенно принадлежит артели из 5–8 человек, производящих «сидку» поочередно: «в продолжение недели курит один пайщик с семейными, а иногда и наемными рабочими, следующую неделю другой и т. д., пока снова очередь не дойдет до первого». По данным другого источника, «смолокурение ведется везде на артельных началах». В Козьмодемьянском уезде, где расходы производства значительно ниже, для устройства общего завода соединяются только малосильные смолокуры, и притом только по 2–3 человека. По другому источнику, в этом уезде «в каждом заводе участвует всегда несколько семей, обыкновенно четыре». В Чебоксарском уезде смолокурный завод обыкновенно принадлежит нескольким хозяевам. В Вышневолоцком уезде Тверской губ. редко встречаются случаи, чтобы «курили деготь два хозяина в одном заводе». В Бежецком уезде в прежнее время дегтекурение, между прочим, велось в ямах так наз. круговой сидкой,

¹ Плотников. Куст. пр. Нижегород. губ. С. 110; Нижегород. сб. Т. VII, с. 311.

в которой участвовало 20–50 человек. Теперь деготь сидят кубами или котлами. В разных селениях Теблешской волости дегтекурением занимаются взрослые мужчины поодиночке или по двое-трое¹. В Трубчевском уезде Орловской губ. артель в применении к дегтекурению встречается в следующих селениях Краснослободской вол.: в д. Смелиж насчитывается 15 котлов – все артельные; в с. Красной Слободе все (20) котлы, кроме 2–3, принадлежат артелям из 3–5 человек, несмотря на то что котел (покупают обыкновенно старый) стоит 10, а то и 5 руб. (служит 2–5 лет); причина этого – бедность населения. «Котел, кирпич для печи, деревья для желобов и т. п. покупаются сообща и сообща же производятся все работы по установке котла»; на 10 хозяев д. Мальцева имеется 7 котлов, из коих 3 принадлежат двух хозяевам каждый; котел стоит 30 руб. и через 5–6 лет становится негодным. Дегтекуры д. Тербушки ходят работать верст за 25, так как вблизи нет подходящего леса; котел стоит 30 руб., владельцу леса платят от котла за лето 20 руб., за целый год 30 руб. Котлы принадлежат или отдельным хозяевам, или артелям, и в этом случае соучастники пользуются ими понедельно².

В меньших размерах, сравнительно с вышеописанными промыслами, применение артельного начала наблюдается в валяльном деле, при устройстве стиров. В Московской губ. производство валяных шляп обнимает сплошной район, состоящий из 13 селений Кленовской волости и 2 селений Дубровицкой вол. Подольского уезда. По данным конца 70-х годов, здесь существовало 70 мастерских с 480 в них работающими. Стирка шляп производится в особых помещениях, иногда устраиваемых несколькими шляпниками. Не имеющие своего стира производят операцию в чужих помещениях за плату от 50 коп. до 1 руб. в месяц. В валяльном районе Александровского уезда (Константиновская и Нушпольская волости) Владимирской губернии насчитывается 43 промышленных единицы, имеющие от 1 до 12 рабочих и сбывающие изделий на местных базарах и в Сергиевском Посаде. Стирня со всеми приспособлениями стоит около 50–60 руб., и она часто устраивается на общий счет нескольких хозяев. Так, из 13 стирен в деревнях Козловой и Чернецкой (на них приходится 31 заведение района) 6 находятся во владении каждая одного двора, 5 стирен во владении каждая 2 хозяев, одна стирня во владении 5 и одна – во владении 6 хозяев. Общая стирня или с самого начала устраивается на счет нескольких участников, или один хозяин, имеющий стирню, «впускает» к себе других за взнос соответствующей доли суммы, затраченной на ее устройство. Общая стирня отопляется членами артели поочередно. Ремонт ее

¹ Матер. для исслед. пром. Казанск. губ. С. 58–74; Матер. для оц. зем. Казанск. губ. В. X, с. 86; Id., в. VII, с. 689; Сб. стат. свед. по Тверск. губ. Т. III, с. 17; Id., т. VI, в. I, с. 168–174; Сб. матер. для стат. Тверск. губ. В. III; Хозяйство в лесопром. волостях. С. 17–21.

² Сб. ст. свед. по Орловской губ. Т. III, прибавл. к таблицам, с. 189, 193–5, 205, 184.

производится на общий счет. В Переяславском у. валяльное производство возникло в течение 70-х годов, а в начале 80-х годов в с. Ивановском и деревнях Рушиковой, Погост и Лихарево было 11 промышленных единиц с 23 работниками, в том числе 7 наемными. 4 хозяина-валяльщика работают в избе, 4 – имеют по одному стирю, и 3 хозяина владеют одним стиром, отапливаемым понедельно. В Юрьевецком уезде Костромской губернии в Подмонастырской волости 133 семьи занимаются суконным промыслом, все операции которого, за исключением топтки (от слова «топтать»), производятся в жилой избе; топтка же (стирание) – в банях или отдельных избушках. Эта операция заключается в том, что вытканное сукно топчут (стирают) ногами, поливая его горячей водой, в жарко натопленном «помещении, причем несколько хозяев собираются в одном таком помещении, отапливая его сообща»¹. В Нижегородской губ. валяльный промысел распространен в нескольких местностях. В северной части Горбатовского уезда промыслом занято около 600 человек, составляющих 570 промышленных единиц, в том числе 370 работают на хозяина в своем доме, 150 – на вольную продажу. Отдельные мастерские для промысла строятся только в с. Богородском, где промыслом занято 50 человек, и все они имеют по одному хозяину. В Нижегородском уезде валяльщиков 38, составляющих 15 промышленных единиц. В Арзамасском уезде, по данным от конца 70-х годов, валяльным промыслом занималось в западной части (около с. Красного) 935 человек, образующих 250 промышленных единиц, и в восточной части 100 человек. В первом районе промысел имеет полукрупную, капиталистическую организацию, во втором – самостоятельную форму, причем изделия сбываются по окрестным базарам. Мастерская для работы здесь устраивается или каждым кустарем отдельно, или артелью из 4–5 мастеров. Самый крупный валяльный район в губернии – Семеновско-Балахнинский. В Семеновском уезде промыслом занято около 4790 человек, членов 3180 дворов (в Балахнинском уезде ок. 400 человек). Из этого числа на вольную продажу работают 16–18%, остальные работают на хозяев из своего или хозяйского материала или состоят работниками в чужих мастерских (17%); 62% всех промышленников работают в своих мастерских из хозяйского материала. Многие кустари производят или только катание, или только стирание изделия. Катание, требующее большего искусства, нежели стирание, производится в «работке», стоящей не менее 30 руб.; в большинстве случаев оно составляет специальность мастерских с наемными рабочими. Стиркой занята более бедная часть хозяев; они работают в стирнях, устройство которых обходится в 10–15 руб. «Иногда стирню ставят в компании 2–4 человек, дрова и свет приносят поочередно, но работают каждый за

¹ Сб. ст. св. по Моск. губ. Т. VI, в. I, с. 185–6; Пр. Влад. губ. В. II, с. 278–83; Id., в. V, с. 310–13; Тр. куст. ком. В. XII, с. 4481.

свой счет. Иногда же хозяин стирни допускает к ее пользованию 2–4 человека с поочередной ноской дров под котел, так как для одного человека и для нескольких нужен один расход на топливо»¹.

Как сказано выше, совместное пользование мастерской и другими сравнительно дорогостоящими приспособлениями распространено в отраслях промышленности, занимающих большое число рук, и здесь оно играет важную роль, позволяя массе кустарей заниматься промыслом в качестве самостоятельных хозяев. Сказанным, однако, не исключается возможность применения артельного начала и в других отраслях промышленности, не имеющих широкого распространения и требующих как большей затраты средств производителя, так и большей технической с его стороны ловкости. К числу таких промыслов принадлежат, например, камушный (производство мелких изделий из стекла), существующий в 8 селениях Дмитровского уезда Московской губ. Работа производится здесь в особой мастерской, необходимую принадлежность которой составляет горн для плавки стекла. Мастерская весьма часто принадлежит нескольким домохозяевам, а имеющие таковую в единоличном владении допускают в нее для работы других камушников. На 95 кустарей-домохозяев приходится 25 мастерских, в том числе в единоличном владении находится 10 мастерских, остальные принадлежат компаниям из 2–8 совладельцев. Из 10 единоличных владельцев мастерской – 5 допускают в нее посторонних рабочих (в 2 случаях бесплатно). «В большинстве случаев каждый камушник имеет особый горн, но в некоторых селениях принято за одним горном одновременно работать двум мастерам (находящимся в родственных отношениях). Мех у горна остается один, как в том случае, когда работает один мастер. Раздувание меха производится рабочими попеременно: до обеда один, после обеда – другой». От такой совместной работы сокращается расход на уголь. Работа вдвоем за одним горном встречается в 6 мастерских: в двух из них работает по 6 человек, в трех – по 8. Изделия камушниками готовятся по заказу заводчиков, доставляющих кустарям цветное стекло. При выделке пуговиц из копыт и бараньих рогов, распространенной в нескольких селениях Богородского уезда Московской губ., распаривание и разрезывание материала бедными кустарями производится в жилой избе, а зажиточными – в особом помещении, называемом кузницей. В д. Челоховой такая кузница принадлежит трем кустарям. «Строили они ее вместе: один покупал кирпичи для горна, другой – дерево, а третий платил за работу». Пользуются мастерской совладельцы или по очереди, или кому когда придется². В деле обработки

¹ Тр. ком. по исслед. куст. пром. в России. В. VI, с. 546; Мастер. оценки земель Нижегород. губ., экономическая часть. В. XI, с. 212–214; *Плотников*. Кустарн. пром. Нижегород. губ. С. 241–9.

² Сб. ст. св. по Москов. губ. Т. VI, в. II, с. 107, 121, 131; *Id.*, т. VII, в. I, ч. II, с. 146.

металла артельное пользование мастерской встречается, между прочим, в следующих случаях. Мастерские с. Каменный завод Камышловского уезда Пермской губ., после уничтожения обязательного труда и последовавшего затем сокращения работ на заводе, начали заниматься различными кустарными промыслами, в том числе кузнечным производством предметов спроса крестьянского рынка и исполнением мелких заказов местных жителей. Кузнечным промыслом занято 45 семей в числе 85 человек, между ними 4 наемных рабочих. Большая часть кузнецов работает круглый год. Кузницы расположены в четырех «порядках» отдельными корпусами, в каждом от 1 до 7 горнов. Всех горнов 53. Некоторые семьи имеют по два горна, но есть и случаи владения двумя семьями одним горном. «Такое расположение кузниц создает характерный порядок самых работ, они одновременно несколькими семьями производятся как бы в одной мастерской. На общие средства кузнецов нанимается караульный». В Пышминском заводе Екатеринбургского уезда (выделка дверных дужек, ухватов, подков и т. п. и, в небольших размерах, гвоздей) в одной кузнице обыкновенно работают несколько самостоятельных кустарей, каждый у отдельного горна. На 21 хозяина-кустаря имеется 8 кузниц. Из числа работающих 40 принадлежат к членам семей хозяев и 7 наемных. В Тульском уезде, в д. Нижние Присады, 55 домохозяев в числе 79 человек при помощи 12 наемных поденных рабочих и 28 учеников занимаются наводильно-самоварным промыслом, заключающимся в ковке и формовке самовара. Работают по заказу тульских фабрикантов, которые придают их изделиям окончательный вид (лудят, точат и собирают). Кузница, необходимая для работы, возведение которой стоит 50–60 руб., устраивается кустарями единолично или вдвоем. В последнем случае она имеет два горна и двое мехов, иногда же оба кустаря работают при одном горне. Всех кузниц в деревне 38: 21 находится в единоличном владении кустарей, в 17 работают по два наводильщика. В Чулковской слободе г. Тулы 18 семей занимаются ковкой ключей, в том числе 2 семьи ручным способом. Эти два кустаря работают в одной кузнице, за что владелец последней получает с товарища (за пользование кузницей и инструментом) 50 коп. в неделю. Уголь они покупают сообща, равно и нанимают поденщицу для работы мехом. В Нерехотском уезде Костромской губернии, в д. Якшны Березниковской вол. Одна кузница принадлежит трем кузнецам, выделяющим топоры. Союз 2–3 лиц для аренды кузницы бывает иногда в с. Лыскове Макарьевского уезда, где существует 23 кузнечных заведения с 60 работающими для выделки топоров, подков, сошников и т. п. «Условия таких компаньонов разнообразны, инструмент общий; расход и приход по равным частям». Кузнецы Бурмакинской вол. Ярославского уезда (выделка принадлежностей конской сбруи), имеющие кузницу о двух

горнах, один горн отдают внаймы. В Ернуарской волости Яранского уезда Вятской губернии есть кузница, принадлежащая целой деревне¹.

ГЛАВА III

Борьба за передел и условия, так или иначе влияющие на процесс его приготовления

На предыдущих страницах мы имели дело с данными, касающимися соединения кустарей не для процесса производства, а для других целей, связанных с ведением промысла. Теперь надлежит перейти к группировке сведений относительно артельной организации в мелком промысле труда.

Промыслы крестьянского населения принадлежат, главным образом, к числу тех, которые не требуют совместного труда многих рабочих и вполне доступны ограниченным силам семейной мастерской. Поэтому соединение нескольких самостоятельных кустарей в одну производительную единицу, хотя весьма часто и представляло бы выгоды большей успешности труда, не вызывается настоятельно условиями конкуренции, что доказывается отсутствием в большинстве промыслов более или менее крупных мастерских с наемными рабочими. Есть, однако, отрасли промышленности, где совместная работа многих лиц составляет весьма существенное или даже необходимое условие правильного хода дела, потому ли что здесь требуется преодоление сопротивления, недоступного силам отдельных рабочих, или потому что при небольшом числе участников работа не могла бы быть закончена в требуемое время. Сюда принадлежат, между прочим, строительные предприятия и добывающая промышленность. В названных отраслях труда работа одиночками почти совершенно исчезла; но из этого не следует, что они сделались исключительным достоянием капитала: наряду с капиталистической организацией здесь наблюдается и артельное ведение дела.

Потребность в соединении живо чувствуется также в случаях занятиях на стороне хотя бы таким промыслом, который вполне доступен силам семейной ассоциации. Это потому, что, во-первых, уход на сторону обыкновенно возможен только для одного члена семьи, вследствие чего кустарь в отходе лишается помощи своих домашних; во-вторых, для удовлетворения потребности той местности, куда отправляется промышленник, нужен не один работающий, а несколько, и если эти несколько лиц придут туда

¹ Екатеринбургская неделя. 1889, № 17; Куст. пром. Перм. губ. на Сиб-Ур. выст. В. I, с. 14; Пром. Екатеринбург. уезда. С. 77 и XL; Тр. ком. по иссл. куст. пром. в России. В. VII, с. 897–8; Id., с. 1017–8; Id., в. XIII, с. 401; Нижегород. сб. Т. X, с. 253–6; Отч. и иссл. по куст. пром. в России. Т. I, с. 273; Тр. куст. ком. В. XVI, с. 5031.

независимо один от другого, между ними может возникнуть вредное для всех их соперничество; в-третьих, уход в чужую сторону связан со многими неприятными случайностями и затруднениями, преодоление которых легче достигается артелью, нежели одиночкой. По высказанным причинам в отхожих промыслах пользуется большим распространением соединение нескольких работающих, достигаемое или наймом их предпринимателем, или соглашением самостоятельных промышленников. Помимо перечисленных случаев, где соединение нескольких самостоятельных кустарей в одну производительную единицу вызывается или невозможностью ведения дела силами отдельных семей, или обстоятельствами работы на стороне, применение артельного труда встречается иногда в промыслах, в которых господствующим типом организации является семейная мастерская.

Рассмотрение данных относительно производительных артелей начнем с добывающей промышленности.

Отрасль добывающей промышленности, заключающаяся в выемке камня, не подчинена крупной капиталистической организации с применением сложных механических приспособлений, паровых двигателей и т. п. в той степени, в какой это имеет место в других отделах этой промышленности – каменноугольном, рудном и т. п. Причина указанного явления лежит в том обстоятельстве, что, за исключением немногих местностей России, залежи камня не представляются настолько обширными и трудно разрабатываемыми, чтобы для его извлечения стоило или нужно было делать большие затраты на механические приспособления. С другой стороны, по малоценности простого камня и его тяжеловесности сбыт его на отдаленные рынки невозможен, и потому выломка камня в крупных размерах во многих местностях его залегания невыгодна или даже невозможна. Сказанным объясняется, почему капиталистические предприятия по выломке, по крайней мере, простого камня в местностях, о которых идет речь в наших материалах, обнимают, самое большее, несколько десятков рабочих и ведутся без применения сколько-нибудь сложных приспособлений. При таких обстоятельствах производительность объединенного капиталом труда не достигает такой высоты, чтобы с ним не могли соперничать предприятия более мелкие; иначе говоря, технические условия производства не препятствуют тому, чтобы выломка камня велась кустарным путем.

Экономическая обстановка промысла тоже благоприятствует сохранению мелкой формы производства. Во-первых, самый предмет обработки – залежи камня – находится на месте, часто в наделе, крестьянского общества, между тем как сырой материал в массе других промыслов должен быть привозим издалека, вследствие чего производители на первых же шагах становятся в зависимость от капиталистов-посредников; во-вторых, расход на при-

обретение права разрабатывать каменные ломки обыкновенно значительно меньше, нежели расход на материал для производства в большей части кустарных промыслов, и делается этот расход сплошь и рядом не перед началом разработки, а после нее, взимаясь по количеству добываемого продукта; в-третьих, инструменты для добывания стоят не так дорого, чтобы их приобретение было доступно только богатому человеку; в-четвертых, сбыт извлеченного из земли материала производится в ближайшей окружности и во всяком случае обыкновенно не в очень отдаленных районах, вследствие чего и в заключительной фазе промысла участие капиталиста-посредника не представляется необходимым; в-пятых, размеры общей продукции во многих районах производства не настолько значительны, чтобы служить приманкой для крупного капитала и побудить его к попытке вырвать промысел из рук мелкого производителя.

Итак, по техническим и экономическим условиям производства каменоломный промысел во многих областях России легко может вестись мелкими самостоятельными производителями. Из сказанного, однако, не следует, что в этом отношении рассматриваемый промысел имеет полное сходство с большей частью кустарных промыслов, где один-два взрослых мужчины в совокупности с младшими членами семьи составляют естественную производительную единицу. Выломка камня доступна небольшим силам обыкновенной крестьянской семьи лишь в тех случаях, когда камень не очень тверд, залегает неглубоко и может быть извлекаем небольшими, т. е. не очень тяжелыми, кусками. Перечисленные условия встречаются далеко не всегда, и по мере выломки камня на поверхности земли и необходимости искать его более глубоко эти условия понемногу исчезают и в тех местностях, где они существовали в первые годы введения каменоломного промысла. По высказанной причине, в большинстве случаев условия разработки залежей камня, не выводя промысла из сферы мелкого производства, тем не менее делают его мало доступным силам обыкновенной крестьянской семьи, требуя сотрудничества нескольких взрослых мужчин. Осуществление этого сотрудничества может быть достигнуто капиталистическим и артельным путем. В большей части кустарных промыслов при подобных условиях образуются мелкие капиталистические предприятия. В каменоломном же деле требуемое условиями производства объединение трудящихся часто достигается образованием добровольных и самостоятельных артелей, а не путем принудительного соединения рабочих наймом их одним хозяином, или наряду с такой организацией. Условия, способствующие образованию каменоломных артелей, те же самые, которые обеспечивают промысел от захвата крупным капиталом. Легкая доступность для крестьянина предмета труда, сравнительная дешевизна орудий, делающая возможной их приобретение на соединенные средства нескольких домо-

хозяев, сравнительная легкость сбыта готового продукта, наконец, простота работы, не требующей предварительного обучения, и возможность комбинировать занятие промыслом и сельским хозяйством – вот условия, способствующие тому, что это дело доступно почти всякому жителю данной местности, а из сотни лиц могут найтись десятки, удовлетворяющие условиям образования самостоятельной производительной артели.

Итак, каменоломный промысел даже в мелкой его форме чаще ведется кооперативным путем, нежели единоличным, и в местностях, подлежащих нашему рассмотрению, находящихся в районе, где преобладает выработка простых пород камня (известняк, плитняк и т. п.), добровольная кооперация самостоятельных производителей в общем, вероятно, даже преобладает над принудительным соединением наемных рабочих под властью одного предпринимателя. Артельная выломка камня имела бы еще большее распространение, если бы общества крестьян, из нужды в деньгах, не стремились к тому, чтобы сдать принадлежащие им каменоломни в аренду, – обстоятельство, открывающее возможность денежным людям вести дело при помощи наемного труда. Так, общество с. Берюк Путивльского у. сдает свою прекрасную брусяную гору в аренду за 1155 руб. в год, и разработка ее производится наемным трудом; в обществе с. Сурково Лебедянского у. эксплуатация каменоломни артелями началась после того, как арендаторы перестали давать за нее выгодную плату и т. д. В с. Мячкове Бронницкого уезда Московской губ., напротив того, артельная добыча камня и выжигание извести прекратились после того, как каменоломни, бывшие раньше в аренде у крестьян, сданы удельным ведомством нескольким лицам, применяющим к их разработке наемный труд¹.

Впрочем, даже каменоломни, находящиеся в распоряжении капиталистов, иногда сдаются для разработки артелям местных крестьян. Сказанное относится, например, к залежам так называемого жайского алебастра в Муромском уезде Нижегородской губ., сосредоточенным в руках одного лица. Равным образом месторождения фарфоровой глины на земле казенных крестьян и казаков Полошковского общества Глуховского уезда Черниговской губ., арендуемых предпринимателями, разрабатываются артелями до 10 человек (общее число работающих 400–600 человек), составляющими дневную и ночную смены и работающими под руководством атамана за плату 7–15 коп. с пуда добытой глины, причем средства производства получают от арендаторов (по другому источнику, нужный материал приобретает артелями за свой счет)²; добыча ведется шахтами, укрепленными срубами и подставками и т. д. К сожалению, материалы по данному предмету весь-

¹ Матер. для изуч. куст. пром. в России. С. 321.

² Горнозаводский листок. 1889, № 22. *Азанчеев*. Каменоломни и разработка полезных ископаемых в России. С. 225, 228.

ма часто не дают определенного понятия о форме производства, и потому дать точный ответ на вопрос о сравнительном распространении предпринимательской и артельной формы добывания простого камня, глины и т. п. не представляется возможным. В Херсонской губернии ломка твердого камня, гранита производится, по-видимому, исключительно предпринимательским путем; ломка же известняка – предпринимателями, семьями и артелями, причем последняя форма, по-видимому, уступает двум первым. В Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, по сведениям от начала 80-х годов, существующая в незначительных размерах выломка известняка для завода Юза и для надобностей железных дорог производится предпринимательским путем; то же самое относится и к ломке алебастровых залежей, разрабатываемых тремя заводами (имевшими в сумме 37 рабочих). Но, кроме указанных отраслей каменоломного промысла, в уезде существует еще промысел по выломке камня для плиты и для выделки из него катков, брусков, точил и т. п., которым постоянно (в свободное от земледельческих работ время) занимается до 600 человек, из коих больше двух третей ведут дело, соединяясь в артели. В Бугульминском уезде Самарской губ. выломка алебаstra, известняка, строительного и кирпичного камня, занимающая силы около 70 дворов, по-видимому, ведется исключительно артелями. В Курской губернии, Путивльском уезде, разработка камня (в середине 80-х годов работало около 80 человек) производится предпринимателями, в Фатежском уезде 20 рабочих добывают камень в качестве наемных рабочих, а 28 – артельным путем. В Кромском уезде Орловской губ. выломка камня (150–200 работающих) ведется артелями, причем в числе работников в артели иногда встречаются и наемные рабочие некоторых ее членов. В Уржумском уезде Вятской губ. артельная организация применяется при добыче алебаstra, извести, бутового и, вероятно, жернового камня. В Орловском уезде артелями добывается жерновой камень и известь. Артельная выломка точильного и жернового камня, по-видимому, преобладает и в Яранском уезде той же губернии. Артельная организация каменных ломок господствует в Верхотурском (70 человек работающих) и Кунгурском (60 промышленников) уездах Пермской губернии и т. д.

Добываемый крестьянами камень в различных местностях, а иногда и в одной и той же, лежит не на одинаковой глубине и вследствие этого требует неодинаковых приемов для его извлечения. Иногда достаточно бывает сбросить несколько пластов земли, чтобы дойти до камня; в других же случаях приходится рыть глубокие ямы, устраивать подземные галереи и т. п. Чем дальше ведется промысел, тем больше приходится углубляться за камнем в недра земли, тем труднее и извлечь его на поверхность. Галереи, ведущие к залежам камня, достигают иногда десятков саженей длины, а в старых каме-

ноломнях Курского уезда, например, есть галереи длиной 150 саж. и более. Сообразно трудности достижения залежей камня, а также в зависимости от твердости последнего при работе требуется более или менее богатый набор инструментов. В простых случаях достаточно иметь лом, топор и пилу; в других, кроме названных орудий, требуется молоток для вколачивания в расщелины камня железных клиньев; в-третьих – простого молотка недостаточно для разлома твердого камня, и для этого приходится прибегать к более тяжелой бабе и молотку весом до 10 пудов. При глубоком залегании выламываемого материала для выноса камня нужно иметь носилки или прибегать для его извлечения к вороту. Наконец, постоянная порча при работе инструментов требует постоянной же их починки, для чего устраивается передвижная кузница (мех и горн), находящаяся в действии во время производства выломки. Некоторые из перечисленных орудий должен иметь каждый рабочий, входящий в организацию; другие имеются в одном-двух экземплярах на артель. От тех или других условий разработки залежей камня зависят и расходы, какие нужно сделать при этом промысле, а также и размер производительной единицы. Чем больше лиц соединятся для работы, тем менее расход, падающий на каждого. А так как наши крестьяне обыкновенно не имеют свободных средств, то следует предполагать, что помимо технических условий работы, зависящих от положения и свойств камня, размер самостоятельных артелей определяется также и стремлением промышленников к экономии, т. е. что многие артели состояются из большего числа лиц, чем это необходимо по техническим условиям производства. Сплошь и рядом расход на орудия труда для артели в 10 человек превышает 100 руб., а кроме расхода на орудия, иногда приходится внести вперед плату за право разработки камня, достигающую нескольких десятков рублей, иметь средства для приобретения некоторых продуктов (пшено, гречиха и т. п.) для общего котла в случаях, когда разработка ведется далеко от селения, не говоря о затрате труда и материала для устройства возле шахты землянок для помещения работающих. Размер расходов, связанных с каменоломным промыслом, влияет не только на величину устраиваемой артели, но в известной степени и на разряд хозяев, входящих в состав последней. Так, например, в с. Троицком Фатежского уезда, где – благодаря тому обстоятельству, что сбыт камня производится наезжим скупщиком через большие промежутки времени, – для занятия промыслом в качестве члена самостоятельной артели нужно иметь свободные средства в размере нескольких десятков рублей, что доступно только зажиточным хозяевам. Сказанным объясняется факт существования в этом селе, наряду с артельным, наемного каменоломного промысла, участники которого рекрутируются из бедной части населения. Преимущественно зажиточные домохозяева соединяются в каменоломные артели и в

Александрийском уезде Херсонской губернии. В Щербановской же волости Елизаветградского уезда артели составляют главным образом из средних и бедных домохозяев; а в с. Луганском Бахмутского уезда Екатеринославской губ. бедный элемент в артелях, по-видимому, преобладает над средним; следует, однако, иметь в виду ту зависимость от скупщиков, в какой находится большая часть здешних артелей, составляемых из лиц, находящихся в вечном долгу у богатых крестьян, занимающихся скупкой каменных изделий; собственно, на деньги этих скупщиков и ведется бедняками работа.

Численный состав каменоломных артелей весьма разнообразен, что зависит отчасти от рода добываемого материала. Наименьший размер артели имеют в Тираспольском и Александрийском уездах, где они составляются для добычи довольно мягкого (в Тираспольском уезде пиленого) известняка, в Новоторжском и Гдовском уездах, где известняк извлекается для переработки в известь, и в Яранском уезде, где добывается алебастр, бутовой и жерновой камень. Артели здесь составляются из 2–4, много 5 участников. Таким образом, нормальным типом артели, образующейся для выжигания извести, следует считать артель, имеющую не более 4–5 человек; в Славяносербском же уезде Екатеринославской губ. известеобжигающие артели составляются из 3–10 участников. В Бугульминском и Саратовском уездах артели для выломки строительного или жернового камня составляются из 5–7 человек. В с. Туганском Бахмутского уезда для добычи красного камня плитами не тяжелее $1\frac{1}{2}$ пуда соединяются 2–3 лица, для выломки же плит серого камня весом от $1\frac{1}{2}$ до 8 пудов складываются 6–8 человек. В Фатежском уезде жерновой камень добывается артелями в 4–8 человек, в Курском уезде строительный камень – артелями в 4–18 участников, а в Кромском уезде мел добывается артелями в 4 человека, жерновой камень – артелями от 6 до 20 человек. Из 11 артелей последнего уезда, о которых имеются точные сведения, 5 артелей состоят из 12 участников каждая, две – из 11; артели же в 7, 10, 13 и 20 человек – имеют по одному представителю.

Организация каменоломной артели отличается большой простотой: в ней не наблюдается никаких подразделений, нет обыкновенно и выбранного старосты. Единственное прочное разделение по занятиям встречается в тех случаях, когда артель работает далеко от дома и имеет общий котел; при таких условиях один артельщик исполняет обязанность кашевара. Работа по выломке камня в некоторых местностях производится летом (в свободное от земледелия время), в других – зимой. Работа по добыче камня очень тяжела и часто сопряжена с немалыми опасностями. По самому свойству работы здесь требуется большое физическое напряжение, а оперировать весьма часто приходится в очень ограниченном пространстве шахты. Подземные галереи строятся без соблюдения надлежащей предосторожности, и потому работа

в них небезопасна. Впрочем, в этом отношении наблюдается большое разнообразие по отдельным районам. В Курском уезде, например, «работа как по трудности, так в виду опасностей, с которыми она сопряжена, в полном смысле каторжная; только нужда да привычка заставляет крестьянина браться за такое дело. Насколько опасна работа в каменоломках, видно из того, что в д. Сапоговой, где промысел этот развит мало, за последние 50 лет убито обвалами 3 человека, и большое число лиц, более или менее сильно, искалечено; иной год засыпает человек 5; один крестьянин, лет 50, был засыпаем камнями и мелом 4 раза. Два других домохозяина той же деревни рассказывают, что, взявшись за разработку камня на своей земле, они были провожаемы на работу рыданиями семейств; и действительно, благодаря неопытности оба они вскоре были засыпаны обвалами и только по счастливой случайности открыты соседями, сбежавшими на крик людей, видевших это несчастье; отделавшись более или менее тяжелыми ушибами, они совсем бросили эту работу. В деревнях, где промысел существует издавна, народ опытный, и такие случаи бывают реже; однако редкий год проходит без несчастья». Для избежания опасности от обвалов иногда при работе подрыва каменного пласта в Курском уезде в боковых стенках галереи устраиваются небольшие ниши, куда по сигналу одного из рабочих прячутся в момент обвала. «Этот момент настолько опасен, что, по словам крестьян, команда “Прятаться!” выкрикивается страшным голосом»¹. В Яранском уезде, напротив того, дело идет довольно благополучно, хотя работа не теряет от этого своего «каторжного» характера. Некоторые «деловья» (углубления в земле в виде подземной галереи) разрабатываются с давних пор и потому уходят далеко в глубь земли. «При обзоре этих длинных подземелий с нависшими со всех сторон и, кажется, едва держащимися огромными глыбами камней невольно испытываешь тяжело чувство, смешанное со страхом, – говорит г. Козаченко. – Так и кажется, что вот-вот эта огромная глыба, висящая над головой, рухнет. Но рабочие спокойно расхаживают среди этих страшилищ, не обращая на них ровно никакого внимания, по-видимому вполне уверенные в их благонадежности, и действительно, несмотря на то, что дело ведется очень простым способом и мало что подпирается, несчастные случаи бывают очень редко. Рабочие помнят только один случай, когда одного зашибло до смерти и несколько человек контузило. Но если дело идет так счастливо, то конечно, потому что выработка производится только зимой, обыкновенно с половины октября, когда земля достаточно застынет и окрепнет, а оканчивается в последних числах марта. В более теплое время, в особенности весной, частые и большие обвалы не дают никакой возможности производить работу». Работа добычи камня «очень нелегкая, можно сказать, каторжная, требует огромного мускульного

¹ Сб. ст. св. по Кур. губ. Т. I, с. 24–5.

напряжения. Только особая врожденная привычка, да стакан или два водки при работе делают труд более или менее сносным. С самого раннего утра до поздней ночи, при свете разложенного огня из тонких и коротких смолистых полениц (несмолевые горят плохо по причине недостаточного притока воздуха) работают эти труженики, почти без отдыха, часто в одних рубашках, изгибаясь во всевозможных направлениях, то выбирая хайлом мелкий щебень, лежащий выше или по бокам опочного камня, то отворачивая ломом большие глыбы, то забивая 30-фунтовым молотом железные клинья между плитами, чтобы отделить их одну от другой, то наваливая на сани мусор и самую опоку и вывозя вон из деловья. Не удивительно, что со стороны редко находятся охотники на этот каторжный труд. Жерновогоряне (крестьяне с. Жерновые Горы, занимающиеся этим промыслом) пробовали нанимать для добывания опоки крестьян из других местностей, но большей частью нанявшиеся, проработав несколько дней, отказывались от работы, несмотря ни на какую плату¹. Разработка каменоломни в некоторых случаях ведется путем устройства подземных галерей; в других местностях для достижения залежи камня достаточно выкопать более или менее глубокие ямы. Раздробление залегающего камня на куски, допускающие извлечение их наружу, обыкновенно производится ручными инструментами, но иногда кустари прибегают к пороху. Примером разработки каменоломни при помощи шахт или галерей может служить промысел добычи алебаstra в Перемиловских горах по береговым откосам Оки в Муромском уезде Владимирской губернии. Добывание так называемого жайского алебаstra, залегающего слоем в 2–3 четверти толщины, по данным начала 70-х годов, производится следующим образом. «Осенью, по окончании полевых работ, крестьяне общими силами роют со стороны реки в глубь горы горизонтальную пещеру шириной в два аршина и вышиной в 5 четвертей, на высоте залегания алебастрового пласта. Дойдя до пласта на расстояние не далее 30 саж., они разделяют пещеру на две ветви по направлению пласта и продолжают рыть сажень на 100 и более в каждую сторону. Для поддержания свода пещеры на каждой сажени ставятся деревянные столбики, а для очищения воздуха на каждых 100 (?) саж. пробурываются вверх трубы, выкладываемые досками; длина этих труб – от 15 до 20 саж. По окончании этой подготовительной работы и по разделении последующей работы на паи по числу работников, крестьяне партиями в 5–10 человек приступают к ломке самого алебаstra. Производство работ довольно затруднительно; работники сначала подкапываются под слой алебаstra, лежа на боку, на пространстве одной квадратной сажени, а потом железными ломками подламывают алебастр снизу и в полулежачем положении колют его в куски от 2 до 5 пуд. Эти куски они вытаскивают на себе из пещеры ползком».

¹ Тр. куст. ком. В. XVI, отд. II, с. 5090–1.

По другому описанию, относящемуся к 80-м годам, подкапываясь под слой алебаstra, рабочие для предупреждения обвалов ставят подставки, которые, подкопав весь слой, выбивают, начиная с дальних и постепенно переходя к ближним. Обвалившуюся после этого массу разбивают на небольшие куски, прибегая, если нужно, к помощи пороха собственного приготовления. Земля и глина вывозятся из галереи на кобылках (род санок) подростками начиная с 13 лет. В некоторых пещерах до полного истощения слоя, имеющего 2–3 четверти толщины и 500–600 саж. ширины, работа продолжается лет 10. В прочих копиях, где слои алебаstra имеют толщину от 4 до 6 вершков, галерею делают вышиной в рост человека, ломка производится сверху слоя, и вывозится алебастр на лошади. Работа здесь легче, но бывают частые обвалы. Добыча одного работника в среднем, по данным 70-х годов, 500–700 пуд. в зиму, по данным 80-х годов, 800–2000 пуд.¹

Для ознакомления с процедурой работ при откалывании камня может служить нижеследующее описание техники промысла в Кромском уезде Орловской губ. Ранней весной составляются артели для приобретения права на розыски и добычу камня. Деньги за право добычи уплачиваются владельцу каменоломни или помесечно, или сразу. Работа ведется в период от Пасхи до Петра и Павла (29 июня) и от Успения (6 августа) до первого снега. «Члены артели вооружаются длинными, в палец толщины, железными прутьями и зондируют ими почву, покуда прут не ударится о камень, лежащий на глубине 2–3 арш. и более. По звуку, издаваемому камнем при соприкосновении с прутом, кустари узнают не только его доброкачественность, но, приблизительно, и величину. Без этого удивительного искусства, вырабатываемого продолжительным навыком, трудно браться за дело, так как можно прокопаться весь год и не найти ни одного годного к употреблению камня, что и случается с неопытными промышленниками. Когда качество и величина камня удовлетворяют необходимым условиям, тогда начинается его откапывание. Эта работа занимает, смотря по обстоятельствам, от 1/2 до 1 месяца, и если была ошибка в определении сорта камня, то труд пропадает даром. Иной раз, прежде чем кустарь дороеется до настоящего камня, ему приходится разворачивать громадные слои камня негодного, причем нередко яма заполняется водой, которую, за отсутствием технических приспособлений, выливают ведрами, продолжая работать в воде». Докопавшись, наконец, до камня, приступают к его извлечению – процедура, представляющая значительные трудности ввиду тяжести камня, вес которого достигает иногда 5000 пуд. В камне с помощью железного клина, именующегося балдой, пробиваются гнезда, в них вставляются железные клинья, которые затем вколачиваются молотом

¹ Матер. для изуч. куст. пром. в России. С. 274–5; Сазонов. Ростовщичество – кулачество. С. 71–2. Горный журнал. 1888, № 1.

до тех пор, пока камень не разделится на части, удобные для извлечения. Эти части «отворачиваются» шиной (железный лом длиной в сажень), поддеваются канатом и поднимаются на поверхность земли воротом, приводимым в движение силой лошади или членов артели. Вынутые камни тотчас же грубо обделяются балдой и раскладываются по «сортам». Когда «выработаются» все шахты, производится раздел добытого материала между товарищами¹. В следующем случае, относящемся к разработке каменоломни на земле крестьян с. Сурков Лебедянского уезда Тамбовской губернии, раскалывание каменного слоя производится при помощи пороха. Расчистив весной скалу, артельщики приступают к сверлению буровых скважин. В буровые отверстия в 3 арш. глубины и 1 вершок в диаметре вкладывались пороховые патроны. Откалываемые таким способом глыбы объемом в 8–10 жерновов вытаскивались по наклонной плоскости в 20 саж. длины по бревенчатым лежням при помощи трех воротов, установленных вертикально и вращаемых лошадьми. Вынутые глыбы разбиваются на куски в 12–14 вершков толщины и 2 арш. в длину и ширину кирками, балдами и долотами, стальные концы которых постоянно подправлялись в кузнице. Мусор из ямы раньше выносился рабочими, впоследствии же его стали вывозить на лошадях по винтообразно устроенному съезду. Взрывание камня производилось при помощи пороха собственного приготовления. Крестьяне жаловались на свое неумение разбивать камень так, чтобы получалось меньше осколков; отсутствие дешевого кредита помешало артели приобрести металлический канат и хороший бур².

Выломка камня или составляет самостоятельную отрасль промышленности данного контингента лиц, и добытый камень, иногда после легкой обработки, прямо идет в продажу, или она образует первую фазу производства, и извлеченный из недр земли материал, прежде выноса на рынок, подвергается большей или меньшей переделке. Когда камень в качестве материала для какого-либо производства ломается артелью, участие последней или ограничивается названной операцией, и обработка добытого материала производится каждым кустарем отдельно, или продолжается дальше вплоть до выпуска готового изделия в продажу. Из числа местностей, о которых идет речь в наших материалах, добывание камня составляет самостоятельную цель промысла в Херсонской губ., Яранском, Орловском (Вятской губ.), Кунгурском, Псковском, Муромском (алебастр), Судогодском (глина), Курском уездах, в части Кромского (где добывается мел) и Уржумского (при добыче алебаstra и бутового камня) уу. Во всех этих случаях добытый артелью камень продается, и лица, составлявшие артель, не участвуют (по крайней мере в качестве самостоятельных производителей) в дальнейшей его обработке. В другом ряде

¹ Сб. ст. св. по Орлов. губ. Т. IV, в. II, с. 46–8.

² Ремесленная газета. 1893. № 6.

местностей участие кустарей в производстве не ограничивается выломкой камня; но дальнейшая работа над добытым материалом может производиться не артелью, а единолично, так что артельная организация с выемкой камня прекращается. Сказанное относится, например, к 61 каменоломной артели с 196 участниками в Скотоватовской вол. Бахмутского у. (добытый артелью камень обделывается в плиты и катки единолично), к артелям Фатежского у. (добывающим жерновой камень), Корочанского (пережигание и толчение добытой артелью охры производится каждым единолично), Кромского (производство жерновов), Ковровского уезда Владимирской губ. Сюда же следует отнести и добывание глины артелями гончаров Курской губ., Харьковской, Владимирской, Ярославской и др., где выделка из глины посуды производится единолично. В других случаях артелью не только добывается из земли камень, но и производится выделка из него разных предметов. Так, обыкновенно артель сохраняется на все операции по приготовлению жженой извести в Славяносербском, Уржумском (Орловской губ.), Солигаличском, Новоторжском, Осташковском, Гдовском уездах. В с. Зуганском Бахмутского уезда 47 артелей с 207 участниками готовят из выломанного ими же камня плиты, точила, бруски, пороги или ступени; 70 человек в Верхотурском уезде и крестьяне с. Острый Камень Данковского уезда артелями добывают камень и делают из него жернова.

После сделанного общего очерка участия артелей в каменоломной промышленности перейдем к сведению материала, относящегося к этому вопросу. На земле крестьян с. Суркова (Сквирни тоже) Лебедянского уезда Тамбовской губ. более 40 лет производилась разработка плотного песчаника, пригодного для выделки мельничных жерновов и точильных камней, предпринимателями, платившими крестьянам арендную плату обыкновенно в размере 600–900 руб. в год; впрочем, иногда плата эта повышалась до 1500 руб., а в последние годы упала до 300 руб. В 1891 году арендатор снял каменоломню за 2000 руб., но вместо ее разработки собственными силами он начал сдавать ее в аренду паями, числом 70 (по числу рабочих, участвовавших в прежние годы в ломке камня), по 30 руб. за пай. К весне все пай были разобраны крестьянами сел Суркова, Каменки и Круглого, составившими одну артель и обязавшимися дать арендатору, кроме 2100 деньгами, еще 10 лучших жерновов, причем арендатор предоставил в их распоряжение безвозмездно 3 оставшиеся от прежней работы ворота. Осенью арендатор отказался от аренды общественной каменоломни, другие предприниматели давали низкую арендную плату, и общество решило эксплуатировать ее способом, подобным тому, какой применялся арендатором. Мирской сход определил считать в каменоломне 50 жеребьев, из коих 5 отдал в распоряжение церковного старосты для продажи (аренды) в пользу церкви, а 45 сам

пустил в продажу по цене 20 руб. за жеребий (в год). Таким образом, в пользу общества должно поступить арендной платы 900 руб. в год или 2 руб. на каждую из 450 ревизских душ. Те хозяева с. Суркова, которые хотели заняться промыслом, уплачивали 2 руб. за каждую нехватавшую у них душу до 10, при намерении пользоваться одним жеребьем, и до 20 – при аренде 2 жеребьев, и эта сумма тотчас поступала к домохозяевам, предпочитающим вместо личного участия в разработке каменоломни получить свою долю деньгами. К весне 1892 года сурковцы разобрали 34 пая, причем 2 семьи взяли по 2 пая, одна – 3 пая и 27 по одному, 11 жеребьев проданы крестьянам сел Кругликова и Каменки, 3 церковных жеребья проданы на сторону, и таким образом, составила артель из 48 работников (по одному на жеребий), взявшая на себя и оставшиеся непроданными 2 церковные жеребья. По постановлению схода артель не имела права ни вводить новых жеребьев, ни нанимать работников. Приступая к работам, артель должна была произвести значительные затраты, для чего она занимала деньги у прежнего арендатора за большие проценты и запродала по низким ценам будущие жернова. Главную затрату составляли: покупка 2 канатов (в $2\frac{1}{2}$ вершка толщины и по 48 саж. длины для извлечения камня из глубины 12 саж.), за которыми 2 члена артели были командированы в г. Касимов на пеньково-канатный завод, уплата аренды, приобретение инструментов. Три ворота и два чекмаря взяты во временное пользование у прежнего арендатора за плату в 3 жернова; 4 лошади для извлечения камня куплены в кредит с обязательством уплатить осенью жерновами же. Некоторые другие расходы делались на средства, приобретаемые продажей жерновов на месте производства. Артель решила во все время работы держать выделанный материал в общем складе, а вырученные от продажи деньги вносить в общую кассу. Артельщики должны были посвящать промыслу все время от весны до октября месяца. Для постоянного жительства рабочих при каменоломне, отстоящей на 8 верст от с. Суркова, и для помещения кузницы, необходимой для починки портящихся в работе инструментов, были устроены землянки. Содержание артельщиков шло из общего котла, причем провизия или покупалась на общий счет, или доставлялась по весу каждым членом артели. Кузнец, присланный церковным старостой в качестве представителя одного церковного жеребья (за что получил от старосты 35 руб.), харчился на счет артели. Распоряжение работой и хозяйством поручено двум выборным старостам, в свободное от исполнения этих обязанностей время работавшим наравне с прочими членами артели. Хотя все их расходы заносились в общую тетрадь, тем не менее, по мнению артельщиков, старосты нажили за сезон руб. по 100. Осенью, по окончании выломки камня, все имущество артели было разделено между пайщиками, причем канаты, сильно истрепанные и не годившиеся больше для этого дела, были разрублены на части и пошли

на веревки. Выломленный материал распределен на части по его качеству, и каждая из них разделялась между всеми (по жребию) особо. Обтеска камня в жернова производилась каждым особо, зимой. Валовой доход каждого артельщика, при продаже жерновов в необделанном виде, составлял около 90 руб., т. е. столько же, сколько было произведено расходов, по следующему расчету: содержание в течение 6 $\frac{1}{2}$ мес. 39 руб., обувь, одежда и пр. 4 руб., инструменты и другие артельные расходы 22 руб., арендная плата 20 руб., % по займам 5 руб. Если бы кустари имели возможность воздержаться от продажи жерновов до полной их отделки, то выручка их возросла бы вдвое, при увеличении расхода на 30 руб. (15 руб. на перевозку жерновов с каменоломни на усадьбу и 15 руб. на обтеску)¹.

Ломкой и обработкой камня в Бугульминском уезде Самарской губернии занимаются 67 дворов в 7 татарских селениях. Ломают алебастр (который потом пережигают и толкут), известняк (который потом обтесывают), строительный камень (для фундаментов домов) и кирпичный (для печей и труб). Добыча производится артелями из 5–6 человек. Для толчения алебастра кустари иногда нанимают соседей с платой 10 коп. в день. Деньги, вырученные от продажи камня, делятся между артельщиками поровну. В сл. Новописьмянской известняк добывается на надельной земле. В д. Акбаш, где добывание алебастра на надельной земле продолжается лет сорок, камень приходится извлекать из большой глубины, для чего устраиваются шахты с подпорками внутри. Для работы употребляются лом, молоток и железная лопата. По-видимому, артелью добывается и выжигается известь в Аманакской волости Бугурусланского уезда, где в процессе участвуют 4 работника с 4 лошадьми; лес для выжига покупается осьминниками и десятинами. Работают по заказу купцов. По данным 1871 года, производство жерновов (ломка камня) в Саратовской губернии крестьяне ведут артелями до 4 человек на р. Кошкамяку, близ д. Дьячевок и по р. Шняевке, близ д. Богучей Петровского уезда, в с. Царевщине Вольского уезда, в Камышинских Ушах Камышинского уезда, в селах Ерзовке, Водяном и Широком Царицынского уезда, на городской земле г. Сердобске и в с. Балке Сердобского уезда. По новейшим сведениям, относящимся к некоторым уездам, крестьяне с. Песчанки Озерской волости Саратовского уезда ломают жернова артелями в 5–7 человек в горах, снимаемых у частных владельцев с уплатой по 35 руб. с работника. Ломается камень летом, а обтесывается преимущественно зимой. Заработок достигает 65–100 руб. на работника. «В Ивановской вол. Царицынского уезда ломкой жерновов занимается 3–4 семейства д. Прямой Балки, для чего ими арендуется гора за 100 руб. в год. Для оковки жерновов у хозяев имеется кузница, в которой они сами работают». В Одесском уезде Херсонской губернии

¹ Ремесленная газета. 1893, № 6–7.

(139 промышленников), где камень большей частью залегают у поверхности земли или обнажаются по склонам балок, выломка его ведется семейными артелями, хотя есть и предприятия с наемными рабочими. В Александрийском уезде добывание камня на земле военных поселян с. Калиновки производится крестьянами этого поселения, работающими артелями в 4 человека. Кроме лопаты и топора на каждого, для работы требуется на артель: лом, молот и 2 клина. Разработка производится с октября месяца до начала весенних работ. Камень залегают на глубине 10 сажен. Спуск в каменоломню вначале пологий, широкий и высокий, потом суживается до ширины 20 арш. при высоте в рост человека; длина его 20 саж. Обделанный камень выносятся на поверхность носилками. Заработок артельщика колеблется между 30 и 50 руб. Заработок значительно бы повысился, если бы крестьяне могли выждать с продажей камня до лета. При слабом спросе на камень промыслом занимается 30 хозяев, при хорошем – число артелей увеличивается. Камень сбывается в Elizavetgrad. В Тираспольском уезде крестьяне с. Малаешты добывают на надельной земле известняк артелями в 2–3 человека, работа идет осенью и теплой зимой; за зиму извлекается камня 50 саж. бута и 2000 штук пильного. Для добывания пиленого камня в с. Щербанях Elizavetgradского уезда организовываются артели, величина которых в неурожайные годы доходит до 100 и более человек беднейших и средних хозяев. Добытый камень идет на постройки в г. Вознесенск и на постройку церквей на 50 верст в окружности. При хорошем спросе на камень заработок равняется 25–30 коп. в день, при плохом – 15–20 коп. на рабочего. Во всех селах Щербановской вол. «беднейшая часть населения в зимнее время добывает камень и тем кормится»¹. По данным 1885 года, в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии добыча камня производится в 4 селениях единичными хозяевами, а в 5 селениях (из них 3 Скотоватовской вол.) артелями. Единичных промышленников 152, в 113 артелях участвует 425 человек. В Скотоватовской вол. (61 артель, 196 участников) артельная работа ограничивается добычей камня, обделка которого совершается единолично. В с. Зайцеве (5 артелей, 22 участника) артель не только добывает камень, но и выделывает из него катки и жернова. То же самое следует сказать и о с. Луганском, где 207 участников 47 артелей производят из добытого камня плиту, точила, бруски и пороги или ступени, продают эти изделия и делятся деньгами. «В артели (в с. Луганском) соединяются люди, одинаковые по физической силе, характеру и материальному достатку, среднего состояния и бедные. . . В течение года одни из рабочих выбывают из состава артели; другие вступают в них». Две артели этого села с 10 рабочими

¹ Сб. ст. св. по Самарск. губ. Т. V, с. 97, т. IV, с. 82; Матер. для изуч. куст. пр. и ручн. труда в России. С. 57; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. III, с. 75; Матер. для оценки земли Херсон. губ. Т. III, с. 366, т. IV, с. 249; Щербановская волость. С. 85.

состоят из нанятых поденщиков, в числе которых иногда встречаются сыновья крестьян среднего достатка. Работа производится весной и осенью. Каждый артельщик работает со своими инструментами, починка коих совершается на артельный счет. Средняя стоимость инструментов 8 руб. на рабочего. Размер артелей в с. Луганском, разрабатывающих серый камень и получающих из него плиты от $1\frac{1}{2}$ до 8 пуд. весом, 6–8 человек; разработка красного камня, дающего плиты не тяжелее $1\frac{1}{2}$ пуд., ведется артелями в 2–3 человек. Только 13 артелей с 43 участвующими в с. Луганском могут быть признаны экономически самостоятельными; остальные же, составляясь из наиболее бедных крестьян, находятся в неоплатном долгу у скупщиков, которым поставляют изделия по низким ценам. Причина этого – правила о пошлинах за право продажи изделий, установленные в 1882 году обществом названного села под влиянием богатых крестьян. По этим правилам, с посторонних покупателей взывается необыкновенно высокая сумма, вследствие чего покупка изделий монополизирована в руках сельских богачей. Разработка камня ведется на надельной земле. Изделия с. Луганского сбываются в южные города (до Ростова Донской и Кубанской обл.), а бруски – главным образом в Москву, Елец и т. п. Кустари с. Зайцева сами возят изделия на продажу по ярмаркам и в города: Ростов, Мариуполь и др. Средний заработок кустаря (одиночки и артельщика) $23\frac{1}{2}$ руб. Общество д. Горской Славяносербского уезда владеет залежами известняка, который крестьяне начали разрабатывать для выжигания извести артелями от 3 до 10 человек со времени постройки Донецкой ж. д., когда был предъявлен большой спрос на этот материал. Сбывали его в Харькове. Заработок был 10–15 руб., а в последнее время 5–6 руб. на человека в год. «Более богатые и многосемейные захватили в свои руки разработку извести, удаляя бедных (тем, что отбивают подряд)». С 1885 года общество обложило продаваемую известь налогом в 5 коп. с воза¹.

В Курской губернии каменоломный промысел в Путивльском уезде (76 работающих) ведется наемный трудом. В Курском уезде, по данным 1882 года, местным каменоломным промыслом занимается 220 крестьян 6 деревень Каменевской и Казацкой волостей. С 14 ноября до Пасхи добывают камень, а с Пасхи до Петрова дня – мел. Часть работает самостоятельно, другая – на подрядчика. Работают артелями от 4 до 18 человек, смотря по длине и направлению галерей или ям. На разыскание пласта саморода иногда тратится недели две. «Галереи устраиваются вышиной аршина 2 с лишком, шириной же немного более $\frac{1}{2}$ сажени и укрепляются в местах, грозящих обвалом, столбиками. Так как в длинных узких и расположенных иногда уступами галереях одна пара носильщиков не в силах протаскать носилки (с камнем) во всю длину, то для облегчения этой работы через каждые 10–15 саж. устраи-

¹ Сб. ст. св. по Екатеринос. губ. Т. II, с. 363–71; В. III, с. 431–2.

ваются станции из 2 рабочих с носилками каждая». В старых каменоломнях галереи достигают 150 саж. длины и более. Работа очень трудна и сопряжена с опасностями. Добывание мела легче. Чистый заработок артельщика, при продаже камня на месте, от 30 до 47 руб., а при доставке в город – от 32 до 76 руб. Заработок от добычи мела: при продаже на месте – 46–70 руб., при продаже в городе – 76–102 руб. Заработок наемного рабочего – 32–48 руб. Камень идет на постройку домов и мостовых в г. Курске. Промысел существует давно. В с. Троицком Фатежского уезда промыслом занято 52 человека, в том числе 20 человек работают по найму на 4 предпринимателей, а 28 человек – самостоятельно, образуя «братские» артели в 4–8 участников. Инструменты стоят на кустаря 12 руб.; артель имеет ворот и походную кузницу (стоимостью 2–5 руб.) для починки инструментов во время работы. По снятию покрывающего камень слоя земли в 3–4 аршина раскалывают камень на куски в 25–100 пуд. (набивая в него щели, в которые пудовым молотком забивают лом) и вытаскивают наверх при помощи ворота, при котором работают 3–5 человек. Добытый камень делится между артельщиками и обрабатывается в жернова каждым отдельно. Артели приобретают все инструменты на общие средства, работают на арендованной (у соседнего общества и частных владельцев) земле. Добывают камень летом, а отделяют зимой. Изделия сбывают приезжающим за ними из городов Курской и Орловской губерний. Зарабатывает кустарь в среднем около 150 руб. в год; живут зажиточно, все имеют лошадей, и 68%, кроме своей, обрабатывают и наемную землю. Наемные рабочие, напротив того, принадлежат к числу беднейших крестьян и получают низкую заработную плату. Самостоятельно заниматься промыслом могут только зажиточные домохозяева, имеющие средства для затраты на несколько месяцев 40–50 руб. на уплату вперед аренды за землю и на другие расходы, связанные с производством. Необходимость долгосрочной затраты собственных средств обуславливается тем, что сбыт камня производится не постоянно, а лишь по прибыли покупателей издалека. Добыванием охры занимаются в с. Шахове и отчасти в с. Сажном и Лесках Корочанского уезда 19 человек, составляющих артели из 6–8 членов. Охра залегает на глубине 1,5–3 сажень; чтобы добраться до нее – копают яму с отверстием в квадратную сажень, работая по 2–3 человека, чередующиеся через 3–4 часа. Инструменты (ценностью 2–4 руб.) у каждого свои. Работают или на своей (четвертной) земле, или арендуя землю у соседей за плату от 50 коп. до 2 руб. за квадр. сажень. Пережигают и перемалывают охру каждый отдельно от других. Сбывают охру в Харькове и Курске. Работа идет летом. Чистый заработок кустаря (при продаже в город жженой охры) около 170 руб. Промысел существует давно, а особенно развился с проведением железной дороги, облегчившей перевозку продукта на далекие расстояния. Добывание глины для горшечного промысла в Курской

губ. производится артелями от 5 до 13 человек, смотря по глубине залегающего слоя. Роется яма, на дне которой в разные стороны, в направлении слоев глины, делаются коридоры в $1\frac{1}{2}$ аршина высоты, около аршина ширины и до 15–20 арш. длины, потолок которых подпирается толстыми кольями. Коридоры освещаются «ногайцами» и «масляками»; свечи же и керосиновая лампа в них тухнут. Один из членов артели ломает на дне ямы глину кусками в $1-1\frac{1}{2}$ пуда, остальные располагаются по длине шахты до самого выхода и передают отломленный кусок с рук на руки, причем в стенах ямы для помещения работающих делаются ступеньки. Через 2–3 часа рабочий, ломающий глину в глубине душной шахты, сменяется другим, а сам становится на его место. Инструменты и приспособления для работы – лопата, заступ и кирка – у каждого свои; веревки же, мерка, деревянная рама, вставляемая в жерло шахты, стоимостью 1,5–2 руб., и колья для потолков, ценой 1–1,5 руб., приобретаются на общий счет. Добытая глина делится между артельщиками поровну и либо употребляется ими самими для выделки горшков, либо продается лицам, занимающимся гончарным промыслом. Крестьяне, добывающие глину для продажи, работают 90 дней, преимущественно зимой, когда замерзшая земля меньше грозит обвалами, – и добывают до 110 возов глины на человека на сумму 52 руб.¹

В Ахтырском уезде Харьковской губернии гончарный промысел в сколько-нибудь значительных размерах существует в 4 поселениях, из коих в двух глина, необходимая для работы, добывается артелями. В с. Боромле копкой глины, идущей в период времени с 1 октября до весны, гончары (всех хозяев 46) редко занимаются единолично. Обыкновенно для этого соединяется несколько человек, сообща выкапывающие яму, имеющую 3 отвесные стены, а четвертую пологую и со ступеньками. Выкопав яму, делают кобло, из которого выбирают глину до тех пор, пока не предвидится опасность обвала. На копку глины ставится двое рабочих, третий накладывает выкопанную глину в коробку, которую четвертый вытягивает на поверхность земли при помощи самодельного ворота из дрюка, колеса и вожжей. Сказанное имеет приложение и к гончарам г. Ахтырки (ок. 30 хозяев). Нанявши яму (вдвоем, втроем), гончары сами с работниками, а чаще без работников, добывают глину, причем употребляют инструменты: копаницу, заступы и лом. Для извлечения глины из ямы применяют коробку, прикрепленную к конопляным вожжам, и ворот или колесо, надетое на дрючок, лежащий на сохах. Взрослые рабочие спускаются в глинище по ступенькам, сделанным в стенке ямы, малолеток опускают в коробку. Всего удобнее, если двое копают глину, один накладывает ее в коробки, а один вытягивает на поверхность. Работают в

¹ Сб. ст. св. по Курск. губ. Т. I, отд. II, с. 23–7; О куст. промысл. Курск. губ. С. 144–53, 217–21, 162–3; Пром. и грам. центр. района Курск. губ. Отд. 2, с. 172.

морозное время, так как иначе грозит опасность обвала, который гончарами иногда предвидится заблаговременно, так как обвалу предшествует падение кусков глины. При появлении в глинице трещин таковые замазываются, и работа продолжается. Падение после этого новых кусков заставляет гончаров прекратить работу, «глина часто присыпает гончарей, но редко убивает насмерть». За последние двадцать лет был один такой случай¹. В Пензенской губернии добыча камня совершается главнейше артелями. В Орловской губернии разработка песчаника на бут, цоколи и жернова производится почти исключительно артелями. В Кромском уезде промыслом в 1887 году занималось от 150 до 200 человек: в 7 поселениях Козьмодемьянской вол. около 100 человек, в двух деревнях Кировской волости и в с. Каменец Тросенской вол. Во времена крепостного права камень добывался артелями в 2–3 человека; плата за право добычи равнялась 1 руб. с человека в лето. После освобождения арендная плата земли возвысилась до 30 руб. с артели, и самые артели сделались крупнее (от 6 до 15 человек, обыкновенно не менее 10). Некоторые артели состоят из самостоятельных членов и рабочих, нанимаемых немногими артельщиками; указаны три такие смешанные артели в д. Семенкове: кроме самостоятельных артельщиков, в одной из них работает один наемник, в другой – 3 (нанятые одним хозяином), в третьей – 6 (самостоятельных артельщиков тоже 6). Расходы артели достигают 140–160 руб., в том числе 25–30 руб. – плата за право ломки камня, остальная сумма идет на приобретение инструментов и других приспособлений (кузница для починки инструментов во время работы). Во время работы кустари живут в землянках и имеют общий котел: хлеб, масло и картофель приносят из дому поровну на человека, пшено покупают. Кашевар, не участвуя в добыче камня, состоит тем не менее равноправным членом артели. Добытый камень делится между всему поровну. Он распределяется на сорта, а каждый сорт – на равные части, распределяемые между артельщиками по жребию. По окончании добычи артельное имущество разделяется между всеми. Выделка жерновов производится зимой каждым единолично. Чистый доход кустаря – 100–120 руб. Продаются жернова большей частью скупщикам, которые сбывают их в Харьковскую, Киевскую, Могилевскую и Минскую губернии. Добыча мела производится в с. Мицком и д. Иполитове Сосновской волости Кромского у. артелями в 4 человека в течение первой половины лета (до Петрова дня). Копаются яма глубиной в 11–12 сажень, и из нее устраиваются подземные горизонтальные ходы длиной в 3–7 саж. Мел продается на месте или везется в Орел. Разными видами каменоломного промысла в Рязанской г. занято несколько сот человек, но о форме производства в сводном земско-статистическом Сборнике сведений не имеется; в Сборнике же, относящемся к Данковскому уезду, сообщается, что

¹ Тр. ком. по исслед. куст. пром. в Харьковской губ. В. 3, с. 49, 4.

крестьяне с. Острый Камень, занимающиеся ломкой камня и отделкой его в жернова, работают большей частью артелями; за право ломки платят 25 руб. в год с человека; заработок каждого – 75–100 руб.¹

В Орловском уезде Вятской губернии добычей жернового камня занимаются 88 кустарей, артелями обыкновенно в 5 человек. Необходимые инструменты: два топора, два клина, три железные конуса, молот в $\frac{1}{2}$ пуда весом, пара железных рам, куда вставляются клинья для расколки камня. Длина шахты колеблется около 30 саж. Иногда несколько шахт соединяются между собой и имеют один общий выход. Добыча ведется с 1 сентября по 1 апреля. Производится камень на 4320 руб. Добывается камень крестьянами 15 селений на земле крестьян п. Лыжинского (Заделье), владеющих залежами камня на подворном праве и предпочитающих вместо самоличной работы сдавать выломку его другим. Раздел добытого и проданного продукта между хозяевами каменоломни и артельщиками производится на следующих основаниях. Из обычной выручки артели в 240 руб. хозяин каменоломни получает $\frac{1}{6}$ (40 руб.) и участвует в равной с артельщиками доле в разделе остальной части, получая таким образом с лишком вдвое больше, чем каждый из работающих. Вторую идущую хозяину ломки долю артельщики называют «пропащей». Добычей алебастра занимаются больше 65 человек из разных селений. Залежи алебастра имеются в наделе двух деревень Полемской вол.: п. Пересковского и Тайникова. Хозяева пользуются теми участками залежей, которые примыкают к их полосам. В первом селении занято промыслом 12 человек, во втором 6, остальной персонал кустарей составляет из жителей других сел, работающих на условии, чтобы $\frac{1}{3}$ часть добычи шла хозяину каменоломни, обязанному доставить и орудия труда, а $\frac{2}{3}$ – работающим. Выломка в самой шахте производится двумя лицами, а для выноски алебастра нанимается артель женщин из 7–14 человек; они становятся шеренгой на ступеньках шахты и передают ношу из рук в руки. Добыча и выжигание извести производится в п. Пугачи 3 зажиточными домохозяевами, выжигающими при помощи наемного труда 3–4 тыс. пуд., и в д. Усковых артелью из 17 хозяев (всех хозяев здесь 31). Половина артели копает камень (на надельной земле), другая носит и складывает в груды, затем его обжигают в печах длиной 4 арш., а шириной 3–5 арш. Общая добыча – 14 тыс. пуд. на сумму 700 руб., а за вычетом 200 руб., назначенных на дрова, на домохозяина остается по 30 руб. Работают по заказу подрядчиков, с которых получают задаток на дрова. Добыча жернового камня в Сернурской и Ирмучашской волостях Уржумского уезда занимается 611 человек. Работа ведется артелями в 65 штольнях, принадлежащих 100 хозяевам.

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли за 1894 г. № 45, с. 405–6; Сб. ст. св. по Орлов. губ. Т. IV, в. II, с. 41–50; Отч. и исслед. по куст. пром. в Рос. Т. I, с. 307; Сб. ст. св. по Рязанск. губ. Т. III, с. 213.

«Обыкновенно работа ведется по двое в забое». Бутовый камень добывается в одной деревне Ирмучашской вол., одной деревне Косолаповской вол. и в небольшом количестве в Теребиновской вол. Работа идет летом в свободные от земледельческих занятий моменты. Работают схватками, большей частью в 2 человека. Выручка 20–25 руб. Сбывают камень в Уржумский и Нолинский уезды. Выломкой опоки занимаются около 200 человек крестьян деревень Нур-Салы, Наран-Салы и Нуп-Салы Сернурской вол. в собственных каменоломнях. Работают обыкновенно попарно, но в некоторых выработках – по 2 и 3 пары. Алебастр в количестве нескольких тысяч пудов добывается из собственной каменоломни зимой жителями д. Мальковой Теребиновской волости, соединяющимися в артели из 4–5 человек (по данным г. Азанчеева, из 40–45 человек). Чистая прибыль – 30–40 руб. Добычей извести занимаются 100 человек Теребиновской и Кожаурской волостей. Работа производится «схватками» из 2 человек. В Яранском уезде добычей опочного и жернового камня занято 120 человек в 3 деревнях Ильинской вол. и 40 человек в Починке Шарово-Кукарске. Главная разработка камня ведется жителями с. Жерновые Горы Ильинской вол., получившими в надел от удельного ведомства вместо пахотной земли каменоломни и занимающимися главным образом разработкой последних. Добыча совершается по заказу скупщиков артелями из 6–7 человек, работающими каждая из года в год в одном «заделе», углубляющемся в гору иногда сажен на 100 и составляющем как бы наследственную собственность участников артели. Новый член общества, желающий вступить в артель, должен внести известную сумму в вознаграждение за расчиску и поддержание штольни трудом артели. На артель выходит 14–15 пуд. керосина в зиму. Скупщиков камня 3: они охотно открывают артелям широкий кредит и таким образом держат их в постоянной от себя зависимости. Заработок кустаря колеблется около 70–80 руб. Скупщики отправляют камень по р. Вятке и дальше в низовые города вплоть до Астрахани. «Если бы кустари могли сбывать камень сами, то получали бы, по крайней мере, вдвое больше»¹.

В Солигаличском уезде Костромской губ., в Вершиновской вол., по берегам рек Светицы и Сельмы производится выломка известняка и выжигание из него извести. Работа идет зимой. Размеры производства зависят от спроса на продукт: в зиму 1888 году было устроено по р. Светице 6 печей, по р. Сельме – 13. По р. Светице, где добывание извести ведется на арендованной земле с платой в 30 руб. от печи, промысел находится в руках подрядчиков, ведущих дело наемным трудом, причем сам подрядчик состоит в числе тех 4–5 работников, которые необходимы для производства. По р. Сельме, где известь находится на надельной крестьянской земле, промысел часто

¹ Матер. по ст. Вятск. губ. Т. III, гл. VIII; т. II, ч. II, с. 66; Тр. куст. ком. В. XVI, с. 5090–93; Азанчеев. Каменоломни и разработка полезных ископаемых в России. С. 28–39; Горный журнал. 1888, № 9, с. 316–30.

ведется без найма рабочих, силами семьи или «товариществом», и в тех случаях печи устраиваются меньших размеров. Работают или по заказу торговцев, или на вольную продажу. Сбывается известь в Костроме и Солигаличе. В Верхотурском уезде Пермской губ. добычей и обделкой жернового камня занято 50 человек в Меркушинской вол. (в Костылевском сельском обществе, представившем на сибирско-уральскую выставку 1887 г. в Екатеринбург образцы жернового камня, разработка последнего началась в 1886 г., а за год добыто жерновов на 1000 руб.) и 20 человек (две артели) в Красногорской вол., производящих выломку на казенной земле, раньше состоявшей в аренде у частного лица, а теперь снимаемой крестьянами. Производство ведется артелями. Сбывают камень на месте и сплавляются по р. Туре в Тобольскую губернию. Добыча идет зимой. Заработок – 15–20 руб. на человека. В Кунгурском у. ломкой бута занято 60 человек. Работа производится «складыней» в несколько человек. Выгода артельной организации заключается в том, что для возки нескольких возов можно отрядить одного человека. Работают зимой. Вырученные деньги делят поровну. В Осташковском уезде Тверской губ., Хотошинской вол., в половине 70-х годов выделкой извести занималось 145 семей из 5 деревень. Необходимые орудия: железный лом, лопата и носилки. Нормальная производительная единица должна состоять из 4 человек: один должен ломать камень, двое – переносить его в складку и один – укладывать известь для обжога. «Можно работать и двоим, и одному, – говорят кустари, – но спору мало». Поэтому если семья обладает недостаточным числом рабочих – то приглашает 1–2 посторонних. «Таким образом составляется артель, в которой и работа, и выручка – поровну». В каждой складке камня делаются 2–4 печи, на 600 пудов каждая. В с. Хотошине «для сыпки гашеной извести построено (кем?) два амбара». В Новоторжском уезде д. Внукова Новоторжской вол. крестьяне добывают известь на своей или арендованной земле артелями 2–4 человека. Заработок – 25–30 руб. на человека в зиму. В некоторых селениях Выскатской вол. Гдовского уезда крестьяне (75 дворов) занимаются выжиганием извести артелями в 2–4 домохозяина (многолюдные семьи работают семейной артелью). Мужчина и женщина с одной лошадей для возки дров составляют пай. Работа идет круглый год, кроме времени, посвященного земледелию. Зимой плита замерзает и не ломается, а только обжигается известь в печи, устраиваемой тут же, на обрыве. Залежь крестьяне арендуют у соседних обществ или у частных владельцев. Сбывается известь в г. Нарву и в Эстляндскую губернию. Владеющие лодками везут сами. Выручка от промысла – 70 руб. на хозяина¹.

¹ Матер. для стат. Костр. губ. В. 6, отд. 3, с. 134; Куст. пром. Перм. губ. на Сиб.-Ур. выставке. В. 1, с. 113, в. 3, с. 28; Сб. матер. для стат. Твер. губ. В. 3, с. 10; Сб. стат. св. по Тверской губ. Т. II, с. 159; Сб. матер. по стат. народн. хоз. в Петерб. губ. В. 4, с. 200–1.

В с. Понизовьи Псковского уезда добычей камня занимается артель из 7 человек, ломающая плиту по р. Великой по заказу из Пскова, Острова, Изборска и др. Отыскание заказа лежит на одном из артельщиков. Работают в свободное от земледелия время; инструменты: лом, кирка и клевцы (острый молот). Общий заработок артели 400 руб. Ломка камня в с. Апазово Казанского у. производится осенью и весной артелями из 4–5 человек. В Мышкинском уезде Ярославской губ. гончарный промысел сосредоточен в 16 селениях по р. Волге, в северо-восточном углу уезда. Требуемая для этого глина добывается во время морозов артелями. Роется яма, и по достижении (на глубине 6–9 арш.) слоя глины ведутся по направлению последнего во все стороны галереи (норы). Гончары Шуйского и Гороховецкого уездов Владимирской губ. для добычи глины соединяются в артели из 5–8 человек. В Судогодском уезде, по сведениям 1871 года, белая константиновская глина, сбываемая на стеклянные заводы, добывается зимой артелями человек в шесть на месте нахождения, отысканном в осеннее время посредством буровления. Пласт глины залегает на глубине 4–15 саж. В яме, вырываемой для достижения глины, через каждую сажень глубины ставится сруб. Из одной ямы вынимают не более 4000 пуд., после чего роют новую. При благоприятных условиях артель в зиму добудет 10–15 тыс. пуд. Жерновщики деревень Захарцевой, Федотовой, Объедовой, Постыловой и др. Ковровского уезда производят выломку камня в своих каменоломнях артелями в 5–10 человек, работая артельными же инструментами. Добытый камень раскладывается на «сады», которые делятся между «братами» поровну. «Если «садов», вытесанных из одного камня, не хватит для всех членов артели, то дележ отсрочивается до нового времени». Окончательная отделка жерновов производится каждым кустарем отдельно от других. Алебастровые ломки в Муромском уезде, в дачах селений Жайское, Клин, Сапун, Болотников и др. почти все выкуплены или арендуются одним лицом, а разрабатываются артелями с платой за труд 15–25 руб. от 1000 пуд. добытого алебастра. Всех артелей в начале 80-х годов было около 100 численностью в 10–20 и более человек взрослых мужчин, а иногда и подростков каждая (в начале 70-х гг. промыслом было занято около 700 человек). За прием в артель подростка выставляется магарыч. На каждый пай, кроме мужчины, выставляется женщина для нагрузки алебастра на баржи. Заработанная сумма разделяется между членами артели поровну. Общая добыча алебастра – 800–900 тыс. пуд. в год. Цена алебастра в районах потребления – 200–300 руб. за 1000 пуд. По сведениями от 1888 года, немногие богатые крестьяне ведут разработку жайского алебастра наемным трудом. Артели и отдельные предприниматели арендуют право добычи алебастра. Добытый зимой алебастр продается весной промышленникам, и выручен-

ная сумма делится между членами артели поровну. Средний заработок кустаря – 25 руб. в зиму¹.

Несколько деревень Ардатовского уезда Нижегородской губ., с. Череватово и д. Малое Череватово (2027 душ обоего пола), Князь-Иваново, Вертяново, Канерга, занимаются в зимнее время добыванием чугунной руды по заказу заводов, от которых получают необходимые инструменты и приспособления. Работа ведется артелями не менее как из 3 человек: один роет землю или руду, другой подвозит ее к устью шахты, третий поднимает вверх. Кто не успел войти в артель до начала дела, «вкупается» впоследствии, сделав угощение своим новым товарищам. Иногда артель ставит условие не употреблять на работе некоторых бранных слов; одна артель составила из лиц, не пьющих водки. Речь о составлении артелей заходит осенью перед началом рудного дела. Артель начинает рыть «дудки» на месте, какое сама изберет, причем другая артель не должна закладывать свою дудку ближе известного расстояния к шахте артели, заложенной раньше. Шахта (дудка) идет сначала в вертикальном направлении, а по достижении залежи чугунной руды (камень, в котором слои чугуна перепутаны в темно-коричневой массе охры) делаются в разных направлениях горизонтальные галереи («цевки», «подходы»), укрепляемые подставками и перекладинами, так что «общий вид галереи можно представить в виде анфилады оконных или дверных рам, идущих то прямо, то изгибами». Отбитая в глубине галереи руда кладется в кадушку, под дном которой приделываются два полена с закругленными краями («полозки»), на которых она, как на санных полозьях, подвигается по положенным на дне галереи поленьям («подполки») к устью дудки и затем при посредстве ворота подымается вверх².

В деле открытия каменноугольных залежей в Донецком бассейне, наряду с мерами правительства, весьма видную роль играла и предприимчивость местных крестьян. Крестьяне же были в числе первых эксплуататоров этих залежей. Так, в 40-х годах «в более отдаленные местности, например в Крым, проникал лишь щербаковский (Бахмутский уезд) уголь крестьянской добычи и отчасти нестеровский». Крестьянские разведки угля особенно усилились после освобождения, когда население почувствовало большую потребность в подсобных к земледелию занятиях. Многие пласты угля, эксплуатируемые в настоящее время крупнейшими акционерными обществами (например, Петромарьевским обществом в Славяносербском уезде), открыты крестьянами. Разведки угля крестьянами продолжаются и в настоящее время, причем им

¹ Вестн. Псковск. земства. 1888, с. 183; Матер. для исслед. пром. Казанск. губ. С. 33; Матер. для изуч. куст. пром. в России. с. 139; Id., с. 253–4; Юридич. вестн. 1891, № XI, с. 359–60; Сазонов. Ростовщичество – кулачество. С. 70–5; Горный журнал. 1888, № 1; из «С.-Петербур. ведомостей», 1888, № 34.

² Нижегород. сб. Т. VIII, с. 253–276.

иногда приходится затрачивать на это много времени и труда. Четыре крестьянина д. Ореховки Славяносербского уезда, например, задумав в 1886 году иметь уголь на надельной земле, «сначала прошли шурф в 4, 5 саж. глубиной, затем в горизонтальном направлении прошли шахту в 50 саж. длины, но до угля не добрались; тогда прошли еще 14 саж., но опять безуспешно; утомились и бросили было работу, но затем опять заложили между разведками шахту и на глубине 10 саж. добрались до угля». Залежь угля в Крымской волости Славяносербского уезда была открыта в 1876 году четырьмя крестьянами после 11-месячных трудов. Разработка угля крестьянами ведется главнейшим образом артелями. Так, в середине 80-х годов в 11 селениях Бахмутского уезда было 7 крестьянских семейных шахт и 83 артельных, а из числа работающих лиц – 27 наемных и 602 самостоятельных кустарей. В 107 артелях 22 селения Славяносербского уезда на 540 самостоятельных кустарей приходится 27 наемных. Добыча угля артелями ведется обыкновенно на надельной, иногда же на арендованной земле. Общества крестьян допускают свободную выработку угля на надельной земле, иногда лишь облагая работников определенным сбором угля для отопления общественных зданий; некоторые общества поощряют разведку залежей, давая инициаторам известные льготы по их разработке. При добыче угля на частновладельческой земле крестьяне или работают из определенной доли продукта (в 7 селениях Славяносербского уезда), или платят за право добычи известную сумму денег. Так, общество с. Георгиевского арендует за 5000 руб. участок земли, который сдает от себя 8 артелям за плату от 120 до 340 руб. Общество крестьян хуторов Щербиновского и Нелеповского Зайцевской волости Бахмутского у., на землях которых добывается кустарным путем наибольшее количество угля (365 тыс. пуд. 8 конными артелями в первом и 870 тыс. пуд. 15 конными артелями во втором), нашли нужным для регулирования промысла издать правила, в числе которых имеются пункты, дозволяющие устройство шахт артелям, состоящим не менее как из 10 человек, и запрещающие участие одного лица в нескольких артелях. «Однако значительная доля мирской справедливости, положенная в основу этих правил, в настоящее время существует только на бумаге». Зажиточные члены общин благодаря попустительству сельского начальства устраивают фиктивные артели, настоящими хозяевами которых являются они, а «артельщики» работают на них за известную плату. В таблице по х. Нелеповскому число наемных рабочих показано 21 при 171 общем числе лиц, занимающихся промыслом. «Всегда во власти общины, – говорит по этому предмету г. Шрейдер, – положить конец таким злоупотреблениям, и если она этого пока еще не сделала, то потому только, что подобные случаи редки и зло не приняло чувствительных размеров»¹.

¹ Русская мысль. 1889, № 10, «Очерки кустарной горной промышленности».

Большая часть крестьянских шахт открыта в 70–80-х, но некоторые заложены гораздо раньше – в 40-х, 20-х годах и ранее. Вследствие малых величин своих шахт сравнительно с капиталистическими крестьяне называют их «дудками» или «ямами». Длина шахты в Славяносербском уезде колеблется от 8 до 60 саженей, большей частью равняется 20–30 саж.; в Бахмутском уезде глубина (не длина?) шахт в Зайцевской волости колеблется между 10 и 30 саж., в других селах обыкновенно не достигает 10 саженей. Ручная шахта в Бахмутском у. состоит обыкновенно из ямы, в большинстве случаев не закрепленной срубом, в которой при помощи ворота движется бадья или санки для извлечения угля. Разработка угля производится в этих шахтах на очень недалеких расстояниях от главного ствола, и, выбрав уголь в ближайшем соседстве последнего, крестьяне вместо дальнейшего углубления в пласт предпочитают бросить старую яму и выкопать новую. «Почти все конные шахты имеют деревянные срубы и барабан с намотанным на него канатом, к двум концам которого прикрепляется по бадье»; при вращении барабана одной или двумя лошадьми пустая бадья опускается в шахту, откуда в то же время подымается другая, наполненная углем. «В конной шахте есть по два продольных или откаточных штрека, в которых ставятся подпорки». В Славяносербском уезде продольная шахта устраивается следующим образом: копается наклонная дыра в несколько саженей глубины и в 6–12 четвертей ширины при высоте в толщину угольного пласта. На конце ее засекаются печи в одну или обе стороны, длиной до 7 саж., шириной в 1 саж., вышиной в толщину пласта; в этих печах производится выборка угля. Шахта иногда укрепляется стойками. В шахтах с притоком воды последняя отводится в особые водоемы, из которых отливается наружу. Несмотря на простоту устройства, конные шахты требуют довольно значительных затрат: на проходку конной шахты в 20 саж. глубины, например, в Бахмутском уезде требуется работа 10 человек в течение 1–2 месяцев. Одна артель д. Ореховки Славяносербского уезда оценивает проходку заложенной ею конной шахты в 10 саж. длины по 40 руб. от сажени. Инструменты и другие принадлежности, употребляемые в каменноугольном кустарном промысле, суть: кайлы, ломы, клинья, крючья, сани и тележки, канаты, молоты, ворота, бадьи и лопаты.

Артели состояются из молодых людей, приблизительно одинаковых по силе и умению работать. Большая часть артелей в Славяносербском уезде состоит из 5–6 человек, некоторые из 7–8 и одна из 10 участников. В Бахмутском уезде артели, извлекающие уголь ручным путем (числом 42), состояются из 4–6 человек, а применяющие конную силу (48) – из 10–12. Нуждаясь в средствах для начала дела, многие из крестьян закупают продукт своего будущего труда скупщикам по пониженным ценам. Крестьяне же с Железного Зайцевской вол. Бахмутского уезда получают требуемые средства другим

путем. В состав артелей этого села (17 артелей по 10 человек в каждой, годовая добыча угля 145 тыс. пуд.) входят богатые и бедные крестьяне. Первые являются инициаторами дела, вкладывают в предприятие, кроме своей доли, также сумму, приходящуюся на бедных членов, и получают ее обратно по мере продажи добытого артелью угля, причем вместо процента взимают с должников по четверти угля на каждые 10 р. ссуды, что составит в переводе на деньги около 8% годов. Работа в шахте состоит из трех операций: 1) отделение кусков угля от пласта, что производится забойщиками, 2) доставка набитого угля к стволу шахты, 3) извлечение на поверхность земли. Эти операции весьма различаются по степени требуемого искусства, по тяжести работы и по ее обстановке. Самая тяжелая и нездоровая работа – забойщика, так как ее приходится производить полулежа, полусогнувшись, в сырой, пропитанной миазмами, угольной пылью и копотью атмосфере. По словам наследодателя Бахмутского уезда, после месяца шахтерского труда рабочему, чтобы восстановить надорванные силы, необходим 2-недельный отдых. Труд же лиц, вращающих ворот для извлечения угля, гораздо легче и производится на открытом воздухе. В артели неблагоприятное влияние подземной работы смягчается таким распределением работ, при котором все операции исполняются по очереди. На ручных шахтах, например, при среднем составе артели в 5 человек двое отбивают уголь, один (саночник) подвозит его к стволу, двое поднимают уголь воротом. В конных шахтах иногда все члены артели, кроме занятых отливом воды, сначала отбивают уголь, потом поднимают его на поверхность. На шахтах д. Ильинки Веровской вол. Бахмутского у. работа в одной шахте ведется несколькими товариществами. Добыв 150–200 пуд. (т. е. проработав 2 дня), товарищество из 2–3 человек уступает место другому такому же. Работа в крестьянских шахтах производится зимой и осенью, причем во время летнего перерыва на некоторых шахтах Бахмутского уезда находятся дежурные рабочие с лошадьми для выкачивания из шахт воды. На шербаковских и нелеповских шахтах рабочий сезон длиннее. Артели, добывающие уголь для собственного потребления, работают с перерывом, по мере надобности. В Славяносербском уезде работа продолжается от 6 часов утра до 8 часов вечера; в конных шахтах Бахмутского уезда работают днем и ночью сменами в 5 человек. Для отдыха, обеда и ночлега вблизи шахты устраивается землянка. Все расходы на освещение (свечей в неделю фунтов 10, керосина в день – фунтов 5 на артель из 10 человек), продовольствие и починку инструментов производится на общий счет. Расходы ведутся одним из артельщиков. Раздел выручки производится углем или деньгами, полученными за добычей продукт (в Зайцевской вол.). Количество паев, на которые разделяется выручка, определяется числом лиц, участвовавших в первоначальной закладке шахты. Но число участников в доходах артели не всегда

совпадает с числом паев, так как некоторые артельщики (по крайней мере, в Славяносербском у.) передают часть своего пая на известных условиях другим лицам. Такая передача вызывается или родственными отношениями, или отсутствием у артельщика времени для постоянного участия в добыче. Некоторые члены артели продают весь свой пай (в с. Черкасском было 20 случаев продажи в 11 артелях по цене от 4 до 15 руб.). Наконец, встречаются «случаи покупки артелями в некоторых шахтах полного права на всю добычу угля на них», причем в с. Черкасском, имеющем 30 артелей с 3–6 паями каждая, было 3 случая продажи по ценам 100 руб., 600 руб. 1000 пуд. угля.

Общее количество добывавшегося в середине 80-х годов крестьянами угля равнялось 700 тыс. пуд. в Славяносербском уезде и 1 770 000 пуд. в Бахмутском уезде. Уголь крестьянской добычи в 7 селениях Бахмутского уезда употребляется почти весь для отопления жилищ артельщиков; в 3 селениях Зайцевской вол. (43 артельные шахты), вырабатывающих 1400 тыс. пуд. угля, последний сбывается на станции курско-харьково-азовской ж. д. В Славяносербском уезде нет таких крупных крестьянских производительных районов, подобным зайцевскому, но зато в большей части сел уголь кустарной выработки, кроме удовлетворения нужды в топливе самих производителей, идет в продажу местным крестьянам (иногда меняется на съестные припасы), землевладельцам на мельницы, сукновальни, а также барышникам. Наибольшая масса крестьянского угля продается, как сказано, в Зайцевской волости. Он сбывается здесь скупщикам за половинную цену, причем деньги уплачиваются крестьянам по частям, с нарушением установленных при продаже сроков, так как барышники оттягивают уплату и побуждают кустарей забирать долг продуктами из лавок местных торговцев, с которыми входят в сделки. Несмотря на это, валовой заработок артельщика в зимний сезон достигает в среднем 112 руб. Скупщики крестьянского угля в Бахмутском уезде отправляют его в Киев, Харьков, Екатеринославль, Херсон, Одессу и т. д. В Славяносербском уезде они перепродают крестьянский уголь конторам некоторых капиталистических рудников, которые сбывают его вместе с углем собственной добычи. Эта операция делается возможной, потому что производство угля крестьянами обходится дешевле, нежели добыча капиталистическим путем: в Славяносербском уезде крестьяне продают свой уголь на месте, большей частью по 2 коп. за пуд, колебания цены – от 1 до 5 коп.; средняя продажная цена зайцевского крестьянского угля – $3\frac{3}{4}$ коп. пуд, колебания цены – $2\frac{1}{2}$ – $6\frac{1}{4}$ коп.; между тем как, по заявлению бахмутских крупных предпринимателей, продажа угля даже по 5 коп. за пуд для них убыточна.

Хотя значительный денежный доход от разработки угля имеют лишь немногие кустари, большая же часть их ограничивается добычей для отопления собственных жилищ, тем не менее рассматриваемый промысел име-

ет весьма важное значение для местного населения, избавляя кустарей от значительных трат на приобретение топлива. Для пояснения сказанного может служить нижеприводимый случай развития промысла в с. Луганском Бахмутского у. Открытие залежей угля на глубине 4–5 саж. произошло здесь в 1882 году. Угольный пласт оказался настолько тонким (6 вершков) и узким, что его разработка не окупила бы расходов по устройству правильных шахт, почему мало-мальски достаточные крестьяне не принимают участия в работе, предпочитая покупать для топлива готовый уголь. Таким образом, разработкой залежей, открытых на собственной земле, занялись беднейшие жители селения в числе 66 человек, образовав 8 артелей размером от 3 до 9 участников в каждой. Главную массу добываемого в общем количестве в 7,5 тыс. пуд. угля кустари употребляют на отопление собственных жилищ, в продажу же поступает столь незначительная доля, что ею не удовлетворяется потребность в отоплении местного населения, которое вынуждено обращаться за углем в с. Городище Славяносербского уезда. Тем не менее, по словам местного исследователя, «луганские шахты имеют громадное значение для хозяйства пользующихся ими крестьян. При недороде хлеба, да и вообще у бедных жителей обыкновенно не хватает на год своего топлива; забирая таковое (в виде старой негодной соломы) у зажиточных крестьян, бедняки, по неимению денег, уплачивают за него трудом, а большей частью землей из своих наделов и лишаются таким образом возможности произвести посев. С открытием в с. Луганском шахт продажа топлива бедным за их наделы прекратилась»¹.

В Богословском горном округе (а также и в других) на Урале существует добыча золота артелями горнозаводских рабочих, называемыми артелями «старателей». Возникновение этих артелей относится ко времени системы обязательного труда в казенном горном ведомстве, когда в качестве добавочного вознаграждения населения за участие в казенной работе горное ведомство предоставило ему производить золотопромышленную операцию на свой страх за вознаграждение, пропорциональное количеству добытого металла, т. е. как бы пропорциональное усердию, старанию работающих. Получив это право самостоятельного добывания золота, горнозаводские рабочие стали его осуществлять артельным путем. Артели старателей состояются из 5–10 человек или только для разработки определенных золотосодержащих участков, отводимых для этой цели горным ведомством, или для разведки новых месторождений золота и их разработки. В первом случае расходы артели заключаются в тратах на приобретение инструментов и на продовольствие, когда работа производится вдали от постоянного

¹ Сб. стат. свед. по Екатер. губ. Т. II, с. 250–2, 266–74, 304–9, 327; *Id.*, в. III, с. 304–9, 400–419; Русская мысль. 1899, № X, ст. Шрейдера «Очерки кустарной горной промышленности».

местожительства старателей. Для этого требуются небольшие денежные средства, так как при благоприятных условиях работы старатели могут рассчитывать с управлением и получать следуемую им по количеству промытого золота сумму еженедельно. Во втором случае требуемый для начала дела капитал достигает иногда нескольких сот рублей, так как труды старателей по открытию новых золотых россыпей увенчиваются успехом лишь по прошествии более или менее продолжительного времени. Артель старателей составляется без заключения каких-либо письменных договоров. Один из членов артели, по выбору остальных или потому, что ему принадлежит инициатива образования артели, становится как бы ее старостой. Он производит расходы артели на приобретение инструментов, на общий стол и на наем поденщиков в случаях, когда в этом является надобность; сдает казенным приемщикам золото и получает за него деньги; ведет счетоводство артели. Благодаря тому обстоятельству, что дележ артельного заработка производится в краткие сроки (напр., еженедельно), контроль над действиями руководителя артели значительно упрощается. Дележ заработка производится при участии всех наличных членов артели; при этом дележ на части обыкновенно делается в круглых числах и обрезки часто употребляются на какое-либо дело благочестия (вклад в церковь, служба молебна) или на попойку и т. п. Доли всех участников артели одинаковы, исключая случаи прогула или отлучки кого-либо из них без замещения себя поденщиком. Наем поденщиков от имени артели производится в случае, когда собственными силами артель не в состоянии разработать определенный участок в известный срок. Артели не имеют постоянного характера, составляясь для разработки каждого участка заново. В большинстве случаев артели действуют, прикрываясь именем подставного лица, участвующего за это в дележе дохода на равном со всеми членами артели праве или даже получающего больший сравнительно с остальными пай. То же самое нужно сказать и о кредиторах артели, к услугам которых она иногда вынуждена прибегать, не имея собственных средств для производства работ¹.

Из того, что изложено на предыдущих страницах, видно, что в отраслях промышленности, мало доступных производительной единице размера обыкновенной семьи, крестьяне охотно соединяются в артели. При этом в некоторых случаях, составившись для операции добывания материала из недр земли, операции, недоступной силам отдельных производителей, – артель продолжает существовать и в последующие моменты производства, моменты обработки добытого сырья, которая другими кустарями производится единолично или семейно. Сказанное относится, например, к 47 артелям с Луганского Бахмутского уезда, ломающим камень и приготавливающим из

¹ Сб. матер. об артелях в России. В. I, с. 187–93.

него плиты, точила, бруски и т. п., к артелям Верхотурского и Данковского уездов для добывания камня и обращения их в жернова и т. д. В противоположность тому, что имеет место в добывающей промышленности, в обрабатывающих кустарных промыслах, где типической производительной единицей является семейная ассоциация, соединение для работы посторонних друг другу лиц встречается как исключение. Впрочем, в некоторых местностях артельный труд распространен довольно широко. Так, из общего числа около 2500 местных и пришлых мелких промышленников в Ставропольской губернии 63,7% работают в одиночку, 21,4% – при помощи сыновей или наемных рабочих и 14,9% – артелями в 2–4 человека. Последняя форма производства встречается только у овчинников, полстовалов, шубников и плотников, т. е. в тех отраслях промышленности, которые весьма часто находятся в руках пришлых ремесленников. Мотивы соединения кустарей для общего производства довольно разнообразны. Иногда артель составляется как бы случайно, ввиду особенностей определенного момента и затем распадается. Так, кожевники Черниговского, Борзенского и Новозыбковского уездов Черниговской губ. иногда вдвоем покупают маленькую партию кож, которую или разделяются между собой, или – что бывает реже – вместе вычинят партию и поделят барыши. Иногда два кустика, имеющие по 10–15 кож, – ввиду отсутствия выгоды заливать чан при 10 кожах – соединяются в одном помещении для совместной работы с общими затратами на будло и т. п. Кузнецы с Черкасского Вольского уезда Саратовской губернии обыкновенно работают в одиночку, но «если случится крупная работа, то сходятся товарища два вместе». В разных селах Купянского уезда насчитывается до 60 местных овчинников. Они работают единолично, но в случае появления в селе зимой пришлого овчинника (обыкновенно заключающего с обществом договор о плате за выделку овчин и о недопущении в течение рабочего сезона другого пришлого мастера) они иногда соединяются с ним и работают сообща¹.

В других случаях артельная работа является продолжением артельной покупки материала и ограничивается операциями подготовки последнего для данного промысла. Это имеет место, например, в некоторых случаях совместного приобретения кустарями-древодолами леса на корню, когда покупатели сообща рубят купленный материал и подвергают его первоначальной отделке. Корзиночники д. Акатовки Царицынского уезда, например, приобретаемая в складчину лес, артелью же рубят его и делят кучками. Сырцевая артель гребенщиков в с-це Печки Карачевского уезда в составе 9 человек производила осенью рубку, очистку и выкладку купленного ею участка леса, раздел которого между товарищами произведен зимой, в деревне, куда

¹ Тр. куст. ком. В. I, с. 61; в. V, с. 347–354; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. VII, ч. 2, с. 48; Тр. ком. по иссл. куст. пр. Харьков. губ. В. 2, с. 28.

успевший высохнуть лес был доставлен артелью¹. Иногда при этом артель не ограничивается первоначальной подготовкой материала, а производит и некоторые из последующих работ. Так, колесники Одоевского уезда и санники Селецкой волости Трубчевского уезда (в 60-х гг.) сообща производят не только рубку купленного артелью леса, но и гнутье ободьев и полозьев, в каком виде материал и поступает в раздел между участниками². Если промысел, которым занимаются данные лица, заключается в приготовлении материала, который затем идет в продажу, то указанное продолжение артельного единения, составившегося для покупки леса, в применении к дальнейшим операциям – вырубке и первоначальной отделки бревен – имеет следствием, что все операции данного промысла производятся артелью, вследствие чего сырьевая артель превращается в производительную. Сказанное относится, например, к пилке теса. Пильщики теса Заклинской волости Бежецкого уезда Тверской губернии, покупая лес товариществами, иногда вместе и обрабатывают его. Пильщики теса в д. Старом Устинове Раковской волости Зубцовского уезда, соединяясь по 3 человека, покупают лес участками от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{2}$ десятины и затем пилят его на тес; «семья с тремя работниками работает одна, малосемейные же складываются и делают поровну работу и выручку. Иногда при этом покупают лес каждый особо, пилят же тес один день у одного, следующий – у другого и т. д.». Работы по пилке досок и теса, а также выделке гонта и дора, составляющих исконные промыслы крестьян д. Лаинки Тяполовской волости Поречского уезда Смоленской губернии, производятся большей частью артелями из нескольких хозяев, причем печи для выпаривания леса, из коего предполагается брать дор, строятся на общий счет, а тот артельщик, у которого нет денег для участия в этой постройке, отрабатывает свой долг артели трудом. Кустари – пильщики теса в Дорогобужском уезде Смоленской губернии – приобретают материал или в одиночку, или товариществами. Одиночки обыкновенно соединяются по двое и пилят по очереди – то одному, то другому. Удобство совместной работы при пилке теса побуждает иногда соединяться для этой операции, как подготовительной, кустарей-древделов, покупающих материал в одиночку; так, производители ящиков в Казанском уезде, приобретая материал в виде бревен, редко когда распиливают его наемным трудом. Обыкновенно же «малолюдные семьи, соединяясь между собой, работают вместе и составляют таким образом товарищества»³. Кроме перечисленных случаев, можно привести еще несколько примеров артельной организации местного древо-

¹ Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. III, с. 93; Сб. ст. св. по Орлов. губ. Т. X, в. II, с. 57.

² Тр. куст. ком. В. VIII, с. 1301–2; Свод. матер. по куст. пром. С. 198.

³ Сб. ст. св. по Тверск. губ. Т. VI, с. 169; Т. VII, с. 186. Рус. лесопром. 1888, № 8, 27, 35; Матер. для исслед. куст. пр. в Казанск. губ. С. 145.

делочного промысла. Так, по данным 1872 года, производство колес и телег в Симбирской губернии распространено в южной ее части. «Работа производится на дому самим хозяином, в одиночку или артелями с другими домохозяевами, притом так, что одни делают ободья, втулки, спицы, а другие – оси, остовы и слаживают колеса». Артелью производится иногда и выделка деревянной посуды. Материал также нередко закупается сообща. При заказе в 1873 году столярам с Воскресенского Александровского уезда Владимирской губернии, обыкновенно работающим на стороне артелями, столов для вновь открываемых школ, ввиду того, что они затруднялись работать по найму у кого-либо из односельцев, – им было предложено организовать артель; четыре столяра согласились на это предложение, и так как заказ превышал их силы, то они обратились к помощи наемного труда. Из 10 человек, работавших по найму, один был принят в члены артели. Для ведения счетоводства артель выбрала старосту; счета сводились раза 4 в год. Заработок делился по числу рабочих дней; 5% заработка отчислялось для приобретения старой фабрички под мастерскую. По окончании заказа комнатной мебели артель нашла работу в Москве. В Покровском уезде производством совков занимаются крестьяне д. Саниной Аргунской вол. Удобное разделение труда возможно при 2 и 4 работниках; поэтому если в семье имеется 3 работника, то она для «складности» приглашает четвертного со стороны. В Одоевском уезде Тульской губернии производство лопат для дальнейшего превращения в гребни для пряжи ведется на лесосеке, обыкновенно артелью, для члена которой пилят и раскалывают дерево, другие два тешут его. Работа сотни лопат, которую один рабочий может приготовить в течение двух дней, обходится в 1 руб. 50 коп. Сердцевина и плохо расколовшиеся отрубки идут в продажу на дрова, за которые те же лица получают 1 руб. 30 коп. с сажени. При выполнении в 1893 году заказа артиллерийского ведомства на деревянные ящики для укупорки ружей на сумму 75 руб. кустари Семеновского и Горбатовского уездов Нижегородской губ., Гороховецкого, Вязниковского и Муромского – Владимирской, в числе 400 человек, работали над заказом артелями в 3–4 лица. Сборка ящиков производилась в особой мастерской под наблюдением агента Министерства государственных имуществ. В д. Унжи и поч. Шлаки (22 работающих) Царевококшайского уезда Казанской губернии несколько бедных семей соединяются и «выделывают корыта то в одной, то в другой семье». В д. Калошине Поречского уезда Смоленской губернии латыши, держащие в аренде имение, начали артелью выделывать самопрялки, продаваемые в гор. Духовщине, Поречье и в крупных селах¹.

¹ Матер. для изуч. куст. пром. в России. С. 59, 64; Грамот. 1874, № 10, с. 68–72; Пр. Влад. губ. В. IV, с. 83; Тр. куст. ком. В. VIII, с. 1314, 1318; Сельск. вестн. 1893, № 34; Матер. для исслед. пром. Казанск. губ. С. 145. Смоленск. вестн. 1887, № 141.

Смоло- и дегтекурение еще недавно составляло один из важнейших промыслов крестьянского населения лесных районов, но в последнее время с истощением лесов, введением тяжелых условий пользования для целей смолокурения казенными лесами и по причине конкуренции, встречаемой смолой и дегтем со стороны смазочных веществ, добываемых из нефти, названный промысел быстро клонится к упадку. Процедуре собственно выкурки предшествует процесс подготовки смолья, который в различных местностях растягивается на время различной продолжительности. Так, в местности, изобилующей лесом, каковой представляется, например, Шенкурский уезд Архангельской губернии, эта предварительная процедура в начале 80-х годов велась таким образом. По контрактам или общественным приговорам с обязательством по круговой поручке хранить семенной лес, удельное управление или казенное ведомство отводят особые кварталы соснового леса, годного под смольняк, которые разверстываются между общественниками по душам. Затем каждый хозяин на своей делянке заготавливает смольняк «подсачиванием», т. е. сдираем с дерева коры на протяжении 3–4 четвертей аршина ежегодно в течение 5 лет (на что тратится всего 5 дней). Весной на пятый год кора сдирается совершенно, и высохшее к осени дерево свозится к месту выкурки, где смолокур уплачивает пошлину по 1 руб. с кубика, из которого полагается выкурить 5 бочек смолы. Здесь промысел ведется при самых благоприятных условиях, так как на подготовку материала употребляется период времени в 5 лет, а чем лучше он подготовлен, чем больше высохло дерево, тем более оно дает смолы при выкурке. В других местностях смолокурение поставлено в гораздо менее выгодные условия. В Пермской губернии, например, где размер платы лесному ведомству за пользование его материалом зависит, между прочим, от продолжительности периода выкурки, крестьяне в видах экономии берут это право на самые короткие сроки, например, около месяца, и в этот непродолжительный период времени они должны вывезти из леса материал, высушить его и произвести выкурку. При таких условиях процесс ведется очень несовершенно и количество получаемого окончательного продукта далеко не соответствует затрате и материала производства, и труда человека.

В прежнее время, при обилии лесов, смолокурение велось крестьянами в «ямах» так называемой круговой сидкой, в которой участвовало 10–15 человек и больше (Шенкурский уезд), до 50 (Бежецкий уезд), так как чем больше участников, тем обширнее может быть сделана яма, служащая для выкура, а при этом меньше выгорало смолы. Процесс смолокурения при ямном способе состоит в том, что выкопанная на возвышенности яма наполняется смольняком и зажигается. Когда огонь охватывает весь костер, его сразу и быстро засыпают землей, что производилось помощью, на которую сходи-

лась вся деревня. Ямная смола лучше печной, но так как при этом способе добывания много смолы выгорает, то он постепенно заменяется печным и в Шенкурском уезде в 1887 году исчез совершенно. При господствующем ныне печном способе смолокурения таковое производится в котлах, казанах или корчагах. При этом для производства операции выкурки нет надобности участия в ней многих лиц, и потому промысел может вестись самостоятельно, при помощи только членов семьи кустаря. Тем не менее по некоторым, не всегда, впрочем, определенным данным, смолокурение иногда ведется артелями. Так, по словам г. Козаченко, относящимся к Уржумскому и Малмыжскому уездам Вятской губернии и периоду времени конца 70-х и начала 80-х годов, «обыкновенно хорошие знакомые, иногда даже разных селений, желая заняться промыслом, но не имея достаточных средств для устройства завода, договариваются словесно, без заключения письменных обязательств и устраивают завод на общие средства, складываясь поровну, сообразно величине завода и числу предполагающихся в нем аппаратов». Они сообща добывают материал, в складчину платят пошлину (если завод устраивается на казенной даче), сами ведут производство, причем более крупные из них прибегают к наемному труду. Вырученные от продажи смолы деньги делят поровну. На некоторых заводах Орловского уезда, по данным 1889 года, все работы, подготовительные и по выкурке, производятся сообща и вырученные деньги делятся поровну. Новейшее исследование промыслов Вятской губернии, произведенное земством, не обнаружило существования артельной выкурки дегтя или смолы. Артельное смолокурение пользуется некоторым распространением в Пермской губернии. Так, в Шогринской волости Ирбитского уезда существует артель из 5 смолокуров. «На общие средства закупается сырье, каждый товарищ обязан работать помесечно, один после другого, и выручка, за исключением расходов, делится между товарищами поровну». По исследованию в начале 90-х годов, в Петропавловской, Еначаевской и Мостовской волостях Красноуфимского уезда насчитывается 88 смоло-дегтярных заводов, в том числе 60 дегтярных, 2 смолокурных и 28 смешанных; из них 13 заводов имеют по 2–3 котла или казана, остальные – по одному. Число лиц, занятых промыслом, равняется 164, между ними 5 работающих по найму. Артельных заводов 19, принадлежащих 39 смолокурам. 16 артелей имеют по 2 члена и артели по 3 члена. Артельные заводы вызваны к жизни, между прочим, тяжелыми условиями получения права занятия промыслом из казенного лесного материала. В видах экономии расходов крестьяне берут это право на короткие сроки – около одного месяца, и так как в течение этого месяца смолокур должен закончить всю операцию: вывозку из леса материала, сушку его и самое смолокурение, – то, работая один, он часто не успевает вовремя заготовить и использовать материал в количестве, окупающем затраты труда и

денежных средств работающего, и иногда не успевают даже возвратить деньги, уплаченные лесному ведомству (для гонки дегтя 3 руб. 15 коп. на котел за 1 месяц и 4 руб. 40 коп. за 2 месяца). Ввиду таких условий, чтобы сколько-нибудь выиграть время, кустари и должны соединяться в артели. В большинстве артелей работа и материал бывают общие и получаемый товар делится поровну между участниками. Обыкновенно работа идет так: в то время как один компаньон гонит деготь, другой заготавливает материал. В некоторых же артелях заготавливают материал и гонят деготь поочередно, понедельно, причем каждый работает на себя. Кустари с Красной Слободы Трубчевского уезда Орловской губернии, владеющие котлами товариществами из 3–5 человек, работая дома, производят гонку дегтя поочередно (понедельно); при выкурке же в лесу ведут дела всей артелью, «причем расходы и доходы делятся между участниками поровну»¹. «Возле д. Амшаровки Даниловичской волости Ельнинского уезда Смоленской губернии крестьяне устроили громадную печь, в которой производят фабрикацию дегтя из корчей» (пни с корнями), оставшихся от недавно вырубленных лесов.

В Чебоксарском уезде Казанской губ. смолокурением занято 123 человека в 2 волостях; число смолокурных печей 61. Человек 5 соединяются в артель и заключают с купцом в волостном правлении договор о доставлении ему к концу срока не менее 300 пуд. смолы с каждой печи, взамен чего купец должен выдать им в течение смолокурного периода (с 15 сентября по 15 апреля) по частям по 84 руб. на печь. С другой стороны, артель входит в соглашение с казной, которая отводит ей в лесу участки для выкорчевывания пней и устройства печей с платой 33 руб. с печи. Зажиточные смолокуры ведут дело помощью наемного труда. В Царевококшайском уезде «смолокурение ведется везде на артельных началах, так что доход делится между членами общины (?) соразмерно вкладу». О размерах артельного смолокурения можно судить по оборотам земской кассы для помощи кустарям. Кассой было выдано смолокурам ссуд:

В 1880 г.	28 артелям в составе 131 члена	4195 руб.
В 1881 г.	42 артелям в составе 210 членов	6570 руб.
В 1882 г.	57 артелям в составе 300 членов	10385 руб.
В 1883 г.	63 артелям в составе 338 членов	9190 руб.
В 1884 г.	59 артелям в составе 275 членов	5635 руб.
В 1885 г.	55 артелям в составе 254 членов	4900 руб.
В 1886 г.	50 артелям в составе 226 членов	3720 руб.

¹ Тр. куст. ком. В. XII, с. 717; Рус. лесопромыш. 1889, № 93; Матер. по опис. пром. Вятск. губ. В. III, с. 181; Куст. пр. Пермск. губ. на Сиб.-Ур. пром. выст. В. III, с. 138. С. перм. земств., № 1, с. 92–3; Сб. ст. св. по Орловск. губ. Т. III, приб. к табл., с. 195; Смол. вестн. 1894, № 7.

В 1887 г.	42 артелям в составе 190 членов	2895 руб.
В 1888 г.	18 артелям в составе 78 членов	1130 руб.
В 1889 г.	9 артелям в составе 41 члена	545 руб.
В 1890 г.	7 артелям в составе 30 членов	305 руб.
В 1893 г.	1 артели в составе 4 членов	20 руб. ¹

Здесь будет уместно сообщить о действии ссудной кассы Царевококшайского земства для помощи местным промышленникам. Царевококшайское уездное земское собрание внесло в 1873 году на утверждение правительства устав проектируемой им кассы для выдачи ссуд местным крестьянам, занимающимся лесными промыслами. В 1879 году губернское казанское земское собрание ассигновало для выдачи Царевококшайскому земству на устройство вышеупомянутой ссудной кассы 10 тыс. руб., заимообразно без процентов, сроком на 20 лет (впоследствии и уездное земство положило выдавать на это дело по 1100 руб. в год), а в 1880 году был утвержден и устав этой кассы, по которому ссуды выдаются артелям не менее как из 3 человек, в размере не свыше 60 руб. на одно лицо, на срок не более 11 месяцев, с удержанием по 0,5% в месяц, причисляемых к оборотному капиталу кассы для расширения ее действия. В первое время действия кассы ссуды предлагались смолокурам, о которых получались сведения от лесничих; но вскоре крестьяне понемногу начали узнавать о существовании кассы и стали сами обращаться к ее содействию. В первые два года ссуды возвращались аккуратно, но затем в числе заемщиков земской кассы появились лица, или вовсе не занимающиеся промыслом, или если и занимающиеся, то все-таки обращавшие занятую сумму (вопреки уставу) не на ту цель, для которой она выдана, а на другие расходы, что имело следствием появление недоимщиков и необходимость применения к ним указанных в законе средств взыскания долга. Прогрессивное возрастание неисправных плательщиков вынудило земство сокращать выдачу ссуд до возможного минимума и прибегать к средствам оценки благонадежности просителя, заключающимся в осмотре его имущества и опросе соседей; тем не менее злоупотребления продолжались, так как крестьяне, получившие ссуды, находятся без всякого надзора и образованные артели не имеют на местах попечителей. Эти злоупотребления заключаются как в обращении занятых для промысла сумм на различные домашние надобности, так и в извращении идеи артели. Известны, например, случаи «существования фиктивных артелей, в которых ссудами пользуется только одно лицо, а остальные члены артели или не принимают никакого участия при разработке лесных материа-

¹ Матер. для оп. зем. уг. Казан. губ. В. VIII, с. 68–69; В. V, с. 31; Отчет о действ. Казан. губ. зем. упр. За 1886–1887 гг. и следующие.

лов, купленных с помощью ссуды, или же играют роль батраков и все выгоды ссуды составляют достояние одного лица».

Со времени основания ссудной кассы по 1 июля 1893 год выдано ссуд 1298 артелям в количестве 6430 лиц; общая сумма выдач 115 тыс. руб., из коих не уплачено 4700 руб. Капитал ссудной кассы, возросший до 22 руб., служит также для позаимствований местного земства; такие позаимствования в уездный земский сбор составляли в 1893 году 13090 руб.

В первое время действия земской кассы требования ссуд предъявлялись почти исключительно со стороны смолокуров, но затем, начиная с 1834 года, смолокурение начало падать, зато усилились требования ссуд на ведение других промыслов, преимущественно выделка бревен и леса, развившийся благодаря вновь введенному в казенном лесном управлении порядку отпуска мелких лесных участков за невысокую плату. За время по 1 июля 1893 года выдано ссуд:

	Число артелей	Число членов	Ссуда, руб.
Вырубка бревен и дров	725	3715	53084
Смолокурение	432	2081	49513
Выделка корыт и чашек	96	435	8335
Выделка полозьев и ободьев	29	126	2720
Выделка мочал и заготовка лыка и коры			1595
Выделка рогож			200

Наибольшее число членов одной артели по годам колебалось от 12 до 25 человек, размер ссуды на одно лицо колеблется между 5 и 60 руб. По годам выдача ссуд составляла:

В 1880 г.	4550 руб.	В 1886 г.	13580 руб.
В 1881 г.	6660 руб.	В 1887 г.	11700 руб.
В 1882 г.	10385 руб.	В 1888 г.	5900 руб.
В 1883 г.	9190 руб.	В 1889 г.	7135 руб.
В 1884 г.	9500 руб.	В 1890 г.	10329 руб.
В 1885 г.	4900 руб.		

В три последние года выдача ссуд не достигала 2 тыс. руб.¹

В промыслах по обработке металлов иногда также встречается артельное ведение дела. Так, в д. Кругловой Ярославской вол. Слободского уезда

¹ Памятн. книжка Пермской губ. на 1889 г., «О значении куст. пром. и артелей», с. 21–3. Волжск. вестн., 1893 г., № 319. Отчет о действ. Казанской губ. земск. упр. За 1886–1887 гг. и следующие.

Вятской губ. между вотяками-кузнецами существует 3 товарищества, в починке Дергалевской той же волости и в с. Роговском – по одному. Товарищества, состоящие из нескольких человек, имеют общую кузницу, сообща покупают железо, сталь и уголь, совместно продают изделия (гвозди и др.) и выручку делят поровну. Гвоздари в Вятской губ. (в семи исследованных земством уездах) работают обыкновенно по 4–6 человек в одной кузнице или каждый из своего материала, или образуя товарищество из 2 участников. «В последнем случае один кузнец только вытягивает гвозди, раскаливая железный прут докрасна, и затем, вытянув конец его для гвоздя, вкладывает прут в горн уже в сторону своего товарища, который производит окончательную отделку гвоздя, завастривание его и отсекание в гвоздильне. Отрубив готовый гвоздь, кузнец снова вставляет в горн железный прут со стороны своего соработника, повторяющего все свои прежние манипуляции, и таким образом продолжается дальнейшаяковка гвоздей». В районе металлического промысла Московской губ. общение кустарей было наблюдаемо г. Исаевым в 1876 году в д. Хлебниковой Троицкой вол. Московского уезда, где существует подносная мастерская из трех участников, устроившаяся таким образом. Один из участников жил в мастерях у одного хозяина. Когда последний состарился, рабочие его оставили, кроме вышеупомянутого мастера, который снял у старика квартиру и стал работать на свой страх, отдавая расписывать подносы на сторону; старик же занимался сбытом изделий в Москву. Через некоторое время к участию в артели был приглашен живописец. Доходы делятся поровну, а старик, кроме того, получает вознаграждение за хлопоты. Производство крестьянских плугов, развившееся в последние годы в Гжатском уезде Смоленской губ., ведется не только единолично, но и артелями кузнецов. Так, в зиму 1899/90 годов производством плугов в г. Гжатске занималась артель кустарей, арендовавших кузницу местного купца; артелями ведется производство плугов и в д. Никольской. По данным начала 70-х годов, кузнецы Судогодского и Владимирского уездов занимаются, главным образом, изготовлением новых и починков старых серпов, собираемых кустарями, отправляющимися вдвоем-втроем по селам своей и соседних губерний. «Серповщики нередко составляют артели. Одни в течение зимы только собирают серпы, а другие зубрят их и оттачивают или куют новые. Сборщик по возвращении домой отдает своему компаньону набранные старые, а сам получает с него исправленные новые серпы и опять отправляется в путь». Иногда сборщик получает со своего товарища отступное, по 1 руб. 50 коп. за сто собранных серпов¹.

¹ Тр. куст. ком. Т. XI, с. 353; Матер. по опис. пр. Вятск. губ. В. V, с. 169; Пром. Москов. губ. Т. II, с. 72; Прогресс. течения в крестьян. хоз. С. 236; Сельск. вестн. 1893, № 44; Матер. для изуч. куст. пром. в России. С. 255–256.

Витье веревок принадлежит к числу промыслов, требующих участия нескольких человек, и иногда ведется артельным путем. Так, в северной части Ардатовского уезда Нижегородской губернии веревочно-прядельный промысел существует в селах Саконах и Липовке Саконской вол. и д. Выковке и Н.-Лазаревке Мечасовской вол. Работают на крупных скупщиков, отправляющих веревки в Москву, Петербург и на Нижегородскую ярмарку. В с. Саконах работают на 26 колесах, в Липовке на 34, в Выковке на 5 и Н.-Лазаревке на 3 колесах. На каждом колесе работают 4 прядельщика, и для верчения колеса требуется еще рабочий (обыкновенно женщина), т. е. нормальная производительная единица состоит из 5 человек. Так как редкая семья обладает таким числом семейных рабочих, то многие хозяева для ведения промысла должны или прибегать к наемному труду, или соединяться в артели. То и другое действительно и наблюдается. Наемных рабочих здесь 65, а артель составляется из 2–3 семейств. В Кузнецком у. Саратовской г. артельная организация веревочного промысла существует в двух деревнях. В с. Верхнее Аблязово Анненковской волости промыслом занимаются 37 человек. Веревочники обыкновенно заводят один стан (стоимостью в 10 руб.) вдвоем или втроем. Колесо для стана покупают в г. Кузнецке. Пеньку приобретают по 2 руб. 50 коп. пуд; веревки продаются на кузнецком базаре, в год выделывают 100–200 пуд. на товарища. Работа производится на дворе или под навесом. В д. Грязовке Евлашевской вол. промыслом занимаются 18 человек, работающих по заказу скупщика из его материала. «Прядут по двое, по трое, на одном колесе и сообща нанимают колесника» (для верчения колеса). Интересный пример организации веревочного промысла представляла в 60-х годах д. Залеская Смертинской волости Котельничского уезда Вятской губ., после введения веревочного промысла из бедной превратившаяся в зажиточную. «Крестьяне вместе пашут, засевают землю, жнут, косят и проч.; если кто отстанет, другие помогают. Прежде здесь был общий большой сарай – веревковитня, и все крестьяне в свободное от полевых работ время занимались витьем веревок сообща, и доходы и расходы рассчитывались по правилам товарищества. Ведение счетоводства вверено было одному лицу. Теперь товарищество не существует; каждый хозяин работает отдельно с помощью своего семейства»¹.

С введением в некоторых местностях постройки крестьянских изб из кирпича, нужный для этого материал иногда готовится теми хозяевами, которые задумывают строить кирпичную избу, причем нередко это приготовление совершается артелью. Так, в Каменской волости Тамбовского уезда «бывает иногда, что два крестьянина одной деревни входят между со-

¹ Нижегород. сб. Т. VIII, с. 17–23; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. X, отд. III, с. 188, 265. Мещерский и Модзалевский. Св. матер. по куст. пром. С. 379–80; Тр. куст. ком. В. XII, с. 837.

бой в соглашение готовить кирпич на общие средства и общим трудом. Работают они, например, два лета и прекращают производство, когда наготовят кирпич на две избы, которые потом и строятся у обоих товарищей вместо прежних деревянных». В с. Успенском Краснополянской волости Елецкого уезда Орловской губернии, где крестьяне сами обжигать кирпич не умеют, для производства его в размерах, требуемых для постройки изб, нанимаются на общие средства нескольких дворов пришлые кирпичники из Лебедянского уезда Тамбовской губернии. Иногда таким образом выделяется кирпич и для продажи. Артельная выделка кирпича на продажу встречается и в Костромском у. в Малых Солях, где в конце 70-х годов устроен сообща двумя крестьянами кирпичный завод, на котором работают сами хозяева при помощи одного наемного рабочего. Выделяют до 100 тыс. кирпичей в лето. За глину платят по 20 коп. с тысячи кирпичей. Кирпичное производство в Шадринском уезде Пермской губернии пользуется широким распространением. «Выделкой кирпича занимаются своими семьями, редко несколько семей соединяется в одну артель»¹. Артельное производство кирпича пользуется более широким распространением при работе на стороне.

ГЛАВА IV

Индивидуалистические течения в современной общине

Выше было объяснено, что артельная организация пользуется значительным распространением в отхожих промыслах. Причины указанного явления заключаются в том, что, во-первых, отхожий характер имеет, между прочим, большой по числу промышленников отдел промыслов строительных (плотники, землекопы и т. п.), обыкновенно недоступных силам производителей-одиночек и требующих применения сотрудничества; во-вторых, потребность района, куда направляются представители остальных промыслов, обыкновенно не может быть удовлетворена работой одного человека, а несколько лиц, идущих в одну местность, часто предпочитают соединиться в товарищество, которое при житье в чужой стороне представляет много удобств промыслового и непромыслового характера; в силу сказанного артельная работа на стороне наблюдается и в таких отраслях промышленности, в которых она редко встречается на месте. Соединение нескольких отхожих промышленников делается не только и не всегда для совместной работы, но также и для других целей промыслового характера. Так, на предыдущих страницах были

¹ С. Каменка Каменской вол. С. 102; Сб. ст. св. по Орлов. губ. Т. II, прилож., с. 27; Тр. куст. ком. т. IX, с. 2134; Сб. пермск. земства. 1888, с. 190.

указаны случаи соединения среди овчинников, валяльщиков, щеточников и т. д. с целью захвата определенного района сбыта во избежание конкуренции как между собой, так и со стороны других промышленников. При этом остальные моменты всего предприятия могут вестись в одиночку и маленькими артельками, или составленное товарищество кустарей участвует целиком во всех или некоторых операциях предпринятого дела. Примером подобного рода соединений отхожих промышленников могут служить артели бондарей Симбирской и Рязанской губерний. Большое село Утесовка Алатырского уезда Симбирской губернии населено сплошь бондарями, издавна занимающимися этим промыслом. Работа ведется на стороне, причем промысел имеет следующую организацию. Ежегодно бочары соединяются в несколько артелей из 80–90 человек каждая. Всякий член артели вносит 200 руб. на предмет приобретения материала в размере, необходимом для годового производства. Лица, не имеющие требуемой суммы, поступают в артель в качестве наемных рабочих с вознаграждением в 70–100 руб. за 10-месячный период работы при хозяйском содержании, а их доля на закупку материала вносится зажиточным бондарем. Сформированные артели посылают доверенных лиц для приобретения леса на общий капитал, достигающий 16–18 тыс. руб. у каждой артели, каковое приобретение (по цене около 100 руб. за десятину) делается в Мамадышском, Чебоксарском и Елабужском уездах. Затем образованная сырьевая артель превращается в производительную. После приобретения леса артели отправляются для его заготовки и живут на месте работы в общей квартире, имея общий стол, выбирая для ведения хозяйства экономов. Купленный лес рубится и превращается в доски. Так как для самих бочаров нужно только дубовое дерево, которое встречается в количестве 30–50 стволов на десятину, то есть остальной лес тотчас же продается артелями местным крестьянам за невысокую цену 20–30 руб. десятина. В продажу поступают и худшие из выделанных ими досок; лучшие же в количестве около 400 кадушек на каждого артельщика (размер его годового производства) нагружаются на купленные для этого случая баржи и отправляются на места производства. Для работы бочек по заказу и на продажу бондари останавливаются в городах: Самаре, Хвалынске, Балакове, Вольске, Саратове, Камышине, пос. Дубовке, Царицыне и с. Золотом. Описание организации бочарного промысла в с. Утесовке источника, которым мы пользуемся¹, недостаточно определено для того, чтобы судить – артелью или единично ведется самая выделка бочек. Сказанное относится и к нижеследующему описанию отхожего бочарного промысла в Рязанской губернии. «Некоторые бондари Касимовского, Спасского и Егорьевского уездов составляют 2–3 большие артели и отправляются в города Славянск и Изюм Харьковской губернии, где на артельные деньги покупают

¹ Симбир. губ. ведом. 1875, № 50.

плоты в 1000–1500 берез, платя за плот до 1000 руб. Часть артели остается здесь для обработки купленного дерева, другая продолжает путь, пределом которого служат Бахмутский и Славяносербский уезды Екатеринославской губернии и Ростовский – Донской области. Здесь бондари останавливаются в селениях, лежащих по р. Северному Донцу, и живут до весны, изготавливая изделия из взятого с собой материала; с открытием навигации плоты приходят в заранее намеченные места, или дерево провозится по железной дороге»¹.

Артельная организация отхожего промысла пользуется наибольшим распространением в отраслях, составляющих подразделение строительного дела как такого, которое по своей сущности требует совместной работы многих лиц и легко допускает соединение таковых на артельном начале. По выказанной причине применение здесь артели может и не находиться в зависимости от отхожего характера занятия. Иное следует сказать о тех промыслах, которые на месте ведутся или семейными ассоциациями, или при помощи наемного труда, каковы: портняжный, овчинный, валяльный и т. п. Соединение промышленников этого рода в артели при отходе на сторону должно быть приписано именно условиям работы на стороне. Как мы видели выше, эти условия благоприятствуют соединению кустарей в целях обеспечения рынка для сбыта своих изделий или района для приложения своего труда. На этом дело единения и могло бы закончиться, что же касается производства самой работы, таковая могла бы совершаться как на месте, в одиночку или при помощи наемного труда – принимая во внимание, что уход на сторону нескольких членов семей, т. е. работа семейной ассоциацией, представляется трудно осуществимой. Это именно и наблюдается в большинстве случаев работы на стороне, но рядом с мастерскими, составленными из наемных рабочих, здесь нередко встречаются и артельные, и это отличие отхожего промысла от местных вытекает из большей трудности найти наемного рабочего для ухода на сторону, нежели для работы на месте, и из большей рискованности отхожего промысла, располагающей даже зажиточного промышленника скорее разделить риск предприятия с равноправным товарищем, нежели взять его исключительно на свою ответственность.

Если указанные причины благоприятствуют артельной организации работы на стороне, зато другие как бы побуждают к сохранению неравноправности среди членов одной и той же производительной единицы. Непромысловые районы нуждаются в приходе со стороны промышленников по таким специальностям, которые требуют значительного искусства при выполнении работы, тогда как более простые отрасли промышленности имеют сносных представителей на месте. Всего более развито привлечение со стороны (не говоря о группе строительных работ) портных и валяльщиков, а соответствующую

¹ Сб. ст. св. по Рязанск. губ. т. XI, с. 256.

щие отрасли промышленности, и в особенности портняжное дело, не только требуют большого искусства в выполнении работ, но и допускают разделение труда между более и менее искусными мастерами. В силу сказанного известная часть специалистов этого дела, не обладающая достаточным искусством, лишена возможности выступить в качестве самостоятельного хозяина предприятия и обречена на занятие в мастерской второго места. Это значит, что известная часть промышленников бывает вынуждена соглашаться участвовать в производстве в качестве подчиненных лиц. При местном характере промысла подобные лица, если они не состоят членами семейных ассоциаций, обыкновенно работают как подмастерья, по найму. В отхожем промысле их значение повышается и иногда они получают возможность войти в мастерскую не наемниками (обыкновенно получающими большее вознаграждение за труд сравнительно с наемными рабочими на месте), а самостоятельными членами артели, хотя бы и с несколько обрезанными правами. Это умаление прав одних в пользу других обыкновенно касается заработка и заключается в том, что более опытный мастер получает несколько больше, нежели его сотоварищи; но иногда – в случаях важной роли в предприятии денег, коммерческой ловкости и т. п. – лица, соединяющие в своих руках и деньги, и опытность, значительно возвышаются над другими членами артели, так что последняя скорее приближается к капиталистическому предприятию с участием рабочих и прибылях последнего. Примером сказанного может служить овчинный промысел Шацкого уезда Тамбовской губернии, занимающий руки около 3¹/₂ тыс. семей. Промысел – преимущественно отхожий, отдают ему зимнюю половину года. Огромное большинство овчинников занимается не в одиночку, а артелями из 3–5 человек, представляющими нечто среднее между капиталистическими и трудовыми предприятиями. Во главе артели стоит зажиточный овчинник «атаман». Он руководит технической частью предприятия и ведет артельное хозяйство, т. е. расходует из своих средств суммы на наем квартиры, покупку инструментов, содержание артели и т. п. Он же покупает овчины для выделки артелью в тех случаях, когда она работает не на заказчиков. В силу таких денежных отношений между «атаманом» и членами артели, первый получает большую долю выручки, нежели последние. Доля каждого артельщика определяется по его соглашению с «атаманом» и зависит от степени искусства овчинника. Если же последние имеют и некоторые денежные средства, идущие на предварительные затраты, то подобная артель «уже более приближается к товариществу из совершенно равноправных участников в предприятии». Вырученная артелью сумма, за покрытием всех расходов, делится на число частей, соответствующее числу членов артели. Атаман сверх своей доли, как сказано выше, получает, смотря по условию, от 15 до 25%, а с плохих овчинников и до половины определив-

шегоса по равномерной раскладке дохода. Чистый заработок плохого овчинника – 20–50 руб. в полугодие, хорошего – 50–100 руб. Скорняжный промысел, впрочем, принадлежит к числу тех, где применение артели встречается редко. Артельная организация промысла распространена, например, в Казанской губернии, овчинники которой отправляются в смежные уезды своей и чужих губерний очень часто артелями в 4 человека¹.

Гораздо большим распространением пользуется артельная организация в валяльном промысле. Так, в Тамбовской губернии Моршанском уезде этим промыслом занимаются все 155 домохозяев с. Плоской Дубравы Питерской волости. Зимой они работают дома, а весной и осенью в моменты, свободные от полевых работ, уходят в южные уезды Тамбовской губернии артелями от 6 до 12 человек и работают по заказу местных крестьян из их материала и на их содержании. В Липецком уезде шерстобиты (450 дворов) работают в течение 3 зимних месяцев преимущественно в Воронежской губ. и Донской области всегда вдвоем или втроем. Валяльщики с. Поповки Бугурусланского уезда ходят парами, так как кошмы валяются вдвоем, а большие – втроем. В Тверской губернии, Новоторжском у. Марьинской волости, в деревнях Владычино и Клоково валяльным промыслом занимаются на месте и в окрестных деревнях, причем иногда соединяются по 2–3 человека. Из Быковской волости Тверского уезда валяльщики уходят в уезды своей и Московской губернии по 2–3 человека вместе; один работает за мастера, остальные за его помощников; заработок делится почти поровну, с небольшой надбавкой мастеру. Валяльщики Заручьевской волости Бежецкого у., уходя на заработки, иногда берут одного-двух рабочих «на условиях или половинного заработка, кто хорошо работает, или с платой от 5 до 25 коп. с заработанного рубля». В Калязинском уезде валяльным (с шерстобитным) промыслом занято 260 местных промышленников и 5180 отхожих. Они ходят на работы в Ярославскую, Владимирскую, Московскую, Псковскую, Смоленскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Курскую, Тамбовскую и Воронежскую губернии и считаются лучшими после нижегородских и ярославских. Работают на стороне или самостоятельными артелями из 2–5 человек, или по найму от подрядчика. Артель или поселяется на рабочий сезон (зиму) в одной деревне и работает по заказам крестьян соседних деревень, или переходит из одного поселения в другое. В первом случае она нанимает квартиру с тем, чтобы хозяйка готовила обед из ее материала; во втором случае кустари живут и харчатся у тех крестьян, кому они в данное время работают². В Вятском уезде переработ-

¹ Сб. ст. св. по Тамб. губ. Т. VI, с. 169–170; Матер. для изучения промысл. Казанск. губ. С. 183; Матер. к оц. зем. в Казанск. губ. В. VIII, с. 69.

² Сб. ст. св. по Тамб. губ. Т. III, с. 246; Т. VIII, с. 100; Сб. ст. св. по Самарск. губ. Т. IV, с. 86; Сб. ст. св. по Тверской губ. Т. II, с. 159; Т. VIII, с. 184; Т. VI, с. 170; Т. V, с. 152–153.

кой шерсти занимается 2341 человек, в том числе 572 отхожих промышленника в волостях Югринской, Нагорской и Сулаевской. Отхожие валенщики отправляются в уезды Вятской губернии, а также в Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии. Идут на сторону артелями в 2–3 человека, из коих один старший, старающийся приобрести определенных заказчиков и производящий работу катания вещи, и один-два помощника, занимающихся разборкой и битьем шерсти. Последние получают меньшую долю общей выручки. Иногда мастер просто нанимает себе рабочих за определенную плату. Шерстобиты Яранского уезда (300 человек) идут в отход в одиночку или по 2–4 человека. Валяльщики-шерстобиты Семеновского уезда Нижегородской губернии уходят на сторону большей частью артелями. По данным начала 70-х годов, шерстобиты и валенщики Костромской губернии идут на промысел преимущественно из северо-западной части Макарьевского и смежной с ней юго-западной полосы Кологривского уезда и, кроме того, из Варнавинского, Ветлужского, Галичского и Буйского уездов. Отправляются промышленники зимой в соседние северные и восточные губернии, в Сибирь и низовое Поволжье или по найму от хозяев, или самостоятельными артелями из 4–8 человек. Работа производится в домах заказчиков или на квартирах, нанимаемых в городе или торговом селе. Работают на заказчиков и для продажи на окрестных базарах. Шаповалы д. Скачиловки Бехтеевской волости Сычевского уезда Смоленской губернии работают зимой маленькими артелями в г. Смоленске Витебской губернии, Белевском уезде Тульской губ. и т. д. Так, в 1891–1892 годах семь человек шаповалов работали в Смоленске, разбившись на несколько артелей¹.

Применение артельного начала в портняжном отхожем промысле встречается довольно редко, потому что, во-первых, трудная техника производства суживает круг конкурентов, во-вторых, возможность и даже необходимость разделения труда между исполняющими труднейшие и простейшие операции производства дает происхождение значительному техническому неравенству членов одной мастерской, сплошь и рядом находящихся к тому же между собой в отношениях учителя и ученика; в-третьих, техника промысла открывает возможность отдельным мастерам выделиться в качестве наиболее искусных и умеющих угодить заказчикам и таким образом монополизировать в свою пользу определенный потребительный район. Все указанные обстоятельства, с одной стороны, крайне затрудняют образование союзов, состоящих из равноценных работников и, следовательно, образование самостоятельных артелей, с другой – облегчают опытному мастеру наем для

¹ Матер. по опис. пром. Вятск. губ. В. 1, с. 73; Тр. куст. ком. В. XVI, с. 245; Матер. к оц. зем. Нижегород. губ., экон. ч. Т. XI, с. 214; Костр. губ. вед. 1874, № 43; Матер. для ст. Костр. губ. В. IV, с. 108; Смол. вестн. 1892, № 14.

работы на стороне помощников подмастерьев, что дает ему возможность избежать выбора между работой в одиночку и в качестве равноправного с другими членами самостоятельной артели. По высказанным причинам, артельная организация портняжного промысла наблюдается очень редко.

Так, в Спасском уезде Тамбовской губ. портные (304 двора) работают в ближайшем округе, обшивая преимущественно мордовское население: ходят товариществами из двух-трех человек на 4–5 зимних месяцев; чистый заработок – 10–15 руб. на человека. Из Кузнецкого уезда Саратовской губернии портные с. Верховома (42 человека) и с. Нового Шаткина (106 человек) Кунчеровской волости отправляются по деревням в Саратовскую, Самарскую и Пензенскую губернии артелями в 2–3 человека и заработки делят поровну, закройщик же получает лишнее, или в размере 10 коп. с каждого выработанного рубля, или определенную плату со сшитой штуки одежды, или 3 руб. за весь рабочий (зимний) сезон. Некоторые ходят с подростками-подмастерьями. Портные с. Труева Никольской вол. (37 человек) ходят артелями из 2 человек с учеником, которому плата идет понедельно. Портные (160 человек) с. Нижнее-Аблязово Анненковской вол. соединяются по двое, редко по трое и нанимают еще одного работника и одного ученика. Выручка делится между хозяевами поровну и равняется в средние годы 40–75 руб. на человека. В отход, преимущественно в Самарскую губернию, портные идут артелями (?) в 20–30 человек. Немногие из портных д. Плетьма Баклушинской вол. Вольского уезда ходят за пределы уезда артелями человека по 2–3 в одни и те же деревни, к знакомым, через посредство которых легче добыть работу. Портные (17 человек) д. Ивановки Сапожковской волости Сердобского уезда ходят на работы (на 3 зимних месяца) в Аткарский и Балашовский уезды артелями в несколько человек: «в каждой партии один закройщик, которому прочие платят по 10 коп. с рубля заработка». Портные Ардатовского уезда Нижегородской губернии «отправляются на свой промысел кучками человек в 5 и более, вместе с мальчишками. Отыскав работу в каком-нибудь селении, они остаются здесь, принимают заказы и, окончив их, переходят в другое село. Правильно организованного товарищества или артельного начала между ними нет». По данным конца 70-х годов, «в Арзамасе шитьем полушубков на продажу из купленных овчин занимаются пять артелей от 2 до 5 человек в каждой из Ардатовского уезда»¹.

Артельная организация при работе на стороне наблюдается иногда в следующих промыслах, не имеющих строительного характера. В Саконской волости Ардатовского уезда Нижегородской губернии существует отхожий придильный промысел. «Собирается артель в 3–4 человека, садятся на ло-

¹ Сб. ст. св. по Тамб. губ. Т. V, с. 99; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. X, с. 31, 45, 232, 212; Т. VI, ч. 2, с. 109; Т. IX, отд. III, с. 556; Нижегород. сб. Т. VIII, с. 240; Тр. куст. ком. В. III, с. 111.

шадь, захватывают с собой прядильное колесо и разъезжают по окрестным деревням, ища работы на заказ от крестьян. Если работа находится, прядильщики наскоро устанавливают заведение и прядут; кончили – едут в другую деревню. Жизнь их похожа на жизнь отхожих овчинников, шерстобитов, швцов, бондарей, холодных кузнецов и других кочевников-ремесленников). В Сердобском уезде Саратовской губернии веревочники д. Дивовки Урусовской волости по 3 человека на одной подводе отправляются на 4–6 недель между парья в смежные губернии для работы; «харчатся там, где работают, убытки (уведут лошадь и проч.) и чистый заработок делят поровну»; заработок около 30 руб. на человека. Во многих волостях Вятского и Нолинского уездов существует отхожий гончарный промысел. Гончары отправляются зимой к инородцам Вятской губ., а также в Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую губ. большей частью артелями в 2–4 человека. Встретив место, где есть спрос на гончарные изделия, «горшечники нанимают обыкновенно квартиру и работают вполне самостоятельно, продавая изделия в розницу и на свал»¹. Обработка дерева совершается наиглавнейшим образом местными, а не отхожими промышленниками, поэтому и литературные указания на применение артели в отхожих деревообрабатывающих промыслах встречаются довольно редко. В Медынском уезде Калужской губернии, например, по деревням ходят артели дужников из 3 человек и производят по заказу крестьян операцию гнутья дуг. Артель составляется из мастера и двух рабочих. Мастер получает $\frac{1}{3}$ общего заработка и одну-две копейки, смотря по уговору при составлении артели, «за мастерство». «За испорченную дугу артель денег не получает, вследствие чего рабочие стараются выбрать мастером человека действительно знающего. Частая порча дуги влечет очень печальные последствия, так как за это мастер платится своими боками». В Усохской волости Трубчевского уезда Орловской губернии существуют производительные артели отхожих смолокуров. Смолокуры д. Дальск отправляются для промысла в Черниговскую и Киевскую губернии и здесь гонят смолу самостоятельными артелями с уплатой «месячной явки» 20–40 руб. с пары котлов, выручая при этом при 4 работниках и лошади до 45 руб. в месяц (прежде получали до 100 руб.). При дележе дохода принимаются во внимание как число котлов, так и рабочая сила каждого артельщика. Уходят на время с апреля до июля и опять с 15 августа до ноября. В последнее время с упадком промысла расширяется гонка смолы из части, потому что, во-первых, скупившие леса евреи иначе не сдают пни, а во-вторых, заработки самостоятельных артелей значительно понизились².

¹ Тр. куст. ком. Т. VIII, с. 1235; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. IX, отд. III, с. 348; Матер. по опис. пр. Вятск. губ. В. III, с. 235.

² Тр. куст. ком. В. II, с. 83; Сб. ст. св. по Орлов. губ. Т. III, приб. к табл., с. 113.

Артельная организация промыслов, с которыми мы только что имели дело, обусловливается в большинстве случаев отхожим их характером. В промыслах, к которым мы переходим, обнимающих различных отделы строительного искусства, единоличное ведение дела представляется невозможным и нормальная производительная единица должна состоять из нескольких работников, соединившихся в качестве равноправных участников в предприятии или как наемники одного хозяина. Тот или другой вид кооперации является результатом многих обстоятельств, из коих некоторые благоприятствуют образованию самостоятельных артелей, другие способствуют появлению капиталистических предприятий. Благоприятные для образования самостоятельных артелей условия заключаются в том, что строительное дело требует соединения нескольких групп одинаково искусных работников и что для его ведения не требуется затраты капитала на материал. Благодаря указанным условиям особое искусство в работе и обладание денежными средствами не настолько возвышают отдельных лиц над массой промышленников, чтобы они получили возможность сделаться единственными распорядителями предприятия и навязать остальным работникам предпринимательскую организацию промысла. Сказанное, однако, не имеет абсолютного значения, так как хотя занятие строительным делом и не требует затраты денежных средств на самое предприятие, но, чтобы отлучиться на несколько месяцев из дома, нужно иметь деньги для уплаты податей и на некоторые расходы для остающейся на месте семьи. С другой стороны, неимущие крестьяне при всякой встретившейся в течение года надобности в деньгах и ввиду отсутствия кредитных учреждений вынуждены прибегать к частному кредиту, который им охотно открывают, между прочим, подрядчики по строительной части, под условием уплаты долга работой в набираемой ими партии наемных мастеров. Благодаря указанному обстоятельству известная часть промышленников ежегодно лишается возможности участвовать в самостоятельных артелях; эта часть колеблется из года в год в размерах и меняется в личном составе в зависимости от различных обстоятельств, ослабляющих или усиливающих потребность тех или других лиц в частном кредите вообще, в кредите хозяев-подрядчиков в частности.

Так, в Ливенском уезде Калужской губернии в начале 70-х годов разного рода отхожих промышленников – плотников, пильщиков, каменщиков, землекопов, печников, штукатуров, углежогов и т. п. – насчитывалось больше 7000 человек, из них рощенские рабочие (занимающиеся лесными промыслами) уходят в начале зимы, когда собран хлеб и уплачены подати, и потому они могут отправляться на заработки самостоятельными артелями. Прочие же промышленники, занятие которых начинается весной, чтобы

двинуться в путь, должны обратиться к кредиту и находят его у лиц, предлагающих идти на промысел в качестве их наемных рабочих. При благоприятном стечении обстоятельств, позволяющем мастерам воздержаться от займа у подрядчика, они тоже организуются в артели. Но никто из них не застрахован от того, чтобы на следующий год не попасть в наемные рабочие. Так, например, несколько каменщиков Рождественской волости успели однажды вовремя очистить недоимки, составили самостоятельную артель и имели выгодную работу в течение года в г. Ставрополе; но на следующий год артельщики были вынуждены сделать заем у подрядчика и пошли на промысел уже в качестве его наемных рабочих. В Дмитровском уезде Курской губернии количество отхожих промышленников – плотников, каменщиков, пильщиков и т. п. – колеблется около 5–6 тысяч человек. Мастера стараются отправиться на работу «братскими», как они называют, артелями, но устроиться таким образом удается далеко не всем желающим. По приблизительным данным, самостоятельными артелями работают около 30% плотников и 40% каменщиков. В артели поступают все, кто не запутался в долгах у местных рядчиков, «а запутаться у них здешнему крестьянину (северных волостей, с песчаной и суглинистой почвой) недолго. После длинной зимы крестьянину приходится разом и хлеб покупать, так как в большинстве случаев его хватает только до масленицы или до “чистой” недели, и “править” подати за первое полугодие, а обратиться за деньгами не к кому, кроме рядчиков, так как здесь никто, кроме них, денег в долг не дает». А рядчик кредитует нуждающегося под условием поступления работником в его партию. В Обоянском уезде насчитывается до 2000 землекопов, идущих на работу артелями, за исключением бедных крестьян, нанимающихся к рядчику на условии получения небольшого задатка для уплаты податей¹.

Другим условием, затрудняющим образование самостоятельных артелей в строительных промыслах, является необходимость искать работу далеко от места жительства промышленников. Указанное обстоятельство естественно приводит к выделению особого класса лиц, взявших на себя отыскание работы, для чего они заводят в разных местах знакомства, стараются приобрести доверие заказчиков и этими мерами успевают сосредоточить в своих руках наиболее выгодные подряды, что дает им возможность предписывать набираемой партии промышленников свои условия, вместо того чтобы подчиняться их требованиям. Иногда эти лица ограничиваются функцией отыскания работы, которую передают самостоятельным артелям промышленников, взыскивая с них за посредничество определенную сумму или процент с заработка. В других случаях такой рядчик набирает для

¹ Калужские губ. вед. 1875, № 57–8; Пр. и грам. центр. района Курск. губ. Отд. II, с. 40, 43; Сб. ст. св. по Обоянскому уезду. С. 48.

исполнения подряда артель самостоятельных мастеров и сам входит в нее в качестве одного из членов, но при этом, во-первых, выговаривает себе или получает и без предварительного уговора что-нибудь за отыскание работы, во-вторых, будучи сам обыкновенно из числа лучших мастеров, естественно становится распорядителем работ, а иногда и заведующим хозяйственной частью артели, т. е. исполняет те функции, которые при других условиях образования артели поручаются выборным лицам. Наконец, рядчик, имеющий в своих руках определенный подряд и обладающий денежными средствами, для того чтобы выдавать кому нужно задатки, совершенно разрывает с артельным началом и набирает себе партию настоящих наемщиков. При этом к нему поступают не только члены обедневших семей, нуждающиеся в наличных средствах и обеспеченном заработке, но и выдающиеся мастера, которым он не жалеет назначить вознаграждение, какое они вряд ли добудут, участвуя на равных с остальными правах в самостоятельной артели. Так как затруднение в приискании работы тем больше, чем дальше отстоит район приложения труда промышленников от их местожительства, а вместе с увеличением этого затруднения возрастает и значение рядчика, то в рассматриваемых отраслях промышленности общее распространение имеет факт преобладания артельной формы труда в ближнем отходе и капиталистической – в дальнем.

Новым условием, способствующим капиталистической организации некоторых промыслов, служит предложение со стороны заказчика таких работ, для выполнения которых требуется одновременное участие сотен работающих. Так как составление одной подобной артели представляется крайне затруднительным, а разбивать подряд на несколько частей не в интересах работодателей, обыкновенно предпочитающих сдать дело в одни руки, гарантирующие исправность его выполнения, то все крупные подряды (например, землекопные работы на строящихся железных дорогах) обыкновенно попадают в руки капиталистов, набирающих большие партии наемных работников.

Некоторое влияние на организацию отхожих промыслов, по-видимому, оказывает национальность промышленников. По крайней мере, этим обстоятельством думают объяснить различие в организации промыслов в Дмитровском уезде Курской губернии, населенном великороссами, и Суджанском – с преобладанием малорусского племени. Хотя экономическое положение суджанских крестьян по причине лучшей почвы надела выше, нежели дмитровских, а большая экономическая обеспеченность благоприятствует артельной организации промыслов, тем не менее кирпичники, пильщики, плотники и каменщики Суджанского уезда всегда отправляются на работы, нанимаясь к рядчикам: «без рядчика, – иронически говорят

о них плотники-великороссы, – в чужом городе они с голоду перемерут, потому что им самим работы себе не сыскать»¹.

Численный состав отхожих артелей весьма неодинаков, в зависимости от размера операций, за которые берется артель. В плотничном промысле, например, в районах, где промысел удовлетворяет только потребности местного сельского населения, артели обыкновенно состояются из 1–5, много 10 человек. Для работ в дальних местах и в городах, где размер предприятий больше, состояются более многочисленны артели. Так, плотники Спасского уезда Тамбовской губернии, отправляющиеся для заработка в Пензенскую губернию, состояются из 15–20 человек; работающие в Москве по отделочной и паркетной части артели судоводских плотников состоят из 8–15 человек. Вологодские артели состоят из 6–12 человек, дорогобужские артели достигают размера в 20 человек. Плотники, отправляющиеся из Скачковской волости Духовщинского уезда Смоленской губернии, собираются в артели от 15 до 75 человек. Артели каменщиков, строящих каменные здания, не достигают столь больших размеров, как артели плотничьи; обыкновенный размер – из 5–7 человек. Численный состав граборских артелей обыкновенно тоже невелик – 4–10 человек, но для выполнения найденного большого подряда артель составляется из 20–25 человек и более.

Организация отхожих артелей представляет различную степень сложности и оформленности. Там, где артель состоит из небольшого числа приблизительно равноискусных лиц, работает в ближайшей окрестности, не принимает никаких особых мер для предварительного отыскания подряда и содержится в период работы на счет заказчика – как это имеет, например, место среди плотников, занимающихся возведением или починкой крестьянских строений, – не наблюдается никаких формально установленных или формально выраженных правил, никаких подразделений в среде артели. Все члены артели вместе работают над заказом, все исполняют приблизительно одно и то же дело, вместе садятся за хозяйский стол, ложатся спать в отведенном им помещении, делят между собой поровну заработанную сумму и по окончании одного заказа все одинаково ищут другого. Необходимость в каком-либо особом мероприятии или расчленении среди членов артели впервые появляется в случае, когда артель должна харчиться во время работы за свой счет или когда предстоит необходимость предварительно отыскать подряд. В первом случае артель должна вести известное хозяйство, для заведывания которым избрать особое лицо; во втором – выделяется личность рядчика, не остающегося без влияния на организацию артели. Рядчик – обыкновенно в то же время опытный и искусный мастер – или действует как самостоятельное лицо, отыскивает работу и организует

¹ Пр. и грам. центр. района Курской губ. Отд. II, с. 44.

артель, становясь ее руководителем; или является выборным представителем артели как для отыскания работы, так и для руководства ею, для заведывания хозяйственной частью артели и для сношений с работодателями. Такой староста, «большак», «уставщик», не всегда утверждается в своей должности распорядителем прямым, формальным избранием; иногда это делается как-то само собой. Так, в артелях углекопов, дроворубов и пильщиков Ливенского уезда староста выдвигается сам собой из числа лиц, выдающихся по уму или ловкости и изворотливости характера; благодаря названным качествам, к обладающему ими лицу обращаются за советом или за указанием другие члены артели, и понемногу он становится как бы избранным молчаливым соглашением старостой и исполняет все функции последнего. Не оправдавший ожидания артели также молчаливо лишается своего сана, и на его место выдвигается кто-либо другой. В некоторых местностях артелью избираются два должностных лица: рядчик – для сношения с работодателем и распоряжения технической частью артели и староста – для заведывания ее хозяйственными делами. Хозяйство артели заключается в общей квартире и общем столе. Иногда обязанности стряпухи выполняются хозяйкой квартиры, чаще же специально для этого нанимается женщина или приготовление пищи поручается одному из второстепенных мастеров – членов артели. Покупка провизии производится старостой, иногда при участии других членов артели. Староста же хранит артельные деньги, ведет счет с каждым из членов артели, забирающим у него ту или другую сумму в счет заработка, иногда посылает деньги в деревню в счет податей и т. п. Все эти расходы в большой артели или записываются, или, при отсутствии в артели грамотных лиц, замечаются на бирках.

При разделе заработка подводится итог расходам и, по проверке старосты, оставшаяся сумма делится между артельщиками, причем староста или не получает ничего сверх своей доли как члена артели, или награждается несколькими лишними рублями «на сапоги». В маленьких артелях, выполняющих простые работы, заработок делится между всеми поровну. В артелях более крупных, составленных из неодинаково опытных и искусных мастеров, лучшие и более опытные получают больше остальных своих товарищей. В большей части артелей такое распределение делается по заранее условленной пропорции; иногда же оно совершается иным путем. Так, в артелях плотников из с. Славцова Суздальского уезда Владимирской губернии, работающих в Москве по части разной отделки и паркетов, после раздела чистого дохода между всеми поровну голосами стариков от долей худших рабочих отделяется известная сумма в пользу лучших. Плотники Кирсановского уезда уменьшают долю худших мастеров на 10%. В большинстве случаев, однако, пропорция, в какой должен быть распределен между членами артели

ее заработок, устанавливается при самом составлении артели. Обыкновенно мастера по степени искусства делятся на 3 разряда, или «руки». В больших плотницких артелях, например Дорогобужского уезда, плотник первой руки должен уметь исполнять трудные работы вроде приготовления и вставки оконниц и дверей; плотник второй руки делает срубы; третьей руки – обтесывает бревна. Отношение между долями разных мастеров, приходящимися им по разделу, приближаются к следующим цифрам: 12: 10: 8, 14: 12: 9, 12: 8: 6, 10: 8: 6 и т. д. В некоторых артелях встречается еще четвертый разряд работников-перволетов, на долю коих выпадает наименьший заработок.

В некоторых промыслах процедура работы может быть выполняема не иначе, как путем одновременного приложения к одной и той же операции силы нескольких человек; в других – работа может быть производима и сообща, и в раздел. Последнее относится, например, к некоторым видам землекопного дела, и в этом случае нередко артель предпочитает раздельную работу гуртовой. Так, смоленские грабари, по словам А.Н. Энгельгардта, «когда роют канаву, то размеряют ее на участки (обыкновенно по 10 сажень) равной длины, бросают жребий, кому какой участок рыть, – потому что земля не везде одинакова, – и каждый равным образом, и рядчик, роет свой участок. Если расчищают кусты или корчуют мелки пни – тоже делят десятину на участки (нивки), и опять по жребию каждый получает участок. Словом, вся работа производится в раздел – разумеется, если это возможно, и каждый получает по количеству выработанного».

Отношения между членами артели весьма часто не исчерпываются чисто деловой стороной в зависимости от особенностей промысла, а носят и известный нравственный характер. «В артели граборы (смоленские) отлично ведут себя: ни пьянства, ни шуму, ни буйства, ни воровства, ни мошенничества. Артель не только зрит за своими членами, но, оберегая от всяких подозрений свою добрую славу, наблюдает и за всем, что делается в усадьбе, дабы не случилось какого воровства, подозрение в котором могло бы пасть на граборов. Все граборы любят выпить, и когда гуляют дома, то пьют много, по-русски, несколько дней без просыпу, но в артели ни пьяниц, ни пьянства нет. Никто в артели не пьет в одиночку, а если пьют, то с общего согласия все вместе, в свободное время, когда это не мешает работе. Поступая, например, на работу, пьют “привальную”, оканчивая работу, пьют “отвальную” и тут пьют здорово; во время же работы пьют по малости, когда холодно, сыро и есть особенно трудная работа. В настоящих граборских артелях нет ни пьяниц, ни мошенников, то есть они, пожалуй, и бывают, но сдерживаются артелями, потому что еще не совсем отпетые люди». Неисправимые же пьяницы и воры в артель не принимаются. «Иногда пьяницы-одиночки соединяются в артели, выбирают кого побойчее рядчиком и снимают где-нибудь работу, но

такие артели нередко оканчивают дело бесчестно»¹. Староста в артели плотников из с. Сливцова Судогодского уезда, работающих в Москве, старается удержать членов артели от разорительной гульбы и т. д.

Заработок мастеров в артели обыкновенно выше заработка, на какой они могут рассчитывать, нанимаясь к подрядчикам, исключая наиболее искусных работников, которые иногда получают от подрядчиков очень большое жалование. Невыгоды же артельной работы заключаются в меньшей обеспеченности относительно подрядов. Обычный годовой заработок в Дмитровском уезде плотника колеблется в артели, смотря по его искусству, между 60–80 руб. и 120–140 руб., работающего по найму – между 40–50 руб. и 80–90 руб.; каменщика: в артели – между 90–100 руб. и 140–160 руб., у подрядчика – между 40 и 90–110 руб. Каменотесы Зубцовского у. зарабатывают в артели 95–135 руб., у подрядчика – 70–120 руб. Юхновские землекопы в артели зарабатывают на 10–20% больше, нежели у подрядчиков.

Для наглядного ознакомления с организацией отхожих артелей в нижеследующем приводится описание обычного типа артелей плотников и каменщиков в Дмитровском уезде Курской губернии. «Когда подберется достаточное число (12–18 человек) “братчиков” и “на кругу” порешат, что больше в артель принимать никого не следует, – приступают к выбору старосты», обязанность которого состоит в распоряжении работами, надсмотре за всем, что делается в артели, исправлении промахов при работе членов артели, руководительстве новичками-перволетчиками и который хранит братскую кассу, за исполнение каковых обязанностей он получает от артели 20–30 руб. сверх своего пая. Староста обыкновенно выбирается из лучших мастеров, и если он человек грамотный и умеет разбираться в архитектурских планах, то его вознаграждение увеличивается еще рублем на 30. Кроме старосты, избирается из степенных и более трезвых мужиков «артельщик» для заведования хозяйством артели. Каждую неделю артельщику делается учет. Происходит это обыкновенно в воскресенье поутру, когда вся артель в сборе и «и напиток еще не успели». Служба эта бесплатная и никаких выгод для занимающего эту должность не представляет: «сплошь и рядом за артельщиком по прошествии недели оказывается “прочет” (“коли что не досмотришь”) рубля в 2–3, которые он должен пополнить из своего кармана. Чаще всего, впрочем, артель берет “грех” на себя».

По прибытии в город на место работы нанимается квартира, по возможности в наиболее отдаленной части, обыкновенно с платой 5–6 руб. за комнату с отоплением, освещением и приготовлением пищи. При отсутствии со стороны хозяйки квартиры согласия на это последнее условие, артель входит в соглашение с какой-либо торговкой на базаре, уплачивая ей за труд 2–3 руб.

¹ Из деревни. С. 278–80.

в месяц, причем квартира обходится артели соответственно дешевле вышеуказанной цифры. Отыскивать работу по городу отправляется староста с кем-либо из членов артели – кто побойчее и поречистее. На работы выходят, смотря по надобности, или всей артелью, или группами в 4–5 человек. Деньги получает староста в присутствии 2–3 братчиков. Из полученной суммы уплачивается долг в лавку, что делается артельщиком вместе с 2–3 братчиками, и остальные деньги поступают на хранение к старосте до момента раздела («дувана»), каковой происходит три раза в лето: около Петрова дня, 6 августа и перед уходом домой. Полученные деньги каждый тотчас отправляет домой, оставляя себе 2–3 руб. на наличные расходы. Каменщики и плотники ходят для работы в Полтавскую, Черниговскую и Киевскую губернии. Почти везде, по единогласному их отзыву, наниматели предпочитают самостоятельные артели партиям с подрядчиком во главе; им только не дают почему-то строить церкви. Предпочтение артелей подрядчикам объясняется тем, что они берут дешевле за работу и исполняются ее добросовестнее. «Купцы даже отыскивают такие артели, и если их нет поблизости, то посылают за ними нарочно верст за 40–50 своих приказчиков»¹.

После сделанного общего очерка организации отхожих артелей перейдем к изложению материала относительно главнейших из рассматриваемых промыслов – плотничьего, каменщицкого и землекопного.

Плотничий промысел весьма распространен во всей Вологодской губернии, в частности, в Сольвычегодском уезде, где он ютится у г. Сольвычегодска и по р. Сев. Двине, т. е. в местностях, где есть возможность найти значительную работу. Плотники работают артелями – чистыми или эксплуатируемыми предпринимателями. Артель работает на стороне в течение 10 месяцев, возвращаясь в деревню для земледельческих работ на время от 20 июня до 15 августа. Артель обыкновенно состоит из 6, 12 или 18 «топоров» – по возможности равносильных и равноискусных работников. Работают они большей частью с подряда, с заключением с работодателем письменного условия, скрепляемого всеми членами артели. Все участники считаются совершенно равноправными лицами: «каждый должен работать столько, сколько другие, каждый должен расходовать на квартиру и продовольствие, сколько и другие, каждый должен получать из заработков столько, сколько и другие, – на этих трех положениях держится весь механизм и сила артели». Для заведывания делами артель выбирает «рядчика» и «старосту». На первом, избираемом из числа лучших рабочих, лежат, во-первых, обязанности по сношению с хозяином, от которого он получает нужные распоряжения и замечания, во-вторых, руководство работой артели: назначение порядка работ, распределение последних между членами артели, исправление

¹ Грам. и пром. центр. района Курск. губ. Отд. II, с. 41–2.

сделанных кем-либо ошибок. Староста заведует хозяйственной частью, причем назначение на тот или другой день пищи делается при участии артели. Артель контролирует действия выборных и в случае недовольства смягчает их; денежные счета старосты по временам подвергаются проверке. Заработок, за вычетом текущих расходов, делится между всеми поровну; лишь иногда рядчик получает «на сапоги» 2–3 рубля. «Артель понуждает ленивых, штрафует прогулявших или отвыкнувших от дела рабочих и совершенно исключает из своей среды негодных членов. Для прогулявших день или проработавших дома в своем хозяйстве, – что случается нередко – артель раз и навсегда устанавливает штраф; смотря по времени работ, их спешности и длине рабочего дня, штраф колеблется между 30 и 40 коп. в день»¹.

Плотники Дорогобужского уезда Смоленской губернии, в числе 1752 человек, разделяются на две группы: местных и отхожих. Местные плотники встречаются во всех волостях, работают в пределах уезда, отправляясь для этого на сторону 2 раза в год, «в две упряжки», каждая в 3 месяца: весеннюю, начиная с 15 апреля, и осеннюю – с 15 августа. Идут на работу артелями большими (10–20 человек) и малыми (3–5 человек). Малые артели ищут работу в целом составе, а большие обыкновенно поручают это дело избранному из своей среды «рядчику», вознаграждая его за это при разделе заработка несколькими рублями. Подряд (большей частью во владельческих экономиях) берется рядчиком, на имя свое или артели. Малые артели занимаются большей частью крестьянскими постройками и работают на хозяйских харчах, большие – на своих. Продовольствием заведует выборный, а приготовление пищи поручается или наемной кухарке, или одному из плотников «третьей» руки. Для приобретения продуктов продовольствия берется обыкновенно задаток. По степени искусства плотники в больших артелях разделяются на три «руки». Сообразно искусству распределяется и заработок: плотник первой руки обыкновенно зарабатывает в месяц 12 руб., второй руки – 10, третьей – 8 руб. Артели плотников, отправляющиеся в г. Смоленск и в прилегающие к нему уезды, набираются из семей, имеющих не менее 2 рабочих. Они уходят также в 2 упряжки: со второй недели Великого поста до 29 июня и с 15 августа до 1 октября или 8 ноября. Большие артели (10–20 человек) формируются рядчиками-плотниками, имеющими в Смоленске знакомых, через посредство которых они берут подряд и набирают артель, вступая в нее в качестве обыкновенного плотника первой руки, а за отыскание подряда получают с каждого артельщика по 1 руб. Не попавшие в большие артели плотники соединяются в маленькие и отправляются в Смоленск. Плотники, работающие в чужих губерниях (Могилевской, Виленской, Черниговской, Витебской), нанимаются к подрядчику.

¹ Русск. ведом. 1879, № 218.

Плотники Скачковской волости Духовщинского уезда отправляются на работу артелями в 15–75 человек, составляемыми плотниками-рядчиками, отыскивающими работу. Взяв подряд, рядчик собирает артель, объясняет ей условия заказа и отдает взятые в задаток деньги, которые разделяются между всеми. Затем сосчитывается предполагаемый расход на инструменты и на продовольствие артели во время работы, составляется нужная сумма и вручается одному из артельщиков с возложением на него обязанностей эконома и кухарки. При разделе заработка опытные плотники получают больше малоопытных. В Вяземском уезде плотничеством занято 538 человек. Плотники удаленных от Вязьмы волостей ходят по окрестным деревням для постройки крестьянских изб, большей частью артелями в 3–4 человека. Плотники из волостей, ближайших к Вязьме, работают в г. Вязьме и по линии железной дороги редко артелью, обыкновенно же нанимаясь к подрядчику. Плотники Юхновского уезда (508 человек), распределенные более или менее равномерно по всем волостям, занимаются главным образом постройкой крестьянских изб и ходят на работу всегда артелями от 2 до 6 человек. Кормятся во время работы на свой счет или на счет нанимателя¹.

Плотники с. Сливцова Судогодского уезда Владимирской губернии отправляются на работу в Москву, где они занимаются преимущественно резной отделкой и паркетами в три «поживы»: с декабря месяца до Пасхи, с Пасхи до Казанской (8 июля) и от Преображенья или Успенья до Егорья (26 ноября). Артель в количестве 8–15 человек чаще всего составляется (в деревне) на время от поживы до поживы, иногда и на целый год. Староста или вожак артели старается отыскать новую работу до ухода на побывку в деревню. Староста отправляет или сам отвозит в деревню подати за членов артели, выправляет для последних паспорта, берет билеты на железной дороге и т. п. Обязанности кухарки исполняет мальчик, отдаваемый вожаку артели для выучки. Ест артель во время работы сытно. Окончательный расчет производится в деревне: сосчитывается общий заработок и расходы, и если сохранившаяся у старосты сумма соответствует исчисленному остатку, то он получает от каждого члена артели по 1 руб. сверх пая. Чистый заработок делится между всеми поровну, после чего, по указанию старосты, часть пая плохих рабочих передается лучшим. За прогулы кого-либо вычета не производится, но староста старается удержать членов артели от разорительной гульбы. Плотники Гороховецкого у. работают самостоятельными артелями или нанимаясь к подрядчикам².

Отхожие промышленники Костромской губернии разделяются на деревенских, работающих в окружных деревнях, и городских, отправляющихся

¹ Русский лесопромышленник. 1890–91, № 117–118; Смоленский вестник. 1887, № 134. Сб. ст. св. по Смоленск. губ. Т. I, в. II, с. 151; Т. IV, отд. III, с. 44.

² Русский курьер. 1880, № 166; Юридич. вестн. 1891, № 11, с. 356–7.

по преимуществу в Петербург. Деревенские ремесленники: плотники, пильщики, портные, сапожники, валенщики и др. — ходят в одиночку или группами от 2 до 5 человек под руководством хозяина или, гораздо реже, артелями с равными правами членов их. В городском отходе почти всецело господствует наем к подрядчику. Деревенский отход развит преимущественно в уездах Макарьевском, Кологривском и отчасти Буйском. Постройка судов-гусянок близ г. Кологрива производится по заказу купцов артелями плотников. Артель обязана произвести все работы — от вырубki леса до постройки судна.

В Вятской губернии в Уржумском уезде плотников 7870 человек, из них 4211 работают в дальнем отходе, а 3660 — в ближнем, в пределах своего уезда. В дальний отход идут по найму от подрядчика, в ближний — большей частью самостоятельными артелями. Так как в последнем случае плотники идут, не имея в виду определенного порядка, то нередко зарабатывают они немного, и потому число самостоятельных артелей с течением времени сокращается. В Орловском уезде 1542 плотника работают на месте, 758 уходят в дальние места и 122 человек работают в пределах уезда. Плотники дальнего отхода работают у подрядчиков; в окружные деревни ходят или с мелкими подрядчиками, или самостоятельными артелями. Одной из разновидностей здешнего плотничества является промысел по постройке белян. Работа ведется или подрядчиком, нанимающим рабочих, или артелью плотников с круговым друг за друга ручательством. Артель, размером до 20 человек, формируется плотником же, нашедшим работу. Составленная артель входит в соглашение с заказчиком об условиях заказа. Устроитель артели остается ее распорядителем или большаком, распоряжается работой, заведует хозяйственной частью и работает наряду с прочими, но получает, кроме равного с другими пая, еще 1 руб. — 1 руб. 50 коп. с сажени длины беляны, что составит приблизительно еще столько же. Каждый член артели может войти в нее несколькими топорами, пополняя их членами семьи или наемными рабочими. Артель на месте работы кормится сообща, нанимая стряпуху. Большак следит за поведением артельщиков. Пьянство в артели редко¹.

В Тверской губернии, в Новоторжском уезде, плотники Раменской волости работают по деревням в одиночку и артелями в 2–3 человека; плотники Супромлинской волости нанимаются подрядчиками. В Тверском уезде насчитывается 410 плотников, работающих на месте, и 1500 в отходе; плотники Воскресенской вол. (137 местных и 604 отхожих) уходят большей частью артелями, возлагая отыскание работы и заключение условий на одного из своих членов. В Старицком уезде 3428 плотников, из них 2956 — отхожих. Идут

¹ Жбанков. Бабыя сторона. С. 12–14; Этнограф. сб. В. VI, 1864. «О лесопромышленности на р. Унже», с. 28 и след.; Матер. по стат. Вятск. губ. Т. II, ч. II, с. 72; Т. III, ч. II, с. 76; Сев. вестн. 1888, № 10, с. 81; Волжск. вестн. 1888, № 282.

преимущественно в Московскую губернию артелями от 5 до 30 человек и работают или самостоятельно, или от подрядчика. Величина заработка зависит от искусства данного плотника. Плотники Ржевского уезда (4273 человека) уходят в губернии Смоленскую, Новгородскую, Псковскую, Витебскую и С.-Петербургскую и на Николаевскую железную дорогу. Уходят плотники, большей частью нанимаясь к подрядчику, а в редких случаях работая самостоятельными артелями. Плотники Епифанского уезда Тульской губернии ходят маленькими артелями; заработок делится между взрослыми поровну, а подростки получают определенную плату (с. Буэц). Плотники Казанской губернии (3572 человек) работают в окрестных селениях или ближайших городах артелями в 3–4 человека¹. В С.-Петербургской губернии в Лужском уезде плотники (1100 человек) работают по деревням, по мызам и главным образом в г. Луге. Ходят большей частью с подрядчиком, но также соединяются и в самостоятельные артели из 5–6 человек. В С.-Петербургском уезде самостоятельных плотников больше всего в Усть-Ижорской волости (29 человек). Они работают (строят дома) артелями в 4–5 человек. В Нижегородской губернии плотники из сел Мурашкино, Павлово, Залесье и др. Горбатовского уезда работают на стороне самостоятельными артелями размером до 30 человек. По данным середины 70-х годов, плотники с. Полян Олехинской вол. отправляются по деревням для работы артелями в 2–5 человек; заработок делят поровну. Плотники Лукояновского и Арзамасского у. ходят на сторонние работы артелями в 6–7 человек. Плотники Казанской вол. Балахнинского уезда, работающие нанимаясь к подрядчикам, прежде работали самостоятельными артелями; «со временем наиболее предприимчивые члены артелей стали от них отделяться, отыскивать наемных рабочих, и организация плотничества постепенно приняла ту форму, какую она имеет в настоящее время»².

В Сумском уезде Харьковской губ. плотников насчитывается около 100 человек, в д. Константиновке Хотенской волости и 25 в д. Владимировке. Работают больше по найму подрядчикам, но есть и артели, работающие преимущественно в г. Сумах. Артель из 4–10 человек, одинаковых по силе и умению, составляется лицами (обыкновенно двумя), отыскавшими работу. Эти лица обыкновенно становятся как бы старшими, распределяют работу между членами артели и служат посредниками между артелью и заказчиком. Харчи для продовольствия артели покупают на неделю по воскресеньям, для чего на базар идут обыкновенно 2–3 человека; понедельно сводят и расчет. Выручка делится между всеми поровну, не исключая и старшего. «Если слу-

¹ Сб. ст. св. по Тверск. губ. Т. II, с. 161–2; Т. VIII, с. 172; Т. IV, с. 142; Ржевский уезд. С. 132; Сев. вестн. 1888, № 10, с. 82; Матер. для исслед. пром. Казанск. губ. С. 134; Матер. к оц. зем. Казанск. губ. В. VII, с. 117.; В. X, с. 184.

² Матер. по стат. нар. хоз. в С.-Петерб. губ. В. VI, с. 204; В. V, с. 282; Сев. вестн. 1888, № 10, отд. 2, с. 82, 85. Нижег. сб. Т. V, с. 195; Тр. куст. ком. В. VII, с. 784.

чится, что от старших нет в работе порядка, тогда найдут знающего плотника со стороны, а устроители артели становятся простыми рабочими». Плотники считают артельную работу лучшей, но работа с подрядчиком распространена больше, потому что рядчик скорее отыскивает подряд. В Рязанской губернии насчитывается больше 27 тыс. плотников. Большой частью они ходят по найму от подрядчика; но при ближнем отходе плотники соединяются в самостоятельные артели и заработок делят между собой поровну.

В Курской губ. в Щигровском уезде 1571 плотник, в том числе $\frac{2}{3}$ отхожих и $\frac{1}{3}$ местных. Отхожие отправляются преимущественно в южные города, вплоть до Черного моря; они нанимаются к подрядчикам. К рядчикам же нанимаются и работающие на месте у помещиков; те же, которые берут работу у крестьян, составляют самостоятельные артели из 4–6 человек. В Дмитровском уезде 3634 плотника, из них около 30% работают самостоятельными артелями, а остальные нанимаются к подрядчику. Идут на работу на южную окраину империи. Бывшие государственные крестьяне работают самостоятельными артелями издавна; помещичьи до освобождения крестьяне если и отпускались на сторону (из Фатеевки гр. Соллогуба), то под надзором рядчика; артельная же организация промысла ввелась между ними после освобождения от крепостной зависимости¹.

В Орловской губернии в Кромском уезде плотники (217 человек) работают у подрядчика или самостоятельными артелями, выбирая старшего, который получает с рубля (кроме своей части по разделу) по 5 коп. с лучших плотников, по 10 и 15 коп. с худших. Между остальными членами артели заработок распределяется сообразно их искусству; размер его колеблется от 50 до 100 руб. на человека в лето; плохие плотники имеют не больше 25 руб.; старший зарабатывает 100–200 руб. Плотники Брянского уезда занимаются постройкой зданий на станциях Орловско-Витебской жел. дор. обыкновенно артелями, составляемыми лицами, отыскавшими работу. В Тамбовской губернии в Шацком уезде плотничеством занимаются крестьяне 4400 дворов. В дальний отход – в Донскую область, южные уезды Саратовской губернии, частью в Воронежскую губернию – плотники уходят по найму подрядчиков на 9–10 месяцев и получают средние по искусству 50–80 руб., лучшие 90–125 руб., а в виде исключения и 150 р. на харчах хозяина, причем путешествие в оба конца плотник совершает на свой счет, расходуя на этот предмет от 8 до 20 руб. В ближние места многие плотники ходят самостоятельными артелями в 5–10 человек. Эти артели состояются из лиц, одинаково искусных в работе, выручка делится между ними поровну, но старший артельщик, ведущий хозяйство артели, приискивающий работу и

¹ Тр. ком. по иссл. пр. Харьк. губ. В. I, с. 73; Тр. куст. ком. В. VII, с. 1005; Сб. ст. св. по Рязанск. губ. Т. XI, с. 255; Сб. ст. св. по Курск. губ. Т. VIII, отд. V, с. 247–9; Пром. и грамотн. ц. района Курск. губ., с. 43.

вообще служащий посредником между артелью и работодателем, иногда получает больше других. Работа самостоятельными артелями выгодна для плотников средней руки; что же касается более искусных, им и подрядчики не жалеют высокой платы. Большая часть плотников Лебедянского у. промышленяет постройкой крестьянских изб в соседних деревнях; меньшая часть работает над более крупными постройками в городах, и в этом случае они состоят в найме у подрядчиков. В Спасском у. плотники с. Дерябкина (150 дв.) ходят в Пензенскую и Саратовскую губернии артелями в 15–20 человек. Плотники Хилковской волости (100 дв.) уходят на работы не дальше 100 верст или по найму от подрядчика, или самостоятельными артелями в 4–10 человек. Из общего числа 1400 плотников Кирсановского уезда очень немногие работают с подрядчиком в своем и чужих уездах. Большая часть строит крестьянские избы артелями в 3–5 человек. Выручка делится между всеми поровну, но если кто-нибудь работает хуже других, его заработок уменьшается на 10% в пользу остальных товарищей¹.

В Самарской губ. в Бугульминском уезде, где плотничеством занято 1140 человек, об организации работ известно только, что татары деревень Исерпагова Бавлинской волости и Шугушлы Спиридоновской ходят в 3–4 человека по соседним деревням строить и чинить избы. Плотники Бугурус-ланского уезда строят крестьянские избы в ближайшем округе, причем лишь о плотниках с. Соврухи известно, что они или нанимаются к подрядчикам, по цене 40 руб. в лето, или артелями в 2–3 человека ходят в междупарье по чувашским деревням и вырабатывают около 70 коп. в день на топор. В Саратовской губернии, по данным 1871 года, плотники артелями из 2–4 человек отправляются по селам строить крестьянские избы, сараи, амбары, мельницы и т. п. По новейшим сведениям, плотники Саратовского уезда Нейловской волости работают большей частью артелями, равно как и плотники Озерской волости (артелями в 4–5 человек), отдающие промыслу более одного месяца. В Балашовском уезде плотники с. Баклуши (75) ходят большей частью артелями (к подрядчикам нанимается не больше $\frac{1}{4}$ части) в 4 человека, работают у крестьян и помещиков. Более опытный плотник выбирается за старшего, ищет работу и ведет расчет; особого вознаграждения за это не получает. Нанимаются на хозяйских харчах. Заработок делят смотря по искусству. Плотники с. Завьялова (25 человек) и с. Ольшанки (20 человек) Завьяловской волости, плохо понимающие дело, ходят на работу артелями в 4–5 человек, приставая к более знающему и уплачивая ему за руководство 10% выручки. Плотники с. Дурникино (50 человек) ходят артелями из 4 человек без подрядчика за 20–30 верст; выручают по 8–10 руб. в месяц. В Вольском уезде

¹ Сб. ст. св. по Орловск. губ. Т. IV, в. II, с. 41, 55; Смоленск. вестн. 1894, № 45; Сб. ст. св. по Тамб. губ. Т. VI, с. 151–6; Т. XI, с. 95; Т. V, с. 86; Т. X, с. 141.

плотники работают на стороне отдельно друг от друга и самостоятельными артелями; идут из с. Огаревки Лопуховской волости, с. Колояр (в последнее время стала распространяться работа товариществами человек из 4, нанимающими еще человек двух), д. Барсукова Колоярской волости, из с. Пилюгина Кикинской волости, с. Старой Лапастейки и д. Кизятова Сосновской волости (товариществами ходят мало). Камышинские плотники уходят из с. Топовки артелями в 4–6 человек. В Сердобском уезде плотники д. Новинки Дуровской волости работают в окрестных деревнях (строят крестьянские избы) артелями в 2–3 человека; плотники с. Соколки артелями человек из 8 подряжаются к лесопромышленнику готовить в лесу срубы; работают круглый год, кроме 1½ месяца летом; «заработки делят между собой поровну»¹.

Артельная организация промысла кладки каменных зданий распространена значительно меньше сравнительно с промыслом по деревянной стройке по той причине, что работа самостоятельными артелями применяется, главным образом, к крестьянским постройкам, а последние сооружаются преимущественно из дерева. Лишь в последние 20 лет кирпичные постройки начали распространяться среди крестьян, а вместе с ними явилась почва для более широкого развития артельной организации каменщиков. Впрочем, и в настоящее время эта организация не имеет широкого распространения.

Каменщики Лукояновского и Арзамасского уездов Нижегородской губернии отправляются артелями в 6–7 человек и добираются до Урала. Они «выбирают себе старшего, который следит за стройкой, выверяет каменные стены, распределяет рабочих в разные комнаты, отделяет лучших “лицевых” мастеров для работ по фасаду, производит учет прогульных дней, забранных артельщиками денег и блюдет за внутренними порядками в артели, а также прикрикивает на рабочих, когда они ссорятся или ругаются за пищу; делает распоряжение, когда заводить известку, когда прекратить ссыпание песка; делает выговоры, замечания, сменяет артельную кухарку, не умеющую варить и печь, а также штрафует двумя рублями за прогульные дни; сносится с хозяином об угощении водкой и пр. Его обязанности велики, а признаком его старшинства служит сажень. Когда старший неграмотен, он выучивается по праздникам грамоте и позволяет себя штрафовать за пьянство тремя рублями. При найме кухарки с нее спивается полштофа. При найме на работу договаривается старший или несколько старших после предварительного соглашения артельщиков на цены, и подписывает контракт». Заработок его одинаков с простыми артельщиками. Из общего числа 437 каменщиков Дмитровского у., работающих в Полтавской, Черниговской и Киевской губерниях,

¹ Сб. ст. св. по Самарск. губ. Т. V, с. 99; Т. IV, с. 86; Матер. для изуч. куст. пром. в России. С. 57. Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. III, с. 91; Т. XII, в. 1, отд. II, с. 56, 422, 425, 439; Т. VII, ч. 2, с. 72, 81, 87, 151, 249, т. XI, с. 115; т. IX, отд. III, с. 196, 518.

около 40% организуются в самостоятельные артели. Число самостоятельных артелей, по-видимому, увеличивается. В Тамбовской губернии, Лебедянском уезде, 389 дворов каменщиков занимаются кладкой кирпичных изб по деревням, для чего соединяются в артели из 45 человек. Часть же каменщиков Покровской и Стрелецкой слобод работают в городах по найму от подрядчиков. В Усманском уезде каменщики (100 семей) заняты главным образом кладкой деревенских изб, артелями от 5 до 10 человек. Каменщики Тамбовского уезда весьма мало искусны в своем деле. Обыкновенно один настоящий каменщик набирает несколько рабочих и с ними производит кладку крестьянских кирпичных изб. Каменщики Кирсановского у. ходят на работы в Саратовскую губ. или с подрядчиком, или самостоятельными артелями, причем один из членов последней, по выбору, бывает распорядителем (приискивает работу и заключает условие), за что получает лишних 3–4 руб. Наемные каменщики получают от 40 до 70 руб. за сезон в 6 месяцев; артельщики, при достаточной работе имеют чистый заработок в 60–70 руб. на человека. Каменщики с. Дурникина Балашовского уезда (30 семей) Саратовской губернии работают артелями человек в 5 за 50–100 верст и более от своего местожительства, иногда при помощи и наемных рабочих. Помещение, а иногда и харчи получают от заказчика. Выручка артели – 12–15 руб. в месяц на человека. Из д. Никольской Алмазовской волости кладчики каменных зданий идут работать в окрестные села в одной артели с кирпичниками: последние делают кирпич, а первые возводят из него здание. Каменщики с. Белгородня Вольского у. работают или по найму от подрядчиков, или самостоятельными артелями, а с. Елшанки Каменской волости Камышинского уезда – только самостоятельными артелями. Из 170 кладчиков кирпичных зданий – жителей 4 селений Сумского уезда – в 1881 году была артель из 12 человек, работавшая на винокуренном заводе в Стецкове и в с. Рудневке. Каменщики Нолинского и Орловского уездов Вятской губернии идут на работу артелями в 4–5 человек¹.

В Смоленской губернии, в Юхновском уезде, насчитывается 6444 землекопа (грабаря). На работы железнодорожные и по ремонту каналов грабари идут по найму от подрядчиков, составляющих партию от 100 до 500 человек. На мелкие же работы – рытье колодезей, прудов, проведение канав, сооружение плотин, плантовку лугов, штыкование садов и огородов, выделку парков и т. п. – землекопы очень редко нанимаются к подрядчикам, а ходят артелями от 4 до 7 человек. Заработок самостоятельных артельщиков на 10–20% выше заработка наемных рабочих. Члены артели подбираются «по дружеству», «по согласию». Артель выбирает «подрядчика», ведущего сношения с нанимате-

¹ Сев. вестн. 1888, № 10, с. 85–6; Пром. и грам. центр. района Курск. губ. отд. II, с. 42–3. Сб. ст. св. по Тамб. губ. Т. XI, с. 95; Т. IX, с. 107; Т. XII, с. 254, Т. X, с. 142; Сб. ст. св. по Саратов. губ. Т. XII, ч. II, с. 433, 388; Т. VII, ч. 2, с. 324; Т. XI, ч. 2, с. 142; Тр. ком. по исслед. куст. пр. Харьк. губ. В. 1, с. 77.

лем (в предварительном договоре с последним участвует, однако, вся артель), заключающего с ним условие (причем он подписывается: «такой-то с товарищами»), ведущего денежные и хозяйственные дела артели (обыкновенно артель подряжается работать на своих харчах), записывая расходы в нарочно для того заведенную книжку. Еженедельно артель производит ему учет. В вознаграждение за хлопоты староста получает от артели при хороших заработках 5–10 руб. в лето, при плохих – 2–3 руб., а случается, что и ничего. Работа обыкновенно разделяется между членами артели (поровну), в особенности при копании канав, прудов и корчевании пней: площадь, подлежащая разделке, разбивается на участки в 10–20 кв. саж., распределяемые между артельщиками по жребью. Доли заработка рабочих первой, второй и третьей руки различны. Рабочий сезон продолжается 5 месяцев с перерывом на время уборки хлебов (июль–август месяцы). В Обоянском уезде Курской губернии насчитывается 1943 землекопа, уходящих на работу два раза в год: весной, после ярового посева, возвращаясь к «Казанской» (8 июля), к страдной поре, и в начале августа после озимого посева. Бедные крестьяне, нуждаясь в деньгах для уплаты податей, нанимаются к подрядчику на условии получения от него небольшого задатка. Остальные отыскивают работу самостоятельно. При этом элементарной производительной единицей является «пара» грабарей с двумя подводами, составленная из двух работников одной или разных семей. Несколько пар грабарей берут сообща работу у помещиков: прорытия канав, выкапывания ставков, сооружения плотин, гребель и окопов и, наконец, просто возку навоза на поля. Иногда грабари получают работу от рядчика, платя ему за подряд известный процент («трынок») общего заработка.

Многие крестьяне Моршанского уезда занимаются землекопными работами, но большей частью непостоянно. В частности, с землекопными работами хорошо знакомы крестьяне всей Тараксинской волости и соседних с ней (крестьяне, бывшие Нарышкина). При подворной же переписи в 1881 году землекопами себя заявили только 44 человека Тараксинской волости. Нанимаются на работы землекопы артелями. В с. Тараксе, например, опытные землекопы отыскивают работу, после чего набирают артель, в которой и сами участвуют наряду с другими, получая только за хлопоты от артели особое вознаграждение в размере от 5 до 20 коп. с кубической сажени выполненной артелью работы, смотря по степени выгоды найденного ими подряда. Землекопы Лебедянского уезда «для больших работ соединяются в артели по 20–25 человек, а малые выполняются двумя-тремя». Землекопы Тамбовского уезда с. Павлодаровки (роют каналы, делают плотины) работают артелями от 3 до 25 человек. В Балашовском уезде в сл. Михайлове землекопов отхожих 114 мужчин и 33 женщины и прудокопов отхожих 20, местных 73. Прудокопы идут на работы на Дон, с лошадьми, безлошадные нанимаются к лошадным.

Берут подряды на запруды новых и починку старых прудов товариществами. По одному из условий, заключенных в волостном правлении, 13 крестьян, взявшиеся прудить пруды, обязались выставить 60 опытных рабочих и 30 лошадей; плату получают от куба вырытой земли; пища давалась: на каждые 10 куб. саж. земли по 2 пуда муки, 1 пуд пшена, соли – сколько потребуется. Специальным ремеслом крестьян с. Череватова Ардатовского уезда является рытье колодцев. «Как убран хлеб с поля, колодезники группируются небольшими, но плотными, дружными артелями и бредут во все стороны искать работы». Возвращаются назад около нового года. В Тверском уезде колодезники дер. Третьякова и Блинова Быковской волости уходят на работу рытья колодцев артелями в 3 человека, заработок делят поровну¹.

Вышеизложенное сведение материалов по вопросу об артелях обнимает далеко не все формы применения артельной организации к крестьянским промыслам и не все отрасли промышленности, где это применение имеет место. Это потому, что целью настоящего труда было группирование данных об артели в промыслах, направленных на переработку вещественного материала (а не имеющих задачей оказание услуг), при условии, когда работающий сохраняет самостоятельность и если артельная организация представляет явление бытовое, выросшее стихийно и подчиненное регулированию того, что называется обычным правом. Таким образом, вне нашего рассмотрения остались, с одной стороны, артели, действующие на основании утвержденных правительством уставов, с другой – артели в массе отхожих промыслов, которые к тому же относятся преимущественно к области наемного труда.

¹ Сб. ст. св. по Смоленской губ. Т. IX, отд. III, с. 37; Сев. вестн. 1887, № 6, с. 58, 60; Сб. ст. св. по Обо-
янск. уезду. С. 48; Сб. ст. св. по Тамбовск. губ. Т. III, с. 219–21; Т. XI, с. 94; Т. XII, с. 250; Сб. ст. св. по
Сарат. губ. Т. XII, с. 296; Нижегород. сб. Т. VIII, с. 257; Сб. ст. св. по Тверск. губ. Т. VIII, с. 187.

ОЧЕРКИ ЮЖНОРУССКИХ АРТЕЛЕЙ И ОБЩИННО-АРТЕЛЬНЫХ ФОРМ

ЩЕРБИНА Федор Андреевич
(1849–1936)

От издателя*

Будучи в качестве издателя ответственным лицом пред публикою и автором, я считаю своею обязанностью сказать несколько слов о судьбе, постигшей изданную мною книгу. Книга эта, как это видно из цензорской пометки, разрешена к печатанию 1 сентября 1879 года. Автором, разумеется, она сдана мне еще раньше этого времени, так что издание ее тянулось в общей сложности около двух лет. И вот в этом-то замедлении издания, посвященного почти исключительно фактическому освещению одной из характернейших и требующих неотложного, настоящего изучения сторон в жизни нашего народа, я как издатель и желаю оправдаться пред публикою. Дело в том, что замедление издания меньше всего зависело именно от меня. Несмотря на то что книга была разрешена цензурою, в начале текущего года она была приостановлена изданием по независящим обстоятельствам, и только во второй половине сего года издание и печатание этой книги было разрешено уже Главным Управлением по делам печати.

С. Шаповалов

От автора

Предметом предлагаемых очерков послужили артели и общинно-артельные формы, встречающиеся в Малороссии, Новороссийском крае, Кубанской области и в некоторых других смежных с ними местностях. Господствующим населением на всем этом пространстве являются малороссы, господствующие ассоциационные формы – также чисто малорусского характера. Но так как рядом с малороссами здесь же живут и другие народности

и рядом с малорусскими артелями встречаются и артели иного характера, то поэтому мы и дали все встречающимся на указанном пространстве артельным и общинно-артельным формам одно общее название «южнорусских».

Предлагаемые очерки составлены большею частью по материалам, собранным самим же мною. Многое из переданного в очерках я наблюдал сам непосредственно, многое также сообщено мне или участниками разного рода артельных форм, или же лицами, близко знакомыми с этими формами. Некоторые из очерков, именно: «Забродческие ватаги», «Крымские солепромышленные артели», «Косарские артели», «Толока», «Обычай спрягаться», «Артели половинщиков и артели с части», «Гуртова», «Артель севастопольских лодочников» и «Рождественские складки», – в несколько измененном виде уже были помещены раз в «Неделе» за 1876 и 1877 годы. Другие являются в печати в первый раз.

Обстоятельства не позволили мне исследовать описанные в этой книге ассоциационные формы с желаемой полнотою. Памятуя поговорку, что лучше что-нибудь, чем ничего, я решился поэтому напечатать свои очерки в том виде, в каком найдет их читатель ниже.

Собственно для некоторых из читателей не лишне будет сделать одну маленькую оговорку. Подробному описанию всех артельных и общинно-артельных форм я предпослал общий очерк этих форм, желая таким образом осветить и сгруппировать их основные черты и особенности. Поэтому тот, кто не пожелал бы знакомиться с детальною стороною предлагаемой книги, может ограничиться прочтением одного лишь первого очерка.

Ф.А. Щербина

Южнорусские артели и общинно-артельные формы

I

В ряду разного рода воззрений на малорусскую народность встречается один довольно странный и во всяком случае неосновательный взгляд. Малороссы в силу этого взгляда являются представителями крайнего индивидуализма, людьми экономической розни и особничества, приверженцами личной собственности и одиночного ведения дела. Общинное начало поэтому им совершенно чуждо; артели также не в их натуре. Оттого даже в своих общественных отношениях малоросс и любит так ту жизнь, которая характеризуется его же поговоркою: «хата моя с краю – я ничего не знаю». Одним словом, в существе дела малороссы как завзятые индивидуалисты

оказываются на основании этого взгляда людьми, лишенными тех социальных задатков и развития, которые составляют одну из выдающихся черт в характере русского народа.

Что малороссы индивидуалисты – это так, положим, но при всем том черт все-таки не так страшен, как его малюют. Виды индивидуализма бывают ведь различные. Когда человек на все смотрит исключительно с точки зрения своего личного «я», когда все свои взаимные отношения с людьми он меряет меркою: «лишь бы мне, а там – хоть трава не расти» или – еще хуже – изображает при этом собаку, лежащую на чужом сене, тогда, конечно, индивидуализм принимает самый вредный и самый противообщественный характер. Но если понимать индивидуализм как нечто противоположное стадности, в смысле личной самостоятельности, обособленности в определенных родах деятельности, тогда он легко уживается со всякими общественными формами и интересами. В таком виде индивидуализм не мешает ни общинному землевладению, ни артельным формам труда и что это действительно так бывает – в этом легко можно убедиться фактами из жизни тех же малороссов-индивидуалистов.

Ни в настоящем, ни тем более в прошедшем малорусской народности положительно нельзя найти сколько-нибудь прочных оснований для того, чтобы признать за малороссами какое-то племенное, естественное нерасположение к ассоциационному началу. Малорусская история полна фактами борьбы из-за таких общественных форм и отношений, которые во всяком случае могут быть отнесены только к высшим проявлениям социальной жизни. Долгая и упорная борьба малороссов с поляками и народные малорусские восстания в период этой борьбы носят именно такой характер. Тут дело шло не только о религии, но и о лучшем социальном строе, идеалом которого считалась жизнь вольного казачества. И нигде, может быть, в России проведение в народную жизнь общинного начала и ассоциационной связи не получало такого крайнего и оригинального применения, как в жизни тех же малороссов. Яркий пример в этом отношении представляет Запорожская Сечь.

Правда, малорусскому племени далеко не посчастливилось в историческом прошлом. Малороссы – исторические страдальцы, вынесшие на своих плечах больше превратностей, невзгод и горя, чем все другие народности, входящие в состав обширного русского государства. Много вреда принесло малорусскому племени это его исключительное историческое положение, но оно не убило окончательно в малороссе добрых гражданских задатков – стремления к высшим справедливым отношениям в жизни общественной и к кооперативным формам труда в области экономической.

В Малороссии действительно в самом корне порезана земельная община, но в этом виноваты исторические обстоятельства, лежавшие вне народ-

ной воли и желаний. Там, где не было этих обстоятельств, земельная община оказалась такою же неотъемлемою принадлежностью в жизни малорусского племени, какою она является и в жизни великорусского. Вне, собственно, Малороссии и Юго-Западного края земельная община встречается почти повсеместно между малорусским населением. Таким образом, эту форму землевладения можно найти, хотя и не повсеместно, между малороссами в Новороссийском крае, т. е. в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях, затем повсеместно в бывшей Черномории, составляющей часть нынешней Кубанской области, местами в Самарской, Воронежской и др. губерниях¹. В самой Малороссии земельная община не умерла еще окончательно. Изредка местами она встречается в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях². Вообще же, хотя земля давно уже здесь разделена подворно между большинством крестьянского населения, но выгоды или «толока» находятся большею частью в общинном пользовании. Сохранились также местами некоторые виды общинной собственности, напр. общественные мельницы, и формы общинного труда, напр. общинной обработки земли в пользу церкви и общественных нужд. Но всего знаменательнее тот факт, что в некоторых местах малороссы пришли к мысли о замене участкового, подворного землевладения общинным, общественным, как об этом заявлялось печатно³.

Таким образом, отсутствие общинного землевладения собственно в Малороссии нисколько не обуславливается национальными особенностями малорусского племени. Те же малороссы при других условиях, в других местах удержали в своей жизни общинно-земельные формы в их чистом виде. Самая сельская община малороссов представляет весьма много таких сторон, которые никак уж не могут быть объяснены малорусским индивидуализмом. Нигде в России нам не приходилось встречать такого ясного и разумного понимания прав и интересов сельской общины там, где они страдают от разных сторонних влияний, как между малороссами. Стойкость и упорство малорусских «громад» при отстаивании своих интересов, выражающаяся в известной формуле: «мы цёго не хочем», вошла в поговорку.

Еще нелепее оказывается мнение о том, что малороссы положительно не расположены к артельным формам труда, что артели как-то не вяжутся с самым складом и характером малорусской жизни, с замкнутою натурою малоросса. Утверждать подобное мнение – значит или вовсе не знать действительной жизни, или же преднамеренно отрицать всякое значение фактов. В экономической жизни малоросса артели всегда играли весьма важную роль. Без них не обходился ни один шаг в поступательном движении малороссов-

¹ См. указания на этот счет, между прочим, у Васильчикова в гл. XII его книги «Землевл. и Землед.».

² Там же.

³ «Новое время» за 1876 г. от 14 декабря.

колонизаторов с севера на юг. Они издавна легли в основу торговых отношений малороссов с окружающими народностями. Ими спокон веку пользовался малорусский народ, занимаясь в былые времена такими рискованными промыслами, как рыболовство и добыча соли. Они с незапамятных времен были приложены к уходу за скотом и к звериной охоте. Они же применены самым широким образом к земледелию, причем артельное начало здесь часто сливается с общинным. Наконец, артельный принцип лег в основу даже бытовых явлений, как, например, при складчинах и в нищенстве. И если все эти факты плохо или совсем не известны нашей интеллигенции, то, конечно, в этом меньше всего виноват сам малорусский народ.

Итак, следовательно, мнение о каком-то племенном нерасположении малорусского народа к ассоциационному началу оказывается сущою нелепостью. Это один из тех поклепов на народ, которые возможны только при положительном незнании или при бессознательном игнорировании фактов действительной жизни. Тут виновато, стало быть, собственно незнание интеллигенции, ее бесшабашное невнимание к тому, что на самом деле есть и что составляет существенные особенности нашего народа в данный момент его исторического развития.

Но это именно поверхностное отношение нашей интеллигенции к действительной жизни и характерно для самого вопроса о южнорусских артелях и общинно-артельных формах. Ясно, что уже самое существование взглядов, подобных приведенному выше, указывает на непечатое состояние тех вопросов, которых они касаются. Ясно, следовательно, что и вопрос о южнорусских артелях и общинно-артельных формах также находится в непечатом состоянии. Он не почат, потому что не початы и те фактические материалы, на основании которых он может быть постановлен, формулирован и уяснен. Нужно подметить, изучить и сгруппировать частности, чтобы сделать потом из них общие выводы. Раз это не сделано, общие неопределенные взгляды могут только тормозить дело.

Действительно, серьезное изучение южнорусских артелей и общинно-артельных форм соединено с весьма значительными затруднениями. Печатные материалы по этому предмету крайне ограничены и ничтожны. Ходячие понятия об этих явлениях пока заключены в малоизвестном кругу народной жизни. Общих определенных взглядов и цельных обобщений на этот счет в интеллигентной публике не существует. Патентованные ученые и наука совсем не касались рассматриваемых нами форм. Самая жизнь южнорусского народа покрыта целою сетью всевозможных экономических неурядиц и переворотов. Вдобавок ко всему этого южнорусская история совершенно смела и загладила следы и остатки некоторых весьма своеобразных и характерных артельных и общинно-артельных форм южнорусского народа.

Таким образом, вопрос о южнорусских артелях и общинно-артельных формах с первого же разу приобретает для исследователя характер трудноразрешимой задачи. В прошлом этот вопрос не известен, в настоящем не определен. До сих пор не было ни попыток, ни даже возможности без надлежащего знакомства непосредственно с самою жизнью южнорусского населения наметить и обследовать его сколько-нибудь всесторонне и обстоятельно. И многие, очень многие не только из стоящих близко к литературе, но и к жизни, не подозревают даже о самой возможности его постановки и уяснения. За исключением чумацких валок и ватаг и двух-трех кратких заметок о других южнорусских артелях, в русской литературе, сколько нам известно, не было даже и речи о каких-нибудь других артелях или общинно-артельных формах южной России.

Трудно сказать, не знали ли многие из выдающихся исследователей южно-русской жизни или же просто упускали из виду под влиянием других задач существование южнорусских артелей и общинно-артельных форм, но что касается обыкновенных смертных, соприкасающихся непосредственно с жизнью южнорусского населения, то они выказывали и выказывают иногда в этом отношении непростительное верхоглядство и неряшливость. Спросите таких людей: встречаются ли между малорусским населением какие-нибудь артельные формы или хотя бы нечто похожее на них? – и вам ответят отрицательно. Но попросите тех же лиц рассказать вам что-нибудь о «толоке», о том, что значит у малороссов «спрягаться» или работать «гуртовою», косить с «круга» или с «ланка» и проч., проч., – и эти чудачки выложат пред вами иногда довольно ценные и богатые сведения об южнорусских артелях и общинно-артельных формах. Ясно, стало быть, что тут дело в недоразумении, в незнании, в непонимании, в отсутствии сколько-нибудь цельного и законченного мирозерцания на явления социальной жизни.

А между тем артельные и общинно-артельные формы труда, как они складывались и складываются в южной России, представляют чрезвычайно интересные и своеобразные явления народной жизни. Это – живые памятники прошедшего, цепко держащиеся за народные обычаи и традиции, несмотря на целую массу самых неблагоприятных обстоятельств; это – высшие формы труда, опирающиеся на общественную справедливость и благо; это, несомненно, задатки будущего для народной жизни, такие явления, которые глубоко кроются в самой природе человека. Организация и склад этих форм, их происхождение и развитие, их положение в экономической жизни и социальное значение для народа – все это поэтому имеет двоякий интерес, интерес исторический и современный, и одинаково важно как для науки, так и для публицистики.

Но необходимо наметить общий характер рассматриваемых форм, чтобы сколько-нибудь ориентироваться в этих хотя и однообразных по общим

признакам явлениях, но весьма разнообразных как по своему происхождению, так и по тем отраслям деятельности, к которым они прилагаются. Все артельные и общинно-артельные формы можно разделить в этом отношении на несколько групп.

Есть одна, чрезвычайно резкая и своеобразная черта, проглядывающая во всем складе и характере самых древних и самых оригинальнейших из южнорусских артелей. Она состоит в том, что в основе этих артелей лежит один общий народный идеал общественной жизни и отношений. Поэтому и самая организация этих артелей принадлежит к одному и тому же общему для всех их типу. Так как самым крайним и законченным выражением этого типа можно считать собственно древнюю Запорожскую общину, то, следовательно, все эти артели строятся, так сказать, по типу Запорожской Сечи. Сюда мы относим: чумацкие валки и ватаги, забродческие ватаги, древние артели запорожских охотников, общество днепровских речных рабочих и матросов и артели малорусских торговцев-ходебщиков.

Все эти артели – продукт собственно прошлой исторической жизни южнорусского населения. В настоящем своем виде они представляют только отжившие и отживающие формы народного труда и торговой или промышленной деятельности. Там, где применение артельного начала является существенной необходимостью и где, следовательно, артели не только продолжают существовать, но и прогрессировать, артели этого типа уже изменили свой прежний организационный характер сообразно с условиями и требованиями новейшей жизни. Таким именно характером отличаются крымские солепромышленные артели и отчасти артели косарей. Первые – формы по преимуществу переходного типа, вторые отличаются смешанным характером организации. И те, и другие носят еще кое-какие следы, делающие их близкими артелям, построенным по типу Запорожской Сечи; но вместе с тем они представляют и много такого, чем они значительно отличаются от этих последних. Мы поэтому также относим их в особую группу.

Рядом с двумя предыдущими группами артелей существуют и другого рода формы, существенно рознящиеся от предыдущих как по своей организации, так и по происхождению. Та общая связь, которая соединяет эти разнообразные формы в одну группу, заключается прежде всего в том, что все они прилагаются в области, так сказать, домашней жизни. Это – земледельческие и сельскохозяйственные формы. Но есть затем и другая, уже более важная и характерная черта, связывающая их между собою еще теснее. За немногими исключениями, все эти формы носят какой-то двойственный характер под влиянием двух положенных в основу их начал – артельного и общинного. Это, следовательно, общинно-артельные формы, такие формы, большинство которых получило свое начало в зависимости от общинно-земельных отно-

шений или, по крайней мере, сложилось под прямым влиянием вообще общинных обычаев и традиций. К этой группе мы относим: «толоку», обычай «спрягаться», артели половинщиков и артели с части, артели неженских табачниц, «гуртову», арендаторские артели, новейшие земледельческие артели-общинные формы, артели «чередников» и почтовые артели.

Следующую затем группу артелей составляют те из них, склад которых отличается неместным южнорусским характером и особенностями. Артели этой группы отличаются от всех других форм тем, что в состав их входит более пришлый, чем местный, южнорусский люд; рядом с малороссами в них входят также и великороссы, и во многих случаях эти последние далеко преобладают над первыми. И вот этот-то пришлый великорусский элемент и придал самому складу артелей свой национальный характер. Это, следовательно, артели скорее великорусского типа, чем местного малорусского. Таковы: артель севастопольских лодочников, артели бендюжников или «дрогалей» и артели плотников и каменщиков.

К последней группе южнорусских артелей можно отнести те из них, которые не подходят ни под одну из четырех предыдущих групп. Отличительную черту их составляют не только их склад и организация, но вместе с тем и самые области их деятельности. Артели этого рода, несомненно, чисто южнорусского происхождения, но вместе с тем их назначение и задачи не имеют ничего общего с теми целями, какие преследуются всеми остальными южнорусскими артелями и общинно-артельными формами. Одни из этих артелей прилагаются в сфере такой обязательной деятельности, как отбывание военной повинности, другие – просто лишены всякой экономической народно-трудовой окраски. Это батальонные артели и артели нищих.

Наконец, в народной жизни встречаются, кроме того, и другого рода формы, имеющие, по-видимому, некоторые общие точки прикосновения с только что перечисленными. Это – не артели и не общинно-артельные формы в точном смысле этих слов, но вместе с тем это такие формы, которым не чуждо также и артельное начало. В одних из этих форм артельное начало совершенно уже утратило свой первоначальный характер, и самые формы, видимо, представляют только осколки когда-то существовавших артельных форм, в других артельное начало прилагается к делу не как экономически-трудовой фактор народной жизни. Такими именно формами оказываются организация чабанов, так называемые «складки», и организация конокрадов.

Было бы большою натяжкой ставить последнюю группу форм на одну доску с четырьмя предыдущими. Форм этих нельзя назвать ни артелями, ни общинно-артельными формами в строгом смысле этих терминов потому, что они одна из них не представляет собою экономического в положительном смысле фактора народной жизни. Ближе всех к перечисленным выше

формам стоит, по-видимому, организация чабанов, но она представляет собою только одну внешнюю форму артели без всякого внутреннего содержания. Что касается «складок» и, в особенности, организации конокрадов, то, несмотря на то, что формы эти держатся на ассоциационном начале, они все-таки представляют одни отрицательные факторы в экономической жизни народа. Все это, одним словом, такие формы, склад и организация которых заимствован от чисто артельных форм южной России и приложен затем в таких сферах деятельности, где не имеет места в одних случаях народное артельное начало, в других – народный производительный труд. Вернее всего поэтому назвать эти формы от-артельными формами. В таком виде они служат только чем-то придаточным, косвенно уясняющим отличительные черты южнорусского артельного начала, как выразилось оно в большинстве типических южнорусских артельных форм.

Таким образом, не принимая даже в расчет южнорусских от-артельных форм, все остальные артели и общинно-артельные формы можно разбить на пять более или менее отличных одна от другой групп, в состав которых входит более двадцати совершенно самостоятельных форм. Общая характеристическая черта всех этих форм заключается в том, что все они – чисто обычные формы народной жизни, все они в таком виде самым близким и непосредственным образом касаются народной жизни, воззрений и труда. Самое подразделение их на группы не представляет чего-либо крепко устойчивого, составляющего, так сказать, их неотъемлемую существенную принадлежность. Подразделение это – дело удобства для лучшей характеристики и уяснения разных оттенков и особенностей в построении всех этих форм.

II

Прежде чем приступить к рассмотрению артелей первой группы, необходимо наметить предварительно некоторые общие черты той формы, которую нужно считать самым полным и законченным выражением общего всем этим артелям плана построения, необходимо очертить сначала общую организацию Запорожской Сечи. Это тем настоятельнее в данном случае, что историческое прошлое важнейших артельных форм первой группы тесно переплетено с самим существованием Запорожской общины. Тут важно, следовательно, взаимное уяснение целого ряда аналогичных между собою форм.

История не оставила прямых и точных указаний на то, как и когда собственно возникла Запорожская Сечь. Но отсутствие этих тонкостей и не представляет предмета особенной важности для характеристики этой своеобразнейшей общины. Важны собственно те причины, в зависимости от которых

находилось как возникновение Запорожской Сечи, так и самое ее существование. Важна затем преимущественно организация этой знаменитой коммуны.

Надо, впрочем, полагать, что Запорожская Сечь возникла никак не позже начала второй половины XVI столетия. По крайней мере, под 1568 годом уже находится прямое указание в исторических актах на нее как на самостоятельно существовавшую военную общину¹. Стало быть, началом если не возникновения Запорожской Сечи, то укрепления ее в смысле более или менее законченной организации, можно считать вообще середину XVI века. Это весьма знаменательная эпоха в истории южнорусского народа; это начало всеобщего движения народной южнорусской массы, начало ее недовольства социальным строем и гнетущими политическими и экономическими условиями; это то время, когда эта недовольная масса начала постепенно выделять из среды своей протестующее казачество. Запорожская Сечь явилась в этом случае только самым выдающимся, самым полным и законченным звеном в массовом движении народа. Запорожцы были, прежде всего, казаками, их община служила выражением казачьего идеала свободной жизни, – а все это вместе было заветной мечтой самого народа.

Нельзя согласиться с историком Запорожской Сечи Скальковским, что Сечь, представлявшая, с его точки зрения, нечто вроде рыцарского ордена, организовалась под прямым и положительным влиянием поляков, потому что как орден имела в виду, главным образом, борьбу с врагом христианства – исламом. Влияние поляков на образование Запорожской Сечи несомненно, но это было, во-первых, чисто отрицательное влияние, а во-вторых, непосредственное влияние поляков на Сечь могло существовать только после возникновения уже Запорожского товарищества. «Казачество Украинское или Гордовое и казачество Запорожское или Низовое, – говорит Максимович, – существовало задолго до 1569 года, с которого можно вести начало исторического влияния поляков на Украину»². Сечь, кроме того, одинаково вела борьбу как с турками и татарами, так и с поляками. Можно сказать даже более этого. Впоследствии Сечь разрослась и укрепилась под прямым влиянием польского деспотизма и гнета. Так как с самого начала польского владычества над малороссами, т. е. с 1569 года, была масса недовольных этим владычеством элементов в среде малорусского народа, а одиночная, раз-

¹ Костомаров. Южная Русь и казачество. С. 39. Максимович, впрочем, относит возникновение Запорожской Сечи к более раннему времени. «Несправедливо, – говорит он, – вменять Дашковичу первоначальное образование и устройство запорожских выходцев. Товарищество запорожское со своим общинным устройством и со своими атаманами существовало еще прежде, чем Дашкович вернулся из Москвы и стал на Руси Киевской» (Максимович. Собр. соч. т. 1, с. 292), а Дашкович воротился из Москвы в 1508 г., стало быть, Сечь, по мнению Максимовича, возникла, во всяком случае, раньше этого года.

² Максимович. Собр. соч. Т. 1, с. 254.

розненная борьба этих элементов с Польшею не достигала бы своей цели, то отсюда само собою возникала необходимость в организации их, один из видов которой и представляла Запорожская Сечь. Сюда, в эту своеобразную военную коммуну, и уходили из Малороссии, как в готовый притон, все эти недовольные польским владычеством элементы. Сечь, стало быть, была противовесом против гнетущего польского влияния на малорусскую народность и, конечно, по одному уже этому она должна была быть совершенно самобытным явлением в исторической жизни малорусского народа.

В самом деле, если взглянуть на дело несколько шире, то легко убедиться в том, что Сечь не только не была следствием польского влияния, но и самая ее организация выработалась и сложилась также совершенно самобытно, а не путем заимствования у католических духовных орденов, как предполагает все тот же Скальковский¹. Некоторого рода аналогию в организации между Сечью и рыцарскими орденами действительно всегда можно провести, но прямые точки соприкосновения в этом отношении вряд ли когда-нибудь существовали. Даже такая общая черта, как отсутствие семьи и женщин и в Сечи, и в рыцарских орденах обуславливалась далеко не одними и теми же мотивами у запорожцев и у рыцарей. Рыцарь давал чисто монашеский обет безбрачия. Запорожец избегал жены и семьи только в самой Сечи и, главным образом, потому, что оба эти элемента были несовместимы с строго военным характером его общины. Выходя из общины, запорожец женился или находил свою прежнюю семью и жил обыкновенною жизнью семьянина и отца. Сечь в этом отношении была не единственной формой в малорусской жизни. Отсутствие женщин и семьи было общо характеристическою чертою и гайдамацких, и разбойничьих шаек, и даже таких форм, как рыболовные или чумацкие ватаги. Черта эта обуславливалась частью самым характером деятельности всех этих форм, а частью была временным признаком. Те же самые запорожцы поженились и обзавелись семьями, перешедши в Черноморию, и таким образом с изменением внешних условий изменили и самый характер своей общины.

Но дело даже не в различии тех точек зрения, с которых смотрели на женщину и семью сечевое товарищество и католические рыцари. Если бы в этом отношении между Сечью и рыцарскими орденами и было что-нибудь общее, заимствованное первою у последних, то организация Сечи все-таки была бы самостоятельным делом малоросса. Сечь сложилась и развилась из более простейших, но совершенно однохарактерных с нею и строго малорусских форм. В основу этой организации легли казацкие шайки и промысловые артели тогдашнего времени, а все это были такие формы, которые

¹ А. Скальковский, по словам Максимовича, «наряжает наше Восточное народное рыцарство в несвойственные ему формы западно-рыцарских орденов». (Максимович. Т. 1, с. 592).

уже не имели положительно никакого, хотя бы самого малейшего отношения к духовным рыцарским орденам.

Вот что говорит, между прочим, по этому поводу Костомаров: «Вероятно, образование Запорожской Сечи совершилось не вдруг, а постепенно, и возникло из рыболовов и звероловов, которые, как показывают акты конца XV и начала XVI веков, издавна имели обычай отправляться весною к порогам и за пороги ловить там рыбу и зверей, а осенью возвращались на Украину и в украинских городах продавали свежую и просоленную рыбу и звериные шкуры. Условия пустынного края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сделаться воинами. Занимаясь ловлею и солением рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападения татар, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать их. Такое положение делало их бодрыми, храбрыми и быстрыми. Переплывать днепровские пороги было дело трудное и опасное и приучало их делаться отважными мореходцами. Из промышленного товарищества неизбежно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и в поле не только за рыбою и зверями, но и за военною добычею, нападали на татарские улусы, захватывали скот, лошадей, брали у побежденных конскую сбрую и вооружение. Была еще иная приманка для удальцов ходить на Низ. Из Турции чрез Очаков шел торговый путь в Московское государство: этим путем проходили купеческие караваны с товарами. Казаки нападали на них и расхищали везомое богатство. Возвращаясь с ним домой, они давали и другим повод покушаться на такой промысел. Украинскому населению пришлось по вкусу такие походы. Число отправлявшихся на Низ с каждым годом увеличивалось. Те, которым нравилась одинокая, бурлацкая жизнь, оставались в построенном укреплении зимовать; то была так называемая сирома, то есть серая голь, которой нечего было жалеть на родине и для которой жизнь была копейка во всякое время. Другие возвращались на Украину, но уже не хотели быть тем, чем судьба определила им быть до того времени, то есть нести мещанские и сельские повинности; они оставались и сами себя называли казаками»¹.

Таким же происшедшим самобытно явлением считает Запорожскую Сечь и другой историк – Максимович. «Внешние набеги, – говорит он, – и внутреннее угнетение Литвы и Польши в оное время (т. е. «в литовский период Украины», с 1340 г.) общего хаоса служило поводом к составлению казачества за порогами Днепровскими, там, где воинственный Святослав сложил свою буйную голову, сей первообраз голов казацких!.. Запорожье было гнездом, где родилась дружная, отважная, холостая ватага вольных казаков, плодилась без матери, ибо для нее была Сечь мати, а Великий Луг батько.

¹ Костомаров. Южная Русь и казачество. С. 39 и 40.

Казаков сводила и дружила жажда воли, мести, битвы, добычи, и всякий выходец, кто бы он ни был, мог сделаться их братом, товарищем, только бы, принеся с собою боевую отвагу, он принял греческую веру и язык их»¹.

Таким образом, ядро Запорожской Сечи образовала малорусская вольница, отправлявшаяся на Низ, т. е. на нижние части Днестра, воевать, грабить и промышлять. Пользуясь здесь неограниченной свободой и ничем не сдерживаемым своеволием, эта вольница создала свою собственную, довольно своеобразную, жизнь во вкусе тогдашних социальных идеалов. Дробилась ли она в этом отношении на отдельные группы и ватаги или составляла одно общее товарищество – основным типом организации и в том, и в другом случае служил союз вольных казаков с одним, по крайней мере, выборным во главе. «Атаман» и «товариство» – вот те два элемента, без которых не обходилось в то время ни одно товарищество этих беглецов и охотников. Здесь не место распространяться о том, каким образом получилась эта форма организации в жизни южнорусского народа – путем ли преемственного развития из другой, более древней, формы, например из дружины, или же самостоятельно, под влиянием одних тогдашних исторических условий. Разъяснить это – дело историков. Но, во всяком случае, вряд ли может подлежать сомнению тот факт, что названный тип организации в это время был господствующим и едва ли не единственным типом в этом роде. Сама Запорожская Сечь заимствовала из жизни совершенно готовым этот тип для своей организации, развив его потом до крайних пределов. Но рассмотрим ближе, в чем состояли основные черты организации Запорожского товарищества.

Запорожская Сечь была, как известно, строго демократической общиной². Она состояла из совершенно равноправного товарищества. Вся суть заключалась прежде всего в этом товариществе, которое строго блюло и поддерживало выработанную опытом и обычаями организацию. На основании этих обычаев, каждый член товарищества имел полнейшее право на то или другое место в сечевой иерархии, лишь бы только совмещал в своей особе необходимые для этого качества. Здесь не было ни сословий, ни даже временного господствующего в строгом смысле этого слова класса. Заправителями и распорядителями общины были только те, кого выбирала община, и раз они приходились ей не по нраву, она заменяли их другими выборными. Рады товарищества и сходки ее представителей были высшими инстанциями, управлявшими жизнью всей общины. Таким образом, Запорожская Сечь имела в общих чертах следующую организацию:

¹ Максимович. Собр. соч. Т. 1, с. 837 и 838.

² Все нижеследующее описание Сечи заимствовано из 1-го тома «Истории Новой Сечи» А. Скальковского.

Во главе общины стоял «атаман», носивший название «кошевого атамана» или просто «кошевого». Он был верховным представителем Сечи, совмещавшим в себе военную, политическую, гражданскую и даже духовную власть. Он вел поэтому дипломатические сношения с другими государствами от своего имени, был главным военачальником и судьей, разрешавшим даже смертные приговоры, и главным выборным распорядителем в сфере гражданской и экономической жизни общины.

За атаманом следовали «судья», «писарь» и «есаул». Все эти лица вместе с атаманом составляли так называемую войсковую старшину, хотя и занимали более низкие сравнительно с кошевым места в сечевой иерархии. Они были чем-то вроде помощников кошевого, и каждый из них в частности нес соединенную с его положением специальную службу. Судья был главою войскового суда и заменял кошевого на случай его отсутствия из Сечи, называясь в таких случаях «наказным кошевым атаманом». Он же был кошевым казначеем и охранителем войскового «скарбу», то есть казны, и «арматы», то есть артиллерии. Писарь был главным сечевым секретарем, составлял и подписывал важнейшие бумаги. Он занимал в этом отношении несколько исключительное положение, так как, по существовавшим запорожским обычаям, войсковая старшина, за исключением писаря, должна была состоять из людей неграмотных¹. Наконец, на есаула возлагались, главным образом, полицейские обязанности. Ему поручались преследования воров и гайдамак. Он производил иногда следствия и приводил в исполнение приговоры. В военное время есаул (вместе с так называемым обозным) был главным помощником кошевого при охране порядка в войске и лагере.

Но этими четырьмя должностными лицами далеко не исчерпывалась вся иерархия Сечи. Кроме разного рода мелких второстепенных властей, например «довбыша» (литоврщика), «пушкаря», «толмача» (переводчика), «кантаржея» (хранителя войсковых весов и мер), разного рода канцеляристов и проч., – и в пределах Сечи, и вне ее были и другие более важные должностные лица. Так, все Запорожское товариство делилось на 38 так называемых куреней, и в каждом таком курене был свой выборный атаман, который назывался «куренным атаманом». Куренями запорожцы называли свои громадные своеобразные жилища, нечто вроде казарм, где они помещались в количестве двух, трех, четырех и более сот человек в каждом курене. Значит, куренное устройство касалось непосредственно самой обыденной жизни запорожцев и куренные атаманы играли поэтому чрезвычайно важную роль в жизни Запорожья. Куренные атаманы, по словам Скальковского, пользо-

¹ Так, по крайней мере, утверждает Скольковский, что, однако, весьма сомнительно. В истории есть прямые указания на то, что кошевыми были грамотные люди, напр. Хмельницкий, человек весьма образованный по своему времени.

вались особенным уважением у запорожцев, имели сильное на них влияние и, по всей вероятности, такое свое положение и роль удержали за собою от самых древних и патриархальных времен Запорожской общины. Тот, кто не был куренным атаманом, не мог попасть в войсковую старшину. Лица, сложившие с себя звание войсковой старшины, считали для себя честью быть избранными в куренные атаманы. В лице куренного атамана соединялась власть отца и хозяина. Пользуясь этою властью, он заправлял казаками своего куреня совершенно самостоятельно и независимо и часто жестоко наказывал провинившихся, не спрашивая на это согласия ни у кошевого, ни вообще у войсковой старшины. На его руках находился куренной «скарб». На сходах и радах товариства куренные атаманы играли самую важную роль, и если кошевой пользовался их поддержкою, то он был совершенно застрахован от всяких выходов и нажимок товариства; в противном случае его власть и положение были до крайности шатки. Одним словом, куренные атаманы были своего рода патриархами Сечи.

Так как затем Сечь имела, кроме того, свои владения, свои земли и угодья, заселенные женатыми и семейными казаками, то для управления этими последними она избирала так называемых полковников, разделивши все свои владения на несколько территориальных частей, известных под именем «паланок». Должностная иерархия каждой паланки изображала в малом виде иерархию самой Сечи. Полковник был, так сказать, паланочным атаманом и вместе с подчиненными ему писарем, есаулом, подъесаулием и подписарием составлял полковую старшину. Там, где существовали перевозы, игравшие роль таможенных пунктов, были так называемые шафари, своего рода таможенные начальники, составлявшие также с писарями, подшафариями и подписариями старшину войсковых перевозов.

Таким образом, вся выборная сечева иерархия, заправлявшая Сечью и принадлежавшими ей владениями, носила около 20 различных званий¹, причем в одном и том же звании часто было по несколько лиц. Все эти лица выбирались ежегодно из среды товариства. С этою именно целью 1 января каждого нового года все запорожское товариство и собиралось обыкновенно на одну общую раду, в которой всякий казак имел голос наравне с кошевым и старшиною и которая представляла в таком виде высшую народную инстанцию. Были, кроме того, рады по куреням, по паланкам и военные и войсковые сходы, составлявшиеся из войсковой старшины.

¹ Именно: кошевого атамана, войскового судьи, войскового писаря, войскового есаула, куренного атамана (38), полковника (7), шафаря (3), полкового писаря (9), полкового есаула (7), полкового подписария (9), полкового подъесаулия (7), подшафария (2), войскового подъесаулия, войскового довбыша, поддовбышнего, канцелярских служителей разного звания (20), войскового пушкаря, подпушкарного и гармаша (9), а всех вместе, следовательно, 118 человек, как значилось в сечевом списке 1755 г.

Та же иерархия оставалась и в военное время, но количество входящих в нее лиц значительно пополнялось новыми выборными. Так, в состав войсковой старшины, кроме кошевого, судьи, есаула и писаря, входили: «войсковой обозный», «войсковой булавничий», «войсковой хорунжий», «войсковой бунчужный» и «войсковой перначник»; кроме паланочных полковников, избирались походные полковники и пр. Но избиралась ли запорожская иерархия в мирное или в военное время, существенные черты иерархической организации оставались одни и те же: во-первых, все должностные лица были выборными, и во-вторых, основной план сечевой организации оставался господствующей формой во всех частях этой организации. Существенные элементы этой организации составляли, с одной стороны, атаман, а с другой – равноправное во всех отношениях товарищество. В таком именно первобытном виде сохранился этот план в организации куреней. Тут были только куренной атаман и куренное товарищество, и эту именно ячеичную форму организации Скальковский считает уцелевшей в позднейшей Сече с давних, патриархальных времен. Во всех других случаях между главным выборным и товариществом замешивались и другие должностные лица, хотя, конечно, основной организационный план оставался все тем же и для куреней, и для паланок, и для всей Сечи. Этого мало. Тот же основной план организации, как мы сейчас увидим, был прилагаем запорожцами и в повседневной их экономической жизни, и в жизни промысловой.

Собственно Запорожская Сечь представляла общину безбрачных членов. Здесь не было ни женщин, ни семьи. Кош как главное местожительство запорожцев был таким местом, куда не могла ступить нога ни одной женщины, даже сестры или матери запорожца. Здесь не было также ни частной собственности¹, ни частного хозяйства. Экономическая и промысловая жизнь общины носила характер общинной собственности и производства. Земли, угодья, сечевые строения – все это принадлежало всему товариществу. Казаки жили в куренях большими ватагами, своего рода безбрачными семьями, и содержались здесь на общий счет куреня. Вся Сечь имела одно общее стадо, которым заправляло особое выборное лицо, известное под именем «войскового стадника». Одним словом, выражаясь языком Скальковского, «в составе всякой (запорожской) команды (т. е. мелкой общинной формы): военной, артиллерийской, провиантской, даже в школе и церковном причте один и тот же был порядок: был всегда атаман, писарь и один казак был кухарем, считаясь за то выше всех товарищей, исключая атамана»².

¹ «Должно полагать, – говорит Скальковский, – что в XVI и XVII столетиях казак (запорожец) не имел другой собственности, кроме коня и оружия» (т. 1, с. 110), «а иногда и денег», – прибавим от себя.

² *Скальковский*. Т. 1, с. 111 и 111.

Так как запорожскому товариству принадлежали вместе с тем довольно обширные владения, состоявшие из земель и разного рода угодий, и на этих землях женатые и семейные казаки жили в качестве подданства, в качестве зависимого, подчиненного Сечи элемента, то ежегодно, на Новый год, вместе с избранием старшины и должностных лиц запорожская рада «кидала ляды», то есть бросала жребий на запорожские земли и угодья. Распределивши таким образом лучшие и необходимые угодья между сечевым товариством, община представляла остальную часть своих угодий в распоряжение подданства. И точно так же, как и во всех других своих распорядках, сечевики и к самой экономической и промысловой жизни вне Коша также прилагали артельную организацию, применяя ее к делу в типической форме Запорожской Сечи. Таковы именно были запорожские чумацкие ватаги, рыболовные артели, артели звероловов и артель днепровских лоцманов, формы которых мы коснемся более подробно ниже в своем месте. Наконец, само подданство разбивалось на множество мелких общинных поселений, и каждое такое поселение в миниатюре также изображало собою Запорожскую Сечь: в нем так же, как и в Сечи, был свой атаман, не кошевой, а громадский, и свое товариство, не безбрачные сечевики, а семейные громадяне.

Итак, следовательно, Запорожская Сечь представляла собою строго демократическую общину, такую форму, в которой ассоциационное начало было проведено однообразно и с строжайшею последовательностью во всех своих частях и подробностях, и притом форму чисто обычную. Сечь жила не писаными законами и регламентациями, а обычаями и традициями. Раз сложившись в более или менее устойчивое целое, эта своеобразная социальная форма потом окрепла и развилась только под влиянием народных обычаев и традиций. На основании этих обычаев и традиций выбирались правящие лица и собирались казачьи рады и сходки – и в этом состоял весь сечевой обычный кодекс. Таким образом, и основной план сечевой организации, выразившийся в равноправном товариществе с выборным атаманом во главе, сделался также обычным приемом в чисто формальном отношении при урегулировании ее жизни. Этого мало. Как обычная ассоциационная форма этот прием распространился или, вернее, жил и за пределами самой Сечи, оставшись живучим даже тогда, когда разрушилась эта последняя. Такой именно пример переживших сечевую общину форм представляют собою артели, организуемые по типу Запорожской Сечи.

III

К первой группе артелей, как мы знаем уже из предыдущего, можно отнести собственно только шесть форм: чумацкие валки, забродческие вата-

ги, артели запорожских звероловов, артель днепровских лоцманов, артели днепровских речных рабочих и матросов и артели малорусских торговцев-ходебщиков. Все это – артели, организуемые по типу Запорожской Сечи и представляющие по своему строению известную аналогию между собою. Но не все они имеют одно и то же отношение к Запорожской Сечи в историческом ходе их развития. Одни из них существовали уже раньше, чем возникла эта последняя, и некоторые из них, как мы выше видели, даже послужили теми ячеичными формами, из которых она и образовалась. Таковы именно рыболовные ватаги и артели звероловов. Формы эти, как свидетельствуют исторические акты XV и XVI столетий, несомненно, предшествовали возникновению Запорожской Сечи и способствовали этому возникновению, хотя впоследствии, в свою очередь, и должны были испытать на себе непосредственное влияние самой Сечи как более совершенной и законченной формы. Точно так же и чумацкие валки существовали далеко раньше возникновения Сечи. Другие имели более зависимое, по крайней мере, по времени отношение к запорожской общине, которая прямо или косвенно вместе с другими формами послужила для них праматерью. Так, артель днепровских лоцманов получили свое начало непосредственно в Сечи, а артели малорусских торговцев-ходебщиков наверно возникли тогда уже, когда Сечь доживала последние свои годы или когда, может быть, она совсем перестала уже существовать. В первом случае Сечь имела прямое и непосредственное влияние, а во втором влияние ее, хотя бы самое отдаленное и косвенное, могло выразиться формальным образом на складе артелей, построенных по общему с нею типу. Наконец, артели днепровских речных рабочих и матросов также, вероятно, возникли только в относительно позднее время и значит также заимствовали свою организацию у других форм. Таким образом, если принять во внимание большинство артельных форм, относящихся к первой группе, то их можно рассматривать только как аналогичные с запорожской общиной по строению формы, а не как преемственные или непосредственным путем развившиеся из нее. Такая точка зрения на них существенно важна. Дело в том, что ни Сечь для рассматриваемых здесь артелей, ни эти артели для Сечи не служили причинами возникновения. Исторически многие из этих форм действительно тесно переплетены между собою, но только потому, что они складывались под влиянием одних и тех же исторических условий и обстоятельств. В действительности же Сечь отличалась от аналогичных с нею по строению артелей по самому уже существу, хотя некоторые из артелей имели даже в ней место как частные факторы в ее жизни.

Общая характеристическая черта рассматриваемых форм заключалась в том, что чуть ли не с самого своего возникновения они носили военный характер, но черта эта имела обратное для Сечи и артелей (конечно, древ-

нейших) значение. Сечь была по преимуществу военной общиной, хотя ей не чужда была также и известного рода промышленность как экономически-трудовой фактов в ее жизни, ради чего она и прибегала к артелям. Артели, наоборот, всегда были, прежде всего, промысловыми товариществами, но и в начале своего существования, и впоследствии они, несомненно, носили военную организацию. Прямую задачу первой составляла война, ближайшей целью вторых была мирная экономическая деятельность. Между Сечью и артелями была, по-видимому, в этом отношении существенная разница, но разница эта оказывалась тем менее заметною, чем неопределеннее и неспокойнее, так сказать, были окружающие условия. Разница эта стала обнаруживаться все более и более только впоследствии, так что артели пережили, наконец, саму Запорожскую Сечь, превращаясь постепенно в мирные формы труда и промысловой деятельности.

Таким образом, прежде чем достигнуть настоящего своего развития или, вернее, настоящей степени своей атрофировки, артельные формы этого рода, то есть чумацкие и забродческие ватаги, артели звероловов и артель лоцманов, прошли длинный курс самых разнообразных жизненных влияний. Получивши полувоенный характер благодаря влиянию временных исторических условий и обстоятельств, они не удержали его за собою впоследствии, а сохранили только одну внешнюю организацию как следствие такого характера. Менялось внутреннее содержимое и оставалось целою внешняя форма. Стало быть, форма эта служила обычным вековым приемом, к которому приравнивал артельное начало народ. Стало быть, и те внешние причины, под влиянием которых она выработалась и сложилась, нужно искать не в настоящем или ближайшем к современному строю народной жизни времени, а в те отдаленные времена, когда малорусский народ выносил тяжелую историческую пытку войн, насилий и грабежей.

Если ограничить период первоначального существования рассматриваемых нами артельных форм XVI, XVII и большую половиною XVIII столетий, то положение, по крайней мере, большинства их окажется во все это время вполне зависимым от военных условий и обстоятельств. Чумацкие валки и ватаги, рыболовные артели, ватаги звероловов и артель днепровских лоцманов – все это были такого рода формы, существование которых было тесно связано с крайним югом нынешней России по месту их деятельности, а именно крайний юг в эти три столетия и страдал особенно от разного рода военно-разбойничьих посягательств и неурядиц. Жизнь и деятельность труженика подвергалась здесь опасности на каждом шагу. Войны, грабежи и набеги то и дело переворачивали вверх ногами весь тогдашний экономический строй. Промышленник должен был быть не только тружеником, но и воином. Занимаясь тем или другим промыслом, он принужден был разом защищать и

себя, и продукты своего труда. К тому же и сам он превращался зачастую в человека, жившего войной и грабежом и смотревшего на экономический труд и промыслы как на подспорье для этой жизни. При таких условиях одинокая борьба и деятельность были невыносимы. Можно было жить только тесно сплоченными группами, товариществами, действовать только коллективно, шайками. Значит, ставили ли южноруссы, уходившие в это время на крайний юг нынешней России, на первом плане своей жизни войну, грабежи и набеги или же промыслы и экономический труд, – ассоциационная форма жизни являлась для них во всяком случае существенно необходимой. Без нее, этой формы, невыносима была и самая жизнь. Но раз такая форма была неизбежна, она в силу той же необходимости должна была получить специфическую окраску своего времени, сделавшись чем-то общим и до известной степени однообразным, должна была получить такой склад и характер, который наиболее соответствовал тогдашним историческим условиям. Таким именно путем и получили рассматриваемые здесь артельные формы свою военнодисциплинированную организацию. На них отразился общий военный дух тогдашнего беспокойного времени, и они, таким образом, оказывались формами, близкими Запорожской Сечи и по духу, и по организации, но формами вместе с тем более мелкими, второстепенными и присущими как самой этой общине, так и вообще жизни малорусского народа.

Что касается остальных двух форм – артелей днепровских речных рабочих и матросов и артелей малорусских крамарей-ходебщиков, – то они, очевидно, представляют продукт позднейшей жизни. На это, по крайней мере, указывает их настоящий вид и характер деятельности. Самое происхождение их поэтому совершилось вне того влияния, которое отразилось на характере других форм этой группы. Ни военные обстоятельства, ни политические и гражданские неурядицы и неопределенность не играли, по-видимому, по отношению к ним никакой существенной роли. Они возникли просто потому, что возникли новые роды экономической и торговой деятельности, в области которых они получили свое применение. Самую организацию они получили путем заимствования от других артельных форм. В народной жизни существовала уже типическая форма их организации, и народу просто пришлось только приложить эту форму к вновь возникшим явлениям. Значит, артели днепровских речных рабочих и матросов и артели малорусских торговцев-ходебщиков имеют ту общую точку соприкосновения с другими формами этой группы, что всем им свойственны одни и те же черты построения.

В чистом виде типическая организация артелей первой группы существовала главным образом в более или менее отдаленные времена, когда она имела не только традиционное значение, но и практический смысл. Тогда каждый член артели с такого рода организацией и в особенности ее выбор-

ные члены играли ту роль, которая определена была им историческими условиями и обстоятельствами. В лице атамана соединялась деятельность не только хозяина-распорядителя артели, но и начальника-диктатора в известных случаях. Обыкновенные члены артели были не только рядовыми рабочими, но и безусловно подчиненными, опять-таки в известных случаях, атаману воинами. И при всем этом существовала самая строгая равноправность между всеми членами артели и самое справедливое и последовательное проведение артельного начала в дело. Завещанная от этих отдаленных времен организация артелей имела такой вид: артель состояла из совершенно равноправных лиц, избравших из среды своей атамана, заправлявшего, на основании обычаев, всем ходом артельных дел, и кухаря, на обязанности которого лежала продовольственная часть. В отдельных случаях являлось третье посредствующее лицо – есаул или писарь. Это именно та ячеичная форма, которую, как мы видели выше, были проникнуты все роды деятельности запорожцев. Эта же форма осталась господствующей и в современных нам артелях, но роли и положения разных участвующих лиц в ней менялись и видоизменялись в течение нескольких веков и существенно пошатнулись в последнее время.

Первоначально атаман был прежде всего «ватажком», военным главою, хотя вместе с тем и лицом выборным. Это было, следовательно, во всяком случае почтенное лицо, соединявшее в своей особе такие качества, которые товарищество считало существенно необходимыми для своего представителя. Он должен был обладать не только личною храбростью и энергиею, но и способностями руководить другими, знанием окружающих условий и умением отыскать тот или другой практический выход из всякого затруднения. Это были качества чисто военного человека. И чем ближе артель приближалась к военному товариществу, тем выше ценились эти качества. В тех промыслово-разбойничьих товариществах, которые предшествовали возникновению Запорожской Сечи, или в шайках гайдамак, например, от атамана прежде всего требовались именно эти качества. Но в тех товариществах, где военные и разбойничьи цели оттенялись более или менее мирными промысловыми и экономическими задачами, кроме военных качеств, от атамана требовались и качества мирного труженика, умелого хозяина и хорошего знатока того промысла, к которому артель прилагала свою деятельность. Так, если артель занималась рыболовством, то, понятно, атаман должен был хорошо знать лучшие места промысла и более выгодные способы его эксплуатации. То же требовалось от атамана ватаги чумаков в сфере его специальности. И чем больше значения артель придавала своим промысловым целям, тем, разумеется, выше ценились качества знающего свое дело специалиста-промышленника в лице атамана. Таким образом, в тех случаях, когда артель преследовала исключительно промысловые и экономические цели, военные

качества атамана служили чем-то второстепенным и дополнительным к достоинствам его как опытного, знающего и толкового труженика. Они необходимы были в атамане только на случай вооруженного столкновения артели с разного рода разбойничьими шайками того времени.

Затем двойственность роли атамана оттенялась в ту или другую сторону отчасти уже самим характером деятельности древнейших артелей. Рыболовным ватагам и артелям звероловов по самому роду уже деятельности в местностях издавна беспокойных, глухих и разбойничьих приходилось чаще выдерживать вооруженные столкновения с разного рода противниками, чем другим артелям. Эти же артели чаще заражались примерами грабежей и нападений и с своей стороны. Самая борьба с водной стихией и преследование диких зверей требовали также от промышленника чисто военных качеств и сноровки. Отсюда – строго военный характер этих артелей и необходимость иметь в лице атамана не только опытного промышленника, но и искусного вояку. Наоборот, в чумацких валках, где торговая деятельность и извоз всегда стояли на первом плане, всегда составляли самую прямую и непосредственную задачу артели, атаман должен был быть прежде всего знатоком дела и потом уже энергичным и умелым отстаивателем интересов и имущества валки в качестве военного главы. Лоцманская деятельность также требовала в лице атамана неустрашимого и энергичного бойца со стихией, но она вместе с тем была и строго специальной, носившей мирный характер потому уже, что лоцманы для предложения своих услуг должны были вступать в совершенно мирные отношения с чуждыми им людьми. Наконец, деятельность днепровских речных рабочих и матросов, а также и деятельность малорусских крамарей, помимо своего мирного характера, возникла уже в то время, когда самые внешние условия потеряли в южной России свой прежний беспокойный военный характер.

Итак, следовательно, военная роль атамана промысловых артелей всегда служила чем-то второстепенным и придаточным в ряду его прямых обязанностей как хозяина-руководителя артели в ее экономических и промысловых делах, и только при исключительно военных обстоятельствах эта роль была вместе с тем и ролью военного главы артели. Но по мере того как изменялись самые условия, в зависимости от которых находилась эта последняя роль, по мере приближения исторических жизни к более мирным временам военная роль атамана утрачивала все более и более свое прежнее значение и становилась излишнею. Так, в XVI, XVII и первой половине XVIII столетий атаман в чумацких валках всегда играл роль вожака-диктатора в случаях столкновения валки с врагами. Он был вооружен ружьем, саблей и пикой, как вооружены были и все его ватажане, и командовал этими последними в качестве военного начальника. По его приказанию валка превращалась в табор, про-

изводились наступления или защита от нападающего врага. Такую же роль, вероятно, нередко играл тогда и атаман забродческих ватаг. Промысловые артели, в особенности чумацкие валки, в это время часто подвергались нападениям со стороны татар, гайдамак и вообще разбойничьего элемента, игравшего в этот исторический период видную роль в южной России. Но позже, когда исчезла самая возможность подобных нападений, атаману, понятно, уже не приходилось играть роли военного диктатора и вожака. Для него она стала излишнею, и он всецело превращался в главу мирной артели. А в таких артелях, как артели малорусских крамарей, атаман и совсем уже не играл никогда роли военного представителя, потому что и самые артели этого рода возникли совершенно при других условиях, исключавших самую возможность военной роли со стороны атамана.

Переходя затем к характеристике роли и положения других членов рассматриваемых артелей в разные времена их исторического существования, можно заметить, что по отношению к своему древнейшему положению в артели все вообще лица испытывали в общих чертах те же самые превращения, какие испытывали атаманы в своем положении. Когда окружающие условия отличались беспокойным характером, все члены той или другой древнейшей артели одинаково были и промышленниками, тружениками или торговцами, и воинами. Обыкновенный член артели, кухарь, писарь или есаул, – все они выполняли ту роль, какую требовали обстоятельства, неся вместе с тем каждый и специальные свои обязанности. Есаул так и оставался помощником атамана, приходилось ли ему быть на обычной артельной работе или драться с врагом, хотя, впрочем, в этом последнем случае он играл более видную роль. Кухарь всегда был только кашеваром, но если необходимость требовала, то он также брался за «рушницу» или копье, как и все другие члены артели. Писарь всегда вел свои счета и расчеты, но он одинаково с другими действовал и при обыкновенных занятиях артели, и в схватке ее с врагом. Точно так же и все остальные члены направляли так свою деятельность, как требовали того обстоятельства: в обыкновенное время занимались мирными своими занятиями, все вместе, сообща или поочередно, а на случай вооруженного столкновения с врагами они составляли главную боевую силу артели. Но когда исчезли внешние условия, порождавшие вооруженные столкновения артелей с разного рода покусителями на их труд и имущество, исчез, конечно, и самый характер защитительно-военной деятельности артелей, а следовательно, и всех тех членов, которые входили в их состав. Само собою понятно, что в тех артелях, которые возникли только в последующее время, когда войны и грабежи не имели уже своего прежнего значения, никогда не ощущалась и самая надобность в военной или защитительной деятельности их членов.

Таким-то историческим путем постепенно видоизменялась и утрачивала свой прежний военно-дисциплинарный характер та древняя организация, крайнею выразительницею которой была Запорожская Сечь, а вместе с тем видоизменялись и утрачивали свое прежнее значение и роли всех тех членов, которые входили по обычаю в состав этой организации. В настоящее время основной план этой организации прилагается к разного рода артелям благодаря только своему исторически-традиционному прошлому, благодаря тому крепкому воздействию, которое всегда оказывали обычаи на народную жизнь. Своего прошлого исторического значения этот план организации не имеет уже для артелей, и нередки поэтому случаи, когда отдельные единичные артели, прилагаемые в области одной и той же деятельности, отличаются различным строением между собою, и многие при этом различии не представляют ничего общего с былым историческим типом построения. Так, чумацкие валки в конце XVIII и начале нынешнего столетия постепенно заменили свою вольную и равноправную организацию большею частью на простое соединение нескольких чумаков-наемников под непосредственным контролем и властью чумака-предпринимателя, который и считался, таким образом, атаманом благодаря своему имущественному положению. В настоящее время между чумаками часто не существует и такой даже организации. В иных случаях она заменяется обыкновенным дорожным товариществом, и только в некоторых местах, как, например, в Пирятинском уезде Полтавской губернии, вполне сохранилась еще древняя типическая организация чумаков с атаманом, есаулом, кухарем и ватажанами. Забродческие ватаги, несмотря на то, что до сих пор придерживаются своей древней организации, состоящей из атамана, писаря, кухаря и забродчиков, часто являются простым орудием в руках кулака и капиталиста, который и играет роль атамана в артели не по выбору, а по собственному желанию в качестве хозяина. В древнюю организацию днепровских лоцманов еще со времени Екатерины Второй внесен элемент правительственно-административный, хотя выборный атаман и громада до сих пор еще существуют. В артелях днепровских речных рабочих и матросов атаман, кухарь и товарищи носят в иных случаях одно номинальное название, так как они служат на жалованье у хозяина, а в других, где хозяин судна является шкипером и значит атаманом вместе, их организация совершенно похожа на организацию тех забродческих ватаг, в которых атаманом также бывает хозяин. В артелях крамарей-ходебщиков, по-видимому, более или менее сохранилась древняя типическая организация, но самые артели представляют крайне микроскопическое явление, если только существуют в настоящее время, а артели звероловов и совсем уже давно исчезли. Одним словом, настоящее состояние рассматриваемых артелей ясно показывает, что как их древняя типическая организация, так и

самое артельное начало с течением времени все более и более разлагаются. Между организацией артелей и их внутренним содержанием в большинстве случаев не существует уже никакого соответствия.

Легко понять, почему в прежние времена между типической организацией рассматриваемых артелей и их внутренним содержанием было больше соответствия, чем в настоящее. Прежде и самые условия существования этих артелей были не те. Применение артельного начала к делу в чистом виде было существенною необходимостью благодаря преобладающему и исключительному влиянию трудового начала, с одной стороны, и беспокойным военным обстоятельством и условиям – с другой. Стойкость и самоотверженное соблюдение артелями своих интересов возможно было только при том условии, чтобы лица, составлявшие артель, одинаково бы дорожили общим делом. Наемник и батрак-чумак не отстаивали бы с такою стойкостью и усердием валку, с какою отстаивали ее совершенно равноправные и воинственные чумаки-пайщики. Купить или нанять вообще самоотвержение и отвагу нельзя было, потому что они немислимы без самостоятельности и свободы, а самостоятельность и свобода, в свою очередь, несовместимы с положением наемника и батрака. Значит, военное начало имело прямое влияние не только на характер организации, но до известной степени и на строгое соответствие этой организации с артельным началом.

Но то же военное начало само по себе не могло быть вечно регулирующим началом для мирных трудовых социально-экономических форм, каковы в сущности артели. Оно во всяком случае было выражением насилия и разрушения, таких двух элементов, которыми в корне подрывается всякая мирная трудовая и последовательная экономическая жизнь и историческое развитие ее форм. Поэтому, по мере того как историческая жизнь южной России принимала все более и более мирные гражданские формы, по мере того как военное начало, следовательно, утрачивало все больше и больше свое значение, – и самая типическая организация артелей теряла свой прежний характер. То, что было прежде практически необходимо, становилось с течением времени только обычно традиционным и притом необходимым только номинально. Но чтобы артельные формы не потеряли при этом своего прежнего существенного характера, нужно было такое сочетание экономических и гражданских условий, при котором артельное начало представляло бы существенную необходимость в области экономической деятельности, нужен был полный и ничем не стесняемый простор труду и его комбинациям. Самая историческая форма построения артелей в таком случае могла бы утратить свое прежнее значение, но из нее непосредственно путем органического развития получились бы другие, более сообразные с временем и обстоятельствами формы. Произошел бы самый обыкновен-

ный акт исторического развития, и артельное начало по-прежнему играло бы главную роль. Но этого именно и не случилось.

Дело в том, что, по мере того как в позднейшей жизни южной России постепенно утрачивали свое историческое значение такие формы, как Запорожская Сечь и артели, организуемые по ее типу, по мере того как прежние народные идеалы социальной жизни и отношений отживали свой век и должны были существенно видоизмениться, постепенно также зарождались и разрастались такие условия, которые были прямо противоположны не только прежнему строю народной жизни, но и преобразованию этого строя в народном духе сообразно с новейшими жизненными требованиями и условиями. Политическая, гражданская и экономическая жизнь южной России приняла положительно неблагоприятный в этом отношении характер. Для народа не существовало уже более прежней самостоятельности и свободы в деле органического развития своих идеалов. Земельные отношения в самой Малороссии стали претерпевать сильные внешние стеснения в противоположном такому направлению духе. Зарождающиеся капиталистические тенденции капля по капле начали просачивать старый экономический строй, занимая все более и более в нем места. Короче, на смену преобладающего влияния военных условий и обстоятельств явились капиталистические. Таким образом, и артельные формы, уже значительно утратившие свое прежнее значение вместе с утратой прежней роли их типической организации, столкнулись с такими экономическими комбинациями, вся сила которых направлялась прямо на их же разрушение.

Такова, по крайней мере, вся фактическая подкладка рассматриваемых нами артелей. Чумацкие валки, представлявшие в более отдаленные времена совершенно свободные торгово-извозные и трудовые вместе товарищества, уже в XVIII столетии начали терять этот свой прежний характер. В жизнь чумачества начал внедряться новый элемент – элемент чисто капиталистический. Так как чумачество с этого времени становилось все более и более гарантированным от разного рода разбойничьих покушений, то вместе с тем и ячеичные его формы – ватаги – также начали постепенно утрачивать свое прежнее значение. Личная нажива и накопление капитала получили значительный простор. Явились чумаки-капиталисты, составлявшие валки и ватаги на началах личной предприимчивости и своих непосредственных интересов в ущерб артельному началу. Типическая форма организации артелей теряла свое прежнее значение, артели разрушались и атрофировались. В то же время в жизни быстро зарождался и, точно лавина, охватывал все жизненные стороны новый чисто капиталистический строй торговых отношений, подрезывавший демократическое чумачество в самом корне. На месте чумаков стали появляться купцы, банкиры, банки и компании. Пароходы и железные

дороги лишили чумаков последней почвы, отняв у них возможность даже самого извозного промысла. Таким образом, то самое чумачество, которое в XVIII, XVII, XVI столетиях и даже ранее было единственным торговым сословием малорусского племени и неограниченно царило в области торговли и извоза не только на всем юге нынешней России, но и за пределами его, теперь уже совсем почти исчезло с лица земли, и только в немногих глухих местах южной России его последние могикане время от времени заявляют еще о своем существовании, то конкурируя, на удивление всему миру, с железными дорогами и пароходами, то посылая свои валки в Крым за солью.

Нечто подобное случилось и с рыболовными ватагами и со всеми другими артелями этой группы. Новые капиталистические тенденции действовали на разложение их вдвойне, так сказать, и внутри, и снаружи. Уже в Запорожье рыболовные ватаги были наполовину зависимыми от капитала артелями, несмотря даже на коммунистический строй последней Запорожской Сечи. Так, запорожцы нанимали пришлых поденщиков, «аргатов», для своих ватаг, а самый дележ добычи производился таким образом, что половина добычи шла на хозяев рыболовных снастей и снарядов, а половина на ватагу. Этот способ дележа отвоевывал потом все больше и больше себе места и в настоящее время сделался господствующим и чуть ли не единственным. Таким образом, и организация забродческих ватаг, и применение к ним артельного начала ставились в зависимость от капиталиста-предпринимателя и поэтому стали получать тот характер и окраску, который придавался им этим последним, игравшим в большинстве случаев роль неограниченного атамана-хозяина. Вместе с тем изменились и самые естественные условия промысла. Рыболовство сократилось, и ватаги, тянувшиеся прежде почти сплошным образом вдоль берегов Азовского и Черного морей, начиная от Тамани и оканчивая устьями Дуная, встречаются теперь гораздо реже. Точно так же артель днепровских лоцманов и артели речных днепровских рабочих и матросов встретили сильных противников в тех крупных капиталистических предприятиях и компаниях, которые забрали в свои руки пути сообщения. Артелям «крамарей» также не устоять против разрастающейся роли все того же капитала, если только они играют еще какую-нибудь роль...

Таким образом, вся группа артелей, организуемых по типу Запорожской Сечи, представляет в настоящее время группу отживающих форм. Общий план строения всех этих форм давно уже утратил свое прежнее историческое значение. Самое соответствие между формой и применением к ней артельного начала также давно отжило свой век. Одни из этих форм, пока влачащие свое существование, поэтому должны совершенно исчезнуть, как исчезли, например, артели звероловов. Такова именно участь самых многочисленных когда-то чумацких артелей. Другие должны, по меньшей мере, радикально

видоизмениться, подчиняясь общим законам развития и преемственной передачи, что, за исключением, может быть, одних забродческих ватаг, вряд ли мыслимо для остальных артелей этой группы. Примеры такого видоизменения представляют артели уже следующей группы.

IV

В состав второй группы южнорусских артелей можно включить всего только две формы: крымские солепромышленные артели и артели косарей; но каждая из этих форм имеет ежегодно сотни и тысячи случаев применения в области своей специальной деятельности. Таким образом, вторая группа южнорусских артелей отличается прежде всего не разнообразием своих форм, а широким применением одних и тех же форм в экономической жизни. Черта, свидетельствующая в пользу особенной жизненности и пригодности этих артелей и служащая, следовательно, для них довольно важным отличительным признаком от артелей первой группы. Тогда как эти новые артельные формы имеют, по-видимому, несомненные шансы для дальнейшего своего существования и развития, артели предыдущей группы, как мы видели, представляют собою отжившие и отживающие формы артельного труда и комбинаций.

Но рядом с этой общей отличительной чертой артелей второй группы существует и несколько таких частных особенностей, которые делают их во многом несходными между собою. По времени своего возникновения крымские солепромышленные артели и косарские круги представляют две совершенно разновременные формы. Первые, несомненно, имеют за собою довольно отдаленное прошлое или, по крайней мере, тот промысел, в сфере которого они имеют место, принадлежит к числу древнейших промыслов, существовавших издавна в южной России. Вторые могли быть продуктом только позднейшего времени, так как и самый южнорусский косарский промысел появился в относительно недавнее время, никак не раньше занятия и колонизации русскими крайнего юга нынешней России. Но такое различие этих двух форм тем не менее нимало не мешает им иметь некоторые общие точки соприкосновения с артелями предыдущей группы. Известная связь и соотношение, существующие между ними и этими последними, не подлежит ни малейшему сомнению. Связь эта, как мы увидим ниже, обнаруживается в некоторых общих чертах построения тех и других форм.

Не вдаваясь в глубокую древность, можно заметить, что крымский соляной промысел издавна служил весьма важным экономическим подспорьем для южнорусского населения, несмотря даже на то, что промысел этот издавна также находится во враждебных этому населению руках. Уже в XVI веке, когда промысел этот принадлежал крымским татарам, южноруссы

вели довольно оживленную торговлю с этим народом, причем вывоз соли из Крыма считался весьма важной статьёй этой торговли. Впоследствии торговые отношения этого рода все больше и больше развивались, а вместе с тем расширялась и эксплуатация крымских соляных озер южнорусскими промышленниками. Когда последняя Запорожская Сечь прочно утвердилась на низовьях Днепра, между нею и крымскими татарами установились более или менее постоянные отношения этого рода. Ежегодно запорожцы не только отправляли за солью в Крым свои собственные чумацкие ватаги, но и вообще охраняли все те чумацкие валки, которые проходили через их владения. Крымцы со своей стороны, каждый раз как садилась соль, давали об этом знать своим ближайшим соседям запорожцам и приглашали их и чумаков на промысел. Если судить по архивным сведениям последнего Коша Запорожского, то ежегодное движение этих торговцев-промышленников в Крым за солью считалось весьма важным и выгодным как для крымского правительства, так и для Запорожья, а это уже само собою указывает на значительный контингент чумаков-солепромышленников, эксплуатировавших ежегодно Перекопские озера¹.

Таким образом, в то время, когда крымские или, точнее, крымские Перекопские соляные озера не принадлежали еще России, южнорусский соляной промысел был тесно связан с южнорусским чумачеством. Чумацкие валки и ватаги были вместе с тем и промысловыми артелями, добывавшими соль на крымских озерах. Значит, и древняя типическая организация этих артелей в этом отношении играла свою обычную роль. Артели для добычи соли, несомненно, организовывались по типу Запорожской Сечи, и это тем вероятнее, что сами запорожцы принимали в этом промысле непосредственное и деятельное участие, а запорожцы, как известно, не делали ни одного шагу без того, чтобы не приложить к тому или другому делу артельного начала и при том в одной и той же типической форме товарищества с атаманом во главе.

Когда крымский соляной промысел стал достоянием России, тогда, очевидно, и самая организация этого промысла должна была принять совершенно другой характер. Русские и южноруссы как ближайшие к этому промыслу могли уже непосредственно заниматься здесь добычей соли. Роль чумачества поэтому все суживалась и суживалась, так что в настоящее время только из немногих мест южной России отправляются еще чумацкие валки в Крым за солью, но и они добывают ее здесь не сами, а покупают готовую. Торговая и извозная роли чумаков перешли к купцам, железнодорожникам и проходчикам, а самый промысел превратился в громаднейшее экономическое предприятие, в котором ежегодно участвуют около 10 тысяч рабочих, специально

¹ Скальковский А. История Новой Сечи. С. 273–275.

занимающихся добычею соли в течение двух-трех месяцев в году и прилагающих к делу артельное начало в самых широких размерах.

Как и когда именно возникли крымские солепромышленники артели в настоящем их виде – прямых и точных указаний на этот счет мы не имеем. Но судя по тому, что мы сказали выше, теперешней организации этих артелей предшествовала типическая организация Запорожской Сечи, так что, следовательно, новейшая организация получилась путем исторического развития из более древней. К такому выводу можно придти и на основании простого сопоставления отличительных черт построения и той, и другой организации. Современные нам крымские солепромышленные артели представляют совершенно равноправные товарищества, избирающие из своей среды только двух выборных лиц – «артельщика» и «кухаря». Сравнивая положение первого с положением атамана в других артелях, легко заметить, что существенная разница в этом отношении заключается главным образом в одном названии. И артельщик, и атаман – по преимуществу выборные лица; и артельщик, и атаман играют роль неограниченных хозяев и распорядителей в раз намеченной им обычаем сфере деятельности; и артельщик, и атаман – люди всегда почтенные и авторитетные в кругу товарищества; и артельщик, и атаман (в забродческих ватагах) даже получают в известных случаях двойной пай в дележе заработков. Положение «кухаря» в солепромышленных артелях вполне сходственно с положением кухаря в артелях, организуемых по типу Запорожской Сечи. Вдобавок ко всему этому артельное начало в солепромышленных товариществах проведено с большею справедливостью и последовательностью, чем в отживающих артелях типа Запорожской Сечи. Но это, конечно, есть уже прямой результат исторического развития и приспособленности этих товариществ.

Итак, следовательно, новейшие солепромышленные артели оказываются видоизмененными и развившимися формами труда, имевшими раньше несколько отличную от существующей организацию. В них атрофировались некоторые прежние исторические черты, имевшие значение при других условиях и обстоятельствах, и взамен их развились и выдвинулись наружу новые, более пригодные при настоящем положении солепромышленного дела. Когда крымский соляной промысел находился в руках татар и крайний юг России представлял беспокойный в гражданском отношении край, тогда, понятно, малорусский солепромышленник, отправлявшийся в этот чужой и беспокойный край с экономическими целями, должен был быть не только тружеником, но, до известной степени, и воином. Отсюда – и организация таких промышленников должна была носить военно-дисциплинированный характер. Но когда с переходом Крыма в число русских владений, исчезли и прежние неблагоприятные условия для солепромышленности, тогда, разу-

меется, от солепромышленника стали требоваться одни качества умелого работника. Отсюда – и организация этих работников должна была принять характер мирного промыслового товарищества. В то же время к малорусским солепромышленникам стали присоединяться великорусские выходцы, внесшие в дело также и свои обычаи и традиции, и свои артельные формы. В результате должно было образоваться среднее пропорциональное, те современные артельные формы труда, которые, несомненно, имеют известную историческую связь с местными древними артелями, организуемыми по типу Запорожской Сечи, и вместе с тем отчасти напоминают собою и артели великорусского типа.

Несколько при иных условиях развился косарский промысел. Он вообще представляет продукт позднейшего времени и свой теперешний широкий характер приобрел преимущественно в последние два десятилетия. Ему остались чужды те исторические условия, которые положили такую резкую и характерную печать на чумачество, древнее рыболовство или солепромышленность. Косарский промысел, одним словом, возник тогда, когда на крайнем юге нынешней России стал уже твердою ногою русский колонизатор-поселенец, сменивший своих враждебных предшественников, когда прежние отхожие промыслы очутились в более мирных внешних условиях. Вполне естественно поэтому, что на косарском промысле сразу же должен был отразиться этот экономический перелом в южном крае. С одной стороны, на этот промысел должны были действовать старые участники других южнорусских промыслов, а с другой – вместе с наплывом вообще рабочих рук в южную Россию должны были сразу же появиться и совершенные новички в отхожем деле. И действительно, вплоть до настоящего времени в косарском промысле почти сплошь и рядом участвуют те же самые рабочие, которые в другое время года занимаются здесь же, на юге, рыболовством или добычею соли. Но вместе с этим элементом в сильной степени взрос и другой элемент вообще пришлого из внутри России рабочего люда, ищущего работ специально в сельском хозяйстве, так что в конце концов этим новым элементом почти совершенно стал поглощаться старый.

Таким образом, раз артельное начало получило место в косарском промысле, оно должно было вылиться в той или другой артельной форме соответственно с тем, какого рода косари входили в состав артели. Если артель составлялась из тех бывалых рабочих, которые участвовали в других южнорусских отхожих промыслах, – она, наверное, принимала типическую организацию Запорожской Сечи. В противном случае артель могла получить и другую организацию. У великороссов она принимала обыкновенный великорусский характер товарищества с выборным или самостоятельно формирующим артель старостою. У малороссов становилась просто товариществом односель-

цев или земляков без всяких выборных лиц, но с сильным влиянием на деле артели со стороны ее старших по летам и опыту членов.

Все эти формы действительно встречаются между косарями и в настоящее время. Так, в Кубанской области передовой косарь артели, косящей «с круга», часто носит название атамана, причем на самом деле он не играет роли атамана и, кажется, большею частью потому, что роль эта ограничивается при косябе одним ведением «за собою» косарей; но в таких артелях нередко выбирается кухарь. В косарских артелях Екатеринославской губернии, косящих с «ланка», почти всегда выбирается атаман, который и ходит также «в первой ручке». Чаше артели косарей состоят из целой группы разного рода лиц – мужчин, женщин и подростков, так что артель формируется из косарей и гребцов. В таком случае руководящими лицами артели являются старшие по летам и непременно мужчины – «дядьки». Часто также артели этого второго вида составляются из одних мужчин и первенствующую роль также играют одно, два или три лица из более почтенных и опытных членов. Вообще же эти последние артельные формы со своим домашним семейным характером положительно преобладают над первыми с их обрывками традиционной организации, и если вообще косарским артелям суждено играть сколько-нибудь видную роль при дальнейшем развитии косарского промысла, то очевидно, что будущее останется за последними из форм, напоминающими во многом домашние общинно-артельные формы с их семейною подкладкою.

Таким образом, малорусские косарские артели имеют еще меньше отношения к древним промысловым артелям южной России типа Запорожской Сечи, чем даже солепромышленные. Между ними встречаются только относительно немногие формы древнезапорожского типа. Большинство же носит совершенно другое построение, и за этим большинством артельных форм вероятнее всего останется будущее.

V

Совершенную противоположность с только что рассмотренными артелями двух предыдущих групп составляют те из южнорусских форм, которые встречаются в области земледельческой и сельскохозяйственной деятельности. Это артели по преимуществу, так сказать, домашнего характера, тогда как артели двух предыдущих групп почти все принадлежат к разряду отхожих. Отсюда вытекают и самые различия в построении артелей того и другого рода. Несмотря на то что некоторые из артелей третьей группы принадлежат к числу исторических форм, получивших свое начало в довольно отдаленной древности, организация их не отличается такими совер-

шенствами и исторически выработанною законченностью, как в артелях двух предыдущих групп. И это вполне понятно. Уже сам по себе тот или другой отхожий промысел бывает соединен с массою таких условий, каких совсем не оказывается в области домашней экономической жизни. Далекая и чужая сторона, возможность заболеть, подвергнуться обману и пр. – все это заставляет уходящих на заработки труженников крепко держаться друг друга. Но когда, кроме того, и общие гражданские и политические условия бывают таковы, какими они были в XVI, XVII и XVIII веках на юге нынешней России, тогда, понятно, эта близость друг к другу промышленников в чужом краю усиливается еще в большей степени. Отсюда – подбор вполне годных для того или другого отхожего дела членов и крепкая дисциплинированная организация их. И выше мы действительно видели, как выразилась эта организация в артелях двух предыдущих групп и как она постепенно, по мере исторического роста гражданских условий, теряла свое прежнее значение. Не то – артели земледельческие и сельскохозяйственные. К ним никогда не применялась строго дисциплинарная организация. Личная организация членов в них всегда была делом второстепенным. Существенно важною считалась только самая организация дела, практических способов и приемов его. Гарантия же членов от разного рода жизненных случайностей, а отсюда и самое приспособление артельной организации к такой цели никогда не имели здесь места. Важно было исполнить ту или другую земледельческую и сельскохозяйственную работу с соблюдением лучших выгод – и только. Принимала ли поэтому артель характер взаимопомощи, представляли ли она простую складчину рабочих средств и соединение рабочих сил, была ли она частным применением к делу общинного труда, во всех таких случаях имелась в виду почти всегда одна и та же задача – наилучшее достижение обычных хозяйственных выгод. Затем личная организация членов и взаимные отношения их обуславливались уже этой задачей. Таким образом, если взглянуть с этой последней точки зрения на современные земледельческие и сельскохозяйственные артели южной России, то они окажутся рядом, по-видимому, совершенно примитивных форм, с весьма слабой личной организацией членов, а иногда и с каким-то неполным, отрывчатым применением к делу артельного начала.

По времени своего происхождения артели третьей группы можно разбить на два разряда: древние и новейшие. Начало первых теряется в той отдаленной исторической жизни южнорусского племени, когда общинные отношения играли в этой жизни более или менее деятельную роль. Таковы: «толока», обычай «спрягаться» и, может быть, артель «чередников». Все это такие формы, которые имеют довольно древнее происхождение. Другие артели этой группы носят характер, видимо, более позднейших по времени

возникновения форм, а некоторые и совсем уже явились в последнее время. Таковы именно: артели половинщиков (скопщиков) и артели с части (в частности, артели неженских табачниц-половинщиц), «гуртова», арендаторские артели, единичные случаи новейших земледельческих артелей и почтовые артели. Все это такие формы, которые могли сложиться хотя и позже предыдущих форм этой группы, но вместе с тем также под прямым или косвенным влиянием общинного начала. Общей характеристической чертой всех артельных форм третьей группы служит, следовательно, их близость к общинному началу, этому основанию народной жизни в сфере своих ближайших, домашних, непосредственных интересов. Это – общинно-артельные формы труда, формы, близкие по своему происхождению к общинному началу, а по своей настоящей организации к началу артельному. Говоря поэтому об общинно-артельных формах, никогда не надо упускать из виду этот двойственный их характер.

Один из древнейших малорусских обычаев представляет, без всякого сомнения, обычай «толоки» или помочей. Несмотря на свой настоящий извращенный характер, обычай этот до последнего времени остался выражением взаимопомощи, а все то, что носит в сельскохозяйственной жизни характер взаимопомощи, отличается вместе с тем и чисто общинными признаками, по крайней мере в громаднейшем большинстве случаев. Таким образом, и толока по одному уже этому может быть признана чисто общинным обычаем, хотя и в видоизмененной форме и приспособляемой часто к самым узким и эгоистическим целям отдельных личностей. Подобно тому, как и великорусские помочи, толока имеет прямые подтверждения на этот счет в действительной жизни. Это – не только общинный обычай, но и обычай, так сказать, общинно-религиозный. Еще и теперь главными лицами, в пользу которых устраивается толока, являются духовные лица. Толокой пользуется духовенство повсеместно в южной России, и везде оно старается придать этому пользованию характер именно религиозно-общественного дела, как помощи духовным со стороны общины. То обстоятельство, что толока производится большею частью в такие дни, как в день «Паликопа», «Русальчин Велик день», «Семена», «Илии» и проч., в дни народных общинно-торжественных празднеств, также говорит в пользу религиозного характера толоки и вместе указывает на глубокую древность этого обычая. Еще прямее утверждают за толокою этот характер факты устройства толоки в пользу церкви. С другой стороны, толока устраивается также и для общественных нужд, например на нужды школы. В иных случаях она служит помощью бедным. Одним словом, в народной жизни и теперь еще существует целая масса фактов, утверждающих за толокою характер общинного обычая или, точнее, отживающей формы когда-то существовавшего общинного труда.

Другой, аналогичный с толокою южнорусский обычай – обычай «спрягаться» («супрягаться») – также носит общинный характер и, наверно, имеет довольно древнее происхождение. Судя по аналогичным фактам из первобытной жизни народов, как, например, по фактам из настоящей жизни некоторых кавказских горных племен, у которых существует обыкновение производить распашку земли посредством спряжки целой общины, можно полагать, что и в жизни южноруссов обычай спрягаться имел раньше такой именно общинный характер. В некоторых местах, как, например, в Ольгопольском уезде Каменец-Подольской губернии, всего только тридцать-сорок лет тому назад отдельные общины перестали употреблять в дело общественные спряжки для вспашки и обработки земли. Часто и теперь еще во многих местах южной России (как это было при постройке церкви в одной из общин Днепровского уезда и бывает в Сквирском уезде Киевской губернии и проч.) спрягаются целые села и деревни, когда это требуется, например, для вспашки церковной земли или для вспашки и обработки земли, доходы с которой должны пойти на нужды церкви и общественные. В некоторых случаях спряжки являются только частным выражением обычной толоки. Так как толокою обыкновенно производятся самые разнообразные земледельческие и сельскохозяйственные работы, то способ спряжек, то есть соединения рабочих сил, скота и орудий для вспашки и обработки земли, употребляемый при толоке, очевидно, является в таких случаях совершенно готовою формою. Значит, и обычай «спрягаться», подобно толоке, представляет собою видоизменившуюся форму общинного труда, приобретшую в последнее время чисто артельный характер.

Еще резче влияние общинного начала отпечатлевается на артелях «чередников», почтовых, некоторых арендаторских и новейших земледельческих артелях. Здесь уже артели служат или прямым воплощением общинного начала, или же частным случаем существующих общинных порядков. Так, артели чередников, пасущих общественные стада – «череды», всегда имеют дело непосредственно с целой общиной или частью ее, и самые отношения обеих сторон – общины или части ее и пастухов – держатся на существующих общинных обычаях. Почтовые артели Кубанской области состояются из лиц, назначаемых обществом на общественных сходах. Общественные аренды земель производятся также целыми «громадами», а иногда в таких случаях и самое пользование арендными землями бывает общинным. Наконец, бывают случаи, как, например, это было в Полтавской губернии и Бессарабии, когда целые общины, пользовавшиеся до того землею подворно, начинают обрабатывать ее сообща, всеми наличными членами своей громады. Таким образом, существует целый ряд весьма оригинальных артелей, носящих несомненный характер чисто общинных

форм, и притом во многих случаях эти формы встречаются даже там, где не существует самого общинного землевладения.

Остальные затем формы рассматриваемой группы носят, по-видимому, строго артельный характер и не имеют никаких непосредственных точек соприкосновения с тем или другим выражением общинного начала. Таковы именно: артели половинщиков, артели с части, «гуртова», некоторые арендаторские артели и артели неженских табачниц-половинщиц. Все они являются делом отдельных лиц, а не целых общин. В одном и том же селе, в одной и той же общине может существовать по нескольку одних и тех же форм этого рода, ведущих свои дела независимо, самостоятельно. Но, исключая артели неженских табачниц, служащих, впрочем, только частными формами по отношению к артелям с половины и с части, – все остальные формы имеют в своем основании одну и ту же общую для них черту – соединение труда не отдельных, единичных личностей, а большею частью целых групп, самостоятельных рабочих семейств, но это именно и есть отличительная черта обычных общинных форм. Общий семейный труд нескольких односельцев представляет только частный случай применения общинного труда, а в рассматриваемых формах это частное выражение общинного труда обуславливается самым характером выполняемых этими артелями работ. Артели эти большею частью не принимают более широких размеров, могших поставить их на степень общинных предприятий, только потому, что этому мешают существующие экономические условия, как, например, ограниченность арендуемых земель, незначительность и разбросанность работ, производимых с половины или с части и пр. Значит, и эти последние формы нужно считать формами, на происхождении и развитии которых не могло не отразиться влияние тех или других общинных обычаев и традиций, хотя бы во многих случаях и косвенным путем.

Таким образом, все формы третьей группы имеют то или другое отношение к общинному началу, и поэтому их правильнее назвать общинно-артельными формами, а не просто артелями, хотя в настоящем своем виде они далеки от чисто общинных форм в общепринятом смысле и ближе именно стоят к артельным формам труда и отношений. На одних из этих форм общинное начало отразилось более сильно, на других менее. Некоторые из них, как череднички и почтовые артели Кубанской области, и теперь еще существуют рядом с общинно-земельными порядками; большинство же их встречается и там, где не существует даже земельной общины. Одним словом, общинно-артельные формы представляют собою такие явления в экономической жизни народа, которые сложились под прямым или косвенным, традиционным влиянием общинного начала, и в этом обстоятельстве нужно искать как причины их возникновения, так и происхождение основных черт их организации.

Есть одна довольно важная черта, резко разграничивающая собственно общинные формы от строго артельных. Дело в том, что общинные формы не имеют той детальной обработки и строгой законченности в организации, какая встречается в артельных формах. Это – черта, на которую мы указали уже выше. Благодаря тому обстоятельству, что общинно-артельные формы встречаются большею частью в домашней сельскохозяйственной жизни народа, в состав их входят самые разнообразные рабочие силы и личности. Рядом со стариком здесь имеют место дети, вместе с мужчинами работают женщины, и труд вполне годного взрослого рабочего часто ассоциируется с трудом маломочного еще подростка. Тут не бывает такого строгого подбора совершенно равноправных и до известной степени равносильных рабочих, какой оказывается в большинстве отхожих артелей, и только те формы составляют в этом отношении исключение, которые по самому своему характеру более подходят к отхожим артелям. Таким образом, на общинно-артельные формы часто целиком переносится обыкновенная домашняя жизнь и отношения, и там, где в артелях существуют специально приспособленные к ним детальные правила, в общинно-артельных формах прилагаются готовые, семейные отношения; поэтому семья и семейные обычаи играют тут большую, чем где-либо в артельных формах, роль. И только там семейные отношения оказываются несколько слабее, где самая форма отличается кратковременным, мимолетным характером или где она близка по характеру производимых ею работ к отхожим артелям. В этом легко можно убедиться, рассматривая несколько ближе весь ряд общинно-артельных форм.

Так, толока как форма кратковременная и притом сильно видоизменившаяся, по-видимому, совершенно лишена всякой организации. Во многих случаях она представляет простую складчину рабочих сил, орудий и скота. Один идет на толоку в качестве рабочего, другой дает воз, третий посылает волов, и таким образом составляется целая ассоциация для перевозки сена, топлива или камыша. В течение одного дня ассоциация эта возникает, организуется, исполняет работу и затем распадается. Каждый работает как временный участник в деле, заинтересованный в одном – в исполнении необходимой общей работы, и понятно, что при этом самая организация сводится к простому сложению сил, другими словами, определяется самым характером работы. Но в тех относительно немногих случаях, когда требуется выполнение более фундаментальных и прочных, чем обыденные, работ, толока принимает и более организованный характер. При вспашке церковной земли целой деревней или при съемке и уборке хлеба и сена, предназначенного в продажу на общественные и церковные нужды, когда зачастую участвуют в деле почти все члены общины от мала до велика, – естественно, и самые работы должны принимать более организованный характер, а отсюда сама

собою вытекает и необходимость в организации членов. Здесь необходимы уже распорядители и подчинение работ целых семейств и отдельных работников одному общему плану. Так обрабатывались, например, пятьдесят десятин земли в общине села Черненькой Днепровского уезда Таврической губернии в течение нескольких лет, и деньги, вырученные от этих работ, были употреблены на постройку церкви. Таким же образом устраивается иногда толока в Сквирском уезде Киевской губернии для добычи общественных средств на общественные нужды.

Более строгую организацию общинно-артельные формы получают в том случае, когда они служат средством к достижению предприятий, в которых бывают заинтересованы целые общины или, по крайней мере, значительное количество отдельных участников-домохозяев. Такой характер принимают некоторые общественные аренды и некоторые новейшие земледельческие артели. Когда арендуемая земля эксплуатируется целою общиною, тогда, само собою понятно, для успешности дела необходима та или другая организация, соответствующая тому или другому плану деятельности. Отдельные работники и семейства должны подчинять свои работы этому плану, и чтобы привести дело к концу, необходимы распорядители, заправляющие общим ходом дела, потому что без этого немыслима и самая эксплуатация земли. Таким образом, организация общинно-артельных форм является в этом случае простым соединением отдельных рабочих полных или неполных семейств под руководством старших выборных членов. Такова, вероятно, организация участников при общественной обработке арендуемых земель в Черниговском¹ и Бахмутском² уездах. Такой же характер носит община-артель в Полтавской губернии³ и общинное пользование земель в Бессарабии⁴.

Но чем уже экономическое предприятие, к которому прилагается та или другая общинно-артельная форма, чем меньше участвующих в нем лиц, тем все более и более организация общинно-артельных форм теряет общественный характер и тем ближе она приближается к строго артельным формам труда. Появляется подбор участников и известное качественное соотношение рабочих сил и средств. Отдельные семейства выставляют определенное количество рабочих рук, и, если то или другое семейство не имеет в наличности необходимого числа членов, оно выставляет наемных работников. Делом заправляют старшие члены отдельных семейств с общего согласия, но выборных уже не оказывается; их заменяют именно старшие представители семейств, а самые семейные группы часто представляют собою обособленные

¹ Отеч. зап. окт. 1878 г. ст. «Варзера», с. 203–205.

² Русская правда. 1879. № 13.

³ Киевский телегр. 1876. № 67.

⁴ Землед. артели, изд. в Киев. брош. в 1876 г.

рабочие единицы. Весьма оригинальные артели Пирятинского уезда Полтавской губернии, известные под именем «гуртовых», состояются обыкновенно из нескольких равносильных по числу рабочих сил и средств семейств, так что каждая семья выставляет обыкновенно один-два плуга или во всяком случае спрягается с другой, чтобы выставить требуемое количество рабочих сил и средств. Общий ход дела при этом определяется и регулируется старшими членами семейств как отдельных рабочих групп. Тут, следовательно, встречаются уже такие случаи, когда в организации артели участвуют не целые рабочие семейства, а только некоторые представители их.

Еще резче обнаруживается эта черта в следующих затем общинно-артельных формах. Так, при обычае «спрягаться» артель составляется иногда из двух-трех домохозяев, причем, кроме простого сложения рабочего скота и средств, в деле участвуют всего два-три лица: так называемый плугатырь, главный заправитель дела, и один или два, редко три «погоныча». В том случае, когда спряжки принимают более широкие размеры, например при вспашке церковной земли, в деле участвует по несколько плугов и, следовательно, по несколько отдельных семейств или мелких спрягающихся групп. Почтовые артели Кубанской области состояются из трех или четырех домохозяев, назначаемых ежегодно обществом на сходках, так что все они вместе содержат тройку лошадей, экипаж и ямщика. Чрезвычайно редкие артели чередников, встречавшихся нам также в Кубанской области, состояются из нескольких, четырех, пяти, редко шести лиц, принадлежащих к двум или трем семействам, причем младшие члены артели подчиняются старшим в силу существующих семейных обычаев. Артели половинщиков организуются большею частью из семейных групп, но часто также и из отдельных лиц, принадлежащих к разным семействам, и тут так же, как и в других общинно-артельных формах, руководящими членами являются старшие по возрасту, опыту и семейному положению члены. То же повторяется и в артелях с части, но в состав этих артелей редко входят отдельные семейства, а чаще только единичные личности того или другого семейства. Нам передавали, что в Борзенском уезде Черниговской губернии бывают случаи, когда в состав таких артелей входят одни женщины. Наконец, артели неженских табачниц состояются исключительно из одних девушек со «старшей» во главе.

Итак, в основе организации большинства общинно-артельных форм лежит семья и вытекающие из нее отношения. Те из форм этого рода, в состав которых входят единичные личности вместо семейных групп, служат только частными, видоизмененными формами по отношению к большинству. И только немногие, как артели неженских табачниц и кубанские почтовые артели, совсем уже уклоняются от этого типа организации. Но между всеми этими формами не встречается ни одной такой, организация которой была бы

вполне аналогичной с организацией южнорусских отхожих артелей или артелей великорусских. В общинно-артельных формах никогда не бывает ни атаманов, ни старост. В них весьма редко встречаются даже выборные лица. Руководителями и представителями бывают большею частью старшие по возрасту и семейному положению члены. Конечно, и тут так же, как во всех других артелях, положение распорядителя немыслимо без известной опытности и знаний, но так как и знания, и опыт всегда почти бывают на стороне более поживших и пожилых членов, то таким образом они и являются естественными руководителями в большинстве общинно-артельных форм. В немногих случаях, как, например, в некоторых случаях общественной толоки и при общинной обработке земли, делами заправляют те или другие выборные лица, и только в одних артелях неженских табачниц бывает «старшая», напоминающая великорусского артельного старосту или малорусского артельного атамана. Но даже в таких случаях влияние семейных начал на организацию и взаимные отношения членов оказывается более или менее ощутительным.

Раз семейные отношения ложатся в основу таких экономических явлений, как общинно-артельные формы, они неизбежно становятся естественными и господствующими отношениями между разными участниками этих форм. Семья так и остается семьей там, где она целиком входит в ту или другую общинно-артельную форму. Младшие ее члены стоят в такой же зависимости и отношениях к старшим, как и в обыкновенной жизни, и наоборот. Таково же отношение и равных к равным. Но там, где вместо семейных групп являются отдельные их представители, встречаются только частные проявления тех или других семейных обычаев и отношений. Если при вспашке земли спрягаются три одинакового возраста лица, то их обычные обыденные отношения будут отношения равных между собою лиц. Но если такая артель состоит из одного взрослого члена – «плугатыря» и двух малолетков – «погонычей», принадлежащих к различным семьям, то плугатырь будет играть роль старшего в семье. Он будет «дядьком» для погонычей, если он в средних летах, и «дидом», если он оказывается стар. Так они обыкновенно и величают его, так к нему и относятся. Таковы же отношения разных членов семьи в «гуртове», при работах толокой, в некоторых арендаторских артелях и проч. На них лежит та же печать междусемейных отношений обыденной народной жизни.

Сообразно с этим самое разделение труда, распределение работ и выгод также подчиняется до известной степени влиянию семейных начал. Единичные силы участников приспосабливаются к делу таким образом, чтобы при экономии труда каждый нес посильную ношу, как это обыкновенно бывает в семье. Так, при спряжках плугатырем, от которого требуется и знание дела и физические силы взрослого рабочего, всегда бывает вполне развившийся

физически член и непременно мужчина, а погонычами, наоборот, большею частью малосильный люд – женщины, подростки и даже дети. То же повторяется при вспашке и обработке земли «гуртовой» или при уборке сена этого рода артелями, где косят мужчины, а подгребают женщины и подростки. Одним словом, в большинстве общинно-артельных форм каждый член исполняет посильную и большею частью вполне соответствующую его возрасту и полу работу, и к этому основному правилу приурочивается затем самое разделение труда и распределение работ. Но вместе с тем при распределении продуктов и выгод предприятия каждый и получает «по заслуге». Каким оказывается работник, таков бывает и его пай. Взрослый никогда не ставится в этом отношении на одну доску с малолетним или подростком, и даже женщины не представляют в этом отношении исключения; их труд почти всегда считается половинным сравнительно с трудом мужчин. Там, где общинно-артельная форма складывается из отдельных семейных групп, там и само распределение продуктов и выгод равномерно ложится на эти сложные единицы, так что каждая такая единица составляет равносильную во всех отношениях с другими часть. Лучший пример в этом отношении представляет полтавская «гуртова». Но если входящие в состав общинно-артельной формы семьи бывают неравносильны в численном отношении, тогда бывает пропорциональный дележ, и в таком случае берутся уже во внимание работники, полуработники и проч. Так распределяют между собою денежную и натуральную плату чередники; таким бывает иногда дележ в артелях половинщиков и артелях с части; таким же он должен быть, по всей вероятности, и в тех арендаторских артелях, которые производят свои работы сообща несколькими семьями. Особенно же резко принцип такого дележа проглядывает в тех формах, в состав которых входят не семейные группы, а отдельные лица. Так, между тем как плугатырь при спряжках пользуется большею частью пятым днем для вспашки земли в свою пользу, на долю погоныча выпадает восьмой, девятый и даже иногда двенадцатый день вспашки, смотря по возрасту и полу. Только в артелях неженских табачниц бывает совершенно равномерное распределение продуктов труда. И в этом отношении артели эти стоят каким-то особняком в ряду других форм. Само собою понятно также, что там, где приложение артельного принципа к делу не идет дальше складчины средств, как, например, в некоторых случаях артельных аренд и в кубанских почтовых артелях, или где работы исполняются сообща, артелью не для самых участников этих работ, как это бывает при толоке, – там не может быть, конечно, и речи о том или другом распределении продуктов. Но даже в таких случаях распределение прямых выгод бывает нередко более или менее ощутительно и заметно. Так, когда несколько домохозяев перевозят толокой, например, камыш или сено, то перевозка эта устраивается обыкновенно для каждого участника поочередно

и, следовательно, каждый участник получает те или другие прямые выгоды более или менее равномерным образом с другими участниками.

Такова организация и взаимные отношения членов в разных общинно-артельных формах. Приведенных выше фактов, полагаем, вполне достаточно для того, чтобы придти к тому выводу, что все эти формы имеют между собою известную общую связь и зависимость. Связь эта обуславливается не только принадлежностью общинно-артельных форм к одной и той же земельческой и сельскохозяйственной области деятельности и отношений, но и, главным образом, тою зависимостью, которую они имеют по отношению к общинному началу, общинным обычаям и традициям. Все эти формы так или иначе представляют собою продукт влияния на экономическую жизнь общинного начала и общинных отношений и распорядков. Как и когда бы там не выразилось это влияние, факт его во всяком случае остается несомненным. Есть, строго говоря, только одна из рассмотренных выше форм, которая, по-видимому, не укладывается в общие со всеми остальными формами рамки общинного характера. Это – артели неженских табачниц-половинщиц, и на них стоит несколько остановиться, чтобы лучше уяснить себе это кажущееся отступление.

Дело в том, что артели табачниц представляют по своему характеру вполне аналогичные формы с обыкновенными сельскохозяйственными артелями половинщиков. И те, и другие вступают в одинаковые натуральные отношения с хозяевами, то есть обрабатывают земли за половину урожая: табачницы за половину табаку, а половинщики за половину сельскохозяйственных продуктов. Таким образом, уже одно это обстоятельство говорит в пользу тождественности тех причин, под влиянием которых могли выработаться эти формы. Вся разница между ними заключается в том, что артели табачниц формируются исключительно из одних девушек, а артели половинщиков – из женщин и мужчин и не только из отдельных лиц, но также и из целых семейных групп, то есть имеют один из самых существенных признаков общинно-артельных форм. Но очень может быть, что артели табачниц также имеют некоторые общинные черты. Те сведения, которые сообщены об этих артелях во втором выпуске «Сборника материалов об артелях в России», слишком кратки и недостаточны, чтобы на основании их сделать тот или другой окончательный вывод. Но нам известны из народной жизни факты, могущие косвенно несколько уяснить дело. В Ольгопольском уезде Каменец-Подольской губернии существует обычай «прашивать буряки», то есть очищать от сорных трав свеклу артелями, состоящими исключительно из одних девушек. Девушки «прашуют» свеклу обыкновенно в лучших праздничных одеждах, идут на огороды и обратно всей «гурьбой», то есть артелью, и поют как при этом, так и при работах разные песни. Так как в этом уезде не существует

общинного землевладения, то, по-видимому, обычай артельного «прашива-
нья» не имеет никакого отношения к общинному началу. А между тем на
деле оказывается совершенно противное. Несколько десятков лет тому назад
здесь существовала общинная обработка земель, производившаяся с песнями
и вообще носившая, как и все общинные работы, торжественный характер, –
и вот свидетелем этого прошлого и остался обычай «прашивать» свеклу вы-
шеописанным способом. Очень может быть поэтому, что и артели табачниц
имеют подобное отношение к общинной жизни. Может быть, раньше они но-
сили несколько иной, чем теперь, характер и только с течением времени видо-
изменились вследствие своего развития. По крайней мере, другие общинно-
артельные формы представляют массу фактов в этом отношении.

По степени своего развития общинно-артельные формы можно разбить
на несколько групп. Есть артели, отживающие свой век и поэтому представ-
ляющие собою какие-то обломки былого своего существования. Есть формы
вполне установившиеся. Есть, наконец, и такие формы, которым по всем ви-
димостям предстоит дальнейшее развитие.

Как на одну из отживающих форм можно указать на обычай толоки.
В настоящем своем виде эта форма представляет далеко не то, чем она была
раньше. Она почти уже утратила свой общинный характер. Вместо того что-
бы служить средством общинно-артельного труда для удовлетворения об-
щественных нужд и помощи бедным, как это было, несомненно, раньше,
она сплошь и рядом оказывается только средством эксплуатации бедного
и трудящегося люда со стороны разного рода духовных, чиновных и силу
имущих лиц. Ею пользуются и попы, и дьяки, и старшины, и кабатчики,
и кулаки, – и, разумеется, в таком виде толока положительно теряет свое
общинное обличие. Несмотря на свою повсеместную распространенность
по всей южной России, толока только в редких случаях является вполне об-
щинной формой – средством для удовлетворения общественных нужд и по-
требностей или общинным способом взаимопомощи. Но даже в этой тесной
сфере прекрасный обычай толоки теряет все больше и больше свое прежнее
значение. Другую отживающую форму представляют собою кубанские по-
чтовые артели. Так как формы эти тесно связаны с существованием нату-
ральной почтовой повинности, имевшей прочное основание только в преж-
ней жизни Черноморского казачества, то, понятно, что при изменении этой
повинности они могут совершенно исчезнуть, а такое именно переходное
состояние переживает Кубанская область в настоящее время, так что, мо-
жет быть, уже в данную минуту эти формы вычеркнуты из народной жизни
одним почерком пера. Значит, почтовые артели представляют отживающую
форму не столько по своему внутреннему разложению, сколько по несоот-
ветствию с чисто внешними условиями.

Гораздо многочисленнее те формы, которые более или менее установились и с упорством отстаивают свое существование от разного рода влияний. Таков обычай «спрягаться», артели половинщиков и артели с части, «гуртова», пожалуй, артели неженских табачниц и артели «чередников». Каждая из этих форм имеет известное прошлое, а в настоящем поддерживается такими условиями, которые еще долго будут иметь место в экономической жизни южной России. Часто условия эти сами по себе представляют крайне печальные явления в народной жизни; и тем не менее они способствуют не разложению, а поддержке той или другой формы. Так, в тех местах Малороссии, где количество рабочего скота относительно населения год с годом все уменьшается и уменьшается, где население достигло крайней степени обеднения, обычай «спрягаться» служит единственным средством, с помощью которого отдельные домохозяева-бедняки могут вспахать и обрабатывать свои земли. Тут идут в дело часто самые невероятные средства – быков «паруют» с лошадьми или заменяют коровами, рабочие орудия выпрашивают или берут за обработку у других, и нужно бывает несколько домохозяев, чтобы составить одну спяжку, один «полный плуг». Такими спяжками отличается вообще Малороссия. Недостатком земли и плохими урожаями поддерживаются, в свою очередь, работы с половины и с части, а, следовательно, косвенно и артели половинщиков, и артели с части. Но главные причины, обуславливающие существование той или другой из перечисленных выше форм, носят, конечно, чисто положительный характер. Они заключаются в привычках и предрасположении народа к дружному ассоциированному образу действий.

Наконец, некоторые общинно-артельные формы имеют по всем видам все шансы к тому, чтобы получить с течением времени самое широкое развитие. Сюда относятся общественные аренды земли и особенно те арендаторские компании, которые соединены с общей артельной обработкой земли, а также и такие земледельческие артеле-общинные формы, которые организуются из целых общин. Судя по отрывочным газетным известиям, формы эти год с годом получают больше и больше применения в народной экономической жизни. И замечательно при этом, что все такие формы появляются большею частью там, где не существует даже общинного землевладения. Так, Варзер сообщает о существовании общественных аренд в Черниговской губернии. («Отеч. зап.». Окт. 1878 г.). В Полтавской губернии возникла в 1875 году община-артель из хозяев, владевших и пользовавшихся до того землею подворно. В «Новом времени» за 1876 год было сообщено, что в Киевской губернии обнаружили прямые попытки перехода от подворного к общинному владению. Одним словом, судя даже по таким отрывочным фактам, можно придти к тому заключению, что народ силою естественных обстоятельств пришел к необходимости реформировать свои экономические

отношения сообразно с теми вековыми традиционными началами, которые известны под именем общинного и артельного начал. Значит, и формы, вызываемые этими обстоятельствами, несомненно, представляют собою формы будущего, такие формы, которым предстоит еще дальнейшее развитие.

Таким образом, большинство общинно-артельных форм отличается своею устойчивостью и живучестью. Самые несовершенные из них, видимо, долго еще будут жить в народной жизни и упорно отстаивать свое существование от разного рода неблагоприятных им влияний. Какой-нибудь в конец расшатавшийся обычай толоки еще настолько живуч, что трудно положительно сказать, когда он, наконец, совсем исчезнет из народной жизни. Народ крепко держится своих обычаев и традиций, и эти обычаи и традиции не только поддерживают существующие общинно-артельные формы труда и экономических отношений, но и способствуют возникновению новых форм и новых отношений в этом роде. В этом отношении общинно-артельные формы стоят несравненно выше отхожих артелей. Несмотря на свою кажущуюся неопределенность и несовершенство по организации, они успели уже пережить такие оригинальные и вполне законченные с формальной стороны формы, как артели, организуемые по типу Запорожской Сечи. И, конечно, главная причина их устойчивости и живучести кроется в том обстоятельстве, что они крепко соединены с основами народной жизни – земледелием и сельским хозяйством, что они тесно переплелись с вековыми обычаями и традициями народа, царящими в сфере его общественной и домашней жизни.

VI

Собственно говоря, предыдущими тремя группами и исчерпываются все чисто малорусские артельные и общинно-артельные формы как явления экономически-производительной жизни южнорусского народа. Встречающиеся затем в южной России артели с экономически-производительным характером носят уже иной, неместный склад и происхождение. Это, во-первых, великорусские «захожие» артели: артели плотников и артели каменщиков, и, во-вторых, местные смешанные артели: артели бендюжников и артель севастопольских лодочников.

Отличительной чертой всех этих артелей служит то обстоятельство, что они организуются по своему особенному типу. Им совершенно чужда и древняя малорусская организация в духе Запорожской Сечи, и общинно-семейная подкладка земледельческих и сельскохозяйственных форм. Но они чрезвычайно близки по своему строению к тем артелям, которые встречаются в Великороссии, на низовьях Волги и проч. И это вполне естественно. Значительная их доля формируется из великороссов, и многие выходят на

юг совсем готовыми из великорусских губерний. Значит, это артели чисто великорусского типа и характера. Но так как к ним прикосновенно также и малорусское местное население, и в некоторых, как в артелях бендюжников, в сильной даже степени то очевидно, что они должны быть рассматриваемы как формы, хотя и чуждые по своему характеру и происхождению историческому складу южнорусской жизни, но настолько вообще близкие этой жизни, что оставили уже на ней свои довольно заметные следы. Одним словом, говоря о южнорусских артелях и общинно-артельных формах, нельзя при этом обойти молчанием и эти неместного типа формы.

Артели великорусского типа встречаются большею частью на крайнем юге России и преимущественно в больших торговых городах. В частности, заходящие артели имеют более обширный район распространения, чем местные смешанные. Тогда как плотничьи артели и артели каменщиков встречаются и в городах, и в селах, и в Малороссии, и в Новороссии, и в бывшей Слободской Украине, и на Кавказе, – артели бендюжников существуют исключительно в городах, при гаванях и на пристанях, так что особенно богатыми ими оказываются южнорусские торговые порты, хотя они находятся также и во внутренних населенных и торговых городах. И этим отчасти объясняется самый племенной их состав. Между тем как заходящие артели формируются исключительно из великороссов и только в некоторых местах в состав их попадают отдельные, единичные личности из малорусского населения, – местные смешанные артели состоят главным образом из местного люда. Наполовину они пополняются малороссами, наполовину в состав их входят и немцы, и молдаване, и армяне, и греки, и великороссы, смотря по тому, какое население, кроме малороссов, попадает в том или другом пункте, где имеют место бендюжные артели. Точно так же и артель севастопольских лодочников состоит из смешанного великорусского и малорусского населения. Но это, конечно, не говорит в пользу того заключения, что организация артелей бендюжников и артели севастопольских лодочников местного характера. На организации этой все-таки довольно явственные следы великорусских артельных приемов.

Что артели плотников и каменщиков великорусского происхождения, это само собою ясно и понятно. Они просто заходили и заходят в готовом уже виде в южную Россию вместе с великорусскими плотниками и каменщиками. Идут эти последние на юг на заработки и в силу вековых обычаев и традиций несут с собою и свои излюбленные народные формы труда. Вот и все тут. Но раз они попали в чуждую им экономическую среду, они должны или подчиниться до известной степени влиянию этой среды, или, в свою очередь, повлиять на близкие им явления, имеющие место в этой среде. И действительно, встречаются примеры, когда в состав этих артелей рядом с велико-

россами попадают и малороссы, несмотря вообще на крепкий корпоратизм и замкнутость великорусских артельных форм; а раз возможны единичные случаи этого рода, переход к формированию артелей из одних малороссов неизбежен. И такие формы в действительности встречаются. Нам известно несколько случаев плотничьих артелей с таким характером, имевших место в Кубанской области. Смешанные артели этого рода встречаются также в некоторых южнорусских портовых городах, например в Ростове-на-Дону. Таким образом, захожие великорусские артели плотников и каменщиков, несомненно, имеют уже некоторое влияние на труд местного населения. Так как специальные занятия плотников и каменщиков вообще не в ходу между южнорусским населением, то, может быть, поэтому именно влияние это и оказывается крайне незначительным. Но этим фактом, во всяком случае отчасти, уясняется то обстоятельство, каким образом могла выработаться организация местных смешанных южнорусских артелей с великорусским складом.

Если взглянуть с вышеуказанной точки зрения на происхождение этих последних форм, то, очевидно, происхождение это должно быть во многом аналогично с указанным фактом. Творцом этих форм так или иначе должен быть великорусский человек, потому что на них лежит организационный отпечаток в великорусском духе. Когда несколько лет тому назад в Севастополе организовалась артель лодочников, то она приняла чисто великорусский характер, то есть характер равноправного товарищества с выборным распорядителем – артельным старостою, и приняла такой характер, конечно, потому, что в состав ее вошло известное число великороссов, которым раньше были известны типические черты в строении великорусских артелей. Точно таким же образом, вероятно, произошла и организация бендюжных артелей, по крайней мере тех из них, которые отличаются своим великорусским складом, а таких артелей большинство. Есть одно весьма важное обстоятельство, говорящее в пользу этого предположения. Дело в том, что артели бендюжников или «дрогалей» – артели извозные и, значит, близкие по характеру деятельности к чумацким валкам. Они выполняют одну из функций этих последних. А между тем нет ни одной черты в артелях бендюжников, которая напоминала бы собою организацию чумацких ватаг. Напротив, само слово «дрогаль», то есть дрягиль, указывает на общность их происхождения с великорусскими дрягильскими артелями. Невозможно поэтому допустить, чтобы артели бендюжников выработали свою организацию местным самобытным образом. На них так или иначе отразилось бы в силу исторической преемственности влияние чумацкой организации, и не может быть, чтобы это влияние не отразилось только потому, что бендюжники возят свои тяжести на лошадях и в пределах города, а чумаки на быках и занимаются извозом по преимуществу на значительных расстояниях. Ясно, следовательно, что организация артелей

бендюжников не местного малорусского склада и происхождения, а произошла путем заимствования от других однохарактерных с нею форм.

Таким образом, вся четвертая группа южнорусских артелей носит не местный, а заимствованный извне склад. Это – совершенно аналогичные по своему строению артели. Они состояются обыкновенно из вполне равноправных между собою членов. Во главе стоит артельный староста или лицо, напоминающее его. Староста – лицо выборное и не пользуется в артели никакими особенными правами и преимуществами. Он – только доверенный артели, добровольно избранный хозяин-распорядитель и представитель ее, и все его действия ограничиваются поэтому только известными определенными обычаями пределами. Сегодня он хозяин, а завтра может быть рядовым рабочим, и тот, кто раньше подчинялся его распоряжениям, может, в свою очередь, предписывать их ему, раз он избран старостою. Староста – лицо почтенное и уважаемое. Он должен поэтому обладать опытностью, практическими знаниями и сноровкою и хорошо знать условия того дела, за которое берется артель. Он должен давать пример артели во всем – и в труде, и во взаимных отношениях. Без этого нельзя быть и старостою. На этом держится почет и уважение к нему. И за все свои труды и услуги артельный староста не получает даже никакого особого денежного вознаграждения. В этом отношении он уравнивается со всеми другими членами, и только один нравственный почет со стороны артели служит ему наградой.

Взаимные потому отношения членов артели суть отношения равного к равному. Никто не пользуется никакими преимуществами, никто и не зависит от другого, и одна только артель является верховным судьей и истолкователем поступков и действий каждого участника ее. Тяжести труда распределяются между всеми членами по возможности равномерно; участие в материальных затратах и выгодах также одинаково для всех. Если участники артели бендюжники по профессии, каждый из них должен располагать одинаковыми рабочими средствами и силами со всеми другими, то есть иметь столько повозок и лошадей, сколько их имеет всякий другой член. Если же он не удовлетворяет этому условию, в таком случае он пользуется выгодами артели пропорционально с тем, что он имеет и дает в распоряжение артели. Если участники артели плотники или каменщики, в таком разе они являются одинаковыми вкладчиками труда и капитала, а поэтому одинаково пользуются и всеми выгодами артельных заработков и выручек. То же оказывается в артели севастопольских лодочников. Но вместе с тем в организации этой артели встречаются некоторые особенности, которыми она отличается от других описываемых форм. Между тем как в других артелях бывает одно выборное лицо – староста, в артели севастопольских лодочников избирается еще писарь, на обязанности которого

лежит записывание ежедневной выручки каждого члена – особенность, видимо, чисто местного южнорусского происхождения. Кроме того, в артели установлен раз навсегда порядок, по которому каждый член ее бывает временным очередным кассиром в течение дня. Таким образом, то, что лежит в других артелях на обязанности старосты – получка, хранение денег и ведение счетов, в артелях севастопольских лодочников распределяется между особым выборным писарем и временным кассиром. Это, впрочем, нимало не влияет на распределение выручки между всеми членами. Каждый вечер дневной заработок распределяется равномерно между всеми участвовавшими в извозе в этот день лодочниками.

Таков в общих чертах склад и происхождение артелей, отнесенных нами к четвертой группе. Но как велико значение этих форм в экономической жизни южной России? Насколько сильно и существенно то влияние, какое они оказывают на эту жизнь? И насколько вообще устойчивы и жизненны сами эти формы?

Рассматривая этого рода артели с последней точки зрения, нам придется еще раз указать на явление, отмеченное уже выше при характеристике чисто южнорусских отхожих артельных форм. Подобно тому как эти последние, по-видимому, совсем уже отживают свой век, и великорусские захожие артели также находятся в периоде разложения. Захожих артелей в настоящем смысле этого слова встречается в южной России очень мало. Здесь сплошь и рядом под именем артелей практикуют такие формы труда, которые представляют только средство для лучшей наживы разного рода кулаков и подрядчиков. Это – только одни внешние формы артельного труда, обыкновенно соединенные чисто механическим образом группы рабочих, вполне зависимых от разного рода рядчиков и посредников. Рядчик является самовольным старостою и распорядителем артели, вступает в соглашения с работодателями, заключает контракты и проч. и, выплачивая определенную плату рабочим, оставляет в свою пользу все выгоды предпринимателя и сбережения благодаря артельному содержанию рабочих. Понятно, что при таком положении этих форм, они не могут оказывать сколько-нибудь существенного влияния на экономическую жизнь южнорусского трудящегося люда. Ни плотничьи, ни каменщицьи артели не могут служить образцовыми формами народной организации труда. Им самим недостает внутренней силы и развития. И как мы заметили уже и выше, влияние их на экономическую жизнь южнорусского народа оказывается в действительности крайне незначительным. К указанной же причине – плохому предрасположению южнорусского населения к плотничьей и каменщицьей специальностям – прибавляется, следовательно, новая – отсутствие устойчивости и жизненности в самых формах труда.

В лучших условиях стоят в этом отношении артели бендюжников. Как местные, незахожие артели, эти формы имеют все задатки к тому, чтобы получить дальнейшее развитие. Правда, и по отношению к ним существует целая масса эксплуататоров и посредников, обирающих при случае рабочий люд самым бессовестным образом. Тут также бывают содержатели артелей, получающие и кладущие все выгоды от артельного ведения дела в свои карманы, и между такими содержателями встречаются не только кулаки, но и чиновный, имеющий власть и силу люд. Часто, помимо такого рода содержателей, бендюжников забирают в свои руки ловкие рыночные плуты, нанимающие всех без различия бендюжников и потом распределяющие их по работам по высшим ценам. Но при всем этом артели бендюжников все-таки больше гарантированы от эксплуатации и надувательств, чем захожие артели, потому что представляют больше вполне самостоятельных, независимых и притом разнообразных форм, чем захожие, а разнообразие в этом случае является признаком неустановившегося еще состояния и, следовательно, развития форм. Если городской бедняк-бендюжник часто попадет в лапы местного эксплуататора и кулака, то пригородный житель, занимающийся бендюжным промыслом между делом, может вступать в товарищество с другими лицами самостоятельно, по собственному своему почину и усмотрению. Так же может поступать и всякий городской житель, располагающий своей собственною парой лошадей. Одним словом, бендюжные артели потому уже устойчивее и живучее захожих, что в большинстве случаев близко стоят к домашней жизни рабочего люда и всегда поэтому могут найти ту или другую поддержку в этой жизни.

Наконец, артель севастопольских лодочников представляет единичный пример артели в этом роде. Хотя в некоторых городах также, вероятно, существуют артели лодочников, но севастопольская артель, очевидно, не может иметь на них влияния и, в свою очередь, не может также и испытывать на себе их влияние как прикрепленная к известному месту и условиям форма. Сама же по себе она представляет все задатки для дальнейшего существования.

VII

Чтобы окончить общую характеристику южнорусских артельных и общинно-артельных форм, нам остается еще рассмотреть, во-первых, артели, не подходящие по своему характеру не под одну из рассмотренных уже выше рубрик, и, во-вторых, такие формы народной жизни, в основе которых, несомненно, лежит артельное начало, но которые тем не менее ни в каком случае не могут быть названы артелями в общепринятом смысле этого слова. Начнем с первых.

Рядом с экономически-производительными формами ассоциационного труда в народной жизни южной России встречаются довольно своеобразные артели, преследующие совсем непроеизводительно-экономические цели. Это – артели нищих. Существенная особенность этих форм заключается в том, что они существуют на счет экономического труда и деятельности вообще народа и при этом имеют народно-обычную подкладку. Нищенство как ремесло и нищенство как общественная необходимость одинаково находят в этих формах поддержку, потому что одинаково опираются на обычай подавать милостыню, оказывать помощь бедным. Древний народный обычай тут часто является только средством для бессовестной эксплуатации, и самая эксплуатация выражается в артельных формах.

В Кубанской области встречаются и другого рода артели, не имеющие эксплуатирующего характера, но тем не менее не вяжущиеся также с экономически-производительным характером всех рассмотренных уже выше форм. Артели эти не имеют определенного названия у казаков, но их можно назвать батальонными, так как они организуются обыкновенно в батальонах. Они устраиваются исключительно с целью перевозки казачьих вещей и служат достоянием частных казачьих потребностей. Так как пеший казак не может унести на себе излишних вещей или пищевых материалов, то обыкновенно казаки покупают в складчину воз и волов и выбирают так называемого артельщика, который и возит на этой артельной подводе вещи за батальоном.

Таким образом, между артелями нищих и батальонными артелями не существует никакой внутренней общей связи. Они представляют совершенно самостоятельные обособленные явления, и только одна отрицательная черта их как артелей, совершенно отличных от всех других южнорусских форм, позволяет отнести их в особую группу. Это какие-то исключения из общего правила, формы, оставшиеся от иного склада жизни, от иных времен.

Можно полагать, что артели малорусских нищих имеют самое древнее происхождение. Та таинственность, которою обставляют свои дела нищие, скрывает, может быть, многие черты и указания, на основании которых можно было бы безошибочно, с полною достоверностью проследить это происхождение. Но общеизвестные существующие факты настолько вообще убедительны, что от них нимало не страдает несомненность самого вывода. До последнего времени в среде малорусского населения встречались так называемые артели лирников, этих странствующих певцов и хранителей исторической старины и традиций. Достаточно простого сопоставления этих артелей с древними артелями калик перехожих, чтобы убедиться, что между теми и другими должно существовать нечто общее. Народ занес в свои исторические былины факты, которые потом с известною постепенностью повторялись и в последующей его жизни, пока эта жизнь не получила, наконец, такого склада, при кото-

ром немислимо стало это повторение. Лирники – те же калики перехожие, такие же странствующие певцы и Божьи люди, как и их сказочные предшественники. Они жили до тех пор, пока существовали в народе потребности в их исторических думах и поэтических олицетворениях старины. Настоящее время представляет тот рубеж, о который, по-видимому, окончательно должны разбиться эти народные потребности. Теперь не только артели лирников, но и одиночные нищие-певцы исторических дум и сказаний составляют редкость. Настали другие времена, появились другие люди, и нищенство приняло свой особый характер. В него также давно уже проникла язва личной наживы, и самое артельное начало, заимствованное современными нищими, несомненно, в силу исторической преемственности от артелей лирников, стало только средством для лучшей эксплуатации. В настоящее время артели нищих представляют собою большую часть сборища пьяниц, лентяев, ханжей и ловких плутов. Слепцы соединяются с видящими, рядом с действительными калеками попадают лица, искусно подражающие им, старики уродуют детей, дети играют роль притворщиков¹ – и все это соединяется воедино, образует одну общую артель, чтобы лучше достигнуть главной цели – набрать возможно больше подачек и милостыни от сердобольных людей. Понятно, что при этом та строгая таинственность, которою нищие окружают свои темные деяния, служит условием *sine qua non* существования артелей.

Что касается батальонных артелей, то происхождение их также связано с довольно отдаленным прошлым. Так как черноморцы – прямые наследники Запорожья, то их батальонные артели, можно полагать, имеют отдаленную связь с запорожскими обозами. Обыкновение запорожцев и вообще украинских казаков избирать «обозных» на время походов и войны для заведывания хозяйственной частью отряда, конечно, давно уже умерло вместе с многими другими свободными распорядками в казачьих войсках – распорядками, державшимися на обычаях и традициях. Но самый способ содержать свои военные обозы «гуртом», артелью для собственных своих нужд пережил уже многие нововведения в казачьем войске, принявши в последнее время незатейливую форму батальонных артелей. Казаки содержат «в складчину» одну или несколько собственных подвод и держат их при себе, отправляясь в «походы» из дому. Они вручают эти подводы самым честным, сметливым и уважаемым сотоварищам подобно тому, как когда-то их предки вручали обозы войсковым, полковым и др. «обозным», людям также выдающимся и уважаемым. Стало быть, батальонные артели имеют некоторую связь вообще с древними военными и сечевыми артелями.

Таким образом, как артели нищих, так и батальонные артели казаков имеют, видимо, некоторую связь с отжившей стариной. Они служат живыми

¹ Впрочем, подобного рода факты встречались и в нищенстве Древней Руси.

памятниками былых народных порядков и отношений и представляют наглядные доказательства живучести ассоциационных форм.

Следующие затем три формы: малорусские «складки», то есть складчины, организация чабанов и организация конокрадов – совсем уже не укладываются в общепринятые рамки народных артелей. Все это такие явления народной жизни, которые имеют известные отношения к артельному началу, но которые ни в каком случае не могут быть отнесены к разряду артелей. Для этого им недостает народно-трудовой подкладки. Но они тем не менее косвенно служат прекрасною иллюстрацией самых оригинальнейших из южнорусских артельных форм, организуемых по типу Запорожской Сечи. Это, так сказать, от-артельные формы.

Разного рода складчины – довольно распространенные явления в народной жизни. «Складываются» при случае и гости, и кумовья, и приятели, и односельцы. Это обыденный народный прием, неразрывно связанный с товарищескими угощениями, гульбищами и «беседами». Но собственно «складки» как обычные торжественно-праздничные увеселения бывают только в определенное время года – в дни заговеньев, на масленицу и на святки. В таком виде складки считаются по преимуществу достоянием молодежи и имеют более или менее организованный вид. Особенно интересны в этом отношении оказываются так называемые риздвяни, то есть рождественские, складки.

Рождественские складчины соединяются повсеместно в южной России с так называемыми «колядками» и «щедришками». Обычай «колядок» и «щедришек», как известно, древнейший обычай народной жизни. Он ведет свое начало непосредственно от тех отдаленных времен, когда славяне свято чтители еще своих богов и устраивали в честь их народно-религиозные празднества и увеселения. Таким образом, эта связь складок с обычаями «колядовать» и «щедровать» ясно указывает на их глубокое, отдаленное происхождение. Это – оригинальные памятники прошедшего, до последнего времени удержавшие и свою язычески-религиозную подкладку, и обыкновение народа прилагать к выдающимся сторонам своей жизни те или другие излюбленные ассоциационные формы. И рождественские складки действительно повсеместно между малороссами имеют ту или другую организацию, согласную с местными обычаями и традициями. Особенно интересный вид такой организации встречается в Пирятинском уезде Полтавской губернии. Здесь рождественские складчины представляют целую организованную систему увеселений молодежи в древнеказачьем народном духе. «Парубки», то есть парни, и девушки образуют две группы, соединенные воедино, и каждая такая группа имеет свою собственную организацию. Во главе муж-

ской группы стоит выборный атаман, краса и гордость молодежи; ему подчиняется «есаул», также лицо выборное и выдающееся. Затем избирается кассир или казначей, заведующий во все время рождественских увеселений кассой и ведущий отчетность, и так называемый «свительщик», на обязанности которого лежит сбор и расходование «свитла», то есть материала для освещения. Все остальные потом парубки составляют равноправное «товариство». Во главе девичьей группы также стоит выборное лицо – «старшая», под руководством которой ведется вся хозяйственная кухонная часть складок, приготовление разного рода «ласощив» – яичниц, «варены», «оришкив», «млинцив» и проч. Девушки имеют также свою собственную кассу, но, в конце концов, они все-таки подчиняются главенству атамана. В ночь под Рождество парубки и «дивчата» колядуют по селу. Под Новый год дивчата щедруют, а парубки, кроме того, «водят козу», то есть наряжают одного из сотоварищей козой с соломенными рогами, в шубе шерстью вверх для потехи публики. Собранные при посредстве щедривок и колядок деньги и материалы и служат затем средством для увеселений молодежи. Самые увеселения регулируются выборными лицами, и в этом отношении молодежь держится своего обычного традиционного кодекса, преступить который значит нарушить святость обычая и укоренившихся искони отношений.

Организация чабанов при «отарах» представляет, по-видимому, только внешний остов существовавшей когда-то артельной организации. Хозяева отар (овечьих стад) прибегают к этой организации часто из практических выгод, ради лучшего ухода за овцами. Так как при отарах бывает от трех до четырех пастухов, то между ними раз навсегда установлены обычаями известные соподчиненные отношения с строго дисциплинарным характером. Во главе всех стоит «лычман», распорядитель, своего рода атаман. Ему подчиняются «пидпасычи», помощники, и «гарбачий», своего рода кухарь. В таком виде чабанская организация является повсеместным явлением везде, где существуют отары, то есть крупные овечьи стада в несколько сот или тысяч голов. Таким образом, уже самый факт этой распространенности однообразных обычных форм указывает как на былое более или менее отдаленное их прошлое, так и на самый их характер как народных явлений. В самом деле, и в преданиях, и в рассказах о старине, слышанных нами в Кубанской области, можно найти указания на то, что нынешняя чабанская организация была довольно распространенной формой пастушеского хозяйства в южной России и что во многих случаях самая организация этих форм носила несомненный артельный характер. Чабаны были не наемным людом, как теперь, но и самостоятельными участниками в деле, а сказание об одном из местных народных разбойников (Яблукове) упоминает о том, что несколько лычманов и чабанов, поймавших этого разбойника, имели даже одного выборного главу – атамана.

Наконец, организация кубанских конокрадов и скотокрадов представляет по своему характеру такое вопиющее и безобразное явление, что теряет всякую тень народной ассоциационной формы, несмотря на некоторую чисто формальную общность с другими народными формами в строении. Очевидно, что между конокрадством и общими вековыми тенденциями трудовой народной жизни никогда не могло да и не может быть никакой прямой связи и отношений. Что, в самом деле, может быть общего между конокрадом, вором, с одной стороны, и тружеником-земледельцем, в поте лица снискивающим хлеб – с другой? Один является разрушителем известного рода собственности и благосостояния, другой – производителем; один паразитствует и ворует, другой трудится и самое воровство считает злом; но, главное, конокрад по самой своей профессии является прямым врагом земледельца.

По-видимому, в настоящем своем виде организация кубанских конокрадов имеет следующие общие черты: представляя обширную группу совершенно солидарных между собою лиц, широко раскинувших свои сети в Кубанской области и за пределами ее, конокрады, в частности, разбиваются на отдельные шайки сообразно с ближайшим местом деятельности. Каждая такая шайка имеет своих коноводов и обыкновенную челядь; в каждой сети своего рода ватажок и атаман; каждая шайка, наконец, имеет известную связь и соотношение со всеми другими. В таком виде организация этих ловких воров представляет несомненный общеизвестный факт и не составляет ни для кого тайны – ни для населения, ни для властей. В любой казачьей станице жители перечтут по именам всех своих конокрадов и скотокрадов, укажут коноводов и атаманов. Но все это нимало не парализует самого зла. Народ ежегодно платит тяжелую повинность своим заведомым ворами, и только яркие случаи народного самосуда обнаруживают изредка всю тягость этой повинности, всю ненависть народа к конокрадам.

Итак, следовательно, народ не ограничивается проведением артельного начала в одни свои экономические отношения, но прилагает его и к другим сторонам своей жизни, а отдельные личности из среды его идут и того дальше, пользуясь артельными формами для достижения самых неблагоприятных и безобразных целей, как делают, например, это конокрады. Раз выработаны известные народные формы, они становятся всеобщим достоянием, и нельзя ручаться, чтобы та или другая форма не послужила предметом эксплуатации в руках ловких людей. Форма сама по себе немного еще значит. Она может быть прилагаема не только к положительным, но и к отрицательным явлениям народной жизни. Важен собственно тот принцип, который кладется в основание той или другой формы. Справедлив и разумен такой принцип – в результате получается высшая и целесообразная форма труда, в противном случае и результат окажется противоположным.

VIII

Характеризуя все описанные нами выше формы по группам, мы везде отмечали, во-первых, общие черты этих групп и, во-вторых, индивидуальные особенности входящих в состав их форм. Это дало нам возможность лучше ориентироваться в этих разнообразных проявлениях экономической жизни южнорусского народа; но вместе с тем деление на группы как бы разграничивает, обособляет некоторые формы. На самом же деле все южнорусские артели и общинно-артельные формы имеют между собою более близкую связь, чем какую она может показаться на основании сказанного. Всем им одинаково свойственна одна и та же общая черта, проходящая через них красною нитью и выражающаяся в безусловной принадлежности их к разряду строго обычных явлений народной жизни, черта весьма важная и существенная, и чтобы подвести окончательный итог всему сказанному, нам остается ближе ознакомиться именно с этою чертою. Без этого самые важнейшие особенности описанных форм могут остаться совершенно темными и непонятными.

Итак, общая отличительная особенность южнорусских артелей и общинно-артельных форм заключается в том, что все они – чисто обычные явления социальной жизни, продукт народного обычая и традиций. Это формы, выработанные не законодательными регламентациями и положениями, а путем повседневного исторического опыта и традиций. Они всегда стояли вне влияния и зависимости от писаных правил и законов. Их внутренней жизни и распорядкам совершенно чужды уставы, контракты и вообще писаные договоры и условия. Все это в них заменяется вековыми народными обычаями, передаваемыми из рода в род, из поколения в поколение, от отцов к детям и видоизменяющимися сообразно с общим развитием жизни. Честное слово, раз данное обещание, предковские обычаи, предания старины являются тут положительным законом. Возникновение и распадение формы, взаимные отношения и общепринятые права и обязанности членов кроются в самом обычае как в неписаном кодексе, и достаточно привести в действие обычай, чтобы из него логически вытекли все формальные отношения людей. Если два-три лица «спрягаются» для обработки земли, то уже самую форму такого труда определяют взаимные правовые отношения участников в деле: каждый будет занимать тут лишь то положение, которое отводит ему местный обычай спряжек. То же нужно сказать и по отношению ко всякой другой обычной форме. Обычная ассоциационная форма всегда является вполне готовою, организованною, потому что обычай, на котором она держится, также всегда бывает сформировавшимся, установившимся явлением, и нужно пошатнуть самый обычай, чтобы так или иначе подействовать на соответствующие ему формы. Короче, основанием, источником внутренней жизни

и отношений анализируемых нами форм служат народные обычаи и традиции. На обычае же держатся и внешние отношения этих форм к сторонним лицам. Вступая в известные обязательства со сторонними людьми, только в редких случаях участники той или другой из рассматриваемых форм прибегают к писаным контрактам и условиям. Так контрактуются иногда целыми обществами арендуемые ими земли. То же встречается в полтавской «гуртове» и в артелях неженских табачниц. Но даже эти относительно немногие отступления, обуславливаемые, конечно, тем обстоятельством, что народу приходится вступать в известные отношения большею частью с людьми из совершенно чуждой ему среды, оказываются, без всякого сомнения, продуктом только позднейшего времени. Раньше они не существовали, потому что не существовали и самые те причины, которыми они в настоящее время обуславливаются. Во всех же остальных формах дело ведется как раз наоборот. Все их договоры и условия со сторонними людьми держатся на честном слове и обещаниях. Достаточно оказывается одного словесного принятия на себя обязательств со стороны участников той или другой формы, чтобы участники эти считали для себя законом выполнение своих обязательств. Нарушитель этого обыкновения считается уже преступником с точки зрения народного обычного права. И нужно заметить, никакие обязательства не выполняются народом так свято и честно, как именно обычные. Артели не только стараются никогда не нарушить своих обязательств, но считают бесчестным делом отрицать их при полнейшей к тому возможности и с явными выгодами для себя, как, например, при ответственности пред судом. Одним словом, обычные ассоциационные формы труда являются самым надежным ручательством соблюдения народом словесных договоров и обязательств.

Такое важное и существенное значение обычая в организации и отправлении рассматриваемых форм налагает на них особенный отпечаток. Обычай строго отграничивает их от всех других ассоциационных форм современной экономической жизни, и нужно знать основной смысл и значение обычая, чтобы определить природу самых форм. Всякий обычай в рассматриваемой нами области экономических явлений есть прежде всего следствие внутренней жизни человека, реальное выражение способов удовлетворения тех или других потребностей народа и затем уже та или другая форма экономической жизни. Человек рождается с готовыми, прирожденными способностями к жизни и самозащите, и жить для него – значит удовлетворять свои потребности как следствие этих способностей. Но при удовлетворении потребностей человек как существо ограниченное встречает массу препятствий, бороться с которыми ему одному не под силу, и чем сложнее его потребности, тем больше оказывается для него таких препятствий. Отсюда – естественное влечение человека к человеку для совместных действий и труда. Уже на самых

ранних ступенях своей жизни и развития человек вступает в сообщество с подобными ему существами, последствием чего оказываются смешанные безбрачные общины, разные виды брачного союза, семья и проч. Все это уже такие формы, где обычай играет роль общественного правила как средства для удовлетворения простейших интеллектуально-этических потребностей человека. Позже, с развитием племенной общины, первоначальные потребности становятся все сложнее и сложнее, а вместе с тем усложняются и обычные способы их удовлетворения. Когда, наконец, в человеческом обществе постепенно появляются первые проблески пастушеской, торговой, земледельческой и промышленной жизни, выражение обычных ассоциационных форм также все более и более усложняется, достигая крайних степеней в своем обычном развитии. Таким образом, и те обычаи, с которыми связано существование описанных нами выше форм, должны иметь если и не особенно глубокое, то все-таки довольно древнее происхождение, по крайней мере главнейшие из них. Экономическая жизнь южнорусского народа еще не настолько осложнилась и уклонилась от предшествовавших ей периодов развития, чтобы нельзя было найти в ней таких фактов и явлений, которые бы подтверждали наглядно даже в настоящее время тот вывод, что сложные ассоциационные формы труда могли образоваться первоначально прямым путем ассоциирования простых форм и только впоследствии обратным путем, то есть путем распада сложных форм на простейшие. Мы отметим здесь несколько таких фактов в подтверждение этого вывода.

Всем, вероятно, известен тот факт, что когда пастухи нескольких пасущихся вместе стад заметят волка, то, точно по чьему-то мановению, начинают кричать, гикать и звать собак, направляясь в ту сторону, где покажется волк. Мальчишки, пасущие вместе «кущанки» овец или «черидки» телят, точно так же набрасываются на испуганного зайца. Когда вечером возвращается на ночлег в деревню «черидка» телят или «кущанка» овец и начинается загонка животных по дворам, за бегающим без толку телком или овцой гоняется часто целая куча детей и взрослых, пока не удастся им «залучить» беглянку или беглеца во двор. С неменьшим единодушием гонят взрослые и дети свинью или другое какое-нибудь животное, забравшееся в поле или в огороды. Тушить пожар бегут все без различия пола и возраста. На пойманного вора или конокрада разом набрасывается вся толпа, если это случится где-нибудь в людном месте. В противном случае достаточно одного восклицания: «вор!», – чтобы в несколько минут собралась целая толпа из ближайших жилищ. Одним словом, в действительной жизни можно найти массу таких фактов, которые служат выражением взаимопомощи, совместного труда и действий в самом простейшем и, так сказать, непосредственном виде. Человек тут действует по первому мановению, ассоциирует

свои действия с действиями других под влиянием инстинкта, минутного побуждения. Будет ли он при этом защищать себя или свое добро, нападать или вообще производить известные полезные действия, для него одинаково ясно и понятно бывает прежде всего одно, что он должен действовать вместе с другими, – и только. Рядом с простейшими случаями этого рода встречаются и такие, где к первому побуждению присоединяется уже сила обыкновения. Так, когда у одного земледельца опрокидывается воз с сеном или хлебом, другие ближайšie или первые встречные ставят снова общими усилиями воз на колеса. Сосед всегда поможет поднять тяжесть соседу, если поднятие ее одному оказывается не по силам. Чтобы вытащить увязнувший в грязи воз с клажею, односельцы или просто сторонние зрители помогают собственными усилиями или «припрягают» волов и лошадей. Когда малоросс запрягает в первый раз «быков-неуков» в сани или в «колоду» для выездки, ему точно так же помогает «справиться» с неприученными животными несколько случайных зрителей или ближайших соседей. Еще шаг – и ассоциационные действия этого порядка принимают более сложный и законченный характер. Человек уже тут действует не только вследствие привычки и обыкновения, но часто и совсем подчиняется обычаю, имеющему самое широкое применение в разнородных действиях. Таким именно образом исполняются соседями все те работы, которые требуют значительной одновременной затраты человеческих сил. Так, при опускании «сруба» в колодезь соседи добровольно помогают друг другу и сходятся часто для этого без всяких приглашений со стороны нуждающегося. То же повторяется при установке тяжелого «журавля» над колодцем. «Гуртом» встаскивают односельцы колокол на колокольню или камень на мельницу, «гуртом» устанавливают иногда нажимательные брусья в маслобойнях или «подваживают», поднимают целые амбары и строения. И т. д., и т. д.

Таким образом, в действительной жизни и теперь еще можно найти целый ряд таких примитивных случаев совместного труда и действий, которые представляют постепенное осложнение ассоциационного начала. В простейшем, так сказать, экстраординарном виде эти действия являются продуктом инстинкта и минутных побуждений, в более сложном – следствием привычки и обыкновения, наконец, в самом сложном и установившемся – результатом обычая. Того, что известно у юристов под именем договорного права, тут совсем не оказывается. Все это большею частью простые и немногосложные действия и как таковые не требуют никаких словесных и тем более письменных обусловливающих, обещаний и соглашений со стороны участвующих. Увидел человек, что нужна его помощь, участие, он употребляет ее в дело – и только. Много-много, если ему скажут при этом: «Помоги!» или «А ну-те, братцы!», но это, в сущности, не изменяет сути дела; сторонний зритель и без

того хорошо знает по опыту и понимает, в чем дело и что от него требуется, и, конечно, ни это понимание, ни понукание или простое указание на дело никак нельзя считать договором.

Но уже в этих примитивных случаях ассоциационного труда и действий легко подметить то, что составляет основную подкладку и силу обычая как выражения ассоциационной формы. Чем чаще повторяется одно и то же действие и чем необходимее его повторяемость, тем ближе оно к обычаю. От частого повторения одних и тех же действий появляются привычки, а привычка, сделавшаяся общественным достоянием, становится обычаем. В сущности, и подымание воза или вытаскивание его из грязи, и тушение пожара составляют уже обычные действия, то есть такие, которые предполагаются заранее известными, установившимися в силу своей физической повторяемости, с одной стороны, и человеческих привычек – с другой. И повторяемость, и привычка являются тут простым и постепенно увеличивающимся суммированием однородных действий, а общее практическое правило, вытекающее из такого суммирования однородных действий, и составляет то, что можно назвать простым несложным обычаем. Но все это гораздо яснее обнаруживается в следующем затем ряде примеров. Опускание «сруба» в колодезь, встаскивание камня на мельницу и тем более колокола на колокольню представляют уже такие совместные действия, которые целиком держатся на общественных привычках. Нужно было в прошедшем постепенное возобновление этого рода действий, чтобы дальнейшая повторяемость их сделалась обычною, стала общественною привычкою. Но не будь у человека естественного предрасположения к совместности в действиях, не могло бы, конечно, быть и этой повторяемости действий и вытекающих из них обычаев и привычек. Стало быть, всякий обычай в затронутой нами области явлений есть логическое обобщение совершенно однородных фактов путем опыта – обобщение, сделавшееся общим и более или менее распространенным правилом человеческой жизни и вытекающее из самой природы человека, из ее естественного предрасположения к ассоциации людей друг с другом.

Стоит теперь только несколько расширить рамки того, что мы выше назвали примитивными случаями выражения ассоциационного труда и действий, взять еще более сложные случаи этого выражения, и нам станет понятен самый процесс возникновения и осложнения таких форм, как южно-русские артели и общинно-артельные формы. Пред нами, положим, обычай «толоки». В простейшем виде обычай этот является в том случае, когда при его помощи исполняется одна какая-нибудь работа в течение незначительного промежутка времени – полудня или нескольких часов. Сюда именно можно отнести опускание «сруба» в колодезь, втаскивание камня на мельницу или брусьев на строения. Более сложную форму толоки будут пред-

ставлять уже однодневные сельскохозяйственные работы. Таковы, например, возка сена или хлеба с поля на дом в течение дня, однодневная вспашка земли, однодневный сжог хлеба и проч. Еще более сложную форму этот обычай представляет в том случае, когда при его помощи совершается целый ряд сельскохозяйственных работ, как, например, вспашка, обработка и уборка хлеба на церковном поле. Наконец, в общинной обработке земли толока приобретает самый сложный вид обычно-ассоциационной формы. Возьмем другую форму, положим, рыболовные ватаги. Простейший вид этой формы представляют те домашние артели, с помощью которых односельцы ловят «волокушами» и «волоками» рыбу у себя на дому, в «ставку», в реке и проч. Те же артели, отправляющиеся из дому для ловли рыбы с запасом харчей на лошадях или быках, составляют уже более сложный вид. Наконец, забродческие ватаги, производящие лов рыбы в течение целого рыбного сезона, являются самыми сложными и законченными формами. Точно так же привычка односельцев держаться друг друга при поездках на значительные от дома расстояния приобретает характер организованной артельной формы, когда односельцы отправляются в путь с одною и тою же целью, например, подражаются под фуру, а артельная организация в таком виде представляет одну из простейших форм по отношению к организации разного рода чумацких ватаг. И сколько бы мы ни брали подобных форм, всегда будет повторяться одно и то же обстоятельство, что между известным рядом однохарактерных форм должна непременно существовать та или другая генетическая связь и зависимость. Раз существует это обстоятельство, простейшие формы всегда можно свести к более сложным, и наоборот. Как формы прошедшего, южнорусские артели и общинно-артельные формы могли, конечно, произойти разными путями: во-первых, постепенным преобразованием простейших форм в сложные, во-вторых, распадением сложных форм на простейшие, и в-третьих, и тем и другим путем вместе. Но не нужно забывать, что все эти формы явились продуктом позднейшей, более сложной уже экономической жизни. Каково бы ни было поэтому происхождение каждой из них в частности – то положение, что первоначально обычные ассоциационные формы могли произойти только при посредстве процесса от простого к ложному, во всяком случае, не может подлежать сомнению. Такие формы, как, например, толока, составляют продукт позднейшей жизни. Ни толока в ее настоящем виде, ни земледельческие артели не могли появиться раньше появления земледельческой жизни вообще. Только с постепенным развитием этой последней могли постепенно возникать и развиваться ассоциационные формы земледельческого труда. Формы эти, конечно, могли появиться вместе с тем или другим фазисом земледельческого развития, но сложность их всегда обуславливалась большею или меньшею сложностью и разделением в них

труда. Когда человек пахал свою ниву, положим, палкою или заступом, тогда, конечно, немислим был обычай спряжек, хотя и возможен был совместный труд. Как более сложная форма обычай спрягаться мог появиться только с большим осложнением самого земледельческого труда. То же должно было произойти и со всякою другою формою. Таким образом, предположив даже, что первобытная жизнь человечества всегда и везде складывалась по одному типу – типу общины, производившей все свои экономические операции общества, придется во всяком случае допустить, что простейшие формы ассоциационного труда должны были предшествовать сложным, как предшествовала простейшая экономическая жизнь более сложной.

Итак, следовательно, подводя итог всему сказанному относительно происхождения обычных ассоциационных форм, можно установить то общее положение, что формы эти составляют естественно-историческое следствие человеческой жизни и природы. Первичная и существенная причина их происхождения кроется в естественных способностях и предрасположении человека к ассоциации с подобными ему существами. В простейшем непосредственном виде эти способности обнаруживаются, во-первых, в мгновенных и внезапных действиях человека при самозащите, защите своего добра, нападении и проч. и, во-вторых, в несложных операциях труда, требующих короткого, мимолетного участия. В обоих случаях человек действует почти исключительно под влиянием инстинкта, минутного впечатления и очевидной необходимости в быстрой помощи. В более сложном виде обнаружение сказанных способностей благодаря частому повторению случаев самого обнаружения становится общественною привычкою или обычаем, правилом для известного рода действий при известных условиях и обстоятельствах. Развиваясь, обычай в такой форме может принимать новые осложнения и, наоборот, раз развившись до известной степени, может разлагаться и распадаться на простейшие формы, так что вообще между определенным рядом однохарактерных обычных ассоциационных форм всегда можно отыскать ту или другую генетическую связь. Таким образом, и южнорусские артели, и общинно-артельные формы как обычные явления этого порядка могли произойти только путем такого естественного обычного развития. Допустить тут участие договорного соглашения никак нельзя. Это значило бы принять следствие за причину, признать обычные формы за юридически-договорные. То, что у юристов известно в этом отношении под именем договора, является только следствием дальнейшего развития первоначальных обычных форм, да и то проявляется в них не в том смысле, как понимают обыкновенно юристы. Чем примитивнее известная обычная форма, тем дальше она стоит от юридически-договорных форм, и только по мере своего развития и усложнения вообще жизни она приближается

к ним. Обычаю как традиционному правилу приходится в каждое данное время регулировать только определенный круг явлений, но раз этот круг расширяется, рядом с обычаем являются словесные обусловливания его как слабые зачатки договорного соглашения в чисто юридической форме. Положим, в данное время обычай «спрягаться» требует, чтобы вознаграждение распределялось между трудом и капиталом в таком отношении: один день вспашки идет на «плугатыря», день – на плуг, по одному дню – на каждую пару волов и десятый день – на «погоныча». Положим далее, что в следующем году погонычей оказывается мало и за десятый день никто не согласится «спрягаться» в качестве погоныча. Требуется иное распределение вознаграждения; является при каждом возникновении артели необходимость в свободном словесном договоре для определения частных, касающихся вознаграждения погоныча. Таким образом, к обычаю тут уже примешивается временное частное соглашение относительно известного пункта. Чем больше будет таких соглашений, тем слабее окажется влияние обычая на возникновение самой формы; но никогда это возникновение не совершается в зависимости от одного свободного договора в строго юридическом смысле. Главнейшим формальным основанием служит все-таки при этом обычай, и подчиняться в таких случаях обычаю не значит еще устанавливать самую форму на основании свободного договора. Раз обычай теряет такое значение, артельная или общинно-артельная форма становится уже необычно¹. Отличительная особенность обычных форм в том именно и состоит, что каждому единичному возникновению их предшествует обычай как готовая формула, по которой складывается затем и самая форма. Часто поэтому участие в артелях, по крайней мере, для некоторых членов бывает делом обязательным, несвободным. Такой именно характер принудительных форм носят общественные аренды и запашки толокой на общественные нужды. Но и там, где обычай не играет такого принудительного значения, он все-таки бывает обязательным правилом, заранее определяющим как внутреннюю жизнь, так и внешние отношения артелей. Участники – не свободные в этом отношении люди; они действуют так, как предписывает им обычай. Одним словом, в каждом единичном случае обычай творит форму и люди при этом подчиняются ему как естественному традиционному закону. Дело, стало быть, в конце концов, все-таки сводится к обычаю как словесному, «неписаному закону», а обычаи, как мы заметили выше, складываются путем естественноисторического опыта и ассоциирования полезнейших действий, вытекающих из самой природы человека.

¹ Как на пример в этом отношении можно указать на биржевые и отчасти железнодорожные артели, внутренняя жизнь и отношения которых регулируются не обычными, а писанными большей частью правилами, причем трудовое начало вместо главной регулирующей роли низведено на степень подчиненного, эксплуатируемого начала.

Такой взгляд на южнорусские артели и общинно-артельные формы, по нашему мнению, есть единственно правильный взгляд, потому что он целиком держится на фактах, непосредственно вытекает из них. Заменить его теми шаблонными рамками, которые известны под именем договорных союзов, никак нельзя. Какую бы мы не взяли на выдержку из описанных выше форм, в ней всегда найдутся такие черты, которые не позволят уложить ее в готовую мерку школьного права. Раз дело коснется происхождения формы, придется или гнуть факты в одну какую-нибудь сторону, или же совсем обходить их молчанием, чтобы оставить неприкосновенными существующие на этот счет юридические теории. Как на характернейшую в этом отношении форму можно указать на толоку. Форма эта положительно противится приложению к ней теории договорного союза как готовой мерки. В громадном большинстве случаев в толоке как общинно-артельной форме, по-видимому, не оказывается ни начала, ни конца, и существует одна только середина – одно общее артельное произведение работ без всякого прямого, а иногда даже и косвенного участия работающих в результатах своего собственного труда и часто без всяких предварительных уговоров участвующих в работах на счет общности работ. Бедняк просит соседей помочь ему перевезти сено. Несколько домохозяев изъявляют на это готовность, отправляются сами или посылают своих домочадцев на толоку и таким образом общими силами, с помощью артельного труда, перевозят сено бедняка, довольствуясь при этом вместо вознаграждения несколько лучше обыденной пищею. Церковный староста приглашает прихожан привезти дров для отопления церкви, и снова собирается подобным же образом толока и исполняет артельным способом общественную работу, производя ее часто даже без всяких угощений, на своем пищевом довольствии. Попробуйте в этих случаях приложить к толоке обыкновенную точку зрения юридической науки, по которой народные артельные формы считаются договорными товариществами, и вам придется сделать то же, что сделал по отношению к этой форме профессор Пахман в своей книге, то есть сказать без всяких объяснений «нельзя»¹. А между тем с выясненной нами выше точки зрения обычай толоки объясняется легко.

¹ Профессор Пахман в своей книге «Обычное гражданское право в России» так, между прочим, обходит эту форму в главе «Союзы товарищества (артели)»: «Как бы ни было, – говорит он, – важно для науки права исследование всякого рода товариществ и ассоциаций, но по отношению собственно в области народно-обычного права нельзя упускать из виду, что не всякое товарищество, основанное на начале взаимной выгоды, может быть отнесено к разряду артелей» (с. 255). Почему так должно быть – почтенный профессор ничего не говорит по этому поводу; но в *pendant* к выше-сказанному он делает такую сноску: в статье «Южнорусские артели» (Неделя. 1876. № 43) к разряду артелей отнесена и т. п. «толока» или «помочь». И больше – ни слова. Очевидно, ученый профессор обходит молчанием суть дела за невозможностью сказать что-либо веское в пользу своего взгляда, а между тем толоку можно назвать праматерью весьма многих обычных ассоциационных форм, из числа которых обычай «спрягаться» сам Пахман принимает далее в своей книге за артель.

Он должен представлять одно из двух: или примитивный вид ассоциационного труда, из которого впоследствии может развиваться более совершенный, или же атрофировавшуюся, утратившую свой прежний, более широкий склад форму. И как бы там ни решил исследователь, для него ясно будет одно, что сложиться эта форма могла только естественноисторически, путем последовательного ассоциирования известного рода действий, вошедших в привычку, в обычай народа и что при каждом единичном возникновении этой формы формальным основанием для этого возникновения всегда служит сложившийся таким образом обычай. Толока представляет не единичное исключение в этом роде. Выше мы видели, что все южнорусские артели и общинно-артельные формы представляют собою только разные стадии в развитии и атрофировке разного рода форм. Но под влиянием каких условий происходило это развитие и атрофировка – это уже другой вопрос, другая сторона дела, требующая определения тех факторов, под влиянием которых складывался самый обычай.

Из предыдущего описания южнорусских артелей и общинно-артельных форм легко заметить, что существующие и существовавшие отношения участников в этих формах и вообще те или другие их распорядки подчинялись или подчиняются влиянию трех начал – трудового, военного и капиталистического. Каждое из этих начал представляет собою нечто особенное, отличное от другого, каждое из них влияло и влияет на рассматриваемые нами формы только в определенном направлении, и поэтому не все указанные начала имеют одно и то же значение для этих форм. Начало трудовое есть начало, так сказать, внутреннее, составляющее самую душу артелей; начало военное, совершенно утратившее в настоящее время всякое значение, служило для некоторых форм в былые времена весьма сильным внешним стимулом, отразившимся исключительно на личной организации членов; наконец, начало капиталистическое оказывается положительно враждебным фактором для самого существования рассматриваемых нами обычных форм. Те или другие единичные отступления в этом отношении, как увидим ниже, ничуть не изменяют сути дела.

Служа лучшим средством для удовлетворения экономических нужд и потребностей народа, южнорусские артели и общинно-артельные формы представляют, прежде всего, одно из проявлений трудового начала. Это почти исключительно ассоциационные формы труда. Только четыре из них не подходят вполне под это определение, именно: те из арендаторских артелей, которые организуются для одного найма земли, кубанские почтовые артели, артели батальонные и, пожалуй, артели нищих, хотя, впрочем, этим последним не чужд также в извращенном виде своего рода труд. Прямое же назначение всех остальных форм состоит в достижении лучших результа-

тов в той или другой области деятельности при помощи ассоциированного труда, и в этом отношении не составляют исключения даже такие артели, как чумацкие валки и товарищества крамарей. Весьма редко в этих формах, как, например, в обычае «спрягаться», рядом с участием труда встречается и участие капитала, обусловливаемое естественною необходимостью производительности; но чаще всего они представляют исключительно товарищества для совместного труда. Стало быть, уже самый характер рассматриваемых нами форм как форм труда говорит в пользу существенного значения для них трудового начала. И действительно, на самых ранних ступенях своего развития человек уже искал в них естественных удобств совместного труда и необходимых условий для воспроизведения известного рода экономических явлений. Выше мы отметили то весьма важное в этом отношении положение, что самое происхождение рассматриваемых обычных форм могло совершиться только путем усложнения и развития примитивных ассоциационных действий человека, проявляющихся и теперь в форме быстрой мимолетной взаимопомощи и совместного труда. Точно так же и первоначальные обычные формы ассоциации могли быть только исключительно формами совместного труда. Толока – форма самая древнейшая, своеобразнейшая и близкая вообще ко всем другим обычным формам, – до последнего времени сохранила такой именно характер исключительно трудовой формы и в таком виде легко эксплуатируется всевозможными пиявками и проходимцами в народной жизни. Обычай «спрягаться» в первоначальном своем виде имел строго трудовую форму, и только впоследствии в нем дано было место и капиталу. Самыми жизненными формами оказываются в настоящее время те именно, в которых труду принадлежит главное регулирующее влияние на дела и отношения членов. Таковы артели крымских солепромышленных рабочих, «гуртова» и проч. Новейшие общинно-артельные формы, имеющие все шансы на дальнейшее развитие, как, например, арендаторские артели с общей артельной обработкой земли, также отличаются исключительно своими трудовыми тенденциями. Одним словом, труд играл и играет самую главную и существенную роль при определении обычной жизни и взаимных отношений членов той или другой из рассматриваемых нами форм. Затем влияние других начал оказывается, во-первых, чисто внешним, механическим, а во-вторых, то второстепенным, то разрушающим.

В самую цветущую пору своего существования южнорусские артели типа Запорожской Сечи, отличавшиеся своим военным характером, все-таки не были военными предприятиями. Главною их заботою служили такие чисто экономические цели, как рыболовство, звероловство и торговля, а средством достижения – ассоциированный труд и совокупные усилия всех, целого союза, товарищества. Военные условия и обстоятельства были при этом

только внешними общеисторическими факторами, налагавшими известный отпечаток на эти своеобразные артели. Военные качества участников ценились только «на случай», атаман был военным начальником только «при случае», самые члены товарищества оказывались воинами опять-таки только «при случае». В обыкновенное же мирное время над внутреннею жизнью и порядками товарищества царили требования одного труда: атаман оказывался не неограниченным начальником, а выборным хозяином-распорядителем, лицом ответственным и вполне зависимым от товарищества, лицом, которое товарищество могло одинаково легко и свободно выбрать и сменить, которое, помимо своих специальных атаманских обязанностей, пользовалось одинаковыми со всеми другими членами преимуществами равного перед равным. Товарищество было равноправным и трудящимся; труд лежал в основе этой равноправности, труд же был заправляющим фактором во взаимных отношениях разных лиц товарищества. Поэтому, как только изменились внешние исторические условия, как только отжили свой век войны и военные беспокойства для труженика, – самая военная организация артелей совсем потеряла свое прежнее значение и от прежних полувоенных ролей ее участников остались одни названия. Трудовое начало, в сущности, значит, не переставало играть первенствующую роль, намечая цели товарищества и определяя взаимные отношения ее членов; но временно оно оттенялось военными условиями, временно рядом с экономическим трудом и опытом функционировали военные требования и сноровка, придававшие организации артелей полувоенный дисциплинированный характер.

Не такое влияние на обычные формы начала капиталистического. По самому уже своему существу начало капиталистическое противоположно началу трудовому. Рост и накопление капитала возможен только на счет труда, и чем сильнее капиталистические тенденции, тем в более стеснительных условиях находится обыкновенно труд. Таким образом, и обычные формы как формы трудовые всегда выдерживали со стороны капиталистического начала одно внешнее неблагоприятное им давление. Таково было влияние капиталистического начала на отхожие артели типа Запорожской Сечи. Таким же оно оказалось и по отношению к общинно-артельным формам. Оно всегда систематически давало труд и подтачивало те ассоциационные формы, в которых он выражался. И понятно поэтому, что и в этом случае, как в предыдущем, трудовое начало не переставало и не перестает играть своей основной регулирующей роли по отношению к обычным формам. Формы эти во всяком случае остаются выражением трудового начала; но самое начало здесь подвергается гораздо большему, чем при действии военной обстановки, давлению внешних условий, порождаемых капиталистическим строем и тенденциями. Здесь оно сталкивается с началом пря-

мо противоположным ему по существу, и благодаря иному течению жизни, общему неблагоприятному ходу ее те формы, в которых оно выразилось, разлагаются, атрофируются и вообще видоизменяются.

Итак, значит, трудовое начало есть основное начало, определяющее правовую жизнь и отношения рассматриваемых нами форм. Обычай является его законным детищем. Выше мы отметили тот процесс, который предшествует обыкновенно всякому возникновению обычая в затронутой нами области экономических явлений. Нужно повторение целого ряда известного рода явлений, чтобы, в конце концов, явился обычай как общественное правило для урегулирования этих явлений при дальнейшей их повторяемости. Обычай, стало быть, и взаправду есть «неписанный закон», но как закон он должен же слагаться под влиянием какого-нибудь высшего регулирующего начала. Недостаточно сказать, что обычай есть результат постепенного ассоциирования однородных действий. Этим только указывается процесс образования обычая. Нужно определить и то общее начало, под влиянием которого происходит самое ассоциирование однородных действий, нужно уяснить самую суть этого процесса. И вот таким-то общим началом, составляющим суть указанного процесса, и оказывается трудовое начало. Мы отметим поэтому несколько ближе влияние этого начала на внутренний склад и отношения южнорусских обычных ассоциационных форм.

Трудовое начало как начало, практически доступное пониманию массы, всегда служило меркою для определения взаимных отношений членов-участников между собою и отношений их к артели в рассматриваемых нами формах. Тот, кто не может или не хочет трудиться, не может быть и членом артели. Каждая артель как трудовая форма возникает, прежде всего, под условием участия трудом со стороны всякого члена. Члены рыболовной ватаги соединяют в видах достижения общей цели исключительно свой труд. Чумаки также основывают свои артельные отношения на труде. На труде, в сущности, держатся отношения крамарей-ходебщиков. Трудом измеряется участие односельцев в толоке при общественных работах. Требованиями труда руководятся «скопщики» и «половинщики», снимая вместе артелью землю с половины. Труд связывает воедино работающих артелью с части. Труд служит основанием при формировании «гуртовы» из отдельных равносильных рабочих групп. Труд принимается, главным образом, в расчет бендюжниками при соединении их в артель и т. д. и т. д. Те отдельные отступления, которые встречаются в этом отношении в единичных случаях, не изменяют существа дела. Они или являются следствием внешних неблагоприятных условиях, или на самом деле не требуют прямого участия труда. Если почтовые артели ограничиваются одною складчиною средств, то это только и требуется от самого дела, к которому они прилагаются и ко-

торое составляет принудительную повинность. Точно так же нужно сказать и об артелях батальонных. В обычае «спрягаться» рядом с участием труда допускается и участие капитала в силу необходимости; иначе немислима была бы в большинстве случаев и самая артельная комбинация. Притом же обычай этот представляет атрофировавшуюся форму, раньше державшуюся исключительно на трудовом начале.

То же преобладающее влияние трудового начала отражается и на личной организации и отношениях членов артелей. Главнейшие выборные лица – атаман, староста, есаул и даже кухарь – избираются в руководители и хозяева как образцовые труженики и знатоки всего того, что относится к специальному труду артели. Самое положение выборных лиц почти не обеспечивается никакими особенными материальными преимуществами. Сплошь и рядом они получают из артельных заработков и выручек одинаковый пай с другими участниками артели согласно своему единоличному труду. Впрочем, у некоторых артелей, например у крымских солепромышленных, в обычае давать старосте сверх пая «надбавку», но «надбавка» также дается «за труд». В этих же артелях и артелях крамарей староста или атаман получают иногда двойной пай, но в таком случае они содержат лошадь с повозкою, а если лошадь принадлежит рядовому рабочему, то и пай на нее получает также хозяин лошади и повозки, а не староста. И только в забродческих ватагах атаман получает два пая – пай рабочего и атаманский, но зато в этих артелях на долю атамана выпадает едва ли не двойной труд и заботы. Относительно рядовых участников артелей при дележе заработков существует одно и то же правило: каждый получает совершенно одинаковый с другими пай сообразно своему единоличному труду взрослого рабочего. Правило это остается одинаково неизменным и тогда, когда артель ведет свои дела независимо от хозяев и капиталистов и когда она отдает половину своих продуктов этим посредникам, как это бывает, например, в рыболовных ватагах или артелях половинщиков. В тех артелях, где рядом с взрослыми участвуют и неполные еще работники, эти последние сообразно со своим трудом получают и вознаграждение неполное. При спряжках «плугатырь» как взрослый рабочий, на долю которого выпадает самый тяжелый труд, пользуется пятым днем вспашки, а малолеток-погоныч – десятым или одиннадцатым. Если при этом бывают взрослые и одинаково годные к работе «плугатырь» и «погонычи», то труд и вознаграждение ложится на всех их равномерно. То же встречается в артелях половинщиков и чередников. Там, где рядом с трудом существенное значение для артели имеют рабочие средства и орудия, артель все-таки распределяет свои выгоды сообразно количеству рабочих рук, и для этого составляются отдельные, совершенно равносильные рабочие группы. Так бывает в «гуртове». И только в единичных случаях, как при получении пая на

лошадь и в обычае спряжек, где пара волов или плуг приравняются взрослому рабочему-плугатырю, существуют несомненные отступления в пользу капитала, вошедшие в обычай¹.

Наконец, под влиянием трудового начала определяются проступки членов против артели, положение больных в артели и сроки существования артелей. Ленивого и нерадивого члена артели большею частью исключают из своей среды. За прогул, соединенный с пьянством, налагаются штрафы сообразно с теми убытками, которые прогулявший причиняет артельному труду, как это бывает, например, в артелях солепромышленных рабочих. Иногда прогулявший и совсем исключается, а взамен его принимается новый член. Даже больной член артели не получает пая во время болезни потому только, что «не трудится», хотя при этом он и пользуется всеми преимуществами артели и за ним ухаживают остальные члены, как это бывает в отхожих артелях. Самая продолжительность существования артели определяется продолжительностью артельного труда. Раз артельный труд прекращается, естественно прекращается и существование артели.

Все эти факты, конечно, логически приводят к тому заключению, что трудовое начало есть основное начало, определяющее обычную правовую подкладку рассматриваемых нами форм. Тот или другой обычай является тут только следствием целого ряда однородных действий, практически выгодных и полезных человеку, а трудовое начало оказывается при этом, так сказать, опытною реальною меркою, которою измеряется степень выгоды и полезности этих действий. Только при соответствии однородных действий с этою меркою происходит постепенно повторение, ассоциация их, и затем

¹ Впрочем, даже отступления этого рода едва ли особенно много говорят в пользу регулирующего значения капиталистического начала. Пай на лошадь есть в сущности сразу уплаченные артелью расходы на общие нужды артели. Если бы не было лошади у одного из членов, то пришлось бы ее содержать всем вместе, и лошадь, таким образом, тут играет такую же роль в артельном деле, какую играет коса при кошени траве или топор в плотничестве. Несколько существеннее, по-видимому, значение капиталистического начала в обычае спряжек. Но дело в том, что обычай «спрягаться» представляет атрофированную форму; трудовое начало тут, так сказать, сжато чисто внешними неблагоприятными условиями. Дело всегда бывает поставлено так, что не допусти труженик участия капитала, немислима была бы и сама комбинация. Участие в деле капитала и оплата его наравне с трудом, в сущности, ничем не разнится от такого же участия лошади и получения на нее пая в других артелях. В чистом виде общественные спряжки, как это было, например, в Ольгопольском уезде Каменец-Подольской губернии, не допускали такой роли капитала. Общественные вспашки распределялись между всеми членами «громады» по количеству рабочих рук и потребностей, независимо от того или другого участия в деле капиталом со стороны отдельных домохозяев. Когда в 1875 году возникла в Полтавской губернии община-артель из частных собственников, участники ее также порешили «спрягаться» всем наличным количеством рабочих орудий, скота и сил, но продукты, в конце концов, были распределены пропорционально труду и потребностям. В следующий затем год возникли даже несогласия по этому поводу, так как более состоятельные участники требовали распределения продуктов пропорционально количеству труда и капитала, вместе взятых, но большинство снова настояло на распределении продуктов сообразно с трудом и потребностями как на дележе вполне справедливом с точки зрения народных обычаев.

уже является самым обычаем как следствие теоретического ассоциирования однородных понятий о совместном труде. Понятие о трудовом начале, таким образом, оказывается тем же для обычая, чем служит цемент для каменной постройки. Оно служит связующим звеном для повторения тех действий, из которых в конце концов складывается та или другая ассоциационная форма, а с нею и тот или другой обычай как отвлеченное общественное правило.

После всего сказано само собою становится понятным, под влиянием каких общих причин происходило развитие, видоизменение и атрофировка рассматриваемых форм. Так как в основе существования большинства этих форм лежит трудовое начало, то только при условии естественного, ничем не стесняемого развития этого начала возможно и самое развитие форм. Раз окружающие условия таковы, что стесняют прямо или косвенно эту самостоятельность развития, влияние их неизбежно отражается или на организации обычных форм, или же на самом их существовании. Когда окружающие условия отличались своим беспокойным военным характером, – южнорусские артели также принуждены были приноравливать свою трудовую организацию к обстоятельствам и времени. Появились те своеобразные формы, крайним и законченным выражением которых служила Запорожская Сечь и ее артели. Но как только изменились окружающие условия, лишь только в экономической жизни получили простор для своего развития капиталистические тенденции, те же формы пришли в непосредственное соприкосновение с таким началом, которое стало действовать на них прямо стесняющим и разрушающим образом. Получилось видоизменение форм, атрофировка и окончательное их разложение.

В настоящее время южнорусские артели и общинно-артельные формы представляют собою, таким образом, только разные степени в развитии трудового ассоциационного начала. Все это формы самобытные, происшедшие естественноисторическим путем и преследующие свои цели или прямо – и в таком случае живущие одною внутренней своею жизнью, – или же при посредстве обязательств со сторонними лицами – и в таком случае присоединяющие к своей внутренней обычной жизни отношения внешние, держась большею частью на круговой поруке, которая, таким образом, является далеко не отличительным признаком рассматриваемых форм. В таком виде эти формы оказываются только периодически существующими явлениями. Они возникают как временные товарищества, продолжающие свое существование только в течение такого периода времени, который определяется, главным образом, самым характером экономических предприятий, и носят на обыденном языке большею частью название артелей. Артелями в этом смысле одинаково можно назвать и собственно артели и общинно-артельные формы. И те, и другие – явления, периоди-

ческие появляющиеся. Существование их в каждом случае определяется известным сроком, а не обуславливается такую непрерывностью обычных порядков, какая свойственна земельным общинам. Это и есть, собственно, та внешняя грань, которая лежит между общиной и артелью. Общинно-земельные формы суть формы беспрерывно, из года в год существующие, а артели – только временные, периодически появляющиеся формы.

Появляясь в разных местах и при разнообразных условиях, южнорусские артели и общинно-артельные формы составляют если и не особенно выдающееся, то все-таки довольно ценное явление в жизни южнорусского народа. В этих немногих формах народного труда кроются несомненные задатки лучшего экономического строя и общественных отношений. Собственно как экономический фактор современной жизни эти формы дают народу весьма мало выгод и преимуществ. Это только капля в обширном море враждебных ей житейских явлений. Недостаток земледельческой собственности у большинства южнорусских земледельцев, отсутствие общинного землевладения у коренного малорусского населения, недостача основного и оборотного капиталов и несоразмерность доходов с расходами в крестьянском хозяйстве как следствие целой суммы неблагоприятных условий и различных стеснений, необузданное торгашество трудом со стороны разного рода рядчиков и посредников, барышническая эксплуатация южнорусского сырья, стеснительное и монопольное положение таких промыслов, как рыболовство и солепромышленность, целый ряд естественных бедствий и неудобств вроде кузьки, засух и проч., проч., – все это такие условия, которые положительно подрезывают в самом корне не только обычные ассоциационные формы труда, но и вообще всякий труд, производительность и хозяйство. В лучшей обстановке артели только упорно отстаивают свое существование, и весьма немногие из них заключают сами в себе прогрессивно реформирующие свойства. Ждать поэтому от них противодействия против быстро разрастающихся капиталистических сетей и стремлений, направленных на народную производительность и труд, конечно, никак нельзя. Капитал и капиталистические тенденции давят на них извне и разрушают их изнутри. В практическом смысле рассматриваемые формы дают только одно весьма существенное указание. Их вековой опыт показывает, что там, где форма ближе стоит к домашнему очагу, где она имеет хоть какую-нибудь опору в земельной собственности и сельском хозяйстве и где вообще сильно еще влияние общинного начала и порядок, там она имеет больше шансов на свое дальнейшее развитие и существование, и наоборот. Таким образом, общинно-артельные формы оказываются живучее и устойчивее отхожих артелей, а такие формы, как полтавская община-артель и артели, обрабатывающие арендуемые земли сообща, положительно образцовы и знаменательны.

Но – и только. Больше этого южнорусские артели и общинно-артельные формы не могут дать. Конечно, как формы чисто народные, непосредственно сросшиеся с его жизнью и обычновениями, они стоят несравненно выше разного рода артельных сыроварен и ссудо-сберегательных касс потому уже, что они все-таки приносят пользу, хотя бы и микроскопическую, урывками и при случае, действительно нуждающемуся и трудящемуся люду. И все-таки не им в настоящем их виде и при настоящих условиях переть против такого рожна, как капитал, и всего того, что с ним связано.

Но рассматриваемые формы имеют другое, более важное значение в народной жизни – значение общественное, воспитательное. С ними связаны лучшие обычаи и традиции, нравы и привычки народа. В основе их лежит идея братской солидарности и справедливых отношений между людьми. Им не чужды некоторые черты, могущие служить положительными задатками для более светлого будущего. Труд и его регулирующая роль на правовые отношения трудящихся и нетрудящихся лиц, подчинение единичного дела делу общему и частных интересов интересам общественным, нравственная солидарность лиц и привычки к артельному труду и комбинациям – все это, несомненно, фундаментальные и положительные черты этих форм. Правда, все это держится на обычаях и традициях, все это составляет следствие примитивной жизни и отношений народа, но именно народные обычаи и отличаются особенною силою и живучестью. Если в настоящее время эти обычаи, по-видимому, носят отживающий характер, то впоследствии из них могут развиться и выработаться более жизненные и прогрессивные формы, то для последующего развития они могут служить подготовительною почвою. В этом их сила и залог будущего. Как бы там ни рисовалось будущее всем честным и преданным народу и его благу людям, в каком бы виде оно ни желательно было, артели во всяком случае могут считаться положительными фактами, могущими способствовать этому будущему. Только факты этого рода да те или другие стремления прогрессивного люда, с одной стороны, и неблагоприятные общему развитию условия – с другой, составят то среднее пропорциональное, в котором выразится последующая жизнь русского народа.

Суммируя в заключение все сказанное в этой главе, на южнорусские артели и общинно-артельные формы можно установить следующую общую точку зрения: явления эти представляют собою чисто обычные формы народной жизни. На обычае держится как внутренняя их жизнь, так и отношения их к сторонним лицам. Самое происхождение их поэтому может быть объяснено путем естественноисторического развития обычаев. Каждый обычай, соответствующий той или другой форме, есть, прежде всего, продукт интеллектуально-этических потребностей человека. В таком виде обычай вытекает непосредственно из самой природы человека, из естественно-

го предрасположения человека к ассоциации с подобными ему существами. В примитивном виде это предрасположение обнаруживается большею частью инстинктивно, полусознательно, под влиянием очевидной необходимости. В более развитых видах естественные стремления этого рода от частого повторения входят в привычку, а привычка, получившая общественное значение, становится обычаем. Обычай, в свою очередь, может еще более осложняться при своем развитии, но, столкнувшись с неблагоприятными ему условиями, он может также регрессировать, видоизменяться и совсем разлагаться. Таким именно образом произошли и южнорусские народные формы ассоциации как формы обычные. Обычай до сих пор еще служит для них естественным законом в каждом единичном случае возникновения, и признать, поэтому формальным основанием такого возникновения свободный договор, как делают это юристы, никак нельзя. Но и обычай не есть что-нибудь совершенно независимое, ничем не обуславливаемое. В свою очередь, он складывается под влиянием, главным образом, трудового начала. Так как настоящее и прошедшее рассматриваемых форм находилось и находится в зависимости от трех начал – трудового, военного и капиталистического, так как трудовому началу принадлежала всегда главная и существенная роль, роль регулирующего и созидającego начала, а остальным двум – только внешняя и частью второстепенная, частью разрушающая роль, то естественно, что трудовое начало есть основное начало, определяющее всю обычную правовую сторону южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Это подтверждается и ближайшим анализом этих форм. И на возникновении их, и на положении выборных лиц, и на отношениях рядовых членов между собою и к артели лежит одна и та же печать – печать трудового начала как главного регулирующего фактора. Трудовое начало тут служит тем связывающим звеном, к которому приравняются однородные действия, и понятие о нем оказывается, таким образом, основным понятием при формировании тех общественных правил, которые носят название обычаев в затронутой нами области явлений. Благодаря этому самое развитие и видоизменение форм всегда могло совершаться только на счет развития и видоизменения трудового начала. Не было внешних стеснений для этого начала – формы развивались. Изменялись внешние благоприятные условия – изменялись и самые формы, происходила атрофия и даже окончательное разложение их. В настоящем своем виде южнорусские артели и общинно-артельные формы, представляя собою явления самобытные и периодически повторяющиеся, в сущности, почти не имеют и не могут иметь никакого существенного реформирующего значения в борьбе с надвигающимся капиталистическим строем и отношениями. Им едва в пору отстаивание своего собственного существования. Но зато они имеют дру-

гое более важное и существенное значение для народной жизни – значение социально-воспитательное. При других условиях они могут послужить подготовительным материалом для развития высших форм ассоциационного труда и отношений, и в этом вся их сила и залог для будущего.

Артели типа Запорожской Сечи

1. Чумацкие валки и ватаги

I

В экономической жизни южной России до сих пор еще можно встретить довольно странные с первого взгляда явления. Часто случается, что при перевозке товаров и клажи простоватые и неуклюжие чумаки-малороссы удачно конкурируют на своих классических «мажах» (возах) и «сирях, половых и круторогих воликах» с целыми пароходными и железнодорожными компаниями. Обыкновенно явления этого рода объясняют монополиями, небрежностью, плохими расчетами, чиновничьим гонором и многими другими непривлекательными свойствами наших железнодорожных и пароходных управлений. Объяснение совершенно верное и как нельзя более подходящее к данному случаю, но оно касается только одной стороны дела. Из него видно, что порядки и стремления наших железнодорожных и пароходных обществ плохи, нерасчетливы и неразумны. Но это еще нимало не объясняет того, почему именно чумаки, а не кто-нибудь другой, конкурируют с представителями благ современной цивилизации. Дело в том, что чумаки являются в роли соперников не только потому, что оказываются бестолковыми их железнодорожные и пароходные конкуренты, но и потому, главным образом, что имеют на своей стороне вековой опыт и историческое прошлое. Чумаки – исторические возчики и торговцы. Они сильны традиционной практикой. Их сила до сих пор еще кроется в их артельной организации, сослужившей малорусскому народу немаловажную службу в течение целых веков и бесконечных бедствий среди враждующих народностей.

«Чумачество, – по словам И. Рудченки, – одна из любопытных экономических черт демократической Малороссии, выработавшей торговое учреждение соответственно идеалам, которые во многих отношениях совпадают с современными социальными. Чумаки – исключительно народные торговцы. Это – не каста, не замкнутое сословие, не специальный даже класс, который бы резко отличался в жизни составом, интересами и привычками от народной среды. Чумачеством занимались в свободное время не только “лейстрови”

казаки, но и “сичовики”; занятие это не чуждо было и мещанству, и даже впоследствии некоторые из мелкопоместных малорусских “панкив” – потомки всяких сотников, войсковых и бунчужных товарищей, канцеляристов и подканцеляристов – посылали свои “паровици” в дорогу. Условия прежнего времени вызывали организацию чумачества в “артель”, “валку” – основы дорожной жизни, вытекшие из начал идеи ассоциации. Поэтому несправедливо упрекают малороссов, будто они остались совершенно чужды этой идее. Не их вина, если исторические условия мешали развитию национального торгового сословия. То, что выработала прошлая жизнь Малороссии в этой сфере, положительно говорит нам не только за способность южноруссов к торговой деятельности, но и за стремление их организовать ее по идее, которая стала вполне живучей (?) только в наше время¹.

И действительно, немногие, может быть, артели в России имеют за собою такую широкую и продолжительную деятельность, какая оказывается на стороне чумацких ватаг. Чумачество тянется длинной нитью чрез всю историю малорусского племени и теряется в том отдаленном времени, с которого начинаются известными торговые сношения малороссов с другими народами, а с чумачеством всегда были связаны чумацкие «валки» и «ватаги».

Собственно говоря, торговые сношения южнорусского племени с другими народами начались довольно рано. В истории сохранились весьма древние указания на этот счет. Но само чумачество, по всей вероятности, получило свою типическую и вполне законченную физиономию только вместе с обособлением Малороссии в более или менее самостоятельное целое. Малороссы издавна были поставлены в необходимость добывать рыбу и соль вне родины, в прилегающих к Малороссии местностях – и это, надо полагать, послужило одною из причин возникновения и развития чумачества с его историческими валками и ватагами. Доставка названных продуктов в разные места Малороссии немислима была без торгового и извозного промыслов, то есть без тех двух черт, которые легли в основу чумачества, а то обстоятельство, что малороссы должны были приобретать эти продукты вне своей родины, в местностях, принадлежавших совершенно другому народу, делало торговлю взаимною, международною. Малороссы должны были платить за рыбу и соль деньгами или же продуктами своей страны. Таким образом, международные торговые сношения и послужили, собственно, главною и существенною причиною для развития чумачества. Когда в XII веке генуэзские и венецианские купцы забрали в свои руки торговые места северных побережий Черного и Азовского морей, русские вели уже с ними довольно оживленную торговлю не только солью и рыбою, но и другими товарами. Рубриквис в 1352 году уже прямо упоминает о чумаках.

¹ Рудченко И.Я. Чумацкие нар. песни. С. IV–V.

По его словам, «русские приезжали в Судак в крытых возах, запряженных волами, привозили куницы, соболи и другие меха и выменивали их на бумажные и шелковые материи, пряные коренья, овощи, травы и соль»¹.

Но особенно сильно стало развиваться чумачество только в последующие затем века, и чем дальше шло это развитие, тем шире оно становилось, пока его поступательному ходу не были положены прочные преграды новейшими комбинациями и осложнениями экономической и государственной жизни нынешнего столетия. В этот период своего существования чумачество было тесно связано с развитием казачества вообще и Запорожской Сечи в особенности. Под покровительством казачества и матери Запорожской Сечи ежегодно сотни и тысячи чумацких возов, нередко принадлежавших самим казакам, ходили далеко в Польшу, в Галицию, в Молдавию, в Крым, на Дон и в Великороссию. Малороссия была в это время как бы центром, из которого, как по радиусам, сновали туда и обратно в разные стороны чумацкие валки. Чумаки были в это время единственными национальными торговцами и возчиками в южной России. Это был самый цветущий период чумачества – период, охвативший почти целых три столетия, начиная с XVI и оканчивая первой половиной XIX столетия. В течение этих трех веков чумачество было уже вполне сложившимся и законченным экономическим фактором, имело в своей основе прочные ячеичные артельные формы и ездило по своим «одвичным шляхам», то есть по старым-престарым, от веков существовавшим дорогам. Историк Запорожской Сечи Скальковский упоминает о двух таких шляхах – о Шпаковом, или Черном, шляхе и о Муравской дороге. Первый из этих путей проходил с севера на юг. Начиная с Волыни, он шел чрез Умань на Балту по совершенно безлюдной местности тропинками, оврагами и вдоль берегов степных речек, из Балты направлялся на Ольвиополь, а отсюда на Никитину переправу, то есть на нынешний Никополь. Стало быть, направление этого пути совпадало только в некоторых пунктах с направлением нынешних железных дорог в южной России; он шел по тем же самым местам, по которым проходил прежний торговый путь из западных губерний на Одессу. Народ называл этот «шлях» Шпаковым по имени одного из чумацких атаманов Ивана Богуславца по направлению Шпака, то есть скворца, искусного жоака чумацких валок; а Черным называли поляки по причине тех опасностей, которым подвержены были проезжающие по нему. Другой шлях – Муравский, названный так от «муравы», мелкой травы, растущей по окраинам дорог, шел в том же направлении, в каком шел и Шпаковый, то есть приблизительно с севера на юг, но проходил

¹ Там же. С. 4. «В киевском акте 1499 года, – замечает Максимович, – где впервые упоминаются казаки, они являются на Днепре не в войсковом деле, а в промысле чумацком как торговцы рыбою». (См. Акты Зап. России. Т. 1, № 170).

по совершенно другим местам. В древности он назывался Солоним. Выходя из глубины Малороссии, проходя далее через восточные степи Запорожья, коснувшись вершин речек Ворсклы и Берестоватой, притока Самари, он шел прямо на юг через все почти паланки Запорожской Сечи до р. Конские воды, служившей границей между крымскими и запорожскими владениями, и здесь переходил на крымскую сторону. Другие пути¹, не столь знаменитые исторически, были проложены чумаками по направлению к Белоруссии, Польше, Галиции, Молдавии и Великороссии. На землях крымских татар от Никитиной переправы шли две дороги – одна на Перекопскую «башту», то есть башню, а другая на Очаков. Впоследствии чумаками же были приложены и другие пути из Дону на Черноморию, нынешнюю Кубанскую область, в Ставропольскую губернию, в Астрахань и проч. Одним словом, чумаки являлись в этом отношении первыми мирными инженерами и географами. В народных чумацких песнях, живых памятниках чумацкой жизни и деяний, упоминается о Дунае, Днестре, Доне, Волге, Хороле, Салгире, Самари, Крыме, Перекопе, Козлове, Полтаве, Варшаве, Кремень-городе, Азове и многих других пунктах и местах, куда ходили чумацкие валки. Во все эти места и пункты чумаки возили, главным образом, предметы первых потребностей массы, как например соль и рыбу, но это нимало не мешало им закупать и перевозить с места на место и другие продукты тогдашней торговли. Чумаки редко ездили с пустыми возами, но всегда принаравливались так, чтобы, набравши одних товаров в одном месте, распродать их потом в другом, где снова набирали товаров, но уже других, и везли их в первое место. Впоследствии, когда торговая деятельность чумаков начала постепенно заменяться извозною, чумаки разнообразили свою деятельность таким образом, что в один конец возили чужие товары, а в другой – обратно свои. Набравши, например красных и бакалейных купеческих товаров в Харькове или даже в Москве, они отвозили их за известную плату в Ростов-на-Дону или Таганрог, в Черноморию и проч., а отсюда вывозили на собственный уже счет рыбу и распродавали ее в других, более северных местах Малороссии.

Таким образом, чумачество представляет собою чисто историческое явление, существовавшее в течение целых веков. Под влиянием каких же условий сложилось это интересное явление народной жизни? Какими причинами и обстоятельствами была вызвана его своеобразная организация и артельные формы? И чем потом поддерживалась необыкновенная живучесть и устойчивость этих форм?

¹ По словам капитана Павловича, издавшего свое статистическое описание Екатеринославской губернии в 1862 году, в это время древние чумацкие шляхи уже не существовали. Чумаки ездили по совершенно другим уже дорогам. Там же, где были старые шляхи, возникли, как на более удобных местах, целые села, деревни и хутора с частными владениями. (Материалы для геогр. и стат. России. – Екатерин. губерния. – В. Павлович. 1862 г.).

II

Южная Россия издавна служила ареною, на которой беспрестанно дрались и плохо уживались разного рода народности. Тут попеременно обитали и скифы, и авары, и казары, и печенеги, и половцы, и татары, и русские. Вся местность, занятая в настоящее время Новороссиею, Бессарабиею и Землею Войска Донского, представлявшая издавна обширные степные пространства без резких естественных преград, уже самым характером своим способствовала этой бесконечной кутерьме народностей. Гражданственность, мирная трудовая жизнь здесь плохо были известны. Вместо них царили войны, столкновения, грабежи и разбои. Прав был тот, кто оказывался сильнее. Грубая физическая сила служила и правом, и регулирующим экономическим началом. При таких условиях и самые международные сношения не были положительно ничем гарантированы. Торговля могла существовать только под прикрытием той же грубой силы, того же кулака, тех же воинственных привычек, которые служили главными факторами во взаимных отношениях разных народностей. Тогдашним торговцам нужна была особенная энергия, риск и военная выправка, совершенно неуместные в наше время. Они должны были вести свои торговые сношения или под прикрытием сильных военных дружин, как это велось в эпоху торговых сношений славян с Византией во времена первых русских князей, или же организовывать из самих себя кооперативные союзы, могшие разом и вести торговлю, и отражать разбойничьи покушения на их имущество со стороны полудиких обитателей, населявших крайний юг нынешней России. Исторические обстоятельства сложились таким образом, что народу пришлось избрать второй путь, создавши энергическое, деятельное и сильное своими артелями чумачество. Народ поступил в этом отношении как самый опытный практик; он выработал одни ассоциационные формы для торговых сношений с другими народами и внутри родной страны, формы чрезвычайно оригинальные, устойчивые и живучие, а содержимое этих форм варьировалось и переменялось потом по мере потребностей и возможности. Крепки были собственно народные обычаи и традиции, народные союзы и артели – «валки» и «ватаги», а самые члены этих ассоциационных форм – чумаки – не составляли чего-либо особенного, изолированного от народа: это был сам народ в лице своих предприимчивых и энергичных членов. Без артелей и союзов немыслимо было бы и самое чумачество, так как только благодаря этим ассоциационным формам народные торговцы могли отражать и побеждать неблагоприятные для них условия и обстоятельства. Вот как Скальковский описывает шаткое положение южно-русского торговца в те времена, когда стражем интересов южно-русского народа была могущественнейшая Запорожская Сечь:

«В Запорожье, – говорит он, – чумак или польский торговец находил защиту от гайдамак, пристанище у белой хаты зимовника, обыкновенно стоявшей на берегу глубокой реки, в уединенной балке или у вырытого колодца, обложенного камнем, с привешенным ведрерцем, деревянным корчаком и желобом для напоения людей и рабочего скота. Хозяин зимовника, запорожский казак обыкновенно был и шинкарем (трактирщиком)¹ – следственно, безопасность ватаг чумацких была для него не только долгом, но и источником прибыли; он хорошо знал, что слава доброго зимовника распространяется скоро не только в Украине, но и “за границею.” К тому же, исключая редких разбойничьих нападений гайдамацтва, и то ночью, на одиноких ватажан или неосторожных молодиков, стерегущих скотину, – караваны могли быть спокойны в Запорожье, как дома. В случае обиды всякий знал, что или пан полковник пограничный, или разъездные команды, или даже и войсковая старшина жестоко накажет “киями” шалуна и грабителя. Но, перешагнув за Днепр, у Никитина перевоза, чумак мазал свою рубашку и одежду дегтем из предосторожности от чумы и гадины; запрягал рушницу, добывал из воза пику, а на груди на ремешке вешал гаман (лядунку)², в котором хранил “печатный” билет с “казенною печатью” и подписью русского пограничного чиновника с турецким переводом этого ярлыка. В Ногайской степи уже ни сел, ни зимовников не было; хорошо, если “трава уродила” и вода в “волевых речках” не повысыхла; а то уже не у кого достать ни корму, ни водопоя. От запорожской границы до самой Перекопской башты не увидят они уже ничего, кроме табунов или стад татарских, весь год блуждающих с чабанами, так же дикими, как их лошади, всегда вооруженными бердышом и ножом за поясом. Хорошо еще, если в каком-нибудь ауле ага или мурзы имели жительство – русский ярлык охранял чумаков от всякого притеснения. Но в голой степи, вдали от аула ногайцы не боялись никого, и для них зарезать двух-трех ватажан, отнять скотину или хлеб считалось молодечеством. А сколько обманов на соляных озерах, сколько обид в баште от всякого рода дыздарей, иманов и каймаканов»³.

Таким образом, даже в то время, когда чумаки были под прямым покровительством русского правительства и ближайшим присмотром последнего Коша Запорожского, их передвижения с севера на юг и обратно мало были застрахованы от разного рода случайностей, а что же было раньше? Издавна грабили и резали чумаков и чужие, и даже свои – за пределами малорусских владений татары, а в пределах гайдамацкая гольтьба и бурлаки. По свидетельству Боплана, в его время было далеко небезопасно путешествовать без отряда

¹ Шинкарь слово в слово значит кабатчик.

² Гаман и лядунка – две различные вещи: гаман шьется из кожи для хранения денег и документов, а лядунка готовится из дерева для пороха или какой-нибудь жидкости.

³ А. Скальковский. Ист. Нов. Сечи. Ч. 1, с. 133 и 134.

в сто или тысячу человек по татарским степям, так как татары то и дело разъезжали по своим степям отрядами в пять, шесть или десять тысяч человек¹. Народные песни живыми красками изображают разного рода столкновения чумаков и со своими, и с чужими «ворогами». Так, в одной песне говорится:

Сидлай, хлопче, сидлай коня,
Сидлай вороного –
Давай знати в третю роту,
Аж до Кошевого².

Дело в том, что в то время, когда чумацкая ватага пировала, когда беззаботные чумаченьки «горилку кружали», – их враги, «превращии бусурмены», всех волов угнали. Нужна была скорая и немедленная помощь кошевого, причем кошевой, согласно, конечно, позднейшим видоизменениям песни, оказался в третьей роте.

В другой песне поется:
Миргородский комендант
Дав запорожцям знать;
Нехай бижать до Салгири
Чумаченькив ратувать!³

А вот как описывается столкновение чумацкой ватаги с шайкой гайдамак:

Гей, из-за горы да из-за крутой
Выглядають гайдамаки –
Гей не богато, – сорок шей четири,
Да трохи нас не побыли...
«Гей, ой вы, хлопци, превдали молодци.
Да берите дрюки в руки,
Гей, бийте, бийте, бийте, выбывайте,
В нови возы и складайте, –
Гей, да поидем в город у Варшаву
Да заробим соби славу:
Гей, що их сорок, сорок и четири
Да нас семох не побылы!»⁴

¹ *Боплан*. Опис. Украины. С. 21.

² *Рудченко И.Я.* Чум. нар. песни. С. 95.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 97.

Вариантов этой песни довольно много, и во всех их чумацкий атаман приказывает хлопцам бить не жалея гайдамак, разбойников и проч.

Тяжела и геройска, видно, была историческая миссия чумаков, если народ воспеваает их в своих песнях как героев. Да иначе и не могло быть. Охотников поживиться чужим добром всегда было много, и если факты этой поживы встречаются даже в настоящее время сплошь и рядом, то в былые времена тем более. Между населением Ставропольской губернии и Кубанской области и теперь еще ходит много рассказов и анекдотов о том, как иногда расправлялись чумаки с нападавшими на них разбойниками, ворами и проч. То же можно встретить и вообще в среде населения южной России. Астраханские и ставропольские калмыки с ужасом рассказывают о «полтора-малахае», как они называют обыкновенный земледельческий цеп, которым стегали чумаки калмыков, заставши их на месте преступления за воровством волов. Постепенно исчезающие деревянные кресты и заросшие могилы, встречающиеся среди степей и в глухих местах, также служат памятниками того, как иногда предприимчивые чумаки складывали свои энергичные головы, торгуя или разъезжая в чужой стороне на глазах завистливых «ворогов». Кресты и могилы и теперь еще можно встречать и на Кавказе, и на Кубани, и по дороге из Берислава на Перекоп, и по направлению к Астрахани, к Ставрополю Кавказскому и проч. Они остались печальными памятниками чумацкой деятельности до последнего времени, и не один, может быть, будет поставлен еще крест на могиле чумака, убитого где-нибудь на глухой окраине нашего обширного отечества, не один, может быть, «чумаченько» заплатится еще своею головою прежде, чем не сойдет окончательно со сцены само чумачество.

Но эта именно жизнь, полная борьбы и лишений, эти бесконечные препятствия и необходимость быть постоянно настороже и дать при случае вооруженный отпор и создали своеобразный тип чумацких артелей с военным характером и торгово-промышленною организациею. При таких неблагоприятных условиях борьба с препятствиями в одиночку, без сильной ассоциационной связи с другими лицами, поставленными в одинаковые условия торговой и промысловой деятельности, была невозможна. Одинокий и беспомощный чумац-торговец был бы окончательно затерт и замят природой, и враждебными народностями, и разного рода охотниками легкой наживы из своего же брата малоросса. Сама южная природа, казалось, только способствовала зарождению и развитию как чумацких ватаг, так и вообще чумачества. Благодатный юг России издавна служил для южнорусского народа и камнем преткновения, и завлекающею приманкою. Богатая природа этого края разом и много сулила добра и ставила массу преград при овладении со стороны человека этим добром. Но особенно затруднительны были здесь, как и вообще во всякой первобытной стране, пути сообщения. Дороги были и длинны, и безлюдны,

и неудобны в разные времена года и в разных местах, и даже такие известные «шляхи», как Черный и Муравский, скорее отличались своею политической обстановкою, богатою историческими воспоминаниями, чем удобствами и приспособленностью к езде. Превосходная летняя дорога обращалась в грязную, вязкую и топкую весною и осенью благодаря дождям. В одном месте пески, в другом болота, в третьем овраги, ручьи и речки задерживали и тормозили передвижения. И только тихо двигающиеся, но все побеждающие волны и неуклюжие, но приспособленные к местности «мажи» с их широкоободными колесами могли здесь потихоньку да полегоньку перетаскивать с одного места на другое за десятки, сотни и даже тысячи верст тяжести и товары. Лошадям была бы здесь не по натуре такая медленная, трудная и варварская работа. При всей медлительной и методичной, тяжелой и упорной работе вол вообще меньше требует от своего хозяина, чем лошадь. Для него не требуется ни овса, ни продолжительного отдыха, что составляет существенную необходимость для лошади, и раз заморившись и уставши, он быстро оправляется и становится снова годным для работы, довольствуясь только подножным кормом, тогда как выбившаяся из сил лошадь требует двух, трех и более дней отдыха, чтобы оправиться вполне и быть снова годной к делу.

Таким образом, с одной стороны, естественные условия края, а с другой – шаткое и небезопасное положение среди жадных до наживы и враждебных народностей послужили главными причинами того, что чумаки издавна организовались в артели и союзы, отправляясь вдаль на чужую сторону для торговли и извоза. Отсюда и самый полувоинственный, полоторговый и полуизвозный характер этих артелей. Каждому чумаку предстояли, прежде всего, долгое странствование и длинная дорога – стало быть, взаимная помощь, обязательства и необходимость организации обуславливались уже одним этим обстоятельством. Ломался ли воз, увязал ли он в грязи, околевал ли бык, встречались ли какие-нибудь естественные преграды на пути – во всех этих случаях нужна была скорая и дружная помощь, общие работы и взаимные услуги. Уход за скотом в темную ночь, нагрузка и разгрузка клажи требовали того же. Но главнейшим связующим началом для чумаков служила общность опасностей, общность риска за свою жизнь и имущество. Это-то последнее обстоятельство, в зависимости от местных топографических особенностей и политических обстоятельств, и послужило существенною причиною собственно военной организации чумацких ватаг.

III

Чумацкие ватаги издавна организовывались по тому типу, крайнею и законченною формою которого была Запорожская Сечь. Во главе этих арте-

лей всегда стояли атаманы; их организация издавна носила на себе характер военной дисциплины и соподчиненности. Самое слово «ватага», несомненно, восточного происхождения, так как у татар это слово употребляется в смысле толпы, сборища¹. В этом же смысле слово «ватага» употребляется и в малорусском наречии. Ватагой в обыкновенной разговорной речи малороссы называют всякую толпу или сборище людей, соединенных воедино хотя бы случайным образом. Значит, слово «ватага» в этом случае имеет то же самое значение, какое имеет слово «артель» в подобных случаях в великорусском наречии. Теснее под ватагой разумеется артель, ассоциация, собрание людей, преследующих одну общую цель и соединенных воедино солидарностью своих интересов. В таком именно смысле слово «ватага» и употребляется по отношению к чумацким артелям. Но для обозначения этих последних существует и другое название – «валка». Валками также называются чумацкие артели, хотя между понятием «в валке» и понятием «в ватаге» и существует некоторое довольно важное различие. Валка собственно значит обоз, и так как обоз может состоять из нескольких совершенно самостоятельных и независимых одна от другой артелей, то валками называются, во-первых, или целые союзы чумацких артелей, или же случайно соединенные обозы таких артелей, и во-вторых, собственно единичные артели, то же самое, что называется ватагами. В исследовании Калачова об артелях древней и нынешней России для обозначения чумацких артелей употребляется еще название «купа». «Купа» по-малорусски значит собственно куча, но такого названия чумацких артелей нам ни разу не приходилось слышать в действительной жизни. Наконец, чумацкие ватаги называются иногда и просто «артилями».

Как образовались все эти названия в малорусском языке, в каком смысле и когда именно их стали употреблять для обозначения чумацких артелей – сказать трудно. Но не подлежит ни малейшему сомнению тот факт, что в разные времена организация чумацких артелей была различна, что развитие в этом отношении чумацких ватаг прошло разные ступени. Самый цветущий период чумачества соединен с самым оригинальным и законченным типом чумацких ватаг. Это – тип Запорожской Сечи, это – строго демократическая и вместе военная организация чумаков с атаманом во главе.

Чумацкая ватага в этом виде представляла ассоциацию совершенно равноправных личностей. Организация ватаги служила только средством для поддержки торгово-извозной деятельности таких личностей и гарантией от разных чисто внешних случайностей и несчастий. Во главе ватаги стоял атаман, который всегда был лицом выборным. Атаманом мог быть любой из участников артели, но в действительности был только тот, кто обладал необ-

¹ Ефименко А. Сборн. об арт. Т. 1, с. 3.

ходимыми для этого личными качествами и достоинствами. Известная самостоятельность и энергия, знание местности и торговых обыкновений, умение ладить с товарищами и приспособляться к всевозможным обстоятельствам и положениям – все это, без сомнения, служило необходимым условием для того, чтобы быть избранным в атаманы. Атаманом, таким образом, всегда было лицо почтенное, пользующееся доверием и авторитетом в среде избравшего его товарищества. Будучи раз избранным в атаманы, избраннык являлся хозяином и полновластным распорядителем валки в сфере раз намеченных для этого обязанностей, а в иных случаях и неограниченным диктатором. Когда шла чумацкая валка, атаман непременно ехал впереди всех на первом возу. У него на возу «сидел старый петух, чтобы безошибочно будить усталых ватажан, лишь только солнышко проглянет с того света»¹. Обычные обыденные занятия атамана состояли обыкновенно в том, что он указывал путь, определял время езды и отдыха, следил за выполнением очереди дневных и ночных сторожей, стерегших волов, входил в споры ватажан и проч., проч. Но лишь только ватагой предвиделась опасность, лишь только кто-нибудь из среды нее замечал злых татар или же бесшабашных сорвиголов-гайдамак – атаман немедленно принимал роль неограниченного диктатора. Валка превращалась в табор, в своего рода укрепленный лагерь, в котором, по словам Скальковского, польские историки считали чумаков непобедимыми, – и чумаки дружно отражали напор своих врагов и недоброжелателей. Проходила гроза – и атаман снова превращался в обыкновенного чумацкого «батька» и хозяина, заправителя валки.

Кроме атамана, необходимым должностным лицом в каждой ватаге считался еще «кухарь»². Кухарь, то есть повар, кашевар, готовил обыкновенно пищу ватажанам, и этим ограничивались все его специальные обязанности. «На его возу торчал шест с тремя ножками и железный (?) казан (т. е. котел) – символы его звания»³. Все остальные члены товарищества ничем не отличались друг от друга по занимаемому ими положению и отношениям между собою. Каждый нес работы и исполнял распоряжения батька-атамана наравне с другими. Каждый, по выражению Скальковского, «добрый чумац» должен был всегда иметь под руками «рушницу», то есть ружье, и «спису», то есть пику, для того, чтобы из мирного торговца и возчика превратиться при случае в храброго воина, умевшего постоять и за себя, и за своих товарищей, и за свое имущество, и за всю свою ватагу.

¹ Скальковский А. Ист. Нов. Сечи. Т. 1, с. 290 и 291.

² Можно наверняка сказать, что в древних чумацких ватагах, кроме атамана, был и «есаул», как это встречается даже в некоторых современных ватагах, но прямых исторических указаний мы не имеем на этот счет.

³ Скальковский А. Там же. С. 290.

Чумак был настолько же мирным деятелем, насколько и воином, и недаром в народных песнях он зовется казаком, молодцом и проч.

Каковы были имущественные отношения этих своеобразных артелей – сказать определенно за отсутствием прямых указаний нельзя. Судя по тому обстоятельству, что организация этих артелей была построена по типу Запорожской Сечи и существовавших в ней артелей и что сами запорожцы также занимались чумачеством, надо полагать, что члены ватаги были вкладчиками и трудом, и капиталом и что ватага, таким образом, была паевым предприятием, равномерно ложившимся на всех участников. В самом деле, из истории известно, что запорожцы играли двойную роль по отношению к чумачеству: во-первых, они защищали чумацкие ватаги от разного рода нападений как в пределах Запорожской Сечи, так равно и в татарских степях, давали приют ватагам у себя на дому, строили и содержали перевозки и проч. и, во-вторых, снаряжали свои собственные ватаги, которые, таким образом, и «чумаковали» наравне с другими чумаками. Так, запорожцы ловили рыбу и приготавливали ее не только для себя и для продажи в самом Запорожье заезжим из Украины чумакам, но и для посылки ее с своими собственными чумаками в чужие края и страны. По словам Поноччи, королевского секретаря времен Хмельницкого, запорожцы возили вяленую и соленую рыбу «мажами» даже во Львов, продавали ее там с волами, а сами возвращались домой на одноконке¹. Стало быть, вполне естественно предположить, что запорожцы, принимавшие такое деятельное участие в чумачестве, должны были наложить свой особенный характер и на самую организацию чумацких валок и ватаг, и это тем вероятнее, что Запорожье вообще служило идеалом в глазах малоросса того времени при устройстве своей общественной и даже частной жизни. Самое влияние запорожцев, конечно, должно было выразиться в строгом проведении ассоциационного начала в практику, так как вся жизнь запорожцев построена была на этом начале, переходившем зачастую в положительный коммунизм. В ватагах, по крайней мере в громадном их большинстве, вряд ли поэтому были хозяева и рабочие, но все участники ватаги, по всей вероятности, пользовались совершенно одинаковыми правами во всех отношениях – и во вкладах, и в труде, и в результатах труда и торговой деятельности².

Что касается времени деятельности чумацких ватаг, то и в старину, как в позднейшее время, самая кипучая пора начиналась с весны и оканчивалась

¹ Рудченко И.Я. Чум. нар. песни. С. 11.

² О самых запорожских чумацких ватагах Рудченко говорит следующее: «...в старину в Запорожье чумаки, бесспорно, занимались своим промыслом на началах полной ассоциации. Этим торговым предприятием заведовал войсковой скарб; он извлекал из него барыши; он расплачивался за убытки. Вся прибыль от промысла составляла общее достояние всего низового товарищества» (с. 33). Впрочем, откуда заимствовал Рудченко эти прямые сведения – он не говорит ни слова.

осенью. «По времени выезда чумаков из дому, – говорит Рудченко, – народ дал им особые названия. Чумак бывает ранний, средний и пизний. Как только весна освободит землю от ледяной коры, как только “заспивает жаворонок у лузи” – чумак выходит в дорогу. Это чумак “ранний”. Проведя в дороге недель пять-шесть, чумак возвращается домой “на жнива”. Хорошенько выкормивши волов, давши им и себе порядочный отдых, – чумак снова идет в дорогу “об Илии” (20 июля). То чумак “средний”. А “пизний” чумак, то есть “осиний”, едет в дорогу “перед Покровою”»¹.

Наконец, самое составление ватаг, их формировка, исстари производилось по одному и тому же способу, как поется обыкновенно об этом в чумацких песнях, и отличалось довольно любопытными чертами. В книге Рудченка есть интересные сведения на этот счет, сведения, не лишённые, впрочем, некоторых поэтических вольностей и заимствованные, видимо, из последующей жизни чумачества.

«Чумаки, – говорится в этой книге, – имеют свои освященные веками обычая почти для всякого действия: чумак выезжать из дому должен “по закону” – ехать в дороге тоже “по закону”; даже останавливаться в дороге пасти волов следует “по закону”. И до настоящего времени чумаки строго наблюдают за исполнением обычаев: артель всегда бывает недовольна, если кто-нибудь “поломать чумацкий обычай”».

«Обыкновенно чумаки одного, а иногда и нескольких сел условливаются между собою о времени выезда и о месте сбора. Условие непременно должно быть исполнено, иначе нарушивший его чумак будет оставлен своими товарищами. Местом сбора чумаков бывает почти всегда “выгин” за селом – “майдан”».

«В назначенный день и час каждый из чумаков, поправивши хорошенько везы, выкормивши волов, набирает известный – тоже условленный – запас пшена на кашу, муки на галушки, сала и т. п. припасов и выезжает к назначенному месту – становищу. Тут чумак останавливается поджидать товарищей и проститься с провожающей его родней».

«Наконец, будущая “валка” вся собралась на становище; неподалеку от дороги стоят чумацкие везы, укрытые кожами для сбережения товаров от дождя; “мережани ярма” висят “на вийях” чумацких огромных везов, прикрепленные новыми “притыками”; в ярмах торчат “тернови занозы”; тут же, невдалеке, “сири та полови” волю чумацкие едят взятое из дому сено, или – немного в стороне – пасутся “на травици-муравици”, или же стоят – “рементают”, а сами чумаки обсели вокруг разведенного огня – варят “сниданья”. Возле каждого из чумаков поместился кто-нибудь из близких ему родных: или его “мила”, или “стара мати” сидит, поджавши под себя обе ноги и пра-

¹ Рудченко И.Я. Чум. нар. песни. С. 22.

вою щекою опершись на правую руку, поддерживаемую левой, – это любимая поза малороссыянки в печали... Вот уже и каша сварена, уже “поснидали”... “Пора рушати!” – прожужжало в толпе»...

«Тут чумаки сходятся “на раду” и из среды своей избирают атамана. Избрание его происходит устным голосованием всех чумаков, принадлежащих к валке; его избирают на всю дорогу»¹.

Организованные таким образом чумацкие ватаги колесили ежегодно нынешнюю южную Россию в разных направлениях, но, главным образом, они ездили с севера на юг и обратно, вывозя соль и рыбу из северных побережий Черного и Азовского морей. Поэтому все такие ватаги, ходившие как за солью в Крым, так и за рыбою на Дон, непременно должны были переходить Запорожье. «Обыкновенно в начале весны, когда уже снег и лед исчезнут, дороги сделаются сухими и трава на степи покажется, – ватаги чумаков из Польши и Малороссии, – как передает Скальковский, – начинают подвигаться к Запорожью. Все почти они идут порожние с целью переправиться через Днепр и идти в Крым на соляные озера. Их прибытие так было важно для Запорожья, что мы во многих письмах Коша к депутатам его в Петербург находили вести: “что ватаг еще нет, что уже понемногу идут и везут хлеб или водку” или что их “такое множество, что даже припасы в Сечи и на Никитином вздорозжали” и тому подобное»². Одним словом, связь Запорожья с чумачеством, по всем видимостям, была прочна.

Достигнувши запорожской границы с северной стороны в том месте, где река Синюха впадала в Буг, чумацкий атаман испрашивал обыкновенно разрешение у запорожских властей на переход границы. Потом вся валка переправлялась через Буг и, заплативши установленную пошлину за перевоз, направлялась под прикрытием запорожского отряда к реке Мертвым Водам. Заменявши здесь первых запорожских провожатых провожатыми из Ингульской паланки, валка доходила до Никитина перевоза, если намерена была отправиться в Крым за солью, а то до Кодака, если шла на Дон за рыбою. За все это чумаки «платили в кошевой скарб (казну)» 8 руб. до Никитина и 10 руб. до Кодаку и давали небольшой ралец (подарок) своим путеводителям³. «За проезд же по мостам и за перевозки на паромах взималось в войсковой скарб, смотря по нагрузке воза, от 2-х до 10 коп. с фуры»⁴. Затем, перешагнувши снова запорожскую границу и очутившись на землях татар, чумацкие валки и ватаги были предоставлены большею частью самим себе, своей собственной опытности, отваге и силе. Здесь чумац-торговец вполне

¹ Там же. С. 32–34.

² Скальковский А. Ист. Новой Сечи. Т. 1, с. 272 и 274.

³ Там же. С. 282.

⁴ Рудченко И.Я. Чумац. нар. песни. С. 14.

уже превращался в чумака-воина и зорко следил за тем, чтобы не сделаться добычею жадных татар.

IV

Итак, значит, отличительной чертой чумачества в период его тесной связи с матерью Запорожскою Сечью служил чисто военный склад его ватаг, которые вместе с тем были торгово-извозными товариществами, возившими и распродававшими свои собственные товары, купленные на свой счет и риск. Чумаки были в это время исключительно торговыми деятелями, а извозничеством занимались лишь настолько, насколько этого требовала торговля. Но впоследствии, по мере гражданского развития России и присоединения к ней других, более южных местностей, по мере того как когда-то беспокойный и воинственный край становился все более и более мирным, чумацкие ватаги вместе с утратою своей строго военной организации начали утрачивать и первоначальный самостоятельно-торговый характер, меняя все чаще и чаще торговые дела на просто извозные. Таким образом, по характеру деятельности чумацкие ватаги распались на два разряда: 1) на ватаги чумаков-собственников, перевозивших и продававших собственные товары, и 2) на ватаги чумаков-извозчиков, подряжавшихся перевозить чужие товары и тяжести.

Это распадение чумацкой деятельности на два более или менее специализировавшиеся и обособившиеся вида было вызвано такими условиями, которые вообще отразились крайне неблагоприятно на чумачестве и его организации. Дело в том, что более спокойная и мирная жизнь в связи с общими стремлениями обеспеченных и привилегированных классов общества позволила капиталу занять в жизни такое место, которое по справедливости может принадлежать только одному трудящемуся человеку. Благодаря спокойной и мирной жизни капитал был гарантирован от разного рода случайностей, которыми было так богато прошедшее южнорусского края. В то же время капиталистическому накоплению не было положено никаких границ. Явились капиталисты. Торговля стала их монополиею, привилегиею в пользу того, кто располагал большими материальными средствами. Прежний чумактруженик снизошел на степень простого извозчика и работника. Этого мало. В среде самих чумаков нашлись более предприимчивые, изворотливые и «загребущие» люди, которые также превратились в капиталистов, забравших в свои руки своего же брата-чумака и старавшихся пользоваться всеми выгодами чумацкого промысла на счет ближнего. Тот самый чумака, который раньше состоял в ватаге полноправных членов, становится к хозяину сначала с известной части в качестве меньшего пайщика, а впоследствии и просто

работником-батраком. Таким способом некоторые чумаки-капиталисты наживали громадные капиталы, невольно подрывая в самом корне как организацию чумацких валок и ватаг, так и вообще само чумачество. Вот, между прочим, прекрасный пример того, как разживались подобные капиталисты-чумаки, записанный одним из корреспондентов «Харьковских ведомостей»:

«Мне, – рассказывал корреспонденту один чумак, у которого было украдено 560 тыс. руб., – 62 года, и мой отец был богатый человек; он ходил в Крым и на Дон с 25 и более своих собственных паровиц, на собственные деньги покупал рыбу и соль. С 1829 года мне поручили чумацкий промысел, которым я и занимался 40 лет. Во все это время со мною никогда не ходило по рыбу меньше 50 паровиц моих собственных; когда же, по моим расчетам, была выгодна покупка рыбы, тогда я нанимал по 30 и 50 чужих паровиц. Покупка рыбы и соли всегда производится на наличные деньги: на Дону рыба, а в Крыму соль иначе не продается; да и вообще чумак в кредит своей торговли не вел. Расход чумака в дороге самый ничтожный. В губерниях Херсонской, Екатеринославской, Таврической и в Земле Войска Донского в редком месте приходилось платить за пастьбу скотины по 2 и редко по 5 коп. от штуки, а большею частью еще просили нас пасти волов наших на степи, так как на местах, где паслись в степи чумацкие вола – на “сбоинах” лучше родится хлеб. При 5 паровицах шел один чумак-“наймит”, который получал 25 руб. в год. Нужные для чумака в дороге продукты, как-то: сухари, крупа, пшено, сало и мука гречневая и пшеничная – были своего хозяйства, не покупные. В последнее время подорожали и увеличились дорожные расходы: теперь¹ приходится платить наймиту по 30 и 40 руб. в год, да за пастьбу волов средним числом по 10 коп. от вола, теперь и рыба на Дону продается втрое и вчетверо дороже, чем тридцать и сорок лет тому назад. Главный товар, который я по преимуществу покупал, – чехонь; другие же сорта рыбы, каковы: чабак, тарань, сула, судак, боковня – я покупал иногда много, смотря по цене, ибо они в продаже менее требуются. На чумацкий воз набирал: чехони 4000 штук, чабака от 1100 до 1300 штук, сулы лучшей 1300 шт., тарани 7000 шт., судак 6000 шт., боковни по 3000 и 4000 штук. В 30-х годах на заводах продавалась чехонь от 7 до 12 руб. за тысячу, а по привозе продавали тысячу по 25 и 35 руб.; чабак покупался от 20 до 30 руб., а продавался по 80 и до 100 руб. за тысячу; сула в той же цене, что и чабак; тарань покупалась от 2 до 6 руб., а продавалась от 12 до 20 руб. за тысячу; судак – немного дороже тарани; боковня – в одной цене с таранью. До времени перемены ассигнаций на кредитные билеты я из оборота деньгами зарабатывал столько, что этот барыш покрывал все дорожные издержки, а именно: в Киевской губернии, в которой по преимуществу я продавал рыбу, серебряный рубль принимался в 3 руб.

¹ Во второй половине 70-х годов.

50 коп. асс., полуимпериал – в 18 руб. 2 коп., на Дону же серебряный рубль принимали в 4 руб. асс., а полуимпериал – в 20 руб. 60 коп. Тогда я покупал рыбу на Дону всегда на звонкую монету: золото меньше занимало места и меньше весу. В последний год уничтожения старых ассигнаций серебряный рубль на Дону шел в 4 руб. 60 коп. асс., полуимпериал – в 24 руб. асс.; между тем как у нас при продаже рыбы и даже при промене ассигнаций на звонкую монету лажу не было. Иной раз я возил на Дон хлеб, ибо случалось, как в 1832 году, что у нас пуд хлеба стоит 10 коп., а на Дону я продавал по 80 коп. По большей части я покупал рыбу на косах и отмелях Азовского моря, подле городов Ростова и Азова. Ходил я за рыбою два раза в год: весною в конце марта или начале апреля, смотря по погоде, за неделю или за две до праздника Пасхи – если с товаром, то шел 5 недель, а порожняком поспевал в 3¹/₂ недели, к Петровке возвращался; в осеннюю ходку отправлялся после Петра, возвращался к Филипповке; иной год ходил третий раз в Одессу с пшеницею, откуда привозил соль – для чумака менее всего выгодный товар. В продолжение 40 лет чумачества я каждый год зарабатывал от торговли рыбою не менее 12 тыс. руб. Кроме того, мы сеяли много хлеба и, не имея нужды в деньгах, продавали его только тогда, когда были хорошие цены. При нашей трезвой и скромной жизни, если бы нас не разорял помещик, пользовавшийся своим крепостным правом, от которого мы после тяжких испытаний и разорений избавились только в 1848 году, мы бы до сих пор имели миллион руб.»¹.

Таковыми-то средствами располагали некоторые чумаки-капиталисты и так вели свою торгово-чумацкую деятельность в тот период чумачества, когда оно, утратив свой прежний военный оттенок, начало разлагаться и постепенно сходить со сцены, когда на смену ему выступили другие однохарактерные с ним явления экономической жизни, отличающиеся уже чисто капиталистическим характером. Тем не менее даже в таких узких рамках чумачеству был присущ до известной степени дух чисто народного явления, даже в этих случаях древняя типическая форма в организации чумацких валок играла известную роль. Правда, тут уже не было ни выборного атамана, ни равноправных членов-вкладчиков. Место первого занимал сам хозяин, а на месте вторых были наемные рабочие – «наймиты». Но старые патриархальные нравы и «звычаи» чумачества еще были живучи даже при таких условиях. Между хозяином и наймитами никогда не лежала такая глубокая пропасть, какая лежит в настоящее время между каким-нибудь железнодорожным тузом и простым железнодорожным рабочим, какую можно найти в положении какого-нибудь Полякова и простого поверстного сторожа, служащего на его железной дороге, или в положении Варшавского и обобранного им погонца. Чумак-хозяин жил тою жизнью, какую жили и его чумаки-работники, рабо-

¹ Рудченко И.Я. Чум. нар. песни. С. 19–21.

тал столько же, сколько и эти последние, ел из одного с ними котла – одним словом, находился в общих с своими наймитами условиях и, стало быть, совершенно естественно в силу той заботливости, которая лежала на нем как на хозяине, играл роль батька-атамана. Он так же указывал дорогу, как указывал ее в былые времена атаман прежних валок, так же следил за порядком исполнения наймитами «очередей», как и этот последний, так же назначал время езды и отдыха, как это делал и атаман самостоятельных валок, только круг деятельности атамана-хозяина был значительно и неограниченнее. И это было самое худшее, что можно было найти в постепенно разрушавшихся формах старого чумачества.

Чаще случалось так, что к атаману-хозяину приставал чумака-наймит за известное натуральное вознаграждение, например за пару волов с возом. Проходил год-два, наймит по-прежнему играл роль наймита, но имел уже в своем распоряжении свою собственную паровицу, которую и присоединял к хозяйской валке за известное вознаграждение или из пая. Проходил еще год – у наймита являлась новая паровица или две и т. д. и т. д. Проходило таким образом несколько годов – и прежний наймит превращался в более или менее видного пайщика или же совершенно отделялся от своего прежнего хозяина, заводил свою собственную валку и набирал таких же наймитов и на таких условиях, на каких когда-то сам он в первый раз поступил к своему прежнему хозяину. Иногда эти натуральные отношения заменялись денежными. Наймит брал свое вознаграждение не волами и возом, а просто деньгами и, прослужив несколько лет «в наймах», обзаводился собственными двумя-тремя паровицами и отправлялся «чумаковать». Для молодого чумака-наймита подобные отношения были школой, из которой он выносил практические сведения и опытность для своей последующей, уже самостоятельной деятельности.

В моей памяти осталось несколько подобных фактов из недалекого прошлого, когда я был еще ребенком. После достопамятной севастопольской войны, когда в числе многих других побережных пунктов было бомбардировано и разрушено Анапское укрепление, жители этого укрепления, черноморские казаки, выселились внутрь тогдашнего Черноморского войска – в нынешний Ейский уезд Кубанской области. Здесь они расселились частями по станицам – Новодеревянковской, Новощербиновской и др. Разоренные окончательно казаки были освобождены от всяких повинностей и по обычаю своих предков занялись чумачеством. Они образовали особые кварталы в станицах и были известны между остальными казаками под именем анапцев или чумаков-анапцев. Летом, весной и осенью они чумаковали, а зимою проживали дома, откармливая волов. В дороге они организовывались в самостоятельные валки и ватаги, и отдельные хозяева ча-

сто набирали из анапцев же или «городовыкив», то есть иногородних, так называемых работныкив на условиях, подобных тем, какие указаны мною выше. На таких же условиях, по рассказам чумаков, около того времени и раньше, до 70-х годов, набирали своих наймитов и вообще чумаки-хозяева, «ходившие» на своих «мажах» по Черномории, по Линии, по Ставропольской, Астраханской губерниям и Земле Войска Донского и в особенности далее на север от всех этих провинций по направлению к Курску, Харькову и Москве, а также и малорусским губерниям.

Но рядом с этими «хозяйскими валками» были и такие валки, которые организовывались на чисто артельном начале. Так, по сведениям «Журнала Министерства внутренних дел», чумаки Киевской губернии, составлявшие в общей массе до 17 500 человек при 70 000 подвод, организовывали из себя в 1856 году валки-караваны до 300 подвод в каждой. «На время дороги для порядка избирается чумаками из среды себя староста (атаман?), который разбирает все (?) споры и несогласия чумаков и распоряжается (?) артельными деньгами. В случае если падет вол, то на артельные деньги покупается другой; одним словом, чумаки, составляющие караван, как будто представляют одно путешествующее родное семейство, в котором радость и горе разделяются по-братски»¹. Валки эти возили пшеницу в Одессу с половины апреля до сентября, ездили за солью в Крым и на Бессарабские соляные озера и привозили рыбу с Дону.

V

«В наше время, – говорит Рудченко, – чумаки встречаются везде, где только слышна южнорусская речь. В Полесье, на Волини, в Подолии и Украине известно название чумака»². Чумачество действительно осталось довольно жизненным явлением в жизни малорусского народа до последнего времени. Народ до сих пор относится с сердечным участием к традициям и воспоминаниям чумачества былых времен, распевая многочисленные чумацкие песни. Самые слова «чумак» и «чумаковать» составляют обыкновенную принадлежность в малорусском языке. Отправляясь куда-нибудь в дорогу, малоросс редко когда выразится просто, что он едет туда-то, но почти всегда скажет, что он отправляется туда-то «чумаковать». Когда случай сведет несколько едущих малороссов по одной и той же дороге, они говорят друг другу: «А давайте, лышень, чумаковать вмисти». И часто бывает совершенно достаточно одного этого приглашения, чтобы возникла таким образом в несколько минут своего рода импровизированная валка. Едущие

¹ Журнал Мин. внутр. дел. № 9.

² Рудченко И.Я. Чум. нар. песни. С. 17.

ни одним словом не заикнутся относительно тех отношений, в какие они должны стать друг к другу, но эти отношения сами собою подразумеваются как общеизвестные, как обычные, как такие, которые вошли в жизнь народа путем обычая и традиций, без всяких писанных договоров и уставов. Каждый знает, что если первую упряжку едет впереди «дядько» Иван, на своем возе, то во вторую упряжку он будет ехать вторым, а первым поедет дядько Грыцько или Пилип и т. д. и т. д., пока каждый из партии не отбудет «очереди переднего». Всякий само собою понимает, что этот порядок расположения возов при езде обуславливается равномерным распределением неприятной обязанности передового возчика, долженствующего не спать во всю упряжку, смотреть за дорогой и постоянно подгонять волов. Когда едущие сделают привал и пустят волов на «пашу» и когда присматривать за волами возьмется один или два из них, то это опять-таки явный знак для всех остальных, что на следующем привале «очередь» по присмотру за пасущимися волами должны будут взять на себя следующие два возчика и т. д., пока снова не установится круговая «очередь». Так же партия поступит при «водопое» из колодца, если необходимость не заставит взяться и других за дело, чтобы ускорить отъезд всей валки. Но вот дорогу едущим пересекает какой-нибудь «бакай» или «грузька балка». Пары волов недостаточно, чтобы перетащить воз через грязь и воду. Возчики живо готовят «вийця», припрягают поочередно другую и даже третью пару к каждому возу, а если воз чересчур уж «застрянет» в грязи, приналягут и собственными плечами и грудями. Так «переправляют» они воз за возом там, где возчик-одиночка оказался бы совершенно беспомощным и бессильным. Но вот случилась и новая беда: у одного из возчиков поломалась ось; у него даже не оказалось на этот случай запасной оси. Тогда кто-нибудь из товарищей уступает ему свою запасную ось или «рукав», другой берет за струг, третий за топор, четвертый «править ухнали» на обухе, остальные успели уже выпрячь волов и пустить на пашу... Проходит пятнадцать-двадцать минут – и снова валка движется вперед в полном составе. А если бы не случилось ни у кого запасной оси или «рукава», то есть части старой оси, тогда возчики приправили бы «ваговый дрюк» к поломанному возу до поры до времени, пока не представился бы случай достать ось, а то и просто разобрали бы воз и клажу и разложили бы их частями по другим возам. Одним словом, каждый из едущих поможет «в несчастье» сотоварищу. Этого требует обычай и простой житейский расчет, держащийся на взаимопомощи. И когда поздно вечером такая валка остановится где-нибудь в глухой степи на ночлег и ее участники, принявши самые разнообразные позы вокруг зажженного костра, «заварят» общую братскую кашу, давши кто пшена, кто сала, кто соли или рыбы, – тогда, наверное, кто-нибудь из среды этих временных по-

томков чумачества помянет и старину, затянувши песню о том, как когда-то «котылося та сонечко по-над горою, по-над тиею чумацькою та дорогою» или «у Кыиви на рыночку пьють чумаки горилочку»...

Собственно, по месту жительства Рудченко делит современных чумаков на два вида: чумаков-извозчиков и чумаков-торговцев. «На берегах Стыри, Горыни и Березины, в так называемом Полесье, – говорит он, – чумачество уже издавна приняло значение извозничества, но в Подолии, право- и левобережной Украине (Киевской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губ.) чумаки образовали из себя особый промышленный класс, собственно, известный под этим именем. Сбыт лесных продуктов полесчука заставлял чумака тянуться к торговым пунктам на Днепре, Двине и Висле: чумаком нанимался доставлять туда деготь, лес, поташ, где оставлял эти произведения своей местности, набирал, если случалось, новых и возвращался домой. Совершенно иное чумачество в Подолии и Украине: тут оно до настоящего времени почти совершенно сохранилось в своем первоначальном виде. Отправляясь в Крым или Бессарабию за солью, на Дон или к Днепровским лиманам за рыбою и набравши полные возы этого «добра», – чумаки сами потом развезут его по ярмаркам и занимаются продажей»¹. Но Рудченко, надо заметить, указывает далеко не все те места, где встречаются в том или другом виде чумаки, совершенно упуская из виду крайний юг и юго-восток России. Если присоединить к отмеченным уже им местностям Новороссию, Кубанскую область, отчасти Донское войско, Воронежскую и др. губернии, то составитя, таким образом, довольно обширный район, дававший до последнего времени известный контингент чумаков из местных жителей. Взятый вообще этот район вряд ли можно подвести под то деление, какое установил Рудченко для Полесья, Подолии и Украины. Настоящие заправские чумаки составляют теперь уже везде чисто феноменальную редкость. Чумаком сплошь и рядом оказывается обыкновенный малоросс-земледелец, располагающий необходимыми средствами и временем для стороннего от земледелия промысла. Поэтому и самый характер деятельности такого чумака определяется довольно разнообразными условиями: сегодня он возчик, потому что ему предстоит выгодная перевозка какого-нибудь сырья, накупленного мелким скупщиком, а через неделю он, в свою очередь, покупает какие-нибудь предметы для собственного своего потребления и потребления таких же, как он, селян. Сообразно с этим и самая организация современных чумаков принимает тот или другой характер, начиная с вышеописанных дорожных товариществ и оканчивая историческими формами чумацких ватаг. В данном случае мы опишем чумацкие артели двух родов: артели чумаков-извозчиков, как очерчены они у Калачо-

¹ Рудченко И.Я. Чум. нар. песни. С. 17 и 18.

ва, и валки мелких чумаков-собственников, закупающих в Крыму соль для своего собственного потребления и незначительных распродаж.

Главный предмет извоза чумацких артелей первого рода составляет хлеб, закупленный местными купцами в некоторых южных губерниях. Хлеб этот отправляется обыкновенно в южные порты на воловых фурах, а самые фуры подряжаются на несколько месяцев раньше до отправки хлеба в порты. Обыкновенно хозяин-купец отправляет в начале зимы в глухие местности губернии своих приказчиков или, как называют их малороссы, «малых». Приехав в слободу, «малый» немедленно объявляет цель своего приезда крестьянам, которые, в свою очередь, передают это другим своим односельцам. Новость быстро проносится по селу, и к вечеру или рано утром в хату приказчика является уже целое товарищество крестьян – договориться «пид хуру». Начинаются переговоры. Чумаки, условившись в цене, выговаривают себе известное количество «лантухов» или чувалов, а также «мостовые» или перевозные деньги и «магарыч». Окончив уговор, приказчик дает задаток руб. по пяти на фуру, а иногда и более, если того требуют нужды чумаков. Общая сумма задатка, однако, передается в руки одного из более уважаемых крестьян, получающего вместе с тем название артельщика или старосты¹. На имя этого последнего пишется и контракт за общим поручительством товарищей.

«По отъезде приказчика к артельщику являются тотчас артельные и просят его помочь им в нуждах: одному деньги нужны на подати, другому на необходимые домашние расходы и проч. Артельщик удовлетворяет их беспрекословно, но не без разбора и ведя всему счет, несмотря на то, что иногда бывает неграмотный. По окончании весенних посевов, артель отправляется в торговый пункт для насыпки пшеницы и тут же запасается в дорогу дегтем, солью и рыбой, которые закупает артельщик; пшено же, сало, хлеб и сухари берет каждый домохозяин из домашних запасов, но все-таки складывает их в артель. Дорогой всем распоряжается и деньги на необходимые расходы ведет также артельщик. По приезде на место и по благополучной сдаче хлеба староста получает следующие деньги за провоз из конторы купца, и тут же производится их дележ. В обратном пути каждый ведет денежные расходы сам, потому что на заработанные деньги покупает соль и рыбу на себя, следовательно, делается чумаком-собственником; харчевые же припасы остаются по-прежнему общими. Во все лето, во время рабочей поры, чумаки обыкновенно не ходят в дорогу; но есть и такие, которые знают одно только дело – чумаковать. Артели этих последних даже зимуют вместе со скотом близ торговых пунктов; в них заведен уже по-

¹ Названия эти приведены у Калачова, но можно положительно сомневаться в том, чтобы чумаки предпочитали эти названия историческому названию предводителя чумацких ватаг – атамана.

рядок относительно внутренних распоряжений, и самые расчеты ведутся правильнее, так как постоянные чумаки большею частью грамотные»¹.

Совершенно другой характер носят артели второго рода, артели мелких чумаков-собственников. Мы опишем здесь чумацкие валки Пирятинского уезда Полтавской губернии как более типичные и наилучше сохранившиеся.

Настоящее существование пирятинских чумацких ватаг тесно связано с крымским соляным промыслом. Эти ватаги всегда обыкновенно снаряжаются в Крым за солью, распродают, в свою очередь, по пути хлеб или картофель, которыми они запасаются на дому. Но в южной России можно найти много и таких валок, которые занимаются, кроме того, и извозничеством. Так, чумацкие валки Херсонской и Каменец-Подольской губернии конкурируют иногда с Одесской железной дорогой при перевозке в Одессу хлеба, сырья и проч. Подобные же валки года три-четыре тому назад успешно конкурировали в Кубанской области по реке Кубани с пароходами «Русского общества пароходства и торговли» также при перевозке хлеба, сырья и товаров. А до проведения одесской, таганрогской и воронежско-ростовской железнодорожных ветвей чумацкие валки, кроме хлеба и сырья, перевозили также красные, бакалейные, железные и др. товары вообще по всему южному краю.

Пирятинские валки организуются каждую весну, после Пасхи, и продолжают свою деятельность до Петровки, до того времени, когда начинается обыкновенно косьба и жатва. Дома они набирают разного рода хлеб – преимущественно пшеницу – и картофель; продукты эти они распродают потом по пути в Крым, главным образом, в Бериславе. В Крыму, то есть собственно на Перекопских соляных озерах, валки для обратного пути закупают разные сорта соли: «красну», «круглу», «арнаутку», «краснозерку», «ингулку» и проч., причем всегда предпочитают высшие сорта низшим и только в случае необходимости покупают и низшие сорта. То количество, в каком покупается соль, зависит, конечно, от силы волов. Смотря по силам и летам волов, чумаки кладут обыкновенно от 55 и 65 до 75 и 80 пудов на воз. Набранную соль валки продают потом на обратном пути по селам, а также на ярмарках и базарах, разумеется, уже по более возвышенным ценам сравнительно с теми, по которым она покупается. Так, если «красная», положим, покупается по 40 коп. за пуд, то продается по 2 рубля с лишком, если «круглая» платится по 35 коп., то продается по 1 руб. 60 коп. и т. д.

Организация пирятинских валок нисколько не утратила того исторически выработанного характера, которым вообще отличались древние чумацкие валки и ватаги. Во главе их, как и в этих последних, стоит не только ата-

¹ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. С. 41–44. В своем очерке чумацких артелей Калачов ошибочно утверждает, что чумацкие артели или купы состояются только чумаками-извозчиками и не встречаются у чумаков-собственников. Пирятинские валки формируются обыкновенно из этих последних.

ман, но даже бывает, кроме того, «есаул». Атаман – заправитель, глава и начальник валки. В его непосредственном ведении находятся все наличные члены артели, хотя его власть в этом отношении бывает заранее определена существующими чумацкими обычаями и вообще далеко не широкая и произвольная. Главная обязанность атамана состоит в наблюдении за работами и в надзоре за точным выполнением чумаками известных служб валки. Он надсматривает за подмазкою возов, впряжкою волов, накладкою клажи и проч. Он наблюдает также за добросовестным выполнением обязанностей со стороны так называемых чередных чумаков, пасущих волов, стерегущих их ночью, и т. д. На нем лежит ведение всех расходов валки. Наконец, атаман является главным полномочным лицом при закупке и продаже соли. Атаман поэтому должен быть лицом опытным и практичным. Он должен хорошо знать дороги, условия закупки и распродажи соли и проч. Ему, одним словом, вверяется вся артель, хотя во многих случаях на него и не падает прямой ответственности за некоторые убытки артели. Как бы в награду за все это, он исполняет те или другие артельные работы только по своему личному усмотрению и желанию. Ему мажут возы, запрягают и выпрягают волов, пасут их и поят другие члены артели. Кроме того, атаман получает большею частью – также за свои особенные труды и хлопоты – по пяти рублей с каждого участвующего в артели хозяина как бы в виде награды. Разумеется, со своей стороны атаман старается быть примерным работником и точным исполнителем чумацких обычаев и установлений. В противном случае ему всегда грозит замена другим лицом, немедленная или по возвращении домой, смотря по тому, налицо ли бывают главные члены-хозяева (отцы) других возов или нет. Атаман вместе и казначей.

Ближайшим и единственным помощником атамана считается есаул. Это, так сказать, вице-атаман, первый кандидат на атамана. В случае болезни, смерти или отсутствия атамана есаул входит во все права этого последнего, но при нем он не играет никакой существенной роли и только в числе других бывает чем-то вроде депутата от артели при закупках, продажах и вообще при торговых следках и договорах атамана. Есаул поэтому не получает никакого особого вознаграждения и не пользуется никакими особенными правами и преимуществами пред другими членами артели. Он такой же, как и все другие, член валки, хотя и выбирается, подобно атаману, валкою или, вернее, теми хозяевами, которым принадлежат волы и возы.

В каждую валку входит средним числом от 10 до 15 хозяев, имеющих по одному, по два и более возов. Такие члены-хозяева или сами отправляются чумаковать, или же посылают от себя полномочных, большею частью «парубков», часто своих семейных и редко наемных. Иногда несколько родственных семейств посылают от себя по возу и одного чумака от всех. Но

будут ли в валке участвовать сами хозяева или их уполномоченные, положение членов артели и в том, и в другом случае ничем существенно не разнится. Все они – равноправные члены артели и как таковые несут известного рода обязанности. Они должны участвовать одинаково, наравне с другими во всех работах и службах артели, чередоваться по порядку в особенно положенных случаях. Так, например, при отдыхах, на привале и ночлеге очередные чумаки, назначаемые атаманом в известном порядке посуточно, обязаны пасти, поить волов и сторожить их днем и ночью. Для этого назначается обыкновенно по два или по четыре очередных, смотря по обстоятельствам, по степени опасности, по местности и проч. В случае пропажи скота или потравы хлеба этим последним ответственность падает на очередных. Атаман и остальные члены валки остаются тут совершенно в стороне, и только по просьбе атамана и согласию всей валки убытки в подобных случаях иногда разлагаются на всю артель. Замечательно, между прочим, в этом отношении то обстоятельство, что, кроме денежных вознаграждений и уплат, никаких наказаний как в этих случаях, так и вообще при разных провинностях чумаков не бывает... Уход за больными членами считается необходимою обязанностью всей валки, но расходы по лечению больной должен вести на собственный свой счет.

Все денежные расходы валки, как-то: покупка дегтя, плата за попас, за «грабли» (гати), переправы и проч., – производятся на общий счет артели атаманом, у которого всегда обыкновенно хранятся все наличные деньги артели и документы. Сюда же входит и закупка провизии в тех случаях, когда ее не достает, так как каждый из чумаков запасается провизиею на все время чумачества в определенном количестве.

Весьма интересно распределение между отдельными членами валки тех выгод, которые выпадают на долю всей артели. По отношению к расходам на волов каждый член валки вносит в общую сумму расхода пропорциональный количеству принадлежащих ему паровиц пай. Выручкою от продажи хлеба или картофеля, забираемых чумаками на дому, каждый участник валки пользуется совершенно самостоятельно: сколько и за что продаст, тем и пользуется. Точно так же каждый чумаки сполна получает всю выручку от продажи купленной им соли. Но в этом последнем отношении у чумаков существуют следующие правила и обыкновения: каждый чумаки набирает столько соли, сколько повезут его вола и насколько хватит у него денег, и притом какой сорт, какой ему заблагорассудится. Но продажа соли производится потом не отдельно каждым чумаком. Во избежание какой бы то ни было конкуренции чумаки продают всю соль сообща, начиная по обыкновению с заднего воза. Продажа производится, таким образом, в разных местах и по разным ценам, пока чумаки не продадут всего предназначенного к продаже количества соли

по пути из Крыма в Пирятинский уезд. Все деньги от продажи поступают в общую сумму выручки. Затем самый дележ выручки производится пропорционально сортам и количеству соли у каждого хозяина. Каждый член получает столько денег, сколько продано у него соли, причем принимается во внимание и самый сорт соли. Независимо от того, по каким бы там ценам не продан был известный сорт соли, общая выручка делится обыкновенно на количество пудов всей проданной соли этого сорта, и затем уже каждый получает свою часть за проданную собственно из его возов соль по этой средней цене. Таким образом, если один, например, продал пятьдесят пудов «арнаутки», а другой десять, то каждый из них и получает только такую сумму денег, которая соответствует количеству пудов по средней цене.

VI

Таковы-то чумацкие артели в их прошедшем и настоящем. Ширина замысла и справедливость лежащего в основе их принципа составляют отличительные черты этих оригинальных созданий народного ума. И тем не менее, несмотря ни на эти черты, ни на блистательное прошлое и разительное настоящее этих артелей, нам приходится заживо хоронить их вместе с таким интереснейшим явлением народной общественной жизни, как чумачество. Чумачество – отживающая форма народной жизни, и неудивительно поэтому, если, сходя постепенно со сцены, оно уносит вместе с собою и свою артельную организацию. Еще один шаг вперед, еще два-три десятка годов новой жизни – и от чумачества и его артелей останутся одни воспоминания, одни слабые следы. Оно окончательно утратит свою живучесть, уступив место другим комбинациям народной жизни. Его артели перестанут существовать, хотя народный ум и не перестанет, конечно, созидать новые социальные явления в этом роде...

Нет никакого сомнения, что исчезновение чумачества и его артелей соединено самым тесным образом с общим осложнением народной жизни. Выше мы отчасти уже указали, как в постепенно развивавшуюся экономическую жизнь южнорусского народа внедрялся новый строй торговых отношений и всасывались капиталистические стремления и как этот строй и стремления отразились на чумачестве и его формах. Рядом с чумаком, с этим чисто народным торговцем, явился купец, привилегированный торговец. Рядом с торгово-извозными артелями, формами лучших человеческих отношений и справедливости, явилось просто капиталистическое накопление, исключаяющее самую возможность равноправных отношений. Но суть новых жизненных осложнений заключалась и заключается только наполовину в этом. Появление купечества как особого класса, и в особен-

ности «жидов-рындарей», которые в свое время держали в руках почти все экономические судьбы южнорусского народа, только подготовили дальнейший ход дел. Как только капитал вошел в жизнь и произвел некоторые изменения в ее строе, – его дальнейшее увеличение и расширение его поля деятельности пошло с возрастающей быстротой. Капитал рос и сосредоточивался в относительно немногих руках, и к его накоплению естественно было приложить тот же самый принцип ассоциации, какой действовал и по отношению к торговым чумацким артелям, но только в иных формах и в более узких житейских рамках. Таким образом, когда появились новейшие изобретения в применении к путям сообщения и усовершенствования перевозочных средств, капиталисты не замедлили воспользоваться этими изобретениями и усовершенствованиями и, ассоциировав прежние способы капиталистического накопления с новыми, нанесли последний удар чумачеству. В этом заключается главнейшая причина разрушения чумачества и его форм. Самый сильный удар южнорусскому чумачеству, конечно, нанесен был проведением на юге России железнодорожных путей по направлению к важнейшим торговым пунктам и административным центрам – к Одессе, Ростову-на-Дону, Таганрогу, Кишиневу, Владикавказу и др. Чумачеству не воскреснуть уже после того, как были проведены такие железные дороги, как Одесская, Кишиневская, Севастопольская, Таганрогская, Ростовская и проч., и если оно сходит со сцены постепенно и с упорной борьбой, то это зависит, главным образом, от самого его характера, от живучести тех основных артельных форм, которые всегда составляли его главную силу.

Сожалеть о таком разрушении народных форм как-то не приходится, зная силу исторических условий и обстоятельств в их постепенной преемственности и связи; но, всматриваясь поглубже в самый процесс этого разрушения, поневоле приходишь к крайне невеселым выводам и обобщениям. На деле видишь, что одни, часто народные формы заменяются другими, но уже далеко ненародными и что конечный результат этих изменений ни в каком случае нельзя подвести под ту формулу, которая выражается в словах «общественная польза», «народное благо». Когда существовало чумачество с его артельными формами и народной организацией, тогда результаты торгово-извозной деятельности чумаков все-таки распределялись с большою или меньшею равномерностью в народной массе, в большинстве населения. Зарабатывало, положим, собственно чумачество, но то же самое чумачество составляло и народ, его неотъемлемую, кровную часть. Когда же на месте чумачества явилось купечество с его капиталами, торговыми и акционерными обществами, пароходными и железнодорожными товариществами, тогда образовался целый класс людей, класс совершенно чуждый народу, привилегированный, обособленный в корпоративное сословие. Это уже не

сыны народа, это – его господа и капиталисты. Народ от этой замены не выиграл, а проиграл. Вместе с утерей торговли из своих рук он утратил один из важнейших факторов своей экономической жизни, став в известную зависимость от совершенно чуждых ему, его жизни, нравам и привычкам людей. Этого мало. Народ должен был до известной степени утратить и самую практическую сноровку и понимание, необходимые в таких случаях. На наших глазах произошел весьма характерный факт в этом последнем отношении. Не далее как в последнюю русско-турецкую войну настоящие сыны народа оказались ловкою игрушкой в руках разного рода аферистов и современных представителей капитала. Мы говорим о малороссах-погонцах, которых с таким бесстыдством и бесчеловечностью эксплуатировали поставщики подвод в Дунайской армии. Законтрактовавши погонцев на дому, эти капиталисты затащили их за тридевять земель и здесь лишили многих из них последнего, может быть, скота, поставили их на самом театре войны в такое нищенское безвыходное положение, которое не позволяло им даже возвратиться домой, и отправили, конечно косвенным образом, не одного из них на тот свет. Будь на месте погонцев чумаки, тогда, понятно, дела не приняли бы такого оборота. Знающий и практичный чумаки не дал бы надуть себя таким наглым образом, и если бы армия имела дело непосредственно с чумацкими артелями, тогда, разумеется, и этой последней не пришлось бы терпеть тех невзгод и нужд, какими ее окружили разные Варшавские, Коганы, Грегеры, Горвицы и другие господа, им же числа несть. И вот именно чумаков и их образцовой исторической сноровки и практичности не оказалось. Та среда, которая раньше выделяла этих исторических возчиков, дала только непрактичный, безответный люд, бесцеремонно обобранный капиталистами. Факт поучительный. Он рельефно указывает на ту громадную пропасть, которая легла уже между отживающими формами чисто народной жизни и ростом буржуазных осложнений. Но тут важно даже не то, что эта пропасть уже существует, а то, что она все более и более увеличивается. И было бы, конечно, крайне прискорбно и неутешительно замечать одни такие явления, если бы не существовало никаких шансов на лучшее, если бы не было веры в народный ум, силы и развитие.

2. Забродческие ватаги

I

«Забродческими ватагами» называются в южной России рыбацьи артели. Такое название эти артели получили от слова «заброд», которое приблизительно означает рыболовство, рыбачество. По производству же от этого слова

и самые участники артелей называются «забродчиками», хотя, впрочем, под этим именем известны на юге России и вообще рыболовы.

Но и забродчики, и их своеобразные ватаги – достояние истории, продукт прошедшего. То, что можно найти в настоящее время в этом отношении, составляет только переходные формы раньше существовавших явлений, только последующую ступень в развитии одной из сторон экономической жизни народа. Из истории известно, что берега Азовского моря и северные побережья Черного с их заливами, лиманами и низовьями впадающих в них рек издавна служили приманкою для южнорусского племени, что в эти места русские отправлялись целыми партиями и товариществами на рыбные промыслы, что такие партии и товарищества послужили, по всем вероятностям, ячеичными формами для образования Запорожской Сечи и что, наконец, эта последняя ежегодно организовывала многочисленные забродческие ватаги для рыболовства как в пределах своих владений, так даже и вне их. Стало быть, для того чтобы лучше уяснить себе настоящий склад и характер современных забродческих артелей, необходимо предварительно ознакомиться с предшествовавшими им историческими формами, а также отчасти и с самим южнорусским рыболовным промыслом.

Рыболовные промыслы Азовского моря и северных побережий Черно-го занимают собою довольно обширное пространство вдоль берегов этих морей, начиная с Анапы и устьев Кубани и заканчивая устьями Прута включительно. В состав этого района входят, таким образом, все места, получившие историческую известность своими рыбными ловами. Так, если разделить Азовское море на две области – восточную и западную, то к восточным берегам этого моря будут примыкать, между прочим, следующие рыболовные места: Таманский полуостров или древняя Тмутаракань с устьями реки Кубани, Бугазским и Ахтанизовским лиманами, далее на север ачужевские ловы и Сладкие лиманы, еще далее ахтарские и брыньковские ловы с Брыньковским лиманом и рекою Бейсуг, затем Камышеватская и Долгая косы, Ейский лиман и, наконец, устья Дона. В западной области по берегам того же моря будут находиться: таганрогские, мариупольские и бердянские ловы, далее арабатские по Арабатской стрелке и, наконец, знаменитые керченские ловли. Отсюда начинается уже область собственно черноморских рыбных промыслов. Рыболовство в слабой степени существует вдоль всего крымского берега, в более сильной около таких мест, как Феодосия и Севастополь, но настоящее, достопамятное для русских своим историческим прошлым рыболовство находится собственно в области Днепра, Буга, Днестра и Прута. Сюда принадлежат ловли по низовьям Днепра и Днепровского лимана, кинбургские и одесские, затем на Днестре, его лимане и Пруте. До севастопольской кампании России принадлежала также богатая рыбо-

ловством Дунайская область, отошедшая снова к России после последней русско-турецкой войны. Кроме того, существует целая масса других, более мелких рыболовных мест, разбросанных по всему описанному выше району и тянувшихся вверх по большим рекам мест, частью утративших свое прежнее значение, а частью совершенно исчезнувших.

Главнейшие из вышеуказанных мест были известны своими рыбными ловами в самой глубокой древности. По словам Геродота, грекам был известен Борисфен, или нижний Днепр, своими осетрами как предметом торговли. Ольвийские осетры, приготовлявшиеся в колонии милетских греков, Ольвии, находившейся при впадении Буга в Днепровский лиман, «так ценились в Греции и Риме, что, по сказанию современных историков, их подавали невольники, увенчанные цветами, при звуке флейт на блюдах, украшенных букетами»¹. Страбон упоминает о рыбе, ловимой в устье Танаиса или нынешнего Дона и на берегах большого и малого Рамбитиса или теперешних Ейского и Ачуевского лиманов. Древняя Пантикапея, или нынешняя Керчь, славилась своими балыками. Как рыболовные места известны были также Согдай, или Солдай (Судак), и Херсонес Таврический, или нынешний Севастополь. Наконец, древним известен был и Тилигульский лиман как рыболовное место, где существовала колония Ордисос². О южнорусских рыболовных местах упоминают затем писатели XII, XIV, XV и XVI столетий. Когда в XIII и XIV столетиях итальянцы основали свои колонии на южном берегу Крыма и в устьях Дона, «то в числе главных статей своей отпускнуой торговли они считали и рыбу в разных ее видах»³. Русские также, надо полагать, искони знали и ценили рыболовные места Азовского моря и северных побережий Черного. За это говорят такие исторические факты, как существование Тмутараканского княжества, торговый путь в Грецию, походы Святослава и проч. Но настоящее более или менее постоянное и регулярное эксплуатирование русскими азовских и черноморских рыбных ловлей началось только с XVI века. По словам Костомарова, из исторических актов конца XV и начала XVI веков видно, что южноруссы «издавна имели обычай отправляться весною к порогам и за пороги (Днепра) ловить там рыбу и зверей». Здесь, организовавшись в ватаги, они занимались не только рыболовством и звероловством, но предавались разбоям и грабёжам.

Отличительная черта рыболовных артелей этого периода, как и вообще всех других артелей того времени – охотничьих, чумацких и др., заключалась в том, что они носили чисто военный характер и организацию. Черта эта обуславливалась тогдашними беспокойными обстоятельствами. Соб-

¹ Скальковский А. Опыт стат. опис. Новор. края. Ч. 11, с. 395.

² Там же. С. 394–398.

³ Там же. С. 401.

ственность в это время не пользовалась теми правами гражданства, какие она получила впоследствии. Результаты годовичного труда в несколько часов грабежа становились добычею воина. Сама человеческая жизнь вообще была плохо застрахована от разного рода случайностей. Благодаря всему этому забродческие ватаги того времени должны были преследовать разом две одинаково важные цели – промысловые и охранительные. Забродчики, кто бы они ни были – мирные ли промышленники, или же беглецы и гайдамаки, – должны были разом и ловить рыбу, и беречься от того, чтобы не сделаться самим добычею каких-нибудь татарских наездников. Рыболовная сеть и рыбацья лодка не могли существовать без покровительства ружья, сабли и пики, и плох был тот промышленник, который не умел с одинаковою ловкостью владеть и лодочным веслом, и ружьем или саблею. Все это считалось тем необходимее, если артель, кроме своих промысловых целей, преследовала и такие, как грабежи и набеги. Вполне естественно поэтому, что тогдашняя забродческая ватага носила совершенно военный, строго дисциплинированный строй и организацию. Во главе ватаги, по обычаю того времени, должен был стоять атаман, лицо выборное, но пользовавшееся в некоторых случаях неограниченною властью. Каждый из членов должен был точно исполнять постановления всего товарищества вообще и распоряжения атамана в частности. Без этих двух условий немислимо было самое существование ватаги, потому что в противном случае она не устояла бы пред дружным напором разного рода враждебных случайностей. То обстоятельство, что ватаги составлялись из всевозможных искателей приключений и отважных, предприимчивых вояк, указывает также и на полнейшую равноправность членов. Иначе, по крайней мере, нельзя представить себе артелей этого рода, тем более что они были вполне аналогичны с такими формами, как гайдамацкие шайки последующего времени, и несомненно легли в основу такой могущественной общины, как Запорожская Сечь.

Последующие затем формы забродческих ватаг, существовавшие во времена последней Запорожской Сечи, видимо, уже значительно разнятся по своему характеру от только что описанных. Дело в том, что для рыболовных артелей в это время не было уже тех приволий и простора, какие существовали раньше. Низовьями Днепра и лучшими рыболовными местами владел уже такой полновластный и крутой хозяин, как Запорожская Сечь. Для запорожцев рыбные ловы представляли видную статью их общественного и частного хозяйства, и для лучшего эксплуатирования их Сечь ввела поэтому всюду строгие и однообразные порядки, далеко, конечно, недружелюбно разделявшаяся с теми, кто дерзал нарушать эти порядки. В начале каждого нового года запорожцы обыкновенно бросали «лясы», то есть кидали жребий, на все те рыбные уголья, которые находились в пределах их владений, распределяя

таким образом их с известною равномерностью между «товариством». Но, по словам Скальковского, некоторые запорожские паланки, то есть «вооруженные посты», нарочито устраивались даже вне запорожских владений с тою целью, чтобы покровительствовать рыболовам и поддерживать в среде их известный порядок. Таковы были Ингульская, Бугогардовская и Кальмиусская паланки. Каждая из этих паланок управлялись особым полковником и двумя старшинами с командою. Главный рыбак или надзиратель над рыболовством в одной из таких паланок назывался «гардовничим» от слова «гард», то есть яз или запор для рыбы; в непосредственном ведении гардовничего находились как все рыболовы паланки, так и «таровничие», управлявшие «таром», то есть неводом. Вообще же рыболовные ватаги Запорожской Сечи по своей организации, надо полагать, были двух родов: 1) организовывавшиеся собственно из запорожцев и 2) так называемые тафы. «Тафы или рыболовные партии, – по словам Скальковского, – управлялись “господарями” (хозяевами), которые обыкновенно принадлежали к числу известных куренных хозяев. Такие партии были постоянным пристанищем не только казаков, но и всякого рода бродяг или аргатов (поденщиков), не хотевших записываться в войско, чтобы не брать билетов или паспортов и не отбывать повинностей. Кош строго воспрещал держать таких людей, но хозяева неводов находили средства скрывать своих работников при посещении есаула или другой объездной команды. Неводы (т. е. рыболовные сети, а вместе и притоны¹ для ловли) были отчизною и истинным гнездом гайдаматства, ибо зимою праздные и к опасной пьяной жизни привыкшие бурлаки от разврата, нужды и подговора злодеев пускались, ожидая весны, на жизнь бродяжническую и преступную. Но должно отдать им справедливость, что там же формировались и те отличные мореходы и лодочники, которыми в древние времена славилось Запорожье. Там войско набирало свою пехоту на лодки и лоцманов для своих порогов»². Что же касается другого сорта ватаг, организовывавшихся из самих запорожцев, то они, по всей вероятности, носили несколько коммунистический характер. Рыболовные снаряды, вероятно, были общими, дележ добычи равномерным, права членов равносильными.

Как бы там ни было, впрочем, но запорожцы, унаследовав древнюю организацию рыболовных ватаг, должны были удержать эту форму труда до самого разрушения Запорожской Сечи, как удержали они прототип этой организации во всем строе своей жизни. Когда остатки запорожского казачества были переселены на Кубань, в Черноморию, переселенцы занесли вместе

¹ Это объяснение Скальковским слова «невод» едва ли верно, судя по тому, что впоследствии у черноморцев, прямых наследников запорожцев, в смысле притона употреблялось одно слово «заброд» или позже «завод»; «неводами» же назывались одни рыболовные сети.

² Скальковский А. Ист. Новой Сечи. Т. 1, с. 232–234.

с собою и в эти места обычай производить рыбную ловлю ватагами. Днепр, как известно, составлял главнейшую арену деятельности запорожского казачества, и забродческие ватаги и в настоящее время покрывают его от устьев далеко к верховьям. Нам неизвестно происхождение донских забродческих ватаг, но их однохарактерность и связь вообще с южнорусскими рыболовными ватагами не подлежат ни малейшему сомнению. В них, как и в этих последних, сохранились основные черты запорожско-сечевой организации с атаманом во главе. Таким образом, забродческие ватаги сделались основной и главной формой рыбного промысла в южной России. В настоящее время их можно найти на всем пространстве берегов Черного и Азовского морей, начиная от Анапы и оканчивая устьями Дуная. Одним словом, они встречаются по берегам наших южных морей во всех тех местах, где живет или куда заходит на заработки, «в заброд», малорусское население, а также на рыболовных промыслах таких рек, как Днепр, Дон и пр.

II

Забродческие ватаги в современной нам форме организуются в южной России по одному и тому же типу. В них странным образом соединены интересы капиталиста-предпринимателя и рабочих-артельных. Они представляют собою настолько же артели, насколько и капиталистические предприятия. Обыкновенно каждая такая артель состоит из хозяина-предпринимателя и артельных-забродчиков. Хозяин обязывается поставлять на артель рыболовные снасти и муку для пищи; со стороны же забродчиков требуется одна рабочая сила; внутренний распорядок артели целиком зависит от самих забродчиков или, вернее, от существующих на этот счет обычаев; добыча делится пополам между хозяином и артелью. Такова общая типическая форма южнорусских забродческих ватаг. В разных местах, разумеется, эта форма принимает те или другие, весьма, впрочем, незначительные видоизменения. Что же касается артелей, организуемых из одних только забродчиков, без всякого участия капиталистов-хозяев, то они встречаются весьма редко и большею частью очень ничтожны и по численному своему составу и по производимым ими операциям¹. Они составляют как бы исключение из общего правила. Поэтому мы обратим внимание, главным образом, на артели первого рода, более распространенные и, пожалуй, более живучие.

Забродческие ватаги шли рука об руку с историческими обстоятельствами, и их своеобразный характер вызван был чисто местными причи-

¹ Артели с подобным характером нам приходилось встречать в Ейском уезде Кубанской области в районе так называемых брыньковских рыбных промыслов. Они составлялись казаками из двух-трех, много-много четырех или пяти хозяев и носили характер простого сотрудничества соседей или односельцев, причем и труд, и капитал равномерно ложился на всех членов.

нами. Дело в том, что они всегда составлялись, главным образом, из людей бездомных и беспаспортных. Одного уже этого обстоятельства было достаточно для того, чтобы рыболовные ватаги приняли с течением времени полуартельный оттенок. Различного рода пришлецы точно так же, как уходящий и в настоящее время на отхожие промыслы люд, очевидно, не имели ни средств, ни прав заниматься рыбным промыслом в чужих для них местах. Хозяин, таким образом, с рыболовными снастями и правом ловли являлся необходимым лицом для предприятия, и забродчики становились в известные к нему отношения и зависимость. Ватаги, следовательно, теряли свой чистый артельный характер. В этом отношении забродческие ватаги позднейшего времени имели много общего с запорожскими «тафами». Так шло дело, например, в Черномории, значительная часть населения которой, как известно, образовалась из разного рода Иванов, не помнящих родства, бродяг и беглецов. На всем протяжении принадлежавших ей берегов Черного и Азовского морей, от Анапы и до города Ейска и станицы Старо-Щербиновской, то есть на расстоянии нескольких сот верст, были устроены в ней так называемые рыболовные заводы. Это были простые, незатейливые, почти целиком ушедшие в землю лачужки или, как называются они на месте, «землянки». Здесь обыкновенно жили забродчики, народ в большинстве случаев беспаспортный и бездомный; здесь же хранились разного рода «сошила», «буты» (довольно большие деревянные чаны), «неводы», «крючья», «вентери» и проч.

Таким образом, благодаря тому обстоятельству, что в забродческие ватаги шел, главным образом, бездомный, ничем не обеспеченный люд, – артели этого рода почти с самого своего возникновения были поставлены в полную зависимость от хозяев-предпринимателей. Только буйный и неуступчивый забродчик сумел отстоять вместе с этим и свою вольную организацию артели. Хозяева обладали рабочими средствами и правами; забродчики являлись рабочей силой. Смотри по тому, каким способом производилась ловля рыбы, и самые ватаги можно разбить на несколько групп. Наиболее распространенные из них были ватаги, производившие рыбную ловлю неводами и «волокушами». Другую, не менее распространенную группу представляли ватаги «крючников», производивших лов рыбы посредством крючков или самоловов. Наконец, третью и последнюю группу представляли ватаги забродчиков, ловящих рыбу так называемыми «вентерями». Это, впрочем, была самая малозначительная группа, и ватаги, входившие в ее состав, были весьма малочисленны по своему составу, но в этой группе встречались артели в более чистом виде, без хозяев-промышленников. Встречались, кроме того, артели так называемых «таловирщиков», занимавшихся собственно обработкою рыбы – солением, копчением и проч.; но эти артели были просто

самыми обыкновенными компаниями кулаков, производивших зачастую все свои операции при помощи наемных рабочих.

Артели набирались два раза в год – раннею весною и в начале осени. В нашей памяти осталось несколько характеристических сцен из бывшего прошлого черноморского войска, сцен, представлявших собою набор и организацию забродческих ватаг. Набор обыкновенно производился частью в кабаках, а частью на дому или в квартире атамана. Самый процесс комплектования артели происходил таким образом. Предприниматель-хозяин, становившийся впоследствии атаманом, или же известный атаман, «приговоренный» рыбопромышленником, объявлял «хлопцам» в кабаке, возле «сборни», то есть станичного правления, а то и просто при выходе из церкви о том, что он набирает ватагу, подговаривал знакомых и незнакомых забродчиков, сообщал им те условия, в каких должна была состоять артель по отношению к хозяину, потребное количество членов и назначал для окончательной организации ватаги в известный день общий сход желающих в кабаке или у себя на дому, что случалось сравнительно чаще. Утром в назначенный день, большею частью в праздничный или воскресный, забродчики собирались на дом или квартиру атамана, захвативши с собою и тех, которых они «присогласили», помимо атамана. Здесь они рассаживались обыкновенно по лавкам вдоль стенок, причем атаман и хозяин или хозяйка, если они были налицо, занимали самое почетное место у стола. Когда все предполагаемые лица оказывались в сборе, первым начинал говорить атаман. Он сообщал условия, в какие должна была стать ватага по отношению к хозяину, место рыболовства и проч. и в заключение ставил вопрос в такой форме: «Ну, шо ж, хлопцы! Чи вси вы согласни на те, шо я сказав, чи ни? Як шо ни, то кажить!» Наставала минутная тишина, предвещавшая в большинстве случаев одну из тех шумных сцен, какими обыкновенно отличаются народные сходы и совещания. «Согласны!» – отвечали забродчики, если дело было для всех ясно и хозяйские условия подходящими, и тем не менее начинали громогласно обсуждать предстоящее им дело. В противном случае забродчиками ставились вопросы и следовали ответы со стороны атамана или хозяев. Чрез несколько времени, когда шум и гул голосов маленько стихал, а атаман успел переговорить со всеми теми, которые согласились «идти в заброд» к приглашающему хозяину, – атаман снова провозглашал: «так давайте ж, хлопцы, молиться Богу та запивать могорыч». Забродчики поднимались с лавок, становились лицом по направлению к иконе, крестились и отвешивали поклоны, и затем те, кто вступал в артель, подходили к атаману или хозяину и били по рукам. Этим и заканчивался договор между хозяином или его представителем и забродчиками. Вслед за этим на столе являлись «сулия», то есть большая бутылка с водкою и хлеб с солью. Это

был магарыч, который всегда ставил хозяин или атаман на хозяйский счет. Магарыч распивался обыкновенно всеми присутствующими в хате, независимо от того, шли ли они «в заброд» или нет.

Дальнейшая организация ватаги производилась уже во время и после распития магарыча. Вернее, она слагалась сама собою как обычай, как раз установленные и освященные временем отношения. Раз набиралась ватага, внутренняя ее организация подразумевалась сама собою. После атамана, которого в большинстве случаев забродчикам приходилось только «признать», утвердить, а не выбирать, избирались писарь и кухарь. Иногда, впрочем, случалось и так, что атаман избирался из среды забродчиков независимо от того уполномоченного хозяином забродчика, который набирал ватагу. В таких случаях хозяин-предприниматель бывает обыкновенно вкладчиком только капиталом. Вообще же комплектование артели редко производилось самими хозяевами. Их место в большинстве случаев занимали уполномоченные, становившиеся потом почти всегда атаманами, и только в тех случаях, когда атаман был и хозяином, артель набиралась самим хозяином. Поэтому и артели также были двух родов: в одних хозяева участвовали в качестве только капиталистов, в других – в качестве капиталистов-предпринимателей и рабочих наряду с другими. Тем не менее и в первом, и во втором случаях артельные порядки – одни и те же. Разница заключалась только в дележе добычи. И в первом, и втором случаях на долю хозяина всегда шла половина добычи, но во втором он получал, кроме того, свой «заработанный» пай как атаман.

Вообще относительно условий и обязательств между хозяевами и забродчиками существовали раз навсегда установленные правила, освященные обычаем и перешедшие в традиции. Добыча всегда делилась пополам между хозяином и артелью. Но смотря по месту и времени, хозяева выговаривали, кроме того, в свою пользу некоторые привилегии и доходы. Сюда относились так называемая «красная тоня», вознаграждение за раньше приготовленную хозяином муку для пищи забродчиков и проч. Красною тонею называли первый улов. Он всегда шел в пользу хозяина и сопровождался некоторого рода церемониями. «Волокушу» или невод везли, например, на волах к месту лова, причем на неводе непременно должна была сидеть хозяйка. Самая выгрузка невода или волокуши с рыбою сопровождалась щедрым угощением водкою со стороны хозяина. Красная тоня всегда считалась весьма выгодной статьей, и хозяева зачастую одною красною тонею оплачивали все издержки, например, по ремонту рыболовных снастей.

Таковы были в общих чертах отношения ватаг к их хозяевам. Такими они остались в большинстве случаев и до настоящего времени. Несмотря на то, что количество и размеры самых ватаг значительно сократились в настоящее время благодаря сильному упадку рыбного промысла, – их образование,

зависимость от капитала, отношения к нему остались одни и те же. Точно так же организация и внутренние порядки забродческих ватаг остались неприкосновенными, в прежнем их виде.

Каждая ватага состоит обыкновенно из забродчиков, атамана, писаря и кухаря. Атаман – глава и представитель ватаги. В редких случаях он избирается забродчиками или заменяется по желанию их другим. Являясь организатором ватаги сам или по поручению хозяина-предпринимателя, он становится потом силою обстоятельств в положение представителя ватаги. Атаман – лицо всегда известное в околотке. Он должен быть опытен, честен и неутомим в работе. От него всегда требуется не только обыкновенное знание дела и сметливость, но и долготелая практика наряду со знанием и уважением внутренних порядков и обыкновений ватаги. На деле он – неограниченное лицо, в некотором роде диктатор, и такое положение атамана обуславливается в большинстве случаев самим делом, как, например, в том случае, когда ватага бывает застигнута бурей на лодке в море. За свои труды атаман всегда берет два пая обыкновенного рабочего-забродчика: один пай как работник, другой – как атаман – за те особые заботы, которые требуются от атамана.

В положении писаря или кухаря нет ничего особенно замечательного, исключительного. От писаря обыкновенно требуются два условия: знание грамоты и известного рода честность как гарантия исправного и добросовестного ведения записей. Но он так же, как и все другие забродчики, должен «тянуть лямку» и исполнять обычные работы рядового забродчика. Может быть, поэтому писарь всегда пользовался некоторого рода почетом и уважением. Это свой же брат забродчик-труженик. Точно таково же положение в ватаге и «кухаря», то есть кашевара, повара. Он должен знать хорошо свое дело и исправно вести его. Он – обыкновенный забродчик-рабочий, приуроченный к специальной работе. Иногда, кроме кашевара, в ватагах бывает еще особенный помощник его. Такие помощники встречаются в рыболовных ватагах на Донце и носят название «козлов». «Козел» заменяет собою кухаря в случае болезни этого последнего, а в обыкновенное время служит ему помощником, исполняя все его распоряжения и приказания по части кухни.

Наконец, основную силу ватаги составляют забродчики. Забродчиком может быть всякий, способный вынести иногда непомерный труд южнорусского рыболова, хотя, в силу уже естественного хода обстоятельств, ватаги состояются всегда из людей, более или менее знающих друг друга. Тем не менее личный состав забродческих ватаг бывает довольно разнообразен. В ватаге можно встретить и малоросса, и великоросса, и грека, и молдаванина, и армянина, и татарина, смотря по месту рыболовства. Это своего рода южнорусская вольница с тем отличием от поволжской, что в состав ее входят иногда не одни труженики-рабочие, но и лица из привилегированных клас-

сов. Здесь, по крайней мере в прежние, близкие еще к нам времена, можно было встретить и офицеров, и чиновников, и «убоявшихся бездны премудрости» семинаристов, и исключенных дьячков и недоучившихся гимназистов. Тут в былые времена находили притон дворянские и купеческие дети наряду с детьми «сиволапого мужика» или горделивого казака. В национальном отношении преобладающим элементом всегда были и есть малороссы.

Истые забродчики – народ вольный и разгульный. Это в большинстве случаев или бобыли, или же бездомный, зашедший издалека люд. Это, как мы выразились выше, представители южнорусской вольницы, вольницы, между прочим, совсем уже сходящей со сцены и целиком переходящей в настоящее время в более мирных и вместе с тем в более зависимых, подчиненных капиталу труженников. Забродчик былых времен – отчаянная, разудалая голова. Его можно было сразу заметить и отличить от остального люда и на ярмарке в «ятках» (палатках для продажи водки и вин) или в трактирах, и в станицах у кабака или лавки, и на базаре, и на толкучке. Здесь в день или два спускал он свой годичный заработок; здесь он ставил последнюю копейку ребром; здесь он напивался сам, поил других, безобразничал сам и заставлял других подражать ему. Шелковый платок служил ему «онучами» (портянками), целая штука ситцу или какого-нибудь сатину обращалась в пояс, богатая шаль заменяла шапку, и вообще весь костюм представлял смесь дерюги с дорогими материями. Удалая песня, дикая пляска и крепкое словцо служили своего рода эстетическими удовольствиями. И все это приправлялось обыкновенно сивухой, смешиваемой иногда с самыми дорогими винами. Разгулявшийся забродчик не хотел знать властей, не признавал ни паспорта, ни каких приписок, а жил постоянно в ватагах, руководясь в своей жизни единственно традициями и правилами, выработанными ватагами исторически. Временами он показывался, как метеор, между более мирными гражданами и, накуралесивши здесь порядком, снова скрывался куда-нибудь в заводы или «плавни», то есть низменные места, заросшие камышом, кугой и другими водяными растениями. Если же в убежище забродчиков заглядывала полиция – какой-нибудь становой или разъездный (в Черномории), – удалец-забродчик запасался на скорую руку провизией и быстро исчезал на несколько дней на плавнях или же «садился на дуба» (большую рыбацью лодку) и скрывался с глаз в море, где и оставался на якоре до тех пор, пока флаг или другой какой-нибудь условный знак не возвещал ему минования полицейской бури.

В былые времена забродческие заводы и притоны вели свою собственную самостоятельную жизнь – жизнь, во многих отношениях своеобразную и оригинальную. Тут у них был и «царев кабачок», и мелкие лавочки, и Бог весть откуда забредший офеня. Водка лилась зачастую рекой... Кабатчики

поживались. Хозяева самым бесцеремонным образом пользовались обстоятельствами и продавали, со своей стороны, пьяным забродчикам всевозможные нужные и ненужные вещи за небывалые цены. Благодаря подобной легкой наживе рядом с забродчиками наживались и другие личности, рядом с забродческими «землянками» и «курениями» строились обыкновенно хаты и приспособлялись лавчонки и кабачки. Таким образом, получило начало множество селений прибрежных жителей. Так образовались, например, Ахтарский поселок, Гривенский и др. в Кубанской области.

Но все это, впрочем, «дела давно минувших дней». Представители современных нам забродческих ватаг большею частью обыкновенные труженики-рабочие, равноправные во всем, что касается внутренней жизни ватаги. Это в большинстве случаев пришлый на заработки люд, и типические забродчики былых времен встречаются между ними очень редко. То же можно сказать и о другом элементе прежних ватаг – элементе, состоявшем из привилегированных лиц. Зато в большем количестве стали входить в состав ватаг местные жители, что, конечно, находится в тесной связи с постепенным обеднением некоторых из них и с большим разделением и специализацией труда. Таким образом, забродческие ватаги в настоящее время состояются из двух элементов: местного и пришлого. В ватагах, существующих по Днепру, господствует местный элемент; в ватагах, производящих рыбную ловлю вблизи Одессы и Керчи, участвует наполовину местный, наполовину пришлый люд; в ватагах Кубанской области, действующих вблизи Ачуева, Ахтарей, Сладких лиманов и проч., точно так же оба элемента участвуют почти в равной мере, но здесь пришлый элемент очень часто живет десятки лет сряду и таким образом почти сливается с местным населением.

Вообще современные забродческие ватаги представляют собою более или менее установившиеся формы труда. Они держатся не на удалстве и разгуле забродчиков былых времен, но исключительно на выгодах артельного ведения дела. Между ними далеко реже встречается южнорусская вольница, реже забродит в них чиновник или купецкий сын, чем в ватагах былых времен, но зато тем более ценят их те постоянные труженики, которым они дают насущный кусок хлеба. К сожалению, кусок этот с каждым годом становится все более и более обглоданным. Южнорусский рыбный промысел находится в таком сильном упадке, в каком он вряд ли когда-либо находился. Рыбы в весьма многих когда-то рыбных местах буквально-таки нет. Некоторые из таких мест совершенно даже исчезли. Приточная вода убыла в весьма значительной мере, и тут очевидна связь между южнорусскими засухами и упадком южнорусских рыбных промыслов. В первом случае убыль воды роковым образом влияет на хлебопашество, во втором – на размножение рыбы. Черномория, когда-то классическая страна рыболовства и забродческих

ватаг, закрыла почти все свои рыбные заводы, которые могли давать в былые времена десятки тысяч одного войскового акциза за право ловли рыбы. По низовья Дона и прилегающие к ним в обе стороны берега Азовского моря пошли тем же путем. На Днепре рыбный промысел, по местному выражению ватаг, «пока держится». Околоодесские ватаги пробиваются большею частью одною скумбрией. Керченский рыбный промысел сильно сократился. Одним словом, благодаря, главным образом, тому обстоятельству, что частью вследствие культуры, а частью вследствие других условий леса южной России, плавни и болота начали исчезать, а вместе с ними стала исчезать и приточная вода, – главнейшие реки обмелели, второстепенные почти исчезли и рыба не имеет достаточно мест для метания икры, оплодотворения и вывода. Это обстоятельство и в связи с ним вообще антиэкономические, варварские способы южнорусского рыболовства буквально-таки вытеснили и уничтожили рыбу на южнорусских побережьях. Рыбный промысел пал, а с ним и количество забродческих ватаг значительно сократилось.

Таким образом, древние исторические ватаги забродчиков постепенно переходили и переходят в современные более мирные артели. Упадок рыбного промысла и изменение вообще колонизации и гражданских порядков в южной России влияли и влияют на этот переход двояким образом: на численный состав забродческих ватаг и на самый тип забродчика. С уменьшением общего количества ватаг уменьшился и самый их размер. В былые времена ватаги состояли из 30, 40, 50 и более человек; в настоящее время их численный состав едва доходит до 20 человек; в большинстве же случаев ограничивается 12 или 10 человеками, падая в иных местах до 7 и 5 человек. Это обстоятельство дало возможность мелким рыбопромышленникам чаще являться в качестве непосредственных организаторов ватаг, и тип атамана-хозяина встречается теперь чаще, чем в былые времена. Ватаги, так сказать, измельчали, вольница стала в них редкостью, и вместо разнокалиберного люда в ватаги стали идти жители, главным образом, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и др. ближайших губерний, а также Кубанской области и Донского войска. Заброд становится заурядною обыкновенною специальностью; а полуисторический тип забродчика-удальца отодвигается все далее и далее вглубь седой старины.

3. Артели запорожских охотников

Наряду с чумацкими и забродческими ватагами, в южной России издавна существовали и другие древнейшие формы типа Запорожской Сечи. К числу такого рода форм можно отнести артели запорожских охотников. К сожалению, последующая жизнь южной России не оставила ни ма-

лейших следов от этих артелей. Об охотничьих артелях не сохранилось даже воспоминаний. И только некоторые уцелевшие древние акты письменности дают кое-какие понятия о них.

Дело в том, что в последнее столетие южнорусский край претерпел весьма существенные изменения, которые коснулись даже таких его особенностей, как естественный наружный вид страны. Там, где прежде существовали степные речушки, болота и плавни, теперь можно найти одни «балки», буераки и впадины. Когда-то пустынный край представляет в настоящее время довольно населенную местность, и неудивительно поэтому, если человек изменил самый характер этой местности. Теперь нет уже тех степных привольий, какими славился юг России в былые времена, а вместе с исчезновением этих привольий естественно было исчезнуть и многим из тех обитателей животного царства, которыми также славился когда-то юг России. Теперь прежние приволья испещрены жилыми местами, и там, где прежде в изобилии водились лисицы, олени и др. ценные звери, господствуют лишь одни овражки. Таким образом, благодаря тому обстоятельству, что в южной России давно исчезли прежние звериные промыслы, вместе с ними бесследно исчезли и самые артели, занимавшиеся этими промыслами.

Судя по историческим актам XV и XVI в., артели звероловов-охотников принадлежали к числу древнейших артелей южноруссов, так как они, несомненно, предшествовали возникновению Запорожской Сечи. Хотя достаточных указаний относительно внутренней жизни и организации этих форм и нет, но несомненно также, что они отличались таким же складом, какой лег в основу самой Запорожской Сечи. Но о существовании артелей звероловов в этой последней остались более подробные сведения.

По словам Скальковского¹, в Запорожье существовал особый класс казачков, занимавшихся звериным промыслом. Это так называемые лисичники, то есть охотники за лисицами. Охотники эти занимались своим промыслом на артельных началах, имели по обычаю того времени своего атамана и куренное устройство и жили, главным образом, в Бугогардовской паланке. Так как куренная организация изображала в малом виде организацию самой Сечи, то, следовательно, артели запорожских охотников представляли совершенно однохарактерные с забродческими и чумацкими ватагами формы.

Лисичники занимались своим промыслом в течение целого года. Главным местом для этого промысла служили обширные степи Запорожья, и благодаря этому обстоятельству самые артели находились в полнейшем подчинении у Запорожского Коша, платя в войсковой «скарб» этого последнего, на церковь и на ту паланку, в пределах которой производилась охота, десятину лисьими мехами. Эти же меха служили частью тех подарков,

¹ Скальковский А. Ист. Нов. Сечи. Т. 1, с. 234–236.

которыми запорожцы ежегодно ублажали петербургский двор и придворных. Но главная масса лисьих мехов шла в Крым, служа довольно важною отраслью торговли с этим последним.

Обыкновенно партия лисичников под предводительством искусного охотника-вожака отправлялась осенью по берегам Буга в места, изобиловавшие пушным зверем. Здесь она рыла землянки и запасалась съестными продуктами на зиму, занимаясь самым промыслом в течение только того времени, когда бывают годны лисьи меха. Покончивши с охотой, артель отправлялась в «зимовник» какого-нибудь «грабаря», то есть кожевника, который и «чинил» для артели шкуры. И только обделавши окончательно шкуры, артель производила самый «дувань» их между членами.

Те же самые лисичники ловили также зайцев, волков и даже оленей, которыми изобиловали до 1760 года леса Заднепровского Запорожья. Как народ военный и подчиненный лисичники часто производили охоты со специальною целью для добычи разного рода дичи по требованию высшего начальства и петербургского двора. Но это были, так сказать, исключения в охотничьем промысле, отдельные, единичные случаи. Главною задачею запорожских охотников-промышленников было приобретение разного рода мехов, и лично для себя охотники даже не приноравливали охоту к добыче зверей как мясной пищи, питаясь по обыкновению своею излюбленною кашею и сушеною рыбою. Такой ригоризм был в обычае истых запорожцев, задавшихся известными определенными целями, и он был тем обязательнее для запорожца-охотника, что охотничьим промыслом занималась артель, изображавшая собою в малом виде «мать Запорожскую Сечь».

4. Общество днепровских лоцманов

I

Ниже города Екатеринославля, у порогов Днепра, и до настоящего времени существует еще несколько селений, населенных особенным сословием – так называемыми днепровскими лоцманами. Обязанности этих лоцманов состоят в проводе чрез пороги проходящих по Днепру судов, а самое основание их общества в настоящем его виде положено еще при Екатерине Второй. Давая настоящую организацию обществу днепровских лоцманов, Екатерина, в сущности, только видоизменила несколько то, что существовало уже с более отделанных времен. Начало существования нынешнего лоцманского промысла у порогов Днепра положили, собственно, запорожцы.

Играя роль посредника между Крымом, с одной стороны, и Малоросией и Польшей – с другой, Запорожская Сечь вела свою торговлю и направ-

ляла торговые транспорты двумя путями – сухим путем, чрез чумаков, и по Днепру. Несмотря на то, что главная масса товаров шла первым путем, Днепр играл также роль важного торгового пути. Этим путем запорожцы вели, главным образом, свою внутреннюю торговлю, которая производилась сначала с Малороссиею вообще, а после и с Ново-Сербиєю. По Днепру шли в Запорожье такие продукты и товары, как водка, хлеб и разного рода съестные припасы, табак, нити на невода, рыболовные сети, полотна, простые сукна и проч. Все эти товары или обменивались в последней Запорожской Сечи на соль, на турецкие бакалейные товары и вино, в особенности же на овечью шерсть и «смушки», главные предметы собственно запорожского хозяйства, или же просто продавались на деньги, которыми всегда были богаты запорожцы. Так как идущие в Сечь Днепром товары и продукты должны были проходить чрез пороги, лежавшие выше Запорожской Сечи, то для предупреждения опасностей на порогах запорожцы назначали из среды своей искусных и опытных лоцманов, которые и проводили чрез днепровские пороги отправлявшиеся в Сечь по Днепру суда. Как и везде, где запорожцы прилагали к делу не единоличный труд и оказывали услуги массою, они и здесь придали лоцманскому промыслу известную артельную организацию. Здесь произошло точно то же, что наложило особенный отпечаток на чумачество и рыбный или соляной промыслы: запорожцы придали труду артельную организацию в духе своей матери Запорожской Сечи.

Существенные черты лоцманской запорожской организации состояли в том, что она имела во главе атамана и ставила в известные соподчиненные отношения к нему остальных членов. Она, следовательно, носила характер служебной артели и, подобно чумацким, рыболовным или охотничьим ватагам, не лишена была некоторых, чисто военных дисциплинарных правил и обыкновений. В этом отношении она даже несколько отличалась от других однохарактерных с нею форм. Тогда как организация этих последних (напр., чумацких валок и забродческих ватаг) и комплектование в них членов были совершенно добровольным делом самих членов, – в лоцманскую артель участники прямо назначались Сечью. Лоцманов Кош обыкновенно избирал каждый год преимущественно из казаков Кодацкой паланки. Самые опытные из лоцманов жили со своими семействами в Каменке – селении, лежавшем ниже нынешнего Екатеринославля и выше днепровских порогов, отчего и самое селение получило впоследствии название Лоцманской Каменки.

Лоцманское дело всегда было делом не только трудным, но и крайне опасным, требующим значительной отваги, энергии, стойкости и выдержки. Лоцманами поэтому всегда были люди не только ловкие и опытные, но и твердые, с непоколебимым характером и волею. Самые запорожцы чрезвы-

чайно дорожили этими качествами в лоцманах и настолько вообще ценили их услуги, что совершенно освобождали их от всяких повинностей по войску за все то время, пока они исполняли лоцманские обязанности.

В самом деле, нужно было иметь значительную силу воли, чтобы проводить суда чрез опасные днепровские пороги, особенно во времена половодья и чрез такие места, как Ненасытенский порог. «Эти люди, – говорит Скальковский, – среди скал, кипящих волн разъяренного Днепра, с длинным шестом в руках, перекрестясь, пускались с огромными дубами (лодками) или плотами в самый центр пучины, и если не погибали сами, то верно судно или плот, ими управляемый, доходил в целости до самых Кичкас (находившихся у Хортицкого острова или вблизи нынешнего г. Александровска Екатеринославской губернии), даже до Сечи, которая была уже за порогами. Надобно видеть Ненасытенский порог в конце апреля или даже в мае, чтобы судить об искусстве и самоотвержении этих лоцманов»¹. Одним словом, и тогдашние, как теперешние, днепровские лоцмана были людьми отваги, опыта и самоотвержения. Этим качеств от них требовало, конечно, само дело, и собственно артельная организация лоцманов тут была ни при чем. Она служила регулирующим началом только в их жизненных отношениях.

Позже, когда была совершенно уничтожена Запорожская Сечь, днепровские лоцманы, освободившись от зависимости от энной последней, представляли совершенно самостоятельную общину, живя тем не менее старыми запорожскими порядками и традициями. В таком, по крайней мере, виде нашла лоцманское население Екатерина Вторая во время своей шумной поездки по Новороссийскому краю. Во время этой поездки по приказанию Екатерины вольная лоцманская община и была снова обращена в служебную с удержанием, с одной стороны, запорожской организации и подчинением, с другой – администрации. Дело было таким образом.

II

В 1787 году, в мае месяце, Екатерина Вторая спустилась на особой флотилии по Днепру из Киева в возникавший только тогда Екатеринослав. Отсюда флотилия должна была двинуться дальше вниз по Днепру через пороги. В то время плывущие через пороги суда проводились вольными новокодацкими и каменскими лоцманами. Этим-то лоцманам любимец Екатерины, всесильный Потемкин, и поручил провести царские суда через пороги. Екатерина лично наблюдала с берега за проводом судов и была поражена ловкостью, искусством и неустрашимостью проводников. Когда суда были благополучно спущены чрез пороги, она потребовала к себе всех лоцманов и тут же стар-

¹ Скальковский А. Ист. Нов. Сечи. Т. 1, с. 292 и 293.

шего из них произвела в поручики, его тринадцатилетнего сына в прапорщики, а из всех остальных приказала «составить особую (?) общину днепровских лоцманов»¹, специально предназначенных проводить все проходящие через днепровские пороги суда. Потемкин не замедлил привести в исполнение это приказание, освободивши вошедших в общину лиц от всех повинностей. Таким именно образом и была преобразована вольная община днепровских лоцманов в служебную, причем самые лоцманы составили нечто вроде служебного государственного сословия, чем, впрочем, благодаря неизбежной при этом ломке обычной жизни и отношений лоцманов была оказана им далеко не благодетельная услуга.

Днепровские лоцманы живут, главным образом, в селе Лоцманской Каменке и в меньшинстве в других приднепровских селениях, расположенных у порогов. В 1862 году Павлович насчитывал в среде лоцманского населения 1 322 души мужского и 1 330 женского пола. Все мужское население непременно должно нести лоцманские обязанности. Еще молодым парнем лоцман поступает на службу и потом служит до тех пор, пока позволяют ему силы. Только старость, дряхлость и увечья избавляют его от несения лоцманской службы.

Лоцманы – те же крестьяне, имеющие свою землю, занимающиеся хлебопашеством, но вместе с тем специально исполняющие лоцманскую повинность и пользующиеся в силу этого некоторыми привилегиями. Подобно тому как и другие малорусские сельские общества, они имеют свою «громаду», коллективное юридическое лицо. Громада эта и заправляет обыкновенною общественною жизнью лоцманов. Она же избирает и старшего из лоцманов – атамана. Но деятельность лоцманской громады несколько ограниченнее обыкновенных сельских громад. Главным заправляющим органом у лоцманов служит так называемая лоцманская контора, состоящая из членов и атамана и зависящая от особого начальника из губернской администрации.

Таким образом, в организации лоцманов перемешано обыкновенное сельское устройство с административным управлением конторы, причем в основе всего лежит типическая форма запорожской организации с атаманом во главе. Самые лоцманы по степени своей опытности и искусства делятся на три разряда. К первому разряду принадлежат старейшие и опытнейшие из них, проводящие чрез пороги барки и другие более или менее большие и ценные суда. Второй разряд лоцманов занимается главным образом проводом плотов. Наконец, в третий разряд зачисляются все те из лоцманов, которым общество не доверяет никакой самостоятельной работы при проводе судов.

¹ Павлович В. Материалы для геогр. и стат. России. За неимением под руками других, более позднейших сведений относительно настоящего положения днепровских лоцманов, мы ограничиваемся здесь сведениями из книги Павловича, изданной в 1862 г.

Лоцманы этого разряда играют роль помощников по отношению к лоцманам первых двух разрядов. Это – преимущественно неопытная еще молодежь. Переход из третьего разряда во второй и из второго в первый поэтому обуславливается приобретением опытности и навыка в деле молодыми лоцманами, и мало зависит от возраста.

Опытность и навык действительно много значат в лоцманском деле. От умения и личных качеств лоцмана зависят целые имущества разных лиц и жизнь лесопромышленников и судо-рабочих. Вот как Павлович обрисовывает днепровского лоцмана:

«Лоцман – тот же малоросс, но с детства привыкший к опасностям, и потому самый наружный вид его выражает отвагу и некоторую гордость. Идет он быстро и держится прямо; в нем незаметно той неловкости, которую видим у его единоплеменников, потому что он привык к быстроте движений во время переправы через пороги, где иногда от одного мгновения зависит участь барки и жизнь людей. Он развязен и ловок и на воле, в своей сфере, принимает иногда очень живописные позы. Нравственность у лоцманов прекрасная и в отношениях между собою заметна некоторая мягкость»¹.

Обыкновенно каждое судно, идущее вниз по Днепру, останавливается у Лоцманской Каменки. Здесь лоцманы предварительно осматривают судно, определяют его крепость и осадку в воде и затем, смотря по величине судна, наряжают одного или двух лоцманов: на большие суда по два, на меньшие и плоты по одному. Взятый на свою ответственность судно или плот лоцман обязуется провести его совершенно целым и невредимым чрез все пороги за Вильный, последний порог, включительно, за что и получает известную положенную плату.

Так как в год чрез пороги проходит средним числом не менее 1000 судов и барок, то казалось бы, что днепровские лоцманы живут обеспеченно, тем более что, кроме того, они занимаются хлебопашеством. Однако на деле положение лоцманов, по словам Павловича, оказывается далеко незавидным. Дело в том, что время прохода судов через пороги совпадает с временем полевых работ. Земледельческое хозяйство лоцманов ведется, таким образом, при урывчатом и плохом участии самих хозяев и поэтому находится вообще в упадке. А между тем из тех денег, которыми оплачивается труд лоцманов, лоцманы получают только часть, и притом относительно незначительную; другая же, более значительная часть заработков поступает в лоцманскую кассу для приращения процентов и расходуется на общественные нужды и потребности лоцманского общества. Одни только подарки от судовладельцев составляют неотъемлемую собственность лоцманов, и эти подарки значительно поддерживают экономическое положение лоцманов.

¹ Там же. С. 271.

Бывают, впрочем, у некоторых днепровских лоцманов и другие, чисто лоцманские занятия, дающие довольно существенные выгоды. Иногда лоцман, пользующийся особенно популярностью и доверием между сплавщиками леса, вместе с лоцманскими обязанностями принимает на себя обязанности обыкновенного рядчика, условливающегося за известную плату доставить плот до лежащих за порогами Кичкас или Никополя. Это бывает поздним летом, в то время, когда плавание судов по причине мелководья прекращается по старому, так называемому казацкому ходу и совершается по обходным каналам. В таком случае подрядившийся лоцман набирает в качестве совершенно самостоятельного рядчика партию из других лоцманов, получающих уже собственно от него условную плату, разбивает большой плот на мелкие – так называемые тарки и в таком виде доставляет лес до условленного места. Но, несмотря на то, что эти частные занятия оплачиваются довольно высоко, главные выгоды остаются в кармане лоцмана-рядчика; другие же, побочные его помощники, в сущности, мало выигрывают – значит, и экономический быт большинства лоцманской массы хотя и не находится от этого в зависимости, но вместе с тем и не улучшается особенно.

Такова-то в общих чертах организация и положение общества днепровских лоцманов. Собственно говоря, организация эта составляет нечто среднее между общиной и артелью. Но тот факт, что она произошла путем прямого преемственного развития от древних артельных форм Запорожья, и самый современный характер ее ставят ее в разряд артельных форм, организуемых по типу Запорожской Сечи.

5. Артели днепровских речных рабочих и матросов

Рядом с лоцманским промыслом на Днепре существует и другой речной промысел, состоящий в сплавке разного рода речных судов и перевозке клади и зернового хлеба не только по Днепру, но даже и в Одессу. Промысел этот организуется если и не всегда, то все-таки довольно часто на артельных началах, и артельные формы, положенные в его основание, при всем их несовершенстве и искаженности все-таки принадлежат к одному, общему с лоцманской организацией типу артелей.

По Днепру плавают следующие, между прочим, суда, на которых можно встречать артели рабочих, утратившие, впрочем, свой строго артельный характер: во-первых, баркасы, имеющие в длину до 20 сажень с лишком и в ширину до $17\frac{1}{2}$ саж., а в осадке от 2 до $2\frac{1}{2}$ аршин. Суда этого рода поднимают до 30 тыс. пудов клади, но бывают между ними и такие, которые поднимают всего около 15 тыс. пудов. Во-вторых, берлинки – суда, ходящие иногда на парусах. Берлинки бывают от 12 до 20 саж. в длину, от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ саж. в

ширину и от 2 до 3 аршин в осадке, причем поднимают клажи от 4 до 7 тыс. пудов. В-третьих, байдаки, имеющие от 15 до 20 саж. в длину, от 2 до 4 саж. в ширину, до 2 арш. в высоту и около 1½ арш. в осадке. Байдаки поднимают до 14 тыс. пудов. Наконец, в-четвертых, разного рода мелкие суда: полубайдаки, речные дубы, поднимающие всего от 700 до 2000 пудов клажи, и т. д.

Сообразно с величиною речного судна на нем бывает то или другое количество рабочих. На самых мелких судах их бывает около трех только человек, но на средних и больших численный состав рабочих значительно возрастает. Так, бывают суда, где количество рабочих доходит от 15 до 20 человек. На таких судах и можно именно встречать некоторое подобие той артельной организации, необходимым членом которой считается батько-атаман.

Характеристическая черта артельной организации заключается в том, что организация эта представляет одну внешнюю форму без соответствующего внутреннего содержания. В состав ее входит обыкновенно лоцман или атаман, кухарь или кашевар и по несколько человек, стоящих в одном и том же положении рабочих. Между атаманом и остальными членами бывают установлены известного рода обычные отношения, выражающиеся в разделении труда и в очередных работах, но – и только. И атаман, и рабочие – все они одинаково слуги нанявшего их судовладельца, все они соединены вместе интересами совершенно стороннего им лица, и если представляют собой нечто вроде рабочей артели, то только потому, что между рабочими оказываются живучими исторические традиции малоросса о былой артельной организации их предшественников и что применение к делу этой традиционной организации во всяком случае представляет несомненные выгоды обеим сторонам – и хозяину, и рабочим.

Поэтому и самое материальное обеспечение таких рабочих бывает различно в одной и той же артели. Атаман обыкновенно получает плату в пять или шесть раз большую, чем рядовой рабочий. Так, в начале семидесятых годов атаману судовладельца платили, например, от 60 до 150 руб. за все время навигации, а между тем обыкновенный рабочий за то же время получал всего каких-нибудь 12 или 15 руб.

В таком, по крайней мере, положении были артели Екатеринославских речных рабочих в начале семидесятых годов, по словам Павловича, из книги которого «Материалы для географии и статистики России» мы заимствовали вышеприведенные данные.

Несколько непохожие на предыдущие сведения относительно речных рабочих или, вернее, матросов (так как они перевозят зерно на судах и в Одессу) Днепровского уезда Таврической губернии передает Зеленкевич¹. Сведения эти также относятся к началу семидесятых годов.

¹ Зеленкевич. Северное побережье Днепр. уезда. 1863.

По словам Зеленкевича, на дубах и на разного рода судах, как-то: трамбовках, шкунах и бригах, – полагается обыкновенно от 4 до 8 человек матросов. Матросы бывают двух родов: сроковые, нанимаемые на все время навигации, и так называемые пайщики. Последние и составляют в союзе с хозяином судна или шкипером нечто вроде артелей, напоминающих свою организацию забродческие ватаги. Участие этих матросов в артельных выгодах определяется теми преимуществами, которые они имеют на своей стороне пред обыкновенными сроковыми рабочими при дележе общей валовой выручки всего судна. Независимо от того, какова бывает величина перевозной платы в разное время навигации, она обыкновенно распределяется таким образом в тех случаях, когда на судне бывают пайщики: одна часть общей валовой выручки идет на хозяина судна, который бывает большею частью и шкипером, другая распределяется равномерно по числу душ между всем экипажем. Хозяин в качестве шкипера-работника также берет свою часть, но он вместе с тем набавляет на долю каждого пайщика от трех до пяти руб. за каждый перевозный рейс. Такая-то доля с хозяйскою надбавкою и называется паем, а получающие ее – пайщиками. Если на судне, кроме пайщиков, бывают сроковые матросы, то приходящиеся на них части хозяин удерживает у себя, а с самими матросами расплачивается по уговорной срочной плате. Ремонтировка судна производится на хозяйский счет, а маклерские и все другие расходы падают на общую валовую выручку. Наконец, за норму фрахтовой платы бралась плата от Херсона до Одессы, причем весенний фрахт оплачивался 18–25 копейками с четверти или по 3 копейки с пуда и осенний – не выше 45 коп. с четверти и до 6 коп. с пуда.

Таким образом, на основании тех кратких сведений, которые мы заимствовали у Павловича и Зеленкевича, можно заключить, что артельные формы речных рабочих и матросов в низовьях Днепра представляли одно из двух: это были или разлагавшиеся артельные формы, носившие в более отдаленное время и более совершенный вид, или же такие формы, которым предстояло еще развиваться в более совершенные впоследствии. Каково положение этих форм в настоящее время – нам близко неизвестно. Но мы тем не менее можем констатировать тот факт, что к экипажам судов, перевозящих из днепровских пристаней в Одессу зерновой хлеб, артельное начало применяется без всякого сомнения и что самая артельная организация в таких случаях носит несомненно следы того типа артелей, представителем которого можно считать Запорожскую Сечь. Значит, можно предположить с некоторою вероятностью, что организация этого рода привилась здесь во всяком случае чисто традиционным путем, путем обычая, имевшего место в народной жизни в более отдаленные от нас времена.

6. Артели малорусских торговцев-ходебщиков

В некоторых местах южной России до сих пор еще можно встретить мелких скупщиков щетины, старого медного лому и проч. Это потомки малорусских «крамарей»-ходебщиков, игравших в крестьянской торговле довольно важную роль в былые времена, потомки, большею частью совсем утратившие обыкновение разносить между сельским населением разного рода мелкие товары, как делают это и теперь еще великорусские коробейники и офени. Нередко некоторые из них, например щетинники, организуются даже в артели по обычаю своих предков. В чем состоят отличительные черты таких артелей – нам неизвестно; но относительно прежних «крамарей»-ходебщиков в статье Аксакова «Об украинских ярмарках» есть несколько любопытных сведений, на основании которых артели этих мелких украинских торгашей можно отнести к типу артелей Запорожской Сечи. Мы заимствуем эти сведения у Калачова¹.

Аксаков описывает артели жителей местечка Рашевки Черниговской губернии, организуемые преимущественно из казаков. В состав таких артелей входит от 6 до 10 человек. Во главе артели стоит обыкновенно выбранный артелью атаман, который, собственно, и служит главным артельным воротилою. На капитал, образуемый артелью в складчину, он забирает у какого-нибудь купца известное количество игольного товара, а иногда берет в займы деньги на честное слово без всякой расписки. Уплативши подати за свою и семью своих сотоварищей и запасшись паспортами, атаман распределяет часть товара и известное количество денег между членами артели, определяет с общего согласия место, где артель должна производить распродажу товара, а также срок и пункт для сбора всей артели. Вследствие этого вся артель расходится в разные стороны по разным дорогам. Обыкновенные члены артели идут пешком с котомками или коробками за плечами, а атаман с остальным товаром и деньгами отправляется в телеге прямо на сборный пункт.

«Крамари» в большинстве случаев меняют свои товары на разного рода продукты крестьянского хозяйства – на щетину, перья, пух, старый медный лом, восчину, шкурки и пр., и весьма редко продают свои товары или покупают крестьянское сырье на деньги. В назначенное время все крамари сходятся на сборное место. Здесь каждый из них дает атаману отчет в деньгах и сдает выменянные вещи атаману на руки; тут же свидетельствуется и оставшийся в наличности товар у каждого крамаря. Смотря по количеству распроданного товара и другим обстоятельствам, атаман делает заключение о том, кто из крамарей вел исправно дело и кто нет. Если кто окажется виновным в плохом ведении дел от небрежности, от пьянства и проч., то над виновным тут же

¹ Калачов Н. Артели в древн. и южной России. С. 39 и 40.

производится общий суд и расправа. Если же дело велось с успехом и ожидаемые барыши значительны, то общие расчеты заканчиваются магарычом. Потом артель снова разбирает у атамана товар частями, снова назначается срок распродажи и сборный пункт, и снова артель движется далее вперед.

Таким образом, артель доходит до азовского побережья, время от времени смыкаясь и снова размыкаясь, то превращаясь в одно цельное товарищество, производящее суд и расправу над своими членами, то распадаясь на отдельные, самостоятельно действующие лица. Но не все артели путешествуют так далеко. Некоторые из них торгуют только в Киевской губернии, другие пробираются в Херсонскую губернию, делая свои походы раза по два или по три в год. Те из артелей, которые отправляются к азовскому побережью, в Черноморию и даже далее Черномории на Линию, проводят в странствовании около года.

Когда бывает променян весь товар артели, крамари, нагрузивши телегу сырьем и выменными вещами, возвращаются домой. Здесь атаман сдает купцу, снабдившему артель деньгами и товаром, все выменное артелью. Расчет ведется по существующим ценам, причем купец вычитывает из общей ценности товара ту сумму, которою он снабдил раньше артель, а за остальной товар уплачивает наличными деньгами, но за самую ссуду он никогда не берет процентов. Тогда производится уже распределение доходов между всеми членами артели. Сделавши вычет из этих доходов в количестве той суммы, какая была внесена артелью в складной капитал, и раздавши каждому члену столько, сколько он вносил, артель делит всю выручку на равные пай между всеми членами. Один атаман представляет исключение в этом отношении. Он берет обыкновенно два пая, но только один на себя, а другой за лошадь и повозку. В это же время производятся с общего согласия артели и те вычеты, которые налагает артель на нерадивых членов в форме штрафа. Все эти расчеты оканчиваются в один день. В заключение устраивается пирушка, и артель прекращает свое существование.

Артели переходно-смешанного типа

1. Крымские солепромышленные артели

Крымский соляной промысел или, вернее, собственно Перекопские соляные озера издавна служили местом, откуда получали соль не только южноруссы, но даже и жители других, лежащих в более внутренних частях России местностей. Вот почему самая история этого промысла издавна

имела некоторое отношение к судьбам южнорусского племени. С этим промыслом было тесно связано такое оригинальное и выдающееся явление в жизни малорусского народа, как чумачество. Он же, этот промысел, составлял один из видных предметов в экономической жизни Запорожского войска. Вполне естественно поэтому, что и к соляному промыслу, как, например, к рыбному, южноруссы с ранних пор должны были приложить артельное начало. Артельные формы труда были необходимы не только в интересах успешности дела, но и в виду гарантии этого дела от разных чисто внешних случайностей, какие были неизбежны в тогдашние военные времена. Естественное влечение людей к ассоциации с подобными себе существами и выгоды артельного труда служили внутренними причинами для организации артелей, а внешние неблагоприятные обстоятельства должны были влиять на самый характер этой организации.

Есть вполне резонное основание предполагать, что в то время, когда Крым принадлежал татарам, южнорусские солепромышленники не только производили свой промысел на артельных началах, но и самим артельным формам придавали характер, общий с другими тогдашними артелями, какими были чумацкие валки или забродческие ватаги. На это именно указывает то обстоятельство, что промысел этот находился в руках частью запорожцев, а частью вообще чумаков. И те, и другие были людьми настолько же предприимчивыми и промышленными, насколько и воинственными. И те, и другие типическою формою артельной организации считали полувоенную артель с атаманом во главе.

В истории есть положительные письменные указания на то, что еще в XVI и XVII столетиях южнорусское казачество вело близкие торговые сношения с Крымом и что главным предметом вывоза из этого последнего была соль. Запорожская Сечь играла в этих сношениях довольно видную роль, а чумачество служило единственным двигателем торговли. Запорожцы были охранителями этих торгово-промышленных сношений и вместе прямыми участниками в них. Они не только посылали свои чумацкие валки и людей для добычи и привоза соли, но и служили посредниками в торговле между Крымом и южной Россией вообще, пользуясь всеми выгодами транзита. Они устраивали и содержали мосты и перевозки для польских, казацких и малороссийских чумацких ватаг. Но, конечно, и запорожцы, и чумаки существенно важную роль по отношению к солепромышленности играли потому, что непосредственно участвовали в добыче соли, в самом производительном процессе. А раз это было – трудно предположить, чтобы это дело обошлось без организации, и притом организации в духе Запорожской Сечи. Чумацкие ватаги так именно и были организованы, и, значит, они добывали соль на совершенно артельных началах, а запорожцы обык-

новенно не делали ни одного шагу en masse без того, чтобы не приложить к делу артельное начало.

Тем не менее, несмотря на все это, те артели, на которых держится вся промышленность на крымских соляных озерах в настоящее время, по-видимому, имеют мало общего в своей организации с артелями типа Запорожской Сечи. Дело в том, что крымские солепромышленные артели пошли путем исторического прогрессивного развития и видоизменения, вследствие чего и стали значительно различаться с когда-то однохарактерными с ними формами типа Запорожской Сечи, формами отживающими.

Малорусские артели крымских солепромышленных рабочих собираются в конце июля, перед «спасовской» и комплектуются непременно на месте. Самый процесс их комплектования довольно прост и не представляет ничего особенного. Организатором артели является большею частью тот, кто берет с собою на солепромышленные работы лошадь и повозку. Таким лицом бывает обыкновенно опытный и бывалый рабочий. В назначенное время он слаживает свою повозку с неизбежной «кибиткой» и «подговаривает» сотоварищей. Когда таким образом найдется потребное для артели число желающих отправиться «на соляни озера», общим своим решением они выбирают из среды своей артельщика и «кухаря», то есть кашевара. Первым в громадной большинстве случаев бывает сам организатор, хозяин лошади и повозки; второй избирается сообразно с общим желанием и репутациею избираемого. Но бывают случаи, когда рабочие выбирают артельщиком и другого какого-нибудь своего сочлена, помимо того, который берет с собою на озера лошадь и повозку. Как бы там ни было, впрочем, а артельщик и кухарь бывают единственными должностными лицами во всей артели.

Организовавши подобным образом артель, рабочие отправляются все вместе на озера. Обычай требует, чтобы каждый участвующий в артели рабочий внес определенную плату хозяину повозки за провоз вещей до места работ. Будет ли при этом хозяином повозки артельщик или обыкновенный рабочий – это совершенно безразлично; плата в обоих случаях полагается. Такою платою, например, для артелей Днепровского уезда Таврической губернии всегда бывает рубль. Но артель во время пути нельзя еще считать окончательно организовавшеюся. В ней еще нет общих работ и не существует поэтому никаких общих артельных затрат и нужд. Артель кормится пока своими домашними харчами, лошадь содержится на счет хозяина, и ни в том, ни в другом случае не существует никаких общих артельных счетов.

По прибытии на озера артель договаривается с тем или другим солепромышленником относительно тех условий, на которых она берется выволакивать соль. Случается, что артель идет прямо на готовые условия. В таком случае солепромышленник имеет дело раньше с артельщиком.

Если при этом требуется сделать «басины», то есть закопы для удержания на известном пространстве соляного раствора – «ропы», то это и составляет первые, предварительные работы артели. Но «басины», если только они бывают необходимы, устраиваются солепромышленниками большею частью до прихода на место работ артелей при посредстве поденщиков. Артели являются уже на все готовое и почти всегда немедленно приступают к выволочке соли. Обычай требует поэтому, чтобы солепромышленник заранее приготовил все необходимые для выволочки соли орудия и материалы для устройства жилых помещений артели. Солепромышленник должен иметь, во-первых, известное количество досок, которые обыкновенно кладутся на дно озера для возки по ним соли в тачках, во-вторых, потребное число готовых тачек, на которых вывозится из озера соль, в-третьих, так называемые чалпы, которыми ломается соль и которые состоят из двух-или полутора-аршинной ручки с тремя или четырьмя рожками на конце, и, наконец, в-четвертых, доски для «балаганов», лопаты и др. более мелкие принадлежности солепромышленных работ. Все это солепромышленник отдает за счетом в полнейшее распоряжение артели на весь рабочий сезон. Доставка всех этих вещей и материалов на озера и обратно производится на хозяйский счет, а укладки досок на дно озера, выволочка их на сушу после совершенного окончания работ и устройство балаганов исполняется самими артелями. В случае поломки вещей от долгого употребления или вообще их негодности артель получает от своего хозяина или его «вахтера», то есть приказчика, новые, и это не засчитывается хозяином в счет артели.

Артели всегда договариваются выволакивать соль от тысячи пудов, но размер платы обуславливается тем пространством, на расстоянии которого приходится рабочим выволакивать соль из озера. Самое расстояние определяется длиной досок. Смотря по тому, по какому количеству досок приходится возить тачки – по 60, 80 или 100, – и размеры платы колеблются между 17 и 25 руб. сер. за тысячу пудов. Таким образом, полагая средним числом по сто тачек выволоченной соли на человека, на долю каждого артельного рабочего выпадет от 1 руб. 70 коп. до 2 руб. 50 коп. сер. дневного заработка на своих харчах при выволочке соли; но так как, кроме выволочки соли, существуют и другие работы – ломка, складка в бугры, укладка досок и проч., то поденная плата оказывается, конечно, значительно ниже вышеприведенной. Плата производится периодически, по мере того как рабочие складывают соль в так называемые бугры, в четырехугольные пирамидальные кучи. Нередко организатор артели получает известное количество денег в виде задатка от солепромышленника раньше, чем даже образуется артель. Разумеется, это бывает большею частью в тех случаях, когда организатором артели бывает лицо, пользующееся доверием и

хорошою репутациею у солепромышленников. Такие организаторы всегда бывают артельщиками.

Все эти взаимные условия и обязательства между солепромышленниками и артелями вошли в обычай и свято соблюдаются как первыми, так и в особенности вторыми на всех крымских соляных озерах – на перекопских, керченских и евпаторийских. На этих последних, впрочем, артели подряжаются иногда выволакивать соль и не от тысячи пудов, а с сажени, получая средним числом по 30 руб. за кубическую сажень. Но так как сажень на этих озерах дает от 1½ до 2 тыс. и более пудов, то понятно, что вывoločка соли от сажени считается рабочими невыгодною или рискованною и допускается только в редких, исключительных случаях при необходимости, в безвыходном положении рабочих.

Наконец, необходимым условием договора артелей с солепромышленниками считается баран, пуд соли, два пуда пшена и полведра или ведро водки, которые обязан безвозмездно, по заключении договора, доставить каждый хозяин-солепромышленник артели. По окончании солепромышленных работ хозяин снова дарит артели «валашка», то есть барана, и это также вошло в обычай. Несоблюдение этого обычая со стороны солепромышленника влечет за собою худые последствия для него на следующий год. Рабочие туго, с неохотою вступают в договоры с такими солепромышленниками.

Заклучивши таким образом словесный договор с солепромышленниками или их «вахтерами», рабочие окончательно устраивают артель – увеличивают, если бывает необходимость, что случается, впрочем, весьма редко, число членов и строят балаганы. «Балаганами» называются те жилища, в которых живут рабочие в течение всего рабочего сезона. Каждая артель строит обыкновенно или один большой, общий для всех членов артели балаган, или же в замен одного – несколько маленьких. В первом случае он принимает форму конуса или, точнее, обыкновенного малорусского «курения», то есть шалаша. Во втором копаются рабочими небольшие, глубиною аршина в 1½ или 2 ямы, покрываемые сверху досками и потом землей и окапываемые вокруг небольшим рвом для стока воды с крыши балагана. В каждом таком балагане живет по два рабочих.

В состав артели входит обыкновенно от 17 до 25 человек. В редких случаях артели встречаются в 30 человек, но большинство их состоит из 20 членов. Таковы, например, артели, организуемые в Днепровском уезде, которые, впрочем, как и все другие, в случае надобности пополняют число членов на самом месте работ. Что же касается возраста рабочих, то можно вообще принять за правило, что в артелях не встречаются рабочие моложе 20 и старше 45 лет. Конечно, исключения бывают, но большинство артельных рабочих составляют мужчины приблизительно тридцатилетнего возраста.

Не встречаются также в артелях и женщины. Женщин-рабочих на соляных озерах совсем нет. Только в чисто великорусских артелях бывают иногда женщины-кухарки, но на кухарках лежат исключительно одни кухонные обязанности; в самых солепромышленных работах они не участвуют. В племенном отношении артели бывают великорусские, малорусские и татарские; иногда в состав их водят и греки. Большинство составляют малорусские артели. Бывают также смешанные артели, то есть артели, состоящие из малороссов и великороссов. Это, впрочем, случается в редких, исключительных случаях. Племенной состав отчасти дает себя чувствовать даже по месту работ. Так, на перекопских озерах работают, главным образом, малорусские артели, на евпаторийских встречается значительная примесь великорусских, а на керченских, кроме того, бывают даже татарские и греческие артели.

Что касается местожительства рабочих, то главную массу артелей составляют следующие местности: Днепровский и Мелитопольский уезды как ближайšie от соляных озер, вообще губернии Таврическая, Екатеринославская, Подольская, Полтавская и другие смежные с ними, а также смешанные и чисто великорусские губернии, как, например, Курская, Орловская и проч. Одни из этих губерний поставляют рабочих на озера в большем количестве, другие в меньшем, и, разумеется, за теми, которые находятся ближе к озерам, находится преимущество. В Верхнеднепровском уезде, например, мало существует вообще таких сел, откуда не ходили бы артели на крымские соляные озера, хотя в этом уезде, как и вообще в Малороссии, они стали появляться только в относительно недавнее время. Так, например, в Желтянской и других ближайших к ней волостях, из которых в особенно значительном количестве начали выходить артели главным образом с 1871 года, в 1873 году в селе Желтом и других смежных с ним селах артели вышли в следующем количестве: в Желтом при двухтысячном приблизительно населении – три артели (в 18, 20 и 22 человека каждая), из Мишуровой при трехтысячном населении – две, из Петровской, Красной, Каменки, Пепельнастой и Зеленой, при полуторатысячном приблизительно населении в каждом селении, вышло по одной артели и т. д.

Таковы общие условия организации крымских солепромышленных артелей. Что касается внутренней жизни этих артелей, то она находится в строгом соответствии с указанными условиями. Рабочие оказываются теми же тружениками-крестьянами, какими они бывают и на родине, артель заменяет им рабочую семью, а труд, как и всегда, служит отличительным признаком этой жизни.

Солепромышленные работы принадлежат к числу труднейших работ южнорусского чернорабочего, и эта трудность не составляет исключения и для артельных работ, так как даже при них почти немислимо такое разде-

ление труда, которым могла бы облегчаться однообразная и тяжелая работа солепромышленного рабочего. Рабочие встают обыкновенно рано на заре и или прямо приступают к выволочке соли, если она заготовлена, или же предварительно ломают ее. Обе работы – одинаково трудны. Ломка соли производится «чалпами»; но тут же приходится действовать и руками – где «не берут соли чалпы, – говорят рабочие, – там “колупаешь” ее руками». Иногда же слой соли бывает до того толст, что ее ломают исключительно одними руками, и такая работа всегда бывает соединена с порезами и порчею рук; ропя заходит в эти порезы и производит невыносимые боли. То же бывает и с ногами, так как рабочие всегда работают босыми.

С восходом солнца рабочие завтракают. Это бывает вместе с тем и первый более или менее продолжительный отдых. Вслед за завтраком снова начинаются работы. Рабочие принимаются за выволочку соли на берег. Это самая трудная работа благодаря ее продолжительному однообразию. Соль приходится таскать тачками, вывозя ее каждый раз около пяти пудов. Тяжесть, в сущности, незначительная благодаря тачке, но самую тачку приходится везти по одной всегда скользкой от грязи или ропы доске, и нужно поэтому много ловкости, навыка и силы, чтобы не опрокинуться вместе с пятипудовой тачкой на сторону. Притом самый порядок ведения работ таков, что не только не позволяет рабочему увильнуть или слукавить, но даже и сколько-нибудь передохнуть не в назначенное время. Рабочие возят тачки обыкновенно «гуськом», один за другим, один другого подгоняя и контролируя, так что ежеминутно существует нечто вроде общего кругового контроля. Чуть кто из рабочих зазевался, чуть кто «свихнулся» маленько или скользнул, проходя по доске с пятипудовую тачкой в руках, как и он сам, и его тачка летят на бок с доски в невылазную грязь. «Тю-тю-тю!» – кричат при этом со товарищи опрокинувшего тачку рабочего. Им вторят сотни голосов из других артелей, и мгновенно по всему озеру поднимается всеобщий гвалт. Каждый работающий на озере в таком случае знает, что в какой-нибудь артели рабочий опрокинул тачку, и этот всеобщий крик, смех и остроты служат довольно чувствительной карой за опростоволосившегося или неумелого труженика. Рабочий поневоле выбивается из сил, лишь бы поспеть вместе с другими и не опрокинуть тачки, двигаясь, как раз заведенная машина. Правда, после вывоза каждых десяти тачек полагается привал, но он продолжается всего две-три минуты, пока рабочие не набьют и не закурят своих трубок.

Приблизительно около часу рабочие обедают, после чего полагается от 1 до 2 часов отдыха, смотря по общему согласию всех членов артели. В это время рабочие обыкновенно спят. Если же бывает особенно сильная жара, то рабочие спят после обеда по три и даже по четыре часа, но в таком случае они «надолуживают» поздно вечером, то есть работают лишний час или два с ве-

чера, и даже не полдничают при этом. Полдничанье полагается обыкновенно часов в пять или шесть вечера. Работы всегда оканчиваются поздно вечером, после чего и следует ужин.

Таким образом, каждый артельный рабочий работает средним числом по 17 часов в сутки. Самые соляные работы крайне трудны и однообразны, и рабочие считают их несравненно труднее косьбы и всех вообще земледельческих работ. Всего несноснее при этих работах бывает нестерпимая жара и в особенности ропа. Первая, и без того сильная вообще на юге России, еще более усиливается нагреванием соляных озер, превращая воздух в какую-то удушливую, забивающую дыхание атмосферу; а вторая, заходя в раны и порезы, – благодаря тому обстоятельству, что рабочие всегда таскают соль босиком и употребляют в дело руки, производит мучительные боли. Одно другого, конечно, не лучше. Бывают случаи, когда рабочий принужден бросать работы от сильной боли в ранах и порезах или же буквально-таки мучается в течение всего рабочего сезона. О таком рабочем обыкновенно говорят, что «его ропа незлюбила». От сильной натуги и духоты рабочие также часто повреждают внутренние органы, и кровохарканье считается рабочими даже специальною болезнью при солепромышленном труде.

Тем не менее, несмотря на такой варварски тяжелый труд, артели солепромышленных рабочих представляют несомненные выгоды и удобства для рабочего. В артели все члены равны и пользуются совершенно равноправными отношениями. Исключения не составляет никто – ни кухарь, ни артельщик. Они только известного рода специалисты в предназначенной им деятельности, принимающие на себя известные обязательства в силу общего согласия и обычая, а затем они – такие же рабочие, как и все другие члены артели. Поэтому они не пользуются даже и тенью власти в сфере своей деятельности. Малейшая неосторожность их в этом отношении грозит им позорною заменю их другими членами артели. Вообще во всех тех делах и вопросах, которые так или иначе касаются внутренней жизни и распорядков, артель действует совершенно самостоятельно и сообразно с обычаями и общим ходом артельного дела. В особенности это можно заметить относительно малорусских артелей. Малорусская артель – это своего рода «общество», «громада», в которой артельщик далеко не играет той роли, какая выпадает на долю сельского старосты.

На артельщике лежат обязанности чисто хозяйского характера. Он должен будить в определенное время рабочих и в редких случаях указывает то или другое, большею частью мелкое исполнение работ, но этим почти и ограничиваются его обязанности в области ежедневной деятельности артели. Затем он остается исключительно приходо-расходчиком. Каждую субботу вечером он уезжает на артельной лошади в ближайшее от озера

поселение, где существует базар, на Перекопских озерах – в Армянский поселок, а на евпаторийских – в Евпаторию, известную у рабочих под именем Козлова, – и здесь закупает провизию на всю следующую неделю. Вместе с артельщиком за покупками отправляется большею частью один так называемый «доверенный», наблюдающий за тем, чтобы при покупках не было плутовства со стороны артельщика. На «харчишки» за время поездки этим двум лицам артель отпускает по 20 коп. сер. на каждого. В течение всего рабочего времени артельщик ведет обыкновенно счет всем артельным расходам, в чем, конечно, и отдает строгую отчетность артели. Но за все свои труды он не получает никакой особой платы, а получает совершенно равный денежный пай со всеми другими членами артели, и только в том случае, когда пожелает сама артель (по окончании всех солепромышленных работ), артельщику выдают из общих артельных сумм рубля два или три в виде награды или, как выражаются рабочие, «за труды», «на сапоги», за то, что много обуви стаптывается, разъезжая из-за общих артельных нужд в день отдыха. Если артельщику принадлежат лошадь с повозкою, то он получает два пая – один на себя и один на лошадь. Но если лошадь принадлежит какому-нибудь рабочему, в таком случае пай на лошадь получает этот последний, обязанный кормить и ухаживать за нею, хотя и ею распоряжается артельщик во все продолжение работ.

«Кухарем» бывает большею частью тот рабочий, который лучше других умеет «варить борщ» или «кулиш». В его ведении находятся все съестные припасы, которые поступают к нему от артельщика, а также и посуда. К восходу солнца кухарь должен приготовить завтрак из «кулиша», то есть реденькой каши и ржаного хлеба. На обед он готовит большею частью борщ со свиным салом (в скоромные дни) и «круту» пшеничную кашу. Полдник бывает только из хлеба, соли и квасу или просто воды. Наконец, на ужин кухарь всегда готовит «кулиш». Таким образом, в течение дня кухарю приходится стряпать три раза горячую пищу. В редких случаях по праздникам и всегда по воскресеньям кухарь готовит пищу с бараниной или другим каким-нибудь мясом. Хлеба, всегда ржаного, он никогда не печет, так как артель покупает его готовым. Этим и исчерпываются немногосложные кухарские обязанности, требующие, впрочем, не менее четырех часов рабочего времени в день. В малорусских артелях всегда бывает кухарь, который и выбирается на все рабочее время, хотя и может легко быть заменен другим рабочим в случае неисправности или неумения. В великорусских же артелях встречаются иногда и кухарки.

Таким образом, в артелях крымских солепромышленных рабочих не играют никакой видной роли ни артельщик, ни тем более кухарь. Первый является еще несколько почетным лицом, облеченным если не особенною

властью, то всеобщим уважением, хотя уважением могут пользоваться наряду с ним и другие рабочие, так как это зависит, главным образом, от личных качеств уважаемого в артели лица. Второй благодаря своему положению является даже более зависимым и подчиненным лицом, чем любой артельный рабочий. Платы он особенной не получает, награды также, и если на его долю выпадают кое-какие выгоды, так это четыре часа более легкой, чем солепромышленная, кухонной работы. Но ни он, ни даже артельщик не представляют исключения в случае какой-либо провинности, вроде прогулов или запоек. Прогоульный день всегда бывает соединен для виновного с вычетом платы за этот день, а в тех случаях, когда от прогула страдают интересы всей артели, виновный подвергается штрафу от 5 до 10 коп. с тачки, что составляет уже сильную кару, так как рабочий обыкновенно вывозит от 60 до 100 тачек в день. Надо, впрочем, заметить к чести артелей, что прогулы и штрафы в них бывают чрезвычайно редко. Большею частью жизнь артелей течет мирно и покойно, не нарушаясь ничем экстраординарным и выдающимся.

Такова-то в общих чертах внутренняя обыденная жизнь солепромышленных артелей. Все в этих артелях основано на взаимном доверии и словесных обязательствах, все регулируется обычаем и традициями, и это составляет их отличительную черту как чисто народных форм труда. К письменным условиям и обязательствам никогда не прибегают ни солепромышленники, ни артели, и это, конечно, нисколько не подрывает тех выгод, которыми пользуются обе стороны. Успешность и производительность труда, отсутствие почти всяких пререканий и ссор, освобождение хозяев от всякого контроля работ – вот те выгоды, которые признают за артельным ведением дела хозяева. Условившись раз навсегда в известных пунктах или, вернее, признавая эти пункты обычными правилами, солепромышленникам далее остается делать одно – принимать от артелей чрез известные сроки соль, что с удобством могут исполнять не только сами они, но и их доверенные – вахтера. С другой стороны, несмотря на то, что значительная часть выгод от артельного ведения дела все-таки выпадает на долю хозяев, артели находятся в лучшем экономическом положении сравнительно с положением рабочих-одиночек. Та же производительность труда и успешность работ, соединенные с сокращением расходов по продовольствию и в особенности с гарантией членов в случае болезни, делают артель устойчивою и относительно выгодною формою труда и для рабочих. В силу обычая больные члены артели всегда пользуются совершенно безвозмездно артельными услугами и пищею, хотя и теряют при этом свой заработок за все время болезни; но даже при этом условии уход за больным со стороны других членов артели и артельная пища составляют для больного рабочего весьма важную гарантию, так как рабочий бывает оторван от семьи и родных и часто совершенно лишен всяких средств к жизни.

И рабочие действительно высоко ценят эти артельные формы труда. «Нет лучше, – говорят они, – как работать “гуртом”, в артели... И дело идет скорее и веселее работается»... Рабочие всегда сопровождают работы песнями, веселыми прибаутками, рассказами и остротами, и это весьма много значит при тяжелом труде. «Зарею, – рассказывают рабочие, – аж озеро реве, як заспивають кругом в артилях, а тачки тики – цоко-цоко-цок-цок!»

В воскресенье и праздничные дни рабочие, например на Перекопских озерах, уходят в Армянскую слободку, ближайший от озера поселок, находящийся от них на четырех верстах и живущий за счет пришлого рабочего люда. В поселке рабочий обыкновенно толкается по базару, глазееет или балует себя семечками или «бубликами». Иногда баловство переходит в выпивку. Но большинство рабочих остается в праздничные дни «дома», на озерах, отдыхая и высыпаясь. Здесь великороссы со свойственною им живостью и юркостью предаются разного рода увеселениям и играм: поют песни, наигрывают на балалайках или гармониках и приплясывают, а иногда «и дуют в три листика», то есть играют в денежную карточную игру, или же предаются излюбленной, тоже денежной, игре «в орлянку»; а малороссы, народ более расчетливый и флегматичный, занимаются рассказами, воспоминаниями, позволяющими при этом рабочему «вылеживаться», и играют в карты «на сухую», то есть не в денежные игры, – в дурачки, «в возка» или «в фильку». Иногда как те, так и другие рабочие выпивают, но чаще распевают песни и балагурят и еще более того спят и «вылеживаются». Тяжелый труд берет свое, и рабочий по необходимости запасается в такие дни новыми силами.

На самих озерах нет ни трактиров, ни лавочек. Встречаются, правда, нечто вроде кабачков, но так как водка продается в этих кабачках значительно дороже, чем в Армянском поселке, то рабочие и отправляются в этот последний в случае кутежа. Иногда на озера заезжает или заходит какой-нибудь разносчик с фруктами и овощами – с арбузами, дынями, яблоками или виноградом. И рабочие с охотой покупают плоды и овощи, притом не только по праздникам, но и в будни. Разумеется, каждый покупает на свои деньги, а артельные счета тут остаются не при чем. Вся артель «не балует» себя никакими «сластями» и вообще крайне умерена на счет дороговизны и разнообразия пищевых продуктов.

Таким-то образом течет жизнь артелей изо дня в день, пока не наступят заморозки и не прекратятся окончательно солепромышленные работы, что случается большею частью в конце октября. Тогда малорусские артели уходят обыкновенно по домам на зиму, а великорусские остаются зимовать в Крыму – в Ялтах, Керчи, Феодосии, Севастополе и др. крымских городах и местах. Часть этих последних артелей также уходит домой, другие про-

бираются в Одессу, иногда в Таганрог и Ростов-на-Дону. Но во всех этих южнорусских городах солепромышленные артели распадаются и рабочие работают большею частью поденно или посрочно, в одиночку, в рассыпную. В результате каждый рабочий уносит из соляного промысла средним числом руб. пятьдесят заработка за $1\frac{1}{2}$ месяца солепромышленных работ. Заработок, по мнению рабочих, очень даже выгодный.

Сравнивая в заключение только что описанные формы труда с теми из малорусских артелей, которые организуются по типу Запорожской Сечи, и припоминая сказанное в начале этого очерка о крымском соляном промысле, можно заметить, что если крымские солепромышленные артели произошли путем развития от более древних форм, то во всяком случае они существенно изменились и приобрели характер, совершенно отличный от этих последних. Между ними и предшествующими им формами нет такой близкой аналогии, какая существует, например, между древними чумацкими валками и новейшими. Они утратили выдающиеся черты своей древней организации в духе Запорожской Сечи. Тем не менее то обстоятельство, что южнорусское племя вообще и казачество в частности издавна занимались соляным промыслом в Крыму, указывает на необходимость известного участия со стороны малороссов в артельной организации солепромышленного дела. Можно положительно сказать, что там, где в древности малоросс употреблял в дело труд и промышленную энергию, там он прилагал к делу и свой артельный принцип в духе сечевой организации. Вполне вероятно поэтому, что строгая равноправность участников в современных солепромышленных артелях и название «кухарь» и служат указанием на связь, существующую между организацией современных артелей и прежнею их организацией типа Запорожской Сечи. Это, следовательно, переходные формы.

2. Косарские артели

Хождение на заработки сделалось обыденным явлением южнорусской экономической жизни. Каждую весну южнорусский рабочий с котомкою за плечами, с неизменной косой, молотком и «бабкою» уходит обыкновенно «по чугунке», на пароходе или же просто на своих отцовских за сотню верст от своей родины и здесь тяжелым трудом сколачивает те «трешники» и копейки, которые идут потом и на уплату податей, и на поддержку его убогого хозяйства. Таким образом, на крайнем юге и прилегающих к нему местностях, вплоть до середины России, происходит постоянная ежегодная мена «трешника» на рабочую силу. С каждым годом эта мена принимает все большие и большие размеры, и единичная сила косаря начинает постепенно превращаться в какую-то лавину. Очевидно, что в русской экономической жизни

произошел какой-то существенный разлад, и рабочая сила вследствие этого стала искать себе приложения на стороне.

Трудно сказать, какие размеры примет впоследствии, в недалеком будущем хождение «на косовицу», но уже при настоящих своих размерах оно представляет в некотором роде совершенно небывалое еще в русской экономической жизни явление. Не далее двадцати лет тому назад отхожий косарский промысел не имел еще того размера и характера, какими он отличается в настоящее время. Прежде в нем принимали участие только некоторые южные местности и косарями при этом являлись «лишние рабочие руки» в хозяйстве, в семье. В настоящее же время в косарском промысле принимают участие почти все южные местности и косарями являются не только «лишние рабочие руки», но и вообще рабочие руки, заставляемые силою необходимости менять свой невыгодный домашний труд на более выгодный отхожий. Таким образом, главными и постоянными причинами постепенно возрастающего хождения косарей на заработки оказываются нехватка и невыгодность работы на месте и сильно увеличивающиеся проехи в крестьянском бюджете.

Благодаря отчасти такому своему характеру, а отчасти местным экономическим особенностям южной России, каковы: неравномерный в разные годы спрос на косарей со стороны мелких хозяев в некоторых местах крайнего юга, обыкновения производить известные работы то самостоятельно, то при помощи поденщиков и проч., – отхожий косарский промысел не отличается такою определенностью и устойчивостью, какими отличаются некоторые другие промыслы, например крымский солепромышленный. Между тем как этот последний оказывается какою-то специальностью, заранее предполагающей известную организацию рабочей силы, – отхожий промысел косарей является одним брожением рабочей силы, не только плохо организованной и не специализирующейся, но даже зачастую совершенно лишенной работы.

Косарь идет «на удалую», больше действует в одиночку, в раздробь и чаще других рабочих вместо заработка несет домой расстроенное здоровье, неудовлетворенный аппетит, голодовки и лохмотья с дерюгой. Тем не менее здесь, в этой, видимо, неустойчивой сфере труда, русский человек издавна сумел приложить свою самозащищающую и самообеспечивающую форму труда – артель. Артель тесно уже связана с отхожим косарским промыслом, и само собою понятно, что и самое будущее косарского промысла, насколько оно будет касаться собственно рабочего люда, в весьма сильной степени будет зависеть от большего или меньшего развития этой формы. Увеличатся или разовьются артели – косарский промысел примет для рабочего люда более определенный и устойчивый характер, и, стало быть, самые косари в

большей степени будут застрахованы от разного рода случайностей. Пойдут артели регрессивным путем – и промысел станет еще более неопределенной ареной труда, а косарь утратит и те немногие гарантии, которыми он отчасти застрахован от разного рода случайностей благодаря именно артелям.

Косарские артели бывают двух родов: собственно артели и так называемые круги. К первым мы относим исключительно великорусские артели, ко вторым – артели малорусские. Все отличие первых артелей от вторых заключается, таким образом, прежде всего в их национальном происхождении; самые же названия артелей мы употребляем часто в условном виде. Слово «артель» или, согласно малорусскому произношению, «артиль» встречается также и у малороссов, как у великороссов, но оно, без всякого сомнения, заимствовано ими у этих последних. Собственно в малорусском языке к названию косарской артели ближе всего подходит слово «круг», так как малорусское выражение «становиться на работу с круга и кругом» равносильно великорусскому «становиться артелью». В подобном же смысле употребляется малороссами в некоторых местах южной России фраза: «Становиться или брать работу с ланка». Но мы взяли слово «круг» как более подходящее и характерное для обозначения артельных форм малорусских рабочих, хотя оно отдельно от слов вышеприведенной фразы как самостоятельное понятие и не употребляется малороссами во взятом нами смысле.

Участие великороссов наряду с малороссами в отхожем косарском промысле, по-видимому, указывает на то обстоятельство, что малорусские артели произошли путем заимствования, что артельная форма косарского труда, составляющая отличительную особенность великороссов, была занесена этими последними на юг России и здесь уже перенята малороссами. Но, судя по самому характеру малорусских косарских артелей, подобное предположение положительно ошибочно. Положим, тот факт, что великороссы издавна славятся своими артелями, а малороссы отличаются индивидуализмом и изолированностью в работах, и справедлив до некоторой степени. Но, во-первых, несмотря на свои индивидуалистические наклонности, малороссы тем не менее издавна прилагали и прилагают артельное начало к своей экономической жизни в самых широких размерах. А во-вторых, дело в том, что если бы, с одной стороны, и необходимо было признать известное влияние великороссов в указанном направлении, то, с другой, особенности, свойственные некоторым малороссийским кругам, прямо говорят в пользу самобытного малорусского происхождения этих форм.

На самом деле, происхождение косарских кругов имеет во многих случаях много общего с происхождением чумацких валок или забродческих вагаг. В основе этого происхождения лежит, прежде всего, взаимная гарантия членов от случайностей, неразлучных с чужедальной стороной, и затем уже

прямые и непосредственные выгоды артельного труда. Точно так же, как чумацкие валки издавна служили для чумаков средством защиты от грабежа и воровства в чужой стороне, точно так же, как забродческие ватаги всегда были притоном для бездомных забродчиков, и косарские круги прежде всего оказываются хранителями интересов косаря, его защитниками от притеснений и произвола хозяев. Отсюда тот крепкий корпоратизм кругов, который делает их так устойчивыми при самозащите. Малейший повод, нарушающий права отдельных членов, неудовлетворительность пищи, непосильная работа, руганя какого-нибудь приказчика или хозяина – все это вызывает в среде малорусских кругов особенное единодушие и солидарность, и малороссы в большинстве таких случаев со свойственным их характеру пассивным протестом бросают работы без всяких слов и разговоров, бросают все без исключения и или добиваются таким путем удовлетворения заявленных нужд, или же ищут нового хозяина. Малороссийское выражение «Мы цёго не хочем» вошло в поговорку и сделалось символом малорусского упорства и неуступчивости. Вот почему во многих местах южной России хозяева обыкновенно предпочитают более уступчивого и ловкого косаря-москаля упорному и прямодушному хохлу-косарю.

Но такая общность косарских кругов с артелями, организуемыми по типу Запорожской Сечи, не ограничивается одними указанными выше условиями. Она до известной степени касается самой организации этих артелей. Хотя косарские круги и не организуются прямо по одному типу с указанными артелями, но в их организации тем не менее встречаются часто черты, делающие их близкими этому типу. Так, в малорусских кругах, встречавшихся нам в Кубанской области, передовой косарь зовется атаманом, хотя он и не играет тут той роли, какая выпадает на долю атамана в других артелях, служа часто только самым искусным косарем. В Екатеринославской губернии атаманами называются вообще «ведущие перед» косари, а в тех случаях, когда косари работают «с ланка», то есть артелью, непременно бывает настоящий артельный атаман. В Пирятинском уезде Полтавской губернии также встречается обычай, характерный в этом отношении. Когда косят несколько партий косарей в одном месте, то между ними устраиваются зачастую состязания. Для состязания партиями обыкновенно выбирается по лучшему косарю из среды своей, и каждый такой косарь носит название атамана. Тот, кто выкашивает в назначенное время большое количество сена, считается «первым атаманом» между всеми партиями и выигрывает для себя и своей партии приз, состоящий обыкновенно из полведра или четверти водки, которую покупают проигравшие атаманы и их партии.

Есть затем целая серия другого рода малорусских косарских артелей, не имеющих ничего общего в своей организации с только что отмеченными

ми, но происхождение их также малорусское, самобытное. В основу организации этого второго рода артелей положены чисто семейные отношения. Несмотря на постепенное увеличение железнодорожных путей в южной России, несмотря на быстроту парохода и «парового жеребчика», как называется по-малорусски локомотив, малороссы до настоящего времени являются во многие места южной России со своей классической повозкой «по образу пешего хождения»¹, а значит, о предыдущем времени уже нечего и говорить. Этот способ хождения держится у них гораздо крепче, чем у великороссов. Повозка с котомками, косами, молотками, «бабками» и почти всегда с «рушницею», то есть ружьем, какого-нибудь страстного охотника «до качок», то есть уток и «кулыквив», с ружьем, которое, может быть, раньше бралось просто для самозащиты, служит для косарей словно «хатою», а «стари дядьки» и бывалые косари – почтенною «громадою». Таким образом, в этой миниатюрной походной колонийке, группирующейся вокруг повозки и старой кобылы какого-нибудь Панька, колонийке, состоящей в большинстве случаев из мужчин, женщин и подростков обоего пола, как бы заносится на чужую сторону нечто из домашней и общественной жизни малоросса. Тут, в этой колонийке, трудно встретить тип истого великорусского артельщика-старосты, его место занимает большею частью маленькая «громада», состоящая «из дядькивив». В числе членов такой движущейся общины встречается также какая-нибудь «мала Хивря» или четырнадцатилетний «пацан» Грицько. Это, следовательно, своего рода семья с ее местными обычаями и традициями, та первоначальная ячейка, которая легла в основу большинства косарских кругов. И действительно, как бы в подтверждение такого предположения косарские круги всегда состоят из односельцев или ближайших по месту жительства соседей.

Итак, следовательно, и первого, и второго рода малорусские косарские круги – формы чисто местного, южнорусского происхождения. Формы эти возникли и развивались рядом с возникновением и развитием косарского промысла, и притом совершенно самобытно, в строгой зависимости от особенностей и традиций малорусского народа.

По характеру деятельности и малорусские, и великорусские артели можно разбить на два разряда. Первый разряд составляют такие артели, которые всего вернее было бы назвать артельными союзами. Сами косари называют эти союзы партиями, а малороссы иногда и ватагами. Ко второму разряду относятся артели в собственном смысле этого слова. Но и первого, и второго рода артели можно встречать положительно везде, где встречается южнорусский отхожий промысел, то есть преимущественно в таких

¹ По последним газетным известиям, этот способ отправки рабочих на заработки усилился благодаря новому железнодорожному налогу.

местах, как Новороссийский край, Земля Донского войска, Кубанская область, Ставропольская губерния и пр.

Артели, носящие характер отдельных союзов в несколько лиц, представляют собою одно средство самозащиты в борьбе с капиталом и хозяевами. В состав их входят обыкновенно поденщики-рабочие, в большинстве случаев односельчане или, в крайнем случае, земляки. Главнейшая цель, преследуемая такими союзами, заключается в поддержке заработной платы на известном уровне и затем – застраховка отдельных рабочих при самой работе от различного рода незаконных посягновений со стороны хозяев. Но – и только. Каждый член такого союза работает на себя, каждый имеет дело непосредственно с хозяином, и весьма редко такой союз остается неразъединенным во все рабочее время. Оно и понятно отчасти. Самый характер южнорусских земледельческих и полевых работ, работ поденных и неравномерных способствует этому в весьма сильной степени. Рабочих разъединяет и реорганизирует, следовательно, косарский же промысел. Но там, где такие союзы имеют место, они приносят несомненную пользу рабочему.

Артельные союзы одинаково встречаются и между малорусскими, и между великорусскими косарями. Отправляясь в путь, косари-односельцы или соседи не только идут вместе, но и харчуются большею частью из общего котла, а главное, ухаживают и не покидают на произвол заболевшего сотоварища. Случается, что на месте работ такие союзы распадаются на время, но это обуславливается характером работ, теми случаями, когда нанимателями требуется меньше косарей, чем сколько бывает их в артели. Но проходит неделя, две – и односельцы снова собираются все вместе в одну партию, и если представится случай, то снова идут работать целой партией. Точно так же и на родину, после окончания работ, косари отправляются большею частью партиями в том их составе, в каком они вышли из дому на заработки.

Что касается численного состава таких партий или союзов, то он крайне разнообразен и неопределен. Нередко три-четыре косаря составляют уже партию. Но бывают и более многочисленные союзы, насчитывающие до десятка и даже свыше входящих в состав их членов. Надо заметить, впрочем, что в том случае, когда партия отличается многочисленностью, она зачастую, в свою очередь, как бы состоит из нескольких мелких товариществ. Те или другие члены ее группируются по два, по три или по четыре человека, харчуются вместе и больше держатся друг друга в случае рассортировки партии между отдельными хозяевами-нанимателями. Только при попойках или отстаивании поденных цен на базарах такие сложные партии представляют собой более единоедушное и компактное целое.

Большею определенностью и развитием отличаются собственно великорусские артели и малорусские «круги» в тех случаях, когда они и самые

работы производят артелью на собственный свой риск. В этом случае косари также называют иногда свои артели партиями, а малороссы, кроме того, и вагами; но тут уже артели носят совершенно иной склад и характер. В состав их входит обыкновенно от 3, 4 и 5 до 15 и более человек, и притом малорусские круги, сколько нам известно, распространеннее великорусских артелей, хотя и менее малочисленны по своему составу. Работы, выполняемые артелями этого рода, состоят в съемке и уборке хлеба и сена. Артели становятся обыкновенно косить сено в сотни так называемых семисаженных копиц, то есть копен, или же «от стога». Такого именно рода работы и известны у малороссов под именем работ «с круга» или «с ланка», «от десятины». Артели всегда в таких случаях производят работы на своих харчах, покупая их на базарах или выговаривая «в счет» у хозяев. Косы, «бабки», брусья, молотки также должны быть косарские. Но быки, возы, бочки и ведра для воды, даже грабли и вилы (а иногда брусья, бабки и молотки) всегда поставляют от себя хозяева. Таким образом, и малорусские, и великорусские артели напоминают собою в этом отношении общий тип кратковременных сельскохозяйственных рабочих артелей, составляющихся из пришлого люда; но между ними существует тем не менее некоторого рода организационное различие.

Великорусские артели состоят исключительно из совершенно взрослых и полноправных членов с выборным артельным старостою; малорусские же круги, как мы знаем уже из предыдущего, бывают двух родов: во-первых, артели с некоторыми признаками древнемалорусской организации с атаманом во главе, а во-вторых, артели, организация которых держится на общинно-семейных отношениях. Первые состояются исключительно из одних взрослых мужских членов, выбирают для заправления своими внутренними делами и распорядками «атамана», и самые их участники пользуются полнейшею равноправностью во всем. Такие артели встречаются, например, в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии. В артелях второго рода совсем не существует лица, несущего на себе обязанности атамана или артельного старосты. Обязанности этого рода выполняются двумя или тремя лицами, в числе которых попадает, впрочем, зачастую и так называемый расходчик, то есть лицо, на обязанности которого лежит закупка провизии или, по крайней мере, ведение счетов по этой части. Представители эти ведут дела с хозяевами как при найме, так и при окончательных расчетах. Кашеваром, или «кухарем», также редко является какое-нибудь постоянное лицо; чаще обязанность этого рода исполняется поочередно, и только тогда, когда она исполняется женщиною, обязанность эта превращается в своего рода специальность, лежащую на одном лице. Женщины в малорусских артелях этого рода составляют довольно значительный процент, и на обязанности их лежит обыкновенно «гребовица», вязка снопов и киданье сена в стога и

копны, причем эти две последние работы производятся большей частью вместе с мужчинами. Таким образом, малорусские круги состоят зачастую из косарей-мужчин и гребцов-женщин. И те, и другие являются полноправными членами, но вторые как гребцы получают около или немного свыше половины мужского заработка. Часто также в состав малорусских артелей входят и дети или, вернее, мальчишки-подростки. Положение их в артели зависимо от положения женщин, хотя они и получают при дележе заработков большей частью пай, равный с паем женщин. В таких случаях принимается вообще в расчет степень напряженности и доброкачественности труда.

Таковы-то в общих чертах косарские круги и артели. Главная их сила заключается во взаимной гарантии членов от неблагоприятных обстоятельств. К сожалению, между этими обстоятельствами встречаются и такие, против которых положительно бессильны всякого рода артели, от которых страдает наравне с рабочими и весь вообще экономический строй южной России. Постоянно увеличивающиеся на юге неурожай и засухи, насекомые разного рода, «прусы», «кузька», «овражки» и безобразия торговой эксплуатации являются именно такого рода обстоятельствами. А неравномерное распределение рабочих сил как следствие неопределенности самого косарского промысла представляет в связи со всем вышеозначенным такую общую бестолковщину в южнорусской экономической жизни, что косарь поневоле является каким-то Макаром, на которого все шишки валятся, и самая артельная организация косарского труда оказывается не больше не меньше, как паллиативным средством, плохо поддерживающим выгоды труженика под общим напором экономических неурядиц.

Земледельческие и сельскохозяйственные артели или общинно-артельные формы

1. Толока

«Толока» представляет форму, по всей вероятности довольно близкую по своему происхождению к обычаю «спрягаться». Обе эти формы народного труда, видимо, произошли путем атрофировки обычаев, имевших когда-то более широкое применение в жизни южнорусского земледельца, обе они – только отжившие формы общинного труда, и каждая из них в настоящее время носит характер артели.

Малорусская «толока» – то же, что и великорусские «помочи». И толока, и помочи представляют собою такие формы народного труда, которые

производятся «гурьбой», «гуртом», и притом рабочими силами различных семейств. Толока – дело известного общества, односельцев, соседей, но ничуть не семейная или родственная взаимопомощь, хотя, конечно, единичные случаи и не исключают такого ее характера. В толоке воплощается временная, мимолетная ассоциация сил. Толока, следовательно, представляет собою артельную форму труда, хотя и далеко не в совершенном виде.

Отличительная черта чисто южнорусских артелей состоит именно в том, что большинство их представляет собою или первоначальные, зачаточные формы, или же формы, утратившие свой прежний характер. Толоку, при поверхностном взгляде на нее, можно отнести разом к обоим видоизменениям. В настоящем своем виде она, по-видимому, представляет форму первого рода, форму чрезвычайно простую и неразвитую. Но есть также основания предполагать, что она составляет только жалкий осколок более широкой и совершенной формы общинного труда, существовавшего между малорусским населением в былые времена. Еще и теперь в некоторых местах Малороссии и Юго-Западного края, например в Ольгопольском уезде Каменец-Подольской губернии, между местным населением довольно свежи воспоминания о тех временах, когда земля обрабатывалась всеми наличными силами села или деревни, «вместе», сообща, «гуртом». Если подобный способ общинной обработки земли был в прежние времена, до крепостного права, в южной России более или менее общераспространенным, в чем вряд ли можно сомневаться, тогда связь толоки с этой общей ассоциационной формой труда, по крайней мере, в некоторых местах южной России не подлежит ни малейшему сомнению, и толока, следовательно, представляет собой атрофирующуюся форму общинного труда.

Есть и другие основания, подтверждающие ту мысль, что на толоку нужно смотреть как на форму общинной взаимопомощи, имевшей место в южной России в отдаленные времена в силу некоторых экономических и социальных условий страны. В этом именно отношении толока и представляет много общего с обычаем «спрягаться», становясь этим последним в тех случаях, когда работы исполняются в силу общинных нужд и потребностей. В пользу такого предположения о толоке как об отживающей форме общинного труда говорят и аналогичные формы труда у великороссов – помочи. Как показывает и самое их название, помочи устраиваются для того, чтобы помочь лицам, почему-либо не могущим произвести известных сельскохозяйственных работ. Так как и толока, и помочи устраивались прежде только для бедных, для духовенства и вообще для общественных, нравственных и религиозных нужд и целей и так как даже в настоящее время они во многих местах не утратили еще такого характера и устраиваются большей частью в одни и те же дни ежегодно, играющие роль народных праздников, то от-

сюда, очевидно, можно сделать только один вывод, что и толока, и помочи представляют собою атрофирующиеся формы общинного труда. Но тогда как у великороссов случаи устройства помочей для бедняков еще довольно часты и распространены, на юге России подобного рода случаи чрезвычайно редки. Толокой работают в южной России на бедняков только в немногих, исключительных случаях. Зато и в южной, как в средней и в особенности в северной России, толока чаще устраивается для общественных нужд и с религиозно-нравственными целями. Так, например, в Сквирском уезде Киевской губернии при помощи толоки отдельные селения жнут со снопа у помещиков хлеб, молотят его также толокой и вырученные затем деньги употребляют на школы или на церкви.

Итак, следовательно, толока представляет форму отжившего общинного труда; но в настоящее время, как увидим ниже, она носит характер артели, по крайней мере, в лучших, менее искаженных своих проявлениях.

В настоящее время толока вошла в обычай, эксплуатируемый, во-первых, духовенством, то есть: священниками, дьяконами, дьячками, вдовами и сиротами духовного звания; во-вторых, сельскими и станичными властями: старшинами, старостами, атаманами, писарями, ктиторами и проч.; в-третьих, лицами, пользующимися вообще известным положением в среде сельского населения, как-то: кабатчиками, лавочниками, кулаками, знахарями, черничками, то есть начетчицами, и т. п.

Сообразно с этими тремя категориями лиц толока принимает более или менее принудительный, обязательный характер. Так, священники, старшины или атаманы смотрят на толоку как на свою прямую и необходимую дань и вследствие этого нимало не стесняются понуждениями, приказаниями и вообще крутыми мерами в случае, если жители бывают не расположены работать на них толокой. Напротив, кабатчики или кулаки действуют большею частью без приказаний и крутых мер, просто при помощи ловкого торгашеского или ростовщического опутывания своих подневольных жертв. Для этих господ работы толокой являются чем-то вроде неизбежных процентов на капитал. Впрочем, надо заметить, что во всех местах южной России главным и преобладающим элементом, для которого производятся работы толокой, является духовенство. Этим как будто указывается, между прочим, на то обстоятельство, что в прежние времена толока служила для духовенства средством натурального вознаграждения и устраивалась, главным образом, ввиду религиозно-нравственных целей.

В силу все того же исключительного пользования толокою со стороны духовенства, у малороссов существует даже определенные раз навсегда дни, в которые и производятся обыкновенно работы толокой. Так как духовенство пользуется этими днями для своих личных выгод, то поэтому и самые такие

дни у народа известны под именем «попивских празникив». Сюда относятся «Паликоп», «Русальчин-велик-день», «теплый Олекса», «Илия», «Семен» и др. чисто народно-обрядовые, полуязыческие праздники. В некоторых местах, например в Черномории, в народном языке утратилось даже самое слово «толока», заменившись выражением «попивски празники». Впрочем, работы толокой производятся не только в одни поповские праздники, но и вообще в воскресные и церковные праздничные дни. Но в будни толока не бывает.

Несмотря на то, что малороссы вообще чрезвычайно щепетильны по отношению к работам в праздники, работы толокой в такие дни на духовенство и других лиц считаются у них нимало не предосудительными. В этих работах, по мнению малороссов, нет греха; их позволяет сам Бог. И суеверный малоросс, не работающий, например, в день какого-нибудь Прокофия из боязни, что этот святитель накажет его пожаром в поле, от чего Прокофий получил название Паликопа, – преспокойно работает толокой не только в день того же Паликопа, но и в другие, еще более чтимые им праздники.

Но по мере того как количество праздников у южных земледельцев все убывает и убывает, а самое их чествование теряет свой первоначальный строгий характер, – и земледельческий труд в такие дни приобретает все большую и большую ценность в глазах тех же земледельцев. Вследствие этого и работы толокой как своего рода даровой труд также постепенно сходят со сцены. Поэтому и в отношении к самому географическому распределению обычая работать толокою в южной России можно заметить следующее: чем южнее местность, тем обыкновенно реже встречается в ней толока, а самый характер толоки более обязательный, вынужденный – и наоборот. Очевидно, на крайнем юге труд ценится дороже, чем в более северных местах южной России.

Толокой производятся вообще всякого рода работы, входящие в круг южнорусского хозяйства. Главнейшими из таких работ можно считать съемку и перевозку хлеба и сена, для каких работ преимущественно и существует толока. Другие работы, как, например, перевозка глины, скашивание и возка камыша, бурьяна и проч., производятся толокой сравнительно реже, хотя и имеют место положительно во всей южной России. Наконец, распашка земли и посеы толокой в одних местах встречаются иногда, в других совершенно вышли из обычая, что можно сказать, главным образом, относительно крайнего юга.

Толока – мимолетная, так сказать, форма труда. Работы толокой редко продолжаются в течение двух дней. В громадном большинстве случаев толока ограничивается одним днем или, вернее, выполнением одной какой-нибудь работы. Поэтому и самый артельный характер толоки в настоящем ее виде заключается единственно в той черте ее, которая состоит в общности

работ, производимых несколькими совершенно чуждыми друг другу лицами, то есть в толоке как бы сохранилась первая часть артельной формы – совместные работы. В ней не существует ни дележа продуктов, ни какого бы то ни было вознаграждения, распределяемого известным образом между участвующими в ней лицами, и если бы не было случаев, где толока является в более чистой артельной форме, то существующие в настоящее время в южной России виды толоки нельзя было бы даже отнести к артельным формам труда. Но дело в том, что в некоторых местах южной России сохранились такого рода комбинации труда: известные работы, например перевозка с поля хлеба или сена, производятся обыкновенно сообща, толокой несколькими домохозяевами поочередно у каждого. Таким образом, здесь уже ясно сохранились обе части артельной формы – общие работы и общее пользование их результатами. Таким же родом производились некоторые работы у малороссов и в те времена, когда еще существовала, по крайней мере, в некоторых местах Малороссии общинная обработка земли.

Единственное вознаграждение, которым, пожалуй, пользуются работающие толокой, заключается в угощении. Обычай требует, чтобы для работающих толокою была приготовлена не обыкновенная обыденная пища, а непременно угощение, и чем богаче лицо, для которого собирается толока, тем больше требуется от него. Водка считается в таких случаях необходимою принадлежностью стола. Предметы редкости или лакомства в крестьянском быту, как, например, какая-нибудь «чехонь», «таранка» или «оселедци», также неразделимы с толокой. Вообще при толоке южнорусский рабочий «роскошничает» и ест обыкновенно борщ со сметаной и салом, баранину или рыбу, различного рода пироги, «кныши», «паляници», «пампушки», «коржи» и проч. Главное время этого пиршества составляет обед, которым по обыкновению в большинстве случаев и заканчивается толока. Тут пируют все участники толоки – «и старе, и мале», и какой-нибудь крошечный «пацан» (мальчик) тянет нередко веселящую влагу из рюмки наравне с седоусым «дядьком» или проворною, но сердитою «титкою». Толока поэтому заканчивается зачастую разгулом, в котором принимают, конечно, участие одни взрослые и чаще мужчины, чем женщины. В тех случаях, когда толока имеет характер общественной работы, например работы для церкви или школы, участники толоки кормятся или обыкновенным образом, каждый своею пищею, или же в складчину.

Само собою понятно, что участники толоки производят работы большею частью при посредстве своих же рабочих средств. Косы, волю, вилы, грабли, лопаты, плуги, бороны и проч., проч. – все это большею частью принадлежит тем лицам, которые составляют толоку, что, разумеется, нимало не исключает рабочих средств и самих хозяев, для которых устраивается толока. Очень

часто бывает так, что лица, составляющие толоку, делают со своей стороны нечто вроде складчины. Один, например, дает только воз, другой – волов, третий идет сам на работу и т. д.

Такова южнорусская толока. Несмотря на свой артельный характер, это в большинстве случаев, без всякого сомнения, чисто вынужденная, обязательная форма народного труда, которая ложится на земледельца иногда тяжелым гнетом. Чтобы определить размер этой тяжести, достаточно упомянуть, что толока существует и в Малороссии, и в Юго-Западном крае, и в Новороссии, и на Кавказе. Обычай толоки можно найти в Киевской, Волынской, Каменец-Подольской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Воронежской, Екатеринославской, Херсонской, части Курской и части Таврической губерний, а также в Донском войске, Кубанской области, Терском войске и, по всей вероятности, в Бессарабии. Так как во всех этих местах считается около 30 тысяч сельских поселений, то, взявши из них только третью часть и оценивши стоимость производимых толокою работ для каждого селения, где производится ежегодно толока, minimum в 100 руб. в год, – получим следующие цифры, в которых выразится общая стоимость производимых толокою в южной России работ: $10\,000 \times 100 = 1\,000\,000$ руб. Цифры, конечно, в сущности, далеко ниже действительных, но тем не менее все-таки довольно почтенные.

2. Обычай «спрягаться»

«Спрягаться» («супрягаться» также) значит соединять рабочий скот и орудия нескольких домохозяев для произведения какой-нибудь работы вообще и вспашки земли в тесном смысле. Таким образом, обычай «спрягаться» представляет собою, несомненно, ассоциационную форму народного труда. Это один из тех обычаев, которые бывают тесно связаны с примитивными формами народного хозяйства. В нем, в этом обычае, ясно проглядывает начало взаимопомощи, основанное на соединении рабочих средств и капитала – соединении, обусловливаемом, с одной стороны, трудностью обработки тяжелых и плохо культивированных почв, а с другой – недостатком рабочих средств и слабым развитием крестьянского земледельческого хозяйства.

Судя по такому характеру этого обычая и по логическому значению слова «спрягаться», надо полагать, что обычай спрягаться в свое время имел самое близкое отношение к первобытной хозяйственной общине. На это есть даже прямые фактические указания в народной жизни. Бывают случаи, когда спрягается целое селение для вспашки, например, церковной земли. Очевидно, что в таких случаях обычай спрягаться и носит именно характер общинного труда. В Ольгопольском уезде Каменец-Подольской губернии в былые времена, когда пользование у крепостных крестьян отведенными им помещиками

землями было общинным, для вспашки земли спрягалась обыкновенно вся деревня. И в такой форме этот обычай встречается не только у малороссов, но даже у других народностей, у которых ведется первобытное натуральное хозяйство. Так, черкесы Кубанской области, хозяйственная община у которых носит, несомненно, первобытный характер, спрягаются целыми общинами для вспашки и обработки земли. Таким образом, на малорусский обычай спрягаться нужно смотреть как на уцелевшую и до известной степени видоизменившуюся форму общинного труда, имевшего когда-то более широкое применение в жизни малорусского народа.

Но, с другой стороны, обычай спрягаться в своем настоящем виде представляет только обыкновенную артельную форму. Имея повсеместное применение в Малороссии, Юго-Западной крае и вообще в южной России, он всегда является личным делом нескольких хозяев и, за весьма немногими исключениями, бывает делом целого селения или общины. Следовательно, рядом с предположением о том, что обычай спрягаться служит уцелевшею формой общинного труда, существует целая масса фактов в современной жизни, возводящих его как бы в самостоятельную артельную форму. Конечно, это отчасти объясняется тем обстоятельством, что некоторые артели являются только следствием видоизменения общинных форм труда и что, следовательно, такую же форму является и обычай спрягаться. Впрочем, с какой бы точки зрения не посмотреть на обычай спрягаться, он и как уцелевшая форма общинного труда, и как чисто артельная форма оказывается сложившимся под влиянием совершенно однохарактерных условий.

Малорусские «спряжки», или лучше землепашеские артели, представляют собою такие формы народного труда, при посредстве которых производятся только одни предварительные земледельческие работы – распашка земли и посевы. Это чрезвычайно простые формы ассоциации, отличающиеся своим примитивным, зародышевым характером. Артельное начало применено к ним в самом незатейливом виде, и малороссы, сколько мне известно, даже не придумали до сих пор для обозначения этих артелей подходящего названия. Чтобы отличить распашку, производимую при помощи этих артелей, от других способов обработки земли, малороссы употребляют обыкновенно глагол «спрягаться». Спрягаться значит именно составлять описываемыми нами землепашеские артели.

Всматриваясь в настоящие причины существования землепашеских артелей, легко заметить, что существование это обусловливается, с одной стороны, естественным характером южнорусского края, а с другой – особым складом малорусской жизни. Когда земля южной России была покрыта богатой и роскошной растительностью, земледельцу трудно было справиться с такою землею, в настоящее же время, когда истощенная почва то и дело посе-

щается частыми засухами, и земля, по библейскому выражению штундистов, сделалась «медяною», борьба с природой стала для южного земледельца еще более трудной и непосильной. Таким образом, и прежде, и теперь подъем и вспашка земли представляла и представляет для южнорусского земледельца существенную и затруднительную задачу его тяжелого труда. Корнеплодная почва и глубокая вспашка всегда требовали значительных сил и тяжелых земледельческих орудий. Малорусская «оранка», то есть вспашка земли при помощи тяжелого и безобразного плуга, влекомого четырьмя, пятью и даже шестью парами волов, давно служила предметом удивления и даже многогрешного зубоскальства для наших доморощенных quasi-ученых земледельцев. С другой стороны, постоянные экономические неурядицы, происходившие на юге России от целой массы внутренних и внешних причин, каковы: организация южнорусской торговли, резкие колебания на заграничных рынках в спросе на южнорусское сырье и пр., – окончательно разоряли южнорусского земледельца и лишали его и тех небогатых средств, которыми он располагал. Южный земледелец издавна терпел недостаток в земледельческих орудиях и рабочем скоте, а южнорусское земледелие страдало от отсутствия капиталов и от неравномерного распределения рабочих сил, блистательнейшим подтверждением чего служат такие явления, как отхожий косарский промысел южной России. При таком положении дел южному земледельцу естественно было искать в затруднительных случаях выхода в той форме труда, которую он окрестил глаголом «спрягаться». Применение артельного начала к земледелию становилось прямым и неизбежным следствием самого положения земледельца. Вот почему землепашеские артели малороссов представляют довольно распространенную и однообразную форму земледельческого труда в южной России. Существование их, помимо давности, очевидно, обуславливается всеобщими и однообразными причинами, и землепашеские артели, например, Полтавской губернии ничем существенно не отличаются в силу этих причин от подобных же артелей Кубанской области или Екатеринославской губернии.

Другая причина, которой обуславливается существование землепашеских артелей именно между малороссами, кроется в национальном характере малороссов. Это известный малорусский индивидуализм, на который очень многие указывают обыкновенно как на прямой тормоз для развития артелей между малороссами. Дело в том, что в малорусском населении весьма сильно стремление к так называемому отдилу, то есть разделу. Едва женится малоросс, как всячески уже старается отделиться от отцовской семьи и жить своим самостоятельным хозяйством. Малорусские семьи поэтому не отличаются многочисленностью своих членов, что и составляло, собственно, по крайней мере, до последнего времени их отличительную черту от велико-

русских семей. Вследствие этого происходит дробление хозяйств на мелкие части и невозможность для многих семейств производить распашку земли одними своими наличными силами. Такие именно мелкие семейства чаще всего и «спрягаются». Поучительный пример в этом отношении представляет Кубанская область. В состав Кубанской области, как известно, вошли два войска – Линейное, состоящее из великороссов, и Черноморское, образовавшееся из малороссов. Несмотря на это соединение двух войск в одно, их жизнь по-прежнему разделена резкою чертою. У линейцев встречаются, например, довольно многочисленные семьи и вместе с тем редки случаи описываемых нами землепашеских артелей, так как большая семья представляет обыкновенно сама по себе достаточно сил и средств для подъема и распашки тяжелой почвы. У черноморцев, напротив, семьи отличаются малочисленностью членов и случаи образования землепашеских артелей довольно часты.

Вообще, по мере того как благодаря, главным образом, частному владению землей все больше и больше усиливается обеднение рабочего класса в некоторых частях южной России, – и тип южнорусского пролетария очерчивается все ярче и отчетливее, а вместе с тем растет и количество таких семейств, для которых «спрягаться» при распашке земли становится единственным средством поддержки их убогого хозяйства. Таким образом, настоящие условия некоторых частей южной России (преимущественно Малороссии и Юго-Западного края), по-видимому, благоприятствуют если не развитию, то поддержке земледельческих артелей. Но это только по-видимому. На самом деле, эти условия таковы, что при дальнейшем своем развитии они окончательно подорвут даже рассматриваемые нами незатейливые формы артельного труда и в результате дадут страшнейшее из зол – земледельческий пролетариат.

В настоящее время землепашеские артели встречаются положительно во всех частях и местностях южной России – и в Малороссии, и в Новороссии, и на Кавказе. Но распределение их далеко неравномерно во всех этих частях. Там, где обеднение земледельческого класса значительно и надел земли ничтожен, где, следовательно, наряду с обилием рабочих сил существует недостаток в рабочих средствах – в орудиях, в скоте и в особенности в земле, – там, понятно, и количество землепашеских артелей весьма ограничено. Наоборот, чем больше в известной местности находится в распоряжении земледельческого класса земли и рабочих сил и меньше земледельческих орудий и рабочего скота, тем значительнее число существующих в таких местностях землепашеских артелей. Надо, впрочем, заметить, что распространение землепашеских артелей идет как бы с юга на север, чего, конечно, в исторической жизни южнорусского края на самом деле никогда не было, и там, где соха заменяет малороссийский плуг, находится черта,

за которой землепашеские артели уже не встречаются. Таким образом, например, в том месте, где Полтавская губерния граничит с Курской, в малорусском населении которой плуг заменен сохой, обычая спрыгаться даже между этим населением не существует.

Малорусские землепашеские артели отличаются смешанным характером. Они представляют собою соединение труда и капитала. «Спрыгаются» в большинстве случаев таким образом, что в состав артелей входят следующие необходимые элементы: 1) рабочие силы, то есть так называемые плугатырь, главный работник и заправляющий, и «погонычи», то есть погонщики волов; 2) земледельческие орудия – плуг, «рало» и бороны; 3) рабочий скот – волы и в весьма редких, исключительных случаях лошади. Спрыгающиеся, следовательно, участвуют в землепашеских артелях или трудом, или капиталом, или же тем и другим вместе. Каждый из этих элементов, выполняя известные функции в артельной распашке земли, определяется затем известного рода натуральным вознаграждением, установленным в большинстве случаев раз навсегда обычаем.

Благодаря такому смешанному характеру землепашеских артелей и в особенности немногосложности производимых ими операций и самая организация их не отличается ни сложностью, ни особенною специализацией в выполняемых артелями работах. Единственные работы, требующие известного навыка и знаний, исполняются плугатырем. Плугатырь должен уметь слаживать плуг, «ходить за плугом», сделать и приладить, куда следует, различного рода клинья и клинушки (так называемую жабку, «клины чересла» и «клины хвостовика») и, наконец, уметь определить самую глубину вспашки. Если затем на нем лежит и сеянье, то от него требуется также и умение разбрасывать более или менее равномерно семена – «густо» или «ридко». Затем все остальные работы, лежащие уже на погонычах, сводятся исключительно к одному понуканию с помощью «батоба» волов, уменью впрячь и выпрячь их, держать во время самой распашки на известной линии по борозде.

Таким образом, уже по самому своему положению плугатырь является главою и распорядителем артели. Это, следовательно, своего рода артельщик-атаман, и малороссы действительно нередко в шутку называют своих плугатырей атаманами. На плугатыре лежит полнейшая ответственность за ведение всего дела и целость вверяемых ему орудий и скота. Он поэтому распределяет работы, определяет время их продолжительности и отвечает в случае пропажи скота или орудий. Самые провинности и неисправности плугатыря всегда определяются общим народным мнением и караются волостным или станичным судом на основании существующих на этот счет обычаев.

Роль погонычей чисто второстепенная и крайне незначительная. Это – непосредственные помощники и слуги плугатыря. Их дело: точно блюсти

распоряжения этого последнего – и только. Во время самой распашки или «заволочки» они обыкновенно только водят и «погоняют» волов; но с окончанием работ этого рода на них лежит обязанность ухода за скотом – его выпаска и поение – под непосредственным, разумеется, наблюдением плугатыря. Поэтому известная доля ответственности за рабочий скот лежит также и на погонычах, впрочем, только взрослых. Погонычи несут ответственность не только перед одним плугатырем в тех случаях, когда по их вине, например, волы «попарятся», то есть потрут шеи, или плохо будут накормлены, но и вообще, по существующим обычновениям, они ответственны за все те случаи могущих произойти несчастий со скотом, которые бывают при передаче скота на их руки плугатырем и невозможности наблюдения со стороны этого последнего.

Каждая землепашеская артель состоит обыкновенно из одного плугатыря и двух или трех погонычей, а в редких случаях и просто одного. Таких артелей, которые работали бы двумя или несколькими плугами и количество рабочих сил которых, следовательно, не ограничивалось бы цифрами в три или четыре человека, не встречается. Но в состав артелей входят вообще как мужчины, так и женщины. Разумеется, эти последние бывают только погонычами, так как от плугатыря требуется значительная физическая сила и напряжение в труде. Случаи, когда плугатырем бывает женщина, исключительны. Впрочем, и погонычами всегда почти бывают подростки из мужчин и случаи взрослых погонычей весьма редки.

Каждый член артели, если он не одной семьи с кем-нибудь из других членов, должен обыкновенно кормиться своею собственною пищею, так что в общей сложности артель кормится пищей при помощи складчины и непременно из одного общего котла. Точно такая же складчина существует и по отношению к кормлению рабочего скота, если только он кормится сеном, а не подножным кормом. В таком случае каждый из соучастников артели запасается сеном в таком количестве, какое бывает необходимо для прокормления его скота. Вообще ни по отношению к продовольствию членов, ни по отношению к кормлению скота не существует никаких строго определенных правил, а скорее все это лежит на совести каждого из участвующих в артели. И сколько мне известно, в результате всегда бывает так, что раскладка предметов потребления всегда как-то устраивается сама собою и ложится с одинаковою равномерностью на всех членов артели.

Землепашеские артели производят свои работы главным образом осенью и весною, то есть в те времена, когда бывает в южной России распашка земли и посевы. Самая продолжительность их работ довольно непостоянна. Редкие из артелей пашут во весь рабочий сезон. Чаще случается так, что артель существует в течение какого-нибудь одного или двух месяцев или даже

недель. Продолжительность работ обуславливается очень многими причинами и главнейшей из них – тем количеством земли, которым располагает обыкновенно земледелец.

Наконец, самое распределение работ, приходящихся на каждого хозяина, участвующего в работе собственным ли трудом или рабочим скотом и орудиями, на основании существующих обычаев бывает приблизительно следующим во всех местах южной России: плугатырь получает право за свои труды пахать на себя пятый день или пятую десятину, погоньч – восьмой, девятый и даже двенадцатый день или десятину, но самая значительная доля натурального вознаграждения приходится на долю рабочего скота. В тех случаях, когда в артель входят, например, два хозяина и когда один из них имеет две пары волов и плуг, а другой – только две пары волов, этот последний непременно должен быть плугатырем, и, значит, труд плугатыря (труд одного участника в артели) будет уравниваться плугом (капиталом другого участника). Само собою понятно, что если кто участвует в артели одним плугом, то для него также распахивается пятая десятина. В общем итоге, следовательно, выходит такого рода право на распределение работ, выпадающих на долю участвующих в артели элементов: на плугатыря идет один день вспашки, на плуг – один день и на каждую из трех пар волов также по одному дню; затем погоньчи располагают седьмым, десятым и даже двенадцатым днем, смотря по возрасту погоньча, или же, что случается гораздо чаще, известным денежным вознаграждением, уплата которого распределяется между участниками пропорционально их величине участия в артели. Чаще же всего труд погоньча как бы совершенно игнорируется, так как вообще детский труд или даже труд так называемых попрыхачей, то есть подростков, находящихся под рукою у взрослого рабочего, ценятся одною потребляемою ими пищею. Таковы уж обыкновения у южнорусского земледельца или, вернее, таково уж его бедственное экономическое положение, при котором кусок хлеба считается достаточною платою за труд.

3. Артели половинщиков и артели с части

Те формы земледельческого труда, которые составляют предмет настоящего очерка, не носят, собственно говоря, в народном языке какого-нибудь одного определенного названия. Для обозначения их малороссы обыкновенно употребляют выражения: «становиться с половины», «браться с мерки, с копы, снопа», «скопщина» и проч. Всеми этими выражениями, следовательно, обозначаются однохарактерные видовые формы труда, относящиеся к одному и тому же общему для всех их роду. Малороссы почему-то не находят нужной замену этих выражений именами существительными, и толь-

ко в некоторых местах и по отношению к некоторым работам этого рода существуют такие названия, как, например, в Черниговской губернии, где употребляется слово «скопщина». Поэтому и мы взяли для их обозначения только единственно существующий в малорусском наречии народный термин «половинщик», под каковым, впрочем, названием в некоторых местах южной России известны вообще работающие за известную часть производимых ими на хозяев продуктов. Таким образом, и самые артели, о которых будет речь ниже, представляют собой целую серию совершенно однохарактерных видовых форм народного труда.

Впрочем, артельная форма труда не составляет единственного и исключительного способа обработки земли исполу и уборки хлеба с копны или меры. Работы этого рода производятся также у малороссов и отдельными семьями или единично работающими рабочими, – и артельные формы труда идут с ними рука об руку. Вообще обыкновенные неартельные работы исполу и с части встречаются чаще, чем артельные. Вся сила заключается тут в том, в каких отношениях находится капитал к труду или, вернее, работодатели к берущим работы. Чем в большей экономической зависимости находятся рабочие от работодателей и землевладельцев, тем обыкновенно сильнее парализуется их стремление производить работы сообща, артельно... Очевидно, что там, где кабала начинает вступать в свои права, меньше всего мыслимы какие бы то ни было артели. Артели возможны только при известном *minimum* экономической свободы, за которым существует уже чисто кабальный, рабский труд...

Трудно сказать, как и когда возникли артели половинщиков и однохарактерные с ними артели с части на юге России. Время, кажется, окончательно сгладило следы их первоначального возникновения, и самый их настоящий характер и клад едва ли был таким в былые времена. Как бы там ни было, впрочем, но и возникновение, и самое их существование всегда находилось в тесной связи и зависимости с неравномерным распределением земли, угодий и капиталов между различными личностями и классами южнорусского населения. Естественно поэтому предположить, что в тех местах южной России, где существовало крепостное право, артели половинщиков или с части получили свое начало только с исчезновением этого последнего. В других местах, как, например, в Черномории и в некоторых местах Новороссийского края, артели этого рода существовали далеко ранее отмены крепостного права в России. Таким образом, артели половинщиков и артели с части получили свое начало в разных местах южной России в различные времена и при различных условиях и обстоятельствах.

Южнорусская сельскохозяйственная производительность издавна страдала от несоответствия рабочих средств с теми природными богатствами,

которые заключала в своих недрах природа и земля южной России. Недостаток рабочих рук и отсутствие интенсивного труда спокон веку были ее больными местами. В то же время различного рода пертурбации, которым подвергался юг России, вносили еще более неурядиц и невзгод в экономическую жизнь его населения. Сильные военные потрясения, преобладающее значение польского элемента в некоторых местах, крепостное право и, в особенности, еврейский эксплуатирующий корпоратизм и барышническая торговля южнорусским сырьем – все это наложило на экономическую жизнь южнорусского народа трудно изгладимые следы и отличия. Труд, таким образом, был поставлен в силу всего этого между массой самых противоречивых и неблагоприятных условий и обстоятельств, а земельная собственность и производительность обратились в самые бесцеремонные средства наживы. В конце концов, оставались в проигрыше все и вся – и землевладельцы, и земледельцы, и труд, и капитал, и поземельная собственность, и производительность. И при таких-то условиях должны были возникать и развиваться описываемые нами земледельческие артели! Понятно, что постоянные передвижения и перетасовки южнорусской массы были часты и неизбежны. Но как только одна часть народонаселения становилась в экономическую зависимость от другой, как только один класс или слой общества богател на счет другого – работы исполу и с части при отсутствии капиталов и дороговизне труда становилась экономической необходимостью, порождавшей, в свою очередь, артельные формы труда.

В настоящее время артели половинщиков и артели с части можно встречать положительно во всех местах южной России, хотя и далеко не в одной и той же форме и на одной и той же степени развития. Там, где существует уже земледельческий пролетариат в своем первоначальном, зачаточном виде, артели, производящие работы исполу, встречаются обыкновенно чаще, чем другие однохарактерные с ними формы. В тех же местах, где бывает значительное число малоземельных семейств землепашцев, преобладают, напротив, артели, производящие свои работы с снопа, с копы или меры. Но и в первом, и во втором случаях земледельческие артели встречаются тем в большем количестве, чем больше бывает землевладельцев и хозяев средней руки. Крупные землевладельцы производят обработку земли большею частью наемными поденными, сроковыми и годовыми рабочими. С другой стороны, кабальная зависимость земледельца от хозяина или крупного арендатора, отдающего арендуемые земли мелкими частями, подрывает артели в самом их корне. Вообще же нужно сказать, что артели половинщиков и артели с части представляют в южной России только единичные и, пожалуй, относительно мало распространенные формы труда наряду с неартельными работами исполу или с части.

Все артели рассматриваемого нами рода можно отнести, собственно, к двум разрядам. Первым разрядом составят те из них, при посредстве которых производится обработка земли исполу. Ко второму можно отнести все остальные артели, производящие уборку хлеба или сена от меры, «копы» и копны. Что касается географического распределения артелей обоих этих разрядов, то как первого, так и второго рода артели встречаются вообще во всех местах южной России, хотя распределение их и не отличается постепенностью или однообразием. Все они существуют обыкновенно попеременно, и каждый их вид преобладает или не преобладает над другими лишь настолько, насколько способствуют тому такие местные экономические условия, как распределение поземельной собственности, изобилие и недостаток капиталов и рабочих средств, урожай и проч. Таким образом, по отношению к распределению артелей на юге России можно принять за правило следующие два условия: 1) изобилие поземельной собственности и обрабатываемых средств в руках землевладельцев и недостатка того и другого у трудящегося земледельческого класса порождает артели, главным образом, первого разряда; 2) хороший урожай и отсутствие капиталов способствуют развитию артелей второго разряда.

Существенное отличие артелей первого рода от артелей второго заключается в тех взаимных отношениях, в которых находятся обыкновенно между собою артели и землевладельцы-хозяева. В первом случае хозяева отдают в полнейшее распоряжение артелей свою землю, земледельческие орудия и рабочий скот на целый рабочий сезон – это и будут, собственно, артели половинщиков в подлинном смысле этого слова. В других случаях работы артелей ограничиваются только уборкой хлеба или молотьбой – и тогда артели работают обыкновенно от снопа, копны или меры. В этом втором случае артели пользуются или не пользуются хозяйскими орудиями и скотом, смотря по тому, требуют ли этого самые работы или нет. Так, сьемка хлеба от снопа или с копы производится артелями единственно при посредстве своих рабочих средств и орудий, без всякого участия в этом отношении хозяев; напротив, уборка хлеба с меры, всегда соединенная с молотьбой, непременно производится при посредстве хозяйских орудий и рабочего скота (разумеется, в тех случаях, когда самая молотьба производится при посредстве скота). Вообще в этом отношении обычаем установлены раз навсегда известные правила и отношения. Почти никогда, например, артели не работают на хозяйских харчах, и это правило распространяется на все виды артелей без исключения. В тех случаях, когда артель берется за обработку земли исполу, семена для посева обыкновенно должен давать хозяин, и только в весьма редких исключительных случаях артели употребляют собственные семена. Но как в первом, так и во втором случаях обычай

требует, чтобы при окончательном разделе хлеба засеянные семена были возвращены сполна из жатвы той стороне, которая затратила их на посев. Тут все, следовательно, просто и немногосложно, и отношения капитала к труду отличаются первобытным, примитивным характером.

Наконец, самая организация и внутренние распорядки описываемых нами артелей также просты и немногосложны. Все артели организуются обыкновенно по типу семьи, и взаимные отношения их членов служат почти буквальным повторением семейных отношений. В артелях этих никогда не бывает ни старост, ни артельщиков, ни атаманов, ни вообще каких-нибудь распорядительных должностей и обязанностей. В них все от мала до велика – работники и только. Каждый же отдельный член их пользуется уважением и почетом настолько же в артели, насколько и вне ее от тех же самых членов. Собственно сами по себе артели не дают на это никаких особенных прав и преимуществ. Видное, почетное положение в них обуславливается вообще годами, опытностью и знаниями, как и в семье или в обществе. Если известный член артели считается вне ее «дядьком», то дядьком он будет и в артели, а если к этому прибавить еще его личные качества – опытность, честность и знания, то это только увеличит его репутацию, точно так же, как увеличило бы ее и вне артели, на стороне.

Таким образом, благодаря такому чисто семейному характеру описываемых артелей в состав их входят наряду с мужчинами и женщины, наряду со взрослыми – подростки и дети. Бывают случаи, когда такие артели состоят из двух или трех различных семей. Чаще в состав их входят только некоторые и притом взрослые члены отдельных семейств. Тут, впрочем, играет весьма важную роль то обстоятельство, где работает артель. Если она находится вблизи от своих домов, тогда, понятно, в ней участвуют почти все наличные члены семей; если же место действия ее находится вдали от родины, тогда ее членами являются большею частью взрослые работники. В тех случаях, когда артели половинщиков превращаются в фермерские, арендаторские артели, обрабатывающие землю исполу, – в состав их входят большею частью все наличные члены семей, годные к работам.

Вообще трудно определить количество членов, входящих в состав артелей половинщиков или артелей с части. Между *minimum*ом и *maximum*ом членов существует довольно значительная разница, граничащая, с одной стороны, единицами, а с другой – десятками. Очевидно, размер рабочих сил артелей находится в прямой зависимости от размера производимых ими работ. Сообразно с этим меняется и самый образ жизни артелей. Чем шире и солиднее производимые ими работы, тем, понятно, крепче и устойчивее самые артели. Работы исполу переходят иногда в многолетние фермерские, арендаторские отношения артелей к хозяевам. Тогда артели селятся обыкно-

венно на земле или водворяются на жительство в имениях этих последних и таким образом живут по нескольку лет сряду. Уборка хлеба с меры, требующая всего каких-нибудь двух-трех месяцев труда, создает только временную жизнь артелей в каких-нибудь шалашах или «курнях». Еще незатейливее и неустойчивее жизнь артелей, работающих со снопа, от копы или копны. Существование таких артелей обуславливается в большинстве случаев каким-нибудь месяцем, несколькими неделями или даже днями.

Распределение и специализация работ производятся в артелях точно так же чисто семейным образом. Каждый член артели делает столько, сколько позволяют ему силы, и притом те работы, которые ему знакомы ближе других или сподручнее. Какой-нибудь «пацан», то есть мальчик, мальчуган, только пасет волов, а «парубок», взрослый парень, и «за плугом ходит», и косит, и молотит, и веет, и т. д. и т. д. Между тем как на обязанностях женщины лежит кухня и вообще более мелкие и легкие работы, мужчина исполняет самые трудные операции земледельческого труда. Все выгоды описываемых артелей заключаются именно в этом разделении и специализации труда, и рабочий люд прекрасно это понимает и ценит. Поэтому и самый суд над провинившимися членами артелей отличается также семейным характером. С виновником расправляется какой-нибудь старший член семьи, а члены других семей выставляют обыкновенно только на вид вину. По крайней мере, обычай дальше этого не идет, и случаи с противоположным характером составляют уже правонарушения народного обычного права. Случаи распада артелей вследствие внутренних неурядиц и несогласий, кажется, крайне редки, и нам, например, положительно неизвестны. Лентяи и нерадивые члены никогда не исключаются из артелей, но наказываются или понуждаются к более добросовестному труду чисто семейным образом и домашними средствами. Штрафы совсем не существуют. Они заменяются также семейными расправами и понуждениями.

Та же печать семейственности лежит и на самом дележе, так называемом дуване, продуктов труда между отдельными участниками артелей. Дуван этот отличается крайнею неопределенностью и запутанностью. При дележе обыкновенно берутся во внимание, главным образом, взрослые члены артелей, причем мужчина почти всегда получает в два раза больше женщины. Что же касается детей и подростков, то их доля или раньше выговаривается, или же, наконец, несколько таких малолетних работников принимается за одного взрослого. Очень часто детский труд совершенно не берется во внимание при дележе продуктов на том основании, что на детей идут харчи совершенно безвозмездно. Вообще в этом отношении не существует каких-нибудь установленных раз навсегда правил, и самый обычай скорее стоит на стороне дарового детского труда, чем его вознаграждения.

Таковы в общих чертах артели половинщиков и артели с части, существующие в среде южнорусских земледельцев. Достаточно одного этого беглого очерка, чтобы видеть, что это довольно несовершенные и не определившиеся окончательно формы артельного труда, кроющие свое начало в общинных привычках народа. Это скорее какие-то отжившие отрывочные применения артельного начала к земледельческому труду, чем вполне развившиеся артельные формы. Они встречаются весьма редко и разбединенно, но тем не менее все-таки оказываются более или менее отрадными оазисами крайне тяжелого и неблагоприятного труда южнорусского землепашца. Что ожидает в будущем разные формы описанных нами артелей – об этом, разумеется, можно только гадать и догадываться при их невыработанности, с одной стороны, и экономических неурядицах южной России – с другой. Очень может быть, что они и не исчезнут скоро, но установятся и пойдут дальше в своем развитии. Тот факт, что южнорусские землевладельцы постепенно приходят к убеждению в положительной невозможности ведения своих хозяйств при помощи вольнонаемного труда и поэтому с каждым годом все с большею и большею охотой уступают свои хозяйства в аренду разного рода «поссессионерам», видимо, положительно благоприятствует, – по крайней мере, в настоящее время и в ближайшем будущем – развитию артелей половинщиков. И самые артели этого рода как вследствие этого факта, так и в силу других причин, если не ошибаемся, начинают появляться на юге России все чаще и чаще. А если так, то и другого рода артели, артели с части, как неразрывно связанные с таким порядком дел также должны развиваться.

4. Артели неженских табачниц

Артели неженских табачниц отличаются, между прочим, тою особенностью, что организуются исключительно из одних женщин, и притом девушек. По складу же и характеру их нужно отнести к разряду артелей половинщиков. Под этим именем они и известны на месте своего нахождения, получивши название «артелей половинщиц» от обыкновения распределять продукты труда «пополам» между табачницами и теми хозяевами, у которых они снимают табачные огороды¹.

Артели эти возникают поздно осенью или в начале зимы, и само их возникновение происходит таким образом. Две-три казачки или мещанки из жительницы города Нежена и его окрестностей, условившись в совместной работе, отправляются, по принятому выражению, искать огородов. Найдя

¹ Очерк этот составлен по сведениям Шликевич, помещенным во втором выпуске «Сборника материалов об артелях в России» (с. 251–256).

подходящий огород, свои условия с хозяином огорода или арендатором, если такой бывает, табачницы заносят обыкновенно на бумагу. Это письменное условие и служит собственно, так сказать, актом возникновения артели. Заручившись условием, табачницы начинают комплектовать уже самую артель. Если снятый огород оказывается значительным по размеру, превышает, например, десять десятин, то артель распадается на две, на три артели – от 6 до 9 душ в каждой. При меньшем огороде артель составляется из меньшего числа членов – из пяти, четырех и даже трех.

Несмотря на обычное распределение продукта пополам между артелями и владельцами плантаций, общие условия съемки артелями огородов в разных случаях принимают те или другие видоизменения. Обыкновенно эти условия таковы: владелец огорода должен иметь, во-первых, известное, обусловленное количество годной, то есть огороженной и удобренной под табак земли, во-вторых, сараи для сушки табаку и помещение для табачниц, и в-третьих, он обязуется доставлять материалы для освещения и отопления жилых помещений табачниц. Кроме того, он уступает табачницам определенный, смотря по количеству членов артели, участок огорода, который артель и обрабатывает для себя, засаживая его разного рода огородными овощами и преимущественно картофелем. Со стороны артели требуется прежде всего исправное выполнение всех употребляемых при табаководстве работ и затем собственные орудия труда, то есть на каждую табачницу по заступу, мотыге и по несколько «глиц», особенной формы иголок. Все другие взаимные условия между артелями и владельцами табачных плантаций принимают в разных случаях разного рода видоизменения. Так, в иных случаях артель пользуется овощным огородом совершенно безвозмездно, в других плату за него табачницы отбывают натурою, производя на хозяина известные работы в течение известного числа дней. То обстоятельство, что места работ половинщиц – лежащие по радиусам от Нежена и постепенно уменьшающиеся по мере их удаления от этого города, так что за пределами пятидесятиверстного расстояния от Нежена нельзя уже встретить ни одной артели табачниц, – также имеет влияние на различие условий относительно продовольствования артелей. На самых близких к Нежену плантациях артели работают на своих харчах, в местах, среднеудаленных от этого города, они получают уже половину пищевых средств от владельцев плантаций, и, наконец, на самых удаленных от города плантациях артели харчатся исключительно на счет хозяина плантаций. Но бывают случаи, когда владелец удаленной от города плантации, хорошо удоблив ее, считает невыгодным продовольствовать на свой счет артель. Тогда артели нередко соглашаются и на другие условия. Впрочем, неодинаковость условий относительно продовольствования артелей, обусловливаемая близостью или

удаленностью мест работ от Нежена, объясняется вообще различием общих экономических условий. Дело в том, что в течение всего периода роста табаку, то есть с половины апреля до половины ноября, артели имеют от трех до шести недель совершенно свободного времени, и чем ближе плантация от Нежена, тем скорее артель может найти для себя сторонние работы в это свободное время и тем выше оплачиваются сами работы.

Что касается внутренней организации артелей половинщиц, то в основу ее положена самая строгая солидарность и справедливость.

«Права, обязанности и вознаграждение табачниц, составляющих артель, совершенно одинаковы. Артели табачниц построены на началах равно-го труда своих членов. Почему, принимая его равноценным, артель считает правильным выдавать и равное вознаграждение своим членам. Исключений не бывает. Но так как при таком устройстве артели для членов ее было бы невыгодно принять в свою среду работниц недостаточно хороших, то каждая вновь образующаяся артель руководится строгим подбором в выборе своих членов. Плохую, неумелую работницу не примут в артель хороших, умелых. И наоборот, работница опытная, прилежная не захочет стать членом артели работниц малоопытных. Артель, таким образом, составляется из членов, способных доставлять, каждый в отдельности, одинаковое число единиц полезной работы».

«Затем никаких особых должностных и облеченных полномочиями лиц в артели не бывает. Правда, каждая артель имеет свою “старшую”, но роль этой “старшей” трудно определима, а власть ее над остальными членами ограничивается одним нравственным влиянием».

«Общность интересов и взаимная связь для общего дела отлично понимаются членами артели. Интересы отдельных членов сливаются с интересами целой артели, и случаев, когда бы те и другие шли врознь, вовсе не бывает. Свою солидарность табачницы выражают так : “мы, как овцы, куда одна – туда и все”».

«Раз возникнувшая артель очень редко удерживает своих членов в полном составе далее одного периода работ. Для каждого нового периода часть прежних членов выбывает и замещается вновь вступившими. Происходит это отчасти потому, что некоторые из прежних членов выходят замуж, а с выходом замуж прекращается, по принятому обычаю, право вступления в артель, отчасти и потому, что подбор предыдущего года оказывается не вполне удовлетворительным, и отдельные члены расходятся по разным артелям».

«В случаях, когда артель не успевает выполнять всех работ по плантации одними своими членами, она прибегает к найму рабочих на стороне. Размер платы этим рабочим и число их зависят единственно от соглашения по этому предмету всех членов артели».

«Размер вознаграждения, получаемый табачницами, весьма непостоянен. До 1872 года средний заработок каждой работницы простирался от 30 до 50 руб. В этом же году, вследствие возвышения цен на табак, заработок возвысился вдвое. Очень и очень многие артели вырабатывали по 100 и даже 150 руб. на члена».

С дележом заработков в артели и оканчивается, собственно, существование этой последней. Всякие отношения табачниц друг к другу как членов одной и той же артели с этого времени совершенно прекращаются. Так как заключение условий между артелями и владельцами табачных плантаций совершается обыкновенно никак не позже зимы, а раздел заработков в артели производится не раньше января следующего года, то, следовательно, среднюю продолжительность существования артели можно считать ровно в один год. Собственно же период ее деятельности значительно короче. Его можно считать в 7 месяцев, с половины апреля до половины ноября.

Таковы-то в общих чертах артели неженских табачниц. По предположению Шликевича, общее число членов во всех артелях табачниц простирается до 1000 душ, валовой заработок до 50 000 руб., а общее количество производимого ими табаку до 80 000 пудов. Шликевич, впрочем, считает «гадательными» эти цифры и не ручается за их близость к действительности, но полагает, что они все-таки ниже действительных. Артели табачниц снимают обыкновенно огороды у средних и мелких табаководов-хозяев, и это, конечно, вполне объясняется недостатком оборотного капитала у этих последних. По крайней мере, совершенно аналогичные факты встречаются вообще во всех тех случаях сельскохозяйственной деятельности, где имеют место артели половинщиков и артели с части.

Наконец, относительно значения артелей табачниц как экономического фактора Шликевич приходит к следующим выводам:

а) Затраты на десятину табачной плантации при обработке наемными рабочими значительно больше, чем при обработке половинщицами. В цифрах эта разница выражается как 100 : 38 для простого и как 100 : 40 для американского табаку. Понятно поэтому, что и стоимость производства одного пуда табаку также неодинакова при обработке плантаций наемными рабочими и половинщицами. В первом случае она равняется 93 коп. для простого и 95½ для американского табаку с пуда, а во втором только 72 коп. для простого и 77 для американского.

б) Хотя валовой доход с одного и того же определенного пространства при обработке табаку наемными рабочими и вдвое больше сравнительно с валовым доходом при обработке половинщицами, но отношение затраты как к валовому, так и к частному доходу при обработке табаку половинщицами для табаковода благоприятнее.

в) С другой стороны, так как при указанных выше результатах самый способ обработки табаку артелями требует меньшего количества рабочих рук в силу того обстоятельства, что артельный труд производительнее единичного, и так как труд артельной работницы оплачивается вообще выше труда вольнонаемной, – то и с этой стороны артели неженских табачниц заслуживают предпочтения пред другими формами труда.

5. Гуртова

«Гуртовою» в Полтавской губернии называются особого рода земельческие артели. Это чрезвычайно интересные и своеобразные формы труда. Отличительной их чертой служит, между прочим, то, что члены таких артелей всегда берут землю в аренду для производимых ими сообща земельческих операций. Это, следовательно, арендаторские артели, и притом артели, надо полагать, имеющие за собою довольно далекое прошлое, так что как в этом отношении, так и вообще по своему строго определенному и выработанному характеру они представляют совершенно самостоятельное и оригинальное явление в ряду других артелей этого рода.

Собственно описываемый нами здесь вид гуртовы существует в Пирятинском уезде Полтавской губернии. Да и вообще нужно заметить, что в ряду других провинций Малороссии, Новороссийского края и Кавказа Полтавская губерния представляет едва ли не самую типичную и богатую народными артельными формами труда губернию. В ней можно в изобилии встретить артели половинщиков, артели с части, обычай «спрягаться», толоку и гуртову. Полтавские косарские артели также довольно многочисленны и отличаются своею компактностью и устойчивостью. В Полтавской же губернии и теперь можно встретить чумацкие валки с первобытною их организацией.

«Гуртом батька», то есть отца, «добре бить», – юмористически выражаются полтавцы, – «гуртом добре всяку роботу рабыты». Отсюда и самое название «гуртова», равносильное выражению «гуртовая, совместная работа», произошло от весьма распространенной склонности полтавцев к гуртовым, артельным работам. Гуртова не навеяна извне, не привита к народной жизни искусственным путем, подобно верещагинским артельным сыроварням. Она создана самою жизнью народа, его прямыми и непосредственными потребностями. И уже по одному этому надо полагать, что гуртова, по всей вероятности, довольно старая, издавна существующая в Полтавской губернии форма народного труда. Как бы там ни было, впрочем, но полтавская гуртова в настоящем ее виде во всяком случае представляет едва ли не самую совершенную форму южнорусских артелей. В ней существует такая строгая и образцовая организация, такая примерная и совершенная специа-

лизация и разделение труда и такой рациональный и справедливый способ вознаграждения и дележа продуктов и результатов труда, что во всех этих отношениях гуртову можно считать достойною подражания для всех других артельных форм.

Гуртова организуется обыкновенно каждую весну, пред началом полевых работ, и продолжается в течение всего летнего времени до молотьбы включительно. В состав гуртовы входят большею частью хорошо знающие друг друга односельцы. Нередко одни и те же члены составляют гуртову в течение нескольких лет сряду, что бывает также и тогда, когда аренда земли гуртовой производится на несколько лет. В тех случаях, когда аренда земли ограничивается только одним годом, постоянные члены гуртовы, организуемой в течение долголетнего периода из одних и тех же лиц, нередко заменяют своих старых, почему-либо неподходящих сочленов новыми или же просто принимают в свои артели этих последних, увеличивая таким образом артель. Редко гуртова существует только в течение одного года или летнего рабочего периода. Еще реже она распадается и разлагается вследствие внутренних несогласий и неурядиц.

Самое арендование земли производится двумя способами – за деньги или с части распашки известного количества земли в пользу землевладельца, и притом арендование в обоих этих случаях ограничивается годом или несколькими годами сряду, большею частью двумя, тремя или четырьмя. Обыкновенно арендная плата земли в Пирятинском уезде (до последней русско-турецкой войны) колебалась между 3 и 5 руб. в год с десятины, смотря, конечно, по качеству земли. Арендная плата в таких случаях распределяется равномерно между всеми наличными членами гуртовы. Так как аренда земли значительными участками всегда обходится дешевле и соединена с меньшими относительно хлопотами и издержками на писание условий, засвидетельствование их и пр., чем мелких, то в этом, очевидно, заключается одна из причин, почему полтавцы предпочитают гуртову при арендах земли единичным формам труда. В силу этой же причины, вероятно, встречается чаще и аренда земли за деньги, чем аренда с части при посредстве натурального вознаграждения землевладельцев со стороны арендаторов.

В этом последнем случае аренда земли гуртовой у помещиков обуславливается обыкновенно следующими, выработанными временем и освященными обычаем отношениями сторон: если помещик отдает под распашку целинную землю, тогда гуртова распахивает ее пополам, десятину за десятину; если помещику распахивается целинная земля, а гуртове мягкая, пахотная, или наоборот, тогда каждая десятинка целины идет за две десятины «мякиша»; наконец, когда мягкая, пахотная земля распахивается для обеих сторон, тогда каждые две десятины земли, распаханной для помещика,

соответствуют только одной десятине, распахиваемой гуртовой для себя. Очевидно, что во всех этих случаях весьма важную роль играет как неравномерная ценность целинной и пахотной земли, так и количество затрачиваемых сил и напряжение труда в том или другом случае. Этим и можно объяснить такие, по-видимому, противоречивые отношения между землевладельцами и гуртовой, какие бывают при распашке целинной земли, с одной стороны, и мягкой – с другой. Но распашкой земли на помещиков и ограничивается арендная плата гуртовы. Дальнейшие земледельческие работы помещики производят на свой счет, а гуртова также ведет свои работы совершенно самостоятельно и независимо от помещиков. Само собой разумеется, что самые аренды подобного рода ограничиваются одним только годом или земледельческим рабочим сезоном.

В состав гуртовы входят обыкновенно средним числом от 6 до 8 человек или, вернее, хозяев с теми или другими их домочадцами. Все это большею частью домохозяева, ведущие свое хозяйство совершенно отдельно и самостоятельно. В силу той справедливости и равномерности, которыми вообще бывает проникнута вся организация гуртовы, каждый такой домохозяин старается, чтобы выставляемые им рабочие силы вполне соответствовали силам, выставляемым его сочленами по гуртове. Поэтому в случае малочисленности семейства какого-нибудь члена-хозяина он старается пополнить недостаток рабочих сил наемными рабочими, чтобы удержать таким образом строгую пропорциональность между всеми членами гуртовы. Каждая из рабочих семей ведет обыкновенно свои работы более или менее изолированно; все же вместе эти семьи находятся в тех отношениях между собою, которые обуславливаются общими правилами и обычаями, выработанными исторически гуртовой.

Что касается затем рабочих средств, то есть орудий и рабочего скота, то и в этом отношении в гуртове существует самая строгая равномерность. Каждый член обязывается нести совершенно равномерный, одинаковый со всеми другими пай. Это – необходимое условие гуртовы, без которого она немыслима. В тех же случаях, когда рабочие семейства гуртовы бывают настолько бедны, что не могут выставить по плугу с полным наличным количеством рабочих сил и скота, они «спрягаются» между собою и опять-таки по возможности равномерно. Таким образом, в общем результате оказывается, что в каждом гуртове работает обыкновенно от 4 до 6 плугов.

Починка земледельческих орудий лежит обыкновенно на том хозяине, которому они принадлежат, или же которым бывают попорчены, смотря по обстоятельствам. При кормлении скота сеном каждый хозяин обязан брать этого последнего столько, сколько требуется для его скота. Пастьба скота производится сообща и по очереди. Наконец, сама пища для работающих

приготавливается каждый день по очереди рабочими семействами. В тех случаях, когда гуртова обрабатывает землю вдали от своего селения, ее члены живут в «курнях», и сюда каждое рабочее семейство доставляет по очереди съестные припасы. Когда же работы бывают вблизи села, в таком случае хозяин зовет всех работающих гуртовой к себе на дом, и здесь происходит что-то вроде угощения. Водка и лучшие кушанья составляют необходимую принадлежность стола в этих случаях, и такие угощения продолжаются по очереди во весь период земледельческих работ, то есть до начала молотбы, которая производится каждым хозяином совершенно уже отдельно. Каждый домохозяин старается при этом «не ударить в грязь лицом» перед другими сочленами артели. Вообще достойно замечания, что гуртова, как и другие артельные работы, носит у малороссов какой-то праздничный, торжественный характер.

Гуртова не ограничивается одной артельной распашкою земли. Некоторые дальнейшие работы также совершаются гуртовой. Посевы производятся сообща, причем каждый хозяин дает выпадающую на его долю часть необходимых семян, смотря по тому, какой хлеб засеивается. «Боронование», «полотье», косьба, жатва, вязка снопов, «гребовица», «кидка копниц» и складка снопов в «полукипки» и «стаи» – все эти работы также производятся сообща, всеми наличными силами гуртовы. При этом бывает самое строгое распределение работ и специализация труда. Одни члены, например, косят, другие жнут, третьи гребут, четвертые вяжут снопы, пятые свозят или сносят их в «копы» и «стаи» и т. д. В этом распределении работ и специализации труда и кроются существенные выгоды артельной обработки земли.

Но самую своеобразную и интересную сторону в гуртове представляет дележ продуктов между членами. В основу этого дележа положена также самая строгая справедливость. Каждый хозяин берет обыкновенно часть, совершенно равную с частью других членов-хозяев. Но чтобы тут не могло произойти какого-нибудь плутовства или даже непреднамеренной несправедливости, члены-хозяева поступают следующим оригинальным и остроумным образом: связанный в снопы хлеб складывают «полукипками», из которых каждый состоит из 30 снопов, в так называемые стаи, длинные ряды полукипков, и притом так, чтобы каждый такой ряд состоял по возможности из разных полукипков. При делении хлеба в таком виде каждый член-хозяин подъезжает обыкновенно к стае с возом и берет на воз только один полукипок, потом подъезжает к другой стае и тут также берет один полукипок и т. д., соблюдая при этом известную очередь. Для этого все хозяева, так сказать, нумеруются. Номер первый берет не крайний полукипок из стаи, а второй с краю; номер второй берет третий полукипок, номер третий – следующий, а номер четвертый – первый и т. д. в этом роде.

Таким способом, очевидно, устраняется всякий выбор хозяевами полукипков, и дележ вследствие этого становится равномерным и справедливым. В других случаях, как, например, при дележе арбузов, раздел производится несколько проще, хотя также по возможности равными частями. Тут также хозяин подъезжает возом к «баштану» и затем берет свою часть, которая измеряется возами.

В гуртове каждый старается работать по возможности добросовестным и образцовым образом. Соревнование друг с другом служит отличительной чертой работы. Все стараются вставать по возможности рано, начинать работы вместе и оканчивать их разом. Лень – не известный гуртове порок. Хитрость и плутовство – точно так же. Они положительно парализуются общей единоклюшной работой.

Вследствие всего этого отношения между отдельными членами гуртовы можно назвать образцовыми, единственными в своем роде. Споры и раздоры положительно несвойственны гуртове. Взаимные притязания и обман подрываются в самом корне примерными порядками этих примерных артелей. Сколько нам известно, ни одна артель этого рода не распалась еще вследствие внутренних неурядиц и несогласий. Во всяком случае, если бы это и случилось, то народный суд наверное бы удовлетворил обиженных справедливым образом, потому что некоторые порядки гуртовы освящены обычаем и глубоко таятся в самой жизни народа. Та же самая гуртова, которая все условия с лицами, отдающими в аренду землю, старается всячески занести на бумагу и засвидетельствовать в надлежащих местах, никогда не делает письменных условий между своими членами. Состав, организация и взаимные отношения участников всегда определяются только на словах. И при этом обыкновенно не бывает ни старших, ни младших членов-хозяев. Все члены-хозяева равны между собою по занимаемому ими положению в гуртове, а отношения младших к старшим и обратные носят семейный характер.

6. Арендаторские артели

Аренды земли сообща несколькими лицами довольно распространены на юге России, но артельный характер таких аренд в громадном большинстве случаев ограничивается одним товарищеским наймом земли. Кроме того, рядом с чисто народными формами этого рода встречаются спекулятивные и барышнические товарищества. Таким образом, в арендаторских товариществах нужно различать целый ряд форм, весьма различных как по степени своего развития, так и по самому своему характеру.

Есть прежде всего арендаторские товарищества, составляемые с единственной целью – нанять землю возможно дешевле и отдать потом ее в арен-

ду другим лицам возможно дороже, чему, конечно, немало способствует то обстоятельство, что «гуртом», оптом земля всегда сдается в аренду дешевле, чем в раздробную, мелкими участками. Это, стало быть, не народные товарищества в подлинном смысле. Они формируются преимущественно из различного рода кулаков, барышников, купцов или даже чиновничества. Поэтому у малороссов они даже носят специальное, довольно характерное для них название «кумпаний», то есть компаний. Такими компаниями нанимаются, например, частные и войсковые земли в Кубанской области и в Земле Донского войска, а также вообще помещичьи земли на крайнем юге России.

Несколько видоизмененную форму этих компаний представляют те из них, которые не ограничиваются одним товарищеским наймом земли для раздачи ее потом в аренду по частям, но распределяют ее известным образом между собою для пастьбы скота и съемки сена. Такие компании составляют, например, тавричане в Кубанской области, Ставропольской губернии и проч. Товарищества «тавричан», то есть выходцев овцеводов из Таврической губернии, владеющих многочисленными стадами овец – «отарами», снимают обыкновенно землю под попас отар и сенокосы на несколько лет и потом уже сами или распределяют между собою известным пропорциональным образом землю, или же каждый из хозяев, входящих в компанию, вносит пропорциональный денежный пай сообразно с количеством принадлежащих ему овец, а выпаска и съемка сена производится на общий счет. Таким образом, и компанию тавричан ни в каком случае нельзя считать народными артельными формами.

Там же, на северном склоне Кавказа, имеют иногда место и компании, составляемые местными казачьими офицерами и богачами для найма войсковых и «юртовых», то есть общинных казачьих земель, под попас лошадиных табунов и сенокосы. Компании этого рода вызываются, между прочим, тем обстоятельством, что на вольные когда-то черноморские и кавказские земли явилось много претендентов как вследствие размежки земель, так и вообще благодаря увеличению народонаселения. Когда-то ничем и никем не стесняемые владельцы табунов не находят теперь уже свободных для выпаски и сенокосов пространств и принуждены искать выхода в арендах. Но и эти формы так же, как и предыдущие, совершенно чужды народной артельной подкладки. Они – дело рук крупных богачей.

Несколько ближе к чисто народным формам стоят арендаторские артели, встречающиеся в Кубанской области и устраиваемые большею частью мещанами уездного города этой области Ейска. Лет пятьдесят тому назад в северном углу Черномории у Азовского моря был основан городок Ейск, населенный всевозможным «сбродом», разного рода Иванами, не помнящими родства, и выходцами из Малороссии, Новороссии и частью Велико-

россии – и вот эти-то поселенцы очень часто применяют к арендам земель артельный принцип. Ейские мещане, сколько нам известно, не ограничиваются одним наймом земли сообща, но в некоторых, впрочем, большей частью редких случаях проводят артельное начало несколько дальше, в самые способы возделывания земли, например, «спрягаются» для вспашки. В Кубанской области можно нередко встретить целые поселения ейских мещан-арендаторов, живущих на арендуемой ими земле у какого-нибудь пана или на землях войсковых. В состав таких поселений входит обыкновенно наряду с богатыми и состоятельными членами также и бедный, малоимущий люд. Вообще же отличительная черта арендаторских компаний ейских мещан состоит в том, что участники этих компаний, будут ли они вести некоторые земледельческие работы сообща или в раздробную, – непременно сами работают, и только в некоторых исключительных случаях, при необходимости, они нанимают на подмогу себе поденных или сроковых рабочих. Таким образом, даже по одному тому, что в состав арендаторских компаний ейских мещан входят всегда почти непосредственно сами производители, работники – товарищества эти, несомненно, носят характер народных форм труда. Это как бы переходные формы к другим, более совершенным видам народного артельного труда.

Там же, в Кубанской области, а также в Земле войска Донского и в некоторых местах Ставропольской губернии встречаются и настоящие крестьянские аренды с совместными работами в некоторых случаях и взаимною гарантией участников. Это большей частью однолетние артели, появляющиеся в некоторые годы в изобилии и в другие совсем исчезающие. Они состояются временными выходцами из более северных частей южной России, например из Воронежской губернии, и появляются только в годы неурожая или плохих урожаев сена на родине этих выходцев. Этим последним обстоятельством определяется и самый их характер. Это не производительные земледельческие артели в тесном смысле, а товарищества, организующиеся с целью найма степей или участков земли для прокорма скота. Когда обыкновенно бывает неурожай на травы в той или другой части южной России, тяготеющей к Дону и северному Кавказу, несколько хозяев-односельцев или земляков сговариваются идти на Дон, на Кубань или в Ставропольскую губернию с скотом на зимовку. С этою целью они отправляют в эти места из среды своих семей определенное количество рабочих, лишь только окажутся признаки неурожая травы, и здесь посланные нанимают степь под попас и под сенокосы, если время позволяет еще косить траву, и таким образом или закупают, или заготавливают сами на зиму сено. Потом уже пригонится на место зимовки и самый скот. Арендаторы живут вместе и часто проводят артельное начало в мельчайшие свои отно-

шения при уходе за скотом. Как только минует беда на родине, они снова возвращаются домой.

Но самые оригинальные арендаторские артели встречаются собственно в центре южного края и, между прочим, в Малороссии. В газетах изредка попадаются отрывочные известия на этот счет, указывающие, между прочим, на то обстоятельство, что с каждым годом аренды этого рода появляются все чаще и чаще в народной жизни. Очень многие из такого рода аренд носят характер не только артельный, но и общинный вместе. Часто целые общества арендуют земли на артельных началах, а иногда прилагают к таким арендам и общую артельную обработку земли, общинный труд и работы. Мы приведем здесь выдержку из статьи Варзера «Еврей-арендаторы в Черниговской губернии», характеризующую некоторые виды крестьянских аренд в Черниговском уезде:

«Примеров артельных аренд в Черниговском уезде найдено достаточное количество, и, судя по собранным фактам, можно даже сказать, что артельный вид аренды земель преобладает среди казенных и помещичьих крестьян уезда. Между казаками, говорится в “Материалах” земского бюро, предпочитает арендовать имение каждый домохозяин себе отдельно, так что из 13 случаев казачьих аренд лишь в трех случаях встретилась компанейская аренда двух, трех лиц вместе, да и то находящиеся обыкновенно в родстве между собою. Крестьяне действуют иначе; у них реже встречаются слишком “заможные” домохозяева, поэтому они чаще арендуют значительные имения, но товариществами из многих лиц и даже целых крестьянских обществ. Из 18 случаев крестьянских аренд около 10 случаев представляют “себринные (товарищеские артельные) аренды”».

«Относительно внутренних распорядков в этих крестьянских артелях г. Русов в “Описании Довжинской волости Черниговского уезда” рассказывает следующее: способ аренды их состоит в том, что сначала несколько хозяев берут целое имение в 200, 300, 500 десятин всякой земли у владельца с условием охранять лес и унавоживать известным количеством возов (навоза?) пахать; по большей части эти арендаторы принимают к себе в компанию еще несколько лиц для большей гарантии своевременного взноса арендной платы. Таким образом, одна артель в Кувечичах состоит из 40 домохозяев, другая – из 15, в Гучене же – только из 5 лиц, подписавших под условием с землевладельцем. Затем каждый хозяин смотрит на артель как лицо, дающее ему землю на обычных условиях возврата половины части урожая; всякий поэтому отдает половину урожая на снятой им земле в компанейскую клуню, и от распродажи этой половины артель выручает сумму для внесения в срок арендной платы; другая половина урожая остается артельщикам каждому порознь как заработок от его операции. Таким образом, в этих артелях

нет принципа общественной запашки и раздела урожая, а есть только раздел арендуемой земли на “урезы”, причем каждый распоряжается взятым на себя урезом по своему усмотрению и сеет на нем, что хочет, обязавшись только возвратить в артель половину собранного урожая».

«Есть, впрочем, подобные крестьянские аренды и с иными внутренними распорядками, еще более странными и для Малороссии. Описание одного подобно случая, встреченного мною в д. Грековке, я привожу целиком: “Арендуемое имение принадлежит г. К. и взято по условию целым крестьянским обществом х. Грековки (15 домохозяев); в имении находится старая усадьба, мельница и до ста десятин сенокоса и пашни. Снявши землю обществом, члены артели нашли, что, так как качество пашни крайне разнообразно и было бы трудно разделить ее точно и справедливо (“да и что там делить?” – на Круглице, единственном урочище с удобной для гречихи почвой, у них всего несколько десятков десятин) и так как, даже разделивши, они никогда не уравниют интересы (“потому оттуда гора, а ему выпав низ, будут цей год дощи – у его травую поросте, а мени Бог хлиб даст, от ему и обида!”), – словом, порешивши, что дележ земли по домохозяевам крайне невыгоден по местным условиям, они ввели общественные запашки, совместный сжон, обмолот и дележ готовым зерном и соломой. Так же они поступают и с сенокосами. До 1877 года у них уже прошел год с соблюдением членами артели указанных условий. Практика нисколько не охладила членов, и они находят свою систему и справедливой, и удобной. По обыкновению совместный труд запашки и скоса не только не представил никаких недоразумений, но даже показался и веселым, и удобным: “Як выйшли в поле та закурили в десять сох, ставши в ряд, только дым пошов; люде девуються, а мы за день же одмахали”. И даже дележ вымолоченного зерна и скошенного сена, этот “слабый пункт во всех совместных предприятиях у поселян малороссов (“гуртове-чортове”), даже эта операция не вызвала никаких пререканий”».

«Вся остальная обстановка этих крестьянских аренд мало походит на еврейские. В большинстве случаев, о которых была речь, сделка заключена “словесно, на совесть”, и, несмотря на это, крестьяне добросовестнейшим образом выполняют условия. Я не слыхал ни о порубках лесов, ни о разорении усадеб и хозяйственных заведений; напротив, крестьяне тщательно, согласно договору, унавоживают пашню, сберегают и ремонтируют усадьбы, сады, мельницы, гребли. Деньги всегда уплачиваются вполне и к сроку; отдаются без всяких расписок большими и ни о каких неудовольствиях, вражде, поджогах и помину нет. Все ведется “честно, по совести”»¹.

Недавно в газетах было передано известие, что и землевладельцы, и крестьяне-арендаторы Бахмутского уезда Екатеринославской губернии

¹ Отеч. зап. 1878, окт. С. 203–205.

пришли к убеждению в чрезвычайной выгодности общественных аренд, соединенных с общинною обработкою земли. «Наши землевладельцы, – говорится в корреспонденции “Голоса”, – из Бахмута после многолетних опытов пришли, наконец, к заключению, что гораздо выгоднее отдавать в аренду свои имения не отдельным личностям, а целым обществам крестьян. При отдаче им имений помещики вначале сильно опасались за аккуратность платежа арендной суммы ввиду того, что у крестьянина обыкновенно нет ничего, кроме пары волов, двух-трех штук какого-нибудь другого скота и кое-каких земледельческих орудий. Действительно, в первые два-три года крестьянам при их незначительных средствах было почти невозможно сделать запашку, сообразную с количеством арендуемой земли, но так как в это же время за уплатою аренды весь доход шел в руки производителей крестьян, в их общую кассу, то мало-помалу образовался хотя и незначительный, но достаточный для их цели капитал, который дал возможность обрабатывать всю арендную землю. В самом обществе крестьян-арендаторов первое время происходили некоторые недоразумения, но вскоре они поняли обоюдную выгоду действовать сообща и добровольно подчинились одному из своих выборных, на опытность и знания которого они вполне положились. Некоторые сельские общества действовали иначе: взяв какое-нибудь имение в аренду, они сейчас же дробили его на участки и потом раздавали участникам в аренде, сообразуясь с количеством платежа каждого. Хотя и здесь успех оправдал ожидания, но все же не в той мере, как в первом случае. Здесь каждый должен был заботиться о себе и сам удовлетворять своим потребностям, тогда как в первом случае все делалось сообща, и тот убыток, который, пожалуй, разорил бы арендатора-одиночника, был почти ничтожен для общества, чтобы так или иначе повлиять на его деятельность. Ввиду этого успеха и другие землевладельцы в настоящее время нашли выгодное помещение для своих капиталов, ссужая ими крестьянские общества в тех видах, чтобы они с первого же года могли вести правильное хозяйство»¹.

Таким образом, основываясь на некоторых отрывочных данных, можно придти к тому заключению, что арендаторские артели встречаются в южной России в самых разнообразных формах и что высшие формы этих артелей бывают в тех случаях, когда аренды производятся целыми обществами и в особенности когда к таким арендам прилагается общий артельный труд. Тогда получаются обыкновенно чисто народные общинно-артельные формы труда, держащиеся на общественных обычаях и привычках народа и на его вековом тяготении к ассоциационному началу как лучшему выражению справедливых человеческих отношений.

¹ Русская правда. 1879. № 13.

7. Новейшие земельные артели-общинные формы

В последнее время в среде южнорусского населения все чаще и чаще начинает проявляться стремление к ассоциационным формам труда для урегулирования с помощью этих форм своих взаимных отношений, и притом к формам, отличающимся своею новизною и несомненными совершенствами. Народная мысль, видимо, работает в таком направлении, которое отличается характером общественности и высшей экономической справедливости. В некоторых местах Малороссии, например, как было заявлено в газетах¹, сельские общества сами совершенно самостоятельно и добровольно стремятся к тому, чтобы заменить участковое подворное землевладение общинным. Это уже весьма характерный для нашего времени факт. У южнорусских сектантов подобные факты носят более яркие оттенки. Так, штундисты возводят чуть ли не в догмат мысль о братской земельной общине, развивая эту мысль теоретически до мельчайших тонкостей и разумея под земельной общиной не только общинное владение землей, но и общее совместное пользование ею на началах общего братского труда. Даже евреи, эти исконные торгошники и барышники, и те пытаются серьезнее относиться к земельным колониям и артелям. В провинциальных газетах («Киевском телеграфе» и «Одесском вестнике») было, между прочим, напечатано о двух, не лишенных интереса случаях применения артельного начала к земледелию евреями. Артели эти, по словам корреспондентов, возникли на началах строгой равноправности членов и специализации труда. Капитал играет при этом чисто второстепенную, подчиненную роль, роль обыкновенного средства в производстве без всякого эксплуатирующего влияния этого средства на труд. На первом плане поэтому в этих артелях стоит труд и, как неизбежное следствие такой постановки всего дела, возможно равномерное и справедливое распределение результатов труда между членами. Сами члены одной из двух этих артелей живут вместе, одною общею производительною семьей, так что, следовательно, артель имеет характер артели-общинной формы.

Некоторые земельные артели-общинные формы, возникшие в последнее время собственно между малорусским населением, также отличаются своею новизною. Они имеют мало общего с другими более древними и распространенными артели-общинными формами, каковы обычаи «спрягаться» или «толока», хотя влияние этих последних на них в известном отношении не подлежит никакому сомнению. В таком смысле их и можно назвать новейшими. Это, следовательно, совершенно новый в современной жизни народа тип артели-общинных форм. Мы опишем здесь две формы этого рода. Каждая из них состоит из всех жителей целого села. Одна из них возникла

¹ Новое время. 1876. 14 декабря.

при содействии помещика. Мысль о другой явилась у крестьян совершенно самобытно, без всякого влияния и инициативы со стороны. Первая возникла в Бессарабии, вторая – в Полтавской губернии.

Еще в 1863 году в одном из сел Сорокского уезда образовалось несколько крестьянских кружков, применивших начало взаимопомощи к обработке земли. Из этих-то кружков и возникла впоследствии одна общая производительная ассоциация¹. Организатором ее явился помещик. Сначала он действовал на крестьян путем убеждения и логических доказательств, но потом, когда крестьяне порешили на сходке образовать из всех жителей села одну общую земледельческую ассоциацию, он помог на первых порах и материальными средствами, давши крестьянам в заем семян на посев.

Прежде чем приступить к работам, крестьяне порешили на сходке сделать три посева: ранний, средний и поздний. Это было сделано для ограждения себя на случай неурожая поздних или ранних посевов. Когда настала потом весна, поле было обработано всем населением поголовно. Работами при этом управлял особый выборный, знаток дела. Посев был сделан до половины апреля, и вообще все работы были исполнены артелью превосходно и притом вдвое скорее обыкновенно единичных работ. После жатвы хлеб свезен был на одно общее гумно, устроенное вблизи села. Здесь потом и была произведена молотьба хлеба всеми наличными силами села. Само зерно во всей массе было сыпано в общественный магазин и в помещения, отведенные помещиком и крестьянами.

Когда настало время раздела зерна, крестьяне не решились разделять хлеб поровну между всеми семьями. Такой раздел они нашли несправедливым. Взамен его было предложено распределение зерна по числу рабочих рук, включая сюда женщин и детей. Таким образом, каждая семья получила только столько, сколько было в ней рабочих членов. Но при разделе хлеба крестьяне оставили неразведенною некоторую его часть. Хлеб этот был предназначен частью на посев в будущем году, а частью на продажу, но продажа предположена была только в том случае, если бы оказалось, что распределенного между всеми крестьянами хлеба было совершенно достаточно для годовичного прокормления всех семей.

Следующий за тем год был настолько благоприятен по урожаю для ассоциации, что, за исключением распределенного на каждую семью для потребления хлеба и оставленного на посев, у крестьян осталось еще 125 четвертей разного рода хлеба. Остаток этот дал впоследствии 560 руб. чистого дохода. На одну часть этих денег было арендовано несколько десятин земли. Другая, в количестве 150 руб., пошла на устройство мелочной лавочки с предметами сельского потребления, как-то: соли, дегтю, веревок, ремней,

¹ Землед. арт. 1876. Киев.

чаю, сахару, табаку и проч. Этой лавочкой крестьяне гарантировали себя от обирательства и злоупотреблений мелких торгашей. В конце года она дала им около 70 руб. чистой прибыли.

Впоследствии, по словам очевидца, ассоциация эта «завелась общим для скота двором с целью накопления извержений (экскрементов) для удобрения плохих участков земли и огородов; учреждена ссудная касса, в которой заложено недвижимого капитала около 2000 руб. сер.; выигранное время вследствие сочетания труда дало возможность членам артели делать заработки у соседних помещиков, что позволило обзавестись многим из них (т. е. членам артели) даже предметами роскоши в крестьянском быту, каковы: лишние жилые комнаты, хорошие одежды и даже экипажи; кроме того, приобретены некоторые земледельческие орудия, которые дали возможность еще более увеличить производительность артели и вместе с тем поднять благосостояние ее членов»¹.

Одним словом, в конце концов, бессарабская ассоциация земледельцев, видимо, дала самые счастливые результаты, если только она сама, в свою очередь, не явилась крупным корпоративным эксплуататором ближайшего крестьянского населения и если вместо воспитующего влияния на это население не стала опасным конкурентом в его экономической жизни. К сожалению, автор, у которого мы заимствовали вышеприведенные сведения о бессарабской земледельческой ассоциации, не дал в своей брошюре никаких указаний на этот счет.

Несколько иным характером отличается от только что описанной ассоциации бессарабских землевладельцев ассоциация, возникшая в Полтавской губернии. И по замыслу, и по выполняемым ею функциям она не так сложна, как ассоциация бессарабских земледельцев. Но вместе с тем она чисто самобытное проявление народного ума и потребностей. Мы передаем здесь сведения об этой форме в таком виде, в каком они были уже раз напечатаны нами в 67 номере «Киевского телеграфа» за 1876 год, так как, к крайнему нашему сожалению, обстоятельства не позволили нам пополнить эти краткие сведения.

В глухом, небогатом, но довольно населенном селении Полтавской губернии у некоторых из крестьян-земледельцев возникла мысль обрабатывать землю сообща. К своему небогатому наделу земледельцы присовокупили несколько десятин земли, нанятой на общий счет согласившихся. Составившийся таким образом один общий участок они обработали сообща при помощи тех орудий, сил и скота, которыми располагало каждое из семейств, составивших артель. Полученные затем продукты земледельцы разделили по количеству рабочих рук и нашли, что как такой способ воз-

¹ Там же. С. 24 и 25.

награждения за труд, так и самая форма труда крайне выгодны, рациональны и справедливы.

Пример этот не остался бесследным для целого селения. На следующий год новаторы предложили остальным своим односельчанам вступить в общую компанию, и целое селение вследствие этого образовало, таким образом, собой одну общую земледельческую ассоциацию. К земле, полученной селянами в надел, было уже присовокуплено двести десятин земли, нанятой у ближайшего землевладельца. Вся эта земля была обработана сообща, точно таким образом, как была она обработана в предыдущем году первыми участниками ассоциации. Но когда коснулось дело дележа, то между членами ассоциации произошли некоторые недоразумения. Более богатые из селян предложили изменить прежний дележ продуктов по количеству рабочих рук таким образом, чтобы каждый домохозяин получал продуктов столько, сколько он может обработать при помощи своих сил, орудий и вообще капитала. Большинство воспротивилось этому предложению, и прежняя форма дележа продуктов осталась в полной силе.

После этого второго опыта ассоциация задалась целью купить арендуемый ею участок земли. И так как, кроме того, ассоциация нашла невыгодную обработку земли при помощи своих устарелых и несовершенных земледельческих орудий, то она вознамерилась также обзавестись на общий счет более усовершенствованными орудиями.

Ассоциация производит только одни земледельческие работы сообща; единичные же хозяйства ее членов находятся в независимом их распоряжении.

Таков в общих чертах опыт земледельческой ассоциации, произведенный полтавцами. Нельзя сказать, чтобы первые два года этого опыта оставили особенно заметные следы на общем экономическом положении сельского населения. Да оно и понятно. Чтобы следы эти сделались более заметными, — для этого необходимо, во-первых, времени побольше, а во-вторых, и средства посolidнее тех, какими располагало на первых порах далеко необеспеченное в материальном отношении село. Тем не менее некоторые микроскопические приращения в хозяйствах отдельных домохозяев были уже довольно явственными и после первых двух лет опыта. Само будущее ассоциации на основании этого опыта можно было считать вполне уже застрахованным. Несмотря на то, что в среде самых односельчан было несколько стариков с явными замашками обыкновенных сельских кулаков, молодежь и вообще значительное большинство селян представляло собой такой элемент, который можно было считать лучшей гарантией дальнейших успехов ассоциации. На стороне этого большинства был и здравый смысл, и лучшее сознательное понимание тех несомненных практических выгод, которые представляло их предприятие.

Глядя на эту ассоциацию, начали поговаривать о ее несомненных выгодах жители и других окрестных сел. К сожалению, образование в этих селах земледельческих ассоциаций соединено на первых порах почти с непреодолимыми препятствиями. Дело в том, что, тогда как село, устроившее земледельческую ассоциацию, имеет под боком помещика, у которого оно может и арендовать землю, и даже купить ее, следовательно, имеет все шансы для того, чтобы дело пошло самым успешным образом, другие близ лежащие села при весьма незначительном наделе в 2¹/₂ десятины земли на ревизскую душу имеют у себя под боком таких непривлекательных соседей, как евреи, арендующие крупными участками землю. Завладев *de facto* помещицьею землей, евреи норовят потом отдавать эту землю в аренду небольшими участками, так как этот способ аренды дает им возможность извлекать большие выгоды, чем отдача земли в аренду всей массой, большими участками, и поэтому всячески противятся этому второму виду аренды со стороны рабочего люда; но, главное, евреи никогда не допустят продажу земли крестьянам, так как это лишило бы прямых их выгод, возможности ни за что ни про что выжимать последние соки из крестьян. В таких случаях нужна, конечно, помощь крестьянам со стороны, и притом помощь, главным образом, чисто материальная. Так, по крайней мере, смотрят на это сами крестьяне, как это можно, между прочим, заключить из опыта описанной нами ассоциации.

Когда после первой счастливой попытки нескольких сельчан люди из привилегированной среды попытались было убедить и других сельчан последовать примеру своих односельцев – попытка оказалась совершенно не достигшею своей цели. Крестьяне не поняли привилегированных пророков и отнеслись к их словам с крайним скептицизмом, требуя вместо слов материальной поддержки. Когда же за пропаганду новой идеи взялись сами крестьяне, дело, как мы видели выше, во второй год пошло на лад. Старая истина, видимо, начинает колебаться, и родные пророки находят место в своем собственном отечестве. Земледельческая ассоциация возникла, таким образом, сама собою, без всяких внешних влияний на крестьян со стороны. И к мысли о ней, и к практическому осуществлению этой мысли крестьяне пришли своим собственным самобытным путем.

Подводя итог всему сказанному о новейших ассоциационных формах народного труда, в пользу которых заметно несомненное движение в среде южнорусского населения, легко заметить совершенную однохарактерность во всех указанных нами случаях. И бессарабская земледельческая ассоциация, и ассоциация полтавских земледельцев, и еврейские артели, и стремление киевских и полтавских крестьян к замене участкового землевладения общинным, и, наконец, своеобразные воззрения южнорусских сектантов на земледельческую общину – все это такие факты, которые имеют в своем

основании один общий мотив: поставить экономическую жизнь труженика-земледельца в возможно лучшие и выгодные условия. Ассоциационное начало является тут только средством, подходящей формой для осуществления более широкой и великой мысли – мысли о более справедливых человеческих отношениях и экономической обеспеченности южнорусского труженика.

Приравнивая затем описанные две формы земледельческих товариществ к обычным народным формам этого рода, приходится сказать, что они если и не существенно, то все-таки значительно разнятся от этих последних. Они не могут быть причислены ни к разряду чисто общинных форм, ни к категории собственно артелей, хотя заключают в себе, без всякого сомнения, применение и общинного, и артельного начал вместе. Разница тут оказывается чисто формальная, обуславливаемая, так сказать, отсутствием долговременной практики этих форм. Короче, они – те же общинно-артельные формы, но только позднейшего, новейшего склада и характера.

8. Артели чередников

Единственными уцелевшими от времени пастушескими артелями из числа существовавших издавна в южной России можно назвать артели так называемых «чередников». Чередниками малороссы называют вообще пастухов общественных стад рогатого скота, и притом исключительно только таких стад. Стада эти известны под именем «черед» и состоят из того сорта рогатого скота, который содержится большею частью для домашних надобностей, то есть преимущественно из дойных коров, реже из «бузивкив» (подростков) и волов. Но чередами называются также в некоторых местах Малороссии, например в Полтавской губернии, и общественные стада овец, известные в других местах под именем «кущанок», общественные гурты рабочих волов и даже свиней. Пастухи таких стад в Полтавской губернии также изредка составляют собой артели, хотя и не называются уже чередниками, а «вивчарями», «свинарями», «коровниками» или «воловниками», смотря по тем животным, которых они пасут. «Черидками» называются также во всех местах южной России стада телят, а самые пастухи «телятниками». Телятниками бывают большею частью дети и подростки, которых выставляют вместо себя взрослые пастухи, что, впрочем, не препятствует образованию артелей и из телятников, хотя и значительно реже, чем в других случаях.

Самым характерным местом описываемых нами пастушеских артелей можно считать, кажется, Черноморию, северо-западную часть нынешней Кубанской области. Здесь еще и теперь можно найти явственные следы когда-то существовавших артелей «табунщиков», то есть пастухов лошадиных табунов, и артелей «чабанов», пасущих «отары», то есть овечьи стада. Здесь

самое слово «чередник» имеет исключительное, специальное значение как название пастуха общественного стада, а в противоположность этому названию для всех прочих пастухов, пасущих необщественные стада рогатого скота, существует название «товарчий», происходящее от слова «товар» или «товаряка», как называется обыкновенно в Черномории рогатый скот. Поэтому в настоящем очерке мы будем держаться главным образом артелей черноморских чередников.

Трудно сказать, как и когда появились в Черномории эти артели в настоящем их виде. По всей вероятности, подобного рода артели существовали издавна в Малороссии, на что указывает их настоящее существование в Полтавской губернии, и вместе с заселением Черномории выходцами из Малороссии были занесены и в этот край этими последними. Во всяком случае артели черноморских чередников никак нельзя отнести к новейшим артельным формам. Сам народ считает их искони существовавшими.

Можно вообще предполагать, что первоначально артели чередников возникли самым естественным образом. Они явились следствием экономических усложнений и специализации разных родов деятельности. Их теперешняя связь и зависимость от целых общин говорит, конечно, в пользу того предположения, что общинам всегда было выгоднее пасти свой скот гуртами, «в сбираници», чем отдельно каждому домохозяину. А раз подобные условия были ясны для общины, выгоды этих условий еще более увеличивались от того, что пастьба скота производилась сообща несколькими лицами, связанными между собою взаимностью интересов и ответственности. Отсюда возможность и самого существования артелей.

Настоящее существование артелей черноморских чередников находится в прямой зависимости от двух причин: от количества скота и количества населения станицы. Несмотря на некоторые существенные изменения в экономическом строе Черномории, происшедшие в последнее время, она и в настоящее время может похвалиться относительным обилием всякого рода скота пред другими местностями южной России. Ее станицы также отличаются населенностью. В редких из них население измеряется сотнями; большею же частью черноморские станицы имеют от тысячи до четырех, пяти, даже шести тысяч душ населения. Такая скученность черноморского населения при изобилии земли и скота служат в настоящее время причиной того обстоятельства, что в каждой черноморской станице существует обыкновенно довольно большое количество всевозможных стад и между ними всегда резко выделяется по несколько общественных черед.

В большинстве станиц существует по две, по три и даже по четыре череды, очевидно, распавшихся из одной раньше существовавшей для целой станицы череды или заменивших одну такую череду благодаря приросту на-

селения и увеличению скота, – и каждая такая череда состоит из нескольких сот и даже более тысячи голов рогатого скота.

Череды собираются обыкновенно раннею весною, приблизительно около Благовещения. В это же время договариваются и чередники с обществом или известною его частью, скот которой они подряжаются пасти. Самая пастьба скота черед продолжается в течение всей весны, лета и до самой глубокой осени, когда начнутся заморозки и пастьба оказывается невозможной. Во все это время чередники рано утром, часа в четыре или пять «рушают череду», то есть трогают ее с места и гонят в так называемую «толоку», на общественный выгон. В полдень, в самый разгар жары, они пригоняют череду обратно также на избранное место – «на тырло», место для отдыха и водопоя скота. Здесь череда остается до тех пор, пока не спадет дневная жара, и потом чередники снова ее «рушают» и гонят на толоку, откуда она возвращается уже поздно вечером и расходится по дворам.

По своему составу артели чередников представляют ту особенность, что в состав их входит несколько, от двух до трех семейств или, по крайней мере, по несколько членов из разных семей. Нередки случаи, когда эти семьи бывают связаны между собою взаимным родством; случается также и противное. Но и в первом, и во втором случаях в состав чередницких артелей входят и мужчины, и женщины, и взрослые, и дети. Каждая семья составляет условное, по возможности равное с прочими семьями число лиц, и в тех случаях, когда в семье оказывается недостача таких лиц, она запасается наемными членами, подобно тому как делается это в гуртове Полтавской губернии. Сообразно с этим и взаимные отношения вступивших в товарищество чередников отличаются своею простотою и немногосложностью и вообще чисто семейным характером. Артели чередников не только организуются по типу семьи, а прямо-таки составляются из семей или разных их членов. Поэтому в них нет ни атаманов, ни есаулов, ни старост, а есть только старшие и младшие по возрасту члены, как в семье – «бабки» для одних и «дядьки» для других.

Но при всей своей численной незначительности по составу и незатейливости в организации артели чередников представляют, между прочим, ту особенность, что всегда имеют дело с целым обществом станицы, «с громадою», и поэтому всегда находятся в известной зависимости и подчинении у общины. Не всякий может быть чередником, но только тот, кто пользуется доверием у общества. Будет ли это свой брат односельчанин, или же известный обществу «городовик», то есть иногородний, – это все единственно, лишь бы он пользовался в околдке репутациею честного, исправленного и расторопного человека. Самый выбор чередников производится на общественном сходе в пользу тех или других лиц, смотря по тому, на какой

стороне бывает большинство голосов. Впрочем, такое голосование бывает весьма редко, так как претендентами на пастьбу череды бывают большею частью лица, занимающиеся этим делом из года в год, а таких лиц бывает в станицах мало. Само собой разумеется также, что так как в каждой станице бывает по несколько черед, то пастухи каждой череды вступают в договор только с известною, соответствующую частью общества. Еще чаще и выбор чередников, и договоры с ними складываются под влиянием обычая, как-то само собою, по инициативе того или другого домохозяина. «Возьмете на себя череду?» – спрашивает кто-нибудь из хозяев чередников. – «Возьмем». Решение это или, вернее, разговор сообщается другим соседним домохозяевам. Этим и оканчивается дело. Чередники начинают пасти череду, а самая их организация и условия с односельчанами подразумеваются как обычные, как раз вошедшие в жизнь.

Таким образом, чередники во всяком случае оказываются служащими у общества по найму лицами. Это пастухи общественного скота, на которых лежат известные обязанности как по отношению ко всему обществу или части его, так и по отношению к отдельным членам того же общества. На обязанностях чередников лежит прежде всего хороший и добросовестный уход за скотом, как-то: достаточная выпаска скота, своевременный водопой и проч., – и в этом отношении они ответственные пред целой общиной, которая в случаях провинностей чередников налагает на них штрафы в пользу общественных сумм. Чередники же отвечают – при известных, разумеется, условиях – за пропажу из череды скота, за потравы чередой хлеба, травы и проч. Тут уже ведаются с ними частные лица, потерпевшие убытки, при посредстве простого соглашения или приговора станичного суда.

Жизнь и практика выработали, впрочем, в этом последнем отношении некоторые общие правила и обыкновения, и главнейшие провинности чередников считаются общеизвестными. Чередник заранее знает, что если по его вине останется на тырле скот из его череды в то время, когда вся череда находится на степи, то общество имеет полнейшее право оштрафовать его; что если во время пастьбы «отобьется», например, телка и потом совершенно пропадет, то и это считается его виною, ответственность за которую должна падать исключительно на него; что вообще во всех подобных случаях он отвечает или один лично, смотря по сопровождающим вину обстоятельствам, или же вместе с другими своими сотоварищами вследствие общей круговой поруки.

Та же жизнь и практика выработали и самые способы вознаграждения чередников. Вознаграждение это производится в большинстве случаев натурою, то есть каждый домохозяин, скот которого ходил в череде, обязан в силу обычая вознаградить осенью чередника известною мерою какого-

нибудь зерна. Такой способ вознаграждения называется «отдачею мерок» и разлагается известным образом на всех домохозяев, смотря по количеству принадлежащего каждому хозяину скота. Почти всегда к этому натуральному вознаграждению присоединяется, кроме того, незначительная, в несколько копеек со штуки скота, денежная плата. Вот, между прочим, некоторые цифры денежного и натурального вознаграждения, существующие в Пирятинском уезде Полтавской губернии как для чередников, так и для другого рода общественных пастухов: за корову – мера ржи и 10 коп. сер. деньгами, за пару волов – полкопы, то есть 30 снопов, жита (ржи) и 10 коп. деньгами, за овцу – коряк (около двух гарнцев) жита и 3 коп. деньгами, за свинью или подсвинка, то есть подростка, – коряк жита и 10 коп. деньгами и проч., проч. Только пастьба телят оплачивается одними деньгами, причем плата бывает от 10 до 15 или 20 коп. сер. со штуки. В Черномории так же, как и в Полтавской губернии за пастьбу телят платят одними деньгами без всякого натурального вознаграждения.

Мерки, «коряки» и деньги чередники собирают сами лично, расхаживая по обыкновению со двора на двор, вроде того, как собирает духовенство новину. Даже время этого сбора всегда совпадает с временем хождения духовенства за новиной, что бывает обыкновенно поздно осенью. Собранные таким образом деньги и «зерно» чередники распределяют потом между собою на столько частей, сколько семей участвовало в артели. Семья, следовательно, или представитель ее со своими помощниками, «попыхачами», и представляет в таких случаях коллективного члена артели.

Таковы в общих чертах артели чередников. Зависимость этих артелей от целых общин указывает, конечно, на то, что и самый обычай собирать череды и нанимать общественных пастухов несомненно общинный обычай. Так как череды состоят большею частью из коров, то на каждую череду обыкновенно полагается один или два «бугая», то есть самца для оплодотворения. Самцы эти покупаются и содержатся обыкновенно обществом или частью его на общий счет всей общины или той части ее, которой принадлежит череда. Значит, и с этой стороны обыкновение держать череды всей общиной или частями ее является чисто общинным обычаем.

9. Почтовые артели

Содержание почт на артельных началах довольно распространено по всей России и особенно в северной и северо-восточной частях ее. Насколько распространен этот способ содержания почт собственно в южной России – нам неизвестно. Но в Кубанской области, где до последнего времени сохранились еще натуральные способы отбывания почтовой повинности, почтовые

артели составляют довольно обычное явление и сохранились, так сказать, в своем чистом, первоначальном виде.

Существующие здесь почтовые артели представляют прямое следствие чисто общинных отношений. Тогда как у великороссов, например, применение артельного начала к содержанию почты есть совершенно добровольное дело желающих и самые артели устраиваются по контрактам «с казной» или с земствами, – в Кубанской области почтовые артели составляются по приговору общества и в известном порядке для отдельных домохозяев общины, так что артели здесь являются делом чисто общественным, делом «громады»¹, общества.

Так как каждая станица составляет с принадлежащими ей хуторами совершенно отдельную самостоятельную общину, то в числе разного рода других повинностей на каждой станице лежит обязанность содержания почт для разъездов начальствующих лиц. Смотря по величине станиц и по их положению, в них бывает большее или меньшее количество троек, но как *minimum* для каждой станицы полагается обыкновенно три тройки. И вот к содержанию этих троек и прилагается казаками артельное начало.

На одном из общественных сходов пред Новым годом, когда назначаются обыкновенно очередные лица на разные посты станичной службы – «правленскими дидами», «летюками» и проч., в числе прочих выбираются и домохозяева для содержания почт. Это бывают большею частью более или менее состоятельные лица, так как содержание почты требует довольно значительных для казака затрат. На долю бедняков выпадают другие, более соответствующие их экономическому положению повинности. Таким образом, общественным сходом назначается, собственно, общее количество лиц, которые в течение года или двух, смотря по существующим общинным порядкам и условиям, должны «гонять почту». Затем отдельные домохозяева сами собою уже вступают в артельные отношения друг с другом для содержания троек.

На каждую тройку приходится обыкновенно от 3 до 4 домохозяев. Если в артель входит четыре хозяина, тогда три из них содержат обыкновенно по лошади, а четвертый – повозку; ямщик нанимается и содержится в таком случае на общий счет, но на долю четвертого домохозяина при этом выпадает, по согласию, более значительный в этом отношении сравнительно с другими пай. Но чаще бывает так, что в состав артели входит три только домохозяева. В таком случае каждый участник выставляет по одной лошади, а повозка и ямщик содержатся на общий счет артели.

Ямщиками бывают почти всегда наемные лица из своих же односельцев-казаков или из живущих в станице иногородних лиц – «городовиков». В каждой станице бывают такие особенные специалисты своего дела – «почтари»,

¹ Мы говорим здесь преимущественно о почтовых артелях Черномории, т. е. об артелях малорусского населения.

то есть ямщики, за которыми благодаря их профессии часто навсегда остается это нарицательное название как кличка, как «уличное прозвище». Те условия, на которых почтари нанимаются содержателями почт, вошли, можно сказать, в обычай. Почтарям платят от 70 до 100 руб. и более в год, кроме сапог или какого-нибудь платья, которые даются по уговору. Иногда ямщик выговаривает прогоны в свою пользу. В таком случае годовая плата несколько понижается. На руках почтаря находится всегда вся тройка со всеми необходимыми принадлежностями, которую он и держит большею частью при станичном правлении. Сено, овес и деготь он обыкновенно берет равными пропорциями у каждого участника почтовой артели и затем распоряжается всем этим по собственному своему усмотрению, хотя, конечно, и под контролем хозяев. Харчуются он также понедельно у каждого хозяина. Но иногда он просто перекочевывает каждую неделю со всей своей тройкой и принадлежностями от одного хозяина к другому.

Таким образом, эти почтари переходят из года в год от одних содержателей троек к другим. Меняются обыкновенно тройки, чередуются их содержатели, а ямщики зачастую остаются в течение нескольких лет одни и те же. Поэтому хороший ямщик бывает нередко лицом, около которого группируется самая артель. Хозяйский уход за лошадьми и умение ловко править тройкой – условия далеко не безразличные для содержателей троек, и только тот ямщик ценится артелью, который пользуется заслуженной репутациею в этом отношении.

И нужно отдать полную справедливость казачьим станичным почтовым тройкам. Такие лихие тройки можно найти в немногих местах России. От того ли, что к содержанию этих троек приложено артельное начало, потому ли, что казак привык выполнять «всякую службу» с строгой дисциплинарной точностью, – но только станичные тройки представляют лучших почтовых лошадей в России. Самый артельный способ для содержания троек является, конечно, только более практичным способом для выполнения одной из натуральных повинностей и как выражение общинной жизни казака служит несомненно общинно-артельною формою.

Артели великорусского типа

1. Артель севастопольских лодочников

Кому случалось быть в Севастополе и ездить по его превосходной бухте, тот наверное имел дело с севастопольскими лодочниками. Это бравый и здоровый на вид народ, со спокойными и солидными приемами и с фигура-

ми истых моряков. Пара здоровых мозолистых рук или, в случае попутного ветра, незатейливый парус мчат вас на лодке по темно-синей поверхности знаменитой бухты с скоростью, ни в чем не уступающей паровой. Это, одним словом, настоящие представители своей стихии – ловкие, спокойные и находчивые. Но их загорелые, смуглые и в большинстве случаев с бритыми бородами лица, их полуевропейские и полуматросские костюмы мало напоминают настоящих, заправских «москалей» или даже спокойно сосредоточенных «хохлов». А между тем к их трудовой жизни вполне привилась одна из характернейших черт русского народа – артельное начало. Все лодочники, живущие на так называемой Северной Стороне Севастополя, составляют из себя одну общую артель, не лишенную некоторой своеобразности как по ее происхождению, так и по личному составу.

Рассказывают, что в приснопамятное время крымской кампании было предложено, между прочим, в числе других и севастопольским арестантам стать в ряды защитников отечества. В награду за эту службу арестантам была обещана по окончании войны полная амнистия. Арестанты, разумеется, с охотою приняли это предложение, и хотя часть их разбежалась, но другая часть действительно стала в ряды защитников Севастополя и свою мужественную и самоотверженную защиту геройски приобрела себе впоследствии и амнистию, и свободу.

По окончании крымской кампании вылечившиеся от ран и вообще оставшиеся в живых арестанты были поселены на так называемой Северной Стороне Севастополя. Тут же вместе с ними поселились и другие защитники Севастополя – отставные солдаты, моряки и проч. Впоследствии к ним стали присоединяться вообще всякие малорусские и великорусские пришельцы, хотя, впрочем, и в весьма незначительном числе. Таким образом, была заселена Северная Сторона севастопольской бухты, состоящая в настоящее время из трех небольших поселков или предместий, известных в просторечии под именами: «Сухой Балки», «Куриной Балки» и «Базара». Поселенцы обзавелись, разумеется, семьями и хозяйствами, а свою специальную деятельностью избрали: летом – извозный лодочный промысел, а зимою – рыбную ловлю – и зажили себе припеваючи.

Но пронырливый ум капиталиста, подметивший для себя наживу, не замедлил потревожить спокойную жизнь этих бывших защитников Севастополя и их детей. В бухте явился небольшой пароходик, принадлежащий частному лицу и назначенный специально для тех работ и услуг, которые исполнялись до того лодочниками. Лодочникам пришлось сначала плохо. Конкуренция с пароходиком оказалась для них на первых порах положительно непосильной. Лодочники жаловались, ругались и, говорят, готовы были даже сцепиться не на живот, а на смерть со своим конкурентом. Пароходик обра-

тился в ненавистного врага. Но, разумеется, ни жалобы, ни брань, ни косые взгляды лодочников не помогли им выйти из затруднительного положения. Тогда лодочники обратились к помощи артельного начала и образовали одну общую артель лодочников.

Дело приняло другой оборот. До образования артели лодочники вели свой промысел следующим образом: останавливаясь у пристаней – городской, северной и корабельной, – они соблюдали только очередь при перевозке пассажиров с одного берега на другой, но каждый лодочник работал исключительно на себя. При значительном количестве промышлявших лодочным извозом лиц, очередные лодочники старались каждый раз набирать возможно больше пассажиров, иначе они рисковали остаться с 20 и 40 коп. суточного заработка, тогда как другие благодаря случайному приливу пассажиров могли рассчитывать на 2, на 3 и более руб. А парходик между тем не соблюдал никакой очереди и был один. Понятно, что при таких порядках часть лодочников всегда оставалась в накладе, и большинство пассажиров ездило на парходике. С возникновением артели дела приняли сразу совершенно другой оборот. Во-первых, лодочники положили содержать на каждых двух хозяев по одному только ялику. Этим способом они наполовину сократили расходы не только по содержанию лодок, но и по взносу в севастопольскую думу за право извоза, а это уже дало им некоторые шансы на успех конкуренции с парходиком. Во-вторых, лодочники перешли возить с одного берега на другой даже по одному пассажиру, лишь бы только была свободная лодка. Тогда, наоборот, парходик стал чаще оставаться без пассажиров, так как с одним или двумя пассажирами ему невыгодно было совершать свой рейс с одного берега на другой, а пассажиры в свою очередь охотно пользовались услугами лодочников во избежание промедлений и выжиданий. Таким образом, выгоды конкуренции начали постепенно переходить на сторону лодочников, сила артельного начала оказалась очевидной, артель быстро привилась и упрочилась.

В настоящее время (в 1876 г.) в состав артели входит около 40 лодочников. Все они – частью бывшие защитники Севастополя, а частью их дети. В национальном отношении артель представляет смешанную группу. В нее вошли и малороссы, и великороссы, но первые в значительно большем количестве, чем вторые. Стало быть, наклонности и предрасположение малороссов к индивидуализму и строгой изолированности в известных случаях нисколько не помешали осуществиться артели, носящей великорусский характер. Этого мало. На образование артели и успешный ход ее дел не повлияла даже такая разнокалиберность ее членов по профессии, какую представляют собой отставные солдаты, отвыкшие от крестьянской жизни, матросы, их дети, прощенные арестанты и заходящие на заработки рабо-

чие. Выгоды дела оказались достаточно убедительными и осязательными, и личные наклонности и привычки членов артели в весьма малой степени влияли на склад и характер артели.

По своему внутреннему составу и устройству артель севастопольских лодочников представляет собой общину совершенно равноправных членов. Из среды этих членов избирается обыкновенно всеми членами артели артельный староста. На его обязанности лежит ведение некоторых общих распорядков. Он ведет все дела артели, касающиеся ее отношений к сторонним лицам. Он имеет дело с севастопольской думой, делает в нее взносы за право содержания лодок, получает квитанции, ярлыки и проч.; он же – строгий блюститель установленных в артели порядков и следит поэтому за штрафованными и провинившимися. Но ни в артельную сумму, ни в какие счета и расчеты, касающиеся денежных выручек артели, староста не вмешивается. Тут он обыкновенный член артели и только.

Для заведывания денежными заработками в артели существует известная очередь между всеми членами. Каждый ее член в течение одного дня несет поочередно обязанность временного кассира. Ему взносят все члены артели свои дневные заработки по мере выручки денег за извоз и возможности сдавать их на руки. Каждый такой взнос записывается обыкновенно немедленно в установленную для этого книгу особым писарем, находящимся неотлучно при кассире, причем самый заработок всегда сдается на руки только кассира. Кассир же вместе с писарем наблюдает за очередью, по которой лодочники должны перевозить пассажиров, вещи и проч. Впрочем, очередь устанавливается всегда как-то сама собою, и лодочники сами являются превосходными блюстителями ее.

Вечером, после окончания работ, вся артель производит учет временно-му кассиру и писарю. Сосчитывается обыкновенно общая сумма выручки, сверяются записи извозов по книге со словесными показаниями членов, и тут же как члены, так и в особенности кассир с писарем строго следят за тем, чтобы кто-нибудь из членов не утаил части из своей выручки. Затем деньги делятся по количеству участвовавших в дневном заработке лиц и сейчас же всем выдаются на руки. Излишка никто не получает: ни кассир, ни писарь, ни даже сам староста. Каждый из этих трех лиц выполняет свои обязанности совершенно безвозмездно. Таким образом, случается, что каждый член артели зарабатывает ежедневно от 40 и 60 коп. до 1 руб. 20 коп. и даже до 2 руб. сер. Те же из членов артели, которые не принимали никакого участия в извозе в течение дня, не получают и никакого вознаграждения из общей дневной выручки своих товарищей. Эта мера – выгодная в том отношении, что не дает возможности членам артели, зарабатывающим какими-нибудь другими способами на стороне, брать пай или часть его из денег, вырученных трудом

их товарищей по артели, – представляет, очевидно, значительную невыгоду для больных и вообще подвергающихся разным случайностям членов артели. Тем не менее артельщики, видимо, вполне довольны ею.

Что касается нарушений артельных порядков, то за них существует три рода наказаний: выговор товарищества, штрафы и совершенное исключение из числа членов артели. Впрочем, существенную роль играют в артели одни штрафы, хотя они и весьма редки. Штрафы налагаются на провинившихся едва ли не за одну утайку денег из дневной выручки и никогда не бывают денежными. Обыкновенно провинившимся артельщикам товарищество запрещает заниматься лодочным промыслом в течение дня, двух или трех, и эта мера, по словам лодочников, оказывается вполне действительной, чтобы удержать недобросовестных членов артели от различного рода утаек и мошеннических проделок на счет товарищества.

Артель, кроме перевоза пассажиров, занимается перевозкою провизии, различного рода домашних вещей, мебели, дров, муки, пшеницы, камней и проч. Главное время работ артели начинается с середины весны и продолжается до глубокой осени. В остальное время года артельщики занимаются рыбною ловлею. Вообще артельщики имеют общим делом один лодочный извозный промысел. В частной жизни они живут отдельными хозяйствами, независимо друг от друга. Только одна угрожающая конкуренция известного уже нам пароходика заставила лодочников северной стороны соединяться воедино. К сожалению, их частная жизнь течет далеко не блистательным образом. Жалобы на отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных постоянных заработков, на плохие времена и в Севастополе, как вообще в южных городах России, довольно обыкновенны, и севастопольские лодочники, разумеется, не представляют в этом отношении заметного исключения.

2. Артели бендюжников, или дрогалей

Отпуск за границу южнорусского сырья и преимущественного хлеба создал на юге России особый разряд рабочих, известных под именем бендюжников, или «дроголей», по малорусскому выговору. Рабочих этого рода как совершенно специализировавшихся и обособившихся тружеников можно встречать положительно во всех южнорусских портах – в Одессе, Николаеве, Херсоне, Севастополе, Керчи, Бердянске, Ейске, Мариуполе, Таганроге и Ростове-на-Дону. И везде специальные их работы заключаются, главным образом, в перевозке хлеба из магазинов в магазины и на суда или обратно.

Они же доставляют из судов в город каменный уголь, железо, фрукты и проч. и перевозят разного рода тяжести и мебель по городу. Таким образом, рабочий-бендюжник не мыслим без лошади и повозки или дрог.

Бендюжники бывают двух родов: постоянно занимающиеся своим промыслом и наезжие, занимающиеся этим промыслом только в определенное время года – весной или осенью, когда идет особенно усиленная и деятельная нагрузка или разгрузка судов. Первые живут большею частью в пределах городов, как, например, на Мельницах в Одессе, перебиваясь во времена безработицы и зимой сторонними работами или перевозкою по городу тяжестей и разного рода клади. Вторые наезжают в порты из окрестных селений в разгар деятельности на гаванях и пристанях. Впрочем, бендюжниками в строгом смысле этого слова можно назвать рабочих первого рода. Вторые даже редко бывают известны под этим именем, и если носят название бендюжников, то только временно благодаря единственно случайному прикосновению к делу. Это большею частью мелкие хозяева-землевладельцы, урывающие время от сельскохозяйственных занятий для работ вне хозяйства, на стороне. Но занимаются ли бендюжники постоянно своим промыслом или только временем, урывками, – в обоих случаях они производят свои работы не иначе, как артельным трудом. Артель служит основною формою их промысла, и притом формою крайне разнообразною и меняющеюся, смотря по тому или другому экономическому положению этого рабочего люда.

В самом простом и, так сказать, случайном виде артельное начало прилагается к делу наезжими бендюжниками. У них оно носит такой же временный и неустойчивый характер, как и самые их занятия бендюжным промыслом.

Когда обыкновенно пригородный бендюжник узнает о нагрузке и разгрузке судов в порту, то снаряжает свою повозку и, захвативши одну или две вязанки сена и известное количество овса для лошади, отправляется в сообществе односельцев или знакомых ему сотоварищей в конторы или на гавань отыскивать работы. Так как хлеботорговцы и судо-хозяева всегда предпочитают, в силу большей успешности дела, иметь дело с целыми партиями, с артелями бендюжников, а не с одиночными возчиками, то таким образом уже одно это обстоятельство служит связующей причиной для таких партий односельцев или знакомых сотоварищей. Партия не только подражается перевозить известный товар, зерно или тяжести гуртом у одного хозяина, но и самые работы производит сообща. Бендюжные работы всегда носят такой характер, что производить одиночно, а не сообща положительно невыгодно, а иногда и просто невозможно. Таскать пятипудовые чувалы или кули одному рабочему почти немислимо, или если и мыслимо, то с такими неудобствами, проволочками и тратами времени и сил, что работа вряд ли могла бы окупаться по своей действительной стоимости. Значит, так или иначе наезжим бендюжникам приходится группироваться в партии и прилагать к делу артельный труд.

Есть и другого рода обстоятельство, заставляющее бендюжников группироваться в артели и зависящее также от самого характера важнейших бендюжных работ. Дело в том, что такие работы как нагрузка судов или даже просто возка тяжестей в гавани и из гаваней при значительном скоплении рабочего люда, что само собою обуславливается ограниченностью пространства для работ в гаванях и при судах, возможны только при соблюдении известного порядка и очередей со стороны самих рабочих. Но такие именно порядки меньше всего мыслимы там, где на тесном пространстве толкуются десятки и сотни повозок и рабочих. Несмотря на заведенные порядки и очереди, между рабочими здесь то и дело бывают столкновения. Каждому желательно поскорее сдать свою клажу или получить новую, каждый спешит поскорее пробраться к пароходу или в гавань, и вследствие этого брань и споры, а нередко нахальство сильного и взаимные потасовки бывают довольно частыми явлениями в среде рабочего люда. Кто бывал, например, на одесских гаванях во времена усиленной или даже обыкновенной их деятельности при нагрузке и разгрузке судов, тот, наверное, был очевидцем массы сцен подобного рода. Тут нередко берет тот верх, и, следовательно, больше зарабатывает, кто сильнее, а так как сила всегда оказывается на стороне артели, то одинокий рабочий при таком порядке дел оказывается положительно бессильным. Стало быть, артель как форма, взаимно гарантирующая отдельных рабочих при отстаивании ими очередей и возможности скорого исполнения работ, является прямой необходимостью и с этой стороны.

Таким образом, артельное начало обнаруживается в описываемых формах, прежде всего, в двух отношениях – по отношению к общей совместной работе и по отношению к взаимной гарантии и отстаиванию друг друга при работах, когда в одном и том же месте работает значительное количество рабочего люда. Этим, впрочем, и исчерпывается применение артельного начала к делу. Далее этого артели не идут. Каждый член артели ведет совершенно самостоятельно свою жизнь, траты и расчеты. Сегодня он член одной артели, а завтра может быть членом совершенно другой. Сегодня он работает в городе на гавани, а через день он станет пахать пашни у себя на дому. Лошадь свою он кормит на свой счет и независимо от других. Точно так же харчуеться и сам. И только изредка, при случае, он участвует в общей товарищеской складчине на выпивку или пьет компанией для сокращения издержек чай в трактире, что случается очень даже часто, но что, впрочем, не всегда находится в полном соответствии с приложением артельного начала к делу, так что пить чай вместе могут лица совершенно различных артелей или только несколько лиц из одной артели. В артели не бывает также никаких соподчиненных отношений между членами, и только при уговоре и расчетах с хозяевами артель выставляет из среды своей того или другого члена как представителя артели.

Разумеется, это бывает большею частью опытный, знающий и грамотный член. Он ведет обыкновенно счет количеству пудов или четвертей перевозимого товара, получает по этому счету квитанции от хозяев и уплату и таким образом представляет собою нечто вроде артельного старосты. Самый дележ заработков производится пропорционально или количеству пудов, перевезенных каждым членом артели, или же количеству рабочих сил и повозок, смотря по предварительному или обычному соглашению.

Несколько совершеннее артели у постоянных бендюжников, но вместе с тем тут чаще бывают случаи, когда артель служит только средством эксплуатации рабочего люда в руках какого-нибудь ловкого афериста. Дело в том, что в таких больших городах, как Одесса или Севастополь, существует целый класс чернорабочих, работающих специально в гаванях и не имеющих ничего, кроме пары здоровых мозолистых рук. Обладая превосходными практическими знаниями и сноровкою при работах, рабочие эти не имеют в своем распоряжении самого главного – лошадей – для того, чтобы производить работы самостоятельно. И вот этим-то последним обстоятельством и пользуются разного рода мелкие и крупные посредники, содержащие бендюжных лошадей. Они нанимают обыкновенно поденно или помесечно чернорабочих, прилагают к делу готовую форму народного артельного труда и снимают работы у хозяев или у контор, кладя себе в карманы все те выгоды, какие выпадают на долю артельного ведения дела.

Но в тех случаях, когда артели состоят из совершенно самостоятельных рабочих, имеющих своих собственных лошадей, они представляют более совершенные и устойчивые формы труда в ряду других описанных нами артельных форм. В таких артелях обыкновенно каждый член участвует трудом и капиталом, то есть каждый рабочий участвует сам непосредственно в снимаемых артелью работах и имеет одну или несколько лошадей и повозок. Живут эти артели иногда вместе, на одной квартире, харчуются из одного общего котла, но даже в таких случаях почти всегда каждый член артели содержит свою лошадь на свой собственный счет независимо от других. Работы также производятся гуртом, сообщая всей артелью, а в тех случаях, когда одному или нескольким членам приходится работать отдельно, общий поденный заработок считается общею артельною выручкою, так что дележ заработков производится большею частью пропорционально количеству рабочих рук или повозок. Сообразно с этим и сами артели составляются так, чтобы было по возможности равное участие труда и капитала со стороны каждого члена. Для заправления общим ходом дел артель выбирает артельного старосту, который и ведет артельные расчеты с хозяевами, не получая, впрочем, никакого вознаграждения за это. Затем все остальные члены – совершенно равноправные участники артели. Сама продолжитель-

ность существования артели всегда бывает значительнее, чем всех других видов артелей этого рода и не носит такого случайного характера, как в артелях наезжих бендюжников.

Таковы в общих чертах разные виды артелей бендюжников, или «дрога-лей». Как чисто практические формы труда они во всяком случае представляют немаловажные выгоды как для рабочих, так и для хозяев. Без этих форм во многих случаях немислимо самое ведение дела, а там, где оно возможно, оно было бы далеко неудобнее и непроизводительнее без них, чем при посредстве их. Конечно, в разных случаях артельное ведение дела дает совершенно различные результаты, но это уже обуславливается степенью пригодности и совершенства той или другой артельной формы. Очень может быть, что энергия труда, а следовательно, и величина заработка в артелях самостоятельных или наезжих бендюжников значительнее, чем в артелях эксплуатируемых. Точно так же приложение артельного начала к делу, а вследствие этого и разного рода сбережения, сокращение расходов и вообще артельные выгоды в артелях постоянных бендюжников шире, чем в артелях наезжих. Но в общем итоге артели во всяком случае составляют неизбежную принадлежность бендюжного промысла, независимо от той или другой их формы. Само слово «артель» вошло во всеобщее употребление при бендюжных работах, и им безразлично называют и собственно артели, и просто три-четыре или десяток рабочих, возящих тяжести у одного хозяина или из одного места в продолжение дня, полудня или даже часа. Сообразно с понятием артели приспособлена перевозка и определение количества тяжестей. То или другое зерно сдается обыкновенно «поартельно», и из каждой артели или группы (большею частью других, трех мелких артелей) берутся так называемые пробные чувалы, взвешиваются, и потом на основании их веса высчитывается общее количество пудов хлеба по чувалам.

Поэтому, несмотря на те или другие видовые особенности артелей бендюжников, все они представляют в существенных чертах много общего между собою. Так, существенные черты их организации, как мы видели уже выше, носят одинаковые, безразличные признаки. Их численный состав всегда большею частью колеблется между четырьмя и десятью повозками и нисколько не обуславливается тем или другим видоизменением артельной формы. Колебание состава в ту или другую сторону определяется тут тем или другим количеством принадлежащих одному рабочему повозок. Если рабочие имеют по одной повозке, артель бывает малочисленная, если же больше, то и артель оказывается более многочисленною. Количество рабочих рук выбирается вообще такое, при котором возможна наибольшая экономия работы. Точно так же та или другая видовая форма артели не имеет никакого влияния и на состав артелей в их национальном отношении. Все

описанные нами формы одинаково встречаются у всех тех национальностей, которые занимаются бендюжным извозом.

Большинство бендюжных артелей формируется обыкновенно из малорусского населения, но в разных местах южной России к ним бывают причастны разного рода национальности. Так, в Одессе, кроме малорусских артелей, встречаются немецкие, молдаванские и еврейские, в Ростове-на-Дону – малорусские и армянские, в Ейске – малорусские и немецкие, и т. д. и т. д. Иногда встречаются артели смешанного характера, в состав которых входят и малороссы, и великороссы, и даже евреи или немцы. Одним словом, артельное начало одинаково прилагается к делу у всех, кто бы ни занимался бендюжным промыслом, и та и другая форма его обнаружения нимало не обуславливается национальностью тех или других участников в ней. В этом отношении бывает существенно важно собственно только то или другое экономическое положение рабочего люда, его обеспеченность и необеспеченность, его зависимость или независимость от известного рода занятий.

Наконец, та или другая форма артели не имеет также влияния и на рабочую плату или на цены за перевозку тяжестей. Каждая артель работает обыкновенно по существующим ценам, а возвышение или падение цен обуславливается не только спросом и предложением, но и некоторыми другими условиями. Чем меньше артелей и больше работы, тем выше, конечно, цены за работы, и наоборот. Но цены во всяком случае бывают высоки в периоды особенно усиленной нагрузки и отправки из портов хлеба весною или осенью и низки по миновании этих условий в другие времена, так что колебание их в этом отношении достигает невероятных крайностей. Так, например, в Одессе случается, что за перевозку четверти хлеба на одном и том же пространстве из города в гавани, но в разные времена, платится от 7 коп. до рубля, и нередко поэтому случаи, когда дневной заработок бендюжника с одной повозкой и парой лошадей равняется десяти, пятнадцати и даже более рублей в одно время года и двадцати или пятидесяти копеек в другое. В этом отношении бендюжный промысел, а следовательно, и самые артели бендюжников подвержены большим крайностям и колебаниям, отражающимся зачастую самым неблагоприятным образом на положении рабочего люда.

3. Артели плотников и каменщиков

Артели плотников и каменщиков составляют преимущественно из великороссов и в таком виде известны в южной России под именем «захожих» артелей. Работая здесь из года в год, артели эти как определенные формы труда, имеющие за собою обычай и долголетнюю практику, оказывают некоторое влияние на трудовую жизнь малорусского народа. Таким

образом, бывают, например, хотя и весьма редкие случаи, когда в состав этих артелей, кроме великороссов, попадают и малороссы, когда даже они целиком комплектуются из одного малорусского населения. На этом основании мы и помещаем здесь краткое описание их наряду с чисто южно-русскими формами. Если они и не представляют собою смешанных южно-русских форм, то, во всяком случае, оставляют известные следы в самой экономической жизни южно-русского населения.

По своему характеру и строению артели плотников и каменщиков отличаются полнейшею аналогиею между собою. Это – артели чисто великорусского типа, состоящие из совершенно самостоятельных и равноправных рабочих, равномерно распределяющих между собою как труд, так и заработки. Но в этом чистом виде они составляют только относительно незначительное меньшинство. Рядом с ними существуют и другого рода формы, уклонившиеся от своего чисто артельного характера и представляющие, так сказать, одну внешнюю артельную оболочку без всякого внутреннего содержания. В таком виде эти формы служат только средством для наживы разного рода кулаков и рядчиков. Труд в них является совершенно соподчиненным началом, и многие из тех выгод, которые вообще неразлучны с артельным трудом, выпадают на долю эксплуатирующего элемента.

Итак, следовательно, артели плотников и каменщиков встречаются в южной России в двух видах – в чисто артельном виде и в виде разлагающихся артельных форм.

В существующих экономических условиях южной России есть одна общая точка соприкосновения, ставящая в одинаково невыгодное положение оба эти вида артельных форм. Дело в том, что большинство описываемых артелей ютится, главным образом, в городах, как, например, в Одессе, Николаеве, Севастополе, Харькове, Таганроге, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Керчи и проч., проч., а городские работы отдаются большею частью с подряда. Подрядчик в таких случаях как лицо известное и могущее представить залог при постройках является неизбежным посредником между рабочим людом и нанимателями, и многие из тех выгод, которые пришлось бы при других условиях на долю артелей, становятся, таким образом, достоянием этого посредствующего лица.

Существуют собственно два рода подрядчиков: мелкие и крупные. Первые и есть непосредственные эксплуататоры артельного труда. Они составляют и содержат по найму артели в качестве так называемых хозяев. Вторые, ведущие дела в более широких размерах, одинаково берут свою дань как с артелей, содержимых мелкими рядчиками-хозяевами, так и с артелей в совершенно чистом их виде. Значит, существенно важное влияние на артели должны оказывать только первого рода подрядчики.

Организуя свои артели, мелкие рядчики-хозяева стоят на чисто обычной почве народной жизни. Они такие же труженики, как и те рабочие, которых они избирают в артели, и во многих случаях даже превосходят искусством этих последних. Они живут обыкновенною жизнью рабочего – вместе со своими рабочими помещаются, вместе едят и проч. Одним словом, это те же рабочие, только стоящие в хозяйских отношениях к другим рабочим. И эта близость их к положению рабочего люда и делает их особенно опасными эксплуататорами труда. Они знают всю подноготную в жизни рабочего и поэтому часто пожирают свои барыши там, где другой и не подумал бы.

Сами артели рядчики составляют или на месте работ, или же отправляются нарочито с этою целью на места жительства и скопления рабочего люда. Но где бы ни составлялись артели, причины, заставляющие рабочего попадать в эту наемную кабалу, одни и те же. Рабочий нанимается в силу необходимости: ему или нужны деньги на уплату податей и проч., которые он берет «вперед» у рядчика, нанимаясь к нему на известный срок за известную условленную плату, или же он просто нуждается в работе, которую приходится доставать большею частью только чрез посредство рядчика.

Общие черты построения всех этих разлагающихся артельных форм совершенно одинаковы. В них именно остается только одно внешнее выражение артельного начала, то есть соединение рабочих в группы для достижения возможно лучших результатов труда. Рядчик нанимает рабочих помесечно, посрочно или погодно. Рабочий живет большею частью в артели, ест из общего артельного котла, работает также в большинстве случаев в артели. Но за этими внешними артельными чертами кроется далеко неартельное содержание. Рядчик как хозяин является полнейшим и неограниченным распорядителем всех действий рабочего как нанятого им работника. Он совершенно по произволу может ставить его на ту или другую работу, может разбивать для выполнения разного рода работ артель на части, может заставлять рабочих работать одиночно и т. д. и т. д. Его прямая цель заключается в одном – получить возможно больше выгод сверх тех издержек, которые он тратит на содержание рабочим. Таким образом, рабочий в такой искусственной артели является мало того, что лицом в значительной степени обсчитанным и обобранным, но еще и несамостоятельным, подневольным.

Чтобы показать, каково положение рабочего в этом последнем отношении, мы приведем здесь небольшой расчет плотничьей артели, существовавшей в г. Екатеринодаре. Артель рядчика состояла из восьми человек. Рабочие наняты были по разным ценам. Общее содержание их в год стоило приблизительно около 1 440 руб., квартирные расходы равнялись 30 руб. в год и расходы на пищу – 400 руб., или в общем итоге годовое содержание артели в

восемь человек стоило рядчику 1 870 руб. сер. Между тем валовая выручка от труда восьми рабочих равнялась приблизительно 2 880 руб. в год. Значит, рядчик-хозяин ни за что ни про что клал в свои карманы целую тысячу рублей из трудовых денег его рабочих в год.

Итак, следовательно, рабочие артели, составляемые рядчиками-предпринимателями, представляют собой, в сущности, удобнейшие формы для эксплуатации труда рабочих рядчиком. Все те выгоды, которые неразлучны с артельным ведением дела, как сбережения по продовольствию, найму квартиры, закупке материалов для работ и прямые выгоды от большей производительности артельного труда сравнительно с трудом враздробную, принадлежат исключительно хозяину. И таким образом, самые формы теряют характер настоящих артельных форм, хотя и известны у рабочих под именем артелей. Это, стало быть, разлагающиеся формы артельного труда – формы, образовавшиеся только вследствие неблагоприятных условий для артельного начала. Там, где эти условия не существуют или, по крайней мере, влияние их на труд более слабо, артели являются в своем чистом виде.

Существенное различие собственно артелей от разлагающихся артельных форм заключается, конечно, в том, что в состав их входят совершенно равноправные во всех отношениях лица. Каждый – только работник, соединяющий свой труд и расходы по содержанию с трудом и расходами таких же, как и он, тружеников, и никто не играет тут роли полновластного хозяина или строго зависимого наемника. Отсюда – каждый член артели одинаково с другими участвует как в выгодах артели, так и в убытках ее. Артельный староста только избранный исполнитель воли большинства. Власть его так же ограничена, как и обыкновенных членов артели, и если он действует в известных пределах, по-видимому, совершенно самостоятельно и независимо от воли большинства, то самые эти пределы определяются тем же большинством и существующими на этот счет обычаями. Староста не получает поэтому за свои труды как распорядителя артели никакого особенного вознаграждения. Его положение – дело почета и доверия, и на такое положение имеет право всякий участник артели. Таким образом, артель в этом случае является гарантией труда и рабочего от эксплуатации разного рода мелкими посредниками. Тот же самый плотник, который получает у мелкого рядчика какие-нибудь 8, 10 или 12 руб. в месяц, в артели вырабатывает 20 и 25 руб. также в месяц.

Что касается затем влияния артелей в том или другом их виде, собственно, на южнорусское рабочее население, то это население, понятно, также должно принаравливаться к тем или другим местным условиям, прилагая к делу артельное начало. В больших городах, как, например, в Одессе, где положение отдельных рабочих подвержено большим случайностям,

чем в других местах, чаще, чем где-либо можно встретить случаи, когда южнорусский житель попадает в артельную кабалу какого-нибудь мелкого рядчика-каменщика. И наоборот, в глухих местах, как в станицах Кубанской области, где, например, плотник всегда может найти себе ту или другую мелкую работу и где, следовательно, он меньше подвержен случайностям и зависимости от рядчиков, скорее можно найти и применение артельного начала хотя бы и местным рабочим людом. Нам случалось, например, встречать в Кубанской области плотничьи артели, существующие в течение только выполнения той или другой значительной работы, как постройки ветряных мельниц, церковных оград, домов и проч., и состоящие из самых разнокалиберных элементов – из казаков, солдат, великороссов и малороссов. Стало быть, и для местного южнорусского населения та или другая форма артели является делом случая и известного экономического положения самого труженика. Если же эти формы вообще туго прививаются к жизни южнорусского рабочего, то это, разумеется, зависит от того, что и сами плотничьи и каменничьи работы мало распространены на юге России.

Разные артели

1. Батальонные артели

В щербиновской, кущовской, екатеринодарской, брюховецкой и других черноморских ярмарках, на так называемых тичках, где продается обыкновенно рогатый скот, можно иногда встретить случаи, когда одну пару волов торгует целый десяток или даже несколько десятков казаков вместе. Ни один, кажется, покупатель не осматривает с таким тщанием волов, как эти казаки-покупщики. Они буквально-таки «перещупают» все суставчики животных, лазят под брюхом, пробуют за рога и проч. Стоговав волов, они берут их на пробу, запрягают в воз и, взгромоздившись на него в таком количестве, какое только может поместиться, с криками и гиком «проезжают» быков. Это покупают черноморцы-пехотинцы так называемых артельных волов.

Дело в том, что в среде кубанского казачества остались еще в их военной организации кое-какие слабые следы их былых свободных порядков, основанных на исторических традициях. Так, например, в каждом батальоне «пехотинцев», то есть пеших казаков, казакам позволяется иметь то или другое количество своих подвод для перевозки вещей. Содержание этих подвод представляет прежде всего совершенно свободное дело самих казаков, и в этом-то случае казаки и прилагают к делу артельное начало.

В каждом батальоне существует обыкновенно несколько артельных подвод. Количество их обуславливается тем или другим распределением пехотинцев по станицам и зависит от доброй воли и материальных ресурсов казаков. Если станица достаточно населена и, следовательно, имеет достаточное число пехотинцев для содержания своей собственной артельной подводой, то одностаничники содержат сами собою такую подводу; в противном случае, они соединяются с пехотинцами другой, преимущественно ближайшей станицы, что случается, впрочем, сравнительно редко. Но сколько бы ни было пехотинцев в станице, они всегда вольны содержать и сами собою подводу, лишь бы хватило на это средств.

Таким образом, каждая группа пехотинцев-казаков, содержащая свою собственную подводу, представляет собою артель. Подвода «снаряжается» на общий счет этой артели и служит ее общим артельным достоянием. Каждый участник вносит на расходы по этому предмету совершенно равный со всеми другими денежный пай и вместе с этим имеет право на пользование подводой только в таком размере, в каком пользуются ею все другие участники.

Для ухода за волами и подводой артель выбирает из среды своей одного возчика, который и называется «артельщиком». Артельщик не избавляется от взноса пая на содержание подводой. Его избрание – дело чести и доверия. Им бывает только более честное, толковое и уважаемое лицо. Он, следовательно, является лицом выборным, общественным, и так как избавляется при этом от несения разного рода других служебных по батальону обязанностей, то, значит, достаточно вознаграждается уже одним занимаемым им положением за те труды, которые выпадают на его долю как артельщика.

Раз артельщик избран, он получает в свое полное распоряжение артельную подводу. Подвода одинаково находится в его руках и в обыкновенное, неслужебное время, и во время отправления казаками службы. Но разница тут заключается только в том, на чей счет производится содержание быков в то или другое время. Если казаки находятся по домам, в станицах, в таком случае артельщик содержит артельных волов на собственный свой счет и в вознаграждение за это пользуется ими как рабочей силой, лишь бы только он доставил их артели ко времени отправления на службу в надлежащем виде, то есть достаточно откормленными, неиспорченными и проч. В служебное время, наоборот, хотя артельные быки и подвода находятся и на руках артельщика, но содержание их падает равномерно на всех участников артели.

Таким хозяйственно-артельным способом казаки-пехотинцы устраивают себе возможность возить за собою на службу те вещи, какие невозможно носить с собою пешему казаку, как, например: сухари, сало, излишнюю одежду и проч. Смотря по необходимости, они избирают то или

другое лицо в свои артельщики, продают худые волы и покупают взамен их лучшие, переменяют старый воз на новый и т. д. Если случается полная распродажа артельного имущества, в таком случае каждый из участников получает из общей выручки совершенно равную с другими долю. Но случаи такой полной ликвидации дел бывают не всегда. Иногда дело ведется и таким образом, что артель существует из года в год, но в ней меняются только участники: выходят старые, выслужившиеся казаки и на место их поступают новые, начинающие службу «малолитки», выплачивающие пай вышедшим из артели казакам.

2. Артели нищих

О малорусских артелях нищих упоминает Максимов в своей «Бродячей Руси». Артели этого рода действительно встречаются во многих местах южной России, то есть вообще там, где живет исключительно малорусское население или значительный процент его. Кто бывал на малорусских ярмарках и базарах, тот, наверное, встречал на них группы нищих, сидящих где-нибудь на бойком, видном месте и поющих какого-нибудь «Лазаря», аккомпанируя пение звуками «кобзы» или «рели». Можно положительно сказать, что группы эти представляют большею частью именно малорусские артели нищих, артели хотя бы в самой простой и незатейливой их форме. Вслушайтесь, в самом деле, в тот возглас, которым нищие заключают свое пение – и вы заметите, что форма этого возгласа есть форма артельной, коллективной просьбы. «Подайте нищим каликам ради Христа!» – восклицают обыкновенно нищие, как бы выражая этим одну общую свою просьбу. Но найдите другую группу нищих, сошедшихся вместе случайно, и вы здесь уже услышите, как каждый из этой группы восклицает: «Подайте нищему калици ради Христа! Подайте убогому! Подайте слипенькому!», давая этой формой обращения как бы невольно знать, что в подаянии заинтересован каждый просящий единолично. Признак, конечно, далеко непостоянный, но, во всяком случае, выражающий большею частью то, что нужно на самом деле разуметь.

Но эти, по-видимому, так обыкновенные и так легко бросающиеся в глаза артели, в сущности, представляют много темного и таинственного. Дело в том, что нищие содержат в строжайшей тайне свои взаимные отношения. Расчет со стороны нищенствующей братии очень простой. Нищенство во всяком случае носит характер ремесла, и выдавать поэтому некоторые непривлекательные тайны этого ремесла значило бы причинять ему существенный вред. Таким образом, уже одно это обстоятельство ясно указывает на то, что само существование нищенских артелей есть дело выгоды. Раз нищие хранят свои артельные тайны из-за расчетов, значит, им это выгодно.

В самом деле, ближайшие причины, которыми обуславливается существование артелей нищих, кроются совсем не в братских чувствах этой «немогущей братии». Нет, стремление нищих в этом отношении скорее эгоистичны и греховны, чем гуманны и возвышенны. Дело просто сводится к тому, что на ярмарках, рынках и вообще в местах людных нищие «добывают» артелью больше, чем в одиночку. Малоросс – большой охотник до пения, но когда он слушает пение нищей братии, то любит, чтобы в этом пении и бас гудел, и дискант пищал, и «реля грала» – любит, одним словом, общее хоровое пение и предпочитает его пению одиночного певца. Таким образом, там, где больше участвует нищих в пении, там по преимуществу собирается и большее число слушателей, а следовательно, и большее количество копеек и «трюшников» сыплется в чашечки нищих. Точно таких же результатов достигают нищие и обыкновенным выпрашиванием милостыни, составляя для этой цели свои артели из разного рода калек, производящих самые разнообразные впечатления на даятелей. Значит, для нищих прямой расчет состоит в том, чтобы петь и просить в людных местах артелью, а не в одиночку. Так они и поступают. Часто достаточно нескольким, хотя бы и не состоящим в одной артели нищим сойтись на каком-нибудь многолюдном пункте вместе, чтобы составила артель как обычное явление.

Сообразно с этим и самые формы нищенских артелей носят двоякий характер – постоянный и случайный, временный. Бывают такие артели, которые ведут свое дело постоянно и на всяком месте. Бывают и такие, которые возникают в одном только случае или, по крайней мере, в известных случаях и на известное, относительно незначительное время.

Так как способ выпрашивания милостыни артелью для известных случаев вошел в обычное явление между нищими, то артель можно считать во всяком случае существующею, раз на одном и том же месте сидит несколько человек нищих. Если сошедшиеся таким образом нищие и не станут впоследствии делиться пожертвованной им милостыней как общей артельной добычей, то они, несомненно, прибегают к артельному началу для того, чтобы привлечь внимание большего числа даятелей большим числом певцов или более крикливым и разнообразным выпрашиванием милостыни. Случается поэтому, что в такие мимолетные, артельные отношения вступают нищие, совершенно чуждые друг другу. Бывают также и такого рода случаи, когда в состав одной группы-артели входят на время две-три совершенно самостоятельно действующих артели. Но если в одном и том же месте, например у церковной ограды, у монастыря и проч., поет и выпрашивает несколько групп отдельно, то это значит, что все эти артели конкурируют между собою, что одни артели находят почему-либо невыгодным петь и просить вместе с другими, так, например, одна артель располагает каким-нибудь особенно

редкостным певцом-ревуном, другая выставляет напоказ какой-нибудь импортирующийся экземпляр калеки, а третья просто потому просит отдельно, что ее не принимают в товарищество другие, как не представляющую никаких преимуществ чисто в техническом смысле. К этому присоединяются также удобства места для выпрашивания милостыни, как, например, вблизи паперти, главного хода и проч., причем самым местом нищие пользуются или по праву первого захвата на каждый раз, или отвоевывают его силою у своих конкурентов, или же, наконец, для удержания за собою места прибегают к помощи людей, власть имущих, каковы церковные сторожа и проч.

Но существенно важными из всех нищенских артелей нужно признать собственно те из них, которые мы называем постоянными. К ним приложено артельное начало в более широких размерах, чем к другим. Они существуют в течение более или менее значительного периода времени и вообще, надо полагать, имеют за собою известного рода обычаи и традиции.

По своему составу артели этого рода, как и все другие, состоят из двух элементов: собственно нищих, «старцев» и так называемых поводатырей. Первый элемент – нищие по профессии, второй – только слуги, наемники нищих. Поэтому и самое положение в артели тех и других весьма различно.

Одиночные нищие без «поводатырей» встречаются довольно часто, так как только слепцы не могут обойтись без них; но артели без поводатырей вообще редки. Помимо того, что редкая артель бывает без слепца, который, прося с одиночку, нуждается в поводатыре, – поводатырь в большинстве случаев представляет необходимого члена артели в качестве исполнителя разного рода услуг. Самый состав поводатырей пополняется большею частью из сторонних нищих лиц. Поводатырями обыкновенно бывают всегда дети, отдаваемые бедняками в услугу нищим «за кусок хлеба», то есть попросту на прокормление, или за известное вознаграждение деньгами, одеждой и хлебом, смотря по условию. В редких случаях поводатырями бывают дети самих нищих. Иногда бывает и так, что слепые и видящие нищие «просят» вместе, помогая друг другу. Собственно поводатыри только водят слепых или возят в тачках калек, хотя они также и просят. Зато в домашней жизни нищих поводатыри играют роль положительно слуг и рабов нищей братии, исполняя все неприхотливые и прихотливые ее желания, начиная с подачи ковша воды и оканчивая побегушками в кабак или шпионским высматриванием добычи. Таким образом, из этих несчастных детей часто с самой ранней детской поры начинает вырабатываться тот сорт нищих-притворщиков, который обращает нищенство в ремесло и который прибегает с этою целью даже к умышленному калечению себя или своих и чужих детей.

Что касается состава другого элемента, собственно нищих, то он в каждой артели бывает более или менее разнообразен. Большинство артелей на

этом именно разнообразии и держится. В состав их входят в буквальном смысле «и слепые, и хромые, и немощные, и болящие». Прямая цель каждой артели состоит в привлечении внимания деятелей тем или другим способом. Если артель по преимуществу поющая, то само собою понятно, что она обращает особенное внимание на удачный подбор певцов и знатоков нищенского пения, но это нисколько не мешает ей прибегать и к другим способам приманки, например, к привлечению в артель уродливых калек. Если артель по преимуществу просящая, то она заботится главным образом о самом разнокалиберном составе калек, начиная с обыкновенных калек и оканчивая уродами, придавая, таким образом, своему внешнему виду раздирающий душу и сердце характер.

Само выпрашивание милостыни артели производят двояким образом – всей артелью и враздробную. Каждый способ соответствует известным, специальным случаям применения. В местах людных – на ярмарках, базарах, у храмов и монастырей – артели выпрашивают милостыню всем составом своих членов вместе. Во всех других случаях каждый член артели действует большею частью одиночно. Вообще же артели представляют передвигающиеся группы нищих. Сегодня они просят в одном месте, а завтра в другом. Они переезжают с ярмарки на ярмарку, из монастыря в монастырь, из поселения в поселение. Поэтому и само географическое их распределение трудно уловимо.

Наконец, сами способы распределения добытых артелью подаяний остаются большею частью тайною нищей братии. Так как в артелях существуют более или менее влиятельные члены, старшие и младшие, то, надо полагать, что и само распределение добычи между ними совершается неравномерно: главный певец или воротила, вероятно, получает больше какого-нибудь второстепенного нищего. По крайней мере, ходячие понятия на этот счет приблизительно таковы. Жадность нищих и бесконечные споры при дележах вошли в поговорку. «Не подиляться, як старци», – говорят обыкновенно малороссы о всяком спорном дележе.

Еще большею таинственностью покрыты все другие, более интимные отношения нищих в артелях. Видимо, их частная жизнь ничем не отличается от жизни обыкновенных смертных, если только не более некрасива. Нищие часто женятся и рожают детей. Им не чужды веселье и разврат. Они напиваются пьяны и воруют. За одни и те же деньги они не постесняются при случае пропеть и какую-нибудь духовную «псалму», и самую скабресную песню. Вообще относительно всего этого можно слышать от людей, сколько-нибудь присматривавшихся к жизни нищей братии, массу самых непривлекательных рассказов. И таково большинство нищей братии. Знатоки исторических дум и песней между ними – редкость, и личности, подобные Остапу Вересаю,

встречающиеся как счастливое исключение большею честью непричастны артелям. Одним словом, нищий как народный певец, как хранитель народных дум и песен измельчал, превратился в попрошайку и притворщика и артель служит для него только средством достижения часто самых низких целей.

Приложения (Отартельные формы)

1. Рождественские складки

Типическая форма древней казацкой организации, представляющая собою соединение нескольких совершенно равноправных личностей в одну солидную группу с атаманом во главе, пустила довольно глубокие корни в жизни южнорусского населения. Следы этой формы можно найти не в одних общественных и экономических отношениях, но и в бытовых. Она применена малороссами не только к различного рода валкам, ватагам и другим чисто экономическим проявлениям народной жизни, но и к народным увеселениям и игрищам. К такого именно рода формам относятся и так называемые складки.

Малорусские складки – не одно и то же, что складчины. Складчина представляет собою общее понятие и имеет место во всех почти жизненных случаях малоросса – и «на радощах», и в горе. Складки – дело молодежи, главным образом «парубкив» и «дивчат», и только частью женатых и замужних лиц, разумеется, также довольно молодого возраста. Складки устраиваются в дни больших праздников, святок, масленицы и заговеньев. Прямое их назначение состоит в том, чтобы повеселиться, поесть всласть, наплясаться вдоволь, пожалуй, кутнуть и покуражить... на счет тех средств и продуктов, которые несут равномерно между собою все участвующие в них личности.

В ряду этих народных увеселений, организующихся в начале общего равномерного взноса денег и продуктов, «риздвяни», то есть рождественские складки, представляют, без сомнения, самые интересные и оригинальные проявления народной жизни. Складки эти продолжаются в течение всех рождественских святок, начиная с 27 декабря и оканчивая днем Нового года. Уже в этом заключается их особенность, так как большинство других складок ограничивается всего одним днем или, вернее, вечером и ночью, и только во время масленицы увеселения и игрища, устраиваемые при посредстве складок, продолжаются по несколько дней сряду. Сообразно с этим рождественские складки отличаются особою роскошью, изобилием и разнообразием угощения, а также и более широким и всеобщим разгулом.

Но отличительная черта рождественских складок заключается собственно в том, что в них целиком вылилась вольная, по образцу казачества, организация с атаманом и есаулом во главе. Впрочем, несмотря на повсеместность складок во всей вообще южной России, эта организация свято хранится и поддерживается только в некоторых местах Малороссии¹, притом не только «парубками», молодежью мужского пола, но и «дивчатами», женским полом. Здесь, в этих местах Малороссии, даже люди почтенные и старики с редкою любовью и снисходительностью покровительствуют этому роду увеселений с их своеобразною организацией и традиционными обрядами. Рождественские складки поэтому тесно связаны с так называемыми «колядками» и «щедришками». В них, следовательно, разом выражается и бытовая, и исторически традиционная жизнь народа. Обычай и традиция составляют необходимые условия их существования.

Еще на «зимнего Николу», то есть 6 декабря, «хлопцы» и «дивчата» ведут уже толки о том, где и как они будут проводить святки и как лучше устроить игрища. В этот день происходит обыкновенно организация всей партии и делаются необходимые постановления относительно способов и средств приведения в исполнение заранее обдуманного плана. Предварительно выбираются «атаман», «есаул», «свительщик» и «казначей», или «кассир». Тут же назначаются и со стороны дивчат две «старших», нечто вроде атамана и есаула женского пола. Наконец, в этот день производятся также и уговоры с так называемыми досвитчатыми батьком или матерью и с музыками.

Атаманом всегда бывает вожак той или другой группы или партии деревенской молодежи. Атаман – в громадном большинстве случаев краса парубков, лучший из всей молодежи. Он должен быть физически силен и отличаться от других сотоварищей сравнительно большею расторопностью, сметливостью и вообще нравственными и всякими другими качествами и преимуществами. Это – необходимые условия годности избираемого, требуемые от атамана в силу уже налагаемых на него как на главу и заправителя всего общества обязанностей. Ни богатство, ни знатное положение, ни родовитость не играют при этом такой важной роли, как личные качества и достоинства. И надо правду сказать, зеленая молодежь поступает в этом отношении со своими представителями часто несравненно строже, справедливее и разборчивее, чем даже седая старость и зрелый возраст в более важных жизненных случаях. Она не дает в своей среде почетных мест и важных назначений выскочкам, плутам, прислужникам и прихлебателям... Она отдает предпочтение одним только действительным качествам и неоспоримым достоинствам своих сочленов.

¹ Для настоящего очерка образцом взяты складки Пирятинского уезда Полтавской губернии. Существуют ли складки в подобном виде в других губерниях южной России – нам неизвестно.

Само избрание атамана производится общим голосованием, причем парубки почти всегда делятся на несколько отдельных партий. Каждая из таких партий имеет обыкновенно кандидата на атамана в лице своего коновода. При голосовании, разумеется, одерживает верх та из них, на стороне которой оказывается физическая сила и большинство голосов. Поэтому выборы атамана нередко бывают соединены со спорами, пререканиями и другими более ощутительными избирательными неурядицами, чего не встречается у девушек, у которых выборы старших производятся тихо, чинно, и результаты их большею частью заранее бывают намечены и известны. Встречаются, впрочем, как у девушек, так и у парней и такие «старши» и атаманы, которые несут свои обязанности по несколько лет сряду, пользуются в этом отношении безукоризненною репутациею и избираются поэтому единогласно и беспрекословно.

Атаман – глава всей молодежи, принимающей участие в складке. Под его непосредственным ведением, наблюдением и распорядительностью ведется вся подготовка к игрищам и затем совершаются самые игрища. Поэтому ему в одинаковой мере подчиняются как парубки, так и дивчата. Он устраняет и разрешает все возникающие споры и несогласия, мирит, наказывает, укрощает. Таким образом, атаман занимает, так сказать, положение верховного блюстителя порядков, и права на такое положение он получает сей час по своем избрании. Как только собрание молодежи покончит с избранием всех своих должностных лиц, новоизбранный атаман, согласно обычаю, держит обыкновенно пред собранием приблизительно в таком роде речь: «глядить же, братци, що б у нас було все добре, що б не жалувались на нас добри люде и не сказали чего-нибудь худого про нас на сторонни... Не напивайтесь на святках; не лайтесь, не бийтесь про меж собою»... и проч., проч. в этом роде.

Старшие девушек играют более второстепенную роль. Их обязанности чисто домохозяйского характера. Это – хозяйки в обыкновенном, деревенском смысле. На старших лежат обязанности по стряпке, по приготовлению различного рода «млынцив», яичниц, «жареного», вареного, «варены» и проч. Но им тем не менее в сфере их деятельности беспрекословно повинуются все остальные девушки. Стряпня и приготовление яств производятся обыкновенно всегда гуртом, под непосредственным заведыванием старших, причем иногда сами парубки являются только исполнителями воли и предначертаний прекрасного пола.

Вторым после атамана лицом является есаул. Это собственно атаманский помощник, вице-атаман, лицо, заступающее атамана в случае, если этот последний заболит или чересчур уж напьется во время самых увеселений, богатых вообще попойками. Но есаул разделяет также обязанности атамана во всех тех случаях, когда требуется его помощь. Он мирит, урезо-

нивает, разнимает и вяжет вместе с атаманом забияк и буянов, оскорбителей прекрасного пола и нарушителей общественной тишины. От него поэтому, как и от атамана, требуется известного рода твердость и уверенность при самих увеселениях. Наконец, есаул с атаманом являются ответственными лицами за всю компанию пред сельским судом и общественным мнением. Что касается избрания есаула, то оно производится одновременно с избранием атамана, и есаул в большинстве случаев оказывается только менее счастливым соперником этого последнего.

Следующее затем выборное лицо – «свительщик», – играет совершенно второстепенную уже роль. Так как рождественские увеселения происходят главным образом во время длинных зимних ночей, то, понятно, при этом требуется освещение. С этой целью и выбирается свительщик, получающий самое свое название от слова «свитло», то есть материал для освещения. Свительщик должен заранее, до наступления праздников, позаботиться заготовлением «свитла», то есть: сальных свечей, керосину, «олии» (растительного масла), «лою» (бараньего сала) и «смальцю» (гусяного жиру). Замечательно, что доставка всех этих материалов лежит исключительно на одних девушках, от которых свительщик или прямо получает тот или другой горючий материал, или же чрез побуждение нерадивых, расхаживая с этой целью по их домам. Собранные таким образом материалы он хранит у себя на дому и расходует потом во время святок. В этом и заключаются все обязанности свительщика.

Гораздо сложнее и важнее обязанности «казначей», или «кассира». Как и когда попали в народный лексикон слова «казначей» и «кассир» – неизвестно, но для обозначения лиц, несущих обязанности этого рода, молодежь не употребляет древнего малорусского названия «подскарбий»; название это едва ли даже ей известно. Казначей должен быть непременно грамотным и отличаться безукоризненною честностью. Только при удовлетворении этим двум условиям тот или другой парубок может рассчитывать на избрание казначеем.

Казначей во многих случаях – личность совершенно самостоятельная. Он действует иногда независимо от атамана или есаула, хотя, разумеется, и под постоянным контролем как этих двух лиц, так и всей остальной молодежи. Казначей принимает денежные взносы или выручки за проданные съестные припасы, собираемые при посредстве «колядок» и «щедривок», записывает их в свою «книжечку» или просто на клочках бумаги и вообще собирает и хранит деньги и ведет приходо-расходную часть. Деньги он расходует или сам непосредственно, или же выдает другим лицам, смотря, конечно, по обстоятельствам. Но деньги, собранные и вырученные дивчатами, находятся в полнейшем их распоряжении, и казначей или даже атаман положительно не

касаются этих денег. Они находятся на руках старших и ими же или при посредстве их расходуются.

Когда, таким образом, бывают избраны все должностные лица, парубки тут же производят складчину для покупки магарыча, который и является заключительным финалом избрания и организации. С этого времени молодежь уже действует как артель, как общество. Первым делом такого общества бывает уговор с «досвитчатым» батьком или матерью и наем музыкантов.

Нужно отличать тех «досвитчатых батькив и матерей», у которых устраиваются рождественские складки, от тех, у которых молодежь собирается «на досвитки». Повсеместно, по всей южной России, где только живут малороссы, в среде этого населения существуют так называемые досвитки. Они представляют то же, что и великорусские посиделки, бывают так же, как и эти последние, только зимой и состоят в том, что каждый вечер молодежь обоего пола собирается в нарочито избранных для этого хатах. Здесь в будни девушки занимаются прядением конопли, льна и шерсти или другими какими-нибудь домашними работами, а парни в большинстве случаев балагурят, поют и проказничают, проводя совершенно праздное время... По воскресеньям и праздникам бывают общие игрища с музыкою, а иногда и с угощениями. Каждый вечер – будет ли он праздничным или будничным – в назначенные часы, приблизительно часов в 12 ночи, часть молодежи расходится по домам, но большинство остается «ночевать на досвитках», причем обыкновенно парни ложатся спать попарно с девушками, и такие пары впоследствии всегда почти обвенчиваются. Хозяева и хозяйки тех хат, в которых молодежь собирается на досвитки, называются «досвитчатыми батьками и матерями». Такой «батько» или «мати» получает обыкновенно известное натуральное вознаграждение от молодежи, но при этом они сами не играют почти никакой существенной роли в игрищах и затеях молодых людей.

Во время рождественских складок также бывает батько или мати. Это – те лица, у которых устраиваются игрища. Иногда такими лицами являются те же самые хозяева, у которых собирается молодежь и на досвитки. Но большею частью ими бывают совершенно новые лица. Дело в том, что в обыкновенное время года деревенская молодежь делится на несколько относительно небольших групп, и сообразно с этим в селении является несколько мест для сборищ «на досвитки». Таким образом, в одном и том же селении, если оно многолюдно, может являться несколько «досвитчатых» батек и матерей одновременно. Батьками и матерями бывают в большинстве случаев вдовы, солдатки, так называемые «покрытки», бобыли и вообще бедняки. Степенный и зажиточный хозяин никогда не позволит собираться на его дому «на досвитки». Но во время рождественских святок молодежь

группируется большею частью в одну или две общих «юрбы». Как это обстоятельство, так и самая продолжительность и ширина разгула молодежи во время рождественских складок требуют более удобного и обширного помещения, чем в обыкновенное время, чего уже никак нельзя найти у бедняков. Таким образом, волею-неволею молодежи приходится в таких случаях прибегать к посредству людей почтенных и зажиточных. Со своей стороны, и эти последние смотрят на «риздвяни складки» как на неизбежную необходимость, освященную обычаем, и вследствие этого нередко совершенно охотно вступают с молодежью в соглашение на счет устройства в их домах рождественских игрищ. Этому способствует и размер вознаграждения хозяев, всегда почти довольно значительный и заманчивый для крестьянина.

Уговор с батьком и матерью молодежь производит гуртом. Для этого все в тот же день зимнего Николы парубки всей юрбой отправляются в намеченный ими заранее дом. Дело всегда начинается просьбою со стороны хозяев. Таковы уж народные обыкновения. По ходу дела бывает видно, примет ли хозяин или хозяйка предложение молодежи или нет. Если хозяйева отказываются решительно с первых же слов, значит, молодежь должна отправляться дальше. Если же хозяйева упирают на какие-нибудь сторонние обстоятельства, значит, дело сладится. Просьбы учащаются, молодежь приводит со своей стороны резоны и доводы, гвалт усиливается, отнекивания ослабевают, и, наконец, хозяйева дают согласие. Далее следует неизбежный магарыч...

Сами условия молодежи с «досвитчатым» батьком или матерью носят характер постоянных, раз установленным обычаем правил. В случае, например, каких-нибудь убытков в имуществе хозяина – разбитых окон, разломанных столов, дверей и проч. – само собою разумеется, что атаман вознаградит батька и мать на свой счет, а сам потом разделается с молодежью. Само вознаграждение никогда не бывает денежным. Атаман просто-напросто нанимает стекольщика, плотника или другого какого-нибудь ремесленника, ведет его на дом к батьке или матери и заставляет произвести починку согласно желаниям последних. Это вошло в обыкновение и служит прецедентом даже на суде.

Уговор с музыкантами производится или всей «юрбой» парубков, или же их выборными, смотря по тому, живут ли музыканты близко или далеко от того села, где устраиваются складки: если близко, парубки уговариваются с ними все вместе; в противном же случае посылают выборных. Парубки платят музыкантам деньги, девушки – продуктами. Необходимые для этого деньги парни распределяют равномерно между собою. Девушки доставляют от себя музыкантам по «поляници» (по хлебу), по куску свиного сала и от 3 до 7 «жмен» (горстей) конопля. Музыканты, кроме того, находятся на особом попечении молодежи. Со дня открытия игрищ они живут большею частью

на квартире у «досвитчатого» батька или матери, куда девушки и носят им поочередно «сниданья» (завтрак) и «полудень» (полдник). Обедают музыканты у парубков, для чего каждый из парубков и приглашает их к себе на дом, угощая обыкновенно, кроме обеда, и неизбежно водкою. В этом отношении между парубками также существует «черга», то есть очередь.

Наконец, наступает самый день Рождества Христова. Вечером в этот день молодежь отправляется «колядовать». Это вполне своеобразный у малороссов вечер. «Колядки» начинают обыкновенно дети еще до захода солнца; с заходом солнца к ним присоединяются подростки, далее «парубки» и «дивчата» и, наконец, мужчины и женщины. Поднимается всеобщее самое разноголосое пение, сопровождаемое криками, остротами, шумом и нередко плачем и борьбой... Везде снуют отдельные группы, женские и мужские. Но между всеми этими группами, конечно, резче всех выдаются группы организованной молодежи. Это самые многочисленные группы. Нередко человек двадцать или тридцать дюжих парубков колядуют вместе. Ввалившись такою ватагою в хату, эти молодцы гудят и выкрикивают свои колядки с таким рвением, что стекла даже дребезжат в окнах. Каждая из колядующих групп имеет особенное лицо, известное под именем «михоноши» (от слова «мих», мешок, и носить), которое носит в мешке различного рода продукты, получаемые за колядки молодежью, как-то: хлеб, свиное сало, колбасы и проч. «Михоноша» парубков нередко возит за собою целые сани таких продуктов. Вообще молодежи, то есть парням и девушкам, всегда хозяйки дают больше за колядки, чем подросткам или даже женатым, и при этом, вероятно, дающие имеют в виду обычай «складок», составляющий как бы законную привилегию молодежи. Колядки продолжаются в течение всей ночи, вплоть до утра следующего дня.

Что касается самого содержания «колядок», то оно целиком сводится к далекому прошлому. Колядки, как известно, представляют остатки народных языческих обычаев. Время сохранило колядки и связало их с бытовою жизнью народа, а самый основной смысл колядок остался почти совершенно темным для народа. «Парубки», представляя собой оригинальную организацию, постепенно сходящую со сцены, совершенно бессознательно поют в своих колядках о тех временах, когда их предки так же организовывались в группы, называвшиеся тогда «дружинами»¹. В некоторых колядках передаются, например, подробности о том, как дружина когда-то делила добычу между своими членами. Но все это не имеет никакого существенного интереса для молодежи. Многие в колядках ей совершенно непонятно, и молодежь смотрит на колядки только как на средство запастись продуктами для устраиваемых ею рождественских игр.

¹ По исследованиям Антоновича и Драгоманова.

Последним подготовительным актом для рождественских игрищ служат «щедрилки». «Щедрилки» уже наполовину соединены с самыми увеселениями, по крайней мере у «парубков». Они бывают почти в конце святок, под Новый год. «Щедруют»¹ точно так же, как и «колядуют», отдельными группами, и все эти группы, начиная с малолетних и оканчивая совершенно взрослыми, строго разграничиваются по полам. Но настоящими героями «щедрилок» являются «парубки»; они не только «щедруют», но и «водят козу».

Обычай «водить козу» существует повсеместно между малорусским населением, даже и там, где лица мужского пола не имеют обыкновения «щедровать». Это – чрезвычайно оригинальный обычай, носящий в настоящее время характер народного потешного зрелища. Щедрующие парубки выбирают обыкновенно из среды своей по возможности невысокого и шустрого парня, надевают ему на голову искусственную маску козла, иногда деревянную, а иногда просто из полотна, к которому бывает прикреплена с одной стороны борода, а с другой соломенные рога. Это и есть коза. Кроме того, парубки выбирают из своей среды «поводатыря», то есть вожака козы, который при случае называется также и «михоношей». Поводатырь должен быть живой и веселый, «штукарь», как говорят обыкновенно «парубки», потому что на нем лежит обязанность увеселять публику и своими комическими «штуками» усиливать эффект, производимый козой.

Хождение с козой составляет в себе настоящее событие. Парубки водят обыкновенно козу с музыкою. Песни, пляски козы, «штуки» «поводатыря», музыка – все это собирает вокруг «парубков» толпы любопытных, начиная с семилетних детей и оканчивая народом взрослым и даже стариками. Любопытные сопровождают обыкновенно козу от двора до двора, лезут в самую хату, и таким образом к общей картине пляшущей козы, поющих «парубков», играющих музыкантов и выкрикивающего свои «штуки» поводатыря присовокупляется крик, восклицания, а иногда драки и плач сопровождающей публики. «Поводатырь» водит обыкновенно козу на веревке. Введя в хату козу, парубки сначала «щедруют», а потом начинают петь, аккомпанируемые музыкой. В это время коза то танцует, то выделяет различного рода «штуки» сообразно с тем, какие слова при этом поет компания. Так, при словах: «де коза ходе», – коза действительно старается ходить, при словах: «туп-туп!» – коза тупает, при словах: «пуц коза впала», – она падает и становится «неживой» при словах: «не жива стала». Почти также и «поводатырь» выделяет те или другие приемы, смотря по тому, нужно ли козу воскресить или заставить умереть... Он бьет ее шапку под

¹ В некоторых местах, например в Черномории, «щедруют» и «колядуют» только лица женского пола. Мужчины только бывают иногда «михоношами», и то для того, чтобы могли при случае отстоять собранное добро от хищнических покушений «парубков».

брюхом, дергает за веревку, отпускает при этом всевозможные поговорки и прибаутки и на счет козы, и на счет присутствующей публики, причем публика со своей стороны не остается в долгу. Одним словом, веселье выходит всеобщее и народный юмор обнаруживается вполне.

За такое увеселение молодежь получает от домохозяев в вознаграждение съестные припасы и деньги. Припасы сдаются на руки «михоноши», а деньги – «атаману», который и передает их потом казначею. Защедрованные продукты так же, как и собранные при помощи колядок, никогда не идут на угощения молодежи при самых увеселениях. И парни, и девушки продают собранные ими продукты после того, как их соберут, лавочникам, кабатчикам или еще чаще своим же односельцам. Вырученные таким образом деньги идут на покупку водки и разного рода «ласошей» – пряников, рожков, орехов и проч. Из этих же денег парубки выделяют известную сумму, на которую потом они покупают хоругвь или икону для местной церкви...

В «риздвяных складках» нередко участвует до 20 человек парубков и такое же количество «дивчат». Таким образом, в общем итоге выходит довольно многочисленная и разнообразная компания, связанная воедино одним общим желанием – повеселиться. Сами увеселения начинаются с третьего дня праздников, то есть с того времени, когда молодежь успеет уже продать продукты, собранные колядованием. В первые дни рождественских святок, а также и вообще в дни праздничные и воскресенье увеселения начинаются с полудня и продолжаются вплоть до утра. В другие дни молодежь сходится к «досвитчатому батьку» или «матери» вечером после окончания известных домашних работ.

Нельзя сказать, чтобы эти увеселения отличались одними привлекательными особенностями. К основному их характеру как невинных народных увеселений примешивается много такого, что никак уже не говорит в пользу малорусской молодежи и что, впрочем, составляет отличительную черту малорусского «парубка». Малорусская девушка – существо более пассивное и более симпатичное, чем парубок. Парубок – буян и гуляка, и в то время, когда во время рождественских увеселений вся тяжесть приготовлений ежедневно лежит исключительно на девушках, парубки только проказничают и «лодырничают». Девушки жарят и варят всевозможные «варены» (водку с медом, вишнями и проч.), «меды», «млынцы», яичницы, «оладки», пирожки, вареники, «пшоняныки», «оришки» и проч., проч. Парубки преспокойно выжидают в это время окончания всех этих приготовлений и в редких случаях помогают девушкам. Угощения идут вперемежку с песнями и плясками, и при таком своем характере ничего, конечно, не имеют предосудительного. Но дело в том, что водка зачастую приносит много хлопот. Некоторые из парубков напиваются, и буяны начинают нарушать мирный

характер увеселений. Особенно непривлекательные сцены бывают в том случае, когда «парубки» одной «складки» почему-либо вздумают посетить другую компанию молодежи в том же селе или в другом. Результатом таких посещений почти всегда бывают драки.

Впрочем, все эти темные стороны сравнительно редки и совершенно стушеваются перед общим единодушным весельем. К тому же вся компания постоянно находится под бдительным надзором «атамана» и «есаула», которые не дают воли буянам и карают их при малейшей попытке с их стороны нарушить обыкновенный ход увеселений. Организация приносит свои благодетельные последствия, служа как сильным связующим звеном между самыми разнохарактерными личностями, так и лучшей гарантией общего настроения.

По окончании рождественских увеселений должностные лица молодежи отдают обыкновенно отчет всей компании в своих действиях; Впрочем, главным отчетчиком является собственно казначей. Он дает подробный отчет относительно всех поступавших в его распоряжение денег и расходов, представляя при этом и свои записки. Тут же бывает уплата израсходованных «атаманом» денег на вознаграждения за убытки, причиненные кому-либо молодежи. Уплата эта производится или сообща, равномерно всеми парубками, в силу круговой поруки, или же одними виновниками, смотря, конечно, по обстоятельствам. Бывают и такие случаи, что с виновниками ведется непосредственно сам «атаман». Вообще чего-нибудь строгого в этом отношении между молодежью не существует.

Народ смотрит на «складки» как на необходимое, неизбежное явление своей жизни, и самые его понятия на этот счет отличаются своего рода своеобразностью. Он смотрит крайне снисходительно на многие из таких проделок молодежи, которые в других случаях строго карает как предосудительные и безнравственные. Отцы и матери, например, сами стараются снабжать своих детей съестными продуктами и деньгами, необходимыми для «складки», чтобы таким образом не ударить пред другими односельцами в грязь лицом. Но молодежь почти никогда не довольствуется этими подачками, а берет что ей нужно так, как у себя на дому, и даже ворует у других своих односельцев, и ворует такие предметы, как дрова, птиц и даже поросят. И несмотря на это, малороссы относятся крайне снисходительно к этим проделкам. Это, по понятиям народа, даже не воровство в строгом смысле слова. Это – то, что называется «взять без спросу». Случаи, когда бывают жалобы на молодежь за это воровство, весьма редки, и самый народный суд смотрит на такие случаи поверхностно и снисходительно. Виновных заставляют обыкновенно только пополнить причиненные убытки. И очень редко их наказывают.

2. Следы артельной организации чабанов

«Чабанами» в южной России называются пастухи овечьих стад. Сами стада овец бывают двух видов: «отары» и «кущанки». Разница между ними прежде всего чисто количественная. Отары – это большие стада, числом от нескольких сот до нескольких тысяч голов. Кущанки, напротив, ограничиваются десятками и весьма редко сотнею голов. Отара затем всегда бывает достоянием только одного лица, одного хозяина, и только в некоторых исключительных случаях она принадлежит нескольким лицам. Кущанка, наоборот, всегда составляет собственность нескольких лиц и только в некоторых случаях одного хозяина. С отарою бывают связаны большею частью хутор и «кош». Кущанка по преимуществу достояние станицы или села. Наконец, существование отары не ограничивается тем или другим заранее определенным периодом времени; она может исчезнуть только с изменением системы хозяйства ее владельца. Существование кущанки обуславливается исключительно тем временем, пока бывает в степи трава и возможна пастьба. Зимую хозяева «разбирают» кущанки по домам, и кущанки распадаются на мелкие части, принадлежащие отдельным хозяевам.

Сообразно со всем этим и следы артельной организации при уходе за овечьими стадами различны у разных видов стад. В основу образования кущанок, по-видимому, положено чисто артельное начало, но сам уход не имеет никакой артельной организации потому уже, что и чабан бывает большею частью только один при кущанке. Наоборот, следы артельной организации у чабанов довольно явственны при каждой отаре, хотя в основу образования отары почти никогда не кладется артельное начало.

Один из способов составления кущанок и ухода за ними состоит в следующем: какой-нибудь хозяин просто-напросто набирает у других хозяев на известный сезон (приблизительно с мая по октябрь) овец в одно стадо. Это называется «брать в приимы» овец. Каждая «прииманьска» овца оплачивается при этом известною платою, например 10 или 20 коп. за лето. Чабаном бывает часто сам хозяин и еще чаще кто-нибудь из его семьи; но бывают также в таких случаях и наемные чабаны. Очевидно, что в этом способе составления кущанок нет и тени чего-нибудь артельного. Другой, более распространенный способ составления кущанок состоит в том, что несколько хозяев сговариваются обыкновенно пасти овец вместе, нанимают для этого чабана, плата которому распределяется между ними пропорционально количеству овец каждого хозяина, так что каждая голова или десяток голов оплачивается известной ценой. Подобным же образом ведутся и все остальные расходы. Так, в тех случаях, когда кущанка приходит ночевать на дом, чабана кормят хозяева большею частью поочередно. Само собой понятно, что чаба-

ном может быть также и член какой-нибудь семьи, участвующей в составлении кушанки. Но суть дела от этого не изменяется, и применение артельного начала к нему во всяком случае остается явственным, хотя само применение и сводится главным образом к простой складчине.

Уход за отарою оказывается несравненно сложнее, чем за кушанками. При отаре требуется, во-первых, большее количество лиц для ухода и, во-вторых, более сложная специализация и разделение труда – вследствие этого получается и сама организация чабанов. В общих чертах эта организация требует следующих условий: чабанов при отаре всегда должно быть несколько человек; между ними должен быть старший чабан, заправляющий всем делом, и младшие, подчиненные старшему; во все времена года – весной, летом, осенью и зимою – каждый из чабанов несет только свои специальные обязанности; наконец, каждый из чабанов носит свое особое название соответственно с той ролью, которую он выполняет. Таким образом, этой организации принадлежит, по-видимому, черта чисто дисциплинарной соподчиненности и зависимости членов друг от друга, подобно тому как это бывает в некоторых малорусских артелях, построенных по типу Запорожской Сечи.

Старший из чабанов известен под именем «лычмана». Лычман – это тот же атаман, ватажок, это – глава и распорядитель всей ватаги, это вместе с тем и ответственное лицо. Лычманом может быть только человек опытный в своем деле, пользующийся репутациею в этом отношении и имеющий в большинстве случаев и имущественный ценз в форме его собственных овец как обеспечение добросовестного ухода за отарой. Сообразно с этим лычман получает самое большое сравнительно с другими чабанами вознаграждение, простирающееся от 100 до 200 руб. и больше в год, причем самое вознаграждение он получает или деньгами, или натурою, овцами, или же и тем и другим вместе.

Затем все остальные чабаны представляют собою только помощников лычмана. Общее нарицательное их название – «пидпасычи». Их бывает обыкновенно от 2 до 3 человек, смотря по величине отары. Между пидпасычами всегда бывает «гарбачий» и один главный помощник лычмана. «Гарбачий» получает свое название от слова «гарба», то есть арба, так как все обязанности его заключаются в том, что он «варит» пищу для чабанов и «дерть», нечто вроде каши из просяной или другой муки, для собак, и поэтому исключительно находится при арбе, на которой находится все походное имущество чабанов и съестные припасы. Главный пидпасыч занимает место лычмана в тех случаях, когда этот последний почему-либо находится в отсутствии. Помощник этот получает также большее сравнительно с другими чабанами вознаграждение; но цифры этого вознаграждения чрезвычайно разнообразны и непостоянны как для него, так в особен-

ности для остальных чабанов, смотря по возрасту и опытности каждого из них. Притом же денежное вознаграждение почти всегда бывает соединено с натуральным, с платою овцами. Бывают также случаи, когда чабаны пасут отару исключительно за одних овец.

Такова в общих чертах организация чабанов при уходе за отарами. В этом виде она существует в Черномории, в северной части Таврической губернии, в некоторых местах Екатеринославской, в войске Донском, бывшем Линейном, в Ставропольской губернии и, по всей вероятности, в некоторых других местах южной России. Но во всех этих местах она представляет чрезвычайно мало случаев действительно применения артельного начала к делу, той организации, которая, надо полагать, была на юге России в былые времена. Теперь организация чабанов есть только снимок с этой былой организации без всякого внутреннего содержания. Это – только следы артельной организации. Нынешние южнорусские овцеводы воспользовались по наследству этой формой и применили ее к своим единичным хозяйствам. Необыкновенный рост и обособление скотоводческих хозяйств южнорусских панов и богачей в первой половине нынешнего столетия и были именно причинами окончательного исчезновения артельной организации чабанов с ее прежним содержанием.

В настоящее время уже чрезвычайно редки – чтобы не сказать несуществующие – случаи, когда несколько хозяев соединяют свои стада вместе и пасут их сообща, исполняя каждый самолично обязанности чабана. Чаше бывает так, что хозяин входит в «компанейские» отношения с каким-нибудь лычманом, владельцем довольно значительного в численном отношении стада. Затем содержание других чабанов, наем земли для пастбы и сенокоса, производство самого сенокосения и проч. – все это ведется на общий счет и расходы распределяются на основании тех предварительных условий, на которых хозяин и лычман вступают в компанию. Но в этих случаях хотя один из членов компании все-таки бывает и сам чабаном. Гораздо распространеннее те случаи, когда отдельные хозяева вступают в компанию с целью только аренды земли сообща под попас и сенокос, причем каждый хозяин содержит свою отару независимо от другого. Еще чаще бывают случаи, когда отдельные хозяева отар содержат вместе «баранов», то есть только оплодотворяющих самцов, ежегодно в течение нескольких месяцев. В таких случаях они содержат арбу и чабанов на общий счет, причем самое стадо баранов составляют таким же образом, как составляются кушанки.

Тем не менее, несмотря на все это, лет тридцать-сорок тому назад в таких местах, как Черномория, встречались артели чабанов в действительном смысле этого слова. По крайней мере, в народных сказаниях этого края еще свежи воспоминания о фактах, говорящих в пользу существования такого рода артелей. Так, в сказании о знаменитом когда-то в Черномории народ-

ном разбойнике Яблукове повествуется, между прочим, что в последний раз этого разбойника поймала и передала в руки начальства артель чабанов. Артель эта состояла из тридцати человек и пасла несколько отар вместе. Все это были большею частью хозяева-чабаны. Во главе их был один главный чабан – «чабанский атаман».

Если подобного рода артели или союзы артелей существовали в это время, то существование их, конечно, обуславливалось необходимостью особенного усиленного надзора и ухода за отарами, что в свою очередь обуславливалось разбойничьими покушениями со стороны черкес и обилием в стране волков. В этих же обстоятельствах надо, по всей вероятности, искать и причину строго дисциплинированного, почти военного характера чабанской организации, если только такой характер не есть продукт более отдаленного прошедшего, когда его носили все артели, построенные по типу Запорожской Сечи.

3. Организация конокрадов и скотокрадов в Кубанской области

Конокрадство и скотокрадство составляет довольно распространенное и вопиющее зло в Кубанской области, как и вообще почти по всей России; но за исключением, может быть, калмыцких и киргизских степей, прилегающих к юго-восточной России, едва ли найдется во всем нашем отечестве другое место, которое могло бы поспорить в этом отношении с Кубанской областью. Зло это возросло и укрепилось здесь чисто на исторической почве и чисто историческим путем. Ему спокон веку способствовало обилие скота в крае и обширные пустынные степи, на которых всегда можно было с одинаковыми удобствами и растить, и воровать, и скрывать рогатый скот и лошадей. Право собственности зачастую переходило здесь в права захвата, и наоборот. Казачьи паны, пользуясь правом сильного, не брезгали отниманием и присваиванием «товара», то есть рогатого скота, и лошадей у обыкновенных казаков, воры и конокрады наказывали в свою очередь панов, черкесы и горские племена угоняли скот вообще у казачьего населения, а казаки, со своей стороны, платили тем же черкесам. Одним словом, лошади и рогатый скот издавна служили в Кубанской области самым подвижным и неустойчивым видом собственности. Можно даже сказать более этого. Большая часть коренного населения нынешней Кубанской области – черноморцы – как прямые наследники Запорожья перенесли с собою из этой своеобразной военной общины и обычное воззрение запорожцев на захват скота и лошадей у враждебных и чуждых народностей как на право приобретения собственности, и этот взгляд потом практически выражали в самой жизни, применяя его нередко даже к собственности своего же собрата-казака.

Истыми, заправскими конокрадами в Кубанской области всегда считались «табунщики», все остальные воры, даже «воры-товарчии», то есть пастухи рогатого скота, сравнительно с табунщиками – мелкота. Табунщик – лицо, так сказать, историческое; табунщики были в Запорожье, табунщики же оказались потом и в Черномории. Но между тем как запорожские табунщики были вместе с тем и превосходными вояками, истыми «низовыми лыцарями», бывшие пастухами большею частью только периодически, временно – черноморские табунщики с самого возникновения Черномории, то есть конец прошлого и начала нынешнего столетий, специализировали свою профессию. Сначала ими были только одни черноморцы-казаки, попавшие в кабалу и зависимость от вновь народившегося черноморского панства, заменившего собою запорожскую «старшину». Панство это, пользуясь своею властью и положением, вместо того чтобы держать некоторых расторопных и ловких казаков в строю «на кордонной линии», брало их к себе в услуги, приставляло их к своему хозяйству, к табунам лошадей или стадам рогатого скота и заставляло их «служить» здесь в течение всей их службы по войску, все то время, пока казак считался годным для войсковой службы. Из этих-то специалистов-табунщиков и выработались впоследствии отчаянные конокрады и скотокрады. Уход за скотом и эти две воровские профессии слились вместе и стали неразъединимы.

Скоро к этим коренным табунщикам присоединились новые, пришлые. Это были разного рода беглецы из России, «Иваны, не помнящие родства», и лица, приходившие в Черноморию на заработки и известные здесь под именем «городовыкив». Вместе с этим черноморские паны и богачи стали брать в услужение из Ставропольской и Астраханской губерний и Земли войска Донского калмыков, самых надежных и приносившихся пастухов и самых завязятых конокрадов и скотокрадов. Таким образом, лет двадцать или тридцать тому назад в Черномории существовала уже целая корпорация пастухов лошадей и рогатого скота, состоявшая из разного рода проходимцев – из коренных жителей, городовиков и калмыков и промышлявшая, помимо своих прямых занятий, воровством лошадей и рогатого скота. Так было прежде, так делается и теперь, с тем только различием, что к числу конокрадов прибавился новый элемент – горцы, черкесы и что самая организация конокрадов разрослась до громаднейших размеров и широко раскинула свои сети по всей Кубанской области и даже далеко за пределами ее.

Итак, душою организации кубанских конокрадов служат собственно табунщики. Я никогда не встречал в среде гулящего и рабочего люда лиц типичнее табунщиков. Табунщики – крайне грубый, невоздержанный и безнравственный народ, но вместе с тем это сметливые, умные, удалые и отчаянные проходимцы и наездники. Тогда как вообще другие пастухи – «чабаны»

и «товарчии» – отличаются ограниченностью и невежеством, табунщики составляют как бы исключение из общего правила. Это своего рода «лыцари», прямые наследники гайдамачества. Их даже народ нередко называет гайдамаками; и действительно, если где сохранилось еще гайдамачество, так в профессии кубанского табунщика, хотя, конечно, и в ином уже совершенно виде. Нужно посмотреть на табунщика, когда он один-одинешенек где-нибудь в глухой степи с одному маху накидывает любую лошадь в табуне, будь она самая бешеная из бешеных, ловко запутывает ее, треножит, седлает, садится и летит, сколько хватит сил у лошади, несмотря на то, что лошадь «бьет задом и передом», становится на дыбы, а иногда и совсем опрокидывается с всадником, который всегда успеет вовремя вытащить ногу из стремени с ловкостью акробата, – нужно посмотреть на этого отчаянного наездника, чтобы воочию убедиться в отваге, ловкости, смелости и неустрашимости лиц этого рода. В степи табунщик – полный властелин, вселяющий своим видом и арканом далеко недружелюбные чувства в путнике. В темную ночь он – самый опасный враг собственности в форме рогатого скота и лошадей; в праздник в станице он – первейший кутила и буян; на базаре и ярмарке он – несколько странный рабочий. Вот, например, к пьющему водку или виноградное на ярмарке в «ятке»¹ табунщику подходит казак и просит его объездить «неука», то есть неприученную к езде лошадь. Табунщик пьян, еле держится на ногах, но тем не менее соглашается на предложение казака за известную плату. Пьяного и шатающегося табунщика торжественно ведут к «неуку», усаживают на него, – и этот пьяница как будто вдруг преображается и стремглав летит на бешеной лошади куда-нибудь подальше от жилищ и людей в степь, на простор. Часто в таких случаях бывают несчастья, часто пьяный табунщик платится ушибами, калеченьем или даже смертью за несвоевременное героичество. Раз на ярмарке в Екатеринодаре я был свидетелем глубоко трагического случая. Молодая, неприрученная еще лошадь, беснуясь, опрокинулась на спину вместе с сидевшим на ней и чересчур выпившим табунщиком и убила его наповал, так как он не успел во время вытащить ногу из стремени и передняя лука седла распоролла ему живот. Но такие случаи все-таки бывают единичные, и, несмотря на них, табунщики занимаются объездкой неприрученных лошадей как излюбленным ремеслом, доступным им открыто. И вот эти-то отчаянные наездники и плохие поклонники чужой собственности в форме скота и лошадей составляют, собственно, основной элемент в организации кубанских конокрадов и скотокрадов.

Существенные черты этой организации заключаются в следующем: всю Кубанскую область можно разбить на отдельные местности или районы, лежащие в тех или других естественных или топографических границах, так

¹ Палатка, какие устраиваются обыкновенно на южнорусских ярмарках для продажи вина.

что в одном районе может, например, находиться станица и прилежащие к ней хутора, в другом – несколько станиц и т. д. Каждому такому району будет соответствовать известное количество живущих в нем конокрадов и скотокрадов, предводимым самою опытною в воровстве и энергичною рукою, что всегда почти выпадает на долю какого-нибудь табунщика. Каждая такая группа воров занимается воровством, главным образом, в пределах своего района; другие, ближайšie и отдаленные группы только помогают ей, «способствуют», укрывают украденное, передают с рук на руки, сбывают и проч. Таким образом, между всеми группами существует нечто вроде общей взаимопомощи, вроде взаимной гарантии и ассоциационной связи.

Разумеется, это общее изображение организации кубанских конокрадов в действительности не носит такого строго отчетливого характера. Отдельные лица в группах часто преступают пределы своих районов, воруя и в других местах. В важных случаях всегда бывает так, что на воровство отправляются самые закаленные и изощренные в деле воры из разных местностей и районов. Но тот факт, что каждая местность или район имеет своих собственных, так сказать исключительно ей принадлежащих по месту жительства воров, не подлежит ни малейшему сомнению и, во всяком случае, играет весьма существенную роль в общей организации воров. В действительности он хорошо известен повсеместно в Кубанской области и в особенности в той части ее, которая составляла прежде Черноморию. В любой станице жители перечтут вам по именам местных воров и назовут главных из коноводов – какого-нибудь Олексу Шкареду или Онухрия Гарбуза.

Но этим, собственно, и ограничиваются общие сведения о разных группах воров в организации кубанских конокрадов и скотокрадов. Дальше трудно и почти невозможно стороннему человеку проникнуть в тайны этих исторически выработавшихся мошенников. Внутренние, интимные стороны и отношения воров в разных группах мало известны. Об этих сторонах и отношениях можно судить только гадательно на основании единичных фактов.

Тем не менее все-таки можно отметить три общие черты, характеризующие взаимные отношения разных членов в общей организации конокрадов и скотокрадов. Можно, например, сказать положительно, что воры преследуют и карают пошатнувшихся и выдавших своих сотоварищей членов. Положительно достоверно также и то, что в случае неудачи и поимки воров, в особенности их коноводов, сотоварищи стараются выручить из беды попавшихся выставлением ложных свидетелей, подкупом властей, взятием на поручительство и проч. Наконец, само положение разного рода воров в организации различно, смотря по вороватости того или другого члена. Чем искуснее и рынее обыкновенно вор, тем большим влиянием, а следовательно, и более видным положением пользуется он в среде товарищества. По крайней мере, это можно

легко подметить в некоторых случаях. Когда воры кутят, например, в кабаке, то коноводы заправляют обыкновенно даже кутежом, играя роль настоящих царьков между своими младшими сотоварищами. В силу такого различия в положении не все воры, по всей вероятности, одинаково посвящены в тайны организации. Главные нити организации находятся в руках воротил, причем воротилами, заправителями дела, являются только самые испытанные из них, а все прочие играют ту или другую второстепенную роль, действуют по указанию, в известных границах и по известному, предначертанному другими плану. По крайней мере, тот факт, что попавшиеся в руки властей мелкие воры, выдавая своих сотоварищей, не могут все-таки, при всем своем желании, выдать более существенных тайн организации, видимо говорит за это.

Таким образом, касательно отношений разных членов организации, непосредственно участвующих в воровстве, можно сказать одно, что по положению они делятся, по крайней мере, на две группы – на старших и младших или на коноводов и руководимых, зависимых. Первая группа, конечно, значительно меньше второй по своему составу. Ее составляют, главным образом, такие лица, как табунщики. И это само собою понятно. Табунщик располагает для воровской профессии большими средствами, чем другие воры: он всегда имеет под руками достаточное количество лошадей, чтобы сесть на любую из них и в одну ночь изъездить сотню верст в окружности и «вынюхать», то есть раз-узнуть, где и что «плохо лежит», а при случае и прихватить это «плохо лежащее». В состав второй группы, кроме разного рода табунщиков, «товарчиев» и «чабанов» (весьма редко, впрочем, ворующих, но чаще посвященных в воровские тайны потому уже, что им, постоянно живущим в степи, часто приходится быть невольными свидетелями воровства лошадей и рогатого скота), входят и вообще мелкие станичные воришки, не брезгающие ни «дичечкой сала», ни «оклунком борошка», ни «новым лентваревым кожухом».

На известное положение вора в организации не имеет никакого влияния то или другое положение его в жизни или принадлежность его к известной национальности. Конокрады вообще космополиты своего рода. Коноводами одинаково бывают у них и местные жители-казаки, и пришлый иногородний люд – «городовики», и русские, и калмыки. Существенно важными в этом отношении считаются опытность, ловкость и энергия вора, независимо от его национального происхождения или известного положения в обыкновенной жизни. Тут, следовательно, играет главную роль своего рода естественный подбор, и лишь тот занимает в силу этого подбора видное и главенствующее положение в организации, кто оказывается более пригодным в деле, более влиятельным и практичным при выполнении его.

Но помимо лиц, непосредственно участвующих в воровстве, к общей воровской организации принадлежат еще лица другого сорта, не воры по про-

фессии, а только косвенные пособники воров. Это, во-первых, укрыватели или передержатели и, во-вторых, знахари и знахарки. На обязанности первых лежит временное укрывательство украденных лошадей и скота до тех пор, пока не минет опасность быть открытым воровству и не представится случая продать украденное. Вторые способствуют якобы возвращению украденных лошадей или скота самим хозяевам за известное, разумеется, вознаграждение. Первыми бывают люди всевозможных положений и профессий, начиная с панов и кончая какими-нибудь бедняками-хуторянами и бывшими ворами, переменявшими свою рискованную профессию на более спокойное и выгодное занятие укрывателей. Впрочем, укрывательство само по себе составляет прямую обязанность каждого конокрада и скотокрада. Вторыми бывают только некоторые исключительные личности из разного рода знахарей и знахарок, «ворожеек» и лекарок. Это большею частью отъявленно дурные личности, отличающиеся иногда ханжеством и quasi-богоугодною жизнью. Таким образом, к категории косвенных участников в организации конокрадов и скотокрадов относятся не только мужчины, но и женщины, хотя и в очень малом количестве, – особенность, не встречающаяся в составе непосредственных участников воровской организации.

Собственно говоря, строгого разграничения между профессией укрывателей и профессией знахарей, отгадывающих якобы, где находится украденное, не существует. В общем воровском деле существенно важными оказываются только первые. Они составляют громадное большинство сравнительно с участниками-знахарями; да и эти последние служат большею частью передержателями. Но разница заключается в самом характере профессий: первые все-таки тайные участники воровских дел; знахари же являются открытыми и бесцеремонными представителями организации конокрадов и скотокрадов и играют в этом отношении роль, при всей ее своеобразности, заведомо мошенническую, указывая места и способы для отыскания украденного рогатого скота или лошадей.

Вообще тип знахаря или знахарки как пособников воровства не лишен известной доли оригинальности. Такими лицами бывают или нажившиеся старики-знахари, не пренебрегающие никакими средствами для наживы, или жены воров, или же, наконец, жены разных укрывателей и пособников воровства. Это, несомненно, умные и ловкие личности с выдержанным характером и умением искусно разыгрывать свою роль. Приобретя славу искусных отгадывателей, обладающих даром безошибочно указывать способы для отыскания украденного скота, знахари и знахарки самым бессовестным образом эксплуатируют легкомыслие невежественного люда. Самые способы отгадывания довольно разнообразны. Одни знахари и знахарки прямо, с первого слова просящего указать, где находится уворованный скот, или даже

только завидя просителя, начинают проричать, изображая из себя своего рода Пифий. «Знаю, – говорит, например, старик-знахарь пришедшему к нему казаку, у которого в предыдущую ночь украли его “строевого коня”, – знаю, зачем ты, сыну, ко мне пришел. Ты ищешь своего буланого... Лихие люди... Видел... Знаю... буланый был в сарае... Потом... чрез греблю (плотину)... Найдына подына... Ясени... Ищи своего буланого за ясенями по балкам!» Казак благодарит знахаря, отправляется за Ясени и, действительно, за этою рекою в степных оврагах находит свою пропавшую лошадь. Иные, женщины большею частью, ворожат на картах и также или прямо указывают место, где можно найти пропавшее, или же называют лиц, к которым должен обратиться пострадавший для отыскания пропавшей лошади или коровы и которым якобы ворожея «поспособствует» своими магическими нашептываниями. Такие посредствующие лица, если к ним обращаются, действительно ездят день или два где-нибудь в глухих местах и «находят» пропавший скот. Третьи даже собственных своих детей употребляют для ворожбы, например, на воде. Это делается таким образом. В комнате ставят обыкновенно кадучку чистой, «непечатой», то есть в первый раз утром из колодца взятой воды, и с рассветом заставляют ребенка смотреть в эту кадку. Это делается обыкновенно в то время, когда предметы начинают слабо отражаться в воде. Тут же присутствуют пострадавший и ворожея, старающаяся настроить известным образом воображение ребенка, если он заранее не подучен, что ему надо говорить. «Смотри гарненько, Иване, – говорит ворожея сыну, – чи не видно в води сирого быка?» Утренняя тишина, таинственная обстановка, чуть заметные отражения предметов в воде – все это настраивает таким образом ребенка, что ему действительно кажется, будто он видит в воде «сирого быка». – «Бачу! (вижу) бачу!» – восклицает ребенок. – «Вил! (бык) вил!..» – «А гляди ж, куда вин пишов? – продолжает ворожея, – чи не туда, де Мегута?» – «Прямо!.. Направо! Направо!.. на Мегуту пишов!» – восклицает ребенок. «Один? – снова спрашивает ворожея, – чи може хто его повив?..» – «Чоловик! – восклицает ребенок, – чоловик!» И рядом таких нехитростных вопросов ворожея указывает место, где можно отыскать пропавшего быка.

За свои отгадывания знахари и знахарки получают вознаграждение двояким образом: одни – сколько дадут клиенты, другие – по уговору. В первом случае всегда обыкновенно бывает известно, с каким «гостинцем», то есть подарком, и в каком случае нужно идти к знахарю или к знахарке. Если же «гостинец» окажется неудовлетворительным, то знахарь просто вынудит повторить приношение, скажет, например: «Поищи своего добра там-то, а если не найдешь – приходи снова ко мне... Бог даст, твое добро отыщется!» Проситель, не найдя своего добра на указанном месте, снова идет с «гостинцем» к знахарю, который и указывает ему новое место. Но бывают также случаи

прямого уговора о размере вознаграждения знахаря за его указание. В одной из приекатеринодарских, например, станиц жил старик-знахарь, который прямо назначал плату за свои услуги. Так, например, у одного простака пана пропали две пары езжалых быков ночью во время выпаски их в пути. Пану советуют обратиться за помощью к старику-знахарю. Невежественный пан отправляется к знахарю. «Здравствуй, ваше благородие! – встречает его этот последний, первый раз видящий в глаза. – Знаю, чего тебе от меня надо... У тебя две пары волов пропало. Что ж? Можно поворожить... Бог даст, узнаем, где они». Пан просит узнать. Знахарь без церемонии заводит речь о вознаграждении. «Сколько ж тебе?» – спрашивает пан. «Пятьдесят карбованцев» (то есть руб.), – категорически заявляет знахарь. «Много, диду!» – замечает пан. «А волы твои еще дороже стоят, – возражает ему на это всезнающий знахарь. – На проводах в Щербиновской ярмарке тебе давали по сту карбованцев за каждую пару, а найдешь, Бог даст, еще больше возьмешь!» Пан почесывает затылок и отдает пятьдесят карбованцев. Зато он действительно отыскивает своих быков. Они были привязаны к колу в глубокой балке за Керпильцами, в юрте станицы Медведовской – точь-в-точь как предсказал «дид». «Поробив, мабудь, дид так, що сам злодий (вор) привязав к паколу моих волив», – объяснял впоследствии это совпадение обстоятельств простодушный пан.

Такова-то в общих чертах организация кубанских конокрадов и скотокрадов, раскинувшая свои сети не только в пределах области на расстоянии десятков и сотен верст, но имеющая, несомненно, связи с разного рода темным людом и за пределами ее. В разных местах Кубанской области она имеет десятки своих членов и живет, видимо, известного рода обычаями и традициями, постепенно расширяясь и расширяясь. Так, в последнее время она втянула в свое дело совершенно новых лиц, каковы, например, черкесы.

Как самобытное явление, организация эта имеет свои специальные пути для сбыта краденного, «шляхи», по которым ее члены гонят украденный скот, имеет своих агентов и покупателей. Река Кубань делит в настоящее время на две главные области воровскую деятельность этой организации: на «закубанскую» и «приейскую». Украденный скот в ейской и приейской местностях сбывается за Кубань, и наоборот: украденные лошади и скот в закубанских местах идут, по местному выражению, «на ейску». Есть, кроме того, и другие мелкие пути для сбыта краденного скота – «на Тамань и на Керчь», «на Линию», «на Дон» и проч. Воры, разумеется, прекрасно знают все эти пути и с удивительною быстротою сбывают по ним украденных лошадей и скот. Случается, например, что в одну ночь они угоняют украденное за сто верст от места покражи, угоняют скрыто, тайно, вдали от жилищ и поселений, глухими тропками, плавнями и оврагами. Я знаю, например, случаи, когда пятнадцать лошадей, украденных в районе станицы Новодеревянковской, через двое суток

были проданы и отправлены чрез Таманский пролив в Керчь, то есть за двести слишком верст от места покражи. И такие случаи совершаются почти открыто, с явною дерзостью и нахальством, а зачастую даже с ухарскою передачею подробностей воровства самими ворами. Что это за странная нестесняемость? Чем она обуславливается? Просто тем, что зло возросло и укрепилось здесь исторически, что воры имеют открытую поддержку, и если не пользуются почетом, то вселяют в окружающих какой-то почтительный страх. Их боятся, им потакают, у них заискивают... В качестве табунщиков и «товаричиев» воры считаются вернейшими слугами у панов и богачей. «Не будь своего вора, – открыто рассуждают здешние паны и богачи, – чужие воры все добро растащат... Лучше ж иметь своего вора. По крайней мере, спокоен будешь, что ничто уж у тебя не пропадет, а если и пропадет, то свой (т. е. вор) чрез своих (т. е. других воров) всегда найдет». И паны, и богачи, действительно, всегда гарантируют этим, далеко непохвальным способом «свое добро» от расхищения, предоставляя тем самым полнейшую потачку ворами и показывая на деле, что среди их не умерли еще старые традиции, позволявшие их предкам не стесняться по отношению к увеличению своей движимой собственности чуть ли не с помощью открытых грабежей. Но зато еще с большею тяжестью конокрадство и скотокрадство ложится на беззащитный, мелкий и бедный люд: бедняк уплатится последнею лошаденкою или коровью, охраняя таким косвенным образом от расхищения «добро» людей чиновных и богатых.

РАБОЧИЕ АРТЕЛИ

ПАЖИТНОВ Константин Алексеевич
(1879–1964)

Следы существования рабочих артелей, добровольных объединений рабочих одной профессии, ставивших своей целью содействие материальному и духовному благосостоянию своих членов, уходят в глубокую древность. Одно из известий XII века указывает, что строительные рабочие организовывались иногда в «братии», а в следующем столетии встречается указание, что «братство» присуще и другим ремесленникам – например, *кузнецам*, ливцам, древоделам и т. д. В 1420 году псковичи «наняша мастера Феодора и дружину его побивати церковь». В других источниках неоднократно упоминается о «старейшинах древодельских». К сожалению, нам ничего не известно о характере внутренних отношений между этими старейшинами и членами братства, между мастерами и их дружинниками: были ли первые выборными старостами самостоятельных артелей или же подрядчиками, собирающими рабочих по найму на свой страх и риск.

Более подробные данные появляются лишь с конца XVI века, и они показывают, что наемные рабочие нередко объединялись в различного рода артели. На существование плотничьих артелей указывают 2 записи о постройке и починке мостов, заключенные разными крестьянами с казначеем Вяжицкого монастыря в 1598 году, а также запись, в которой верхотурские ямские охотники обязывались казенным целовальникам сделать в *казну* 2 дощаника. Кроме условий о наемной плате, в документах содержится оговорка со стороны плотников, что в случае неисполнения взятых на себя обязанностей они подвергаются пени, что государь укажет, а работу должен все-таки окончить тот, кто из них будет в наличности.

Об артелях ярыжных, весьма схожих с позднейшими *бурлаками*, говорят 2 записи, относящиеся одна к 1642 и другая – к 1653 году. Обе они представляют собой поручные, взятые Василием Обросимовым из Лыскова (Нижегородской губ.), который называет себя в первой записи *приказчиком*, а

во второй – торговым человеком из ярыжных, обязавшихся ему идти в тягу на астраханском судне от г. Самары вверх Волгой до Лыскова, а по второму акту – нагрузить его струг запасами и товарами в Лыскове и отсюда ехать на струге вниз по Волге в Астрахань. Ярыжных по первому акту значилось 6 человек, и все они приняты за поруками; по второму же – 8 человек, принятых также с поруками, но из поручившихся двое – сами ярыжные, нанявшиеся к хозяину в том же струге. Наемной платы дано первым по 3 руб. и по 4 руб. без 10 алтын на человека; сверх того, они должны были получать «готовый хлеб и харчи»; о наемной плате вторых сведений в акте не уцелело, но «на хлеб и вологу» они уговорились получать по 1 руб. на человека. Часть наемной платы была взята теми и др. вперед, в задаток, а остальную сумму они должны были получить по выполнении договора. В случае неисполнения кем-либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства, за него отвечали поручители возмещением понесенных хозяином убытков и, сверх того, за выданный задаток – вдвое. С другой стороны, хозяин был не вправе делать вычеты за лыки, канаты и проч. или заставлял ярыжных выгружать из хозяйского судна соль и рыбу, а если судно не дойдет до Лыскова по случаю заморозков, то ярыжные получают условленную плату сполна. А в случае болезни хозяин обязан привезти ярыжного в город, но больной должен нанять за себя человека в тягу.

В некоторых случаях среди судорабочих образовывались более обширные и прочные объединения, проводившие энергичные меры, вплоть до объявления стачки, для защиты своих интересов. Так, сохранилась запись от 15 марта 1653 года, в которой 20 нижнесухонских носников (лоцманов) заключили между собой договор, чтобы «промеж собою в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем»; а если местные власти «не по делу станут в тюрьму садить на Тотьме и на Устюге, и нам, носникам, друг за друга стоять и стоять за один человек, и в обиду не давать, и государю бить челом; и нам, носникам, докамест не выпустят из тюрьмы, на судах не ходить, не плавать» и, выбрав из своей среды ходока, бить челом государю в воеводских обидах. «А буде который из нас, носников, не станет друг за друга стоять и в тоя поры начнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублей денег. А в те поры государевых казенных судов нам, носникам, не держать ни вниз, ни вверх, и своеие братья носников отпущати на те казенные суда на Меженские на осенние, oprичь вешних сплавов, ладей и дощаников, которые лады и дощаники с хлебом и с иным товаром поплывут в весну».

Это соглашение не осталось только на бумаге. В начале летней навигации 1655 года иноземец Вахрамей Петров отправился из Москвы в Архангельск со своим товаром на собственном дощанике. В Вологде он нанял тотемского

носника Якунку Жукова плыть Сухоною до Великого Устюга. Но когда судно дошло до Тотьмы, оно было задержано вышеупомянутой артелью носников, котрые сняли Жукова с работы и даже подали жалобу на него воеводе. Со своей стороны, Вахрамей Петров также предъявил обвинение, что носники оставили его в Тотьме без лоцмана и тем причинили большие убытки как ему, так и казне. Обнаружив из жалобы сторон существование формального соглашения или записи у носников, воевода распорядился положить ее «перед себя в съезжей избе, какая у них та заодиначная запись, и нет ли у них каково заводу». Однако носник Васька заявил, что «такая-де заодинашная запись за руками у него есть, только-де положит (ее), потому что на него, Ваську, у товарищей его крепость есть, только-де товарищи ему велят положить – и он положит». Чем кончилось дело, осталось неизвестным.

По мнению исследователя, «очевидно, носники считали своим правом как сплачиваться в артель, так и защищать общие интересы артели организованной стачкой. Это право могло вырасти из бытовой практики самоуправляющихся мирских союзов Поморья, в социальной жизни которого можно отыскать достаточно примеров к привычке действовать солидарно и сообща».

Существование артелей как бытового явления не подлежит оспариванию, но другое дело – проведение организованной стачки. Из того факта, что воевода обратился за инструкциями в Москву, можно скорее сделать противоположное заключение, что дело это было новое и на практике еще не встречалось...

Из других свидетельств отметим еще рядную запись Ив. Коробова, заключенную в 1695 году с артелью в 30 человек, которые нанялись идти на его струге с товаром из Н. Новгорода вверх по Оке до г. Калуги. Подобных записей в бумагах торгового дома Коробовых было несколько, что говорит о широкой распространенности этого явления. Артели, очевидно, вполне справлялись со своей задачей, так как при разборе дел не обнаружено никаких претензий со стороны отправителя товаров.

Существовали также артели среди каменщиков, как об этом можно судить по одному договору, относящемуся к 1686 году. В нем 14 человек монастырских и помещичьих крестьян разных селений Ярославского и Костромского у. обязывались сделать у колокольного мастера Моторина в Москве 2 погреба с жилыми наверху палатами, сенями и крыльцами.

В течение долгого времени существование артелей определялось обычным правом или договорами, и только в конце XVIII века появились первые попытки законодательного их регулирования.

Согласно Уставу о цехах, утвержденному 12 ноября 1799 года, последние по свойству их занятий делились на 3 рода: 1) по мастерствам и рукоделиям – на ремесленные, 2) на служилые и 3) на рабочие цехи.

К первой группе относились преимущественно ремесленники, работающие в особых мастерских (хотя они могли иногда наниматься на фабрики и заводы), а ко второй – лица, служившие по личному найму (лакеи, камеристки, кучера, повара и т. п.). К рабочим же цехам принадлежали те, кто производил за условленную плату такие работы, для отправления которых особые мастерские учреждать не было надобности, или кто промысел свой на открытом воздухе отправлял. Сюда относились штукатуры, плотники, печники, носильщики, черные работники, каменщики, дрягили, крючники, купора, мостильщики и землекопы, огородники, ночные чистильщики и тому подобные, а для лучшего порядка каждый из них по различию их работ «в особенном виде учреждаться долженствует». Сверх того, в законе упоминается еще о цехе присяжном, браковом и цехе приказчиков или лавочных сидельцев.

Для ближайшего заведования делами этих цехов были учреждены 3 цеховые управы: одна – для ремесленников, другая – для служителей и третья – для рабочих; каждый цех в свою очередь должен был иметь алтермана, или старшину. Если кто-либо имел надобность в слуге, служанке или рабочих людях, то объявлял о том состоящему при цехе *маклеру*, который обязан был стараться о скорейшем каждому из жителей доставлении людей, потребных для услуг и работ его. Всякий, ищущий услужения или работы, также должен был со своей стороны являться к маклеру, который, в случае если таковой не записан в цех, предоставлял в управу о записи его; а если был записан, то старался о немедленном доставлении ему службы или работы. Алтерманы по жалобам на худую работу, порчу вещей, недоставление в срок и тому подобном судили цеховых, не затягивая решения более двух суток, если подсудимый состоял налицо. Работы, несоразмерные силам одного человека, производились некоторым числом людей по добровольному их между собой соглашению, и такие общества назывались артелями. Вступавший в какую-либо артель должен был в зависимости от промысла состоять в цехе. В каждой артели все друг за друга должны были быть порукой и за утраченное или поврежденное отвечать. Каждая артель имела своих старост и казначеев, избиравшихся на год не меньше, как третьей частью артели. Артели, образующиеся для временных работ, должны были состоять не менее чем из 6 человек. Старосты или казначеи хотя и не работали, получали пай, равный с лучшим в артели работником.

Таким образом, Законом 1799 года имелось в виду создать для черно-рабочих и целого ряда отраслей квалифицированного труда особый цех во главе с управой, которая должна вести регистрацию спроса и предложения на рабочие руки, оказывать защиту рабочим, наблюдать за выполнением ими своих обязанностей и т. д.

Однако на практике из этого ничего не вышло, ибо уже Указом 12 февраля 1802 года было постановлено «сбор с рабочих и нанимающихся в услужение людей, тягостный для народа, сколько по существу своему, столько и по образу взимания его и по состоянию сих людей, в обеих столицах отменить», а равно отменить и самую запись их в рабочий и служебный цехи.

В лучшем положении оказались отрасли труда, связанные с водным транспортом. Здесь, как уже упоминалось выше, издавна существовали артели ярыжных или бурлаков, занимавшихся перевозкой грузов и людей на речных судах. С развитием в России морского судоходства этот обычай стал проникать и сюда, ограничиваясь, впрочем, только наиболее подходящими для объединения отраслями. Так, например, для загрузки и выгрузки кораблей в Петербургском и Кронштадтском портах издавна существовали особые общества мастеровых, известных под именем штуров. Занимаясь снабжением шкиперов приходящих из-за границы судов рабочими людьми и домкратами, эти общества настолько окрепли, что стали даже стремиться к монополии, чем вызвали многочисленные жалобы заинтересованных лиц, которые побуждали правительство к вмешательству. Положением 24 марта 1830 года и 29 сентября 1831 года – § 3 – обществам штуров вменено было в обязанность всегда предоставлять, за плату в 3 руб. за поденного рабочего, для загрузки и выгрузки коммерческих судов потребное число рабочих людей безостановочно, но вместе с тем – § 6 – дозволялось шкиперам (в большинстве это были иностранцы) нанимать рабочих и домкраты также у других людей по вольной цене или производить погрузку своими людьми.

Тогда кронштадтские мастеровые подали всеподданнейшее прошение: имея обязанностью поставлять на летнее время полное число рабочих, они терпят подрыв от вольных, у которых шкипера помимо них нанимают рабочих людей и домкраты. Так, в течение навигации 1830 года у них ежедневно оставались от 100 до 200 человек без работы – всего они дали от себя 64 523 человек, а шкиперами наняты были 31 893 человек (считая по дням). Ввиду этого они просили отменить § 6.

Кронштадтский генерал-губернатор поддержал эту просьбу, но интересы иностранной коммерции одержали верх, и Указом 13 декабря 1832 г. был отменен не § 6, как просили мастеровые, а 3, на чем вовсе не настаивали иностранные консулы.

В Архангельске также издавна существовали артели лоцманов и дрягилей, деятельность которых выражалась в обслуживании приходящих морских судов. При издании в 1830 году Правил о торговом судостроении и мореходстве местному начальству было предоставлено право учреждать в азовских, черноморских и дунайских портах цеха «вольных матросов». Мысль эта была выдвинута начальником Новороссийского края кн. Воронцовым, который

стремился путем образования из прибрежных жителей особого сословия матросов создать отечественный каботаж и освободиться от иностранных судов. Однако желающих вступить в эти цехи оказалось очень немного, и тогда Правилами 26 января 1834 года были установлены уже более значительные льготы. Мещане и *государственные крестьяне*, записавшиеся добровольно в морские цехи в городах Алешках и Никополе, освобождались от платежа податей, земской повинности, военного постоя и рекрутчины – с тем, чтобы из них половина молодых людей, имевших от роду от 15 до 20 лет, а из женатых и тех, которые имели от 20 до 35 лет, десятый человек поступал в Черноморский военный флот сроком на 5 лет; в дальнейшем же ежегодно поступали во флот по 1 человеку от 20 душ. Поступившие таким образом из цехов во флот люди должны были размещаться на транспортных судах, служба на которых ближе подходила к службе на купеческих судах. По окончании этого стажа каждый матрос получал патент на звание «опытного матроса», служивший ему и паспортом, с которым он мог отправиться в плавание и за границу.

В 1835 году в означенные цехи записалось 1 143 души, из которых 120 человек поступило на 5-летнюю службу в Черноморский флот. Получив отзыв морского начальства, что они оказали хорошие успехи в изучении морского дела, Воронцов возбудил ходатайство о дозволении учредить цехи вольных моряков и в др. местностях, прилегающих к Днепру и Азовскому морю, на что последовало в 1837 году разрешение, распространенное затем на черноморские и дунайские порты. В 1853 году ревизских душ вольных матросов насчитывалось уже 12 925, а число поступивших на 5-летнюю службу повысилось до 353.

Около этого же времени новый главноуправляющий путями сообщения Толь, совершив поездку по Волге, обратил внимание на частые случаи побегов бурлаков в пути, а также на то, что они не обнаруживали охоты защищать судно, когда двое-трое вооруженных людей нападали, чтобы ограбить судовладельца. Объясняя это тяжелым материальным положением бурлаков, Толь выработал проект урегулирования вопроса.

По его мысли, на каждом судне рабочие должны составлять артель, которая, с одной стороны, является материально ответственной перед судовладельцем за поступки всех ее членов, а с другой – заботится о них в случае нужды. Наряду с возложением на артель ответственности за поведение всех входящих в нее членов ей предоставлялось право налагать штрафы на своих членов и даже подвергать их телесному наказанию; вместе с тем в ее распоряжение поступают известные средства – в виде штрафов, налагаемых на судовладельцев за неисполнение законов: это рассматривалось как компенсация артели на случай, если ей придется понести убыток вследствие побега рабочих, за которых она должна была рассчитываться с хозяином, или вследствие

болезни товарищей, лечение коих также падало на ее счет. Министр внутренних дел отнесся отрицательно к проекту Толя, указывая, что судовые команды состояются из людей различных местностей, не знающих друг друга и ничем взаимно не связанных, нельзя поэтому обязывать рабочих ручаться друг за друга и заставлять невинного отвечать своим имуществом за виновного. Оздоровить же ту атмосферу, в которой происходил наем бурлаков и протекала их работа, могло только одобрение или поручительство со стороны общества или помещика, которым принадлежали нанимавшиеся рабочие.

Соединенные департаменты законов и экономии Государственного Совета также стали на ту точку зрения, что учреждение артелей с *круговой порукой* нежелательно, так как если право найма рабочих и распределения их по баркам принадлежало судовладельцу, то невозможно было заставить рабочих материально отвечать друг за друга перед хозяином – ведь обычно артели образовывались в целях «удешевления и удобства продовольствия» без всякой ответственности одного за др. перед хозяином за неустойку или побег рабочего; рабочим надо было лишь дозволить учреждать артели, но никак не обязывать их к этому, или же для поощрения установить некоторые преимущества для хозяина и рабочих, добровольно организовывавшихся на артельных началах.

В этом смысле Толю было предоставлено право исправить проект и вновь внести его в Государственный Совет. Но в это время Николай I при своей поездке по Волге лично заинтересовался вопросом о положении бурлаков и заявил, что, каков бы ни был законопроект, необходимо «учредить на судах надзор за судорабочими, возложив сие на них самих и обязав их круговую друг за друга ответственностью». Эта резолюция дала перевес точке зрения Толя и помогла ему преодолеть оппозицию Министерства внутренних дел и Государственного Совета. Последний после внесения некоторых поправок в законопроект согласился принять идею принудительного составления артелей, и 1 марта 1837 года был опубликован Закон о взаимных отношениях между судовладельцами и судорабочими.

Следы этой идеи принудительного объединения рабочих прослеживаются также в Положении 1838 года о частной золотопромышленности в Сибири. Так как на золотых промыслах очень часто были случаи неявки взявших задаток лиц на место работы или побега с приисков, то для борьбы с этим были приняты следующие правила. Если из одного селения, волости или города нанимались несколько человек, то им вменялось в обязанность отправляться на работу артелями, избрав в каждой из них на весь путь для сохранения порядка старосту с двумя или более помощниками и вручив ему свои паспорта с круговой порукой в том, что рабочие не будут отлучаться от артели и будут повиноваться старосте. Артельный староста имел право по совещании с по-

мощниками наказывать за всякое буйство рабочего, принадлежавшего к его артели, применяясь к постановлениям об артельной расправе на приисках. По прибытии на место работы каждый нанявшийся должен был отдать свой паспорт промышленнику и взамен его получить расчетный лист. Если с нанимателем не было заключено явочного договора, то по крайней мере в этом листе должны были быть кратко означены условия с промышленником. Для сохранения порядка между рабочими и большего удобства в производстве хозяину дозволялось разделять рабочих на новые артели, причем в каждую из них он назначал от себя старосту, а рабочие со своей стороны – двух выборных. Этой артельной расправе с ведома промышленника или его приказчика предоставлялось право «умеренного домашнего исправления» рабочих, составлявших артель; она имела право по словесному постановлению наказывать ленивых, нетрезвых, виновных в запрещенной карточной или иной игре, буйных или пытавшихся бежать – набавлением на них работ, удержанием в пользу артели части заработной платы и даже, смотря по вине и последствиям поступка, розгами в количестве не более 100 ударов. По окончании расчета рабочим предписывалось: безостановочно следовать в места их жительства такими же артелями, какими они были обязаны отправляться на работы.

Закон 30 апреля 1838 года шел уже далее Закона 1 марта 1837 года: судорабочие должны были обязательно составлять артели только уже на месте исполнения работ, при отправлении же с места жительства им только рекомендовалось делать это; по отношению же к золотопромышленным рабочим начало принуждения проведено от начала до конца, то есть с момента выхода нанявшихся людей до их возвращения домой.

Но целью этих артелей было не содействие общими силами материальному и духовному благосостоянию своих членов, а лучшее обеспечение заключенного ими контракта. Это было, таким образом, объединение в интересах не самих собственно рабочих, а их нанимателей, и потому комиссия, образованная в конце 60-х годов для пересмотра существующего положения о частной золотопромышленности, совершенно правильно нашла, что им должно было быть присвоено название не артели, а партий, ибо слово «артель» «неприменимо к обществам, составляемым принудительно». Практическое значение этих объединений остается к тому же невыясненным, ибо случаев материальной ответственности одних рабочих за побеги или неисправности других не удалось установить.

В 1846 году несколько вольных русских шкиперов, штурманов и матросов Петербургского и Кронштадтского портов обратились в *Министерство финансов* с просьбой об учреждении в Петербурге по примеру других российских портов цеха вольных русских штурманов и матросов на следующих основаниях: а) в цех надлежит принимать одних русских экзаменованных

шкиперов и штурманов и только русских матросов; б) хозяевам купеческих судов Петербургского и Кронштадтского портов вменить в обязанность составлять экипажи из мореходов цеха, дозволяя лишь при неимении их принимать иностранцев, и в) для поощрения к поступлению в вольные матросы предоставить некоторые облегчения; этим устранится для русских моряков затруднение в приискании себе мест на русских судах, которыми по большей части руководили иностранные шкиперы, составлявшие экипажи преимущественно из своих соотечественников.

Министерство финансов выработало соответственный проект устава. Согласно проекту, все шкиперы, штурманы и матросы обязаны были записываться в цех; ежегодный взнос определялся для шкиперов в 6 руб. сер., штурманов – 3 и матросов – 1 руб. Число русских матросов в цехе устанавливалось каждые 5 лет Петербургской городской думой вместе с биржевым комитетом соответственно потребности и с утверждения гражданским губернатором. Иностранцы допускались до 1851 года – согласно изданным уже ранее законам – в количестве $\frac{1}{3}$, а после этого – не более $\frac{1}{4}$.

Этот проект был подвергнут рассмотрению городской думой, которая высказалась за то, что если такой цех будет учрежден, то лишь «на правах совершенной свободы, то есть, не обязывая никого к записи в цех, предоставить сие собственному желанию каждого; купечеству же дозволять нанимать как цеховых, так и других вольных матросов, без всякого ограничения правилами цеха». В результате было постановлено оставить проект без исполнения, так как, «не представляя пользы для торгового мореплавания, он мог бы послужить к стеснению оного».

При обсуждении нового устройства городского самоуправления в Петербурге правительство вновь вернулось к мысли об учреждении служебных и рабочих цехов, которые были уже намечены Указом 12 ноября 1779 года, но затем приостановлены в 1802 году. По новому Положению (13 февр. 1846 г.) служебные и рабочие цехи должны были состояться из всех людей, промышлявших в городе всякими видами наемных работ и услуг, а именно: 1) домашней прислуги всякого наименования, 2) служителей в промышленных заведениях и 3) чернорабочих, кроме прибывавших на время. Вступление в цех совершалось самым простым образом без предварительного разрешения цеха, по распоряжению его непосредственного начальства. Вследствие этого приписавшийся отвечал лично за исправность платежа податей и исполнения других повинностей, без всякой в том ответственности со стороны цеха. Число цехов устанавливалось сообразно с числом принадлежавших к цеху людей; учреждались они по роду промысла и, кроме того, по частям города, в случае многочисленности приписавшихся. Цехи могли быть подразделяемы на артели, которые составлялись в количестве не менее 10 человек с ведома

и разрешения цехового начальства из людей, имевших однородное занятие и принимавших круговое друг за друга ручательство по примеру издавна существовавших биржевых артелей. Управа, заведовавшая цехами наемных служителей и рабочих, составлялась из председателя и определенного числа членов. Председатель избирался распорядительной думой из числа чиновников, а члены – частью той же думой из чиновников, частью собранием вечно-цеховых из числа коренных членов городского общества.

В положении об общественном управлении г. Петербурга были изложены лишь главные начала для устройства рабочих и служебных цехов; подробные же правила о порядке вступления в цехи и увольнения из них, об отправлении разных повинностей, об отношениях рабочих и слуг к хозяевам и проч. разрабатывались в Министерстве внутренних дел вместе с Министерством юстиции.

По утверждении этих дополнительных правил предполагалось приступить к немедленному открытию означенных цехов в столице, распространяя затем постепенно это «новое учреждение» и на прочие города.

Но практически и на этот раз дело не подвинулось вперед. Если цехи ремесленников успели все же получить большее или меньшее распространение, то служилые и рабочие цехи остались лишь на бумаге.

Только в провинции кое-где возникали цехи трубочистов, которых настойчиво требовало Министерство внутренних дел в целях борьбы с пожарной опасностью. Соответствующий циркуляр был разослан министерством еще в 1837 году, но действие его было очень слабое. В Вятской губ. отмечено к началу 50-х годов существование цехов трубочистов без всяких уставов в г. Вятке, Слободском, Сарапуле и Орлове; в Тверской губ. – в г. Твери, Торжке и Ржеве, в прочих же городах «по малому числу мастеровых учреждение цехов оказывается затруднительным».

Под влиянием напоминания из министерства местное начальство распорядилось подтвердить городским думами и магистратам непременно в месячный срок учредить цехи, где их нет, по всем мастерствам, присоединяя ремесленников, в случае недостаточного количества их, к родственному цеху, с установлением для каждого из них особых обрядов. Но едва ли это имело какое-нибудь отношение и значение для служащих и рабочих людей, занятых вне ремесленных мастерских.

В конце 1859 года отставным канцеляристом Петровским был представлен министру внутренних дел проект устава общества рабочих людей при С.-Петербургском порте под названием «С.П.Б. биржевая артель». В пояснительной записке автор сообщал, что при существовании в порте 25 биржевых артелей, управляемых домашними постановлениями, составленными частными лицами и правительством не утвержденными, постоян-

но возникали между членами несогласия, раздоры и даже обиды, а это от того, что в постановления включены такие условия, которые противны не только народному духу, но и существующим законам. Например: в 14 пункте постановления Московской биржевой артели (29 дек. 1858 г.) сказано, что «на решения общего собрания артели члены ее обязываются жалоб не приносить и судебным местам таковых не принимать». Где же после этого обиженному искать защиты, как не у закона в судебных местах? Между тем артельные постановления обязывали даже и судебные места жалоб не принимать, хотя на основании закона артельщики могли разбираться Коммерческим судом. В Петербургском порте насчитывалось 25 артелей и в них около 2 000 членов (от 50 до 140 человек в каждой). Все эти артели проект имел в виду объединить в одну организацию, подчинив изданным от правительства правилам, которые определяли бы как взаимное отношение членов, так и вообще всю деятельность общества. Однако в министерстве он не встретил сочувствия, так как согласно закону «под артелями разумеются совершенно свободные общества, устройство которых вполне предоставляется взаимному соглашению членов».

В Москве насчитывалось к этому времени 9 биржевых артелей с числом членов от 25 до 110 в каждой, причем если временно встречалась надобность в людях, то по усмотрению старосты нанимались рабочие из посторонних, за которых артель ручалась как за своих.

Падение *крепостного права* принесло значительное оживление для артельного движения. Уничтожение обязательных отношений подняло дух личной инициативы у трудящихся и увеличило стремление к изысканию новых средств для улучшения своего положения. Сфера приложения артельного начала стала более широкой и разнообразной.

Вместо обязательных объединений, требуемых Законом 1838 года, на сибирских золотых промыслах стала распространяться в первой половине 60-х годов разработка приисков старателями-золотничниками, частью в виде самостоятельных артелей, частью в виде артелей, содержащихся подрядчиками. В 70-х и 80-х годах эта система развилась еще более. С обеднением и измельчением золотых приисков явилось стремление к возможно большей экономии, и подобные артели, сокращающие расходы по содержанию многочисленной администрации и создающие особую заинтересованность рабочего в результатах его труда, служили хорошим средством для этого. По закону артели должны были состояться не менее чем из 10 человек, но состав их обыкновенно колебался от 4 до 8, встречалось иногда и по 2 человека. За все свои работы, как подготовительные (отвод воды, вскрытие торфа и проч.), так и непосредственно по добыче и промывке *золота*, артели старателей получали вознаграждение с золотника. Несмотря на свойственный им риск, золот-

нические артели представляли для многих большую привлекательность. Как отмечалось, «кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы». Работая самостоятельно, рабочий чувствовал себя свободнее, изменялся даже его способ держать себя и говорить с начальством. Так как золотничные работы требуют от своих членов сметливости, осмотрительности, то было замечено, что рабочие сильные и беспечные предпочитали оставаться в разряде обще-контрактных, где работа тяжелее, но не было нужды ломать себе голову.

Для заведования делами артели старателями выбирался артельный староста, на обязанности которого лежала забота о нуждах артели, распределение работ между ее членами, сдача золота, наблюдение за правильной записью забираемых в приисковой лавке припасов, передача артели распоряжений приискового управления и т. д. Вознаграждение в артелях производилось пропорционально труду каждого; староста оплачивался особо. Если кто-либо из членов оставлял работу ранее конца операции по добровольному соглашению, то из его доли жалованья производился известный вычет. Старатели-золотничники работали не на хозяйской, а на своей пище, забирая припасы и нужные им вещи в счет заработка из приисковых лавок. Жилища же им отводились обыкновенно от приискового управления, нередко, однако, с обязанностью производить в них необходимые исправления; отопление же и освещение они принимали на свой счет.

В некоторых округах, например в Канском и Нижнеудинском, более половины приисков разрабатывалось в 1879 и 1880 годах старателями, а количество золотничников значительно превосходило число обще-контрактных, доходя до 68% общего количества. Точно так же в Амурской обл. старательские работы преобладали на приисках в 90-х.

В 1873 г. кабинетские золотые промыслы на Алтае перестали разрабатываться самостоятельно и были переданы целиком старателям-золотничникам за известную плату с золотника. Старатели, которыми могли быть все лица свободных состояний кроме ссыльнопоселенцев, должны были составлять артели не менее 10 человек; каждая выбирала из своей среды старшего, который сдавал золото за всю артель и получал расчет от смотрителя, а также припасы и инструменты. По расчетному листку старший рассчитывался со своей артелью; на его ответственности лежала правильная сдача золота, и он отвечал в случае его утайки. Все артели вместе избирали двух выборных, а смотритель – старосту, которые и составляли втроем «артельную расправу».

Подобные артели существовали и на Урале. Здесь их деятельность в некоторых случаях носила более широкий и самостоятельный характер: нередко они на свой страх и риск производили не только разработку россыпей, но и разведки новых месторождений золота.

Вследствие непостоянства самого характера работ артели устраивались обыкновенно на тот период времени, в который можно было надеяться кончить разработку взятого участка; но случалось, что одна и та же артель в полном своем составе переходила после разработки одного участка к другому. Так как для производства золотопромывальных работ вследствие немногосложности их в техническом отношении не требовалось большого количества рук, то число членов артели обыкновенно ограничивалось 5–10 человек, хотя нередко достигало и более высокой цифры. Вследствие незначительности обязательств, соединенных со вступлением в артель, а также вследствие того, что долговременная практика достаточно ясно обозначала эти обязательства, между членами письменных договоров не заключалось, а все делалось на слове, причем достаточной гарантией служил самый интерес рабочих в успехе деятельности артели. Распределение вырученных денег производилось или в определенные сроки, обычно по понедельно, или по мере накопления заработка. Дележ заработка артельщики любили производить круглыми цифрами, а оставшееся употребляли на какое-либо общее дело, например, делали вклад в церковь, устраивали совместную пирушку и т. п. Когда наличных сил артели оказывалось недостаточно для разработки данного участка, она прибегала к найму поденщиков за обыкновенную плату от лица всей артели и оплачивала из общих средств.

Артельная форма находила себе применение также среди грузчиков, возчиков, каменщиков и плотников, которые издавна привыкли вступать в объединения, отправляясь на промысел.

Артели биндюжников, или дрогалей, сосредоточивались в южнорусских портах – Одессе, Николаеве, Херсоне, Севастополе, Керчи, Бердичеве, Ейске, Мариуполе, Таганроге и Ростове-на-Дону – со специальной целью перевозить хлеб из магазинов в магазины и на суда или обратно; но они занимались также доставкой с судов в город каменного угля, железа, фруктов и проч. или перевозкой различных тяжестей и мебели по городу. Среди них существовали 2 формы.

В первой – артельное начало выражалось лишь по отношению к взаимной гарантии и отстаиванию друг друга при работе, когда в одном и том же месте работало значительное количество рабочего люда, далее этого артели не шли, каждый член вел самостоятельно свою жизнь, траты и расчеты; никаких соподчиненных отношений между ними не было, и только при договорах с хозяевами артель выдвигала из своей среды того или другого члена в качестве старосты.

Более чистую и совершенную форму представляли артели, в которых каждый член участвовал непосредственно в производимых артелью работах и имел одну или несколько лошадей и повозку. Жили эти артели вместе

на одной квартире, питаюсь из общего котла; но даже в таких случаях почти всегда каждый член содержал свою лошадь на свой счет. Работы производились гуртом, сообща всей артелью, и в тех случаях, когда одному или нескольким членам приходилось работать отдельно, общий подневный заработок считался артельной выручкой, так что дележ заработков производился чаще всего пропорционально количеству рабочих рук или повозок. Сообразно с этим и самые артели составлялись так, чтобы было по возможности равное участие труда и капитала со стороны каждого члена. Для управления общим ходом дел артель выбирала старосту, который и вел артельные расчеты с хозяевами, не получая никакого вознаграждения за это. Остальные члены – равноправные участники артели.

«Артели плотников и каменщиков – артели чисто великорусского типа, состоявшие из совершенно самостоятельных и равноправных рабочих, равномерно распределявших между собой как труд, так и заработок. Но в этом чистом виде они составляли меньшинство. Рядом с ними существовали и другие формы чисто артельного характера и представлявшие, так сказать, одну внешнюю оболочку без всякого внутреннего содержания. В таком виде эти формы служили только средством для наживы различного рода кулаков и еврейских маклеров.

Большинство таких артелей ютились главным образом в городах, как, например, в Одессе, Николаеве, Севастополе, Херсоне, Таганроге, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Керчи и проч., а городские работы отдавали большей частью с подряда». В Кубанской обл. встречались подобные артели, существовавшие в течение только выполнения той или другой значительной работы, как постройки ветряной мельницы, церковной ограды, домов и проч., и состоявшие из самых разнокалиберных элементов – казаков, солдат, великоруссов и малоруссов. С распространением каменноугольной промышленности на юге России артельные навыки стали находить себе применение и здесь.

По данным обследования, произведенного екатеринославским земством в 1886 году, артели на рудниках получили большое распространение. Так, в Бахмутском уезде на рудниках Шейермана, Нестеровой и Горнопромышленного общества работы производились ими преимущественно или даже исключительно. Артели составлялись отдельно для подземных и наружных работ в числе от 3 до 15 человек каждая. Работы артелями считались более выгодными, так как они шли ровнее, да и наблюдение за ними было легче, чем за одиночными «упряжными» рабочими. Но к важнейшим условиям, вследствие которых рудничные управления предпочитали иметь дело с артелями, относился, несомненно, тот пункт договора, на основании которого артель обязалась постоянно содержать такое число рабочих, какое нужно руднику;

если у нее не хватало членов, то она должна была нанять в недельный срок со стороны, в противном случае управление могло нанять рабочих за счет артели. Все без исключения артельные рабочие на поверхности и под землей меняли по очереди свои занятия, заработок делили поровну, за исключением мальчиков – погонщиков лошадей, которые нанимались артелью особо.

Точно так же шахтовладельцы Славяносербского уезда, избегая местных рабочих, нанимали для постоянных работ артели из выходцев великорусских губерний. Артели эти нанимались с залогом в исправности работ и на условиях, весьма сходных с существовавшими на рудниках Нестеровой и Горнопромышленного общества, куда эти порядки были перенесены распорядителем последнего.

В некоторых районах трудовые артели приобретали характер производительных ассоциаций. Таковы были шахты, разрабатывавшиеся крестьянами на принадлежащих им землях. На земле, например, с Железного Бахмутского уезда, все крестьянские шахты были артельными, причем в состав артели (10 человек) входили и богатые, и бедные крестьяне, но инициатором дела всегда являлись первые. Они вкладывали за бедных причитающуюся (равную) часть денег в общий капитал предприятия на покупку сруба для шахты, барабана, бадей, подпорок и т. п. и получали обратно эти деньги постепенно, по мере выручки за добытый и проданный каменный уголь. В виде процента бедные уплачивали за каждые 10 руб. долга по одной четверти угля.

Разработка каменоломен в с. Луганском также производилась артельным способом; здесь их насчитывалось 47 с 207 членами. В течение года одни выбывали, другие вступали, но начатая яма обыкновенно заканчивалась артелью в ее первоначальном количественном составе. Всякий член артели обязан был иметь все необходимые инструменты кроме бабы и кайла, приобретаемых за счет артели; починка инструментов также производилась за общий счет. Заработок делился поровну между всеми рабочими. Сбыт продуктов производился самой артелью, хотя некоторые из них находились в зависимости от барышников.

В Славяносербском уезде крестьяне также в виде общего правила организовывались для добывания угля в небольшие артели из 5–6, редко 7–8 человек из молодежи, старики почти не встречались. Всего крестьянских шахт насчитывалось 107 и артелей было также 107 с 541 членом. Наемных рабочих обычно не имелось; только у государственных крестьян на 65 артелей с 294 членами приходилось 27 наемных рабочих. «Когда намереваются производить добычу угля, то предварительно сговариваются об основаниях своей внутренней организации... и просят разрешения у общества на розыски при условии закладки новой шахты... Открыв уголь, артель закладывала шахту, которая считалась ее полной собственностью, в особенности в тех случаях,

если это происходило на собственной надельной земле государственных крестьян. При этом нужно заметить, что все участники в первоначальной закладке шахты считались с равными правами на часть добываемого продукта. По числу их определялось число равных паев в шахте. Каждому пайщику, однако, предоставлялось право разбивать свой пай на части и продавать или передавать другому одну из них на известных условиях» (Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. Т. II, 1866).

Но и в предприятиях, организованных на капиталистических началах, артельная форма труда применялась в Славяносербском уезде очень часто. Так, непосредственно конторами было нанято поодиночке всего лишь 271 человек, через подрядчиков – 262 отдельных рабочих и 15 артелей с 237; наконец, самостоятельных артелей было нанято 31 с 798 рабочими.

Как видим, в рассматриваемое время трудовые артели были даже господствующей формой найма рабочих рук. Организация их происходила таким образом.

Некоторые из углекопов, толкаясь долго по рудникам, облюбовывали какой-либо из них, где и поселялись на более или менее продолжительное время, в иных случаях с семьями. Зная хорошо этих рабочих, знакомых с положением рудников и работами в недрах, контора, когда предполагалась работа или открытие новой шахты, обращалась к ним, чтобы они составили артель. Рабочий начинал списываться с родными и односельцами, которые набирали нужных рабочих в соседних селах. Если же таким путем ему не удавалось сделать набор, то остальные набирались из посторонних, приходивших на заработки из разных мест, или же из местных крестьян. Последним во многих случаях конторы сами указывали, к кому они должны были записаться в артель. Другие же артели являлись перед конторой в готовом виде, уже сорганизованными. Они еще у себя на селе собирались партиями идти на заработки. Инициаторами в таких случаях являлись горнорабочие, прежде работавшие на рудниках. Они выбирались распорядителями и представителями в артели, чтобы являться в конторы с предложением рабочих рук и для заключения условий (Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ. Вып. III, 1886).

Новое явление представляли собой трудовые артели на горных заводах Урала. На Кушвинском, например, заводе они существовали в кричном, листокатальном и ударно-трубочном цехах. Артели эти ежегодно заключали условия, которыми определялись существенные отношения как членов артели между собой, так и самой артели к заводууправлению. За исполненные работы они получали задельную плату через особого доверенного, приобретая все необходимые припасы от заводууправления по условленным ценам. Заработок между членами делился сообразно с количеством труда

и его свойством. На Кушвинском заводе артели производили доменные и литейные работы. Вот образец договора, заключавшегося сторонами ежегодно: «1) Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содержать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по условленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, воротов и др.), принимает на свой счет, кроме капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату: за чугуны свиночный и употребляемый на отливку по 25,8 коп. сер. и за бороздник 21,6 коп. сер.; 7) артель обязуется вести счета и расчеты по шнуровым книгам, которые должны быть всегда открыты для заводоуправления. Из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов пропорционально назначенным платам за вычетом 2% в кассу горнозаводского товарищества; 8) артель обязуется выплавлять чугун под руководством управления завода и вообще исполнять все его требования; 9) мастер обязуется наблюдать, чтобы все работы производились своевременно и надлежащим образом; каждый рабочий исправным выполнением своих обязанностей должен в этом помогать мастеру; 10) каждый рабочий, член артели, обязуется служить делу честно и добропорядочно, быть почтительным, вести себя добропорядочно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу обязуется сообщать, через доверенного мастера или лично, для должного разбирательства управителю завода; 11) за каждый день неявки на работу рабочий подвергается взысканию 2-суточного жалованья; в случае повторной же неявки до 3 раз в месяц виновный может быть исключен из артели; кто явится на работу в нетрезвом виде, тот подвергается тем же взысканиям; вообще за всякое небрежное исполнение своих обязанностей, смотря по важности проступка, виновный подвергается взысканию от 1 до 7-суточного содержания; 12) за неправильное расходование руды, флюсов, угля полагается исключение виновного из артели и штраф артели от 3 до 10 руб., за неправильную сдачу чугуна – исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 20 руб., за отливку вещей для себя и для продажи – исключение виновного из артели и штраф артели от 5 до 25 руб.; 13) взыскание штрафов производится по усмотрению управителя, или он, по своему усмотрению, передает дело на решение приказа горнозаводского товарищества; 14) исключение из артели может

быть производимо по приговору $\frac{2}{3}$ членов или по предложению управителя, с утверждения горного начальника; 15) все затруднения, не определенные настоящим условием, вырешаются горным начальником, решения которого считаются окончательными».

Существование подобных же артелей было отмечено и на др. горных заводах Урала.

К началу же 70-х годов относится возникновение трудовых объединений в целом ряде др. профессий: появляются артели посыльных, носильщиков при железных дорогах, грузчиков, парильщиков, точильщиков, маляров, мостовых рабочих и т. д.

Более сложный и трудный тип представляли собой производительные артели, берущие на себя функции организации производства и связи его с рынком, то есть закупку сырья и сбыт продуктов. При крепостном режиме этот тип был неизвестен.

Совершенно исключительный случай представляла посессионная Красносельская бумажная фабрика близ Петербурга, которая в течение долгого времени находилась в управлении самих рабочих. Именно рабочие этой фабрики заключили в 1803 году с владельцем ее Хлебниковым следующий договор, утвержденный в уездном суде. Они получали в свою пользу $\frac{1}{6}$ часть цены всей продаваемой бумаги, которая должна была определяться каждый год представителями хозяина и мастеровых. Сверх того, им предоставлялись даром от хозяина дрова. Необходимый ремонт фабричных зданий и машин обязывались производить за свой счет мастеровые, кроме «знатных в машинах перемен». На владельца возлагалась обязанность поставлять тряпье, в случае неисполнения которой рабочие получали от него определенную плату за каждый прогульный день; рабочие же обязывались выделывать из доставлявшегося тряпья не менее определенного количества бумаги хорошего качества, в противном случае она могла не приниматься конторой. Мастеровые обязаны были подчиняться уполномоченному фабриканта, но всем ходом работ на фабрике заведовал мастер, выбранный самими рабочими, которых насчитывалось 181 душа мужского пола. Распределение суммы, причитавшейся рабочим, производилось их выборными, продолжительность же рабочего дня определялась всем обществом.

От Хлебникова фабрика перешла затем к помещице Полторацкой, при которой начались непрерывные жалобы содержательницы фабрики на рабочих. Полторацкая жаловалась, «что мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собою общество, которое ими управляет, отклоняя всякое от себя начальство и никому не отдавая отчета как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги; в сутки более они не работают 4-х часов, имеют, кроме табельных, множество праздников и предаются пьянству». А рабочие

жаловались на то, что Полторацкая не допускала к исправлению своих обязанностей выбранных рабочими мастеров и проч.

Министерство внутренних дел командировало для осмотра фабрики чиновника. Он обнаружил ряд «неправильностей», из которых наиболее значительные сводились к тому, что рабочий день по показаниям самих рабочих не превышал 10 час., женщины на фабрике совсем не работали, из мальчиков иные и до 15 лет также не ходили на работу.

В 1813 году Сенатом было утверждено новое Положение, которое в общем сохраняло прежний договор в силе, но вносило в него некоторые изменения: мастер и подмастерье должны были выбираться уже не рабочими, а назначаться содержательницей, работа продолжаться не менее 12 час. в сутки: дети должны были работать на фабрике с 12 лет.

Тогда рабочие подали в 1814 году и 1816-м жалобу государю, указывая на несправедливые вычеты из их заработной платы и прося о принятии фабрики в казну и выдаче им в ссуду 100 000 руб. с тем, чтобы они сами заведовали фабрикой на условиях платежа казне по 15 коп. с каждой выработанной стопы бумаги.

Жалоба на несправедливые вычеты была признана основательной, просьбы же о передаче фабрики в пользование рабочим на артельных началах осталась неудовлетворенной.

Первым опытом устройства заводских артелей на Урале являлась, по видимому, Нижнетуриная механическая артель. Мастерские, занимавшиеся сдельно изготовлением ударных трубок для артиллерийского ведомства, пришли в 1867 году к мысли взять всю эту операцию на себя артелью. Начальник Гороблагодатских заводов Грамматчиков согласился в виде опыта предоставить им заказ на изготовление 33 тыс. трубок под условием приглашения особого руководителя. Первый подряд был выполнен вполне успешно, причем трубки, стоившие раньше казне от 50 до 70 коп., обошлись в 44 $\frac{3}{8}$ коп. Под влиянием успеха число членов артели увеличилось с 60 до 150 человек, и на 1868 год они получили новый заказ на 180 тыс. трубок с понижением цены на 4 коп. Членами артели были сделаны многие усовершенствования, и ручные работы стали заменяться машинными. Заказ 1869 года составил 147 тыс., 1870 – 216 тыс., 1871 – 180 тыс. и 1872-го – 270 тыс. трубок по цене 38–37 коп. Кроме 153 членов в артели работали еще около 10 наемных рабочих. Заработной платы приходилось на члена в среднем 259 руб., не считая дивиденда. Средствами артели было устроено 20 самоточных и токарных станков, перенесена вся фабрика из Николаевского в Нижнетуринский завод и от времени до времени исполнялись, хотя и в незначительном количестве, частные заказы. Но работы на всех в течение года не хватало, а брать большие частные заказы не разрешалось,

и многим членам пришлось обратиться к земляным работам на приисках. Казенные заказы были переданы затем в Петербург, и это обстоятельство вместе с отказом в утверждении устава привело к закрытию артели.

В 1870 г. главный начальник Уральских заводов Грамматчиков предложил рабочим Екатеринбургского механического завода взять на себя окончание работ по производству лафет. Рабочие образовали артель под названием «Братство» из 87 человек. Артель должна была брать дрова и уголь из запасов монетного двора по заготовительной цене, материал же для производства и припасы иметь свои; кроме казенных заказов артель могла работать и по частным заказам, с платой в казну за пользование машинами 6% с суммы заказа.

В 1870 году Тверское губернское земство учредило ссудную кассу «для содействия развитию народного хозяйства и промышленности на артельном начале», при содействии которой были организованы сыроваренные, кузнечные (гвоздарные), сапожные, льняные и смолокурные артели. Подобные же попытки были произведены ветлужским и олонецким земствами. В Тверской губ. к 1875 году одних смолокурных рабочих артелей насчитывалось уже до 20, которые объединяли 200 человек. Но затем движение пошло под гору; земство ввиду задолженности артелей прекратило выдачу ссуд, и артели постепенно стали распадаться.

Новый период оживления начался с 1890-х. Центром его являлась Пермская губ., где земством был основан особый банк для выдачи ссуд кооперативным начинаниям. Но это отразилось почти исключительно на росте артелей кустарного типа. В области же рабочих артелей оживление стало обнаруживаться лишь после 1905 года. Началось оно с Петербурга.

Большинство обследованных артелей возникло здесь в период 1906–1908 годов. В их организации принимали участие безработные фабричные рабочие, приобщенные уже к стачечному и профессиональному движению. Основывая артели, эта безработная масса имела в виду, с одной стороны, получить надежный и прочный заработок, и с другой – направить прибыль предпринимателя в руки самих трудящихся.

Ряд попыток был сделан также на Урале. Наиболее значительной из них являлась организация Нижне-Исетской артели.

Эта артель возникла на месте такового же казенного железодельного завода, который ввиду его убыточности решено было в 1905 году закрыть. Интересно отметить, что на этом заводе еще в 1891 году был сделан опыт артельного ведения дела, который не дал положительных результатов. Поэтому *Министерство торговли и промышленности* высказалось первоначально против отдачи завода в руки рабочих, но в конце концов вопрос разрешился благополучно.

По уставу назначение артели заключалось в производстве личным трудом и сбыте сортового железа, чугунного литья, земледельческих машин и орудий, разных кузнечных поковок и экипажно-мебельно-столярных изделий. Стоимость всего заводского имущества, зданий и оборудования, переданных артели, определялась в сумме св. 210 тыс. руб. Артель открыла свои действия в начале 1907 года в составе около 200 членов. Прежде всего было открыто пудлингово-сварочное отделение по выделке сортового железа, затем механический, кузнечный, кирпичный, литейный и столярный цехи.

Почти одновременно была организована рабочая артель на месте закрывшегося казенного Дедюхинского солеваренного завода. По заключенному (1908) договору с казной Дедюхинская артель получила в арендное содержание на 25 лет участок земли в количестве 25 дес. с возведенными на ней зданиями, оцененными в 15 тыс. руб. Первоначально в состав артели вошли 100 человек, но к 1 января 1910 г. это число увеличилось до 155 человек. На участке имелись 4 варницы, несколько рассоло-извлекательных труб, амбары и паровой двигатель. Но, как и в случае Нижне-Исетской артели, завод был сдан в жалком, полуразрушенном виде, в том числе оказался необходимым крупный ремонт. После энергичных строительных работ летом 1909 года была пущена в ход первая варница, затем вторая и третья, и в течение первого же года своей деятельности артельный завод выпустил около полумиллиона пудов соли высокого качества.

Выше мы уже упоминали о так называемых старательных артелях, которые начали возникать на Урале в 60–70-х годов. Впоследствии здесь стали появляться артели и более сложного типа. Так, например, в 1910 году по инициативе бывшего управляющего Южно-заозерной дачи в местности близ Денежкина Камня на Северном Урале была организована артель из старателей в составе 50 человек с уставом вместо договора. Выгоды организации и известной дисциплины сказались в повышении заработка, и скоро количество членов в артели достигло сотни.

В 1915 году на Архангело-Патийском заводе образовалась артель углекопов. В ее состав к началу января входили более 80 членов, но фактически разработка шахты началась с середины лета. Согласно договору, все члены артели отвечали друг за друга круговой порукой и были обязаны принимать личное участие в работах на условиях, какие будут установлены артелью, ежедневно по восьмичасовой трехсменной очереди, исключая праздники – по усмотрению артели. Доходы распределялись между членами по количеству отработанных поденщин, и выдача производилась 2 раза в месяц. Если кто-либо из членов хотел добровольно выйти из артели, то был обязан предупредить ее об этом за 2 недели. В случае допущения членами поступков, противных интересам артели, такой член мог быть исключен из ее состава

постановлением большинства. Однако выбывший из артели член оставался ответственным по ее делам в течение 3 месяцев со дня выхода. Управление делами находилось в руках комиссии, состоявшей из членов-учредителей (13 человек); член-распорядитель и заместитель избирались всей артелью из числа учредителей. Средний заработок за 8-часовую смену достигал 2 руб. 20 коп. для забойщиков, которые составляли главную массу работающих; этот заработок нужно считать очень хорошим, ибо заводоуправление своим рабочим платило по 80 коп. в сутки; два плотника получали по 2 руб., два кузнеца – по 1 руб. 50 коп. в сутки и два сторожа – по 20 руб. в месяц. В летнюю пору на этом же заводе за последние годы работала артель старателей-рудодокопов в составе 13 членов, добывавших при содействии наемных рабочих до 300–500 тыс. пуд. хромистого железняка за лето.

Трудовые артели сохранялись также на горных промыслах юга России. Так, они упоминаются при описании рудника Новороссийского общества, относящемся к началу XX века. Артель дробилась на 3 партии: одна приготавливала шнуры, другая разбивала породу, грузила ее в вагонетки и подавала к наклонной плоскости и, наконец, третья работала наверху на откатке. Такое *разделение труда* не было постоянным; наоборот, время от времени одна часть заменяла другую. Иногда откатчики образовывали самостоятельную артель. Артель составлялась, особенно в начале, из людей, знающих друг друга. Она старалась сама замещать выбывающих, но не без санкции ближайших заведовавших работами (штейгеров, десятников). Расчет заработка производился по числу поданных вагонеток – будет ли то руда или кварцит. Для уравнивания заработка производилась перестановка артели, причем иногда дело не обходилось без мздоимства со стороны старших десятников. Грузчики составляли особую артель и получали плату по числу груженых ими вагонов.

В 1915 г. Министерством торговли и промышленности был издан «Справочник об артелях трудовых», содержащий в себе перечень существующих организаций с извлечениями из уставов. Всего в этом перечне значилось 507 артелей; но из них некоторые попали случайно или по недоразумению, как, например, артели подрядчиков, управляющих домами, жилищные, коммерческие или биржевые и т. п. Всего таких сомнительных организаций насчитывалось 21; оставалось, следовательно, 486. Присматриваясь к этим последним ближе, можно выделить среди них 3 группы артелей: кустарные (51), трудовые (212) и производительные (223).

Среди трудовых артелей первое место по численности занимали артели грузчиков и крючников – 53; затем шли: посыльные и носильщики – 31, строительные рабочие – 25, маляры и живописцы – 24, ночные сторожа и караульные – 15, чертежники, техники, землемеры и т. п. – 13, монтеры и

водопроводчики – 8, газетчики и продавцы произведений печати – 7, театральные капельдинеры – 6, бухгалтеры и конторщики – 6, парикмахеры – 4, комиссионные и по поставке служащих – 3, дворники и проч. домовая прислуга – 3, по убою скота – 3, полотеры – 3, печники – 2 и, наконец, по одной артели среди банщиков, водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигентных тружеников.

Из производительных товариществ наиболее многочисленными являлись артели лиц, занятых в транспортной промышленности, – 29, по обработке металлов и изготовлению различного рода орудий и машин – 29, официантов, поваров и кондитеров – 29, по изготовлению предметов одежды – 28, обработке дерева – 27, ювелирные – 19, сапожные – 15, переплетные и типографские – 8, кожевенные и скорняжные – 8, кирпичные – 4, мраморные – 4, ткацкие – 3, проч. – 20.

По времени утверждения устава артели распределялись следующим образом:

1880	2	1892	2	1904	7
1881	–	1893	2	1905	11
1882	1	1894	–	1906	17
1883	–	1895	2	1907	22
1884	–	1896	1	1908	50
1885	1	1897	1	1909	70
1886	1	1898	5	1910	79
1887	1	1899	4	1911	45
1888	–	1900	9	1912	44
1889	1	1901	3	1913	36
1890	3	1902	5	1914	18
1891	3	1903	7	Время утверждения неизвестно	33
				Итого	486

Наиболее старыми по этому списку являются трудовые артели посыльных и продавцов произведений печати, с одной стороны, и кустарные – по изготовлению земледельческих орудий – с другой. Следует особо подчеркнуть, что приведенный выше список включал только небольшую часть русских рабочих артелей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Н.В. Калачов

Артели в древней и нынешней России

Печатается по: *Калачов Н.В.* Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864.

КАЛАЧОВ Николай Васильевич (26.05.1819 – 25.10.1885) – историк, юрист, исследователь Русского государства. Учился в Московском университете на юридическом факультете. В 1848 г. с уходом К.Д. Кавелина получил в университете кафедру истории законодательства русского. В 1852 г. ушел из Московского университета. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. Калачов принимал участие в крестьянской и других реформах. В 1877 г. ему удалось основать Археологический институт в С.-Петербурге, при котором Калачов, первый его директор, начал издавать «Сборник Археологического института», а в 1885 г. при институте им было предпринято издание журнала «Вестник археологии и истории».

Сочинения (в хронологическом порядке): «О судебнике царя Иоанна Васильевича и об “Уголовном праве” по этому судебнику»; «Исследование о Русской Правде», ч. I; «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды» (1846, магистерская диссертация); «О значении Кормчей в системе древнего русского права» (1847); «О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси» (1850); «Очерк царствования Федора Алексеевича по актам, собранным археографической комиссией» (1859); «Описание летописных сборников с картинами, находящихся в археографической комиссии» (1859); «Очерк юридического быта великорусских крестьян в XVII в.»; «Артели в древней и нынешней России» (1864); «О значении Карамзина в истории русского законодательства» (1867); «Рядные в смысле свадебных договоров»; «Программа разработки начал русского гражданского права по своду законов с его источниками и по су-

дебным решениям» (1868); «О давности по русскому гражданскому праву» (1868); «Обозрение постановлений о долговых процентах по русскому законодательству» (1868); «Архивы, их государственное значение, состав и устройство»; «Дела сыскного приказа о разбойниках» (1870); «Об отношении обычного права к законодательству» (1875); «Об отношении юридических обычаев к законодательству» (1877); «О волостных и сельских судах в древней и нынешней России» (1880); «К вопросу об издании сельского судебного устава» (1885).

А.А. Исаев
Артели в России

Печатается по: *Исаев А.А.* Артели в России. Ярославль. Типография Губернского правления, 1881.

ИСАЕВ Андрей Алексеевич (19.10.1851 – март 1919) – экономист, исследователь русской артели. Из купеческой семьи. Окончил Петербургский университет; был профессором политической экономии и финансового права в Ярославском Демидовском лицее. Получил степень доктора – за диссертацию «Артели в России» (издана в Ярославле в 1881 г.). Материал для диссертации был собран Исаевым во время его занятий в Московском губернском земстве (с 1875 г.). Читал в качестве приват-доцента лекции по политической экономии в Петербургском университете и по финансовому праву – в Александровском лицее. Покинув лицей в 1897 г., а университет в 1899-м, Исаев в 1899–1904 гг. читал лекции в Париже и Брюсселе, в 1911–1912 гг. – в С.-Петербургском психоневрологическом институте.

Итогом многолетней научной деятельности Исаева стала публикация обобщающего трактата «Начала политической экономии» (М., 1894; СПб., 1894), который выдержал 6 изданий (6-е, переработанное изд., – СПб., 1905) и считался среди специалистов одним из лучших учебных пособий. Исаев сформулировал принципы общей теории распределения: одна часть национального дохода идет на покрытие нужд работающих классов, другая («прибавочная ценность») составляет избыток производства и присваивается предпринимателем. В вопросе о происхождении частной собственности Исаев исходил из т.н. теории закона, согласно которой собственность возникает как результат установления государственной властью определенных правовых норм. В области теории ренты он отрицал экономическое значение частной собственности на землю как условия возникновения ренты, отождествлял последнюю с дифференцированным доходом. Книга «Вопро-

сы социологии» (СПб., 1906) содержит 5 очерков, посвященных проблемам влияния техники и хозяйства на различные стороны культуры, классовых интересов, борьбе социальных групп, отношения между личностью и средой и др. Значительное внимание Исаев уделял вопросам эволюции общины, а также кооперации. Он считал, что только община может защитить русское крестьянство от пролетаризации и стать «существенным приобретением» при переходе России к новому строю, который Исаев определял как совокупность свободных кооперативных хозяйств.

Соч.: «Промыслы Московской губернии» (Т. 1–2. М., 1876–77); «Освобождение крестьян от крепостной зависимости в России» (1881); «Зародыши сельского пролетариата в Ярославской губернии» (1884); «Государственный кредит» (1886); «Очерк теории и политики налогов» (1887); «Большие города и их влияние на общественную жизнь» (1887); «Переселения в русском народном хозяйстве» (1891); «Неурожай и голод» (1892); «Настоящее и будущее русского общественного хозяйства» (СПб., 1896); «О социализме наших дней» (1902); «Вопросы социологии» (СПб., 1906); «Индивидуальность и социализм» (СПб., 1907); «Мировое хозяйство» (СПб., 1910); «Л.Н. Толстой как мыслитель» (1911); «Артели и общественная борьба» (1912); «Забастовки учащихся» (1912); «Кризисы в народном хозяйстве» (СПб., 1913); «Чем объяснить вздорожание жизни?» (1914); «Начала политической экономии» (1–е изд., 1894; 7–е изд., 1908).

В.П. Воронцов

Мелкое производство в России.

Артель в кустарном промысле

Печатается по: *Воронцов В.П.* Мелкое производство в России. Артель в кустарном промысле. С.-Петербург. Типография В. Киришбаума, в д. М-ва фин., на Дворц. площ., 1895.

ВОРОНЦОВ Василий Павлович (1847 – дек. 1918) – ученый, экономист, социолог, по профессии врач. Выступал против развития народного хозяйства России на западных началах, доказывал пагубность насаждения западных форм хозяйствования для народного благосостояния. В своих трудах он неоднократно подчеркивал, что народное производство в России в силу определенных особенностей не подчиняется сформулированным на Западе законам политической экономии, ибо производитель стремится получить лишь массу продуктов, удовлетворяющую его потребности. Это было своеобразное обоснование принципа «нестяжательства».

Показывая пагубность капитализации народного хозяйства России, ведущей к растрате производительных сил общества и к разорению значительной части тружеников, в противовес капитализации хозяйства он предлагал развитие традиционно русских форм хозяйствования – общины, артели, кустарных промыслов народного производства, особое внимание уделял созданию системы менового хозяйства, основанной на единении земледельческой и обрабатывающей промышленности.

Воронцов отвергал неизбежность капитализма для России. Основываясь на факте, что русский народ не только сохранил вплоть до конца XIX в. многие черты общинного быта, давно утраченные др. народами, но еще и развил их дальше, он верил, что это развитие будет продолжаться и в будущем, что воспитание и дисциплинирование русского народа для общественной формы труда происходит и без руководства капитала, силой общины, и выработанный ею артельный дух приведет к той же организации производства, какая была достигнута на Западе при помощи капитала.

Соч.: «Крестьянская община» (М., 1892); «Наши направления» (СПб., 1893); «Очерки кустарной промышленности в России» (СПб., 1886); «Очерки теоретической экономии» (СПб., 1899); «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» (СПб., 1892); «Судьбы капитализма в России» (СПб., 1882).

Ф.А. Щербина
Очерки южнорусских артелей
и общинно-артельных форм

Печатается по: *Щербина Ф.А.* Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса. Типография г. Ульриха, Красный переулок, дом № 3. 1881.

ЩЕРБИНА Федор Андреевич, (*укр.* Федір Андрійович Щербина) (13.02.1849, Новодеревянковская – 28.10.1936, Прага) – кубанский казачий политик и общественный деятель, историк, основоположник российской бюджетной статистики, член-корреспондент Петербургской АН, член Кубанской Рады, глава Верховного суда Кубанской народной республики, поэт, писатель. Много труда Щербина посвятил исследованию земельной общины и артелей (его ст. «Сольвычегодская земельная община» в «Отечеств. записках» за 1874 г. и «Земельная община в Днепровском уезде» в «Русской мысли» за 1880 г. и др.), написал около сотни различных статистических исследований, гл. обр. в области потребления («Крестьянские бюджеты»), по поручению Кубанского казачьего войска занимался составлением истории казачества. По-

мимо основных работ как статистика его труды касаются этнографических, исторических, экономических вопросов.

* Издание С.Ф. Шаповалова.

К.А. Пажитнов
Рабочие артели

Печатается по: *Пажитнов К.* Из истории рабочих артелей на Западе и в России. Пг., 1924.

ПАЖИТНОВ Константин Алексеевич (1.03.1879 – 2.08.1964) – экономист, специалист в области истории народного хозяйства, истории общественной мысли, чл.-корр. АН СССР (1946). В 1907 окончил юридический факультет Московского университета. В 1906 опубликовал исследование «Положение рабочего класса в России» (т. 1–3), выдержавшее затем ряд изданий. В нем показаны условия крепостного и вольнонаемного труда в пореформенный период.

Соч.: «Из истории рабочих артелей на Западе и в России. От утопистов до наших дней» (Пг., 1924); «Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности» (М.; Л., 1940); «Экономические воззрения декабристов» (М., 1945); «Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность» (М., 1958).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азанчеев* – 346, 363,
Аксаков И. С. – 45, 129, 168, 179, 207, 254
Андрей Александрович, Вел. кн. – 87, 89
Антонов Александр, артельщик – 319
Антонов Иван, артельщик – 319
Атальков Иван, пушкарь – 94
Боплан – 488–489
Бутков, артельщик – 110
Бэр Карл, академик – 219, 245–246, 248
Вагнер, экономист – 278
Варзер – 446, 452, 579
Вересай Остап, слепец-кобзарь – 611
Верещагин, артельщик – 109–111, 572
Воронцов М.С., кн. – 638–639
Вреден, проф. – 62, 64, 68, 78–79, 195, 250, 252, 254–255, 257, 284
Всеволод-Гавриил, кн. Новгородский – 25
Вяземский А.А. – 14
Георги Иоганн-Готлиб – 61
Геродот, древнегреческий историк – 512
Герцен А. И., общественный деятель, публицист – 5
Голиков – 98
Гордеев Иван, артельщик – 8
Горошков, артельщик – 193–194
Грамматчиков, начальник Гороблагодатских заводов на Урале – 18, 119, 652–653
Гурин, трактирщик – 123
Даль В. И., российский лексикограф, писатель, врач – 8
Данилевский Г.П. – 40, 93, 189, 214
Дитятин, проф. – 62, 77–79, 185
Дубенский – 51, 127
Евсигнеев Егор – 144
Егоров Григорий, артельщик – 319
Екатерина II – 13, 15, 524, 526
Жуков Якунка, тотемский носик – 636
Зеленкевич – 530–531
Зернов – 120, 265–267
Иван Богуславец, чумацкий атаман – 485
Иоанн Данилович, Вел. кн. – 87
Казаченко – 337
Калачов Н.В., историк, юрист, археограф, архивист – 25, 61–67, 77–78, 95, 122, 182, 310, 492, 503505, 532, 657, 662
Канкрин Егѳр Францевич (Георг Людвиг) – 99
Карпов – 127, 314
Катаев Н. – 20

- Коробов Ив.*, торговый человек – 636
Костомаров Н.А., историк – 103, 418, 420, 512
Красноперов – 336
Крупн Фридрих, немецкий промышленник – 249
Лассаль Фердинанд (Ferdinand Lassalle), немецкий социалист – 107
Лепехин И.И., естествоиспытатель, путешественник – 61, 216
Лугинин – 108–109
Лысковец Василий Обросимов – 28
Максимов С.В., писатель-этнограф – 39, 608
Максимович – 418–421, 485,
Маркова – 55,
Маторин, колокольный мастер – 29, 84, 636
Мейер Генрих, банкир – 98
Мельников, артельщик – 52, 122
Менделеев Д. И., ученый – 19
Мещерский А.А., кн. – 288, 303, 305, 317, 382
Миль Джон Стюарт, английский мыслитель и экономист – 256
Михаил Андреевич, кн. Белозерский – 88
Модзалевский К.И. – 288, 303, 382
Мусатов И. М., коммиссионер – 319
Небольсин П. И., этнограф, исследователь Сибири – 53, 127, 129, 240
Немиров – 62, 98, 138–148, 151–155, 159–163, 167–169, 172–179, 181, 185–187, 194, 199–203, 212, 218–219, 229–231, 243–244, 247, 257
Нестерова, владелица рудников – 647–648
Оболенская С. П., княгиня – 55
Обросимов Василий, приказчик, торговый человек из ярыжных – 28, 634
Огородников – 62, 104, 138, 147, 150, 160, 173, 177, 179, 182, 191, 206, 214, 234, 245
Ознобишин – 51
Паллас Петр, естествоиспытатель и путешественник – 61
Пахман – 62, 64, 66–67, 194, 472
Петр I – 13, 32, 98, 254
Петров Вахрамей, торговый человек, иноземец – 635–636
Петровский, канцелярист – 643
Плюшар А.А., издатель – 61, 64, 77
Погодин М.П., историк, публицист, беллетрист, издатель, профессор Московского ун-та – 61
Полторацкая, помещица, владелица Красносельской бумажной фабрики близ Петербурга – 494
Поночки, королевский секретарь времен Хмельницкого –
Попов – 162, 179, 218, 233, 247, 255
Протопопов, артельщик – 118
Прыжов И. Г. – 6
Рубриквис – 484
Рудченко И. – 483, 489, 494, 489, 494–496, 499, 501, 503
Сабанин, помещик – 31, 96
Савинов – 51, 126
Сазонов – 63, 189, 219, 352, 366
Самсоновы, артельщики – 291
Связев – 64, –66, 77–78
Седельников, артельщик – 111
Сельский – 41
Сен-Симон Анри, французский мыслитель, социолог, социалист-утопист – 269
Скальковский – 86, 418, –424, 437, 485, 487–488, 493, 496, 512–514, 523, 526
Слобожанин М. – 6–8, 21–22
Соколов – 54
Сорокин, купец – 56

- Страбон*, древнегреческий географ, историк – 512
- Татищев* – 246
- Толь К.Ф.*, граф, главноуправляющий путями сообщения – 639–640
- Усов* – 77, 79
- Федор Алексеевич*, царь – 657
- Федоров* – 175–181, 185, 203, 205, 213, 218–219, 232, 235, 242, 244, 254
- Федоров Карп*, артельщик – 8
- Фирс*, архимандрит Соловецкого монастыря – 96
- Фурье Шарль*, французский философ, социолог, один из представителей утопического социализма – 269
- Харизоменов* – 318–319
- Хлебников*, владелец Красносельской бумажной фабрики близ Петербурга – 651
- Черноятов* – 235
- Чичерин*, воевода – 94
- Шамантьев*, артельщик – 182
- Шатаев*, артельщик – 110
- Шейрман*, владелец рудников – 647
- Шликевич* – 135, 138, 140, 157, 197, 212, 233, 568, 571
- Шмоллер Густав фон*, немецкий экономист, историк, государственный и общественный деятель – 256
- Шрейдер* – 367, 371
- Шульце-Гевеверниц Г.*, проф. – 7
- Шульце-Деличе Герман*, немецкий экономист и политический деятель – 82, 107–108, 194, 269–272, 274
- Энгельгардт А.Н.*, агрохимик – 125, 396
- Якушкин Е.И.*, этнограф – 62–63, 134, 155, 159, 161, 164

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

АРТЕЛИ В ДРЕВНЕЙ И НЫНЕШНЕЙ РОССИИ

<i>Калачов Николай Васильевич (1819–1885)</i>	25
---	----

I	25
---------	----

1. Артели ярыжных	28
2. Артели каменщиков	29
3. Артели плотничьи	30
4. Артели рыболовов	30
5. Артели бортников	30
6. Артели чернорабочих	31
7. Артели кортомщиков	31
8. Артели извозчиков	32

II	32
----------	----

1. Артели биржевые	34
2. Артели для рыболовного и звериного промыслов	39
3. Артели бурлаков	42
4. Артели торговые	45
5. Артели чумаков и возчиков	47
6. Артели ремесленников и сельских рабочих	49
7. Артели на Урале для выставки войск	53
8. Артели нищих	54
9. Артели продовольственные или потребительные	54

III	56
-----------	----

АРТЕЛИ В РОССИИ

<i>Исаев Андрей Алексеевич (1851–1919)</i>	61
--	----

Предисловие	61
-------------------	----

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Определение артели. Классификация артелей	63
ГЛАВА ВТОРАЯ. Исторические сведения об артелях в России	82
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Образование артелей. Прием членов. Их обязанности и права; выход и исключение. Число членов артелей.....	131
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Исполнительная власть в артелях. Контроль. Общее собрание	156
ГЛАВА ПЯТАЯ. Ответственность членов перед артелью. Наемные рабочие. Внешние отношения артелей. Круговая порука	178
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Капиталы артелей. Распределение дохода.....	195
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Отношение к артелям нашего законодательства.....	220
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Влияние артелей	230
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Область приложения промышленных артелей.....	253
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Промышленные артели в России и Западной Европе	267
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Что можно сделать для развития артелей?....	275

МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ

<i>Воронцов Василий Павлович (1847–1918)</i>	288
I. Артель в кустарном промысле	288
Предисловие	288
ГЛАВА I. Происхождение и первоначальная история коренных переделов земли	290
ГЛАВА II. Идея передела в общине в новейшее время	312
ГЛАВА III. Борьба за передел и условия, так или иначе влияющие на процесс его приготовления	343
ГЛАВА IV. Индивидуалистические течения в современной общине	383

ОЧЕРКИ ЮЖНОРУССКИХ АРТЕЛЕЙ И ОБЩИННО-АРТЕЛЬНЫХ ФОРМ

<i>Щербина Федор Андреевич (1849–1936)</i>	409
От издателя	409
От автора.....	409
Южнорусские артели и общинно-артельные формы.....	410
Артели типа Запорожской Сечи	483
1. Чумацкие валки и ватаги	483

2. Забродческие ватаги	510
3. Артели запорожских охотников	522
4. Общество днепровских лоцманов	524
5. Артели днепровских речных рабочих и матросов	529
6. Артели малорусских торговцев-ходебщиков	532
Артели переходно-смешанного типа	533
1. Крымские солепромышленные артели	533
2. Косарские артели	544
Земледельческие и сельскохозяйственные артели или общинно-артельные формы	551
1. Толока	551
2. Обычай «спрягаться»	556
3. Артели половинщиков и артели с части	562
4. Артели неженских табачниц	568
5. Гуртова	572
6. Арендаторские артели	576
7. Новейшие земледельческие артеле-общинные формы	582
8. Артели чередников	587
9. Почтовые артели	591
Артели великорусского типа	593
1. Артель севастопольских лодочников	593
2. Артели бендюжников, или дрогалей	597
3. Артели плотников и каменщиков	602
Разные артели	606
1. Батальонные артели	606
2. Артели нищих	608
Приложения. (Отартельные формы)	612
1. Рождественские складки	612
2. Следы артельной организации чабанов	622
3. Организация конокрадов и скотокрадов в Кубанской области	625
РАБОЧИЕ АРТЕЛИ	
<i>Пажитнов Константин Алексеевич (1879–1964)</i>	634
ПРИМЕЧАНИЯ	657
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	662

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 90 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 25.10.2012 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 44,4 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершённым сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.

Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)